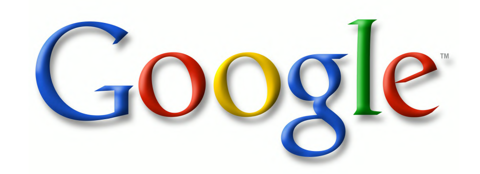
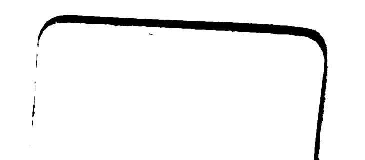

VE RI
TAS

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ XVI.

1908.

ІЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1908.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

I. Именные высочайшіе указы, данные Правительствующему Сенату. 3
II. Узаконенія . . . . —
III. Высочайшія повелѣнія 9
IV. Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія 10
V. Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія 25
VI. Примѣрная програма курса исторіи XIX вѣка для дополнительнаго класса реальныхъ училищъ 29
VII. Опредѣленія основного отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. 33
VIII. Опредѣленія отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. по начальному образованію 40
Списокъ книгъ, разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ 47

Ѳ. И. Леонтовичъ. Правоспособность литовско-русской шляхты (*продолженіе*) 1
В. П. Клингеръ. Происхожденіе элегіи 57
В. Г. Ляскоронскій. Къ вопросу о битвѣ кн. Витовта съ татарами на р. Ворсклѣ въ 1399-мъ году 70
Н. Г. Дебольскій. О нѣкоторыхъ основныхъ понятіяхъ философіи . 78
Л. П. Карсавинъ. Speculum perfectionis и его источники 103

Критика и библіографія.

В. Н. Александренко. Изъ исторіи Варшавскаго университета . . 142
Н. Л. *Н. Котляревскій.* Старинные портреты. С.-Пб. 1907. . . . 153
Ф. Ф. Зигель. Corpus juris polonici. Crac. 1906 157
В. Ф. Левитскій. *А. Н. Анциферовъ.* Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи. Воронежъ. 1907 163
Н. К. Грунскій. *А. Ветуховъ.* Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова. Варшава. 1907 178
— *П. Орѣшковъ.* Отношенията на старобългарскитѣ паметници към епентетично л. Соф. 1907 182
— Книжныя новости 185

Отдѣлъ по народному образованію.

А. Ф. Лазурскій. Школьныя характеристики (*окончаніе*) . . . 1
Д. И. Поддерегинъ. Коллективное страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ учащихъ и учащихся 40
И. Оренбургскій. Принципы моральной философіи М. Гюйо . . 65

См. 3-ю страницу обложки.

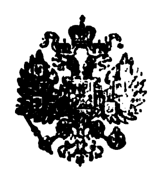
ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ XVI.

1908.

ІЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1908.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ,

данные правительствующему сенату.

1. (4-го іюня 1908 года). „Ординарному профессору Императорскаго Варшавскаго университета, доктору медицины, дѣйствительному статскому совѣтнику *Щербакову*—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть попечителемъ Одесскаго учебнаго округа".

2. (4-го іюня 1908 года). „Попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Бобровникова* — Всемилостивѣйше увольняемъ отъ службы, согласно прошенію, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ".

3. (4-го іюня 1908 года). „Попечителя Рижскаго учебнаго округа, статскаго совѣтника *Левшина* — Всемилостивѣйше увольняемъ отъ службы, согласно прошенію".

II. УЗАКОНЕНІЯ.

1. (28-го апрѣля 1908 года). *Объ отпускѣ изъ казны средствъ на содержаніе VII и VIII классовъ Луцкой мужской гимназіи, преобразуемой изъ шестиклассной прогимназіи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ селѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ".
28-го апрѣля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ казны средствъ на содержаніе VII и VIII классовъ Луцкой мужской гимназіи, преобразуемой изъ шестиклассной прогимназіи.

1. Отпустить въ 1908 году изъ средствъ государственнаго казна-

чейства *три тысячи восемьсотъ шестьдесятъ девять* рублей *сорокъ одну* копѣйку на содержаніе VII и VIII классовъ Луцкой гимназіи и *четыре тысячи* рублей на устройство при названной гимназіи физическаго кабинета, съ отнесеніемъ послѣдняго расхода на кредитъ, ассигнуемый министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

II. Отпускать, начиная съ 1909 года, изъ средствъ государственнаго казначейства по *четыре тысячи восемьсотъ девятнадцати* рублей *сорока одной* копѣйкѣ въ годъ на содержаніе VII и VIII классовъ Луцкой гимназіи.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 23-го мая 1908 г., № 73, ст. 445).

2. (9-го мая 1908 года). *Объ учрежденіи учительскихъ семинарій въ городахъ Архангельскѣ, Арзамасѣ, Костромѣ, Перми, Никольскѣ-Уссурійскомъ и въ селѣ Потокахъ, Винницкаго уѣзда, Подольской губерніи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Царскомъ Селѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*".

9-го мая 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ учрежденіи учительскихъ семинарій въ городахъ Архангельскѣ, Арзамасѣ, Костромѣ, Перми, Никольскѣ-Уссурійскомъ и въ селѣ Потокахъ, Винницкаго уѣзда, Подольской губерніи.

I. Учредить учительскія семинаріи въ городахъ: Архангельскѣ — съ 1-го сентября 1908 года, Арзамасѣ, Нижегородской губерніи, Костромѣ, Перми и Никольскѣ-Уссурійскомъ, Приморской области, — съ 1-го іюля 1908 года, съ распространеніемъ на означенныя учебныя заведенія дѣйствія Высочайше утвержденныхъ, 11-го марта 1902 года, правилъ и штата учительскихъ семинарій (П. С. З. № 21199).

II. Предоставить министру народнаго просвѣщенія, въ случаѣ утвержденія положенія о женскихъ учительскихъ семинаріяхъ, открыть въ упомянутыхъ городахъ мужскія или женскія семинаріи сообразно мѣстнымъ потребностямъ.

III. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году на содержаніе поименованныхъ въ отдѣлѣ I семинарій и на наемъ для нихъ помѣщеній *шестьдесятъ шесть тысячъ девять-*

сотъ рублей, въ томъ числѣ: для Архангельской — 9.400 рублей, Арзамасской — 15.000 рублей, Костромской — 12.600 рублей, Пермской — 14.500 рублей и Никольско-Уссурійской — 15.400 рублей.

IV. Отпустить въ 1908 году изъ средствъ государственнаго казначейства *двадцать четыре тысячи* рублей на содержаніе учительской семинаріи въ селѣ Потокахъ, Винницкаго уѣзда, Подольской губерніи.

V. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1909 года, ежегодно на содержаніе Архангельской, Арзамасской, Костромской, Пермской и Потокской учительскихъ семинарій по 24.000 рублей на каждую и Никольско-Уссурійской — 29.300 рублей, а на наемъ помѣщеній для семинарій: Архангельской въ 1909 году — 4.200 рублей и, начиная съ 1910 года, по 4.800 рублей въ годъ, Арзамасской, начиная съ 1909 года, по 6.000 рублей въ годъ, Костромской, начиная съ 1909 года, по 2.400 рублей въ годъ, Пермской, начиная съ 1909 года, по 5.000 рублей въ годъ и Никольско-Уссурійской въ 1909 и 1910 годахъ по 1.500 рублей въ годъ и, начиная съ 1911 года, по 6.000 рублей въ годъ, а всего на содержаніе означенныхъ семинарій и наемъ для нихъ помѣщеній: въ 1909 году, *сто шестьдесятъ восемь тысячъ четыреста* рублей, въ 1910 году — *сто шестьдесятъ девять тысячъ* рублей и, начиная съ 1911 года,— по *сто семьдесятъ три тысячи пятьсотъ* рублей въ годъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 27-го мая 1908 г., № 76, ст. 514).

3. (9-го мая 1908 года). *Объ отпускѣ состоящему при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ обществу археологіи, исторіи и этнографіи по 600 рублей въ годъ въ теченіе пяти лѣтъ, начиная съ 1908 года.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Царскомъ Селѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

9-го мая 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ состоящему при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ обществу археологіи, исторіи и этнографіи по 600 рублей въ годъ въ теченіе пяти лѣтъ, начиная съ 1908 года.

Отпускать, начиная съ 1908 года, изъ средствъ государственаго казначейства въ теченіе пяти лѣтъ по *шестисотъ* рублей въ годъ въ

пособіе состоящему при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ обществу археологіи, исторіи и этнографіи.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 517).

4. (9-го мая 1908 года). *Объ отпускѣ изъ казны 5.000 рублей на пріобрѣтеніе инструментовъ для геологическаго музея Императорской академіи наукъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Царскомъ Селѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*".

9-го мая 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ казны 5.000 рублей на пріобрѣтеніе инструментовъ для геологическаго музея Императорской академіи наукъ.

Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 г. *пять тысячъ* рублей на пріобрѣтеніе инструментовъ для геологическаго музея Императорской академіи наукъ съ обращеніемъ этого расхода на кредиты, отпускаемые въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 518).

5. (9-го мая 1908 года). *О продажѣ Одесскому городскому общественному управленію участка земли, принадлежащаго Новороссійскому университету, и объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на строительныя нужды названнаго университета.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Царскомъ Селѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*".

9-го мая 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о продажѣ Одесскому городскому общественному управленію участка земли, принадлежащаго Новороссійскому университету, и объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на строительныя нужды названнаго университета.

I. Продать Одесскому городскому общественному управленію при-

надлежащій Новороссійскому университету въ городѣ Одессѣ, на Маломъ Фонтанѣ, участокъ земли, мѣрою 566,61 квадратныхъ саженъ, при условіи уступки означеннымъ городскимъ управленіемъ названному университету изъ Мало-Фонтанской дороги 4,73 квадратныхъ сажени земли, смежной съ принадлежащей университету территоріей.

II. Обратить въ доходъ казны имѣющую поступить отъ продажи означеннаго участка сумму въ 2.809 рублей 40 копѣекъ.

III. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на устройство передъ ботаническимъ садомъ и метеорологической обсерваторіей Новороссійскаго университета каменной ограды съ воротами сумму, равную вырученной отъ продажи означеннаго въ отдѣлѣ I участка земли, но не свыше *двухъ тысячъ восьмисотъ девяти рублей сорока копѣекъ*, съ отнесеніемъ означеннаго расхода на счетъ кредита, отпускаемаго въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 520.)

6. (9-го мая 1908 года). *Объ отпускѣ средствъ на содержаніе состоящей при Курской учительской семинаріи Семеновской метеорологической обсерваторіи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Царскомъ Селѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*".
9-го мая 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ средствъ на содержаніе состоящей при Курской учительской семинаріи Семеновской метеорологической обсерваторіи.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1908 года, въ теченіе двухъ лѣтъ, по *одной тысячѣ триста двадцати* рублей въ годъ на содержаніе состоящей при Курской учительской семинаріи Семеновской метеорологической обсерваторіи.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 521).

7. (9-го мая 1908 года). *Объ учрежденіи при Новгородской учительской семинаріи, содержимой на земскія средства, должности учителя пѣнія съ правами, присвоенными этой должности въ учительскихъ семинаріяхъ министерства народнаго просвѣщенія, и о предоставленіи министру народнаго просвѣщенія права учрежденія таковыхъ должностей при однородныхъ учебныхъ заведеніяхъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Царскомъ Селѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*".
9-го мая 1908 года.
Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ учрежденіи при Новгородской учительской семинаріи, содержимой на земскія средства, должности учителя пѣнія съ правами, присвоенными этой должности въ учительскихъ семинаріяхъ министерства народнаго просвѣщенія, и о предоставленіи министру народнаго просвѣщенія права учрежденія таковыхъ должностей при однородныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

I. Присвоить должности учителя пѣнія въ содержимой на средства Новгородскаго земства въ с. Григоровѣ, Новгородской губерніи, учительской семинаріи служебныя и пенсіонныя права, предоставленныя дополненіемъ 4 (по прод. 1906 г.) къ статьѣ 384 уст. пенс. (свод. зак., т. III) и статьею 2396 (по прод. 1906 г.) уст. уч. завед. (свод. зак., т. XI, ч. 1) учителямъ пѣнія въ учительскихъ семинаріяхъ министерства народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобы пенсія по означенной должности назначалась изъ средствъ мѣстнаго земства.

II. Предоставить министру народнаго просвѣщенія право на указанныхъ основаніяхъ учреждать должности учителей пѣнія и въ другихъ семинаріяхъ того же типа, содержимыхъ на счетъ мѣстныхъ источниковъ, въ случаѣ согласія на сіе подлежащихъ земствъ и обществъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 523).

III. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (10-го марта 1908 года). *О включеніи въ составъ училищнаго совѣта Виленской дирекціи народныхъ училищъ одного представителя отъ города Вильны.*

Совѣтъ министровъ полагалъ:

На основаніи статьи 11 основныхъ государственныхъ законовъ, изданія 1906 года, постановить:

Въ составъ училищнаго совѣта Виленской дирекціи народныхъ училищъ, при разсмотрѣніи дѣлъ, касающихся училищъ, входящихъ въ Виленскую городскую черту, включается, на правахъ члена, одинъ представитель отъ города Вильны, избираемый мѣстною городскою думою и утверждаемый губернаторомъ.

Государь Императоръ, въ 10-й день марта 1908 года, положеніе сіе Высочайше утвердить соизволилъ.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 23-го мая 1908 г., № 74, ст. 418).

2. (10-го ноября 1907 года). *О присвоеніи Старобѣльской женской гимназіи, въ ознаменованіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества манифеста 17-го октября 1905 года, наименованія „Николаевская“.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 10-й день ноября 1907 г., Высочайше соизволилъ на присвоеніе Старобѣльской женской гимназіи, въ ознаменованіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества манифеста 17-го октября 1905 года, наименованія „Николаевская“.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 23-го мая 1908 г., № 75, ст. 459).

3. (24-го ноября 1907 года). *О присвоеніи Кіевскому народному дѣтскому саду Имени Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 24-й день ноября 1907 г., Высочайше соизволилъ на присвоеніе Кіевскому народному дѣтскому саду наименованія по Августѣйшему Имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

(Тамъ же, ст. 460).

4. (22-го декабря 1907 года). *О присвоеніи Глазовской женской гимназіи Имени въ Бозѣ почивающаго Императора Александра Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 22-й день декабря 1907 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Глазовской женской гимназіи Имени въ Бозѣ почивающаго Императора Александра Николаевича въ память исполнившагося пятидесятилѣтія со дня начала Его царствованія.

(Тамъ же, ст. 461).

5. (25-го января 1908 года). *О присвоеніи Корочанской женской гимназіи имени почетнаго гражданина гор. Корочи Д. К. Кромскаго.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 25-й день января 1908 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Корочанской женской гимназіи имени почетнаго гражданина гор. Корочи Д. К. Кромскаго.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 20-го мая 1908 г., № 71, ст. 439).

IV. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(3-го мая 1908 года, № 27). По С.-Петербургскому учебному округу *производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассесоры*, директоръ Архангельскаго низшаго механико-техническаго училища, инженеръ-электрикъ *Пономаревъ*—съ 7-го августа 1903 г.

По Варшавскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: завѣдывающій общежитіемъ для студентовъ Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства *Володинъ*—съ 4-го декабря 1907 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Варшавской губерніи *Кузенковъ*—съ 1-го августа 1907 г. и учитель Варшавской 5-й мужской гимназіи *Аппель*—съ 3-го августа 1907 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: учителя: мужскихъ гимназій: Варшавской 1-й: *Жигаревъ*—съ 25-го іюня 1907 г. и *Никольскій*—съ 1-го сентября 1907 г., реальныхъ училищъ: Варшавскаго: *Лебедевъ*—съ 10-го сентября 1907 г. и *Старосивильскій*—съ 25-го января 1908 г., Ловичскаго, *Афанасьевъ*—

съ 1-го августа 1906 г. и Калишскаго, *Рейманъ* — съ 1-го августа 1907 г., Грубешовской прогимназіи: *Кончукъ*—съ 21-го сентября 1906 г. и *Попель*—съ 1-го января 1907 г., учительскихъ семинарій: Холмской, *Тремко*—съ 1-го іюля 1906 г. и Солецкой, *Доминскій*—съ 1-го сентября 1907 г. и Варшавской 3-й женской гимназіи, *Москвинъ*—съ 1-го октября 1907 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: исправляющій должность младшаго астронома-наблюдателя Императорскаго Варшавскаго университета *Пархомовъ*—съ 1-го ноября 1907 г.; штатный ординаторъ при терапевтической клиникѣ того же университета *Кренцкій*—съ 15-го іюня 1907 г.; учителя: Варшавской 6-й мужской гимназіи, *Ястребовъ*—съ 25-го сентября 1907 г., Варшавскаго реальнаго училища: *Чайковскій*—съ 27-го ноября 1907 г. и *Утке*—съ 30-го октября 1907 г., женскихъ гимназій: Варшавской 3-й, *Мозолевскій*—съ 1-го сентября 1900 г. и Петроковской, *Левицкій*—съ 15-го августа 1907 г., женскихъ прогимназій (завѣдывающіе): Варшавскою, *Несторовскій*—съ 1-го декабря 1901 г. и Ловичскою, *Сивицкій*—съ 1-го августа 1906 г.; врачи: Лодзинскаго мануфактурно-промышленнаго училища, *Висневскій*—съ 13-го января 1905 г. и Сандомирской прогимназіи, *Самборскій*—съ 13-го мая 1906 г.; учитель-инспекторъ Августовскаго четырехкласснаго городского училища *Костылевъ*—съ 25-го августа 1904 г.; учителя городскихъ училищъ: Лодзинскаго Александровскаго четырехкласснаго, *Данилевскій*—съ 1-го сентября 1907 г. и Плоцкаго трехкласснаго, *Игнатьевъ*—съ 21-го сентября 1907 г.; надзиратель Радомскаго ремесленнаго училища *Никольскій*—съ 10-го іюля 1907 г. и помощникъ классныхъ наставниковъ Замостской мужской прогимназіи *Харламповичъ*—съ 11-го августа 1907 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: управляющій имѣніемъ Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства *Пежемскій*—съ 21-го сентября 1907 г.; штатные ординаторы Императорскаго Варшавскаго университета при клиникахъ: госпитальной хирургической, *Чарковскій*—съ 1-го января 1903 г. и нервныхъ и душевныхъ болѣзней, *Капланъ*—съ 1-го марта 1906 г.; бывшій штатный ординаторъ при акушерской клиникѣ того же университета, нынѣ въ отставкѣ, *Луневскій*—съ 15-го марта 1906 г. и бывшіе сверхштатные ординаторы того же университета, при клиникахъ: душевныхъ и нервныхъ болѣзней, нынѣ въ отставкѣ, *Якубовичъ*—съ 27-го января 1903 г. и факультетской терапевтической, нынѣ въ отставкѣ, *Пименовъ*—съ 15-го марта 1906 г.; штатный учитель Варшавской 4-й женской гимназіи *Каминскій*—съ 11-го іюля 1904 г.; учитель-

руководитель Варшавской учительской семинаріи *Дейнека*—съ 1-го августа 1905 г.; врачъ Петроковской мужской гимназіи *Вноровскій*—съ 1-го декабря 1904 г.; учитель Варшавскаго шестиклассного городского училища *Гурскій*—съ 10-го сентября 1905 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Варшавской 5-й мужской гимназіи, *Галайша*—съ 1-го ноября 1907 г. и Грубешовской мужской прогимназіи, *Левитскій*—съ 1-го августа 1905 г. и учитель приготовительнаго класса Петроковской мужской гимназіи *Куновъ*—съ 1-го сентября 1905 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: ассистенты Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства при каѳедрахъ: органической химіи и сельско-хозяйственнаго химическаго анализа, *Пищимука*—съ 16-го декабря 1907 г. и лѣсоупотребленія съ энциклопедическимъ курсомъ лѣсныхъ наукъ, *Яхонтовъ*—съ 16-го ноября 1907 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Ченстоховской мужской гимназіи, *Лупикъ*—съ 1-го января 1906 г. и Сосновицкаго реальнаго училища, *Яковлевъ*—съ 1-го октября 1905 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: ассистентъ Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства при каѳедрѣ физіологіи животныхъ *Кронштадтъ*—съ 16-го ноября 1907 г. и учитель приготовительнаго классса Сандомирской прогимназіи *Загоровскій*—съ 1-го ноября 1903 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: дѣлопроизводитель Ломжинской учебной дирекціи *Валинскій*—съ 1-го ноября 1907 г.; учитель Лодзинскаго Александровскаго четырехклассного городского училища *Крыжановскій*—съ 1-го мая 1905 г.; бывшій учитель пѣнія Бѣльской учительской семинаріи, нынѣ помощникъ классныхъ наставниковъ Сѣдлецкой мужской гимназіи, *Вершинскій*—съ 26-го декабря 1901 г. и помощникъ учителя Лодзинскаго Александровскаго четырехклассного городского училища *Загрива*—съ 19-го января 1905 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: бухгалтеръ канцеляріи Ломжинской учебной дирекціи *Юркевичъ*—съ 11-го октября 1907 г.; помощникъ дѣлопроизводителя канцеляріи Варшавской учебной дирекціи *Чепикъ*—съ 5-го октября 1906 г.; учитель Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ *Бенедиктовъ*—съ 5-го октября 1906 г.; письмоводитель и бухгалтеръ Холмскаго Маріинскаго женскаго училища *Яковлевъ*—съ 1-го мая 1904 г.; письмоводитель Плоцкой мужской гимназіи *Бохоновичъ*—съ 5-го октября 1906 г. и канцелярскій служитель правленія Императорскаго Варшавскаго университета *Новицкій*—съ 28-го сентября 1907 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго асе-*

ссора: учителя: мужскихъ гимназій: Петроковской, *Дворжецкій-Богдановичъ*—съ 1-го августа 1903 г.; Бѣльской: *Аннинъ*—съ 1-го августа 1893 г. и *Лекторскій*—съ 1-го августа 1903 г., Варшавской 2-й женской гимназіи, *Дубровскій*—съ 5-го марта 1904 г. и Ловичскаго реальнаго училища, *Адамскій*—съ 1-го сентября 1903 г.; *титулярнаго совѣтника*: бывшій сверхштатный ординаторъ при факультетской терапевтической клиникѣ Императорскаго Варшавскаго университета, нынѣ въ отставкѣ, *Цитерманъ*—съ 31-го октября 1902 г., по степени лекаря; завѣдывающій Олькушскою низшею ремесленною школою *Яковлевъ*—съ 1-го іюня 1901 г.; *коллежскаго секретаря*: ассистенты Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства при каѳедрахъ: органической химіи и сельско-хозяйственнаго химическаго анализа, *Тихвинскій*—съ 1-го мая 1907 г., зоологіи, *Яцентковскій*—съ 1-го сентября 1907 г., оба по дипломамъ первой степени Императорскаго университета, и общаго земледѣлія, *Панковъ*—съ 1-го сентября 1907 г., по званію ученаго агронома перваго разряда; помощники классныхъ наставниковъ: Варшавской 2-й мужской гимназіи, *Бардовскій*—съ 1-го августа 1903 г. и Сосновицкаго реальнаго училища, *Балковскій*—съ 15-го августа 1903 г.; штатный преподаватель Варшавской школы садоводства *Вышинскій*—съ 1-го іюня 1900 г.; *губернскаго секретаря*: учителя: приготовительнаго класса Ченстоховской гимназіи, *Ѳедоренко*—съ 11-го сентября 1903 г. и образцоваго при Холмской учительской семинаріи училища, *Мангисъ*—съ 16-го августа 1902 г.

(17-го мая 1908 года, № 31). *Назначаются*: директоры: Варшавской шестой гимназіи, завѣдывающій Варшавскою третьею женскою гимназіею и Варшавскою учительскою семинаріею, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Верещагинъ*, Варшавскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь *Аргутинскій-Долгоруковъ* и Варшавской третьей гимназіи, статскій совѣтникъ *Шимановскій*, директорами: Верещагинъ — Варшавскаго реальнаго училища, князь Аргутинскій-Долгоруковъ — Люблинской гимназіи и Шимановскій — Варшавской шестой гимназіи, завѣдывающимъ Варшавскою третьею женскою гимназіею и Варшавскою учительскою семинаріею; доктора медицины, экстраординарные профессора Императорскаго Харьковскаго университета: статскій совѣтникъ *Оршанскій* и коллежскіе совѣтники: *Георгіевскій* и *Троицкій*—ординарными профессорами того же университета, по каѳедрамъ: первый—систематическаго и клиническаго ученія о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ, второй — терапевтической

госпитальной клиники и послѣдній—акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней.

Утверждается, согласно избранію, начальникъ Костромско-Ярославскаго управленія земледѣлія и государственныхъ имуществъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дмитріевъ*—почетнымъ попечителемъ Костромской гимназіи, на три года, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности.

Перемѣщается директоръ Люблинской гимназіи, статскій совѣтникъ *Некрасовъ*—директоромъ Варшавской третьей гимназіи.

Увольняется отъ службы, за выслугою срока, ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ политической экономіи, статскій совѣтникъ *Федоровичъ*.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: директоры: Лебединской гимназіи, *Степановъ*—съ 16-го іюня 1906 г. и Ростовскаго-на-Дону Петровскаго реальнаго училища, *Липицкій* — съ 18-го февраля 1908 г.; экстраординарные профессоры: Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ всеобщей исторіи *Гриммъ*—съ 1-го января 1907 г. и Демидовскаго юридическаго лицея (исправляющій должность) *Орженцкій* — съ 19-го декабря 1907 г. и библіотекарь и приватъ-доцентъ Императорскаго Юрьевскаго университета *Шлютеръ*—съ 4-го ноября 1907 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія *Станкевичъ*—съ 1-го марта 1908 г. и исправляющій должность доцента Демидовскаго юридическаго лицея *Шмидтъ*—съ 1-го марта 1906 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, вычислитель Николаевской главной астрономической обсерваторіи *Каменскій* — съ 1-го января 1908 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *статскаго совѣтника*: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ, коллежскіе совѣтники: С.-Петербургскаго, докторъ международнаго права, баронъ *Таубе* — съ 22-го апрѣля 1906 г. и Харьковскаго, докторъ гражданскаго права, *Гордонъ*—съ 5-го февраля 1907 г. и профессоръ Рижскаго политехническаго института, гражданскій инженеръ, коллежскій совѣтникъ *Книшъ*—съ 1-го іюля 1907 г.; *коллежскаго совѣтника*: экстраординарные профессоры: Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго (исправляющій должность), магистръ римскаго права *Пергаментъ*—съ 1-го марта 1903 г. и Юрьевскаго, магистръ минералогіи и геогнозіи, коллежскій ассессоръ *Михайловскій* — съ 5-го сен-

тября 1905 г. и Демидовскаго юридическаго лицея (исправляющій должность), магистръ государственнаго права, коллежскій ассессоръ *Тарановскій* — съ 5-го ноября 1906 г.; адъюнктъ-профессоръ Рижскаго политехническаго института, инженеръ-технологъ *Витлихъ* (онъ же Витсутъ)—съ 1-го іюля 1905 г.

По С.-Петербургскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: преподаватели технологическаго института Императора Николая I, *Михельсонъ* — съ 5-го февраля 1908 г., гимназіи Императорскаго человѣколюбиваго общества, *Болотновъ*—съ 9-го октября 1907 г.: воспитатели при пансіонахъ С.-Петербургскихъ гимназій: 3-й, *Соколовъ*—съ 14-го марта 1908 г., Императорскаго человѣколюбиваго общества, *Рагозинъ*—съ 10-го ноября 1907 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: преподаватели технологическаго института Императора Николая I, *Гололобовъ*—съ 3-го марта 1908 г., С.-Петербургскихъ гимназій: Введенской, сверхштатный, *Бачинскій* — съ 15-го ноября 1907 г., частной женской кн. Оболенской, *Гроссманъ*—съ 24-го февраля 1908 г.; наставникъ Петрозаводской учительской семинаріи *Крыловъ*—съ 20-го января 1908 г.; врачъ С.-Петербургскаго Воздвиженскаго городского училища *Жебровъ*—съ 4-го мая 1907 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: сверхштатный лаборантъ технологическаго института Императора Николая I *Шапошниковъ* — съ 1-го января 1908 г.; преподаватели реальныхъ училищъ: Выборгскаго, *Масловскій*—съ 31-го августа 1905 г., Царскосельскаго Императора Николая II, *Поповъ* — съ 1-го августа 1907 г.; врачъ С.-Петербургскаго женскаго училища Принцессы Терезіи Ольденбургской *Яковлевъ*—съ 5-го февраля 1907 г.; учитель-инспекторъ Павловскаго городского училища *Голубевъ*—съ 1-го сентября 1905 г.; учителя С.-Петербургскихъ городскихъ училищъ: Благовѣщенскаго, *Чернышевъ*—съ 16-го февраля 1907 г., Свято-Троицкаго, *Галанинъ*—съ 1-го августа 1907 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: бывшій учитель С.-Петербургскаго Рождественскаго городского училища, нынѣ въ отставкѣ, *Козыревъ*—съ 23-го октября 1902 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учителя городскихъ училищъ: С.-Петербургскихъ: Андреевскаго, *Рожевицъ*—съ 1-го іюля 1904 г., Казанскаго, *Разумовъ*—съ 1-го іюля 1905 г., *Софроновъ* (онъ же Герасимовъ) — съ 1-го іюня 1905 г., Никольскаго. *Кротовъ* (сверхштатный)—съ 1-го іюня 1905 г., Лужскаго, *Таслуновъ*, Новоладожскаго, *Черняевъ*, оба—съ 1-го іюля 1903 г., Павловскаго,

Громовъ—съ 1-го іюля 1902 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, бухгалтеръ технологическаго института Императора Николая I *Ермолаевъ*—съ 1-го февраля 1908 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, письмоводитель и бухгалтеръ С.-Петербургскаго учительскаго института *Анонов*ъ—съ 1-го января 1904 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*, инспекторъ народныхъ училищъ Олонецкой губерніи *Ольгскій*—съ 25-го сентября 1903 г.; *коллежскаго ассессора*, преподаватель С.-Петербургскаго частнаго реальнаго училища К. Мая *Доннеръ*—съ 12-го октября 1898 г.; *коллежскаго секретаря*, лаборантъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Боргманъ*—съ 1-го января 1908 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета.

(30-го мая 1908 года, № 35). *Назначается* инспекторъ народныхъ училищъ 1-го участка Орловской губерніи, статскій совѣтникъ *Терновскій*—директоромъ Дедеркальской учительской семинаріи.

Увольняется, согласно прошенію, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, преподаватель V класса Императорскаго С.-Петербургскаго археологическаго института, докторъ русской словесности, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Соболевскій*—отъ должности ординарнаго профессора названнаго университета, со 2-го апрѣля.

По Кіевскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Черниговской губерніи *Гордзіевскій*—съ 10-го января 1906 г.; учителя гимназій: Черкасской, *Рюмшинъ*—съ 1-го іюля 1907 г., Житомирской 1-й: *Цыркунъ*—съ 1-го сентября 1906 г., *Корбелецкій*—съ 15-го марта 1907 г., Лубенской: *Вольффельдъ*—съ 22-го февраля 1907 г. и *Даниловъ*—съ 1-го іюля 1906 г., Кіевской 1-й: *Трабша*—съ 21-го декабря 1905 г. и *Рябчевскій*—съ 31-го октября 1906 г., реальныхъ училищъ: Ровенскаго, *Кузнецовъ*—съ 1-го августа 1905 г., Полтавскаго, *Лукьяновъ*—съ 30-го сентября 1906 г. и Полтавскаго Александровскаго *Альдингеръ*—съ 30-го октября 1905 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: инспекторы народныхъ училищъ: Полтавской губерніи, *Коваленко*—съ 1-го іюля 1905 г., Черниговской губерніи, *Шуликовъ*—съ 16-го сентября 1904 г.; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Стародубской гимназіи, *Коломойцевъ*—съ 1-го іюля 1907 г.; учителя: гимназій: Новгородсѣверской *Райлянъ*—съ 10-го ноября 1907 г. и *Ба-*

рабановъ—съ 21-го іюля 1907 г., Прилукской, *Шкуратовъ*—съ 25-го января 1907 г., Златопольской: *Обыденный*—съ 16-го іюля 1906 г. и *Фауре*—съ 24-го марта 1905 г., Кіевской 1-й, *Бутовскій*—съ 27-го сентября 1906 г., Черниговскаго реальнаго училища, *Григоровичъ*—съ 20-го октября 1906 г.; врачъ Кіевскаго реальнаго училища св. Екатерины *Свенсонъ*—съ 23-го ноября 1905 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учителя: Кіевскаго реальнаго училища св. Екатерины: *Брѣевъ*—съ 1-го августа 1905 г. и *Гроссбергъ*—съ 29-го октября 1905 г., Кременчугскаго реальнаго училища *Немолодышевъ*—съ 19-го мая 1897 г.; учитель-инспекторъ Кременчугскаго четырехкласснаго городского училища *Давидовскій*—съ 1-го іюля 1905 г.; учителя: Житомирской 1-й гимназіи, *Доль*—съ 1-го августа 1904 г., Ровенскаго реальнаго училища, *Мустровъ*—съ 1-го сентября 1904 г., Каменецъ-Подольской гимназіи, *Горшковъ*—съ 9-го іюля 1902 г., Черниговскаго реальнаго училища, *Трещинъ*—съ 1-го сентября 1905 г., Острожской гимназіи, *Болоцкій*—съ 1-го марта 1906 г., Каменецъ-Подольскаго восьмикласснаго техническаго средняго училища *Поль*—съ 16-го февраля 1903 г., Кіевской частной Валькера гимназіи, *Янковскій*—съ 21-го марта 1907 г., Ровенскаго реальнаго училища, *Синегубъ*—съ 1-го апрѣля 1905 г., Житомирской 2-й гимназіи, *Сѣдлецкій*—съ 5-го марта 1906 г.; учитель-инспекторъ Климовскаго четырехкласснаго городского училища *Самусь*—съ 10-го октября 1907 г.; архитекторъ Кіевскаго учебнаго округа *Олтаржевскій*—съ 16-го февраля 1906 г.; штатный смотритель Заславльскаго двухкласснаго городского училища *Олейниченко*—съ 26-го октября 1907 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Кіево-Печерской гимназіи *Клопотовскій*—съ 1-го сентября 1907 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учителя-инспекторы: Бердичевской школы ремесленныхъ учениковъ, *Боголѣповъ*—съ 1-го іюля 1902 г. и Шостенскаго трехкласснаго городского училища, *Лебедь*—съ 24-го августа 1905 г., почетный смотритель Мглинскаго трехкласснаго городского училища *Сохинскій*—со 2-го декабря 1906 г.; завѣдывающій Кагарлыкскою низшею ремесленною школою *Рощупкинъ*—съ 1-го февраля 1905 г.; учитель Клинцовскаго трехкласснаго училища *Лукьянецъ*—съ 7-го сентября 1904 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Златопольской гимназіи, *Ковальковъ*—съ 1-го ноября 1904 г. и Кіевскаго реальнаго училища, *Троицкій*—съ 1-го сентября 1907 г., учителя Житомирской частной женской гимназіи Н. В. Овсянниковой, *Олейникъ*—съ 10-го января 1907 г. и Летичевскаго двухкласснаго

городского училища *Соколовскій*—съ 1-го августа 1905 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники:* учителя городскихъ училищъ: Суражскаго трехкласснаго, *Корсунъ* — съ 11-го августа 1904 г., Кролевецкаго трехкласснаго, *Гладилинъ*—съ 15-го февраля 1905 г., четырехкласснаго Смѣлянскаго, *Брацюкъ*—съ 1-го сентября 1907 г., Борзенскаго, *Романенко*—съ 1-го января 1906 г., Нѣжинскаго, *Колокольцовъ*—съ 1-го сентября 1900 г., Мглинскаго, *Гудима*—съ 1-го сентября 1907 г., двухклассныхъ: Таращанскаго, *Лимаренко*—съ 1-го ноября 1906 г., Ковельскаго, *Харченко*—съ 9-го сентября 1905 г., Заславльскаго, *Гой*—съ 10-го октября 1904 г., на станціи „Кіевъ I": *Дудникъ*—съ 22-го августа 1904 г. и *Держинскій*—съ 1-го сентября 1905 г.; письмоводители: Клинцовскаго средняго семикласснаго техническаго училища, *Корзунъ*—съ 29-го апрѣля 1907 г., Острожскаго женскаго графа Д. Н. Блудова училища, *Пушкаревъ*—съ 29-го апрѣля 1906 г.; экономъ пансіона при Острожской гимназіи *Кондратьевъ*—съ 23-го марта 1907 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Черниговскаго реальнаго училища, *Григоровичъ*—съ 16-го сентября 1905 г., Каменецъ-Подольской гимназіи (сверхштатный) *Калиновичъ*—съ 1-го октября 1905 г. и Ровенскаго реальнаго училища, *Рудницкій*—съ 1-го сентября 1905 г.; учителя женскихъ гимназій: Кіево-Печерской, *Фещенко*—съ 11-го сентября 1906 г. и Новгородсѣверской, *Проскура*—съ 11-го сентября 1904 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: помощникъ классныхъ наставниковъ Житомирской 1-й гимназіи *Конахевичъ*—съ 23-го октября 1906 г.; учителя двухклассныхъ городскихъ училищъ: Житомирскаго, *Дергачевъ*—съ 26-го февраля 1905 г., на станціи „Кіевъ I" *Головко*—съ 25-го августа 1902 г., Кіевскаго имени Н. Х. Бунге, *Петренко*—съ 1-го августа 1905 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, письмоводитель Немировской гимназіи, *Степановъ*—съ 25-го марта 1907 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: бывшій канцелярскій служитель канцеляріи попечителя, нынѣ столоначальникъ той же канцеляріи, *Смирновъ*—съ 5-го октября 1906 г.; письмоводители: Кіевской 1-й гимназіи *Веселовскій*—съ 5-го октября 1906 г. и Проскуровскаго реальнаго училища, *Охрѣменко* (исправляющій должность)—съ 5-го октября 1906 г.; учителя: завѣдывающіе приходскими училищами: Житомирскимъ 1-мъ, Владимірскимъ, *Малугинъ*—съ 12-го сентября 1903 г., Гороховскимъ, *Фатальчукъ*—съ 1-го августа 1904 г., Порицкимъ, *Дзюбенко*—съ 1-го января 1903 г., 2-мъ Кременчугскимъ, *Матвѣевъ*—съ 1-го сентября 1905 г., Лебединскимъ, *Ильинъ*

(бывшій, нынѣ въ отставкѣ)—съ 1-го сентября 1904 г.; учитель Сосницкаго 2-го приходскаго училища, *Левицкій*—съ 26-го октября 1905 года.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: учителя: гимназій: Кіево-Печерской, *Тихомировъ*—съ 1-го августа 1903 г., Новгородсѣверской, *Проценко*—съ 1-го января 1902 г., Каменецъ-Подольской, *Макушинъ*—съ 5-го іюня 1903 г., Стародубской, коллежскій секретарь *Балаклѣецъ*—съ 1-го октября 1902 г., Кіевской частной Г. А. Валькера, *Щербаковъ*—съ 1-го іюля 1903 г., Кіевской частной женской А. А. Бейтель, *Круковскій*—съ 6-го февраля 1903 г., реальныхъ училищъ: Кіевскаго, *Добровольскій*—съ 1-го іюля 1903 г., Кременчугскаго Александровскаго, *Зоргенфрей*—съ 1-го сентября 1903 г., Ровенскаго, *Красинъ*—съ 21-го іюня 1901 г., Кіевскаго св. Екатерины, коллежскій секретарь *Баллодъ*—съ 1-го іюля 1903 г. и *Жовнеръ*—съ 1-го августа 1903 г.; надзиратель Каменецъ-Подольскаго средняго восьмиклассного техническаго училища *Калинкинскій*—съ 5-го марта 1903 г.; учитель Каменецъ-Подольскаго средняго восьмиклассного техническаго училища *Голенкинъ*—съ 1-го іюля 1903 г.; *титулярнаго совѣтника*: врачъ Острожскаго двухкласснаго городского училища *Лурье*—съ 27-го апрѣля 1903 г., по степени лекаря; завѣдывающіе Кіевскою низшею ремесленною школою, *Тепляковъ*—съ 17-го ноября 1901 г. и Остерскою низшею ремесленною школою *Ивановъ*—съ 1-го августа 1902 г.; *коллежскаго секретаря*: учителя городскихъ училищъ: четырехклассныхъ: Роменскаго, *Дмитріевъ*—съ 1-го октября 1900 г., Нѣжинскаго (сверхштатный) *Супруненко* и *Хакало*, оба—съ 1-го іюля 1903 г., Глуховскаго трехкласснаго, *Богословскій*—съ 17-го сентября 1903 г.; учитель Винницкой женской гимназіи *Соколовъ*—съ 18-го октября 1901 г., по степени кандидата богословія; помощники классныхъ наставниковъ: Кіевской частной Г. А. Валькера гимназіи, *Худобецъ*—съ 16-го августа 1903 г. и Каменецъ-Подольской, *Войташевскій*—съ 1-го августа 1903 г.; *губернскаго секретаря*: учителя городскихъ двухклассныхъ училищъ: Житомирскаго, *Завадскій*—съ 10-го ноября 1902 г. и Сквирскаго, *Проценко*—съ 1-го января 1903 г., Черкасскаго, *Осиповъ*—со 2-го ноября 1902 г.; учитель приготовительнаго класса Бѣлоцерковской гимназіи, *Соловьевъ*—съ 1-го іюля 1903 г.; *коллежскаго регистратора*: учителя чистописанія, черченія и рисованія двухклассныхъ городскихъ училищъ: Кременецкаго, *Диковскій*—съ 15-го сентября 1901 г., Житомирскаго, *Быковъ*—съ 26-го октября 1902 г., Черни-

говскаго, *Семенченко*—съ 7-го мая 1903 г., Кіевскаго 2-го, *Кузнецовъ*—съ 19-го февраля 1903 г. и Каневскаго, *Калашниковъ*—съ 1-го февраля 1903 г.

(4-го іюня 1908 года, № 37). *Назначаются:* ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Щербаковъ*—попечителемъ Одесскаго учебнаго округа; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, профессоръ университетскихъ курсовъ Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая въ Москвѣ, докторъ гражданскаго права, статскій совѣтникъ *Кассо*—директоромъ названнаго лицея, съ оставленіемъ его въ занимаемыхъ имъ должностяхъ.

Утверждаются, согласно избранію: экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, членъ совѣта главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ и предсѣдатель ученаго комитета главнаго управленія землеустройства и земледѣлія, причисленный къ министерству финансовъ, гофмейстеръ Высочайшаго двора князь *Голицынъ*—ординарнымъ академикомъ названной академіи, по физикѣ, съ 5-го апрѣля, съ оставленіемъ его въ занимаемыхъ имъ должностяхъ члена совѣта и предсѣдателя ученаго комитета, причисленнымъ къ министерству финансовъ и гофмейстеромъ; адъюнктъ Императорской академіи наукъ, ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ минералогіи и геогнозіи, статскій совѣтникъ *Вернадскій*—эстраординарнымъ академикомъ названной академіи, по минералогіи, съ 5-го апрѣля, съ оставленіемъ его ординарнымъ профессоромъ того же университета.

Увольняются отъ должности: чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ, надворный совѣтникъ *Полянскій,* по случаю причисленія его къ министерству; почетный попечитель Тверскаго реальнаго училища, потомственный почетный гражданинъ *Морозовъ,* согласно прошенію.

Увольняются, отъ службы, согласно прошеніямъ: попечитель Оренбургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бобровниковъ,* съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ; попечитель Рижскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ *Левшинъ.*

По С.-Петербургскому учебному округу. *Производится,* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники* преподаватель С.-Петербургской частной женской Е. И. Песковской гимназіи *Леманъ*—съ 1-го сентября 1907 г.

По Кавказскому учебному округу. *Производятся,* за выслугу лѣтъ,

со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: учителя гимназій: Новороссійской: *Егоровъ*—съ 10-го августа 1907 г., *Франгопуло*—съ 1-го сентября 1907 г., *Горбуновъ*—съ 1-го іюля 1907 г., *Оттенсонъ*—съ 18-го августа 1907 г., Елисаветпольской, *Сысоевъ*—съ 16-го мая 1907 г. и Тифлисскаго реальнаго училища, *Каукевичъ*—съ 27-го декабря 1906 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: учитель-воспитатель Тифлисскаго Александровскаго учительскаго института *Добротинъ*—съ 5-го октября 1907 г.; учитель Бакинской Маріинской женской гимназіи *Мухинъ*—съ 12-го сентября 1904 г.; учитель Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища *Селецкій*—съ 23-го августа 1903 г.; инспекторы народныхъ училищъ Кубанской области: *Кононовъ*—съ 17-го августа 1907 г. и *Смирновъ*—съ 10-го сентября 1907 г.; учителя: Владикавказскаго реальнаго училища, *Виддиновъ*—съ 15-го сентября 1907 г., Бакинской Маріинской женской гимназіи, *Сторожевъ* — съ 1-го сентября 1903 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учитель Ейскаго городского училища *Суворовъ*—съ 14-го іюня 1904 г.; инспекторы городскихъ училищъ: Уманскаго, *Чконія*—съ 1-го августа 1906 г. и Темрюкскаго, *Тетеревятниковъ*—съ 20-го октября 1907 г.; учителя: Эриванской гимназіи, *Пиккельсъ*—съ 1-го іюля 1900 г., Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища, *Жданъ-Пушкинъ*—съ 15-го августа 1906 г.; надзиратель Майкопскаго низшаго механико-и строительно-техническаго училища *Орловъ* — съ 3-го сентября 1906 г.; учитель Новороссійской гимназіи *Леоновъ* — съ 1-го августа 1904 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Новороссійской гимназіи *Лысенко*—съ 18-го октября 1907 г.; учитель Грозненскаго Пушкинскаго городского училища *Максимовичъ*—съ 4-го сентября 1907 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Кутаисскаго реальнаго училища *Гибаевъ*—съ 1-го сентября 1907 г.; учитель Грозненскаго Пушкинскаго городского училища *Датіевъ*—съ 17-го сентября 1907 г.; инспекторъ Елисаветпольскаго городского училища *Леонтьевъ*—съ 1-го іюля 1906 г.; учитель Ставропольской учительской семинаріи *Беневскій* — съ 4-го января 1908 г.; помощникъ воспитателя при пансіонѣ Бакинскаго реальнаго училища *Юницкій* — съ 1-го сентября 1901 г.; учитель Эриванской учительской семинаріи *Касрадзе*—съ 9-го іюня 1907 г.; учитель Владикавказскаго реальнаго училища *Калищевъ*—съ 1-го августа 1906 г.; учитель Кутаисскаго 1-го городского училища *Микаберидзе*—съ 31-го августа 1907 г.; врачъ Владикавказскаго реальнаго училища *Билинскій*—съ 1-го октября 1907 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *кол-*

лежскіе ассессоры: смотритель Герюсинскаго нормальнаго училища *Сафразбековъ* — съ 1-го сентября 1903 г.; учитель Екатеринодарскаго городского училища *Некрасовъ*—съ 1-го сентября 1902 г.; смотритель Душетско-Тіонетскаго начальнаго училища *Вяхиревъ*—съ 24-го октября 1907 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Тифлисскаго реальнаго училища *Патрушевъ*—съ 1-го ноября 1906 г.; учитель Ставропольскаго городского ремесленнаго училища *Забѣлло - Кравцовъ* — съ 1-го августа 1907 г.; учитель - завѣдывающій Сацхенисскимъ двухкласснымъ начальнымъ училищемъ *Поповъ*—съ 1-го августа 1904 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Эриванской губерніи *Семеновъ* — съ 27-го іюля 1905 г.; учитель-техникъ Боржомской школы ремесленныхъ учениковъ *Халезовъ* — съ 27-го августа 1906 г.; учителя городскихъ училищъ: Горійскаго, *Березашвили*—съ 1-го сентября 1906 г. и Мингрельскаго, *Котуровъ* — съ 5-го мая 1906 г.; учитель Тифлисскаго 2-го городского желѣзнодорожнаго училища *Бѣльскій* — съ 1-го августа 1907 г.; учителя Тифлисскаго реальнаго училища *Ярошенко*—съ 28-го октября 1903 г., *Блажіевскій*—съ 18-го августа 1904 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники:* учителя городскихъ училищъ: Кутаисскаго 1-го, *Хоштарія* — съ 1-го декабря 1897 г., Чіатурскаго: *Цуцунава*—съ 1-го августа 1904 г., *Гомелауровъ* (онъ же Гомелаури)—съ 1-го сентября 1899 г., Екатеринодарскаго: *Скобелкинъ*—съ 1-го августа 1904 г., *Малышевъ*—съ 1-го іюля 1905 г.; письмоводитель-бухгалтеръ Елисаветпольскаго Михайловскаго ремесленнаго училища *Богдатьевъ*—съ 7-го декабря 1897 г.; учитель Ейскаго реальнаго училища *Дмитріевъ* — съ 1-го августа 1904 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ того же училища *Дармостукъ*—съ 1-го сентября 1905 г.; учитель Карсскаго реальнаго училища *Алихановъ*—съ 1-го августа 1905 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари:* почетный смотритель Таманскаго двухкласснаго начальнаго училища *Фока*—съ 1-го апрѣля 1901 г.; дѣлопроизводитель канцеляріи попечителя *Ананьевъ* — съ 1-го февраля 1908 г.; смотритель Елисаветпольскаго желѣзнодорожнаго нормальнаго училища *Гикановъ*—съ 9-го октября 1901 г.; учитель Ланчхутскаго городского училища *Пижарадзе*—съ 30-го сентября 1906 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари:* учитель Кулашскаго нормальнаго училища *Саноблидзе*—съ 1-го сентября 1907 г.; смотритель Багманлярскаго русско-татарскаго нормальнаго училища *Мамедъ-Багировъ*—съ 8-го ноября 1902 г.; въ *коллежскіе регистраторы:* смотритель Гаджалинскаго сельскаго училища *Эфендіевъ*—съ 1-го сентября 1906 г.,

смотритель Гиндархскаго одноклассного сельскаго училища *Новрузбековъ*—съ 1-го сентября 1902 г.; учитель Александровскаго станичнаго училища *Макарчикъ*—съ 1-го октября 1907 г.; смотритель Тамаконскаго сельскаго училища *Сагарейшвили*—съ 1-го сентября 1906 г.; учитель государственнаго двухкласснаго станичнаго училища *Лашинъ*—съ 20-го августа 1907 г.; учитель Иванъ-Дидскаго двухкласснаго сельскаго училища *Угулава* — съ 1-го сентября 1904 г.; завѣдывающій Незлобненскимъ двухкласснымъ станичнымъ училищемъ *Осетровъ* — съ 1-го августа 1906 г.; завѣдывающій 2-мъ мужскимъ начальнымъ городскимъ училищемъ въ гор. Батумѣ *Шарашидзе*—съ 26-го марта 1896 г.; помощникъ учителя Минераловодскаго двухкласснаго училища *Пащинскій*—съ 5-го октября 1906 г.; смотритель Хуневскаго сельскаго училища *Цхададзе*—съ 1-го сентября 1906 г., помощникъ учителя Пятигорскаго приходскаго на Карачаевкѣ училища *Полозъ*—съ 5-го октября 1906 г.; учитель Иванъ-Дидскаго сельскаго училища *Бахтадзе*—съ 5-го октября 1906 г.; помощникъ учителя Александрійскаго двухкласснаго станичнаго училища *Никитченко*—съ 5-го октября 1906 г.; учитель Велевскаго сельскаго училища *Месхи*—съ 1-го октября 1886 г.; завѣдывающій Кисловодскимъ станичнымъ училищемъ *Горбатюкъ* — съ 5-го октября 1906 г.; учитель Цкалтубскаго одноклассного сельскаго училища *Дочвери* — съ 1-го сентября 1903 г.; смотритель Нобакевскаго двухкласснаго сельскаго училища *Кирдбайя*—съ 1-го сентября 1906 г.; учитель Пятигорскаго приходскаго на Карачаевкѣ училища *Гречкинъ* — съ 1-го августа 1905 г.; смотритель Цаишскаго двухкласснаго сельскаго училища *Начкебія*—съ 1-го сентября 1906 г.; учитель Минераловодскаго двухкласснаго желѣзнодорожнаго училища *Брылевъ*—съ 5-го октября 1907 г.; смотритель Чаквиджскаго двухкласснаго сельскаго училища *Чухуа*—съ 1-го сентября 1906 г.; учитель-смотритель Кведа-Димскаго сельскаго двухкласснаго училища *Гегешидзе*—съ 5-го октября 1906 г.; письмоводитель Батумской мужской гимназіи *Милушкинъ* — съ 1-го октября 1907 г.; завѣдывающій Темиргоевскимъ двухкласснымъ станичнымъ училищемъ *Дурноусовъ* — съ 5-го октября 1906 г.; учитель Старощербиновскаго двухкласснаго станичнаго училища *Дуплювъ*—съ 1-го сентября 1902 г.; учитель Уманскаго двухкласснаго приходскаго училища *Мироновъ*—съ 1-го октября 1904 г.; письмоводитель Карсскаго реальнаго училища *Каплей*—съ 12-го декабря 1907 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: учителя: Ейскаго реальнаго училища, *Сигаевъ*—съ 20-го августа

1903 г.; Владикавказскаго реальнаго училища, *Нигровскій*—съ 20-го октября 1903 г.; учителя: Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища, *Юковъ*—съ 15-го сентября 1903 г., Горійской Анастасіинской женской гимназіи, *Лютостанскій* — съ 1-го августа 1903 г.; Грозненскаго реальнаго училища, *Ржепинскій*—съ 7-го октября 1903 г., директоръ Майкопскаго низшаго механико-и строительно-техническаго училища *Ермолинъ*—съ 1-го сентября 1903 г.; учитель Пятигорской женской графини Евдокимовой гимназіи *Медвѣдковъ*—съ 20-го августа 1903 г., преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Тифлисскаго реальнаго училища *Ивановъ* — съ 1-го іюля 1902 г.; учителя Майкопскаго реальнаго училища: *Водарскій*—съ 20-го августа 1903 г. и *Вышемирскій*—съ 1-го августа 1903 г.; *титулярнаго совѣтника*: врачи: Бакинской мужской прогимназіи, *Довятъ* — съ 1-го декабря 1903 г., Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища, *Франгопуло*—съ 15-го октября 1903 г., оба по степени лекаря; *коллежскаго секретаря:* помощникъ классныхъ наставниковъ Бакинской мужской гимназіи *Токаревъ* — съ 1-го сентября 1903 г.; учителя городскихъ училищъ: Кутаисскаго 1-го, *Надирадзе* — съ 15-го августа 1900 г., Чіатурскаго, *Чумбуридзе*—съ 15-го іюня 1902 г.; учитель Владикавказскаго графа Лорисъ-Меликова ремесленнаго училища *Комаровъ*— съ 1-го августа 1901 г.; инспекторъ Ланчхутскаго городского училища *Утургаури*—съ 15-го сентября 1893 г.; учителя Озургетскаго городского училища: *Лабарткава*—съ 1-го іюня 1903 г., *Ткебучава* — съ 1-го іюля 1903 г.; бывшій руководитель слесарныхъ работъ Елисаветпольскаго ремесленнаго училища, нынѣ инспекторъ Боржомской школы ремесленныхъ учениковъ *Миловидовъ* — съ 12-го сентября 1902 г.; учитель Тифлисскаго 2-го городского желѣзнодорожнаго училища *Гсевенянцъ* (онъ же Акопянъ)—съ 1-го октября 1903 г.; бывшій учитель городского училища, нынѣ преподаватель Елисаветпольскаго Михайловскаго ремесленнаго училища *Романовъ* — съ 1-го августа 1901 г.; учителя городскихъ училищъ: Елисаветпольскаго, *Шагинянцъ*—съ 18-го ноября 1903 г., Новороссійскаго, *Касторный* — съ 1-го іюля 1903 г., Грозненскаго Пушкинскаго, *Колесниковъ*—съ 1-го іюля 1903 г., Кисловодскаго, *Кривохатскій* — съ 1-го іюля 1903 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Майкопскаго реальнаго училища *Миргородскій*—съ 1-го мая 1903 г.; помощникъ воспитателя Эриванской мужской гимназіи *Шафибековъ* — съ 1-го декабря 1895 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Пятигорской мужской гимназіи *Шерстюковъ*—съ 1-го октября 1903 г.; бывшій учитель Армавирскаго

городского училища, нынѣ въ отставкѣ, *Сукіасовъ* — съ 1-го іюля 1902 г.; *губернскаго секретаря*: учитель Манглисскаго нормальнаго училища *Подсвировъ*—съ 23-го апрѣля 1903 г.; учитель-надзиратель Сухумской городской школы *Лукьяновъ*—съ 1-го августа 1901 г.

V. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (28-го апрѣля 1908 года, № 10968). *О дополнительныхъ испытаніяхъ по греческому языку для постороннихъ лицъ.*

Въ министерство народнаго просвѣщенія поступаютъ ходатайства отдѣльныхъ лицъ о разрѣшеніи имъ держать при мужскихъ гимназіяхъ дополнительный экзаменъ по греческому языку съ цѣлью поступленія въ историко-филологическій институтъ или въ университетъ по историко-филологическому отдѣленію.

Вслѣдствіе сего увѣдомляю ваше превосходительство, для надлежащаго распоряженія, что дополнительныя испытанія по греческому языку въ объемѣ курса гимназій должны производиться постороннимъ лицамъ или въ той гимназіи, въ которой греческій языкъ преподается въ качествѣ обязательнаго предмета, или въ испытательномъ комитетѣ при управленіи учебнаго округа.

2. (10-го мая 1908 года, № 11969). *О представленіи ходатайствъ объ освобожденіи учащихся, по особо-уважительнымъ причинамъ, отъ переводныхъ испытаній на разрѣшеніе центральнаго управленія министерства народнаго просвѣщенія.*

Вслѣдствіе возбужденнаго вашимъ превосходительствомъ въ представленіи отъ 26-го минувшаго апрѣля, за № 7926, вопроса о томъ, имѣютъ ли нынѣ, по возстановленіи переводныхъ испытаній, педагогическіе совѣты право, примѣнительно къ § 36 правилъ объ испытаніяхъ въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, переводить въ высшіе классы тѣхъ учащихся, не могущихъ по уважительнымъ причинамъ явиться на испытанія, которые имѣютъ за годъ опредѣленные (вполнѣ удовлетворительные) баллы, считаю нужнымъ разъяснить, что переводныя испытанія возстановлены для всѣхъ учениковъ и учениць среднихъ учебныхъ заведеній.

Если бы, однако, какой-либо ученикъ (или ученица), успѣхи ко-

тораго въ году не оставляютъ сомнѣнія въ надлежащемъ усвоеніи имъ курса соотвѣтственнаго класса, не могъ, по болѣзни или иной вполнѣ уважительной причинѣ, подвергнуться испытаніямъ, то педагогическіе совѣты учебныхъ заведеній могли бы ходатайствовать объ освобожденіи такого ученика отъ испытаній. Подобныя ходатайства педагогическихъ совѣтовъ ваше превосходительство имѣете представлять, съ вашимъ заключеніемъ, на разрѣшеніе министерства.

3. (12-го мая 1908 года, № 12060). *О предоставленіи попечителямъ учебныхъ округовъ права разрѣшать, въ случаяхъ особо-уважительныхъ, отступленія отъ установленныхъ правилъ о комплектѣ учащихся въ средне-учебныхъ заведеніяхъ по классамъ.*

Въ циркулярномъ предложеніи отъ 16-го мая 1907 г., за № 10316, министерство народаго просвѣщенія обратило вниманіе педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній на необходимость ограничивать число учащихся по классамъ установленной закономъ нормою въ 40 человѣкъ.

Признавая всю цѣлесообразность этой мѣры, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могу не принять во вниманіе возможности случаевъ (какъ то, переводъ по службѣ родителей ученика, уже начавшаго образованіе въ среднеучебномъ заведеніи, въ другой городъ, гдѣ соотвѣтственный классъ учебнаго заведенія того же типа уже имѣетъ полный комплектъ учениковъ, и т. под.), въ которыхъ отказывать въ зачисленіи въ среднее учебное заведеніе ученика (или ученицы) исключительно въ виду заполненія комплекта было бы особенно тягостно.

Въ истекающемъ учебномъ году допущеніе отступленій отъ требованій указаннаго циркуляра въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшалось центральнымъ управленіемъ министерства. Но такъ какъ ближайшія данныя, необходимыя для разсмотрѣнія и рѣшенія подобнаго рода дѣлъ, находятся въ распоряженіи не министерства, а мѣстнаго учебнаго начальства, то я, въ интересахъ дѣла, признаю цѣлесообразнымъ предоставить разрѣшеніе единичныхъ, въ исключительныхъ случаяхъ, отступленій отъ общаго правила о строгомъ соблюденіи установленнаго комплекта учениковъ по классамъ учебноокружнымъ начальствамъ, по представленіямъ и заключеніямъ педагогическихъ совѣтовъ подлежащихъ учебныхъ заведеній.

Увѣдомляя объ этомъ ваше превосходительство для свѣдѣнія и

руководства, выражаю увѣренность, что пріемъ учащихся сверхъ положеннаго комплекта будетъ допускаемъ лишь въ случаяхъ дѣйствительно особо уважительныхъ и что и при новомъ порядкѣ рѣшенія этого рода дѣлъ число учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ будетъ постепенно входить въ норму, безъ соблюденія которой невозможны правильныя и плодотворныя учебныя занятія.

4. (17-го мая 1908 года, № 12305). *Объ освобожденіи стороннихъ лицъ при испытаніяхъ зрѣлости и изъ курса 6 и 7 классовъ гимназіи, отъ экзамена по второму новому языку.*

Какъ въ минувшемъ 1906—7, такъ и въ текущемъ 1907—8 учебныхъ годахъ министерствомъ народнаго просвѣщенія былъ удовлетворенъ цѣлый рядъ ходатайствъ стороннихъ лицъ объ освобожденіи ихъ, при испытаніяхъ зрѣлости и изъ курса 6 (въ 1906—7 г.) и 7 классовъ гимназіи, отъ экзамена по второму новому языку, при чемъ основаніемъ къ удовлетворенію такого рода ходатайствъ служило то обстоятельство, что значительная часть учениковъ соотвѣтственныхъ классовъ гимназій въ 1906—7 и 1907—8 учебныхъ годахъ изучала одинъ новый языкъ, а для учениковъ VIII-го класса въ текущемъ учебномъ году, на основаніи дѣйствующей таблицы уроковъ, обязателенъ только одинъ новый языкъ.

Принимая, вмѣстѣ съ тѣмъ, во вниманіе, что и въ будущемъ 1908 — 9 учебномъ году значительный процентъ учениковъ VIII-го класса, отставшихъ въ предыдущіе годы отъ своихъ сверстниковъ, для которыхъ былъ обязателенъ одинъ новый языкъ, будетъ изучать только одинъ новый языкъ, министерство признаетъ возможнымъ, въ соотвѣтствіи съ симъ, и стороннихъ лицъ, буде они возбудятъ о томъ ходатайства, освобождать въ 1908—9 учебномъ году, при испытаніи зрѣлости, отъ экзамена по второму новому языку. Съ истеченіемъ же 1908 — 9 учебнаго года, для стороннихъ лицъ, наравнѣ съ учениками гимназій, устанавливается обязательность обоихъ новыхъ языковъ, какъ при испытаніи зрѣлости, такъ и при испытаніи изъ курса того или другого класса гимназіи.

Увѣдомляя объ этомъ ваше превосходительство, для надлежащихъ распоряженій, прошу васъ принять мѣры къ тому, чтобы требованіе касательно обязательности для стороннихъ лицъ, начиная съ 1909—10 учебнаго года, знанія обоихъ новыхъ языковъ при упомянутыхъ испы-

таніяхъ получило возможно широкую извѣстность въ предѣлахъ ввѣреннаго вамъ учебнаго округа.

Къ сему считаю необходимымъ присовокупить, что право освобождать стороннихъ лицъ въ 1908—9 учебномъ году отъ экзамена по второму новому языку при испытаніяхъ зрѣлости министерство предоставляетъ вашему превосходительству, при чемъ надлежитъ предупреждать просителей, что даваемое разрѣшеніе ограничивается лишь этимъ именно годомъ.

5. (19-го мая 1908 года, № 12518). *О разрѣшеніи ученикамъ VIII-го класса гимназій и VI-го и дополнительнаго классовъ реальныхъ училищъ подвергаться повторнымъ испытаніямъ съ цѣлью повышенія балловъ по тѣмъ предметамъ, по которымъ они экзаменовались въ младшихъ классахъ.*

Въ министерство народнаго просвѣщенія поступаютъ ходатайства о разрѣшеніи ученикамъ выпускныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній держать повторныя испытанія съ цѣлью повышенія балла по тѣмъ предметамъ, по которымъ они экзаменовались въ младшихъ классахъ.

Разсмотрѣвъ настоящій вопросъ, я, согласно съ мнѣніемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, признаю возможнымъ разрѣшить ученикамъ VIII-го класса гимназій и VI-го и дополнительнаго классовъ реальныхъ училищъ, для повышенія отмѣтки по предметамъ младшихъ классовъ, подвергаться повторнымъ испытаніямъ, подобно тому, какъ это разрѣшено было ученицамъ VII-го класса женскихъ гимназій циркулярнымъ предложеніемъ министерства отъ 3-го ноября 1903 г., за № 34263.

Объ этомъ увѣдомляю ваше превосходительство для надлежащаго распоряженія и руководства по ввѣренному вамъ учебному округу, присовокупляя, что съ изданіемъ настоящаго распоряженія послѣдовавшее въ 1895 г. разъясненіе министерства народнаго просвѣщенія отъ 28-го іюня, за № 14116, объ условіяхъ и порядкѣ повышенія отмѣтки по географіи въ аттестатахъ зрѣлости слѣдуетъ считать отмѣненнымъ.

———

VI. ПРИМѢРНАЯ ПРОГРАММА КУРСА ИСТОРІИ XIX ВѢКА ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНАГО КЛАССА РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Положеніе Европы въ Наполеоновскую эпоху.

Международныя отношенія въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Роль Франціи въ эпоху консульства и Имперіи. Коалиціи противъ Франціи и участіе въ нихъ Россіи. Національныя движенія. Прусскія реформы начала XIX вѣка. Походъ Наполеона въ Россію. Отечественная война. Освободительныя войны 1813—1814 гг.

I. Періодъ реакціи.

1. *Романтизмъ и легитимизмъ.* Романтизмъ, какъ реакція противъ раціонализма XVIII вѣка. Легитимизмъ, какъ новый принципъ международныхъ отношеній.

2. *Эпоха конгрессовъ.* Вѣнскій конгрессъ и его постановленія. Польскій вопросъ. Вторичное правленіе Наполеона I. Ватерлоо. Священный Союзъ. Ахенскій конгрессъ. Революціи на Аппенинскомъ и Пиринейскомъ полуостровахъ. Конгрессы въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ. Торжество политической реакціи.

3. *Франція въ періодъ реакціи.* Людовикъ XVIII. Хартія 1814 г. Карлъ X.

4. *Реакція въ Германіи.* Устройство Германіи послѣ Вѣнскаго конгресса. Австрія и система Меттерниха. Національныя движенія. Карлсбадскія постановленія и Вѣнскій заключительный актъ.

II. Развитіе идей либерализма и націонализма.

1. *Либерализмъ и націонализмъ, какъ реакція противъ романтизма и легитимизма.* Іюльская революція. Царствованіе Луи-Филиппа и усиленіе буржуазіи.

2. *Вліяніе іюльской революціи на Европу.* Распаденіе Нидерландскаго королевства. Попытки борьбы противъ австрійскаго господства въ Италіи. Вліяніе іюльской революціи въ Германіи. Пруссія въ царствованіе Фридриха-Вильгельма III. Польское возстаніе 1830 г.

3. *Февральская революція и ея послѣдствія.* Соціализмъ. Вторая

французская республика. Борьба буржуазіи съ пролетаріатомъ. Президентство Луи-Наполеона. Переворотъ 2-го декабря 1851 г. Вторая Имперія.

4. *Вліяніе февральской революціи на Европу.* Крушеніе меттерниховской системы въ Австріи. Движенія въ Венгріи, Чехіи и Италіи. Побѣда реакціи въ Австріи. Францъ-Іосифъ.

Пруссія. Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Національный парламентъ 1848 г. Конституціонныя движенія въ остальныхъ германскихъ государствахъ. Франкфуртскій парламентъ.

5. *Вторая Имперія и объединеніе Германіи.* Наполеонъ III и главные моменты его царствованія. Пруссія при Вильгельмѣ I. Бисмаркъ. Шлезвигъ-голстинскій вопросъ и датская война. Прусско-австрійская война. Сѣверный германскій союзъ. Франко-германская война. Крушеніе второй Имперіи и III республика во Франціи. Установленіе Германской Имперіи и ея положеніе въ послѣдней четверти XIX вѣка.

6. *Борьба Италіи за національную независимость.* Савойскій домъ. Кавуръ. Объединеніе Италіи. Папство. Ватиканскій соборъ.

7. *Англія.* Ея общественный и политическій строй въ началѣ XIX вѣка. Центральное правительство и мѣстное управленіе. Первая парламентская реформа. Чартизмъ. Вторая парламентская реформа. Ирландскій вопросъ. Развитіе торгово-промышленной жизни и соціальное движеніе. Третья парламентская реформа. Колоніальная политика и международное положеніе Англіи.

8. *Сѣверная Америка.* Различіе между сѣверными и южными штатами. Плантаціонное хозяйство и рабовладѣльчество. Авраамъ Линкольнъ. Междоусобная война. Побѣда сѣверянъ и дарованіе гражданскихъ правъ неграмъ.

9. *Восточный вопросъ.* Главные моменты его развитія отъ греческаго возстанія до русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Распространеніе русскаго владычества въ Средней Азіи. Война 1877—1878 г. Берлинскій конгрессъ и его послѣдствія во взаимныхъ отношеніяхъ великихъ державъ.

III. Внутренняя исторія Россіи въ XIX вѣкѣ.

1. *Императоръ Александръ I*; его воспитаніе и юность. Интимный комитетъ. Учрежденіе министерствъ и Государственнаго Совѣта. Система народнаго просвѣщенія. Крестьянскій вопросъ.

Возвышеніе Сперанскаго и его планы государственныхъ преобразованій.

Измѣненіе характера внутренней политики Императора Александра I въ послѣднее десятилѣтіе. Аракчеевъ. Военныя поселенія. Мистицизмъ. Мѣры, касающіяся центральнаго управленія, крестьянскаго вопроса, народнаго просвѣщенія. Общественное настроеніе 20-хъ годовъ и образованіе тайныхъ обществъ.

2. *Императоръ Николай I.* Событіе 14-го декабря. Комитетъ 6-го декабря 1826 г. и намѣченная имъ программа внутренней политики. Вліяніе революцій 1830 и 1848 гг. на усиленіе консервативнаго характера политики Императора Николая I. Полное Собраніе и Сводъ Законовъ. Измѣненіе въ системѣ центральнаго и областного управленія. Мѣры, касающіяся дворянства. Разработка крестьянскаго вопроса: указъ объ обязанныхъ крестьянахъ. Государственное и народное хозяйство. Денежная реформа. Пути сообщенія. Народное просвѣщеніе. Положеніе церкви; отмѣна уніи.

3. *Императоръ Александръ II.* Сознаніе необходимости реформъ послѣ Крымской войны. Подготовка крестьянской реформы. Манифестъ 19-го февраля 1861 г. Устройство крестьянъ по освобожденіи. Крестьянское самоуправленіе. Выкупная система. Позднѣйшія узаконенія о крестьянахъ. Основанія судебной реформы. Земскія учрежденія. Городское самоуправленіе. Всесословная воинская повинность. Государственное и народное хозяйство. Реформы въ области народнаго просвѣщенія.

Общій обзоръ царствованія Императора Александра III. Великій Сибирскій путь.

Успѣхи русской исторической науки въ XIX столѣтіи.

Объяснительная записка.

Въ виду сложности курса исторіи XIX вѣка, разнообразія и обилія фактическаго матеріала, необходимо придать этому курсу возможно большую систематичность. Курсъ этотъ естественно распадается по существу на два отдѣла: исторію Западной Европы и исторію Россіи. Обзоръ внѣшней политики Россіи связанъ съ важнѣйшими вопросами общеевропейской политики. Внутренняя же исторія Россіи выдѣлена въ особую главу съ цѣлью придать изученію этой исторіи больше цѣльности и сосредоточенности. На этотъ заключительный отдѣлъ

курса должно быть отведено не менѣе $^1/_3$ общаго годового числа уроковъ.

Въ тѣхъ же цѣляхъ большей систематичности и цѣльности изображенія должна излагаться въ особомъ, цѣльномъ очеркѣ внутренняя исторія Англіи, а также исторія такого капитальнаго вопроса міровой политики, какъ старый восточный вопросъ.

Въ исторіи Западной Европы слѣдуетъ обратить особое вниманіе на выясненіе основныхъ направленій политической жизни: романтизма и легитимизма, либерализма и націонализма. Знакомство съ сущностью и взаимоотношеніемъ этихъ направленій необходимо для того, чтобы придать больше стройности и послѣдовательности изложенію политической и соціальной исторіи отдѣльныхъ странъ. Само собою разумѣется, что изложеніе политическихъ направленій и идей должно быть дано на почвѣ конкретныхъ фактовъ, а не въ видѣ отвлеченныхъ построеній.

При изученіи международныхъ отношеній главное мѣсто должно быть отведено тѣмъ моментамъ, когда происходили крупныя территоріальныя измѣненія. Большими подробностями слѣдуетъ оттѣнять участіе Россіи въ международныхъ вопросахъ.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ курса, посвященномъ внутренней исторіи Россіи, надлежитъ выдвинуть на первый планъ измѣненія въ государственныхъ учрежденіяхъ и въ положеніи сословій, дабы учащіеся получили отчетливое и связное представленіе о постепенномъ совершенствованіи государственнаго и общественнаго строя Россіи въ теченіе XIX вѣка.

Курсъ русской исторіи полезно закончить краткой характеристикой успѣховъ русской исторической науки въ XIX вѣкѣ. Не входя въ подробности, достаточно отмѣтить значеніе Исторіи Карамзина, воззрѣнія западниковъ и славянофиловъ и успѣхи исторической науки второй половины XIX вѣка, какъ они выразились въ трудахъ Соловьева и Ключевскаго. Эти краткія свѣдѣнія могутъ освѣтить ростъ національнаго самосознанія русскаго общества и пригодиться тѣмъ учащимся, которые, не имѣя возможности слушать университетскихъ курсовъ, пожелаютъ восполнить свое историческое образованіе самостоятельнымъ чтеніемъ.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Беллярминовъ, И.* Древній Востокъ и древнѣйшее время Греціи. Курсъ III класса мужскихъ гимназій. С.-Пб. 1908. Стр. II+123. Цѣна 50 коп.“

— „*Васильевъ, В. И.* 1) Ариѳметика цѣлыхъ чиселъ. Изд. 10-е, А. Д. Ступина. М. 1908. Стр. 80.—2) Ариѳметика дробныхъ чиселъ. Изд. 9-е, А. Д. Ступина. М. 1908. Стр. 88.—3) Ариѳметика. Отношенія, пропорціи и способы рѣшенія задачъ на правила: тройныя, процентовъ, учета векселей и пр. Изд. 7-е, А. Д. Ступина. М. 1907. Стр. 80. Цѣна каждой книжки 25 коп.“

— „*Гиляревскій, А.* Пособіе къ изученію психологіи. Изд. 6-е, испр. и доп. М. 1907. Стр. 221+III. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „*Гладковъ, Б. И.* Священная исторія ветхаго завѣта. 2-е изданіе. С.-Пб. 1908. Стр. 180+4. Цѣна 35 коп.“

— „*Гладковъ, Б. И.* Священная исторія новаго завѣта. 2-е изданіе. С.-Пб. 1908. Стр. 255. Цѣна 50 коп.“

— „*Голасъ, Алоисій.* Очеркъ чехо-славянской скорописной или стенографической системы въ видѣ русской. Поисправленное изданіе чешскаго очерка. Связный русскій текстъ приготовилъ *Ф. Т.* Вернъ (Бернъ?). 1907. Стр. IV+10+10.“ (въ качествѣ необязательнаго руководства для тѣхъ заведеній, въ коихъ введено факультативное преподаваніе стенографіи).

— „*Знаменскій, Василій.* Ученіе о богослуженіи православной церкви. Изд. 4-е, испр. Симферополь. 1905. Стр. 140+V. Цѣна 60 к.“

— „*Знойко, Н.* Краткое руководство по средней исторіи. Изд. 3-е. Одесса. 1908. Стр. VIII+184. Цѣна 75 коп.“ (для реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій).

— „*Ивановъ, В. Т.* Практическій и теоретическій курсъ стено-

графіи по простѣйшей, но позволяющей стенографировать на всѣхъ языкахъ, слуховой системѣ М. А. Терне. Саратовъ. 1906. Стр. IV+138. Цѣна 1 р. 50 коп." (въ качествѣ необязательнаго руководства для тѣхъ заведеній, въ коихъ введено факультативное преподаваніе стенографіи).

— „*Иловайскій*, *Д. И*. Древняя исторія. Курсъ старшаго возраста. Изд. 27-е. М. 1907. Стр. 302 и 2 карты. Цѣна 75 коп."

— „*Иловайскій*, *Д*. Средняя исторія. Курсъ старшаго возраста. Изд. 24-е. М. 1907. Стр. 224 и 1 карта. Цѣна 60 коп."

— „*Иловайскій*, *Д*. Новая исторія. Курсъ старшаго возраста. Изд. 29-е, вновь пересмотрѣнное. М. 1908. Стр. 256 и 1 карта. Цѣна 65 коп."

— „*Киселевъ*, *А*. Элементарная физика для среднихъ учебныхъ заведеній. Со многими упражненіями и задачами; въ двухъ выпускахъ. Изд. 6-е, кн. маг. В. В. Думнова. М. 1908. Вып. I. Стр. XIV+170.— Вып. II. Стр. X+315. Цѣна за оба выпуска 2 р."

— „*Косоноговъ*, *I. I.*, орд. проф. университета св. Владиміра. Концентрическій учебникъ физики для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ рисунками и задачами въ текстѣ. Изд. кн. маг. В. А. Просяниченко. Кіевъ. 1908. Стр. XVI+579. Цѣна 2 р. 25 коп."

— „*Наумовъ*, *Я*. Краткій учебникъ анатоміи и физіологіи человѣка. 7-е изданіе (испр. и доп.). С.-Пб. 1908. Стр. VIII+148. Цѣна 90 коп."

— „*Павлова-Сильванская*, *К. П*. Руководство для самообученія русской стенографіи. С.-Пб. Стр. 19. Цѣна 30 коп." (въ качествѣ необязательнаго руководства для учебныхъ заведеній, въ коихъ ведется факультативное преподаваніе стенографіи).

— „*Саводникъ*, *В*. Очерки по исторіи русской литературы XIX в. Изд. 4-е. Часть I. М. 1907. Стр. IV+404+II. Цѣна 1 р. 35 коп.— Часть II. (Съ приложеніемъ синхронистическихъ таблицъ). М. 1908. Стр. IV+340. Цѣна 1 р. 25 коп."

— „*Соколовъ*, *Ѳ*. Первые уроки церковно-славянскаго языка. Практическій учебникъ для приготовительныхъ классовъ гимназій, прогимназій и низшихъ училищъ. Изд. 8-е, кн. маг. М. Д. Наумова. М. 1907. Стр. 188. Цѣна 30 коп." (для приготовительныхъ классовъ).

— „*Truan*, *Paul*. Cours de grammaire française à l'usage des écoles secondaires russes. 1-e partie. Lexicographie. Ростовъ н/Д. 1908. Стр. 175. Цѣна 80 коп."

— „*Шапошниковъ*, *Н. А*. Курсъ прямолинейной тригонометріи и

собраніе тригонометрическихъ задачъ. Изд. 15-е, кн. маг. В. В. Думнова, перепечатанное безъ измѣненій. М. 1908. Стр. 120. Цѣна 70 коп."

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Андерсонъ, Ѳ. К.* Историческая проза. 2-е изданіе. (Учебныя пособія по нѣмецкому языку съ построчнымъ и алфавитнымъ словарями и примѣчаніями). С.-Пб. 1907. Стр. 170. Цѣна 60 коп."

— „*Anspach, A.* Recueil de morceaux choisis. Lectures courantes extraites des meilleurs écrivains français. 2-e édition. St.-Pbg. 1908. Pages VII+338+79. Prix 1 r."

— „*Воиновъ, А.* Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Часть I. Цѣлыя числа. 2-е изданіе. Павловскъ н/Д. 1908. Стр. 139. Цѣна 40 коп."

— „*Гейзе, Павелъ.* «Кузенъ Гавріилъ» и «Лоренцъ и Лора». (Новые нѣмецкіе писатели, т. IV). Обработалъ *К. Р. Берентъ.* (Избр. произведенія нѣм. и франц. писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). С.Пб. 1908. Стр. 125 (текста)+126 (приложеній). Цѣна съ приложеніями 60 коп. въ перепл." (для старшихъ классовъ).

— „*Даниловъ, И.* Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. М. 1908. Стр. 338. Цѣна въ перепл. 80 коп."

— „*De la Droitière, C.* Manuel du Langage. Руководство для основательнаго изученія французскаго языка, имѣющее цѣлью исправленіе многочисленныхъ ошибокъ, дѣлаемыхъ русскими во французской рѣчи. С.-Пб. 1908. Стр. 292. Цѣна 1 р. 75 коп." (въ качествѣ необязательнаго пособія).

— „*Елпатьевскій, К. В.* Сборникъ бытовыхъ очерковъ изъ русской исторіи. Историческая хрестоматія для учащихся. С.-Пб. 1908. Стр. V+482. Цѣна 1 р. 25 коп." (въ качествѣ необязательнаго пособія).

— „*Lidak, I.* Ein neuer Robinson Crusoe. Nach Defoë für die mittleren Klassen russischer Mittelschulen. Riga. 1908. Стр. 115. Цѣна 50 коп."—Приложеніе: „Vokabularium zu „Ein neuer Robinson Crusoe". Стр. 24. Цѣна 5 коп."

— „*Lützelschwab, W.* La France. Vocabulaire.—Commentaire. Изд. К. Зихмана. Riga. 1907. Стр. 155. Цѣна 55 коп." (въ качествѣ приложенія къ пособію подъ заглавіемъ „La France").

— „Новые нѣмецкіе писатели. 5-й томикъ. *Эрнстъ фонъ-Вильденбрухъ.—Іоганнъ Дозе.—Пауль Гейзе.—Адольфъ Шмитгеннеръ*. Обработалъ *М. А. Линпе*. Изд. С. А. Манштейна. (Избр. произведенія нѣм. и франц. писателей подъ ред. *С. А. Манштейна*). С.-Пб. 1908. Стр. 127 (текста)+134 (приложеній). Цѣна съ приложеніями 60 коп. въ перепл." (для старшихъ классовъ).

— „*Преображенскій, А.* Книга упражненій въ русскомъ правописаніи и изложеніи. (Приложеніе къ учебникамъ русской грамматики того же автора). Для городскихъ и сельскихъ училищъ и для первыхъ двухъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. кн. маг. В. В. Думнова. М. 1907. Часть I. Правописаніе. Стр. VIII + 111. Цѣна 40 коп.—Часть 2. Изложеніе и знаки препинанія. Стр. VII+50. Цѣна 15 коп."

— „*Рыбкинъ, Н.* Сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе. Часть I. Планиметрія. Изд. 5-е. М. 1908. Стр. 2+126. Цѣна 65 к."

— „*Рыбкинъ, Н.* Собраніе стереометрическихъ задачъ, требующихъ примѣненія тригонометріи. Изд. 9-е. М. 1908. Стр. IV + 80. Цѣна 45 коп."

— „*Триллингъ, Ф.* Практическій учебникъ французскаго языка. М. 1907. Приготовительный годъ. 6-е изд. Стр. 15+XVI+80. Цѣна 40 коп. — 1-й годъ: «Въ школѣ и дома». 8-е изд. Стр. XVI + 152. Цѣна 60 коп.—2-й годъ: «Въ деревнѣ и въ городѣ». 6-е изд. Стр. XIII+120. Цѣна 60 коп.—3-й и 4-й годы: «Общежитіе». 4-е изд. Стр. X+160+120. Цѣна 1 р. 20 коп. — 5-й годъ: «Историческая хрестоматія». Стр. V+116+48. Цѣна 65 коп."

— „*Tripet, C.* Lectures littéraires. Vocabulaire et notes explicatives. Изд. кн. маг. В. Думнова. М. 1907. Стр. 205. Цѣна 85 коп." (въ качествѣ приложенія къ пособію того же автора „Lectures littéraires").

— „*Шапошниковъ, Н. А.* и *Н. К. Вальцовъ.* Сборникъ алгебраическихъ задачъ. Изд. кн. маг. В. В. Думнова. Часть I. Для классовъ 3-го и 4-го. Изд. 15-е. М. 1907. Стр. 174+II.—Часть 2. Для классовъ 5-го, 6-го, 7-го и 8-го гимназій и соотвѣтствующихъ классовъ другихъ учебныхъ заведеній. Изд. 14-е, перепечатанное безъ измѣненій. М. 1908. Стр. II+191. Цѣна каждой части 70 коп."

— „*Шапошниковъ, Н. А.* и *Н. К. Вальцовъ.* Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Часть I. Цѣлыя отвлеченныя и именованныя числа. Изд. 13-е, кн. маг. В. В. Думнова, перепечатанное безъ измѣненій. М. 1908. Стр. 152. Цѣна 40 коп."

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Pachalery, A.* Anthologie des prosateurs et des poètes français du XIX siècle. I. Prosateurs de la période romantique 1800—1850. 2-e édition entièrement refondue. Odessa. Pages VIII+254. Prix 1 r. 30 cop.“ (для старшихъ классовъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

3. Признать заслуживающими вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— „*Баратынскій, Е. А.* Избранныя сочиненія. Лирическія стихотворенія.—Поэмы.—Прозаическія статьи.—Матеріалы для изученія поэта. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1896. Стр. V+160. Цѣна 50 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. *А. Н. Чудинова*. Вып. XXIII).“

— „*Батюшковъ, К. Н.* Стихотворенія. LXXIII лирическихъ стихотвореній.—XVIII сатирическихъ пьесъ. — Объяснительныя статьи. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1906. Стр. VII+174. Цѣна 50 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. *А. Н. Чудинова*. Вып. XXXI).“

— „*Богдановичъ, И. Ф.* Избранныя сочиненія. Душенька.—Радость Душеньки.—Объяснительныя статьи. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1907. Стр. VIII + 154. Цѣна 45 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. *А. Н. Чудинова*. Вып. XXXIV).“

— „*Борисовъ, Александръ Алексѣевичъ.* У самоѣдовъ. Отъ Пинеги до Карскаго моря. Путевые очерки. Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. Стр. 104.“

— „*Веймеръ, Г.* Исторія педагогики. Съ нѣм. перевелъ *К. Тюлеліевъ*. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. Стр. 124+VIII+II. Цѣна 1 р.“

— „*Дмитріевъ, И. И.* Избранныя стихотворенія. Лирическія стихотворенія.—Пѣсни.—Сатиры.—Сказки. — Басни. — Апологи. — Объяснительныя статьи. Изд. И. Глазунова С.-Пб. 1896. Стр. II+144+IV. Цѣна 40 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. *А. Н. Чудинова*. Вып. XXI).“

— „Житье и хоженье Данила Русьскыя земли игумена. 1106—1108. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1896. Стр. III+79+6+2 карты. Цѣна 50 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. *А. Н. Чудинова*. Вып. XXIV).“

— „*Камоэнсъ, Луисъ*. Лузіады. Поэма въ 9 пѣсняхъ. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1897. Стр. III + 189. Цѣна 50 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. *А. Н. Чудинова*. Серія II, вып. VI)“.

— „*Капнистъ, В. В.* Избранныя сочиненія. Ябеда, комедія.—Оды.—Гораціанскія и анакреонтическія оды.—Посланія. — Сатира.—Эпиграммы и надписи.—Объяснительныя статьи. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1907. Стр. VIII+214. Цѣна 45 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. *А. Н. Чудинова*. Вып. XXXV).“

— „*Козловъ, И. И.* Стихотворенія. Лирическія стихотворенія, оригинальныя и переводныя.—Поэмы.—Объяснительныя статьи. Изданіе И. Глазунова. С.-Пб. 1906. Стр. XI+314. Цѣна 55 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. *А. Н. Чудинова*. Вып. XXX).“

— „*Кольцовъ, А. В.* Стихотворенія. 87 стихотвореній. — Этюды В. Г. Бѣлинскаго и В. Н. Майкова. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1905. Стр. VII+292. Цѣна 50 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. *А. Н. Чудинова*. Вып. XXIX).“

— „*Конанъ-Дойлъ*. Черный принцъ (The white company). Историческій романъ. Въ 2-хъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго *Н. д'Андре*. Изданіе М. В. Клюкина. М. Стр. 288. Цѣна 1 р.“

— „*Крыловъ, И. А.* Басни. Текстъ 201 басни съ примѣчаніями.—Объяснительныя статьи. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1908. Стр. V + 308. Цѣна 60 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. *А. Н. Чудинова*. Вып. XXXVI).“

— „*Курбскій, А. М.* и Царь *Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный*. Избранныя сочиненія. Изданіе И. Глазунова. С.-Пб. 1902. Стр. VI+261. Цѣна 55 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. *А. Н. Чудинова*. Вып. XXVIII).“

— „*Макферсонъ, Джемсъ*. Поэмы Оссіана. Переводъ и примѣчанія *Е. В. Балобановой*. Изданіе И. Глазунова. С.-Пб. 1897. Стр. III+103. Цѣна 35 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. *А. Н. Чудинова*. Серія II, вып. III).“

— „*Незвановъ, П.* (*П. Тицъ*). Дѣтскіе разсказы. 5-е изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. Стр. 249.“

— „*Новиковъ, Н. И.* Живописецъ. Избранныя статьи изъ «Живописца».—Извлеченіе изъ «Трутня».—Матеріалы для изученія писателя. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1896. Стр. II + 106. Цѣна 35 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. *А. Н. Чудинова*. Вып. XXV)."

— „*Озеровъ, В. А.* Трагедіи. Эдипъ въ Аѳинахъ. — Фингалъ. — Димитрій Донской.—Объяснительныя статьи. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1907. Стр. IV+191. Цѣна 45 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. *А. Н. Чудинова*. Вып. XXXIII)."

— „*Павловскій, А. А.* Атласъ по исторіи древняго искусства. Одесса. 1907. L таблицъ. Цѣна 3 р. 50 коп."

— „*Петрарка, Франческо*. Избранные сонеты и канцоны въ переводахъ русскихъ писателей. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1898. Стр. VIII+42. Цѣна 25 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. *А. Н. Чудинова*. Серія II, вып. XI)."

— „Поэмы и избранные романсы о Сидѣ въ переводахъ русскихъ писателей. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1907. Стр. IV + 157. Цѣна 50 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. *А. Н. Чудинова*. Серія II, вып. V)."

— „Пѣснь о Нибелунгахъ. Нѣмецкій народный эпосъ. Переводъ *М. И. Кудряшева*. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1896. Стр. III + 145. Цѣна 45 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. *А. Н. Чудинова*. Серія II, вып. II)."

— „*Радичъ, В.* и *Левъ Ждановъ*. На Малаховомъ курганѣ. Историческая повѣсть для юношества. Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. Стр. 175. Цѣна 80 коп., въ папкѣ 1 р."

— „*Радищевъ, А. Н.* Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Текстъ произведенія.—Объяснительныя статьи. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1906. Стр. VIII+215. Цѣна 50 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. *А. Н. Чудинова*. Вып. XXXII)."

— „Русская народная лирика. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1894. Стр. III+109. Цѣна 40 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. *А. Н. Чудинова*. Вып. XVIII)."

— „Сборникъ нѣмецкихъ стихотвореній. Составилъ и снабдилъ словаремъ *М. Бруненекъ*. Изд. 2-е. Кіевъ. 1908. Стр. 221. Цѣна 80 коп. (Deutsche Autoren. Bd. 3)."

— „Старшая Эдда (Семунда Мудраго). Сборникъ миѳологическихъ, гномической и эпическихъ пѣсенъ; въ переводахъ русскихъ писателей. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1897. Стр. III+129+XII. Цѣна 40 коп.

(Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. *А. Н. Чудинова*. Серія II, вып. IV)."

— „*Татищевъ, Василій Никитичъ*. Духовная моему сыну.— Тексты духовной и Увѣщанія.—Содержаніе разговора о пользѣ наукъ и др. сочиненій. Объяснительныя статьи. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1896. Стр. II+83. Цѣна 30 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. *А. Н. Чудинова*. Вып. XXII)."

— „*Херасковъ, М. М.* Россіада. Поэма въ XII-ти пѣсняхъ. Полный текстъ поэмы.—Объяснительныя статьи. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1895. Стр. III+288. Цѣна 60 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. *А. Н. Чудинова*. Вып. XX)".

— „*Чарская, Л. А.* Смѣлая жизнь. Подвиги загадочнаго героя. Историческая повѣсть. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. Стр. 306. Цѣна 2 р. 75 коп., въ перепл. 3 р. 50 коп."

— „*Шеръ, Г. И.* Систематическое руководство къ изученію гимнастики на аппаратахъ. М. 1908. Стр. VIII+138. Цѣна 1 р. 25 к."

— „*Эсадзе, Семенъ*. Историческая записка объ управленіи Кавказомъ. Тифлисъ. 1907. Томъ I. Стр. IV+616.—Томъ II. Стр. V+310+246. Цѣна за 2 тома 7 р."

Опредѣленіемъ основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Злотчанскій, П.* Прямолинейная тригонометрія для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 8-е, кн. маг. Е. П. Распопова. Одесса. 1908. Стр. 125+III. Цѣна 75 коп."—въ виду множества отмѣченныхъ въ ней извращающихъ смыслъ опечатокъ, исключить изъ обращенія въ учебныхъ заведеніяхъ.

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Дьяченко, Г.*, и *А. Преображенскій*. Доброе слово. Книга 2-я. Для классного чтенія. Изд. 10-е, доп., В. В. Думнова. М. 1907. Стр. X+228. Цѣна 45 коп.“

— „*Мещерскій, И.* Азбука сельскаго хозяйства. Изд. 2-е, испр. и дополн., В. Березовскаго. С.-Пб. 1908. Стр. XVI+212. Цѣна 60 коп.“ (для тѣхъ низшихъ училищъ, въ коихъ преподается сельское хозяйство, а также и въ ученическія библіотеки прочихъ низшихъ учебныхъ заведеній).

— „*Mühlmann, R.,* und *H. Haubold.* Rechenbuch für Elementarschulen. Verlag von C. I. Sichmann. Riga. 1907. I. Teil. Das Rechnen mit ganzen Zahlen. 2-te Auflage. 125 S. Preis geb. 36 Kop.—II. Teil. Gewöhnliche und Dezimalbrüche. Metrische Masse. Regel de tri. Prozentrechnung. Gewinn- und Verlustrechnung. Zinsrechnung. Rabatt-, Gesellschafts- und Mischungsrechnung. Flächen- und Körperberechnung. 99 S. Preis geb. 36 Kop.“ (при преподаваніи ариѳметики на нѣмецкомъ языкѣ, при чемъ первую часть также для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Преображенскій, А.* Букварь для обученія чтенію и письму и церковно-славянская азбука. Изд. 3-е, испр., В. В. Думнова. М. 1908. Стр. VIII+106+I табл. Цѣна 20 коп.“

— „*Пташкинъ, Д.* Басни и стихотворенія съ толкованіями. Пособіе для учащихся въ начальныхъ и народныхъ училищахъ, а равно для приготовляющихся въ низшіе классы среднихъ учебныхъ заведеній. Варшава. 1906. Стр. 94+II. Цѣна 30 коп.“

— „*Розановъ, Н.* и *Д. Харитоновъ.* Слова съ буквою *Ѣ* въ корнѣ. Пять стѣнныхъ таблицъ. Изд. К. И. Тихомирова. Москва. Цѣна пяти таблицамъ 1 р. 25 коп., наклеен. на холстѣ—3 руб.“

— „*Шипулинъ, Г. С.* Другъ юности. 20 трехголосныхъ дѣтскихъ пѣсенъ на слова русскихъ поэтовъ. С.-Пб. Стр. 31. Цѣна 60 коп.“

— „*Ясинская, Софія.* Русская книга для польскихъ дѣтей. Изд. М. Арцта. Варшава. 1908. Стр. VI+331. Цѣна въ переплетѣ 70 коп.“ (для начальныхъ училищъ).

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Мещерскій, И. И.* Какъ устраивать сады при народныхъ школахъ? Изд. 7-е, дополн., А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1907. Стр. 81. Цѣна 30 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Орловскій, И.* Краткая географія Смоленской губерніи. Изд. Смоленскаго губ. статист. комитета. Смоленскъ. 1907. Стр. 178+1 карта. Цѣна 50 коп."

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Авенаріусъ, В. П.* Исторія мопсика. (Изъ дневника Любочки). Изд. А. Д. Ступина. М. 1908. Стр. 46. Цѣна 30 коп."

— „*де-Амичисъ, Э.* Дѣвочка, спасшая поѣздъ. Перев. *Н. И. Перелыгина.* Изд. 3-е, М. В. Клюкина. М. Стр. 16. Цѣна 5 коп. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа)."

— „*де-Амичисъ, Э.* Отцовская сидѣлка. Разсказъ для дѣтей. Перев. съ итальянск. *Н. И. Пер-на.* Изд. 4-е, М. В. Клюкина. М. Стр. 16. Цѣна 4 коп. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа)."

— „*де-Амичисъ, Э.* Отъ Апеннинъ до Андовъ (въ поискахъ за матерью). Разсказъ для дѣтей. Перев. *Н. И. Перелыгина.* Изд. 3-е, М. В. Клюкина. М. Стр. 48. Цѣна 15 коп. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа)."

— „*Андерсенъ, Г.* Гадкій утенокъ. Навозный жукъ. Двѣ сказки. Перев. *Н. И. Перелыгина.* Изд. 3-е, М. В. Клюкина. М. Стр. 32. Цѣна 5 коп. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа)."

— „*Андерсенъ, Г.* Дикіе лебеди. Сказка. Перев. *Н. И. Перелыгина.* Изд. 2-е, М. В. Клюкина. М. Стр. 32. Цѣна 5 коп. (Библіотека сказокъ. № 10)."

— „*Андерсенъ.* Садовникъ и его господинъ. Сказка. Перев. *Н. И. Перелыгина.* Изд. 2-е, М. В. Клюкина. М. Стр. 16. Цѣна 5 коп. (Библіотека сказокъ. № 7)."

— „*Арсеньевъ, А. В.* Гриша Телепневъ стрѣлецкій сынъ. Историческій разсказъ изъ эпохи молодости Петра Великаго. Изд. т-ва М. О Вольфъ. С.-Пб. Стр. 46. Цѣна 30 коп."

— „*Баранцевичъ, К. С.* Ручей слезъ. Кавказская легенда. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. Стр. 24. Цѣна 20 коп."

— „*Бобинъ, С. П.* Австралія и Океанія. Географическая хрестома-

тія. Вып. 2-й. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. Стр. 312+III. Цѣна 1 р. 25 коп. (Книги для современной школы)."

— „*Богданова, А.* Путешествіе вокругъ свѣта. (Египетъ, Индія, Китай, Японія и др.). Два чтенія къ 48 картинамъ для волшебнаго фонаря. Изд. 3-е, М. В. Клюкина. М. Стр. 112. Цѣна 30 коп."

— „*В—скій, Е.* Вѣчная странница. (Похожденія капельки воды). Разсказъ для дѣтей. Изд. А. Д. Ступина. М. 1908. Стр. 31. Цѣна 10 коп."

— „*Васильевъ, М. І.* На шалыгѣ. II. Въ перелѣскѣ. Два разсказа. Изд. 3-е, М. В. Клюкина, перепечатанное безъ перемѣнъ съ І-го изданія. М. Стр. 16. Цѣна 5 коп. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа)."

— „*Васинъ, Н.* Соперникъ. (Что сдѣлалъ Ваня изъ любви къ товарищу). Разсказъ. Изд. М. В. Клюкина. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа). М. Стр. 16. Цѣна 5 коп." (для начальныхъ школъ).

— „*Вэръ-Чистякова, Е.* Разсказы для дѣтей. Съ рисунками. Изд. 3-е, М. В. Клюкина. М. Стр. 64. Цѣна 40 коп., въ папкѣ 55 коп."

— „*Горбуновъ-Посадовъ, И.* и *Я. Егоровъ.* Ясная звѣздочка. Вторая книга для чтенія въ школѣ и дома. М. 1907. Стр. 224. Цѣна 40 коп. (Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества)."

— „*Гофманъ, Фр.* Бѣдный мальчикъ. Перев. съ нѣм. Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 2-е, М. В. Клюкина. М. Стр. 110. Цѣна 65 коп., въ папкѣ 80 коп."

— „*Бр. Гриммъ.* Дѣдушкины сказки. Перев. подъ ред. *А. А. Терешкевича.* Съ рисунками. Изд. 3-е, М. В. Клюкина. М. Стр. 63. Цѣна 35 коп., въ папкѣ 50 коп."

— „*Д., П.* Пословицы, притчи и басни. Изд. М. Н. Слѣпцовой. С.-Пб. 1903. Стр. 48. Цѣна 10 коп." („Книжка за книжкой", кн. 31-я).

— „*Диккенсъ, Ч.* Малютка Тимъ и другіе разсказы. Въ пересказѣ его внучки. Съ рисунками. Изд. 2-е, М. В. Клюкина. М. Стр. 79. Цѣна 45 коп., въ папкѣ 60 коп."

— „*Диккенсъ, Ч.* Скряга Скруджъ и три добрыхъ духа. Разсказъ для дѣтей. Передѣлалъ изъ разсказа Диккенса „Рождественская пѣснь въ прозѣ" *А. Сердобольскій.* Съ рисунками. Изд. 5-е, М. В. Клюкина. М. Стр. 63. Цѣна 35 коп., въ папкѣ 50 коп."

— „*Додэ, А.* Козочка господина Сегена. Разсказъ. Изд. 2-е, М. В.

Клюкина. М. 1908. Стр. 16. Цѣна 3 коп. (Добрыя души. Чтенія для дѣтей и для народа)."

— „*Додэ, А.* Необдуманный поступокъ. С.-Пб. Стр. 28. Цѣна 8 коп. („Книжка за книжкой", кн. 153-я)."

— „*Ершовъ, П.* Конекъ-Горбунокъ. Русская сказка. Изд. 22-е. С.-Пб. 1908. Стр. 128. Цѣна 20 коп."

— „*Жуковскій, В. А.* Сказка объ Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ. Съ рисунками. Изд. 2-е, М. В. Клюкина. М. 1906. Стр. 32. Цѣна 5 коп. (Иллюстрированная библіотека, № 3)."

— „*Зандъ, Жоржъ.* Крылья мужества. Фантастическая повѣсть. Перев. съ франц. *А. В. Перелыгиной.* Изд. 2-е, М. В. Клюкина. М. Стр. 94. Цѣна 15 коп. (Добрыя души. Чтенія для дѣтей и для народа)."

— „*Крыловъ, И. А.* 50 басенъ. Изд. М. Н. Слѣпцовой. С.-Пб. 1903. Стр. 174. Цѣна 30 коп." („Книжка за книжкой", кн. 32-я).

— „*Лабулэ, Эд.* Петруша. Финская сказка. Переводъ *Н. И. П—а.* Съ рисунками. Изд. 3-е, М. В. Клюкина. М. Стр. 16. Цѣна 5 коп. (Добрыя души. Чтенія для дѣтей и для народа)."

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Разсказы и сказки. Томъ I-й. 9-е изд. ред. журн. „Юная Россія" (Библіот. для семьи и школы). М. 1908. Стр. 216. Цѣна 1 руб."

— „*Митропольскій, Ив.* Рыцарь. Разсказъ изъ исторіи одного медвѣдя. Съ рисунками. Изд. 2-е, М. В. Клюкина. М. Стр. 32. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 40 коп."

— „*Митропольскій, И. И.* Тяжелый годъ. Разсказы изъ 1812 года. Съ рисунками. Изд. 2-е, М. В. Клюкина. М. Стр. 64. Цѣна 40 коп., въ папкѣ 55 коп."

— „*Незвановъ, П.* (П. Тицъ). Дѣтскіе разсказы. Изд. 5-е А. Ф. Девріена. С.-Пб. Стр. 249."

— „*Носиловъ, К.* На дикомъ сѣверѣ. Изд. „Юной Россіи" (Библіот. для семьи и школы). М. 1908. I-й сборникъ разсказовъ. Стр. 115. Цѣна 40 коп.—2-й сборникъ разсказовъ. Стр. 111. Цѣна 40 коп." (для городск. учил.).

— „Приключенія бѣлочки Чокки-Чокъ. Изъ дѣтства Бѣлочки. Пересказано съ нѣмецкаго *А. А. Ѳ.-Д.* Изд. А. Д. Ступина. М. 1908. Стр. 38. Цѣна 15 коп."

— „*Разина, Е. А.* Первые подвижники земли русской. Изд. 3-е, М. В. Клюкина. М. 1906. Стр. 32. Цѣна 10 коп. (Добрыя души. Чтенія для дѣтей и для народа)."

— „*Рогова, О. И.* Золотая пчелка — Божья работница. Изд. 2-е, А. Д. Ступина. М. 1908. Стр. 42. Цѣна 30 коп.“

— „*Сальниковъ, А. Н.* Антонъ Рыбакъ. Разсказъ. Съ рисунками. Изд. 3-е, М. В. Клюкина. М. Стр. 16. Цѣна 5 коп. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа).“

— „*Сетонъ-Томпсонъ, Э.* Летунъ. Исторія одного почтоваго голубя. Перев. съ англ. *Н. А. Альмединченъ*. Съ 14 рисунками автора. М. 1908. Стр. 28. Цѣна 12 коп., въ папкѣ 22 коп. (Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества).“

— „*Сетонъ-Томпсонъ, Э.* Лихой скакунъ. Исторія одного кролика. Перев. съ англ. *А. Рождественской*. Съ рисунками, рисованными авторомъ. М. 1908. Стр. 44. Цѣна 20 коп., въ папкѣ 30 коп. (Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества).“

— „*Сльпцова, М.* За золотомъ по Амуру. С.-Пб. Стр. 32. Цѣна 8 коп. («Книжка за книжкой», кн. 157-ая).“

— „*Смирновъ, Ил.* Деревенская школа. Разсказъ для дѣтей. Съ рисунками. Изд. 2-е, М. В. Клюкина. М. Стр. 46. Цѣна 20 коп. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа).“

— „*Смирновъ, Ил.* Подпасокъ. Изд. 6-е, М. В. Клюкина. М. 1907. Стр. 32. Цѣна 40 коп., въ папкѣ 55 коп. (Разсказы для дѣтей младшаго возраста).“

— „*Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А.* Счастливые годы. Сборникъ разсказовъ. Изд. 2-е, т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. Стр. 126. Цѣна 50 коп.“

— „*Сорокинъ, Н.* Всюду жизнь. Разсказъ для дѣтей изъ жизни и природы. Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 2-е, М. В. Клюкина. М. 1908. Стр. 48. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 45 коп.“

— „*Станюковичъ, К. М.* Куцый. Разсказъ. Съ рисунками. Изд. 4-е, М. В. Клюкина. М. Стр. 32. Цѣна 10 коп. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа).“

— „*Станюковичъ, К. М.* Человѣкъ за бортомъ. Разсказъ. Съ рисунками. Изд. 7-е, М. В. Клюкина. М. Стр. 32. Цѣна 10 коп. (Добрыя души. Чтенія для дѣтей и для народа).“

— „*Терье, А.* Трубка.—Путешествіе маленькаго Гэба. Разсказы. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. Стр. 14+9. Цѣна 15 коп.“

— „*Тулуповъ, Н. В.* и *Шестаковъ, П. М.* Красная шапочка. Книжка для чтенія на первомъ году обученія. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Библіотека новой школы. № 1). М. Стр. 32. Цѣна 3 коп.“ (для нач. нар. училищъ).

— „*Тулуповъ, Н. В.* и *Шестаковъ, П. М.* Мальчикъ съ пальчикъ. Книжка на первомъ году обученія. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Библіотека новой школы. № 2). М. Стр. 32. Цѣна 3 коп.“ (для нач. нар. училищъ).

— „*Тулуповъ, Н. В.* и *Шестаковъ, П. М.* Снѣгурка. Книжка для чтенія на первомъ году обученія. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Библіотека новой школы. № 3). М. Стр. 32. Цѣна 3 коп.“ (для нач. нар. училищъ).

— „*Тулуповъ, Н. В.* и *Шестаковъ, П. М.* Три медвѣдя. Книжка для чтенія на первомъ году обученія. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Библіотека новой школы. № 4). М. Стр. 32. Цѣна 3 коп.“ (для нач. нар. училищъ).

— „*Умновъ, А. А.* Наши враги изъ царства бабочекъ. Популярно-научный этюдъ. М. 1908. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Фурманъ, П. Р.* Саардамскій плотникъ. Историческая повѣсть. Съ рисунками. Изд. М. В. Клюкина. М. Стр. 95. Цѣна 25 коп.“ (Историческая библіотека).

— „*Шевченко, Т. Г.* Пѣсни и думы кобзаря. Сборникъ стихотвореній въ пер. И. Бѣлоусова, И. Бибикова, В. Гиляровскаго, А. Коринфскаго, Л. Мея, А. Плещеева, В. Соболева, Н. Гербеля и др. Изд. 4-е, М. В. Клюкина. М. Стр. 47. Цѣна 20 коп.“

— „*Шелгунова, Л. П.* Русскія сказки. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. Вып. V. Стр. 47. — Вып. VI. Стр. 47. Цѣна кажд. вып. 15 коп., въ папкѣ 25 коп.“

— „*Θедоровъ-Давыдовъ, А. А.* Бабусины сказки. Изд. журн. „Свѣтлячокъ“. М. Стр. 231.“

— „*Θедоровъ-Давыдовъ, А. А.* Зимнія сумерки. Разсказы, сказки и стихотворенія. Изд. 9-е, А. Д. Ступина. М. Стр. 101. Цѣна 40 коп.“

— „*Θедоровъ-Давыдовъ, А. А.* Зори весеннія. Разсказы, сказки и стихи. Изд. 3-е, А. Д. Ступина. М. Стр. 107. Цѣна 40 коп.“

— „*Θедоровъ-Давыдовъ, А. А.* Истые рыцари. („Герои долга“). Разсказы и очерки. Изд. 2-е, А. Д. Ступина. М. 1907. Стр. 190. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 коп.“

— „*Θедоровъ-Давыдовъ, А. А.* Котикъ-Котокъ-Сѣренькій-Лобокъ. По народнымъ колыбельнымъ пѣснямъ. Изд. 2-е, А. Д. Ступина. М. Стр. 47. Цѣна 20 коп.“

— „*Θедоровъ-Давыдовъ, А. А.* Собака-герой на войнѣ. Очерки. Изд. 4-е. М. Стр. 64. Цѣна 20 коп.“

— „*Θедоровъ-Давыдовъ, А. А.* Стихотворенія.—Баллады, легенды,

былины, сказки. (1895 — 1907 гг.). Съ рисунками и портретомъ автора. Изд. кн. маг. Н. Ѳ. Лидертъ. М. 1907. Стр. 332. Цѣна 1 р. 50 коп."

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Покровскій, А.* Русскій и церковно-славянскій букварь съ книгою для чтенія и матеріаломъ для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій. Изд. 3-е, исправл. и дополн. С.-Пб. 1908. Стр. 121 + + VII + 6 табл. + IV стр. Цѣна 20 коп." (для начальныхъ нар. училищъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе было тщательно исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „*Турцевичъ, Ар.* Русская исторія (въ связи съ исторіей Великаго Княжества Литовскаго). Курсъ городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Изд. 10-е, безъ перемѣнъ. Вильна. 1908. Стр. VI+155. Цѣна 55 коп." (въ качествѣ руководства для городскихъ по Положенію 1872 г. училищъ и женскихъ гимназій, съ тѣмъ, чтобы она была тщательно исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

Опредѣленіемъ отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Иллюстрированный еженедѣльный журналъ: „*Природа и Люди.* Ред.-изд. *П. П. Сойкинъ.* С.-Пб. Цѣна за годъ съ доставкою и пересылкою 7 р."—допустить, при настоящей его редакціи, къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

СПИСОКЪ КНИГЪ,

разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— „*Бобинъ, С. П.* Австралія и Океанія. Географическая хрестоматія. Вып. 2-й. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. Стр. 312+III. Цѣна 1 р. 25 коп. (Книги для современной школы)."

— „*Борисовъ, А. А.* У самоѣдовъ. Отъ Пинеги до Карскаго моря. Путевые очерки. Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. Стр. 104.“

— „*Гоголь, Н. В.* Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. *П. В. Быкова.* Изд. т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. Стр. XXVIII+968+III. Цѣна 2 р.“

— „*Додэ, А.* Необдуманный поступокъ. С.-Пб. Стр. 28. Цѣна 8 коп. („Книжка за книжкой“, кн. 153-я).“

— „*Дороѳеевъ, П. П.* Какъ дешево устроить садъ и ухаживать за нимъ. Руководство по плодоводству для крестьянъ. Подъ ред. *В. В. Пашкевича.* Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1906. Стр. 83. Цѣна 40 коп.“

— „*Конъ.* Общество клѣтокъ. Изд. М. Н. Слѣпцовой. („Книжка за книжкой“, кн. 156-я). С.-Пб. Стр. 20. Цѣна 6 коп.“

— „*Марксъ, А. Ф.* Географическій и статистическій карманный атласъ Россіи. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ. С.-Пб. 1907. Стр. 172+46 картъ. Цѣна 2 р.“

— „*Назаревскій, В. В.* Русская исторія. Чтенія для московскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ. Вып. VI. М. 1905. Стр. 125. Цѣна 75 коп.“

— „*Носиловъ, К.* На дикомъ сѣверѣ. Изд. „Юной Россіи“ (Библіотека для семьи и школы). М. 1908. 1-й сборникъ разсказовъ. Стр. 115. Цѣна 40 коп.—2-й сборникъ разсказовъ. Стр. 111. Цѣна 40 коп.“

— „*Радичъ В.* и *Левъ Ждановъ.* На Малаховомъ Курганѣ. Историческая повѣсть для юношества. Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. Стр. 175. Цѣна 80 коп., въ папкѣ 1 р.“

— „*Риттихъ, П. А.* Отечествовѣдѣніе. Съ рисунками. Изд. ред. журн. „Досугъ и Дѣло“. С.-Пб. 1908. Стр. VI+228. Цѣна 50 коп.“

— „*Толстой, Л. Н.* Богу или маммонѣ? Изд. „Посредника“. № 287. М. 1906. Стр. 16.“

— „*Трупчинскій, А. В.* Среднее Поволжье. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Геогр. комиссія при учебн. отдѣлѣ общ. распр. техн. знаній). М. 1908. Стр. 151. Цѣна 40 коп.“.

ПРАВОСПОСОБНОСТЬ ЛИТОВСКО-РУССКОЙ ШЛЯХТЫ [1]).

III. Акты пріобрѣтенія и утраты шляхетскихъ правъ.

Литовско-русское право, съ первыхъ же опытовъ „уравненія" въ правахъ литовской и русской шляхты съ польской, признавало основную формулу старо-польскаго права по вопросу о пріобрѣтеніи шляхетства: „nobiles vel nascuntur, vel fiunt", т. е. признавало принципъ пріобрѣтенія шляхетства рожденіемъ или пожалованіемъ. Первый актъ лежитъ въ основѣ родовитаго, стариннаго шляхетства; второй — шляхетства новаго, пожалованнаго [2]).

Владиславъ-Ягелло, инициаторъ уніи, какъ мы знаемъ, въ одновременно изданныхъ привилеяхъ 1387 г. о правахъ литовскихъ бояръ и о „послушаніи" литовцевъ римско-католической церкви, обязывалъ, въ особенности родовитыхъ, „большихъ" (universis et singulis) литовскихъ бояръ, къ принятію римско-католической вѣры, чѣмъ обусловливалось и пользованіе нѣкоторыми правами польской шляхты [3]). Точно также при пожалованіи шляхетскихъ правъ литовскому боярству, на основаніи Городельскаго привилея 1413 г., были предоставлены потомственно польскіе гербы nobiles proceres, которые отъ своего имени и за своими печатями дали полякамъ на сеймѣ 1413 г. запись о соблюденіи состоявшагося договора объ уніи [4]). Привилей 1413 г., такимъ образомъ, далъ начало образованію изъ высшаго родовитаго

---

[1]) *Продолженіе.* См. іюньскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1908 г.

[2]) См. мои Очерки изъ исторіи литовско-русскаго гражданскаго права,— Журн. Минист. Юст. 1905, октябрь, стр. 147.

[3]) Zbiór praw litew., стр. 1. Wapowski, dzieje Korony Pol. etc., I, стр. 74.

[4]) Zbiór praw litew., стр. 17, 18, 21.

литовскаго боярства особаго шляхетскаго класса, члены котораго получали шляхетскія права въ силу своего *рожденія*, принадлежности къ старинной боярской фамиліи [1]). Послѣ изданія Городельскаго привилея акты постоянно говорятъ о литовскихъ и русскихъ боярахъ, остававшихся на прежнемъ непривилегированномъ положеніи, и о боярахъ — шляхтѣ „старинной", „родовитой", „прирожоной", „звѣчной" и пр. [2]). Въ актахъ о выводѣ шляхтства отдѣльныхъ лицъ вездѣ констатируется, „штожъ они зъ века бояре-шляхта суть", „зъ роду" или „зъ вѣковъ суть бояре-шляхта", „съ одного роду отъ прадеда, отъ деда, съ одное крови имъ есть братъ", „здавна, зъ предковъ службу земскую, военную прикладомъ иныхъ земянъ служивали", „зъ роду съ потужнаками своими есть шляхтичомъ" и пр. [3]). По Литовскому Статуту и позднѣйшимъ конституціямъ шляхетство доказывается свидѣтельскими показаніями и другими актами о томъ, что данное лицо „зъ роду есть шляхтичъ", „есть прирожоный а правдивый шляхтичъ" и пр. [4]), т. е. въ силу своего рожденія, принадлежности къ старинному шляхетскому роду, данное лицо пользуется всѣми шляхетскими правами. Это-то шляхетство, наслѣдовавшееся путемъ брачныхъ связей нѣсколькими поколѣніями родичей, называлось въ польскомъ и литовско-русскомъ правѣ nobilitas avita, szlachectwo rodowite (idące), прирожоное, правдивое и пр. [5]).

Права родовитой шляхты наслѣдовались только дѣтьми, прижитыми въ законномъ бракѣ; дѣти незаконнорожденныя, внѣбрачныя, устранялись отъ наслѣдованія въ отчизнахъ и материзнахъ, какъ и вообще не могли пользоваться никакими шляхетскими вольностями [6]). Для пріобрѣтенія правъ родовитаго шляхетства требовалось только, чтобы отецъ былъ рода шляхетскаго, — мать же могла происходить

---

[1]) См. Любавскаго Сеймъ, стр. 48.

[2]) Акты Литовской Метрики, № 253. А. З. Р., I, № 37. Skarbiec, № 2192. Ясинскаго Уст. зем. грам., стр. 196—198. Статутъ 1588, XII, 2. 12 и пр. см. Любавскаго Сеймъ, 437 и сл.

[3]) Арх. Ю. З. Р., ч. IV, т. I, № 5. А. В. К., т. XIV, № 29. А. З. Р., III № 32. Skarbiec, № 2192. Любавскаго Сеймъ, стр. 437—440, 461.

[4]) Статутъ 1529, III, 11. Статутъ 1566, III, 16. Статутъ 1588, III, 19. Volumina legum. II, 1502; III, 805; IV, 449, 538, 928 и пр.

[5]) См. Bandtkie, Prawo pryw. pol. стр. 60, 65. Buzzynski, Prawo pol. pryw. I, стр. 486.

[6]) См. мои Очерки изъ исторіи литовско-русскаго гражданскаго права, — Журн. Мин. Юст., сентябрь, 1903, стр. 38—45.

и изъ плебеевъ [1]). Лишь позже, конституціями XVIII в., для занятія высшихъ урядовъ военныхъ, также въ духовныхъ капитулахъ, прелатурахъ и пр., требовалось, чтобы отецъ и мать кандидата происходили отъ родовитой шляхты [2]).

Пожалованіе было главнымъ актомъ, положившимъ начало новому или жалованному шляхетству. Говоря выше о родовитости, какъ основномъ генезисѣ шляхетской правоспособности, мы привели рядъ данныхъ, опредѣлявшихъ различія въ правахъ между родовитой и новой или жалованной шляхтой, съ половины XVII в. возводившейся въ шляхетство „salvis juribus de scartabellis“, т. е. съ устраненіемъ до третьяго поколѣнія отъ участія въ политическихъ правахъ шляхты, или же возводившихся въ шляхетство „praeciso scartabellatu“, т. е. безъ всякихъ ограниченій въ правахъ. Теперь мы разсмотримъ актовыя данныя касательно главныхъ видовъ пожалованія шляхетства и тѣхъ условій, при какихъ шляхетство можетъ пріобрѣтаться путемъ пожалованія.

Въ источникахъ литовско-русскаго права съ XV в. различаются два главные фактора, опредѣлявшіе генезисъ жалованнаго шляхетства. Права и вольности шляхетскія могли пріобрѣтаться или путемъ земельныхъ данинъ, съ обязанностью отправлять съ нихъ земскую шляхетскую службу, или же путемъ пожалованія самаго шляхетства.

Касательно пріобрѣтенія шляхетства путемъ полученія земельныхъ пожалованій господарскихъ или данинъ частновладѣльческихъ прежде всего укажемъ на не совсѣмъ точную формулировку этого вопроса въ трудахъ нѣкоторыхъ изслѣдователей западно-русской старины. Такъ, покойный профессоръ С. А. Бершадскій полагаетъ, что слуга панскій, получивъ отъ своего пана землю, съ подтвержденіемъ господаря и съ обязанностію отбывать военную повинность, „тѣмъ самымъ становился земяниномъ. Никакихъ иныхъ условій не требовалось: ни особаго возведенія королемъ въ шляхетское званіе, ни дарованія новаго герба или сопричисленія къ какому либо старому шляхетскому гербу“ [3]). Точно также, по мнѣнію Грушевскаго, служилое шляхет-

[1]) По Литовскому Статуту, если шляхтичъ имѣетъ жену изъ плебеевъ, то онъ „жону и дѣти свои, зъ нею спложеные, собою и шляхетствомъ своимъ *шляхтитъ*. и таковые жона и дѣти ихъ за правдивыхъ шляхтичовъ быти маютъ.“ (Статутъ 1566, III, 16. Статутъ 1588, III, 20).

[2]) Volumina legum, VII, 88. Ostrowski, Prawo cywilne, I, стр. 22. Bandtkie, Prawo pryw pol., стр. 84, 169.

[3]) См. Литовскіе евреи, стр. 291.

ство могло пріобрѣтаться простолюдинами безъ нобилитаціи, путемъ простого пожалованія земельныхъ владѣній, обязывавшихъ къ военной службѣ [1]). По словамъ Любавскаго, въ XV в. „признакомъ шляхетства стала не только принадлежность къ тому или другому шляхетскому гербу, но и простая боярская служба, безъ герба". „Боярское званіе остается совершенно достаточнымъ для пользованія шляхетскими правами и вольностями" [2]). Намъ кажется, что изложенныя положенія формулированы изслѣдователями безъ достаточнаго знакомства съ актовыми данными о тѣхъ условіяхъ, при наличности которыхъ вмѣстѣ съ земельными данинами и съ отправлявшеюся съ нихъ военной службой могло пріобрѣтаться и шляхетство съ его правами и вольностями. Въ данномъ случаѣ достаточно указать на одинъ актъ, который, на нашъ взглядъ, вполнѣ разъясняетъ данный вопросъ: показанія этого акта идутъ въ прямой разрѣзъ съ положеніями изслѣдователей о томъ, что званіе боярина и боярская служба съ земельныхъ данинъ были достаточными для пользованія шляхетскими вольностями. Актъ этотъ, извлеченный г. Любавскимъ изъ архивнаго матеріала Литовской Метрики, касается суднаго дѣла боярина Яна Ганцевича съ прибившимъ его бояриномъ же Рымковичемъ. Ганцевичъ искалъ судебнымъ порядкомъ взысканія съ своего обидчика „шляхетскаго безчестья" на томъ основаніи, что великій князь Сигизмундъ Кейстутовичъ вызволилъ его предка отъ тяглой службы, велѣлъ ему служить боярскою службою. Однако, король Сигизмундъ, разбиравшій данное дѣло, отказалъ Ганцевичу въ шляхетской навезкѣ, въ виду того, что хотя его предокъ былъ переведенъ на боярскую службу, но при этомъ шляхетство ему не дано; поэтому король присудилъ Ганцевичу безчестье, „какъ которому путному слугѣ", т. е. рубль грошей, а не 12 рублей, какъ бы слѣдовало, еслибы Ганцевичъ доказалъ свое шляхетство, а съ нимъ и право на шляхетское безчестье [3]). Настоящее дѣло съ несомнѣнностью доказываетъ, что переводъ на боярскую службу можетъ предоставлять шляхетскія права лишь въ томъ случаѣ, если при такомъ переводѣ жалуется и самое шляхетство, т. е. тотъ, кто переводится на боярскую службу, категорически

---

[1]) Барское староство, стр. 223, 224.

[2]) Литовско-русскій сеймъ, стр. 430. Въ другомъ мѣстѣ г. Любавскій, впрочемъ, высказываетъ болѣе правильную мысль о томъ, что шляхетство пріобрѣтается путемъ обязательства боярскою службою, если при этомъ ему категорически дано шляхетство (ibid., стр. 433—434).

[3]) *Любавскій*, Сеймъ, стр. 433, 434.

обязывается отправлять ее, какъ и иные „бояре-шляхта“ или „земяне“ и пр. [1]). Затѣмъ, есть рядъ другихъ актовъ, изъ коихъ также видно, что съ земельными пожалованіями связывалось пользованіе шляхетскими правами лишь подъ условіемъ пожалованія имѣній на спеціально шляхетскомъ земскомъ правѣ [2]).

Древнѣйшимъ актомъ пожалованія имѣнія на спеціально шляхетскомъ земскомъ правѣ, если не ошибаемся, можно считать жалованную грамоту подольскихъ князей Константина и Өедора Коріатовичей, данную ими въ 1388 г. ихъ слугѣ Немирѣ за его „вѣрную службу“. Предметомъ данины служилъ подольскій городъ Бакота съ десятью тянувшими къ нему селами. Имѣніе это пожаловано „у дединну и вотчину“ Немирѣ и всѣмъ его наслѣдникамъ (дѣтямъ и всѣмъ его „прирожонымъ послѣдкомъ“), „со всѣмъ правомъ: и съ данію, и съ винами, и съ суды, и съ пересуды, и съ мыты, и со всими млыны, и со всими ужитки, то его вѣчно имѣетъ быти непорушено“. Немира самъ судитъ своихъ людей; послѣдніе свободны отъ всякихъ повинностей въ пользу князей, кромѣ устройства крѣпостей, также татарской дани, если послѣднюю будутъ давать всѣ земяне. Немира и его потомки обязаны „вѣрно послужити и на войну и на погоню, какъ и всѣ *земяне*“ [3]).

Въ основѣ грамоты подольскихъ князей лежитъ признаніе за владѣльцемъ жалованнаго имѣнія такой полноты шляхетскихъ правъ, какая въ Литвѣ-Руси была признана за поземельной шляхтой впервые

---

[1]) Иногда предоставлялись простолюдинамъ ленныя владѣнія подъ условіемъ военной службы, но безъ признаній за ними шляхетскихъ правъ. Королева Бона, владѣвшая въ Подоліи Барской волостію на положеніи удѣльной княгини, предоставила владѣніе на ленномъ правѣ (jure xeudali) рыбными ловами и пасѣками крестьянамъ (chmetones v. incolas villarum) шести селъ (Ивановецъ, Баликовецъ и др.) съ обязанностію отправлять на мѣстѣ военную службу, въ видахъ усиленія земской оброны отъ татарскихъ „пополоховъ“. Послѣ присоединенія Барской волости къ великокняжескимъ владѣніямъ, король Сигизмундъ-Августъ въ 1557 г. особымъ привилеемъ подтвердилъ за крестьянами бывшія въ ихъ владѣніи земли; при чемъ ленники именуются въ привилеѣ по старому крестьянами, безъ категорическаго признанія за ними шляхетскихъ правъ (Арх. Ю. З. Р., ч. VIII, т. I, № 97. См. Журн. Мин. Юст, 1903, окт., стр. 158. Грушевскаго Барск. староство, стр. 250).

[2]) См. *Довнаръ-Запольскій,* Госуд. хозяйство, стр. 644, 615, 648.

[3]) Варшав. Унивеp. Извѣст. 1893, т. III, стр. 21, 22. Въ концѣ грамоты прибавлено: если бы Немирѣ „не любо было у насъ служити“, онъ можетъ свое „выслуженіе“ заставить, продать и инымъ путемъ передать другому и затѣмъ „съ нашею волею доложився насъ, своихъ господаревъ, съ отпущеніемъ поклонився, можетъ пойти къ нашему пріятелю, отколя бы намъ шкоды не чинилъ“.

земскимъ привилеемъ 1447 г. Бывшій слуга княжескій настоящей грамотой собственно возводится въ полноправные земяне, — грамота подольскихъ князей, по своему содержанію, равнозначительна съ спеціальнымъ привилеемъ на шляхетство. Сохранился рядъ другихъ актовъ XV и XVI в. въ томъ же родѣ; въ нихъ пожалованіе имѣній дается на общемъ земскомъ или шляхетскомъ правѣ, съ обязанностью отправлять земскую службу (cum obligatione militiam), „какъ иншіи земяне" или „бояре-шляхта", „какъ и инымъ подданнымъ нашимъ—шляхтѣ роскызали есмо къ службѣ нашой достаточне ся мѣти" и пр. [1]). Приведу изъ Литовской Метрики еще листъ; 1511 г., данный Петрыковскому королемъ Сигизмундомъ, съ подтвержденіемъ за нимъ имѣнія на шляхетскомъ земскомъ правѣ. Владѣлецъ имѣнія билъ челомъ господарю о томъ, что воевода Виленскій Радивиловичъ, когда держалъ Бѣльскъ, далъ ему двѣ пустовскія земли, „и казалъ ему съ нихъ порубы и куницу и дань медовую до гаевника давати", вмѣстѣ съ другими людьми „поднимать королевскій обѣдъ, которыя подачки раньше шли съ земель", съ освобожденіемъ подданныхъ отъ всякихъ тяглыхъ службъ, дякла, порубовъ подводныхъ и другихъ тяглыхъ подачекъ, съ панскимъ судомъ и пр. Воеводское пожалованіе было подтверждено королями Александромъ и Сигизмундомъ на общемъ шляхетскомъ правѣ. Въ силу жалованнаго листа Петрыковскій сталъ съ этихъ поръ числиться Бѣльскимъ земяниномъ [2]).

Привилеи на шляхетство выдавались, далѣе, независимо отъ земельныхъ данинъ и перевода на земскую службу. Типическимъ актомъ этого рода можно считать привилей, выданный въ 1438 г. великимъ княземъ Свидригайломъ выходцу изъ Сѣверской земли боярину Тимофею Богушу. Привилей данъ за вѣрную службу: „хотячи въ здѣшнемъ панствѣ при дворѣ нашомъ заховати, оного прыймуемо и прыняли есмо, яко человѣка задного, родовитаго и рыцерского, надаемо вольности въ великомъ князьствѣ литовскомъ заживати, какъ иншыи князи, паны и шляхты хоруговые заживають и заживати будуть. Маетъ онъ намъ вѣрнымъ быти: а съ кимъ мы будемъ смирни, и онъ зъ нами, а съ кимъ несмирни, ино и онъ противно тому маетъ быти несмиренъ; и волно ему въ здѣшнемъ панъствѣ жену пояти и титулу вшелякого и волности шляхетскоѣ, яко властному шляхтичови, тубиль-

[1]) А. Ю. З. Р., I, № 10. Skarbiec, № 1803. А. В. К., I, № 5. Любавскаго Областное дѣленіе, стр. 343. Его же Сеймъ, стр. 433 и слѣд.

[2]) Лит. Метр. Записей, № 9, л. 94.

цови заживати; а онъ намъ маетъ посполу зышюю шляхтою, князи, паны и земяны нашими, службу военную отправовати" [1]). Какъ видно изъ актовъ, выдача особыхъ привилеевъ на шляхотство усиленно практиковалась въ XVI в. Шляхетскіе привилеи выдавались боярамъ, служилымъ людямъ, мѣщанамъ и „подданнымъ" господарскимъ и панскимъ за разныя заслуги, съ предоставленіемъ всѣхъ шляхетскихъ вольностей, съ гербами и пр. [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ выдавались отдѣльнымъ лицамъ, по ихъ челобитью, подтвердительные привилеи на шляхетство, пріобрѣтенное въ прежнее время [3]).

Первоначально въ Литвѣ-Руси со времени шляхетскихъ привилеевъ какъ и въ Польшѣ, признавался особый актъ пріобрѣтенія шляхетства, подъ именемъ *гербоваго родства* (ad arma gentilitio), устанолявшагося путемъ „допущенія" (przypuszczenia) нешляхтича къ гербу стараго шляхетскаго рода, съ цѣлью предоставить ему „paritatem", т. е. сдѣлать его правоспособнымъ шляхтичемъ, субъектомъ такихъ же шляхетскихъ правъ, какими владѣлъ родъ усыновителя [4]). Въ такомъ именно значеніи говорится о принятіи польскихъ гербовъ литовскими боярами въ Городельскомъ привилеѣ 1413 г. [5]). По этому привилею шляхетскими вольностями пользуются „barones, nobiles, boiari", подчинившіеся римско-католической церкви и получившіе польскіе гербы [6]). Съ согласія короля Владислава, великій князь Витовтъ избралъ и припустилъ къ польскимъ гербамъ и знакамъ шляхетскимъ (ad arma et clenodia) литовскіе старинные роды, которые со всѣми происходя-

---

[1]) А. З. Р., I, № 37.

[2]) См. Любавскаго Сеймъ, стр. 453—463, гдѣ приводится рядъ извлеченныхъ изъ Литовской Метрики актовыхъ данныхъ о выдачѣ разнымъ лицамъ привилеевъ на шляхетство.

[3]) А. Ю. З. Р., III, № 203, 207; IV, № 114. А. В. К. т. XIII, № 15 и пр.

[4]) О gentilitio ad arma по польскому праву см. мои Очерки по исторіи литовско-русскаго гражданскаго права (Журн. Мин. Юст. 1905, октябрь, стр. 150—153). О принятіи шляхетскихъ гербовъ по литовско-русскому праву см. *Czacki*, O litew. i pol. prawach, изд. Туровскаго, I, стр. 279, 280. *Jaroszewicz*, Obraz Litwy, I, 148; II, 47. *Bandtkie*, Prawo pryw. pol. 65' 72, 182. *Burzynski*, Prawo pol. pryw. II, 181, *Первольфъ*, Славяне, ч. III, т. III, стр. 66. 177, 182. *Грушевскій*, Барское староство, 168. *Довнаръ-Запольскій*, Государственное хозяйство, 654, 655. *Любавскій*, Областное дѣленіе, 542. Его-же Сеймъ, 48, 75, 429, 437, 444, 449; 454—463.

[5]) По литовскимъ лѣтописямъ, старые литовскіе бояре еще до уніи съ Польшой имѣли свои гербы (см. *Narbutt*, Kronika Litewska, стр. 78, 212, 402, 404. Ср. *Jaroszewicz*, Obraz Litwy, I, 148).

[6]) „Impartitis et collatis duntaxat catholicae et romanae ecclesiae subiecti et quibus clenodia sunt concessa" (Zbior praw litew., стр. 12).

щими отъ нихъ поколѣніями приняты польской шляхтой „ad fraternitatis et consanguincitatis consortia“; полученными гербами, шляхетскими знаками и актами о принятіи къ гербамъ (armis, clenodiis et proclamationibus) литовская шляхта, паны и бояре будутъ впредь пользоваться вѣчно, наравнѣ съ шляхтой польской [1]). Въ слѣдующемъ шляхетскомъ привилеѣ, 1432 г., дозволяется русскимъ боярамъ брать у литовцевъ тѣ самые гербы и клейноты, какіе они получили отъ польскихъ пановъ, какъ и литовцамъ предоставляется принимать русскихъ къ своимъ гербамъ и клейнотамъ, по сношенію съ польскими одногербовниками [2]). Точно такое же положеніе о пріемѣ къ гербамъ повторяется въ привилеѣ 1434 г. [3]).

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ привилеяхъ 1432 и 1434 г.г. говорится лишь о дозволеніи русскимъ боярамъ принимать литовскіе гербы; но такое принятіе не считается обязательнымъ, въ смыслѣ основного акта пріобрѣтенія шляхетства. Очевидно, послѣднее могло уже во второй четверти XV в. пріобрѣтаться отдѣльными шляхетскими привилеями, независимо отъ причисленія къ гербовымъ братствамъ. О принятіи новыхъ гербовъ, или о сопричисленіи къ старымъ гербамъ, какъ о самостоятельныхъ актахъ пріобрѣтенія шляхетства, вовсе не упоминается въ земскихъ привилеяхъ 1447 и слѣдующихъ годовъ. Привилей 1563 г. категорически говоритъ о томъ, что въ его время шляхетскими вольностями пользовались не только паны и бояре—шляхта, взявшіе польскіе гербы и клейноты, но и другіе паны и шляхта, предки которыхъ вовсе не брали сказанныхъ гербовъ, „яко передъ тѣмъ здавна и до того часу бывало“, и несмотря на то, станы шляхетскіе въ Литвѣ-Руси „тыхъ всихъ вольностей уживали и съ тою ся веселили“ [4]). Изъ привилеевъ, дававшихся въ XVI и слѣдующихъ вѣкахъ отдѣльнымъ лицамъ на шляхетство, видно, что гербы даются лишь, какъ одинъ изъ очевидныхъ актовъ, могущихъ въ потребныхъ случаяхъ служить доказательствомъ шля-

---

[1]) Zbior praw litew, 17, 18. О „клейнотахъ“ (clenodia), въ общемъ смыслѣ доказательствъ принадлежности къ шляхтѣ, говорится въ судномъ дѣлѣ 1495 г. о шляхетствѣ Дингаловичей: на вопросъ судьи — „маете ли вы клейноты свои, ижъ бы есте зъ вѣка были бояре“, истцы указали на то, что у нихъ есть братья шляхта (См. *Любавскій*, Сеймъ, 437. 444, 449).

[2]) „Habito cum illis fratribus sue genealogie de regno Polonie tractatu“ (см. Варшав. Универ. Извѣст. 1893. III, стр. 24).

[3]) Monumenta medii aevi, XIV, стр. 529.

[4]) А. З. Р. III, № 32.

хетства, само же шляхетство пріобрѣтается спеціальнымъ привилеемъ.

Гербы даются лицамъ различныхъ не-шляхетскихъ классовъ при возведеніи ихъ въ шляхетство. Въ 1540 г. вмѣстѣ съ нобилитаціей данъ особый гербъ сыновьямъ Туровскаго владыки Каплича [1]). Затѣмъ при нобилитаціи, гербы получали бояре [2]) и служилые люди господарскіе [3]). Въ 1505 г., при посвященіи многихъ поляковъ, литовцевъ и татаръ въ рыцари, имъ выданы разныя рыцарскія инсигніи [4]). Такіе же гербы давались подданнымъ господарскимъ и панскимъ, тоже при возведеніи ихъ въ шляхетство [5]). Зависимый слуга пана Тальвоша Былинскій за военныя заслуги былъ возведенъ въ шляхетство, по ходатайству самаго пана, принявшаго бывшаго слугу къ своему родовому гербу [6]).

Гербы жаловались не одной новой шляхтѣ, при первомъ возведеніи въ шляхетство, но и жаловались вновь или только подтверждались лицамъ, принадлежавшимъ къ стариннымъ шляхетскимъ станамъ. Такъ, въ 1442 г. король Владиславъ предоставилъ князьямъ Чарторижскимъ, за службу, пользоваться на печатяхъ и пр. княжескимъ гербомъ Ягеллоновъ „pogoni" (вооруженный ѣздокъ съ мечемъ въ рукѣ), который они имѣли еще отъ отца и дѣда [7]). Точно также въ особомъ привилеѣ подтверждено за княземъ Константиномъ Острожскимъ право пользоваться гербовой печатью краснымъ воскомъ и пр. въ своихъ фамильныхъ актахъ [8]). Позже получали гербы старые шляхетскіе роды, напримѣръ Одланицкіе и др. [9]).

Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ нобилитацій гербы и другія шляхетскія клейноты жаловались, главнымъ образомъ, для точнаго обозначенія шляхетства стараго или новаго (ad insigniendum nobilitas) [10]), какъ „знамя шляхетское обронне", т. е. охранительные знаки или символы шляхетскаго достоинства, дававшіеся „ку оздобе и подпору"

---

[1]) *Любавскій,* Сеймъ, 462.
[2]) *Антоновичъ,* Грамоты, № 2. *Любавскій,* Сеймъ, 455, 457.
[3]) Одверные, конюхи, дьяки и др. (Тамъ же, 460, 461).
[4]) Stryjkowski Kronika Pol., II, 322.
[5]) *Любавскій,* Сеймъ, 457, 460.
[6]) Ibid. 459.
[7]) Skarbiec, № 1780. *Paprocki,* Herby polskie, стр. 644.
[8]) А. З. Р. II, 115.
[9]) *Любавскій,* Сеймъ, 462, 463.
[10]) Ibid., 430.

шляхетства [1]). Въ 1551 г. старые полоцкіе бояре-шляхта Миткевичъ и Гридковичъ испросили господарское разрѣшеніе на пользованіе гербомъ, дарованнымъ имъ полоцкимъ воеводой Довойно. При этомъ не имѣлось въ виду возведеніе ихъ въ шляхетство: они были „зъ роду своего люди добрые шляхта". Полоцкіе бояре-шляхта руководились въ своемъ ходатайствѣ желаніемъ сдѣлать свое шляхетское достоинство болѣе очевиднымъ и безспорнымъ, чтобы никто не смѣлъ „на ихъ шляхетство ганити або што ку ихъ шляхетству ущипливого подъ которыми же кольвекъ мовы мовити" [2]).

Какъ видно изъ Городельскаго привилея 1413 г. и другихъ актовъ, выборъ и назначеніе гербовъ, при возведеніи въ шляхетство, съ первыхъ же поръ зависѣли непосредственно отъ господарей. Иногда сами господари, при утвержденіи нобилитаціи, дѣлали прибавки къ адоптированному гербу. Въ 1567 г. панъ Тальвошъ ходатайствовалъ предъ королемъ о нобилитаціи за большія военныя заслуги его служебника Адама Былинскаго, котораго онъ готовъ принять въ гербъ своего дома „Лабедзь". Король удовлетворилъ ходатайство Тальвоша, выдалъ Былинскому нобилитаціонный привилей, въ которомъ призналъ шляхетство за нимъ съ потомствомъ и разрѣшилъ ему употреблять знакъ герба „Лабедзь", съ добавленіемъ къ нему меча изъ шлема [3]). Есть, впрочемъ, указаніе на то, что литовскіе старые роды, подобно польскимъ, иногда сами принимали не-шляхту къ своимъ гербамъ [4]). Это видно, между прочимъ, изъ привилея, даннаго въ 1496 г. перелайскимъ боярамъ Гинцовичамъ на шляхетство, съ запрещеніемъ шляхетской адопціи (очевидно, припущеніемъ къ гербу) не-шляхты,— „нижли инших имъ не надобе къ собѣ въ шляхетство припущати", подъ угрозою лишенія чести (а съ ней и самаго шляхетства) [5]). Не будь въ наличности частыхъ опытовъ произвольной шляхетской адопціи, изложенное правило не могло бы имѣть мѣста. По Литовскому Статуту, „ни хто з людей простого стану, окромъ особливое ласки и надаренья отъ зверъхности нашое господарское, гербовъ шляхетъскихъ самъ собе привлащати, а ни ихъ уживати не маеть никоторымъ обычаемъ". Запрещеніе это мотивируется тѣмъ, что „повышенья чъсти

[1]) Ibid., 455, 457, 462.

[2]) Ibid., 462, 463.

[3]) Ibid., 459.

[4]) О пріемѣ къ своимъ гербамъ польскими шляхетскими родами см. Журн. Мин. Юст. 1905, окт., стр. 152.

[5]) Акты Литовской Метрики, № 236.

и стану за годностями и заслугами каждого власне рукамъ и шафунку зверхности нашое господарское належитъ и тежъ постерегаючи всякого уближенья стану шляхетского отъ людей простыхъ" [1]). Изложенное здѣсь запрещеніе одинаково касается какъ лицъ, „привлащающихъ" самовольно чужіе гербы, такъ и шляхетскихъ родовъ, принимавшихъ не-шляхту къ своимъ гербамъ, безъ разрѣшенія господаря. Конституціей 1601 г., предоставившей сеймамъ разрѣшеніе нобилитаціи, было постановлено, чтобы впредь никто изъ шляхты помимо сейма не принималъ къ своему гербу никого изъ простолюдиновъ, подъ утратой собственнаго шляхетства [2]). Сеймовая конституція 1633 г. содержитъ общее запрещеніе шляхтѣ самовольно принимать къ гербу „ignobilem" (не-шляхту) и затѣмъ свидѣтельствовать и признавать адоптированнаго своимъ „powinnym" (родичемъ), тоже подъ утратой собственнаго шляхетства [3]).

По Литовскому Статуту никто изъ людей простаго стана, безъ особой господарской „ласки и надаронья" не можетъ самъ собой присвоивать и пользоваться вольностями и привилегіями стана шляхетскаго [4]). Правило Статута воспроизводится въ конституціи 1589 г. съ нѣсколько большей подробностью. По этой конституціи, кто называетъ себя шляхтичемъ и сообразно съ этимъ поступаетъ, не будучи таковымъ на дѣлѣ, тотъ по обвинительному приговору трибунала, теряетъ свои добра—половину въ пользу скарба (въ счетъ kwarty—доходовъ скарбовыхъ, назначавшихся на военные расходы), другую половину въ пользу обвинителя (delatora). Impossessionatus въ такихъ случаяхъ наказывается по судебному приговору полугодовымъ заключеніемъ въ тюрьму [5]). Изложенное выше запрещеніе конституцій 1601 и 1633 г. самовольнаго присвоенія шляхетскихъ гербовъ [6]) относится вмѣстѣ съ тѣмъ и къ присвоенію вообще шляхетскихъ правъ.

---

[1]) Статутъ 1588, III, 26.

[2]) Volumina legum, II, 1502. Относительно пріема гербовъ польской шляхты такое же запрещеніе состоялось раньше, на основаніи конституціи 1578 г. (ibid., II, 971).

[3]) Ibid., III, 805. Запрещеніе это мотивируется такъ: „Ponieważ ludzie prostego stanu, artibus illicitis, w tytuty y prerogatywy szlacheckie wdzierać się zwykli: zabiegaiąć temu, żeby te wirtutis praemia tanto sudore od przodkow naszych nabywane, lada kto sobie nie uzurpował" etc.

[4]) Статутъ 1566, III, 21. Статутъ 1588, III, 26.

[5]) Volumina legum, II, 1272.

[6]) Ibid., II, 1502; III, 805.

Послѣ Люблинской уніи нобилитація могла пріобрѣтаться только на основаніи сеймовыхъ конституцій, съ согласія сеймовыхъ становъ. Такимъ образомъ, сеймовой конституціей 1578 г. было постановлено, чтобы нобилитація плебеевъ совершалась только на сеймѣ, съ вѣдома пановъ радъ, или въ войскѣ за ратныя заслуги [1]). По конституціи 1601 г. допускаются къ шляхетству только тѣ, кто былъ признанъ достойнымъ нобилитаціи со стороны сената и земскихъ пословъ, а въ войскѣ со стороны гетмана; причемъ каждая нобилитація должна санкціонироваться сеймовой конституціей, на основаніи которой и выдается господаремъ нобилитаціонный листъ. При несоблюденіи указанныхъ условій, нобилитаціонные листы не могутъ имѣть никакого значенія [2]). Конституціей 1676 г. было постановлено, чтобы каждый, желающій нобилитоваться, обращался о томъ съ просьбой къ предсеймовымъ сеймикамъ и при посредствѣ земскихъ пословъ ходатайствовалъ на сеймѣ о предоставленіи ему нобилитаціи [3]). Съ конца XVII в. на сеймахъ дѣлались предложенія о нобилитаціи отдѣльныхъ лицъ не только повѣтовыми послами, но и воеводами, министрами, даже самими господарями [4]). Сеймовыя рѣшенія о нобилитаціяхъ, какъ видно изъ актовъ, постановлялись обычнымъ на сеймахъ единогласіемъ (unanimitate), обязательнымъ по вопросамъ государственнымъ (inter materias status). Актомъ pacta conventa 1764 г. вмѣсто сеймоваго единогласія, требовавшагося по нобилитаціоннымъ дѣламъ, было установлено рѣшеніе такихъ дѣлъ простымъ большинствомъ сеймовыхъ голосовъ (attenta pluralitate); но затѣмъ трактатомъ 1768 г. опять возстановленъ прежній порядокъ постановки (unanimitate) сеймовыхъ рѣшеній по нобилитаціоннымъ дѣламъ [5]).

Какъ замѣчено раньше, со второй половины XVII в. начинаетъ сглаживаться былая національная рознь между польской и литовско-русской шляхтой. Съ того же времени нобилитація территоріально расширяется на весь составъ свободнаго населенія Речи Посполитой, безъ различія между обывателями Польши и Литвы-Руси. Дошедшіе отъ этой эпохи нобилитаціонные акты показываютъ, что съ этого времени шляхетство начинаетъ пріобрѣтаться не въ той или другой области Речи Посполитой, какъ было раньше (полякъ становился но-

---

[1]) Vol. leg.. II, 971.

[2]) Ibid., II, 1502. Ср. также II, 1613; V, 492; VI, 625.

[3]) Ibid., V, 416.

[4]) Ibid., V, 492; VI, 625; VII, 203.

[5]) Ibid., VII, 203, 602.

билитованнымъ шляхтичемъ только въ Польшѣ, какъ и литовецъ или русскій только въ великомъ княжествѣ литовскомъ), но одновременно въ коронѣ польской и княжествѣ литовскомъ, или просто во всѣхъ земляхъ, входившихъ въ составъ Речи Посполитой. Съ этихъ поръ нобилитованные на такихъ основаніяхъ Гувальты, Окуловичи, Тетеры, Дельпацы, Томкевичи и др., особенно пріобрѣтавшіе шляхетство „praeciso scartabellatu", пользовались одинаковыми шляхетскими вольностями, могли занимать уряды, пріобрѣтать шляхетскія земскія имѣнія и пользоваться другими правами „обывательства", принадлежавшими шляхетскому стану не въ одной только Польшѣ или Литвѣ, но вообще во всѣхъ областяхъ Речи Посполитой [1]). Слѣдуетъ, кромѣ того, полагать, что сказанное уравненіе не ограничивалось только новопожалованной шляхтой, но необходимо должно было распространяться вообще на весь составъ польскаго и литовско-русскаго шляхетства, съ половины XVII в. несомнѣнно ставшаго въ одинаковое правовое положеніе во всѣхъ областяхъ Речи Посполитой. Такимъ образомъ, по истеченіи двухъ съ половиною вѣковъ со времени изданія первыхъ шляхетскихъ привилеевъ стало дѣйствительно осуществляться de jure намѣченное этими привилеями „уравненіе" (coaequatio) въ правахъ шляхты литовско-русской и польской „ad fraternitatis et consanguineitatis consortia".

Разсмотримъ теперь актовыя данныя по вопросу о бытовыхъ условіяхъ, при наличности которыхъ простолюдинъ могъ путемъ нобилитаціи пріобрѣтать права и вольности шляхетскаго стана. Къ такимъ условіямъ, какъ видно изъ актовъ, относились военныя и иныя служебныя заслуги, личная свобода, имущественная состоятельность, „послушаніе" господствующей церкви, научное образованіе, бракъ плебейки съ шляхтичемъ. Пользованіе шляхетскими правами, въ смыслѣ дѣеспособности, стояло въ связи также съ общими условіями правоспособности, каковы рожденіе, возрастъ, полъ, здоровье и пр. [2]).

Какъ видно изъ актовъ XVI в., нобилитація пріобрѣталась, главнымъ образомъ, въ видѣ награды за военныя заслуги. Въ 1560 г. слуги панцырные Хведковичи были переведены „на службу земскую

---

[1]) Акты нобилитаціи одновременно въ Польшѣ и Литвѣ-Руси см. Volumina legum, IV, стр. 385, 506, 566, 569, 570, 636, 998; V, 126—128, 400, 146, 492; VI, 152—154; VII, 378, 420, 421, 498, 798, 801; VIII, 677—680, 919, 911.

[2]) Объ общихъ условіяхъ правоспособности по литовско-русскому праву см. мои Очерки изъ исторіи литовско-русскаго права,—Журн. Мин. Юст., 1903, сентябрь, стр. 37 и слѣд.; октябрь, стр. 128 и слѣд.

шляхетскую" въ виду того, что они при замкѣ Овручскомъ „поспѣшне и охотне" служили господарю и Речи Посполитой „и потребны суть овде на той украинѣ" [1]). Въ слѣдующемъ году король особымъ привилеемъ „поддалъ подъ право шляхетское" полоцкаго казака Клима Осташковича, въ награду за то, что „онъ черезъ весь часъ тамъ при замку и въ службахъ нашихъ добре и верне заховался" [2]). Въ 1563 г. боярину Витебскому Яцку Наршоновичу съ потомствомъ выданъ особый привилей, съ предоставленіемъ имъ „тытулу, учстивости и всихъ правъ и вольностой шляхетскихъ вживати", за то, что Яцко „на всемъ ся добре, съ пристойностью шляхетскою, заховалъ", мужественно оборонялъ замокъ Витебскій, когда приходили подъ него московскіе люди, и, будучи взятъ ими въ плѣнъ, убѣжалъ отъ нихъ и вернулся на службу къ своему прирожоному господарю [3]). За заслуги и отличія на военной службѣ получилъ шляхетство Адамъ Былинскій, служебникъ пана Тальвоша, посланнаго во главѣ отряда для обороны Ливоніи, въ виду того, что этотъ служебникъ мужественно сражался въ битвахъ съ шведами и москвитянами, не жалѣя своей жизни и здоровья, всегда держалъ себя „верне и статечне" [4]). Точно также шляхетство предоставлено было подданному господарскому Микитѣ Кондратовичу, который „будучи на послугахъ господарскихъ и земскихъ военныхъ, войска наши противку войскъ непріятеля нашого великого князя московского часто зводилъ, также въ сторожи войскъ нашихъ и во всякихъ потребахъ военныхъ чуйно и мужне ся оказывалъ" [5]). Въ 1569 г. шляхетство было пожаловано „подданному" Молтужевича, Матею Петровичу, который неоднократно показывалъ свою храбрость, отвагу и находчивость въ битвахъ съ москвитянами и не разъ приводилъ „вязней и языки" [6]). По Литовскому Статуту и позднѣйшимъ соймовымъ конституціямъ простолюдины получаютъ шляхетскія права, главнымъ образомъ, „за явными значными и рыцерскими послугами, мужъствомъ, оказаннымъ противъ непріятелемъ нашимъ" [7]), „за военныя заслуги" и „храбрость на войнѣ", по

---

[1]) *Любавскій*, Сеймъ, стр. 458.

[2]) Ibid., О возведеніи полоцкихъ казаковъ въ шляхетство см. также *Довнаръ-Запольскій*, Госуд. хозяйство. стр. 785.

[3]) Ibid., стр. 459.

[4]) Ibid.

[5]) Ibid.

[6]) Ibid., стр. 460.

[7]) Статутъ 1588, III, 26.

свидѣтельству гетмановъ „о рыцерскихъ дѣлахъ и отважномъ мужствѣ въ бывшихъ войнахъ" и пр. [1]).

Кромѣ военной службы, простолюдины получали нобилитацію также за разныя заслуги и отличія по дворной и инымъ родамъ службы. Въ шляхетство возводились на такомъ основаніи „одверные" (слуги при дверяхъ въ господарскомъ дворцѣ), дворные машталеры (старшіе конюхи), коморники (лакеи), дьяки и пр. [2]). Шляхетство жаловалось иногда отдѣльнымъ лицамъ не за ихъ личныя заслуги, а за службу ихъ родныхъ—отца, братьевъ и пр. [3]).

Путемъ нобилитаціи шляхетскія вольности могли пріобрѣтаться свободными лицами всѣхъ „простыхъ становъ". Въ актахъ часто встрѣчаются указанія на нобилитацію бояръ, господарскихъ слугъ, мѣщанъ и свободныхъ сельчанъ [4]). По Литовскому Статуту 1588 г. (III, 26) люди простого стана могутъ пріобрѣтать земскія имѣнія шляхты и другія шляхетскія вольности только съ разрѣшенія господаря. Въ отношеніи къ мѣщанамъ правило это было видоизмѣнено конституціей 1775 г. въ томъ смыслѣ, что мѣщане могутъ пріобрѣтать земскія имѣнія, но безъ шляхетскаго титула [5]). Конституція 1795 г. признаетъ за мѣщанами право на нобилитацію послѣ двухъ лѣтъ службы въ комиссіяхъ полицейской и финансовой, также въ ассесор-

---

[1]) Volumina legum, II, 971; III, 169; IV, 998; V, 446; VI, 625 и пр. Кромѣ возведенія въ шляхетство отдѣльныхъ лицъ, въ актахъ констатируются случаи массовой нобилитаціи. Такая мѣра установлена была сеймомъ въ 1659 г. въ награду за службу запорожскаго войска. Вмѣстѣ съ предоставленіемъ ему разныхъ вольностей по повинностямъ, подсудности и пр., сеймъ постановилъ предложить гетману казачьяго войска представить къ нобилитаціи со всѣми шляхетскими вольностями заслуженныхъ казаковъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ каждомъ казачьемъ полку могли быть нобилитованы до ста лицъ (Vol. leg. IV, 641).

[2]) *Любавскій*, Сеймъ, 460—462. Въ 1561 г. король Сигизмундъ Августъ пожаловалъ хлопцу, своему коморнику Миленскому, его отцу и братьямъ съ ихъ потомствомъ шляхетство въ награду за указаніе человѣка, прибившаго на замковыхъ воротахъ „цедулу зъ написомъ на здоровье господарское" (ibid., 457).

[3]) Такъ, въ 1540 г., нобилитованы сыновья владыки Туровскаго за заслуги послѣдняго (ibid., 462). Встрѣчаются въ актахъ и другіе случаи нобилитаціи въ томъ же родѣ (ibid., 454, 457 и пр.).

[4]) О нобилитаціи *бояръ* см. А. З. Р., I, № 37; III, № 19. Scarbiec, № 2192. *Антоновичъ*, Грамоты, № 2. *Ясинскій*, Уст. Зем. грамоты, стр. 130. *Любавскій*, Сеймъ, стр. 434, 435, 439, 440, 443, 454—463. О нобилитаціи *служилыхъ людей* — Арх. Ю. З. Р., ч. IV, т. I, № 1. 2, 4—7. *Любавскій*, Сеймъ, стр. 460—463. О нобилитаціи *сельчанъ*—Арх. Ю. З. Р., ч. IV, т. I, № 8, 9. *Любавскій*, Сеймъ, 457, 459, 460.

[5]) Volumina legum, VIII, 65, 679.

скихъ судахъ. Кромѣ того, въ видахъ содѣйствія промышленному развитію городовъ дозволена нобилитація на сеймѣ до 30-ти мѣщанъ [1]). Затѣмъ, въ актахъ, особенно послѣ Люблинской уніи, сохранились данныя о нобилитаціи дворовыхъ челядинцевъ и другихъ зависимыхъ людей, въ особенности крупныхъ землевладѣльцевъ, старавшихся путемъ нобилитаціи своихъ слугъ усилить свое господство на сеймикахъ, при содѣйствіи новопожалованной шляхты изъ бывшихъ челядинцевъ, служившихъ по прежнему своимъ панамъ и въ тоже время вслѣдствіе нобилитаціи получавшихъ доступъ къ сессіямъ сеймиковымъ [2]). Сохранились нобилитаціи акты (напр. о нобилитаціи Былинскаго, слуги пана Тальвоша, — см. выше), изъ коихъ видно, что иногда сами паны ходатайствовали о нобилитаціи ихъ людей за военныя заслуги и даже принимали ихъ къ своимъ фамильнымъ гербамъ [3]). По конституціи 1601 г. нобилитація зависимыхъ кметовъ не допускается, безъ отпуска на волю ихъ панами и вообще безъ вѣдома и разрѣшенія послѣднихъ [4]).

Въ актахъ находимъ немало указаній на многочисленный классъ новой шляхты, въ громадномъ большинствѣ совершенно убогой, безземельной, не осѣдлой. По словамъ приведенной выше конституціи 1601 г., „szlachty nowey zagięścito się bardzo wiele, y co raz to tey więcey rozmaitemi sposoby przybywa". Въ виду этого уже въ концѣ XVII в. находили нужнымъ принять мѣры противъ чрезмѣрнаго умноженія состава убогой шляхты; но эти мѣры, однако, не достигали цѣли. Напротивъ, допуская по конституціи 1768 г. къ участію въ сеймикахъ шляхту, не имѣвшую дѣдичствъ [5]), самъ законодатель предоставлялъ крупнымъ панамъ усиливать своихъ сторонниковъ на сеймикахъ путемъ нобилитаціи челядинцевъ и осады ихъ на панскомъ чиншѣ и пр. (см. выше). Противъ чрезмѣрнаго усиленія малосостоятельной, убогой шляхты, въ видахъ „zaludnienia" края и „wprowadzenia kapitałow do niego", дабы каждый обыватель Речи Посполитой былъ для нея „użytecznym", конституція 1775 г. установила впредь общее требованіе, чтобы каждому лицу, допущенному къ шляхетству путемъ нобилитаціи или индигената (изъ иноземцевъ), выдавался но-

---

[1]) А. Ю. З. Р., V, № 204.

[2]) Арх. Ю. З. Р., ч. IV, т. I, предислов. стр. VII, См. также *Любавскій*, Областное дѣленіе, 540, 541. Его же Сеймъ, 457, 460.

[3]) *Любавскій*, Сеймъ, стр. 459.

[4]) Volumina legum, II, 1502.

[5]) Ibid., VII, 624.

билитаціонный листъ лишь послѣ представленія въ теченіе опредѣленнаго срока (года) законно удостовѣреннаго свидѣтельства о томъ, что нобилитованный туземецъ пріобрѣлъ имѣніе съ минимальной стоимостью до 50 тысячъ злотыхъ, а нобилитованный иноземецъ (по индигенату)—до 200 тысячъ злотыхъ; лица, не исполнившія изложеннаго требованія, лишаются права на нобилитацію [1]). Конституціей 1791 г. была, наконецъ, отмѣнена и мѣра, установленная въ 1768 г. касательно допущенія къ участію въ сеймиковыхъ сессіяхъ шляхты, не владѣвшей дѣдичествами [2]).

Культовая рознь, установленная первыми шляхетскими привилеями и державшаяся въ Литвѣ-Руси до конца первой половины XVI в., допускала нобилитацію лишь для простолюдиновъ, бывшихъ „послушными" господствующей римско-католической церкви. Съ Сигизмунда Августа каждый свободный гражданинъ литовскаго государства могъ пріобрѣтать нобилитацію, безъ прежнихъ вѣроисповѣдныхъ различій. Старая культовая рознь возрождается, затѣмъ, съ новой силой съ Яна Казимира (со второй половины XVII в.) и держится до самаго паденія Речи Посполитой. Тому же времени принадлежитъ рядъ нобилитаціонныхъ актовъ, въ которыхъ пріобрѣтеніе шляхетскихъ правъ обусловливается обязательнымъ принятіемъ „fidei sanctae romano-catholicae" [3]). Еще въ 30-хъ годахъ XVIII в. выдавались нобилитаціонные листы подъ упомянутымъ условіемъ [4]). Въ XVIII в. нобилитація становится доступной для не-католиковъ лишь со времени русско-польскаго трактата 1768 г. и съ конституціи 1775 г., отмѣнившихъ хотя и не вполнѣ старыя культовыя ограниченія въ дѣлѣ нобилитаціи простолюдиновъ [5]).

Въ исключительномъ положеніи находились *евреи*. Въ актахъ рѣдко упоминаются случаи нобилитаціи евреевъ, сдѣлавшихся „послушными" господствующей въ краѣ церкви. Очевидно, приниженное положеніе евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ-Руси опредѣлялось сильной племенной и культовой рознью, выдѣлявшей евреевъ вездѣ въ средніе вѣка въ своего рода паріевъ въ современномъ обществѣ и даже подвергавшей иногда массовому изгнанію евреевъ изъ страны, какъ это было въ

---

[1]) Volumina legum, VIII, 593.

[2]) Siarczyński, Dyaryusz, т. I, ч. 2, стр. 315. См. Незабитовскаго Собраніе сочиненій, 358, 359.

[3]) Volumina legum, IV, 874, 874; V, 405, 673, 729—731 и пр.

[4]) См. наприм., ibid., VI, 677.

[5]) Ibid., VII, 566, 571—578; VIII, 60—63.

Литвѣ въ концѣ XV в. (въ 1495 г.), при великомъ князѣ Александрѣ [1]). Лишь особыя государственныя заслуги могли открывать крещенымъ евреямъ доступъ къ нобилитаціи. Первый случай такой нобилитаціи упоминается въ актахъ конца XV в., какъ это видно изъ привилея польскаго короля Яна Альберта, 1499 г., выданнаго на шляхетство за особыя заслуги принявшему крещеніе по католическому обряду литовскому еврею Станиславу Ошейко, бывшему позже войтомъ Минскимъ [2]). Затѣмъ, въ 1506 г. король Сигизмундъ особымъ привилеемъ пожаловалъ имѣніе Войдуны въ Виленскомъ повѣтѣ принявшему раньше христіанство мытнику „шляхетному" Авраму Езофовичу, бывшему позже Ковенскимъ и Солецкимъ старостой и подскарбіемъ (thesaurary) великаго княжества литовскаго. Пожалованное имѣніе дано на общемъ шляхетскомъ правѣ за оборону пограничныхъ литовскихъ замковъ и городовъ [3]). Въ слѣдующемъ году, за тѣ же заслуги, Аврамъ Езофовичъ получилъ въ Вильнѣ, in conventione generali, господарскій привилей на шляхетство, съ предоставленіемъ ему герба (clenodio aut armis) Леливы, съ согласія обладателя этого герба пана Глѣбовича, бывшаго воеводой (palatinus) Смоленскимъ [4]). Такая же нобилитація была предоставлена господарскимъ привилеемъ въ 1525 г. Брестскому мытнику (theloneatoris) Михелю Езофовичу съ потомствомъ, во вниманіе къ заслугамъ его покойнаго брата Аврама и къ его собственнымъ заслугамъ. На основаніи привилея Михель Езофовичъ съ потомствомъ пользуются всѣми правами, вольностями, льготами и иммунитетами шляхетства въ Коронѣ Польской и великомъ княжествѣ литовскомъ и, между прочимъ, гербомъ, перстнемъ, цѣпью и другими рыцарскими знаками. Король утвердилъ за Михелемъ Езофовичемъ тотъ же гербъ Леливы, какой былъ пожалованъ за заслуги его брату Авраму Езофовичу, съ предоставленіемъ ему изображать знакъ его всюду, гдѣ изображаются гербовые знаки шляхтою [5]). Вообще же до изданія Статута 1588 г. случаи нобили-

---

[1]) См. *С. А. Бершадскій*, Литовскіе евреи, стр. 250 — 258. Евреи возвращены господаремъ обратно въ Литву въ 1503 г. (см. ibid., стр. 259 и слѣд.).

[2]) Ryszczewski i Muczkowski Codex diplom. Polon., т. I, № 195.

[3]) „Штожъ онъ въ тым лѣта, часу нахоженья непріятельского на граничные замки и мѣста наши, завжды заслуговалъ намъ, крови своее и горла своего не лютуючи" (Документы и регесты къ исторіи Литовскихъ евреевъ, изд. С. А. Бершадскимъ. 1882, т. I, № 42).

[4]) Привилей на шляхетство новокрещеннаго Аврама Езофовича, 1597 г., зарегистрованъ въ Коронной Метрикѣ, № 22, л. 194.

[5]) Документы и регесты, т. X, № 96.

таціи крещеныхъ евреевъ весьма рѣдко встрѣчаемъ въ польскихъ и литовскихъ актахъ стараго времени [1]). Доступъ къ нобилитаціи получили литовско-русскіе евреи, въ награду за принятіе христіанской вѣры, лишь на основаніи Литовскаго статута 1588 г. По Статуту, „если бы который жидъ або жидовка до веры хрестиянское приступили, тогды каждая такая особа и потомство ихъ за шляхтича почитаны быти мають“ [2]). По всѣмъ видимостямъ, настоящій артикулъ вызванъ былъ не спеціально католической тенденціей пропаганды господствующей римской церкви, но лишь общей тенденціей привлеченія евреевъ къ усвоенію общей христіанской культуры, безъ различія между христіанскими вѣроисповѣданіями. Еслибы Статутъ имѣлъ въ виду лишь католическую тенденцію, то въ немъ было бы категорически сказано о нобилитаціи въ награду за принятіе не христіанской вѣры вообще, но спеціально „fidei sanctae romano-catholicae“, — мотивъ, указанія на который находятся въ старыхъ привилеяхъ о нобилитаціи, обусловленной „послушаніемъ“ римско-католической церкви. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что на дѣлѣ для еврейства было выгоднѣе, въ прямыхъ практическихъ интересахъ, принимать, главнымъ образомъ, вѣроученіе господствовавшей въ литовскомъ государствѣ и Польшѣ римско-католической церкви; но это все-таки не исключало возможности нобилитаціи и при принятіи православія и другихъ христіанскихъ вѣроученій.

На общихъ основаніяхъ, установленныхъ Литовскимъ Статутомъ, еврейская нобилитація практиковалась, безъ всякихъ существенныхъ измѣненій, до 60-хъ годовъ XVIII в. По словамъ конституціи конвокаціоннаго сейма 1764 г., въ ея время во всей Польшѣ размножился (zagięści) классъ неофитовъ (крещеныхъ евреевъ), которые, по свойственной евреямъ предпріимчивости и неразборчивости въ средствахъ, отваживаются на присвоеніе шляхетскихъ прерогативъ, на занятіе

---

[1]) Кромѣ Ошейко и братьевъ Езофовичей, въ актахъ упоминается еврей Левко Дановичъ, въ христіанствѣ Станиславъ, принявшій христіанство и получившій въ 1565 г. королевскій привилей на шляхетское званіе. Король освобождалъ его отъ подчиненія праву еврейскому, даруетъ ему пользованіе правами христіанъ, а въ виду его ревности къ христіанской религіи, возводитъ его съ потомствомъ въ шляхетство, даруетъ ему гербъ (бѣлый крестъ на красномъ полѣ) и приказываетъ признавать его шляхтичемъ какъ въ Литвѣ, такъ и въ Польшѣ (см. *С. А. Бершадскаго*, Документы и регесты, т. II, № 205, стр. 135).

[2]) Статутъ, 1588, XII, 7.

урядовъ и пріобрѣтеніе имѣній земянъ; между тѣмъ, право польское не предоставляетъ такимъ людямъ никакихъ подобныхъ правъ и лишь Литовскій Статутъ постановляетъ считать шляхтой неофитовъ,—позднѣйшія же узаконенія допускаютъ лишь нобилитацію лицъ заслуженныхъ и особо рекомендованныхъ на сеймахъ, съ согласія становъ Речи Посполитой. Заботясь, чтобы классъ неофитовъ съ теченіемъ времени не затмилъ (nie zaćmi) родовитаго племени шляхты польской, конституція 1764 г. установила, чтобы неофиты или ихъ потомки, занимающіеся городскими промыслами, пользовались вольностями „шляхетныхъ" мѣщанъ; неофиты же, посвятившіе себя занятію земледѣліемъ, должны платить съ земли чиншъ землевладѣльцамъ. Неофиты, которые вслѣдствіе неправильнаго толкованія постановленій Литовскаго Статута о крещеныхъ евреяхъ, заняли какіе либо уряды или пріобрѣли дѣдичныя или заставныя имѣнія, обязаны подчиниться настоящему постановленію сейма,—въ теченіе двухъ лѣтъ со времени его изданія должны въ Польшѣ и великомъ княжествѣ продать имѣнія дѣдичныя, а по имѣніямъ заставнымъ взыскать долги и уйти съ имѣній, подъ угрозой ихъ конфискаціи—половины въ пользу обвинителя, а другой—фиска [1]). Въ томъ же году состоялась новая конституція, которая оставляла въ полной силѣ постановленіе предыдущаго сейма, но просьбѣ же земскихъ пословъ дозволила нѣсколькихъ рекомендованныхъ послами старыхъ неофитовъ въ одной только Литвѣ допустить, съ общаго согласія становъ, къ нобилитаціи praeciso scartabellatu. Изъ числа рекомендованныхъ послами старыхъ неофитовъ положено допустить, съ общаго согласія сеймовыхъ становъ, къ нобилитаціи не болѣе десяти лицъ свѣтскаго стана въ коронѣ польской и великомъ княжествѣ литовскомъ, съ предоставленіемъ имъ пользоваться клейнотами шляхетства praeciso similiter scartabellatu [2]). Конституція 1768 г. возстановила отмѣненное было конвокаціонной конституціей 1764 г. правило Литовскаго Статута о неофитахъ, именно относительно тѣхъ изъ нихъ, кто былъ нобилитованъ въ прежнее время. Съ согласія всѣхъ сеймовыхъ становъ, конституція 1768 г. постановила, что правила конституціи 1764 г. не распространяются на тѣхъ неофитовъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ, которые получили нобилитацію по Статуту до изданія упомянутой конституціи, и потому за такими неофитами окончательно признана нобилитація

[1]) Volumina legum, VII, 74.
[2]) Ibid., VII, 420.

praeciso scartabellatu. На будущее же время конституція конвокаціоннаго сейма признана имѣющей полную силу [1]).

Со второй половины XVII в. шляхетство пріобрѣталось въ Литвѣ-Руси, какъ и въ Польшѣ, лицами, получившими *образованіе* въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ [2]). Привиллегіи, предоставленныя въ 1535 г. Краковской академіи [3]), конституціей 1659 г. были цѣликомъ признаны сеймомъ за Кіевской академіей, съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ академіи между профессорами и студентами не было послѣдователей сектъ—аріанской, кальвинистской и лютеранской. Вмѣстѣ съ тѣмъ дозволено и другимъ академіямъ, гдѣ таковыя будутъ открыты, пользоваться правами и вольностями, предоставленными Кіевской академіи [4]). Такимъ образомъ, профессора академій, также студенты, окончившіе ихъ курсъ съ ученой степенью доктора, пользуются, подобно профессорамъ и студентамъ Краковской академіи, всѣми прерогативами шляхетскими, пріобрѣтаютъ „jus nobilitatis", jus praerogativae et dignitatis nobilitatis". Доктора, пробывшіе въ академіи въ профессорскомъ званіи въ теченіе 20 лѣтъ, получаютъ jus nobilitatis не только сами лично, но и передаютъ его своему законному потомству. Въ 1676 г. подобный же привилей получила Виленская академія, съ подтвержденіемъ на сеймѣ всѣхъ ея правъ, иммунитетовъ и привиллегій, пожалованныхъ ей прежними литовскими господарями [5]). Права Виленской академіи (по конституціи 1764 г.—университета), затѣмъ, въ XVIII в. нѣсколько разъ подтверждались особыми сеймовыми привилеями [6]).

---

[1]) Ibid., VII, 863.

[2]) О привиллегіяхъ высшихъ учебныхъ заведеній западно-русскаго края до конца XVIII столѣтія см. *J. Preuschoff*, Universitas Wilnensis laureatum florida. 1706. Zbiór prawa szkolnego dla Akademii Krakowskiej i inych królewstwa polskiego szkot. 1806. *Преосв. Макарій*, Исторія Кіевской академіи. 1843. *I. Lukaszewicz*, Historia szkót w Koronie i W. X. Litewskiem od najdawniejszych czaców aż do r. 1791. 1849—1851. *В. Аскоченскій*, Кіевъ съ древнѣйшимъ училищемъ — Академіей. 1856. *В. Шульгинъ*, Историческое обозрѣніе учебныхъ заведеній въ юго-западной Россіи (Русское Слово, 1859, сентябрь). *С. Голубевъ*, Кіевская духовная академія (Труды Кіевской духовной академіи, 1901, ноябрь).

[3]) См. Журн. Минист. Юст. 1905, октябрь, стр. 156.

[4]) Volumina legum, IV, 639.

[5]) Ibid., V, 213.

[6]) Ibid., VI, 631; VII, 87, 209. Въ конституціи 1736 г. о подтвержденіи правъ Краковской и Виленской академій говорится также о подтвержденіи правъ, предоставленныхъ конституціей 1717 г. Полоцкой коллегіи Societatis Iesu (Volumina legum, VI, 63). Но изъ конституцій 1717 (ibid., VI, 327) и 1736 г. не видно, чтобы

Какъ замѣчено выше, плебейка могла пріобрѣтать шляхетство вступленіемъ въ *бракъ* съ шляхтичемъ. По Литовскому Статуту второй и третьей редакціи шляхтичъ, имѣющій жену изъ плебеевъ, „собою и шляхетствомъ своимъ *шляхтитъ*" жену и дѣтей, отъ нея прижитыхъ,—жена и дѣти должны признаваться „правыми" шляхтичами [1]).

Остается еще сказать о пріобрѣтеніи шляхетства *иноземцами*, къ которымъ, какъ замѣчено выше, относились и поляки. На первыхъ же порахъ польско-литовской уніи, напримѣръ, при Витовтѣ, полякамъ иногда предоставлялись въ управленіе города, на общемъ положеніи намѣстниковъ господарскихъ [2]), слѣдовательно, поляки-чужеземцы уже въ то время могли пользоваться общими шляхетскими правами, предоставлявшимися имъ господарями при возведеніи ихъ въ шляхетство [3]). Въ старыхъ актахъ находимъ указанія на то, что вмѣстѣ съ даниной имѣній на службу иностранцы иногда получали и шляхетство [4]). Литовскій Статутъ 1529 г. не касается общаго вопроса о возведеніи въ шляхетство иноземцевъ; въ немъ говорится лишь о запрещеніи раздавать лицамъ „обчого" народа достойности, уряды, дѣдичства и всякія держанья [5]).

Несмотря, однако, на всю категоричность запрещенія Статута 1529 г., оно постоянно нарушалось господарями, предоставлявшими чужеземцамъ пожалованіе имѣній въ держанье и раздававшими имъ всякіе уряды. На сеймахъ 1538 и 1547 г. станы ходатайствовали предъ господаремъ, чтобы онъ не раздавалъ чужеземцамъ урядовъ земскихъ и дворныхъ, также замковъ, дворовъ, мѣстъ и волостей въ

іезуитская коллегія пользовалась такими же прерогативами, какія были признаны за академіями Виленской и Кіевской. О Полоцкой коллегіи впервые говорится въ конституціи 1699 г., когда, повидимому, была уже открыта Полоцкая коллегія, съ земельнымъ фундушемъ изъ королевщинъ. Для опредѣленія состава фундуша и причисленія его къ земскимъ добрамъ, сеймъ учредилъ въ 1699 г. особую коммиссію (ibid., VI, 80). На основаніи отзыва этой коммиссіи, сеймъ 1717 г. утвердилъ за коллегіей фундушъ со всѣми immunitates земскихъ имѣній (ibid., VI, 327).

[1]) Статутъ, 1566, III, 16. Статутъ, 1588, III, 20.

[2]) По лѣтописи, Витовтъ въ занятомъ имъ Смоленскѣ, „посади свои намѣстники ляхи, и тѣмъ ляхамъ предаетъ города держати" (Полн. Собр. лѣтоп. IV, 145).

[3]) Въ 1505 г. король Александръ, какъ выше замѣчено, во время пріема царя Шигъ-Ахмета, возвелъ въ рыцари (т. е. шляхту) многихъ литовцевъ, поляковъ и татаръ (*Stryjkowski*, Kronika II, стр. 322).

[4]) См. *Довнаръ-Запольскій*, Государственное хозяйство, стр. 646.

[5]) Статутъ, 1529, III, 3.

держанье, ибо такими раздачами всѣмъ имъ наносится обида; но сеймовое ходатайство осталось безъ результата [1]). На сеймѣ 1551 г. станы снова просили господаря не раздавать урядовъ чужеземцамъ, а такъ какъ они получали уряды черезъ индигенатъ, становясь предварительно землевладѣльцами, то станы просили, чтобы чужеземцы не „посѣдали" имѣній. Господарь отвѣчалъ, что онъ не будетъ раздавать уряды чужеземцамъ, но отклонилъ ходатайство о запрещеніи чужеземцамъ пріобрѣтать имѣнія: его государство не замкнуто, и всякому вольно пріѣхать и отъѣхать, купить и продать; если чужеземцы пріобрѣтаютъ имѣнія въ великомъ княжествѣ литовскомъ, въ этомъ виноваты сами просители, продающіе имѣнія чужеземцамъ [2]). Тѣ же самыя просьбы были повторены на сеймѣ 1554 г. Станы просили объ огражденіи ихъ интересовъ отъ посягательствъ со стороны чужеземцевъ, т. е. поляковъ, въ особенности просили запретить чужеземцамъ пріобрѣтать имѣнія на Волыни и въ Подляшьи, гдѣ слишкомъ усилилось преобладаніе польскаго элемента. Согласно просьбѣ становъ, господарь опредѣлилъ, что впредь чужеземцы не будутъ пріобрѣтать имѣнія на вѣчность, а только „въ заставу"; въ пограничныхъ же мѣстахъ они и этимъ правомъ не будутъ пользоваться [3]).

Вопросъ о правахъ чужеземцевъ разрѣшается въ Литовскомъ Статутѣ 1566 г. не совсѣмъ согласно съ изложенными ходатайствами сеймовъ, стремившихся къ устраненію чужеземцевъ отъ пользованія всякими шляхетскими вольностями. По второму Статуту „лицо „обчого народу" можетъ, за заслуги Речи Посполитой „зъ ласки и данины" господарской или „инымъ правомъ", пріобрѣтать „осѣлости" и наравнѣ съ другими обывателями отправлять съ своихъ имѣній службу земскую. На всякія же достоинства и уряды чужеземецъ не долженъ быть „обиранъ ани отъ господаря ставленъ" [4]). Затѣмъ, въ Статутѣ 1566 г. впервые говорится о пріобрѣтеніи чужеземцемъ вообще шляхетскихъ вольностей. Если чужеземецъ купитъ или какимъ либо инымъ „слушнымъ обычаемъ" пріобрѣтетъ имѣніе шляхетское и пожелаетъ пользоваться шляхетскими вольностями, то онъ долженъ предварительно „оказать" предъ врядомъ, въ округѣ котораго прі-

---

[1]) А. Ю. З. Р., № 101. Zbiór praw litew., стр. 432, 433.

[2]) Ibid„ стр. 436.

[3]) Ibid., стр. 480, 481. См. *Любавскій*, Сеймъ, стр. 523, 524, 546, 581.

[4]) Статутъ 1566, III, 9. Если гдѣ человѣкъ „обчого народу" займетъ какой-либо урядъ въ противность Статуту и послѣ требованія не оставитъ уряда, то онъ тратитъ свою маетность на господаря.

обрѣтено имѣніе, что онъ „правдивый“ шляхтичъ; иначе онъ не можетъ пользоваться шляхетскими вольностями,—имѣнія выкупаются родными бывшаго ихъ владѣльца. Впредь онъ не можетъ занимать никакихъ урядовъ, хотя бы потомъ и сдѣлался шляхтичемъ [1]).

Статутъ 1566 г. не опредѣляетъ, кому именно принадлежитъ прерогатива возведенія чужеземцевъ въ шляхетство. Вопросъ о возведеніи въ шляхетство затронутъ былъ на сеймѣ того же 1566 г., издавшемъ „статутовыя поправы“. На сеймѣ 1566 г. 9-й артикулъ III раздѣла Статута 1566 г. изложенъ въ новой редакціи въ такомъ смыслѣ, что выслужившіеся чужеземцы могутъ получать отъ господаря имѣнія во временное или вѣчное владѣніе (а съ ними, конечно, и шляхетскія права), но только непремѣнно на сеймѣ, „за радою и позволеньемъ“ всѣхъ пановъ—рады и всѣхъ становъ земскихъ, „сойму литовскому вальному належачихъ“. Уряды по прежнему оставлены недоступными для чужеземцевъ; кто выпроситъ себѣ что-нибудь подобное, у того отбирается не только урядъ, но и имѣнье и вся мастность. Уряды и достоинства составляютъ достояніе только Литвы, Руси и Жмуди, „съ продковъ своихъ“ урожонцевъ великаго княжества литовскаго [2]).

Новая редакція артикула о чужеземцахъ, установленная сеймомъ 1566 г., вошла въ Статутъ 1588 г. съ значительной модификаціей, безъ всякаго упоминанія о „радѣ и позволеньи“ сеймовыхъ становъ. Вопросъ о правахъ чужеземцевъ, такимъ образомъ, по прежнему оставленъ въ зависимости отъ „ласки и данины“ одного господаря, какъ и по статуту второй редакціи. Въ Статутѣ 1588 г. лишь сдѣлана прибавка о томъ, что чужеземецъ, получившій имѣніе „зъ ласки и данины“ господарской, долженъ предварительно учинить предъ мѣстнымъ гродскимъ или земскимъ урядомъ присягу въ томъ, что „маетъ быти верныиъ и зычливымъ“ великому княжеству литовскому, какъ и тубыльцы, и отправлять земскую службу на общемъ основаніи, безъ всякихъ правъ на занятіе урядовъ и достойностей [3]).

Вскорѣ послѣ изданія Статута третьей редакціи въ великомъ княжествѣ литовскомъ стали примѣняться общія правила, дѣйствовавшія въ Польшѣ по вопросу объ индигенатѣ чужеземцевъ. Такимъ обра-

---

[1]) Статутъ 1566, III, 17.

[2]) Времен. Общ. ист. и древн., кн. 23, стр. 217.

[3]) 17 арт. III разд. Статута 1566 г. о выводѣ шляхетства чужеземцевъ изложенъ въ Статутѣ 1588 г. безъ измѣненій. См. Статутъ 1588, III, 12, 21.

зомъ, на основаніи конституціи 1588 г. [1]), предоставившей сеймамъ разрѣшеніе дѣлъ о нобилитаціи, сеймы стали издавать также конституціи объ индигенатѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ [2]). Въ 1601 г. была издана общая конституція объ индигенатѣ [3]). Въ силу этой конституціи кандидаты въ индигены должны обращаться съ ходатайствами къ мѣстной шляхтѣ на сеймикахъ, съ порученіемъ чрезъ сеймовыхъ пословъ заявленій на сеймѣ о ихъ ходатайствахъ. Конституція 1607 г. приняла за общее правило—безъ дозволенія сеймовыхъ становъ обоихъ народовъ не выдавать дипломовъ на индигенатъ [4]). Въ 1641 г. повторено то же правило, съ тѣмъ, чтобы конституціи объ индигенатѣ заносились въ Volumina legum, безъ чего, какъ и безъ другихъ условій, дипломы будутъ считаться недѣйствительными; самыя поссесіи, пожалованныя кандидатамъ, объявляются въ такихъ случаяхъ вакантными и раздаются—добра земскія jure caduco, а добра Речи Посполитой jure advitalitio [5]). Кандидаты въ индигены, по полученіи дипломовъ, считаются индигенами въ Коронѣ и великомъ княжествѣ литовскомъ [6]). Къ условіямъ пріобрѣтенія чужеземцами шляхетства относятся: законно удостовѣренное шляхетство на родинѣ кандидатовъ, военныя и иныя заслуги, владѣніе земскимъ имѣніемъ и присяга вѣрности (iuramentum fidelitatis) [7]). По конституціи 1768 г., кандидаты въ индигены должны представить удостовѣреніе о шляхетствѣ, выведенномъ отъ дѣда [8]); конституція же 1775 г. требуетъ, кромѣ того, удостовѣренія о владѣніи земскимъ имѣніемъ стоимостью не менѣе 500 тыс. злотыхъ, при томъ съ условіемъ неотчужденія въ теченіе 20 лѣтъ. Исключеніе относительно имѣній сдѣлано только

---

[1]) Volumina legum, II, 971.

[2]) Такова, наприм., конституція, выданная въ 1593 г. вальнымъ сеймомъ на индигенатъ пановъ Бекешовъ: они признаны индигенатами въ Коронѣ и великомъ княжествѣ Литовскомъ, съ ихъ потомствомъ, съ допущеніемъ ихъ ко всѣмъ достойностямъ, урядамъ и вообще вольностямъ шляхетскимъ. Нобилитованные должны были учинить „juramentum fidelitatis“ Коронѣ и великому княжеству Литовскому (Volumina legum, II. 1404).

[3]) Volumina legum, II, 1516.

[4]) Ibid., II, 1634.

[5]) Ibid., IV, 11.

[6]) Ibid., II, 1404; V, 126—128; VIII, 677 и пр.

[7]) Ibid., II, 1239, 1404; III, 551, 556, 827, 973; IV, 11, 870; V, 133, 407; VII. 119; VIII, 300.

[8]) Ibid., VII, 602.

для кандидатовъ съ выдающимися военными заслугами [1]). Въ XVII в. къ числу условій индигената прибавлены: исповѣданіе „fidei sanctae romano-catholicae“ [2]) и продолжительное пребываніе въ Рѣчи Посполитой—до трехъ лѣтъ (intra triennium) [3]) и до шести лѣтъ (intra sexennium) [4]). Въ 1764 г. положено было, вмѣсто стараго единогласія, разрѣшать на сеймѣ дѣла объ индигенатѣ, какъ и о нобилитаціи, большинствомъ голосовъ (pluralitate) [5]); но вскорѣ (1768 г.) возстановленъ былъ обычный порядокъ сеймовыхъ рѣшеній единогласіемъ (unanimitate) по вопросамъ государственнымъ (inter materias status), къ каковымъ принадлежали дѣла о нобилитаціи и индигенатѣ [6]). Путемъ индигената пріобрѣталось шляхетство по общему правилу—„praeciso scartabellatu“, т. е. безъ всякихъ ограниченій въ правахъ и вольностяхъ шляхетскихъ [7]). Въ ряду отдѣльныхъ конституцій объ индигенатѣ встрѣчается лишь одна конституція 1616 г. объ ограниченномъ индигенатѣ московскаго боярина Бориса Грязного: по пожалованному ему индигенату онъ не могъ занимать никакихъ достойностей и урядовъ [8]); вскорѣ, впрочемъ (въ 1638 г.) ему былъ предоставленъ ловецкій урядъ Новгородскій, съ допущеніемъ его съ потомствомъ ко всѣмъ шляхетскимъ „honoram i dignitarstwam“ [9]).

Шляхетство, пріобрѣтенное рожденіемъ, нобилитаціей или индигенатомъ, по литовско-русскому праву, какъ и по польскому, *утрачивается* шляхтичемъ, въ наказаніе за преступленія по судебному приговору; но онъ можетъ и самъ, по доброй волѣ, отказаться отъ шляхетскихъ правъ.

По суду шляхетство утрачивается при обвиненіи въ преступленіяхъ, за которыя виновный наказывается „выволаньемъ“ (bannicya) изъ страны или лишеніемъ личной чести. По Литовскому Статуту къ такимъ преступленіямъ относятся: ображенье маестату (crimen laesae majestatis) [10]); бѣгство въ непріятельскую землю съ злымъ умысломъ;

---

[1]) Ibid., VIII. 293.
[2]) Ibid., IV, 870; V, 120. 133 и пр.
[3]) Ibid., III, 827; IV, 384.
[4]) Ibid., IV, 385.
[5]) Ibid., VII, 203.
[6]) Ibid., VII, 602.
[7]) Ibid., II, 1404; III, 827; IV, 11, 870, 939; V, 128, 407 и пр.
[8]) Ibid., II, 314.
[9]) Ibid., III, 973.
[10]) „Безецными“, лишенными шляхетства, объявляются по суду не только самъ

подделка господарскихъ листовъ, печатей и монеты: разнаго рода насилія и стрѣльба при господарскомъ дворѣ или тамъ гдѣ пребываетъ господарь; насилія и убійство господарскихъ урядниковъ и посланцевъ во время „справъ" земскихъ; военныя преступленія (неявка на службу или уходъ изъ войска безъ законныхъ причинъ, военный гвалтъ и пр.); убійство мужа, жены, родителей, братьевъ и сестеръ; дорожный разбой, поджогъ дома и пр.; гвалтовный наѣздъ на домъ или костелъ; изнасилованіе женщинъ, насильственный бракъ и чужеложство; злодѣйство шляхтича при четвертомъ обвиненіи; уходъ изъ страны послѣ совершенія преступленія; ложное обвиненіе кого либо въ преступленіи, влекущемъ смертную казнь или лишеніе имѣнія; освобожденіе шляхтича-злочинца отъ наказанія по суду путемъ выкупа или просьбы стороннихъ лицъ; наконецъ, укрывательство и пособничество, оказываемое разбойникамъ и другимъ злочинцамъ [1]). По конституціямъ XVII и XIII в. шляхтичъ теряетъ шляхетство, при обвиненіи его въ измѣнѣ католической церкви и принадлежности къ ереси, преслѣдуемой государственнымъ закономъ [2]). Шляхтичъ теряетъ, затѣмъ, шляхетскія права, разъ онъ „припуститъ" плебея къ себѣ къ шляхетству или самовольно приметъ его къ своему гербу, также при обвиненіи въ присвоеніи чужаго герба безъ сеймоваго разрѣшенія или при обвиненіи въ ложномъ показаніи о плебеѣ, какъ шляхтичѣ или своемъ родственникѣ [3]).

По Литовскому Статуту шляхетство утрачивается, разъ шляхтичъ оставлялъ „рыцерскій" образъ жизни, предавался *занятіямъ плебейскимъ*. Если шляхтичъ, „занехавши именья и обыстья своего шляхетского або про худобу свою ищучи себѣ поживенья", переходилъ въ городъ и велъ мѣщанскій торгъ или шинкъ въ своемъ домѣ, мѣрялъ локтемъ или занимался ремесломъ на верстакѣ, то онъ больше не въ правѣ пользоваться шляхетскими вольностями [4]). Тѣ же правила, но только съ болѣе строгими аксессуарами, воспроизводятся въ консти-

---

виновный, но и его дѣти. По другимъ преступленіямъ послѣднія лишаются шляхетства лишь въ такомъ случаѣ, если они участвовали въ преступленіи отца.

[1]) Статутъ, 1588, I, 1—3, 6, 7, 9, 10, 13, 16, 17, 24, 25; II, 10, 13, 14, 18, 21; XI, 1, 3—8, 12, 13, 18, 30, 36, 56; XIV, 10, 30.

[2]) Volumina legum, IV, 1029; VI, 581; VII, 3, 436; VIII, 60.

[3]) Акты Литовской Метрики, № 236. Volumina legum, II, 971; III, 805, 1502; IV, 805.

[4]) Статутъ, 1566, III, 16, 20. Статутъ, 1588, III, 25.

туціяхъ XVI и слѣдующихъ вѣковъ [1]). По конституціи 1633 г., шляхтичъ, поселившійся въ городѣ и занявшійся мѣщанскими промыслами—торговлей, шинкарствомъ и пр., теряетъ не только шляхетство, но и всѣ свои bona terrestria, которыя, какъ безхозяйныя, конфискуются въ скарбъ господарскій [2]). По Литовскому Статуту, лишь ростовщичество (занятіе „лифой") не считалось противорѣчащимъ шляхетскому достоинству и потому оно не воспрещается шляхтѣ [3]). Точно также шляхтичъ, бывшій мѣщанскимъ войтомъ, бурмистромъ, лавникомъ или писаремъ и не занимавшійся торговлей или другимъ мѣщанскимъ промысломъ, не лишался шляхетскихъ правъ [4]). Конституція же 1633 г. подвела шляхтичей, участвовавшихъ въ должностныхъ функціяхъ мѣщанскихъ магистратуръ, подъ одну категорію съ шляхтой—торгашами и шинкарями [5]). Лишь въ 1776 г. дозволено было поземельной шляхтѣ жить въ городѣ и заниматься купечествомъ (но не шинкарствомъ или ремесломъ), безъ утраты шляхетскихъ вольностей [6]).

Какъ замѣчено выше, обѣднѣвшая шляхта „про свою худобу" селилась не только въ городѣ и добывала средства къ жизни мѣщанскими промыслами, но и переходила въ составъ сельскихъ кметей, садилась на крестьянскія земли и отправляла съ нихъ всѣ крестьянскія повинности. Такая шляхта, „за великими своими упадками", не могла съ своихъ отчинъ отправлять земской службы, нерѣдко совсѣмъ оставляла и отчины и службы и переходила на общее положеніе тяглыхъ или оброчныхъ сельчанъ и, такимъ образомъ, de facto утрачивала всякое обличье шляхетства, со всѣми его вольностями [7]). Бояръ-шляхты, сливавшейся съ крестьянствомъ, было не мало въ Жмуди, гдѣ ихъ переставали различать отъ податныхъ людей. Въ

[1]) Volumina legum, I, 303; II, 1696; V, 463 и пр.

[2]) Ibid., III, 806.

[3]) Статутъ. 1588, III, 24. То же видно изъ сеймовой просьбы литовской шляхты (1584 г.) объ основаніи заемнаго банка, съ запрещеніемъ частнымъ лицамъ ростовщичества, при чемъ послѣдняя просьба мотивируется тѣмъ, что не только купцы, оставивъ торговлю, занимаются ростовщичествомъ, но и нѣкоторые „зъ стану рыцерского, покинувши господарство (хозяйство въ маетностяхъ) пристойное, на лифу пенези даютъ" (см. Лит. Метр., Судн. дѣлъ, № 61, л. 132).

[4]) Статутъ, 1588, XII, 6.

[5]) Volumina legum, III, 806.

[6]) Ibid., VIII, 183.

[7]) Архивный матеріалъ по данному вопросу извлеченъ изъ Литовской Метрики Любавскимъ въ его изслѣдованіи о литовско-русскомъ сеймѣ, стр. 435, 436.

виду этого, напримѣръ, король Сигизмундъ поручилъ Жмудьскому старостѣ Яновичу произвести специальное „выведанье“, кто изъ упомянутыхъ сельчанъ „правые бояре“, съ зачисленіемъ въ податной классъ лицъ, не доказавшихъ своего боярства [1]).

Наконецъ, Литовскій Статутъ указываетъ на утрату шляхетства тоже по доброй волѣ самихъ его представителей, именно путемъ брака шляхтянки съ простолюдиномъ. Шляхтянка, пріобрѣвшая шляхетство рожденіемъ, теряла свое шляхетство, разъ она вступала въ бракъ съ плебеемъ; точно также шляхтянка изъ плебеевъ, пріобрѣвшая шляхетство бракомъ съ шляхтичемъ, теряла пріобрѣтенное шляхетство, при выходѣ ея, по смерти мужа, въ новый бракъ съ плебеемъ [2]).

Литовско-русскому праву извѣстно было *возстановленіе* утраченныхъ шляхетскихъ правъ (renowatio nobilitatis, restytucya do czci). Шляхетство, утраченное по судебному приговору, могло возстановляться только судомъ, возвращающимъ по новому приговору права шляхетскія лицу, наказанному выволаньемъ или лишеніемъ чести [3]). Шляхтичъ, лишившійся шляхетскихъ правъ вслѣдствіе поселенія въ городѣ и занятій мѣщанскими промыслами, возстановляетъ свое шляхетство, считается „правой шляхтой“, разъ онъ или его сыновья оставятъ мѣщанскіе промыслы, уйдутъ изъ города и „наслѣдуютъ поступковъ рыцерскихъ предковъ своихъ“ [4]). По позднѣйшимъ конституціямъ, шляхтичъ, оставлявшій мѣщанскій образъ жизни, не могъ самовольно возстановлять свое шляхетство, но обязанъ ходатайствовать объ этомъ на сеймѣ [5]). При временномъ лишеніи чести за преступленія, шляхетство возстановлялось судомъ [6]), а при вѣчной bannicyi, съ лишеніемъ шляхетской чести, послѣдняя возстановляется только на основаніи сеймовыхъ конституцій [7]).

Кромѣ актовъ о пріобрѣтеніи и утратѣ шляхетства, сохранились съ конца XV в. акты о такъ называемомъ *выводѣ шляхетства* (probatio nobilitatis) отдѣльныхъ лицъ [8]). Акты эти практиковались при

---

[1]) А. В. К. т. XXIV, № 19—21.

[2]) Статутъ, 1566, III, 16; V, 11. Статутъ, 1588, III, 20; V, 12.

[3]) По Статуту лицо, наказанное изгнаніемъ или ушедшее за границу до суда, можетъ просить о выдачѣ ему охраннаго листа (кглейта) для явки въ судъ, ради возстановленія утраченныхъ правъ и пр. (Статутъ, 1588, I, 12, 13).

[4]) Статутъ, 1566, III, 16, 20. Статутъ, 1588, III, 20, 25.

[5]) Volumina legum, II, 1218; III, 806.

[6]) Ibid., II, 1220.

[7]) Ibid., II, 1218, 1377, 1378, 1670, 1681; III, 12, 30, 44 и пр.

[8]) См. Акты Литовской Метрики № 236 (актъ 1496 г.), 253, 293, 302, 330.

„наганеньи“ шляхетства, т. е. при заявленіи кѣмъ либо сомнѣній въ правильности и законности освоянія данныыъ лицомъ шляхетскихъ правъ. Сомнѣнія такія могли заявляться въ формѣ урядоваго обвиненія (zarzutu) даннаго лица въ неправильномъ и незаконномъ присвоеніи имъ шляхетства, напримѣръ, при пріобрѣтеніи имъ земскаго имѣнія и пр. И помимо такихъ сомнѣній и обвиненій вопросы о шляхетской правоспособности и ея генезисѣ могли возникать, разъ данное лицо, мало извѣстное мѣстному уряду или обывателямъ, заявляетъ себя при какихъ либо дѣйствіяхъ или сдѣлкахъ, какъ правоспособный шляхтичъ, и этимъ вызываетъ необходимость въ провѣркѣ и точномъ констатированіи правильности и законности присвоенія

Skarbiec, № 2192 (1507 г.) Арх. Ю. З. Р. ч. IV, т. I, стр. 16 (1518 г.) А. В. К т. XXIV, № 19—21, 29 (20-хъ годовъ XVI в.); XIII, № 15 (1569 г.) А. Ю. З. Р. I. № 203, 207 (оба акта 1592 г.). Изъ Литовской Метрики извлеченъ рядъ актовъ о выводѣ шляхетства г. Любавскимъ (см. его Областное дѣленіе, 542, 543, и Сеймъ, 437—419) и Довнаръ-Запольскимъ (Государственное хозяйство, 650). Приведу съ своей стороны извлеченія изъ актовъ, зарегистрованныхъ въ Литовской Метрикѣ. Въ 1516 г., земскій маршалокъ Миколаевичъ, по приказу господаря, разбиралъ дѣло по жалобѣ вдовы боярина Пякова на пана Яна Немировича, который, послѣ убійства ея мужа, велѣлъ посадить ее въ „пятство“ и держалъ ее въ заточеніи. безъ суда, два съ половиной года, зная, что она шляхтянка, и пограбилъ всѣ ея статки и людей мужа и ея. Судья „пыталъ“ пострадавшую, „естли она шляхтянка была“. Она поставила „братью свою“ бояръ господарскихъ, да и самъ подсудимый призналъ ея шляхетство. По докладѣ дѣла господарю, онъ опредѣлилъ: „ижъ панъ Янъ неслушнымъ обычаемъ шляхтянку, безъ каждого права поимавши, держалъ ея въ пятстве, сказали на немъ бояринѣ навезки за безчестье 24 руб. грошей“ (Литовская Метрика Судныхъ дѣлъ, № 1, л. 165). Въ 1518 г. состоялось судное дѣло по жалобѣ господарскихъ дворянъ Сасиныхъ на Шитовича, „приганившаго“ ихъ шляхетство. По требованію суда, истцы вывели свой „родъ“, представивши въ положенный срокъ, „племя, братью свою, хотячи шляхетство свое ими очиститн“,—господарскаго дворянина Резанца и бояръ господарскихъ—трехъ Свѣтичей и Адамовича. По ихъ показаніямъ за истцами признано шляхетство (Литовская Метрика Судныхъ дѣлъ, № 3, л. 31). Въ 1522 г. королю Сигизмунду жаловался бояринъ Безпятовъ на дворянина Мелешковича, который „вернетъ“ его съ землей къ своему имѣнію Любчу за простого человѣка и землю его забралъ, „а онъ есть шляхтичъ“. Отвѣтчикъ заявилъ на судѣ, что Безпятовъ служитъ къ Любчу (за его Мелешкевича) предковъ, а есть человѣкъ простой. Истецъ показалъ: онъ есть родомъ изъ Москвы, а тутъ понялъ жену, дочку боярскую шляхтянку, а я то же шляхтичъ, а мнѣ се трудно роду своего взяти“ и представилъ листъ пана Манкгирдовича, гдѣ пишется, „ижъ онъ предка его и жены писалъ бояриномъ“. Въ виду послѣдняго показанія, господарь, разбиравшій дѣло, рѣшилъ: „намъ ся не годитъ никому земель отдавать. Нехай онъ (Безпятовъ) тѣ земли и сѣножати держитъ, а намъ съ нимъ земскую службу служитъ посполъ съ боярами Новгородскими“ (Литовская Метрика Судныхъ дѣлъ № 2, л. 313).

имъ шляхетскихъ правъ. Какъ видно изъ актовъ этого рода, сохранившихся съ конца XV в. [1]), выводъ шляхетства велся предъ господаремъ или мѣстнымъ урядовымъ судомъ и состоялъ въ судебномъ разбирательствѣ и точной оцѣнкѣ „клейнотовъ", или доказательствъ, представленныхъ въ подтвержденіе своихъ правъ лицомъ, шляхетство котораго оспаривается на судѣ и пр. [2]).

Наиболѣе обычнымъ клейнотомъ, въ особенности при оспариваніи стариннаго, родовитаго шляхетства, былъ выводъ своего „рода" путемъ ссылки на „племя", „родъ", „кровныхъ" или „братью свою"— родственниковъ по мужской и женской линіямъ, съ точнымъ констатированіемъ ими принадлежности даннаго лица къ одному съ ними шляхетскому роду, при чёмъ иногда также требовалось, чтобы свидѣтели-родственники, съ своей стороны, представили точныя доказательства собственнаго шляхетства [3]). При недостаткѣ въ наличности родныхъ, допускалось свидѣтельство нѣсколькихъ „околичныхъ" бояръ-шляхты и пановъ, дававшихъ иногда письменныя удостовѣренія о шляхетствѣ предковъ даннаго лица [4]). Свидѣтельскія показанія иногда подкрѣплялись также ходатайствомъ пановъ-рады [5]).

Изъ актовъ о выводѣ шляхетства отдѣльныхъ лицъ видно, что въ дѣлахъ о выводѣ шляхетства имѣли доказательную силу также старые судные листы, удостовѣрявшіе, напримѣръ, „ижъ они здавна съ предковъ службу земскую служатъ прикладомъ иныхъ земянъ", — также жалованные листы великихъ князей на земскія имѣнія или на освобожденіе отъ тяглыхъ повинностей, съ переводомъ на службу земскую шляхетскую, наконецъ листы о томъ же мѣстныхъ пановъ и урядниковъ-старостъ и пр. [6]).

Не маловажнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ вывода шляхетства слу-

---

[1]) См. наприм., Акты Литовской Метрики, № 302,—актъ 1406 г.

[2]) О такихъ „клейнотахъ" см. акты, извлеченные изъ Литовской Метрики Любавскимъ,—Областное дѣленіе, стр. 542, 543; Сеймъ, 437, 449.

[3]) См. Акты Литовской Метрики, № 330. *Любавскій*, Областное дѣленіе, 543; Сеймъ, 440, 449. См. выше Литовскую Метрику судныхъ дѣлъ № 1, л. 165, и № 3, л. 31.

[4]) А. В. К., XIII, № 15; XXIV, № 19—21, 29. А. Ю. З. Р., I, № 207. *Любавскій*, Сеймъ, 437, 438, 441, 447. Бояринъ Безпятовъ, выходецъ изъ Москвы, не имѣвшій на мѣстѣ родныхъ, представилъ листъ пана Монкгирдовича, удостовѣрившаго боярство предковъ Безпятова (Литовская Метрика судныхъ дѣлъ, № 2, л. 313).

[5]) *Любавскій*, Сеймъ, 447, 448.

[6]) Акты Литовской Метрики, № 236, 253, 293. А. Ю. З. Р., I, № 203, 207. А. Ю. З. Р., ч. IV, т. 1, стр. 16. Любавскаго, Областное дѣленіе, 542, 543. Его же, Сеймъ, 437, 441.

жили составлявшіеся въ военное время „пописы" служилой шляхты, обязанной являться на войну во время посполитыхъ рушеній [1]). Регистрація служилой шляхты, съ составленіемъ военно-служебныхъ списковъ и реестровъ, практиковалась и въ мирное время. Примѣромъ шляхетской регистраціи можетъ служить земскій „пописъ" служилой шляхты, составленный въ 1528 г. [2]). Внесеніе въ пописъ лица, шляхетство котораго оспаривается на судѣ, могло служить однимъ изъ актовъ, удостовѣряющихъ принадлежность ему шляхетскихъ правъ на законномъ основаніи.

Наконецъ, клейнотами въ дѣлахъ о выводѣ шляхетства могли служить данныя инвентарей и скарбовыхъ ревизій тяглаго населенія и ихъ повинностей. Составленіе такихъ ревизій иногда сопровождалось разборомъ землевладѣнія и службы мѣстной шляхты [3]). Отсутствіе въ тяглыхъ пописахъ и инвентаряхъ именъ лицъ, шляхетство которыхъ оспаривается, принималось иногда на судѣ въ значеніи законнаго доказательства ихъ шляхетства [4]).

Кромѣ актовъ о выводѣ шляхетства отдѣльныхъ лицъ, въ XVI в. появились общія законоположенія по данному вопросу. Таковъ „артикулъ", выработанный господаремъ и панами-радою на Виленскомъ соймѣ 1507 г., съ изложеніемъ общей „уставы о выводѣ шляхетства за примовою" [5]). На соймѣ были довольно точно формулированы шляхетскіе клейноты, выработанные современной судебно-административной практикой по дѣламъ о выводѣ шляхетства. Именно было поста-

---

[1]) *Довнаръ-Запольскій*, Государственное хозяйство, 650.

[2]) А. В. К., XXIV, № 30—32. Archiv Sang., III, № 345. *Любавскій*, Сеймъ 445, 446, 449. *Довнаръ-Запольскій*, Государственное хозяйство, 650.

[3]) А. З. Р., I, стр. 183; III, 61. А. В. К., XIII, стр. 30; XXV, 20, 21. *Довнаръ-Запольскій*, Государственное хозяйство, 650.

[4]) Въ 1496 г. люди Ейшишскихъ бояръ Таливойшевичей обвиняли послѣднихъ предъ господаремъ въ томъ, „ижъ бы они были люди тяглые и дякла давали посполу зъ волостью къ Трокомъ, и хотѣли того на нихъ довести книгами (инвентарями) первыхъ городничихъ Троцкихъ, што на нихъ дякла биривали". Господарь поручилъ городничему Трокскому Михну Хребтовичу справиться въ старыхъ книгахъ, „давали-ль будуть отцы ихъ, або они сами дякла посполу зъ волостію, чи не давали". Городничій отцовъ ихъ и ихъ самихъ въ книгахъ не нашелъ. Въ виду этого господарь утвердилъ шляхетство за Таливойшевичами (Акты Литовской Метрики, № 302).

[5]) Skarbiec, № 2192. Любавскій (Сеймъ, 439), извлекшій этотъ артикулъ изъ Литовской Метрики, относитъ его изданіе къ 1522 г. Въ приведенномъ Любавскимъ текстѣ артикула дата не обозначена. Повидимому, Любавскому не извѣстно изданіе того же акта Даниловичемъ, извѣстнымъ знатокомъ литовско-русской старины: онъ едва ли могъ ошибиться въ обозначеніи даты настоящаго акта.

новлено: шляхтичъ, которому кто-либо „приганитъ, ижъ бы не былъ шляхтичомъ“, имѣетъ выводить свое шляхетство двумя шляхтичами, которые должны подъ присягою показать, что онъ „съ одного роду отъ прадеда, отъ деда, съ одное крови имъ есть братъ“; если не можетъ поставить двухъ свидѣтелей, а только одного „ровного собе“, то долженъ самъ лично подтвердить его показаніе присягою. Если шляхтичъ „приганенный“ не можетъ поставить на судѣ ни одного свидѣтеля, то онъ долженъ представить имѣющіеся у него старые листы великаго князя Витовта, также Сигизмунда или Казимира, какъ и нѣкоторыхъ пановъ высокихъ, именующихъ его бояриномъ въ своихъ листахъ,—можетъ, наконецъ, представить судные листы („у праве съ кимъ будетъ стоялъ“) или листы кого иного, гдѣ онъ именуется шляхтичемъ. Такими листами онъ имѣетъ выводить свое шляхетство.

Въ Литовскомъ Статутѣ главнымъ клейнотомъ шляхетства считаются лишь одни показанія свидѣтелей. По Статуту первыхъ двухъ редакцій, если кто скажетъ кому, что онъ не шляхтичъ, то шляхетство выводится присяжными показаніями двухъ шляхтичей „зъ отца и матки“, а по Статуту третьей редакціи—двумя „кровными“ шляхтичами со стороны отца и двумя со стороны матери. Если „извелся“ родъ шляхтича, выводящаго свое шляхетство, то онъ имѣетъ представить для присяжныхъ показаній двухъ свидѣтелей изъ „околичныхъ“ шляхтичей, которые бы знали его, какъ шляхтича [1]). О клейнотахъ листовныхъ, признаваемыхъ уставой 1507 г., Литовсый Статутъ вовсе не упоминаетъ, вѣроятно, по той причинѣ, что въ данномъ случаѣ Статутъ имѣлъ въ виду опредѣлить клейноты лишь стариннаго, родовитаго шляхетства, доказываемаго, главнымъ образомъ, на основаніи показаній лицъ одного шляхетскаго рода или по показаніямъ шляхтичей стороннихъ, лично знающихъ происхожденіе даннаго лица отъ стариннаго шляхетскаго рода.

Пробѣлъ, оказавшійся въ Литовскомъ Статутѣ по вопросу о листовныхъ клейнотахъ, восполненъ былъ конституціей 1633 г. Въ ней принято за правило, что, кромѣ присяжныхъ показаній свидѣтелей, выводъ шляхетства можетъ основываться также на „authentica testimonia literatoria“, т. е. на письменныхъ актахъ разнаго рода, по владѣнію земскими имѣніями, ихъ раздѣлу между наслѣдниками и пр. [2]). По позднѣйшей конституціи 1764 г. такое же значеніе получили метрики

[1]) Статутъ 1529, III, 11. Статутъ 1566, III, 16. Статутъ 1588, III, 19.
[2]) Volumina legum, III, 805.

церковныя „oblatowane", т. е. внесенныя въ актовыя книги гродскихъ или земскихъ судовъ [1]). Затѣмъ, всякаго рода нобилитаціонные акты вносились по давнему обычаю въ государственный архивъ (литовскую метрику) и архивы мѣстные, съ выдачей копій актовъ нобилитованнымъ лицамъ. Въ виду часто повторявшихся, особенно въ военное время, отъ пожаровъ и другихъ причинъ случаевъ уничтоженія архивовъ офиціальныхъ и частныхъ, а съ ними и фамильныхъ актовъ, конституціей 1658 г. было постановлено, чтобы, при утратѣ фамильныхъ актовъ, служившихъ доказательствомъ шляхетства ихъ владѣльцовъ, послѣдніе записывали свои родословныя (stemma genealogicum sive progonologicum) и представляли ихъ для записи въ актовыя книги. Если, затѣмъ, въ теченіе шести лѣтъ и шести мѣсяцевъ никто не заявлялъ „protestacyi" противъ родословныхъ записей, то онѣ, сами собой, пріобрѣтали значеніе достовѣрныхъ актовъ въ дѣлѣ вывода шляхетства. При заявленіи протеста въ теченіе означеннаго срока правильность родословной записи можетъ быть подтверждена показаніями „кровныхъ" свидѣтелей—двухъ со стороны отца и двухъ со стороны матери [2]).

Разбирательство административныхъ и судебныхъ дѣлъ о выводѣ шляхетства первоначально велось въ судахъ земскихъ и трибуналѣ. Позже подобныя дѣла разсматривались мѣстными сеймиками, а затѣмъ состоявшіяся на нихъ „probacyi" передавались въ трибуналъ. Здѣсь рѣшенія сеймиковъ окончательно утверждались судебнымъ приговоромъ, послѣ присяги отвѣтчика съ его кровными свидѣтелями, подтверждавшими правильность представленныхъ ими на сеймикѣ доводовъ въ пользу шляхетства отвѣтчика [3]).

Въ заключеніе резюмируемъ главнѣйшіе выводы изъ изложеннаго въ настоящемъ очеркѣ разбора актовыхъ данныхъ о генезисѣ литовско-русской шляхты, объ отдѣльныхъ ея классахъ и актахъ пріобрѣтенія и утраты шляхетскихъ правъ.

Бояре и служилые люди до-шляхетской эпохи, изъ личнаго состава которыхъ образовалось въ Литвѣ-Руси шляхетство, имѣли значеніе бытовыхъ, чисто фактическихъ классовъ, безъ всякихъ реальныхъ сословныхъ элементовъ, безъ особыхъ правъ и вольностей, которыя бы по „обычаю", превращенному позже въ „право", отличали боярство отъ другихъ классовъ. Воззрѣніе о соціальной организаціи и сослов-

[1]) Ibid., VII, 68.
[2]) Ibid., IV, 538.
[3]) Ibid., II, 1502; V, 776; VI, 438.

ныхъ элементахъ стараго боярства, какъ главныхъ факторахъ въ дѣлѣ созданія литовско-русской шляхты, не можетъ быть, поэтому, признано научно доказаннымъ и безспорнымъ положеніемъ.

Факторы, положившіе начало развитію сословной организаціи литовско-русскаго шляхетства, нужно искать въ политическихъ условіяхъ, при какихъ слагалось литовское государство и установились его отношенія къ сосѣдней Польшѣ. Факторы эти коренятся въ многовѣковой борьбѣ, какую, при одинаковыхъ условіяхъ, принуждены были вести Польша и Литва-Русь, долго боровшіяся съ своими сосѣдями и другъ съ другомъ и, въ концѣ концовъ, приведенныя къ сознанію необходимости въ мирномъ сближеніи и единеніи, ради взаимопомощи въ борьбѣ съ врагами общими силами Польши и Литвы-Руси. Съ конца XIV в. Польша развиваетъ новую политику добыванія русскихъ и литовскихъ земель не завоеваніемъ, какъ было раньше, но мирнымъ путемъ уніи и уравненія (coaequationis) русскихъ и литовцевъ въ правахъ съ поляками, безъ чего унія не могла бы достигать своего осуществленія. Необходимость въ такомъ уравненіи въ правахъ и вызвала изданіе цѣлаго ряда привилеевъ, направленныхъ на прививку въ Литвѣ-Руси тѣхъ же сословно-шляхетскихъ распорядковъ, какіе къ началу XV в. установились въ польскихъ областяхъ. Связь шляхетскихъ привилеевъ съ уніей Литвы съ Польшей категорически констатируется въ особенности въ первыхъ шляхетскихъ привилеяхъ (1413, 1432 и 1434 г.).

„Родоначальникомъ" правъ и вольностей шляхетскаго сословія въ Литвѣ принято считать привилей 1387 г., изданный въ видахъ укрѣпленія польско-литовской уніи, а также ради поощренія родовитыхъ литовскихъ бояръ къ принятію католичества, путемъ предоставленія литовцамъ-католикамъ нѣкоторыхъ правъ польской шляхты. Привилей 1387 г. данъ не всему литовскому боярству, но лишь знатнымъ литовцамъ-католикамъ. Самое же главное—въ настоящемъ привилеѣ вовсе нѣтъ рѣчи о признаніи за литовскими боярами шляхетства наравнѣ съ польскими nobiles: боярамъ-католикамъ предоставлено не само шляхетство, какъ цѣльный правовый институтъ, а лишь нѣкоторыя права польской шляхты (права имущественныя и семейныя, также по повинностямъ). Привилей 1387 г. можно назвать просто боярскимъ или земскимъ, но не шляхетскимъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Это былъ лишь первый опытъ осуществленія заявленной при заключеніи уніи въ 1385 г. тенденціи сближенія и „wcielenia" Литвы съ Польшей.

„Родоначальникомъ" шляхетства, его правъ и вольностей въ ли-

товскомъ княжествѣ былъ не привилей 1387 г., но слѣдовавшій за нимъ Городельскій привилей 1413 г., трактующій о разныхъ вольностяхъ литовской шляхты (certis libertationibus tunc *nobilitati* Lijtuanice). Это первая шляхетская хартія, формулировавшая основныя начала организаціи въ Литвѣ привиллегированнаго сословія, пользовавшагося вольностями польской шляхты. Привилей 1413 г. обусловливаетъ пользованіе шляхетскими вольностями послушаніемъ католической церкви и сопричисленіемъ къ польскимъ гербамъ лицъ, поименно обозначенныхъ въ настоящемъ привилеѣ. Въ сферѣ гражданской правоспособности къ вольностямъ привилея 1387 г. причислены новыя права (по наслѣдованію имуществъ и о вѣнѣ женъ). Въ сферѣ публичныхъ отношеній привилей 1413 г. формулируетъ правоположенія объ обязанности шляхты охранять и поддерживать унію съ Польшей по началу инкорпораціи, объ участіи шляхты въ соглашеніяхъ объ избраніи великаго князя литовскаго и польскаго короля, объ участіи въ польско-литовскихъ сеймахъ по общимъ дѣламъ Польши и Литвы,—о правахъ шляхты по повинностямъ, по занятію урядовъ и по участію въ господарской радѣ.

Слѣдовавшіе затѣмъ шляхетскій привилей 1432 г. и его подтвержденіе—привилей 1434 г. уравниваютъ въ правахъ съ литовцами русскихъ князей и бояръ областей, принадлежавшихъ къ такъ называемой литовской Руси и непосредственно входившихъ въ составъ литовскаго княжества, съ гарантіей правъ личныхъ, имущественныхъ, по повинностямъ и по сопричисленію къ гербамъ литовской шляхты. Предоставленіе правъ русскимъ боярамъ мотивируется въ обоихъ привилеяхъ тѣмъ, чтобы впредь не было между обоими народами розни или какого либо неравенства (divisio aut aliquot dispensum),—чтобы всѣ, „утѣшенные одинаковыми милостями", единодушно и согласно радѣли о благѣ государства, ревностно исполняли велѣнія польскаго короля и великаго князя литовскаго.

Послѣдующіе шляхетскіе привилеи, издававшіеся при Казимирѣ Ягеллонѣ и послѣдующихъ литовскихъ господаряхъ, гарантируютъ вольности шляхты всѣхъ областей, входившихъ въ составъ литовскаго государства, и вызывались исключительно мѣстными интересами литовскихъ господарей и пановъ, внѣ былой связи съ разновременными опытами польско-литовской уніи и безъ прямого воздѣйствія и вмѣшательства поляковъ. Всѣ позднѣйшіе привилеи издавались литовскими господарями и сеймами обыкновенно по настоянію пановъ или по ходатайствамъ и рѣшеніямъ сеймовымъ.

Изданіе привилея 1447 г. вызвано было сепаратистическими движеніями русскихъ областей — аннексовъ, стремившихся къ отдѣленію отъ литовскаго государства. Послѣ подчиненія этихъ областей Казимиръ, въ видахъ полнаго ихъ умиротворенія и укрѣпленія въ вѣрности, издалъ привилей, гарантировавшій права шляхты всего государства и въ нѣкоторыхъ статьяхъ (о береженіи и территоріальномъ расширеніи литовскаго государства, о запрещеніи предоставлять чужеземцамъ уряды, земельныя данины и всякія держанія), явно направленный противъ поляковъ. Вмѣстѣ съ подтвержденіемъ вольностей шляхты, признанныхъ прежними привилеями, настоящій привилей вводитъ нѣсколько новыхъ статей, расширившихъ владѣльческія права поземельной шляхты вмѣстѣ съ полнымъ почти изъятіемъ ея подданныхъ изъ-подъ власти литовскихъ господарей (освобожденіемъ панскихъ подданныхъ отъ господарскихъ повинностей, подчиненіемъ ихъ панской юрисдикціи и запрещеніемъ принимать людей непохожихъ).

Первыя начала уравненія политическихъ правомочій литовско-русскихъ пановъ съ польскими были заложены привилеемъ 1492 г. Привилей этотъ, изданный по настоянію литовскихъ пановъ, стоитъ въ связи съ измѣнившимися въ княженіе Казимира Ягеллона условіями политической жизни литовскаго государства. Казимиръ, избранный польскимъ королемъ и лишь по временамъ пріѣзжавшій въ Литву, фактически лишенъ былъ возможности непосредственно управлять литовскимъ государствомъ, — задача эта, силою вещей, должна была сосредоточиться въ рукахъ пановъ рады. Практика рады по управленію государствомъ, установившаяся при Казимирѣ, закрѣпляется, по настоянію пановъ, при слѣдующемъ господарѣ, во вновь изданномъ имъ привилеѣ. Вмѣстѣ съ подтвержденіемъ вольностей прежнихъ привилеевъ, привилей великаго князя Александра категорически санкціонируетъ въ рядѣ статей участіе пановъ рады въ управленіи государствомъ. Таковы статьи, по которымъ безъ согласія и контроля господарской рады не ведутся дипломатическія сношенія, не раздаются земельныя данины, не назначаются и не удаляются урядники, не ведется господарскій судъ, не собираются и не расходуются средства господарскаго скарба и пр. Остается недостаточно выясненнымъ лишь вопросъ объ участіи рады въ законодательной функціи, въ особенности объ установленіи новыхъ законовъ съ согласія рады, — вопросъ, выясненный лишь привилеемъ 1506 г.

Сеймовый актъ 1499 г. подтверждаетъ дословно привилей 1413 г., въ которомъ категорически санкціонируется инкорпорація Литвы съ

Польшей, шляхетскія же вольности предоставляются только католикамъ.

Затѣмъ, привилей 1506 г. санкціонируетъ сеймовыя статьи, въ особенности объ обязательномъ участіи господарской рады въ законодательной функціи категорическимъ законоположеніемъ о томъ, что безъ совѣта и согласія рады не могутъ быть издаваемы никакіе законы и административныя распоряженія.

Послѣдующіе привилеи 1522 и 1547 г. содержатъ лишь общее подтвержденіе шляхетскихъ вольностей, безъ новыхъ статей, расширявшихъ общую правоспособность шляхты.

Стародавній вопросъ о культовой розни разрѣшенъ законодательнымъ путемъ въ привилеѣ 1563 г., отмѣнившемъ правила Городельскаго привилея о предоставленіи урядовъ и участія въ радѣ господарской только католической шляхтѣ.

Привилей 1564 г., основанный на сеймовой ухвалѣ всѣхъ становъ сеймовыхъ и въ частности на рѣшеніи высшихъ земскихъ урядниковъ (воеводъ, старостъ и др.) объ отказѣ отъ принадлежавшихъ имъ судебныхъ функцій „за всими владностями и пожитки", положилъ первыя начала учрежденія въ литовскомъ государствѣ шляхетскихъ судовъ земскихъ и гродскихъ.

Привилей 1568 г. утвердилъ просьбу сеймовыхъ становъ о подтвержденіи привилея 1563 г. и о распространеніи правъ и вольностей, имъ подтвержденныхъ, на литовско-русскихъ князей, о которыхъ этотъ привилей вовсе не упоминаетъ, такъ какъ на дѣлѣ князья уже давно и добровольно объединились съ шляхтой („сплодившися въ посродъ всихъ и мешкаючи зъ ними посполъ"), давно несутъ одинаковыя съ ней повинности и пользуются одинаковыми правами.

Актъ Люблинской уніи 1569 г., санкціонировавшій шляхетскіе привилеи, вмѣняетъ господарю въ обязанность оберегать въ полной неприкосновенности всѣ права и вольности литовско-русской шляхты.

Къ актамъ, гарантирующимъ права литовско-русской шляхты, относится ухвала генеральной конфедераціи Варшавской 1573 г., о полномъ устраненіи культовой розни, съ уравненіемъ въ правахъ католиковъ и не-католиковъ.

Въ привилеяхъ областныхъ, дававшихся съ XV в. отдѣльнымъ землямъ, также формулируются начала и основы шляхетской правоспособности, примѣнительно къ условіямъ мѣстной жизни.

Подтвержденіе общеземскихъ и областныхъ привилеевъ и развитіе формулированныхъ въ нихъ законоположеній о правахъ и вольностяхъ.

шляхетскихъ принадлежить Литовскому Статуту. Этотъ кодексъ можно съ полнымъ правомъ назвать сводомъ шляхетскихъ привилеевъ, детально рагламентирующимъ всѣ основные институты шляхетскаго „земскаго права".

Съ послѣдней четверти XVI в. шляхетскіе привилеи неизмѣнно подтверждались въ „pacta conventa" и въ „confirmationes generales omnium jurium, privilegiorum et libertatum" всѣхъ послѣдующихъ господарей.

Развитіе шляхетскихъ вольностей въ XVII и XVIII в. было дѣломъ сеймовыхъ конституцій, иногда вводившихъ новыя начала въ систему шляхетскихъ вольностей. Таково, напримѣръ, установленіе различія въ правахъ между шляхтой старинной и новопожалованной, различіе, мало извѣстное старымъ привилеямъ и Литовскому Статуту. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ конституціяхъ XVII и XVIII в. возстановляется былая культовая рознь между католиками и не-католиками. Конституціи лишь нѣсколькими штрихами окончательно намѣтили полное уравненіе шляхты литовско-русской и польской, выяснили и восполнили нѣкоторые пробѣлы въ организаціи шляхты, постепенно регламентированной старыми привилеями и Литовскимъ Статутомъ, но ни мало не измѣнили основную природу, генезисъ и систему сословной правоспособности литовско-русской шляхты.

Градація литовско-русской шляхты на отдѣльные классы, въ своей совокупности составлявшіе шляхетскій „станъ" или шляхетскій „народъ", постепенно опредѣлилась и нормировалась земскими и областными привилеями. По Литовскому Статуту шляхта слагается изъ становъ „высшаго", „ровнаго" и низшаго". Высшимъ станомъ, пользовавшимся полной шляхетской правоспособностью, считались князья (княжата, principes, duces) и паны (панята, barones, proceres); ровный станъ составляла шляхта рядовая (nobiles); низшій—шляхта служилая (слуги или служебники, vassali, many). Отдѣльно отъ этихъ становъ числилась военнослужилая шляхта—рыцари (milites). Перечисленные станы шляхты различались между собой не только большей или меньшей экономической зажиточностью, но и усвоенными каждому изъ нихъ особыми правами и вольностями.

Князья въ собственной Литвѣ упоминаются въ источникахъ подъ общимъ именемъ reges (reguli, kunige и пр.) еще до образованія литовскаго княжества. Съ Мендовга литовскіе источники говорятъ объ отдѣльныхъ княжествахъ, удѣлахъ и волостяхъ, составлявшихъ владѣнія мѣстныхъ удѣльныхъ князей литовскихъ. Долго удерживали удѣльную самостоятельность также владѣнія князей въ русскихъ земляхъ, вхо-

дившихъ въ составъ литовскаго государства, въ значеніи наслѣдія отъ стараго удѣльнаго режима русскихъ земель до-литовской эпохи.

Классовая градація князей основывалась на исконныхъ началахъ удѣльнаго строя древне-русскихъ земель. Источники различаютъ слѣдующіе классы князей: князья удѣльные „головные", стоявшіе во главѣ большихъ областей и бывшіе въ непосредственномъ „послушаніи" литовскому господарю — общему главѣ литовскаго государства; князья „меньшіе", бывшіе въ послушаніи мѣстныхъ головныхъ князей и владѣвшіе удѣлами и волостями въ данной землѣ или области; князья „служилые", владѣнія которыхъ утратили удѣльный характеръ, при чемъ сами князья числились въ составѣ рядовой или служилой шляхты.

Удѣльные князья, стоявшіе во главѣ большихъ областей и бывшіе въ непосредственномъ послушаніи литовскаго господаря, обозначаются въ источникахъ титулами князей великихъ, велебныхъ, головныхъ, большихъ или старшихъ. Въ отношеніи къ литовскому господарю они обязывались присягой вѣрности—„homagium fidelitatis sub honore juramenti", въ общемъ значеніи „послушанія" (debitae subjectionis, obedientiam et omnimodam fidelitatem), — обязывались „быти за одинъ" съ великимъ княземъ и пр. Въ свою очередь послѣдній обязывается держать удѣльнаго князя „во чсти и въ жалованьи и въ докончаньи"; оба обязывались „братствомъ", взаимной помощью и совѣтомъ (auxilio et consilio).

„Послушаніе" опредѣляется въ различныхъ формахъ въ отношеніи къ старымъ русскимъ князьямъ, остававшимся въ своихъ удѣлахъ по особымъ „доканчаньямъ" послѣ присоединенія земель къ литовскому государству, и въ отношеніи къ князьямъ Гедиминовичамъ, получавшимъ удѣлы на основаніи жалованныхъ грамотъ литовскихъ господарей.

Служебная зависимость русскихъ князей отъ литовскихъ господарей основывалась на присяжныхъ листахъ, заключавшихся между великимъ и удѣльными князьями. Положеніе князей Гедиминовичей или московскихъ выходцевъ опредѣлялось жалованными грамотами на удѣлы.

Типической формой послушанія русскихъ князей можно считать отношенія къ литовскимъ господарямъ „верховскихъ" князей Сѣверщины (Карачевскихъ, Новосильскихъ и др.). Особенностью, отличавшею этихъ князей, нужно считать ихъ службу „на обѣ стороны",— послушаніе одновременно Литвѣ и Москвѣ, что имѣло свои корни въ автономныхъ правахъ старыхъ русскихъ князей, гарантировавшихъ

свою политическую независимость путемъ докончаній съ сосѣдними князьями и землями. Князья заключали свои ряды съ литовскими господарями, какъ „равные съ равными“; взаимная оборона и защита—главный пунктъ, къ которому сводились всѣ отношенія между верховскими князьями и литовскими господарями. Принадлежность отчинъ верховскихъ князей къ литовскому государству опредѣлялась не территоріальными правами на нихъ литовскихъ господарей, но исключительно лишь личной службой и послушаніемъ верховскихъ князей.

Положеніе, сходное съ положеніемъ верховскихъ князей, занимали также литовскіе князья, которые пріобрѣтали удѣлы путемъ браковъ съ наслѣдницами русскихъ князей, владѣвшихъ самостоятельными землями. Таковъ былъ волынскій князь Любартъ Гедиминовичъ, женатый на единственной наслѣдницѣ владимірскаго князя рода Даниловичей (Андрея Юрьевича). Отношенія Любарта къ литовскому господарю опредѣлялись не территоріальными правами послѣдняго на удѣлъ Любарта, но лишь одной личной обязанностью послѣдняго, какъ литовскаго князя, состоять въ „покорѣ“ и „послушаніи“ верховному вождю литовскаго государства. Подобно верховскимъ князьямъ, Любартъ служилъ „на обѣ стороны“: одновременно съ послушаніемъ литовскому господарю, Любартъ состоялъ въ „докончаньи“ съ польскимъ королемъ Казиміромъ, къ которому первый относился какъ равный къ равному,—обѣ стороны одинаково обязывались другъ другу „помогати отъ всякаго непріятеля“, съ рядомъ другихъ условій (касательно разграниченія владѣній и пр.).

Подольскіе князья Коріатовичи точно также служили „на обѣ стороны“ — господарямъ литовскому и польскому. Они „осѣли“ въ Подольской землѣ не по пожалованію литовскаго господаря и не въ качествѣ „отчичей“ родового удѣла, но въ силу „пріязни“, соглашенія и содѣйствія самого населенія, стремившагося при помощи литовскихъ князей освободиться отъ ордынской зависимости. Вмѣстѣ съ „очищеніемъ“ подчинившейся земли отъ этой зависимости Коріатовичи, путемъ докончаній съ польскимъ королемъ, обезпечили политическую независимость Подольской земли отъ притязаній съ польской стороны. Вмѣстѣ съ тѣмъ Подольская земля управлялась Коріатовичами независимо отъ непосредственнаго подчиненія ея литовскимъ господарямъ. Единственной связью Подоліи съ Литвой являлись собственно Коріатовичи, остававшіеся въ личномъ „послушаніи“ литовскимъ господарямъ наравнѣ съ другими удѣльными князьями.

Въ иномъ положеніи находились князья литовскіе и русскіе, выходцы изъ Москвы, получавшіе свои удѣлы отъ литовскихъ господарей въ видѣ „наданья", пожалованія, выслуги „до воли" господаря, въ „доживотье" или „въ вѣчность", въ „отчину". Эти-то пожалованія служили главнымъ основаніемъ удѣльныхъ правъ и „службы" удѣльныхъ князей, причемъ не вполнѣ отмѣнялись права господаря на пожалованные удѣлы. Господарь могъ взять обратно пожалованную выслугу и предоставить князю другую волость и пр. Возможно было также, особенно при нарушеніи удѣльными князьями „старины" и введеніи ими „новины", вмѣшательство господаря, напримѣръ, въ повинностныя распоряженія удѣльныхъ князей, въ раздачи ими земель и пр.

Подъ именемъ „*меньшихъ*" разумѣлись мѣстные князья, которые были въ непосредственномъ „послушаньи" головныхъ или старшихъ князей данной области и владѣли отдѣльными волостями на положеніи родовыхъ отчинъ или пожалованій головныхъ князей. Послушаніе меньшихъ князей головнымъ, по всему видно, не многимъ отличалось отъ послушанія послѣднихъ литовскимъ господарямъ. Между мѣстными князьями одного рода, владѣвшими родовыми или жалованными „дѣльницами", различались старшій или большой князь и зависѣвшіе отъ него меньшіе удѣльные владѣтели.

Вся сумма владѣтельныхъ правъ удѣльныхъ князей головныхъ и меньшихъ на принадлежавшія имъ „дѣльницы" иногда называется въ актахъ „plenum jus ducale". Въ отношеніи къ жалованнымъ удѣламъ полнота княжескихъ правъ вообще болѣе или менѣе ограничивалась правами литовскихъ господарей. Всѣ удѣльные князья пользуются титулами: „Божьею милостью" и называются господарями—отчичами, дѣдичами и пр., имѣютъ свою „вѣрную" раду и своихъ урядниковъ, выдаютъ привилеи на имѣнія, на боярство и разныя льготы по повинностямъ и пр. распоряжаются мѣстными повинностями и отправляютъ судъ на такихъ же основаніяхъ, какъ и литовскіе господари рядятъ и судятъ въ непосредственно принадлежавшихъ имъ владѣніяхъ.

Волости и земли, служившія объектомъ владѣній удѣльныхъ князей, обозначаются въ актахъ техническими терминами „дѣльницъ" (дольницъ), „частокъ" и пр. Родовые удѣлы составляли „отчины" и „дѣдины" князей, какъ и пожалованія господарей и головныхъ князей обозначаются названіемъ „данинъ", „выслугъ" и пр. Отчины, по обычаю, дѣлились между сыновьями наслѣдодателя на отдѣльныя дѣль-

ницы, бывшія во владѣніи князей одного рода. При прекращеніи мужскихъ линій удѣльныхъ князей удѣлы переходили въ женскія линіи до полнаго ихъ прекращенія, когда удѣльныя владѣнія, по праву выморочности, отходили въ распоряженіе литовскихъ господарей.

Главнымъ актомъ пріобрѣтенія княжескихъ правъ было рожденіе въ законномъ бракѣ отъ лицъ, de jure обладавшихъ наслѣдственными правами на владѣніе удѣлами. Другимъ актомъ пріобрѣтенія княжескихъ правъ было пожалованіе господарями (позже сеймами) лицамъ не княжескаго рода выслугъ и данинъ съ княжескимъ титуломъ и владѣтельными правами. Пріобрѣтеніе владѣтельныхъ правъ путемъ пожалованія княжескихъ титуловъ особенно усиленно практикуется послѣ Люблинской уніи, когда изъ-за династическихъ тенденцій практиковалась между магнатскими родами дѣятельная фабрикація подложныхъ родословныхъ и привилеевъ на княжескіе титулы.

Источники литовско-русскаго права даютъ указанія на главнѣйшіе акты прекращенія владѣтельныхъ правъ на удѣлы и утраты самаго титула князей. Инкорпорація княжескихъ отчинъ и выслугъ, присоединявшихся къ государскимъ владѣніямъ, имѣла мѣсто по праву выморочности при прекращеніи рода мѣстныхъ князей, при явномъ отказѣ князей или подвластныхъ имъ земель и волостей отъ „послушанія“ и „покоры“ литовскимъ господарямъ,—при „здрадѣ“ (измѣнѣ) князей, уходившихъ, напримѣръ, въ Москву, съ лишеніемъ правъ на отчины другихъ князей одного рода съ измѣнниками,—наконецъ, на основаніи записей князей, отказывавшихся отъ своихъ владѣній въ пользу литовскихъ господарей.

Въ быту князей, какъ и шляхты, имѣли немаловажное значеніе экономическіе факторы. Рядомъ съ князьями магнатами, обладавшими громадными латифундіями, числились цѣлые ряды захудалыхъ князей безъ самостоятельныхъ удѣловъ, поступавшихъ въ господарскіе слуги и дворяне и пр. Потерявъ же свою отчину или выслугу, отдавъ ихъ въ заставу и пр., князь становился на одинъ уровень съ неосѣдлымъ шляхтичемъ. Такимъ путемъ еще до образованія литовско-русской шляхты образовался классъ малопомѣстныхъ *„служилыхъ“* (служебныхъ) князей—*повѣтниковъ*, вышедшихъ изъ состава удѣльныхъ владѣтелей, сидѣвшихъ въ своихъ частныхъ помѣстьяхъ или сдѣлавшихся вполнѣ безземельными. Въ актахъ, наконецъ, находимъ указанія на потомковъ бывшихъ удѣльныхъ князей, утратившихъ княжескіе титулы и владѣтельныя права своихъ предковъ и вошедшихъ въ общій составъ рядовой шляхты.

Удѣльный режимъ держался въ Литвѣ-Руси въ полной силѣ до конца XV в. Со времени Витовта территоріальныя владѣнія великихъ князей литовскихъ начинаютъ постепенно расширяться на счетъ владѣній удѣльныхъ князей. Къ концу XV в. удѣльная система падаетъ лишь въ главныхъ центрахъ отдѣльныхъ областей государства. Внутреннее объединеніе всего его состава подъ непосредственною властью литовскихъ господарей окончательно завершается лишь въ началѣ шестого десятилѣтія XVI вѣка.

Инниціаторовъ единодержавія въ Литвѣ-Руси нельзя ставить на одну доску съ творцами единодержавія московскаго, энергически осуществлявшими, безъ всякихъ колебаній, систему добыванія удѣловъ и земель всячески „примыслами" (завоевываніемъ, куплей и пр.). Въ литовско-русскихъ актахъ нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на систематическую секуляризацію владѣній удѣльныхъ князей, въ силу ясно сознаннаго принципа государственнаго единодержавія. Удѣльные князья, въ большинствѣ, вовсе не утратили своихъ владѣній, какъ и не были въ цѣломъ своемъ составѣ низведены въ служебныхъ князей. Подъ давленіемъ новыхъ условій политической жизни страны, старые удѣлы, само собой, подходили подъ одинъ уровень съ шляхетскими маетностями, возвышавшимися до удѣльныхъ владѣній и занявшими положеніе stati in statu.

Былая удѣльная рознь, de jure прекращающаяся въ Литвѣ-Руси въ началѣ второй половины XVI в., на дѣлѣ, въ самой жизни, не исчезала до и послѣ Люблинской уніи. Въ пору уравненія князей съ шляхтой не только крупный панъ, но и всякій мелкопомѣстный шляхтичъ, являлись въ своихъ маетностяхъ „господарями", по своимъ прерогативамъ далеко превышавшими старыхъ удѣльныхъ князей.

Для князей не было и надобности строго стоять на стражѣ своихъ правъ на принадлежавшія имъ владѣнія: права эти достаточно гарантировались общеземскими привилеями, оберегались и охранялись Литовскимъ Статутомъ и позднѣйшими pacta conventa и пр.

Въ интересахъ князей было не стоять изолировано отъ шляхетства, съ его болѣе и болѣе усиливающейся политическою ролью и значеніемъ въ государствѣ, а именно стать во главѣ новаго движенія. Такая политика князей не сразу опредѣлилась. Въ первомъ шляхетскомъ привилеѣ 1413 г. о правахъ шляхты говорится только о barones и nobiles; о князьяхъ нѣтъ ни слова. Очевидно, въ это время они стояли еще въ сторонѣ, обособленно отъ шляхты.

Первые признаки сближенія князей съ шляхтой замѣчаются въ

привилеяхъ 1432 и слѣдующихъ годовъ XV в., въ которыхъ вездѣ на первомъ планѣ стоятъ principes и за ними уже идутъ паны и другіе шляхетскіе станы.

Съ XVI в., когда литовское магнатство завоевываетъ для себя вполнѣ легальное положеніе стана, господствующаго въ государствѣ, настаетъ, само по себѣ, полное уравненіе князей съ шляхетствомъ. О начальныхъ актахъ такого уравненія можно говорить, лишь начиная съ привилея 1492 г. и особенно 1506 г., признавшихъ за князьями и панами полноправное участіе въ важнѣйшихъ функціяхъ государственной власти. Съ этого времени сами князья начинаютъ ревниво заботиться о своемъ уравненіи съ шляхетствомъ. Въ привилеѣ 1563 г. уже категорически заявляется, что князья на дѣлѣ уже давно объединились съ панами и шляхтой, „сплодившися въ посродъ всихъ и мешкаючи зъ ними посполъ“, давно несутъ одинаковыя повинности и пользуются одинаковыми правами. Точно также по словамъ конституціи 1641 г., князья и шляхта объединились „pro uno statu equestri, iako się z sobą *dobrowolne* porowniali“. Литовскій Статутъ 1588 г. знаетъ только „княжатъ“, безъ прежнихъ классовыхъ градацій; въ его время уже вполнѣ реализовалось уравненіе князей съ шляхтой.

Подъ воздѣйствіемъ общей шляхетской нивеллировки княжескіе роды не могли огуломъ выдѣлиться въ особый привиллегированный классъ, съ какими либо спеціальными преимуществами сравнительно съ остальной шляхтой. Шляхетскія libertates et jura разрослись въ концѣ концовъ до такихъ размѣровъ, что за рубежемъ шляхетскихъ вольностей едва ли оставалось еще что либо существенно важное, что могло бы сдѣлаться объектомъ собственно княжескихъ вольностей.

На польско-литовскихъ сеймахъ XVI и XVIII в. не разъ поднимался вопросъ о вольностяхъ князей и шляхты, и всегда преобладала общая тенденція о полномъ ихъ уравненіи, съ категорическимъ запрещеніемъ получать и пользоваться княжескими и иными титулами, которые бы нарушали „aequalitatem nobilitatis“. Титулованные князья обязательно должны были подчиняться „paritati juris et aequalitati ordinis equestris“,—всѣ должны быть „равными“ (конституціи 1638, 1641, 1673 и 1736 г.,—pacta conventa 1764 г.).

Второй высшій классъ шляхты составляли *паны* (панове, barones, proceres и пр.). Они искони выдѣлялись, какъ особый шляхетскій станъ въ земляхъ литовскихъ и русскихъ, входившихъ въ составъ литовскаго государства. Въ Литовскомъ Статутѣ и другихъ актахъ въ составѣ

пановъ различаются паны рада духовные и свѣтскіе, панове хоруговные и просто паны (панята).

Паны рада (думцы или думные люди, barones, consiliarii и пр.) составляли высшій классъ княжескихъ совѣтниковъ, участвовавшихъ въ господарской радѣ (древне-русской думѣ) и принадлежавшихъ къ крупнымъ землевладѣльцамъ, съ полной шляхетской правоспособностью. Подъ именемъ „пановъ радъ духовныхъ и свѣтскихъ“ разумѣются „consiliarii“ господарей—прелаты, князья, паны, урядники земскіе и дворные и пр., изъ коихъ каждый могъ быть въ данное время призываемъ „въ лавицу“ господарской рады. Въ составѣ пановъ рады различаются „панове старшіе“ (или собственно consiliarii, панове рада) и младшіе (панове или панята). Соотношеніе между ними выражалось въ томъ, что на своихъ соймахъ, „меньшіе межи себе раду чинять, а старшіе науку имъ дають“. Такую же науку давали господарямъ паны, засѣдавшіе въ ихъ радѣ въ качествѣ вѣщателей и хранителей „старины“, „пошлины“, „правды“ въ дѣлахъ земскихъ и общегосударственныхъ,—старины, бывшей искони обязательной для господарей и ихъ урядниковъ. Съ великаго князя Казимира Ягеллона, избраннаго польскимъ королемъ, лишь по временамъ пріѣзжавшаго въ Литву и потому лишеннаго возможности непосредственно управлять государственными дѣлами Литвы, задача эта фактически отходитъ къ панамъ радѣ, а съ великаго князя Александра окончательно получаетъ законодательную санкцію.

Паны хоруговные обозначаютъ классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые наравнѣ съ князьями и панами радами „не сидять въ повѣтахъ“, т. е. отправляютъ военную службу не подъ общей повѣтовой хоругвью, но каждый подъ своей особой хоругвью, съ своимъ отдѣльнымъ „почтомъ“ (отрядомъ ратниковъ), въ отличіе отъ рядовой и служилой шляхты, которая „сидить въ повѣтахъ“, отправляетъ военную службу подъ общей повѣтовой хоругвью.

Другой особенностью пановъ радъ и пановъ хоруговныхъ, какъ и князей, отличавшей ихъ отъ другихъ шляхетскихъ классовъ, нужно считать то, что они „не судятся у повѣтахъ“ или „не прислухають къ повѣтомъ“, т. е. подлежатъ юрисдикціи не обычныхъ повѣтовыхъ урядовъ, но суда господарскаго съ панами радой. По Статуту 1529 г. паны по своимъ дѣламъ судятся мѣстными панами, собиравшимися „на зъѣхане“ (судебные сеймы), а по болѣе важнымъ дѣламъ подлежатъ суду господарскому. Общей повѣтовой подсудности паны стали подлежать со времени учрежденія шляхетскихъ судовъ земскихъ и гродскихъ.

Обладаніе политическими правами не было наслѣдственно-сословной прерогативой литовско-русскихъ пановъ и опредѣлялось главнымъ образомъ экономическими условіями ихъ соціальнаго быта. Политическими вольностями паны пользовались, пока они неизмѣнно владѣли своими обширными латифундіями, считались „вельможными nobiles possessionati. Панъ обѣднѣвшій входилъ въ составъ шляхты рядовой; при утратѣ же своей „оселости", бывшій вельможный панъ становился „навбожшимъ", „неоселымъ", зачислялся въ ряды безземельной шляхты—служилыхъ людей, слугъ князей и пановъ, причислялся къ шляхтѣ чиншовой и пр.

Особый шляхетскій станъ, занимавшій средину между панами и шляхтой „низшей" (служилой), составляла шляхта рядовая, малопомѣстная (nobilium), къ которой по Статуту относится наименованіе *„станъ ровный"*.

Въ одинаковомъ значеніи съ шляхтой ровной въ мѣстныхъ актахъ сѣверныхъ областей и Литовскомъ Статутѣ встрѣчается терминъ *„шляхта-бояре*. Въ актахъ иногда говорится о бояряхъ-шляхтѣ, владѣвшей въ повѣтахъ своими „имѣніями" и „осѣдлостями". Повидимому, бояре-шляхта означали шляхту новую, возведенную изъ мѣстныхъ бояръ и продолжавшую по прежнему именоваться боярами.

Въ актахъ Подляшья и южно-русскихъ земель—Волынской, Подольской, Кіевской и частью литовскаго Полѣсья, также въ Литовскомъ Статутѣ, встрѣчаемъ *земянъ* въ такомъ же значеніи, какъ въ актахъ другихъ областей шляхта и бояре-шляхта. Кромѣ того, земяне (земляне и земцы) въ актахъ XV и XVI в. иногда означаютъ, подобно новгородскимъ своеземцамъ и земцамъ, вообще землевладѣльцевъ, принадлежавшихъ къ различнымъ общественнымъ классамъ (напримѣръ, владыкъ, князей, пановъ, воеводъ, намѣстниковъ, хорунжихъ и пр.).

До конца XV в. разница между рядовой шляхтой и панами заключалась лишь въ экономическомъ положеніи пановъ—крупныхъ землевладѣльцевъ и мелкопомѣстной шляхты-земянъ, по своему фактическому положенію не могшихъ пользоваться такимъ политическимъ значеніемъ, какъ панская знать, обладавшая обширными латифундіями. Фактическое господство пановъ въ началѣ XVI в. окончательно санкціонируется усвоеніемъ ими легальнаго участія въ государственномъ управленіи.

Подобно мелкопомѣстной, загродовой шляхтѣ Польши, литовско-русская рядовая шляхта сидѣла въ своихъ дворахъ-маетностяхъ, сводившихся нерѣдко въ цѣлыя села однофамильцевъ— „околицы", съ жившей въ нихъ *околичной шляхтой*. Такія околицы составляли изъ

себя союзы сосѣдей, связанныхъ не только общимъ родствомъ, но и единствомъ служебныхъ повинностей и другими общими интересами сосѣдства. Главной чертой, отличавшей околичную шляхту, нужно считать ея отношенія къ сосѣднимъ людямъ посполитымъ. Околичная шляхта не отдѣлялась отъ нихъ непроходимой стѣной, какъ высшіе шляхетскіе станы,—по дѣламъ хозяйственнымъ и судебнымъ участвовала въ общихъ (околичныхъ) „копахъ" (купахъ), или сходахъ всѣхъ околичныхъ сосѣдей—шляхты, мѣщанъ, кметовъ и проч. Такія копы, санкціонированныя Литовскимъ Статутомъ, функціонировали до позднѣйшаго времени, кромѣ того, подъ названіемъ вѣчъ (вече, вечье), зборовъ и проч.

Отдѣльно отъ пановъ и рядовой шляхты акты говорятъ о военнослужилой шляхтѣ—*рыцаряхъ* и *рыцарствѣ* (milites, militium). Кромѣ общаго значенія шляхты въ ея совокупности, рыцарство и рыцари упоминаются въ актахъ въ значеніи особаго шляхетскаго стана, занимавшаго, по всему видно, среднее мѣсто между шляхтой ровной (рядовой) и низшей (слугами и служебниками). Въ Литовскомъ Статутѣ, различныхъ актахъ и хроникахъ упомянутое значеніе особаго класса шляхты придается „рыцеромъ повышонымъ" (посвященнымъ), шляхтѣ, ѣздившей за границу „по рыцерству", „для навченья учинковъ рыцерскихъ", „пассованымъ дѣдичамъ" (посвященнымъ въ рыцари землевладѣльцамъ), литовцамъ, полякамъ и татарамъ, возведеннымъ (напримѣръ, королемъ Александромъ въ 1505 г.) въ рыцари (milites), со врученіемъ имъ рыцарскихъ инсигній и проч.

Есть основаніе полагать, что литовско-русскіе рыцари, milites и militium стоятъ въ генетической связи съ старымъ институтомъ княжей и боярской дружины—литовскихъ sodalis и milites, русскихъ воевъ, отроковъ, послужильцевъ commilitares и проч., упоминающихся въ хроникахъ и актахъ еще до присоединенія русскихъ земель къ литовскому княжеству.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что старая дружина продолжала функціонировать въ русскихъ земляхъ и въ литовскую эпоху, когда, подъ польскимъ и нѣмецкимъ воздѣйствіемъ, дружина восприняла рядъ внѣшнихъ формъ средневѣковой дружины-рыцарства, съ его инвеститурой, homagium, инсигніями и проч.

Въ Литовскомъ Статутѣ и другихъ актахъ находимъ указанія на „*низшій* станъ" (служекъ, служебниковъ или служебныхъ) господарскихъ и панскихъ, извѣстныхъ по мѣстнымъ актамъ Подолья и другихъ земель также подъ именемъ „вассаловъ" (vassali, homagiales, присяж-

ники) и *мановъ* (mani). Послѣднее названіе, очевидно, заимствовано изъ быта старо-чешскихъ „manov," обозначавшихъ служилую „šlechtu“ или „zemanstvo“.

Служебники, состоявшіе по своимъ выслугамъ и данинамъ „*подъ господаремъ*, *князьями* или *панами*“, набирались изъ безземельной („неоселой“) шляхты, на положеніи господарскихъ слугъ дворныхъ, также слугъ княжескихъ и панскихъ, обезпечивавшихъ свою службу „приказомъ“ (поручительствомъ) стороннихъ лицъ (отсюда названіе служебниковъ „*приказцами*“, „приказными слугами“).

Къ такимъ же служебникамъ относилась шляхта *чиншевая* или осадная (osadzcowa, osadczowie), получавшая свои данины и выслуги „ex jure emphiteutico“.

Сюда же относилась шляхта—„*грацiалисты*“ (szlachta gratialisty, gracyalistowie), получавшіе изъ господарскихъ и панскихъ маетностей земельные участки „gratuido modo“, „на милости“, и облагавшіеся сравнительно съ другими служебниками меньшими повинностями.

Въ актахъ, наконецъ, встрѣчаемъ указанія на служилую шляхту, собственно не причислявшуюся къ служебникамъ подъ господаремъ или панами и извѣстную подъ именемъ шляхты „*протекціональной*“. Подъ „протекціею“ состояла малопомѣстная шляхта, которая, въ видахъ охраны отъ обидъ сильныхъ магнатовъ, поддавалась на службу господарю или панамъ, причемъ ихъ маетности не входили въ составъ маетностей панскихъ или господарскихъ, но считались по прежнему собственностью ихъ старыхъ владѣльцевъ. Къ нимъ-то, какъ кажется, относятся артикулы Литовскаго Статута о „неприказныхъ“ слугахъ: обезпеченіемъ службы шляхты „подъ протекціей“ могли служить ихъ отчины, безъ „приказа“ стороннихъ лицъ.

Служилая шляхта составляла непривилегированный шляхетскій классъ, пользовавшійся лишь общей гражданской правоспособностью, безъ участія въ политическихъ правахъ остальныхъ шляхетскихъ становъ.

Изъ актовъ XV и XVI в. видно, что на южныхъ и восточныхъ окраинахъ литовскаго государства существовалъ особый классъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и служилыхъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ *подлѣйшихъ бояръ—шляхты* и *земянъ*, также *слугъ—плебеевъ* (plebei, ex plebeo genere). Подъ тѣми и другими разумѣлись люди изъ простонародья, пріобрѣтавшіе путемъ „займанщины“, безъ господарскихъ данинъ, земельные пустыри и разныя угодья, и самовольно усвоившіе себѣ названіе бояръ и земянъ. Большинство ихъ,

въ особенности на южныхъ окраинахъ, не несло никакихъ повинностей.

Разношерстный составъ литовско-русскаго шляхетства и правовое неравенство отдѣльныхъ его становъ создались подъ совокупнымъ воздѣйствіемъ цѣлаго ряда бытовыхъ *факторовъ*, подъ вліяніемъ которыхъ вообще складываются въ народной жизни соціальныя наслоенія съ сословнымъ характеромъ.

Основнымъ факторомъ, вліявшимъ на генезисъ, составъ и сословную организацію литовско-русской шляхты, нужно считать *родовитость*, старожильство, переходъ шляхетскихъ правъ „изъ рода въ родъ", шляхетское происхожденіе отъ „одного роду, отъ прадеда, отъ деда, съ одной крови братъ" и пожалованіе шляхетства людямъ новымъ, *худородныма*, простого стана и проч. Литовско-русскіе акты стараго времени и Литовскій Статутъ говорятъ о шляхтѣ „*родовитой*", „зъ вѣка", „зъ роду", „добре врожоной", „старожитной", „знакомитой" и проч. Отъ родовитой шляхты отличается въ актахъ шляхта *новая*, создававшаяся путемъ господарскихъ (позже сеймовыхъ) привилеевъ на шляхетство; но ни въ привилеяхъ на шляхетство, ни въ Статутѣ, не разъясняется, въ чемъ именно состояло правовое различіе между старожитной и новой шляхтой. Напротивъ, всѣ акты на шляхетство категорически говорятъ о томъ, что шляхетство до XVII в. предоставлялось въ Литвѣ-Руси путемъ привилеевъ съ полнымъ правомъ пользоваться „всѣми вольностями, милостями и льготами" шляхты старожитной, безъ всякихъ ограниченій, издавна извѣстныхъ старому польскому праву. Лишь позже, въ пору сеймовыхъ конституцій XVII и XVIII в. получили право гражданства въ Литвѣ-Руси институты стараго польскаго права—шляхта родовитая (nobilitas avita), со всей полнотой шляхетскихъ вольностей, и шляхта новая, съ ограниченной правоспособностью „ad tertiam progeniem (до правнуковъ), salvis juribus de noviter creatis nobilibus", или „salvis juribus de scartabellis". Лишь въ исключительныхъ случаяхъ, за особыя заслуги, худородные люди возводились въ шляхетство „praeciso scartabellatu", сразу уравнивались съ avita nobilitas.

Родовитость, сама по себѣ, не служила неизмѣннымъ базисомъ и критеріемъ сословно-наслѣдственнаго усвоенія всего комплекса шляхетскихъ вольностей. Начало родовитости сильно осложнялось новымъ бытовымъ факторомъ—*экономическимъ критеріемъ*, большей или меньшей имущественной состоятельности и различія профессій.

Подъ воздѣйствіемъ экономическаго фактора большей или меньшей

имущественной состоятельности установилось въ литовско-русскомъ правѣ, какъ и въ польскомъ, рѣзкое правовое различіе между шляхтой *поземельной* („оселой", nobiles possessionati), владѣвшей крупными земскими имѣніями со всей полнотой шляхетскихъ вольностей, шляхтой *малоземельной* („убогой", „ровной") и *беззeмельной* („неоселой", „лезной", zgołociała, impossessionaty, a domo absentes), пользовавшихся лишь болѣе или менѣе ограниченными правами шляхетства. Во всѣхъ станахъ шляхетскихъ на дѣлѣ имѣли мѣсто постоянныя передвиженія шляхты изъ высшихъ становъ въ низшіе и на оборотъ, подъ давленіемъ ухудшившихся или улучшившихся экономическихъ условій ихъ быта. Такія передвиженія констатируются въ актахъ до позднѣйшаго времени.

Не менѣе важнымъ критеріемъ, опредѣлявшимъ составъ и правоспособность шляхты, были факторы экономическіе, установлявшіе *различіе профессій*. До второй половины XVI вѣка шляхтичъ, какъ и всякій свободный тубылецъ, могъ жить въ городѣ и заниматься торговлей и проч. Не существовало воззрѣнія о несовмѣстимости занятій торговлей или ремесломъ съ достоинствомъ шляхтича. Подобное воззрѣніе санкціонируется лишь въ Статутѣ второй и третьей редакціи: шляхтичъ терялъ шляхетство, разъ онъ оставлялъ „рыцарскій" образъ жизни и предавался профессіямъ плебейскимъ (кромѣ лишь ростовщичества). Тѣ же ограниченія сохраняли силу и по позднѣйшимъ конституціямъ.

Съ конца XIV в. возникаетъ новый критерій правоспособности бояръ, а съ начала XV в. и шляхты,—*культовая рознь* между католиками и „схизматиками". Послѣ сравнительно не очень большого перерыва (съ 60-хъ годовъ XVI в. до конца первой половины XVII в.) культовая рознь царила въ Литвѣ-Руси во все послѣдующее время вплоть до паденія Речи Посполитой. Право- и дѣеспособность шляхты, въ силу указаннаго фактора, признавалась только за католиками.

Наконецъ, составъ и правоспособность литовско-русской шляхты обусловливались *національной розныо* между чужеземцами и тубыльцами и въ особенности между поляками съ одной стороны и литовцами и русскими съ другой. Литовскій Статутъ трактуетъ Польшу, Мазовію и другія польскія земли, какъ „чужія",—полякъ считается „чужеземцомъ", человѣкомъ „обчого народа", не допускавшимся въ Литвѣ-Руси къ землевладѣнію и урядамъ и подобно всѣмъ чужеземцамъ пріобрѣтавшимъ шляхетство лишь по индигенату. Тенденція уравненія въ правахъ обывателей польскихъ и литовско-русскихъ земель

начинаетъ осуществляться не раньше XVII в., когда къ землевладѣнію и урядамъ въ Речи Посполитой стали допускаться обыватели „oboyga narodow", а съ половины того же вѣка шляхетство стало пріобрѣтаться не въ той или другой землѣ (полякъ только въ Польшѣ, литвинъ и русскій только въ Литвѣ-Руси), какъ практиковалось раньше, по „во всѣхъ краяхъ Речи Посполитой".

Литовско-русское право установляло различные *акты пріобрѣтенія и утраты* шляхетскихъ правъ, какъ и *возстановленія* утраченныхъ правъ.

Съ первыхъ же поръ „уравненія" въ правахъ литовской и русской шляхты съ польской шляхетскія права и вольности пріобрѣтались рожденіемъ или пожалованіемъ.

Въ силу акта *рожденія*, старинная шляхта называется въ актахъ „родовитой"; „прирожоной", „звѣчной" и проч. Шляхетство, наслѣдовавшееся путемъ брачныхъ связей нѣсколькими поколѣніями родичей, называлось въ актахъ литовско-русскаго права, какъ и польскаго, „nobilitas avita", „szlachectwo rodowite", „idące", „прирожоное", „правдивое" и проч. Права шляхетскія наслѣдовались только дѣтьми, прижитыми въ законномъ бракѣ; дѣти внѣбрачныя вообще не могли пользоваться никакими шляхетскими вольностями. Для пріобрѣтенія правъ родовитаго шляхетства требовалось только, чтобы отецъ былъ рода шляхетнаго,—мать же могла происходить и изъ плебеевъ. Лишь позже, въ конституціяхъ XVIII в., для занятія высшихъ урядовъ военныхъ, также въ духовныхъ капитулахъ, прелатурахъ и проч., требовалось, чтобы отецъ и мать кандидата происходили отъ родовитой шляхты.

Пожалованіе было актомъ, положившимъ начало новому или жалованному шляхетству. Въ источникахъ литовско-русскаго права съ XV в. различаются два главные фактора, опредѣлявшіе генезисъ жалованнаго шляхетства. Вольности шляхетскія могли пріобрѣтаться или путемъ земельныхъ данинъ и выслугъ, или же путемъ пожалованія самаго шляхетства.

Переводъ слуги или вообще не-шляхтича на боярскую службу, вмѣстѣ съ пожалованіемъ земельной данины, можетъ предоставлять шляхетство лишь въ томъ случаѣ, если при такомъ переводѣ жалуется и самое шляхетство, т. е. предоставляется данина съ обязательствомъ отправлять съ нея службу, „какъ иные бояре-шляхта" или „земляне" и проч. Вообще съ земельными пожалованіями связывалось пользованіе шляхетскими правами лишь подъ категорическимъ

условіемъ пожалованія маетностей на спеціально шляхетскомъ земскомъ правѣ.

Привилеи на шляхетство выдавались, далѣе, независимо отъ земельныхъ данинъ и перевода на земскую службу, когда получающему привилей предоставлялось „вольности въ вел. князьствѣ литовскомъ заживати, какъ иншыи князи, паны и шляхта заживаютъ и зажыяти будутъ“,—„волно ему титулу вшелякого и волности шляхетскоѣ, яко властному шляхтичови тубыльцови, заживати“ и проч. Шляхетскіе привилеи выдавались за разныя заслуги боярамъ, служилымъ людямъ, мѣщанамъ и „подданнымъ“ господарскимъ и панскимъ (послѣднимъ съ согласія пановъ). Отдѣльнымъ лицамъ, по ихъ челобитью, выдавались также подтвердительные привилеи на шляхетство, пріобрѣтенное въ прежнее время.

Первоначально въ Литвѣ-Руси, какъ и въ Польшѣ, признавался особый актъ пріобрѣтенія шляхетства, подъ именемъ *гербоваго родства* (ad arma gentilitio), установлявшагося путемъ „допущенія“ (przypuszczenia) не-шляхтича къ гербу стараго шляхетскаго рода, съ цѣлью предоставить ему „paritatem“, т. е. сдѣлать его правоспособнымъ шляхтичемъ, субъектомъ такихъ же шляхетскихъ правъ, какими владѣлъ родъ усыновителя. О пожалованіи гербовомъ шляхетства въ указанномъ значеніи говорится въ актахъ лишь до половины XV в. Изъ привилея 1563 г. видно, что шляхетскими привилеями пользовались въ его время не только паны и шляхта, взявшіе польскіе гербы и клейноты, но и другіе, предки которыхъ вовсе не брали гербовъ, „яко передъ тымъ здавна и до того часу бывало“ и несмотря на то „тыхъ всихъ вольностей уживали и съ того ся веселили“. Въ это и послѣдующее время гербы давались, лишь какъ одинъ изъ очевидныхъ актовъ, могущихъ въ потребныхъ случаяхъ служить доказательствомъ (клейнотомъ, ad insigniendum nobilitas) шляхетства, пріобрѣтеннаго спеціальнымъ привилеемъ, какъ „знамя шляхотское обронне“, т. е. охранительные знаки или символы шляхетскаго достоинства, „ку оздобе и подпору“ шляхетства.

По Литовскому Статуту никто изъ простолюдиновъ, безъ особой господарской „ласки и надаренья“ не можетъ самъ собой присвоивать и пользоваться шляхетскими вольностями. Послѣ Люблинской уніи нобилитація могла пріобрѣтаться только на основаніи сеймовыхъ конституцій, съ согласія всѣхъ сеймовыхъ striановъ.

Къ бытовымъ условіямъ, при наличности которыхъ простолюдинъ могъ путемъ нобилитаціи пріобрѣтать шляхетство, относились воен-

ныя и иныя служебныя заслуги, личная свобода, имущественная состоятельность и проч.

По вопросу о пріобрѣтеніи шляхетства только лицами, бывшими „послушными“ римско-католической церкви, въ особомъ положеніи находились *евреи*, принявшіе христіанскую вѣру. Въ актахъ рѣдко упоминаются случаи нобилитаціи евреевъ-неофитовъ; лишь особыя заслуги могли открывать для нихъ доступъ къ нобилитаціи (таковы литовскіе евреи—Станиславъ Ошейко, два братья Езофовичи и Дановичъ). Доступъ къ нобилитаціи получили литовско-русскіе евреи, въ награду за принятіе христіанской вѣры, лишь на основаніи Статута 1588 г. Нобилитація неофитовъ практиковалась до 60-хъ годовъ XVIII в., когда, на основаніи сеймовыхъ конституцій (1764, 1768 г.), впредь была вообще прекращена нобилитація крещенныхъ евреевъ.

Со второй половины XVII в. шляхетство пріобрѣталось въ Литвѣ-Руси на такихъ же основаніяхъ, какъ и въ Польшѣ, лицами, получившими *образованіе* въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ, привилегіи, предоставленныя въ 1535 г. Краковской академіи (нобилитація личная профессоровъ и студентовъ, получившихъ учебную степень доктора, и нобилитація потомственная профессоровъ, прослужившихъ 20 лѣтъ) были цѣликомъ признаны сеймовой конституціей въ 1659 г. за Кіевской академіей,—въ 1676 г. за академіей Виленской.

Шляхетство, по Литовскому Статуту, можетъ пріобрѣтаться плебейкой вступленіемъ въ *бракъ* съ шляхтичемъ: послѣдній „собою и шляхетствомъ своимъ шляхтитъ“ жену и дѣтей, отъ нея прижитыхъ.

Иноземцы могли пріобрѣтать шляхетство путемъ *индигената*, состоявшаго въ признаніи за иноземцемъ права туземства со всѣми шляхетскими вольностями. Впервые объ индигенатѣ говорится въ Статутѣ 1566 и 1588 г., по которому вопросъ о правахъ чужеземцевъ зависитъ отъ „ласки и данины“ господарской. Чужеземецъ, пріобрѣвшій шляхетское имѣніе и пожелавшій пользоваться шляхетскими вольностями, долженъ „оказать“ предъ урядомъ, въ округѣ котораго пріобрѣтено имѣніе, что онъ „правдивый“ шляхтичъ; иначе купленное имѣніе выкупается родными стараго владѣльца, чужеземецъ же не можетъ быть признанъ шляхтичемъ. Лишь послѣ Статута стали примѣняться въ Литвѣ-Руси общія правила объ индигенатѣ, дѣйствовавшія въ Польшѣ. Таковы сеймовыя конституціи о разрѣшеніи дѣлъ объ индигенатѣ лишь на сеймахъ, по ходатайствамъ повѣтовыхъ сеймиковъ, и въ особенности объ условіяхъ пріобрѣтенія шляхетства по индигенату: (законно удостовѣренное шляхетство на родинѣ канди-

дата, военныя и иныя заслуги, владѣніе земскимъ имѣніемъ опредѣленной стоимости—до 500 тысячъ злотыхъ,—присяга вѣрности, исповѣданіе „fidei sanctae romano-catolicae“ и продолжительное пребываніе въ Речи Посполитой). По общему правилу шляхетство пріобрѣталось путемъ индигената при указанныхъ условіяхъ, „praeciso scartabellatu“, т. е. безъ всякихъ ограниченій въ правахъ и вольностяхъ шляхетскихъ.

Шляхетство, пріобрѣтенное рожденіемъ, нобилитаціей и проч., по литовско-русскому праву, *утрачивается* по суду въ наказаніе за всѣ главныя преступленія политическія и гражданскія, въ особенности если при этомъ виновный наказывался „выволаньемъ“ (bannicya) изъ страны или лишеніемъ личной чести. Шляхтичъ, кромѣ того, можетъ самъ, по доброй волѣ, отказаться отъ шляхетскихъ правъ, напр. если онъ оставляетъ „рыцарскій“ образъ жизни и предается занятіямъ плебейскимъ—торговлѣ, ремесламъ и проч. Точно также шляхтянка теряетъ шляхетскія права при вступленіи въ бракъ съ плебеемъ.

Литовско-русскому праву извѣстно было *возстановленіе* утраченныхъ шляхетскихъ правъ (renovatio nobilitatis, restytucya do czci). Шляхетство, утраченное по судебному приговору, могло возстановляться только судомъ. Шляхтичъ, лишившійся шляхетства вслѣдствіе плебейскихъ профессій, по Литовскому Статуту возстановляетъ свои шляхетскія права, если онъ уйдетъ изъ города и „наслѣдуетъ поступковъ рыцарскихъ предковъ своихъ“; по позднѣйшимъ конституціямъ, въ такихъ случаяхъ шляхетство возстановляется по сеймовымъ рѣшеніямъ, какъ и при вѣчной bannicyi, влекшей за собой лишеніе шляхетства.

Съ конца XV в. сохранились акты о такъ называемомъ *выводѣ шляхетства* (probatio nobilitatis) отдѣльныхъ лицъ. Акты эти практиковались, главнымъ образомъ, при „нагановьи“ шляхетства т. е. при заявленіи (обыкновенно въ формѣ урядоваго обвиненія, zarzutu) кѣмъ либо сомнѣній въ правильности и законности освоенія даннымъ лицомъ шляхетскихъ правъ. Выводъ, производившійся предъ господаремъ или мѣстнымъ урядовымъ судомъ, позже на мѣстныхъ сеймикахъ и трибуналѣ, состоялъ въ судебномъ разбирательствѣ и точной оцѣнкѣ „клейнотовъ“, или доказательствъ, представленныхъ въ подтвержденіе своихъ правъ лицомъ, шляхетство котораго оспаривается на судѣ. Къ такимъ клейнотамъ относились: выводъ своего „рода“ ссылкой на свидѣтелей — „на племя“, „родъ“, „кровныхъ“ по мужской и женской линіи, также ссылкой на свидѣтельство постороннихъ лицъ, въ особенности „околичныхъ“ пановъ и шляхту. При выводѣ

шляхетства представлялись также судовые листы, жалованныя грамоты на шляхетство или земскія имѣнія и листы о томъ мѣстныхъ пановъ и урядниковъ, затѣмъ позже метрики церковныя „oblatowane“, внесенныя въ актовыя книги гродскихъ и земскихъ судовъ, выписи изъ мѣстныхъ архивовъ и Литовской Метрики, куда вносились нобилитаціонные акты и родословныя записи; затѣмъ также представлялись регистраціи шляхты при посполитыхъ рушеніяхъ и данныя инвентарей и скарбовыхъ ревизій тяглаго населенія и ихъ повинностей, если составленіе такихъ инвентарей сопровождалось разборомъ землевладѣнія и службы мѣстной шляхты.

Ѳ. Леонтовичъ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЭЛЕГІИ.

Терминъ „древнегреческая элегія“ обнимаетъ всю ту, болѣе или менѣе субъективную, поэзію довольно пестраго содержанія, которая, съ VII в. смѣняя собой эпосъ, съ внѣшней стороны объединялась лишь общностью метрической формы и способа исполненія. Форма ея опредѣлялась такъ называемымъ элегическимъ дистихомъ, т. е. соединеніемъ гексаметра съ пентаметромъ; исполненіе сопровождалось игрой на авлѣ (т. е. флейтѣ, или вѣрнѣе, кларнетѣ), подъ звуки котораго она пѣлась. Этотъ „мелодическій“ характеръ древнегреческой элегіи, ея связь съ музыкой, были энергически подчеркнуты E. Rohde (Griech. Roman 1876, S. 140), въ отвѣтъ на сомнѣнія U. Wilamowitz'a. Rohde отмѣтилъ весьма характерный фактъ, что почти всѣ знаменитые авлоды древности какъ Олимпъ, Клона, Сакада, были по преданію также ἐλεγοποιοί, творцами элеговъ, — и привелъ рядъ убѣдительныхъ свидѣтельствъ, опредѣленно указывающихъ на то, что этотъ рядъ произведеній предназначался для пѣнія подъ флейту; особенно характерно обращеніе Θеогнида къ прославляемому имъ въ элегическомъ размѣрѣ юношѣ Кирну: „о тебѣ подъ звуки звонкоголосыхъ флейтъ будутъ пѣть юноши на сладостныхъ пирахъ“ (v. 241 sq.: καί σε συν αυλίσκοισι λιγυφθόγγοις νέοι ἄνδρες ἐν κώμοις ἐρατοῖς... ᾄσονται). Противъ убѣдительной силы такихъ свидѣтельствъ сообщеніе безымяннаго метрика у Аθенея (XIV 632 D), по которому элегики Солонъ, Ксенофанъ, Фокилидъ, Θеогнидъ, принадлежали къ числу тѣхъ, которые не связывали мелодіи съ текстомъ (οἱ μὴ προσάγοντες πρὸς τὰ ποιήματα μελῳδίαν), совершенно безсильно.

Трудно указать въ исторіи греческой литературы вопросъ, который вызывалъ бы больше споровъ, возбуждалъ больше сомнѣній,

чѣмъ происхожденіе элегіи. Конечно, всякое изслѣдованіе περὶ ἀρχῶν—о генезисѣ литературныхъ родовъ и формъ — въ особенности, если дѣло касается письменности, давно уже отжившей, въ значительной мѣрѣ гадательно и проблематично: вѣдь историко-литературный интересъ къ прошлому обыкновенно рождается тогда, когда прошла уже пора бурнаго, инстинктивнаго творчества, когда надъ безотчетнымъ позывомъ возобладала холодная рефлексія, и когда такимъ образомъ начальныя—важнѣйшія для изслѣдователя—стадіи развитія лежатъ далеко позади. Изслѣдователю приходится бороться не только съ фрагментарностью и неполнотою преданія, но и съ огромною трудностью отличать дѣйствительные факты отъ обратныхъ заключеній, т. е. выводовъ изъ позднѣйшаго, и всевозможныхъ αὐτοσχεδιάσματα, т. е. болѣе или менѣе праздныхъ догадокъ и комбинацій. Въ данномъ случаѣ вопросъ осложняется еще и самой природой изслѣдуемыхъ фактовъ. Древняя элегія при первомъ же своемъ появленіи въ исторіи, обнаруживаетъ поразительную пестроту и разнообразіе мотивовъ и сюжетовъ, переливаетъ изумительнымъ богатствомъ красокъ и оттѣнковъ. Даже замѣтное оживленіе научнаго интереса къ элегіи за послѣдніе 20 лѣтъ мало помогло дѣлу. Можно даже сказать, что, наоборотъ, обиліе спеціальныхъ работъ и изслѣдованій подѣйствовало — конечно, лишь на первыхъ порахъ — осложняюще: работы эти сильнѣе подчеркнули нѣкоторыя характерныя стороны древнегреческой элегіи, которыя повидимому плохо мирятся, нерѣдко даже какъ будто исключаютъ другъ друга. И въ самомъ дѣлѣ, чего только нѣтъ въ древнегреческой элегіи! Здѣсь можно найти картину мирной, веселой пирушки и изображеніе грозной, кровавой сѣчи, — настоящую политическую рѣчь, полную огня и страсти, въ которой поэтъ обращается къ согражданамъ, и спокойное размышленіе на темы изъ этики и морали, въ которомъ онъ бесѣдуетъ съ самимъ собой, — унылое сѣтованіе по усопшемъ и яркое выраженіе радостей и восторговъ, томленій и мукъ любви [1]). Въ зависимости отъ того, какая изъ формъ древней греческой элегіи принималась изслѣдователями за основную, вопросъ о происхожденіи всего рода рѣшался весьма различно, — и мы стоимъ теперь передъ рядомъ плохо согласованныхъ, нерѣдко даже прямо

[1]) См. O. Crusius въ статьѣ „Elegie" (Pauly-Wissowa's „Real-Encyklopaedie" S. 2266: „Schon bei Archilochos ist das Distichon ein sehr universales Instrument, mit dem die verschiedensten Stoffe—Trost und Klage, Waffenfreude, Kriegs-und Reiseerinnerungen, Lebensweisheit — angegriffen werden".

противоположныхъ отвѣтовъ. Мы остановимся здѣсь лишь на наиболѣе важныхъ, разбирая ихъ, по мѣрѣ возможности, въ порядкѣ ихъ появленія.

Въ изслѣдованіи „Altgriechischer Versbau" (1881) H. Usener усматриваетъ источникъ элегической, какъ впрочемъ и ямбической поэзіи, въ ритуальныхъ τωθασμοί, т. е. обсценныхъ пѣсняхъ и шуткахъ культа Деметры. Аргументы, имъ выдвигаемые, сводятся: 1) къ этимологическому родству слова ἔλεγος и ἀσελγαίνω, „быть распутнымъ, развратнымъ", какъ объясняетъ это слово „Etymologicum Magnum", гдѣ читаемъ (p. 152, 48), ἀσελγαίνειν κυρίως τὸ παρὰ φύσιν ταῖς γυναιξὶν μίγνυσθαι, εἴρηται δὲ ἀπὸ 'Ελεγηΐδος (см. ниже) и 2) къ своеобразнымъ сказаніямъ объ Элегеидѣ, дочери Нелея (l. l.), и Элегѣ, дочери Пройта (Aelian. v. h. III, 42), — сказаніямъ, сообщающимъ весьма драстическія подробности объ эротоманіи названныхъ фигуръ. Въ послѣднихъ Usener склоненъ видѣть такихъ же легендарныхъ изобрѣтательницъ элегіи, какой для ямба является по гомеровскому гимну о Деметрѣ дѣвушка Ямба, разсмѣшившая веселой шуткой тосковавшую богиню.— Противъ этой гипотезы однако были высказаны вѣскія возраженія. Этимологія, связывающая ἀσελγαίνω съ 'Ελέγη, по фонетическимъ соображеніямъ, отклонена Wilamowitz'емъ (Herakles I, 58 примѣч. 18), и сомнѣнія его раздѣляются теперь всѣми учеными. Далѣе, по мнѣнію того же Wilamowitz'a (ibid.), имена 'Ελέγη и 'Ελεγηΐς не имѣютъ ничего общаго съ терминомъ ἔλεγος, а родственны рѣдкому прилагательному λέχος, развратный (см. Архилоховы λέχαι γυναῖκες, frg. 179 Bergk, Etymologicum Magnum объясняетъ черезъ ἀκόλαστος), такъ что вводящее ἐ является по Wilamowitz'y лишь „лишеннымъ значенія приступомъ" (bedeutungloser Vorschlag), какъ въ словахъ ἐ-λαφρός, ἐ-λεύθερος и. т. д. 'Ελέγη и 'Ελεγηΐς оказываются, такимъ образомъ, не настоящими именами, а прозвищами, намекающими на разнузданный нравъ дѣвушекъ, и это объясненіе находитъ поддержку въ томъ, что преданіе о дочери Нелея сохранило рядомъ съ 'Ελεγηΐς и другое, подлинное имя Πειρώ (см. Etym. Mag. p. 327, 11: ἧς τὸ κύριον ὄνομα Πειρώ φασιν εἶναι). Такимъ образомъ догадка Usener'a, сама по себѣ мыслимая—ямбъ и элегія развиваются приблизительно въ однихъ и тѣхъ же культурныхъ центрахъ (Паросъ, Аѳины) — не подкрѣплена имъ однако достаточными основаніями: въ сохранившихся отрывкахъ древнегреческой элегіи насмѣшливый элементъ, если и не вовсе отсутствуетъ (вспомнимъ хотя бы остроты, которыми перекидывались Демодокъ и Фокилидъ), все же сказывается весьма рѣдко.

До нѣкоторой степени по слѣдамъ Usener'а идетъ O. Immisch въ статьѣ „Uber den Ursprung der Elegie" въ „Abhandlungen" 40-го съѣзда филологовъ въ Гёрлицѣ (1889). Выводя, подобно своему предшественнику, элегію изъ *культоваго дѣйствія*, Immisch однако *расходится* съ нимъ въ опредѣленіи *самого культа*. Считая характерными для элегіи рѣзкія противоположности глубокой *горести* и дикой, необузданной *радости*, онъ въ *оргіастическомъ* культѣ Адониса и Киприды усматриваетъ самую удобную почву для развитія такой поэзіи. — Къ сожалѣнію, съ работой Immisch познакомиться ближе мнѣ не удалось, и, судя о ней лишь по отзывамъ другихъ ученыхъ, не вполнѣ понимаю, *какими* доводами подкрѣпляетъ Immisch свое — по меньшей мѣрѣ *смѣлое*—положеніе. Во всякомъ случаѣ *флейта*, столь же тѣсно связанная съ элегіей, сколько и съ оргіастическими культами Востока, *сама по себѣ* аргументъ недостаточный; въ дошедшихъ же до насъ остаткахъ древнегреческой элегіи *теорія* эта, на мой взглядъ, оправданія *не* находитъ.

На совершенно иной путь вступилъ Reitzenstein въ интересной книгѣ „Epigramm und Skolion" (1893). Онъ обращаетъ вниманіе на обычай пѣть элегіи на пирахъ, сопоставляетъ массу свидѣтельствъ, доказывающихъ распространенность этого обычая, и изъ установленнаго, такимъ образомъ, *факта*, что элегія имѣла *прочное* мѣсто въ обиходѣ пира, выводитъ заключеніе, что она *искони* отличалась симпотическимъ, т. е. застольнымъ характеромъ, предназначалась *исключительно* для пировъ. —Итакъ, свободное *общеніе мущинъ* за пиршественнымъ столомъ—вотъ почва, изъ которой выростаетъ элегія. Безспорная заслуга теоріи Reitzenstein'а въ томъ, что она сильнѣе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, подчеркнула раннюю связь элегіи съ пиршественнымъ „дѣйствомъ". Въ той однако формѣ, въ какой она предложена, теорія эта удержаться не можетъ, какъ слишкомъ узкая и односторонняя: она не вмѣщаетъ въ себя такихъ формъ элегіи, какъ тренетическая, или похоронная, и боевая въ духѣ Каллина и Тиртея. Первую Reitzenstein совершенно отрицаетъ, вторую онъ растворяетъ безъ остатка въ застольномъ увѣщаніи (παραίνεσις). „Не только художественную поучительную рѣчь, но и всякій разговоръ (Unterhaltung) и бесѣду (Plauderei) можетъ принять въ себя іонійская (застольная) элегія" читаемъ въ одномъ мѣстѣ (S. 52). Основаніемъ для этого взгляда, помимо вышесказаннаго, служитъ также предположеніе, что въ то отдаленное время, въ которое переноситъ насъ зарожденіе греческой элегіи, пиры были единственнымъ подходящимъ мѣстомъ для

вполнѣ свѣтской поэзіи,—взглядъ, неосновательность котораго справедливо отмѣчена О. Crusius'омъ: въ распоряженіи поэта оставался еще гимназій, рынокъ, лесха (статья „Elegie" въ Pauly-Wissowa's „Real-Encyclopaedie" S. 2265). И въ самомъ дѣлѣ, намъ трудно себѣ представить, чтобъ элегіи въ родѣ Солонова „Саламина" или Тиртеевыхъ „Увѣщаній" (ὑποθῆκαι),—эти страстные призывы къ оружію, аппелирующіе къ чувству рыцарской чести гражданъ, были обращены къ веселой компаніи подгулявшихъ οἰνοπόται. Мы не имѣемъ основанія не вѣрить Филохору, что въ его время спартанцы пѣли за ужиномъ элегіи Тиртея (у Athen. XIV, 630. F),—при скудости спартанской литературы это вполнѣ понятно. Изъ этого однако вовсе не слѣдуетъ, чтобы онѣ изначала предназначались для пировъ, и рядомъ съ сообщеніемъ Филохора мы имѣемъ важное свидѣтельство оратора Ликурга (Leocr. 107), что элегія „Славно умереть, павъ среди первыхъ бойцовъ" (τεθνάμεναι γὰρ καλὸν ἐπὶ προμάχοισι πεσόντα, см. Tyrt. frg. 10) пѣлась у палатки царя предъ лицомъ спартанскаго войска, какъ своего рода „adhortatio ante pugnam".—Причисляя, такимъ образомъ, путемъ значительныхъ натяжекъ, боевую элегію къ застольной, Reitzenstein, какъ сказано, совершенно отрицаетъ существованіе похоронной. „Мнѣ совершенно непостижимо, какъ это въ исторіяхъ литературы все еще говорятъ о тренетической элегіи" читаемъ въ другомъ мѣстѣ (S. 49). Reitzenstein, конечно, знаетъ элегію Архилоха къ Периклу, представляющую типичный образчикъ послѣдняго рода (frgg. 9—16), съ него однако достаточно простого упоминанія о пирѣ въ двухъ ея отрывкахъ, чтобы видѣть въ ней одно лишь воззваніе „zum stärkeren Lebensmut", къ вящей бодрости и жизнерадостности, — вопреки совершенно яснымъ словамъ поэта „мы оплакиваемъ кровавую рану" (αἱματόεν ἕλκος ἀναστένομεν, frg. 9, v. 8), вопреки авторитетному свидѣтельству Плутарха, читавшаго *все* произведеніе и категорически признавшаго его тренетическій характеръ (de audit. poët. c. 6, p. 23. A).—Повидимому, поэтъ лишь предостерегаетъ противъ крайностей скорби, въ духѣ традиціонной житейской мудрости грековъ, выражаемой поговорками „берегись крайностей" (μηδὲν ἄγαν), „мѣра лучше всего" (μέτρον ἄριστον) и вполнѣ раздѣляемой самимъ поэтомъ (см. frg. 66, v. 6—7). Необходимость прибѣгать къ подобнымъ „tour de force" интерпретаціоннаго искусства для спасенія основной тезы уже сама по себѣ лучшее доказательство ея слабости. Большой смѣлостью и оригинальностью отличается точка зрѣнія Dümmler'а, развиваемая въ статьѣ „Ursprung d. Elegie" („Philologus" 1894 = Klein.

Schriften, II). Ученый этотъ устанавливаетъ весьма характерный фактъ, что у народовъ на низкой ступени развитія патріотическое воззваніе, обращеніе отдѣльнаго лица къ общинѣ, нерѣдко сопровождается такимъ подъемомъ духа, который граничитъ съ изступленіемъ, неистовствомъ. Допускаемыя при этомъ странности, въ родѣ посыпанія головы пепломъ, частичнаго или полнаго обнаженія и т. д. (вспомнимъ ветхозавѣтныхъ пророковъ) лишь усугубляютъ авторитетъ говорящаго, заставляютъ относиться къ его словамъ съ большимъ вниманіемъ: чѣмъ сильнѣе онъ нарушаетъ установленныя приличія, тѣмъ болѣе онъ полонъ бога, тѣмъ вѣрнѣе устами его вѣщаетъ высшая сила. Подобныя представленія въ нѣкоторыхъ странахъ живутъ до сихъ поръ; они жили нѣкогда и въ древней Греціи: Dümmler указываетъ на сказанія объ Одиссеѣ, который, чтобъ удержать ахеянъ отъ возвращенія, сбрасываетъ съ себя плащъ и, вопреки обычаю, въ одномъ хитонѣ бѣгаетъ по лагерю,—о Ѳеоклѣ, миѳическомъ изобрѣтателѣ (εὑρετής) элегіи, который по Etym. Magn. (p. 327, 5) „первый, будучи охваченъ неистовствомъ, произнесъ элегію" (πρῶτος αὐτὸ, sc. ἐλεγεῖον, ἀπεφθέγξατο μανείς) и который вывелъ колоніи халкидянъ въ Наксосъ и въ Сицилію,—наконецъ, о двоекратномъ (съ точки зрѣнія менѣе наивнаго времени, притворномъ) сумасшествіи Солона, сопровождавшемъ его выступленія по поводу Саламина и властолюбивыхъ замысловъ Пизистрата,—не забывая, конечно, о вышеупомянутыхъ сказаніяхъ объ Элогѣ и Элегоидѣ. „Первыя элегія" заключаетъ Dümmler „были навѣрное (sicher) произносимы... μαινομένῳ στόματι", т. е. „безумными устами" (Klein. Schrift. II, 412). Итакъ, патріотическое изступленіе — μανία — вотъ настоящій корень древнегреческой элегіи.— Несомнѣнная заслуга этой теоріи заключается въ томъ, что она позволяетъ спасти, какъ драгоцѣнные отзвуки отдаленнаго прошлаго, такіе элементы преданія, которые до сихъ поръ считались позднѣйшимъ измышленіемъ,—разумѣю сказаніе о сумасшествіи Солона и его аналогіи. Взятая въ цѣломъ, однако, она не чужда тѣхъ же недостатковъ, что и предыдущая: обѣ онѣ принимаютъ одно изъ явленій сопровождающихъ, побочныхъ, за фактъ первостепенной важности, отчего весь вопросъ получаетъ ложное освѣщеніе. Обѣ онѣ оказываются не въ состояніи вывести все разнообразіе формъ элегіи изъ принятой за основную и первоначальную. И въ самомъ дѣлѣ, если Dümmler еще довольно искусно связываетъ тренетическую элегію съ патріотической, толкуя первую, какъ позднѣйшее видоизмѣненіе стараго вопля о мщеніи, призыва къ родовой враждѣ, при чемъ онъ впрочемъ забываетъ,

что не только βιαιοθάνατοι, не только погибшіе насильственной смертью становились предметомъ похоронныхъ причитаній, то объ остальныхъ видахъ элегіи онъ не говоритъ ни слова: повидимому онъ такъ и не видитъ мостовъ, ведущихъ къ нимъ отъ экстатическаго воззванія древнѣйшей поры. Этимъ онъ самъ выдаетъ своей теоріи „testimonium paupertatis“.

Очередь за учеными, видящими въ народномъ θρῆνος, т. е. похоронномъ плачѣ, причитаніи, источникъ и корень всего рода. Взглядъ этотъ былъ въ древности господствующимъ среди грамматиковъ: такъ Дидимъ опредѣляетъ ἔλεγοι, какъ οἱ πρὸς αὐλὸν ᾀδόμενοι θρῆνοι, т. е. „плачевная пѣсня подъ флейту“ (Schol. Arist. Av. 217); „Etymologicum Magnum“ толкуетъ ἔλεγος какъ θρῆνος, ὁ τοῖς τεθνεῶσιν ἐπιλεγόμενος, т. е. „плачъ, произносимый надъ покойниками“; Гезихій Александрійскій объясняетъ ἐλεγεῖα, какъ τὰ ἐπιτάφια ποιήματα, т. е. „надгробныя стихотворенія“ (s. v.); наконецъ Горацій характеризуетъ versus impariber clausos, „соединеніе неравныхъ стиховъ“, т. е. дистихъ, какъ *querimonia*, т. е. жалоба, сѣтованіе, (A. P. v. 75). Взглядъ этотъ и теперь еще раздѣляется многими учеными (я здѣсь назову K. Zacher'a, O. Crusius'a и W. Christ'a), въ лицѣ которыхъ наука, послѣ нѣкотораго колебанія, возвращается къ согласному мнѣнію древности. Для этого впрочемъ ей надо было сперва побороть авторитетъ Wilamowitz'a (Herakles I, l. l.), который извѣстіе о происхожденіи элегіи изъ похороннаго сѣтованія считаетъ вымысломъ перипатетиковъ: для послѣднихъ Архилохъ былъ якобы изобрѣтателемъ (εὑρετής) элегіи, а такъ какъ въ его литературномъ наслѣдіи былъ θρῆνος къ Периклу, то „эта знаменитѣйшая элегія знаменитѣйшаго поэта и опредѣлила собой все ученіе“.—Рѣшительные аргументы противъ этого взгляда приведены K. Zacher'омъ въ статьѣ „Beiträge zur griech. Wortforschung“ въ журналѣ „Philologus“ за 1898 (стр. 9—22). Въ гармоніи съ заглавіемъ статьи Zacher исходитъ отъ термина элегіи. Слово ἐλεγεῖον, ходячее названіе элегическаго дистиха, появляется лишь въ V вѣкѣ (древнѣйшіе примѣры у комика Ферекрата [1]), Платона [2]), Θукидида) [3]), смѣняя собой болѣе древнее названіе ἔπος, встрѣчаемое у Солона, Θеогнида, Геродота. Это слово ἐλεγεῖον приводитъ насъ

[1]) Cheiron см. Kock p. 153 (цитата изъ Theogn. vv. 167, 169).

[2]) Menon 45. D. (цитата изъ Theogn. v. 33).

[3]) I, 132; ἐλεγεῖον называется надпись на треножникѣ, отправленномъ Павзаніемъ послѣ Платейской битвы въ Дельфы.

естественно къ слову ἔλεγος; въ самомъ дѣлѣ, первое образовано изъ второго, какъ ἰαμβεῖον (терминъ ямбическаго триметра) отъ ἴαμβος, представляя, такимъ образомъ, „denominativum", восполняемое, какъ и въ послѣднемъ случаѣ, существительными: μέτρον т. е. размѣръ, ᾆσμα—пѣсня, быть можетъ, ἔπος—слово. Значеніе ἐλεγεῖον опредѣляется, такимъ образомъ, значеніемъ ἔλεγος,—и вотъ, для выясненія первоначальнаго смысла послѣдняго, Zacher подвергаетъ пересмотру древнѣйшія упоминанія о немъ. Слово ἔλεγος впервые встрѣчаемъ въ сообщенной Павзаніемъ надписи на треножникѣ авлода Эхемброта, полученномъ имъ за побѣду на I-хъ Пиѳійскихъ играхъ въ достопамятный годъ разрушенія Крисы. Надпись эта (къ сожалѣнію плохо переданная, быть можетъ, плохо разобранная Павзаніемъ), гласитъ между прочимъ, что Эхембротъ пѣлъ предъ эллинами μέλεα καὶ ἐλέγους, т. е. свои мелодіи и элеги. Павзаній тутъ же сообщаетъ, что уже при слѣдующихъ играхъ авлодія была устранена изъ программы, какъ не соотвѣтствующая радостному настроенію празднества: „авлодія вѣдь" выражается періэгетъ „заключалась въ весьма печальныхъ мелодіяхъ на флейтѣ", въ элегахъ и тренахъ, исполнявшихся подъ флейту (ἡ γὰρ αὐλῳδία μέλη τε ἦν αὐλῶν τὰ σκυθρωπότατα καὶ ἐλεγεῖα καὶ θρῆνοι προσᾳδόμενοι τοῖς αὐλοῖς). Сопоставленіе элега съ „весьма печальными мелодіями" и „тренами" позволяетъ и имъ приписать столь же мрачный, печальный характеръ.

Дальнѣйшія упоминанія объ элегѣ встрѣчаемъ у Эврипида и Аристофана. У трагика въ „Еленѣ" (v. 185) хоръ поётъ, между прочимъ, что онъ „услышалъ жалобный крикъ, элегъ безъ лиры" (οἰκτρὸν ὅμαδον ἔκλυον, ἄλυρον ἔλεγον). Слова эти относятся къ лирическому монологу Елены, въ которомъ послѣдняя изливаетъ свою скорбь по поводу полученнаго извѣстія о смерти матери и братьевъ и мнимой кончинѣ супруга. Въ „Ифигеніи въ Тавридѣ" (v. 146) тотъ же терминъ ἄλυρος ἔλεγος фигурируетъ въ пѣснѣ самой героини, готовящей посмертную жертву мнимо-умершему брату. Въ другихъ мѣстахъ Эврипида ἔλεγος—до сихъ поръ несомнѣнно посмертный плачъ, сѣтованіе, причитаніе—получаетъ болѣе широкое значеніе печальной, грустной пѣсни вообще: такъ, въ „Троянкахъ" (v. 119) терминъ этотъ примѣняется къ пѣснѣ Гекабы о поѣздкѣ Париса въ Спарту,—роковомъ началѣ бѣдствій Иліона; въ другомъ мѣстѣ „Ифигеніи въ Тавридѣ" (v. 1189)—къ пѣснѣ плѣнныхъ гречанокъ, тоскующихъ по родинѣ и свободѣ.—У Аристофана, наконецъ, въ „Птицахъ" (v. 218) элегомъ называется пѣсня Прокны о ея малюткѣ-сынѣ Итисѣ, убитомъ ею самою, слѣдовательно

Kapa

опять посмертный тренъ (θρηνεῖς τὸν σὸν καὶ ἐμὸν πολύδακρυν Ἴτυν, | τοῖς σοῖς ἐλέγοις ἀντιψάλλων). Итакъ *элегъ* въ значеніи причитанія по умершемъ засвидѣтельствованъ намъ, если даже не считать плохо сохраненной надписи Эхемброта, по крайней мѣрѣ для V в., а такъ какъ въ несомнѣнномъ родствѣ съ нимъ стоитъ и терминъ ἐλεγεῖον, то теорія выводившая элегію изъ похороннаго плача, уже по хронологическимъ соображеніямъ, не можетъ быть созданіемъ перипатетиковъ, какъ этого хочетъ Wilamowitz. По Zacher'у этотъ древній народный элегъ на позднѣйшую литературную элегію могъ повліять либо своимъ содержаніемъ, либо формой. Соглашаясь съ Reitzenstein'омъ въ толкованіи элегіи Архилоха къ Периклу, Zacher въ содержаніи греческой элегіи не видитъ никакихъ слѣдовъ стараго причитанія, а потому принужденъ заключить, что вліяніе элега было чисто формальнымъ элегическій дистихъ является, по его мнѣнію, созданіемъ народнаго трена.—Терминъ ἔλεγος восходитъ по Zacher'у къ постулируемому имъ, по аналогіи древнегерманскаго восклицанія печали или горести wolaga, welago, wolago, древнегреческому восклицанію ἤλεγε (черезъ η),—восклицанію, которое, представляя первоначально лишенную всякаго смысла комбинацію звуковъ, подобно припѣвамъ αἴλινον, τήνελλα, ἀλαλαί, лишь впослѣдствіи, путемъ наивной народной этимологіи, перетолковано было въ ἒ λέγε т. е. „говори, взывай э!“.

Возможное возраженіе, что предполагаемое имъ восклицаніе должно начинаться съ долгаго ē (η), межъ тѣмъ какъ ἔλεγος начинается съ короткаго ĕ (ε), Zacher отклоняетъ ссылкой на припѣвы ὑμήν и ἰὼ Βάκχε, которые въ названіяхъ пѣсенъ ὑμέναιος и ἰόβακχος даютъ тотъ же переходъ долгой гласной въ краткую.

O. Crusius въ статьѣ „Elegie“, въ „Энциклопедіи“ Виссовы также признаетъ исконную связь древнегреческой элегіи съ народнымъ треномъ, но онъ вовсе не думаетъ, чтобъ эта связь была исключительно формальной: факты, какъ много разъ помянутая *элегія къ Периклу*, раннее появленіе надгробной надписи эпитафіи (уже у Архилоха) въ элегическомъ размѣрѣ, дистихическій плачъ Андромахи въ названной по ея имени драмѣ Эврипида, наконецъ, пословичное реченіе ἐλεγεῖα ᾄδειν (Lucian. Tim. c. 46) въ смыслѣ „пѣть жалобно, заунывно“,—представляютъ столько же указаній на существованіе въ древности тренетической элегіи.

Если, такимъ образомъ, теорія, выводящая греческую элегію изъ народнаго плача, имѣетъ подъ собой прочное основаніе какъ въ традиціи, такъ и въ фактическомъ матеріалѣ, то все-таки и она не въ

силахъ объяснить нѣкоторыхъ особенностей изучаемаго явленія. Такъ, Crusius самъ повидимому хорошо сознаетъ всю трудность опредѣлить отношеніе предполагаемаго корня всего рода,—тренетической элегіи, къ прочимъ подраздѣленіямъ его: онъ нигдѣ не рѣшается высказаться открыто, ограничиваясь лишь туманными намеками въ родѣ того, что „въ долитературной элегіи паѳосъ скорби и призывъ къ патріотизму были руководящими мотивами" (s. 2266), или что „флейта звучала во время посмертныхъ сѣтовалій, какъ и во время пира" (ibid.). Мы видимъ изъ этого, что разбираемая теорія не можетъ обойтись безъ поддержки со стороны теоріи Dümmler'а и Reitzenstein'а.

Рѣшительнѣе и смѣлѣе пытается примирить теорію послѣдняго съ разбираемой здѣсь точкой зрѣнія W. Christ въ своей „Gesch. d. griech. Litteratur" (3-е изд. 1898, стр. 123 сл.). Christ склоненъ вѣрить вмѣстѣ съ Reitzenstein'омъ, что такъ какъ молодые люди за пиромъ охотно бесѣдуютъ о любви, а умудренные житейскимъ опытомъ мужи—о политикѣ и практической мудрости, то застольная элегія могла дифференцироваться въ любовную, или эротическую, съ одной, и этико-политическую—съ другой стороны. Чтобы старую тренетическую элегію съ ея переживаніемъ въ надгробной надписи привести въ связь съ застольной пѣсней и ея дальнѣйшими побѣгами въ эротической и этико-политической элегіи, Christ высказываетъ предположеніе, что „быть можетъ, оба основныхъ рода объединяются тѣмъ (hängen dadurch zusammen), что на пирахъ поминали также и мертвыхъ" (S. 125), причемъ онъ ссылается на аттическій сколій о Кедонѣ, сохраненный Аристотелемъ [1]). Съ этой точки зрѣнія умѣстно было бы указать также на тризну, περίδειπνον, какъ на связующее звено между похороннымъ и пиршественнымъ дѣйствомъ, чего впрочемъ Christ почему-то не дѣлаетъ.—Теорія эта, приносящая честь остроумію автора, выказываетъ похвальное стремленіе стать въ уровень съ фактами и не насиловать ихъ въ угоду предвзятой теоріи. Все же и она не устраняетъ трудностей, связанныхъ со сведеніемъ всѣхъ разновидностей элегіи къ одному общему источнику: боевая элегія, вслѣдствіе невозможности отнести ее ни къ застольной, ни къ похоронной элегіи, такъ и осталась внѣ системы. Мы ужъ не говоримъ о томъ обстоятельствѣ, что въ историческое время два вида

[1]) Ἀθην. πολ. c. 20: Ἔγχει καὶ Κήδωνι, διάκονε, μηδ᾽ ἐπιλήθου,
εἰ χρὴ τοῖς ἀγαθοῖς ἀνδράσιν οἰνοχοεῖν.

литературныхъ произведеній могутъ соприкасаться другъ съ другомъ, не будучи родственны искони и происходя изъ общаго источника.

Подводимъ итоги предыдущаго анализа. Теоріи Usener'а и Immisch'а отправляются не столько отъ фактовъ, сколько отъ апріорной идеи и, какъ таковыя, имѣютъ для насъ второстепенное значеніе. Теоріи остальныхъ ученыхъ въ гораздо большей степени считаются съ фактами, но все-таки не въ состояніи обнять и вмѣстить въ себѣ всего богатства и разнообразія послѣднихъ. Такъ, исходящая отъ застольной элегіи теорія Reitzenstein'а закрываетъ глаза на тренетическую элегію и совершенно безпомощна предъ боевой. Далѣе, отправляющаяся отъ боевой элегіи теорія Dümmler'а справляется еще кое-какъ съ тренотической, но принуждена игнорировать застольную и эротическую. Наконецъ, теоріи ученыхъ, усматривающихъ исходную точку развитія въ тренетической элегіи либо также не справляются со всѣми подлежащими выясненію фактами, либо эклектически колеблются между теоріями Dümmler'а и Reitzenstein'а. Въ общемъ, допущеніе единаго принципа объясненія оказалось невозможнымъ.

Если не будетъ слишкомъ большой смѣлостью сказать свое слово въ столь трудномъ вопросѣ, то, можетъ быть, малый успѣхъ разобранныхъ попытокъ объясняется тѣмъ, что всѣ онѣ въ выше отмѣченномъ богатствѣ видовъ древнегреческой элегіи видѣли явленіе позднѣйшее и производное, — продуктъ послѣдовательной дифференціаціи единой основной формы, и пытались опредѣлить послѣднюю, исходя отъ позднѣйшихъ историческихъ разновидностей элегіи. Мнѣ кажется однако, что мыслимъ также прямо противоположный взглядъ, по которому это богатство есть фактъ основной и первоначальный, а неудачи построеній, основанныхъ на первомъ взглядѣ заставляетъ отнестись къ второму съ нѣкоторымъ вниманіемъ, какъ бы страннымъ и невѣроятнымъ онъ сразу ни казался.

И въ самомъ дѣлѣ, нельзя ли для отмѣченной пестроты содержанія древне-греческой элегіи найти пріемлемое объясненіе, не прибѣгая къ тѣмъ сложнымъ и прихотливымъ толкованіямъ, которыя предлагаются, напримѣръ, теоріями Dümmler'а и Christ'а? Мнѣ кажется, такое объясненіе есть, и оно подсказывается общимъ ходомъ развитія греческой литературы. Сложившись раньше другихъ формъ лирики, литературная элегія занимаетъ середину между старымъ объективнымъ эпосомъ и позднѣйшей, чисто субъективной лирикой.—Индивидуалистическій духъ эпохи, ознаменованной выступленіемъ на исто-

рическое поприще самоцовлѣющей человѣческой личности, сказался прежде всего въ томъ, что уже не κλέα ἀνδρῶν, не слава героевъ прошлаго, а именно οἷοι νῦν βροτοί εἰσιν,—люди, какъ они есть, современность—приковываетъ къ себѣ вниманіе: человѣкъ сознаетъ себѣ цѣну и самого себя желаетъ увидѣть въ зеркалѣ поэзіи.

Этой новой потребности и удовлетворяетъ древнегреческая элегія, въ остальномъ прямая наслѣдница и преемница эпоса. Если раньше на пирахъ пѣлись или рецитировались отрывки изъ эпоса,—вспомнимъ Фемія и Демадока, пѣвцовъ „Одиссеи"—то теперь элегія, вслѣдствіе ея большей актуальности, должна все болѣе и болѣе вытѣснять послѣдній: уже Гомеръ зналъ, что „той пѣснѣ охотнѣе всего внимаютъ люди, которая новѣе всего для слушателей" (α 351: τὴν γὰρ ἀοιδὴν μᾶλλον ἐπικλείουσ' ἄνθρωποι, | ἥτις ἀκουόντεσσι νεωτάτη ἀμφιπέληται),—отсюда, быть можетъ, та связь съ пиромъ, которая такъ много занимала ученыхъ. Если раньше эпосъ отобразилъ всю жизнь народа—въ войнѣ и мирѣ, трудахъ и досугѣ—правда, лишь въ идеализующей проэкціи въ прошломъ, то теперь къ созданію столь же широкой и полной картины стремится элегія: отсюда, быть можетъ, то изумительное богатство мотивовъ и сюжетовъ, при которомъ едва-ли какая-нибудь сторона жизни не нашла себѣ отраженія.

Сходству содержанія, какъ естественно, отвѣчаетъ сходство формы и даже названія: оттого гексаметръ, каноническая форма эпоса, остается въ то же время постояннымъ элементомъ метрической формы элегіи; оттого, быть можетъ, терминъ перваго ἔπος или вѣрнѣе ἔπη примѣняется древними и ко второй,—я напомню, что Солонъ свой „Саламинъ" называетъ κόσμον ἐπῶν, ᾠδήν [1]), что Θеогнидъ свои наставленія Кирну называетъ также ἔπη [2]) и что тотъ же терминъ примѣняетъ еще Геродотъ къ элегіи Солона къ Филокипру [3]). Рядомъ со сходствомъ однако здѣсь сразу же чувствуется замѣтное различіе. Если раньше поэтъ, повѣствуя о подвигахъ героевъ прошлаго, могъ еще оставаться сравнительно спокойнымъ, то теперь отношеніе его къ изображаемымъ событіямъ совершенно мѣняется: при воспроизведеніи современности симпатіи или антипатіи пѣвца должны были сказаться замѣтнѣе, элементъ чувства звучать сильнѣе. Этотъ болѣе

---

1) frg. 1 v. 2: κόσμον ἐπῶν, ᾠδὴν ἀντ' ἀγορῆς θέμενος.

2) v. 22: Θεύγνιδός ἐστιν ἔπη.

3) Herod. V, 113: ... Φιλοκύπρου δὲ τούτου, τὸν Σόλων... ἐν ἔπεσι αἴνεσε τυράννων μάλιστα, cf. Sol. frg. 19.

живой интересъ поэта къ воспѣваемымъ событіямъ тотчасъ же отражается въ ритмѣ, этомъ вѣрнѣйшемъ показателѣ чувства: рядомъ съ гексаметромъ появляется пентаметръ,—стихъ, построенный изъ тѣхъ же дактилическихъ элементовъ, но проникнутый совершенно инымъ духомъ. Распадаясь на два вполнѣ симметрическихъ полустишія, заканчивающихся сильнымъ иктомъ и значительной паузой, онъ представляетъ весьма подходящее орудіе для выраженія взволнованнаго чувства, страстнаго возбужденія. При своемъ эмоціональномъ характерѣ эта новая поэзія могла легко примкнуть къ похоронному плачу со свойственнымъ ему высокимъ паѳосомъ, и намъ лично кажется весьма вѣроятнымъ, что своеобразная, только что характеризованная форма пентаметра восходитъ къ этому именно источнику: нѣкоторыя увлеченія Zacher'a, который фантазировалъ на тему распредѣленія элегическаго дистиха между запѣваломъ (гексаметръ) и двумя половинами хора (симметрическія полустишія пентаметра) не должны дискредитировать самой идеи. Итакъ, *элегія, одной стороной соприкасаясь съ эпосомъ, другой примыкаетъ къ похоронному плачу: литературная эпопея и народный тренъ—вотъ два корня, которыми питается, два элемента, изъ которыхъ слагается интересующая насъ форма древней поэзіи.* Предлагаемая здѣсь точка зрѣнія не претендуетъ на полную самостоятельность: она подготовлена бѣглымъ замѣчаніемъ Wilamowitz'a, что элегія „принадлежитъ къ эпосу" (Herakles[1], I 57: sie [sc. die Elegie] gehört ... zum Epos).

В. Клингеръ.

КЪ ВОПРОСУ О БИТВѢ КН. ВИТОВТА СЪ ТАТАРАМИ НА Р. ВОРСКЛѢ ВЪ 1399-МЪ ГОДУ.

Въ дополненіе къ тѣмъ даннымъ и соображеніямъ о Витовтовой битвѣ съ татарами на р. Ворсклѣ въ 1399-мъ году, которыя были представлены нами въ одной изъ книжекъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за прошлый годъ, считаю необходимымъ сообщить еще нѣсколько новыхъ по данному вопросу свѣдѣній, добытыхъ во время археологической экскурсіи въ днѣпровскомъ лѣвобережьи, совершенной лѣтомъ прошлаго года.

Командированный Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ для изслѣдованія городищъ, кургановъ, длинныхъ (зміевыхъ) валовъ и иныхъ памятниковъ древностей въ днѣпровскомъ лѣвобережьи и очутившись въ области, расположенной между низовьями рѣкъ Ворсклы и Орели, я рѣшилъ подробно обслѣдовать указанную территорію съ цѣлью узнать, не сохранилось ли на ней какихъ либо вещественныхъ памятниковъ, относящихся къ вышеупомянутой битвѣ 1399-го года, или же, если бы таковыхъ не оказалось, то не сохранилось ли среди мѣстнаго населенія какихъ либо указаній, разсказовъ или же преданій объ этомъ крупномъ столкновеніи литвы съ татарами въ концѣ XIV вѣка? Послѣ многихъ развѣдокъ и разспросовъ среди мѣстныхъ жителей, мнѣ удалось, въ концѣ концовъ, собрать нѣсколько новыхъ данныхъ по означенному вопросу,—данныхъ, которыя, повидимому, могутъ способствовать болѣе или менѣе правдоподобному выясненію вопроса о мѣстоположеніи знаменитаго боя Витовта съ татарами въ 1399-мъ году.

Прежде всего я постарался разузнать, не сохранилось ли на вышеупомянутой территоріи какихъ-либо указаній о пребываніи на ней

соперниковъ—Витовта и Эдигея,—и нѣтъ ли на этотъ счетъ указаній въ мѣстной топографической номенклатурѣ? Послѣ провѣрки оказалось, что такія указанія есть, и они, повидимому, чрезвычайно характерны. Уже одно то обстоятельство, что по словамъ мѣстныхъ жителей, низовья р. Ворсклы находились на пограничьи съ *землей турецкой* (sic), лежавшей къ югу отъ означенной рѣки, и что на низовьяхъ р. Ворсклы расположено мѣстечко *Кишенька*, имѣющее въ своемъ названіи турецкій корень „*кешень*", и что близъ этого поселенія и въ немъ самомъ есть какія-то обширныя земляныя сооруженія съ именемъ *мечеть*,—уже это одно даетъ намъ возможность предполагать, что столкновенія руси съ турецко-татарскимъ элементом происходили гдѣ-то близъ указанныхъ мѣстъ. Въ настоящее время, послѣ произведенныхъ нами изысканій, оказалось, что есть еще и другія данныя, помощью которыхъ можно болѣе ясно и болѣе опредѣленно установить и подтвердить высказанное предположеніе. Такъ, на нижней Ворсклѣ есть названіе одного поселенія, которое, повидимому, ведетъ свое начало со временъ отдаленной древности: это—с. *Хандалеевка*. Первоначально, при изслѣдованіи мѣстности въ области нижней Ворсклы, я не обратилъ вниманія на названіе означеннаго села, но тѣ разсказы и тѣ преданія, какія мнѣ пришлось потомъ услышать о немъ отъ мѣстнаго населенія, заставили меня внимательнѣе отнестись къ этому пункту и отмѣтить его характерныя особенности въ стратегическомъ и топографическомъ отношеніяхъ. С. Хандалеевка расположено въ очень важномъ стратегическомъ пунктѣ на лѣвой сторонѣ р. Ворсклы, на полдорогѣ между двумя крупными древними поворсклянскими поселеніями—Переволочной и Соколкой. Находясь поручь съ с. Лучками, расположенными немного ниже м. Соколковъ, въ прекрасно защищенной природными условіями—болотомъ и рѣкой—мѣстности, позволяющей, маскируя свои силы, наблюдать за всѣмъ низовьемъ р. Ворсклы, и посылать, въ случаѣ нужды, сюда свои войска, хандалеевская позиція, безспорно, являлась чрезвычайно важной въ военно-стратегическомъ отношеніи. Кромѣ того, находясь на перепутьи между двумя крупными, давними торными дорогами, шедшими отъ крупныхъ переправъ на р. Ворсклѣ (близъ Соколокъ и м. Переволочной) къ такимъ же переправамъ на р. Орели (близъ мм. Царичанки и Китай-Города), с. Хандалеевка играло не менѣе важную роль и въ торгово-промышленномъ отношеніи. Мѣстныя преданія относительно Хандалеевки также относятъ ея происхожденіе къ отдаленному времени. Этихъ преданій существуетъ нѣсколько варіан-

товъ, но всѣ они сводятся къ тому, что с. Хандалеевка получило свое названіе отъ какого-то хана *Алея* или же *Эдалея*, который гдѣ-то близъ этого мѣста имѣлъ крупное столкновеніе съ русскими войсками. По одному изъ этихъ варіантовъ, помянутый ханъ имѣлъ стоянку или же лагерь въ этомъ мѣстѣ, отчего оно и получило свое названіе; что затѣмъ названный ханъ разбилъ здѣсь на голову русское войско и проч. Эти преданія очень распространены среди мѣстныхъ жителей и въ общемъ имѣютъ одинаковую основу. Если вникнуть въ смыслъ этого преданія, то окажется, что оно имѣетъ за собой черты дѣйствительности, правдоподобія.

Въ самомъ дѣлѣ, имя хана *Алея* или же *Эдалея* напоминаетъ, повидимому, *Эдигея*, хотя, конечно, и въ не совсѣмъ обычной для насъ звуковой передачѣ [1]). Конечно, принимая во вниманіе огромный періодъ времени, отдѣляющій описываемый историческій фактъ отъ нашего времени, возможно допустить ошибку или же искаженіе въ названіи собственно имени хана, — искаженіе, столь обычное и столь часто встрѣчающееся въ народной средѣ. Но оказывается, что и ошибка-то собственно не особенно велика, если провѣрить, какъ писалось или произносилось имя хана Эдигея.

Дѣло въ томъ, что и усвоенная нами транскрипція имени этого хана—*Эдигей* —врядъ-ли можетъ считаться правильной: по однимъ источникамъ онъ назывался *Адаи*, по другимъ—*Идика*, по третьимъ—еще иначе и т. д. Слѣдовательно, слово *Хандалей* могло произойти отъ сочетанія словъ: *ханъ* и *Адалей* или *Д'алей*. Какъ увидимъ ниже, для насъ является болѣе важнымъ второй варіантъ въ начертаніи этого имени, а именно—*Идика*, такъ какъ это имя встрѣчается въ другихъ преданіяхъ, циркулирующихъ въ означенной мѣстности, и относящихся, повидимому, къ хану Эдигею. Это имя фигурируетъ въ преданіяхъ подъ видомъ *Хандака*, каковое названіе произошло, очевидно, отъ сочетанія двухъ словъ: *ханъ* и *Идика*. Вотъ какъ разсказывается объ этомъ Хандакѣ въ одномъ изъ мѣстныхъ преданій: „Когда-то, очень давно, въ этихъ мѣстахъ (близъ Хандалеевки) была война, которую велъ знаменитый воитель, по имени *Хандакъ*; а шелъ онъ откуда-то изъ турецкой земли (sic),.. и шелъ онъ для того, чтобы

[1]) Какъ извѣстно, Эдигей носилъ полное имя Эдега-Аглент (Edegu Aghlen). Гаммеръ-Пургсталь говоритъ, что было „drey Prinzen aus dem Geblüte Tschengis-Chan's, *Kongschel Aghlen*, *Timur Kotlogh Aghlen* und *Edegu-Aghlen*". См. *Hammer-Purgstall*, Geschichte der Gold. Horde, p. 352.

отвоевать землю, лежавшую за Ворсклой" (къ востоку).... По другому варіанту, Хандакъ шелъ на мѣстнаго царька, который владѣлъ территоріей по теченію р. Ворсклы. Споръ возникъ изъ-за земель, расположенныхъ между рѣками Орелью и Ворсклой: каждому изъ соперниковъ было желательно овладѣть означенной территоріей, но чѣмъ окончилась борьба—преданіе умалчиваетъ. Вообще, преданія о Хандакѣ сохраняются въ какихъ-то смутныхъ, неясныхъ чертахъ: разсказчикъ слышалъ о наступленіи какого-то Хандака, но какъ это происходило, и кто куда шелъ—большинство уже не помнитъ.

Кромѣ вышеприведенныхъ преданій, мнѣ удалось слышать одинъ, чрезычайно характерный разсказъ, который можетъ способствовать выясненію характера этого знаменитаго Хандака. Одинъ изъ глубокихъ стариковъ, на котораго мнѣ указали, какъ на знатока мѣстной старины, на мой вопросъ: не слыхалъ ли онъ чего либо о Хандакѣ,—сначала отвѣтилъ отрицательно, но затѣмъ, подумавъ сказалъ, что онъ кое-что знаетъ о Хандакѣ; что въ м. Китай-Городѣ еще и до сихъ поръ есть нѣсколько человѣкъ, носящихъ прозвище Хандаковъ. Я поинтересовался узнать, что это за Хандаки китайгородскіе и почему они получили такое названіе. Старикъ разсказалъ мнѣ слѣдующее. Когда-то давно, когда свободныхъ, незаселенныхъ земель въ этихъ мѣстахъ было много, а людей мало, жители Китай-Города, Царичанки и другихъ мѣстъ по Орели жили въ мирѣ съ обитателями поселеній по р. Ворсклѣ. Съ теченіемъ времени, когда населеніе увеличилось и начало стремиться все болѣе и болѣе въ степи, произошли споры и раздоры между поворсклянами и орельцами изъ-за земельныхъ угодій. Особенно сильно спорили китайгородцы съ поворсклянами изъ-за степныхъ земель, расположенныхъ между нижнимъ теченіемъ р. Ворсклы и р. Орели. Какъ-то разъ, во время крупнаго спора между китайгородцами и лучанами (жители с. Лучки, на р. Ворсклѣ) изъ-за земельныхъ границъ, противники сошлись другъ противъ друга и образовали какъ бы двѣ линіи—точь въ точь, какъ на сраженіи—пояснилъ разсказчикъ. Остановившись другъ противъ друга на извѣстномъ разстояніи, эти двѣ линіи спорящихъ начали перебранку между собой и, затѣмъ подвигаясь все ближе и ближе другъ къ другу, уже были готовы вступить въ кулачный бой. Во время этого наступленія, одинъ изъ китайгородцевъ, съ цѣлью посмѣяться надъ противниками и разозлить ихъ, обратился къ нимъ спиной, нагнулся и показалъ имъ задницу съ соотвѣтственными, конечно, насмѣшливыми, вызывающими словами. Эта дерзкая выходка до того взбѣсила противниковъ, что одинъ изъ нихъ

не вытерпѣлъ, вскинулъ ружье на прицѣлъ и выстрѣлилъ въ насмѣшника, который, получивъ зарядъ дроби, упалъ. Впослѣдствіи раненый выздоровѣлъ, но съ тѣхъ поръ его прозвали, *за храбрость и насмѣшки, Хандакомъ*, каковая кличка и осталась за нимъ и его потомствомъ и сохраняется и до сихъ поръ". Больше ничего старикъ о Хандакѣ вспомнить не могъ. На счетъ давней старины въ этихъ мѣстахъ старикъ передавалъ, что когда-то давно въ Китай-Городѣ былъ свой король или царь (sic), а у насъ тамъ—разсказчикъ указалъ на Ворсклу—свой король... Ихняя граница шла по Орели, гдѣ еще и до сихъ поръ, надъ рѣкой сохраняются большія ямы... А за Орелью,—пояснилъ старикъ,—земля была запорожская (sic)... въ этой мѣстности велись частыя войны: шведъ (sic!) шелъ когда-то на нашихъ, но его разбили гдѣ-то возлѣ Келеберды: тамъ его загнали и побѣдили. А шелъ онъ воевать за ту землю, которая лежитъ между р. Орелью и Ворсклой"...

Этотъ разсказъ о пострадавшемъ смѣльчакѣ чрезвычайно характеренъ, и прозвище *Хандакъ*, очевидно, было присоединено къ нему по сходству его смѣлости и насмѣшекъ съ таковыми же Хандака, о которомъ здѣсь сохранялось не мало разсказовъ. Если припомнить лѣтописный разсказъ о томъ, какъ насмѣшливо, вызывающе велъ себя ханъ Эдигей по отношенію къ Витовту во время переговоровъ на рѣкѣ Ворсклѣ, то намъ станетъ яснымъ, почему китайгородскому смѣльчаку придали прозвище Хандакъ: вѣроятно, среди народа сохранялась память объ этомъ насмѣшливомъ татарскомъ воителѣ, при чемъ, вмѣстѣ съ чертами его характера, сохранялось и его имя, въ видѣ хана—Идыка или же Хандака.

Кромѣ того, сообщеніе о конечномъ крушеніи шведскаго войска близъ м. Келеберды также весьма интересно. Конечно, возлѣ Келеберды никогда никакого шведскаго войска не было, а потому и сдачи тамъ шведовъ произойти не могло. Но преданіе о бывшемъ здѣсь крушеніи какого-то войска, по всей вѣроятности, имѣло реальную основу. Очевидно, преданіе, сохраняя память о прежнемъ событіи, подъ вліяніемъ послѣдующихъ временъ, подверглось крупнымъ измѣненіямъ главнымъ образомъ въ отношеніи къ дѣйствующимъ лицамъ, и эпохамъ, и то, что относилось къ одной эпохѣ и ея дѣятелямъ, было пріурочено къ другой эпохѣ, болѣе новой, какъ болѣе понятной и подробной по своимъ еще свѣжимъ воспоминаніямъ. Такимъ образомъ, эпоха шведской войны вытѣснила собой прежнее, болѣе раннее преданіе, и народная память пріурочила къ ней то событіе, которое от-

носилось къ другимъ временамъ и другимъ лицамъ: такъ было не только у насъ, но и въ западной Европѣ, гдѣ народъ весьма нерѣдко пріурочиваетъ къ шведской эпохѣ такіе памятники древности (земляныя сооруженія), которые восходятъ къ гораздо болѣе раннему времени. Указаніе въ вышеприведенномъ преданіи на Келеберду очень интересно въ виду его связи съ именемъ Витовта. Извѣстно, что къ Витовту являлись выходцы изъ татарскихъ земель, и въ числѣ ихъ Тохтамышевъ сынъ, Керимберди, отъ котораго, по всей вѣроятности, и получило свое имя нынѣшнее м. Келеберда. Такъ какъ Витовтъ, проводя свою политику относительно степи, поселялъ татарскихъ выходцевъ въ важныхъ стратегическихъ пунктахъ, на которые было бы можно, въ случаѣ надобности, опереться, то и Келеберда могла быть пунктомъ, на который держалъ свой путь Витовтъ, убѣгая послѣ неудачной битвы на р. Ворсклѣ. Слѣдовательно, указанное преданіе имѣетъ въ себѣ реальную основу, которая, однако, относится къ болѣе раннему времени, чѣмъ то гласитъ преданіе.

Кромѣ преданій о Хандакѣ, въ означенной мѣстности сохранилось еще нѣсколько преданій, относящихся, повидимому къ давнимъ, незапамятнымъ временамъ. Такъ, по словамъ одного изъ такихъ преданій, записанныхъ мной со словъ мѣстнаго старожила, та степь, которая находится между нижнимъ теченіемъ рр. Орели и Ворсклы, заселилась, сравнительно не очень давно. Раньше эта мѣстность представляла собой пустынный, малонаселенный степной край, на который дѣлали набѣги степняки. Войны велись здѣсь, по словамъ старыхъ людей *набѣгами*: набѣжитъ ватага степняковъ—конниковъ на жителей, *захватитъ съ коня кого нибудь арканомъ*, да такъ и тащутъ его за собой, а сами скачутъ"... Вообще, приведенныя выше преданія носятъ на себѣ отпечатокъ древности и, судя по характеру дѣятельности и именамъ дѣйствующихъ въ нихъ лицъ, могутъ относиться къ эпохѣ борьбы Витовта съ Эдигеемъ въ 1399-мъ году. Благодаря этимъ преданіямъ явилась возможность болѣе или менѣе правдоподобно опредѣлить базу, какой держались татары Эдигея во время своего пребыванія близъ береговъ р. Ворсклы. А указаніе преданія на м. Келеберду, какъ на важный пунктъ во время борьбы съ врагами, еще болѣе убѣждаетъ насъ, что оно относится къ тѣмъ временамъ, когда этотъ пунктъ сталъ играть видную роль въ дѣлахъ края, т. е. ко временамъ кн. Витовта. Однако, приведенныя выше преданія, заключая въ себѣ нѣкоторыя данныя о пребываніи Эдигея въ означенныхъ мѣстахъ и его здѣсь борьбѣ съ противниками, не даютъ еще намъ

никакихъ указаній или же намековъ относительно мѣстоположенія знаменитой битвы Витовта съ татарами въ 1399-мъ году. Это былъ существенный пробѣлъ, который намъ долго не удавалось заполнить. Наконецъ, мы наткнулись, совершенно случайно, на преданіе, которое, повидимому, относится къ означенному знаменитому бою Витовта съ татарами на р. Ворсклѣ.

Изслѣдуя мѣстность по теченію р. Орели, я встрѣтилъ, неподалеку отъ м. Перещепина, одного изъ поворсклянскихъ старожиловъ, который, узнавъ о цѣли моей поѣздки, разсказалъ мнѣ одно изъ преданій, которое онъ слышалъ еще въ дѣтствѣ относительно крупной битвы, происходившей неподалеку отъ г. Кобелякъ (Полтавской губ). Вотъ это преданіе. „Когда-то давно, будучи еще мальчикомъ, я слышалъ отъ отца, что въ семи верстахъ отъ г. Кобелякъ, внизъ по теченію р. Ворсклы, по дорогѣ на м. Царичанку, есть хуторъ, по имени „Красная—Горка". По разсказамъ стариковъ здѣсь когда-то давно шведъ (sic) бился со своими противниками. Шведъ былъ разбитъ на голову и бросился бѣжать. Уходя отъ враговъ, шведъ, въ попыхахъ побросалъ въ ближайшій оврагъ пушки, порохъ и прочіе боевые припасы. Эта битва была очень кровопролитна: народу, говорятъ, погибло безъ числа. Здѣсь же и хоронили убитыхъ. Самое названіе хутора—„Красная—Горка" или „Красная—Могила",—говорятъ, произошло отъ этого крупнаго кроваваго боя... Еще и до сихъ поръ здѣсь попадаются въ землѣ пули и проч."—заключилъ разказчикъ.

Если вникнуть въ сущность этого преданія и обратить вниманіе на окружающую мѣстность и установить ея наиболѣе важные, издревле извѣстные стратегическіе и этапные въ отношеніи къ степи пункты, то окажется, что мѣстность близъ г. Кобелякъ дѣйствительно играла такую роль: сюда пролегалъ одинъ изъ весьма важныхъ путей, какимъ обыкновенно совершались русскими походы въ степи; отсюда же направлялся прямой путь на наиболѣе крупныя и, въ свою очередь, наиболѣе древнія и важныя поселенія по р. Орели,—Царичанку и Китай-Городъ. Затѣмъ, здѣсь находилась одна изъ удобнѣйшихъ стоянокъ на р. Ворсклѣ; здѣсь же находилось одно изъ укрѣпленныхъ городищъ древняго типа, отмѣченное уже Бопланомъ. Кромѣ того, указанный пунктъ, по своему положенію, очень подходитъ къ тѣмъ условіямъ, въ какихъ, судя по описаніямъ, происходила означенная битва Витовта съ татарами. Извѣстно, что Витовтъ перешелъ р. Ворсклу и завязалъ бой съ татарами на лѣвой сторонѣ означенной рѣки, и здѣсь то онъ и потерпѣлъ пораженіе, потерявъ всю свою

артиллерію и обозъ. Слѣдовательно, принимая во вниманіе вышеизложенное, возможно полагать, что близъ г. Кобелякъ, за р. Ворсклой, по дорогѣ на Царичанку, близъ урочища „Красная-Гора и погибло литовское войско въ 1399-мъ году.

Что же касается того обстоятельства, что преданіе пріурочиваетъ этотъ знаменитый бой къ шведской войнѣ, то мы имѣли уже случай указать, насколько событія послѣдующаго времени накладываютъ въ преданіяхъ свой отпечатокъ на событія болѣе раннія. Конечно, насколько извѣстно изъ исторіи, въ означенной мѣстности близъ г. Кобелякъ никакого столкновенія со шведами не было, и, слѣдовательно, приведенное нами преданіе не можетъ относиться къ шведамъ.

Пріурочиваніе означеннаго боя къ окрестностямъ г. Кобелякъ нѣсколько измѣняетъ наше о немъ мнѣніе, высказанное въ литературѣ. Но разница въ разстояніи одного мѣста отъ другого очень не велика: всего въ десятокъ-другой верстъ, не больше, и это, конечно, не колеблетъ сущности нашего мнѣнія о мѣстѣ боя Витовта съ татарами на нижнемъ теченіи р. Ворсклы. Вышеприведенныя преданія, въ своей сущности, еще болѣе убѣждаютъ насъ въ этомъ. Остается только пожелать, чтобы для болѣе подробнаго выясненія поставленнаго нами вопроса о мѣстоположеніи знаменитаго боя Витовта съ татарами была снаряжена спеціальная экспедиція, которая детально изслѣдовала бы какъ указываемую нами мѣстность, такъ и циркулирующія въ ней народныя преданія.

В. Ляскоронскій.

О НѢКОТОРЫХЪ ОСНОВНЫХЪ ПОНЯТІЯХЪ ФИЛОСОФІИ.

„Das Wort Gott, für sich genommen, ist ein sinnloser Laut, ein blosser Name, erst das Prädicat sagt: *was er ist*, und seine Erfüllung und Bedeutung".

Hegel, Phänomen. d. Geistes. III (Werke II, 15).

I.

1. Родовое понятіе „истины" раздѣляютъ обыкновенно на два вида—понятіе истины *формальной* и понятіе истины *реальной*, разумѣя подъ первою согласіе вывода съ посылками, а подъ второю—согласіе мысли съ дѣйствительностью. Нельзя отрицать значенія этого раздѣленія для практическихъ цѣлей разсужденія; но съ точки зрѣнія принципіальной или философской оба эти вида сливаются въ одно цѣлостное понятіе. „Формальная" истина есть сужденіе, *условно* признаваемое за истинное, какъ скоро истинны другія сужденія, служащія ему посылками. Слѣдовательно условіе цѣнности формальной истины составляетъ истина первыхъ ея посылокъ, уже не вытекающая изъ выводовъ, стало быть истина реальная. Съ другой стороны, опредѣляя реальную истину, какъ согласіе мысли съ дѣйствительностью, мы находимъ, что слово „согласіе" подлежитъ ближайшему и болѣе точному выясненію, ибо не видно, въ чемъ именно это согласіе должно состоять. При такомъ ближайшемъ выясненіи оказывается, прежде всего, что подъ „согласіемъ" разумѣется обыкновенно *сходство* предмета мыслимаго и предмета дѣйствительнаго, предполагается, напримѣръ, что мысли о пространствѣ, душѣ, Богѣ, суть какъ бы снимки или копіи съ сущихъ въ дѣйствительности оригиналовъ. Однако, высказанное въ такой формѣ требованіе согласія мысли и дѣйствительности

приводитъ къ нелѣпости, такъ какъ мысль именно потолику и есть мысль, а не дѣйствительность, поколику онѣ не сходны. Нельзя требовать, чтобы мысль о пространствѣ была также *трехмѣрна*, мысль о душѣ также *обуреваема страстями*, мысль о Богѣ также *блага* или *всемогуща*, какъ *дѣйствительные* пространство, душа и Богъ. Слѣдовательно мыслимая нами *трехмѣрность* пространства, *страстность* души, *благость* и *всемогущество* Бога по самому своему существу несходны съ этими свойствами въ ихъ *дѣйствительности*, а поэтому и требованіе такого сходства не осуществимо. Очевидно, стало быть, что прежде установленія требованія согласія мысли и дѣйствительности нужно отдать себѣ отчетъ, въ чемъ именно можетъ состоять такое согласіе.

Оставляя въ сторонѣ, какъ преждевременный, вопросъ о томъ, что такое „дѣйствительность", мы можемъ лишь, согласно самому опредѣленію истины, утверждать о дѣйствительности, что она есть нѣкоторый *предметъ* мысли, т. е. что согласіе мысли съ дѣйствительностью есть согласіе *мысли* съ ея *предметомъ*, поскольку онъ также *мыслится*. Иными словами, самое дѣйствіе, коимъ устанавливается истинная мысль, т. е. мысль, согласная съ дѣйствительностью, совершается *мыслію же*, по *ея законамъ*. Если мы имѣемъ истину „пространство трехмѣрно", то *предметъ* этой истины—дѣйствительное пространство—тѣмъ самымъ заранѣе вводится въ составъ мыслимаго. Мы мыслимъ нѣкоторое *a*—пространство, опредѣляемъ его, какъ *b* (какъ трехмѣрное), и *истина* сужденія — пространство трехмѣрно—состоитъ въ томъ, что *a*, опредѣляемое какъ *b*, *согласно* съ *a*, поскольку послѣднее еще не опредѣлено мыслію, какъ *b*. Это согласіе состоитъ не въ томъ, что сужденіе „*a* есть *b*" такъ же трехмѣрно, какъ дѣйствительное пространство, но въ томъ, что свойство трехмѣрности, присоединяемое къ мысли о пространствѣ, уже *предопредѣлено* въ этой послѣдней мысли, какъ ея принадлежность. Такимъ образомъ въ сужденіи „*a* есть *b*" мы мыслимъ, что *дѣйствительный предметъ* мысли *a дѣйствительно* имѣетъ свойство, составляющее *предметъ* мысли *b*, даже если бы мы не опредѣляли его, какъ *b*; т. е. что согласіе мысли „*a* есть *b*" съ дѣйствительностью, *истина* этой мысли, заключается не въ томъ, что *a* и *b* суть копіи съ ихъ дѣйствительныхъ предметовъ, а въ томъ, что *a*, опредѣляемое, какъ *b*, есть то же, что *a*. Согласіе мысли и дѣйствительности есть, слѣдовательно, утверждаемое мыслію же *тожество опредѣленнаго ею предмета съ тѣмъ же предметомъ, еще не опредѣленнымъ*.

То, что мы называемъ дѣйствительнымъ предметомъ, есть, стало

быть, и *до* опредѣляющаго дѣйствія нашей мысли, также *мыслимый* предметъ; но мысль о немъ еще *не опредѣлилась;* онъ есть только нѣкоторое *a* нашей мысли. Чрезъ мысль къ этому *a* присовокупляется аттрибутъ *b*; и истина мысли $a+b$ заключается въ *тожествѣ* мысли *a* и $a+b$.

Дѣйствительный предметъ есть, такимъ образомъ, начало мышленія о предметѣ, а истина есть конецъ или результатъ этого мышленія; посредство между началомъ и концомъ есть процессъ пріобрѣтенія первымъ недостающей ему опредѣленности (*a* становится $a+b$); *а истина, какъ согласіе мысли съ дѣйствительностью, есть сохраняющееся тожество между началомъ и концомъ, между мыслію, еще не опредѣлившеюся, и мыслію уже опредѣлившеюся* (между *a* и $a+b$),

Если такимъ образомъ реальная истина опирается на требованіе *тожества* ея начала и результата, то слѣдовательно она опирается на *формальный* законъ ума; т. е. выходитъ, что реальная истина сводится къ истинѣ формальной, какъ ранѣе того оказалось, что формальная истина сводится къ истинѣ реальной. Такимъ образомъ оба вида истины подчиняются одному и тому же закону—закону *тожества*; или, иначе, оба вида истины, составляютъ одну общую *полную* истину, вмѣстѣ и формальную и реальную.

Если остается, за симъ, различіе этихъ двухъ видовъ истины, то его слѣдуетъ считать различіемъ лишь въ смыслѣ ихъ одностороняго практическаго употребленія. Въ томъ, что именуется истиною формальною, начало мысли полагается какъ нѣчто *условное*, въ достовѣрности чего мы не имѣемъ полнаго убѣжденія. *Если* на другихъ планетахъ, кромѣ земли, есть жизнь, то значитъ возможность жизни не опредѣляется исключительно тѣми частными механическими, физическими и химическими причинами, которыя дѣйствуютъ на земной поверхности; но *есть ли* жизнь на другихъ планетахъ, мы не знаемъ. Съ другой стороны, мы знаемъ несомнѣнно, что часть менѣе своего цѣлаго, или что намъ дано то состояніе чувственности, которое мы называемъ *краснотою*. Различіе этихъ двухъ видовъ истины находятъ нерѣдко въ томъ, что въ истину реальную входитъ убѣжденіе *непосредственное, самоочевидное*, котораго не хватаетъ истинѣ формальной. Но условныя истины также не лишены элементовъ непосредственной достовѣрности: *земля, планета, жизнь* во многихъ своихъ свойствахъ даны съ такою же чувственною достовѣрностью, какъ и красный цвѣтъ. Съ другой стороны сужденія, „цѣлое больше своей части" или „краснота существуетъ", какъ сужденія, суть образованія *опосредованныя*, обрабо-

танныя мыслію. Они не суть просто совокупности данныхъ терминовъ, но эти термины *различены* между собою и *связаны* въ одно мысленное цѣлое. Различія между такъ называемою формальною и реальною истиною слѣдуетъ, стало быть, искать не въ самыхъ ихъ элементахъ, а въ томъ способѣ, коимъ между этими элементами установляется мысленное соотношеніе.

Истина есть *сужденіе*, т. е. *опредѣленіе* (*логическаго*) *подлежащаго* (*логическимъ*) *сказуемымъ*. Такимъ образомъ въ ней непремѣнно даны *три* акта: *положеніе* подлежащаго, *отличеніе* его отъ сказуемаго и *соединеніе* ихъ въ опредѣленіи перваго вторымъ. Эти три акта одинаково свойственны обоимъ видамъ истины. Такимъ образомъ во всякой истинѣ непремѣнно есть нѣчто *непосредственное* (данное), есть *опосредованіе* его чрезъ отличеніе отъ того, что его опредѣляетъ, и есть связь или *единство* обоихъ этихъ элементовъ. Различіе формальной и реальной истины заключается лишь въ томъ, что эти акты положенія, отличенія и соединенія первая и понимаетъ лишь формально или *отвлеченно*, вторая же реально, т. е. въ связи съ содержаніемъ. *Если нѣкоторое* a опредѣляется *нѣкоторымъ* b, то получается сужденіе $a+b$—такъ говоритъ правило формальной истины; напримѣръ формально или отвлеченно мы можемъ связать подлежащее *человѣкъ* со сказуемымъ *существо неспособное къ наукѣ*, образовать сужденіе „*человѣкъ есть существо неспособное къ наукѣ*“ и развивать затѣмъ это положеніе въ рядъ формально правильныхъ, но по содержанію ложныхъ выводовъ. Съ точки же зрѣнія реальной истины a по самому своему *содержанію должно* быть опредѣлено посредствомъ b, но реальная истина, взятая въ своей отдѣльности, не указываетъ того основанія по которому a опредѣляется, какъ b. Это соединеніе a и b устанавливается въ концѣ концовъ на свидѣтельствѣ опыта. Здѣсь то и обнаруживается необходимость ввести въ самую реальную истину формальный элементъ. Если a развивается въ сужденіе $a+b$ безъ нарушенія тожества, то слѣдовательно сужденіе $a+b$ *предопредѣлено* въ содержаніи a, есть результатъ логическаго саморазвитія a. По содержанію подлежащаго „человѣкъ“ всякое его сказуемое лишь *раскрываетъ смыслъ* этого содержанія и потому если не явно, то подразумѣваемо дано въ немъ; слѣдовательно прежде, чѣмъ допустить возможность связать это подлежащее со сказуемымъ „существо неспособное къ наукѣ“, возможность эта должна быть выяснена въ самомъ содержаніи сказаннаго подлежащаго.

Итакъ, общій законъ истины есть *законъ тожества*, проявляющійся

въ томъ, что нѣчто *данное* мысли *связывается* съ *отличнымъ* отъ него безъ нарушенія ея тожества (a есть $a+b$). Если этотъ законъ прилагается *отвлеченно*, безъ принятія въ соображеніе содержанія того, что̀ дано, то истина именуется *формальною*. Если онъ примѣняется чисто опытнымъ способомъ, безъ выясненія основанія такого примѣненія, то истина именуется *реальною*. Если же онъ примѣняется черезъ саморазвитіе даннаго содержанія, то истина есть вмѣстѣ и формальная и реальная, есть *полная цѣлостная* истина.

2. Такъ какъ носитель или мѣстопребываніе истины именуется *умомъ*, то можно сказать, что законъ истины, т. е. законъ *тожества*, есть *законъ ума*. *Предварительно* мы ничего и не знаемъ объ умѣ, кромѣ этого закона, такъ, что умъ пока совпадаетъ для насъ съ этимъ закономъ. Умъ не есть мышленіе, ибо послѣднее можетъ быть истиннымъ и неистиннымъ, т. е. подчиненнымъ или неподчиненнымъ закону ума; но онъ есть *законъ истиннаго мышленія*. [1]). Законъ тожества можетъ быть названъ *закономъ соединенія различныхъ данныхъ*, такъ какъ его дѣйствіемъ нѣкоторое a отличается отъ b и соединяется съ нимъ въ $a+b$. Три момента, включенные въ этотъ законъ—положеніе, отличеніе и соединеніе—могутъ быть излагаемы, какъ *три* закона, смотря по тому, на какомъ изъ этихъ моментовъ находимъ мы нужнымъ сосредоточить преимущественное вниманіе. При такомъ раздѣленіи они составляютъ собою такъ называемые отдѣльные законы *тожества* (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова), *противоположенія* и *основанія*: a есть a, a не есть *не*—a, a соединяется съ *не*-a, по нѣкоторому основанію. Но для того, чтобы эти законы въ ихъ совокупности совпадали съ закономъ соединенія различныхъ данныхъ, первые требуютъ истолкованія ихъ истиннаго смысла.

Эти три закона, понимаемые въ отвлеченіи отъ содержанія a, сами суть формулы совершенно безсодержательныя; ибо, утверждая отвлеченно, что a есть a и не есть *не*—a, мысль никакой истины не пріобрѣтаетъ, а остается при томъ же, при чемъ и была. Равнымъ образомъ, столь же отвлеченно требуя, чтобы a было связано съ *не*—a по нѣкоторому основанію, безъ выясненія того, въ чемъ это основаніе можетъ состоять, мысль выставляетъ требованіе не осуществимое, ибо коль скоро a и *не*—a разъединены по закону противоположенія, то не видно, какимъ дѣйствіемъ можно вновь ихъ соединить. Такимъ

[1]) Отожествленіе *ума* съ *мышленіемъ* именно и было тою коренною погрѣшностью ученія Гегеля, о которую въ концѣ концовъ это ученіе разбилось.

образомъ для пріобрѣтенія этими законами плодотворности для мысли, они сами должны стать истинами полными, т. е. имѣть свой корень и въ формѣ, и въ содержаніи *a*. При такомъ требованіи законъ *тожества* (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) означаетъ, что *a тожественно своему содержанію*, т. е. что содержаніе данное въ *a* должно мыслиться, какъ *постоянно или непремѣнно ему принадлежащее*, что данное мысли не можетъ быть ею по произволу измѣняемо въ ея процессѣ. Какой же, при такомъ конкретномъ пониманіи закона тожества, получается конкретный же смыслъ закона *противоположенія*: *a* не есть *не-a*? Такъ какъ законъ тожества гласитъ, что *a* тожественно своему содержанію, то всякое измѣненіе этого содержанія будетъ нарушеніемъ тожества *a*, т. е. подъ *не-a* слѣдуетъ разумѣть *какое бы то ни было* *b*, не входящее въ составъ содержанія *a*. Слѣдовательно сужденіе „*a* не есть *не-a*“ въ конкретномъ своемъ смыслѣ означаетъ, что *a* не есть *b*.

Если, однако, уже тогда, когда *a* дано, заранѣе извѣстно, что *b* не входитъ въ составъ содержанія *a*, то сужденіе „*a* не есть *b*“ излишне и не вноситъ въ мысль ничего новаго. Стало быть, если въ актѣ противоположенія *a* и *b* совершается дальнѣйшее движеніе мысли объ *a*, является такой ея моментъ, который есть *иной* сравнительно съ моментомъ положенія *a*, то относительно *a*, какъ таковаго, *еще не извѣстно*, входитъ ли *b* въ его содержаніе. Поэтому сужденіе „*a* не есть *b*“ есть лишь *предположеніе*, которое можетъ быть разрѣшено въ томъ или иномъ смыслѣ только дальнѣйшимъ движеніемъ мысли объ *a*; и потребность такого дальнѣйшаго движенія создаетъ реальный или конкретный смыслъ третьяго изъ произведенныхъ законовъ—*закона основанія*. Содержаніе *a*, *предположительно* противополагается *b*; и такое предположеніе сохраняетъ свою силу дотолѣ, доколѣ мы въ содержаніи *a* не находимъ *основанія* къ снятію этого противоположенія, т. е. доколѣ не выяснится, что въ *a* содержится *основаніе* къ отожествленію его съ *b*. Тогда отличенное отъ *a* соединяется съ нимъ, и весь процессъ развитія истины, т. е. *соединенія различныхъ данныхъ*, конкретно осуществляется.

Изъ сказаннаго видно, что приведенные три закона суть моменты одного единаго закона, лишь искусственно раздѣленные нашею мыслію для спеціальнаго ихъ изученія; ибо каждый изъ нихъ непремѣнно подразумѣваетъ, т. е. включаетъ въ себя, оба остальные. Если *a* дано, какъ *a*, то оно не дано, какъ *b*, и стало быть *a* не есть *b*; но въ *a* содержится *основаніе* для соединенія съ *b*. Слѣдова-

тельно въ законѣ тожества уже даны законы противоположенія и основанія. Если *a* не есть *b*, то лишь потому что *a* есть *a*; съ другой стороны самое отрицаніе *b* отъ *a* возникаетъ потому, что движеніе мысли по поводу *a* полагаетъ *b*; стало быть въ *a* есть основаніе для *b*. Слѣдовательно въ законѣ противоположенія также даны законы тожества и основанія. Наконецъ, законъ основанія, связывая *данное* съ *отличнымъ* отъ него, очевидно, включаетъ въ себѣ оба первые закона.

3. Законъ ума, какъ законъ соединенія различныхъ данныхъ, указываетъ на то, что истина осуществляется мыслію чрезъ приведеніе *даннаго* въ *отношенія отличенія* отъ другихъ данныхъ и *соединенія* съ ними. Поэтому законъ ума можетъ быть названъ также *закономъ относительности*. Истина постигается *чрезъ установленіе отношеній между данными мысли*. Исходомъ или началомъ ея служитъ непремѣнно нѣчто данное, которое отличается отъ другого даннаго и связывается съ нимъ въ конкретное единство. Идеаломъ этого движенія къ истинѣ является *система*, полное осуществленіе которой есть распространеніе на все данное мысли отношеній ума такъ, чтобы все мыслимое содержаніе получило характеръ одного связаннаго умомъ членораздѣльнаго цѣлаго.

Такъ какъ предѣломъ или *результатомъ* развитія системы оказывается мысль наиболѣе содержательная (конкретная), то *начало* системы составляетъ мысль наиболѣе пустая или безсодержательная (отвлеченная); и движеніе системы состоитъ въ наполненіи ея начала содержаніемъ, не въ томъ смыслѣ, чтобы *изъ* начала создавалось содержаніе, а въ томъ, чтобы всякое содержаніе, первоначально инородное началу, послѣдовательно входило въ его составъ, какъ его закономѣрное опредѣленіе. Такимъ наиболѣе отвлеченнымъ началомъ и служитъ самъ *законъ ума*, какъ таковой, поскольку мы не связываемъ съ нимъ никакого опредѣленнаго содержанія, а движеніе системы въ его послѣдовательныхъ ступеняхъ представляетъ намъ приложеніе этого закона ко все болѣе и болѣе обильному содержанію.

Умъ есть и содержаніе и двигатель (методъ) системы, ибо онъ и *опредѣляется ею* и *опредѣляетъ* ея движеніе. Ступени этого движенія суть *положеніе*, *противоположеніе* и *соединеніе*, ибо полагается *a*, отличается отъ *не-a*, и въ *a* находится основаніе для соединенія *a* и *не-a*. Соединеніе *a* и *не-a* образуетъ собою новое данное *b*, которое такимъ же процессомъ развивается въ *c*, *d*, *e*... и т. д., доколѣ

не будетъ достигнута полнота опредѣленій A, включающая въ себя всю совокупность a, b, c, d, e... и т. д. Такъ какъ результатомъ системы должно быть *осуществленіе* наиболѣе полнаго опредѣленія, то схемою системы не можетъ служить *прямая* линія, ибо она, какъ таковая, не имѣетъ конца, и слѣдовательно, ея полнота никогда не осуществляется. Въ виду того, что въ моментъ *соединенія* совершается возвращеніе къ *данному*, съ обогащеніемъ его новымъ содержаніемъ, Гегель сравниваетъ движеніе системы съ послѣдовательностью *круговъ*, расположенныхъ въ общей совокупности на одномъ всеобъемлющемъ кругѣ. Но эта схема также не можетъ считаться удовлетворительною. Такъ какъ *не-а*, которому противополагается a, есть *все то*, что предварительно не усматривается въ содержаніи a, то *не-а* есть *не одно понятіе*, а *множество* понятій m, n, p, r..., стало быть не *точка въ кругѣ*, слѣдующая за *точкою а*, а *неопредѣленнаго размѣра* поверхность, находящаяся за *предварительно* установленными границами поверхности a. Изъ этой неопредѣленной поверхности мы для соединенія съ a избираемъ *опредѣленную часть*, превращая такимъ образомъ a въ болѣе обширную опредѣленную поверхность b; и поступаемъ такъ дотолѣ, доколѣ не превратимъ всю *поверхность мыслимаго* въ нѣчто *опредѣленное* и *по размѣру* и *по* очертанію.

При такомъ пониманіи системы, совершенно согласномъ съ тѣмъ требованіемъ логики, что отрицаніе понятія a не есть еще нѣкоторое *опредѣленное* понятіе b, а *неопредѣленное множество* понятій, изъ коихъ можно по произволу брать и b, и c, и d, и т. д., *развитіе системы*, при одномъ и томъ же *началѣ* и *методѣ*, можетъ быть *разнообразно*. Этотъ выводъ весьма важенъ, ибо онъ показываетъ, что *неуспѣхъ въ развитіи системы* можетъ зависѣть отъ неудачнаго выбора ея пути, а не отъ неудовлетворительности ея начала и метода; между тѣмъ какъ Гегель полагалъ, что движеніе системы *предопредѣляется* ея началомъ и методомъ, и тѣмъ самымъ слишкомъ тѣсно связалъ участь своей философіи съ участью ея системы, во многомъ болѣе неудовлетворительной, чѣмъ того требовали принципіальныя основы гегеліанства.

Признаніе свободы индивидуальнаго выбора мыслителя въ порядкѣ развитія частей системы установляетъ, съ одной стороны, возможность прогресса системы при господствѣ однихъ и тѣхъ же принципіальныхъ ея основаній, а съ другой указываетъ на то, что въ ея построеніи может представиться необходимость пропусковъ, зависящая

отъ недостаточной обработанности предлежащаго ей матеріала. Примѣръ гегеліанства, пытавшагося во чтобы то ни стало включить въ свои категоріи многое, еще не утвержденное точною наукою и даже впослѣдствіи отвергнутое ею, можетъ въ этомъ отношеніи служить намъ поучительнымъ предостереженіемъ.

II.

1. Умъ есть соединеніе различныхъ данныхъ, осуществляемое по ступенямъ положенія, противоположенія и соединенія.

Какъ *начало* системы, умъ *полагается* въ наивозможно полномъ отрѣшеніи отъ содержанія мысли, т. е. въ наивозможной своей *отвлеченности*. Такое положеніе ума есть вмѣстѣ съ тѣмъ возможно—полное *противоположеніе* ему всякаго *содержанія*, какъ инороднаго уму, не входящаго въ умъ, не подчиняющагося уму. Это противоположеніе должно быть разрѣшено, т. е. въ умѣ должно быть найдено *основаніе* для *соединенія* съ нимъ противополагаемаго ему содержанія.

Такимъ образомъ первый вопросъ, предлежащій намъ, заключается въ слѣдующемъ: *найти въ умѣ основаніе для наполненія его содержаніемъ.*

Умъ, какъ *начало*, какъ *первое данное* системы, полагается *наивозможно безсодержательнымъ.*

Какая именно степень безсодержательности *возможна* для ума, т. е. до какой степени отвлеченности *можетъ быть* доведено его понятіе, мы пока не знаемъ. Но мы знаемъ, что безсодержательность ума не можетъ быть безусловною, т. е. полнымъ *нулемъ*, *совершеннымъ отсутствіемъ* содержанія. Ибо понятіе ума, доведенное до наивозможной своей отвлеченности, есть все же понятіе *соединенія различныхъ данныхъ*; стало быть, *нѣчто* должно быть въ нёмъ *дано*, содержаться въ немъ. Это нѣчто есть *наивозможно малое содержаніе*, т. е. содержаніе *меньшее всякаго даннаго содержанія*, иначе *безконечно-малое содержаніе.*

Умъ, какъ начало системы, какъ наивозможно отвлеченное понятіе, мыслится нами, слѣдовательно, какъ *умъ съ безконечно-малымъ содержаніемъ.*

2. Давая такое опредѣленіе уму, мы не распространяемъ на него аттрибута *величины*, ибо безконечно-малое *не есть величина*, а лишь *возможность* величины, *элементъ* ея образованія. Говоря, что умъ имѣетъ безконечно-малое содержаніе, мы желаемъ сказать, что это содержаніе относится къ данному, подлежащему мыслительной обра-

боткѣ содержанію такъ же, какъ безконечно-малое въ области величинъ относится къ конечному, т. е., что: а) это безконечно-малое содержаніе ума есть *элементъ образованія* даннаго, конечнаго содержанія; б) оно есть по отношенію къ послѣднему нѣчто съ нимъ *несоизмѣримое*, какъ принадлежащее *къ другому порядку*; в) процессъ образованія конечнаго содержанія изъ этого безконечнаго малаго содержанія мыслится нами *символически*, какъ *наростаніе до извѣстныхъ конечныхъ предѣловъ*. При такихъ предположеніяхъ задача „найти въ умѣ основаніе для наполненія его содержаніемъ" разрѣшается такъ: коль скоро *положенъ* отвлеченно мыслимый умъ и *противоположено* ему содержаніе a, долженствующее быть съ нимъ *соединеннымъ*, то положенъ не O, который слѣдуетъ обратить въ a—что *невозможно*,—но положенъ безконечно-малый элементъ образованія понятія a, который обозначимъ чрезъ α. Наростаніе этого элемента въ предѣлахъ отъ 0 до a даетъ a, по формулѣ $\Sigma_0^a\ \alpha = a$, *что возможно и мыслимо.*

Содержаніе a такимъ же способомъ снабжается аттрибутомъ b, т. е. становится $a + b$ безъ нарушенія тожества a. Ибо a, мыслимое отвлеченно отъ всякаго другого понятія, есть опять таки не $a + 0$, но $a + \beta$, и β можетъ наростать въ предѣлахъ отъ 0 до b; слѣдовательно получается формула $a + \Sigma_a^b\ \beta = a + b$. И это развитіе системы можетъ совершаться дотолѣ, доколѣ будутъ исчерпаны всѣ ея опредѣленія $a + b + c + d$...

Итакъ, *основаніе* для наполненія ума содержаніемъ состоитъ въ томъ, что въ умѣ данъ *элементъ образованія всякаго содержанія, который образуетъ послѣднее чрезъ наростаніе въ данныхъ конечныхъ предѣлахъ* (при чемъ терминъ „наростаніе" должно разумѣть, лишь какъ выраженіе символическое).

3. То, что мы именуемъ *конечнымъ* содержаніемъ, есть то, что *дано на опытѣ*. Элементъ же образованія этого содержанія *не данъ на опытѣ* и *несоизмѣримъ* съ даннымъ на опытѣ. Онъ есть необходимо предполагаемое въ умѣ *сверхъ-опытное* содержаніе. Доводя понятіе ума до наивозможной его отвлеченности, мы не превращаемъ умъ въ o, но мыслимъ его, какъ *сверхъ-опытный элементъ образованія всякаго опытнаго содержанія*. Въ такомъ пониманіи источниковъ опыта состоитъ *умозрѣніе*, а въ приложеніи его къ объясненію опыта—*умозрительный методъ*. Но прежде, чѣмъ дать этому методу дальнѣйшее движеніе въ сферѣ опыта, необходимо глубже вникнуть мыслію въ сверхъ-опытное содержаніе ума.

4. Мыслимый нами въ умѣ сверхъ-опытный источникъ опыта совершенно *инороденъ* опытному содержанію. Поскольку самая мысль есть предметъ внутренняго опыта, онъ инороденъ самой мысли. Такимъ образомъ онъ *по содержанію* не мыслимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо полагается мыслію, какъ *предѣлъ* ея опустошенія, и какъ *первоисточникъ* ея со всѣмъ данным ей на опытѣ содержаніемъ. Понятіе такого первоисточника всего мыслимаго, который по содержанію своему находится за предѣлами мысли, есть понятіе *бытія*. *Бытіе есть сверхъ-опытное содержаніе ума*, которое, какъ таковое, никогда *не входитъ въ мысль своимъ содержаніемъ*, но необходимо *мыслится*, какъ ея *предѣлъ* и *источникъ*. То, что остается въ умѣ за приведеніемъ его къ наивозможной отвлеченности, есть *бытіе*. Этотъ умъ, измѣряемый *опытнымъ мѣриломъ*, черезъ приложеніе *конечныхъ* понятій, есть *0*, *ничто*; но по остающемуся въ немъ *сверхъ-опытному* содержанію онъ есть *бытіе*, *источникъ всего*. И эти два разнородныя опредѣленія ума мы соединяемъ такъ, что мыслимъ умъ *символически*, какъ безконечно-малое содержаніе, а опытное содержаніе *символически же*, какъ результатъ *наростанія* безконечно-малаго содержанія до конечныхъ предѣловъ [1]).

5. *Бытіе*, какъ мыслимое въ умѣ сверхъ-опытное его содержаніе, само подлежитъ закону ума, какъ соединенія различныхъ данныхъ, т. е. мысль находитъ въ немъ моменты *положенія*, *противоположенія* и *соединенія*. Положеніе бытія, какъ нѣкоторая мыслимая въ немъ *первооснова*, именуется *сущностью*. Подъ сущностью мы мыслимъ бытіе въ его непосредственномъ, непорозненномъ еще единствѣ или, что то же, въ неопредѣлившемся еще многообразіи. Въ моментѣ *противоположенія* это многообразіе отличается отъ единства сущности, какъ ея *состоянія* или *видоизмѣненія* (*модусы*). Единство, мыслимое, какъ исключающее изъ себя множество и противоположное ему, именуется *субстанціею*, а вся совокупность ея видоизмѣненій понимается, какъ нарушающій ея единство *процессъ*. Единство субстанціи есть, однако, не отрѣшенное отъ процесса, а сохраняющееся въ немъ, какъ постоянство субстанціи при всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ. Такимъ образомъ въ третьемъ моментѣ—*соединенія*—

---

[1]) Изъ сказаннаго видна ошибка Гегеля, который, начавъ также съ понятія *бытія*, отожествилъ его съ „*ничто*". Доведенное до крайняго предѣла отвлеченности, содержаніе ума *не уничтожается*, а только переносится въ сверхъ-опытную область, и, какъ такое находящееся за предѣлами опыта начало, именуется „бытіемъ".

возстановляется единство бытія, но уже не какъ непосредственное, нерасчленное, а какъ единство въ опредѣлившемся многообразіи, какъ единство членораздѣльное или конкретное. Это единство есть *связь* между частями или состояніями процесса, опредѣляющая каждую часть въ зависимости отъ другихъ частей или, иначе, указывающая *основаніе* для каждой части. При такомъ пониманіи бытіе именуется *причинностью*.

Едва ли послѣ сказаннаго выше о законѣ ума вообще нужно объяснять, что, какъ *моменты* бытія, сущность, субстанція съ ея модификаціею и причинность лишь искусственно или односторонне выдѣляются изъ общаго единства бытія, въ видахъ спеціальнаго изученія одного изъ мыслимыхъ его опредѣленій.

Итакъ, бытіе, какъ сверхъ-опытное содержаніе ума, мыслится нами какъ *соединеніе различныхъ данныхъ*, въ коемъ, какъ его моменты, мы можемъ различать *сущность*, *субстанцію съ ея процессомъ* и *причинность*.

III.

1. Сверхъ-опытное содержаніе ума, будучи источникомъ опытнаго содержанія, само подчинено закону ума, т. е. умъ по отношенію къ этому содержанію мыслится нами въ той же двойственности, въ какой онъ данъ по отношенію къ опытному содержанію, именно какъ отличная отъ этого содержанія форма. Такимъ образомъ для насъ остается еще неразрѣшеннымъ вопросъ о томъ, какое основаніе дано въ умѣ для его сверхъ-опытнаго содержанія. Очевидно, что это послѣднее содержаніе нельзя выводить изъ какого либо еще болѣе перваго содержанія, ибо въ такомъ случаѣ явился бы вопросъ объ основаніи послѣдняго, за тѣмъ объ основаніи этого основанія и т. д. до безконечности, т. е. въ концѣ концовъ въ умѣ не оказалось бы ничего перваго.

Если сверхъ-опытное содержаніе ума есть поистинѣ *первое основаніе*, то оно само уже ничѣмъ не обосновано; и слѣдовательно не обосновано и закономъ ума, какъ чѣмъ то отличнымъ отъ этого содержанія. Иными словами въ умѣ, какъ таковомъ, не можетъ быть *двойственности* закона или формы и содержанія, но онъ, какъ таковый, по самой своей природѣ, вполнѣ *цѣлостенъ* или *конкретенъ*. Его бытіе есть вмѣстѣ и его законъ и содержаніе, и мыслимая нами двураздѣльность ихъ есть послѣдствіе нѣкоторыхъ особыхъ условій, которыя и надлежитъ теперь выяснить.

2. Различіе опытнаго и сверхъ-опытнаго содержанія ума есть различіе того, что *дано* мысли, и того, что не будучи ей дано, лишь необходимо *требуется* ею, какъ *предполагаемое* основаніе ея данныхъ основаніе, данное уже не въ ней, а въ томъ, что выходитъ за данную ей сферу, въ умѣ, какъ таковомъ. Это сверхъ-опытное содержаніе ума съ опытной точки зрѣнія, для *конечной* мѣры опыта, есть *0, ничто*; оно есть *нѣчто* лишь для *умозрѣнія*.

Слѣдовательно, мысль, вращающаяся въ области опыта, непремѣнно приходитъ къ раздѣленію, къ противоположенію формы и содержанія, ибо ей съ одной стороны предлежитъ законъ ума, въ коемъ съ опытной точки зрѣнія *содержанія нѣтъ*, а съ другой — опытное содержаніе, которое объемлется этимъ закономъ, какъ *формою* этого содержанія. Стало быть, условіемъ раздвоенія формы и содержанія ума служитъ свойство самой мысли, которой дано съ одной стороны опытное содержаніе, а съ другой — дано требованіе оформить это содержаніе по закону ума, и которая поэтому, какъ прикованная своими данными къ сферѣ опыта, осуждена своею участью на такую двураздѣльность.

3. Мысль не можетъ *вполнѣ* отрѣшиться отъ опытнаго содержанія, ибо послѣднее есть единственно данный ей элементъ. Слѣдовательно мысль необходимо переноситъ ту же роковую для нея двойственность формы и содержанія на умъ съ его сверхъ-опытнымъ содержаніемъ, необходимо мыслить ихъ *по подобію* опыта. Но мысль, по ея же требованіямъ, мыслитъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что эта двойственность въ примѣненіи къ сверхъ-опытному есть лишь *подобіе*, а *не истина*, ибо въ сверхъ-опытномъ, какъ таковомъ, нѣтъ условій для сказанной двойственности. Сверхъ-опытное содержаніе, какъ первое, въ самомъ себѣ имѣетъ основаніе. Слѣдовательно оно не обосновано какимъ либо еще болѣе первымъ содержаніемъ. Не можетъ оно быть обосновано и закономъ, какъ совершенно пустою формою, такъ какъ эта форма, какъ таковая, не имѣетъ бытія (ибо бытіе есть сверхъ-опытное *содержаніе*), а слѣдовательно и причиняющей или производящей силы (ибо причинность есть одинъ изъ моментовъ бытія). При томъ, самое понятіе ума, какъ пустой формы, возникаетъ лишь изъ безсилія опыта овладѣть его, ума, сверхъ-опытнымъ содержаніемъ. Здѣсь же мы стоимъ на точкѣ зрѣнія умозрительной, съ которой уже признано, что полное опустошеніе ума отъ содержанія не возможно, и потому упразднено понятіе его, какъ чистой или пустой формы.

Итакъ, понимая теперь тѣ основанія, по которымъ мысль съ

опытной точки зрѣнія отдѣляетъ форму или законъ ума отъ его содержанія, мы по умозрительнымъ основаніямъ должны признать, что въ умѣ, какъ таковомъ, *нѣтъ* такой двойственности, что въ немъ законъ и содержаніе совпадаютъ, что его бытіе есть и его законъ, а законъ осуществленъ въ конкретной нераздѣльности съ бытіемъ.

Сверхъ-опытный первоисточникъ опыта мыслится, слѣдовательно какъ конкретное, цѣлостное, самодовлѣющее сущее. Если мы именуемъ это сущее *умомъ,* то не для полнаго *отожествленія* его съ умомъ, какъ формою или закономъ опытнаго знанія, а лишь для показанія пути восхожденія къ первому отъ второго. Умъ, какъ форма или законъ опыта, есть лишь блѣдное отраженіе *ума* въ его подлинномъ бытіи, дающее намъ возможность мысленно постигать *сущее, какъ таковое,* въ его собственномъ, недоступномъ для насъ сіяніи.

4. Къ уму, какъ конкретному цѣлостному сущему, наша мысль восходитъ, такимъ образомъ, двумя путями: во-первыхъ отъ содержанія опыта, какъ къ сверхъ-опытному содержанію, служащему источникомъ перваго содержанія; во-вторыхъ, какъ къ конкретному единству формы и содержанія, отъ двойственности формы и содержанія въ нашемъ опытѣ. Въ первомъ смыслѣ мы символически мыслимъ сверхъ-опытное содержаніе ума въ понятіи *безконечно-малаго,* какъ элемента образованія *конечнаго* содержанія опыта. При такомъ взглядѣ это послѣднее содержаніе полагается по отношенію къ сверхъ-опытному содержанію, какъ *безконечно-большое,* сравнительно съ коимъ, по опытному мѣрилу, сверхъ-опытное содержаніе есть *ничто, 0.* Во второмъ случаѣ мысль, напротивъ, безмѣрно расширяетъ всякія границы опыта, сливая его во всемъ его составѣ съ его закономъ въ одно всеобъемлющее цѣлое, передъ которымъ опытъ съ его конечною мѣрою исчезаетъ, т. е. которое мыслится нами по отношенію къ опыту, какъ *безконечно большое.* Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ эта безконечность *положительная,* т. е. она есть не просто совершенная безмѣрность, голое *отрицаніе конечности,* а лишь отрицаніе ея *конечной мѣры* при сохраненіи ея *качественной* опредѣленности.

Такое различіе положительной и отрицательной безконечности мы находимъ и въ математикѣ. Безконечно-малая линія съ точки зрѣнія *отрицательной* есть *точка,* которая, какъ отрицаніе протяженности, *одинакова* для всякой линіи. Но безконечно-малая линія съ *положительной* точки зрѣнія (дифференціалъ линіи) не есть такое безразличное отрицаніе, ибо она различна, смотря по свойству линіи: иное есть дифференціалъ прямой линіи, иное—дуги круга, эллипса, пара-

болы. Точно также безконечно-большая величина съ *отрицательной* точки зрѣнія есть просто безмѣрность, въ которой исчезаетъ всякая конечная величина. Съ *положительной* же точки зрѣнія безконечно-большая величина есть въ отношеніи къ данной величинѣ величина *высшаго порядка*, напримѣръ *поверхность* относительно *линіи*, *тѣло* относительно *поверхности*, величина, которая сама по себѣ допускаетъ свою *конечную* мѣру, но оказывается безконечно-большою лишь въ отношеніи къ способу измѣренія данной величины. Такъ и умъ, какъ конкретная цѣлостность, безмѣрно-великъ для всякаго опытнаго мѣрила; но если бы—что, конечно, для насъ невозможно — мы знали его *собственное мѣрило*, то онъ получилъ бы опредѣленность, т. е. конечность, для нашей мысли.

5. Переходъ отъ конечнаго къ положительно-безконечному состоитъ такимъ образомъ въ томъ, что, отрицая *конечность* даннаго на опытѣ, мы сохраняемъ его *качественность* въ той степени, какая согласуется съ уничтоженіемъ конечности.

Этотъ процессъ превращаетъ опредѣленное данное качество въ *моментъ* того сверхъ-опытнаго источника, къ которому мы его относимъ, т. е. *ума*; и такимъ образомъ то, что съ опытной точки зрѣнія представляется, какъ *отдѣльныя, ограниченныя данныя*, мыслится, какъ слитое въ единствѣ ума. Это дѣйствіе Гегель означаетъ терминомъ *снятіе* (das Aufheben). *Снятіе есть такое отрицаніе, при которомъ отрицаемое не уничтожается, но теряетъ свою отдѣльность и превращается въ моментъ новаго понятія*. Терминъ „снятіе" есть синонимъ термину „идеализація", ибо черезъ это дѣйствіе *реальное* становится *идеальнымъ*. Реальное есть то же, что *особое, отдѣльное, косное, противящееся сліянію съ другимъ*; становясь *моментомъ* другого, реальное теряетъ такую особность или косность, *сливается* съ другимъ и тѣмъ самымъ *идеализуется*.

Умъ, какъ сверхъ-опытный источникъ опыта, есть, такимъ образомъ, *идеальное начало* опыта, идеальная возможность того, что на опытѣ дано *реально*. Эта идеальность ума, въ опредѣленіи его, какъ безконечно-малаго, мыслится, какъ идеальность еще не полная, такъ какъ сверхъ-опытные элементы опытнаго содержанія предполагаются образующими это послѣднее содержаніе при наростаніи до извѣстнаго даннаго въ опытѣ предѣла. При опредѣленіи же ума, какъ безконечно-большого, онъ мыслится вполнѣ *идеальною полнотою сущаго*, ничѣмъ извнѣ неограниченнымъ, совершенно самостоятельнымъ, самодовлѣющимъ, всепроизводящимъ, всеобосновывающимъ дѣятелемъ или *Богомъ*.

6. Мысля Бога, какъ конкретный, цѣлостный умъ, мы распространяемъ на Него опредѣленіе ума, какъ *соединенія различныхъ данныхъ*, а слѣдовательно, можемъ и *односторонне* развивать Его опредѣленія по моментамъ *сущности*, *процесса* и *причинности*.

a) Опредѣляя Бога, какъ *сущность*, мы хотимъ этимъ опредѣленіемъ сосредоточить нашу мысль на полнотѣ и содержательности природы Бога въ ея *самостоятельности* сравнительно съ опытнымъ содержаніемъ; т. е. хотимъ выразить ту мысль, что въ Богѣ есть своя сверхъ-опытная природа. Богъ не есть только законъ или форма открывающейся намъ на опытѣ природы, но имѣетъ собственную неизслѣдимую глубину содержанія. Содержаніе это совершенно идеально, т. е. въ немъ снята та отдѣльность или косность даннаго, которую мы находимъ въ опытѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ содержаніи даны, какъ его идеализованные моменты, въ превышающемъ доступную намъ мѣру единствѣ, свойства опытныхъ вещей. Говоря, что на Бога нельзя распространять опытныхъ аттрибутовъ пространства, времени, движенія, мысли, воли, сознанія, ибо всѣ они сопряжены съ ограниченіями, мы не хотимъ сказать, что Богъ *чуждъ протяженности*, *неподвиженъ*, *безсмысленъ*, *безволенъ*, *безсознателенъ*. Мы хотимъ сказать, что въ Богѣ эти свойства *сняты* или *идеализованы* въ высшемъ единствѣ, т. е. находятся къ нашимъ опытнымъ аттрибутамъ въ отношеніи несравнимаго съ ними *безконечно-большого*. Богъ *не чуждъ* пространству, но *вездѣсущъ*, не *безвременен*, но *вѣченъ*, не *неподвиженъ*, но *идеально включаетъ въ себѣ всякое движеніе*, не *безволенъ*, *безсмысленъ* и *безсознателенъ*, но *выше воли*, *мысли* и *сознанія*. Эти всѣ аттрибуты, для насъ *различные*, слиты въ совершенномъ и цѣлостномъ единствѣ Его сущности.

b) Односторонне выдѣляя мыслію единство Божественной сущности, мы мыслимъ Бога, какъ *субстанцію*, т. е. какъ нѣкоторую постоянную основу всего Его содержанія, а послѣднее становится при этомъ безмѣрнымъ разнообразіемъ *модусовъ* Божественной субстанціи въ Ея вѣчномъ и неизслѣдимомъ *процессѣ*. Процессъ этотъ вѣченъ, т. е. *сверхвременен*, т. е. таковъ, что онъ содержитъ въ себѣ *идеальную* возможность всякаго времени, совершенно превышая его конечную мѣру.

Опредѣленіе Бога, какъ субстанціи, есть опредѣленіе неокончательное, одностороннее, т. е. мысль не можетъ остановиться на немъ; значеніе его состоитъ въ признаніи того, что мысля Бога, какъ отвлеченно-понимаемое единство, мы непремѣнно противопоставляемъ

этому единству множественность его состояній, и что поэтому Богъ отнюдь не есть *только* субстанція. Съ другой стороны Богъ отнюдь не есть *только* процессъ, ибо множественность модификацій предполагаетъ, какъ дополняющее ее противоположеніе, единство субстанціи.

Въ связи съ понятіемъ субстанціи необходимо возникаетъ вопросъ о ея *аттрибутахъ*, т. е. о *постоянныхъ сказуемыхъ* тѣхъ сужденій, *подлежащее* которыхъ составляетъ понятіе субстанціи. Модусъ, какъ *состояніе* субстанціи, т. е. какъ нѣчто, могущее быть и не быть, не есть такое постоянное сказуемое. Поэтому для того, чтобы составить понятіе объ аттрибутахъ субстанціи, надлежитъ отрѣшиться отъ понятія модусовъ, т. е. предположить *отсутствіе* модификацій субстанціи. При такомъ предположеніи аттрибутами субстанціи будутъ служить *возможности* ея модификаціи, или иначе *единственнымъ* аттрибутомъ субстанціи окажется ея *возможность* подвергаться процессу, *потенціальный процессъ во всей его совокупности*. Здѣсь мы, повидимому, возвращаемся отъ категоріи субстанціи опять къ категоріи сущности, такъ какъ и сущность Бога есть возможность всякаго содержанія. Но дѣло въ томъ, что въ сущности мы мыслимъ эту возможность, какъ идеальное въ отношеніи къ реальному, а въ субстанціи, какъ идеальное въ отношеніи къ идеальному же, т. е. къ ея же модусу. Въ понятіи сущности мы сосредоточиваемся на понятіи Бога въ отличеніе Его отъ того, что не есть Богъ, а въ понятіи субстанціи въ отличеніе Его отъ Его же собственныхъ состояній.

c) При признаніи субстанціи содержащею въ себѣ потенціально процессъ ея модификаціи, все же остается въ понятіи процесса неразрѣшенная еще двойственность, такъ какъ не усматривается, въ какомъ опредѣленномъ отношеніи находится заключающаяся въ субстанціи *возможность* къ самому осуществленію процесса. Для разрѣшенія этой двойственности необходимо мыслить субстанцію, какъ такую дѣятельную силу процесса, которая *въ конкретномъ единствѣ съ нимъ самимъ* сохраняетъ свое постоянство. При такомъ предположеніи понятіе субстанціи переходитъ въ понятіе *причины*. Причина есть основаніе процесса, всецѣло сохраняющееся въ единствѣ съ нимъ при всевозможныхъ модификаціяхъ. Тѣмъ самымъ возстановляется единство сущности, но какъ членораздѣльное или по истинѣ конкретное.

Богъ есть причина,—пока опредѣленная какъ причина своихъ состояній, т. е. поскольку эти состоянія суть въ нераздѣльномъ съ Нимъ единствѣ—*причина себя* (causa sui). Опредѣленіе *самопричинности* непремѣнно принадлежитъ Богу, такъ какъ, будучи *первою* причиною,

Онъ не можетъ зависѣть ни отъ какой иной причины и, слѣдовательно, содержитъ въ себѣ свое основаніе. Ничего невозможнаго для мысли въ такомъ опредѣленіи нѣтъ, такъ какъ, при полной цѣлостности божественной природы, причина и дѣйствіе въ ней даны вмѣстѣ, и раздѣленіе ихъ есть лишь въ нашей мысли. Говоря, что Богъ есть причина себя, мы желаемъ сказать, что все мыслимое нами въ Богѣ обосновано въ Немъ же самомъ, а не въ чемъ либо внѣ Его.

7. Самопричинность Бога, какъ независимость Его отъ чего-либо иного, есть то же, что совершенная Его *свобода*. Но въ этомъ отвлеченномъ своемъ пониманіи свобода характеризуется лишь *отрицательно*, какъ *независимость*. Для болѣе конкретнаго ея пониманія надлежитъ разсмотрѣть это понятіе въ связи съ сопредѣльными ему понятіями *необходимости* и *случайности*.

a) Мысля Бога, какъ сущность, т. е. какъ сущее со своимъ (идеальнымъ) содержаніемъ, мы находимъ въ этомъ содержаніи *единственное основаніе*, какъ для Его самого, такъ и для всего, что внѣ Его. Ничего необоснованнаго этимъ содержаніемъ *не можетъ быть*, или иначе нѣчто не обоснованное имъ *невозможно*, стало быть все обосновано въ Богѣ *необходимо* (ибо необходимо то, противоположное чему невозможно). И такъ самопричинность Бога есть то же, что *полнѣйшая необходимость* всего Имъ обоснованнаго, какъ въ Немъ самомъ, такъ и внѣ Его.

b) Мысля Бога, какъ субстанцію съ ея модусами, мы понимаемъ модусъ, какъ состояніе субстанціи, *могущее и не быть*, но для котораго дана идеальная возможность въ аттрибутѣ субстанціи. *Осуществленіе* модуса уже не заложено съ необходимостью въ субстанціи, ибо иначе модусъ съ *необходимостью* осуществлялся бы въ субстанціи, и слѣдовательно нельзя было бы сказать, что модусъ *можетъ и не быть*. Стало быть осуществленіе модуса въ отношеніи къ субстанціи есть нѣчто *случайное*. Мысля Бога, какъ субстанцію, мы вводимъ въ Него опредѣленіе *случайности*. Возникновеніе такого опредѣленія станетъ для насъ понятнымъ, если мы сообразимъ, какъ развивается изъ понятія сущности понятіе субстанціи съ модусами. Въ „сущности“ мы мыслимъ ея содержаніе, какъ всеобосновывающее, слѣдовательно подъ категоріею необходимости. Но, превращая сущность съ одной стороны въ единство субстанціи, а съ другой — въ множественность процесса, мы выдѣляемъ вторую, какъ самостоятельную, слѣдовательно *въ своемъ осуществленіи* независимую отъ субстанціи, стало быть по отношенію къ ней случайную. Съ другой стороны во множественности

процесса, какъ таковаго, мы тоже не находимъ необходимости наступленія отдѣльныхъ его звеньевъ, ибо связующее единство отдѣлено отъ этой множественности и противоположно ей въ понятіи субстанціи. И такъ, во второмъ моментѣ опредѣленія понятія Бога это понятіе опредѣляется признакомъ случайности.

с) На третьей ступени развитія сказаннаго понятія должны быть объединены необходимость и случайность; и это объединеніе именно и дастъ конкретное, положительное опредѣленіе *свободы*. Богъ опредѣляется, какъ *причина* себя въ томъ смыслѣ, что Его субстанція всецѣло сохранятся въ модусахъ, т. е. что въ Немъ *единое* и *многое тожественны*, различаясь лишь односторонними актами нашей мысли. Но это тожество единства и множества состоитъ не въ томъ, что множество уничтожаетъ единство и наоборотъ, а въ томъ, что въ общей цѣлостности Бога единство и множество мыслятся, какъ моменты, а не какъ самостоятельныя противоположности; или, если начать съ одностороннихъ опредѣленій, въ опредѣленіи Бога, какъ единаго, мы мыслимъ идеализованное, снятое множество, а въ опредѣленіи, какъ множественнаго, такое же единство. Поэтому случайность въ Богѣ есть то же, что необходимость, а необходимость то же, что случайность, или, иначе, въ высшемъ понятіи эти моменты примиряются.

Въ области опыта мы называемъ *свободою самоопредѣленіе*, отличая ее отъ *необходимости*, какъ *опредѣленія другимъ*, и *случайности*, какъ *отсутствія опредѣленія чѣмъ бы то ни было*. Но эти опредѣленія въ области опыта условны и потому противорѣчивы. Самоопредѣленіе есть опредѣленіе *своею природою*, которая въ опытной вещи есть нѣчто отличное отъ своихъ проявленій, и потому свобода на опытѣ есть собственно *внутренняя необходимость*. Съ другой стороны, поскольку природу вещи въ ея первооснове опытъ не открываетъ, она есть то же, что необоснованность, слѣдовательно *случайность*. Я говорю: „я свободенъ выбрать между тѣмъ или другимъ поступкомъ", но за этимъ *сознаніемъ* моей свободы скрывается убѣжденіе въ *безсознательномъ* влеченіи поступить такъ или иначе, которое *необходимо* мотивируетъ мой выборъ и при томъ основаніями, въ концѣ концовъ *случайными*. Лишь восходя къ формѣ или закону опытнаго содержанія, т. е. къ уму, я получаю, правда еще формальное, понятіе свободы, какъ высшаго, примиряющаго понятія. Ибо если я предположу, что мое дѣйствіе есть дѣйствіе *умное*, т. е. согласное съ логическими требованіями, то вызывающая его необходимость моей природы перестаетъ

меня тяготить: я оправдываю эту необходимость, какъ согласную съ моею свободою. Равнымъ образомъ, и та случайность, вслѣдствіе которой необходимость въ данномъ случаѣ совпала съ логическими требованіями, оправдывается, какъ случайность *умная*, согласующаяся съ моею свободою. Если предположить такого человѣка, который всегда поступаетъ умно, то для него въ сферѣ его дѣятельности, какъ таковой, необходимость и случайность окажутся упраздненными во имя свободы. Но какъ существо опытное, слѣдовательно ограниченное, онъ все же будетъ принужденъ считаться съ необходимостью и случайностью внѣ этой сферы, а слѣдовательно и въ ея предѣлахъ въ той мѣрѣ, въ какой она зависитъ отъ постороннихъ ей условій; слѣдовательно свобода этого человѣка, какъ существа опытнаго, все же будетъ ограничена необходимостью и случайностью. Въ Богѣ же нѣтъ такого ограниченія; какъ чистый и цѣлостный, ничѣмъ не стѣсненный умъ, Онъ совершенно свободенъ; т. е., употребляя антропоморфическій способъ выраженія, Богу не приходится и задавать Себѣ вопроса, необходимо или случайно то или иное Его дѣйствіе,—ибо какъ дѣйствіе совершенно умное и всецѣло отъ Него самого зависимое оно всецѣло удовлетворяетъ Его собственное совершенно свободное рѣшеніе. Лишь для нашей рефлексіи, поскольку мы примѣняемъ къ понятію Бога не окончательныя еще категоріи сущности и субстанціи, всецѣло примиренные въ Немъ, аттрибуты необходимости и случайности выдѣляются въ своей относительной самостоятельности.

Чрезвычайно важно, однако, помнить, что необходимость и случайность, хотя всецѣло разрѣшенныя въ свободѣ Бога, остаются въ ней, какъ снятые, т. е. идеализованные моменты, слѣдовательно, какъ *возможности*, коимъ можетъ быть дана *сила реальнаго осуществленія*. Это соображеніе потребуется намъ для разрѣшенія *второго* предстоящаго нашему разсмотрѣнію вопроса,—вопроса о происхожденіи *опытнаго* изъ *сверхъопытнаго*.

IV.

1. Въ области опыта дано раздѣленіе *ума*, какъ *формы* или *закона*, и его *содержанія*. Поэтому, опытная область не можетъ быть мыслима, какъ нѣчто самообоснованное или безусловное. Какъ *цѣлое*, она имѣетъ свое основаніе въ Богѣ. Въ *элементахъ* своихъ—*умѣ* и его *содержаніи*—она *взаимно-обусловлена*, ибо умъ данъ въ ней подъ условіемъ извѣстной содержательности, а содержаніе дано не иначе, какъ оформленное закономъ ума. Въ своихъ *частяхъ*, т. е. въ част-

ныхъ закономѣрныхъ образованіяхъ (предметахъ опыта) она обусловлена ихъ зависимостью одного отъ другого, ибо каждый изъ нихъ появляется, примѣняется и исчезаетъ подъ условіемъ появленія, измѣненія и исчезанія другихъ предметовъ. Основные моменты ума—положенія, отличенія и соединенія—сохраняются и въ опытной области, при каждомъ способѣ ея разсмотрѣнія—въ ея *цѣломъ*, въ ея *элементарномъ составѣ* и въ ея *частичномъ составѣ*; но въ каждомъ изъ этихъ случаевъ они получаютъ своеобразное развитіе.

2. Именуя область опыта *міромъ*, мы можемъ сказать, что міръ есть то, что не есть Богъ, но что обосновано Богомъ. Міръ не есть Богъ, такъ какъ міръ не есть самосущій цѣлостный умъ, тожественный своему содержанію, но въ мірѣ умъ есть лишь законъ или форма инороднаго ему и даннаго ему, но не производимаго имъ содержанія. Содержаніе міра поэтому мыслится, какъ произведенное или созданное Богомъ, который, создавъ міръ, оставилъ на немъ слѣдъ Своего ума, какъ форму или законъ міра.

a. Отличіе опытнаго содержанія отъ сверхъ-опытнаго есть отличіе *реальнаго* отъ *идеальнаго*, т. е. отдѣльнаго, коснаго, сопротивляющагося единенію съ другимъ, отъ вполнѣ единаго или конкретнаго, въ коемъ всякая раздѣльность, будучи преодолѣна или снята, сохраняется лишь какъ моментъ. Было объяснено выше, что умъ, какъ законъ или форма міра, безсодержателенъ или пустъ лишь съ опытной точки зрѣнія; для умозрѣнія же онъ есть не *0* содержанія, но безконечно-малое содержаніе, чрезъ наростаніе коего въ конечныхъ предѣлахъ образуется конечное содержаніе опыта, т. е. предметы міра. Но если такъ, то казалось бы, что въ актѣ Божескаго творчества и даже въ самомъ Богѣ, какъ отличномъ отъ міра, нѣтъ нужды, такъ какъ въ мірѣ, какъ таковомъ, есть сверхъ-опытное начало, производящее его предметы; если и назвать это начало Богомъ, то этотъ Богъ есть Богъ слитый съ міромъ, Богъ, какъ законъ міра, т. е. получается взглядъ на Бога *пантеистическій*. Однако, такое рѣшеніе вопроса вызываетъ непреодолимыя затрудненія. Если Богъ есть *только* міровое начало, т. е. не имѣетъ самобытности внѣ связи съ міромъ, то слѣдовательно собственное совершенно идеальное бытіе Бога не полно, ибо оно необходимо соединено съ реальными аттрибутами міра; слѣдовательно Богъ не есть чистый конкретный умъ, но умъ опредѣленный или ограниченный реальностью, остающеюся не снятою, не идеализованною. Но при такомъ предположеніи въ мірѣ нѣтъ дѣйствительно-перваго самобытнаго основанія, ибо такимъ основаніемъ можетъ служить

лишь вполнѣ идеальное, конкретное бытіе, которое остается пребывать, хотя бы реализаціи его въ предметы опыта и не происходило.

На сказанное могутъ возразить, что это опроверженіе пантеизма справедливо лишь относительно того грубаго его вида, по которому сверхъ-опытная основа міра есть лишь какъ бы необходимо связанная съ нимъ его подкладка. Но если признано, что сверхъ-опытное начало *производитъ* опытные предметы міра, то самобытность этого начала возстановляется. Однако, позволительно спросить: производящая или творческая сила Бога связана ли *существенно* съ бытіемъ міра, т. е. это бытіе составляетъ ли существенное, необходимое опредѣленіе Бога, безъ коего Богъ какъ бы не полонъ, не завершенъ? или же Богъ какъ съ міромъ, такъ и безъ міра, одинаково полонъ и завершенъ, т. е. бытіе міра ничего не прибавляетъ къ бытію Бога, а мыслимое отсутствіе міра ничего отъ этого бытія не убавляетъ?

Если признать первое, то Богъ окажется все же связаннымъ необходимостью реализаціи міра, т. е. идеальность Бога, а слѣдовательно и Его бытіе окажутся зависимыми, ограниченными. При томъ, разсмотримъ послѣдствія такого предположенія. Богъ, какъ всеединый, всеобъемлющій, всеобосновывающій, есть *безконечно-большое* сравнительно съ міромъ или, иначе, міръ сравнительно съ Богомъ есть нѣчто исчезающее, безконечно-малое, прибавленіе или убавленіе котораго ни въ чемъ не увеличиваетъ и не уменьшаетъ содержанія Бога. Нельзя допустить такого предположенія, что Богъ *нуждается* въ мірѣ для Своего завершенія, и, стало быть, разсматриваемое предположеніе должно быть отвергнуто, какъ несогласное съ допущеннымъ ранѣе опредѣленіемъ Бога. И такъ остается, какъ возможное, лишь второе предположеніе, именно, что бытіе или отсутствіе міра совершенно несущественно для Бога, т. е., что бытіе Бога вполнѣ самобытно и самоцѣльно какъ съ міромъ, такъ и безъ міра. Но допустить такое предположеніе и значитъ отвергнуть начало пантеизма, установляющее бытіе Бога лишь вмѣстѣ съ міромъ.

b. Въ Богѣ нѣтъ никакой реальности, но есть лишь идеальная возможность всякой реальности, которая въ актѣ сотворенія міра реализуется, т. е. получаетъ отдѣльное отъ Бога, собственное бытіе. Поскольку такой отдѣльности въ Богѣ *нѣтъ*, въ Богѣ нѣтъ и міра, т. е. міръ въ своей реальности создается изъ *ничего*. Именно такой видъ причиненія и есть въ точномъ смыслѣ этого слова *созданіе* или *сотвореніе* міра, ибо если мы допустимъ, что въ Богѣ есть нѣкоторая реальность, преобразующаяся въ реальность міра, то такой актъ

будетъ преобразованіемъ, развитіемъ и т. под., но не твореніемъ. Допустивъ такое предположеніе, мы снова возвращаемся къ пантеистическому взгляду на Бога, связывая Его съ нѣкоторымъ міромъ, изъ котораго, а не изъ совершенной идеальности Бога, возникаетъ *нашъ*, данный намъ на опытѣ міръ. Такимъ образомъ актъ творчества мыслимъ лишь подъ условіемъ опредѣленія Бога, какъ начала совершенно-идеальнаго, т. е. какъ всеединаго и всецѣлаго *ума*, и всякая философія, вводящая въ понятіе Бога инородные *уму* аттрибуты, обрекаетъ себя на невозможность постичь Бога какъ творца міра.

с. Какъ несущественное для Бога, ни въ чемъ Его не измѣняющее и не восполняющее, міръ можетъ въ своемъ возникновеніи быть связанъ лишь съ присущею Богу категоріею *случайности*. Богъ не можетъ имѣть положительной *нужды* въ мірѣ, такъ какъ это значило бы, что Богъ безъ міра не полонъ или не совершенъ. Поэтому актъ сотворенія міра можетъ быть мыслимъ лишь какъ результатъ случайнаго *попущенія* Богомъ къ реализаціи одного изъ Его модусовъ. Здѣсь мы встрѣчаемся едва ли не съ труднѣйшимъ для нашей мысли вопросомъ философіи, требующимъ съ одной стороны самаго отчетливаго и послѣдовательнаго мышленія, а съ другой — яснаго сознанія его границъ. Міръ не есть Богъ, но обоснованъ или произведенъ Богомъ, при томъ произведенъ изъ ничего, т. е. сотворенъ. Этотъ актъ творенія и, какъ его послѣдствіе, бытіе міра ни въ чемъ не пополняютъ содержанія Бога, т. е. для послѣдняго несущественны. Отсюда слѣдуетъ, что сотвореніе міра не есть для Бога дѣйствіе необходимое, иначе выходило бы, что Богъ, не сотворивъ міра, не выполнилъ бы всего того, что дано въ Его природѣ, т. е. былъ бы не полонъ или не совершенъ по содержанію. Нельзя разсуждать и такъ, что этотъ актъ, хотя въ немъ снята необходимость, есть свободный *положительный* актъ, вытекающій — выражаясь антропоморфически — изъ *намѣренія* Бога сдѣлать нѣчто; ибо такое намѣреніе предполагаетъ также нѣкоторую *нужду* Бога въ мірѣ, чего мы допустить не можемъ. И такъ, остается допустить, что міръ созданъ по *случайному попущенію* Бога, какъ бы по безразличному согласію Бога на реализацію нѣкотораго Его модуса.

Самъ по себѣ такой выводъ послѣдовательно вытекаетъ изъ допущенныхъ выше посылокъ, но, казалось бы, находится въ противорѣчіи съ опредѣленіемъ Бога, какъ такого Сущаго, въ коемъ необходимость и случайность вполнѣ сняты или разрѣшены въ опредѣленіи свободы; ибо это послѣднее опредѣленіе повидимому исключаетъ

случайность, какъ самостоятельный факторъ въ Богѣ. Но надлежитъ имѣть въ виду, что „снятіе“ случайности въ свободѣ есть не *уничтоженіе* первой, а оставленіе ея въ идеальной возможности, осуществленіе коей всецѣло зависитъ отъ Бога, какъ отъ Существа свободнаго и всемогущаго. Иначе эту мысль можно выразить такъ: самое разрѣшеніе необходимости и случайности въ свободѣ есть со стороны Бога дѣйствіе свободное, т. е. отъ Него всецѣло зависитъ оставить нѣкоторый модусъ Своего процесса при одностороннемъ опредѣленіи случайности. Эта непримиренная случайность модуса становится *внутреннею необходимостью Его реализаціи*; ибо обособленный отъ свободной связи съ другими модусами, онъ становится отдѣльно сущимъ въ самомъ себѣ, т. е. отдѣльною отъ Бога реальностью, содержаніе которой не производится ею, а *дано* ей, *законъ* же которой есть сохраняющійся въ ней, но уже утратившій въ ней свою производящую силу, а остающійся лишь какъ форма, *умъ*.

Для того, чтобы дополнить это разсужденіе о возможности сотворенія міра выясненіемъ того, что сотвореніе есть не положительное дѣйствіе, а только *попущеніе* Бога, слѣдуетъ предположить, что основаніе реализаціи даннаго модуса въ міръ заключается въ *свойствѣ* самого модуса. Употребляя опять антропоморфическій способъ выраженія, мы можемъ уподобить модусы Божественной субстанціи состояніямъ человѣческаго сознанія, изъ коихъ одни таковы, что сами собою реализуются для насъ въ образы чуждой намъ вещественной природы, другія же связываются нами въ образъ нашего собственнаго существа, и мы такимъ образомъ также *попускаемъ* образованіе для насъ того внѣшняго міра, который мы образовали сами, изъ модусовъ нашего сознательнаго процесса. Правда, огромное, даже неизмѣримое различіе нашего сознательнаго процесса отъ процеса Божеской субстанціи заключается въ томъ, что члены перваго процесса не производятся нашимъ сознаніемъ, но даны ему, тогда какъ модусы второго процесса производятся и связуются во всеединство самимъ Богомъ. Но съ другой стороны Богъ, именно какъ Существо совершенно свободное и всемогущее, способенъ образовать въ своемъ процессѣ всевозможные модусы во всевозможныхъ комбинаціяхъ, а слѣдовательно и *въ различной степени непрерывности ихъ связи*. Всякое же нарушеніе непрерывности этой связи есть извѣстная степень случайности даннаго модуса, которая въ зависимости отъ свободнаго произволенія Бога можетъ быть какъ снята, такъ оставлена въ силѣ, составляя, при послѣднемъ условіи, попущеніе въ реализаціи модуса, т. е. къ созданію міра.

Возможно, что такихъ, созданныхъ Богомъ міровъ, каждый со своею особою реальностью и собственною закономѣрностью, не одинъ а множество, быть можетъ, для нашего способа измѣренія, даже безчисленное множество. Если допустить такое предположеніе, то дѣйствіе міротворенія можетъ быть антропоморфически представлено, какъ родъ игры Божественнаго воображенія, одни изъ образовъ коего остаются въ непрерывномъ слитіи съ Богомъ, другіе же содержатъ въ себѣ условія допустимой Богомъ реализаціи, т. е. отлитія въ нѣчто отъ Него обособленное, въ отдѣлившійся отъ Него міръ.

Н. Г. Дебольскій.

SPECULUM PERFECTIONIS И ЕГО ИСТОЧНИКИ.

(Speculum Perfectionis, Scripta Leonis и Speculum Леммenca).

Критическія статьи Алансона [1]), Мандонне [2]), Фалочи-Пулиньяни [3]), С. Миноккн [4]) и другихъ [5]) вполнѣ убѣдительно доказали, что Speculum Perfectionis, изданное П. Сабатье [6]) представляетъ изъ себя позднюю компиляцію, моментомъ окончанія которой должно считать 1318 годъ. Однимъ изъ наиболѣе убѣдительныхъ, но, къ сожалѣнію,

[1]) *P. Ed. Alençon*. Annales francisc. Paris 1898, 37 année n. 441, 442, p. 505—9; 558—73, итальянск. перев.— Miscell. Francesc., VII, p. 51. См. также его изданіе Челано (Roma 1906) Prolegomena c. II, p. XXIV—XLI.

[2]) *P. Mandonnet*. Revue Thomiste. Paris 1898, VI année, p. 295—311 итал. перев.—Misc. Franc., VII, p. 57. Bulletin critique 1899.

[3]) *Faloci-Pulignani*. Misc. Franc., VII. p. 3, 33 и 182, также, ib., VIII, p. 45, 1901.

[4]) *Salvatore Minocchi*. Rivista bibliographica ital. Firenze 1898, an. III, n. 18, p. 547—53, ib., p. 630—6 подъ заглавіемъ—Polemica letteraria. Ср. его Nuovi Studi sulle fonti biographiche di S. Francesco d'Assisi—Arch. Stor. ital. 1899. v. XXIV, и v. XXVI p. 219 и отдѣльно (объ этой статьѣ отзывъ Фалочи-Пулиньяни въ Misc. Franc. VII, 182).

[5]) Особенно *j. della Giovanna*. Giorn. st. della letter. ital. Torino 1898, v. XXV. p. 29—30. *Van Ortroy*. Anal. Boll. XIX, 1900, p. 58—63. *W. Goetz*. Neue Jahrbücher v. V, 1900, ср. его книгу Die Quellen zur Geschichte des Hlg. Franz v. Assisi. Gotha 1904, S. 147 fg. здѣсь S. 148, n. 2 указана литература. Изъ ближе примыкающихъ къ Сабатье должно отмѣтить *A. G. Little*. The Sources of the History of S. Francis of Assisi—The Englisch Historical Review n. 68, v. XVII, October 1902, p. 643—77 ps. итальянск. перев. Misc. Francesc. Литература указана подробно въ Misc. Franc. t. VII, p. 172, n. 1, Anal. Bolland. Bruxelles vol. XIX, 1900, p. 58—63, перев. Misc. Franc. VIII, p. 413.

[6]) Speculum Perfectionis seu S. Francisci Assisiensis legenda antiquissima auctore fratre Leone nunc primum edidit Paul Sabatier. Paris 1898, въ Collection de documents pour l'Histoire religieuse et littéraire du Moyen âge t. I.

мало поколебленныхъ критиками аргументовъ въ пользу мнѣнія Сабатье являются цитаты многихъ мѣстъ Speculi нѣкоторыми писателями-спиритуалами. Эти цитаты указаны издателемъ во введеніи подъ заглавіемъ — Témoignage de quelques-uns des écrivains qui connurent l'oeuvre de frère Léon (p. CXXXVI sq.). Здѣсь Сабатье указываетъ на Francesco Venimbeni da Fabriano (1251—1322), Angelo Clareno de Cingoli (ок. 1245 — 1337), Ubertino da Casale (1259 — 1338 ок., цитаты относятся къ 1305 и 1311 гг.), Альвара Пелагія (въ De Planctu Ecclesiae ок. 1330 г.), Варѳоломея Пизанскаго (въ Conformitates). Позже въ одномъ изъ примѣчаній во введеніи къ изданію трактата Фр. Бартоли [1]), Сабатье указываетъ еще на П. Оливи (ум. 1298). Но прежде всего ни одинъ изъ авторовъ не ссылается на Speculum Perfectionis. Ф. Венимбени [2]) говоритъ о „*dicta* fratris Leonis... et *scripta* ejus... quae recollegit *de dictis et vasa sanctissimi patris nostri Francisci*". Ан. Кларено включаетъ Льва (—vir mirae simplicitatis et sanctitatis, fr. Leo, ejusdem s. Francisci socius—) въ число лицъ, которыя „*vitam* pauperis et humilis viri Dei Francisci... scripserunt" [3]). Онъ же иногда замѣчаетъ „sicut fr. Leo *scribit*", „ut fr. Leo refert *de capitulo paupertatis*" [4]), приводя тексты, которые находятся въ Speculum. Убертино пишетъ, приводя тексты, передаваемые въ близкой формѣ и Speculum: „sicut... *fr. Leo manu sua conscripsit*" или: „Postea *dicit* s. fr. Leo", „postea s. fr. Leo *movet quaestionem*", „item *dicit* idem...", „similiter *dicit* fr. Leo", или: „*Huсusque verba s. Leonis*" [5]). Особенно интересны слѣдующія мѣста: „...Nam quod sequitur a s. fre Conrado praedicto et viva voce audivit a s. fr. Leone... Et hoc ipsum *in quibusdam rotulis manu sua conscriptis*, quos commendavit in monasterio Sanctae Clarae custodiendos... In illis autem multa scripsit... in quibus magnalia continetur de stupendis sancti... *et de intentione b. Francisci super observantiam regulae* sicut ipse... cum multo dolore audivi illos *rotulos*

---

[1]) Franc. Bartholi Tractatus Collection t. II, p. CXXXVI, n. 1. См. также *Tilemann*. Speculum Perfectionis und Legenda Trium Sociorum S. 83. Anm. 4.

[2]) Coll. I, p. CXXXVII.

[3]) Ib., p. CXXXVIII.

[4]) Ib., p. CXXXIX. Ниже Кларено пишетъ: „ex his, quae in eis narrantur (in eis, т. е. въ произведеніяхъ біографовъ), ipsius seraphici viri vocationem, conversationem, sanctitatem, innocentiam, vitam et *intentionem ejus primam et ultimam* poterit ex parte cognoscere". Ср. L. Lemmens. Doc. Ant. Franc., p. I, 1901, p. 76. 2, n. 2.

[5]) Coll. I, p. CXLII, CXLIII.

fuisse distractos et forsitan perditos: maxime quosdam et eis... [1]). Въ Responsio, приведя текстъ гл. 50, Убертино говоритъ: „*Haec sunt scripta de manu fr. Leonis*... quae ego legi et ab antiquis patribus nostris audivi, quia de hiis fui valde curiosus ab infantia"... [2]). Далѣе, приводя текстъ гл. 2, онъ пишетъ: „B. Franciscus expressit *intentionem suam et de libris et de studio*... sicut aperte patet in *dictis* fratris Leonis manu sua conscriptis..." [3]). И ниже: „Omnia... patent per *sua verba expressa quae per s... virum Leonem... tam de mandato s. p. quam... de devotione praedicti fratris* fuerunt sollemniter *conscripta in libro, qui habetur in armario fratrum de Assisio et in rotulis ejus* quos apud me habeo manu ejusdem fr. Leonis conscriptis, in quibus optime b. Francisci *intentio* quoad paupertatem *regulae declaratur* contra omnes abusiones et transgressiones... Et non sunt nec fuerunt solliciti praelati hujus ordinis sic *illum librum de intentione patris sui* diffundere"... [4]). Альваръ Пелагій цитуетъ нѣкоторые тексты, встрѣчающіеся въ Speculum, иногда прибавляя: „Legitur in *legenda antiqua* b. Francisci" [5]), „Ut in legenda antiqua continetur" [6]). Наконецъ П. Оливи пишетъ: „Unde et in *cedulis fr. Leonis*, quas de his quae de patre nostro tamquam ejus singularis socius viderat et audierat conscripsit, legitur"... за этимъ слѣдуетъ текстъ, соотвѣтствующій тексту 4 главы Speculum [7]).

Сопоставленіе этихъ цитатъ и ссылокъ со Speculum Perfectionis и съ тѣми выводами, къ которымъ приводитъ ближайшее его изученіе, позволяетъ отмѣтить слѣдующее.

Указанные авторы, за исключеніемъ Варѳоломея Пизанскаго [8]), ни разу не упоминаютъ названіе Speculum Perfectionis и тѣмъ болѣе: „Sancti Francisci Assisiensis legenda antiquissima auctore fratre Leone". Они говорятъ о произведеніяхъ Льва вообще — scripta, verba, dicta

---

[1]) Ib., CXLIII и CXLIV.

[2]) Ib., p. CXLIX сл.

[3]) Ib., p. CL.

[4]) Ib., CL.

[5]) Specul., p. 140, 19.

[6]) Speculum, p. 136, 34. Впрочемъ А. Пелагіи вѣроятно цитуетъ Челано. Весьма возможно, что Speculum ему было неизвѣстно.

[7]) L. c. это одинъ изъ главныхъ аргументовъ Сабатье: Pierre Jean Olivi, qui mourut le 14 mars 1298 et par conséquent, ne put pas voir un livre composé en 1318, cite... и т. д. Ниже мы увидимъ, какую цѣну имѣетъ это замѣчаніе Сабатье.

[8]) Варѳоломей Пизанскій цитуетъ конечно Speculum. Онъ такъ и говоритъ: Hoc habetur in Speculo Perfectionis, de paupertate II capitulo—Specul., p. 19, 30 сл. См. Index подъ его именемъ.

или указываютъ такъ сказать на внѣшній ихъ обликъ — rotuli, cedulae; liber. Послѣднее указаніе принадлежитъ Убертино. Онъ же указываетъ и содержаніе этой книги—Liber de intentione patris—, и мѣсто, гдѣ она находится—qui habetur in armario fratrum de Assisio. Ее, эту книгу, онъ совершенно опредѣленно отличаетъ отъ *rotuli* [1]), находящихся (по крайней мѣрѣ частью) въ моментъ составленія Responsionis у него [2]), а ранѣе въ монастырѣ кларниссъ [3]). Итакъ въ 1305 г. (годъ Arbor Vitae) Убертино упоминаетъ о Rotuli Льва. Видимо онъ самъ тогда ихъ еще не видалъ [4]), но слышалъ о нихъ и объ ихъ содержаніи отъ Конрада да Оффида [5]) и, вѣроятно, видѣлъ у этого послѣдняго выписки изъ нихъ (или даже копіи). Это ясно изъ того, что онъ довольно много изъ нихъ цитуетъ. Во всякомъ случаѣ онъ ясно себѣ представлялъ ихъ содержаніе [6]). Но я бы не рѣшился, основываясь на нѣкоторыхъ выраженіяхъ [7]), сказать, что уже въ 1305 г. Убертино различалъ Liber и Rotuli. Въ 1311 г. Убертино лучше знакомъ съ предполагаемыми твореніями Льва. Онъ даже обладаетъ нѣкоторыми изъ нихъ [8]) и проводитъ ясное различіе между Liber и Rotuli. Объ этихъ Rotuli (= Ceduli) зналъ и Оливи еще ранѣе, чѣмъ Убертино. На нихъ онъ указываетъ, какъ на источникъ текста, соотвѣтствующаго гл. 4 Speculi. Какъ видно изъ изданія Леммекса этотъ текстъ находится въ Liber de Intentione. Означаетъ ли поэтому цитата Оливи то, что при немъ еще не существовало Liber, или онъ также, какъ и Убертино въ 1305 г., былъ знакомъ съ произведеніями Льва лишь косвенно, это едва ли въ данный моментъ разрѣшимо. Венимбени также указываетъ на писанія (scripta) Льва о словахъ и жизни Франциска; но онъ не даетъ возможности изслѣдователю опредѣлить ближайшимъ образомъ, каково его представленіе о твореніяхъ

---

[1]) См. выше цитаты изъ Убертино. Обо всемъ этомъ см. Леммекса op. cit., p. 75—79.

[2]) ...quos apud me habeo... См. выше, стр. 105.

[3]) ...rotulis... manu sua... quos commendavit in monasterio S. Clarae custodiendos... См. выше, стр. 104.

[4]) Et hoc ipsum in quibusdam rotulis... dicitur contineri... *audivi* illos rotulos fuisse distractos: et *forsitan* perditos: maxime quosdam ex eis...

[5]) Nam quod sequitur a s. fratre Conrado... Et ego audivi a... fratre Conrado de Offida.

[6]) См. выше, стр. 104.

[7]) ...in quibus... continetur... et *de intentione b. Francisci super observantiam regulae*. Вѣроятно это указываетъ лишь на знакомство съ сочиненіями Льва.

[8]) См. выше.

Льва. Въ подобное же положеніе ставитъ насъ и Кларено; включеніе Льва въ число написавшихъ vita Франциска не позволяетъ еще думать, несмотря даже на совпаденіе Кларено съ Венимбени, о томъ, что Левъ былъ авторъ житія. Съ другой стороны своими словами — de capitulo paupertatis — Кларено позволяетъ предполагать какое то большое (болѣе или менѣе) сочиненіе, приписываемое Льву. Это упоминаніе о capitulum de paupertate можетъ имѣть нѣкоторое значеніе, если принять во вниманіе, что II Capitulum Speculi (начиная со 2-ой главы, въ I Capitulum только одна глава) называется Capitulum de Perfectione Paupertatis и что аналогичное названіе—De Perfectione Paupertatis встрѣчается въ такъ называемой Legenda Antiqua [1]).

Эти соображенія наводятъ насъ на мысль о томъ, что вышеприведенные авторы имѣютъ въ виду не Speculum Perfectionis, а какой-то другой источникъ или источники, приписываемые брату Льву. Одна близость текста не можетъ заставить насъ отожествить съ ними Speculum, тѣмъ болѣе, что Оливи и Убертино ссылаются на нихъ еще до 1318 г., т.-е. до года компиляціи Speculum [2]). Близость текста можетъ быть гораздо лучше истолкована возведеніемъ и Speculi и цитуемыхъ Убертино и другими мѣстъ къ какому нибудь общему источнику или даже выведеніемъ Speculi изъ Liber de Intentione и Rotuli Льва [3]). Изданіе Леммена [4]) дѣлаетъ неоспоримымъ это заключеніе и склоняетъ къ послѣднему предположенію. Первое интересующее насъ произведеніе, приписываемое Льву, озаглавлено [5]): Sanctissimi *Patris Nostri* Francisci *Intentio Regulae*; ipsius vera declaratio,

---

[1]) Въ другой связи я надѣюсь возвратиться къ Antiqua legenda и выяснить отношеніе этой интересной легенды къ Speculum. Къ сожалѣнію Antiqua legenda еще не издана. Этотъ пробѣлъ не можетъ замѣнить обстоятельная опись Сабатье (Coll. I. CLXXVI сл.), составленная къ тому же по далеко не блестящему списку Vatic. 4354. Ср., впрочемъ, Ms. Berlin 196 (Coll. I, CLXXXVII—краткая опись), Ms. Liegnitz 12 (Opuscules I, p. 33), Ms. Budapest 77 (Opusc. II, 97). Два послѣднихъ Ms. лучше остальныхъ. Оставляю въ текстѣ безъ вниманія Альв. Пелагія и Вареол. Пизанскаго въ виду высказанныхъ выше соображеній.

[2]) Ср. соображенія Сабатье, указанныя выше, стр. 104 пр. 1.

[3]) Конечно я имѣю въ виду частичное выведеніе. Сполна, какъ мы увидимъ ниже, Speculum на Intentio и Rotuli не сводится.

[4]) Documenta antiqua franciscana edidit fr. Leonardus Lemmens, o. f. m. pars, 1, Scripta fratris Leonis Socii S. P. Francisci. Ad Claras Aquas (Quaracchi). 1901, p. 73. B. Duo opuscula de S. P. Francisco.

[5]) Въ кодексѣ XIV в. 1/73 архива S. Isidoro. Объ немъ см. Lemmens o. c., p. 10 и p. 79 сл., 81 сл.

quam scripsit fr. Leo ejusdem socius [1]). Если сопоставить съ этимъ вышеприведенныя слова Убертино — librum de intentione patris sui... in quibus (т.-е. in libro et in rotulis) optime b. Francisci *intentio* quoad paupertatem [2]) *regulae* declaratur... et *de intentione* b. F. super observantiam *regulae*... B. Fr. expressit *intentionem* suam et *de libris et de studio* [3])—то едва ли можно будетъ усумниться въ томъ, что Убертино имѣлъ въ виду именно Liber de Intentione, изданный Лемменсомъ, хотя можетъ быть и въ нѣсколько иной формѣ [4]). Второе opusculum Льва озаглавлено: Verba, quae scripsit socius b. Francisci, videlicet fr. Leo, qui fuit vir verae simplicitatis et sanctitatis, quae ipsius regulae intentionem et sensum perfecte declarant et sincere ac fideliter manifestant [5]). Можно бы было предположить, что слова Венимбени „scripta ... *de dictis* et vita sanctissimi patris nostri Francisci" имѣютъ въ виду наши Verba..., точно также, какъ и слова Убертино „omnia patent *per sua verba* expressa, quae per s. virum Leonem"... Вѣроятно далѣе, что подъ Rotuli, Cedulae главнымъ образомъ, но не исключительно [6]), подразумѣваются Verba. Незаконченностью ихъ внѣшняго вида можно бы было объяснить и ихъ малое количество, особенно если вспомнить то, что Убертино говоритъ объ утратѣ многихъ изъ нихъ [7]). То же самое, а именно, что Убертино, Кларено и Оливи цитуютъ и имѣютъ въ виду Scripta Leonis, а не Speculum, доказывается и сличеніемъ параллельныхъ мѣстъ.

I. *Убертино да Казале: 1) Arbor vitae Crucifixae Iesu 1305 г.* [8]); *Responsio sanctissimo patri domino nostro domino Clementi divina pro-*

---

[1]) Слова ipsius vera... ejusdem socius написаны красными чернилами.

[2]) Liber de Intentione главнымъ образомъ касается Paupertas. См. ниже.

[3]) Въ Intentio §§ 5, 7, 8, 10, 11, 12 говорится о libri и о Studium. Ср. начало § 8: Et dicebat: „Multi sunt qui totum studium suum et sollicitudinem suam... ponunt in scientia". Впрочемъ, двумъ послѣднимъ текстамъ я не придаю особеннаго значенія, считая ихъ только общимъ указаніемъ на содержаніе трудовъ Льва. См. выше, стр. 106.

[4]) Я имѣю въ виду незначительныя различія текстовъ.

[5]) Videlicet fr... et sanctitatis вѣроятно позднѣйшая вставка. Первоначально въ заголовкѣ вѣроятно не стояло имя Льва.

[6]) Въ противномъ случаѣ мы впали бы въ противорѣчіе со словами Оливи.

[7]) Ср. Lemmens op. c., p. 82.—Eodem loco Ubertinus refert: „Cum multo dolore audivi illos rotulos fuisse distractos et *forsitan perditos*, maxime quosdam ex eis"; id quod confirmare videtur parvus paragraphorum numerus, qui tum in codice $^{1}/_{73}$, tum apud Clarenum habetur.

[8]) Венеціанское изданіе 1485. Не имѣя его подъ руками, пользуюсь выдержками, приведенными Сабатье (Speculum) и Леммексомъ, l. c.

videntia pape quinto tradenda [1]); 3) *Declaratio fratris Ubertini de Casali et sotiorum ejus contra falsitates datas per fratrem Raymundum procuratorem et Bonagratiam de Pergamo et sotiorum...* [2]) *въ отношенiи ихъ къ Scripta Leonis съ одной стороны и къ Speculum Perfectionis съ другой.*

1. *Intentio § 1, Speculum c. 2, Ubertino Arbor lib. V c. 3.*

Возможно прежде всего установленiе нѣсколько большей близости текста Убертино къ Intentio, чѣмъ къ Speculum.

1) *Intentio*: Frater Ricerius de Marchia Anconitana...
Ubertino Arbor: ...quum fratri Richerio de Marchiaio...
Speculum Frater Ricardus de Marca... [3]).

2)

Intentio.	*Ubertino Arbor.*	*Speculum.*
...Franciscus ... Cum quondam jaceret infirmus in palatio episcopi Assisinatis...	...quum *infirmitate* de qua mortuus est in domo *episcopi Assisinatis jaceret*...	...visitavit b. Franciscum in palatio episcopi Assisii.

Итакъ здѣсь Убертино видимо имѣетъ въ виду текстъ болѣе близкiй къ тексту Intentionis, чѣмъ къ тексту Speculi.

3)

Intentio.	*Ubertino Arbor.*	*Speculum.*
Si *vero* aliquis frater voluerit...	...Si *vero* aliquis frater voluerit...	Si *autem* aliquis frater voluerit...

4)

Intentio.	*Speculum.*
Dic mihi, Pater, *intentionem tuam* quam habes modo et credis habere usque in diem mortis suae...	Dic mihi, pater, intentionem tuam quam habuisti a principio quando coepisti habere fratres et intentionem quam habes nunc et credis habere usque ad diem mortis suae...

Несмотря на шаткость такого критерiя, не могу не указать на неловкость фразы Speculi, позволяющую видѣть въ ней развитiе фразы аналогичной фразѣ Intentionis, если не самой этой фразы.

[1]) См. Лемменсъ o. c., p. 78. *P. Ehrle.* Zur Vorgeschichte des Concils von Vienne въ Archiv für Litteratur und Kirchengeschichte des Mittelalters. III B. 1887. S. 51.

[2]) *Ehrle*, ibidem, S. 162 sq.

[3]) Это чтенiе Mz 1743; Mz 989 даетъ Rycardus. Я не склоненъ придавать особенное значенiе этому мѣсту. Ср. слова Сабатье—Ricardus est évidemment le lapsus d'un copiste septentrional, puisque plus loin, ce frère sera appelé Rigerius comme le veulent, au reste, toutes (? Л. К.) les sources. Къ сожалѣнiю я не могъ посмотрѣть въ кодексы итальянской группы. Vatic. 4354 и Spec. 1509 даютъ чтенiе Intentio.

Къ нѣсколько болѣе прочнымъ результатамъ приводитъ изслѣдованіе послѣдовательности изложенія.

§ 1 Intentionis передается въ Speculum полностью съ нѣкоторыми несущественными различіями текста. Но затѣмъ въ той же самой главѣ Speculum даетъ и § 4 Intentionis, непосредственно присоединяя его къ § 1 [1]). §§ 2 и 3 Intentionis извѣстны компилятору Speculum: онъ даетъ ихъ текстъ въ гл. 26, гдѣ присоединяются еще нѣкоторыя новыя фразы. Если мы теперь обратимся къ Убертино, то увидимъ, что онъ передастъ все въ томъ же порядкѣ, какъ и Liber de Intentione. Сначала § 1 этой послѣдней, потомъ § 2 и часть § 3. Послѣднюю часть третьяго онъ опускаетъ и переходитъ къ четвертому [2]). Порядокъ тотъ же, что и въ Intentio, только выпущено около 9 строкъ изъ § 3, но Убертино и не былъ обязанъ цитировать безъ пропусковъ, надо, напротивъ, удивляться незначительности пропуска.

2. Intentio § 5. Speculum c. 3. Ubertino Declaratio (*Archiv III. S. 177*).

Intentio.	*Ubertino.*	*Speculum.*
Exemplum cujusdam ministri.	Et ponitur ibi *exemplum de quodam* provintiali *ministro*, qui...	Qualiter respondit ministro volenti habere libros de licentia ejus...
„Frater! non debeo nec possum venire contra conscientiam meam et professionem Sancti Evangelii, quam professi sumus“.	*Frater* nec *debeo nec possum venire contra conscientiam meam et* perfectionem *S. Evangelii, quam professi sumus*“.	„Nec volo, nec debeo nec possum venire contra conscientiam meam et *perfectionem* S. evangelii quam professi sumus“.
„Vos Fratres Minores ab hominibus vultis	„*Vos fratres minores ab* hominibus vultis videri	„Vos vultis videri ab hominibus fratres Minores

[1]) *Intentio.* 1. Frater Ricerius de Marchiaio... cum cingulo et femoralibus. 2. Unde quadam vice dixit: „Religio et vita Fratrum Minorum... „Fili mi! factum est quod postulasti. 3. Unde dicebat b. Franciscus, quod ideo voluit Dominus... ipsum solum altissimum et gloriosum“. 4. Si vero aliquis frater voluerit dicere, cur b. Franciscus tempore suo... et consulabatur spiritus ejus.

Speculum. Frater Ricardus de Marca... cum cingulo et femoralibus. Si autem aliquis frater voluerit dicere, cur b. Franciscus tempore suo.. et consolabatur spiritus ejus.

[2]) Qualis fuerit intentio Francisci... „Leo manu sua conscripsit. Interrogavit autem... Dic mihi pater... cum cingulo et femoralibus. Haec est responsio sancti; postea dixit s. frater Leo, quod b. Franciscus dixit, sicut per revelationem acceperat quod religia fratrum minorum est quidam pusillus grex... factum est quod postulasti“. Unde dicebat b. Franciscus, quod ideo voluit Dominus... venturam in ecclesia sua. Postea s. fr. Leo movet quaestionem dicens: Si vero aliquis frater voluerit... et consolabatur spiritus ejus.

vocari et videri observatores Santi Evangelii et in operibus habere loculos".

et vocari *observatores S. evangelii et in operibus* vultis habere loculos".
(Ср. Responsio, Archiv. III. S. 75).

et vocari observatores S. evangelii, operibus autem *vultis habere* loculos".

Изъ сопоставленія ясна бо́льшая близость Убертино къ Intentio, чѣмъ къ Speculum. Только въ словѣ perfectio и въ vultis послѣдней цитаты Убертино ближе къ Speculum. Но это легко объяснимо тѣмъ, что у насъ не первоначальный текстъ Intentio.

3. Intentio §§ 7, 8, 9, 10, 11 и 12. Speculum c. 4. Ubertino Arbor lib. V, c. 3; Declaratio (Archiv III. S. 177). Olivi.

Сопоставленіе текста не приводитъ къ прочнымъ выводамъ [1]). Указываю на одно, кажущееся мнѣ аргументомъ въ пользу пріоритета Speculum, обстоятельство.

Intentio § 10 разсказываетъ о томъ, какъ новицій пришелъ къ Франциску и говоритъ ему: „Pater! mihi magna consolatio esset habere psalterium sed licet generalis illud concedere mihi vellet, volo illud habere de conscientia". Cui b. Franciscus dedit tale responsum dicens: „Carolus imperator, Rolandus et Oliverius et omnes palatini et robusti viri, qui potentes fuerunt in proelio persequentes infideles cum multo sudore et labore usque ad mortem, habuerunt de illis gloriosam et memorialem victoriam et ad ultimum ipsi facti martyres mortui sunt pro fide Christi in certamine; et multi sunt, qui sola narratione eorum, quae illi fecerunt, volunt recipere honorem et humanam laudem".

„Alia vice... ipse iterum locutus est ei de psalterio..." Смыслъ притчи ясенъ—герои совершали подвиги, а другіе тщатся, не совершивъ ихъ,

---

[1]) *Intentio.*

„Vade et facias illud, sicut dixerit tibi minister tuus"...

„Mea culpa; cum, quicumque vult esse Frater Minor, non debet habere nisi tunicam. sicut regula concedit sibi, et femoralia et qui necessitate coguntur, possint portare calceamenta".

Ubertino Declaratio.

„Vade et facias de hoc, sicut dixit tibi minister tuus"...

„Mea culpa, mea culpa frater; quoniam quicunque vult esse frater minor, non debet habere nisi tunicas, sicut regula sibi concedit, et *femoralia*, et qui necessitate coguntur, possunt *portare* calceamenta".

Speculum.

„Vade et facias *de hoc* sicut dicet tibi minister tuus"...

„*Mea culpa, frater, mea culpa*, quia quicunque vult esse frater Minor non debet habere nisi tunicam *) sicut regula *sibi concedit* et cordam et femoralia et qui manifesta necessitate coguntur calciamenta".

*) Vatic. 4354 и Spec. 1509, tunicas.

стяжать славу и людскую похвалу однимъ разсказомъ объ ихъ дѣяніяхъ. Такъ и святые исполняли обѣты, другіе же носятъ псалтыри, т.-е., не исполняя обѣтовъ, хотятъ слыть святыми. Послѣ такого отвѣта намеками естественно со стороны новиція обратиться къ Франциску еще разъ съ той же просьбой, что онъ дѣлаетъ въ § 11. Speculum передаетъ приблизительно тѣми же словами вопросъ Новиція и отвѣтъ Франциска, но послѣ словъ et humanam laudem оно прибавляетъ поясненіе притчи, вкладывая его въ уста самого Франциска—Ita et inter nos sunt multi qui solum recitando et praedicando opera quae sancti fecerunt volunt recipere honorem et laudem ac si diceret non est de libris et scientia sed de operibus virtuosis quia *scientia inflat et caritas aedificat* (1 Cir. 8, 1). Post autem aliquot dies... idem novitius iterum locutus est... Какъ мы видимъ, Speculum нѣсколько иначе, чѣмъ сдѣлали это мы, толкуетъ притчу—„Такъ и у насъ святые совершаютъ подвиги, а другіе читаютъ о нихъ и проповѣдываютъ и стремятся этимъ добыть славу". Но вѣдь это не относится къ данному случаю—новицій проситъ псалтирь не потому, что хочетъ проповѣдывать (ему сразу проповѣдывать и не дадутъ), и не потому, что хочетъ читать о подвигахъ святыхъ: объ этихъ подвигахъ въ псалтыряхъ нѣтъ ни слова. Ему просто пріятно имѣть псалтырь и можетъ быть даже еще пріятнѣе вездѣ показываться съ этимъ псалтыремъ. Это и подмѣчаетъ Францискъ, указывая ему, что, нося псалтырь, онъ нарушаетъ обѣтъ (не совершаетъ подвига) и что благодаря этому святымъ онъ не будетъ. Вѣроятно и самъ компиляторъ понималъ неловкость своего объясненія, почему и прибавилъ за свой счетъ — ac si diceret...—фразу, совершенно не подходящую къ данному случаю и выдающую полное ея непониманіе, которое заставило бы и его, будь онъ на мѣстѣ новиція, еще разъ обратиться къ Франциску съ тѣмъ же вопросомъ.

Въ общемъ изложеніе вышеназванныхъ §§ въ Intentio и Speculum нѣсколько отлично. Въ § 7 Intentio начинаетъ приблизительно также, какъ и Speculum, но послѣ 8 строкъ уже отклоняется отъ текста Speculi, передавая то, что частью находится въ главѣ 72 Speculum (p. 142), хотя и въ нѣсколько отличающейся версіи [1]), и въ еще болѣе отличномъ видѣ въ главѣ 73 [2]). Далѣе текстъ Intentionis и Spe-

---

[1]) *Intentio* § 7, начиная со словъ — sed voluit et fratribus praedicabat, ut... §§ 8 и 9, кончая coram ministro et aliis fratribus *Speculum* c. 72, p. 142.

[2]) *Intentio* § 9, съ Unde omnes fratres... до конца *Speculum*, c. 73, p. 146.

culi совпадаетъ вновь [1]), уже до конца. Ту же послѣдовательность, что въ Intentio, мы встрѣчаемъ у Убертино въ Arbor [2]), съ тѣми же отступленіями, соотвѣтствующими главѣ 72 и 73 Speculi, и только съ незначительными пропусками [3]) и краткой передачей двухъ вопросовъ новиція [4]). Важно отмѣтить и то, что въ части текста, помѣщенной компиляторомъ Speculi въ главѣ 72 и 73, Убертино гораздо ближе къ Intentio [5]). Принявъ во вниманіе даты Speculum (1318) и Arbor Vitae (1305) можно съ полной увѣренностью сказать, что Intentio даетъ намъ болѣе древнюю версію текста, чѣмъ Speculum [6]), и вполнѣ допустимо предполагать упрощеніе этого текста компиляторомъ Speculi [7]). Разсужденія, вкрапленныя въ разсказъ о новиціи, не подходили подъ Capitulum de Perfectione Paupertatis, ибо въ нихъ говорится о scientia, проповѣди (§ 7), о молитвѣ и размышленіи, какъ главныхъ цѣляхъ братьевъ (§ 8), о вліяніи примѣромъ своей жизни (§ 9), но ни слова о paupertas. Къ тому же отъ сокращенія разсказъ только выигрывалъ въ живости, интересѣ и связности. Кажется даже, что можно усмотрѣть слѣды передѣлки.

Intentio § 7 ...sed ille nolebat illud habere nisi prius haberet inde licentiam a b. Francisco, maxime quia audierat, quod *b. F. nolebat quod fratres essent cupidi de scientia et libris, sed voluit et fratribus praedicabat ut studerent...*

Specul. c. 4 ...quia audiebat, quod *b. F. volebat fratres suos non*

---

[1]) *Intentio* §§ 10, 11 и 12. *Spec.* съ 4, до конца.

[2]) См. примѣчанія Ломменса p. 88 — 94. Сабатье невѣрно указываетъ въ прим. на стр. 14 l. 28, сл. на то, что 69 гл. Spec. соотвѣтствуетъ разсматриваемой части Убертино. Вмѣсто нее надо указать на гл. 73.

[3]) См. Lemmens l. c. p. 90, n. 1; ib., n. 2., ib. p. 94, n. 2.

[4]) Post verba illa dicit. S. frater Leo quod *bis in duobus locis cum mirabilibus modis*, quos omitto. negavit licentiam uni novitio tenendi psalterium in secunda vice dixit illi novitio: Ego jam. Intent. § 11.

[5]) Lemmens ib., p. 91, n. 6.—Spec. haec. cap. 73, liberius proponit, Ub. et coil conveniunt.

[6]) Интересно, что съ Intentio и Убертино совпадаетъ и Antiqua legenda (Vatic. 4854), вѣроятно возникшая въ этой своей части (Liber Friderici?) ранѣе 1318 г. О совпаденіи см. Speculum p. 13, n. 1 pss. о самой Antiqua legenda — Speculum CLN сл. CLXXVI сл. описаніе Ms. Vat. 4354, описаніе другихъ — Ms. Berlin 196 ib. p. CLXXXVII; Loegints 12 opuscules I, p. 3?; Budapest 77, ib., II, 97). Неудачныя соображенія Сабатье въ Opuscules I, p. 64 sg. — S. Francisci legendae veteris fragmenta quaedam.

[7]) Здѣсь я еще не предполагаю, что Intentio легло въ основу Speculi; сейчасъ намъ важенъ лишь текстъ §§ 7—12.

esse cupidos de scientia et libris non cententabatur illud habere sine licentia b. Francisci.

Specul. c. 72. Nolebat pater sanctissimus fratres suos esse cupidos de [1]) *scientia et libris* sed volebat et praedicabat eis ut studerent...

Мнѣ не кажется возможнымъ объяснить это совпаденіе въ главахъ 4 и 72 иначе, какъ предположивъ, что компиляторъ Speculi, видя передъ глазами текстъ §§ 7—12 Intentio и редактируя, его часть отложилъ для того, чтобы включить ее въ Capitulum de Perfectione Sanctae Humilitatis et Obedientiae in seipso et in fratribus въ главѣ 72, гдѣ и повторилъ уже приведенный имъ текстъ [2]).

4. *Intentio § 3 Specul. c. 71 Ubertino Arbor lib. V, c. III (f. 214)* [3]).

1) Intentio вмѣстѣ съ Убертино (косвенно и съ Кларено) локализируетъ эту главу и тѣмъ самымъ дѣлаетъ возможнымъ ея датировку [4]), чего мы не найдемъ въ Speculum..

2) Intentio и Убертино передаютъ этотъ § 13 (по счету перваго) сейчасъ послѣ § 12 (= c. 4 Spec.), Speculum, какъ мы знаемъ, эти §§ Intentionis разбиваетъ (гл. 4 и 71!).

5. *Intentio §§ 14, 15, 16. Specul. c. 11, Ubertino Arbor. (214 b.)* [5]).

Здѣсь опять мы встрѣчаемся съ большею близостью Убертино къ Intentio, чѣмъ къ Speculum.

1) § 14 (не весь) Убертино даетъ въ версіи Intentionis, Speculum кой гдѣ отклоняется [6]).

2) Въ § 16 Speculum не передаетъ послѣднихъ 4-хъ строкъ Inten-

---

[1]) „de" беру изъ Cod. Mz. 989.

[2]) См. Сабатье Specul. p. 14, 28 сл. Le texte connu et cité par Ubèrtin de Casal, Arbor (l. c.) ainsi que par le Vatic. 4354, est un pastiche des chapitres 4, 69 (?—73) et 72 du Spec. Perf. ou sont développées des idées analogues. De nouveau ici éclate la haute antiquité du Spec. Perf. car si on comprend trés bien (?) que de ces trois chapitres on ait fait un pastiche, on ne saurait imaginer le contraire (почему?) et comment de ce pastiche on aurait pu tirer les trois chapitres d'une vive allure que nous avons dans notre document.

[3]) См. примѣчанія Сабатье къ гл. 71.

[4]) *Intentio* —Cum maneret in eodem palatio infirmus b. Franciscus...

Ubertino — Item narrat idem fr. Leo quod dum pater sanctus jaceret *in palatio* de quo supra dictum est *infirmus*.

A. Clareno—In tantum ante mortem b. Francisci... mala creverunt... *vacare et renuntiare offitio fratrum*, quod cum *fecisset*...

[5]) См. Spec., p. CXLIII. 9.

[6]) „Ub. n. 14, habet uti supra; Spec. cap. 11 (pag. 26 lin. 4 — pag. 28 lin. 3) nonnula aliter exhibet". — Lemmens l. c. p. 98 n. 1.

tionis, Убертино ихъ даетъ и заканчиваетъ свое изложеніе словами: Hucusque verba sancti Leonis [1]).

3) Убертино приводитъ эти §§ Intentionis сейчасъ же за его § 13, соблюдая послѣдовательность оригинала; Speculum передаетъ, какъ мы видѣли § 13, въ главѣ 71, а § 14, 15 и 16 помѣщаетъ послѣ главы 10, не имѣющей ничего общаго съ Intentio.

Итакъ, и ссылки Убертино и другихъ авторовъ и цитаты приводятъ къ необходимому заключенію о томъ, что Убертино ссылался на Intentio, которое онъ зналъ уже въ 1305 году настолько хорошо, что, цитируя, сохранялъ порядокъ §§ оригинала, а въ 1311 году онъ его уже видѣлъ и во всякомъ случаѣ зналъ его непосредственно. Нѣтъ основаній сомнѣваться, что изданное Лемменсомъ Intentio только въ мелочахъ можетъ отличаться отъ того, которымъ пользовался Убертино и о которомъ онъ писалъ. Такимъ образомъ это Intentio существовало ранѣе 1318 г., года компиляціи Speculi, слѣдовательно и текстуальную близость этихъ двухъ источниковъ позволительно разрѣшать въ томъ смыслѣ, что Speculum черпало изъ Intentionis, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя данныя прямо и указываютъ на это [2]). Совершенно же ясно это становится при попыткѣ выяснить вліяніе Intentionis на планъ второго Capitulum Speculi, къ чему я надѣюсь возвратиться въ другомъ мѣстѣ. Конечно, Intentio не дошло до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ и текстъ кодекса S. Isidoro [3]) отличается отъ того, которымъ пользовался Убертино, и отъ того, который, какъ я надѣюсь показать, легъ въ основу II capitulum Speculi Perfectionis, хотя все говоритъ за то, что въ нашемъ кодексѣ текстъ Intentionis подвергся только внѣшнимъ несущественнымъ измѣненіямъ, но очень вѣроятно, что Ms. компилятора Speculum, въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ частяхъ, былъ ближе къ Убертино, чѣмъ нашъ текстъ и этимъ можно объяснить совпаденія Speculi и Убертино, отличающіяся отъ текста cod. S. Isidoro. Впрочемъ, надо сказать, такіе случаи очень рѣдки [4]).

---

[1]) См. Lemmens l. c., p. 99, n. 3 и 4.

[2]) См. выше.

[3]) См. выше.

[4]) См. выше. Сюда можно прибавить 1) *Intentio* § 16 ...quando scripsit regulam et *fecit* omnia alia..." *Ubert.* и *Spec.* ...regulam et *fere* omnia... 2) *Int.* § 16 ...fratres ex *sublimitate* et providentia suae scientiae. *Ubert*... fratres ex *auctoritate* et... *Speculum*... ex *auctoritate* suae scientiae et falsae providentiae... Lemmens l. c. p. 87 n 4 (cp. p, 77); p. 98 n. 3 p. 99 n. 2 и другіе примѣры ibidem passim.

При совпаденіи Speculi и Intentionis необходимо или сводить одно на другое или возводить ихъ къ общему источнику. Общій источникъ могъ существовать или до 1305 года или послѣ. Если до, то лучше всего отожествить его съ Intentio, придя такимъ образомъ къ первой возможности, ибо тому, что онъ представлялъ изъ себя тотъ же матеріалъ въ иной формѣ (напр., въ отрывкахъ Legenda trium Sociorum), противорѣчитъ ссылка Убертино на Liber de Intentione и порядокъ его цитатъ, воспроизводящій порядокъ изложенія Intentionis и при такомъ предположеніи зависимость Убертино отъ Intentio неоспорима. Признаніе въ Intentio источника Speculi находитъ въ такомъ случаѣ себѣ прочную основу, вѣдь Speculum появилось послѣ сочиненія Убертино. А то, что между Speculum и Intentio гораздо больше пунктовъ соприкосновенія (хотя бы въ гл. 3 и 4 и другихъ), чѣмъ между каждымъ изъ нихъ и Убертино, устраняетъ возможность вліянія Intentionis черезъ посредство Убертино. Наконецъ, въ пользу того же говоритъ изслѣдованіе вліянія Intentionis на планъ части Speculi, результаты котораго я надѣюсь изложить въ другомъ этюдѣ. Можно далѣе, переходя къ предположенію о появленіи Intentio послѣ Убертино, предположить, что Intentio, являясь источникомъ Speculi (что по вышеуказаннымъ причинамъ отрицать нельзя), само должно быть возведено къ Убертино. Подробное разсмотрѣніе этого вопроса выходитъ за рамки настоящей статьи, укажу только кратко на главные аргументы противъ такой попытки. 1) Она предполагаетъ полное недовѣріе къ совершенно опредѣленнымъ заявленіямъ Убертино. 2) О твореніяхъ Льва, кромѣ Убертино упоминаютъ и другіе, хотя и не давая ихъ заглавія (Оливи, Анжело Кларено, Ф. Венимбени), и цитуютъ то, что находится въ Intentio и частью у Убертино. 3) Созданіе изъ цитатъ Убертино цѣлаго, относительно связнаго сочиненія предполагаетъ большую и трудную работу (не забудемъ, что цитаты должны были черпаться изъ 3-хъ произведеній—Arbor, Responsio и Declaratio, при чемъ послѣднія два едва ли могли быть очень распространены), слѣдовъ которой не замѣтно. 3) Нѣтъ никакихъ положительныхъ аргументовъ въ пользу такого мнѣнія, если не считать таковымъ мнимую лживость Убертино [1]). Итакъ, едва ли можно сомнѣваться, что Intentio источникъ Speculi, и крайне невѣроятно предположеніе, что Intentio появилось послѣ 1305 года.

[1]) См. *Goetz*, Die Quellen zur Geschichte des hl. Franz von Assisi. 1904. S. 153. *Knoth*, Ubertino von Casale. Marburg 1903. S. 50. *Sabatier*, Speculum p. CXX.

II. Verba S. P. Francisci [1]) *въ отношеніи ихъ къ Speculum и цитирующимъ ихъ авторамъ.*

1. *Verba § 1. Speculum c. 12 Angelo Clareno, Expositio regulae* fol. 43 a [2]).

Текстъ не даетъ возможности дѣлать заключенія о пріоритетѣ Speculi или Verba, но болѣе вѣроятно, что Кларено имѣетъ въ виду не Speculum неизвѣстнаго компилятора, а Verba, приписываемыя Льву, когда пишетъ—Unde, *sicut fr. Leo scribit*, b. Franciscus volebat...

2. *Verba § 2. Speculum c. 13, Angelo Clareno, Expositio.*

Здѣсь тоже трудно дѣлать какіе-нибудь выводы. Но надо думать, что Кларено ближе къ Scriptia Leonis, передавая вмѣстѣ съ послѣдними отвѣтъ Бога въ косвенной рѣчи, тогда какъ Speculum дѣлаетъ это въ прямой [3]).

3. *Verba § 4, Speculum c. 1, Bonaventura c. IV* [4]), *Actus in Valle Realina* [5]). *Ubertino Arbor, Clareno Expositio.*

Убертино и Кларено цитуютъ этотъ отрывокъ и цитата перваго въ Arbor vitae свидѣтельствуютъ въ пользу существованія его до 1318 г. Сличеніе текста многаго намъ не даетъ.

1) *Verba.*	*Speculum.*
Cum b. Franciscus esset in quodam monte cum fratre Leone de Assisio et fratre Bonizo de Bononia ad faciendam regulam,	Postquam (vero) secunda regula quam fecit b. Franciscus perdita fuit, ascendit in quendam montem cum fr. Leone de Assisio

---

[1]) Леммensъ, o. c., p. 100—106.

[2]) См. Леммensъ, o. c., p. 100, n. 2.

[3]) *Verba*—qui statim respondit, quod omnia auferret in speciali et in communi dicens, quod ista est familia sua, cui semper esse paratos providere, quantucumque cresceret, quod et semper eam foveret, quamdiu in ipso speraret. *Speculum*—qui statim respondit dicens: „Ego auferam omnia in speciali et in communi; huic enim familiae semper ero paratus providere quantucumque crescat et semper eam fovebo quamdiu sperabit in me“.

[4]) Seraphici doctoris S. Bonaventurae Legendae duae de vita S. Francisci Seraphici editae a p. p. Collegii S. Bonaventurae. Ad Claras Aquas (Quaracchi) 1898. Отрывокъ Бонавентуры приведенъ Сабатье—Speculum, p. 253 (см. вообще его Etudes speciales de quelques chapitres à Ch. I—La composition de la règle. Ibid., p. 249 сл. Также Collection, II, p. 126; Opuscules, III, p. 91 note. См. Goetz, o. c. S. 158 и сл.).

[5]) Speculum, l. c., p. 254, 255 сл.

quae perdita erat, quam Christo docente conscribi fecit, congregati...	et fr. Bonizo Bononia ut faceret aliam regulam quam Christo docente scribi fecit. Congregati...

Въ началѣ главы Speculum, вполнѣ согласно съ Nota передъ Intentio, различаетъ три устава [1] и относитъ описываемый эпизодъ къ третьему изъ нихъ (къ одобренному Гоноріемъ?) [2], тогда, какъ Verba относитъ его ко второму, впослѣдствіи потерянному. И если мы обратимся къ Бонавентурѣ, имѣвшему подъ рукой источники близкіе, если не тожественные съ такими же Verba и Speculi, мы увидимъ, что онъ подтверждаетъ версію Verba.

Bonav. IV [3],—... In *montem quendam cum duobus sociis*, spiritu sancto docente, conscendit, ubi ... *conscribi eam* (т. е. regulam) fecit, secundum quod oranti sibi divinus Supiritus suggerebat [4]. Quam cum, de monte descendens, servandam suo Vicario (т. е. Ильѣ) commisisset, et ille paucis elapsis diebus, assereret per incuriam *perditam*; iterato sanctus vir ad locum solitudinis rediit eamque instar prioris, ac si ex ore Dei verba susciperet, illico reparavit, et per supradictum dominum Papam Honorium octavo pontificatus illius anno, sicut optaverat, obtinuit confirmari.

Только первая часть приведеннаго отрывка Бонавентуры (до словъ: iterato vir...) соприкасается съ нашими текстами. И нельзя сказать, что одинъ и тотъ же фактъ Verba относятъ къ моменту, соотвѣтствующему первой части Бонавентуры, а Speculum—второй. Этому противорѣчитъ: 1) то, что два товарища упомянуты Бонавентурой въ первой части; 2) то, что только первая часть Бонавентуры текстуально близка къ Verba и Speculum [5]. Слѣдовательно тексты Spe-

---

[1] B. Franciscus fecit tres regulas, scilicet illam, quam confirmavit sibi papa Innocentius sine bulla; postea fecit aliam breviorem et hacc perdita fuit; postea illam, quam papa Honorius confirmavit cum bulla de qua regula multa fuerunt extracta per ministros contra voluntatem b. Francisci. Postquam и далѣе какъ въ текстѣ. Ср. Lemmens, o. c., p. 83.—Et nota, quod b. Franciscus fecit tres regulas...

[2] Мнѣ неясно, почему Гётцъ, o. c., S. 159 видитъ въ Speculum указаніе на 4 устава—... der Eingangssatz mit der Angabe über die drei (*oder vielmer vier*) verschiedenen Regeln.

[3] Editio citata, p. 43.

[4] По контексту и по тому, что говорится дальше, ясно, что Бонавентура имѣетъ въ виду второй, потерянный уставъ.

[5]

Verba.	*Speculum.*	*Bonaventura.*
Cum b. Franciscus esset	b. Franciscus ... *ascendit*	... *in montem quendam*

culi и Verba имѣютъ въ виду тотъ же фактъ, что и Бонавентура въ первой части приведеннаго отрывка и такимъ образомъ Бонавентура подтверждаетъ пріоритетъ Verba. Весьма важнымъ для исторіи такъ называемаго зилотскаго преданія является вопросъ объ отношеніи между нимъ и Бонавентурой. Самъ Бонавентура и другіе источники указываютъ на близкое отношеніе его къ товарищамъ Франциска и на извѣстность ему нѣкототорыхъ ихъ произведеній.

1. ... illa legenda quae facta est per Generalem sit compilata *pront ipse habuit* ab ore *eorum qui cum B. Francisco quasi semper fuerunt et cuncta certudinaliter sciverint* et probata ibi sint posita diligenter [1]).

2. ... vitae illius virtutes, actus et verba quasi *fragmenta quaedam partim neglecta partimque dispersa, quamquam plene non possem, utcumque colligerem,* ne morientibus his qui cum famulo Dei convixerant, deperirent [2]).

3. Ut igitur vitae ipsius veritas ad posteros transmittenda certius mihi constaret et clarius, *adiens locum originis,* conversationis et transitus viri sancti, *cum familiaribus eius adhuc superviventibus* collationem de his habui diligentem, et maxime *cum quibusdam, qui sanctitatis eius et conscii fuerunt et sectatores praecipui, quibus propter agnitam veritatem probatamque virtutem fides est indubitabilis adhibenda* [3]).

Между Бонавентурой и Verba можно себѣ представить слѣдующія отношенія или 1, Бонавентура бралъ изъ сочиненій ближайшихъ учениковъ, а Verba изъ Бонавентуры, или 2, Verba изъ сочиненій ближайшихъ учениковъ, а Бонавентура изъ Verba, или 3, и Verba и

---

in quodam monte cum fr. Leone...	*in quemdam montem* cum fr. Leone...	*cum* duobus sociis *conscendit...*
... quam *Christo docente conscribi fecit...*	... quam *Christo docente conscribi fecit.*	... *Spiritu sancto ducente,* conscendit... *conscribi cam fecit* secundum quod oranti sibi *divinus spiritus suggerebat.*

„Francisce, nihil est in regula de tuo sed totum est meum, quidquid ibi est (Spec.-est ibi)“... и выше: „Domine! nonne bene dixi tibi, quod non crederent tibi (Spec.-mihi)?“.

[1]) Постановленіе собора 1266 г. въ Парижѣ. Цитую по Алансоновскому изданію Челано, р. XXII; см. XXIII, п. 1. Ср. Сабатье, Vie de S. François d'Assise 31 édition, p. LXXXIV сл.

[2]) Bonaventura edit. citata, prologus 3, p. 4.

[3]) Ibidem 4, p. 4. См. Goetz, o. cit., S. 215 сл.

Бонавентура изъ общаго источника — сочиненій ближайшихъ учениковъ, или 4, можно вторую возможность видоизмѣнить, отожествивъ Verba (я все время имѣю въ виду лишь § 4 Verba и соотвѣтствующій отрывокъ Бонавентуры) съ сочиненіями ближайшихъ учениковъ. Послѣдняя возможность вызываетъ большія сомнѣнія. Принявъ ее, мы должны будемъ признать лжецами ближайшихъ учениковъ святого и это обвиненіе, думается, нельзя устранить соображеніями, подобными тѣмъ, какія высказалъ въ своемъ изданіи Сабатье [1]); тѣмъ болѣе, что тогда эту ложь мы принуждены отнести въ довольно раннюю эпоху, когда еще живы были хоть нѣкоторые изъ министровъ, присутствовавшихъ при разговорѣ Франциска съ Богомъ, и когда еще едва ли изгладилась память о реальной обстановкѣ составленія второго устава. Едва ли возможно при настоящемъ состояніи источниковъ отвѣтить на поставленные выше вопросы. Постараюсь указать только на нѣсколько намековъ, говорящихъ противъ заимствованія § 4 Verba изъ Бонавентуры. 1. Бонавентура даетъ новыя подробности, отсутствующія въ Verba и Speculum. Я имѣю въ виду приведенную выше вторую часть его разсказа о потерѣ устава и составленіи святымъ новаго. 2. Въ этой же части Бонавентура обвиняетъ въ потерѣ Илью [2]) и мало вѣроятно, чтобы поздній компиляторъ, имѣвшій передъ глазами такое опредѣленное указаніе, не только его выкинулъ, но и развилъ первую часть разсказа такъ, что виновникомъ протеста противъ устава являются не Илья, а министры [3]). 3. Гораздо

[1]) Le Speculum et saint Bonaventure ont voulu dire, avec le langage de leur temps, leur admiration pour la règle. Voir dans des récits autre chose que l'expression symbolique de leurs sentiments, c'est se refuser à traduire leur style médiéval en style moderne... Méconnaitre ces nuances, vouloir traiter des récits poétiques comme s'ils étaient vrais au pied de la lettre, c'est préparer peu à peu à donner les légendes pour de l'histoire. Là est le mal; la légende est aussi légitime que la poésie, sa soeur; ce qui est illégitime, c'est de la donner pour ce qu'elle n'est pas. Speculum, p. 261. Cp. Götz. o. c. S. 158 sq. passim, особенно: Man hat drei Möglichkeiten: die Berufung auf Leo est eine Fälschung (Гётцъ имѣетъ въ виду Codex Foligno:... loquor ego qui scripsi haec, scilicet fr. Leo)... oder es handelt wirklich um eine Mitteilung Leos—dann bleibt nichts anderes übrig, als ihm den tätigsten Anteil bei der Umbildung der Geschichte zur Sage zu zuschreiben; oder eine Mitteilung Leos ist überarbeitet worden ohne dass die Berufung auf Leo eingeschränkt wurde. Mit bestimmsen Gründen ist die Frage nicht zu entscheiden, obwohl man fur alle drei (?) Möglichkeiten manherlei anführen kann... Ср. также Сабатье Coll., II, p. 126 и Opuscules, III, p. 91 note.

[2]) Это отмѣчено уже Сабатье. Specul., p. 253,

[3]) Это было бы возможно, если бы компиляторъ стремился оправдать Илью отъ

естественнѣе предположить опущеніе именъ товарищей Франциска Бонавентурою, чѣмъ позднѣйшую вставку; къ тому же одинъ изъ нихъ, Бонизъ изъ Бононіи, мало извѣстенъ [1]). 4. Наконецъ, Verba и Speculum соприкасаются только съ первою частью отрывка Бонавентуры и передаютъ довольно обстоятельный разсказъ совершенно самостоятельно. 5. § 4 Verba—единственное мѣсто Scripta Leonis, имѣющее аналогію въ Бонавентурѣ.

4. Verba § 5, Speculum c. 68.

Текстъ почти дословно совпадаетъ. Эту главу цитуетъ А. Кларено.

Вышеприведенныя соображенія (ихъ, при желаніи легко дополнить и углубить) доказываютъ, что существовавшія въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка Scripta Leonis являются источникомъ нѣкоторыхъ главъ Speculum. Уже выше я оговорился, что допускаю возможность нѣкотораго измѣненія ихъ текста (хотя и незначительнаго) съ того времени, когда имъ пользовался компиляторъ Speculi, до того, когда онѣ попали въ Codex S. Isidoro $^{1}/_{73}$. Поэтому возможно, что та или иная фраза Speculi иногда можетъ дать болѣе древнюю версію текста, чѣмъ соотвѣтствующая фраза кодекса. Но это нисколько не можетъ поколебать нашихъ выводовъ [2]). Въ виду того, что Intentio представляетъ изъ себя цѣлое произведеніе, было бы важно прослѣдить, не повліяло ли оно на планъ тѣхъ или иныхъ частей Speculi,

---

обвиненія, но это предполагаетъ его соприкосновеніе съ другими источниками, на что указаній нѣтъ. Къ тому же такое предположеніе не имѣетъ опоры въ текстахъ.

[1]) Sur ce frère Bonizus nous avons peu de renseignement précis—пишетъ Сабатье—Specul., p. 2, n. 2. Съ этой главой связанъ спорный вопросъ о Capitulum Storiorum см. Goetz. S. 194. *Hermann Fischer*, Der heilige Franz v. Assisi während der Iahre 1219—21. Freiburger Historische Studien. Freiburg. (Schweiz) 1907. S. 109—34. Въ кодексѣ S. Isidoro, въ концѣ находятся еще три §§, которые Лемменсъ не включилъ въ свое изданіе на томъ основаніи, что ихъ не цитуютъ Кларено и Убертино (!)—Loco ultimae paragraphi habentur in codice $^{1}/_{73}$ tres narrationes (sunt Spec. 52, 79, 85) quae apud Ubertinum et Clarenum omissae sunt. Непонятно также, почему Лемменсъ включилъ въ Verba § 6 только на томъ основаніи, что онъ цитуется Кларено и Убертино, между тѣмъ, какъ въ кодексѣ его нѣтъ.

[2]) Ср. W. Götz. o. c. S. 153 n. 1, гдѣ авторъ заходитъ слишкомъ далеко, утверждая: In ganzen erscheint der Codex S. Isidori... als eine ziemlich späte *auszugmässige* Form dieser von Hand zu Hand gehenden Ueberlieferungen. Къ такимъ мѣстамъ Speculi, которыя должно предпочесть Intentio, относится конецъ главы 26, p. 53. Какъ указалъ уже Гётцъ.—S. 172 Anm. 1, отсутствіе Spec. p. 52, l. 9—p. 53, l. 6 въ §§ 2, 3 и 4 Intentio дѣлаетъ непонятнымъ текстъ послѣдняго. Ср. ниже, гдѣ подробно разсмотрѣно это мѣсто.

однимъ изъ источниковъ котораго оно является; и простое сравненіе послѣдовательности §§ Intentionis съ послѣдовательностью заимствованныхъ изъ него главъ Speculi приводитъ въ убѣжденію, что послѣднее положило въ основу этого своего Capitulum Intentio. Но изслѣдованіе этого вопроса умѣстно отложить до рѣшенія вопроса о другихъ источникахъ разсматриваемой компиляціи.

III. Speculum Perfectionis и Speculum I Redactio изд. Лемменса.

Въ томъ же самомъ кодексѣ S. Isidoro 1/73, въ которомъ находятся Scripta Leonis, находится и такъ называемая первая редакція Speculi Perfectionis, изданная въ 1901 г. Леонардомъ Лемменсомъ [1]. Гораздо меньшая по объему (всего 45 §§ стр. 23—84), она не имѣетъ и такого блестящаго внѣшняго вида, какъ Speculum Сабатье Explicit и дѣленія на Capitula и главы съ названіемъ каждаго и каждой. Въ заглавіи своего труда компиляторъ указываетъ свои источники [2]— ...compositum ex quibusdam repertis in scriptis sancti fratris Leonis, socii b. Francisci, et aliorum sociorum ejus, quae non sunt in legenda communi... Но его трудъ, почти весь войдя въ Speculum Сабатье [3]), (здѣсь я имѣю въ виду только параллелизмъ между двумя компиляціями, оставляя въ сторонѣ вопросъ о видѣ ихъ взаимоотношенія), только въ двухъ параграфахъ соприкасается съ Intentio [4]). Поэтому вполнѣ законно предположеніе, что подъ руками компилятора были еще какія то другія, намъ неизвѣстныя Scripta Leonis, можетъ быть тѣ, которыя по свидѣтельству Убертино [5]), были впослѣдствіи утеряны.

---

[1]) Documenta Antiqua Franciscana p. II, Speculum Perfectionis (Redactio I). Ad Claras Aquas (Quaracchi) 1901.

[2]) Стр. 23— Интересно различіе заглавій: *I Red.*—In nomine Dei incipit Speculum perfectionis. regulae et professionis, vitae et vocationis veri fratris minoris secundum voluntatem Christi et intentionem b. Francisci... *II Red.*—Incipit Speculum Perfectionis status fratris Minoris. Capitulum primum... О настоящемъ заглавіи II Speculum см. статью M. Faloci-Pulignoni—Nuove Ricerche sulla data dello Speculum Perfectionis Miscell. Francesc. VII, 182.

[3]) §§ 1, 2, 3 (Sp. 22, 23, 24); 4, 5 (Sp. 121, 122); 6 (Sp. 26); 7 (Sp. 73); 8 (Sp. 109); 9 (S. 124); 10 (S. 123); 11 (S. 112); 12, 13 (S. 44, 45); 14 (S. 39); 15 (S. 46); 16 (S. 46 и 40); 17, 18 (S. 107, 108); 19 (S. 113, 114); 20 (S. 67); 21 (S. 98 и 99); 22 (S. 94 и 95); 23 (S. 95, 96 и 97); 24 (S. 27); 25 (S. 18 и 19); 26 (S. 28); 27 (S. 55); 28, 29, 30 (S. 8, 9, 10); 31, 32 33 (S. 56 и 57, 58, 59 и 60); 34 (S. 88); 35 (S. 82); 36 и 37 (S. 65); 38 (S. 64); 39 (S. 16); 40 (S. 81); 41 (S. 17); 42 (S. 37); 43 (S. 66).

[4]) §§ 6—Int. 2. 3, 4 (p. 26); 7—Int. 9 (p. 73).

[5]) См выше.

1. I Spec. § 6; II Specul. c. 26; Intentio §§ 2, 3, 4.

Съ Intentio I Speculum непосредственно не соприкасается; часть его совпадаетъ съ 26 гл. II Speculi, которое близко къ вышеуказаннымъ §§ Intentio. Изъ сопоставленія текста обѣихъ редакцій нельзя извлечь доводовъ въ пользу пріоритета той или иной. Остановимся нѣсколько на гл. 26 II Speculi.

Speculum передаетъ сравненіе Францискомъ ордена съ quidam pusillus grex, испрошеннымъ въ послѣднее время Божьимъ сыномъ у его Отца [1]), и разсказываетъ о томъ, какъ Францискъ объяснялъ причину, почему Богъ захотѣлъ назвать его братьевъ Миноритами, и какъ святой усматривалъ въ текстѣ Св. Луки предсказаніе о Religio Fratrum Minorum, а потомъ велѣлъ написать это и въ уставѣ, утвержденномъ Иннокентіемъ III [2]). Далѣе Speculum передаетъ то, что находится въ § 6 I Speculi: разсказъ объ открытомъ Франциску Богомъ salutatio—Dominus det tibi pacem, о томъ, какъ Францискъ разъяснилъ по этому поводу смущеніе одного своего ученика, встрѣтившагося съ недружелюбнымъ отношеніемъ къ этому привѣтствію. „Dimitte me (frater) dicere aliam salutationem", сказалъ ученикъ Франциску. Et ait illi b. Franciscus: Dimitte illos dicere quia non percipiunt quae Dei sunt. Sed noli verecundari quia adhuc nobiles et principes hujus mundi de hac salutatione tibi et aliis fratribus reverentiam exhibebunt" [3]). Этимъ кончается отрывокъ I Speculi, но II Speculum прибавляетъ къ нему конецъ § 4 Intentionis: Non enim est magnum si Dominus voluerit habere unum novum et parvum populum ab omnibus qui praecesserunt singularum et dissimilem in vita et verbis qui esset contentus habere ipsum solum dulcissimum [4]). Смыслъ послѣдняго абзатца Speculum ясенъ: Оставь ихъ говорить, что хотятъ: они не понимаютъ, что отъ Бога. Но не смущайся, ибо знатные и великіе міра сего почтятъ тебя и другихъ братьевъ за это привѣт-

---

[1]) *Int.* § 2; Spec.—Quadam vice dixit b. Franciscus Religio et vita Minorum... Fili mi factum est quod postulasti p. 51, l. 4—12.

[2]) Intentio § 3; Spec.—Unde dicebat b. Franciscus, quod ideo Deus voluit et revelavit ei ut vocarentur fratres Minores... et postea in consistorio omnibus nuntiavit p. 51, l. 14—52, l. 9.

[3]) Redactio I, § 6; II Specul.—Similiter et salutationem quam... exhibebunt p. 52, l. 9—53, l. 6.

[4]) Intentio § 4 конецъ. II Spec. p. 53, l. 7—10. Spec. 1509 кончаетъ такъ... habere ipsum altissimum et gloriosum ab hominibus hujus seculi despici. См. Сабатье Speculum л. 53*a*.

ствіе. Слова же этихъ людей не имѣютъ значенія, разъ Господь захотѣлъ, чтобы былъ у него новый и маленькій народъ, особенный, отличный отъ всѣхъ, которые были прежде, и жизнью своею и словами и довольный однимъ тѣмъ, что обладаетъ имъ Сладчайшимъ [1]). Но уже Гётцъ отмѣтилъ, что эта фраза въ § 3 Intentio не имѣетъ смысла [2]), тѣмъ болѣе, что, не будучи въ состояніи Non est magnum... отнести къ чему либо находящемуся ранѣе, какъ въ Speculum [3]), мы можемъ выйти изъ затрудненія, лишь разсорившись съ синтаксисомъ и принявъ предложеніе съ si за дополнительное [4]). При такомъ положеніи дѣлъ естественнѣе всего признать, что текстъ § 3 Intentionis дошелъ до насъ нѣсколько испорченнымъ, и что въ первоначальномъ своемъ видѣ онъ послѣ словъ—in concilio omnibus annuntiavit—имѣлъ не et ait b. Franciscus..., а—similiter et salutationem... или что нибудь подобное, вполнѣ соотвѣтствующее тексту II Speculi. I-я же редакція Speculi взяла изъ этого мѣста только среднюю часть о Salutatio, опустивъ начало и конецъ [5]).

2. *I. Specul. § 7; II. Specul. c. 73; Intentio § 9.*

I и II Speculum обнаруживаютъ частичное совпаденіе.

I. Speculum.	*II. Speculum.*
B. *Franciscus* omnes fratres tam *ministros*, quam *praedicatores* informabat *ad opera dicens* eis, *quod propter praelationem et officium et sollicitudinem praedicandi non*...	...*Franciscus* ...ad gratia diligendam ...eos animabat, maxime *ministros et praedicatores* admonebat et inducebat ad humilitatis *opera* exercenda. Dicebat enim *quod propter praelationis officium et sollicitudinem praedicandi non deberent dimittere sanctam et devotam orationem, pro eleemosyna, operari* aliquando *manibus suis* et alia opera

[1]) Переводъ и смыслъ лучше, если принять версію Spec. 1509.

[2]) Völlig sinnlos S. 172 Anm. 1. См. выше.

[3]) Въ Intentio ранѣе говорится объ одобреніи буллы.

[4]) Переводъ получаетъ слѣдующій видъ: „Это не важно, если (что) Господь захотѣлъ, чтобы былъ у него нѣкій маленькій народъ среди другихъ остальныхъ, которые были ранѣе, и который былъ бы доволенъ обладать однимъ имъ Величайшимъ и Славнымъ".

[5]) Мотивовъ компилятора I Speculi я выяснить себѣ не могу. Эту главу Speculi я разсматривалъ, не останавливаясь на отношеніи ея къ Челано; поэтому надѣюсь къ ней вернуться при изслѣдованіи отношеній между Челано и Speculum.

Et dicebat: Multum aedificantur fratres subditi, cum eorum ministri et praedicatores vacant libenter *orationi, inclinantur* subditi *ad humilitatem,* cum vident praelatos et majores coadjutores operantium et laborum suorum. Unde ipse tanquam *fidelis zelator es imitator Christi,* dum corpore fuit sanus, operabatur in se quod docebat fratres suos.

facere, *sicut alii fratres propter bonum exemplum et lucrum animarum suarum et aliorum. Et dicebat: Multum enim aedificantur fratres subditi, quum eorum ministri et praedicatores vacant orationi et inclinant se* libenter *ad humilitatis opera* et obsequia vilitatis... (I. 4—20 passim)...
Fidelis servus *ac perfectus imitator Christi,* Franciscus... (I. 4).

Какъ видно, текстъ въ обѣихъ редакціяхъ развивается параллельно и только 4 слова изъ конца 1-й находятся въ началѣ 2-й. Отличіе послѣдней заключается въ большей подробности текста и въ томъ, что тогда, какъ въ I. Speculum humilitas **упомянута только разъ и то мимоходомъ, во II-мъ центръ тяжести компиляторъ старается перенести на** humilitas, **указывая на нее въ заглавіи [1]), употребляя въ текстѣ самое слово 4 раза и настаивая на немъ. Это впрочемъ, вполнѣ подходитъ къ тому, что гл. 73 относится къ** Capitulum IV—De Perfectione sanctae Humlitatis.

Intentio § 9, **во второй его части [2]) передаетъ тотъ же самый текстъ, что и въ** I. Speculum, **но съ пропускомъ 5 строкъ [3]). Убертино вполнѣ сходится съ** Intentio **и въ виду этого я позволяю себѣ считать первичнымъ текстомъ—текстъ** Intentionis. **Въ него была вставлена, уже потомъ, подходящая къ случаю фраза Франциска. Но было ли это сдѣлано компиляторомъ** I Speculi **или ранѣе, можно будетъ рѣшить, лишь опредѣливъ отношеніе двухъ редакцій** Speculi, **именно, черпаетъ ли** II **редакція изъ I-й или обѣ изъ общаго источника [4])?**

Продолжая далѣе сравненіе обѣихъ редакцій, мы прежде всего

---

[1]) Quod volebat docebat praelatos et praedicatores debere exercere se in oratione et *operibus humilitatis.*

[2]) Стр. 91.

[3]) Et dicebat: Multum aedificantur... operantium et laborum suorum.

[4]) **Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ этой статьи, я оставляю пока въ сторонѣ вопросъ объ отношеніи** Speculi **и Челано. Примѣнительно къ этой главѣ нельзя говорить объ заимствованіи ея изъ Челано. Ср.** Götz. op. cit. S. 196.

замѣчаемъ, что и въ томъ и въ другомъ встрѣчаются общія группы главъ. Къ разсмотрѣнію этихъ группъ мы прежде всего и обратимся [1]).

1. I. Spec. §§ 1, 2, 3; II. Specul. cap. 22, 23, 24 (II Cel. II 17 и 42; 43; 45).

Первая часть главы 22, II Speculi не имѣетъ аналогіи въ I Specul. [2]). Здѣсь разсказывается о томъ, какъ Францискъ захворалъ въ Баньярѣ [3]), и ассизцы, не желая выпустить изъ рукъ его мощи, высылая къ нему „quidam milites", чтобы препроводить его въ Ассизи. Въ одномъ мѣстечкѣ milites не могли найти себѣ ѣды, но благодаря тому, что стали по совѣту Франциска просить ее „amore Domini Dei et Spiritu sancto inspirante", получили ее въ изобиліи, какъ милостыню. Далѣе и излагается (одинаково въ обѣихъ редакціяхъ) взглядъ Франциска на милостыню [4]). Трудно сличеніемъ текста установить, которая редакція лучше? Нѣкоторые намеки говорятъ въ пользу первой [5]). На основаніи того, что Челано передаетъ первую часть главы 22 II Speculi во II, XLVII, § 77, p. 229, а вторую, общую съ I Specul., въ гл. XLII, § 72, p. 226, я склоненъ думать, что вторая часть гл. 22 II Speculi (=§ 1 I Specul.) первоначально находилась отдѣльно и ее соединилъ съ первой частью только компиляторъ II Speculi (см. конецъ примѣчанія).

---

[1]) См. выше.

[2]) p. 43. l. 13—p. 44, l. 25.

[3]) См. примѣчаніе (2) Сабатье на стр. 43.

[4]) Можетъ быть не лишено значенія, что эта глава Speculi озаглавлена—Qualiter milites invenerunt necessaria petendo eleemosynam ostiatim justa consilium beati Francisci—и слѣдовательно какъ бы придаетъ значеніе лишь разсказанному въ началѣ эпизоду.

[5]) Со словъ unde antequam fratres essent multiplicati (II Specul., p. 45. l. 9, сл.) рѣчь идетъ во второй редакціи о поведеніи братьевъ вообще, въ первой только о поведеніи самого Франциска. Но и въ той и въ другой хозяинъ обращается только къ Франциску и только Францискъ отвѣчаетъ—„Ego nolo dimittere"... и т. д. Въ пользу I Speculi говоритъ совпаденіе его со II Celano II, XLII, § 72, p. 226.—Челано говоритъ тоже только о Францискѣ. Этотъ аргументъ одинаково убѣдителенъ и если мы признаемъ, что I и II Speculum черпаютъ независимо другъ отъ друга (или сначала первое, а потомъ изъ него второе) изъ Челано, и если обѣ редакціи и Челано, всѣ сводятся къ одному общему источнику. Во всякомъ случаѣ близость Челано къ зилотской литературѣ сомнѣнію не подлежитъ и хотя и недостаточно аргументирована, но признается всѣми. Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ второе изъ приведенныхъ предположеній, но обоснованію его не мѣсто въ настоящей статьѣ. Ср. конецъ главы: Qui scripsit haec vidit hoc multoties et testimonium perhibet de hiis. Götz, op. cit. S. 170.

Глава 23 II Speculi и § 2 I Speculi совпадають почти дословно и различія текста совершенно несущественны. Во всякомъ случаѣ знаменательно, что эти отрывки идутъ въ той же послѣдовательности въ обѣихъ редакціяхъ. Равнымъ образомъ и въ Челано этотъ отрывокъ передапъ въ XLIII главѣ, т. е. сейчасъ же за предыдущимъ. И здѣсь возможны два указанныя на стр. 30 въ прим. предположенія [1]).

I Spec. § 3 и II Spec. с. 24 совпадаетъ почти буквально. Челано передаетъ тотъ же инцидентъ въ гл. XLV, вставляя между ею и XLIII главу, посвященную характеристикѣ отношенія Франциска къ милостынѣ вообще. Суть разсказа та же самая, что и въ Speculum, но стилистически замѣчается большая разница [2]).

Итакъ мы видимъ совпаденіе группы отрывковъ обѣихъ редакцій и это, при стилистической ихъ близости (если не тожественности) указываетъ конечно на общій источникъ. Это подтверждается и тѣмъ, что приблизительно тотъ же порядокъ изложенія мы встрѣчаемъ и у Челано. Кажется болѣе вѣроятнымъ сведеніе обѣихъ редакцій и Челано къ общему источнику.

2. I Spec. § 4 и 5; II Spec. cap. 121, 122 (ср. II Cel. II, 162, 163).

---

[1]) Помимо общихъ соображеній объ отношеніи Челано и Speculum, здѣсь противъ предположенія о заимствованіи изъ него говоритъ 1) прямое указаніе I Spec. на свои источники (см. выше); 2) Конецъ главы II Specul. (и I также)—p. 48, l. 29 p.—49, l. 4; 3) Нѣкоторыя мелкія подробности, отсутствующія въ Челано—названіе Уголино кардиналомъ Остійскимъ, разсказъ о томъ, какъ онъ снималъ capucia и infulae; 4) Подчеркиваніе того, что Францискъ стремился повліять своимъ примѣромъ, вполнѣ согласное съ другими мѣстами Speculum (с. 22, с. 73, 71 и др.). Ср. то, что говоритъ объ этой главѣ Гётцъ (S. 170 сл.), какъ образецъ шаткости критеріевъ этого ученаго. Особенно—Gegen die Priorität des Speculum Perfectionis könnte noch sprechen, dass es die gewechselten Reden in allzu langem Wortlaut gibt—wer konnte so ausführlich über Gespräshe berichten, die unter vier Augen vor sich gegangen waren?—Образчикъ смѣшенія вопроса объ исторіи преданія съ вопросомъ объ исторической его цѣнности.

[2]) Не рѣшаюсь устанавливать большую близость между Челано и I Speculum, такъ какъ нахожу только одно мѣсто, говорящее въ пользу этого.

I Speculum.	*II Celano.*	*II Speculum*
sicut *frater apone*	... *fratri aponi*	...frater musca и ниже—sicut *apis*.

См. Götz, S. 171, который отдаетъ предпочтеніе Speculum передъ Челано

Текстъ обѣихъ редакцій почти тожественен въ обѣихъ разсматриваемыхъ главахъ. Отмѣчаю наиболѣе интересныя отличія.

1) Въ началѣ гл. 121 II Speculi говоритъ о томъ, что ассизцы приставили къ епископскому дому, гдѣ лежалъ Францискъ, часовыхъ изъ боязни, что братья похитятъ его тѣло [1]). Въ I Speculum этого нѣтъ, но благодаря этому не совсѣмъ понятно ниже находящееся (согласно съ текстомъ II Speculum) упоминаніе о custodes [2]). Поэтому здѣсь, казалось бы, предпочтительнѣе версія второй редакціи.

2) *II Speculum;* слова Франциска Ильѣ: „Recordatus quum apud Fulginium visionem vidisti et dixisti mihi quod *quidam tibi dixerat* quod... *I Speculum:* ... quod *quidam tibi dixerunt*... Въ виду того, что II Speculum совпадаетъ съ указаніемъ Челано [3]), и здѣсь слѣдуетъ предпочесть версію II Speculi.

3) При желаніи въ пользу II Speculum можно истолковать и p. 238, l. 6—8 [4]).

Въ Челано, во II-й легендѣ мы встрѣчаемъ только краткіе намеки на то, о чемъ говоритъ Speculum [5]).

Во всякомъ случаѣ весьма вѣроятно, что эти двѣ главы существовали уже въ такомъ же приблизительно видѣ въ общемъ источникѣ обѣихъ редакцій Speculum, въ какихъ бы отношеніяхъ не на-

[1]) ... timens populus Assisii si de nocte moreretur ne fratres tollerent sanctum corpus ejus et ipsum deferrent ad aliam civitatem, constituerunt ut qualibet nocte extra murum palatii in circuitu custodiretur ab hominibus diligenter.

[2]) ... maxime ad aedificationem illorum custodum qui de nocte extra palatium *propter ipsum* evigilabant (Sp. II Spec., p. 236, l. 16, сл.).

[3]) I Celano, c. VIII, § 104, p. 114 ...Cum ipse b. pater et frater Helias ... apud Fulginium morarentur ... adstitit fratri Heliae sacerdos quidam albis indutus, grandaevae ac provectae aetatis, aspectu venerabilis dicens ... ср. выше.

[4]) ... Franciscus dicens: „Quid tibi videtur, *bembegnate* (sic), de hac mea infirmitate hydropisis?“ Non enim voluit eum vocare propris nomine... Ср. выноску (c) Сабатье. Benegnato (Benenatus)... il nome ... che il Sabatier, dalle corrote lezioni dei codici (il cod. d'Ognissanti f. 327 ha: Reciniate) non ha potuto ricostruire“. *Minocchi* Arch. St. ital. Serie V, v. 24, p. 323, n. 2.

[5]) Cap. CLXII. § 214, p. 330, l. 22: ... mortem cantando suscepit. cap. CLXIII, § 217, гдѣ встрѣчаемъ упоминанія и о Laudes Creaturarum и о врачѣ, но безъ инцидента съ Ильей и безъ мелкихъ подробностей. Часть этого же излагается въ Actus b. Francisci et sociorum ejus cap. 18. Ср. то, что говоритъ объ этой главѣ Гётцъ стр. 215. Думаю, что обиліе мелкихъ подробностей, частью подтвержденныхъ или Челано, или розысканіями Сабатье (объ имени доктора см. Speculum 238, n. 1) говорятъ противъ возможности развитія Speculi изъ Челано. Окончательное рѣшеніе зависитъ отъ рѣшенія общаго вопроса объ отношеніяхъ Челано и Speculi.

ходился этотъ общій источникъ къ Челано; и можетъ быть не будетъ слишкомъ смѣлымъ склониться къ мысли о томъ, что II Speculum лучше передаетъ этотъ первоисточникъ.

3. I Specul. §§ 12, 13; II Spec. c. 44, 45 (II Cel. II, 96 и 103). Текстъ обѣихъ редакцій очень близокъ. I Speculum § 12 нѣсколько систематичнѣе: послѣ словъ: apellans ipsam religionem Fratrum Minorum (II Spec. p. 78, l. 6 и 7), оно все содержаніе параграфа подраздѣляетъ на двѣ части: 1) Super maximam humilitatem и 2) Super maximam paupertatem (начиная со словъ — sicut in regula dicitur ... II Spec., p. 78, l. 15). Это вполнѣ естественно, какъ послѣдовательное обоснованіе первой фразы этой главы: B. Franciscus... se ipsum et domum suam (domum suam опускаетъ II Spec.) ... fundavit super firmam petram videlicet (II Spec. id est) super maximam humilitatem et paupertatem filii Dei, и послѣдней фразы: Sicque se ipsum pro se et pro aliis fundavit super maximam humilitatem et paupertatem... Но во II Speculum можно даже усмотрѣть слѣды его источника, совпадавшаго съ I Speculum.

1) *I Speculum.*

... dicebatur, quod oporteret eis servire leprosis et manere in domibus eorum. *Super maximam paupertatem*: sicut in regula dicitur, quod fratres tamquam advenae et peregrini maneant in domibus in quibus permanent, et nihil sub coelo habere velint, nisi sanctam paupertatem, per quam nutriuntur a Domino in hoc mundo cibis corporalibus et virtutibus et in futuro coelestem consequentur haereditatem.

II Speculum.

... dicebatur quod oportebat ipsos humiliter servire leprosis et manere in domibus eorum sicut in prima regula continetur: Nihil sub coelo habere volentes nisi sanctam paupertatem per quam nutriuntur a Domino in hoc saeculo cibis corporalibus et spiritualibus et in futuro coelestem consequentur haereditatem.

Вторая редакція не вполнѣ понятна. Говорится о прокаженныхъ, о томъ, чтобы братья ухаживали за ними и оставались бы въ ихъ домахъ, „какъ указано это въ первомъ уставѣ“, и слѣдуетъ цитата, рекомендующая братьямъ нищету и не упоминающая ни о жилищахъ, ни о прокаженныхъ. Напротивъ въ первой редакціи слова: Super maximam paupertatem (подразумѣвается fundavit seipsum et domum suam) дѣлаютъ совершенно ясной и умѣстной цитату.

2) *I Speculum.*

B. Franciscus... seipsum et domum suam, videlicet religionem, fundavit... super maximam humilitatem et paupertatem... apellans ipsam Religionem Fratrum Minorum, *Super maximam humilitatem...*

II Speculum.

B. Franciscus seipsum... fundavit... super maximam humililatem et paupertatem... apellans religionem suam fratrum Minorum propter nimiam humilitatem.

Тутъ различіе собственно заключается въ союзахъ super и propter. Въ виду того, что для пониманія текста II Speculi необходимо ниже вставить super maximam paupertatem, позволительно и здѣсь видѣть въ propter ошибку компилятора и замѣнить его super.

3) Видимо компиляторъ второй редакціи даже и не понялъ смысла главы, ибо озаглавилъ ее: Quod pro fundamento humilitatis voluit omnes fratres suos servire leprosis, хотя о прокаженныхъ здѣсь говорится только въ 6 строкахъ изъ 22 и центръ тяжести вовсе не лежитъ на отношеніи къ нимъ и на humilitas.

4) Тщетно было бы искать въ Regula Prima текстъ, на который ссылается II Speculum гл. 44. Излишнее довѣріе къ компиляціи 1318 г. привело Бёмера даже къ тому, что, не будучи въ состояніи найти соотвѣтствующаго мѣста въ уставахъ, онъ предположилъ существованіе особенныхъ Fragmenta regulae ante bullam Honorii papae III conscriptae [1]) и въ число ихъ включилъ и нашъ текстъ [2]). Цитируемаго мѣста намъ не найти и въ Regula bullata. Но если мы обратимся къ тексту I Speculi, мы найдемъ въ немъ нѣкоторый отзвукъ § 6, устава 1223 г. (Regula bullata). § 6 озаглавленъ — Quod nihil approprient sibi fratres, et de eleemosyna petenda et de fratribus infirmis. Позволю себѣ in extenso привести интересующій насъ текстъ, отмѣчая курсивомъ слова, попавшія въ Speculum (см. вышеприведенную цитату). Fratres nihil sibi approprient *nec domum* nec locum nec aliquam rem. Et *tanquam peregrini et advenae* (1 Pt. 2, u) in hoc sae-

[1]) *H. Boemer.* Analekten zur Geschichte des Franciscus vom Assisi. Tübingen und Leipzig. Mohr. 1904 p. 27.

[2]) Не останавливаюсь на руководившихъ Бёмеромъ мотивахъ. Въ вопросѣ объ уставахъ существуетъ еще такая путаница, которая требуетъ посвященія имъ особаго этюда. Объ трактуемомъ текстѣ см. еще Götz op. cit. § 182. Die „prima Regula" wird mit einer Stelle erwähnt, die sich in den uns bekannten Regeln nicht findet, so dass die Stelle allerdings (!) aus der ältesten Regel stammen kann. См. также Сабатье Speculum, note 1 къ стр. 78.

culo in *paupertate* et humilitate... vadant... *in hoc mundo*. Haec est illa celsitudo altissimae *paupertatis*, quae vos, carissimos fratres meos, *heredes* et reges *regni caelorum* instituit, pauperes rebus fecit *virtutibus* sublimavit. Haec sit „portio vestra, quae perducit in terram viventium" (Ps. 141, 7). Cui... totaliter inhaerentes *nihil* aliud pro nomine Domini nostri Jesu Christi in perpetuum *sub caelo habere velitis*. Едва ли можно сомнѣваться, что Speculum имѣетъ въ виду именно это мѣсто. А тогда ясно, что первая редакція лучше и полнѣе его передаетъ и не дѣлаетъ ошибки, какъ вторая редакція, относящая его къ Regula Prima.

5) I Spec. § 13 вмѣстѣ съ Ms. Vatic. 4354, Spec. 1509 и II Celano II CIII § 141, p. 276 локализуетъ разсматриваемый эпизодъ въ Terni (Iteramnae), тогда какъ II Speculum въ Rieti (Reate). Совпаденіе I Spec. съ Челано рѣшаетъ вопросъ о пріоритетѣ въ его пользу [1]).

6) I Spec. сообщаетъ, что Францискъ, когда его называли святымъ и прославляли... talibus sermonibus respondit dicens: „Non sum adhuc securus, quod debeam habere filios". Et dicebat: „Nam quacunque hora Dominus vellet a me auferre thesaurum suum, quem mihi mutuavit, quid aliud mihi remaneret, nisi solum corpus et anima, quae etiam infideles habent". Францискъ не увѣренъ, что долженъ имѣть учениковъ и ученицъ (filii et filiae—Клариссы), такъ какъ это имѣетъ смыслъ только до тѣхъ поръ, пока Богъ не отнялъ у него своего сокровища. II Speculum пишетъ: „Non sum adhuc securus, quod *non* debeo habere filios ac filias...", что приходится относить къ плотскимъ дѣтямъ, а не иносказательно къ ученикамъ и ученицамъ; а это конечно не имѣетъ смысла въ данномъ контекстѣ. Челано подтверждаетъ I Speculum [2]).

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, возводя обѣ редакціи къ общему источнику, я склоненъ предполагать большую близость къ нему первой [3]).

---

[1]) Конечно Сабатье передаетъ здѣсь версію мазаринскихъ кодексовъ и мнѣ неизвѣстно, какъ пишутъ итальянскіе (Ms. Ognissant, Spello и др.). Но приходится считаться съ этимъ недостаткомъ изданія Сабатье, рискуя ошибиться въ отдѣльныхъ случаяхъ (принявъ версію Mz. кодексовъ за версію II Speculi), но надѣясь, что подобныя ошибки потонутъ въ количествѣ наблюденій.

[2]) II Cel., II, c. XCV, § 133, p. 276: Nam saepe cum beatificaretur a pluribus, verba hujuscemodi respondebat: Filios et filias adhuc habere possum; nolite laudare securum... и т. д.

[3]) Только гл. 45 (§ 13) находитъ аналогію въ Челано, гдѣ она разбита на двѣ

4. I Spec. §§ 17, 18; II Spec. c. 107, 108; II Cel. II, 19; I Cel. II, 10; Vita S. Bernardi Anal. franc. III p. 40, 42, 44. Actu. c. 5.

И здѣсь обѣ редакціи близки другъ къ другу.

1) Обѣ редакціи называютъ Бернарда первымъ ученикомъ Франциска, а Эгидія третьимъ, вмѣстѣ со II Челано, I, 55 и Бонавентурой [1]), и вопреки первому житію Челано (I, 10) и соотвѣтствующей разсматриваемой главѣ, главѣ II Челано (II, XIX, § 48). Такимъ образомъ Speculum опускаетъ въ своемъ счетѣ „Quidam de Assisio". Но во всякомъ случаѣ вопросъ о порядкѣ учениковъ не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ и ошибка слишкомъ естественна, чтобы ей придавать то значеніе, какое ей хочетъ придать Гётцъ [2]).

2) Абзацъ о пророчествѣ I Speculum вводитъ словами: alio quodam tempore..., опускаемыми второю редакціей. Это указаніе, впрочемъ, подразумѣвается дальнѣйшимъ текстомъ II Speculi.—Considerans... prophetavit de ipso *coram quibusdam fratribus* dicens—указаніе лишнее, если бы имѣли дѣло съ продолженіемъ разсказаннаго эпизода. Рѣшающимъ въ пользу I Spec. моментомъ являются слова Челано [3]).

3) I Speculum даетъ нѣкоторыя детали, отсутствующія во второмъ, указывая на то, что Якоба де Сентемсолінсъ готовила Франциску кушанье [4]), разсказывая о томъ, какъ для укрѣпленія больного Бер-

главы: на XCVI, § 133 и CIII, § 141. По поводу отношенія Челано и Speculum указываю здѣсь только на слѣдующее. 1. Несомнѣнна, какъ и въ выше разобранныхъ главахъ, нѣкоторая текстуальная близость Челано и Speculi, такая однако, что Челано отличается характернымъ своимъ стилемъ. Эта близость заставляетъ или предполагать общій источникъ (напр. Scripta Sociorum) или выводить Speculi изъ Челано. Послѣднему противорѣчитъ присутствіе въ обѣихъ редакціяхъ двухъ главъ, изъ которыхъ только вторая есть у Челано, да и та разбита на двѣ части. Это затрудненіе можно бы было устранить, предположивъ посредствующій между Челано и Speculum источникъ. Въ Speculum есть характерныя детали (сравненіе святого съ иконой, болѣе подробное изложеніе эпизода), I Speculum производитъ впечатлѣніе связи отдѣльныхъ отрывковъ (конецъ § 13. Et dicebat... et ait) и это можетъ имѣть нѣкоторое значеніе въ связи съ тѣмъ, что у Челано главы разрознены. Окончательный отвѣтъ и здѣсь можно получить лишь послѣ рѣшенія болѣе общаго вопроса о Speculum и Челано. Ср. Götz § 183, который по обыкновенію пребываетъ въ области многихъ одинаково вѣроятныхъ возможностей.

[1]) Ср. Götz S. 116.

[2]) Op. cit. § 210. Здѣсь „*ошибка* (?) Челано", кажется намъ, указываетъ на общій ему и Speculum источникъ.

[3]) Alio quodam tempore de fratre Bernardo... prophetice sic locutus est...

[4]) Это косвенно подтверждается гл. 112 II Speculi p. 220.

нарда ему давали нюхать розовую воду, и о томъ, какъ разбился сосудъ съ елеемъ, и какъ Бернардъ плакалъ передъ смертью о своей грѣховности и прочее. Эти детали, не имѣя рѣшающаго значенія, склоняютъ насъ къ признанію пріоритета I Speculum.

4)

I Speculum, § 18, p. 48.	*II Spec., c. 108, 216, l. 16 сл.*	*II Celano, II, X p. 123.*
Et remota crate ferrea de fenestra, *per quam Christi ancillae communicare solent* et aliquando audire verbum Domini, tulerunt fratres sanctum corpus de feretro et tenuerunt ipsum inter brachia ad fenestram per magnam horam donec domina Clara ac ejus sorores haberent de ipso magnam consolationem, licet...	Et remota crate ferrea *per quam communicare solebant* et audire verbum Dei tulerunt fratres sanctum corpus de feretro et tenuerunt ipsum inter brachia ad fenestram per magnum spatium donec domina Clara et sorores ejus, de ipso sunt consolatae, licet...	...deponentibus ejus in ecclesia S. Damiani, in qua dictae filiae suae... morabant, aperta est fenestra parvula *per quam ancillae Christi* constituto tempore *communicare solent* Dominici corporis sacramento. Aperta est et arca in qua supercaelestium virtutum thesaurus latebat in qua multos portare solebat. Et portabatur a paucis qui multos portare solebat. Et ecce domina Clara... venit ad *videndum* patris.

Гётцъ усматриваетъ въ текстѣ второго Speculi разъясненіе Челано [1]); онъ думаетъ, что у Челано неясно, подошли ли клариссы къ трупу или нѣтъ. Не вступаю въ полемику съ Гётцемъ, думая, что тексты достаточно могутъ разъяснить его недоумѣніе [2]).

5) Между Челано и обѣими редакціями этой главы существуетъ

---

[1]) Op. cit. 211.

[2]) Но даже если и согласиться съ Гётцемъ, то все-таки невозможно видѣть въ этомъ аргументъ въ пользу того, что Speculum развиваетъ Челано. По Гётцу 108 глава Speculi (2-я ея часть) wohl unzweifelhaft auf Grund von I Celano, II, 10 entstanden, wie *die starken Anklänge* im Wortlaut zeigen.—Но, какъ указано ниже, одно совпаденіе отдѣльныхъ словъ и выраженій (Anklänge) еще не рѣшаетъ дѣла, оно можетъ быть объяснено и общимъ для Челано и Speculum источникомъ. Какъ я постараюсь доказать въ другомъ мѣстѣ, для опредѣленія зависимости отъ Челано необходимо усмотрѣніе стилистическихъ его чертъ, а не однѣхъ словъ и выраженій. Гётцу же, видимо, совершенно чуждъ этотъ критерій, ибо онъ отказывается отъ рѣшенія вопроса, когда имѣетъ дѣло съ *буквально* совпадающими главами Челано и Speculum (см. напр. гл. 74, стр. 198; 78, стр. 198; 53, стр. 185; 48, стр. 181. Но сл. 83, стр. 201). Должно указать и на то, что въ разсматриваемыхъ отрывкахъ текстъ обѣихъ редакцій обнаруживаетъ сходство, которое не можетъ быть объяснено однимъ сведеніемъ ихъ на текстъ Челано.

во второй части разсказа большая близость текста. Въ приведенномъ выше отрывкѣ это бросается въ глаза. Указываю теперь остальное.

Celano, p. 122, l. 22.	*I Speculum, p. 48.*	*II Speculum, p. 216, l. 9 сл.*
Mane autem *facto convenit* multitudo *Assisii cum universo clero,* et *tollentes sacrum corpus de loco* in quo *obierat, cum hymnis et laudibus* clangentibus tubis...	...*mane facto*... universus populus civitatis *Assisii* virorum ac mulierum *cum universo clero tollens* sanctum *corpus de loco* ubi *obierat cum hymnis et laudibus*, accipientes...	...*venit* de *mane* universus populus et *clerus* civitatis *Assissi* et tulerunt sanctum *corpus* ejus *de loco* ubi *obierat cum hymnis et laudibus*, *tollentes*..,

Текстъ Челано ближе подходитъ къ первой редакціи и въ вышеприведенныхъ и въ данныхъ цитатахъ. Эта близость Челано и Speculi указываетъ или на общій Челано и Speculum источникъ или на то, что послѣднее заимствовало изъ перваго. Въ послѣднемъ случаѣ надо предполагать посредствующій источникъ [1]), ибо обѣ редакціи сходятся другъ съ другомъ въ распредѣленіи матеріала и въ текстѣ не совпадающей съ Челано части, равно какъ и въ части общей съ нимъ, обѣ редакціи ближе другъ къ другу, чѣмъ къ Челано (стр. 38 прим. 126). Сюда же относится и то, что двѣ слѣдующія другъ за другомъ главы Speculi разъединены въ Челано (I vita II, 10 и II vita II, 19).

5. Specul. §§ 28, 29, 30; II Spec. cap. 8, 9, 10 (29 гл. II Spec.; II Cel. II, 29 и 26).

Обѣ редакціи близки по тексту. Челано передаетъ въ двухъ главахъ (26 и 29!) только часть 9-ой главы Speculi [2]).

6. Speculum 31, 32, 33; II Spec. 56 и 57; 58; 59 и 60 (II Spec. 57, II Cel. II, 143 II Spec. 59—60—II Cel. 86).

Обѣ редакціи очень близки и только § 33 первой передаетъ болѣе кратко содержаніе 59 и 60 главъ Speculi, но послѣднее совпадаетъ здѣсь по содержанію съ Челано и поэтому должно считаться лучше передающимъ первоисточникъ. Съ другой стороны эти же главы II Speculum передаютъ многое изъ того, чего нѣтъ у Челано, но что

[1]) Хотя бы въ данномъ случаѣ онъ совпадалъ съ I Speculum. Слѣдовательно возможны 1. Celano.—I Speculum—II Speculum. 2. Celano—} I Specul. / II Speculum 3 x —} Celano / I Speculum / II Speculum.

[2]) Объ отношеніи Speculi и Челано см. Götz oper. cit. § 116. и Speculum, p. 21, n. 1. Упоминаніе I Speculi о Generalis minister не можетъ имѣть никакого рѣшающаго значенія. То, что Гётцъ пишетъ объ этомъ терминѣ, не находитъ опоры въ источникахъ, l. c., § 177 о гл. 38.

находится въ I Speculum (локализація факта въ S. Piero de Bovara около Trevi, имя товарища Франциска Пацификъ), онѣ стоятъ, далѣе, какъ часть въ группѣ главъ, которая въ той же связи передана въ I Speculum. Челано же передаетъ только часть начала и конецъ этой группы и то въ разныхъ мѣстахъ. Поэтому не легко считать Челано источникомъ обѣихъ редакцій, такъ какъ части ихъ матеріала въ немъ нѣтъ, а часть разбита на двѣ главы (86 и 145) и передана съ опущеніемъ многихъ деталей (опущено упоминаніе о томъ, какъ Іоаннъ-простакъ помогъ Франциску мести церковь, какъ и вообще не сказано о заботѣ Франциска о чистотѣ храмовъ, сжато переданъ самъ эпизодъ съ Іоанномъ; опущено и многое другое).

7. I Specul. 19; II Spec. 113 и 114; (Cel. Tract. de Mirac. 32, II Cel. II, 151.

По тексту обѣ редакціи очень близки, но послѣдовательность изложенія нѣсколько различна. Во II Speculum § 19 I-го разбитъ на двѣ главы. Въ первой передается послѣдній его абзатцъ, къ которому присоединяется первый; середина же вошла въ составъ слѣдующей 114 главы. Благодаря этому изложеніе пріобрѣтаетъ связность и ясность, тогда какъ I Speculum производитъ впечатлѣніе механическаго соединенія различныхъ отрывковъ. Это можетъ быть свидѣтельствуетъ въ пользу большей близости I Speculi къ первоисточнику. Косвенно это подтверждается и тѣмъ, что Челано въ Tractatus de Miraculis передаетъ одинъ отрывокъ изъ этихъ главъ, по тексту не очень далеко уходя отъ Speculum, а другой отрывокъ—во второмъ житіи въ § 197 (p. 318) [1]).

8. I Specul. 21; II Spec. 98 и 99; II Cel. II, 31 и II, 81 (p. 281).

Текстъ обѣихъ редакцій близокъ. Челано занимаетъ между ними промежуточное положеніе, частью приближаясь къ первой, частью ко второй. Послѣдовательность его изложенія ближе къ I Speculum, а текстъ иногда ближе ко второму [2]). Съ другой стороны обѣ редакціи

---

[1]) См. Götz. § 213. Совершенно ясно, что источникомъ Бонавентуры является Челано. *Celano.* Alaudae, aves amicae meridianae lucis et crepusculorum tenebras horrescentes „cum jam esset noctis secuturae crepusculum venerunt super tectum domus et diu „rotantes“ *Bonav.*, c. XIV, 6 p. 151.—Alaudae aves, lucis amicae et crepusculorum tenebras horrescentes“. Cum jam esset noctis secuturae crepusculum, venerunt super tectum domus et diu rotantes. Слѣдовательно, если Гётцъ не считаетъ возможнымъ здѣсь выводить Speculum изъ Челано, тѣмъ менѣе можно выводить его изъ Бонавентуры, хотя по этому поводу Гётцъ не рѣшается высказать свое мнѣніе.

[2]) Въ Челано и II Specul. разсказанъ эпизодъ съ ученикомъ Франциска, отсут-

однообразно уклоняются отъ Челано[1]). Глава 99, напротивъ, сравнительно отдаленно соприкасается съ одной фразой § 21 Speculum [2]). И въ этомъ случаѣ, примѣнительно къ главѣ 98 и § 21, самымъ естественнымъ является предположеніе общаго имъ и Челано источника.

8. I Spec. §§ 22, 23, II Spec. 94, 95, 96, 97; II Cel. II, 62, 88 (91, 92).

Какъ послѣ § 21 I Speculi идутъ 22 и 23, такъ же точно и передъ главою 98 II Speculi, соотвѣтствующей этому §, стоятъ главы (94—97), соотвѣтствующія 22 и 23. Близкія по тексту, обѣ редакціи расходятся въ порядкѣ своего изложенія и каждая содержитъ отличныя отъ другой мѣста, опуская то, что передано другой, и передавая новое. § 21 I Speculum переданъ Челано, при чемъ нѣкоторыя мѣста указываютъ на большую близость его къ первой редакціи [3]). Думаю также, что не ошибаюсь, усматривая въ главѣ LXXXVIII II Celano приблизительно ту же послѣдовательность изложенія, что и въ концѣ § 22 и въ § 23 I Speculi (съ пропускомъ одного отрывка), хотя текстъ и отклоняется довольно значительно. Иную послѣдовательность изложенія встрѣчаемъ въ 95—97 главахъ II Speculi, гдѣ находится много новаго по сравненію съ первой редакціей матеріала [4]).

10. I Spec. 36 и 37; II Spec. cap. 65; II Celano 152.

Обѣ редакціи, изъ которыхъ вторая нѣсколько полнѣе, близкія по

ствующій въ I Spec.; послѣдній абзацъ главы 98 II Spec. p. 193 l. 17—25 переданъ въ Челано, отсутствуя въ I Spec. Только въ послѣднемъ упомянутъ Ioannes locunes de Greccio. *I Spec.* ...quia diabolus intraverat in illud pulvinar... *II Spec.* ...Ego vero credo quod diabolus sit in isto pulvinari quod habeo ad caput. *II Cel.* ...Credo, inquit quod diabolus maneat in hoc pulvinari quod ad caput habeo...

[1]) *I Spec.* Postquam exivit de saeculo... noluit facere in culcitra. *II Specul.* ...nunquam voluisset jacere in pluma postquam exivit de saeculo. *Celano* ...a tempore quo sanctus conversus est ...voluit jacere in culcitra. 2) *I Specul.* ...et fratres coegerunt eum contra voluntatem suam, ut teneret... *II Specul.* ...contra voluntatem suam coegerunt eum fratres habere... *Celano* ...cogi contra... velle ad usum и др.

[2]) I *Spec.* ... Et ideo, sicut multotics dixit sociis suis, non poterat de se satisfacere fratribus et ostendere illis aliquando familiaritatem, sicut fratres obsiderabant. *II Spec.* Ex hoc autem tantum affligebatur mente et corpore quod a consortis fratrum multoties se subtrahebat quia non poterat eos se ostendere laetum sicut consueverat.

[3]) 1) *I Spec.* ...haberet infirmitatem maximam stomachi, splenis et hepatis et infirmitatem oculorum... *II Cel.* ...licet oculorum, stomachi, splenis et epatis aegritudine laboraret... *II Spec.* ...licet per multos annos fuisset afflictus infirmitatibus supradictis... 2) *I Spec.* и *II Cel.*—cum... reverteretur ab urbe... *II Spec.* опускаетъ это указаніе и др.

[4]) Götz § 206 fg.

тексту, иначе распредѣляютъ свое изложеніе. § 36 I Speculi, передаетъ 4 (p. 119 l. 5—11), 6 (p. 120 l. 1—8) абзацы II Speculi въ нѣсколько болѣе краткомъ видѣ [1]). § 36 I Speculum даетъ слѣдующій 7-ой абзацъ второй редакціи (p. 120 l. 9—p. 121 l. 11), отрывокъ, отсутствующій во II Speculum [2]), затѣмъ 1-й абзацъ второй редакціи (p. 118 l. 5—15), опуская его конецъ и слѣдующія 6 строкъ (l. 15—18; 19—24), отрывокъ, отсутствующій во второй редакціи [3]); 8-ой абзацъ II Speculi (p. 121 l. 12—21) и въ болѣе краткой формѣ 9, 10, 11 и 12 (до конца). Первая редакція въ цѣломъ производитъ впечатлѣніе не систематизированнаго собранія можетъ быть даже разновременныхъ отрывковъ [4]). Во второмъ Speculum мы видимъ попытку болѣе связнаго изложенія, но во всякомъ случаѣ эта попытка неудачна, какъ и замѣтилъ Гётцъ, къ сожалѣнію не сравнившій изслѣдуемой главы съ I Speculum [5]). Совершенно, напримѣръ, непонятно и неумѣстно обращеніе Франциска къ братьямъ, съ которыми онъ хочетъ идти самъ, такъ, какъ будто они отправляются одни [6]). Если мы обратимся къ тексту I Speculim, намъ удается устранить то противорѣчіе, которое Гётцъ усматриваетъ между текстомъ II Speculi и I Celano I, XXVII § 74, p. 76.

I Speculum—Tempore illius capituli quo *primo* missi fuerunt fratres ad quasdam provincias ultramontanas finito capitulo...

II Speculum—Finito illo capitulo in quo *multi* fratres missi fuerunt ad quasdam provincias ultramarinas...

I Celano... b. Franciscus... *non multos* adhuc fratres habens et volens in Franciam ire... [7]).

Сопоставленіе текста не приводитъ къ опредѣленнымъ результатамъ, но, можетъ быть, слѣдуетъ отмѣтить, что Челано передаетъ

---

[1]) I Spec. опускаетъ 5 абзацъ (p. 119, l. 12—20).

[2]) Cum quodam die praedicaret B. Franciscus, dicebat: „Loquor vobis sicut vinctis daemoniorum... destruere volunt" (p. 74), не относящійся къ трактуемому предмету.

[3]) Et accepit inter alios socium Silvestrum sacerdotem ...ut sanctum p. 74.

[4]) § 36 совершенно не связанъ со слѣдующимъ. (Во второй редакціи онъ тоже вкрапленъ лишь внѣшнимъ образомъ. Три послѣдовательно идущіе другъ за другомъ абзаца § 37 другъ съ другомъ не связаны. Только послѣдній изъ нихъ стоитъ въ связи съ концомъ параграфа, составляя съ нимъ связный разсказъ.

[5]) § 191 сл.

[6]) In nomine Domini ite bini et bini per viam... p. 120 l. 10 сл. Götz loc. cit.

[7]) Götz l. c.

лишь часть главы 65 II Speculi, соотвѣтствующей § 36 первой редакціи [1]).

Въ виду того, что то новое, что даетъ II Speculum, не возбуждаетъ сомнѣній и подозрѣній, равно какъ и то, что присутствуетъ только въ первомъ, а близость текста устанавливаетъ ихъ родство, самымъ вѣроятнымъ будетъ сведеніе ихъ къ общему источнику, къ которому въ общемъ ближе стоитъ первая редакція.

Продѣланный нами анализъ привелъ къ достаточно убѣдительнымъ выводамъ, поэтому относительно остальныхъ параллельныхъ мѣстъ обѣихъ редакцій я считаю возможнымъ ограничиться только нѣкоторыми указаніями.

а) *Свидѣтельства въ пользу того, что первая редакція въ иныхъ мѣстахъ ближе къ общему со второй источнику* [2]).

1) I Spec. c. 17 (p. 39); I Spec. § 41 (p. 74 сл.); II Cel. c. LI p. 233.

II Speculum.	*I Speculum.*	*Celano.*
Cumque semel obviasset cuidam pauperculo homini ...Magnam verecundiam... *et multum reprehendit paupertatem nostram* ñam maximum verecundia est mihi.	Cum *quadam die* obviasset b. Franciscus cuidam pauperculo... Magnam verecundiam intulit nobis paupertas istius. „*Dixit ei socius „Quomodo frater?“ Ait ille*: „*Magnam* verecundiam“.	Accidit *die quadam*... pauperculum quemdam obvium habere in via... Magnam verecundiam intulit nobis hujus inopia *et nostram paupertatem plurimum reprehendit*. Cui respondit socius: Qua ratiaone frater? Et sanctus... respondit.

Отмѣченное курсивомъ мѣсто II Spec. въ свою очередь указываетъ на то, что здѣсь вторая редакція ближе къ первоисточнику, но это еще лучше подтверждаетъ нашу тезу.

2) II Spec. C. 64, p. 116; I Spec. 38, p. 75 сл.; II Cel. II, CVI, p. 278.

II Speculum.	*I Speculum.*	*II Celano.*
Non videtur... quod sim frater Minor nisi essem in statu quem dicam tibi: ecce fratres...	Non videtur mihi quod sim... nisi essem in statu quem dicam tibi. *Et ait*: *Ecce* fratres...	Non mihi videor frater Minor, nisi fuero in statu quem sibi descripsero *Et ait*: *Ecce* praelatos...

[1]) II Cel. II, CXII, § 201, p. 319. Текстъ Челано сильно удаляется отъ текста Speculi. О Челано и Speculum см. Götz l. c.

[2]) Общій источникъ доказывается не разъ уже отмѣченной близостью текста. См. выше passim.

... Finita ergo praedicatione ponatur quod omnes *clament* adversum me...	... Finita ergo praedicatione ponatur quod *dicant* adversum me...	...et in fine *dicitur* contra me...
... Et sic eiciunt me cum vituperio et *opprobrio*.	... et sic eiciunt me *vilipendendo*	Tandem eicior cum opprobrio *vilipensus* ap omnibus.

3) II Spec. C. 67, p. 126 сл.; I Spec., § 20, p 50; II Cel. II, LXXXIV и LXXXV, p. 261.

II Speculum.	*I Speculum.*	*II Celano.*
Quodam tempore... visitavit etiam dominum Leonem Cardinalem...	Cum b. Franciscus *ad preces* domini Leonis cardinalis invitatus...	*Rogatus* quandoque a domino Leone Cardinali... ut secum moraretur.

4) II Spec. 82, p. 160; I Spec., § 32, p. 72; II Celano II, CXIX, p. 240.

Первая редакція передаетъ вмѣстѣ съ Челано только часть 82-й главы второй редакціи, опуская все, что послѣдняя говоритъ о S. Maria de Portiuncula.

5) II Spec. C. 88, p. 178; I Spec., § 34, p. 71; II Celano II, CXLII, § 116, p. 331 сл.

II Speculum.	*I Speculum.*	*Celano.*
Et ponens manum dexteram super capita singulorum benedixit omnes praesentes et absentes atque venturos ad ordinem...	*Et incipiens ab uno fratre* benedixit eos omnes *imponens* dextram manum *in capitibus* singulorum, benedixitque omnes fratres qui erant in religione, *et qui venturi erant...*	... extendit super eos dexteram suam *et incipiens a vicario suo capitibus singulorum imposuit, benedixitque* in illis qui erant ibi, etiam omnibus fratribus qui ubique conversabantur in mundo, *et qui venturi erant* post ipsos...

b. Свидѣтельства въ пользу того, что въ иныхъ мѣстахъ вторая редакція лучше передаетъ общій ей съ первой источникъ.

1) См. подъ a 1 и 2 написанныя курсивомъ мѣста II Speculi.

2) II Spec. c. 67; I Spec. 29; II Celano II, LXXXIV.

Здѣсь во второмъ Speculum и въ Челано мы встрѣчаемся съ болѣе точной, отсутствующей въ первомъ Speculum, локализаціей эпизода (turris remoa; упоминаніе о turris въ I Spec. только въ концѣ).

3) II Spec. 112; I Spec. 11; Tract. de Mirac. § 37, 38.

Во второй редакціи и у Челано въ началѣ разсказа болѣе подробное указаніе времени событія.

4) II Spec. 81, p. 157; I Spec. 40; II Cel. II, 117, p. 288.

II Speculum.	*I Speculum.*	*Celano.*
Dic mihi o simplex et idiota *homuncio*, quare tantum contristaris...	Dic mihi, quare contristaris tantum...	Cur tu, *homuncio*, conturbaris...

5) II Spec. c. 27; I Spec. 24; II Cel. I, XIV и XV, p. 184.

Эпизодъ, разсказанный въ первой части 27 главы II Spec., отсутствуетъ въ I Spec., но переданъ въ Челано, хотя послѣдній и мѣняетъ нѣсколько порядокъ изложенія [1]).

Резюмирую результаты сопоставленія обѣихъ редакцій Speculi. Близость (тожественность) ихъ текста принуждаетъ насъ или сводить одну изъ нихъ на другую, или возводить обѣ къ общему источнику. Близость же обѣихъ редакцій къ Челано даетъ намъ въ руки надежный критерій, пользуясь которымъ удается установить, что возможно лишь предположеніе объ общемъ источникѣ, къ которому приближается то одна, то другая редакція (хотя первая можетъ быть нѣсколько и больше). Этотъ источникъ первая редакція называетъ Scripta Leonis... et aliorum Sociorum b. Francisci, а вторая—quaedam antiqua, quae in diversis locis scripserunt et scribi fecerunt socii b. Francisci [2]). Какъ мы видѣли выше, только два §§ I Speculum совпадаютъ съ извѣстными намъ Scripta Leonis и, слѣдовательно мы должны предположить существованіе въ XIII—XIV вѣкѣ еще другихъ произведеній, приписываемыхъ Льву и товарищамъ Франциска [3]), часть которыхъ вошла въ

---

[1]) Легко привести и много другихъ подобныхъ наблюденій, но, не желая загромождать изложенія цитатами, ограничиваюсь этими. Кромѣ того оставляю въ сторонѣ тѣ главы II Speculi, которыя, совпадая съ I Spec., не имѣютъ аналогіи въ Челано. Здѣсь возможно придти къ нѣкоторымъ выводамъ, но критерія болѣе шатки и опасно поэтому придать значеніе чисто субъективнымъ впечатлѣніямъ, которымъ и безъ того склонны придавать слишкомъ большое значеніе въ исторіографіи францисканства (parfum franciscain Сабатье, примѣчанія котораго къ Speculum представляютъ полное смѣшеніе субъективныхъ и объективныхъ критеріевъ; echt franziscanisch Гетца, стремящагося найти объективныя доказательства). Эти главы — II Spec. 16 (I Sp. 39); 66 (I Sp. 43); 109 (8); 123 (10) и 124 (9). Не касаясь также главъ II Spec. — 39(I Sp. 11); 64 (38); 112; (11). Такъ какъ первыя изъ нихъ заимствованы изъ Челано, а остальныя вызываютъ подозрѣнія въ томъ же смыслѣ.

[2]) См. Speculum, p. 250—51.

[3]) Конечно только не Легенду трехъ товарищей, позднее происхожденіе которой вполнѣ доказано Гетцемъ (op. cit.) и Van Ortroy. (Anal. Boll. XIX). Тѣмъ не менѣе въ новѣйшихъ трудахъ приходится еще встрѣчаться или съ вѣрой въ ея подлинность (*Iörgensen.* Der hlge Franz v. Assisi, 1908) или съ недовѣріемъ къ выводамъ на-

обѣ редакціи Speculi. Можно даже пытаться ихъ реконструировать, но эта задача можетъ быть выполнена лишь послѣ рѣшенія вопроса объ источникахъ второй редакціи Speculi. Во всякомъ случаѣ попутно намъ удалось, кажется, показать, что едва ли возможно отожествлять эти произведенія, приписываемыя товарищамъ Франциска, съ легендами Челано и что маловѣроятно сведеніе ихъ только къ роли посредствующаго звена между Челано и Speculum. Окончательное же разрѣшеніе этихъ только затронутыхъ нами вопросовъ требуетъ выясненія характера отношеній Челано ко II Speculum и источниковъ послѣдняго вообще.

Л. Карсавинъ.

званныхъ ученыхъ. (*H. Fischer*. Der hlge Franz v. Assisi während der Jahre 1211–1221. 1907), къ которымъ можно присоединить еще Лемменса. (Doc. ant. I, 26) и Della Giovanna (Giorn. St. della litteratura italiana vol. XXV S. 90).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Изъ исторіи Варшавскаго университета.

Józef Bieliński. Królewski Uniwersytet Warszawski (1816—1831), t. I, 767 стр. (Warszawa 1907).

Не смотря на выдающееся значеніе, какое принадлежитъ Варшавскому университету въ исторіи просвѣщенія Царства Польскаго, образованнаго по трактатамъ Вѣнскаго конгресса 1815 года, ни исторія университета, ни его научная дѣятельность и культурное вліяніе въ краѣ до сихъ поръ не были изучены ни въ польской, ни въ русской литературѣ. Впрочемъ нѣсколько лѣтъ назадъ [1]) бывшимъ ректоромъ Варшавскаго университета Н. Н. Щелковымъ по поводу 25-лѣтія существованія Императорскаго Варшавскаго университета (1869 — 1894 гг.) былъ напечатанъ краткій историческій „Очеркъ высшихъ учебныхъ заведеній", но и самъ авторъ смотрѣлъ на свою работу, какъ на вступительную главу будущей исторіи университета за истекшую четверть столѣтія.

Совершенно другую задачу ставитъ себѣ г. Бѣлинскій, онъ намѣренъ представить исторію Варшавскаго университета въ первой половинѣ XIX вѣка, и сначала изложить его организацію (т. I.), а затѣмъ и научную дѣятельность. Вышедшій пока первый томъ, довольно обширный, обнимаетъ слѣдующіе отдѣлы: а) введеніе даетъ краткую характеристику школъ различныхъ типовъ, оставшихся въ герцогствѣ Варшавскомъ послѣ прусскаго управленія краемъ и выясняетъ потребность въ высшемъ разсадникѣ просвѣщенія послѣ отдѣленія отъ герцогства Кракова съ его извѣстной Академіей (основанной въ концѣ XIV вѣка); слѣдующій отдѣлъ 1) излагаетъ учредительные

---

[1]) См. Варш. Унив. Изв. 1893 г. № VIII, стр. 1—32; № IX, стр. 33—63.

акты, положившіе основаніе университету и обезпечившіе ему разныя льготы и преимущества благодаря милостивому отношенію къ краю со стороны русскаго Монарха, Императора Александра I. Отдѣлъ 2-й излагаетъ уставъ не въ первоначальномъ его видѣ (когда онъ былъ утвержденъ 15-го апрѣля 1818 г. министромъ Ст. Потоцкимъ) [1]), а въ позднѣйшей редакціи (1821 года), не получившей, какъ извѣстно, утвержденія [2]). Въ третьемъ отдѣлѣ излагается порядокъ надзора за студентами, учрежденіе инспекціи и назначеніе Максимиліана Фредро (12-го—24-го мая 1830 г.) попечителемъ университета. Далѣе излагаются органы управленія университетомъ (отд. IV), общества и союзы при университетѣ и среди молодежи (V), штаты, спеціальныя средства и стипендіи университета. Отдѣлъ VII—медали, гербъ университетскій, печать, формы, и университетское знамя. Послѣдній отдѣлъ, одинъ изъ самыхъ обширныхъ (стр. 418 — 765) посвященъ учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ, и здѣсь приведены данныя, касающіяся ближайшимъ образомъ ботаническаго сада (§ 1 — 2), обсерваторіи (§ 3), кабинетовъ (§ 4, 5, 7—9; 11—15), лабораторій, клиникъ (§ 16), музеевъ (§ 10) и библіотеки. Остановимся на нѣкоторыхъ, наиболѣе выдающихся, и менѣе извѣстныхъ особенностяхъ Варшавскаго университета того времени.

1. *Учрежденіе, названіе, преимущества, дарованныя университету, и время его существованія.* Первыя высшія учебныя заведенія были учреждены въ Варшавѣ еще тогда, когда она была столицею герцогства Варшавскаго. Это были: *Юридическая школа*, открытая 1-го октября 1808 г. (по примѣру Париж. школы права), съ отдѣломъ административныхъ наукъ (откр. по декр. 22-го мая 1811 г.) и *Медицинская школа*, основанная въ 1809 году Стан. Сташицемъ для подготовленія военныхъ врачей, въ которыхъ чувствовался тогда крайній недостатокъ. Высочайшимъ указомъ отъ 7-го—19-го ноября 1816 года повелѣно было учредить въ Царствѣ Польскомъ главную школу подъ названіемъ „*Царскаго университета*", состоящаго изъ 5 фа-

[1]) Надъ составленіемъ этого устава работала особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ Сташица (съ 4-го января 1817 г.), засѣдала она по субботамъ и въ составъ ея входили члены: Пражмовскій, Линнискій, Суровецкій, Бандтке, Дзіярковскій, Швейковскій, Домбровскій и Бачіарелли. Особенно цѣнны были для комиссіи записки Бандтке и Дзіярковскаго, и по ихъ указаніямъ редактировано большинство статей. Текстъ уст. (рус. и пол.) см. въ Сборникѣ администр. постановленій Цар. Пол. т. VI, 1868 г., стр. 86—152 (Уст. сост. изъ 10 отд. и 216 §).

[2]) Этотъ проектъ устава былъ составленъ новой комисіей, образованной мин. нар.

культетовъ: 1) богословія, 2) юридическихъ и административныхъ наукъ, 3) медицинскихъ наукъ, 4) математическихъ и физическихъ и 5) изящныхъ наукъ и искусствъ подъ непосредственнымъ начальствомъ ректора и подлежащихъ декановъ. Впослѣдствіи Варшавскому университету, въ память его учредителя Императора Александра I, Высочайшимъ повелѣніемъ 18-го (30-го) марта 1830 года было даровано наименованіе „*Александровскаго*".

Новоучрежденному университету Высочайшій указъ 7-го (19-го) ноября 1816 г. обѣщалъ „особенное Монаршее покровительство", профессорамъ, не дворянскаго происхожденія (слѣдуя примѣру Сигизмунда I) пожалованы права личнаго дворянства, а по истеченіи десятилѣтней службы и потомственнаго дворянства. Университету предоставлялось право давать ученыя степени, и имѣть особую цензуру сочиненій своихъ членовъ.

14-го мая 1818 года университетъ послѣ богослуженія въ костелѣ св. Креста былъ торжественно открытъ въ присутствіи министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Стан. Потоцкаго, объявившаго о Высочайшимъ утвержденіи новоизбраннаго ректора Швейковскаго.

Университетъ, впрочемъ, существовалъ не долго: политическія бури положили конецъ и попыткамъ его реформы, и его существованію: на основаніи Высочайшаго повелѣнія было предписано Временнымъ Правленіемъ Царства Польскаго 12-го (24-го) октября 1831 года: „университетъ закрыть нынѣ же, равно какъ и всѣ высшія училища; впредь предписано будетъ, что нужно". Нынѣ же существующій *Императорскій Варшавскій университетъ* былъ открытъ, но уже на иныхъ основаніяхъ, 12-го октября 1869 года.

Органы управленія. Вопросъ о положеніи ректора, его правахъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ въ жизни университетовъ того времени. По уставу университетовъ 1804 года и по уставу Дерптскаго университета 1820 года ректоръ и деканы избирались (по примѣру германскихъ) на одинъ годъ. Сентября 16-го, 1809 года по пред-

---

просв. Грабовскимъ, подъ предсѣдательствомъ Варшавскаго архіепископа Головчица, и членами ея были: Станицъ, Суровецкій, Сѣраковскій, Пражмовскій, Линде, затѣмъ отъ университета: ректоръ—Швейковскій и деканы факультета: Бандтке (юрид.), Бентковскій (из. ис.), Дыбекъ (мед. ф.), Шиманскій (богосл.) и Забелевичъ (философ. ф.). Статутъ, составленный коммиссіей, состоялъ изъ 8 отд. и 232 §§. Первый уставъ недостаточно организовалъ преподаваніе на филологическомъ и медицинскомъ, и далеко уступалъ уставу Вилен. унив. въ отношеніи матеріальнаго обезпеченія профессоровъ.

ставленію попечителя Московскаго университета дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Разумовскаго, для усиленія начальническаго значенія ректора избраніе ректора, по примѣру Виленскаго университета, замѣнено таковымъ на *три* года. Мая 26-го, 1811 года правило это было распространено на университеты Харьковскій и Казанскій.

По уставу Варшавскаго университета 1818 года ректоръ (§ 31) избирался на 4 года, деканы—на 3 года; ректора Комиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія представляла на Высочайшее утвержденіе, а деканы утверждались Комиссіей собственной властью (§ 15). При обсужденіи измѣненій устава нѣкоторые изъ профессоровъ (какъ Китаевскій) стремились къ тому, чтобы ректоръ избирался на годъ, мотивируя, что болѣе продолжительный срокъ его службы, помимо личныхъ цѣлей, послѣдствій неудачнаго почему-либо выбора, можетъ противодѣйствовать усовершенствованію университета (dążeniu Uniwersytetu do coraz większaj doskonalości). Доводы эти не были приняты комиссіей по составленію устава, но какъ компромиссъ въ ея проектѣ ректоръ избирался на 3 года, а деканы на 2 года. Никакого особаго ректорскаго суда, какой существовалъ въ Дерптѣ [1]) въ Варшавѣ не было. Ближайшимъ образомъ управленіемъ университета завѣдывало правленіе, которое, впрочемъ, въ уставѣ неправильно называлось „совѣтомъ университета“ [2]). Совѣтъ же in corpore созывался лишь для выборовъ (ректора, декановъ) и празднованія торжественныхъ актовъ университета. Такимъ образомъ университетскаго совѣта „какъ высшей инстанціи по дѣламъ учебнымъ и судебнымъ“ (Уст. 1804, § 48), высшаго органа и представителя университетской жизни, которому подчинены всѣ остальные (факультеты, инспекція, судъ, словомъ, всѣ органы университетской жизни кромѣ ректора, занимающаго особое положеніе), какимъ совѣтъ долженъ былъ быть по мысли составителей позднѣйшаго устава 1863 г.—такого совѣта Варшавскій университетъ не имѣлъ, и на эту существенную особенность г. Бѣлинскій не обратилъ вниманія, не будучи достаточно знакомъ съ постановкой

[1]) Этотъ судъ вѣдалъ даже гражд. дѣла (искп до 300 р.) и принималъ охран. мѣры въ отношеніи имущества послѣ смерти унив. члена, см. Уст. Д. Унив. гл. XI: объ университетской судебной расправѣ (§ 149—213; П. с. з. № 28302). Сб. Пост. по мин. нар. просв. т. I (С. П. 1875 г.) стр. 1419 — 1420.

[2]) § 76: Совѣтъ университета состоитъ изъ ректора и декановъ, въ случаѣ же надобности могутъ быть приглашаемы и профессоры, но только съ совѣщательнымъ голосомъ. Для составленія комплекта нужно по крайней мѣрѣ присутствіе 4 членовъ.

университетскаго дѣла за предѣлами Царства Польскаго. Впрочемъ онъ говоритъ (стр. 244), что въ Варшавѣ не существовало академическаго сената, но развѣ въ сенатѣ Берлинскаго университета участвуютъ всѣ профессора? Особенность совѣта не въ его составѣ, а въ его положеніи, его задачахъ, его функціяхъ.

Штаты университета отличаются скромными размѣрами и бѣднѣе другихъ русскихъ университетовъ того времени. Общая сумма расходовъ въ годъ не превышала 75 тыс. руб., тогда какъ ежегодный расходъ Виленскаго университета, исчисленный по штатамъ, составлялъ 105.000 руб. На содержаніе личнаго состава отходила почти половина всей суммы расходовъ (40 тыс. руб.), при чемъ ректоръ получалъ 12 тыс. пол. зл. (т. е., 1.800 руб.), деканы по 300 руб., секретарь университета—300 руб., главный инспекторъ—1.200 руб.; инспекторы факультетовъ по 600 руб. (ихъ помощники по 180 руб. и педелю 135 руб.). Средній годовой окладъ профессора (см. общую табл. на стр. 342 и 349) былъ 6.000 пол. зл., т. е. 900 руб., сравнительно это окладъ для того времени незначительный, такъ какъ въ Виленскомъ университетѣ обычнымъ жалованьемъ профессору было 1.000 руб. въ годъ, а въ университетахъ Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и въ Педагогическомъ институтѣ профессоры получали 2.000 руб. въ годъ, а ректоръ еще и 600 дополнительныхъ.

На содержаніе клиникъ, кабинетовъ отпускались суммы незначительныя: такъ на содержаніе химической лабораторіи только въ 1827 г. отпущено было 600 руб., въ остальные годы и того менѣе, на кабинетъ зоологическій Варшавскаго университета въ 1818 г. отпущено 18 руб., въ послѣдніе годы (1823—1830) по 300 руб. въ годъ, на минералогическій кабинетъ въ 1820 г.—1.156 руб., въ остальные годы отъ 46 руб. до 225 руб.; на библіотеку университета въ первый годъ его существованія 270 руб., въ 1821 г.—750 г., въ остальные годы менѣе 100 руб. Любопытно сравнить эти данныя съ состояніемъ библіотеки Императорскаго Варшавскаго университета въ концѣ XIX вѣка и началѣ XX столѣтія. Такъ въ 1903 г. библіотека Варшавскаго университета пріобрѣла 1808 названій въ 2.717 томахъ на сумму 10.587 руб. 58 коп. (и для студ. чит. отдѣльно 102 т. на сумму 386 р.); въ 1904 г. было пріобрѣтено 1.857 названій (2.720 т.) на сумму 13.291 р. 95 коп. [1]), а для студентовъ на 433 руб. 65 коп. Если же взять и стоимость сочиненій, присылаемыхъ ежегодно въ библіотеку Импера-

[1]) Друг. подр. см. въ Унив. Изв. 1904 г., № VI, стр. 40 и 1905 г. № IX, стр. 36.

торскаго Варшавскаго университета изъ цензурнаго комитета (не считая нотъ и період. изд.), то сумма ежегодныхъ пріобрѣтеній библіотеки выразится приблизительно отъ 15 до 17 тыс. руб., т. е. въ 3 раза превосходитъ пріобрѣтенія богатѣйшихъ германскихъ университетовъ (Берлинскаго и др.).

Въ память открытія университета были выбиты по распоряженію правительственной комиссіи медали: золотыя (7), серебряныя и мѣдныя (198), стоимостью въ общей суммѣ 5.807 пол. зл. Золотыя медали (стоимостью каждая 492 зл. = 73 р.) были предназначены для Императора Александра I, Вел. кн. Константина Павловича, Новосильцова, мин. Потоцкаго, венг. проф. Цинсера, проф. въ Дрезденѣ Рихтера и одна на память Варшавскаго университета. Серебряныя медали получили: Фел. Лубенскій, Сташицъ, епис. Пражмовскій; проф. Линде, Бандтке, Дзіярковскій; общество друзей наукъ; университеты: Варшавскій, Краковскій, Виленскій, С.-Петербургскій, Юрьевскій, Харьковскій, Берлинскій, Лейпцигскій, Вѣнскій, Буда-Пештскій, Львовскій, Іенскій, Геттинскій, Гейдельбергскій, Копенгагенскій, Кильскій и Фрейбургскій.

На лицевой сторонѣ медали былъ изображенъ (съ лѣв. стор.) увѣнчанный лавромъ бюстъ Императора Александра I и (съ прав. стор.) бюстъ Минервы въ шлемѣ съ совою на головѣ (вмѣсто сфинкса, какъ первонач. предполагалось), и надъ ними надпись Caesare felix; на оборотной сторонѣ была надпись: Universitas Liter. Regia Varsoviensis. Auspiciis Alexandri I condita A. D. XIII Kal. Decemb. MDCCCXVI. Inaugurata pridie Idus Maii MDCCCXVIII.

Для наградъ студентамъ за лучшія сочиненія были изготовлены золотыя медали двухъ образцовъ (25 л. и 20 л. въ діаметрѣ) съ надписью на лицевой сторонѣ: Universitas Literarum Regia Varsoviensis, а на другой: De palma summos contendite vires. Университетъ имѣлъ свою печать (Sigillum Universitatis Reg. Varsoviensis MDCCCXVI) и свое знамя (хоругвь съ изобр. св. Яна), изготовленное къ десятилѣтію существованія университета (въ ноябрѣ 1826 г.).

Форма. Въ іюлѣ установлено было (413) обязательное ношеніе формы, какъ учащими на лекціяхъ, такъ и учащимися. Мундиры дѣлились на два разряда: по учебной части и административной (для инспекціи съ 1823 г.). Первый разрядъ мундировъ дѣлился на 8 классовъ: мундиръ 1-го класса (фракъ темно-синяго цвѣта, сюртукъ и панталоны того же цвѣта, а парадные бѣлаго цвѣта и короткіе) носили ректоръ, деканы и ординарные профессоры, для студентовъ мун-

диръ 7-го класса, а для учениковъ школъ среднихъ и уѣздныхъ установленъ мундиръ 8-го класса—для всѣхъ классовъ одного и того же цвѣта. Даже для педелей были сдѣланы особыя такъ называемыя чумарки (czamarki) бѣлаго цвѣта изъ сукна, шапки того же цвѣта и имъ давались палки длиною $2^1/_2$ локтя.

Въ 1818 году, когда обсуждался вопросъ о формѣ для профессоровъ (установленной въ 1821 г.), Нѣмцевичъ предлагалъ по примѣру европейскихъ университетовъ и для должнаго уваженія къ профессорамъ возстановить тоги различныхъ цвѣтовъ (малиноваго—для ректора, фіолетоваго цвѣта для декана богосл. факультета, зеленаго для декана юридич. фак. и свѣтло-голубого для декана фак. изящныхъ наукъ и искусствъ). Эта мысль вызвала оживленный обмѣнъ мнѣній среди членовъ совѣта. Дыбекъ указывалъ, что тоги — это остатокъ старины, того времени, когда каѳедры замѣщались духовными лицами и въ Парижѣ въ срединѣ XIII вѣка профессора хирургіи называли chirurgianis de robe longue, но времена измѣнились и тотъ костюмъ, къ которому когда то относились съ уваженіемъ, теперь выставилъ бы его носителей, которымъ поручено воспитаніе чиновниковъ и гражданъ края, на посмѣшище людямъ (wystawilby dzis na posmiech ludy). Со свойственнымъ остроуміемъ и ясностью мысли возражалъ Янъ Вик. Бандтке. Во Франціи и въ Англіи, говорилъ онъ, тога—это одежда чиновъ, отправляющихъ судъ, или занимающихся высшей наукой, а у насъ это одежда людей, отличающихся неопрятностью, и черные плащи у насъ носятъ только одни евреи (u nas widać w togach czarnych same tylko żydowstwo, стр. 409). У насъ цвѣта, да еще различные, не поднимутъ значеніе тоги, а только понизятъ профессоровъ, особенно если одинъ будетъ въ пурпурѣ, а другой фіолетоваго цвѣта, одинъ въ бархатѣ, другой съ подкладкой, а деканъ юристовъ и безъ подкладки. Если бы когда нибудь устанавливать мундиръ, то всего болѣе подходящимъ былъ бы мундиръ профессоровъ Виленскаго университета. Внѣшнія знаки отличія никогда и нигдѣ не поднимали значенія профессоровъ, и даже ордена не должны служить приманкою для профессоровъ, разъ они увидятъ, что ихъ служители, и чиновники администраціи и суда низшаго ранга достигаютъ высшихъ, чѣмъ они наградъ и отличій. Тѣмъ не менѣе правительственной комиссіей тоги были приняты и изготовленіе ихъ заказано (44) было Виллеру на сумму 9.309 пол. зл. Рисунокъ этихъ тогъ (синяго цвѣта) сохранила извѣстная картина Бродовскаго (нынѣ висящая въ актовомъ залѣ Импер. Варш. унив.), на которой изображены деканы факультетовъ

съ ректоромъ во главѣ, получающимъ отъ Императора Александра I грамоту объ учрежденіи университета.

Учащіеся. О числѣ учащихся трудъ Бѣлинскаго пока не даетъ никакихъ данныхъ (откладывая вѣроятно ихъ сообщеніе до слѣдующаго тома), но изъ другихъ данныхъ извѣстно, что самымъ многочисленнымъ былъ факультетъ юридическій (въ 1819/20 на немъ было слушателей 200; въ 1829/30—373; въ 1825/6—410), а затѣмъ медицинскій (1818—34; въ 1828—128; 1830—159). Изъ преподавателей юридическаго факультета упомянемъ объ Іосифѣ Минасовичѣ, читавшемъ исторію права, уголовное и торговое право. Минасовичъ извѣстенъ также, какъ переводчикъ многихъ произведеній Шиллера. Въ 1820 г. началъ преподаваніе исторіи и догмы римскаго права Вацлавъ Мацѣовскій, авторъ многочисленныхъ трудовъ, не потерявшихъ еще своего значенія и понынѣ, по исторіи славянскихъ законодательствъ. Въ 1821 г. окончилъ курсъ наукъ Варшавскаго университета извѣстный впослѣдствіи юристъ и сенаторъ Ромуальдъ Губе.

Не лишенныя интереса свѣдѣнія сообщаетъ Бѣлинскій объ организаціяхъ среди студентовъ (разд. V: Związki) Варшавскаго университета того времени. Эти организаціи складывались и образовывались подъ вліяніемъ причинъ двоякаго рода: во-первыхъ, по примѣру германскихъ университетовъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Іенскомъ университетѣ, стали образовываться студенческія общества, такъ называемыя Burschenschaften (въ 1815 г.), преслѣдующія политическія задачи и въ частности объединеніе Германіи [1]). Затѣмъ вторымъ факторомъ, содѣйствовавшихъ образованію организаціи среди студентовъ поляковъ, на что г. Бѣлинскій какъ бы вскользь (стр. 251) указываетъ, не развивая вовсе своей мысли — это политическое теченіе въ самомъ польскомъ обществѣ, не удовлетворенномъ тѣмъ Царствомъ Польскимъ, которое было создано Вѣнскимъ конгрессомъ. Наконецъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что съ открытіемъ университета въ Варшавѣ сюда стала стекаться польская молодежь изъ разныхъ польскихъ областей, и вмѣстѣ съ тѣмъ явились и агитаторы, которые благодаря указаннымъ выше обстоятельствамъ нашли благопріятную почву

---

[1]) Какъ извѣстно на конгрессѣ въ Карлсбадѣ (1819 г.) былъ поднятъ вопросъ объ организаціи надзора за университетами. Кромѣ того въ инструкціяхъ попечителямъ университетовъ (напр., Боннскаго унив. 8-го іюля 1819 г., § 6) попечителю прямо вмѣнялось въ обязанность „наблюдать за духомъ среди нихъ (т. е.. студентовъ) господствующимъ, и въ случаѣ замѣченнаго броженія увѣдомлять академическія власти и министерство“.

для своей дѣятельности. Изъ нихъ въ числѣ первыхъ былъ нѣкій Іосифъ Голуховскій, окончившій Вѣнскій университетъ. Сначала Голуховскій стремился получить каѳедру въ университетѣ, а когда это ему не удалось — онъ записался въ число студентовъ юридическаго факультета и основалъ студенческое общество почитателей наукъ, и представилъ ректору выработанный имъ уставъ общества (въ февралѣ 1819 г.). Повидимому уже это общество завязало связи съ подобнымъ же сообществомъ, организованнымъ въ Вильнѣ Лелевелемъ. Благодаря послѣднему Голуховскій получилъ и каѳедру (въ концѣ 1822 г.) въ Виленскомъ университетѣ, не безъ нѣкоторыхъ впрочемъ затрудненій. Подъ вліяніемъ указаннаго броженія была образована по повелѣнію намѣстника особая слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ генерала Гауке (27-го марта 1822 г.), и изданы правила для студентовъ, утвержденныя 19-го декабря 1823 г. министромъ Грабовскимъ, и преподана инструкція университетскимъ властямъ (15-го октября 1824 г.). Но все это мало помогало, прожнія организаціи продолжали существовать и стали образовываться новыя, преслѣдовавшія не только политическія, а даже революціонныя цѣли (такъ называемые chevaliers du Narcisse и другія), и въ 1830 году профессоръ философіи Ширма (Szyrma) съорганизовалъ студенческій военный отрядъ (подъ названіемъ batalion academicki), дѣлившійся на центуріи и имѣвшій своихъ эдиловъ и трибуновъ. Этотъ отрядъ Хлопицкій (стр. 287) послѣ смотра на Саксонской площади назвалъ „полкомъ почетной народной гвардіи". Кромѣ того въ концѣ того же года (12-го декабря 1830 г.) было возбуждено ходатайство (по иниціативѣ Лелевеля) Швейковскимъ о чтеніи въ университетѣ публичныхъ курсовъ тактики и военной стратегіи (wprowadić w Universytetie kurs publiczny taktyki i strategii wojennej) [1]. Попавши въ такой политическій водоворотъ университетъ скоро и прекратилъ свое существованіе.

Учебно-вспомогательныя учрежденія. Обсерваторія. Въ 1819 году приступлено по плану архитектора Кадо и подъ руководствомъ профессора Арминскаго къ постройкѣ обсерваторіи въ Ботаническомъ саду на Уяздовской аллеѣ. Зданіе съ внѣшней стороны было окончено уже въ 1822 г.; 28-го марта 1825 г. университетъ назначилъ комиссію, которая протоколомъ подписала 18-го августа 1825 г. и приняла въ вѣдѣніе университета зданіе, постройка котораго обошлась

[1]) Komysya (добавляетъ Бѣлинскій, стр. 287) predstawila Dyktatorowi ten projekt Rady Uniwersytetu.

670.158 пол. зл. (болѣе 100 тыс. руб.), при чемъ кирпича пошло 1.716.000 и за него заплочено 128.700 пол. зл. (по 75 зл. за тысячу, т. е. по 11 руб. 25 коп.). Длина обсерваторіи была 73 локтя, шир. 22 и выс.—28.

Проф. Арминскій, будучи въ Мюнхенѣ, гдѣ въ то время также устраивалась обсерваторія при университетѣ, пріобрѣлъ тамъ и астрономическіе приборы для солнечныхъ наблюденій у Рейхенбаха. Телескопъ, длиною 6 фут., объективъ 4 д., былъ пріобрѣтенъ у Фраунгоффера тамъ же въ Мюнхенѣ за 4.450 пол. зл. (около 667½ руб.). Астрономическіе часы (двое) были изготовлены варшавскимъ часовымъ мастеромъ Гугенмусомъ (по 5 тыс. злотыхъ за каждые часы), и были приняты комиссіей въ концѣ 1826 г. Часы шли съ такой точностью, что комиссія выдала даже въ благодарность мастеру особое свидѣтельство отъ 26-го августа 1827 г. Нѣкоторые изъ приборовъ астрономическихъ были взяты во время возстанія по требованію Дембинскаго и въ обсерваторію возвращены не были (514—515 стр.).

Библіотека. Какъ извѣстно одна изъ особенностей библіотеки Варшавскаго университета та, что библіотека его не только университетская, но и публичная. Первое основаніе ей положено было въ началѣ XIX в. при существованіи герцогства Варшавскаго. Первыя книги, поступившія въ будущую библіотеку, состояли изъ библіотеки Варшавскаго лицея, помѣщавшейся въ Саксонскомъ дворцѣ; цѣнныя пріобрѣтенія были сдѣланы на аукціонахъ въ Берлинѣ кн. Чарторыйскимъ, скупавшимъ сочиненія писателей средневѣковыхъ и ихъ хроники. Слѣдующее цѣнное собраніе поступило послѣ смерти епископа гнѣзненскаго Игнатія Красицкаго, библіотека котораго (изъ 4.000 т.) была пріобрѣтена правительствомъ герцогства Варшавскаго, и такимъ образомъ уже тогда образовалось центральное книгохранилище, вмѣщавшее до 12.000 книгъ, коимъ завѣдывалъ Бейхтъ, а затѣмъ Бентковскій. Въ это время мин. внутр. дѣлъ Лущевскій и юстиціи Феликсъ Лубенскій составили планъ учрежденія въ Варшавѣ публичной библіотеки, на подобіе существовавшей уже въ XVIII вѣкѣ библіотеки Залусскихъ (перевезенной въ С.-Петербургъ въ 1795 г.). Съ этой цѣлью Лубенскій обратился къ монастырямъ, и частью путемъ обмѣна, а отчасти изъ пожертвованій, собралъ значительное число книгъ и рукописей, увеличенное библіотекой, купленной за 10 тыс. пол. зл. послѣ смерти (1-го октября 1807 г.) Ансельма Спейсера въ Краковѣ. Все это собраніе было помѣщено во дворцѣ краковскаго епископа въ Варшавѣ, недалеко отъ апелляціоннаго суда, и отсюда получило названіе „Библіотека при

Апелляціонномъ Судѣ" (Biblioteka przy Sądzie apelacyinym). Завѣдываніе библіотекою было поручено Матвѣю Козловскому, который началъ разбирать эти книги и сдѣлалъ ихъ доступными для научныхъ занятій.

Обѣ библіотеки (Лицея и Апел. Суда) послѣ открытія университета были переведены въ Казиміровскій дворецъ и составили университетскую и публичную библіотеку. Стали поступать тогда въ библіотеку цѣнныя пожертвованія и отъ частныхъ лицъ (Кунегунды Островской, Шанявскаго, Лянге, Шпиловскаго), при чемъ Бандтке прислалъ въ даръ отъ мин. Мостовскаго собраніе узаконеній и распоряженій въ герц. Варшавскомъ, различныя юридическія сочиненія, и кодексъ Наполеона съ мотивами; Фелиціанъ Шуморскій принесъ въ даръ университету рукописную русскую Библію Лукашà (1569 г.) и проповѣди Кирилла Іерусалимскаго (рус. текстъ и пол. пер. рус. рук.). Библіотекаремъ первоначально предполагалось назначить Бандтке, но онъ поставилъ условіемъ, чтобы ему дали даровую квартиру и содержаніе въ 9.000 пол. зл., на что университетъ согласиться не могъ. Тѣмъ временемъ въ университетѣ (2-го марта 1818 г.) былъ избранъ ректоромъ дек. филол. фак. Швейковскій, а не Линде, котораго желалъ видѣть ректоромъ мин. Ст. Потоцкій. Тогда Потоцкій исходатайствовалъ у намѣстника Высочайшій приказъ (24-го марта 1818 г.) о назначеніи генеральнымъ директоромъ Публичной библіотеки Богумила Самуила Линде, бывшаго ректора Варшавскаго лицея и профессора литературы и языковъ славянскихъ въ университетѣ (§ 2). Съ этого времени и библіотека стала называться „Публичной" (§ 1 ук. odtąd będzie Biblioteką, Publiczną), открытой для публики въ дни, установленные правительственной комиссіей рел. дѣлъ и народ. просв. Въ томъ году помощникомъ главнаго директора (съ званіемъ библіотекаря какъ тогда называли) былъ назначенъ по избранію совѣта Іоахимъ Лелевель, ближайшимъ образомъ завѣдывавшій библіотекой до своего перехода въ Виленскій университетъ (въ 1822 г.). На основаніи правилъ, утвержденныхъ министромъ Потоцкимъ 20-го января 1819 г., профессора могли получать изъ библіотеки книги на домъ на срокъ, не болѣе 4 недѣль, по требовательнымъ карточкамъ, напоминающимъ тѣ, какія приняты нынѣ въ Берлинской публичной библіотекѣ. На этихъ карточкахъ обозначалось: названіе книги, мѣсто изданія, фамилія требующаго и его мѣстожительство, и затѣмъ подпись выдавшаго сочиненіе. Уѣзжающій хотя бы на кратковременный отпускъ (§ 19) долженъ былъ возвратить взятыя изъ библіотеки сочи-

ненія. Библіотека была открыта съ марта до начала октября съ 9 ч. утра до 1 часу дня, и затѣмъ отъ 3 до 6 часовъ вечера, въ остальные мѣсяцы года (съ октября по февраль) съ 9 ч. до 2 ч. дня.

Уже въ то время въ библіотекѣ было нѣсколько драгоцѣнныхъ рукописей и рѣдкихъ сочиненій. Среди рукописей были списки Евангелія (X, XI в.), сохранившіеся со временъ утвержденія христіанства въ Польшѣ [1]). Отъ XII вѣка Готская книга, заключающая въ себѣ правила и записки Бенедиктинскаго ордена (между 1148—1157 гг.) съ фамиліями польскихъ пановъ, принявшихъ христіанскую вѣру. Среди рукописей XIII вѣка были: Bernardi De gratia et arbitro, Augustini Lactantii opera fol., Isidori Hispalensis Origines rerum; XIV вѣка—Ломбарда Glossa ordinaria super Epistolas Pauli, и Библія на лат. яз.; XV вѣка—Кодексъ Яна Хризостома, нѣкогда принадлежавшій Матвѣю I королю венгерскому; XVI вѣка (кромѣ указ. рус. соч.) хроники Кадлубка, Винцентія, Длугоша, копіи и оригиналы, письма польскихъ королей и государственныхъ людей Польши, собранія польскихъ пѣсенъ (даже болѣе ранняго времени XIV и XV вв.) и польскія хрон. такъ называемая Annales polonicarum до 1612 (снят. съ берлин. рукоп.).

Изъ сочиненій печатныхъ [2]) прекрасно представленъ былъ отдѣлъ теологіи и польской исторіи, словомъ Polonica (статуты, конституціи, дневники сеймовъ, историческія сочиненія и рѣдкія брошюры).

В. Александренко.

Н. Котляревскій. Старинные портреты. С.-Пб. 1907.

Авторъ—прекрасный портретистъ, и другого, лучшаго заглавія нельзя было бы дать этой книгѣ. Въ ней возсоздано нѣсколько обликовъ—Баратынскаго, Веневитинова, В. Одоевскаго, Алексѣя Толстого, Бѣлинскаго. Они набросаны тонкой, мягкой, ласковой кистью; штрихи легки и нѣжны; ничего рѣзкаго, твердаго, неспокойнаго. Это, если можно такъ выразиться, изображенія души. Въ нихъ авторѣ чувствуется не столько ученый, сколько художникъ. Правда, благодаря этому они нѣсколько туманны, но ужъ такова особенность таланта г. Котлярев-

[1]) Изъ памятниковъ болѣе ранняго времени нынѣ въ библіотекѣ хранится Codex Theodosianus IX вѣка.

[2]) Общее число сочиненій къ 1830 г. доходило до 150 тыс. (759) том. Свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ Библіотеки Варш. унив. можно найти въ очеркѣ проф. С. Н. Вѣхова, Библіотека Имп. Варш. унив. Варшава 1896 г.

скаго, которому изображеніе внутренней, глубинной жизни его героевъ, съ ихъ сложными душевными переживаніями, всегда удается лучше и легче, чѣмъ выясненіе исторической обстановки. Сравненіе этой критики съ портретной живописью напрашивается невольно. Есть такіе старые портреты: они не поражаютъ особой оригинальностью, красотою лицъ, но въ нихъ есть что-то глубокое, интимное, крадущееся въ душу. Таковы характеристики г. Котляревскаго.

Возьмемъ, напримѣръ, портретъ Баратынскаго. Его значеніе было вѣрно опредѣлено въ общихъ чертахъ еще Бѣлинскимъ и впослѣдствіи критика ничего существеннаго не прибавила къ приговору Бѣлинскаго: „раздоръ мысли съ чувствомъ, истины съ вѣрованіемъ составляетъ основу поэзіи Баратынскаго... Несмотря на свою вражду къ мысли, онъ по натурѣ своей призванъ быть поэтомъ мысли... Она вышла не изъ праздно мечтающей головы, а изъ глубоко растерзаннаго сердца". Въ сущности *то же* говоритъ Котляревскій, но *какъ* говоритъ!—„Есть особые люди на свѣтѣ: ихъ сердце—священный сосудъ философской скорби; со всѣхъ цвѣтовъ жизни они собираютъ не сладкій медъ, но горечь, и умѣютъ найти ее тамъ, гдѣ для другихъ она неощутима... Предугадывая сердцемъ молчаливую тайну вѣчности, въ которой тонетъ все сущее, эти люди измѣряютъ высокимъ представленіемъ всѣ событія, и потому мимолетная радость и временный смыслъ житейскихъ явленій имѣетъ для нихъ малую цѣнность. Они живутъ своимъ внутреннимъ міромъ, безъ попытокъ и желанія согласовать его съ ходомъ кипящей вокругъ нихъ жизни... Они—большіе консерваторы въ мірѣ своей скорбной мечты. Они не любятъ въ немъ новыхъ усложненій, не любятъ новыхъ поводовъ къ его пересозданію. Такимъ сосудомъ скорби было сердце Баратынскаго... Мгновеніе поэтическаго восторга—„полное ощущеніе извѣстной минуты", это рѣдкое блаженство было для него отравлено тѣмъ, что въ самомъ способѣ словеснаго претворенія жизни въ искусство мысль одерживала всегда верхъ надъ иными дарами духа. А мысль Баратынскаго была всегда глубокой и тревожной, разлагающей, многосторонней мыслью, проникающей въ тѣ тайники явленій, гдѣ скрытъ ихъ трагическій смыслъ"... *Такъ* говорить о Баратынскомъ можетъ только тотъ, кто глубоко прочувствовалъ его всего.

Не менѣе хорошъ портретъ Веневитинова въ статьѣ „Пушкинъ и Д. В. Веневитиновъ". Но слабая сторона этой статьи—Пушкинъ. Все здѣсь зыбко, шатко и спорно. „Давно уже"—говоритъ авторъ—„изслѣдователи жизни и творчества Пушкина высказывали предположеніе, что въ стихотвореніи „Чернь" поэтъ выразилъ итогъ чужой мысли,

съ которою согласился. Одно обстоятельство въ жизни поэта дѣлало такое предположеніе вѣроятнымъ". Это обстоятельство—знакомство Пушкина съ молодымъ московскимъ кружкомъ шеллингіанцевъ, къ которому принадлежалъ Веневитиновъ. Въ „Черни", какъ понимаетъ ее г. Котляревскій, Пушкинъ выразилъ тотъ взглядъ на искусство, который раздѣляли и наши молодые шеллингіанцы. „Слушая ихъ и претворяя ихъ теоретическія выкладки въ образы, Пушкинъ и создалъ свой „ямбъ", свою „Чернь". Такъ иногда говорятъ, когда хотятъ разрѣшить загадку происхожденія этого стихотворенія. Такъ ли на самомъ дѣлѣ это было?"—спрашиваетъ г. Котляревскій и тутъ же отвѣчаетъ: „Легко можетъ быть, что непосредственныя впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ общенія съ этими людьми, и вызвали въ его фантазіи тотъ образъ художника на молитвѣ, который глухъ и нѣмъ для толпы и такъ краснорѣчивъ передъ алтаремъ своего Бога". Это предположеніе, ничѣмъ не подтверждаемое, черезъ нѣсколько страницъ, посвященныхъ собственно Веневитинову и отношенію шеллингизма къ искусству, обращается уже въ утвержденіе: „въ сферу вліянія этой философской идеи Пушкинъ попалъ на собраніяхъ у Веневитинова. Пусть онъ и неохотно на нее отзывался—а отвлеченныхъ тонкостей Пушкинъ дѣйствительно не любилъ,—но по своей способности не пропускать ни одного впечатлѣнія жизни безъ отклика, онъ спустя нѣкоторое время, отойдя на извѣстное разстояніе отъ лицъ и событій, претворилъ въ образы нити новыхъ мыслей, его поразившихъ". Но развѣ повторить вопросъ значитъ разрѣшить его, а изъ нерѣшительно высказаннаго предположенія выбросить осторожное „можетъ быть" значитъ найти истину? Г. Котляревскій пишетъ: „все, что онъ до этого стихотворенія говорилъ о поэтѣ и его отношеніи къ толпѣ, было—либо повтореніе сказаннаго старшими, Жуковскимъ и Батюшковымъ, либо воспоминаніемъ прочитаннаго въ образцахъ античной словесности, либо, какъ думаютъ нѣкоторые, отзвукомъ ученія Руссо". Но развѣ пушкинскій Андрей Шенье не говоритъ того же, что и поэтъ въ „Черни", горько виня себя: „Мнѣ, вѣрному любви, стихамъ и тишинѣ", (т. е. „вдохновенью, звукамъ сладкимъ и молитвамъ")—„мнѣ ль было управлять строптивыми конями и круто напрягать безсильныя бразды"? „Очевидно, Пушкинъ"—говоритъ г. Котляревскій—„долго и много думалъ о цѣнѣ такихъ мирныхъ пѣсенъ, далекихъ отъ всякой злобы дня, злобы политической, общественной или просто суетливой. А между тѣмъ ни въ стихахъ Пушкина, ни въ его перепискѣ тѣхъ лѣтъ слѣдовъ такихъ долгихъ думъ не осталось". И съ этимъ можно спорить, но развѣ на

основаніи отсутствія такихъ доказательствъ можно строить убѣжденіе, что Пушкинъ не самъ продумалъ свой взглядъ на поэта и лишь согласился съ чужою мыслью? Неужели же Пушкинъ былъ такъ жалко несамостоятеленъ? Можетъ быть, Пушкинъ и чуждался абстрактнаго мышленія (Погодинъ разсказывалъ, что однажды онъ „декламировалъ нелѣпо“ противъ философіи, — но понялъ ли его Погодинъ?), но не надо забывать, что Пушкинъ былъ мудрецъ, въ области поэзіи болѣе державный властитель чѣмъ Шеллингъ и его русскіе ученики, и что философскій элементъ былъ невольно присущъ его генію независимо отъ того, интересовался ли онъ философіей какъ ученіемъ, или нѣтъ. Да и степень близости его къ шеллингіанскому кружку была совсѣмъ незначительна.

Интересны нѣсколько умныхъ, звучныхъ страницъ, посвященныхъ „Русскимъ ночамъ“ князя В. Ѳ. Одоевскаго, и статьи объ Алексѣѣ Толстомъ, цѣнныя особенно потому, что большая часть всего, сказаннаго о Толстомъ до сихъ поръ носитъ полемическій характеръ и пропитана той или иной политической тенденціей. Въ одной изъ этихъ статей г. Котляревскій объясняетъ, почему русскій геній не возвысился до созданія міровой трагедіи, трагедіи человѣческаго духа, и не пошелъ выше трагедіи національной („Борисъ Годуновъ“ Пушкина, трилогія Ал. Толстого): „слишкомъ много у насъ еще впереди, чтобы останавливаться въ раздумьи передъ общимъ смысломъ того, что есть жизнь въ ея конечномъ цѣломъ, и какой цѣной она покупается“. Какъ будто у Греціи временъ Эсхила или у Англіи эпохи Шекспира ничего не было впереди! Напомнимъ автору, такъ просто и увѣренно говорящему о будущемъ, слова его любимаго поэта, вложенныя въ уста мудрыхъ китайцевъ и цитируемыя имъ самимъ: „...мы вѣдь очень млады, намъ тысячъ пять лишь лѣтъ... Кляпемся разнымъ чаемъ, и желтымъ и простымъ, мы много обѣщаемъ и много совершимъ“. Но это лишь частность, не портящая общей характеристики Толстого какъ поэта, драматурга, сатирика и юмориста.

Портретъ московскаго философа В. П. Преображенскаго принадлежитъ къ лучшимъ въ книгѣ. Это не только характеристика интереснаго, талантливаго человѣка, но исторія душевной жизни цѣлаго поколѣнія молодежи въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Эти нѣсколько страницъ—дорогой вкладъ въ исторію.

Нѣсколько словъ о языкѣ г. Котляревскаго. Авторъ — настоящій мастеръ слова. Спокойное, плавное, оно ласкаетъ и нѣжитъ слухъ; подчасъ оно кажется слишкомъ мягкимъ, слишкомъ нѣжащимъ, слиш-

комъ щегольскимъ. Со страницъ книги струится чистый, но холодный потокъ. Ея литературная техника отливаетъ луннымъ свѣтомъ, яркимъ и не грѣющимъ. Но у насъ мало кто такъ владѣетъ перомъ.

И. Л.

Corpus juris polonici. Sectionis primae privilegia statuta constitutiones edicta decreta mandata regnum poloniæ spectantia comprehendentis vol. tertium annos 1506—1522 continens typis mandavit adnotationibus instruxit Osvaldus Balzer. Crac. 1906. LXII+796.

Въ 1890 г. на второмъ съѣздѣ польскихъ историковъ во Львовѣ выдающійся знатокъ польскаго права, Ос. Бальцеръ, выступилъ съ рефератомъ о необходимости издать собраніе средневѣковыхъ польскихъ законовъ. При обсужденіи этого реферата была высказана мысль, что наиболѣе важнымъ для науки должно быть обнародованіе законовъ изъ временъ болѣе новыхъ отъ правленія Яна Альбрехта до паденія государства и что руководство этого дѣла должна взять въ свои руки юридическая комиссія Краковской Академіи [1]). Въ слѣдующемъ году въ органѣ Львовскаго историческаго общества появилась обстоятельная статья проф. Бальцера, въ которой онъ указалъ на существенные недостатки прежнихъ сборниковъ (Статутъ Ласкаго 1506, Volumina Legum первое изд. XVIII в. и второе Огрызки съ дополненіемъ въ IX т. 1889 г. законовъ между 1782—1792, Jus Polonicum Бандтке 1831 г., Starodawnie prawa polskiego pomniki Гельцеля съ 1856 г.) и вмѣстѣ съ тѣмъ на значительное количество новооткрытыхъ, а также плохо напечатанныхъ матеріаловъ. По мнѣнію проф. Бальцера необходимо выдѣлить только Мазовію и Литву, включивъ западную Пруссію, вошедшую въ составъ Польши по Торнскому трактату 1466 г. Неопредѣленность понятія закона въ средневѣковой Польшѣ заставила проф. Бальцора подробно остановиться на этомъ вопросѣ и привела его къ тому, что нельзя ограничиться постановленіями сеймовъ, но надо включить и королевскія повелѣнія [2]); наконецъ, тамъ же и въ томъ же году были помѣщены регесты къ corpus juris polonici medii aevi [3]). На засѣданіи 14-го декабря 1891 г. юридическая комиссія Академіи постановила, по предложенію проф. Ульяновскаго,

---

[1]) Pamiętnik Drugiego Zjazdu historyków polskich we Lwowie.

[2]) Kwartalnik historyczny. 1891, стр. 49—82, а также Balzer, Przyczynki do histor. źródeł prawa polskiego.

[3]) Kwart. hist. 1891, стр. 314—358, 599—601.

приступить къ новому критическому изданію польскихъ законовъ, какъ средневѣковыхъ, такъ и болѣе новыхъ, при чемъ раздѣлила работу, поручивъ руководство отдѣла средневѣковаго проф. Ульяновскому, а руководство отдѣла болѣе новыхъ законовъ проф. Бальцеру.

Первый, средневѣковой, отдѣлъ потребовалъ предварительныхъ работъ, а именно оказалось необходимымъ изданіе точныхъ оттисковъ текстовъ нѣсколькихъ важнѣйшихъ рукописей, заключающихъ въ себѣ собранія земскихъ статутовъ, какъ подготовительнаго матеріала для позднѣйшаго окончательнаго изданія средневѣковыхъ законовъ. Результатъ этой работы—два уже оканчиваемые тома латинскихъ текстовъ, обработанные проф. Ульяновскимъ, которые появятся какъ второй и четвертый томъ архива юридической комиссіи, а также одинъ томъ средневѣковыхъ польскихъ переводовъ, изданный въ 1895 г. проф. Пекосинскимъ, какъ третій томъ того же самаго изданія. Послѣ этихъ приготовительныхъ работъ, а также послѣ дополнительныхъ розысканій въ архивахъ, особенно въ Метрикѣ Коронной, полное критическое изданіе польскихъ средневѣковыхъ законовъ двинется быстро впередъ.

Второй отдѣлъ не представлялъ особенныхъ затрудненій, но и въ немъ количество вновь найденныхъ памятниковъ оказалось такъ велико, что необходимо было оставить первоначальную мысль о выдѣленіи отдѣла 1506 до 1632, а ограничиться періодомъ отъ 1506—1548 г., который тѣмъ не менѣе долженъ занять три огромныхъ тома.

Характеръ и объемъ изданія окончательно опредѣлился слѣдующимъ образомъ: „Изданіе будетъ называться Corpus juris Polonici и обниметъ возможно полно все количество памятниковъ польскаго законодательства въ обширномъ смыслѣ слова, слѣдовательно также королевскія постановленія, начиная съ древнѣйшихъ временъ до паденія польскаго государства, и притомъ относительно всѣхъ территорій, которыя находились подъ властью польскихъ правителей, а слѣдовательно какъ собственной Короны и соединенныхъ съ нею краевъ и земель, прусскихъ, мазовецкихъ, освяцимской, заторской и т. д., такъ и земель, входящихъ въ составъ Великаго Княжества Литовскаго. Вслѣдствіе этого оно распадется на два большіе отдѣла (секціи), изъ которыхъ первый представитъ коронные, второй литовскіе законы. По скольку нѣкоторые законы издавались для обѣихъ частей польскаго государства, напримѣръ сеймовыя конституціи послѣ 1569 г., они будутъ обнародованы въ отдѣлѣ, заключающемъ коронныя постановленія. Оба отдѣла будутъ состоять изъ подходящаго количества

томовъ съ особой нумераціей, изъ которыхъ каждый обниметъ извѣстный, замкнутый, указанный размѣрами матеріала, большій или меньшій періодъ времени. Въ первомъ, коронномъ отдѣлѣ два первые тома будутъ сохранены для остатковъ средневѣковаго польскаго законодательства до 1506 г., которые будутъ изданы позже; нынѣшній томъ, именно начинающійся 1506 годомъ и обнимающій времена безкоролевья по смерти короля Александра, а также первые шестьнадцать лѣтъ правленія Сигизмунда I, выходитъ уже какъ третій томъ по порядку. Дальнѣйшіе два тома (4-й и 5-й), въ цѣлости уже приготовленные, охватятъ время до самаго 1548 г." [1]). Насколько можно судить по временамъ Сигизмунда I, отдѣлъ коронныхъ законовъ будетъ заключать въ себѣ болѣе 20 большихъ томовъ; литовскій отдѣлъ нѣсколько менѣе, а все изданіе будетъ имѣть около 40 томовъ. Нынѣшній издатель надѣется довести свой трудъ до смерти Стефана Баторія (1586 г.).

Уже одно имя издателя ручается за безукоризненное выполненіе возложенной на него задачи. Изданію предшествуетъ небольшое латинское и подробное польское предисловіе, въ которомъ Освальдъ Бальцеръ ознакамливаетъ читателя съ возникновеніемъ самаго предпріятія, планомъ его выполненія, установленіемъ текста и опредѣленіемъ значенія закона, какъ общаго или какъ частнаго, наконецъ съ правилами, наблюдаемыми при изданіи. Согласно общепризнаннымъ въ дипломатикѣ началамъ, первенство дается тексту оригинальнаго документа передъ записью въ метричныхъ книгахъ, этой послѣдней передъ копіями въ судебныхъ книгахъ, наконецъ такимъ копіямъ передъ частными копіями (напримѣръ, Acta Tomiciana) и изданіями. Обстоятельное описаніе рукописей вмѣстѣ съ опредѣленіемъ признаковъ, на основаніи которыхъ данный актъ вносился въ изданіе, откладывается до предисловія къ 5-му тому. При самомъ изданіи Освальдомъ Бальцеромъ сдѣлано все, чтобы облегчить читателю пользованіе актомъ; лица, мѣстности, темныя выраженія установлены въ примѣчаніяхъ, но въ особенности поблагодаритъ издателя историкъ-юристъ за обстоятельное опредѣленіе законовъ въ исторической послѣдовательности, на которые актъ ссылается или даже которые онъ только имѣетъ въ виду. Наконецъ особенно цѣнными являются примѣчанія передъ актами, которые въ нихъ нуждаются. Здѣсь иной разъ имѣются почти цѣлыя небольшія изслѣдованія, разъясняющія тотъ или другой

---

[1]) Osw. Balzer. Corp. jur. pol. III, стр. XVIII—XIX.

запутанный вопросъ, напримѣръ № 18, стр. 56, № 48, стр. 97, № 49, стр. 99, особенно № 215, стр. 401 и т. д. Къ изданію приложены списокъ именъ (index nominum), списокъ сановниковъ и чиновниковъ Польши со всѣми отъ ней зависимыми землями, списокъ вещей съ очень важною для древнепольской терминологіи ихъ польскою передачею исключительно на основаніи въ этомъ томѣ напечатанныхъ актовъ, наконецъ обзоръ народныхъ выраженій съ ихъ латинскою передачею. Addenda et corrigenda замыкаютъ весь огромный томъ.

И такъ выступаетъ въ свѣтъ громадное изданіе чрезвычайной важности для исторіи польскаго права. Безъ него работы по древнепольскому праву были очень затруднены общепризнаннымъ недостаткомъ существующихъ сборниковъ польскихъ законовъ. Прежде всего рождается вопросъ, почему изданіе не начинается съ перваго тома?

Безошибочно можно сказать, что главнѣйшею помѣхою здѣсь служитъ законодательство Казиміра Великаго. Законодательная дѣятельность этого польскаго короля совпадаетъ съ такою же дѣятельностью императора Карла IV, какъ короля чешскаго (Majestas Carolina), и сербскаго царя Стефана Душана, но она оказалась важнѣе ихъ обѣихъ. Между тѣмъ какъ законы Карла IV были отвергнуты сеймомъ и имѣли значеніе развѣ только какъ сборникъ юридическихъ обычаевъ, а сербское царство скоро разрушилось и вмѣстѣ съ тѣмъ до нѣкоторой степени подорвало вліяніе законовъ Душана; Статуты Казиміра Великаго вошли въ жизнь и сохранили свою обязательную силу вплоть до самаго паденія польскаго государства. Поэтому легко понять, что законодательная дѣятельность Карла IV почти не вызвала особой литературы. Зато законникомъ Стефана Душана занимались немало и только въ болѣе новое время вопросъ о немъ въ связи съ вопросомъ о вліяніи византійскаго права на балканскомъ полуостровѣ приближается къ рѣшенію, особенно благодаря трудамъ знаменитаго сербскаго историка Стояна Новаковича [1]). Что же касается законодательства Казиміра Великаго, то, при всей громадности потраченнаго на его выясненіе труда, оно остается неразрѣшимою загадкой. Былъ испробованъ путь и тщательнаго анализа отдѣльныхъ статей (Лелевель, Гельцель), и изученія юридическаго быта Польши по грамотамъ,

[1]) Стојан Новаковић. Законик Стефана Душана. Београд. 1898. Его же. Матије Властара Синтагмат азбучни зборник византијских црквених и државних закона и правила словенски превод времена Душанова. Београд. 1907.

лѣтописямъ и судебнымъ книгамъ до Казиміра, во время его и послѣ его смерти (Губе), а все это, какъ показываетъ проф. Пекосинскій, не приблизило къ окончательнымъ выводамъ. Вслѣдствіе этого Краковская Академія, подъ вліяніемъ своего ученаго секретаря, проф. Ульяновскаго, рѣшила напечатать цѣликомъ важнѣйшія рукописи Статутовъ и сдѣлать ихъ такимъ образомъ доступными бо́льшему кругу ученыхъ; можетъ быть откроются новыя, дотолѣ невѣдомыя точки зрѣнія.

Если мы сравнимъ появляющееся въ свѣтъ изданіе польскихъ законовъ съ codex juris bohemici, издаваемымъ уже болѣе 40 лѣтъ Германегильдомъ Иречкомъ, то подмѣтимъ весьма существенныя различія относительно полноты. Сборникъ чешскаго права стремится включить въ себя всѣ юридическія начала, имѣвшія обязательную силу на территоріи чешскаго государства, т.-е. и право феодальное, и городское, и церковное. Сборникъ польскаго права, повидимому, будетъ ограничиваться только результатами законодательной дѣятельности польскихъ правителей и сеймовъ. Въ чешскій сборникъ входятъ международные договоры; изъ польскаго они принципіально исключены. Наконецъ чешское собраніе охватываетъ собою всю чешскую юридическую литературу, которая будетъ отсутствовать въ польскомъ. И такъ матеріалъ, даваемый ученымъ, въ польскомъ изданіи будетъ неизмѣримо однороднѣе, чѣмъ въ чешскомъ. Причина такого различія кроется не только въ несравненно бо́льшемъ обиліи матеріала по отношенію къ Польшѣ, но и въ особенностяхъ развитія польскаго и чешскаго правъ.

Чехія составляла всегда извѣстную часть западно-римской имперіи, а потому договоры съ императорами должны были естественно входить въ составъ сборника. Наоборотъ Польша заключала трактаты какъ вполнѣ самостоятельный членъ международнаго союза, а потому они стояли какъ бы внѣ сферы внутренней жизни народа. Чехія пріобрѣла при Оттокарѣ II во второй половинѣ XIII в. верховный земскій судъ, состоящій изъ пожизненно назначенныхъ королемъ землесобственниковъ. Посредствомъ судебной практики этого суда сложились начала гражданскаго и уголовнаго правъ, а также судопроизводства. Эта судебная практика и легла въ основу знаменитой чешской юридической литературы, которая, слѣдовательно, излагаетъ правила, обязательныя для судовъ. Поэтому исключить ее изъ сборника законовъ значило бы лишить его всего того, что касалось правъ гражданскаго, уголовнаго и процессуальнаго. Наоборотъ въ Польшѣ

до самаго установленія трибуналовъ въ 1578 г. и 1581 г. (для Литвы) въ отдѣльныхъ воеводствахъ и земляхъ дѣйствовали свои мѣстные обычаи, а общія начала, хотя и существовали, но не были собраны и обработаны. Даже послѣ учрежденія трибуналовъ судебная практика не могла сложиться. Этому препятствовали выборъ судей на одинъ годъ и противодѣйствіе сеймовъ, видѣвшихъ въ образованіи судебной практики посягательство на свою законодательную власть. Поэтому богатая польская юридическая литература имѣетъ характеръ исключительно политическій и включеніе ея въ собраніе, долженствующее содержать общеобязательныя нормы, было бы непростительной ошибкой. Это почти полное отсутствіе у поляковъ литературы, извлекающей изъ анализа судебныхъ дѣлъ начала, положенныя при ихъ рѣшеніи, придаетъ всему польскому праву нѣкоторую односторонность. Между тѣмъ какъ для описанія структуры государства и общества имѣется матеріалъ въ изобиліи, для такъ называемаго судебнаго права существуетъ весьма незначительный запасъ данныхъ, ибо сборники Пржелусскаго, Гербурта, Яна Янушевскаго и др. заключаютъ въ себѣ тѣ же постановленія польскихъ правителей и сеймовъ, но только расположенныя по системѣ римскаго права, а иногда и съ комментаріями, заимствованными изъ римскихъ источниковъ.

Не смотря на благодарность за облегченіе пользованія разнообразными постановленіями, нѣкоторыя изъ нихъ, казалось бы мнѣ, слѣдовало исключить. Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ проф. Бальцеръ, по многимъ вопросамъ король пользовался законодательною властію, конкурирующею съ сеймомъ [1]). Если поэтому король устанавливалъ для горожанъ, духовенства и т. д. налогъ независимо отъ сейма, то конечно такое его постановленіе должно было войти въ сборникъ. Но если король обращался по поводу налога къ отдѣльнымъ сановникамъ только на основаніи рѣшенія сейма, то печатаніе такого обращенія въ сборникѣ является нѣкотораго рода роскошью. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ извѣстною вновь установленною нормою, а съ простымъ административнымъ распоряженіемъ о приведеніи уже изданнаго закона въ дѣйствіе.

Ф. Зигель.

---

[1]) Осв. Бальцеръ. Къ исторіи общественно-государственнаго строя Польши. С.-Пб. 1908 г., стр. 138, 139.

А. Н. Анцыферовъ, привать-доцентъ Харьковскаго университета. **Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи.** I — VIII + 517 стр. Воронежъ. 1907 г.

Авторъ избралъ предметомъ своего изслѣдованія одинъ изъ современныхъ экономическихъ вопросовъ первостепенной важности. Широкое развитіе кооперативныхъ организацій въ сельскомъ хозяйствѣ западной Европы за послѣднія 10 — 15 лѣтъ не только внесло огромное улучшеніе въ положеніе мелкихъ и среднихъ земледѣльцевъ, но будетъ правильнѣе сказать, что сельско-хозяйственныя коопераціи, въ особенности въ Германіи и Даніи сдѣлались могучимъ средствомъ подъема экономическаго благосостоянія деревни во всемъ ея соціальномъ составѣ, включительно до самыхъ захудалыхъ элементовъ сельскаго населенія—парцелярныхъ собственниковъ и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, давая возможность однимъ расширить свое землевладѣніе, другимъ, безземельнымъ, пріобрѣтать мелкія парцеллы земли, а всѣмъ вообще категоріямъ земледѣльческаго населенія обезпечивая средства перехода къ усовершенствованнымъ системамъ земледѣлія. Итакъ можно сказать, что сельско-хозяйственныя коопераціи, по мѣрѣ того какъ они входятъ въ жизненный обиходъ мелкаго земледѣльца, становятся все болѣе и болѣе могущественнымъ факторомъ, преобразующимъ экономическія отношенія въ сферѣ сельскаго хозяйства. Въ связи съ этимъ и вопросы о преимуществахъ крупнаго и мелкаго земледѣлія, о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и другіе, получаютъ въ экономической наукѣ иную постановку и иное освѣщеніе. Въ Германіи, Даніи, Италіи и Франціи сельско-хозяйственныя коопераціи представляютъ узелъ, въ которомъ сплетаются самыя сложныя вопросы сельско-хозяйственнаго быта и поступательнаго развитія сельскаго населенія.

Авторъ взялъ предметомъ своего изслѣдованія кооперативное движеніе въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи не во всемъ его объемѣ, а въ опредѣленныхъ ограниченныхъ имъ рамкахъ. А именно, онъ поставилъ себѣ задачею „выяснить основные наиболѣе распространенные и имѣющіе наибольшее значеніе типы сельско-хозяйственныхъ кооперативныхъ учрежденій, необходимыя условія ихъ возникновенія и развитія и, наконецъ, намѣтить основныя задачи ихъ дѣятельности и способы выполненія этихъ задачъ“. Но и въ такомъ объемѣ выполненіе поставленной авторомъ задачи—охарактеризовать сельско-хозяйственныя коопераціи Германіи и Франціи—требовало большого количества труда, въ особенности, если принять во вниманіе то об-

стоятельство, что ему приходилось не столько пользоваться готовымъ печатнымъ матеріаломъ въ европейскихъ библіотекахъ, сколько собирать ихъ самому изъ первыхъ рукъ, посѣщая самолично кооперативныя товарищества, ихъ центральные союзы, кооперативные конгрессы, а также входя въ непосредственныя сношенія, какъ съ руководителями кооперативнаго движенія, такъ и самими участниками кооперативныхъ организацій.

Но перейдемъ теперь къ самому содержанію работы А. Н. Анцыферова. Свой обзоръ кооперативныхъ учрежденій въ сферѣ сельскаго хозяйства онъ начинаетъ съ организацій Раффайзена. Раффайзеновскія товарищества разныхъ видовъ въ числѣ 4.445, объединенныя въ генеральномъ Нойвидскомъ союзѣ, въ общей массѣ сельско-хозяйственныхъ товариществъ Германіи, достигающей до 19 тысячъ, составляютъ менѣе 1/5 части, такъ что, можно сказать, теперь они потонули въ морѣ кооперативнаго движенія. Авторъ, однако, выдвигаетъ ихъ на первый планъ въ своемъ изложеніи, по тому вполнѣ основательному соображенію, что Раффайзеномъ выработанъ типъ сельско-хозяйственнаго кредитнаго товарищества, который нетолько получилъ самое широкое распространеніе въ Германіи, но, какъ образцовое разрѣшеніе проблемы организаціи кредита для мелкихъ земледѣльцевъ, пользуется міровою извѣстностью. На основаніи отчетовъ о состояніи Раффайзеновскихъ учрежденій, и какъ очевидецъ, изучившій дѣятельность этихъ организацій на мѣстахъ, авторъ обстоятельно знакомитъ насъ съ тѣмъ, какъ извѣстные принципы Раффайзеновскихъ кредитныхъ товариществъ осуществляются въ конкретныхъ формахъ, въ живой дѣйствительности. Всѣ извѣстные принципы раффайзеновскихъ организацій,—какъ-то круговая порука, отсутствіе членскихъ паевъ, сочетаніе долгосрочныхъ активныхъ операцій съ краткосрочными пассивными, этическій элементъ въ созданіи личнаго кредита, безмездность труда по управленію, назначеніе дивидентовъ на общественныя нужды,—проходятъ передъ глазами читателя не какъ отвлеченныя положенія, а какъ живыя, конкретныя явленія кооперативнаго движенія, использовавшаго начала общественной солидарности для пріобщенія деревни къ сферѣ кредитнаго хозяйства, путемъ доставленія широкаго доступа мелкимъ землевладѣльцамъ къ пользованію кредитомъ, до сихъ поръ составляющаго фактическую привиллегію крупной промышленности. Авторомъ очень детально изложены всѣ звенья раффайзеновской организаціи, кредитныя товарищества съ ихъ объединяющими учрежденіями, центральными кассами, генеральнымъ союзомъ

сельскихъ товариществъ и наконецъ генеральной кассой, или банкомъ для урегулированія операцій всѣхъ товариществъ Германіи въ отношеніи техники кредитныхъ операцій, ревизіи, пропаганды и такъ далѣе.

Въ то время какъ 1-я глава отведена характеристикѣ организаціи раффайзеновскихъ товариществъ, описанію ихъ структуры, во второй главѣ авторъ удѣляетъ преимущественное вниманіе внутренней дѣятельности товариществъ и выполняемому ими назначенію. Въ политической экономіи прочно установленъ принципъ, что банки являются учрежденіями, оперирующими преимущественно не своими, а чужими капиталами. Этотъ принципъ находитъ свое подтвержденіе и въ дѣятельности кооперативныхъ товариществъ, въ которыхъ, какъ оказывается, собственный капиталъ относится къ чуждому, какъ 4 къ 100. Собственный капиталъ кредитныхъ товариществъ, состоящій изъ учредительнаго и резервнаго фонда, настолько малъ, что онъ и не предназначается для образованія оборотныхъ средствъ, а служитъ только для покрытія случайныхъ и непредвидѣнныхъ потерь. Авторъ при этомъ характеризуетъ не только операціи кредитныхъ товариществъ, но и знакомитъ насъ, въ лицѣ Раффайзена, съ замѣчательнымъ типомъ крупнаго общественнаго дѣятеля, умѣвшаго учесть всѣ данные современнаго хозяйственнаго быта деревни и національныя особенности германской націи, для того, чтобы создать учрежденія, которыя успѣли уже внести крупныя улучшенія въ положеніе крестьянскаго населенія Германіи и которымъ, какъ мы теперь видимъ, суждено сыграть крупную роль въ подъемѣ экономическаго благосостоянія мелкихъ землевладѣльцевъ, и другихъ странъ культурнаго міра, усвоившихъ себѣ этотъ типъ товариществъ, по германскому образцу (Италія, Швейція, Франція и Данія).

Главу третью авторъ отводитъ описанію обширной массы кооперативныхъ учрежденій, существующихъ въ Германіи и отмѣченныхъ тѣмъ общимъ отрицательнымъ признакомъ, что они не принадлежатъ къ Раффайзеновскому центральному союзу. Сюда относятся товарищества Шульце-Деличевскія, подчиненныя теперь вліянію и руководству знаменитаго германскаго кооператора Гааза, Дункъ-Гиршевскія и друг., въ преобладающей своей массѣ подчиненныя имперскому кооперативному союзу. Здѣсь авторъ очень подробно останавливается на отличительныхъ особенностяхъ имперскаго союза. При этомъ онъ отмѣчаетъ какъ выгодныя преимущества имперскаго союза, сравнительно съ Раффайзеновскими организаціями,—господство принципа децентрализаціи, выражающееся въ предоставленіи отдѣльнымъ товариществамъ большей свободы самоуправленія, въ смыслѣ права измѣнять свои уставы, а

также терпимость въ отношеніи выбора системы круговой поруки, ограниченной или же неограниченной и т. п. Оказывается, что именно эти преимущества принциповъ имперскаго союза обезпечили тяготѣніе къ нему цѣлыхъ массъ кооперативныхъ товариществъ, для которыхъ опека раффайзеновскихъ статутовъ была мало привлекательной. Въ концѣ концовъ эти преимущества сдѣлали насъ свидѣтелями того факта, что имперскій союзъ, по массѣ объединенныхъ имъ товариществъ, переросъ раффайзеновскій и впиталъ его въ себя. Въ заключеніи этой главы авторъ характеризуетъ разностороннюю дѣятельность имперскаго союза, какъ представителя и защитника интересовъ кооператоровъ и кооперативныхъ учрежденій въ странѣ—передъ общими судами, парламентомъ, въ печати, а также въ ихъ конфликтахъ съ торговыми и промышленными классами, для которыхъ, кооперативныя учрежденія являются серьезными соперниками въ сферѣ хозяйственной дѣятельности.

Въ главахъ 4, 5 и 6 авторъ описываетъ всѣ звѣнья организаціи кредитныхъ операцій имперскаго союза, въ трехъ ихъ стадіяхъ, (мѣстныя товарищества, областныя центральныя кассы и главная касса въ Дармштадтѣ) и въ заключеніи даетъ очень обстоятельную характеристику вспомогательной кассы для нуждъ кооперативныхъ товариществъ, созданной прусскимъ правительствомъ и извѣстной подъ именемъ „Прусской центральной кассы“.

Послѣдующія четыре главы (VII, VIII, IX и X) авторъ отводитъ описанію своеобразной формы кооперативнаго движенія во Франціи, извѣстной подъ именемъ синдикатовъ, въ которой послѣднее слилось съ профессіональной организаціей французскихъ землевладѣльцевъ для защиты своихъ классовыхъ интересовъ. Первый параграфъ уставовъ французскихъ синдикатовъ гласитъ: „синдикаты ставятъ себѣ цѣлью изучать всѣ мѣры экономическаго характера и всѣ законодательныя реформы, которыхъ могутъ требовать интересы сельскаго хозяйства, дѣлать представленія передъ компетентными властями въ цѣляхъ осуществленія этихъ реформъ, напримѣръ относительно отягощенія земельной собственности налогами и долгами, желѣзнодорожныхъ и таможенныхъ тарифовъ, октруа, налога мѣста на ярмаркахъ и рынкахъ и т. д.“. Такъ говоритъ уставъ, а дѣятельность синдикатовъ за время ихъ функціонированія показала, что синдикаты держатъ въ своихъ рукахъ всѣ нити политическаго представительства интересовъ землевладѣльческаго класса въ странѣ. Отъ синдикатовъ зависятъ выборы депутатовъ отъ сельскихъ округовъ, они же даютъ наказы своимъ

депутатамъ и только при условіи принятія этихъ наказовъ обезпечиваютъ ихъ кандидатуры въ парламентѣ. Синдикаты также инспирируютъ національное общество земледѣлія въ Парижѣ, которое, благодаря своему вліятельному положенію, имѣетъ возможность диктовать свою волю законодателямъ, засѣдающимъ въ палатѣ и сенатѣ. Поэтому синдикаты до сихъ поръ всегда успѣвали добиваться повышенія пошлинъ на ввозъ иностраннаго хлѣба, винъ и т. п. Выступивъ дѣятельнымъ органомъ организаціи кооперативныхъ, кредитныхъ и подобныхъ товариществъ для пріобрѣтенія сельско-хозяйственныхъ орудій, удобренія, улучшенныхъ сѣмянъ, а также сбыта земледѣльческихъ продуктовъ—синдикаты сразу успѣваютъ получить отъ правительства значительную безпроцентную ссуду для образованія оборотнаго капитала своихъ кооперативныхъ товариществъ.

Самое управленіе синдикатовъ построено на началахъ имущественнаго ценза съ сосредоточеніемъ власти въ рукахъ предсѣдателя, а въ организаціи областныхъ союзовъ, въ ихъ отношеніяхъ къ генеральному союзу, проведенъ принципъ централизаціи (287 стр.). Вообще, по своему существу, синдикаты, какъ профессіональныя организаціи землевладѣльческаго класса, могутъ быть поставлены на ряду съ союзомъ аграріевъ въ Германіи. Рѣзко выраженный классовый характеръ организаціи, элементы патроната, благотворительная помощь отъ казны, при этомъ примѣсь конфессіональныхъ интересовъ—все это черты, которыя являются противупоказаніями здороваго направленія кооперативнаго движенія. Такимъ образомъ къ кооперативному движенію въ Франціи синдикатами привлечено много элементовъ чуждыхъ и гибельныхъ для его развитія. Поэтому созданные синдикатами кредитныя кассы и бюро для спроса и предложенія труда являются какъ бы постороннимъ придаткомъ синдикальной организаціи въ сельскомъ хозяйствѣ Франціи.

Въ послѣднее время реакція противъ этихъ отрицательныхъ сторонъ въ постановкѣ земледѣльческихъ коопераціи явилась, какъ среди землевладѣльцевъ, такъ и со стороны общественныхъ дѣятелей, старающихся насадить во Франціи товарищества Шульце-Деличевскаго и Раффайзеновскаго типа, чуждающіяся всякой внѣшней опеки и освободить кооперативныя учрежденія отъ чуждыхъ имъ элементовъ политическихъ и конфессіональныхъ, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать коопераціи самодовлѣющимъ дѣломъ. Въ этомъ отношеніи авторъ справедливо отмѣчаетъ выдающуюся роль конгрессовъ представителей кооперативныхъ учрежденій, во главѣ съ такими выдающимися ихъ организа-

торами, какъ Шарль Жидъ, Ростанъ, Рейнери и др. (293 стр.). Какъ эти два теченія политическое и классовое, съ одной стороны, и автономно-кооперативное, съ другой стороны, борются въ современномъ кооперативномъ движеніи во Франціи—это авторъ изобразилъ въ главѣ, посвященной характеристикѣ современнаго положенія кооперативнаго кредита во Франціи. Послѣднія главы въ трудѣ г. Анцыферова отведены изслѣдованію кооперативно-подсобныхъ организацій для снабженія сельскаго хозяйства усовершенствованными орудіями, сѣменами, искусственными удобреніями и т. п., далѣе производительныхъ ассоціацій въ области сельско-хозяйственной индустріи (производство масла, сыра, вина и т. п.) и наконецъ товариществъ для сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства. Заключительная глава (15-я) посвящена, такъ сказать, экономикѣ кооперативныхъ учрежденій. Здѣсь авторъ дѣлаетъ цѣлый рядъ обобщеній относительно экономической природы кооперативнаго движенія, классификаціи типовъ кооперативныхъ учрежденій и значенія кооперативныхъ товариществъ для мелкаго земледѣлія. При этомъ основываясь на опытѣ кооперативнаго движенія въ Германіи и во Франціи, авторъ, отмѣчаетъ тѣ политическія и общественныя условія, при наличности которыхъ кооперативныя учрежденія могутъ съ успѣхомъ насаждаться въ странѣ (извѣстный уровень народнаго образованія, развитіе гражданской свободы и т. п.) и при отсутствіи которыхъ кооперативное дѣло должно считаться безнадежнымъ и осужденнымъ на неудачу, или прозябаніе.

Изложеніе содержанія сочиненія г. Анцыферова показываетъ, что авторъ обнялъ въ немъ всѣ основныя сельско-хозяйственныя коопераціи въ двухъ странахъ высокой земледѣльческой культуры, въ Германіи и Франціи. Но въ своемъ описаніи разныхъ типовъ сельско-хозяйственныхъ коопераций въ этихъ странахъ онъ отводитъ преимущественное вниманіе и наибольше мѣста 1) кооперативнымъ товариществамъ Раффайзена, 2) объединительнымъ учрежденіямъ, союзамъ и кассамъ, создавшимъ мощное развитіе сельско-хозяйственныхъ коопераций въ Германіи и наконецъ 3) французскимъ синдикатамъ.

Собственно съ принципами раффайзеновскихъ кредитныхъ товариществъ русская литература давно знакома. На юридическихъ факультетахъ вѣроятно нѣтъ студента, который не зналъ бы о существованіи въ Германіи двухъ типовъ кредитныхъ товариществъ — Шульце-Деличевскихъ и Раффайзеновскихъ. Но на самомъ дѣлѣ освѣдомленность русской литературы объ этихъ двухъ типахъ товариществъ далеко неодинакова. Шульце-Деличевскія кредитныя товарищества въ

Россіи пропагандировались съ начала семидесятыхъ годовъ. Князь Васильчиковъ, Колюпановъ и Яковлевъ писали о нихъ статьи въ періодической прессѣ, переводили на русскій языкъ уставы этихъ товариществъ, издавали руководства для ихъ учрежденія и сами прививали ихъ на русской почвѣ. Стремленія кн. Васильчикова шли еще дальше этого. Онъ, какъ извѣстно, учредилъ общество для регистраціи и пропаганды ссудо-сберегательныхъ товариществъ, въ формѣ комитета о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, съ отдѣленіями въ Петербургѣ и Москвѣ. Что же касается раффайзеновскихъ товариществъ, то свѣдѣнія о нихъ въ русской литературѣ до настоящаго времени были весьма поверхностны. Такъ же слабо освѣдомлена русская литература о союзной организаціи центральныхъ и областныхъ кассъ, и другихъ объединительныхъ учрежденій, благодаря которымъ кооперативныя товарищества достигли своего современнаго расцвѣта и пріобрѣли въ хозяйственномъ быту Германіи и Франціи значеніе могущественнаго фактора благосостоянія сельскаго населенія. Этотъ пробѣлъ въ русской литературѣ превосходно заполненъ книгою А. Н. Анцыферова. Авторъ не только рисуетъ механизмъ сельско-хозяйственныхъ коопераціи, ту сѣть звеньевъ, которая соединяетъ ихъ въ одно могучее цѣлое—съ этимъ насъ знакомятъ, какъ сочиненія самыхъ учредителей Шульце-Делича, Раффайзена, Рокиньи и др., такъ и послѣдующая литература—но онъ детально знакомитъ насъ съ внутренней жизнью этихъ товариществъ. Въ сочиненіи г. Анцыферова изложены самыя позднѣйшія явленія въ жизни кооперативныхъ товариществъ. Изъ него мы узнаемъ, какъ измѣняющіяся условія экономической борьбы за существованіе мелкихъ землевладѣльцевъ Германіи и Франціи реагируютъ на формы кооперативныхъ учрежденій, вызывая новыя теченія въ средѣ представителей кооперативнаго движенія. То освѣщеніе, которое мы находимъ у автора, бьющей ключемъ внутренней жизни сельско-хозяйственныхъ коопераціи, могло дать только лицо, очень близко познакомившееся съ кооперативнымъ движеніемъ за послѣдніе годы. Поэтому и книга автора представляетъ несомнѣнный интересъ новизны не только для русскихъ, но, смѣю думать, и для нѣмецкаго читателя, несмотря на то, что для послѣдняго открыта обширная отечественная литература по этому вопросу.

Столь же детально и въ яркомъ освѣщеніи изображено въ книгѣ Анцыферова синдикальное движеніе среди земледѣльческаго класса во Франціи. Здѣсь авторъ показываетъ, какой отпечатокъ легъ на кооперативныхъ организаціяхъ во Франціи, благодаря тому, что пред-

ставители профессіональной организаціи землевладѣльцевъ выступили въ то же время какъ инниціаторы и организаторы коопераціи и сами коопераціи въ сельскомъ хозяйствѣ, если и не вполнѣ оказались на службѣ политическихъ и классовыхъ интересовъ землевладѣльцевъ, то во всякомъ случаѣ глубоко проникнуты ими. Въ этомъ и заключается основной тормазъ для успѣховъ кооперативныхъ учрежденій (вообще демократическихъ по своей природѣ) во Франціи. Авторъ рельефно показываетъ, какъ ничтожны выгоды, достигаемыя коопераціями на почвѣ преслѣдованія классовыхъ интересовъ, сравнительно съ перспективою того мощнаго экономическаго подъема, которую открываетъ для населенія ростъ кооперативныхъ учрежденій въ ихъ чистомъ видѣ. Вотъ одинъ яркій фактъ для сравненія дѣятельности кооперативныхъ кредитныхъ товариществъ, иллюстрирующій преимущества кооперативнаго движенія, поставленнаго внѣ зависимости отъ политическихъ и классовыхъ вожделѣній. Во Франціи, благодаря агитаціи земледѣльческихъ синдикатовъ, кредитныя товарищества получили отъ правительства, черезъ посредство французскаго національнаго банка (Bank de France), 130 милліоновъ франковъ даровыхъ кредитовъ. Сумма эта по своей абсолютной величинѣ, конечно, является весьма значительной, какъ даровая жертва казны, но она представляется жалкими грошами, если сопоставить ее съ тѣмъ фактомъ, что въ Германіи годовой оборотъ однихъ только центральныхъ кассъ равнялся въ 1903 году 2 милліардамъ 440 милліонамъ марокъ! По отношенію къ этому годовому обороту денежныхъ средствъ въ Германскихъ сельскихъ кооперативныхъ учрежденіяхъ сумма дарового аванса, ассигнованнаго французскимъ банкомъ, составляетъ не болѣе 5%. На этомъ одномъ фактѣ рельефно выступаетъ мощь общественной организаціи, воплощенной въ сельско-хозяйственныхъ коопераціяхъ, основанныхъ на началахъ самодѣятельности и эманципировавшихся отъ бюрократической опеки и государственныхъ субсидій. На примѣрѣ Германіи въ особенности мы видимъ, что въ кооперативныхъ организаціяхъ заключается огромная общественная сила для подъема экономическаго благосостоянія народныхъ массъ, еще неиспользованная во многихъ государствахъ, въ томъ числѣ и въ нашемъ отечествѣ. Мощь кооперативной организаціи можно сравнить съ силою Ніагарскаго водопада. Цѣлые вѣка не замѣчали, какой огромный источникъ народнаго богатства хранитъ въ себѣ сила паденія цѣлой рѣки съ огромной высоты. Но вотъ призвано на службу промышленности электричество и теперь изъ этого водопада извлекается для промышленныхъ цѣлей

до 690.000 лошадиныхъ силъ, представляющихъ собою массу трудовой энергіи, равную 4.140.000 работниковъ. Благодаря усовершенствованіямъ въ передачѣ электрической энергіи на дальнія разстоянія, на силѣ Ніагарскаго водопада базируютъ цѣлые промышленныя округа фабрикъ и заводовъ, окружающихъ его кольцомъ на протяженіи болѣе ста верстъ.

Значительный научный интересъ представляетъ заключительная глава изслѣдованія г. Анцыферова, въ которой авторъ дѣлаетъ опредѣленные выводы объ экономической природѣ кооперативныхъ учрежденій и старается установить тѣ критеріи, которые отличаютъ кооперацію отъ частно-хозяйственныхъ предпріятій и отъ теоретическихъ построеній соціалистовъ. На мой взглядъ эта глава представляетъ вполнѣ удачный опытъ построенія экономики кооперативныхъ организацій. Съ точки зрѣнія тѣхъ синтетическихъ выводовъ, къ которымъ пришелъ авторъ, возникновеніе и процвѣтаніе кооперативныхъ учрежденій, какъ равно, въ другихъ случаяхъ, ихъ слабое развитіе и упадокъ, укладываются въ цѣлую теорію, точно устанавливающую тѣ условія общественной среды, политическаго и гражданскаго состоянія общества, при наличности которыхъ успѣхъ кооперативнаго движенія можетъ считаться обезпеченнымъ.

Переходя теперь къ тѣмъ сторонамъ и мѣстамъ сочиненія г. Анцыферова, которыя вызываютъ на возраженія, мы начнемъ наши замѣчанія съ вопроса о пріоритетѣ, приписываемомъ авторомъ Раффайзену въ созданіи кредитныхъ коопераній въ Германіи. „Типъ Раффайзеновскаго кредитнаго товарищества (Darlehenskasse), говоритъ авторъ, (стр. 4) былъ первымъ по времени воплощеніемъ въ дѣйствительность и основнымъ типомъ, изъ котораго развились всѣ позднѣйшія модификаціи“. Это категорическое утвержденіе автора, однако, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что учрежденія Раффайзена и Шульце-Делича въ начальный періодъ ихъ существованія проходили одни и тѣ же фазы развитія. И Раффайзенъ, и Шульце-Деличъ, начали свою кооперативную дѣятельность съ устройства благотворительныхъ обществъ для вспомоществованія — первый мелкимъ земледѣльцамъ, а второй ремесленникамъ, а затѣмъ оба, одинъ независимо отъ другого, оставляли этотъ типъ учрежденій и переходили къ устройству подсобныхъ товариществъ, основанныхъ на началахъ круговой поруки и предназначенныхъ для снабженія своихъ членовъ земледѣльческими орудіями, посѣвными сѣменами и т. п. (въ раффайзеновскихъ товариществахъ) и необходимыми матеріалами производ-

ства для мелкихъ ремесленниковъ (въ Шульце-Деличевскихъ товариществахъ). Только послѣ этихъ первыхъ опытовъ и тотъ и другой переходили къ организаціи кредитныхъ товариществъ, но при этомъ пріоритетъ въ созданіи кооперативнаго кредита несомнѣнно принадлежитъ Шульце-Деличу, какъ это видно изъ слѣдующаго сопоставленія начальныхъ стадій дѣятельности этихъ двухъ замѣчательныхъ творцевъ кооперативныхъ учрежденій въ Германіи. Начнемъ съ Шульце-Делича. Въ 1849 г. имъ была основана касса похоронная и обезпеченія на случай болѣзни (Kranken und Sterbe-Kasse), осенью того же года—подсобное товарищество плотниковъ для пріобрѣтенія подѣлочнаго лѣса (Rohstoff-Assoziation der Tischller) въ Деличѣ и въ самомъ концѣ того же 1849 года другое подобное товарищество ремесленниковъ (Rohstoff-Assoziation von Handwerkern) въ Эйленбургѣ. Первое же кредитное товарищество (Vorschussverein) было имъ основано въ апрѣлѣ 1850 г., въ его имѣніи Деличѣ и вслѣдъ за тѣмъ имъ такого же типа были основаны кредитныя товарищества въ цѣломъ рядѣ мелкихъ городковъ и деревень, въ Ейслебенѣ, Пейнѣ, Целле и друг. [1]).

Что касается Раффайзена, то его дѣятельность въ этой области началась съ $184^6/_7$ года, когда имъ была открыта кооперативная пекарня и товарищество для закупки посѣвныхъ сѣмянъ (такъ называемыя Bezuggenosenschaften). Въ слѣдующемъ 1848 году имъ была основано въ деревнѣ Фламерсфельдъ, Прирейнской провинціи, общество вспоможенія сельскихъ хозяевъ (Flammersfelder Hilfsverein zur Unterstützung unbemittelter Landwirthe), съ круговою порукою, преимущественно для покупки скота. И только въ 1864 году, 9-го іюня, въ Геддесдорфѣ (Heddesdorf) Раффайзенъ открываетъ первое свое кредитное товарищество, о которомъ ближайшій его сотрудникъ Фуссбендеръ говоритъ, что оно было основано по образцу существовавшихъ уже съ 1850 года кредитныхъ товариществъ Шульце-Делича— („nach Schultze-Delischen Muster"), т. е. на началахъ самодѣятельности, круговой поруки, при чемъ резервный фондъ предназначался на благотворительныя цѣли [2]). Оказывается также, что отличительная черта

---

[1]) Müller Friedrich. Die geschichtliche Entwikelung der landwirthschaftlichen Genossenschaftswesens in Deutschland von $184^8/_9$ bis zur Gegenwart. Leipz. 1901, стр. 10.

[2]) См. Prof. Martin Fussbender. F. W. Raiffeiser in seinem Leben, Denken und Wirken. Berlin. 1902. Превосходный, обстоятельный, очеркъ жизни и дѣятельности

раффайзеновскихъ товариществъ, заключающаяся въ томъ, что они приспособлены спеціально для нуждъ земледѣлія и сельскаго населенія—были усвоены Раффайзеномъ гораздо позже, а въ первое время насажденія своихъ кредитныхъ товариществъ Раффайзенъ предназначалъ ихъ въ одинаковой мѣрѣ какъ для сельскихъ хозяевъ, такъ и для ремесленниковъ, опять же слѣдуя примѣру Шульце-Делича [1].

2. Насколько въ этомъ пунктѣ роль Раффайзена въ выработкѣ типа кредитнаго товарищества преувеличена авторомъ, настолько она въ другомъ мѣстѣ уменьшена. А именно на стр. 37-й авторъ утверждаетъ, что какъ ни парадоксальнымъ можетъ показаться, но раффайзеновская союзная организація, объединяющая кредитныя товарищества, обязана своимъ централизованнымъ устройствомъ Шульце-Деличу. Я не нахожу, чтобы такое утвержденіе было парадоксально, но оно все-таки не отвѣчаетъ дѣйствительности, такъ какъ Раффайзенъ, послѣ того какъ имъ было учреждено нѣсколько десятковъ кредитныхъ товариществъ, самъ же создалъ, такъ сказать, второй этажъ своихъ коопераціи, въ видѣ трехъ центральныхъ банковъ для регулированія дѣятельности кооперативныхъ товариществъ и только при учрежденіи Генеральнаго банка для объединенія дѣятельности центральныхъ кассъ, т. е. третьяго этажа его организаціи, вмѣшательство Шульце-Делича имѣло рѣшающее вліяніе на выборъ типа, по которому былъ устроенъ этотъ центральный банкъ, а именно, въ формѣ акціонернаго товарищества на паяхъ. Какъ извѣстно, самая идея такого высшаго центральнаго банка задумана была Раффайзеномъ въ духѣ его принциповъ (отсутствіе паевъ, централизація управленія и пр). Эти принципы были оспорены Шульце-Деличемъ въ германскомъ парламентѣ въ 1876 году, вслѣдствіе чего Раффайзенъ долженъ былъ отказаться отъ своего первоначальнаго проекта, а учредить этотъ банкъ на началахъ акціонерныхъ, при чемъ акціонерами его являлись не частныя лица, а отдѣльныя товарищества.

3. Авторъ, по нашему мнѣнію, неправильно истолковалъ ту этико-

---

Раффайзена, написанный его сотрудникомъ, стр. 179, 180, 186 и др. См. также примѣч. стр. 15.

[1]) Раффайзенъ, выступившій въ 1866 году въ качествѣ автора сочиненія о своихъ кредитныхъ товариществахъ, издаетъ его подъ слѣдующимъ заглавіемъ „Die Darlehnskassenvereine, als Mittel zur Abhülfe der Not der landlichen Bevölkerung, so wie auch der Städtischen Handwerker und Arbeiter“, изъ чего слѣдуетъ, что Раффайзенъ въ это время еще не проводилъ рѣзкой грани между потребностью въ кредитѣ сельскихъ хозяевъ и ремесленниковъ.

христіанскую идею, которую Раффайзенъ вкладывалъ въ свои товарищества, и напрасно высмѣялъ совершенно правильную цѣль, преслѣдуемую Раффайзеномъ. Вотъ какъ онъ изображаетъ ее въ своихъ статутахъ. „Моментомъ, направляющимъ всю организацію и дѣятельность товарищества (см. § 4 статута), должно быть не столько стремленіе къ прибыли, сколько подъемъ экономически слабыхъ и, на ряду съ стремленіемъ къ матеріальной поддержкѣ своихъ членовъ, товарищество должно имѣть ввиду главнымъ образомъ и духовно-нравственный подъемъ". Въ другомъ мѣстѣ статутъ предъявляетъ требованія къ правленію товарищества: всѣми возможными способами побуждать къ бережливости и благоразумному веденію хозяйства, со всевозможной энергіей стремиться къ вытѣсненію ростовщичества изъ округа дѣятельности кассы, и вообще принимать всѣ мѣры, которыя кажутся правленію подходящими для выполненія духовно-нравственныхъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ товарищество. По поводу этого пункта раффайзеновскихъ статутовъ авторъ иронически замѣчаетъ: „совершенно противоестественно возлагать на кредитныя товарищества или на товарищества для покупки томасова шлака тѣ задачи, которыя во всякомъ благоустроенномъ обществѣ выполняются цѣлой системой начальныхъ, среднихъ и высшихъ профессіональныхъ школъ". Авторъ осуждаетъ Раффайзена за то, что онъ навязываетъ цѣли, преслѣдованіе которыхъ совершенно понятно и естественно съ церковной каѳедры, учрежденію, задача котораго состоитъ въ организаціи кредитныхъ отношеній или въ общественныхъ оптовыхъ закупкахъ. Однако Раффайзенъ, какъ это свидѣтельствуетъ его ближайшій сотрудникъ Фуссбендеръ, былъ христіаниномъ въ глубоко-этическомъ, а не въ конфессіональномъ смыслѣ слова; вѣроисповѣдный вопросъ вовсе не выдвигался въ его учрежденіяхъ, въ которыхъ безъ различія участвовали, какъ католики, такъ и протестанты прирейнскихъ провинцій. Но неправильно было бы также считать этотъ духовно-этическій принципъ и безразличнымъ придаткомъ въ статутахъ раффайзеновскихъ учрежденій. При своемъ глубоко-практическомъ умѣ, Раффайзенъ могъ предвидѣть, что кооперативныя учрежденія, въ случаѣ ихъ полнаго успѣха и процвѣтанія, должны были стать въ конфликтъ съ тѣми же началами солидарности и гуманности, которыя они ставятъ на своемъ знамени, а именно по отношенію къ третьимъ лицамъ, стоящимъ внѣ кооперативныхъ организацій. Хотя кооперативныя учрежденія созданы для борьбы съ посредниками въ дѣлѣ покупки продуктовъ производительнаго потребленія, но развѣ эта борьба со

стороны успѣвающихъ коопераціи также не можетъ перейти принципа справедливости, если трактовать этихъ третьихъ лицъ, какъ конкуррентовъ въ экономической борьбѣ за существованіе. Этотъ принципъ христіанской любви, или общественной солидарности, долженъ предостеречь кооперативныя товарищества отъ того пути, по которому пошли французскіе синдикаты, преслѣдуя интересы земледѣльческаго класса въ ущербъ интересамъ остального населенія, какъ потребителя земледѣльческихъ продуктовъ. Христіанство, провозгласившее, что „человѣкъ человѣку братъ", въ противоположность римскому „homo homini lupus est", тѣмъ самымъ открыло начало человѣческой солидарности. Вѣдь характерно то, что нѣкоторые соціалисты-утописты, начиная съ Сенъ-Симона, автора извѣстнаго сочиненія „Nouveau Christianisme", искали корректива для современныхъ экономическихъ отношеній именно въ проведеніи началъ христіанской любви и братства.

Авторъ ставитъ въ большую вину Раффайзену крайній догматизмъ статутовъ его учрежденій и стараніе съ его стороны разъ навсегда закрѣпить формулированныя имъ начала кооперативныхъ организацій. Неприкосновенность этихъ началъ, какъ извѣстно, категорически ограждена статутами раффайзеновской центральной кассы, гласящими, „что для отмѣны настоящихъ статутовъ въ цѣломъ, или введенія новаго, необходимо *единогласное рѣшеніе всѣхъ безъ исключенія акціонеровъ* въ законно-собранномъ общемъ собраніи". А относительно другого учрежденія генеральнаго союза — догматизмъ Раффайзена идетъ еще дальше и простирается до запрещенія подвергать пересмотру и обсужденію основные принципы его кооперативныхъ организацій (стр. 21). Мнѣ кажется, что въ интересахъ существа вопроса важно было бы, отмѣтивъ эти факты, не столько обвинять Раффайзена въ излишнемъ догматизмѣ, сколько объяснить основанія, по которымъ онъ такъ упорно настаивалъ на своихъ догмахъ. Нельзя ли истолковать эти явленія такъ, что Раффайзенъ очень боялся за судьбу своихъ товариществъ, въ особенности въ первые годы ихъ существованія, и потому рѣшилъ оградить основныя положенія статутовъ этихъ товариществъ отъ случайныхъ настроеній общихъ собраній и часто мѣняющихся взглядовъ среди членовъ товариществъ. Принципъ неприкосновенности кооперативныхъ догматовъ (круговая порука, отсутствіе паевъ, назначеніе дивидентовъ на общественныя нужды и т. д.) могъ созрѣть въ практическомъ умѣ Раффайзена при взглядѣ на ту неизмѣнность учрежденій, проживших цѣлое тысячелѣтіе, которую онъ наблюдалъ въ католицизмѣ. Такое предположеніе является вѣроятнымъ,

такъ какъ извѣстно, что не смотря на свою принадлежность къ протестанской религіи, онъ также питалъ симпатіи къ католицизму. Это же стремленіе Раффайзена возможно прочнѣе обезпечить ростъ своихъ товариществъ отъ всякихъ случайныхъ настроеній участниковъ кооперацій, могло быть внушено ему знакомствомъ съ судьбою кооперативныхъ начинаній во Франціи въ эпоху революціи 1848 года, когда, подъ вліяніемъ пропаганды Луи Блана и Бюшеза, въ теченіи двухъ лѣтъ было основано до двухсотъ рабочихъ коопераций, которыя также быстро мѣняли свои уставы и быстро ликвидировали свои дѣла. Раффайзенъ, соединившій въ своемъ лицѣ практичность нѣмецкаго крестьянина съ мудростью реформатора, старался возможно прочнѣе заложить фундаментъ своихъ учрежденій, закрѣпить ихъ незыблемость въ крестьянской средѣ.

Конечно надо признать вмѣстѣ съ авторомъ, что недовѣріе къ настроенію общихъ собраній въ кооперативныхъ товариществахъ и желаніе поставить имъ предѣлы въ распоряженіи судьбой коопераций, было со стороны Раффайзена ошибкой, такъ какъ его опасенія не оправдались на опытѣ Шульце-Деличевскихъ организацій, такъ же успѣшно развивавшихся, не смотря на отсутствіе тѣхъ предосторожностей въ уставахъ, въ спасительность которыхъ вѣровалъ Раффайзенъ. Но это была ошибка дѣятеля, который, устраивая свои товарищества въ долинѣ рѣки Аара, совершалъ работу міроваго значенія, самъ того не подозрѣвая, такъ какъ созданный имъ типъ кредитнаго товарищества, приспособленный для нуждъ мелкихъ земледѣльцевъ, теперь получилъ распространеніе не только во всѣхъ культурныхъ странахъ Европы, но насаждается даже въ далекой Японіи. А одна изъ раффайзеновскихъ догмъ — принципъ круговой поруки, какъ основа мелкаго кредита, остается незыблемымъ, и въ почти фанатической преданности Раффайзена этому принципу выразилась глубина пониманія природы кооперативнаго кредита, силы и значенія кооперации вообще. Такой вѣры въ этотъ принципъ не было у Шульце-Делича, который въ отношеніи своихъ центральныхъ кассъ примѣнялъ акціонерныя начала (отвѣтственность въ размѣрѣ пая) и даже, пользуясь своимъ положеніемъ въ германскомъ парламентѣ, навязалъ эти начала центральному банку Раффайзена. Съ этой стороны у Раффайзена была безпредѣльная вѣра въ силу и могущество кооперативной организаціи. У Раффайзена оказалось чутье первостепеннаго знатока человѣческой общественности. Онъ разгадалъ силу и значеніе человѣческой солидарности, и въ другомъ случаѣ также

поступилъ смѣло и отважно, отбросивъ паи въ кредитныхъ товариществахъ, за которые робко хватался въ своихъ начинаніяхъ Шульце-Деличъ. Послѣдующая исторія кооперативнаго кредита вполнѣ оправдала идею Раффайзена, такъ какъ отсутствіе паевъ нисколько не умалило кредитоспособности его товариществъ, прочно усвоившихъ себѣ принципъ круговой поруки.

Въ предыдущихъ замѣчаніяхъ мы позволили себѣ не согласиться, какъ съ нѣкоторыми фактическими утвержденіями г. Анцыферова, такъ и съ тѣмъ истолкованіемъ, которое онъ даетъ нѣкоторымъ явленіямъ въ области сельско-хозяйственныхъ коопераций. Къ этому мы должны прибавить, что его книга въ извѣстной мѣрѣ теряетъ, вслѣдствіе отсутствія историческаго освѣщенія сельско-хозяйственныхъ коопераций въ избранныхъ имъ двухъ странахъ — Германіи и Франціи. Конечно, исторія коопераций прямо не входила въ задачу автора, но указать на связь современнаго кооперативнаго движенія сельскихъ хозяйствъ съ предшествующими начинаніями въ этой области въ тѣхъ странахъ, о которыхъ онъ ведетъ рѣчь, является существенно-необходимымъ для соблюденія исторической перспективы. Въ такомъ историческомъ освѣщеніи въ особенности нуждается дѣятельность Раффайзена въ изложеніи автора, и читателю интересно было бы узнать, что идея сельско-хозяйственной коопераціи все-таки вытекла изъ опыта начинаній Шульце-Делича и до Раффайзена теоретически разрабатывалась извѣстнымъ спеціалистомъ по сельско-хозяйственной экономіи и нынѣ здравствующимъ профессоромъ фонъ-деръ Гольцемъ (von der Goltz). Возможно было бы, хотя бы въ общихъ чертахъ, отмѣтить и тотъ фактъ, что начинанія Раффайзена также стоятъ въ тѣсной связи съ той пропагандой кооперативныхъ организацій, которую велъ извѣстный предшественникъ Шульце-Делича и затѣмъ его литературный сотрудникъ, въ періодъ съ 1856 до 1863 г. по изданію журнала „Innung der Zukunft" (впослѣдствіи выходившаго подъ измѣненнымъ заглавіемъ Blätter für Genossenschaftswesen) — Губеръ (V. A. Huber). Послѣдній по своимъ теоретическимъ воззрѣніямъ и тому значенію, которое онъ придавалъ христіанско-этическому элементу въ кооперативномъ движеніи, очень близко стоялъ ко взглядамъ Раффайзена [1]).

Въ заключеніе мы должны сказать, что книга г. Анцыферова за-

[1]) См. *Prof. M. Fussbender*. F. W. Raiffeisen in seinem Leben, Denken und Wirken, стр. 129—134.

служиваетъ серьезнаго вниманія русскаго читателя, въ виду неотложности насажденія коопераціи въ средѣ русскаго крестьянства. Въ кругу экономистовъ, наблюдающихъ русскую жизнь, признается безспорной мысль, что серьезныя улучшенія въ нашемъ крестьянскомъ хозяйствѣ могутъ быть достигнуты только тѣмъ подъемомъ крестьянской самодѣятельности, который находитъ свое выраженіе въ кооперативныхъ учрежденіяхъ для доставленія кредита, пріобрѣтенія улучшенныхъ орудій, сѣмянъ, сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и т. п. Словомъ путь къ реформѣ крестьянскаго хозяйства лежитъ черезъ кооперацію [1]).

Во всякомъ случаѣ сочиненіе г. Анцыферова является цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для русской оригинальной литературы по кооперативному движенію, представленной у насъ немногими именами князя Васильчикова, Колюпанова, профессора Исаева, а въ послѣднее время Н. В. Левитскаго, профессора Озерова, Тотоміянца и Прокоповича.

В. Левитскій.

А. Ветуховъ. Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова. Вып. I—II. Варшава. 1907 г.

Работа г. Ветухова, печатавшаяся въ продолженіе уже многихъ лѣтъ на страницахъ Русскаго Филологическаго Вѣстника, не является вполнѣ законченной. Содержаніе вышедшаго тома слѣдующее: введеніе (1—6); ч. I: гл. I—мнѣнія ученыхъ и изслѣдователей о заговорахъ (7—40), гл. II—психологическія основанія возникновенія заговоровъ (41—106), гл. III—формальная сторона заговоровъ (120—126); ч. II: гл. I—заговоры отъ лихорадки (127—173), гл. II—заговоры отъ сглаза (174—226), гл. III—заговоры отъ крови (227—252), гл. IV—заговоры отъ зубной боли (253—278), гл. V — заговоры отъ болѣзней, рѣже встрѣчающихся (279—506); послѣсловіе (507 — 9), источники и пособія (511—522). Въ дальнѣйшемъ работа изслѣдователя будетъ посвящена: „заговорамъ отъ болѣзней у животныхъ и насѣкомыхъ", „заговорамъ на случаи различные—въ домашнемъ обиходѣ, а также присушкамъ, приворотамъ, отворотамъ и пр." (послѣслов. 507).

Признавая всю ту глубокую силу интереса, который должна вы-

---

[1]) См. *проф. А. И. Чупровъ.* Мелкое земледѣліе и его основныя нужды. С.-Пб. 1907 г., изд. Львовича, стр. 50—96 и др.

зывать исторія жизни заговоровъ, г. Ветуховъ очень скромно смотритъ на задачу своего труда. Этой задачей является для него выполненіе лишь „черновой работы“, заключающейся въ собраніи и групировкѣ сырого матеріала. Дѣйствительно, 2-я часть труда, бóльшая часть труда, есть именно попытка собранія и группировки заговоровъ, но въ 1-й мы видѣли пересмотръ существующей научной литературы по данному вопросу, пересмотръ различныхъ взглядовъ и попытку автора продолжить, углубить сдѣланный до него другими изслѣдователями анализъ исторіи жизни заговоровъ, попытку вскрыть тѣ основы, на которыхъ зиждилась вѣра въ огромную силу заговора, при чемъ должно отмѣтить, что въ этой 1-й части своего труда г. Ветуховъ не вдается въ разборъ достоинствъ и недостатковъ высказанныхъ до него взглядовъ, онъ стремится главнымъ образомъ отмѣтить, прибѣгая къ передачѣ дословно, лишь самыя важныя мѣста различныхъ изслѣдованій.

Уже Крушевскій въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи о заговорахъ развилъ ту мысль, что корень заговора — вѣра въ слово, что извѣстныя дѣйствія, которыя иногда сопровождаютъ заговоры, не являются необходимой, ихъ существенной принадлежностью. Поэтому Крушевскій строго различалъ заговоры только основанные на силѣ слова и заговоры, сила которыхъ основывалась на извѣстномъ дѣйствіи (чары). Заговоръ сводился, по Крушевскому, въ сущности, ко всякому пожеланію. Потебня справедливо указывалъ на получавшуюся общность опредѣленія заговора у Крушевскаго и самъ давалъ такое опредѣленіе: „словесное изображеніе сравненія даннаго или нарочно произведеннаго явленія съ желаннымъ, имѣющее цѣлью произвести это послѣднее“. Такимъ образомъ существенное свойство заговора— его двучленность. Выдвигалось на первый планъ уже сравненіе. Этотъ процессъ сравненія и вся важность его при созданіи заговора былъ выдвинутъ и г. Зелинскимъ въ его спеціально посвященномъ заговорамъ трудѣ, при чемъ стремясь объяснить исторію возникновенія заговоровъ, г. Зелинскій указывалъ на значеніе примѣтъ, создавшихся на основаніи различныхъ ассоціацій, и такимъ образомъ, заговоръ, по его мнѣнію, было возникшее по ассоціаціи сравненіе, при чемъ это сравненіе было изображено словомъ, „какъ самымъ могущественнымъ орудіемъ для произведенія сравненія“.

Мысль о томъ, что основа, на которой создался заговоръ, вѣра въ могучую силу слова, мысль эта развивается въ изслѣдованіи г. Ветухова. Прежде всего это уже сказывается въ введеніи (стр. 5), а

затѣмъ особенно подробно во 2-й главѣ. Форму заговоровъ, сравненіе, положенное въ основу ихъ, авторъ стремится объяснить вообще процессомъ параллелизма, лежащимъ въ основѣ древнихъ вѣрованій (гл. 3-я, въ этомъ случаѣ авторъ прибѣгаетъ къ изслѣдованію А. Н. Веселовскаго: „Психологическій параллелизмъ...").

Если невозможно прослѣдить исторію заговора за массой разнообразныхъ наслоеній, переплетшихся другъ съ другомъ, то, думается, нельзя съ увѣренностью сказать, что основа, корень заговора—вѣра въ могучую силу слова. Почему, напримѣръ, такія прибавленія, какъ: „не я говорю, не я выговаривая, отговаривая сама Божья матушка"—не являются подражаніемъ подобнаго же характера (съ другими только наименованіями) очень древнимъ прибавленіямъ. Если важна была только вѣра въ слово, то зачѣмъ же было необходимо до крайней точности сохранять всѣ слова въ ихъ соединеніи и не указывать на послѣднее, что исходило это исключительно отъ владѣвшихъ создавшимися формулами, въ личныхъ интересахъ которыхъ было именно точное ихъ сохраненіе. Въ нѣкоторыхъ заговорахъ ясно указаніе на сопровождавшій его обрядъ: это отражается даже на небольшомъ введеніи къ заговору—немудрено, что въ дальнѣйшемъ и это введеніе могло отпадать. И чѣмъ дальше вглубь, тѣмъ заговоръ больше и больше будетъ сближаться съ чарами, но не потому, конечно, что слово для древняго человѣка было такъ же матеріально, какъ другіе предметы. Правда, есть заговоры, въ которыхъ на первый планъ выдвинута желѣзная, страшная сила слова, но вопросъ въ томъ, не составлены ли эти заговоры по образцу болѣе древнихъ, являвшихся своего рода заключеніями къ эпической части, представлявшей извѣстную картину изъ жизни божества, его чудесъ. Въ основѣ заговоровъ лежитъ, конечно, вѣра въ возможность навязать свое желаніе другому, но выполненіе этого черезъ слово должно было имѣть и еще авторитетъ въ лицѣ того, кто произносилъ заговоръ. Если заговоры возникли въ періодъ фетишизма, то подобные заговоры совсѣмъ не похожи на тѣ, которые мы имѣемъ. И нельзя ли въ параллелизаціи нашихъ заговоровъ, въ ихъ сравненіяхъ видѣть ихъ основу, корень, а силу ихъ въ чемъ-то другомъ?

Откуда, въ самомъ дѣлѣ, могла взяться у древняго человѣка вѣра въ могучую силу слова? Г. Ветуховъ замѣчаетъ по этому поводу: „Если при современномъ взглядѣ на слово возможны при помощи его столь удивительныя воздѣйствія на чужую душу и на самого себя, что же должно было происходить въ тѣ времена, когда слово понималось

какъ двойникъ человѣка и на ступеняхъ, близкихъ къ такому пониманію?“ (5). Но вѣдь и для насъ вѣра въ слово — внушеніе связывается съ представленіями о другой силѣ, для которой слово служитъ лишь однимъ изъ орудій. И развѣ если, напримѣръ (ср. 69 стр.), мать произнесетъ такое проклятіе: „а щобъ ты дубомъ ставъ....“ и проклятіе исполняется—по народнымъ вѣрованіямъ, то сила только въ словахъ, а не въ томъ, кто произноситъ? Гдѣ ясныя доказательства тому, что для древняго человѣка слово представлялось какимъ-то „наиболѣе загадочнымъ изъ существъ въ ряду двойниковъ“ (68) его? При чемъ оказывается, что представленіе это явилось уже на болѣе позднихъ ступеняхъ развитія, „когда у человѣка выросли хотя зачатки отвлеченнаго мышленія“ (68); а могла ли вообще, когда „звукъ, слово пропадали гдѣ-то вдали, безъ всякихъ видимыхъ и осязаемыхъ послѣдствій“, предполагаться такая мощь этого звука, слова?

Если мы возьмемъ древнѣйшій нѣмецкій заговоръ, такъ называемый „мерзебургскій“, именно 2-й мерзебургскій (этотъ заговоръ приводится г. Ветуховымъ, но не анализируется), то мы увидимъ, что онъ состоитъ изъ 2-хъ частей — эпическаго введенія и заключенія. Эпическое введеніе, составлявшее ранѣе съ заключеніемъ нѣчто единое, цѣльное, съ теченіемъ времени измѣнялось, замѣнялись собственныя имена. Это эпическое введеніе ясно указывало на силу заговора и подобныя введенія сплошь и рядомъ отмѣчались и отмѣчаются въ заговорахъ, и параллели къ нимъ можно указать и въ древнѣйшей Индіи и древнемъ Египтѣ. Я не буду входить здѣсь въ подробное обсужденіе этого вопроса, а сошлюсь только на два нѣмецкихъ изслѣдованія, оставшихся г. Ветухову неизвѣстными—A. Wuttke. Der deutsche Volksaberglaube der Gegenwart (особ. 3-е изд. обраб. Мейеромъ. Berlin 1900) и. O. Ebermann. Blut-und Wundsegen (Berlin 1903). (Конечно, послѣднимъ сочиненіемъ авторъ не могъ воспользоваться при печатаніи 3-й главы 2-й части своего труда, что было бы особенно важно: тотъ богато подобранный сравнительный матеріалъ, который дается въ трудѣ г. Эбермана, и даже планъ этого труда могъ дать многое особенно для этой 3-й главы, важны также и библіографическія указанія).

И Вутке и Эберманъ подчеркиваютъ не безъ основанія глубокую древность подобныхъ заговоровъ, сила которыхъ крылась именно въ этой первой эпической части. Вутке противополагаетъ эти заговоры—заговорамъ, содержащимъ въ себѣ только формулы приказанія, тѣ

формулы, въ которыхъ какъ бы отпечатывается уже сознаніе магомъ своего могущества, своей силы.

Можно, конечно, не соглашаться съ общимъ взглядомъ г. Ветухова на исторію происхожденія заговоровъ, можно сдѣлать нѣкоторыя существенныя дополненія по разработкѣ заговоровъ и самому матеріалу въ иностранныхъ научныхъ трудахъ, но все это не помѣшаетъ признать слѣдующее: 1) г. Ветуховымъ выполнена намѣченная имъ задача его труда; 2) трудъ его вполнѣ можетъ быть очень важнымъ пособіемъ при изученіи особенно русскаго заговора: въ немъ сгруппирована масса различныхъ заговоровъ (недавно вышедшимъ сборникомъ г. Н. Виноградова г. Ветуховъ, конечно, не могъ воспользоваться), дана попытка классификаціи ихъ (хотя и въ общемъ), представлена обстоятельно въ умѣло сдѣланныхъ выборкахъ исторія разработки и само отношеніе изслѣдователя къ данному вопросу проникнуто цѣльностью воззрѣнія.

Н. Грунскій.

П. Орѣшковъ. Отношенията на старобългарскитѣ паметници къмъ епентетично л. (Извѣстия на семинара по слав. филол. при унив. въ София, кн. II, Соф. 1907 г., стр. 1–64).

Такъ называемое *л*—epentheticum въ древне-церковно-славянскихъ памятникахъ и отсутствіе его въ современномъ болгарскомъ языкѣ являлось и является, въ сущности, до сихъ поръ одним изъ камней преткновенія въ господствующей теоріи о болгарскомъ происхожденіи древне-церковно-славянскаго языка. Съ другой стороны, и сама исторія возникновенія этого *л* заставляетъ строить рядъ догадокъ.

Изслѣдованіе г. Орѣшкова состоитъ изъ слѣдующихъ частей: разсмотрѣніе предыдущей научной литературы по данному вопросу (взгляды Миклошича, статьи проф. Вондрака, мнѣній проф. Лескина, Потебни, Щепкина, Ягича и Облака, стр. 1—11); краткое разсужденіе, въ которомъ выясняется исторія развитія *л—epenth.* (11—14); факты (данныя съ *л* и безъ *л—epenth.* изъ 11 др.-цер.-слав. памятниковъ, 15—47); процентныя соотношенія этихъ фактовъ (47—57); заключеніе (58—64).

Цѣнной частью работы г. Орѣшкова является собранный имъ фактическій матеріалъ. Въ этомъ отношеніи онъ отличается и отъ предыдущаго спеціальнаго изслѣдованія даннаго вопроса въ статьѣ проф. Вондрака (Zur Kritik d. altslov. Denkmäler въ Sitzungsber. d.

W. Ak., т. 112) большимъ количествомъ разсмотрѣнныхъ памятниковъ (у проф. Вондрака—6 памятн.). Съ методомъ же разработки извлеченнаго матеріала, по моему мнѣнію, трудно согласиться.

Прежде всего та картина развитія *л — epenth.*, которую даетъ г. Орѣшковъ, дабы создать извѣстный уголъ зрѣнія, подъ которымъ нужно приступить къ даннымъ памятниковъ, одна лишь гипотеза безъ серьезной основы. Г. Орѣшковъ предполагаетъ, что *л* развивался сначала въ сочетаніяхъ: *губн. согл.* + ј + а, затѣмъ: *губн. согл.* + ј + у, ... + *о* ... и наконецъ + ј + и, такимъ образомъ его появленіе передъ *и* относится къ сравнительно позднему времени. И вотъ, когда благодаря аналогіи наступило устраненіе *л*, то это устраненіе начинается въ сочетаніяхъ: *губн. согл.* + ј + и, гдѣ *л* является какъ бы еще неокрѣпшимъ. Между тѣмъ, результаты, къ которымъ пришелъ г. Орѣшковъ въ концѣ изслѣдованія, не оправдали его гипотезы, и потому ему приходится уже изыскивать средства, чтобы вогнать факты въ рамки созданной гипотезы. Такъ, прежде всего—Зографское Евангеліе даетъ такія % отношенія отсутствія *л*: передъ *и*—42,86%, а передъ *ь*—63,21%, между тѣмъ, какъ мы ожидали бы большій процентъ въ первомъ случаѣ. И вотъ г. Орѣшковъ прибѣгаетъ къ предположенію, что въ данномъ случаѣ такое неправильное колебаніе нужно отнести на долю переписчика. Несоотвѣтствія обнаруживаются и въ данныхъ другихъ памятниковъ.

Разбираясь въ извлеченномъ матеріалѣ, г. Орѣшковъ примѣняетъ статистическій методъ изслѣдованія, но методомъ этимъ онъ пользуется съ неособенной осторожностью. Такъ, напримѣръ, г. Орѣшковъ насчитываетъ 100% употребленія формъ безъ *л* въ Клоцовомъ Сборникѣ передъ ји, говоря о 10 случаяхъ подобнаго употребленія. На самомъ дѣлѣ вѣрнѣе говорить было бы, что это отсутствіе замѣчается въ словѣ *земи* 10 разъ. Это же слово *земи* въ Синайскомъ Требникѣ встрѣчается 19 разъ, но такъ какъ кромѣ того 3 раза — *аврамли*, 3 раза—*іаковли*, то уже процентъ, выведенный изслѣдователемъ относительно Синайскаго Требника, будетъ 76% — отсутствія *л* въ случаяхъ: губн. согл. + ј + и. Одно уже это сопоставленіе наглядно можетъ указывать на случайность выводовъ, на чисто внѣшній характеръ тѣхъ процентныхъ отношеній, которыя выведены изслѣдователемъ. Вѣдь, дѣйствительно: будь Клоцовъ Сборникъ извѣстенъ въ болѣе полномъ видѣ, въ немъ, можетъ быть, попался бы цѣлый рядъ словъ съ *л*—въ данныхъ сочетаніяхъ. Необходимо обращать вниманіе и на объемъ памятника и на тѣ слова, которыя нахо-

димъ въ немъ съ данными сочетаніями. Почему же нельзя предположить съ одной стороны, если бы въ Клоцовомъ Сборникѣ были употреблены *аврамли* и пр., то въ такой же формѣ какъ въ Синайскомъ Требникѣ, съ другой — если бы Клоцовъ Сборникъ по объему равнялся Маріинскому Евангелію, то въ немъ, можетъ быть, и относительно *земи*, могло бы быть нѣчто подобное, какъ въ Маріинскомъ Евангеліи (гдѣ 49 разъ—*земи* и 2 раза—*земли*). На полную возможность послѣдняго предположенія наводятъ и отношенія отсутствія *л* передъ ꙉь къ случаямъ нахожденія этого звука въ Клоцовомъ Сборникѣ и Маріинскомъ Евангеліи (именно руководствуясь вычисленіями г. Орѣшкова: въ Клоц. — 4 : 5, въ Мар. Ев. — 26 : 76). Затѣмъ, для примѣра еще: въ Синайскомъ Требникѣ передъ ꙉе вычислено — безъ *л* — 26, съ *л* — 74, такимъ образомъ % безъ л — 26. Между тѣмъ случаи безъ *л* представлены формами одного лишь слова: *благословиши*, а съ *л* — различными словами. И если бы изслѣдователь обратилъ на это вниманіе, то увидѣлъ бы, что это слово и въ другихъ памятникахъ начинаетъ прежде другихъ употребляться безъ *л* въ разныхъ формахъ. Обративъ вниманіе на подобное явленіе, изслѣдователь, можетъ быть, сталъ бы на иной путь изслѣдованія даннаго вопроса.

Мнѣ приходилось уже отмѣчать неудачность попытки проф. Вондрака связать употребленіе *л*—epenth. въ древне-церковно-славянскихъ памятникахъ съ теоріей о паннонизмѣ древне-церковно-славянскаго языка. Неудачность этой теоріи доказана была ак. Ягичемъ, проф. Щепкинымъ и Облакомъ. И самъ Вондракъ, повидимому, отказался отъ своей теоріи (см. III вып. моего изслѣд. „Памятники и вопросы др.-слав. письм. 31—2).

Соединяя *л* — *eph.* съ болгаризмомъ древне-церковно-славянскаго языка, изслѣдователи все же нѣсколько расходятся въ томъ, насколько эта черта проводилась вполнѣ послѣдовательно. Такъ проф. Щепкинъ въ своемъ трудѣ о Савв. кн. (стр. 262) говоритъ, что *л* — *epenth.* послѣдовательно употреблялся въ языкѣ первоучителей, ак. Ягичъ въ Zur Entstehungsgeschichte d. kirchensl. Sp. (II, 56) проводитъ мысль, что въ IX вѣкѣ выпаденіе *л* въ данныхъ случаяхъ находилось еще въ начальной стадіи развитія. Къ этому послѣднему мнѣнію примыкаетъ и взглядъ г. Орѣшкова, что въ языкѣ первоучителей были уже случаи колебанія. Трудно съ увѣренностью сказать здѣсь то, а не другое. Можно лишь скорѣе, думается, возсоздавая картину постепеннаго исчезновенія *л*, присоединиться къ первому мнѣнію. Примѣры

особенно изъ Ассеманскаго Евангелія: прѣло*мъ*, оста*въ*ше, кора*бъ*, могутъ говорить объ отвердѣніи конечныхъ звуковъ (ь—ъ—при наступившей на концѣ потерѣ гласности), наряду съ этимъ сохраненіе лишь написанія по традиціи корабъ, или Маріинскаго Евангелія: пристжпъ и пр. На такихъ многочисленныхъ примѣрахъ, какъ *приступъше*,—а... *поставъше*... и пр. отразились *пристжпъ* и пр. Слово κοράβιον могло возникнуть въ письменности скорѣе какъ *корабль*, но на возникновеніе *корабъ*, кромѣ указаннаго выше, могло влiять и само графическое изображеніе, написаніе въ греческомъ. Подобныя данныя изъ Маріинскаго Евангелія, какъ: земъныи, земъныхъ, земъсцин, изъ Зографскаго Евангелія: земъныхъ могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на возбуждающую разнорѣчивыя объясненія формы: *земи*, а именно эти формы указываютъ уже не на мягкое произношеніе *м* (подробнѣе о значеніи ъ и ь въ моей статьѣ: „Къ Зографск. Ев." Сборн. отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н. т. 83-й). И здѣсь тѣмъ легче могло быть вліяніе аналогіи, потому что легче могла произойти замѣна ји—и.

Н. Грунскій.

Книжныя новости.

H. Weber и *I. Wellstein*. Энциклопедія элементарной математики. Руководство для преподающихъ и изучающихъ элементарную математику. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ примѣчаніями приватъ-доцента Новороссійскаго университета *В. Кагана*. Т. I. Элементарная алгебра и анализъ. Одесса. 1907.

Въ 1904—1907 гг. въ Германіи подъ редакціей и при главномъ участіи профессоровъ Генриха Вебера (Страсбургъ) и I. Велльштейна издана „Энциклопедія элементарной математики" въ трехъ томахъ, изъ которыхъ первый посвященъ алгебрѣ, второй—геометріи, а третій—приложеніямъ къ механикѣ и физикѣ; первый томъ разошелся очень скоро и уже въ 1906 г. потребовалось второе изданіе.—Такой успѣхъ объясняется, главнымъ образомъ, назрѣвшей потребностью въ научномъ трудѣ, который резюмировалъ бы многочисленныя и разнообразныя изслѣдованія, относящіяся къ критикѣ основныхъ понятій анализа и геометріи и появившіяся за послѣднія 20—30 лѣтъ; много, конечно, содѣйствовалъ успѣху и главный редакторъ энциклопедіи—г. Веберъ—принадлежащій къ числу наиболѣе крупныхъ современныхъ математиковъ Германіи.

По плану своему энциклопедія элементарной математики совсѣмъ не имѣетъ справочнаго характера и въ этомъ отношеніи сильно отличается отъ большой „Encyclopaedie der Mathematischen Wissenschaften", издаваемой цѣлой группой преимущественно германскихъ ученыхъ; она представляетъ

скорѣе связный и полный курсъ элементарной математики, строго научно изложенный, въ которомъ особенное вниманіе отдано принципамъ алгебры и геометріи.

Самый объемъ „элементарной" математики установленъ редакторами значительно шире, чѣмъ это обыкновенно дѣлается; такъ, напримѣръ, въ первую часть вошло доказательство невозможности рѣшенія уравненій 5-й степени въ радикалахъ, дѣленіе круга, доказательство трансцендентности чиселъ e и π и т. д.; туда же отнесены и начала дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія; въ третьемъ томѣ въ качествѣ приложенія „элементарной" математики приводятся основанія теоріи возможностей, теоріи выравниванія результатовъ наблюденія и т. д.

Такое широкое и нѣсколько условное толкованіе термина элементарной математики отразилось различно на разныхъ частяхъ энциклопедіи; въ первую часть вошли дѣйствительно всѣ наиболѣе важные и существенные вопросы алгебры, и объемъ ея не отразился вредно на стройности и цѣльности изложенія; эта часть—да и вообще вся энциклопедія—почти недоступна не только ученику средней школы, но даже и студенту младшихъ семестровъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ она представляетъ очень много интереснаго и поучительнаго даже для лицъ, постоянно занимающихся математикой. Во второй части—геометріи—очень много мѣста отдано для уясненія природы геометрическихъ аксіомъ и опредѣленій и для критики ихъ; весьма обстоятельно изложены и аксіомы такъ называемой проективной геометріи; но собственно самой элементарной геометріи, обзора ея методовъ и результатовъ, достигнутыхъ этими методами, почти нѣтъ совсѣмъ; достаточно указать, что въ курсѣ элементарной геометріи вся элементарная геометрія въ обычномъ смыслѣ занимаетъ 80 стр. изъ 600; тригонометріи отведено тамъ гораздо больше вниманія (135 стр. противъ 80). Особенно невыгодно отразилось широкое толкованіе термина „элементарной" математики на третьей части, отличающейся большой нестротой содержанія, произвольностью выбора матеріала и нѣсколько поверхностной разработкой отдѣльныхъ вопросовъ.

Несмотря на эти недостатки—все-таки болѣе внѣшніе—энциклопедія Вебера и Велльштейна представляетъ очень крупное произведеніе въ современной математической литературѣ, и къ выбору г. Кагана слѣдуетъ отнестись съ полнымъ сочувствіемъ.

Переводъ вообще сдѣланъ очень хорошо, точно и ясно; только пристрастіе переводчика къ иностраннымъ терминамъ мѣстами, гдѣ изложеніе требуетъ частаго ихъ повторенія, утомляетъ читателя, и утомляетъ безъ нужды, такъ какъ такіе термины, какъ субституція, транспозиція, инверсія, трансфинитный, комплексъ и т. д. легко можно было бы передать и русскими словами.

Переводъ снабженъ многочисленными примѣчаніями. Огромное большинство ихъ имѣютъ цѣлью облегчить мало подготовленному читателю пониманіе текста; этой цѣли они несомнѣнно достигаютъ, и только немногія изъ нихъ кажутся малополезными или лишними. Въ одномъ случаѣ, насколько я замѣтилъ, переводчикъ отмѣчаетъ ошибку автора (стр. 88); нѣсколько разъ исправляетъ недосмотры его (напримѣръ, стр. 378).

Какъ самая задача энциклопедіи элементарной математики, такъ и талантъ

и эрудиція, съ которымъ она составлена, и вниманіе, съ которымъ сдѣланъ переводъ—все это обѣщаетъ, что выпускаемая г. Каганомъ книга сдѣлается настольной книгой у нашихъ преподавателей математики.

А. Б. Петрищевъ. Триста лѣтъ (1606—1906). Изд. 2-е. С.-Пб. 1908. Стр. 114. Цѣна 50 коп.

Популяризація научнаго знанія, въ особенности историческаго, конечно—дѣло въ высшей степени полезное; но для того, чтобы хорошо популяризировать, мало одного желанія и умѣнія живо и просто писать, а необходимо обладать спеціально-научной, и при томъ солидной подготовкой.

Г. Петрищевъ пожелалъ изложить популярно русскую исторію съ XVII в.; но у него не имѣется для этого сколько-нибудь солидной подготовки, да къ тому же онъ совершенно лишенъ и научнаго взгляда на исторію. Послѣдняя представляется ему не органическимъ закономѣрно развертывающимся процессомъ, а просто, выражаясь словами Вольтера, „кучей преступленій, безумствъ и несчастій". Преступленія и безумства, конечно, совершаютъ правители, сознательно стремясь обмануть народъ, на долю котораго, вслѣдствіе его темноты, выпадаютъ одни несчастія. При такомъ „пониманіи" исторіи не мудрено, что, напр., неудачу крестьянско-казацкаго движенія во время Смуты г. Петрищевъ объясняетъ, съ одной стороны, тѣмъ, что „руководителей и учителей въ ту пору не нашлось", съ другой, тѣмъ, что „въ концѣ-концовъ казацкіе старшины перессорились другъ съ другомъ" (стр. 18). Точно также въ крымскихъ походахъ В. Голицына во время правленія Софьи и даже въ Великой Сѣверной войнѣ онъ не видитъ выполненія традиціонныхъ задачъ, поставленныхъ на очередь всѣмъ предыдущимъ ходомъ историческаго развитія Россіи, что признано давно не только въ русской, но и въ иностранной литературѣ,—а представляетъ себѣ ихъ, какъ сознательное стремленіе правительства „отвлечь вниманіе народа отъ внутреннихъ дѣлъ" (стр. 36 и 38—40).

Въ изложеніи Смуты преслѣдованіе Борисомъ бояръ Романовыхъ г. Петрищевъ объясняетъ „судорожнымъ метаніемъ" Годунова (стр. 15), а его упорный отказъ отъ царствованія—„обычаемъ" (стр. 24); свержение перваго самозванца приписываетъ Василію Шуйскому „съ шайкой случайныхъ людей". Можно сказать, что авторъ даетъ не представленіе о Смутѣ, а рядъ ошибочныхъ утвержденій; нечего и говорить, что онъ совершенно не затрагиваетъ соціально-политическихъ условій ея возникновенія и не различаетъ отдѣльныхъ фазисовъ въ ея теченіи.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ послѣдующими періодами русской исторіи. Такъ, восшествіе на престолъ Екатерины I онъ объясняетъ вмѣшательствомъ гвардіи (стр. 45), совсѣмъ не выясняя роли въ этомъ „птенцовъ гнѣзда Петрова" и прежде всего Меньшикова и ни словомъ не обмолвясь о той оппозиціи, въ какую стало къ императрицѣ родовитое боярство съ Дм. Мих. Голицынымъ во главѣ и въ результатѣ которой правительство пошло на компромиссъ, учредивъ Верховный Тайный Совѣтъ.

Точно также и возстановленіе самодержавія Анны нашъ авторъ приписываетъ „пьянымъ гвардейцамъ" (стр. 48) и совершенно опускаетъ участіе въ этомъ духовенства и находившихся на правительственной службѣ иностран-

цевъ. А попытку ограничить Анну онъ видитъ лишь со стороны верховниковъ и совсѣмъ не упоминаетъ о конституціонныхъ теченіяхъ въ средѣ шляхетства. Говоря о самомъ царствованіи Анны, онъ все приписываетъ Бирону, умалчивая о вновь учрежденномъ кабинетѣ министровъ и роли Остермана.

Особенностью г. Петрищева является также и то, что онъ любитъ подробно останавливаться на мелкихъ и неважныхъ съ точки зрѣнія исторіи фактахъ и пропускать крупные. Такъ, онъ подробно перечисляетъ фаворитовъ Екатерины II и ни слова не говоритъ о самомъ замѣчательномъ явленіи ея царствованія—созывѣ знаменитой коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія, этомъ первомъ опытѣ народнаго представительства въ новой Россія.

Не меньше ошибокъ и курьезовъ разбросано и въ остальной „исторической“ части книжки, о которой, кажется, довольно сказано.

Л. И. Денисовъ (составилъ). Православные монастыри Россійской Имперіи. Полный списокъ всѣхъ 1.105 нынѣ существующихъ въ 75 губерніяхъ и областяхъ Россіи (и 2 иностранныхъ государствахъ) мужскихъ и женскихъ монастырей, архіерейскихъ домовъ и женскихъ общинъ. Съ краткимъ топографическимъ, историко-статистическимъ и археологическимъ описаніемъ, библіографическими примѣчаніями, статистической таблицей и 4 алфавитными указателями. Съ указаніемъ ближайшихъ къ монастырямъ почтовыхъ и желѣзнодорожныхъ станцій. Съ 110 рисунками въ текстѣ и картою монастырей (въ двѣ краски) на вкладномъ листѣ. М. 1908. XII+984 стр.+1 карта.

Несмотря на столь длинное, явно рекламнаго характера, заглавіе, обширный трудъ г. Л. И. Денисова является довольно полезной работой. Онъ былъ бы гораздо полезнѣй, если бы самъ авторъ не позаботился объ уменьшеніи его значенія. Существуетъ уже достаточно извѣстный трехтомный трудъ В. Звѣринскаго о русскихъ монастыряхъ: „Матеріалы для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской Имперіи. Т. I. С.-Пб. 1890; т. II. С.-Пб. 1892; т. III. С.-Пб. 1897“, особенно цѣнный по обилію библіографическихъ указаній. Л. И. Денисову, казалось бы, оставалось только воспользоваться уже продѣланной работой своего предшественника и внести въ свою книгу всю библіографію вопроса, по возможности провѣривъ ее. Но авторъ поступилъ не совсѣмъ такъ. Въ предисловіи мы встрѣчаемся съ такимъ указаніемъ: „Я сказалъ выше, что мой трудъ не упраздняетъ, не дѣлаетъ лишнимъ знакомства съ тремя томами „Матеріаловъ“ В. Звѣринскаго. Говоря это, я имѣлъ въ виду библіографическія примѣчанія моего ближайшаго предшественника, которыя не воспроизводятся въ моей книгѣ. Въ своихъ библіографическихъ примѣчаніяхъ я указываю лишь то количество изъ всей огромной литературы предмета, которое просмотрѣно мною непосредственно въ оригиналѣ“. Далѣе авторъ съ гордостью заявляетъ: „У меня нѣтъ ни одной заимствованной ссылки“. Въ оправданіе же неполноты своихъ библіографическихъ данныхъ онъ ссылается: 1) на сравнительно короткій срокъ выполненія труда; 2) на вытекающую отсюда физическую невозможность провѣрки библіографіи, приведенной у В. Звѣринскаго, въ связи съ понятнымъ неже-

ланіемъ перепечатывать ее цѣликомъ безъ собственнаго просмотра указанныхъ имъ матеріаловъ; 3) наконецъ на то, что онъ цитируетъ, за рѣдкими исключеніями, лишь тѣ печатные матеріалы (книги, брошюры и журнальныя статьи), которые были собраны имъ для настоящаго труда и находятся въ его библіотекѣ („а пріобрѣтеніе большаго, чѣмъ имѣется, количества ихъ оказалось для меня по разнымъ причинамъ затруднительно"—пишетъ авторъ).

Но 1) отъ всѣхъ этихъ оправданій нисколько не легче тѣмъ лицамъ, которымъ отнынѣ придется работать или справляться по двумъ авторамъ; 2) употребивши семь лѣтъ на составленіе своей книги, авторъ могъ бы потратить нѣкоторый, сравнительно недолгій, періодъ времени на провѣрку библіографическихъ данныхъ В. Звѣринскаго; 3) самъ же онъ пишетъ: „Иногда, въ виду полнаго отсутствія у меня достаточно обширнаго матеріала для описанія какого-либо монастыря, кромѣ офиціальныхъ данныхъ синодальной вѣдомости за 1901 годъ или немногихъ строкъ въ какомъ-либо не-спеціальномъ трудѣ, я, въ силу необходимости, *заимствовалъ у Звѣринскаго 2—3 нужныя мнѣ строки* [1]) изъ его краткихъ свѣдѣній, оказавшихся въ какомъ-либо отношеніи нѣсколько полнѣе имѣвшихся у меня матеріаловъ". Но хотя и „иногда", хотя и „2—3 строки", а все-таки заимствованы у Звѣринскаго. Звѣринскій же ихъ написалъ на основаніи того самаго матеріала, библіографическія указанія на который г. Л. И. Денисовъ отказался внести въ свою книгу, какъ не провѣренныя; 4) наконецъ, по нашему мнѣнію, очень странно не только при такой обширной, но и при гораздо болѣе узкой работѣ, замыкаться лишь въ кругѣ своей библіотеки, завѣдомо очень не полной...

Несмотря на этотъ, по нашему мнѣнію, важный недостатокъ, трудъ г. Л. И. Денисова является полезнымъ вкладомъ въ русскую литературу о монастыряхъ, такъ какъ, помимо сводки имѣвшагося подъ руками матеріала, онъ воспользовался 280 письменными сообщеніями, полученными въ отвѣтъ на двукратно напечатанную въ „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ" и затѣмъ разосланную по монастырямъ, выработанную авторомъ программу. Характерно, что изъ 800 настоятелей и настоятельницъ монастырей, къ которымъ обращался Л. И. Денисовъ, только 280 (около 35%) отозвались присылкой рукописныхъ свѣдѣній, а также печатныхъ описаній и фотографическихъ снимковъ (большею частью, видовъ монастырей).

Мы не будемъ говорить о содержаніи книги, такъ какъ оно въ достаточной мѣрѣ исчерпывается обширнымъ заглавіемъ, но считаемъ нужнымъ въ дальнѣйшемъ привести нѣсколько фактическихъ данныхъ и выводы, которые дѣлаетъ авторъ книги.

Всего къ 1-му декабря 1907 года православныхъ монастырей въ Россіи насчитывалось—1.098, изъ нихъ 650 мужскихъ и 448 женскихъ. Общее количество монашествующихъ обоего пола въ Россіи равно—90.403 человѣка (нѣсколько меньше, чѣмъ въ дѣйствительности, такъ какъ относительно нѣкоторыхъ монастырей нѣтъ данныхъ). Въ этомъ числѣ имѣется: мужчинъ (монаховъ и послушниковъ)—24.444; женщинъ (монахинь и послушницъ)—65.959.

Сопоставляя цифровыя данныя, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выво-

[1]) Курсивъ нашъ.

дамъ: 1) Мужскихъ монастырей въ Россіи больше, чѣмъ женскихъ (на четыре женскихъ монастыря приходится пять мужскихъ). 2) Монашествующихъ женщинъ въ Россіи больше, чѣмъ монашествующихъ мужчинъ (на 4 монаха приходится 11 монахинь). 3) Мужскіе монастыри вымираютъ, тогда какъ женскіе прогрессируютъ. „Гдѣ кроются причины этого крайне интереснаго соціальнаго явленія, добавляетъ авторъ, съ какихъ поръ оно началось, какъ конструируется, какими силами движется, какими обстоятельствами сопровождается, что собою обозначаетъ и къ чему приведетъ въ будущемъ,—все это такіе вопросы, которые могутъ стать предметомъ особаго изслѣдованія". Хорошо бы, добавимъ отъ себя, получить такое изслѣдованіе поскорѣе.

Къ изданію приложена „Карта православныхъ монастырей Европейской Россіи", сдѣланная достаточно плохо.

І. Артинскій, священникъ. **Очеркъ исторіи Новочеркасской войсковой гимназіи.** Новочеркасскъ. 1907. Стр. V+469+4 нен.+7 отд. рис.

Обширный по размѣрамъ трудъ священника І. Артинскаго обязанъ своимъ возникновеніемъ и появленіемъ въ печати исполнившемуся въ 1905 г. столѣтнему юбилею гор. Новочеркасска и Новочеркасской мужской гимназіи—„главнаго разсадника просвѣщенія въ Донской землѣ". Когда въ 1900 году принялись за собираніе матеріаловъ, то выяснилось, что „матеріалъ, сохранившійся въ гимназическомъ архивѣ, оказался крайне разрозненнымъ и для первой половины существованія гимназіи весьма скуднымъ". Не имѣя возможности воспользоваться другими архивными данными, кромѣ гимназическихъ, иниціаторъ труда, директоръ гимназіи Г. М. Холодный, передалъ начатую работу законоучителю свящ. І. П. Артинскому. Но и „послѣднему такъ же, какъ и Г. М. Холодному, пришлось, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, при своей работѣ пользоваться почти исключительно гимназическимъ архивомъ". Матеріалъ же этотъ по признанію самого автора оказался „весьма скуднымъ и для самой скромной цѣли. До 1838 года совсѣмъ не сохранилось дѣлъ, а документы и дѣла съ 1838 года хотя и сохранились и приведены въ надлежащій порядокъ, но относятся главнымъ образомъ къ исторіи первоначальнаго образованія на Дону, судьбы котораго до 1878 года были въ рукахъ директора гимназіи. Что же касается исторіи самой гимназіи, то по этому вопросу дѣла оказались и незначительными по количеству и не всегда цѣнными по качеству". Изъ расспросовъ автора выяснилось, что нужныя дѣла частью сгорѣли въ 1858 году во время пожара въ архивѣ, частью въ эпоху „вавилонскаго столпотворенія въ гимназіи"(?) продавались на рынкѣ, какъ оберточная бумага.

Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ помогли справиться съ работой „нѣкоторыя драгоцѣнныя данныя", найденныя въ Донскомъ музеѣ, и матеріалы по исторіи гимназіи, главнымъ образомъ до 1838 года, предоставленные въ распоряженіе автора нѣсколькими частными лицами. „Располагая такими разрозненными и случайными данными, авторъ на основаніи ихъ могъ представить лишь схему исторической жизни гимназіи, „очеркъ" историческій... Не все въ „очеркѣ" освѣщено надлежащимъ образомъ; нѣкоторыя стороны въ исторической жизни войсковой гимназіи приходилось предполагать, предугадывать, а о нѣкоторыхъ и совсѣмъ молчать... за полнымъ отсутствіемъ

данныхъ". Тѣмъ не менѣе—это первый болѣе или менѣе систематическій трудъ по исторіи просвѣщенія на Дону, которымъ пока и приходится довольствоваться.

Весь свой трудъ авторъ раздѣлилъ на шесть главъ, сообразно историческимъ періодамъ внѣшней жизни гимназіи. I. Донское главное народное училище (1793—1805). II. Гимназія Войска Донского (1805—1836). III. Новочеркасская гимназія съ 1836 г. до преобразованія ея въ 1849 году. IV. Новочеркасская гимназія съ 1849 г. до преобразованія ея по уставу 1864 года. V. Новочеркасская гимназія съ 1864 г. до преобразованія ея въ полную классическую по уставу 1871 года. VI. Новочеркасская гимназія отъ преобразованія ея въ полную классическую по уставу 1871 года до 1905 года—послѣдняго года столѣтія ея существованія. Къ „Очерку исторіи Новочеркасской гимназіи" приложены—I. Списокъ начальствовавшихъ, учившихъ и служившихъ въ Новочеркасской войсковой гимназіи съ краткими біографическими свѣдѣніями о нихъ. 1805—1905 гг. Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что до 1838 года списокъ этотъ не отличается полнотою. II. Изъ рѣчей и статей преподавателей Новочеркасской гимназіи съ 1846 года. Отдѣлъ этотъ свободно могъ быть выпущенъ, такъ какъ не имѣетъ ни научнаго, ни мѣстнаго историческаго значенія, за исключеніемъ статьи свящ. Т. Донецкаго „Кирилло-Меѳодіевская церковь при Новочеркасской мужской гимназіи". III. Списокъ учениковъ, окончившихъ курсъ Новочеркасской войсковой гимназіи (1805—1905 гг.). За неимѣніемъ точныхъ архивныхъ данныхъ до 1858 г. авторъ за это время ограничивается именами лицъ случайно имъ отысканныхъ. IV. Изъ лѣтописи пожертвованій на нужды учениковъ Новочеркасской гимназіи. Книга иллюстрирована пятью портретами и двумя видами гимназіи и гимназической церкви на отдѣльныхъ листахъ.

Для мѣстной областной исторіи книга имѣетъ несомнѣнное значеніе, несмотря на недостаточность привлеченнаго къ разработкѣ матеріала.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Въ 12 томахъ, подъ редакціею и съ примѣчаніями *С. А. Венгерова*. Т. VIII. С.-Пб. 1907. Стр. 585.

Настоящій восьмой томъ „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Бѣлинскаго" появляется въ печати спустя три года послѣ выхода предыдущаго (VII) тома и не заключаетъ въ себѣ обычныхъ для первыхъ семи томовъ примѣчаній редактора, которыя ко всѣмъ послѣдующимъ пяти томамъ будутъ помѣщены лишь въ послѣднемъ двѣнадцатомъ томѣ „Полнаго Собранія". „Въ хронологическомъ порядкѣ", читаемъ на 1 стр. оглавленія, „въ настоящемъ томѣ слѣдовало бы дать начало знаменитыхъ статей Бѣлинскаго о Пушкинѣ. Но такъ какъ эти статьи, растянувшись на 3 года, все-таки, составляютъ одно цѣлое, то мы ихъ и дадимъ всѣ вмѣстѣ въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ". Поэтому въ настоящій томъ вошли статьи Бѣлинскаго, писанныя въ 1843 и 1844 гг. въ „Отечественныхъ Запискахъ". Большинство изъ нихъ вошло сюда въ болѣе полномъ видѣ противъ прежнихъ изданій или даже впервые. Наиболѣе крупными изъ статей знаменитаго критика являются прежде всего его годичныя обозрѣнія „русской литературы" за 1842 и 1843 гг. (первая съ дополненіями); затѣмъ статьи: „Сочиненія Державина", „Сочиненія Зенеиды

Р—вой", и нѣкоторыя другія. Примѣчаній для настоящаго тома намѣчено 240; въ предыдущемъ томѣ ихъ было 366. Оцѣнка этого изданія сдѣлана уже давно, по мѣрѣ выхода въ свѣтъ первыхъ его томовъ; вполнѣ заслуженно оно признано самымъ полнымъ и лучшимъ, и намъ остается только пожелать болѣе скораго появленія въ свѣтъ остальныхъ томовъ столь необходимаго „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Бѣлинскаго".

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе мая и іюня мѣсяцевъ 1908 года.

— *Сведенборгъ, Эм.* Посмертное твореніе Апокалипсисъ (гл. 1) по смыслу духовному. С.-Пб. 1906. 115 стр. Цѣна 60 коп.

— *Неготинъ, Я.* О методѣ графической регистраціи пульса и объ аритміи его у собакъ. Юрьевъ 1908. 74 стр.

— *Трубицынъ, Н. Н.* Одинъ изъ восьмидесятниковъ—Надсонъ. Варшава 1908. 31 стр.

— *Годлевскій, С. Ф.* Всемірная послѣдняя борьба. Краткая повѣсть объ антихристѣ Владиміра Соловьева и его предсказанія о всемірной войнѣ. С.-Пб. 1907. 16 стр. Цѣна 10 коп.

— *Лобачевскій, Н. И.* О началахъ геометріи. С.-Пб. 1908. 48 стр. Цѣна 80 коп.

— Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou. № 3 & 4. Moscou 1908. Цѣна 1 руб.

— *Аррениусъ, С.* Образованіе міровъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей К. Д. Покровскаго, профессора Юрьевскаго университета. Съ 60 рисунками. Одесса 1908. Цѣна 1 руб. 75 коп.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

ШКОЛЬНЫЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ [1]).

11. Общительность, потребность въ обществѣ.

Подъ словомъ „общительность" понимають съ одной стороны стремленіе быть постоянно въ обществѣ, непривычку къ уединенію, а съ другой—потребность высказаться, неспособность долго таить въ себѣ какія бы то ни было мысли и чувства. Хотя между этими двумя душевными особенностями и существуетъ извѣстная взаимная зависимость, однако, какъ мы увидимъ ниже, зависимость эта не настолько велика, чтобы онѣ постоянно сопровождали другъ друга.

Изъ нашихъ испытуемыхъ наибольшей общительностью въ обоихъ смыслахъ этого слова отличаются Ивановъ, Федотовъ и Николаевъ. Иванова почти никогда нельзя увидѣть одного: всегда среди товарищей, въ шумной толпѣ, на плацу, въ залѣ. Потребность высказаться у него также значительна. Получивъ письмо отъ брата изъ Манджуріи, тотчасъ пришелъ показать воспитателю; уличенный въ какой-нибудь шалости, въ первый моментъ всегда придумаетъ удачную отговорку, но потомъ легко сознается, повидимому, въ силу откровенности. Федотовъ любитъ общество, шумъ, веселье; очень рѣдко, почти никогда не приходится его видѣть сидящимъ отдѣльно, за какимъ-нибудь занятіемъ. Въ свободное время, а также и во время вечернихъ занятій бродитъ по классу, переходя отъ одного товарища къ другому и разговаривая. Получивши хорошій баллъ, тотчасъ же бѣжитъ сообщить о немъ воспитателю. Николаевъ не любитъ уединенія, старается быть тамъ, гдѣ больше народу; приглашеніе брата придти въ отпускъ

---

[1]) *Окончаніе.* См. іюньскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1908 годъ.

очень его обрадовало, такъ какъ тамъ собирается много молодежи и будутъ играть. Написанный имъ разсказъ читалъ на свободномъ урокѣ товарищамъ.

Обращаясь къ характеристикамъ трехъ названныхъ мальчиковъ, мы находимъ у нихъ цѣлый рядъ общихъ чертъ: любопытство, подвижность, значительная возбудимость чувствъ и обиліе внѣшнихъ ихъ проявленій, разговорчивость, доходящая до болтливости,—все это свойственно имъ въ большей или меньшей степени. Не трудно замѣтить, что перечисленныя качества находятся въ самой тѣсной связи съ разбираемымъ нами сложнымъ проявленіемъ (общительностью) или, вѣрнѣе говоря, являются тѣми элементами, изъ которыхъ это сложное проявленіе складывается. Такъ, благодаря своей подвижности, Ивановъ и Федотовъ не могутъ даже во время занятій долго усидѣть на одномъ мѣстѣ, а то и дѣло вскакиваютъ и бродятъ по классу, подходя то къ одному, то къ другому товарищу и заговаривая съ ними. Любопытство и значительная возбудимость чувствованій, свойственная всѣмъ тремъ упомянутымъ испытуемымъ, заставляетъ ихъ гнаться за всѣмъ новымъ и необычнымъ, за всякимъ происшествіемъ и перемѣной. А между тѣмъ извѣстно, что именно соціальная среда, людское общество, благодаря своей сложности, разнообразію, пестротѣ и измѣнчивости можетъ доставить наиболѣе возбудителей человѣку, ищущему постоянно новыхъ, хотя бы и не особенно глубокихъ впечатлѣній. Наконецъ, обиліе внѣшнихъ проявленій чувства и болтливость, достигающая крайней степени у Федотова, но значительно развитая также у Иванова и Николаева, являются необходимыми элементами разбираемаго проявленія: съ одной стороны, они облегчаютъ взаимное общеніе, а съ другой—заставляютъ искать такихъ людей, которые въ любой моментъ согласились бы быть слушателями и собесѣдниками.

Интересно, что сильно развитая потребность въ обществѣ далеко не всегда сопровождается у нашихъ испытуемыхъ чувствомъ товарищества и симпатіи къ окружающимъ. Только одинъ Ивановъ всегда относится съ одинаковымъ доброжелательствомъ къ старшимъ и товарищамъ, никогда почти на нихъ не сердится, заступается за тѣхъ, кого обижаютъ и, при всѣхъ своихъ многочисленныхъ шалостяхъ, никогда не допуститъ, чтобы изъ-за него пострадалъ невинный. Николаевъ также способенъ съ симпатіей относиться къ окружающимъ и проявлять товарищескія чувства; однако, наряду съ этимъ, злопамятство и мстительность достигаютъ у него иной разъ уже гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ у Иванова. Что же касается Федотова, то сильно

развитая общительность не мѣшаетъ ему быть крайнимъ эгоистомъ и плохимъ товарищемъ. На себя онъ денегъ не жалѣетъ, по отношенію же къ другимъ скупъ, съ товарищами никогда ничѣмъ не дѣлится; приставая съ назойливыми просьбами, совершенно не заботится о томъ, насколько выполненіе его просьбы совмѣстимо съ чужими интересами; задираетъ слабѣйшихъ товарищей, дразнитъ и насмѣхается надъ ними, у сильныхъ же заискиваетъ и т. д.

Если перечисленныя выше наклонности (любопытство, подвижность, возбудимость аффектовъ и обиліе ихъ внѣшнихъ проявленій, разговорчивость и болтливость) ведутъ къ образованію общительности, потребности въ обществѣ, то противоположныя наклонности должны порождать и противоположныя проявленія. Это мы находимъ у Грузинина и Леммера. Оба они малоподвижны и неуклюжи въ своихъ движеніяхъ; гимнастики, танцевъ и подвижныхъ игръ не любятъ, въ свободное время предпочитаютъ сидѣть на мѣстѣ, углубившись въ книгу или задумавшись о чемъ-нибудь. Совсѣмъ не любопытны, мало интересуются повседневной жизнью корпуса и не обращаютъ вниманія на разныя мелкія событія и происшествія. Внѣшнія проявленія чувствъ незначительны, разговоры коротки и отрывисты (Грузининъ), запасъ темъ для разговора ограниченъ, въ подборѣ словъ и фразъ испытываютъ нерѣдко затрудненія (Леммеръ). Въ связи съ этимъ какъ Леммеръ, такъ и Грузининъ отличаются крайней замкнутостью и необщительностью, держатся особнякомъ не только отъ старшихъ, но и отъ товарищей, предпочитая тишину и уединеніе, разговоръ ведутъ лишь тогда, когда ихъ на это вызовутъ и т. д.

Есть еще одна сторона душевной жизни, стоящая, повидимому, въ тѣсной связи съ разбираемымъ нами качествомъ. Это—настроеніе. Изъ перечисленныхъ выше пяти мальчиковъ веселое настроеніе преобладаетъ у всѣхъ тѣхъ, кто отличается значительной общительностью (Ивановъ, Федотовъ, Николаевъ). Наоборотъ, у Грузинина настроеніе всегда ровное и спокойное, безъ особой веселости, но и безъ угнетенія, Леммеръ большею частью спокоенъ, иногда дѣлается грустнымъ и задумчивымъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣку свойственны рѣзкія перемѣны настроенія, это отражается нерѣдко также и на его наклонности къ общенію съ другими людьми: въ хорошемъ настроеніи онъ дѣлается подвижнымъ и общительнымъ, въ подавленномъ—ищетъ уединенія. Изъ нашихъ испытуемыхъ эти перемѣны сказываются особенно рѣзко у Борисова и Павловскаго.

Въ хорошемъ настроеніи Борисовъ подвиженъ, болтливъ, охотно вступаетъ въ разговоры, особенно несерьезнаго содержанія; очень общителенъ, всегда вмѣстѣ съ товарищами, ни за что не пойдетъ туда, гдѣ никого нѣтъ. Въ періоды же дурного настроенія и апатіи, наступающей иногда безъ всякаго внѣшняго повода, какъ-то весь сразу опускается, сидитъ уставившись глазами въ одну точку, отвѣчаетъ вяло, однотонно или даже до того погружается въ задумчивость, что на обращенный къ нему вопросъ глядитъ растерянно и недоумѣваетъ, въ чемъ дѣло.

Тѣ же особенности замѣчаются и у Павловскаго. Въ хорошемъ настроеніи духа онъ очень общителенъ, подвиженъ и разговорчивъ. Любитъ возиться, играть, во время занятій часто вскакиваетъ съ мѣста и ходитъ безъ нужды по классу. Охотно разговариваетъ съ воспитателемъ, все новое, заинтересовавшее его, тотчасъ же стремится разсказать, не считаясь съ условіями времени и мѣста, такъ что нерѣдко приходится его даже удерживать. Въ дурномъ же настроеніи (что бываетъ сравнительно рѣдко) уединяется и можетъ просидѣть отдѣльно цѣлыми часами. Однажды ему показалось, что его наказали несправедливо; сѣлъ въ углу, гдѣ было меньше воспитанниковъ, и просидѣлъ тамъ около двухъ часовъ; товарищи звали его играть, но онъ не пошелъ.

До сихъ поръ мы разбирали такіе случаи, когда потребность въ обществѣ идетъ рука объ руку съ потребностью высказаться, сообщить окружающимъ свои мысли и чувства. Однако, человѣкъ можетъ искать общества другихъ людей не только для того, чтобы подѣлиться съ ними своими мыслями, но также и для того, чтобы узнать отъ нихъ что-нибудь для него нужное, совмѣстно обсудить свои планы и предположенія, вообще, воспользоваться ихъ обществомъ для уясненія себѣ извѣстныхъ вопросовъ и недоумѣній. Въ этихъ случаяхъ потребность въ обществѣ принимаетъ нѣсколько иныя формы, чѣмъ тѣ, которыя были описаны выше.

Уже у Леммера есть указанія на то, что онъ, будучи обыкновенно замкнутъ, молчаливъ и малообщителенъ, можетъ однако вести довольно продолжительный разговоръ о тѣхъ предметахъ, которые его интересуютъ, главнымъ образомъ — объ исторіи. Такъ, разговаривая съ воспитателемъ о причинахъ французской революціи, выказалъ большую начитанность, толково разбиралъ состояніе тогдашняго двора, общества и условій жизни и вставлялъ свои собственныя комментаріи.

Еще болѣе рѣзко выступаетъ эта черта у Дмитренка и Антоно-

вича. Обычно они молчаливы и малообщительны, но если разговоръ коснется вопросовъ, ихъ интересующихъ, то оживляются и могутъ поддерживать его въ теченіи сравнительно долгаго времени. Такъ, Дмитренко, будучи малообщителенъ съ товарищами, въ послѣднее время чаще заговариваетъ со старшими, отъ которыхъ сторонился раньше: прислушивается къ разговору и задаетъ вопросы. Заинтересовавшись объясненіями воспитателя по естественной исторіи, подошелъ къ каѳедрѣ (вопреки своей привычкѣ сидѣть на мѣстѣ) и вступилъ въ продолжительный разговоръ относительно подробностей устройства скелета и отправленія внутреннихъ органовъ. Обо всемъ, видѣнномъ впервые (напримѣръ, послѣ посѣщенія эрмитажа, зоологическаго сада) любитъ поговорить обстоятельно, расспрашивая преимущественно о практическомъ примѣненіи даннаго предмета. Охотно вступаетъ въ разговоръ о правѣ и справедливости, стараясь обосновать и защитить свои собственныя, довольно своеобразныя воззрѣнія на этотъ счетъ. Другой испытуемый, Антоновичъ очень рѣдко принимаетъ участіе въ общихъ играхъ, обычно предпочитаетъ сидѣть одинъ, читая или работая надъ изобрѣтеніемъ какой-либо машины; ушелъ въ отпускъ передъ самымъ началомъ базара, тогда какъ другіе нарочно для базара остались въ корпусѣ. Къ старшимъ обращается очень рѣдко и въ разговорѣ съ ними краткокъ, отвѣчаетъ односложно, потупивъ голову. Однако, иногда бываетъ разговорчивъ съ товарищами, особенно при обсужденіи тѣхъ вопросовъ, которые его интересуютъ. Особенной дружбы ни съ кѣмъ не ведетъ; сходится лишь съ тѣми, которые, какъ и онъ, любятъ писать стихи или думать объ изобрѣтеніяхъ, — и то бываютъ вмѣстѣ только тогда, когда заняты общимъ дѣломъ.

По своему общему складу характера Дмитренко и Антоновичъ значительно отличаются отъ Иванова, Федотова и Николаева. Оба они не особенно подвижны, внѣшнія проявленія чувствъ выражены довольно слабо, любопытство почти совершенно отсутствуетъ, будучи замѣнено (особенно у Антоновича) любознательностью. Такимъ образомъ, характерологическую основу общительности составляютъ здѣсь уже совсѣмъ иныя наклонности, чѣмъ это было въ предыдущихъ случаяхъ. Главнымъ мотивомъ, заставляющимъ Дмитренка, Антоновича (а отчасти и Леммора), искать общества другихъ людей, является сильно развитой интересъ къ какому-нибудь предмету или вопросу, причемъ этотъ интересъ можетъ быть или чисто теоретическимъ (Антоновичъ, Леммеръ), или же вызываться какими-либо практическими потребностями и соображеніями (Дмитренко).

12. Ссоры и столкновенія.

Насколько разнообразна область столкновенія человѣческихъ интересовъ, настолько же различны и тѣ способы, которыми каждый человѣкъ реагируетъ на оскорбленія, обиды, вообще, на все то, что такъ или иначе нарушаетъ его запросы и потребности. Въ нашихъ характеристикахъ попадаются интересные примѣры того, какимъ образомъ общій складъ личности отражается на поведеніи человѣка во время ссоръ и столкновеній, и въ частности — на проявленіяхъ того аффекта, который возбуждается чаще всего въ этихъ случаяхъ, именно—аффекта гнѣва.

Очень рѣзки проявленія гнѣва у Робертса. Вспыльчивый до крайности, Робертсъ раздражается при малѣйшемъ, даже кажущемся поводѣ, доходя иногда до приступовъ настоящей ярости. При этомъ онъ сильно краснѣетъ, стискиваетъ зубы, на лицѣ появляется злое выраженіе, движенія становятся рѣзкими и порывистыми; иногда плачетъ, но рѣдко; чаще лѣзетъ драться, бросаетъ въ обидчика чѣмъ попало. Если причиной озлобленія является воспитатель или преподаватель, то говоритъ имъ дерзости, не повинуется приказаніямъ, швыряетъ книгу на столъ и т. п. Однако, раздраженіе его такъ же быстро проходитъ, какъ и возникаетъ: сорвавши свой гнѣвъ, ударивъ товарища, наговоривши дерзостей преподавателю, онъ обыкновенно скоро успокаивается, мѣняетъ тонъ и начинаетъ разговаривать уже болѣе мирнымъ образомъ.

Такая неспособность къ сколько-нибудь продолжительнымъ ссорамъ обусловливается отнюдь не тѣмъ, что Робертсу стало жаль своего противника или что благоразуміе заговорило въ немъ и онъ усиліемъ воли подавилъ свой гнѣвъ. Напротивъ, наблюденія показываютъ, что чувство симпатіи у Робертса развито сравнительно слабо, способность же къ задержкѣ и волевому усилію почти совершенно отсутствуетъ (см. характеристику). Причина заключается скорѣе въ общей неустойчивости чувствованій, крайней измѣнчивости настроенія, въ неспособности болѣе или менѣе продолжительное время сосредоточиться на какой бы то ни было мысли или чувствѣ.

Нѣсколько большей продолжительностью отличается чувство гнѣва у Николаева, раздражительность котораго, въ связи съ повышенной возбудимостью всей вообще его аффективной сферы, также чрезвычайно велика. Всякая непріятность сильно его возбуждаетъ, старшимъ онъ начинаетъ говорить грубости, съ товарищами лѣзетъ

драться, и если это не удается, то старается побить обидчика, хотя бы спустя довольно продолжительное время (иногда дня черезъ два), когда тотъ уже и забылъ о нанесенной обидѣ. Побивъ, успокаивается. Когда за обѣдомъ товарищъ нечаянно налилъ ему супу въ рукавъ, то Николаевъ пожаловался на него и, хотя тому сдѣлали замѣчаніе, но онъ еще налилъ супу около него на скатерть. Вообще замѣченъ неоднократно въ обидахъ товарищей, съ которыми часто ссорится и дерется, злоупотребляя при этомъ своей силой.

Интересно, что наряду съ такой мстительностью и злопамятствомъ чувство симпатіи у Николаева развито значительно больше, чѣмъ у Робертса. Онъ искренно жалѣлъ товарища, мучившагося болью въ ухѣ, очень расположенъ къ одному изъ воспитателей, съ любовью и даже нѣжностью относится къ животнымъ, жизнью которыхъ интересуется. Такое соединеніе двухъ разнохарактерныхъ аффектовъ даетъ въ результатѣ чувство негодованія, проявленія котораго достигаютъ у Николаева значительной силы. Такъ, въ классѣ была устроена лоттерея въ пользу раненыхъ, въ которой Николаевъ принималъ живое участіе; когда одинъ изъ пожертвовавшихъ вещи взялъ свое согласіе обратно, Николаевъ швырнулъ ему вещь и побилъ его. Въ другой разъ, несмотря на просьбу товарища З. не говорить воспитателю, пожаловался, что такой-то побилъ З.

Что касается общихъ особенностей эмоціональной и волевой жизни, то въ этомъ отношеніи Николаевъ и Робертсъ очень походятъ другъ на друга: та же необычайно повышенная возбудимость аффективной сферы съ обильными внѣшними проявленіями аффектовъ, та же слабость воли и неспособность къ задержкѣ; то же отсутствіе сознательныхъ, сколько-нибудь устойчивыхъ правилъ, которыя бы руководили ихъ поведеніемъ.

Въ противоположность всему этому, главную основу характера Валицкаго составляютъ сознательная систематичность и послѣдовательная настойчивость, проявляющіяся во всемъ его поведеніи. Все его вниманіе направлено на то, чтобы добросовѣстно выполнять свои школьныя обязанности, хорошо вести себя и прилежно заниматься. Онъ старательно избѣгаетъ участія въ шалостяхъ, дракахъ, вообще— во всемъ томъ, что съ точки зрѣнія школьной дисциплины считается недозволеннымъ. Поэтому, хотя ему и свойственны вспышки гнѣва, но онъ старается ихъ подавлять, тѣмъ болѣе, что въ ссорахъ обыкновенно оказывается безсильнымъ. Такъ, однажды товарищъ, желая пошутить, больно ударилъ его; Валицкій вспылилъ и бросился на

него, но, по неумѣнью драться, сталъ отталкивать его обѣими руками такъ смѣшно, что всѣ разсмѣялись; тогда онъ въ безсильномъ раздраженіи заплакалъ. Получаемые пинки и щипки часто переноситъ безъ выраженія открытаго неудовольствія, хотя иногда и плачетъ.

Во всѣхъ предшествовавшихъ случаяхъ проявленія гнѣва носятъ скорѣе оборонительный, чѣмъ наступательный характеръ. Правда, у Робертса и Николаева дѣло нерѣдко доходитъ до драки. Однако, стремленіе обидѣть другого, нанести ему вредъ возникаетъ здѣсь только подъ вліяніемъ гнѣвнаго аффекта, вызваннаго какой-нибудь обидой или непріятностью; признаковъ же настоящей злости, удовольствія, испытываемаго при видѣ страданій другого, упомянутые выше мальчики не обнаруживали. Иной характеръ носятъ ссоры и столкновенія съ окружающими у Дмитренка и Федотова.

Грубыя шалости, нерѣдко съ оттѣнкомъ жестокости, направленныя противъ товарищей, встрѣчаются у Дмитренка на каждомъ шагу. Въ строю или во время занятій постоянно задѣваетъ сосѣдей, мѣшая имъ заниматься, проходящимъ мимо подставляетъ ножку, чтобы уронить ихъ на полъ, налѣпляетъ на волосы пластолинъ, послѣ котораго трудно разлѣпить и вычистить волосы. На раздраженіе и слезы обиженныхъ смѣется и называетъ ихъ бабой. При укладкѣ спать устраиваетъ товарищамъ провалы щитовъ кроватей, а когда всѣ уснутъ, вставляетъ имъ гусариковъ, наряжается въ самодѣльную маску и пугаетъ ихъ и т. п. Пугалъ также и маленькихъ, несмотря на то, что вызывалъ этимъ у нихъ страхъ и слезы.

Федотовъ часто пристаетъ къ товарищамъ и надоѣдаетъ имъ, вызывая этимъ ссоры. Пристаетъ, главнымъ образомъ, къ слабѣйшимъ товарищамъ, дразнитъ, насмѣхается и задираетъ ихъ, у сильныхъ же заискиваетъ и во время драки всегда принимаетъ сторону сильнаго. Злорадствуетъ, когда хорошіе ученики бываютъ сильно огорчены, полученнымъ дурнымъ балломъ. По отношенію же къ старшимъ вѣжливъ, особенныхъ грубостей и дерзостей себѣ не позволяетъ.

Наряду съ наклонностью обидѣть товарища, причинить ему какую-нибудь непріятность, у Дмитренка и Федотова наблюдаются также и проявленія гнѣва, возникающаго въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы ихъ такъ или иначе нарушаются. Федотовъ въ этихъ случаяхъ багровѣетъ, дѣлаетъ порывистыя движенія; дерется сравнительно рѣдко, но бранится и часто и грубо. Дмитренко, въ отвѣтъ на замѣчанія или когда ему что-нибудь запрещаютъ, начинаетъ говорить дерзости, дѣлается рѣзкимъ и грубымъ.

Обращаясь къ характеристикѣ этихъ двухъ мальчиковъ, мы находимъ, что несмотря на значительныя различія во всемъ складѣ ихъ душевной жизни, обоимъ свойственна одна общая, сильно развитая черта характера, именно—эгоизмъ, постоянная забота о своихъ собственныхъ интересахъ. Дмитренко всегда очень усердно отстаиваетъ свои выгоды, и если чего-нибудь не хватаетъ для всего класса, то усиленно добивается получить предпочтительно передъ другими. Въ своихъ просьбахъ настойчивъ и не отстаетъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ желаемаго. Къ чужимъ проступкамъ относится строго: при обсужденіи грязныхъ шалостей одного изъ товарищей, старался бросить въ него лишній комъ грязи, говорилъ, что его слишкомъ легко наказали; между тѣмъ свои собственные проступки всячески оправдываетъ, придумывая для этого самые рискованные доводы, сваливаетъ вину на другого и т. п. Федотовъ скупъ по отношенію къ товарищамъ, на себя же тратитъ много. Крайне назойливъ и неделикатенъ; желая получить что-нибудь, совершенно не считается съ потребностями другихъ и ихъ интересами, а пристаетъ до тѣхъ поръ, пока не удовлетворятъ его просьбы.

Такое преобладаніе эгоизма, наряду со слабо развитымъ чувствомъ симпатіи и недостаточной заботой о чужихъ интересахъ, ведетъ къ тому, что Дмитренко и Федотовъ нерѣдко сами являются причиной ссоръ и столкновеній, находя удовольствіе въ томъ, чтобы обидѣть товарища и вызвать въ немъ раздраженіе. При этомъ сами они очень часто остаются спокойными и даже смѣются. У Дмитренка, вообще говоря, аффектъ гнѣва далеко не достигаетъ такой силы, какъ, напримѣръ, у Робертса или Николаева, а между тѣмъ по наклонности къ ссорамъ и столкновеніямъ эти послѣдніе значительно уступаютъ Дмитренку.

Говоря о томъ, что постоянное задѣваніе товарищей и направленныя противъ нихъ шалости, носящія оттѣнокъ жестокости, свидѣтельствуютъ о преобладаніи эгоизма и недостаточномъ развитіи чувства симпатіи, приходится, однако, сдѣлать довольно существенную оговорку. Иногда, повидимому, причиной является здѣсь чрезмѣрная импульсивность и недостаточная обдуманность поступковъ, стремленіе немедленно же выполнить всякую, пришедшую въ голову затѣю, не думая о ея послѣдствіяхъ. Въ такихъ случаяхъ добрый и отзывчивый, но шаловливый мальчикъ можетъ также нерѣдко доводить до слезъ своихъ товарищей.

Такъ, Ивановъ въ своихъ многочисленныхъ шалостяхъ далеко не

всегда считается съ интересами и состояніемъ тѣхъ лицъ, противъ которыхъ эти шалости направлены. То онъ доведетъ до слезъ болѣе слабаго сосѣда, наступая ему на ноги, то насыплетъ товарищу въ брюки опилокъ, когда тотъ одѣвается, то подставитъ ногу дневальному, когда тотъ несетъ посуду въ кухню и т. п. Между тѣмъ Ивановъ не только не злой, а напротивъ, добрый и сердечный мальчикъ. Со всѣми товарищами онъ друженъ, всѣми любимъ; на ласковое къ нему слово воспитателя очень отзывчивъ. Заступается за товарищей, съ которыми поступили несправедливо или которыхъ обижаютъ болѣе сильные. Когда за сдѣланную имъ серьезную шалость хотѣли наказать другого, сознался самъ, безъ всякаго давленія со стороны товарищей, зная, что понесетъ серьезное взысканіе. Безпеченъ, никогда не заботится о своихъ интересахъ. Никогда не раздражается, даже когда къ нему несправедливы; только въ пылу игры, находясь въ сильномъ возбужденіи, горячится, сердится и кричитъ, если замѣтитъ какія-либо неправильности.

Всѣ эти данныя заставляютъ предположить, что въ основѣ упомянутыхъ выше шалостей Иванова лежитъ не злоба, не желаніе причинить другому вредъ, а только легкомысліе, чрезмѣрное увлеченіе каждой новой шалостью, не позволяющее достаточно обдумать ея послѣдствія. Если же Иванову удастся выяснить вредъ задуманной имъ шалости (что, впрочемъ, вслѣдствіе его упрямства, представляется дѣломъ далеко не легкимъ), то онъ ея не дѣлаетъ. Однажды вечеромъ ставилъ гусарики спящимъ товарищамъ; на доводы воспитателя, что это не порядочно, возражалъ, но согласился съ тѣмъ, что это вредно для здоровья.

13. Обращеніе съ просьбами.

При чтеніи нашихъ характеристикъ можно убѣдиться, что нѣкоторые испытуемые (напримѣръ, Федотовъ) отличаются крайней назойливостью въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ нужно что-нибудь получить отъ старшихъ. Вопросъ этотъ стоитъ того, чтобы на немъ остановиться подробнѣе. Большая или меньшая наклонность обращаться съ просьбами, самый способъ обращенія, а также тѣ поводы и мотивы, которые заставляютъ воспитанниковъ прибѣгать къ помощи старшихъ— все это во многихъ случаяхъ очень ярко отражаетъ важнѣйшія индивидуальныя особенности каждаго даннаго мальчика.

Наименьшую склонность къ просьбамъ обнаруживаютъ Грузининъ и Антоновичъ, т. е., какъ разъ тѣ мальчики, которые, какъ это видно

изъ ихъ характеристикъ, не только не ищутъ общества старшихъ, но иногда даже какъ будто избѣгаютъ его. Замкнутые, молчаливые и сосредоточенные, они большую часть времени проводятъ за чтеніемъ или за какими-нибудь занятіями. При этомъ Грузининъ обнаруживаетъ значительную работоспособность даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда занятіе трудное и мало для него интересное. Антоновичъ, наоборотъ, можетъ сосредоточиться только надъ интересующимъ его предметомъ (рѣшеніе задачъ, составленіе проектовъ, подбираніе риомъ), но за то въ этихъ случаяхъ бываетъ очень настойчивъ и трудоспособенъ. Кромѣ того, оба очень самолюбивы. Грузининъ настолько обидѣлся замѣчаніемъ учителя за неправильно взятую ноту, что хотѣлъ бросить занятія музыкой; неудача на урокѣ танцевъ также его крайне огорчила и раздосадовала. Антоновичъ не любитъ шутокъ и фамильярностей; наговоривши воспитателю грубостей, ни за что потомъ по своему личному почину не попроситъ извиненія. Насмѣшки товарищей по поводу его недостатка и прозвище изобрѣтателя сильно его сердятъ и не разъ доводили до слезъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Грузининъ, какъ это часто бываетъ съ людьми самолюбивыми, отличается крайней застѣнчивостью. Антоновичъ хотя и не застѣнчивъ, но также не отличается особой самоувѣренностью.

Всѣ эти особенности характера—самолюбіе, застѣнчивость, малообщительность, энергія и настойчивость въ работѣ ведутъ къ тому, что оба названныхъ мальчика сравнительно рѣдко обращаются съ просьбами къ старшимъ, стараясь сами справиться со всякаго рода затрудненіями (что имъ обыкновенно и удается, благодаря сильно развитой работоспособности). Такъ, Антоновичъ въ своихъ занятіяхъ физикой, математикой и т. п., работаетъ совершенно самостоятельно, неохотно обращаясь къ чужой помощи. Грузининъ никогда не подходитъ съ пустыми вопросами, а только тогда, когда ему дѣйствительно что-нибудь нужно; при этомъ, встрѣтивши, напримѣръ, затрудненіе въ рѣшеніи задачи, онъ попроситъ только направить его, но отнюдь не рѣшить вмѣстѣ съ нимъ всю задачу.

Въ противоположность Грузинину и Антоновичу, двое другихъ нашихъ испытуемыхъ—Дмитренко и Федотовъ, часто и охотно обращаются къ старшимъ съ просьбами и въ своихъ просьбахъ бываютъ иногда очень настойчивы. Такъ, Дмитренко не забылъ даннаго ему 2 мѣсяца тому назадъ обѣщанія пересадить къ нему товарища и упорно добивается разрѣшенія сдѣлать это. Усиленно упрашиваетъ отпустить его въ институтъ къ сестрамъ и въ концѣ концовъ добился

своего. Когда раздаютъ что-нибудь классу и на всѣхъ не хватаетъ, то онъ считаетъ, что ему должно быть дано непремѣнно, и настойчиво проситъ, хорошо понимая, что всѣмъ не дашь. Замѣченный въ попыткѣ курить, сначала запирался, затѣмъ сознался и очень просилъ простить.

Что касается Федотова, то цѣлый рядъ фактовъ указываетъ на его назойливое попрошайничество. Настойчиво проситъ дать ему варенья, несмотря на разъясненія, что всѣмъ не хватитъ, а одному давать неудобно. Пристаетъ съ просьбами о деньгахъ и недоволенъ, что даютъ не такъ много, какъ ему хочется. Всякое непріятное ему распоряженіе вызываетъ съ его стороны надоѣдливыя просьбы не дѣлать этого или отмѣнить приказаніе. Въ то время, когда воспитатель объяснялъ урокъ одному изъ слабыхъ воспитанниковъ, просилъ объяснить также и ему, причемъ началъ громко читать и перебивать воспитателя; указаніе на неделикатность поступка нисколько его не смутило. Не выдержавъ переэкзаменовки, началъ плакать, упрашивать и добился того, что ему позволили отвѣчать еще разъ. Во время отпуска просилъ денегъ; воспитатель былъ занятъ и велѣлъ подождать, но онъ нѣсколько разъ повторилъ просьбу и стоялъ до тѣхъ поръ, пока ему не дали.

Обращаясь къ характеристикѣ Дмитренка и Федотова, мы находимъ у нихъ прежде всего два качества, въ значительной мѣрѣ объясняющія только что приведенные факты: сильно развитой эгоизмъ и большую увѣренность въ себѣ. Оба заботятся прежде всего о своихъ выгодахъ и интересахъ, совершенно не считаясь при этомъ съ интересами другихъ людей и въ частности—своихъ товарищей. Оба очень самоувѣренны. Федотовъ всегда доволенъ собой, по крайней мѣрѣ, никогда не приходилось замѣчать, чтобы онъ сконфузился или смутился. Дмитренко проявляетъ наклонность и умѣнье командовать другими и достигъ того, что въ послѣднее время классъ начинаетъ его слушаться. Эта увѣренность въ себѣ даетъ имъ возможность въ любую минуту, нисколько не стѣсняясь, обращаться къ старшимъ съ какой-либо просьбой или требованіемъ, а сильно развитой эгоизмъ является въ этихъ случаяхъ могущественнымъ мотивомъ, заставляющимъ во что бы то ни стало добиваться своего. Наряду съ этимъ (а можетъ быть отчасти и благодаря этому) у Дмитренка и Федотова нѣтъ той замкнутости и малообщительности, которая такъ затрудняетъ Грузинину и Антоновичу обращеніе къ старшимъ. Федотовъ вообще отличается большой общительностью, почти никогда не бы-

ваетъ одинъ; Дмитренко, правда, мало сходится съ товарищами, но за то въ послѣднее время дѣлается общительнѣе со старшими, старается заговаривать съ ними, задаетъ вопросы и т. п.

Благодаря всѣмъ этимъ особенностямъ характера (эгоизмъ, увѣренность въ себѣ, общительность) Дмитренко и Федотовъ при первой же надобности прибѣгаютъ къ настойчивымъ просьбамъ, не отставая до тѣхъ поръ, пока не получатъ удовлетворенія. Указаніе на несправедливость или неделикатность предъявленныхъ требованій нисколько ихъ не смущаетъ, они или остаются къ этому совершенно равнодушны (Федотовъ), или дѣлаются грубыми и начинаютъ говорить дерзости (Дмитренко).

Для того, чтобы заставить человѣка многократно обращаться къ окружающимъ со всякаго рода просьбами, необходимы извѣстные, болѣе или менѣе постоянные мотивы, желанія, требующія удовлетворенія. У Федотова и Дмитренка такимъ мотивомъ является сильно развитой эгоизмъ. У нѣкоторыхъ же другихъ нашихъ испытуемыхъ, благодаря значительной возбудимости и неустойчивости чувствованій, а также недостаточному развитію эгоизма или какихъ бы то ни было другихъ побужденій, могущихъ заставить ихъ обратиться съ просьбами къ старшимъ, замѣчается извѣстное непостоянство въ этомъ отношеніи: иногда они усиленно просятъ о чемъ-нибудь, въ другой же разъ, при аналогичныхъ обстоятельствахъ, не дѣлаютъ этого; или сначала пристаютъ съ какой-нибудь просьбой, но потомъ очень скоро забываютъ о ней и перестаютъ просить, хотя бы и не добившись удовлетворенія. Особенно ясныя указанія на этотъ счетъ имѣются въ характеристикахъ Робертса, Павловскаго и Иванова.

Одну изъ характернѣйшихъ чертъ Робертса составляетъ крайняя возбудимость и неустойчивость аффективной сферы. Малѣйшаго повода иногда достаточно бываетъ, чтобы привести его въ ярость и заставить полѣзть въ драку; въ то же время чувства его никогда не бываютъ продолжительны: сорвавши свой гнѣвъ, ударивъ товарища, бросивъ въ него книгой или тѣмъ, что было въ рукахъ, начинаетъ обыкновенно успокаиваться. Особенныхъ указаній на развитіе у него эгоистическихъ чувствованій не имѣется, но за то и противоположныя чувства (чувство симпатіи, долга и т. п.) не настолько сильно развиты, чтобы придать сколько-нибудь опредѣленное направленіе его дѣятельности. Очень застѣнчивъ, благодаря чему обращеніе его со старшими страдаетъ часто крайней неровностью и порывистостью.

Та же неровность и измѣнчивость наблюдается у Робертса и въ

тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится обращаться къ старшимъ съ какими-нибудь просьбами. Однажды вечеромъ сильно разозлился на воспитателя, отобравшаго у него книгу. На другой день порывъ раздраженія уже миновалъ, онъ подходилъ съ учебникомъ на занятіяхъ и просилъ ему перевести нѣмецкій переводъ; когда же увидѣлъ, что переводъ дается не легко, сталъ опять капризничать и браниться. Наговоривши воспитателю дерзостей, скоро пришолъ въ себя, подошелъ съ виноватымъ видомъ и хотя не просилъ прощенія, но выражалъ сожалѣніе о сказанномъ. Когда однажды, въ отвѣтъ на дерзость, воспитатель пригрозилъ отправить его въ карцеръ, сталъ заискивающимъ и даже ласковымъ и привѣтливымъ тономъ просить прощенія. Въ другой же разъ, по поводу полученной дурной отмѣтки сказалъ самымъ рѣзкимъ тономъ: „да сбавляйте мнѣ хоть два балла, мнѣ вашихъ балловъ не надо!"

Подобное же непостоянство въ проявленіяхъ разбираемаго качества находимъ у Павловскаго и Иванова. Первый изъ нихъ (Павловскій), сказавши воспитателю дерзость, усиленно проситъ потомъ не сердиться на него. Рѣшившись въ послѣднее время заниматься и вести себя лучше, проситъ помочь ему въ приготовленіи уроковъ. Просилъ за товарища, чтобы того не наказывали. Въ то же время, когда однажды воспитатель, уличивши его въ игрѣ въ перышки, отобралъ коробку съ перьями, онъ просить обратно не сталъ, а остался грустно сидѣть на томъ же мѣстѣ. Другой испытуемый, Ивановъ, вслѣдъ за наложеннымъ взысканіемъ усиленно проситъ прощенія, кожа надъ бровями наливается кровью, на глазахъ появляются слезы. Но все это не надолго: скоро забываетъ и опять веселъ.

Причину, какъ намъ кажется, и здѣсь слѣдуетъ искать прежде всего въ общей неустойчивости и измѣнчивости аффективной сферы, а затѣмъ въ томъ, что ни чувство эгоизма, ни какой-нибудь другой родъ чувствованій не развиты настолько сильно, чтобы образовать собой постоянныя, руководящія нормы ихъ поведенія. Отсюда отсутствіе настойчивости въ просьбахъ, а также различный образъ дѣйствій въ разное время при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ.

Конечно, приведенными данными далеко не исчерпываются всѣ типы просящихъ. Такъ, напримѣръ, существуютъ люди, которые просятъ ласково, вкрадчиво, но въ то же время умѣло и неотступно, и этимъ путемъ достигаютъ нерѣдко большаго успѣха, нежели дерзкіе и нахальные просители, вродѣ Дмитренка и Федотова. Однако, среди нашихъ испытуемыхъ не было рѣзко выраженныхъ образцовъ этого

типа, а мы поставили себѣ за правило описывать и анализировать только такія проявленія, на которыя имѣются достаточно ясныя указанія въ нашихъ характеристикахъ.

14. Отношеніе къ товарищамъ.

Само собою разумѣется, что отношенія между школьникомъ и его товарищами могутъ безконечно мѣняться подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ условій, случайностей и происшествій. Тѣмъ не менѣе, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ обыкновенно вырабатывается мало-по-малу опредѣленный родъ отношеній, извѣстное мнѣніе всего класса о данномъ воспитанникѣ, причемъ мнѣніе это опредѣляется прежде всего, конечно, индивидуальными особенностями мальчика. Нѣкоторыя указанія на этотъ счетъ имѣются также и въ нашихъ характеристикахъ.

Среди нашихъ испытуемыхъ есть двое такихъ, которые импонируютъ товарищамъ, внушаютъ имъ извѣстное уваженіе къ себѣ, хотя и достигаютъ этого совершенно различными путями. Мальчики эти— Валицкій и Дмитренко.

Валицкій не отличается особой силой и ловкостью: на физическихъ упражненіяхъ утомляется скорѣе, чѣмъ другіе, въ играхъ участвуетъ довольно рѣдко, гимнастика дается ему не особенно легко. При столкновеніяхъ съ товарищами, благодаря своему неумѣнью драться, оказывается обыкновенно потерпѣвшимъ. Чувство симпатіи у него хотя и развито, но не особенно сильно: будучи первымъ ученикомъ, онъ помогаетъ болѣе слабымъ воспитанникамъ, но дѣлаетъ это лишь тогда, когда ему укажетъ воспитатель. Причина же того уваженія, съ которымъ относятся къ Валицкому товарищи, заключается въ его отношеніи къ своимъ обязанностямъ. Онъ не жалѣетъ труда и настойчивости на то, чтобы аккуратно выучивать уроки и выполнять всѣ школьныя предписанія, причемъ дѣлаетъ это не только изъ за отмѣтокъ, но также и въ силу опредѣленныхъ, прочно сложившихся у него нравственныхъ воззрѣній и привычекъ. Взгляды его на этотъ счетъ настолько стойки, что рѣшается выступать съ ними противъ всего класса, и иногда небезуспѣшно. Такъ, когда весь классъ, ссылаясь на неопредѣленность заданія, не хотѣлъ готовить урока, Валицкій переубѣдилъ ихъ, такъ что они приготовили то, что онъ указалъ; подобные случаи впослѣдствіи повторялись неоднократно. Такое трудолюбіе, энергія и настойчивость въ проведеніи своихъ взглядовъ, повидимому, импонируютъ товарищамъ, и въ результатѣ, хотя осо-

быхъ друзей у Валицкаго нѣтъ, но въ общемъ къ нему относятся хорошо и съ уваженіемъ. Когда его отмѣтки, въ числѣ прочихъ, прочли въ концѣ четверти передъ классомъ, многіе захлопали. Дмитренко ставитъ его своимъ идеаломъ и говоритъ, что онъ непремѣнно добьется того, чтобы быть такимъ, какъ Валицкій.

Что касается Дмитренка, то онъ, наоборотъ, къ своимъ школьнымъ обязанностямъ, какъ и вообще ко всему, что его мало интересуетъ, относится очень небрежно. Уроки учитъ плохо, на вечернихъ занятіяхъ развлекается чѣмъ-нибудь постороннимъ, своими безчисленными шалостями то и дѣло нарушаетъ требованія школьной дисциплины. Особенной симпатіей къ товарищамъ также не отличается; наоборотъ, часто позволяетъ себѣ грубыя и даже жестокія выходки, направленныя не только противъ сверстниковъ, но также и противъ младшихъ воспитанниковъ. Эгоистъ, заботится прежде всего о своихъ интересахъ и выгодахъ; будучи уличенъ въ шалости, сваливалъ свою вину на товарища и потомъ, при обсужденіи происшествія, старался доказать, что такъ и всегда слѣдуетъ поступать.

При всемъ томъ, товарищи не только не относятся къ Дмитренку враждебно, но даже онъ пользуется среди нихъ извѣстнымъ вліяніемъ. Для достиженія порядка въ классѣ и въ строю совершенно спокойно, пользуясь своей силой, принимаетъ мѣры вродѣ пинка или затрещины и достигаетъ этимъ повиновенія; классъ начинаетъ его слушаться. На гимнастикѣ старался поддерживать порядокъ среди товарищей съ тѣмъ, чтобы было больше времени на упражненія. Когда инспекторъ на свободномъ урокѣ предложилъ классу разучить басню въ лицахъ, то Дмитренко распредѣлилъ роли, руководилъ разучиваніемъ и черезъ часъ, когда все было готово, пригласивши воспитателя, выстроилъ всѣхъ кадетъ по порядку чтенія и управлялъ ролями, какъ опытный режиссеръ.

Такимъ образомъ, своимъ вліяніемъ на товарищей Дмитренко обязанъ существенно инымъ качествамъ, нежели Валицкій. Тамъ главными причинами были трудолюбіе и неуклонное, сознательное выполненіе своего школьнаго долга; здѣсь — мышечная сила, ловкость и смѣлость (проявляемая Дмитренкомъ въ гимнастикѣ и играхъ), а также увѣренность въ себѣ и готовность всякую минуту пожертвовать чужими интересами для достиженія своихъ собственныхъ цѣлей и намѣреній. Но есть и общія черты между Дмитренкомъ и Валицкимъ, и эти общія черты являются, быть можетъ, наиболѣе важными элементами разбираемаго сложнаго проявленія. Мы имѣемъ въ виду су-

шествованіе опредѣленныхъ, болѣе или менѣе сложившихся взглядовъ на общественныя отношенія и на свои собственныя права и обязанности, а также настойчивость и послѣдовательность въ проведеніи этихъ взглядовъ. У Валицкаго взгляды эти настолько тверды и опредѣленны, что онъ рѣшается отстаивать ихъ противъ всего класса; Дмитренко упорно не хочетъ отказаться отъ своихъ мнѣній, несмотря на ихъ очевидную несправедливость и пристрастіе. Какою бы наивностью не отличались этическія теоріи этого 13-лѣтняго практика-утилитариста, а все же самое ихъ существованіе придаетъ ему уже извѣстный авторитетъ среди товарищей. Твердая воля, руководимая сознательными принципами, всегда импонируетъ окружающимъ и побуждаетъ ихъ къ невольному повиновенію.

Изъ остальныхъ нашихъ испытуемыхъ Антоновичъ, Николаевъ и Борисовъ не пользуются никакимъ авторитетомъ среди товарищей, несмотря на то, что по своимъ дарованіямъ они стоятъ не только не ниже, но во многихъ отношеніяхъ и выше Валицкаго и Дмитренка. Такъ, Антоновичъ лучше всѣхъ въ классѣ пишетъ стихи и повѣсти, издаетъ журналъ для кадетъ, подолгу и съ охотой занимается чтеніемъ серьезныхъ книгъ, рѣшеніемъ математическихъ задачъ, изобрѣтеніемъ разныхъ машинъ и приборовъ. Николаевъ хорошо лѣпитъ и рисуетъ красками, сочиняетъ повѣсти и комическія сцены. Борисовъ очень начитанъ, свободно пишетъ классныя сочиненія, сочиняетъ повѣсти и стихи, юмористическія пародіи на товарищей, издаетъ журналъ. Кромѣ того, у Антоновича и Николаева развиты товарищескія чувства и сознаніе своихъ обязанностей по отношенію къ классу. Наконецъ, Николаевъ обладаетъ довольно значительной мышечной силой, которой онъ и пользуется при столкновеніяхъ съ товарищами.

Несмотря на все это, ни одинъ изъ нихъ не пользуется сколько-нибудь замѣтнымъ вліяніемъ на классъ; Николаевъ, правда, не прочь покомандовать и поломаться, что особенно сказалось при назначеніи его старшимъ пѣвчимъ; однако, въ характеристикѣ нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы товарищи повиновались ему или относились къ нему съ уваженіемъ. Причина, повидимому, заключается какъ разъ въ отсутствіи у Антоновича, Николаева и Борисова тѣхъ качествъ, о которыхъ говорилось выше и безъ которыхъ немыслимо вліяніе человѣка на окружающихъ, именно—твердой и настойчивой воли, руководимой опредѣленными сознательными взглядами и стремленіями.

Посмотримъ теперь на разбираемый нами вопросъ съ нѣсколько иной стороны, именно—съ точки зрѣнія большаго или меньшаго со-

чувствія и расположенія, которымъ пользуются наши испытуемые со стороны своихъ товарищей. Хорошими примѣрами въ этомъ направленіи могутъ служить Ивановъ и Федотовъ.

У Иванова отношенія какъ къ товарищамъ, такъ и къ старшимъ въ большинствѣ случаевъ самыя доброжелательныя. Со всѣми товарищами онъ друженъ, всѣми любимъ. Главная причина такого отношенія заключается, повидимому, въ томъ, что у самого Иванова чувство симпатіи къ другимъ людямъ развито очень значительно. Онъ не эгоистъ, никогда не заботится о своихъ интересахъ. Хотя и выдѣляется иногда среди товарищей въ играхъ и гимнастикѣ, но не замѣтно, чтобы гордился этимъ. Только по отношенію къ одному товарищу проявляетъ болѣе авторитетный тонъ и иногда силой заставляетъ его слушаться. На ласковое къ нему слово со стороны воспитателя очень отзывчивъ. Заступился за слабаго воспитанника, котораго обижалъ сильный; въ другой разъ очень усердно защищалъ передъ воспитателемъ товарища, котораго считалъ правымъ. Хорошій товарищъ, не допустилъ, чтобы изъ-за его шалости пострадалъ другой, и добровольно сознался, несмотря на грозившее строгое наказаніе. Всѣ эти качества заставляютъ какъ старшихъ, такъ и товарищей относиться къ Иванову съ симпатіей, несмотря на то, что своими безчисленными шалостями онъ иногда доводитъ до слезъ товарищей и причиняетъ не мало хлопотъ воспитателямъ и преподавателямъ.

Что касается Федотова, то его товарищи не любятъ, и не столько за постоянныя ссоры и приставанія, сколько за эгоизмъ и скупость. Въ удовлетвореніи своихъ потребностей онъ бываетъ иногда очень расточителенъ; по отношенію же къ другимъ скупъ, съ товарищами почти никогда ничѣмъ не дѣлится (лакомствами, мелкими принадлежностями). Разговоры и интересы его вертятся, главнымъ образомъ, около своихъ собственныхъ удобствъ и удовольствій (ѣда, отпускъ). Въ просьбахъ дать ему что-нибудь бываетъ крайне надоѣдливъ и совершенно не считается съ интересами другихъ. Насмѣхается надъ слабыми товарищами и задираетъ ихъ, у сильныхъ же заискиваетъ и въ случаѣ ссоры становится на ихъ сторону.

Интересно, что какъ у Иванова, такъ и у Федотова сильно развита потребность въ обществѣ: оба любятъ шумъ, веселье, почти всегда вращаются въ толпѣ, среди товарищей, не любятъ оставаться одни. И тѣмъ не менѣе, отношеніе товарищей къ нимъ совершенно различно. Очевидно, одной общительности не достаточно для того, чтобы снискать себѣ симпатіи окружающихъ.

15. Отношеніе къ воспитателямъ и преподавателямъ.

Говоря объ отношеніи воспитанника кадетскаго корпуса къ старшимъ, т. е., къ воспитателямъ и преподавателямъ, слѣдуетъ прежде всего отдать себѣ отчетъ въ томъ, чѣмъ являются для него эти старшіе, чего онъ можетъ ожидать отъ нихъ и за чѣмъ ему приходится къ нимъ обращаться. Особенно важно это въ нашемъ случаѣ, когда имѣется дѣло съ закрытымъ учебнымъ заведеніемъ, въ которомъ почти вся жизнь воспитанниковъ протекаетъ на глазахъ у лицъ, поставленныхъ для наблюденія за ними.

Намъ кажется, что въ общемъ отношеніе нашихъ мальчиковъ къ воспитателямъ и преподавателямъ опредѣлялось двумя главными моментами. Съ одной стороны, эти послѣдніе являются для кадета начальствомъ, отъ котораго исходятъ всякаго рода приказанія и мѣры, направленныя на поддержаніе дисциплины въ корпусѣ, источникомъ похвалъ и поощреній, наказаній и отмѣтокъ. Съ другой—они обладаютъ извѣстнымъ моральнымъ авторитетомъ, къ нимъ обращаются воспитанники за помощью въ занятіяхъ, за совѣтомъ въ трудныя минуты своей жизни, наконецъ, нерѣдко также за обсужденіемъ разнаго рода вопросовъ, относящихся къ литературѣ, общественной жизни, нравственности и т. п. Наши характеристики содержатъ на этотъ счетъ не мало указаній. При этомъ индивидуальныя особенности каждаго отдѣльнаго мальчика ведутъ къ тому, что въ его отношеніяхъ къ воспитателю болѣе подчеркивается та или другая сторона, въ зависимости отъ чего и самыя отношенія пріобрѣтаютъ тотъ или иной отпечатокъ. Эту именно зависимость между индивидуальными особенностями нашихъ испытуемыхъ и характеромъ ихъ отношеній къ воспитателямъ и преподавателямъ мы и будемъ имѣть въ виду при дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса.

Начномъ съ Валицкаго, отношенія котораго къ старшимъ отличаются большою опредѣленностью и постоянствомъ. Какъ мы уже видѣли выше, стремленія и идеалы Валицкаго вполнѣ совпадаютъ съ тѣми требованіями, которыя предъявляетъ къ нему школа. Первый ученикъ въ классѣ, онъ сознательно и добровольно подчиняется предписаніямъ школьной дисциплины, всѣ свои старанія направляя на то, чтобы хорошо учиться и примѣрно вести себя. Этимъ въ значительной степени опредѣляется и отношеніе Валицкаго къ воспитателямъ и преподавателямъ. Несмотря на нѣкоторую застѣнчивость, онъ охотно сходится и разговариваетъ со старшими, причемъ относится къ нимъ

очень почтительно, никогда не критикуетъ открыто ихъ дѣйствій и заговариваетъ обыкновенно для того, чтобы обсудить что-нибудь или спросить совѣта. Будучи особенно расположенъ къ одному воспитателю, онъ почти всѣ перемѣны ходитъ съ нимъ и обращается къ нему за разрѣшеніемъ всѣхъ своихъ сомнѣній. Возвратившись изъ отпуска или театра, обыкновенно разсказываетъ воспитателю о томъ, что тамъ видѣлъ. Всякое данное ему приказаніе выполняетъ охотно и добросовѣстно. Вообще, заботится о томъ, чтобы поддержать свое реноме хорошаго воспитанника и похвалы принимаетъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ, хотя и нѣсколько застѣнчиво. Въ свою очередь старшіе относятся къ Валицкому съ полнымъ довѣріемъ и сочувствіемъ: преподаватели всегда отзываются о немъ съ похвалой, у ксендза пользуется особымъ довѣріемъ, приноситъ и уноситъ журналъ и т. п.

Такимъ образомъ, симпатія, уваженіе и довѣріе къ старшимъ тѣсно связаны у Валицкаго съ сильно развитымъ чувствомъ долга и сознательнымъ отношеніемъ къ своимъ школьнымъ обязанностямъ. Правда, существуютъ и другіе мотивы, заставляющіе Валицкаго искать общенія со старшими: потребность разсказать и совмѣстно обсудить то, что видѣлъ новаго и интереснаго, напримѣръ, въ театрѣ, въ музеѣ, въ училищѣ глухонѣмыхъ; желаніе выяснить себѣ тѣ или иные вопросы, касающіеся практики повседневной жизни; наконецъ, сильно развитое самолюбіе, пріятно возбуждаемое похвалами и поощреніями старшихъ. Но всѣ эти мотивы по своей силѣ и постоянству уступаютъ одному, главному, именно — прочно усвоенному съ дѣтства сознанію, что онъ долженъ уважать старшихъ, повиноваться имъ и слушать во всемъ ихъ совѣта. Подобно тому, какъ въ своихъ классныхъ занятіяхъ и въ помощи товарищамъ Валицкій руководствуется не столько непосредственными интересами и чувствомъ симпатіи, сколько своего рода сознаніемъ долга, добросовѣстнымъ и разсудительнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ, такъ и здѣсь, непосредственныя чувства и влеченія меньше отражаются на его отношеніи къ старшимъ, нежели постоянные, сознательные принципы, руководящіе его поведеніемъ.

Совсѣмъ другую картину представляетъ испытуемый Дмитренко. У него, такъ же какъ и у Валицкаго, существуютъ довольно опредѣленные взгляды на нравственность, справедливость и людскія отношенія. Но, въ противоположность Валицкому, воззрѣнія Дмитренка тѣсно связаны съ эгоистическими тенденціями, составляющими одну изъ основныхъ особенностей его характера; благодаря этому, они во

многомъ противорѣчатъ требованіямъ общежитія и, слѣдовательно, совершенно не могутъ служить нормой, опредѣляющей его отношеніе къ воспитателямъ и преподавателямъ. Такимъ образомъ, на первый планъ по необходимости выступаютъ непосредственныя потребности и влеченія, заставляющія его обращаться къ старшимъ: желаніе пойти въ отпускъ, страхъ передъ наказаніемъ, умственные интересы, потребность обсудить тотъ или иной вопросъ нравственно-практическаго характера и т. п. Приведемъ нѣкоторыя фактическія данныя.

Будучи малообщителенъ, Дмитренко въ послѣднее время становится общительнѣе со старшими, отъ которыхъ сторонился раньше: старается поговорить съ воспитателемъ, прислушивается къ разговору и задаетъ вопросы; заинтересовавшись объясненіями воспитателя по естественной исторіи, подошелъ къ нему и долго разговаривалъ объ устройствѣ скелета и отправленіи внутреннихъ органовъ. Обо всемъ видѣнномъ впервые любитъ поговорить и подробно распрашиваетъ. Охотно вступаетъ въ разговоръ о правѣ и справедливости, причемъ усиленно отстаиваетъ свои собственныя воззрѣнія на этотъ счетъ. Довольно часто обращается къ воспитателю съ разнаго рода просьбами. Такъ, въ свободное время проситъ дать ему какую-нибудь работу и съ охотой принялся за выполненіе того, что ему было предложено. Проситъ написать родителямъ о томъ, что онъ сталъ лучше заниматься; проситъ читать въ классѣ то, что ему нравится; настойчиво проситъ пересадить къ нему товарища и т. д.

Всѣ эти побужденія (любознательность, забота о своихъ интересахъ, стремленіе подробнѣе обсудить свои поступки и отношеніе къ окружающимъ) заставляютъ Дмитренка искать общенія со старшими. Однако, непосредственность этихъ побужденій, отсутствіе постоянныхъ, руководящихъ точекъ зрѣнія постоянно даютъ себя чувствовать. Наряду съ только-что перечисленными мотивами, заставляющими Дмитренка обращаться къ старшимъ съ вопросами, просьбами и т. п., то и дѣло выступаютъ другіе мотивы, противоположнаго характера. Упрямство Дмитренка, плохіе его успѣхи и постоянныя шалости влекутъ за собой частыя столкновенія съ начальствомъ. Къ ученію относится очень небрежно, и только различныя побочныя цѣли, напримѣръ, желаніе получить лучшую отмѣтку, пойти въ отпускъ и т. д., заставляютъ его отнестись къ урокамъ внимательнѣе. Къ воспитательскимъ внушеніямъ и выговорамъ или совершенно равнодушенъ, или же отвѣчаетъ на нихъ дерзостями. Въ случаѣ надобности охотно прибѣгаетъ ко лжи. Небольшія наказанія вызываютъ въ немъ неудо-

вольствіе и раздраженіе, проявляющееся повышеннымъ тономъ и рѣзкими отвѣтами; въ тѣхъ же случаяхъ, когда грозитъ наказаніе болѣе строгое, блѣднѣетъ, плачетъ, проситъ прощенія и даетъ разныя обѣщанія.

Если Дмитренко, несмотря на свои частыя столкновенія со старшими, все же нерѣдко обращается къ нимъ за разрѣшеніемъ возникающихъ у него вопросовъ и сомнѣній, то у Федотова общеніе съ воспитателями и преподавателями основано исключительно на желаніи получить какую-нибудь выгоду или предотвратить какую-либо непріятность. Эгоистическія чувства и влеченія, въ ихъ наиболѣе примитивной формѣ, безусловно преобладаютъ у него надъ болѣе сложными мотивами нравственнаго характера; умственные и эстетическіе запросы слишкомъ слабы для того, чтобы заставить его обращаться къ старшимъ за разъясненіемъ по поводу видѣннаго, слышаннаго или прочитаннаго. Поэтому единственное, съ чѣмъ приходится Федотову обращаться къ воспитателю, это всевозможнаго рода просьбы, въ которыхъ онъ бываетъ нерѣдко крайне назойливымъ (см. выше, § 13).

Интересно, что съ товарищами Федотовъ часто ссорится, бранится, задѣваетъ и дразнитъ ихъ, особенно тѣхъ, кто слабѣе его. По отношенію же къ старшимъ, отъ которыхъ зависитъ удовлетвореніе его многочисленныхъ просьбъ и желаній, онъ вѣжливъ, общителенъ, особыхъ дерзостей и грубостей себѣ не позволяетъ. Однако, желанія сблизиться болѣе тѣсно съ кѣмъ-нибудь изъ воспитателей или преподавателей у него также не замѣчалось. Воспитательскому вліянію мало податливъ, между тѣмъ какъ на шалости его склонить не трудно.

Мы видимъ, что побужденія, заставляющія Валицкаго, Дмитренка и Федотова искать общенія съ воспитателями и преподавателями, отличаются значительнымъ разнообразіемъ: чувство уваженія и довѣрія къ старшимъ, любознательность, потребность выяснить свои отношенія къ окружающимъ, различнаго рода потребности чисто эгоистическаго характера,—всѣ эти мотивы, комбинируясь такъ или иначе, ведутъ къ тому, что названные мальчики часто и охотно обращаются къ старшимъ съ разнаго рода вопросами, просьбами, за помощью въ занятіяхъ, за совѣтомъ и т. п.

Въ противоположность этому Грузининъ, Антоновичъ и Леммеръ, если и не избѣгаютъ общества старшихъ, то и не ищутъ его, вступая въ разговоръ только тогда, когда это почему-либо для нихъ необходимо. Причина заключается, какъ намъ кажется, прежде всего въ замкнутости и необщительности, которой всѣ три мальчика отличаются

въ болѣе или менѣе значительной степени. Грузининъ и Леммеръ рѣдко сходятся не только со старшими, но и съ товарищами, предпочитая сидѣть отдѣльно за книгой или какимъ-нибудь другимъ занятіемъ. Антоновичъ, правда, бываетъ разговорчивъ съ товарищами, но лишь съ тѣми, чьи интересы совпадаютъ съ его собственными.

Однако, кромѣ замкнутости и слабаго развитія внѣшнихъ эмоціональныхъ проявленій у названныхъ трехъ мальчиковъ, общенію ихъ со старшими мѣшаютъ также и нѣкоторыя другія личныя особенности, свойственныя каждому изъ нихъ. Такъ, Грузининъ отличается крайней застѣнчивостью. Въ разговорѣ съ воспитателями, особенно мало знакомыми, смущается, робѣетъ и путается, такъ что товарищи, желая избавить его отъ обращенія къ старшимъ, иногда за него спрашивали то, что ему было нужно. Антоновичъ постоянно углубленъ въ свои работы, изобрѣтенія и т. п. и неохотно обращается къ чужой помощи, стараясь самъ дойти до рѣшенія интересующихъ его вопросовъ. На шутку со стороны воспитателя морщится; очень сердился на него за то, что тотъ отобралъ его записки и книжечки. Вообще, не любитъ вмѣшательства старшихъ въ его личную жизнь и занятія. Наконецъ, Леммеру не нравится вся вообще жизнь корпуса, жалуется на это въ своихъ письмахъ, находитъ режимъ корпуса слишкомъ суровымъ и для себя неисполнимымъ.

Всѣ эти условія препятствуютъ сколько-нибудь тѣсному и частому общенію названныхъ трехъ мальчиковъ съ воспитателями и преподавателями, заставляя ихъ вступать въ разговоръ только тогда, когда ихъ на это вызовутъ или же въ случаяхъ крайней необходимости. Съ внѣшней же стороны они относятся къ старшимъ вѣжливо и почтительно, только Антоновичъ, будучи раздраженъ чѣмъ-нибудь, дѣлается грубымъ.

Такимъ образомъ, если положительные мотивы, побуждавшіе Валицкаго, Дмитріонка и Федотова искать общенія со старшими, отличались значительнымъ разнообразіемъ, то совершенно то же самое слѣдуетъ сказать и объ отрицательныхъ мотивахъ, мѣшающихъ такому общенію. И здѣсь характеръ и составъ этихъ мотивовъ бываетъ далеко не всегда одинаковъ: замкнутость и малообщительность, бѣдность внѣшнихъ проявленій чувства, застѣнчивость, преобладаніе внутреннихъ воспріятій и интересовъ надъ внѣшними, самолюбіе и самостоятельность, наконецъ, случайныя причины, вродѣ общей нерасположенности къ режиму даннаго учебнаго заведенія, — все это можетъ препятствовать общенію воспитанниковъ со старшими. Вообще

говоря, разбираемое сейчасъ качество представляется, повидимому, по своему характерологическому составу наиболѣе сложнымъ и разнообразнымъ изъ всѣхъ тѣхъ проявленій личности, которыхъ намъ приходится касаться въ этой работѣ.

До сихъ поръ мы разсматривали такіе случаи, въ которыхъ отношенія между испытуемыми и старшими отличались извѣстнымъ постоянствомъ и опредѣленностью. Это постоянство зависѣло главнымъ образомъ отъ преобладанія въ характерѣ мальчика тѣхъ или иныхъ чувствъ и влеченій, направлявшихъ всѣ его поступки и проявленія въ извѣстную, опредѣленную сторону. Содержаніе этихъ чувствъ можетъ быть различнымъ, благодаря чему и самые мотивы, опредѣляющіе отношеніе воспитанника къ старшимъ, отличаются значительнымъ разнообразіемъ. Въ однихъ случаяхъ преобладаютъ положительные мотивы, побуждающіе испытуемыхъ искать общенія со старшими (Валицкій, Дмитренко, Федотовъ), въ другихъ—отрицательные, заставляющіе ихъ избѣгать этого общенія (Грузининъ, Антоновичъ, Леммеръ). Но какъ тамъ, такъ и здѣсь разъ установившіяся отношенія сохранялись, не подвергаясь рѣзкимъ колебаніямъ и перемѣнамъ.

Совсѣмъ иную картину находимъ у Павловскаго и Робертса. Значительная возбудимость и неустойчивость аффективной сферы, а также отсутствіе замѣтнаго преобладанія какой-нибудь одной группы чувствованій надъ другими ведутъ къ тому, что отношенія ихъ къ воспитателямъ и преподавателямъ могутъ рѣзко мѣняться подъ вліяніемъ впечатлѣній минуты. Сильно развитая общительность и обиліе внѣшнихъ проявленій чувства заставляютъ ихъ искать общенія со старшими, а отсутствіе самостоятельности и слабая работоспособность вынуждаютъ неоднократно обращаться къ нимъ за помощью и содѣйствіемъ. Но въ то же время слабоволіе, неспособность заставить себя заниматься и соблюдать требованія школьной дисциплины влекутъ за собой частыя столкновенія, выговоры и наказанія, что въ свою очередь не можетъ не измѣнять отношеній въ противоположную сторону. Приведемъ нѣкоторыя фактическія данныя.

Павловскій очень расположенъ къ одному изъ воспитателей: бываетъ у него на дому, горько плачетъ по поводу постигшаго его горя (смерть ребенка), разсказываетъ ему обо всемъ, что онъ видѣлъ или слышалъ новаго и интереснаго, старается вести себя въ церкви хорошо, чтобы угодить ему, радуется, что во время завтрака воспитатель сѣлъ возлѣ него и т. д. Несмотря на это, не во всемъ ему довѣряетъ, идетъ къ другому воспитателю провѣрять правильность его разъясне-

ній. Иногда, сдѣлавъ дурной поступокъ, конфузится и старается загладить его; въ другой-же разъ прикрывается незнаніемъ, дѣлаетъ крайне изумленное лицо и задаетъ наивные вопросы. Ни съ того, ни съ сего сказалъ воспитателю дерзость („попроси еще разъ!“), а потомъ горько раскаивался, просилъ не сердиться на него, очень плакалъ и, несмотря на грозившее строгое наказаніе, самъ просилъ записать его въ журналъ.

Робертса, вспыльчиваго до крайности, раздражаетъ всякое сдѣланное ему замѣчаніе: краснѣетъ, бурчитъ что-то про себя, бросаетъ книги на столъ, говоритъ дерзости, не повинуется приказаніямъ и т. д. Однако, гнѣвъ его такъ же быстро проходитъ, какъ и возникаетъ; скоро приходитъ въ себя, успокаивается, самъ подходитъ къ воспитателю и начинаетъ говорить о происшедшемъ совсѣмъ въ иномъ тонѣ. Въ другой разъ принимаетъ наказаніе, какъ должное, и повинуется безпрекословно, но и будучи наказанъ, не можетъ сдержать себя и продолжаетъ шалить. Крайняя застѣнчивость Робертса значительно способствуетъ неровности и порывистости его обращенія со старшими: замѣтивши, что на него обращаютъ вниманіе, онъ начинаетъ смущаться, вставляетъ дерзкія слова, иногда вдругъ повернется спиной, уйдетъ и на зовъ не откликнется долго. Похвалы и одобренія нерѣдко сердятъ его; о своемъ раскаяніи говоритъ иной разъ ласковымъ и заискивающимъ тономъ, а въ другой разъ, наоборотъ, очень рѣзко.

Всѣ эти колебанія и перемѣны въ обращеніи со старшими у Павловскаго и Робертса находятся, несомнѣнно, въ самой тѣсной связи съ повышенной возбудимостью и неустойчивостью ихъ эмоціональной и волевой сферы.

16. Игры.

Какъ ни разнообразны игры, служащія развлеченіемъ для мальчиковъ того возраста, къ которому принадлежитъ значительное большинство нашихъ испытуемыхъ ($12-13^{1}/_{2}$ лѣтъ), однако намъ кажется, что въ самыхъ общихъ чертахъ ихъ можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: игрою называется занятіе, въ которомъ при помощи опредѣленныхъ, заранѣе установленныхъ средствъ и пріемовъ, въ опредѣленныхъ рамкахъ (правила игры) требуется достигнуть извѣстной цѣли, не имѣющей практическаго значенія. Подъ это опредѣленіе подойдетъ и большинство подвижныхъ игръ (игра въ мячъ, въ прятки, въ городки, въ горѣлки, стрѣльба въ цѣль и др.), и азартныя игры,

какъ перышки, карты и, наконецъ, игры, требующія болѣе или менѣе значительнаго умственнаго напряженія, вродѣ шашекъ, шахматъ, разгадыванія шарадъ и ребусовъ, игры въ крѣпость и т. п.

Будучи, такимъ образомъ, въ своей основѣ построены по одному и тому же общему принципу, игры эти, однако, безконечно различаются какъ по своей внѣшней формѣ, такъ и по тому, какія именно основныя наклонности затрогиваются той или иной игрой въ особенно сильной степени. Это-то послѣднее обстоятельство и придаетъ играмъ интересъ съ характерологической точки зрѣнія, давая возможность во многихъ случаяхъ пристрастіе мальчика къ тому или иному роду игръ ставить въ связь съ основными чертами его характера.

Среди нашихъ испытуемыхъ мы прежде всего встрѣчаемъ двухъ такихъ, которые, хотя иногда и принимаютъ участіе въ игрѣ, но въ общемъ играютъ мало, предпочитая обыкновенно заниматься другимъ, болѣе серьезнымъ дѣломъ. Это Валицкій и Грузининъ. Основную черту характера обоихъ составляетъ сильно развитое чувство долга, выражающееся въ добросовѣстномъ и притомъ вполнѣ сознательномъ отношеніи къ своимъ школьнымъ обязанностямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ поступки ихъ отличаются обыкновенно систематичностью и послѣдовательностью, будучи всегда направлены къ какой-нибудь опредѣленной цѣли, причемъ цѣль эта въ большинствѣ случаевъ опредѣляется тѣми или иными соображеніями нравственно-практическаго характера. Въ связи съ этимъ стоитъ значительное развитіе у нихъ активнаго вниманія, а также умственная работоспособность, дающая имъ возможность не только во время уроковъ или обязательныхъ занятій, но также и въ свободные часы заниматься какимъ-нибудь серьезнымъ дѣломъ.

Всѣ эти особенности характера (сильно развитое чувство долга, систематичность и обдуманность сложныхъ дѣйствій, значительное развитіе активнаго вниманія, умственная работоспособность) ведутъ къ тому, что оба названныхъ мальчика сравнительно мало интересуются играми. Какъ мы уже видѣли выше, большинство игръ состоитъ въ томъ, чтобы при помощи опредѣленныхъ пріемовъ, путемъ затраты иногда довольно значительныхъ усилій, достигнуть извѣстной цѣли, не имѣющей практическаго значенія. Между тѣмъ Валицкій и Грузининъ привыкли дѣйствовать прямо противоположнымъ образомъ, направляя всѣ свои поступки къ достиженію цѣлей, имѣющихъ серьезное нравственно-практическое значеніе. Поэтому они и не любятъ игръ, предпочитая расходовать свои силы на другія занятія, съ ихъ точки

зрѣнія болѣе цѣлесообразныя. Грузининъ принимаетъ участіе въ подвижныхъ играхъ только тогда, когда онѣ обязательны, самъ же очень рѣдко входитъ въ игру, предпочитая сидѣть на мѣстѣ за книгой; изъ игръ любитъ только одну—попаданіе въ цѣль. Точно также нѣтъ указаній на то, чтобы онъ когда-либо игралъ въ перышки, шахматы и т. п. Въ свободное время обыкновенно самъ себѣ находитъ какое-нибудь дѣло: рѣшеніе необязательныхъ задачъ, переписываніе тетрадей, исправленіе своего безобразнаго почерка, чтеніе. Валицкій не принимаетъ живого участія въ играхъ, кромѣ лапты, въ которую лѣтомъ игралъ охотно; въ свободное время не гуляетъ, не играетъ, не бѣгаетъ, а сидитъ за книгой. Даже къ развлеченіямъ, вродѣ театра или концерта, относится серьезно: побывавши на ученическомъ концертѣ въ консерваторіи (отрывки изъ оперы) старался понять смыслъ оперы и высказывалъ на этотъ счетъ различныя догадки.

Переходя къ мальчикамъ, интересующимся играми, слѣдуетъ отмѣтить прежде всего Антоновича, занимающаго въ этомъ отношеніи нѣсколько обособленное положеніе. Отличаясь сравнительной ловкостью въ подвижныхъ играхъ, онъ, однако, скоро устаетъ, повидимому, вслѣдствіе слабости груди. Хорошо попадаетъ мячемъ въ цѣль, пластелиномъ въ классную доску; метаніе пластелиномъ очень любитъ и увлекается имъ. Въ общемъ, однако, подвижныя игры мало привлекаютъ Антоновича; обычно предпочитаетъ сидѣть одинъ, читая или работая надъ изобрѣтеніемъ какой-нибудь машины. Гораздо больше интересуется такими развлеченіями и играми, которыя требуютъ извѣстнаго умственнаго напряженія. Очень любитъ рѣшать всякаго рода задачи, загадки и т. п. Просилъ освободить его отъ танцевъ и, получивши разрѣшеніе, сѣлъ играть съ Федотовымъ въ солдатики. Долго и усердно работаетъ надъ устройствомъ очень сложной игры въ русско-японскую войну; сдалъ воспитателю тетрадь, въ которой всѣ листы были разрисованы чертежами крѣпостей, относящимися къ этой игрѣ. Постоянно занятъ разработкой различныхъ сложныхъ проектовъ техническаго характера, которыхъ, однако, никогда не осуществляетъ на дѣлѣ, ограничиваясь одними только чертежами.

Такимъ образомъ, характернымъ для Антоновича является, съ одной стороны, преобладаніе въ немъ интереса къ играмъ, требующимъ умственнаго напряженія, съ другой—серьезное отношеніе къ этимъ играмъ. Игра превращается для него сплошь и рядомъ въ настоящее, серьезное дѣло, надъ которымъ онъ работаетъ очень сосредоточенно и на которое затрачиваетъ значительно больше вниманія

и умственной энергіи, чѣмъ на учебныя занятія, сравнительно мало его интересующія.

Такое отношеніе къ играмъ находится въ полномъ согласіи со всей характеристикой Антоновича. Въ противоположность Валицкому и Грузинину, у него очень слабо развито чувство долга, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ школьнымъ обязанностямъ: то и дѣло забываетъ о своемъ дежурствѣ, о томъ, какіе уроки заданы къ слѣдующему дню, столикъ свой держитъ въ крайнемъ безпорядкѣ и т. п. Въ практической жизни поступки Антоновича отличаются обыкновенно недостаточной обдуманностью и систематичностью (см. характеристику). Активное вниманіе развито крайне слабо, совершенно не можетъ заставить себя сосредоточиться надъ неинтереснымъ дѣломъ, какимъ представляется для него большинство уроковъ. Все это ведетъ къ тому, что занятія, представляющіяся серьезными съ точки зрѣнія школьной дисциплины (приготовленіе уроковъ, выполненіе ученическихъ обязанностей), очень мало интересуютъ Антоновича. Наряду съ этимъ, однако, дѣятельность мышленія и воображенія развита у него настолько сильно, что въ этомъ отношеніи едва ли не превосходитъ всѣхъ остальныхъ испытуемыхъ. Пассивное вниманіе отличается крайней устойчивостью и сосредоточенностью: надъ занятіемъ, которое его интересуетъ, способенъ просиживать цѣлые часы, совершенно въ него углубившись. Такое значительное развитіе умственныхъ дарованій и умственной работоспособности заставляетъ Антоновича искать объектовъ для ихъ удовлетворенія, и такими объектами являются для него игры и различныя необязательныя занятія (чтеніе серьезныхъ книгъ, занятія физикой и математикой, сочинительство и т. п.). Отсюда у него преобладаніе интереса къ „умственнымъ" играмъ, а также серьезное, почти дѣловое отношеніе къ игрѣ. Что касается подвижныхъ игръ, то хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ Антоновичъ и отличается ловкостью (см. выше), однако, въ общемъ не любитъ ихъ, предпочитая заниматься тѣмъ, что болѣе соотвѣтствуетъ главному направленію его интересовъ.

Совсѣмъ другими мотивами обусловливается интересъ къ играмъ у Дмитренка. Подобно Антоновичу, онъ обыкновенно довольно небрежно относится къ „серьезному дѣлу", т. е., къ приготовленію уроковъ и выполненію школьныхъ обязанностей. Пассивное вниманіе и у него преобладаетъ надъ активнымъ, благодаря чему онъ можетъ сосредоточиться лишь надъ тою работой или надъ тѣмъ занятіемъ, которыя его интересуютъ. Однако, самое направленіе интересовъ у Дми-

тренка существенно отличается отъ того, что мы только что находили у Антоновича. Насколько тамъ преобладали теоретическіе интересы, чисто интеллектуальные запросы и потребности, настолько здѣсь преобладающее значеніе получаетъ волевая дѣятельность, направленная отчасти на нѣкоторыя необязательныя работы (напримѣръ, вязаніе рыболовной сѣти), главнымъ же образомъ на игры и шалости. О шалостяхъ Дмитренка рѣчь будетъ идти въ слѣдующемъ параграфѣ; здѣсь же мы посмотримъ, какія игры и развлеченія особенно его интересуютъ.

Будучи сравнительно малоподвижнымъ, Дмитренко, тѣмъ не менѣе, обладаетъ хорошо развитыми мышцами и въ тѣхъ упражненіяхъ, которыя ему нравятся, проявляетъ значительную ловкость и смѣлость. Очень любитъ попаданіе мячемъ въ цѣль и попадаетъ удачно. Гимнастикой занимается очень охотно и оказываетъ въ ней значительные успѣхи: легко и быстро усваиваетъ новыя упражненія, легко для своего возраста лазаетъ по лѣстницѣ, шестамъ и канатамъ. Во время гимнастики старается поддерживать порядокъ среди товарищей съ тѣмъ, чтобы было больше времени на упражненія.

Однако, уже и здѣсь сказывается одна особенность, красной нитью проходящая черезъ всю характеристику Дмитренка: это—значительное вліяніе преобладающихъ чувствъ и желаній на всю его дѣятельность, какъ умственную, такъ и волевую. Въ области движеній положительныя качества Дмитренка сказываются лишь по отношенію къ тѣмъ родамъ движеній, которыя почему-либо являются для него привлекательными; на урокѣ же, напримѣръ, танцевъ невнимателенъ, видимо тяготится танцами и требованіямъ преподавателя подчиняется только въ силу необходимости. Даже и гимнастика нравится ему не только сама по себѣ, но также и какъ средство къ удовлетворенію самолюбія: во время гимнастики нарочно продѣлываетъ разныя рискованныя упражненія, щеголяя своею смѣлостью.

Это вліяніе эмоціональной сферы сказывается также въ сильно выраженной способности Дмитренка увлекаться тѣмъ или инымъ занятіемъ: чтеніемъ, вязаніемъ сѣти или, наконецъ, азартными играми, въ частности—игрой въ перышки, на которую онъ тратитъ значительную часть своего свободнаго времени. На вечернихъ занятіяхъ, торопливо приготовивъ уроки, тотчасъ же сѣлъ за эту игру. Когда воспитатель сдѣлалъ замѣчаніе, что играть не время, сдѣлалъ видъ, будто не слышалъ, что замѣчаніе относилось къ нему; повтореніе замѣчанія его не остановило, пока воспитатель не подошелъ съ ка-

оедры до его мѣста. Въ другой разъ вечеромъ игралъ въ перышки до того, что бросилъ заниматься и взялся за дѣло лишь послѣ того, какъ получилъ категорическое запрещеніе играть.

Бэнъ опредѣляетъ азартъ, испытываемый во время игры, спорта, охоты и т. п., какъ эмоцію стремленія къ цѣли, т. е., такое чувство, которое испытываетъ человѣкъ, стремящійся во что бы то ни стало къ осуществленію извѣстнаго, заранѣе поставленнаго себѣ намѣренія [1]). Опредѣленіе это вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что мы находимъ у Дмитренка: разъ ему чего-нибудь захочется, онъ старается достигнуть этого во что бы то ни стало, употребляя всѣ возможныя средства и очень мало считаясь при этомъ съ интересами другихъ и требованіями общежитія (см. характеристику). Интересно, что обычно тотъ же Дмитренко отличается значительной аккуратностью, разсчетливостью, обдуманностью поступковъ и предусмотрительностью. Но всѣ эти разсудочныя качества проявляются имъ главнымъ образомъ при выборѣ *средствъ*, наиболѣе пригодныхъ для достиженія той или иной цѣли; самая же *цѣль* обыкновенно опредѣляется непосредственными чувствами и влеченіями, составляющими основу его характера,—и тутъ уже всякія разсужденія, убѣжденія и доводы оказываются большею частью безсильными (см., напримѣръ, исторію съ шалостью, которую Дмитренко старался свалить потомъ на своего товарища). При этомъ характерное для него чувство эгоизма отражается до нѣкоторой степени также и на его увлеченіяхъ азартными играми: будучи любителемъ поѣсть, онъ постоянно старается вымѣнять у товарища какое-нибудь любимое блюдо на другое или выиграть его въ перышки, въ стрѣльбу; во время лоттереи съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за выигрышами и былъ очень доволенъ, что получилъ хорошій кожаный альбомъ.

Итакъ, сравнительно небрежное отношеніе Дмитренка къ выполненію своихъ школьныхъ обязанностей даетъ ему возможность заполнять свой досугъ отчасти чтеніемъ, а главнымъ образомъ—шалостями и различными играми; будучи хорошо развитъ въ физическомъ отношеніи, онъ охотно занимается гимнастикой и нѣкоторыми подвижными играми; наибольшій же интересъ возбуждаютъ въ немъ азартныя игры, въ родѣ игры въ перышки, что зависитъ, повидимому, отъ его способности до крайности увлекаться всякимъ, зародившимся въ немъ желаніемъ и во что бы то ни стало добиваться его выполненія.

[1]) А. Бэнъ. Психологія, кн. III, гл. IX.

Переходя далѣе къ Иванову и Робертсу, мы находимъ, что здѣсь на первый планъ выступаетъ увлеченіе подвижными играми. Правда, оба они способны увлекаться также и чтеніемъ; Ивановъ, кромѣ того, съ увлеченіемъ играетъ въ перышки и въ шахматы. Однако подвижныя игры все-таки составляютъ наиболѣе любимое ихъ развлеченіе.

Ивановъ чрезвычайно любитъ физическія упражненія. Тотчасъ послѣ урока принимается бѣгать за кѣмъ-нибудь или составляетъ подвижную игру (охотники, цѣпь, лисичку и т. п.). Отличается большой способностью къ гимнастикѣ, танцамъ, подвижнымъ играмъ; въ игрѣ, несмотря на малый ростъ, выбранъ отъ партіи первымъ, какъ наиболѣе сильный въ бѣгѣ. При игрѣ въ футъ-болъ не щадитъ себя, подставляя подъ частые толчки и удары: часто съ размаха падаетъ на землю, перевертывается, летитъ кувыркомъ—и все же продолжаетъ игру дальше. Вообще, игрою способенъ увлечься до самозабвенія. Также отлично пляшетъ въ присядку, выдѣлывая такія па, которыя не всякій сверстникъ сдѣлаетъ; необыкновенно быстро выучиваетъ всякіе новые танцы.

Робертсъ въ подвижныхъ играхъ также проявляетъ чрезвычайное увлеченіе. Во время игры въ футъ-болъ, несмотря на холодъ, весь мокрый и красный. Увлекается игрой въ цѣль, стрѣляетъ мѣтко и видимо этимъ доволенъ. Очень энергично играетъ въ лапту, хорошо прыгаетъ и быстро бѣгаетъ; во время игры обыкновенно является ея руководителемъ.

Обращаясь къ характеристикамъ обоихъ названныхъ мальчиковъ, слѣдуетъ отмѣтить прежде всего значительную подвижность (обиліе и быстроту движеній), которая, несомнѣнно, является главной причиной ихъ пристрастія къ подвижнымъ играмъ. Ивановъ буквально ни одной минуты не можетъ спокойно усидѣть на мѣстѣ: то подожметъ ноги подъ себя, то согнетъ ихъ въ колѣняхъ и упретъ въ столъ, а то и на столъ влѣзетъ. Во время приготовленія уроковъ пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы вскочить съ мѣста и подойти то къ одному, то къ другому изъ товарищей. Передъ сномъ долго не можетъ улечься: шалитъ, бѣгаетъ по столамъ и кроватямъ. Робертсъ, будучи въ хорошемъ настроеніи, также отличается большою подвижностью, въ свободное время много возится и бѣгаетъ.

Наряду съ подвижностью у Иванова, также какъ и у Робертса, замѣчается рѣзко повышенная возбудимость аффективной сферы и

сильное вліяніе чувствованій на умственные и волевые процессы. Робертсу достаточно самаго незначительнаго повода, чтобы разсердиться, покраснѣть, начать говорить дерзости старшему или полѣзть въ драку съ товарищемъ. У Иванова чувство радости возникаетъ чрезвычайно легко и проявляется очень шумно—крикомъ, быстрыми порывистыми движеніями и смѣхомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ, также какъ и у Дмитренка, состояніе чувствованій рѣзко отражается на сужденіяхъ и поступкахъ (см. ихъ характеристики). Поэтому оба они, подобно Дмитренку, способны до крайности увлекаться чтеніемъ, игрой, вообще тѣмъ занятіемъ, которое почему-либо ихъ заинтересовало.

Однако, наряду со сходствомъ, есть также между ними и значительная разница. Въ то время какъ у Дмитренка чувства и вызываемыя ими желанія отличаются значительной устойчивостью и постоянствомъ, заставляя его во что бы то ни стало добиваться ихъ удовлетворенія, Ивановъ и Робертсъ отличаются, наоборотъ, крайней неустойчивостью аффективной сферы: раздраженіе Робертса также скоро проходитъ, какъ и возникаетъ; Ивановъ, будучи лишенъ отпуска, сначала горько плачетъ, но потомъ очень скоро успокаивается и весело проводитъ время съ товарищами. Быть можетъ, именно этой неустойчивостью чувствованій и влеченій, этой неспособностью во что бы то ни стало добиваться выполненія своихъ желаній и слѣдуетъ объяснить тотъ фактъ, что какъ Ивановъ, такъ и Робертсъ, въ противоположность Дмитренку, сравнительно мало увлекаются азартными играми (перышки, лоттерея), удѣляя гораздо больше времени и интереса подвижнымъ играмъ и физическимъ упражненіямъ.

Что касается учебныхъ занятій и выполненія школьныхъ обязанностей, то въ этомъ отношеніи Ивановъ и Робертсъ совершенно сходятся съ Дмитренкомъ и Антоновичемъ: мало занимаясь уроками и небрежно относясь къ выполненію требованій школьной дисциплины, они интересуются всѣмъ этимъ во всякомъ случаѣ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ чтеніемъ, играми и разнаго рода шалостями.

17. Шалости.

Приступая къ анализу такъ называемыхъ „шалостей", необходимо прежде всего имѣть въ виду, что подъ этимъ общимъ названіемъ объединяются нерѣдко явленія, въ характерологическомъ отношеніи довольно рѣзко отличающіяся другъ отъ друга. Такъ, напримѣръ, когда мальчикъ болтаетъ и стучитъ ногами во время уроковъ или

смѣется и разговариваетъ на молитвѣ, то ему говорятъ, чтобы онъ не шалилъ, а велъ себя прилично. Между тѣмъ, эти проявленія какъ по своему составу, такъ и по степени своей сложности далеко не родственны съ другого рода шалостями, когда, напримѣръ, ученикъ передъ урокомъ налѣпляетъ на потолокъ стрѣлки изъ бумаги, чтобы онѣ во время урока отлѣпились и упали преподавателю на голову, или же при укладываніи спать устраиваетъ товарищамъ провалы щитовъ кроватей и т. п. Различіе между этими двумя родами шалостей станетъ для насъ болѣе яснымъ послѣ того, какъ мы прослѣдимъ ихъ на рядѣ живыхъ, конкретныхъ примѣровъ, а также разберемся въ характеристикахъ мальчиковъ, отличающихся болѣе или менѣе сильной шаловливостью.

Изъ нашихъ испытуемыхъ наибольшими шалунами являются Ивановъ и Дмитренко.

Ивановъ, приготовивши уроки раньше другихъ (онъ второгодникъ), все время мѣшаетъ товарищамъ заниматься. На урокахъ передразниваетъ отвѣчающихъ, вставляетъ неумѣстныя замѣчанія съ цѣлью потѣшить товарищей, бросаетъ въ другихъ учениковъ мѣломъ, позволяетъ себѣ разныя фамильярности по отношенію къ преподавателямъ и воспитателямъ. Послѣ утренняго чая самовольно сталъ читать молитву, при чемъ читалъ невозможно дурно, очевидно, съ цѣлью посмѣшить товарищей. Въ строю шалитъ больше всѣхъ: чуть отвернешься, задѣнетъ товарища или какъ-нибудь напроказитъ; довелъ своего, болѣе слабаго сосѣда до слезъ, наступая ему на ноги. Въ другой разъ насыпалъ болѣе слабому кадету въ брюки опилокъ, когда тотъ одѣвался. Въ банѣ смѣялся надъ товарищами, задѣвая ихъ и брызгая на нихъ холодной водой. Вечеромъ однажды ставилъ гусарики спящимъ товарищамъ. Одному преподавателю, который его почти каждый день наказывалъ, устроилъ слѣдующее: стрѣлки съ хлѣбомъ бросалъ на потолокъ, чтобы онѣ отлѣпились и упали преподавателю на голову. Дневальному, несшему посуду въ кухню, подставилъ ногу и былъ очень радъ, когда тотъ споткнулся и т. д.

Дмитренко то и дѣло задѣваетъ и обижаетъ товарищей, при чемъ въ своихъ шалостяхъ не стѣсняется ни временемъ, ни обстановкой, повторяя ихъ въ строю, во время учебныхъ занятій, на урокѣ танцевъ и т. п. Такъ, однажды задѣвалъ впереди сидящаго кадета ногами и мѣшалъ ему готовить уроки; на его слезы смѣялся и называлъ его бабой. Выставилъ изъ-подъ парты ногу, чтобы уронить проходившаго на свое мѣсто кадета, на раздраженіе упавшаго смѣялся.

Налѣплялъ на волосы пластелинъ, послѣ котораго трудно разлѣпить и вычистить волосы; эта грубая забава повторялась нѣсколько разъ и доставляла ему не малое удовольствіе. При укладкѣ спать устраивалъ товарищамъ провалы щитовъ кроватей и радовался, когда его затѣя удавалась. Когда всѣ уснутъ, Дмитренко начинаетъ новыя продѣлки: разрисовываетъ физіогноміи или вставляетъ гусарики спящимъ товарищамъ, наряжается въ самодѣльную маску и пугаетъ ихъ и т. п. Пугалъ также и маленькихъ, несмотря на то, что этимъ вызывалъ у нихъ страхъ и слезы.

Спрашивается теперь, какими основными чертами характера обусловливается это неудержимое стремленіе нарушать порядокъ, задѣвать окружающихъ, однимъ словомъ—шалить, несмотря ни на какіе выговоры, внушенія и наказанія.

Обращаясь къ характеристикамъ Иванова и Дмитренка мы находимъ у обоихъ, прежде всего, крайне небрежное отношеніе къ требованіямъ и обязанностямъ, налагаемымъ на нихъ правилами учебнаго заведенія. У Иванова штрафной журналъ весь испещренъ его проступками. Сбавка балла за поведеніе не производитъ на него почти никакого впечатлѣнія, въ отвѣтъ на выговоры смѣется. Только лишеніе свободы огорчаетъ его, но и то не надолго. Дмитренко уроки учитъ небрежно, на вечернихъ занятіяхъ постоянно ищетъ какой-нибудь забавы или работы—кромѣ обязательной. Къ воспитательскимъ выговорамъ и внушеніямъ въ большинствѣ случаевъ совершенно равнодушенъ. Такое слабое развитіе чувства долга по отношенію къ школьнымъ обязанностямъ, конечно, вовсе не исключаетъ еще возможности существованія у обоихъ мальчиковъ нравственнаго чувства (см. ихъ характеристики), но для объясненія разбираемаго нами качества (склонность къ шалостямъ) оно имѣетъ существенное значеніе.

Не менѣе важными являются, повидимому, слабое развитіе способности сдерживать свои желанія и влеченія, а также недостаточное развитіе высшихъ идейныхъ интересовъ (умственные, эстетическіе и др.), которые заставили бы даннаго мальчика сосредоточиться надъ какимъ-нибудь серьезнымъ занятіемъ и забыть на время о своихъ шалостяхъ. Ивановъ все, что ему придетъ въ голову, тотчасъ же выполняетъ, не думая о послѣдствіяхъ; чѣмъ больше рискъ, тѣмъ скорѣе принимается рѣшеніе. Дмитренко, отличающійся значительной обдуманностью и систематичностью въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о наиболѣе полномъ осуществленіи его желаній, оказывается въ то же время очень мало склоннымъ сдерживать и обсуждать са-

мыя эти желанія, стараясь, наоборотъ, во что бы то ни стало осуществить все, что ни придетъ ему въ голову. Что касается идейныхъ интересовъ высшаго порядка, то болѣе другихъ развиты у Иванова и Дмитренка умственные интересы (напримѣръ, интересъ къ урокамъ естественной исторіи) и любовь къ чтенію. Только получивши книгу для чтенія, Ивановъ на время успокаивается и перестаетъ шалить. Когда Дмитренко находитъ себѣ интересное дѣло, то общество товарищей ему не нужно, онъ весь уходитъ въ свое занятіе и, хотя недолго, но сосредоточенно работаетъ: читаетъ, пишетъ и т. д. Однако, даже эти преобладающіе у нихъ идейные интересы все-таки не настолько интенсивны и устойчивы, чтобы придать извѣстное направленіе общему теченію ихъ мыслей и заставить ихъ въ свободное время искать не шалостей и тому подобныхъ развлеченій, а какого-нибудь серьезнаго занятія.

Есть еще двѣ основныхъ наклонности, имѣющія существенное значеніе для образованія разбираемаго нами сложнаго качества. Это, съ одной стороны, реализмъ, преобладаніе внѣшнихъ впечатлѣній надъ внутренними, а съ другой—значительное развитіе комбинирующей дѣятельности, творческаго воображенія, взятаго, впрочемъ, въ его наиболѣе несложной, примитивной формѣ. Иванова почти никогда нельзя видѣть одного: всегда среди товарищей, въ шумной толпѣ, на плацу, въ залѣ. Чрезвычайно любопытенъ, всюду суется, все новое тотчасъ же привлекаетъ его вниманіе. Очень наблюдателенъ, часто и удачно копируетъ взрослыхъ и товарищей, подражая ихъ мимикѣ, жестамъ, говору и т. п. Въ шалостяхъ очень изобрѣтателенъ и разнообразенъ; въ затруднительныхъ положеніяхъ находчивъ: уличенный въ какой-нибудь шалости, всегда отыщетъ подходящій мотивъ для оправданія себя и товарищей. Дмитренко не мечтатель, планы и затѣи его всегда направлены въ реальную сторону. Способностью литературнаго творчества не обладаетъ, письменное изложеніе въ общемъ слабо. За то по отношенію къ разнаго рода практическимъ подѣлкамъ и мелкимъ техническимъ изобрѣтеніямъ, которыя бы удовлетворяли его желаніямъ и прихотямъ, дѣятельность комбинирующаго воображенія развита у него очень значительно (см. характеристику). Затѣи его въ этомъ отношеніи настолько удачны и разнообразны, что постоянно находятъ себѣ подражателей.

Преобладаніе внѣшнихъ впечатлѣній надъ внутренними ведетъ къ тому, что какъ Ивановъ, такъ и Дмитренко живутъ главнымъ образомъ окружающей ихъ внѣшней жизнью корпуса, въ ней ищутъ удо-

вольствій и развлеченій, съ нею связываютъ всѣ свои забавы и затѣи. За отсутствіемъ сколько-нибудь устойчивыхъ высшихъ интересовъ и вслѣдствіе равнодушно-небрежнаго отношенія къ школьнымъ обязанностямъ, забавы и развлеченія обоихъ мальчиковъ сводятся въ большинствѣ случаевъ къ шалостямъ, къ нарушенію установленныхъ въ школѣ правилъ. Въ то же время значительное развитіе комбинирующей дѣятельности заставляетъ ихъ не ограничиваться простыми нарушеніями школьной дисциплины, а наряду съ этимъ придумывать и болѣе сложныя шалости. Бросить въ товарища мѣломъ, наступить ему на ногу, сказать дерзость или позволить себѣ фамильярную выходку по отношенію къ преподавателю,—все это еще не требуетъ особой изобрѣтательности и иниціативы; но насыпать товарищу въ брюки опилокъ, устроить провалы щитовъ кроватей, налѣпить стрѣлку съ хлѣбомъ на потолокъ, чтобы она потомъ упала на голову преподавателю,—такія шалости по своему психологическому значенію являются уже болѣе сложными, требуя предварительной выдумки, комбинирующей дѣятельности воображенія, хотя бы результатъ этой дѣятельности явился въ высокой степени антисоціальнымъ.

Итакъ, склонность къ шалостямъ у Иванова и Дмитренка складывается изъ цѣлаго ряда болѣе элементарныхъ основныхъ наклонностей: слабое развитіе чувства долга по отношенію къ школьнымъ обязанностямъ, недостаточная способность сдерживать свои влеченія и импульсы, отсутствіе сильно развитыхъ и сколько-нибудь устойчивыхъ интересовъ высшаго порядка, наконецъ, значительная дѣятельность комбинирующаго воображенія, направленнаго, преимущественно, на внѣшнія, реальныя впечатлѣнія окружающей жизни.

Просматривая еще разъ перечень шалостей названныхъ двухъ мальчиковъ, можно убѣдиться, что наряду со сходствомъ между ними существуетъ также и нѣкоторая разница, находящаяся въ полномъ соотвѣтствіи съ характеристикой обоихъ шалуновъ. У Дмитренка забота о собственныхъ интересахъ и вообще эгоистическія чувства преобладаютъ надъ всѣми остальными, придавая соотвѣтственное направленіе всей его дѣятельности и отражаясь также и на его нравственныхъ взглядахъ и сужденіяхъ. Въ зависимости отъ этого и шалости его направлены почти исключительно на то, чтобы обидѣть товарища, причинить ему боль или какую-нибудь другую непріятность и затѣмъ зло посмѣяться надъ нимъ. Наоборотъ, Ивановъ, всегда веселый и жизнерадостный, въ то же время относится ко всѣмъ окружающимъ доброжелательно и съ симпатіей. Со всѣми товарищами онъ друженъ, всѣми любимъ;

нерѣдко заступается за товарищей, которыхъ обижаютъ или на которыхъ нападаютъ безъ достаточнаго основанія. Соотвѣтственно этому и шалости его носятъ во многихъ случаяхъ совершенно иной характеръ, чѣмъ у Дмитренка. Правда, и Иванову случается иной разъ обидѣть и довести до слезъ болѣе слабаго товарища, задѣвая его, наступая ему на ногу и т. п. Но наряду съ этимъ мы встрѣчаемъ у него рядъ выходокъ, направленныхъ не столько противъ отдѣльныхъ лицъ, сколько противъ всего вообще режима учебнаго заведенія и имѣющихъ въ виду посмѣшить какъ его самого, такъ и другихъ товарищей: во время урока вставляетъ неумѣстныя замѣчанія, передразниваетъ отвѣчающихъ, самовольно сталъ читать молитву, при чемъ читаетъ ее невозможно дурно, и т. п. У Дмитренка такого рода шалостей мы совсѣмъ не находимъ.

Если упомянутое выше сочетаніе основныхъ наклонностей необходимо для того, чтобы склонность къ шалостямъ могла возникнуть въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ, то отсутствіе ихъ должно повести, очевидно, къ обратному результату. Это мы и находимъ у нѣкоторыхъ изъ нашихъ мальчиковъ.

Валицкій и Грузининъ выдѣляются среди всѣхъ другихъ испытуемыхъ своимъ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ учебнымъ занятіямъ и къ выполненію школьныхъ обязанностей. Валицкій—первый ученикъ въ классѣ, Грузининъ—изъ первыхъ. Такое аккуратное и добросовѣстное отношеніе къ школьному дѣлу тѣсно связано со всѣми ихъ нравственными воззрѣніями и привычками. Свои минутныя желанія и влеченія они привыкли, въ случаѣ надобности, сдерживать, имѣя въ виду постоянно одну главную цѣль: хорошо учиться и вести себя для того, чтобы со временемъ быть полезными себѣ и другимъ. Благодаря этимъ двумъ особенностямъ характера (добросовѣстное отношеніе къ школьнымъ обязанностямъ и способность управлять своими желаніями), Валицкій и Грузининъ никогда не обнаруживаютъ склонности увлекаться какими бы то ни было шалостями: въ свободное время они не гуляютъ, не бѣгаютъ, а больше сидятъ на мѣстѣ за книгой или за какимъ-нибудь другимъ занятіемъ.

Кромѣ Валицкаго и Грузинина, склонность къ шалостямъ совершенно отсутствуетъ (или, по крайней мѣрѣ, не обнаруживается въ сколько-нибудь замѣтной степени) у Антоновича и Леммера. Однако мотивы, удерживающіе этихъ мальчиковъ отъ шалостей, существенно различаются отъ тѣхъ, которые оказывали свое дѣйствіе на Валицкаго и Грузинина.

Къ выполненію своихъ школьныхъ обязанностей какъ Антоновичъ, такъ и Леммеръ относятся въ общемъ очень небрежно. Антоновичъ часто забываетъ отданныя приказанія или запрещенія, плохо готовитъ уроки, свой столикъ и вещи содержитъ въ крайнемъ безпорядкѣ. Леммеръ въ теченіе одного дня получилъ десять замѣчаній за нарушеніе установленнаго порядка; наказанія, до ареста включительно, на него не дѣйствуютъ; очень часто даетъ всякаго рода обѣщанія, но рѣдко ихъ выполняетъ. Въ то же время принудить себя къ чему бы то ни было они совершенно не въ состояніи. Такъ, Антоновичъ, несмотря на то, что насмѣшки товарищей по поводу его физическаго недостатка сильно его сердятъ, все-таки не хочетъ принять необходимыхъ мѣръ, чтобы устранить этотъ недостатокъ (попрежнему пьетъ много чаю). Леммеръ никакъ не можетъ заставить себя выполнить данное обѣщаніе, заняться уроками, улучшить свое поведеніе и т. п.

Если, такимъ образомъ, требованія школьнаго долга по отношенію къ Антоновичу и Леммеру въ значительной мѣрѣ утрачиваютъ свое вліяніе, то на смѣну имъ выступаютъ за то другіе мотивы, отвлекающіе названныхъ мальчиковъ отъ шалостей и заставляющіе ихъ сосредоточиться надъ другими, болѣе серьезными занятіями. Такими мотивами являются, во-первыхъ, значительное развитіе у нихъ умственныхъ интересовъ, а во-вторыхъ — теоретически-отвлеченное направленіе этихъ интересовъ.

Такъ, Антоновичъ почти все свое свободное время употребляетъ на чтеніе, сочинительство, занятія физикой, изобрѣтенія и разработку разныхъ проектовъ. Леммеръ увлекается чтеніемъ серьезныхъ историческихъ сочиненій, читаетъ ихъ даже въ постели, передъ сномъ, несмотря на запрещенія; надъ прочитаннымъ иногда подолгу размышляетъ и, несмотря на свою замкнутость, охотно вступаетъ въ разговоръ на эти темы.

Въ то же время оба живутъ болѣе интересами своего внутренняго міра, чѣмъ внѣшними впечатлѣніями. Антоновичъ совершенно не любопытенъ, различныя мелкія новости кадетской жизни его нисколько не интересуютъ; болѣе теоретикъ, чѣмъ практикъ: свои многочисленныя изобрѣтенія никогда не пытается осуществить на дѣлѣ, ограничиваясь одними только чертежами. Леммеръ большой фантазеръ и мечтатель. Очень часто сидитъ, задумавшись о чемъ-нибудь и не обращая вниманія на все окружающее. Со словъ матери стало извѣстно, что онъ много фантазируетъ насчетъ будущаго, строя разные неосуществимые планы и проекты.

Такое преобладаніе серьезныхъ умственныхъ интересовъ, а также теоретически-отвлеченное направленіе этихъ интересовъ, доходящее у Леммера до мечтательности и фантазерства, ведутъ къ тому, что какъ у Антоновича, такъ и у Леммера совершенно отсутствуетъ склонность къ шалостямъ, въ какой бы то ни было ихъ формѣ.

А. Лазурскій.

КОЛЛЕКТИВНОЕ СТРАХОВАНІЕ ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ УЧАЩИХЪ И УЧАЩИХСЯ.

Еще 10 лѣтъ тому назадъ едва ли многіе думали о страхованіи учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ быть во время классныхъ уроковъ, во время экскурсій и пр. Если же и раздавались голоса въ пользу учрежденія такого рода страхованія, то такія заявленія или оставались безъ вниманія, или же, вмѣсто сочувствія, встрѣчали голословныя возраженія. Даже въ педагогическихъ сферахъ какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и въ западной Европѣ тогда еще находили, а у насъ многіе и теперь находятъ, страхованіе учащихся и учащихъ ненужнымъ, а затраты на это дѣло непроизводительнымъ расходомъ. Современная организація учебнаго дѣла заставляетъ, однако, измѣнить вышеупомянутые взгляды. Исключительно дидактическій способъ обученія въ школахъ перестаетъ быть господствующимъ, параллельно съ нимъ получаетъ все большее и большее примѣненіе эвристическій методъ, требующій наглядности и практическихъ занятій. Передъ учащимися демонстрируютъ опыты по физикѣ и химіи, предпринимаютъ съ ними экскурсіи, посѣщаютъ фабрики и заводы. Ихъ обучаютъ ручному труду и даютъ возможность самимъ доходить до познанія предметовъ путемъ практическихъ занятій по физикѣ, механикѣ и химіи. Въ то же время, реформированная школа включила въ свою программу мѣры для развитія у воспитанниковъ физической силы, красоты и ловкости въ движеніяхъ. Съ этой цѣлью въ западной Европѣ при школахъ строятся спеціальныя зданія для гимнастическихъ упражненій, въ городахъ устраиваются арены для подвижныхъ игръ на открытомъ воздухѣ и даже созываются областные съѣзды учениковъ для участія въ состязаніяхъ.

Такъ, напримѣръ, въ октябрѣ 1907 года ученики старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній провинціи Вестфаліи пріѣзжали на два дня въ главный городъ провинціи Дортмундъ для состязанія въ ловкости, выносливости и смѣлости.

Всѣ перечисленныя дисциплины, являющіяся достояніемъ нынѣшней общеобразовательной школы, включены также и въ получившую въ послѣднее время огромное распространеніе спеціальную школу. Но эта школа, созданная для подготовки высшихъ и среднихъ техниковъ разныхъ спеціальностей, а также для подготовки мастеровъ и рабочихъ разныхъ цеховъ, имѣетъ у себя особыя учебныя мастерскія и лабораторіи, оборудованныя такими же машинами и аппаратами, какими пользуются фабрики и заводы, и почти также функціонирующими, но съ той только разницей, что въ учебныхъ мастерскихъ и заводахъ отсутствуетъ раздѣленіе труда, а каждый учащійся продѣлываетъ всѣ операціи извѣстнаго механическаго или химическаго производства.

При такой усложнившейся системѣ образованія въ послѣднее время особенно участились несчастные случаи съ учащимися и учащими. Во время химическихъ и физическихъ опытовъ случаются взрывы, ожоги и отравленіе газами. Въ учебныхъ мастерскихъ бываютъ пораненія и даже серьезныя поврежденія органовъ. Во время экскурсій, занятій гимнастикой, а особенно спортомъ, также бываютъ случаи увѣчій. Разумѣется, учебныя заведенія не должны относиться къ такого рода явленіямъ, какъ къ событіямъ, противъ которыхъ нѣтъ иныхъ средствъ, какъ только мѣры предосторожности и усиленный надзоръ за учащимися. Не должны потому, что какія бы ни были приняты мѣры огражденія опасныхъ мѣстъ и какъ бы ни были бдительны учителя и руководители работъ въ мастерскихъ и лабораторіяхъ, несчастные случаи съ учащимися и съ самими учителями вполнѣ предотвратить невозможно, и потому печальныя событія эти нуждаются въ особой регламентаціи.

Къ такому заключенію пришли въ Германіи учебное вѣдомство и родители учащихся. На ряду съ мѣрами разнаго рода предосторожностей тамъ практикуется уже въ довольно широкихъ размѣрахъ коллективное страхованіе учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ и личное страхованіе учителей, обезпечивающее ихъ отъ предусматриваемой закономъ отвѣтственности за жизнь и здоровье ввѣренныхъ имъ дѣтей. Наша школьная статистика пока еще не даетъ намъ достаточно разработанныхъ данныхъ о числѣ несчастныхъ случаевъ и о томъ, при какихъ обстоятельствахъ они имѣли мѣсто въ учебныхъ заведе-

ніяхъ. Тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ, вопросъ о страхованіи учащихся является у насъ достаточно назрѣвшимъ. Въ виду этого, мы сочли своевременнымъ посвятить этой сторонѣ школьнаго дѣла настоящій трудъ, думая такимъ образомъ облегчить практическую постановку и разрѣшеніе этого важнаго вопроса въ организаціи нашей школы.

При составленіи статьи о страхованіи мы пользовались матеріаломъ, собраннымъ отдѣломъ промышленныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, по иниціативѣ предсѣдателя особой комиссіи для выясненія медико-санитарнаго положенія промышленныхъ училищъ проф. А. Д. Гатцука. Данныя объ организаціи и практикѣ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ почерпнуты нами изъ слѣдующихъ источниковъ: Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1907.—Литвиновъ-Фалинскій. Страхованіе рабочихъ въ Германіи. С.-Пб. 1903. Отчеты: Allgemeiner Deutscher Versicherungs-Verein in Stuttgart.— Allgemeine Versicherungs-Actien-Gesellschaft „Wilhelma“ in Magdeburg.

I.

Несчастные случаи въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Статистика и страхованіе несчастныхъ случаевъ въ Германіи.

Весьма многія профессіональныя занятія сопряжены съ опасностью для жизни и здоровья человѣка. По даннымъ статистики число профессіональныхъ несчастныхъ случаевъ достигаетъ огромныхъ размѣровъ. Такъ, въ Германіи въ 1905 г. страховыми обществами было вознаграждено 141.120 человѣкъ, потерпѣвшихъ несчастія въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Всего же застрахованныхъ было въ томъ же году 18.943.000 человѣкъ; такимъ образомъ, одинъ несчастный случай приходился на 134 застрахованныхъ лица.

Разумѣется, такого рода явленіе въ жизни государства, по своему значенію для народнаго здоровья и народнаго хозяйства, не могло не обращать на себя вниманія, какъ общественныхъ, такъ и правительственныхъ сферъ. Прежде всего усилія были направлены къ тому, чтобы побудить предпринимателей къ широкому примѣненію извѣстныхъ мѣръ для огражденія рабочихъ отъ увѣчій. Для этой цѣли въ разное время издавались спеціальные законы, опредѣлявшіе отвѣтственность предпринимателей въ названныхъ случаяхъ. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія положено было начало примѣненію страхованія отъ несчастныхъ случаевъ. Наконецъ, какъ извѣстно,

въ Германіи съ 1884 года введено обязательное страхованіе рабочихъ, при чемъ учрежденія по страхованію этого рода случаевъ, до нѣкоторой степени, связаны съ учрежденіями по страхованію болѣзней. Эта связь выражается въ томъ, что всякій пострадавшій отъ несчастнаго случая поступаетъ въ теченіе опредѣленнаго времени, а именно на 12 недѣль, на попеченіе больничныхъ кассъ и лишь по истеченіи этого срока начинаетъ получать вспомоществованіе изъ учрежденій по страхованію несчастныхъ случаевъ. Въ Германіи организація страхованія отъ несчастныхъ случаевъ построена на началѣ взаимнаго страхованія предпріятій, при чемъ владѣльцы послѣднихъ обязаны, подъ угрозою высокаго штрафа, представить въ извѣстное групповое страховое товарищество списокъ своихъ рабочихъ и отмѣтить характеръ и техническія условія производства. Такимъ образомъ, издержки по страхованію отъ несчастныхъ случаевъ въ Германіи падаютъ на предпринимателей. Благодаря этому, каждая отрасль промышленности заинтересована теперь въ уменьшеніи несчастныхъ случаевъ, въ уменьшеніи опасности производства, ибо чѣмъ благоустроеннѣе послѣднее, тѣмъ меньше доля его участія въ вознагражденіи потерпѣвшихъ, и оно фигурируетъ внутри товарищества въ классѣ менѣе опасныхъ. Не полагаясь на собственное благоразуміе предпринимателей, страховыя товарищества издаютъ обязательныя правила для предупрежденія несчастныхъ случаевъ, помимо предписаній фабричнаго законодательства. Они предписываютъ и рабочимъ, какъ вести себя для предупрежденія несчастій.

Въ такомъ же родѣ организація мѣръ предупрежденія практикуется нѣкоторыми обществами, учрежденными и въ нашемъ отечествѣ. Такъ, сравнительно еще молодое „Рижское общество взаимнаго страхованія", существующее всего восемь лѣтъ, уже успѣло выпустить довольно объемистое изданіе руководствъ и конструктивныхъ чертежей устройствъ, приспособленій и механизмовъ для огражденія опасныхъ мѣстъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Объ операціяхъ этого общества считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ. Рижское общество взаимнаго страхованія принимаетъ на себя гражданскую отвѣтственность своихъ членовъ за смерть, за увѣчья и другія поврежденія въ здоровьи, причиненныя рабочему или служащему несчастнымъ случаемъ, происшедшимъ вслѣдствіе хода предпріятій, входящихъ въ составъ общества. Каждый членъ общества, кромѣ точнаго исполненія устанавливаемыхъ закономъ или особыми распоряженіями правительства требованій относительно производства работъ, обязанъ, въ частности,

принимать къ предупрежденію несчастныхъ случаевъ мѣры предосторожности, предписываемыя правленіемъ общества. Въ противномъ случаѣ, правленіе имѣетъ право повышать причитающуюся съ члена страховую премію, а при дальнѣйшемъ неисполненіи требованій правленія, исключать такого члена.

Чтобы составить себѣ представленіе о томъ, какъ отразилось спеціальное фабричное законодательство и обязательное страхованіе рабочихъ на числѣ несчастныхъ случаевъ, слѣдуетъ обратиться къ статистикѣ страхованія въ Германіи. За послѣднія 20 лѣтъ доля тяжкихъ случаевъ все уменьшается. Правда, эта же статистика указываетъ на увеличеніе числа мелкихъ увѣчій, но это объясняется тѣмъ, что съ введеніемъ обязательнаго страхованія зарегистровываются такіе случаи, которые раньше вовсе не учитывались и за которые пострадавшіе никакого вознагражденія не получали. (См. табл. на стр. 45).

Отсюда видно, что техника огражденій и скорая подача помощи въ несчастныхъ случаяхъ дѣлаютъ большіе успѣхи въ Германіи. Обязательное страхованіе повело къ болѣе внимательному отношенію къ лѣченію пострадавшихъ и устранило этимъ много горя и страданій въ рабочихъ семьяхъ. Три милліона марокъ, которыя товарищества страхованія употребляютъ на лѣченіе, составляютъ самую производительную ихъ затрату.

Учащіеся въ промышленныхъ училищахъ при практическихъ занятіяхъ въ учебныхъ мастерскихъ и лабораторіяхъ, подвергаются подобному же профессіональному риску, какъ и рабочіе въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Разумѣется, въ названныхъ училищахъ несчастные случаи, по сравненію съ фабриками и заводами, бываютъ очень рѣдко. Этого и слѣдовало ожидать: гдѣ же, какъ не здѣсь, должны примѣняться, по послѣднему слову техники, наилучшія огражденія опасныхъ мѣстъ. Кромѣ того, въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ имѣется особый персоналъ, состоящій изъ завѣдующаго мастерскими, руководителей работъ и мастеровъ-техниковъ, обязанныхъ не только показывать учащимся пріемы работъ, но охранять ихъ жизнь и здоровье. Тѣмъ не менѣе, какъ бы ни было незначительно число несчастныхъ случаевъ въ учебныхъ заведеніяхъ, это не можетъ служить основаніемъ для исключенія школъ изъ участія въ страхѣ. Нужно радоваться, что случаевъ мало, и при страхованіи воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы платить обществамъ страхованія наименьшую премію. Такъ и поступаютъ теперь въ Германіи, въ которой большинство учащихся въ промышленныхъ училищахъ застрахо-

Число несчастныхъ случаевъ, по коимъ выдано вознагражденіе страховыми обществами, съ 1886 по 1905 г. включительно.

Годы.	Абсолютное число увѣчныхъ.					На 1.000 застрахованныхъ.				
	Вообще.	Послѣдствіемъ увѣчья были:				Вообще.	Смерть.	Неспособность къ труду.		Временная неспособность къ труду.
		Смерть.	Неспособность къ труду.		Временная неспособность къ труду.					
			Полная.	Частичная.				Полная.	Частичная.	
1887.	17.102	3.270	3.166	8.462	2.204	4,15	0,79	0,77	2,05	0,54
1900.	104.447	8.449	1.366	51.111	45.521	5,63	0,45	0,07	2,70	2,41
1905.	139.787	8.757	1.476	63.530	[illegible]	6,91	0,43	0,08	3,14	3,26

вано. По имѣющимся у насъ даннымъ, только въ одномъ Штутгартскомъ обществѣ взаимнаго страхованія значится въ числѣ кліентовъ 112 школъ. Намъ еще придется возвратиться къ практикѣ страхованія учащихся въ промышленныхъ училищахъ, а сейчасъ мы постараемся выяснить, насколько наши промышленныя школы нуждаются въ страхованіи своихъ учащихся.

II.

Типы промышленныхъ училищъ. Возрастъ, съ котораго начинаются практическія занятія. Распредѣленіе занятій по цехамъ. Огражденія опасныхъ мѣстъ и другія мѣры для предупрежденія несчастныхъ случаевъ.

Основными положеніями о промышленныхъ училищахъ у насъ установлено три типа школъ: среднія техническія, низшія техническія и ремесленныя. Первые два должны сообщать знанія и умѣнія, необходимыя техникамъ, какъ ближайшимъ помощникамъ инженеровъ, а также, какъ самостоятельнымъ руководителямъ небольшого промышленнаго дѣла. Ремесленныя училища имѣютъ цѣлью практическое обученіе пріемамъ какого-либо ремесла и сообщеніе знаній и умѣній, съ достаточной степенью навыка, для осмысленной и точной работы. Въ 1906 году въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія состояло свыше 190 промышленныхъ училищъ, въ томъ числѣ среднихъ техническихъ—25, низшихъ техническихъ—22, промышленныхъ училищъ различнаго наименованія — 50, ремесленныхъ училищъ — 25, школъ ремесленныхъ учениковъ—15, низшихъ ремесленныхъ школъ около 60-ти. Общее число учащихся во всѣхъ перечисленныхъ учебныхъ заведеніяхъ превышаетъ 18.500; сумма расходовъ, ежегодно затрачиваемыхъ на содержаніе этихъ училищъ, достигаетъ солидной цифры въ $2^1/_2$ милліона рублей.

Возрастъ учащихся въ промышленныхъ школахъ разныхъ типовъ не одинаковъ. Такъ, въ ремесленныя училища и низшія ремесленныя школы принимаютъ мальчиковъ въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ, и съ перваго же года ученія начинаютъ ихъ обучать ремеслу. Въ среднія семиклассныя техническія училища поступаютъ дѣти 11—13 лѣтъ, но начинаютъ работать въ мастерскихъ только съ четвертаго класса, въ возрастѣ 14—16 лѣтъ. Наконецъ, въ первый классъ среднихъ четырехклассныхъ техническихъ училищъ поступаютъ подростки изъ пятаго класса реальныхъ училищъ или же абитуріенты городскихъ ше-

стиклассныхъ училищъ и съ перваго же года начинаютъ работать въ мастерскихъ и техническихъ лабораторіяхъ.

Практическимъ занятіямъ въ мастерскихъ учащіеся почти всѣхъ названныхъ учебныхъ заведеній посвящаютъ четыре года, при чемъ всѣ начинаютъ съ ручного труда и только въ старшихъ классахъ переходятъ къ работамъ на машинахъ, приводимыхъ въ движеніе паровыми, керосиновыми и другими двигателями, а также электромоторами. Мы считаемъ излишнимъ подробное описаніе программъ практическихъ занятій. Но для уясненія тѣхъ опасностей, которымъ подвергаются работающіе въ учебныхъ мастерскихъ, необходимо перечислить цехи или ремесла, которые входятъ въ названныя программы. Для примѣра возьмемъ среднее техническое училище. Въ этомъ учебномъ заведеніи работы въ мастерскихъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Средній возрастъ ученика.	Ремесло и цехъ.	Среднее число часовъ занятій. Въ день.	Среднее число часовъ занятій. Въ теченіе всего учебнаго года.
15	Столярное	2½	230
	Слесарное		220
16	Токарное по дереву		70
	Токарное по металлу		80
	Литейное		100
	Столярно-модельное		200
17	Кузнечное		100
	Слесарно-токарное		150
	Работа на механическихъ станкахъ		200
18	Работа на механическихъ станкахъ		360
	Надзоръ по уходу за двигателемъ		45
	Занятія въ техническомъ бюро		45

Для болѣе полнаго представленія о работахъ въ мастерскихъ слѣдуетъ еще упомянуть, что, по принятой почти во всѣхъ училищахъ системѣ обученія ремесламъ, учащіеся изготовляютъ въ мастерскихъ почти исключительно, такъ называемыя дѣльныя вещи, иначе говоря, предметы, имѣющіе то или иное практическое примѣненіе. Такъ въ модельной мастерской изготовляютъ модели, которыя годятся для отливки по нимъ металлическихъ предметовъ изъ чугуна, мѣди или какой-либо композиціи. Въ слесарной ученики изготовляютъ инструменты или же собираютъ цѣлыя машины изъ частей, которыя въ разное время курса изготовляются самими же учащимися. Въ кузницѣ отковываютъ изъ желѣза части для машинъ, изъ стали инструменты. Въ литейной приготовляютъ формы для отливки по моделямъ, о которыхъ было сказано выше, и принимаютъ участіе въ отливкѣ чугуна. Въ механической мастерской на приводныхъ станкахъ ученики обрабатываютъ вещи, отлитыя изъ чугуна, откованныя изъ желѣза, и здѣсь же собираютъ изъ этихъ частей машины. Изъ числа послѣднихъ мы назовемъ для примѣра винторѣзные, токарные станки, строгальныя машины и т. под. Наконецъ, какъ было упомянуто, ученики стоятъ на дежурствѣ у паровой машины, у электрической динамо, у трансмиссіи. Такимъ образомъ, ученики средняго техническаго училища проходятъ весь циклъ работъ, связанныхъ съ механическимъ производствомъ машинъ и орудій.

Изъ сказаннаго ясно, что учащіеся промышленныхъ училищъ при практическихъ занятіяхъ подвергаются такому же профессіональному риску, какъ и рабочіе на фабрикахъ и заводахъ. Повторяемъ, рискъ этотъ школа старается уменьшить до полной безопасности. Хотя въ такого рода стремленіи школы едва ли можетъ быть сомнѣніе, мы, тѣмъ не менѣе, помѣщаемъ здѣсь краткое описаніе тѣхъ мѣръ и предосторожностей, которыя примѣняются въ учебныхъ мастерскихъ противъ несчастныхъ случаевъ.

Это описаніе не лишне: оно дополнитъ наши свѣдѣнія объ опасности въ мастерскихъ тѣмъ, что укажетъ на самыя мѣста, которыя нуждаются въ огражденіи.

Для паровыхъ машинъ и вообще силовыхъ двигателей, а также для электрической динамо, въ учебныхъ мастерскихъ отводится особая комната или помѣщеніе, обнесенное прочной рѣшеткой, доступъ въ которыя воспрещается всѣмъ лицамъ, не имѣющимъ отношенія къ управленію названными машинами или къ надзору за ихъ исправнымъ содержаніемъ. Изъ числа учащихся разрѣшается быть при машинѣ

только одному дежурному, который, прежде чѣмъ стать на дежурство, получаетъ подробныя инструкціи и затѣмъ ввѣряется попеченію опытнаго машиниста.

Наиболѣе опаснымъ является тотъ моментъ, когда пускается въ ходъ машина и включаются въ движеніе передающіе силу механизмы. Если это дѣлается неожиданно для работающихъ, послѣдніе могутъ легко пострадать, ибо какъ разъ въ этотъ моментъ они могутъ быть недостаточно осторожны, находясь у опасныхъ мѣстъ. Поэтому передъ пусканіемъ въ ходъ машины и ея остановкой рабочіе предупреждаются особымъ знакомъ или звонкомъ.

Маховыя колеса, главные передаточные ремни или канаты ограждаются надлежащимъ образомъ, чтобы лица, проходящія мимо, не могли быть задѣты и чтобы при случайномъ разрывѣ ремня никто не могъ пострадать отъ удара. Движущіяся части машины: крейцкопфъ, эксцентрикъ, шатунъ, а также подшипникъ главнаго вала снабжены автоматическими самосмазывающими аппаратами. Всѣ силовыя машины снабжены приспособленіями, позволяющими безъ замедленія остановить двигатель. Находящіеся при бензиновыхъ и керосиновыхъ двигателяхъ резервуары разрѣшается наполнять горючимъ матеріаломъ только при дневномъ или электрическомъ освѣщеніи.

Трансмиссія, служащая для передачи силы, устраивается такимъ образомъ, чтобы движеніе ея могло быть самостоятельно прекращено въ каждомъ отдѣльномъ помѣщеніи.

На движущихся частяхъ трансмиссіи недопускаются выступающіе шпонки, болты и т. под., въ противномъ случаѣ, эти предметы ограждаются совершенно гладкими покрытіями, окаймляющими почти всю окружность, описываемую названными частями.

Машины-орудія, какъ-то: токарные станки, сверлильные, строгальные и др., получаютъ движеніе отъ приводовъ, устроенныхъ такимъ образомъ, что соединеніе съ ними названныхъ машинъ можетъ быть, по желанію, прервано въ любой моментъ.

У всѣхъ машинъ, безъ исключенія, такъ называемыя, шестерни, состоящія изъ взаимносцѣпляющихся зубчатыхъ колесъ, ограждаются, чтобы ни работающему при этихъ машинахъ мастеру, ни кому-либо другому, не угрожала опасность быть захваченнымъ зубцами названныхъ колесъ.

Смазываніе частей машины и ихъ очистка во время движенія воспрещены. При шлифовкѣ и точеніи инструментовъ случается, что точильный камень, вслѣдствіе плохого качества или вслѣдствіе неосто-

рожнаго толчка, разрывается на части, и такъ какъ шлифовальные камни имѣютъ большую скорость вращенія, то такого рода разрывъ можетъ причинить тяжкія увѣчья. Въ виду этого, точильные и шлифовальные камни предварительно подвергаются испытанію; кромѣ того, въ работѣ они тщательно ограждаются. Во избѣжаніе толчковъ воспрещается работать на камнѣ, поверхность котораго имѣетъ углубленія. Исправленіе камня поручается только опытному мастеру.

Очень опасной является работа на деревообдѣлочныхъ машинахъ, служащихъ для распиловки и строганія дерева. Въ виду этого, на огражденіе этихъ машинъ обращено особое вниманіе, а работа на нихъ учащимся разрѣшается только при неотлучномъ присутствіи опытнаго мастера. Особенно опасными считаются работы въ литейной при разливкѣ чугуна, и потому отъ этой операціи во многихъ учебныхъ заведеніяхъ ученики вовсе устраняются. Работа на токарныхъ станкахъ опасна тѣмъ, что при точеніи металла отлетаютъ стружки и нерѣдко попадаютъ работающимъ въ глаза. Въ виду этого, учащіеся снабжаются особыми предохранительными очками.

Въ техно-химическихъ мастерскихъ помѣщенія снабжаются механической вентиляціей для удаленія вредныхъ для здоровья газовъ. Въ такія мастерскія учащіеся допускаются только послѣ того, какъ основательно усвоятъ теоретическій курсъ химіи.

Мы полагаемъ, нѣтъ надобности продолжать этотъ перечень мѣръ и приспособленій, принятыхъ въ промышленныхъ училищахъ для огражденія отъ несчастныхъ случаевъ. Мѣръ и приспособленій много. Но, тѣмъ не менѣе, всегда найдутся части машинъ и цѣлыя машины, которыя останутся недостаточно огражденными, такъ какъ еще не найдено для этого удобнаго способа.

Нельзя, однако, полагаться исключительно на огражденія; необходимо имѣть въ виду и личныя формы отношенія къ работѣ и къ сопряженнымъ съ нею опасностямъ самихъ работающихъ. Если послѣдніе не пользуются приспособленіями и даже устраняютъ ихъ, если они не соблюдаютъ установленныхъ инструкцій и невнимательно относятся къ работамъ,—они такимъ образомъ создаютъ, независимо отъ техническихъ сооруженій и орудій, цѣлую серію причинъ несчастныхъ случаевъ, устранить которые не всегда могутъ огражденія. Достаточно убѣждающія въ этомъ данныя мы заимствуемъ изъ страховой статистики Германіи. Въ слѣдующей таблицѣ показано распредѣленіе несчастныхъ случаевъ по различнымъ категоріямъ причинъ:

ПРИЧИНЫ	Число случаевъ въ %.	
Недостатки въ сооруженіяхъ	7. 03	Вина предпринимателей 19,76
Отсутствіе ограждений	10. 64	
Недостаточныя инструкціи	2. 09	
Непользованіе огражденіями или устраненіе ихъ	1. 76	Вина работающихъ 25,64.
Несоблюденіе установленныхъ правилъ	5. 17	
Легкомысліе, нетрезвое состояніе	1. 98	
Неловкость, неосторожность	16. 49	
Неподходящая одежда	0. 24	
Вина сoработниковъ и третьихъ лицъ	3. 28	
Опасности, лежащія въ существѣ промысла	43. 40	
Неизвѣстныя причины	3. 47	

Отсюда видно, что на 19 случаевъ, въ которыхъ виновны предприниматели и администрація, приходится 25 случаевъ, которые вытекаютъ изъ личныхъ особенностей и свойствъ самихъ пострадавшихъ. Разумѣется, не всѣ причины послѣдней категоріи должны быть приписаны винѣ работающихъ. Если рабочій умышленно не пользуется огражденіями или даже устраняетъ таковыя, если вообще онъ небреженъ,—вина его. Но съ нимъ могло случиться головокруженіе или его вниманіе могло притупиться вслѣдствіе усталости, въ этомъ винить его нельзя. Наконецъ, вниманіе его невольно ослабляется, такъ какъ ежедневное повтореніе опасной работы незамѣтно пріучаетъ его пренебрегать необходимыми мѣрами предосторожности.

Промышленная школа все это имѣетъ въ виду: она какъ было описано, примѣняетъ въ учебныхъ мастерскихъ всевозможныя огражденія опасныхъ мѣстъ и, кромѣ того, широко пользуется своею главною дисциплиной—образованіемъ ума. Заблаговременно до начала работъ учащимся сообщаются всѣ правила, опредѣляющія порядокъ въ мастерскихъ и лабораторіяхъ. Имъ разъясняютъ, какія послѣдствія могутъ быть отъ невнимательнаго ихъ отношенія къ работамъ, отъ небрежнаго обращенія съ машинами и инструментами. Имъ поручаютъ, для лучшаго ознакомленія съ механизмами, разобрать на части одну или двѣ изъ наиболѣе употребительныхъ машинъ и вновь собрать. Далѣе, каждому ученику въ отдѣльности мастеръ-техникъ показываетъ, какъ пользоваться тѣмъ или другимъ инструментомъ, какъ пускать въ ходъ или останавливать то или иное орудіе. Наконецъ, на урокахъ гигіены врачъ сообщаетъ ученикамъ спеціальныя свѣдѣнія о по-

раненіяхъ, объ увѣчьяхъ, о мѣрахъ оказанія помощи пострадавшимъ. Онъ внушаетъ имъ обращаться къ дежурному при мастерскихъ фельдшеру не только въ случаяхъ серьезнаго поврежденія какого-либо органа, но даже при незначительныхъ царапинахъ, дабы избѣжать зараженія крови.

Но не напрасно говорятъ о непредотвратимости несчастныхъ случаевъ въ профессіональной практикѣ. Ни высшее образованіе, ни зрѣлый возрастъ не обезпечиваютъ вполнѣ отъ такихъ случаевъ. Въ отчетахъ страховыхъ обществъ мы читаемъ: „Инженеръ И. при постройкѣ элеватора упалъ въ люкъ, при чемъ потерпѣлъ поврежденіе, вызвавшее операцію...“. „Управляющій фабрикой Т., присутствуя при буреніи колодца, получилъ сильный ушибъ отъ упавшаго на него тяжелаго блока, послѣдствіемъ чего оказалась паховая грыжа“. „Горный инженеръ А., при взрывѣ газовъ въ доменной печи, получилъ ожоги лица и рукъ, имѣвшіе послѣдствіемъ потерю зрѣнія одного глаза и ограниченіе подвижности нѣсколькихъ пальцевъ“...

Такъ и въ промышленныхъ школахъ, несмотря на принятыя мѣры предосторожности, бываютъ несчастные случаи. Статистика такихъ случаевъ намъ неизвѣстна, но мы располагаемъ достаточнымъ матеріаломъ для того, чтобы прійти къ заключенію о неотложной необходимости коллективнаго страхованія учащихся въ промышленныхъ школахъ.

III.

Несчастные случаи въ учебныхъ мастерскихъ и лабораторіяхъ промышленныхъ училищъ. Отзывы начальниковъ учебныхъ заведеній о причинахъ несчастныхъ случаевъ.

Свѣдѣнія о несчастныхъ случаяхъ почерпнуты нами изъ отзывовъ начальниковъ 36-ти промышленныхъ школъ съ общимъ числомъ учащихся въ 6.500 человѣкъ. Такимъ образомъ, наши свѣдѣнія относятся всего къ небольшой части общаго числа учащихся въ промышленныхъ училищахъ нашей родины. Само собой разумѣется, что данныя эти не могутъ представить статистической картины несчастныхъ случаевъ. Въ виду этого, мы не станемъ дѣлать количественныхъ выборокъ изъ нашего матеріала, составлять по нимъ таблицы и вычислять проценты. Мы ограничимся тѣмъ, что помѣстимъ здѣсь краткія извлеченія изъ сообщеній самихъ школъ.

Начальникъ Н—скаго техническаго училища пишетъ: „Никакихъ

серьезныхъ несчастій за десятилѣтній періодъ существованія училища не было. Имѣвшія мѣсто поврежденія носили легкій характеръ. Такъ при рубкѣ металла случаются ушибы и ссадины; въ кузницѣ—ожоги, вслѣдствіе хватанія, по разсѣянности, неостывшаго еще желѣза; во время работъ на токарномъ станкѣ — засореніе глазъ металлической стружкой".

Директоръ И—скаго промышленнаго училища сообщаетъ: „За время свыше 30-ти лѣтняго существованія училища серьезныхъ случаевъ не было. Бываютъ поверхностныя ссадины на пальцахъ, засореніе глазъ стружкой".

Директоръ Л—скаго промышленнаго училища: „За время 35-ти лѣтняго существованія училища несчастныхъ случаевъ не было". Опасными работами директоръ считаетъ литье и ковку.

Директоръ Н—скаго механико-техническаго училища сообщаетъ, что за 5 лѣтъ существованія училища не было ни одного несчастнаго случая.

Директоръ О—скаго механико-техническаго училища: „За время 22-хъ лѣтняго существованія училища былъ лишь одинъ случай серьезнаго поврежденія. Воспитанникъ, шлифуя валъ на самоточкѣ, зацѣпился рукавомъ блузы за хомутикъ, вслѣдствіе чего произошелъ надломъ кости выше локтя лѣвой руки. Черезъ четыре мѣсяца пострадавшій свободно владѣлъ рукой. Были также случаи ожоговъ при литьѣ чугуна. Легкія пораненія рукъ наблюдаются часто и объясняются неосторожностью при работахъ".

Директоръ К—скаго промышленнаго училища: „За время 12-ти лѣтняго существованія училища было два несчастныхъ случая. У одного ученика были контужены вѣки глазъ при изслѣдованіи динамо-машины. Причина—тѣснота помѣщенія. Другому ученику на фуговочной машинѣ отрѣзало ноготь и конецъ сустава одного изъ пальцевъ руки". Директоръ считаетъ опасной работой: „спайку водородомъ свинцовыхъ листовъ, требующую большого вниманія: самое заряженіе аппарата для спайки и его опорожненіе являются весьма опасными операціями".

Директоръ М—скаго промышленнаго училища сообщаетъ о слѣдующихъ случаяхъ: четыре случая попаденія металлической стружки въ глазъ; одинъ случай защемленія указательнаго пальца ползуномъ поперечной строгальной машины, слѣдствіемъ чего была ампутація одного сустава; одинъ случай ожога въ литейной отъ попавшей капли расплавленнаго чугуна въ складки одежды; два случая пораненія

инструментами пальцевъ въ слесарной и столярной мастерскихъ. Въ этомъ же училищѣ съ рабочимъ былъ одинъ случай: „оторваны были мягкія части первой фаланги указательнаго пальца, при чемъ пораненіе сопровождалось сильнымъ кровотеченіемъ“. Директоръ выражаетъ пожеланіе, чтобы въ мастерскихъ на одного мастера приходилось не болѣе 20—25 учениковъ.

Директоръ Р—скаго техническаго училища: „Въ химической лабораторіи серьезныхъ случаевъ не было. Были ожоги кислотами и легкія отравленія газами. Въ столярной и слесарной мастерскихъ были слѣдующіе случаи: ампутація двухъ фалангъ указательнаго пальца, захваченнаго зубчатыми колесами; ударъ деревяннымъ рычагомъ при надѣваніи безконечнаго ремня. Мелкіе случаи: ушибы молоткомъ, ожоги въ кузнечной мастерской, пораненіе стамесками, засореніе глазъ стружкой“. Директоръ считаетъ опасными слѣдующія работы въ химической лабораторіи: „перегонку спирта, нефти, экстрагированіе маслъ изъ сѣмянъ помощью эфира и сѣроуглерода; приготовленіе крѣпкихъ кислотъ“. Далѣе онъ помѣщаетъ въ своемъ сообщеніи слѣдующее мнѣніе училищнаго врача: „Съ гигіенической стороны работы какъ въ мастерскихъ, такъ и въ химической лабораторіи являются при массѣ учащихся вредными для молодого и еще неокрѣпшаго организма“.

Директоръ И.-В—ской промышленной школы сообщаетъ объ одномъ случаѣ: ожогъ сѣрной кислотой, не оставившій, однако, у пострадавшаго никакихъ слѣдовъ.

Директоръ Н—скаго техническаго училища сообщаетъ о серьезныхъ случаяхъ, окончившихся ампутаціей (?). Директоръ выражаетъ мнѣніе, что къ работамъ на строгальной машинѣ не слѣдуетъ допускать учащихся.

Директоръ К—скаго механико-техническаго училища: „одинъ случай поврежденія пальца на лѣвой рукѣ во время работъ у сверлильнаго станка, одинъ случай поврежденія двухъ пальцевъ шестернями того же станка“.

Директоръ Я—скаго техническаго училища: „одинъ случай — вывихъ руки при надѣваніи ремня; во время работъ въ литейной одинъ ученикъ угорѣлъ“. Директоръ считаетъ работы въ литейной опасными, и потому къ разливу чугуна ученики не допускаются.

Директоръ М—скаго техническаго училища сообщаетъ: „За 26 лѣтъ моего завѣдыванія училищемъ не было серьезныхъ случаевъ, послѣдствіемъ коихъ была бы смерть или полная неспособность къ

труду. Но отрывъ и раздробленіе пальцевъ были; ушибы и засореніе глазъ стружкой, вслѣдствіе упорнаго нежеланія учащихся пользоваться предохранительными очками, довольно часты". Директоръ добавляетъ: „почти при каждомъ посѣщеніи мастерскихъ меня не оставляетъ мысль о возможности несчастнаго случая". Причинами случаевъ директоръ между, прочимъ, считаетъ неопытность и разсѣянность.

Директоръ К—скаго механико-техническаго училища: „Ученикъ VII класса, вопреки запрещенію, взялся съ товарищами передвинуть большой и тяжелый кулачный патронъ, бывшій предметомъ обработки, уронилъ его на себя и повредилъ себѣ два пальца съ раздробленіемъ костей... Машинистъ пытался ослабить коренной подшипникъ на ходу машины и повредилъ себѣ палецъ, захваченный эксцентрикомъ. Столяру при работѣ на круглой пилѣ отрѣзало одинъ суставъ большого пальца. Директоръ добавляетъ: „Огражденія не могутъ застраховать рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Опасность неразрывно связана съ работами въ мастерскихъ вообще; учебныя мастерскія представляютъ ту же опасность"...

Директоръ В—скаго механико-техническаго училища, перечисливъ легкіе случаи пораненій, добавляетъ: „Къ причинамъ несчастныхъ случаевъ слѣдуетъ отнести также утомленіе учениковъ".

Директоръ К—скаго техническаго училища перечисляетъ: „внѣдреніе стружекъ въ роговую оболочку глазъ, попаданіе пальцевъ рукъ въ шестерни станковъ, обжогъ пальцевъ рукъ при работахъ въ кузницѣ, попаданіе капель расплавленнаго чугуна въ сапоги рабочихъ". О послѣдствіяхъ директоръ не сообщаетъ.

Директоръ К—скаго сельско-хозяйственнаго училища сообщаетъ о слѣдующихъ трехъ тяжкихъ случаяхъ: „Одному ученику, работавшему въ кузницѣ, отлетѣвшимъ во время ковки кускомъ желѣза вышибло глазъ. Другому ученику переломило руку въ то время, когда онъ дѣлалъ попытку схватить на ходу шкивъ, чтобы остановить молотилку... Третьему ученику повредило плечо шестерней вѣялки. Училище существуетъ 17 лѣтъ".

Директоръ К—скаго химико-техническаго училища сообщаетъ о случаяхъ ожоговъ фосфоромъ и кислотами при работахъ въ лабораторіи. Опасными директоръ считаетъ работы съ сырьемъ, такъ какъ могутъ попасть въ обработку кожи зараженныхъ животныхъ.

Директоръ Н—скаго техническаго училища, сообщивъ о легкихъ случаяхъ, добавляетъ: „наиболѣе опасными являются работы въ литейной, при разливкѣ расплавленнаго чугуна".

Директоръ Т—скаго техническаго училища сообщаетъ: „За время четырехлѣтняго существованія училища были слѣдующіе случаи: пораненіе кисти правой руки съ раздробленіемъ безыменнаго пальца и осложненныхъ переломомъ средней фаланги указательнаго пальца. Были случаи внѣдренія металлическихъ стружекъ въ роговицу глаза при рубкѣ металла и работѣ на токарныхъ станкахъ“.

Директоръ К—скаго сельско-хозяйственнаго техническаго училища: „Ученику мѣшалкой оторвало два пальца. Работница попала рукой между валами мялки. Оба случая были на маслобойномъ заводѣ“.

Директоръ И.-В—скаго механико-техническаго училища: „За время 11-ти лѣтняго существованія училища было два случая, выходящіе за предѣлы легко и безслѣдно залѣчиваемыхъ пораненій, а именно: поврежденіе глаза при работѣ зубиломъ и ущемленіе пальца руки, повлекшее за собою ампутацію верхней фаланги“.

Директоръ Т—ской низшей ремесленной школы: „Ученикъ упалъ въ люкъ съ высоты 6-ти аршинъ. Случай окончился благополучно, такъ какъ ученикъ упалъ на мягкій песокъ“. Директоръ считаетъ опасными слѣдующія работы: на ленточной пилѣ, на строгательномъ станкѣ по дереву и разливъ чугуна въ литейной.

Директоръ К—скаго промышленнаго училища перечисляетъ слѣдующіе случаи: „потеря сустава пальца, пораненіе пальца ноги, тяжелое поврежденіе грудной клѣтки при паденіи съ лѣсовъ во время лѣтней практики на постройкѣ. Легкое отравленіе кислотами азота. Два случая кровотеченія изъ носа при работѣ съ хромовыми солями. Одинъ случай съ рабочимъ при переливаніи сѣрной кислоты“. Директоръ далѣе замѣчаетъ: „Учебныя мастерскія, имѣющія много машинъ, аппаратовъ, котловъ, заставляютъ администрацію и техниковъ училища быть въ постоянномъ опасеніи“.

Директоръ С—скаго промышленнаго училища: „Были случаи порѣзовъ пальцевъ, ушибовъ молотками и засоренія глазъ стружками. Были также серьезные случаи ожоговъ брызгами чугуна (капля металла попала за голенище сапога)“. Работу въ литейной директоръ считаетъ самой опасной, особенно при густо расположенныхъ формахъ, затрудняющихъ разноску въ ковшахъ расплавленнаго металла.

Директоръ А—скаго техническаго училища: „Заводскій характеръ оборудованія мастерскихъ заставляетъ предвидѣть случаи увѣчья. Каковы бы ни были огражденія, такіе случаи непредотвратимы. За время пятилѣтняго существованія училища не было пораненій или ушибовъ, которые выводили бы учащагося изъ строя на продолжи-

тельное время. Но я всегда нахожусь подъ страхомъ ожиданія. Нѣмецкая профессіональная школа организована нѣсколько иначе. Тамъ не заботятся о томъ, чтобы дать учащимся навыкъ, чтобы сдѣлать изъ него готоваго мастера. Тамъ школа сообщаетъ такія знанія, которыя нельзя получить на фабрикѣ или на заводѣ. Въ существующихъ при этихъ школахъ физическихъ и механическихъ кабинетахъ, затѣмъ на силовой станціи у паровыхъ, газовыхъ и другихъ двигателей, тамъ стараются развить наблюдательность и научить примѣненію измѣрительныхъ и всякихъ контрольныхъ приборовъ, знакомятъ на моделяхъ съ системами парораспредѣленія и проч., и проч. Конечно, сообщаютъ и нѣкоторый навыкъ въ ремеслахъ, но не для бѣглой работы. Нѣмцы такъ и говорятъ: „Die Fachschule bildet vor, nicht aus". Такая организація уменьшаетъ вѣроятность несчастныхъ случаевъ".

Мы считаемъ лишнимъ помѣщать здѣсь отзывы другихъ директоровъ школъ. Всѣ они не отрицаютъ опасности работъ въ учебныхъ мастерскихъ. Замѣчаніе директора А—скаго техническаго училища о нѣкоторыхъ преимуществахъ въ организаціи нѣмецкой промышленной школы справедливы: чѣмъ меньше времени ученикъ находится у машинъ-орудій, у машинъ-двигателей, тѣмъ меньше вѣроятность несчастнаго случая, но, тѣмъ не менѣе, и въ нѣмецкой школѣ бываютъ такіе случаи, иначе тамъ бы не страховали.

IV.

Страхованіе учащихся въ Германіи. Страховыя товарищества, ихъ гарантіи и размѣръ страховыхъ премій. Перечень застрахованныхъ учебныхъ заведеній. Страхованіе персонала училища.

Страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ широко распространено среди населенія Германіи. Въ настоящее время кругъ застрахованныхъ въ этой странѣ превышаетъ третью часть всего населенія. Въ числѣ застрахованныхъ значатся не только рабочіе, но и другіе классы. Первоначально страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ въ Германіи стало практиковаться въ коммерческихъ обществахъ, для которыхъ эта отрасль страхованія являлась простой коммерческой операціей. Практика вскорѣ не замедлила обнаружить несовершенства такихъ посредниковъ страхованія, интересы которыхъ оказывались противоположными интересамъ застрахованныхъ лицъ. Это неудобство страхованія

въ коммерческихъ обществахъ устраняется обществами взаимнаго страхованія. Участниками этихъ обществъ являются сами застрахованные, заинтересованные въ удешевленіи страхованія. Эта цѣль достигается ими тѣмъ, что чистую прибыль общества они отдаютъ на пониженіе премій. Извѣстное въ Германіи „Штуттгартское общество взаимнаго страхованія" [1]) впервые открыло у себя отдѣлъ страхованія учащихся. Вслѣдствіе этого, а также еще потому, что операціи этого общества основаны на взаимности, въ немъ заключено наибольшее число страхованій учащихся. Но и въ другихъ сферахъ это общество популярно. Въ 1906 г. въ числѣ его страхователей были: 63000 лицъ, состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ, свыше 20.000 человѣкъ различныхъ городскихъ и приходскихъ общинъ, около $^2/_3$ всего числа германскихъ адвокатовъ, 8.000 врачей, свыше 2.000 разнаго рода корпорацій, союзовъ и проч. Это общество, взимая невысокую премію, въ то же время внимательно относится и къ интересамъ своихъ страхователей. Такъ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ Штуттгартское общество ликвидировало свыше 200.000 несчастныхъ случаевъ, и только въ 200 изъ нихъ потребовалось вмѣшательство суда.

Штуттгартское общество взаимнаго страхованія даетъ заинтересованнымъ у него учащимся слѣдующія обезпеченія:

А. Въ случаѣ временной потери работоспособности—расходы на леченіе, какъ-то: гонораръ врачу, лѣкарства, массажъ, а въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ — расходы на спеціальное лѣченіе, ванны и проч.

Б. Въ случаяхъ инвалидности пострадавшему, потерявшему способность къ занятію своею спеціальностью или лишенному возможности пріискать себѣ занятіе вслѣдствіе того, что на рабочемъ рынкѣ отдается предпочтеніе лицу, неимѣющему никакихъ недостатковъ, — такому пострадавшему обезпечивается извѣстная рента, облегчающая существованіе, или выдается капиталъ, позволяющій пострадавшему избрать себѣ спеціальность, при которой полученное поврежденіе не исключаетъ возможности занятія.

В. Въ случаѣ смерти выдается родителямъ или воспитателямъ погибшаго извѣстная сумма на покрытіе расходовъ по его погребенію и части издержекъ, понесенныхъ на его воспитаніе и обученіе.

Величина пенсіи опредѣляется степенью инвалидности, т. е. находится въ зависимости отъ степени утраты трудоспособности. Первая степень инвалидности соотвѣтствуетъ несчастному случаю, послѣдствіемъ

[1]) Allgemeiner Deutscher Versicherungs-Verein.

котораго для пострадавшаго будетъ полная, и на всю жизнь, неспособность снискивать себѣ пропитаніе трудомъ. Сюда относятся случаи потери обоихъ глазъ, обѣихъ ногъ, обѣихъ рукъ, одной руки и одной ноги вмѣстѣ и случай неизлѣчимаго помѣшательства. Въ этихъ случаяхъ общество выдаетъ пострадавшему пенсію въ размѣрѣ полной страховой суммы. Дальнѣйшія степени инвалидности опредѣляются въ процентахъ полной трудоспособности, которая поэтому принимается равной 100.

Такъ	при	потерѣ	правой руки, или кисти руки инвалидность равна	60%
„	„	„	лѣвой руки или кисти руки	40%
„	„	„	одной ноги или ступни	50%
„	„	„	одного глаза	30%
„	„	„	большого пальца правой руки	25%
„	„	„	большого пальца лѣвой руки	15%
„	„	„	указательнаго пальца лѣвой руки	10%
„	„	„	другихъ пальцевъ	5%
„	„	„	большого пальца ноги	8%
„	„	„	другихъ пальцевъ ноги по	3%
„	„	„	слуха на одно ухо	15%
„	„	„	слуха на оба уха	60%

Какъ было упомянуто, Штутгартское общество взаимнаго страхованія беретъ невысокую премію: такъ, при суммѣ страхованія

1000 марокъ на случай смерти
15000 „ на случай полной инвалидности
3 „ въ день на случай временной потери работоспособности и при условіи коллективнаго страхованія въ теченіе 10 лѣтъ, этимъ обществомъ взимается страховая премія въ слѣдующемъ размѣрѣ:

въ зависимости отъ типа учебнаго заведенія { отъ 0, 80 марокъ до 1, 60 марокъ; „ 1, 25 „ „ 2, 50 „

съ каждаго учащагося въ теченіе одного семестра. На наши деньги это составляетъ отъ 40 коп. до 1 рубля 25 коп. съ каждаго ученика въ теченіе полугодія. Преміи эти вносятся учащимися начальству училища, а послѣднее, въ свою очередь, уплачиваетъ ихъ названному страховому обществу въ концѣ каждаго семестра. На этихъ условіяхъ

общество беретъ на страхъ несчастные случаи съ застрахованными учащимися, которые (случаи) будутъ имѣть мѣсто на усадьбѣ учебнаго заведенія: въ классныхъ комнатахъ, въ коридорахъ, на лѣстницахъ, во время лекцій, практическихъ занятій въ мастерскихъ, лабораторіяхъ, клиникахъ или даже внѣ усадьбы учебнаго заведенія: во время экскурсій, если таковыя были предприняты съ учебными цѣлями и если учащіеся находились въ это время подъ руководствомъ члена учительскаго персонала.

Само собою разумѣется, что для учащихся такой способъ коллективнаго страхованія является въ высшей степени выгоднымъ, такъ какъ каждый въ отдѣльности, страхуясь, долженъ былъ бы вносить премію, далеко превышающую вышеприведенные размѣры.

Въ 1907 году въ Штутгартскомъ обществѣ состояли застрахованными слѣдующія учебныя заведенія:

Высшія учебныя заведенія (университеты, политехникумы и пр.)	19
Коммерческія и торговыя академіи	5
Промышленныя училища	5
Машиностроительныя школы	8
Строительныя училища	20
Ремесленныя училища и профессіональныя школы	36
Учебныя заведенія разныхъ типовъ (горныя школы, сельско-хозяйственныя и другія)	19

Учителя и ассистенты, а равно и весь персоналъ учебнаго заведенія, могутъ, если пожелаютъ, быть застрахованы на этихъ же условіяхъ, при чемъ, однако, страховая премія взимается съ учителей въ полуторномъ размѣрѣ, а съ прислуги въ двойномъ.

Какъ было упомянуто, Штуттгартское общество основано на взаимности, а посему дефицитъ этого общества покрывается доплатами страхователей. Однако, на основаніи устава общества, доплаты эти не должны превышать 10% годового взноса каждаго страхователя въ отдѣльности. Дабы же обезпечить пострадавшимъ, въ случаѣ дефицита, немедленную уплату страховой преміи, общество вошло въ соглашеніе съ извѣстнымъ акціонернымъ обществомъ, располагающимъ основнымъ капиталомъ въ 5 милліоновъ марокъ. Такимъ образомъ, Штутгартское страховое общество имѣетъ гарантіи, какъ акціонерная компанія и, въ тоже время, соединяетъ преимущества взаимнаго страхованія.

V.

Страхованіе учителей отъ гражданской отвѣтственности.

Намъ остается въ заключеніе сказать нѣсколько словъ о страхованіи отъ гражданской отвѣтственности учителей за несчастные случаи съ учащимися во время класснаго ученія, практическихъ занятій въ мастерскихъ и лабораторіяхъ, во время экскурсій и проч.

Гражданская отвѣтственность въ Германіи регламентируется цѣлымъ рядомъ статей свода законовъ, сущность которыхъ, однако, можетъ быть выражена въ слѣдующихъ немногихъ словахъ. Всякій, намѣренно или по нерадѣнію и оплошности, причинившій вредъ здоровью другого или ущербъ его имуществу, обязанъ возмѣстить убытки потерпѣвшему. Отвѣтственность эта усложняется еще тѣмъ, что для цѣлаго ряда случаевъ законъ вмѣняетъ не потерпѣвшему представлять доказательства для обвиненія, а, наоборотъ, обвиняемый долженъ представить доказательства для оправданія себя.

Само собою разумѣется, что для лицъ, живущихъ заработкомъ и не располагающихъ средствами для приглашенія адвоката, привлеченіе къ суду связано съ потерей времени и многими другими затрудненіями. Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго въ томъ, что въ Германіи, создавшей у себя обширную и стройную систему страхованія отъ всевозможныхъ случаевъ, въ настоящее время получаетъ все болѣе и болѣе широкое распространеніе страхованіе учителей отъ гражданской отвѣтственности за несчастные случаи съ учащимися.

Изъ того, что было сказано объ опасности занятій въ промышленныхъ предпріятіяхъ, не трудно прійти къ выводу, что, чѣмъ сложнѣе механическое устройство, которымъ пользуются въ данномъ производствѣ, тѣмъ болѣе опаснымъ считается это производство. Эта же формула примѣнима и для оцѣнки того профессіональнаго риска, который несетъ учитель, подвергаясь отвѣтственности за здоровье и поступки ввѣренныхъ ему учениковъ. Во вступленіи къ этой статьѣ говорилось о томъ, какъ осложнилась организація современной школы и какъ многочисленны тѣ дисциплины, которыми она пользуется. Практическія занятія по физикѣ, химіи, занятія ручнымъ трудомъ, гимнастика, экскурсіи, посѣщеніе фабрикъ и заводовъ — все это такъ или иначе представляетъ извѣстную опасность и угрожаетъ учителю отвѣтственностью.

У насъ нѣтъ подъ руками статистики несчастныхъ случаевъ съ учащимися въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведенiяхъ во время занятiй по физикѣ и химiи. Но всѣмъ извѣстно, что такiе случаи бываютъ. Мы сообщимъ здѣсь о трехъ случаяхъ, лично намъ извѣстныхъ. Учитель отправился съ учениками кататься на лодкѣ. Лодка опрокинулась, и одного ученика не досчитались: онъ утонулъ. Нѣсколько ученицъ купались въ рѣкѣ, учительница присутствовала при этомъ, и на ея глазахъ одна ученица утонула. Во время экскурсiи на Днѣпровскiе пороги два ученика незамѣтно отдѣлились отъ товарищей, наняли у крестьянъ лодку и переправились въ ней черезъ самый опасный Ненасытицкiй порогъ. Переправа окончилась благополучно, но учителя пережили тяжелыя минуты, когда узнали о поступкѣ учениковъ. Во время занятiй фотографiей одинъ изъ учениковъ, незамѣтно для учителя, прибавилъ въ порошокъ магнiя бертолетовой соли. При вспышкѣ взрывъ былъ ужасный: оконныя рамы были вырваны изъ петель, штукатурка осыпалась съ потолка, осколками аппарата ученику сильно поранило лицо. Къ счастiю, глаза остались цѣлы.

У насъ нѣтъ также данныхъ о числѣ учителей, застрахованныхъ во всей Германiи отъ гражданской отвѣтственности, но изъ отчета акцiонернаго страхового общества „Wilhelma“ въ Магдебургѣ мы почерпнули свѣдѣнiя, что въ этомъ обществѣ, въ перiодъ времени съ 1895 г. по май 1907 г., принято на страхъ 988 учителей, состоящихъ на службѣ только въ одномъ районѣ Тюрингенскихъ княжествъ. При этомъ достойно быть отмѣченнымъ слѣдующее знаменательное явленiе въ практикѣ страхованiя учителей въ Германiи. Общинныя управленiя, въ вѣдѣнiи которыхъ находятся народныя школы, въ цѣляхъ поощренiя учителей, въ послѣднее время стали принимать на себя всѣ расходы по страхованiю послѣднихъ отъ отвѣтственности за несчастные случаи на гимнастикѣ, во время спортовыхъ состязанiй и экскурсiй. Поразительна также дешевизна этого рода страхованiя: каждый учитель уплачиваетъ всего 1 руб. 50 коп. въ годъ.

VI.

Заключенiе.

Имѣя въ виду вышеприведенные отзывы начальниковъ промышленныхъ училищъ, можно съ увѣренностью сказать, что учебный персоналъ нашихъ учебныхъ заведенiй, сознавая лежащую на немъ отвѣтственность, сочувственно отнесется къ идеѣ страхованiя учащихся,

такъ что съ этой стороны нельзя ожидать препятствій къ скорѣйшему осуществленію этой идеи. Желательно только, чтобы школьныя управленія постарались облегчить страховымъ обществамъ составленіе подсчетовъ для опредѣленія величины страховой преміи, а для этого необходимо, чтобы наши учебныя вѣдомства въ состояніи были доставить страховымъ товариществамъ возможно полныя данныя за извѣстный періодъ времени о числѣ и характерѣ несчастныхъ случаевъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Серьезной помѣхой распространенію у насъ страхованія учащихся, можно ожидать, будутъ слабыя стороны организацій страхового дѣла въ Россіи. Страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ въ нашемъ отечествѣ обходится дороже, нежели въ Германіи и Австріи. Это объясняется не только тѣмъ, что у насъ пользуется страхованіемъ, сравнительно съ названными странами, незначительная часть населенія, но главнымъ образомъ тѣмъ, что стоимость управленія страховыми обществами у насъ чрезвычайно высока. Наши страховыя общества по этой причинѣ уплачиваютъ застрахованнымъ лицамъ всего около 49% собранныхъ премій. Въ Германіи же стоимость управленія страховыми товариществами составляетъ около 10% всѣхъ расходовъ товариществъ.

Мы предвидимъ поэтому, что широкому распространенію страхованія учащихся въ нашихъ промышленныхъ школахъ,—а съ нихъ именно и придется начать,—будетъ препятствовать, по крайней мѣрѣ, въ первое время, сравнительно высокая страховая премія, которую потребуютъ наши общества. Но можно надѣяться также и на то, что послѣдними все же будетъ принято во вниманіе незначительное число несчастныхъ случаевъ въ промышленныхъ школахъ, обусловливаемое ихъ благоустройствомъ, надзоромъ за учащимися и небольшимъ числомъ часовъ ежедневныхъ занятій въ мастерскихъ и лабораторіяхъ.

Въ нашу задачу не входитъ подробный проектъ организаціи страхованія. Это дѣло страховыхъ компаній. Мы перечислили несчастные случаи въ промышленныхъ школахъ и указали на то, что вполнѣ предотвратить эти случаи невозможно: опасность профессіональныхъ занятій органически связана со всякимъ заводскимъ и фабричнымъ производствомъ и замѣтно чувствуется даже въ самыхъ благоустроенныхъ учебныхъ мастерскихъ и лабораторіяхъ. Тѣ мѣры, которыя до сего времени принимались этими школами, недостаточны. Необходимо обезпечить учащимся, пострадавшимъ во время ученія, возможность лѣченія, а въ случаѣ инвалидности избавить ихъ отъ обращенія къ общественной благотворительности. Учащіеся должны быть застрахо-

ваны отъ несчастныхъ случаевъ. И чѣмъ скорѣе страховыя компаніи будутъ привлечены къ этому дѣлу, тѣмъ лучше для школы и для общества.

Слѣдуетъ также позаботиться и о персоналѣ школы. Если можно быть увѣреннымъ въ томъ, что учебныя вѣдомства, въ случаѣ несчастья съ учителемъ, обезпечатъ его существованіе, то все же необходимо страховать его и отъ гражданской отвѣтственности. Это страхованіе облегчитъ тотъ гнетъ, который постоянно чувствуетъ персоналъ промышленной школы.

Д. Поддерегинъ.

ПРИНЦИПЫ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФІИ М. ГЮЙО.

> Я увѣренъ, что лучшее, что я имѣю, переживетъ меня. Нѣтъ, быть можетъ, ни одна мечта моя не пропадетъ безслѣдно: другіе подхватятъ ихъ, будутъ лелѣять ихъ вслѣдъ за мною, и наступитъ время, когда они осуществятся. Благодаря волнамъ, вновь и вновь замирающимъ, море можетъ выравнивать себѣ берегъ и необъятное ложе, въ которомъ оно движется.
>
> *М. Гюйо.*

Между мыслителями послѣдняго времени Гюйо занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Будучи блестящимъ стилистомъ и выдающимся мыслителемъ, Гюйо невольно подкупаетъ искренностью своего тона даже и тѣхъ, кто съ нимъ не согласенъ. Гюйо безспорно талантливъ, доказательствомъ чего можетъ служить его вліяніе на двухъ великихъ современныхъ мыслителей, наиболѣе ярко отразившихъ нашу эпоху—Ницше (въ области морали) и Л. Толстого (въ области искусства). На страницахъ его сочиненій разсѣяно много мыслей тонкихъ, оригинальныхъ, глубокихъ по анализу, поражающихъ своимъ яркимъ блескомъ и выразительностью. Построенное на принципахъ англійскаго эволюціонизма и французскаго позитивизма міросозерцаніе Гюйо имѣетъ наклонность къ идеалистическому представленію дѣйствительности. Самъ Гюйо рекомендуетъ себя сторонникомъ натурализма монистическаго, который можно сближать съ психо-физическимъ монизмомъ Спинозы или Фехнера. Гюйо позитивистъ, но скорѣе не по міровоззрѣнію, а по методу мышленія. Противъ же матеріализма метафизическаго Гюйо возстаетъ со всей утонченностью своей критики и со всѣмъ пыломъ своей страстной натуры, онъ говоритъ, что ни жизнь, ни психика логически не могутъ быть выведены изъ взаимодѣйствія

матеріальныхъ силъ природы и ихъ комбинацій, и эти два понятія или должны быть объясняемы какъ либо иначе или же ихъ нужно признать въ качествѣ изначальныхъ свойствъ матеріи, ея аттрибутовъ.

I.

Оригинальность этическаго міровоззрѣнія Гюйо состоитъ въ томъ, что онъ свою мораль построяетъ не на метафизическихъ предположеніяхъ или отвлеченно выраженной идеѣ долга, а на біологическихъ и психологическихъ фактахъ. Уже давая оцѣнку моральной системы Эпикура, Гюйо намѣтилъ основы своей этики. По мнѣнію Гюйо, односторонній характеръ морали Эпикура состоитъ въ ея исключительномъ личномъ и эгоистическомъ характерѣ. Но эгоизмъ былъ только исходной точкой эволюціи; вслѣдствіе увеличенія и расширенія жизни впослѣдствіи онъ долженъ былъ создать внѣ себя новые центры для своего дѣйствія. Параллельно съ этимъ постоянно создавались и чувства, соотвѣтствовавшія этому центробѣжному стремленію и какъ бы покрывавшія тѣ эгоистическія чувства, которыя послужили ихъ основой. Гюйо усматриваетъ ошибку Эпикура въ томъ, что послѣдній склоненъ былъ считать удовольствіе неподвижною вещью; на самомъ же дѣлѣ и удовольствіе подчиняется всемірному закону эволюціи: оно само по себѣ есть эволюція и развитіе существа. Ошибка англійской школы утилитаристовъ, на которую Гюйо смотритъ какъ на „развившуюся позже форму эпикуризма" [1]), заключалась въ неправильной постановкѣ нравственной проблемы. Англійскіе утилитаристы полагали, что человѣческое „я" по собственной природѣ своей стремится къ разъединенію, и это природное человѣческое начало можетъ найти свое окончательное удовлетвореніе только въ идеальномъ общественномъ устройствѣ, устанавливающемъ искусственную гармонію между человѣческими эгоизмами. Гюйо говоритъ, что эта гармонія между счастьемъ одного и всѣхъ отъ природы существуетъ, и „я" съ самаго возникновенія своего уже раскрыто для другихъ; тяготѣніе къ другому есть условіе самой жизни, стремящейся къ расширенію. Эту идею жизни, которая, подобно огню, поддерживается путемъ распространенія, можно назвать фундаментальной въ системѣ этики Гюйо. Идея интенсивной и экстенсивной жизни съ большою подробностью и доказательностью развивается въ „Очеркахъ морали"

---

[1]) *М. Гюйо*, Исторія и критика соврем. англ. ученій о нравственности.

и произведеніе это должно быть руководящимъ при изложеніи этическихъ взглядовъ Гюйо.

Полемизируя съ Д. С. Миллемъ и вообще съ англійской школой утилитаристовъ въ „Очеркахъ морали", Гюйо говоритъ, что мораль должна быть *индивидуалистической*. Она не можетъ поставить себѣ цѣлью благо общества, такъ какъ оно весьма часто находится въ противорѣчіи со счастьемъ индивидуума. Благо общества можетъ быть сознательной цѣлью индивидуума только въ силу чистаго безкорыстія этого послѣдняго, но чистое безкорыстіе не можетъ быть констатировано въ опытѣ, и оно всегда оспаривалось. Мораль, такимъ образомъ, не должна опираться на недоказуемый постулатъ. Съ другой стороны, и ученіе гедонистовъ, опредѣляющее направленіе человѣческихъ поступковъ минимумомъ страданія и максимумомъ удовольствія, не можетъ быть удовлетворительнымъ вслѣдствіе узости и односторонности своего принципа, такъ какъ требованіе наивысшаго удовольствія и наименьшаго страданія примѣняется главнымъ образомъ къ сознательнымъ и болѣе или менѣе произвольнымъ дѣйствіямъ, а не къ безсознательнымъ и автоматическимъ, которыя совершаются лишь по линіи наименьшаго сопротивленія. Самое исканіе удовольствія есть только слѣдствіе инстинктивнаго желанія сохранить жизнь и умножить ее, слѣдовательно, выводитъ Гюйо, и цѣль, опредѣляющая всякое сознательное дѣйствіе, и причина, производящая всякое безсознательное дѣйствіе, есть сама жизнь наиболѣе интенсивная и наиболѣе разнообразящаяся въ формахъ своего проявленія. Эволюція жизни — вотъ единственный базисъ для построенія научной морали: законы морали должны въ концѣ концовъ совпадать съ глубочайшими законами самой жизни, и нѣкоторыя изъ общихъ положеній этой морали должны имѣть значеніе для всѣхъ существъ. На упрекъ въ смѣшеніи морали съ гигіеной Гюйо отвѣчаетъ, что воздержаніе, издавна относимое къ числу добродѣтелей, практически есть приложеніе гигіены, и что вообще мораль со стороны своего физическаго обнаруженія едва ли чѣмъ-нибудь отличается отъ расширенной гигіены.

Но что же нужно разумѣть подъ неопредѣленнымъ понятіемъ интенсивности жизни? Гюйо пытается уяснить это понятіе противопоставленіемъ дѣятельностей существа высшаго въ біологической лѣстницѣ и низшаго. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ прежде всего, что увеличивать интенсивность жизни значитъ увеличивать область *активнаго* проявленія во всѣхъ его формахъ. Жизнь низшихъ существъ характеризуется постояннымъ чередованіемъ между дѣятель-

ностью только въ опредѣленномъ направленіи и отдыхомъ—совершенною бездѣятельностью, тогда какъ высшее существо и во время отдыха можетъ разнообразить свою дѣятельность подобно полю, если разнообразить его продукты. Если дѣйствовать значитъ жить, то дѣйствовать интенсивно значитъ увеличивать очагъ внутренней жизни. Въ силу этого порокомъ можно назвать лѣность и косность, тогда какъ нравственнымъ идеаломъ—активность во всемъ разнообразіи ея проявленій, не вызывающихъ на долгое время потери силъ и не противорѣчащихъ другъ другу. Выражая ту же самую мысль болѣе конкретно, Гюйо говоритъ, что мышленіе, напримѣръ, относится къ главнѣйшимъ формамъ человѣческой активности, потому что оно есть сжатое дѣйствіе—жизнь на высшей точкѣ своего развитія.

Съ точки зрѣнія этихъ общихъ основъ морали получаетъ свою надлежащую оцѣнку и гедонизмъ въ системѣ Гюйо. Если удовольствіе связывается съ увеличеніемъ жизни, то формулы: „не переставай умножать интенсивность жизни“ и „не переставай умножать интенсивность своего удовольствія“ — совпадаютъ. Гедонизмъ, хотя и сохраняется, но уже какъ слѣдствіе, а не какъ опредѣляющій дѣйствіе принципъ, сохраняется, стало быть, на второмъ планѣ. Гюйо упрекаетъ гедонистовъ въ поверхностномъ анализѣ самаго понятія удовольствія. По его мысли, удовольствіе въ однихъ случаяхъ соотвѣтствуетъ частной и поверхностной формѣ активности (удовольствіе ѣды, питья и т. п.), въ другихъ случаяхъ оно связано съ самымъ источникомъ этой активности (удовольствіе жизни, волевой дѣятельности, мышленія). Утилитаристы склонны были выдвигать главнымъ образомъ первую категорію удовольствій, тогда какъ вторая имѣетъ бо́льшее значеніе. Удовольствіе частное не всегда бываетъ объектомъ нашего желанія, иногда мы дѣйствуемъ ради удовольствія дѣйствовать, живемъ ради жизни, мыслимъ ради мышленія. Въ насъ есть внутренняя сила, которая требуетъ исхода; когда сила эта задерживается чѣмъ-либо, то сила эта становится отвращеніемъ или желаніемъ; когда удовлетворяется желаніе—ощущается удовольствіе, когда встрѣчаетъ препятствіе—ощущается страданіе, но отсюда вовсе не вытекаетъ, что собранная нами внутренняя энергія стремится разрядиться *только* въ видѣ удовольствія. Въ итогѣ получается, что жизнь проявляется потому, что она жизнь, удовольстіе только сопутствуетъ стремленію къ жизни, а не вызываетъ его, сначала нужно жить, а потомъ—наслаждаться жизнью.

Не подлежитъ сомнѣнію фактъ, что у всѣхъ живыхъ существъ

жизнь имѣетъ стремленіе сохраняться и возрастать, что жизнь является первичной и всеобщей формой всякаго желаемаго блага, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что желаніемъ жизни исчерпывается область и понятіе желательнаго, нужно опредѣленно указать объектъ желательнаго, поэтому необходимо углубить самый анализъ понятія жизни, чтобы извлечь изъ него тѣ или иныя директивы для поведенія. Благодаря даннымъ физіологіи и психологіи французскій философъ устанавливаетъ такую общую формулу: *наиболѣе высокая интенсивность жизни имѣетъ необходимымъ коррелятомъ наиболѣе широкую ея экспансивность;* жизнь не стремится къ саморазрушенію, она только увеличиваетъ свою силу. Жизнь на подобіе огня можетъ сохраняться только передаваясь другимъ. Физіологія говоритъ о томъ, что жизнь есть питаніе и усвоеніе, или превращеніе въ собственную пользу силъ природы; она есть тяготѣніе къ себѣ. Но живое существо ради самосохраненія должно накоплять излишекъ силы, и поэтому сбереженіе есть законъ природы. Куда же уходитъ этотъ накопляемый существомъ излишекъ силъ? Онъ тратится путемъ размноженія, и здѣсь Гюйо цитируетъ Геккеля, опредѣляющаго воспроизведеніе какъ излишекъ питанія и роста, вслѣдствіе котораго доля индивидуума возводится въ самостоятельное цѣлое. Гюйо подчеркиваетъ фактъ *полового размноженія* и усматриваетъ въ немъ торжество моральнаго фактора, по его мнѣнію, и самая жизнь общества едва ли была бы возможна, если бы возобладало безполое размноженіе. Періодъ произведенія потомства есть періодъ проявленія наибольшаго великодушія. Но половой инстинктъ есть только частная форма общей потребности расширенія жизни, она обнимаетъ все существо.

Эта общая потребность расширенія жизни проявляется также и въ *интеллектуальной плодовитости.* Внутренняя сила заставляетъ мыслителя извлекать наружу міръ своего „я“, какъ бы отдавать намъ свой внутренній міръ, поэтому не безъ основанія творенія мыслителя сравниваются съ его дѣтьми. Мысль нельзя заключить въ себя, она создана для того, чтобы испускать лучи. Но хотя мысль и безлична и безкорыстна, однако съ точки зрѣнія требованій этики не слѣдуетъ злоупотреблять интеллектуальною плодовитостью, мораль должна обуздывать этотъ инстинктъ, потому что трата, по теоріи Гюйо, должна быть только возбужденіемъ, а не истощеніемъ жизни.

Быть можетъ, имѣя въ виду эгоцентрическія системы нравственности Штирнера и Ларошфуко, Гюйо въ противоположность имъ краснорѣчиво говоритъ о *плодовитости чувства и эмоціи.* Намъ недоста-

точно самихъ себя, говоритъ онъ, у насъ больше слезъ, чѣмъ нужно для нашихъ страданій, больше радостей, чѣмъ сколько нужно для личнаго счастья. Хочется другимъ передать, что существуешь, что чувствуешь, что страдаешь, что любишь, хочется, однимъ словомъ, во что бы то ни стало разорвать покровъ эгоистически-замкнутой индивидуальности. Это — не тщеславіе. Низшія удовольствія, правда, эгоистичны, но высшія—безкорыстны. Когда есть одинъ пирогъ, ребенокъ желаетъ, чтобы онъ достался ему одному, тогда какъ истинный художникъ всегда желаетъ, чтобы и другіе пережили восторгъ передъ прекраснымъ, проведеннымъ черезъ призму его воображенія, передъ истиной, передъ испытываемымъ имъ великодушнымъ чувствомъ. Человѣкъ созданъ какъ бы для передачи, подобно тому какъ вибрирующій атомъ эфира передаетъ все далѣе пробѣгающій черезъ него свѣтъ звѣзднаго луча, трепетъ котораго лишь на одинъ мигъ сообщился ему. Но чувства сами по себѣ все-таки обязываютъ избѣгать чрезмѣрной экспансивности жизни, нужно избѣгать излишества въ чувствахъ. По Гюйо, никто не имѣетъ права сказать, что великій человѣкъ всегда вправѣ рисковать своею жизнью ради спасенія жизни слабоумнаго.

Потребность продуктивности, наконецъ, выражается въ *плодовитости воли*. Человѣкъ чувствуетъ потребность дѣйствовать, и самой постоянной формой дѣйствованія является *трудъ*. Но трудиться значитъ быть полезнымъ и себѣ и другимъ. Уродливое направленіе трудъ принимаетъ только въ капиталистической формѣ; здѣсь онъ принимаетъ явно эгоистическій характеръ, онъ дѣлаетъ въ этомъ случаѣ возможной праздность и кончаетъ собственнымъ разрушеніемъ вслѣдствіе внутренняго противорѣчія. Вообще же мы имѣемъ желаніе трудиться не только для себя, но и для другихъ, чувствуемъ потребность давать толчокъ плечомъ повозкѣ, съ трудомъ увозящей человѣчество.

Жизнь, стало быть, носитъ двусторонній характеръ: она есть ассимиляція и плодовитость: чѣмъ больше она усваиваетъ, тѣмъ больше тратитъ. Съ этой точки зрѣнія понятно, что трата для другого не есть потеря для индивидуума, это только расширеніе жизни и даже необходимость. Общій выводъ получается такой, что наиболѣе совершенный организмъ будетъ и наиболѣе общежительнымъ, и что идеалъ индивидуальной жизни есть жизнь совмѣстная. Здѣсь Гюйо стоитъ на діаметрально-противоположной точкѣ зрѣнія сравнительно съ Ницше, возводящаго аггрессивность и жестокость въ какой-то

культъ. Но возраженіе, которое можно сдѣлать Гюйо съ точки зрѣнія философіи Ницше и заключающееся въ томъ, что производительность нашихъ внутреннихъ способностей можетъ быть удовлетворена аггрессивностью по отношенію къ нашимъ ближнимъ, Гюйо кажется не болѣе какъ фикціей, потому что, съ одной стороны, другія личности не такъ легко поддаются угнетенію, съ другой стороны, всякая отдѣльная воля, стремящаяся къ подчиненію, неизбѣжно встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны окружающихъ ее индивидуумовъ, и побѣдить она можетъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ, да и то лишь опираясь на нѣкоторыхъ другихъ, какъ на своихъ союзниковъ, т.-е. образовавъ вмѣстѣ съ нимъ соціальную группу и наложивъ на себя тѣ самыя соціальныя обязанности, которыя эта воля не хотѣла признавать въ началѣ. Насильники душатъ въ себѣ самое цѣнное и высокое съ точки зрѣнія эволюціи жизни. Поставить себѣ цѣлью угнетеніе ближняго значитъ обворовать себя. Не всесильный Наполеонъ или Борджіа, а Христосъ и Будда—вотъ высшій типъ человѣка съ точки зрѣнія того понятія объ эволюціи жизни, какое представлялось французскому моралисту. Гюйо полагаетъ, что онъ нашелъ философскій камень моралистовъ, т.-е. объединилъ въ высшемъ синтезѣ эгоизмъ и альтруизмъ и удачно разрѣшилъ глубокую антиномію борьбы индивидуумовъ за жизнь, потому что съ его точки зрѣнія необходимо, чтобы индивидуальная жизнь расширялась для другихъ и въ другихъ и чтобы въ случаѣ нужды даже отдавала себя; и это расширеніе не противно ея природѣ; оно — условіе истинной жизни; *исключительно эгоистической, для Гюйо, жизнь и не можетъ быть, даже если бы и захотѣла этого.* Этическая система Гюйо различаетъ поступки не съ точки зрѣнія ихъ моральной цѣнности, а съ точки зрѣнія цѣнности естественной, заключающейся въ силѣ и объемѣ жизни, и въ этомъ Гюйо сходится съ Ницше. Но тогда какъ для Ницше эгоизмъ выражаетъ подлинную природу жизни, для Гюйо не столько эгоизмъ, сколько альтруизмъ выражаетъ ея эволюцію. По справедливому замѣчанію проф. Гефдинга, Ницше въ данномъ пунктѣ болѣе догматиченъ, чѣмъ французскій мыслитель, потому что непроизвольное стремленіе къ дѣятельности — общая основа этическихъ системъ и Ницше и Гюйо — лежитъ глубже различія, проводимаго обыкновенно между эгоизмомъ и альтруизмомъ [1].

---

[1]) *Гефдингъ*, Современная философія. М. 1907. Стр. 214, изд. библіотеки для самообразованія.

Установивъ общій законъ жизни, въ понятіи долга Гюйо усматриваетъ не абсолютный императивъ или трансцендентный законъ, а прежде всего нѣкоторую форму импульса. По мнѣнію Гюйо, теорія категорическаго императива психологически вѣрна и глубока, какъ выраженіе факта сознанія, но Кантъ ошибался, когда безъ всякаго доказательства смотрѣлъ на этотъ императивъ какъ на трансцендентный. Если откинуть метафизическія понятія и стать на почву фактовъ, то долгъ можетъ быть истолкованъ какъ изобиліе жизни, рвущейся наружу, долгъ будетъ сознаніемъ внутренней мощи. Внутренно почувствовать то наибольшее, что мы способны сдѣлать, значитъ впервые сознать то, что мы должны сдѣлать: долгъ не есть чувство необходимости и принужденія, а чувство мощи, выраженіе силы, которая безудержно стремится перейти въ актъ. Существованіе безличнаго долга, созданнаго самой способностью къ дѣйствію, есть такимъ образомъ первый эквивалентъ долга трансцендентнаго. Противъ трансцендентно понимаемой идеи долга, нашедшей свое выраженіе въ моральной философіи Канта, еще съ большей силой паѳоса возстаетъ Ницше. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ такъ говоритъ: „еще одно слово противъ Канта, какъ моралиста. Добродѣтель должна быть нашимъ изобрѣтеніемъ, нашей личной защитой и потребностью: во всякомъ иномъ смыслѣ она только лишь опасность. Что не обусловливаетъ нашу жизнь, то вредитъ ей: добродѣтель только изъ чувства уваженія къ понятію „добродѣтель", какъ хотѣлъ этого Кантъ, вредна. „Добродѣтель", „долгъ", „добро само въ себѣ", доброе съ характеромъ безличности и всеобщности — все это выдумки, въ которыхъ выражается упадокъ, крайнее обезсиленіе жизни, кенигсберскій китаизмъ. Самые глубокіе законы сохраненія и роста повелѣваютъ какъ разъ обратное: чтобы каждый находилъ себѣ свою добродѣтель, свой категорическій императивъ" [1]).

Намъ кажется, однако, что и Гюйо и Ницше, боясь метафизики и теизма, впадаютъ въ излишній этическій антропологизмъ и вдвойнѣ неправы: неправы прежде всего противъ Канта, такъ какъ самъ Кантъ, развивая свои моральные взгляды, съ недоумѣніемъ остановился передъ „радикальнымъ зломъ". Не объяснимое эмпирически реальное зло требуетъ объясненія метафизическаго и трансцендентнаго, и во всякомъ случаѣ антропологизмъ въ этики не совмѣстимъ съ фактическимъ господствомъ зла въ мірѣ. Необходимо поэтому опровергнуть

[1]) *Ф. Ницше,* Антихристіанинъ, пер. Флеровой. С.-Пб. 1907. Стр. 9—10.

моральные постулаты въ философіи Канта; въ противномъ случаѣ самая критика метафизически-понимаемой идеи долга будетъ представляться бездоказательной. Послѣдовательно проведенное ученіе о радикальномъ злѣ колеблетъ все зданіе морали какъ „нашего изобрѣтенія и нашей защиты“, какъ и вообще морали автономически-антропологической, а также — морали „безъ санкціи и долга“. Фактически весь міръ во злѣ лежитъ, и реальная добродѣтель вовсе не „безудержно стремится перейти въ актъ“, какъ ошибочно полагаетъ Гюйо; въ противномъ случаѣ всѣ индивидуумы были бы одинаково добродѣтельными. Съ другой стороны, Ницше не правъ и по существу, такъ какъ добродѣтель, основанная на метафизикѣ, не есть „опасность“, даже, наоборотъ, оторванная отъ метафизики, автономическая въ абсолютическомъ ея пониманіи мораль подвергается несомнѣнной *опасности* сдѣлаться вульгарной.

Второй эквивалентъ долга Гюйо усматриваетъ въ идеѣ высшаго дѣйствія какъ силы, стремящейся осуществить дѣйствіе, въ чувствѣ глубокаго тожества между мыслью и дѣйствіемъ, въ чувствѣ единства индивида, единства жизни. Не дѣйствовать въ согласіи съ тѣмъ, что считаешь за лучшее, значитъ походить на человѣка, который былъ бы не въ состояніи смѣяться, когда ему весело, не въ состояніи былъ бы выразить то, что онъ переживаетъ. Безнравственностью въ этомъ случаѣ является столкновеніе и борьба различныхъ способностей, ограничивающихъ другъ друга, безнравственность есть остановка въ развитіи живого существа. Знаніе есть добродѣтель и добродѣтель есть знаніе, училъ еще въ древности Сократъ. Знаніе и идея есть сила, которая неизбѣжно переходитъ въ актъ — таковъ основной тезисъ этики А. Фулье. Гюйо согласенъ и съ великимъ моралистомъ древности и со своимъ соотечественникомъ Фулье, устанавливая фатальную зависимость между идеей и дѣйствіемъ. Конечно, законъ, который хочетъ констатировать Гюйо въ данномъ случаѣ, можно считать хорошимъ средствомъ въ педагогикѣ, такъ какъ на немъ можно построить цѣлую систему воспитанія, направленную къ измѣненію всѣхъ дурныхъ природныхъ свойствъ индивида, но врядъ ли изъ него можно дѣлать такія широкія обобщенія; врядъ ли его можно назвать общимъ психологическимъ закономъ, которому подчинялась бы психика всѣхъ людей. Правда, Сократъ и Спиноза жили и дѣйствовали въ постоянномъ согласіи съ разумомъ, но вѣдь это постоянство въ согласіи объясняется индивидуальными свойствами ихъ личной психологіи; у громаднаго же большинства

людей психика подчиняется совершенно другому закону, и въ этомъ случаѣ правда будетъ уже на сторонѣ волюнтаризма, объявляющаго приматъ воли. Съ своимъ возвышеннымъ оптимизмомъ, съ своей пламенной вѣрой въ торжество идеи Гюйо въ данномъ случаѣ выступаетъ передъ нами типичнымъ представителемъ французской націи съ присущимъ ей энтузіазмомъ и оптимистической вѣрой въ конечную побѣду идеальныхъ началъ.

Возрастающее сліяніе сферъ чувствительностей и общежительный характеръ возвышенныхъ удовольствій создастъ третій эквивалентъ долга. Природа чувствительностей такова, что въ силу естественной эволюціи она все болѣе и болѣе дѣлается безличной, все болѣе и болѣе расширяется, такъ что, замыкаясь въ рамкахъ своего „я“, мы не можемъ наслаждаться; мы не можемъ выйти изъ той среды, въ которой мы живемъ и къ которой постоянно приспособляемся, мы не можемъ выйти изъ человѣческаго общества. Эгоистическое счастье возможно только въ области низшихъ удовольствій. Начальной точкой эволюціи, говоритъ Гюйо, былъ эгоизмъ, но эгоизмъ вслѣдствіе плодовитости чувствовалъ потребность въ расширеніи, стремился создать внѣ себя новые центры для дѣятельности; зарождались потомъ и чувства, соотносительныя къ этому центробѣжному стремленію, и, наслаиваясь, скрыли подъ собой эгоистическія чувства. Чистый эгоизмъ былъ бы невозможенъ потому, повторяетъ здѣсь Гюйо, что мои страданія и мои радости не безусловно мои.

Но во имя общей нормы—быть существомъ общежительнымъ и общественнымъ, мораль эта можетъ предписать только рядъ не слишкомъ притязательныхъ обязанностей, она можетъ говорить только о гипотетическихъ предписаніяхъ: если ты преслѣдуешь высшую интенсивность жизни, то дѣлай то-то и то-то. Какъ же понять и какъ смотрѣть съ этой точки зрѣнія на полную и безусловную жертву? Вѣдь въ большинствѣ случаевъ соціальный инстинктъ парализуется дѣйствіемъ эгоистическаго размышленія, и гедонизмъ вѣдь неопровержимъ съ точки зрѣнія фактовъ. И вотъ тутъ для разрѣшенія этой проблемы Гюйо вводитъ четвертый эквивалентъ долга, почерпаемый въ удовольствіи риска и борьбы. Человѣкъ находитъ удовольствіе въ рискѣ, въ опасности, а это удовольствіе питается сознаніемъ своего превосходства, сознаніемъ побѣды; даже у первобытныхъ людей является желаніе бравировать опасностями. Самоотреченіе, согласно ученію Гюйо, входитъ въ общіе законы жизни, неустрашимость и самоотреченіе не есть отрицаніе личной жизни, а ея высшее торжество; это—

жизнь на высшей ступени своего развитія. Но какъ примирить возникающее противорѣчіе между самоотверженіемъ и развитіемъ самой жизни. Вѣдь для моральнаго оправданія самоотверженія нужно подыскать что либо болѣе цѣнное, чѣмъ сама жизнь, такъ какъ идея личнаго безсмертія, по Гюйо, опирается на недоказуемую гипотезу. Гюйо анализируетъ самое понятіе цѣнности жизни. Онъ говоритъ, что цѣнность жизни вещь измѣнчивая, такъ какъ цѣнность находится въ полной зависимости отъ тѣхъ благъ, которыя создаются жизнью; если понижается цѣнность этихъ послѣднихъ, то и жизнь утрачиваетъ свою цѣну, она становится прямо презрѣнною вещью. Цѣнность жизни находится въ зависимости не отъ продолжительности удовольствій а отъ интенсивности отдѣльныхъ страданій и отдѣльныхъ наслажденій. Представьте себѣ, говоритъ Гюйо, что вамъ дано на мигъ сдѣлаться Ньютономъ, открывающимъ законъ всемірнаго тяготѣнія, или Христомъ, проповѣдующимъ любовь,—вся остальная жизнь показалась бы вамъ безцвѣтной и ничтожной, такъ что, вовсе не будучи безразсуднымъ, можно иной разъ пожертвовать цѣлой жизнью ради одного изъ ея мгновеній, подобно тому, какъ можно предпочесть одинъ стихъ цѣлой поэмѣ, можно цѣлую жизнь сконцентрировать на одномъ мгновеніи любви и жертвы. Чрезвычайно глубокій и тонкій анализъ психологіи самоотверженія все-таки не гарантируетъ этику Гюйо отъ упрека въ гедонизмѣ, противъ котораго онъ возставалъ съ такой силой. Мы больше понимаемъ и больше цѣнимъ самоотверженіе, опирающееся на идею неразрушимости нашей личности и нашего индивидуальнаго сознанія.

Отмѣчая важное практическое значеніе удовольствія риска и опасности, Гюйо старается прослѣдить далѣе, какую огромную роль играетъ въ жизни человѣка гипотеза, или, какъ онъ выражается, метафизическій рискъ въ умозрѣніи.

Онъ считаетъ совершенно естественнымъ, что человѣкъ всегда пытается обосновать свои поступки на такихъ или иныхъ метафизическихъ основаніяхъ. Но эти основанія, по его мнѣнію, могутъ быть установлены только гипотетически. Человѣкъ представляетъ сущность вещей на подобіе того дѣйствія, которое онъ желаетъ совершить, разсуждаетъ Гюйо. Если человѣкъ желаетъ выполнить актъ чистаго милосердія, то онъ будетъ стараться объективировать это свое чувство въ формѣ вѣчнаго милосердія, пребывающаго въ сущности вещей. Моральное существо на подобіе художника старается оформить самую сущность вещей по образу задуманнаго имъ дѣйствія, чтобы самое это дѣйствіе не оказалось висящимъ на воздухѣ.

Оцѣнку этихъ метафизическихъ гипотезъ нужно дѣлать не съ точки зрѣнія ихъ объективной правды, а съ точки зрѣнія ихъ продуктивности, съ точки зрѣнія ихъ значенія въ міровой эволюціи. Если разумъ представляетъ намъ міръ дѣйствительности и идеальный міръ, и если въ сужденіяхъ о послѣднемъ всѣ другъ съ другомъ не сходятся, то во всякомъ случаѣ отъ того, какъ понимаютъ сущность вещей, зависитъ и тотъ образъ дѣйствія, какой накладываетъ на себя долгъ; нельзя, слѣдовательно, пренебрегать такимъ богатымъ источникомъ активности, какъ метафизика, такъ какъ во имя ея совершена значительнѣйшая доля благороднѣйшихъ поступковъ, нужно только регулировать приложеніе метафизическихъ идей, нужно отвести имъ законную сферу и не давать имъ посягать на компетенцію положительной морали. За метафизикой сверхъ того нужно сохранять ея гипотетическій характеръ, благодаря чему мы въ результатѣ получимъ не категорическій, а раціональный императивъ, опирающійся на гипотезу.

Въ связи съ вопросомъ объ отношеніи морали къ метафизикѣ стоитъ у Гюйо и вопросъ о соотношеніи между моралью и религіозной вѣрой, этой „народной метафизикой", какъ выражался Шопенгауэръ. При рѣшеніи религіозной проблемы Гюйо считаетъ необходимымъ задать вопросъ о томъ, можетъ ли исчезнуть безъ слѣда та концентрація жизни, которая обусловливалась религіями въ классическую эпоху ихъ развитія и даетъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ. Такой категорическій отвѣтъ со стороны Гюйо является совершенно естественнымъ и совершенно понятнымъ потому, что онъ въ религіи находитъ неразрушимые элементы. Основная тенденція всѣхъ религіозныхъ вѣрованій стремленіе выйти изъ области голыхъ фактовъ и расширить сферу бытія,—съ одной стороны, является залогомъ неразрушимости религіи, какъ индивидуальнаго факта сознанія, съ другой стороны, предопредѣляетъ собою окончательную гибель религіи, какъ общечеловѣческой догмы вѣрованій. Съ точки зрѣнія эволюціи религіозныхъ вѣрованій нельзя говорить ни о религіозности, ни о безрелигіозности, а можно только указывать на иррелигіозность будущаго. Послѣдній терминъ всего удачнѣе выражаетъ собою основную точку зрѣнія Гюйо въ рѣшеніи имъ религіозной проблемы, такъ какъ констатируетъ наличность связи между религіозно-догматической точкой зрѣнія и той индивидуалистически и философски моральной, которая, по мнѣнію Гюйо, замѣнитъ ее. Иррелигіозность не есть безрелигіозность, она есть высшая фаза религіи, ея эволюція. Никакія

общія догмы и вѣрованія не могутъ удовлетворить всѣмъ индивидуальнымъ запросамъ интеллектуально богатой личности во всемъ ея своеобразіи. Инстинктъ мірового цѣлаго, породившій религію и религіи, не можетъ атрофироваться и въ будущемъ, стало быть, нужно ожидать еще бо́льшую дифференціацію религіозныхъ вѣрованій, и въ связи съ этимъ въ религіяхъ все больше и больше будетъ выдѣляться умозрительно-философскій и этическій моменты [1]).

Въ отношеніи религіи и метафизики свободное разнообразіе доктринъ должно быть идеаломъ. По Гюйо, истина — не въ той или иной узкой доктринѣ, а въ движеніи, въ надеждѣ. Наша сила, говоритъ онъ, соткана изъ луча надежды,—изъ надежды на лучъ. Надо умѣть надѣяться: надежда есть сила, которая уноситъ насъ впередъ и въ высь. Развѣ не слѣдуетъ ступать ни шагу только потому, что земля современемъ уйдетъ изъ-подъ нашихъ ногъ. Недостаточно заглядывать въ будущее или въ прошлое, надо слѣдить и за требующими выхода своими внутренними силами; надо дѣйствовать, заканчиваетъ Гюйо.

Метафизическій рискъ въ мысли восполняется метафизическимъ рискомъ въ дѣйствіи. Нельзя слѣпо вѣрить въ идеалъ, нужно поработать надъ его осуществленіемъ, чтобы увѣровать въ него. Фаустъ говоритъ, что въ началѣ было „дѣйствіе", Гюйо находитъ его и въ концѣ. Непрерывающаяся дѣятельность даетъ возможность повѣрить и въ себя, и въ другихъ, и въ міръ; тогда какъ одиночество мысли можетъ въ концѣ концовъ парализовать живыя силы, такъ что дѣятельность является истиннымъ лекарствомъ отъ пессимизма и отъ скептицизма, потому что она вознаграждаетъ за страданія и въ себѣ самой носитъ свою достовѣрность. Нужно только, чтобы дѣятельность была направлена на опредѣленный и до извѣстной степени близкій объектъ; заставить, напримѣръ, исчезнуть хоть одно страданіе есть уже цѣль, могущая удовлетворить человѣка.

II.

Такимъ образомъ Гюйо отыскалъ всѣ предполагаемые эквиваленты долга и связалъ ихъ съ составленной имъ ранѣе идеей интенсивной и экстенсивной жизни. Изъ понятія жизни онъ выводитъ и своеобразно понимаемую имъ идею санкціи и прежде всего критикуетъ

---

[1]) *Г. Гефдингъ*, Цитир. соч. стр. 180—184.

существующія у моралистовъ теоріи санкцій. По его мнѣнію, идея *естественной* санкціи не выдерживаетъ критики. Формула естественной санкціи, по которой всякій нарушающій естественные законы уже наказывается такими средствами, въ которыхъ предвѣщается и подготовляется наказаніе, исходящее изъ нравственныхъ законовъ, по мнѣнію Гюйо, опирается на наивное и глубоко-ошибочное представленіе о природѣ и ея законахъ. Природѣ некого наказывать, потому что передъ ней не можетъ быть дѣйствительнаго виновника, и естественный законъ перестаетъ быть естественнымъ, разъ онъ нарушенъ; самое, такъ называемое, нарушеніе естественнаго закона въ дѣйствительности есть лишь провѣрка его, его демонстрація. Воля индивида безсильна пріостановить безпрерывный ходъ того огромнаго механизма, который называется природой; природа безстрастно ломаетъ того, кого задѣваетъ своимъ колосомъ. Паденіе съ башни вслѣдствіе нарушенія равновѣсія есть не нарушеніе закона тяготѣнія, а только его провѣрка. Естественныя послѣдствія поступка никогда не связываются съ намѣреніемъ, продиктовавшимъ этотъ поступокъ. Если, не умѣя плавать, кто-либо бросится въ воду, то онъ очень скоро погибнетъ, хотя бы онъ бросился въ воду ради спасенія чужой жизни. *Законы природы имморальны*: они тѣмъ болѣе святы, чѣмъ болѣе ненарушимы. Если идею санкціи подводить подъ понятія заслуги и эту послѣднюю понимать какъ чувственное страданіе и чувственное наслажденіе за опредѣленные поступки, то здѣсь дѣлается непозволительный скачекъ отъ нравственнаго міра къ міру внѣшнему; скачекъ этотъ непозволителенъ въ особенности со стороны индетерминистовъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, существуетъ полный разрывъ между отдѣльными способностями человѣка, и онѣ не детерминированы одна съ другой,—поэтому чувствительность не можетъ отвѣчать за дѣйствія воли.

Идея *распредѣлительной справедливости* съ ея девизомъ—„каждому по его трудамъ", по Гюйо, можетъ быть превосходнымъ практическимъ правиломъ, но ее можно назвать скорѣе экономическимъ принципомъ, такъ какъ она хорошо резюмируетъ идеалъ товарныхъ обмѣновъ и общественныхъ договоровъ, но не можетъ резюмировать идеала абсолютной справедливости, которая воздавала бы каждому сообразно его намѣренію. Съ моральной точки зрѣнія преступники достойны сожалѣнія независимо отъ того, свободна или фатальна ихъ жестокость. Зачѣмъ же дѣлать ихъ достойными сожалѣнія еще и въ физическомъ смыслѣ? По мнѣнію Гюйо, исключительное право до-

брыхъ на счастье представляетъ собой не что иное, какъ остатокъ древнихъ аристократическихъ предразсудковъ.

Постоянная потребность санкціи психологически объясняется у человѣка тѣмъ, что онъ въ фактахъ ненаказаннаго преступленія усматриваетъ элементы соціальнаго разложенія; онъ предугадываетъ въ нихъ опасность и для себя и для другихъ; по мѣткому сравненію Гюйо, человѣкъ въ этихъ случаяхъ уподобляется запертому въ осажденномъ городѣ горожанину, который видитъ ничѣмъ не защищенную брешь. Кромѣ того, дурной примѣръ является соблазнителемъ, противъ котораго протестуютъ всѣ высшіе инстинкты. Будучи по самому существу своему существомъ общежительнымъ, человѣкъ не можетъ безропотно взирать на то, что антисоціальные поступки вѣнчаются успѣхомъ. Человѣкъ даже мыслитъ въ категоріи общества. Имморальность производитъ на человѣка даже большій эффектъ чѣмъ безобразіе, и онъ чувствуетъ потребность исправить и то, и другое. Но какъ исправить иммораліность, дѣйствуя на нее извнѣ? Вотъ здѣсь то и приходитъ на умъ идея наказанія какъ противодѣйствующаго средства. Такимъ образомъ стремленіе чтобы преступникъ былъ наказанъ объясняется невозможностью для человѣка оставаться бездѣятельнымъ и индифферентнымъ предъ преступленіемъ, и умъ человѣка въ этомъ случаѣ соблазняется симметріей пропорціональности между нравственнымъ и физическимъ зломъ, — такова психологическая подкладка идеи санкціи. Между человѣческимъ инстинктомъ самосохраненія и научной теоріей существуетъ, стало быть, антиномія. Какъ же разрѣшить ее? Гюйо говоритъ, что антиномія эта недолговѣчна, что она должна исчезнуть съ ростомъ культуры. Гюйо формулируетъ прежде всего общій законъ жизни, по которому всякое живое существо защищается противъ нападенія, и эта защита въ свою очередь является отражающимъ нападеніемъ, возвратнымъ ударомъ. Этотъ первоначальный инстинктъ имѣетъ своимъ источникомъ рефлективное движеніе — раздражимость живыхъ тканей; безъ этой рефлексіи и сама жизнь была бы невозможной. И у человѣка какъ бы находится натянутая пружина, готовая развернуться въ сторону того, кто ея касается. Этотъ въ началѣ механическій, безсознательный инстинктъ необходимъ для жизни индивида, и онъ съ теченіемъ времени не исчезаетъ, а разнообразится, такъ что самая жизнь является своего рода воздаяніемъ и непрерывнымъ отмщеніемъ тому, что препятствовало ея теченію. Исторія эволюціи человѣческихъ обществъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ видоизмѣнялось развитіе каратель-

ныхъ санкцій. Въ началѣ кара была сильнѣй, и защита даже превосходила нападеніе. Дальнѣйшее смягченіе карательной санкціи обусловливается закономъ экономіи силъ. Гюйо различаетъ три фазы развитія идеи кары. Первобытный человѣкъ въ этомъ случаѣ походилъ на животное, которое можно сравнить съ заведенной пружиной, вызывающей непропорціональное силѣ разряженіе. Въ послѣдующую фазу явилась попытка точно соразмѣрить рефлективное движеніе съ нападеніемъ. Далѣе человѣкъ увидѣлъ, что и въ видахъ личныхъ безполезно точно соразмѣрять наказаніе съ полученнымъ страданіемъ. По мнѣнію Гюйо, человѣкъ въ своей дальнѣйшей эволюціи все больше и больше будетъ стремиться къ этому. Единственное оправданіе наказанія заключается въ его дѣйствительномъ значеніи съ точки зрѣнія общественной защиты. Въ будущемъ исчезнетъ дуэль—это нелѣпое явленіе, исчезнетъ смертная казнь, тюрьма и остроги вѣроятно будутъ замѣнены ссылкой, являющейся самой правильной формой исключенія членовъ изъ общества, и идеаломъ карательнаго правосудія будетъ *максимумъ общественной защиты и минимумъ индивидуальнаго страданія.*

Вообще на будущее человѣческихъ отношеній Гюйо смотритъ весьма оптимистично. Упраздненіе соціальныхъ наградъ и соціальныхъ наказаній, въ ихъ настоящей формѣ, по его убѣжденію, повлечетъ за собою большую демократизацію человѣческихъ обществъ, такъ что съ теченіемъ времени исчезнетъ исключительная привязанность народа къ Цезарямъ и Наполеонамъ; въ грядущемъ постоянно будетъ возрастать желаніе облегчить положеніе страдающихъ, а не желаніе осыпать наградами тѣхъ, которые хорошо поступали; исчезнетъ вопросъ о значеніи личности, чтобы уступить мѣсто конкретному чувству сожалѣнія и филантропіи.

Прогрессивно растущая демократизація не только не заглушитъ индивидуализма, а, наоборотъ, все больше будетъ способствовать его расцвѣту и торжеству. Люди таланта и генія привыкнутъ искать одобренія въ своемъ собственномъ уваженіи. Оставленные въ тѣни они откроютъ дорогу себѣ и побуждаемые не похвалой и приманкой наградъ, а внутренней силой любви, откроютъ ее человѣчеству.

Если идея внѣшней санкціи съ научной точки зрѣнія не выдерживаетъ критики, то что же значатъ „внутреннія угрызенія совѣсти", какъ на нихъ смотрѣть, если мы преслѣдуемъ своею цѣлью наивысшую интенсивность и экстенсивность жизни? Нельзя ли ихъ считать искупленіемъ и таинственной связью между природой и волей?

Гюйо сводитъ угрызенія совѣсти къ простому сопротивленію наиболѣе глубокихъ наклонностей нашего существа, а чувственное удовлетвореніе къ чувству облегченія и удобства, которое мы испытываемъ, когда уступаемъ этимъ наклонностямъ. Гюйо вводитъ здѣсь разграниченіе, въ силу котораго одни изъ этихъ „угрызеній" являются пассивными признаніями опредѣленнаго факта и вслѣдствіе этого не имѣютъ нравственной цѣнности, другія же характеризуются энергическимъ усиліемъ выйти изъ тягостнаго положенія. Послѣдняго рода страданія Гюйо сравниваетъ съ горькими веществами въ медицинѣ,—они могутъ сдѣлаться могучимъ укрѣпителемъ. Страданіе можно уподобить протравѣ, къ которой прибѣгаютъ тогда, когда нужно вывести пятно. Нельзя только злоупотреблять этимъ средствомъ, и съ нравственной точки зрѣнія оно можетъ быть оправдано только въ томъ случаѣ, если бы его признавалъ самъ индивидъ, какъ средство дѣйствія; слѣдовательно, „угрызенія" совѣсти тѣмъ болѣе нравственны, чѣмъ менѣе они походятъ на санкцію.

Санкція играетъ роль предупредительнаго барьера, приносящаго свою долю пользы лишь тому, кто ступаетъ по заранѣе намѣченному пути; нужда въ этихъ санкціяхъ должна бы прекратиться съ прекращеніемъ жизни, но религіи смотрятъ на этотъ вопросъ иначе и, предписывая тѣ или другіе обряды, догмы и вѣрованія, онѣ призываютъ самыя страшныя санкціи на нарушителей. Гюйо кажется страннымъ, что многіе философы и метафизики до сихъ поръ еще представляютъ себѣ Божество какъ самую страшную силу, поражающую ужасными карами того, кто раздражаетъ его. Съ этой точки зрѣнія Гюйо подвергаетъ суровой критикѣ *санкцію культа*. Если Божество олицетворяетъ собою максимумъ силы, то оно должно назначать лишь минимумъ наказанія; чѣмъ большей силой располагаешь, тѣмъ меньше ее приходится расходовать, чтобы получить данный эффектъ. Въ этомъ случаѣ Божеству не приходится защищаться, слѣдовательно, не приходится и карать. По Божество слѣдовало бы представлять воплощеніемъ высшаго добра, и „небесный отецъ" хотя бы тѣмъ отличается отъ земныхъ отцовъ, что онъ не наказываетъ своихъ дѣтей. Съ того момента когда Божество спускается къ виновнымъ,— оно теряетъ въ своемъ величіи; вступая въ борьбу съ человѣкомъ, оно рискуетъ быть опрокинутымъ на землю. Если Божество представлять какъ всемогущество, то мы не можемъ оскорбить его, и оно не должно наказывать насъ; Божество перестаетъ быть абсолютомъ и Божествомъ, если мы путемъ оскорбленія можетъ оказать на

него какое-либо дѣйствіе. Божество не можетъ, не должно карать злыя по своей природѣ воли; осужденные болѣе нуждаются въ утѣшеніи неба, чѣмъ избранные. Осуждая какую-либо душу или, что то же, отторгая ее отъ истины, Божество само себя осуждаетъ, ограничивая свое могущество. Наказаніе возвращается на того, кто его накладываетъ.

Критика санкціи культа у Гюйо направлена противъ всѣхъ вообще религій, сыгравшихъ болѣе или менѣе выдающуюся роль въ историческомъ процессѣ. Христіанство даже при всемъ многообразіи историческихъ формъ своего выраженія тоже не свободно отъ упрека въ низведеніи Бога на степень простой силы, карающей преступниковъ вѣчнымъ адомъ. Въ исторіи этики идея вѣчнаго ада выдвигала на первый планъ мотивы страха передъ наказаніемъ и такимъ образомъ постоянно поддерживала мораль рабовъ, она тѣмъ самымъ парализовала нравственную энергію индивида. Впрочемъ еще въ періодъ начальной жизни христіанства идея вѣчности адскихъ мученій не находила себѣ сочувствія среди наиболѣе философски настроенныхъ христіанскихъ мыслителей (Оригенъ, Григорій Нисскій) и поэтому приходится только удивляться необыкновенной живучести ея. Но все-таки надо полагать, что постояннымъ прогрессомъ нравственныхъ мотивовъ въ правосознаніи современнаго человѣка этой идеѣ будетъ нанесенъ окончательный ударъ. Сейчасъ же мы можемъ только констатировать тотъ фактъ, что въ новѣйшемъ теченіи богословской мысли уже замѣчается тенденція отрѣшиться отъ традиціонной точки зрѣнія по вопросу о вѣчности ада [1].

Въ заключеніе Гюйо вноситъ поправки въ *санкцію любви и братства*, какъ она формулируется у новѣйшихъ моралистовъ. Вселенная представляется какъ огромное общество, въ которомъ всякій долгъ является долгомъ только къ опредѣленному лицу, такъ что любящій долженъ быть любимъ; кто творитъ вселенское благо,—тотъ имѣетъ идеальное право на содѣйствіе всѣхъ существъ, начиная съ монеры и кончая самымъ высшимъ организмомъ; кто причиняетъ зло, тотъ, наоборотъ, всюду встрѣчаетъ отказъ въ содѣйствіи, и этотъ отказъ является, такъ сказать, отрицательнымъ наказаніемъ; дѣлающій добро находится въ общеніи со вселенной, тогда какъ преступникъ долженъ чувствовать себя нравственно изолированнымъ. По мнѣнію Гюйо,

[1] См. *В. Несмѣловъ*. Наука о человѣкѣ, томъ второй. Метафизика жизни и христіанское откровеніе. Второе изданіе. Казань. 1907, стр. 415—431.

идея эта прежде всего не является санкціей формальнаго закона; все то, что въ ней было необходимаго и принудительнаго,—все это исчезло, она выводитъ насъ изъ царства законодательства и формальной справедливосси и вводитъ въ область братства. Это не есть идея распредѣлительной справедливости, подчеркиваетъ Гюйо, ибо идея точнаго распредѣленія, хотя бы даже моральнаго, не есть идея братства. Съ точки зрѣнія этого послѣдняго расточительный ребенокъ можетъ пользоваться большею благосклонностью, чѣмъ ребенокъ благоразумный. У меня двѣ руки, говоритъ Гюйо,—одну я подаю тѣмъ, съ которыми совершаю жизненный путь, другой я поднимаю падающихъ. Быть можетъ, этимъ послѣднимъ я долженъ бы протянуть обѣ руки.

Не дутый и безжизненный сентиментализмъ, не отвлеченное морализированіе, а все величіе нравственной силы мы усматриваемъ въ этихъ высокогуманныхъ словахъ представителя и выразителя идеаловъ высшей культуры, также какъ и въ знаменательномъ призывѣ величайшаго Учителя жизни: *придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные*... И только манія безмѣрнаго величія могла подсказать гордому Ницше его парадоксальный и безпощадно-жестокій афоризмъ— *падающаго подтолкни*. Но подлинное ученіе Христа нѣсколько иначе понимаетъ величіе и силу. По справедливому замѣчанію Вл. Соловьева, оно не возводитъ смиреніе въ безусловный идеалъ и окончательную цѣль и не поклоняется безобразію и насилію; оно признаетъ только силу, не отвлеченно взятую и призрачную, а дѣйствительно освобождающую своихъ поклонниковъ и своихъ носителей отъ власти смерти и тлѣнія. Христіанство вовсе не отрицаетъ силы и красоты, оно только не согласно успокоиться на силѣ умирающаго больного и на красотѣ разлагающагося трупа [1]).

Хотя и послѣдняя санкція любви и братства съ точки зрѣнія Гюйо встрѣчаетъ затрудненія, однако же она, по его мнѣнію, должна внести радикальныя измѣненія въ традиціонную идею санкціи, устранивши прежде всего кару, а потомъ и вопросъ о наградѣ, потому что компенсація чистой справедливости въ высшихъ братскихъ отношеніяхъ, не поддающихся точнымъ опредѣленіямъ, должна исчезнуть. Самые термины — награда и наказаніе — принадлежатъ не языку морали, а языку страстей.

Анализъ идеи санкціи приводитъ къ убѣжденію, что жизнь, соз-

[1]) *Вл. Соловьевъ*, Собраніе сочиненій, т. 7. М. 1903, стр. 11.

дающая изъ самой себя долгъ, также точно изъ своей способности къ дѣйствію создаетъ санкцію. Если жизнь больше себя проявляетъ—она больше наслаждается и наоборотъ. Не отвлеченная, стало быть, мысль, а сила жизни и дѣйствіе могутъ хотя бы отчасти разрѣшить величайшія проблемы мысли и жизни — таковъ послѣдній выводъ Гюйо, и онъ поэтому заканчиваетъ свою этику горячимъ призывомъ къ дѣйствію, къ работѣ, хотя бы для насъ и остался нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, идемъ ли мы одни, слѣдуетъ ли за нашимъ дѣйствіемъ міръ, увлечетъ ли когда нибудь наша мысль за собой природу. Трудъ—молитва, онъ—истинное провидѣніе человѣческое, которое, будучи заложено въ глубочайшихъ тайникахъ нашего существа, влечетъ насъ впередъ. „Мы", говоритъ Гюйо, и точно на Левіаѳанѣ, у котораго сорвало руль, и порывомъ вѣтра разбита мачта. Онъ затерялся въ океанѣ, подобно тому какъ наша земля блуждаетъ въ пространствѣ. Такъ шелъ онъ по волѣ случая, гонимый бурею, какъ оторванный челнокъ, уносящій людей; и все же онъ прибылъ. Быть можетъ, земля наша, быть можетъ, человѣчество тоже придутъ къ невѣдомой цѣли, которую они создадутъ сами себѣ. Никакая рука не ведетъ насъ; никакой глазъ не бодрствуетъ за насъ; руль уже сломанъ давно или вѣрнѣе его никогда и не было, его нужно сдѣлать: это—великая задача, и это наша задача" [1]).

Основа трагизма человѣческой жизни состоитъ въ томъ, что человѣкъ, будучи незначительной частичкой міра, стремится понять и построить свое поведеніе съ точки зрѣнія познанія всей космической жизни, хочетъ смотрѣть на себя подъ угломъ цѣлаго. Указать болѣе или менѣе цѣлесообразный путь для выхода изъ этого основного противорѣчія жизни — вотъ великая задача мыслителя. Но понять міръ, какъ цѣлое, человѣкъ никогда не будетъ въ состояніи уже потому одному, что онъ вѣдь часть этого міра, и съ точки зрѣнія объективнаго естественно-научнаго мышленія самый разумъ съ его культурой будетъ всегда представляться какимъ то непонятнымъ наростомъ на земной корѣ, плѣсенью, „дурачествомъ міровой стихіи", по выраженію Ницше. Стало быть, создавая ту или другую философему, мыслитель какъ бы заранѣе обреченъ на неудачу; такъ какъ ему непремѣнно придется идти на компромиссъ съ требованіями логики и, если онъ все-таки создаетъ свою систему, то онъ неизбѣжно подчиняется призыву другой половины своей личной жизни, настойчиво

---

[1]) *М. Гюйо*, Очеркъ морали, 376.

предлагающей то или иное міросозерцаніе и въ связи съ нимъ такіе или иные принципы поведенія для того, чтобы утвердить свое живое и царственное господство среди бездушной механики міра. Вотъ въ этомъ то фатальномъ разладѣ между вѣчнымъ интеллектуально-логическимъ банкротствомъ и сознаніемъ своего нравственнаго величія и заключается, какъ намъ кажется, трагизмъ человѣческой жизни. Констатировать этотъ разладъ значитъ указать на глубочайшую тему философіи. Но философія сама по себѣ не даетъ побѣды надъ указаннымъ противорѣчіемъ жизни. Завершительная роль въ смыслѣ достиженія побѣды въ данномъ случаѣ выпадаетъ на личность самого мыслителя. Индивидуально-нравственное сознаніе великаго мыслителя, находящееся въ постоянной борьбѣ съ этимъ противорѣчіемъ жизни, можетъ окончательно восторжествовать надъ нимъ, но можетъ и прійти къ рѣшительному моральному скептицизму и безсилію, объявивши это противорѣчіе неустранимымъ и этотъ трагизмъ непобѣдимымъ. На почвѣ послѣдняго рѣшенія этой капитальной проблемы философіи и создаются, какъ намъ кажется, пессимистическія системы. Шопенгауэръ создалъ свою великую систему пессимизма не потому только, что онъ былъ интеллектуально великъ, но и потому, что онъ не былъ великимъ морально. Будучи не въ состояніи преодолѣть пессимизмъ въ своемъ индивидуальномъ сознаніи, онъ объективировалъ его и объявилъ его міровымъ фактомъ, имѣющимъ свою глубочайшую основу въ самой структурѣ міра. Мы преклоняемся предъ Сократомъ и Спинозой не потому, что они были надѣлены необычайнымъ даромъ философскаго мышленія, а потому главнымъ образомъ, что ихъ личная жизнь была не только краснорѣчивымъ завершеніемъ ихъ великихъ системъ, но и фактическимъ торжествомъ ихъ пламенной вѣры и живой реализаціей ихъ геніальной умственно-творческой работы. Величіе великихъ мыслителей измѣряется не одною только грандіозностью созданныхъ имъ системъ міропониманія, но и ихъ личнымъ подвигомъ.

Съ этой точки зрѣнія жизнь и смерть Гюйо была великой и прекрасной. Его постоянно пожирала внутренняя болѣзнь, естественно располагающая личность къ пессимистическому міросозерцанію, но мощь его великаго ума осталась несокрушимой. Ради объективной правды жизни онъ всю жизнь боролся съ пессимизмомъ и никогда изъ-за пессимизма не приходилъ къ субъективному безсилію. Онъ полагалъ, что сама жизнь носитъ въ себѣ элементы разрушительные для пессимистическихъ теорій, такъ какъ одно и то же дѣлаетъ жизнь и возможной и желательной. Но раздѣляя идеи лич-

наго безсмертія, по крайней мѣрѣ въ той концепціи ея, какая была въ его время, Гюйо еще въ началѣ своего философскаго творчества написалъ по этому вопросу слѣдующія прекрасныя строки: „можно думать, что смерть есть шагъ впередъ, а не крутая остановка въ развитіи бытія, можно надѣяться не потерять съ ней будто при кораблекрушеніи всѣ собранныя духовныя богатства, а перейти грань смерти, побѣдоносно унося съ собой созданный въ себѣ міръ мыслей и великодушныхъ стремленій. Это вѣрованіе является такимъ источникомъ счастья, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать. Кто не раздѣляетъ всѣхъ эпикурейскихъ взглядовъ, вопреки всѣмъ доводамъ Эпикура, всегда склоненъ будетъ переносить по ту сторону смерти какое-то тайное ожиданіе. Кто безкорыстенъ или считаетъ себя такимъ, имѣетъ больше основанія полагаться на справедливость природы; „я" достаточно расширившееся, имѣетъ, кажется, право требовать нетлѣнности" [1]).

Надо полагать, что Гюйо съ выражаемой здѣсь вѣрой и спокойнымъ настроеніемъ встрѣтилъ и смерть. Столь краснорѣчиво развиваемая имъ въ „Стихахъ философа" идея вѣчнаго возвращенія говоритъ о томъ, что онъ умеръ съ бо́льшей вѣрой въ безсмертіе, чѣмъ столь прославляемый имъ Эпикуръ; стало быть, смерть и для него не была „крутой остановкой въ развитіи бытія", а поступательнымъ ходомъ эволюціи и послѣднимъ его торжествомъ надъ слѣпыми законами природы. Надо надѣяться, что его добрая воля, достойная безсмертія, не погибла въ стихійномъ процессѣ той безграничной природы, которая подвержена смерти и тлѣнію, а перешла въ ту новую сферу бытія и жизни, которая создана ею, и которая у различныхъ мыслителей носитъ различныя названія: „всемірная гармонія" (Достоевскій), „mundus intelligibelis" (Кантъ), „Новый Іерусалимъ" (Іоаннъ). Міровая эволюція выражается не въ механическомъ однообразіи, а въ непрерывной динамически прогрессирующей смѣнѣ формъ бытія и жизни. Самъ Гюйо подъ конецъ жизни какъ будто пришелъ именно къ такому пониманію законовъ эволюціи, и надпись на его могильной плитѣ, кажется, совершенно вѣрно выражаетъ его точку зрѣнія и его послѣднее настроеніе: „высшія стремленія наши болѣе всѣхъ другихъ, повидимому, безполезны, но ихъ можно сравнить съ волнами, которымъ удалось добѣжать до насъ и которыя могутъ поэтому бѣжать и дальше. Я увѣренъ, что лучшее, что я имѣю, переживетъ меня. Нѣтъ, быть можетъ,

---

[1]) *М. Гюйо*, Мораль Эпикура.

ни одна мечта моя не пропадетъ безслѣдно: другіе подхватятъ ихъ, будутъ лелѣять ихъ вслѣдъ за мною, и наступитъ время, когда онѣ осуществятся. Благодаря волнамъ, вновь и вновь замирающимъ, море можетъ выравнивать себѣ берегъ и необъятное ложе, въ которомъ оно движется".

Н. Оренбургскій.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХЪ *).

***Клавдія Лукашевичъ.* 1) Азбука — „Сѣятель“ и первое чтеніе для семьи и школы. С.-Пб. 1907 г. Стр. 96. Цѣна 25 к. 2) „Сѣятель“. Первая послѣ азбуки книга для чтенія въ школѣ и въ семьѣ. Съ приложеніемъ церковно-славянскаго чтенія, хоровыхъ пѣсенъ и игръ. С.-Пб. 1907 г. Стр. 190. Цѣна 35 к. 3) „Сѣятель“. Второй годъ обученія въ школѣ и семьѣ. Съ приложеніемъ церковно-славянскаго чтенія, хоровыхъ пѣсенъ, рисунковъ для копированія. С.-Пб. 1907 г. Стр. 270. Цѣна 40 к. (Всѣ— изданія училищнаго совѣта при Св. Синодѣ).

Книги изданы, можно сказать, роскошно. Читательный матеріалъ обиленъ. Много рисунковъ.

Относительно книгъ для первоначальнаго чтенія въ школѣ извѣстные педагоги наши (Ушинскій) и заграничные (Дисторвегъ) требовали прежде всего, чтобы, во 1-хъ, статьи въ нихъ припоровлены были къ возрасту, для коего книга предназначается; во 2-хъ, чтобы въ нихъ не было статей отвлеченнаго характера: самыя глубокія истины, говорили они, должны быть изложены *наглядно* и являться юному читателю, безъ помощи рисунка, въ видѣ красивой, привлекательной и понятной *картинки*. Въ 3-хъ, совѣтовали выбирать изъ подходящихъ дѣтскому пониманію литературныхъ статей не многія, но самыя лучшія, образцовыя и по содержанію, и особенно по языку. Въ нихъ родная природа, бытъ, исторія и географія должны занимать преобладающее мѣсто. Въ этомъ случаѣ составитель книги долженъ поступать такъ, какъ земледѣлецъ, который для посѣва отби-

*) Отзывы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованія, а также и по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

раетъ самое лучшее зерно, *тщательно его просѣивая и очищая.* Въ 4-хъ, педагоги совѣтовали: „Давайте на первыхъ порахъ немного, но самое лучшее (das beste)“. Такіе совѣты нельзя не признать разумными и обязательными для каждаго составителя учебной дѣтской хрестоматіи, тѣмъ болѣе для г-жи Лукашевичъ, которая назвала свою книгу „*Сѣятель*“ и, подобно ему, обязана была просѣвать сквозь частое сито выбираемыя статьи — зерна для сѣянія на школьной нивѣ. Составительница же „Сѣятеля“, повидимому, или не знаетъ или не признаетъ полезнымъ слѣдовать сказаннымъ совѣтамъ.

Въ своихъ „Методическихъ указаніяхъ учителямъ“ г-жа Лукашевичъ пишетъ: „Въ текстѣ Азбуки мы старались какъ можно больше помѣстить народныхъ пословицъ и загадокъ съ ихъ яркимъ языкомъ и понятнымъ каждому ребенку смысломъ“. (Азбука, стр. 95).

Относительно состава „Первой книги послѣ Азбуки“ авторъ говоритъ: „Матеріалъ, расположенный въ первой книгѣ, мы старались разнообразить сказками, загадками, пословицами“... „Описательныя статьи и разсужденія [даже въ видѣ небольшихъ совѣтовъ (?) какъ это (?) нами изложено] менѣе всего доступны дѣтскому пониманію перваго возраста и скучны ученикамъ... Но исключать ихъ изъ первой книги для чтенія, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ“... (Методич. указ. къ 1-й книгѣ, стр. 187—188).

Относительно состава второй книги „Сѣятель“ — второй годъ обученія, „Методическія указанія“ для учителей изложены сбивчиво, цѣли же, которыхъ долженъ, занимаясь по этой книгѣ, достигать учитель, слишкомъ высоки и непосильны. „Для второй книги „Сѣятеля“ нами выбраны статьи сложнѣе по содержанію и не мало научныхъ статей въ легкомъ переложеніи, которыя пробуждаютъ въ ребенкѣ интересъ къ научнымъ знаніямъ“. „Вся вторая книга „Сѣятеля“ раздѣлена нами на отдѣлы“. „Мы предлагаемъ учителю послѣ прохожденія каждаго отдѣла (отдѣловъ XV и всѣ безъ заглавія) въ легкой и доступной формѣ вести съ учениками обозрѣніе каждаго отдѣла. Это вызываетъ самодѣятельность, пробуждаетъ интересъ и учитъ критически относиться къ знаніямъ“. Тутъ же дается программа обзора отдѣловъ. „Обозрѣніе отдѣла 1-го: какое заглавіе можно дать отдѣлу 1-му? О чемъ говорится въ первомъ отдѣлѣ? Для чего живутъ люди? Какъ люди должны относиться другъ къ другу? Въ чемъ выражается любовь къ Богу и къ людямъ? Какого человѣка можно назвать счастливымъ? Какой разсказъ кому больше понравился, и почему“... (Метод. указ. къ 2-й кн., стр. 267 — 268).

Для характеристики состава книги „Сѣятель“ заслуживають вниманія слѣдующія строки въ методическихъ указаніяхъ: „составляя первую книгу для чтенія маленькихъ учениковъ и ученицъ изъ классическихъ образцовъ лучшихъ русскихъ писателей, намъ пришлось прибѣгнуть къ передѣлкамъ и сокращеніямъ“ (Метод. указ. къ 1-й кн., стр. 188). Мимоходомъ я замѣчу: говоря о „передѣлкѣ своей классическихъ образцовъ“, этомъ своего рода святотатствѣ, г-жа Лукашевичъ сама грѣшитъ противъ русской грамматики: „составляя книгу, намъ пришлось“...

Въ приведенныхъ выпискахъ изъ „Методическихъ указаній“ составительница собственною рукою обрисовала въ общихъ чертахъ *составъ своихъ трехъ книгъ*, и мы ясно видимъ, что въ нихъ вошли, во-первыхъ, статьи „менѣе всего доступныя дѣтскому пониманію перваго возраста“, какъ говоритъ г-жа Лукашевичъ; во-вторыхъ, „вошли разсужденія, загадки, пословицы“, и не мало научныхъ статей; въ третьихъ, „въ текстѣ азбуки... какъ можно больше... народныхъ пословицъ и загадокъ“... Такимъ образомъ, отвлеченное начало въ Азбукѣ даже является преобладающимъ надъ остальными статьями, а выраженіе: „какъ можно больше пословицъ“ даетъ право уже предполагать, что количество статей, недоступныхъ для перваго возраста учащихся, превышаетъ мѣру, на качество же не обращено должнаго вниманія, ибо сказано: „какъ можно больше“. Для дѣла же, то-есть для книги и пользы дѣтей, было бы желательно, чтобы статей было, по словамъ Дистервега, не какъ можно больше, а хотя немного, но какъ можно лучшихъ.

Среди существующихъ книгъ для чтенія нѣтъ ни одной, въ которой бы не нашлось хотя нѣсколькихъ статей изъ русской исторіи. Патріотическое начало признавалось всегда, а въ настоящее время тѣмъ болѣе, какъ необходимое и обязательное при школьномъ обученіи. Въ книгахъ „Сѣятель“ нѣтъ совсѣмъ разсказовъ изъ отечественной исторіи, этого, — по выраженію Карамзина, — источника и наставника просвѣщеннаго патріотизма.

Такимъ образомъ, при составленіи книгъ „Сѣятель“, вышесказанные совѣты педагоговъ *не соблюдены*.

Въ этомъ еще болѣе убѣдимся при ближайшемъ разсмотрѣніи книгъ, къ чему и переходимъ.

Въ числѣ статей, содержащихся въ „Сѣятелѣ“, много перепечатокъ изъ существующихъ книгъ для начальнаго чтенія, не мало изъ книги: „Свѣтлый Лучъ“ (Хрестоматія для семьи и школы. Изданіе

Сытина 1906 г. Составила Клавдія Лукашевичъ]. Образцовыхъ произведеній мало, сравнительно съ малоизвѣстными и вовсе неизвѣстными писателями, какъ, напримѣръ: Гриневская, Петерсонъ, Бѣлоусовъ, Оксенова, Арцыбашевъ и др. Особенно же много статей, принадлежащихъ перу самой составительницы, съ подписью и безъ подписи ея имени, — статей въ видѣ изреченій, загадокъ, пословицъ, пѣсенъ, совѣтовъ, разсужденій, нравоучительныхъ разсказовъ.

Первое впечатлѣніе, производимое книгами „Сѣятель", — это ихъ объемъ. Въ книгахъ 556 страницъ и почти столько же разнаго рода статей, и всѣ онѣ назначены для чтенія въ начальной школѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ, точнѣе—зимъ. При этомъ также бросается въ глаза, что въ азбукѣ и двухъ книгахъ обиліе статей, одинаковыхъ по трудности пониманія. Въ азбукѣ читаемъ: „Молись и вѣруй", „Молись и трудись" (стр. 18), и 1-я книга начинается статьею: „Молись дитя" (стр. 2), а во 2-й книгѣ: „Молись, дитя, за всѣхъ" (стр. 1). Далѣе, много статей на одну и ту же тему. Напримѣръ, стихотвореніе „*Казачья колыбельная пѣсня*" помѣщено (подъ различными заглавіями: „Колыбельная пѣсенка" и „Казачья колыбельная пѣсня", и въ неодинаковомъ объемѣ) въ 1-й послѣ азбуки книгѣ (стр. 15) и то же стихотвореніе во 2-й (стр. 29 — 30), „Троицынъ день" — въ 1-й книгѣ (стр. 88) и два „Троицына дня" — во 2-й. На 163 „Троицынъ день" стихотвореніе; на стр. 164 „Троицынъ день въ русской деревнѣ". „Сѣнокосъ" — въ первой (стр. 109 — стихотвореніе Майкова,) и во второй (стр. 178 стихотвореніе Аксакова). Найдемъ по нѣскольку „Зимъ", „Веснъ", „Лѣтъ", „Осеней", „Матерей", „Сиротокъ", „Школъ", „Молитвъ" и проч.

На тему „Мать" — слѣдующія: „Мать" (1-я кн., стр. 3), „Мать и дѣти" (стр. 7), „Собака-мать", съ подписью: К. Лукашевичъ (стр. 10); „Обезьяна-мать", изъ Вахтерова (стр. 14); „Мать съ больнымъ ребенкомъ" (2-я кн., стр. 18); „Мать-лошадь" (стр. 68).

„Сиротокъ" — восемь: „Сиротка Катя" (1-я кн., стр. 8), „Сиротка Ваня" (стр. 19), „Сиротка" Петерсона (стр. 20), „Сиротка Гриша" — Грекова (стр. 35). Во 2-й книгѣ опять „Сиротка" — Петерсона (стр. 7). Эта статья въ 1-й книгѣ была напечатана прозой, а здѣсь стихами. „Сиротка Даша" (стр. 31), „Сиротка" — Львова (стр. 31).

Статей — „Школъ" такъ много, что это заглавіе склоняется во всѣхъ падежахъ: „Школа"—К. Лукашевичъ (1-я кн., стр. 25), „Въ школу" (стр. 27), „Въ школѣ" прозаическая статья (стр. 30), еще

„Въ школѣ“ стихотвореніе (стр. 31), „Школа“ — изъ книги Зюковой (2-я кн., стр. 37), „Школьники собираются въ школу“ (стр. 35), „Школа и поле“ (стр. 35), „Полдень въ школѣ“ (стр. 39), „Къ свѣту (изъ школьной жизни)“ (стр. 18), письмо школьника о школѣ, К. Лукашевичъ (стр. 48), „Въ школу“ (стр. 87), „Планъ класса (изъ школьной жизни)“ (стр. 40).

Много въ книгахъ „Молитвъ“ и статей на религіозно-нравственныя темы, въ видѣ стихотвореній, изреченій, пословицъ, вопросовъ, совѣтовъ, разсказовъ церковно-историческихъ, житій, даже сказокъ. Нельзя не замѣтить, что составительница злоупотребляетъ религіознымъ и нравоучительнымъ началомъ въ своихъ книгахъ и къ священнымъ и высокимъ предметамъ относится безъ того вниманія, какое имъ подобаетъ. Въ 1-й и 2-й книгѣ, особенно же въ Азбукѣ, священныя лица, предметы, изреченія перемѣшаны съ обыденными, низменными, да и весь составъ читательнаго матеріала расположенъ въ „Свѣтелѣ“ безпорядочно, представляя собою огромную груду, въ которой трудно разобраться. Въ Азбукѣ, гдѣ есть такія глупенькія вещи: „Кошка Машка, тамъ кашка“ (стр. 4), „У Тита икота“ (стр. 5) и тому подобныя, — ребенокъ будетъ читать: „Молись и вѣруй“, (стр. 18). Такія изреченія помѣщены за столбцомъ словъ на букву *Ь*, гдѣ есть моль, соленье. Послѣ словъ и фразъ на букву *Б* съ рисункомъ и подписью *Быкъ* предложены: „Богъ милостивъ“, „Богатъ Богъ милостью“. Слѣдующая же за симъ фраза: „Смотри, какой быкъ сердитый“ и тутъ же загадка: „Кто родится съ бородой“? За нею опять: „Богъ видитъ, кто кого обидитъ“. „*Богъ* виноватаго найдетъ“ (стр. 20). На букву *Х*: стр. 26 подъ рисункомъ *Хомутъ* слова: *кухня, сваха, халатъ съ прорѣхой*, и—„*Христосъ* Спаситель Господь нашъ“ (стр. 27). На букву *Ю*, съ рисункомъ *Юла*, за словами *утюги, рюмка*: „Я люблю молиться Богу“, а слѣдующая фраза: „Юноша, спой русскую пѣсню“ (стр. 30 — 31). Здѣсь же на букву *Ю* статья „Юродивый“ съ рисункомъ старика безъ шапки, со всклокоченными волосами, въ рубищѣ и съ палкой. Дѣтямъ — азбучникамъ едва ли понятно самое слово юродивый. Такого они вѣроятно не видали и даже о немъ не слыхивали. Придется учителю пускаться въ объясненіе. Да и что онъ имъ сказать можетъ? Изъ содержанія этой статьи можно заключить, что юродивые въ деревняхъ теперь самое обыкновенное явленіе, какъ нищіе. Вотъ вся статья: „По селу ходилъ старикъ юродивый. Дѣти дразнили его (?). Вася-пастухъ любилъ старика и давалъ ему хлѣба. Юродивый молился Богу за Васю“. Откуда явился юродивый? Зачѣмъ

ходилъ по селу? Почему дѣти дразнили, а Вася пастухъ его кормилъ?.. Очевидно, слово „юродивый“ понадобилось, во-первыхъ, потому, что оно, какъ и Юла, начинается съ буквы *Ю*; а во-вторыхъ, какъ предметъ удобный для нравоученія. Но при этомъ забыто, что въ наше время по селамъ юродивые не ходятъ, ихъ дѣти не дразнятъ, какъ это было при Борисѣ Годуновѣ, судя по сценѣ въ трагедіи Пушкина. Неужели идею своей статьи составительница заимствовала изъ драмы Пушкина и, ничтоже сумняся, передѣлала для своихъ цѣлей классическое произведеніе! Что составительница, прибѣгала къ такимъ передѣлкамъ, объ этомъ она говоритъ въ „Методическихъ указаніяхъ“, и я объ этомъ выше упоминалъ... Сцена XVI вѣка изъ Московскаго кремля перенесена въ современное село. Тогда мальчишки дразнили юродиваго, и теперь то же дѣлается, хотя юродивыхъ и не существуетъ. Тогда царь Борисъ подавалъ милостыню юродивому и просилъ молиться, а теперь — пастухъ Вася. За царя-Ирода юродивый не хотѣлъ, а теперь за Васю молился и попалъ въ Азбуку.

Подъ рисункомъ на букву *ж*—ложка; изреченіе: „Жить Богу служить“ (стр. 33). На букву *і* съ точкой рисунокъ—піявка, а первое слово Іисусъ.

Статья „Благословеніе Іисусомъ Христомъ дѣтей“, съ рисункомъ на Евангельскій разсказъ, очутилась, съ одной стороны, между изреченіемъ „Чужая душа, что дремучій боръ“, а съ другой — между пѣсней: „Ахъ, ты ночка—ноченька“ (стр. 39).

Въ книгахъ послѣ Азбуки статей религіозно-нравственныхъ также не мало. Въ первой книгѣ: „Молитва“ К. Лукашевичъ (стр. 1), „Молись, дитя“ — стихотвореніе Никитина (стр. 2), „Люби, молись, жалѣй“ — стихотвореніе Гриневской (стр. 23), „Трудъ и молитва“ (стр. 34), „Молитесь всѣ“ — стихотвореніе Берга (стр. 50). Во 2-й книгѣ: „Молись дитя за всѣхъ“ (стр. 1). „Молитва“ К. Г. (стр. 6), „Молитва матери“ (стр. 21), „Молитва о матери“ (стр. 22). Молитвы сопровождаются религіозно-нравственными изреченіями, которыя, какъ это ни странно, названы пословицами; напримѣръ, въ 1-й книгѣ послѣ стихотворенія „Молись, дитя“ quasi—пословица: „Что бы ни пришло, всё молись“ (1 кн., стр. 2). Та же пословица повторена въ другой книгѣ послѣ стихотворенія „Молитва“ (стр. 6).

Настоящій балластъ книги „Сѣятель“ это статьи отвлеченнаго содержанія, въ видѣ изреченій, пословицъ, писемъ, стихотвореній (напримѣръ, „Спасибо наукѣ“ стр. 49, 2-я кн.), совѣтовъ, которые какъ

я упоминалъ, составительница называетъ разсужденіями, и сама признается, что онѣ „менѣе всего доступны дѣтскому пониманію перваго возраста и скучны ученикамъ" (Метод. указ. къ 1-й кн., стр. 187). Слѣдовательно помѣстила въ книгу свою многое даже противъ убѣжденія. Сюда принадлежатъ разсужденія о пользѣ наукъ, горькости ученія, значеніи книгъ, вредѣ богатства, пользѣ бѣдности и проч.

Въ „Письмѣ" своемъ отъ лица учителя къ ученику г-жа Лукашевичъ пишетъ: „Милый другъ Андрей! (ребенокъ 10-ти лѣтъ). Читай и перечитывай, какъ можно чаще величайшую изъ книгъ— Св. Евангеліе. На ея святыхъ страницахъ начертаны весь смыслъ и цѣль, и назначеніе жизни человѣка" (2-я кн., стр. 48).

На стр. 55 первой книги послѣ азбуки стихотвореніе „Св. Евангеліе", прекрасное, но не для ребенка, только что прошедшаго „азы". Въ стихотвореніи такія размышленія и пожеланія:

„Эти глаголы чудесные,
Какъ отголоски небесные
Въ грустной *юдоли земной*,
Пусть въ ваше сердце вливаются,
И небеса сочетаются
Съ чистою вашей душой".

По поводу этого стихотворенія слѣдуютъ за нимъ неожиданно вопросы: „Какая самая *великая* книга на свѣтѣ? Чему учитъ св. Евангеліе? О чемъ говорится въ Св. Евангеліи? Кто написалъ Св. Евангеліе?",—отвѣты на которые нельзя почерпнуть въ стихотвореніи. Послѣ вопросовъ напечатаны „Добрые совѣты": „Милый другъ, люби и дорожи книгами. *Книги—плодъ ума человѣческаго*" (стр. 56). Отсюда въ головахъ учащихся можетъ возникнуть прямой выводъ уже еретическій: *Св. Евангеліе—плодъ ума человѣческаго.*

На стр. 64-й вопросы: „Какъ должны люди *исповѣдываться*? Какъ должны люди пріобщаться?" (1-я кн.).

Пословицъ въ „Сѣятелѣ", загадокъ безъ всякаго разбора—видимо-невидимо. Большинство ихъ также должно отнести къ отвлеченностямъ, для учащихся перваго возраста неперевваримымъ. Несомнѣнно, среди народныхъ пословицъ и загадокъ найдутся, хотя и немного, подходящія и къ первому школьному возрасту. Народныя пословицы—это, по выраженію собирателя ихъ Снегирева, „перлы мысли въ драгоцѣнной словесной оправѣ". Народныя загадки, по словамъ Максимова, „развиваютъ въ дѣтяхъ смекалку". Тредьяковскій говорилъ: „Въ посло-

вицахъ фигура—гомеателевтонъ (мѣрное созвучіе) играетъ, какъ натуральная музыка". Но здѣсь необходимъ строгій выборъ. Въ „Сѣятель" же попало много такихъ, что не отыщешь въ самыхъ полныхъ сборникахъ пословицъ и загадокъ. За народныя „пословицы" здѣсь пошли разнаго рода нравоучительныя изреченія, неизвѣстно чьи, такъ сказать, лжепословицы, лжезагадки, ничего общаго не имѣющія съ истинными „перлами народной мудрости". Пословицы и загадки обыкновенно слѣдуютъ за статьями, но къ содержанію ихъ часто не имѣютъ никакого отношенія. Госпожа Лукашевичъ пишетъ: „мы старались какъ можно больше помѣстить русскихъ народныхъ пословицъ и загадокъ съ ихъ яркимъ языкомъ и понятнымъ каждому ребенку смысломъ". (стр. 95, Азбука). Но какой же яркій языкъ въ слѣдующихъ пословицахъ: „Будь, что будетъ, а на своемъ поставлю" (Азб., стр. 65); „Не хлѣбомъ люди живы, а молитвою" (2-я кн., стр. 2); „На Бога положишься—не обложишься" (стр. 181); „Разумъ душѣ во спасенье, Богу во славу" (стр. 37); „Не столько роса съ неба, сколько потъ съ лица" (стр. 52); „Изъ малаго выходитъ великое" (стр. 58); „Бѣлый свѣтъ на волю данъ" (стр. 142) и т. д. „Отъ трудовъ сытъ будешь, а богатъ не будешь"—такой пословицы нѣтъ; это ложнословица, ибо представляетъ извращеніе дѣйствительно существующей народной: „Отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ". Въ этой пословицѣ есть всѣ черты характерныя народнаго происхожденія—остроуміе, издѣвка, наглядность, яркость языка и благозвучіе. Въ приведенной же въ книгѣ пословицѣ, кромѣ топорнаго языка, слышатся безнадежность для трудящагося человѣка—„богатъ отъ трудовъ не будешь",—и ложная мысль: сколько же есть людей, трудомъ разбогатѣвшихъ? Припомнимъ слова поэта: „Счастье отъ Бога, богатство отъ рукъ человѣка".—На 48 стр. пословица „На себя поступись, а друга побереги". Такая же на стр. 63-й: „Бѣдность учитъ, а богатство портитъ (?)" (стр. 63); „Изъ малаго выходитъ великое" (кн. 2-я, стр. 58); „догадка лучше разума" (стр. 167); послѣ басни „Слонъ и Моська" — „Всякій мастеръ самъ себѣ дивится" (2 кн., стр. 72); подъ статьей „Волга" пословица „Огню да водѣ Богъ волю далъ" (стр. 206); послѣ стихотворенія „Тоска по родинѣ" пословица „За моремъ теплѣе, а у насъ свѣтлѣе" (?) (стр. 208)—патріотично, а несправедливо. Подъ басней „Соловей и Чижъ" пословица „Въ смирномъ платьѣ, да не съ такой душой" (кн. 2, стр. 139). Всѣхъ подобныхъ лжепословицъ не перечтешь въ „Сѣятелѣ". О такихъ лжепословицахъ самъ народъ отозвался особою пословицей: „Глупая рѣчь

не пословица, что ни къ селу, ни къ городу молвится" (См. Сборникъ пословицъ).

То же должно сказать о множествѣ загадокъ. Есть загадки, гдѣ иносказаніе (аллегорія) прозрачное и легко разгадываемаго смысла. Въ „Сѣятелѣ" немало загадокъ, коихъ ни одному мудрецу не разгадать. Въ Азбукѣ: „Что выше лѣсу, что краше свѣта бѣлаго?" (стр. 70). „На ямкѣ сто ямъ съ ямкой" (стр. 24). Въ 1-й книгѣ, послѣ стихотворенія „Жаворонокъ" загадка: „Не грѣшна, а повѣшена" (стр. 96). Загадка: „Шелъ я лѣсомъ и нашелъ дерево: изъ этого дерева выходятъ четыре дѣла: слѣпому—посвѣченіе, нагому—потѣшеніе, слабому — поможеніе, — хворому — полегченіе" (стр. 94). Послѣ стихотворенія „Пѣсня птички" загадка: „Что можно поднять, а черезъ голову перекинуть нельзя?" (2 кн., стр. 145). На стр. 126 послѣ статьи „Зимнія занятія крестьянина вечеромъ" семь загадокъ, и вотъ одна: „Съ ногами—безъ рукъ, съ боками—безъ реберъ, съ сидѣньемъ—безъ живота, со спиной—безъ головы"...

Отгадокъ въ книгахъ я не нашелъ. Въ первой книгѣ подъ статьей „Дочь—работница" загадка: „Чѣмъ больше я верчусь, тѣмъ больше я толстѣю" (стр. 132). Несомнѣнно здѣсь разумѣется веретено пряхи. Между тѣмъ въ статьѣ о пряжѣ нѣтъ и помину. Вѣроятно, составительница, по ея словамъ, старавшаяся какъ можно больше набрать загадокъ, помѣщала ихъ безъ разбора, что попадется подъ руку. Съ другой стороны, по ея же словамъ, она „прибѣгала къ передѣлкамъ классическихъ писателей": измѣняла, сокращала, обрѣзывала. И вотъ, какъ слѣдствіе такихъ пріемовъ, вышло недоразумѣніе: г-жа Лукашевичъ перепечатала изъ чужой книги стихотвореніе „Изба" Огарева, но его передѣлала, сократила, хотя оно само по себѣ очень коротко. Въ стихотвореніи описана зимняя ночь: семья спитъ; въ избѣ дочь молодая прядетъ. Конецъ стихотворенія такой:

„Лишь звучитъ докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретона".

Въ передѣланномъ стихотвореніи подлежащее *дочь* оставлено, а сказуемое—что она *дѣлаетъ*—опущено, ибо конецъ „съ прялкою" отрѣзанъ; заглавіе дано другое, свое, не „Изба", а „Дочь—работница". Стихотвореніе напечатано прозой. Загадка же, бывшая подъ стихореніемъ въ книгѣ для чтенія, откуда оно взято и передѣлано,—загадка о веретенѣ сохранена. Вмѣстѣ съ выброшенной прялкой исчезъ всякій

смыслъ статьи и загадки. Послѣ загадки о веретенѣ подъ той же статьей—другая, которая помѣщена уже была въ азбукѣ: „На одной ямкѣ сто ямъ съ ямой“, не имѣющая уже никакого касательства къ стихотворенію, ни въ его неприкосновенности, ни въ передѣлкѣ.

За множествомъ подобныхъ загадокъ, ихъ не указываю.

Въ „Сѣятелѣ“ есть разсказы на разныя нравоучительныя темы и церковно-историческаго содержанія. Нѣкоторые изъ нихъ съ подписью К. Лукашевичъ, другіе безъ подписи и вѣроятно ей же принадлежатъ.

Двѣ статьи „Братская любовь“ (стр. 10, кн. 2-я) и „Два брата“ (стр. 25) на одну тему и съ одинаковою цѣлью дать примѣръ самоотверженной любви. Въ первой дѣйствіе происходитъ въ монастырѣ, во второй дѣйствующія лица—два крестьянина.

Настоятелю монастыря Св. Макарію пустынникъ принесъ кисть винограду. Настоятель по братолюбію отнесъ ее одному больному иноку. Больной переслалъ кисть другому брату; этотъ — третьему, такъ что кисть, переходивъ всѣ кельи, опять возвратилась къ настоятелю. Куда дѣвалась кисть? Настоятель увидѣлъ въ этомъ любовь къ воздержанію.

Каждый, даже юный читатель, здѣсь не усмотритъ доказательства особенной братской любви. Одна кисть винограду не драгоцѣнность, чтобы видѣть въ отказѣ отъ нея со стороны иноковъ самоотверженіе въ пользу ближняго.

Два брата-крестьянина осенью раздѣлили между собою поровну зерна (?). Много ли, мало ли было зерна—неизвѣстно. Старшій, бездѣтный, ночью подумалъ: „хорошо ли мы хлѣбъ подѣлили—у брата семья большая... Пойду и *подложу* ему своихъ зеренъ“ (куда? сколько?). Такъ и сдѣлалъ. Младшій, семейный, также не спалъ и мучился мыслью, такъ ли раздѣлили, и тоже прибавилъ сѣмянъ старшему. Нѣсколько ночей продолжалось это подкладываніе и *перекладываніе* зеренъ (гдѣ?), пока другъ друга на мѣстѣ не застали.

Статья замѣчательна по бестолковости изложенія. Хоть бы указать количество перекладываемаго зерна для правильной оцѣнки братской любви!

Къ нравоучительнымъ статьямъ, кромѣ указанныхъ двухъ, принадлежатъ: „Доля“ (стр. 26), „Грибы“ (стр. 97), „Три елки“ (стр. 234—239).

Въ разсказѣ „Доля“ трудно найти смыслъ, какъ можно судить по началу: Изъ двухъ братьевъ одинъ, неудачный, задумалъ пойти

искать свою долю. „Видитъ въ полѣ лежитъ его доля, прохлаждается. Сталъ онъ ее плетью бить, а самъ приговариваетъ"... (стр. 26). Что это такое? Рядомъ съ извѣстнымъ разсказомъ Тургенева „Муму", сокращеннымъ до того, что сущность его исчезла, „Три елки" съ подписью К. Лукашевичъ, довольно длинный, не то сказка, не то притча на тему: гордость наказывается. Въ лѣсу росли три елки: старая ель и двѣ дочери. Ель гордилась красотой старшей дочери, которая любила наряжаться; младшая ёлочка была одѣта бѣдно. (?) Старшая, нарядная, была недовольна своею судьбою.—„Какъ скучно, какъ противно подростать въ этомъ темномъ лѣсу... О, нѣтъ! я рождена не для такой скромной доли... Во мнѣ бьется слишкомъ гордое сердце"... Зимой утромъ въ лѣсу показалась лошадка, запряженная „въ простыя салазки"; пріѣхалъ мужикъ съ сыномъ Миколой. Старую ель-мать, здоровенное дерево, срубили. Съ ужасомъ смотрѣли молодыя елки на мать свою.—„Не горюйте, шептала мать,—я очень счастлива: я принесу большую пользу и долго проживу еще на свѣтѣ на радость людямъ". Надо замѣтить, что такія умильныя рѣчи говоритъ уже *срубленная* мать-ель.—Мужикъ привязалъ здоровенное дерево-ель къ салазкамъ (?) и велѣлъ вести сыну домой. „Спесивая дочь часто съ негодованіемъ повторяла: какая ужасная горькая судьба *матери: ее срубили для избы* мужика!..."

Къ празднику Рождества тотъ же мужикъ съ сыномъ въ тотъ же лѣсъ пріѣхалъ рубить молодыя елки на продажу. Микола похвалилъ спесивую елку: „вотъ ражая елочка!"—Ага, подумала она,—мужикъ, а *вкусъ недуренъ*... Ее срубили, повезли.

— Прощай, шептала она (срубленная) своей сестрѣ. Я займу теперь такое мѣсто, которое прилично *моей красотѣ*...

— Счастливаго пути. Желаю тебѣ не разочароваться,—говоритъ скромная еще молоденькая елочка.

Спесивая елка продана была барину, очутилась въ залѣ, увѣшанная подарками. А на утро съ елки сняли нарядъ и лакей потащилъ ее вонъ изъ зала.

— Что ты, что ты, мнѣ и здѣсь хорошо,—кричала она. Дѣти: заступитесь!

Но жалобъ ея никто не слыхалъ. Лакей вытащилъ и бросилъ на чердакъ надъ дворницкой (?).

Судьба младшей, скромной елочки была вотъ какая: тотъ же мужикъ весною пришелъ къ ней съ посудиной, сдѣлалъ въ стволѣ отверстіе, вставилъ желобочекъ (куда?) и опустилъ его въ посудину...

— „Бери, бери,—твердила елка и щедро выпускала изъ себя густую смолу... Какъ она была счастлива! Ей удалось принести давно желанную пользу людямъ.

Все въ этомъ разсказѣ искусственно, вымучено, слащаво и фальшиво! Всякій ученикъ, какъ бы ни былъ малъ, особенно деревенскій ребенокъ, пойметъ всю несообразность, допущенную въ разсказѣ. На *салазкахъ* катаются и возятъ мальчики жучку, а здоровенное дерево не повезешь. *Срубленное дерево* не можетъ говорить, что *оно счастливо* и долго проживетъ, какъ это слышимъ отъ ели-матери. Не можетъ считать себя счастливой младшая ея дочь, изъ которой мужикъ *выпустилъ соки*. Деревенскія дѣти знаютъ, что, напримѣръ, сосна, сокъ которой они точатъ и *тложутъ*, засыхаетъ и погибаетъ...

Въ статьѣ „Грибы“ (кн. 2-я, стр. 97—101) разсказано о чудѣ превращенія грибовъ въ золото, а изъ золота снова въ грибы.—Цѣль ея тоже нравоучительная: наказать корыстолюбіе бѣдной вдовы, которая, получивъ въ лѣсу отъ странника—„лицомъ свѣтлаго“—подарокъ въ видѣ кузовка, подумала, что въ немъ деньги, а когда увидѣла, что это были грибы,—бросила ихъ. Подобралъ грибы дровосѣкъ и обрадовался. Пришелъ домой, началъ варить похлебку. Но въ чугунѣ оказались золотая глыба. Дровосѣкъ не обрадовался золоту, а пожалѣлъ о грибахъ. Въ это время входитъ въ его избу „странникъ—лицомъ свѣтлый“. Услыша отъ дровосѣка, что тотъ предпочитаетъ *грибы* (?) *золоту*, опять превращаетъ золото въ грибы и исчезъ. Чудо невѣроятное даже *для сказки*.

Церковно-историческія статьи слѣдующія: „Святыя мученицы Вѣра, Надежда, Любовь и мать ихъ Софія“ (2 кн., стр. 88), гдѣ описаны ихъ мученія, „Св. Алексѣй человѣкъ Божій“ (стр. 154), „Св. Апостолы Петръ и Павелъ“ (стр. 177), „Св. Пророкъ Илія“ (182 стр.), „Св. Преподобный Сергій“ (стр. 101), „Св. Николай Чудотворецъ“ (стр. 127).

Изложеніе статей сухое; нѣкоторыя же неудобны для дѣтей по существу,—такъ, напримѣръ, разсказъ „Св. Алексѣй Божій Человѣкъ“. Въ Четь-Минеяхъ этотъ святой, а равно въ духовныхъ народныхъ стихахъ, величается и воспѣвается, какъ высокій примѣръ дѣвственности и цѣломудрія. Въ статьѣ дѣти будутъ читать: „Когда Алексѣй выросъ, родители нашли ему невѣсту. Но въ день свадьбы, когда юноша остался *наединѣ* съ молодою супругою, онъ отдалъ ей кольцо и золотой поясъ“ (стр. 155). Не дѣтское чтеніе!

Жизнь Св. Николая Чудотворца, полная подвиговъ самоотверженія, милосердія, могла быть содержаніемъ прекраснаго чтенія для дѣтей. Одинъ иностранный писатель (графъ Сегюръ. См. Русск. Архивъ 1907 г., сент.)—говоритъ, что „Св. Николай для русскаго народа—Богъ". Сколько ходитъ въ нашемъ народѣ о Св. Николаѣ легендъ: онъ отнимаетъ корову вдовы у волка,—упавшаго въ рѣку ребенка возвращаетъ родителямъ, даже помогаетъ мужику, не боясь замарать дегтемъ райскую одежду, вытащить телѣгу съ дровами, завязшую въ грязи. Въ Четьи-Минеяхъ разсказывается, что онъ выхватилъ изъ рукъ палача мечъ, занесенный надъ головами трехъ невинныхъ, скупаетъ хлѣбъ во время голода и роздаетъ бѣднымъ. Если бы объ этомъ было разсказано дѣтямъ,—какой бы свѣтлый плѣнительный образъ Угодника нарисовался въ ихъ юномъ воображеніи и остался на всю жизнь? Въ помѣщенной статьѣ ничего этого нѣтъ: вся она есть скучный, казенный curriculum vitae или некрологъ,—сухой перечень свѣдѣній о мѣстѣ и времени рожденія, проходимыхъ степеняхъ служенія, кончинѣ. Даже не сказано, что мощи Чудотворца почиваютъ въ городѣ Бари. А безъ того дѣти не поймутъ, когда услышатъ въ церкви 9-го мая тропарь: „Градъ Барскій радуется"... и проч. „Православнымъ дѣтямъ нужно знать особенно чествуемыхъ святыхъ, имена коихъ носятъ отъ колыбели до могилы, не по одному имени". Такъ говорилъ еще Пушкинъ.

Невнимательно, ибо несогласно съ Библіей, написана статья: „Св. пророкъ Илія" (стр. 182). Между прочимъ, здѣсь бесѣдуетъ Илія съ ученикомъ своимъ Елисеемъ и говоритъ: „Проси, что сдѣлать тебѣ, пока я не взятъ отъ себя".

— Духъ, который въ тебѣ, пусть будетъ на мнѣ вдвойнѣ, сказалъ Елисей.

— Труднаго ты просишь, но если увидишь, какъ я буду взятъ отъ тебя, то получишь.

Вдругъ явилась огненная колесница и разлучила ихъ. Илія понесся на небо.—Здѣсь конецъ статьи. Выходитъ изъ разсказа, что Илія не сдержалъ даннаго Елисею слова. Въ Библіи сказано: „Елисей поднялъ *милоть* Иліи, упавшую на него" (Четвертая кн. Царствъ, 11, 12).

Я выше упоминалъ, что на 500 страницахъ „Сѣятеля" не оказалось мѣста хотя бы нѣсколькимъ разсказамъ изъ русской исторіи, которая, какъ сказалъ Карамзинъ, учитъ любить отечество. Вмѣсто живыхъ примѣровъ самоотверженія и доблести на пользу родины,

оказалось въ „Сѣятелѣ“ нѣкоторое разсужденіе—статья: „О любви къ отечеству“ (стр. 207),—очень слабое, холодное, отвлеченное. „Мы гордимся всѣмъ хорошимъ, что есть въ нашемъ отечествѣ и желали бы видѣть его еще лучше и просвѣщеннѣе. Мы бы желали, чтобы отечество гордилось нами—своими сынами. Дѣти должны старательно изучать науки и искусства..., вырабатывать въ себѣ хорошій, смѣлый, честный благородный характеръ. Тогда и отечество будетъ гордиться своими сынами“. Такія рѣчи не для дѣтей! По латинской пословицѣ, Praecepta ducunt, exempla trahunt. Вмѣсто этого разсужденія было бы для дѣтей пріятнѣе и полезнѣе читать о Петрѣ Великомъ, Ломоносовѣ, Св. Александрѣ Невскомъ, Дмитріи Донскомъ, Митрополитѣ Филиппѣ, Мининѣ, которые для дѣтей послужили бы живыми примѣрами, какъ надо любить отечество.

Въ „Сѣятелѣ“ есть нѣсколько статей изъ русской географіи: „Петербургъ“, „Москва“, „Волга“, безъ означенія источника, откуда заимствованы,—значитъ написаны также г-жею Лукашевичъ.

„Волга-матушка“. Подъ такимъ ласковымъ заглавіемъ въ „Сѣятелѣ“ описывается великая русская рѣка. Недаромъ же народъ ее назвалъ дорогимъ именемъ матери. Въ силу этого на писателѣ лежала обязанность отнестись къ Волгѣ-матушкѣ съ особеннымъ вниманіемъ,—чтобы учащіяся дѣти получили ясное и вѣрное представленіе о рѣкѣ, которую воспѣли народъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, кн. Вяземскій, Некрасовъ. Есть народная пословица: „Рѣка Волга широка и долга“. Въ статьѣ же она обужена и укорочена: про Волгу сказано въ 20 строкахъ—мало и невѣрно. Не названы такія историческія мѣстности на ея берегахъ: Угличъ, Кострома, Нижній,—и не упомянуты, связанныя съ этими городами лица, и событія, что̀ слѣдовало непремѣнно сдѣлать. Кромѣ того, сообщено неточное свѣдѣніе объ истокѣ Волги, будто бы она „ручейкомъ выбѣгаетъ изъ горъ Алаунской возвышенности и несется сначала по болотамъ черезъ озера... Во время разлива она бываетъ похожа на огромное озеро“ (стр. 206). Надъ этимъ описаніемъ дѣти приволжскихъ селеній Тверской, Ярославской и др. губерній посмѣются; всѣ остальные школьники подумаютъ, что Волга въ верхнемъ своемъ теченіи—какой то водопадъ, несущійся съ горъ. Теченіе Волги на всемъ протяженіи очень тихое, плавное, извилистое и во время разлива никакого сходства съ озеромъ не имѣетъ.

Въ статьѣ подъ горячимъ, заманчивымъ, богатымъ заглавіемъ: „Москва—сердце Россіи, Кремль—сердце Москвы“ (2-я кн., стр. 202).

Москва и Кремль описаны холодно, и скучно и бѣдно. Здѣсь только кратко перечислены тамошнія святыни и достопримѣчательности—храмы, палаты, дворцы. Отъ всѣхъ другихъ, находящихся въ книгахъ для начальнаго чтенія описаній Москвы, это отличается тѣмъ, что, говоря о Красной площади сочинительница совсѣмъ не упоминаетъ о памятникѣ Минину и Пожарскому. Между прочимъ, вѣдь „Красная площадь“ для русскихъ людей красна и этимъ памятникомъ. Умолчаніе о такой всенародной московской достопримѣчательности неизвинительно, особенно въ наши дни, въ настоящую лихую годину для Россіи, когда имена этихъ двухъ патріотовъ у всѣхъ на языкѣ. Другая важнѣйшая достопримѣчательность Москвы—это храмъ Спасителя. Правда, онъ не забытъ, есть въ книгѣ рисунокъ съ надписью: „Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ“. И только. Вѣдь этотъ храмъ—памятникъ отечественной войны, въ то же время памятникъ высокаго патріотизма русскаго народа. Прямая и главная цѣль школы—учить и воспитывать дѣтей въ духѣ любви къ родинѣ. Теплый разсказъ о такихъ достопримѣчательностяхъ и связанныхъ съ ними событіяхъ—наилучшее къ тому средство и каждый педагогъ обязанъ имъ пользоваться въ книгахъ и на урокахъ.

Составительница, мы выше упоминали, говоритъ, что она помѣстила немало научныхъ статей для пробужденія въ дѣтяхъ интереса къ научнымъ знаніямъ; предлагаетъ учителямъ дѣлать общія обозрѣнія цѣлыхъ отдѣловъ, что де вызываетъ самостоятельность, пробуждаетъ интересъ и учитъ критически относиться къ знаніямъ (Метод. Указ., 2 кн., стр. 268).

Очевидно, такія высокія требованія никакъ не согласуются съ скромною работою преподавателя начальной школы, ни съ возрастомъ дѣтей на второмъ году (зимѣ) пребыванія ихъ въ школѣ. Въ доказательство сказаннаго укажемъ на помѣщенный рисунокъ, изображающій муху подъ увеличительнымъ стекломъ въ статьѣ „Муха“, съ перечисленіемъ подъ нимъ видовъ мухи, ея измѣненій, органовъ. На подписи читаемъ: „Мясная муха. Яички. Сѣрая мясоѣдка. Ея личинки. Лапка сѣрой мухи. Муха, погибшая отъ плѣсени“. А статья начинается: „Не правда ли, какъ красива муха подъ увеличительнымъ стекломъ?“ (стр. 165).

Разсматривать подъ увеличительнымъ стекломъ трупъ мухи въ начальной школѣ рановато!

Многія статьи, составленныя по учебникамъ естествознанія, для дѣтей начальной школы по своей сухости едва ли пригодны, — та-

ковы: „Песокъ“, „Глина“, „Перегной“ — А. Герда (2-я кн., стр. 217—219).

Подъ научными статьями г-жа Лукашевичъ разумѣетъ, вѣроятно, и статьи естественно-историческія. По моему мнѣнію, цѣль подобныхъ статей въ книгѣ для чтенія не обогащеніе самыми научными знаніями, а пробужденіе въ дѣтяхъ чувства любви къ природѣ и благоговѣнія предъ ея мудростію и красотой. Но этого можетъ достигнуть и составитель книги для начальнаго чтенія и преподаватель, когда сами въ книгахъ и на урокахъ, къ природѣ относутся съ чувствомъ любви и благоговѣнія. Образецъ урока о природѣ видимъ въ Евангеліи. Христосъ, проходя по лугу, указавъ Своимъ ученикамъ на цвѣты, сказалъ, что съ ихъ роскошью и красотой не сравнятся и драгоцѣнныя царскія одежды.

Но во многихъ, такъ называемыхъ научныхъ, статьяхъ „Сѣятеля„ мы такого отношенія къ природѣ не замѣчаемъ. Такъ, солнце—жизнь и красота (см. ст. „Солнце и радуга“. I кн., стр. 90) служитъ предметомъ для самаго ничтожнаго глупаго разсказа. Радуга стала хвалиться, что она краснѣе даже солнца. Услышало это солнышко и говоритъ: да знаешь ли ты, неразумная, что радуга отъ солнца бываетъ! А радуга только смѣется, да пуще хвалится. Солнышко разсердилось и спряталось за тучу.

Ужели сочинителю нельзя было ничего другого и болѣе приличнаго сказать дѣтямъ о „красномъ солнышкѣ“? Можно бы выбрать сказку, народную пѣсню. Есть даже дѣтская пѣсня: „Солнышко ядрышко выглянь въ окошечко. Твои дѣтки плачутъ“ и пр.

Есть басня у Крылова, гдѣ воспѣто солнышко — „Василекъ“.

Въ статьѣ „Споръ деревьевъ“ (стр. 96) — яблоня съ дубомъ ругается, подобно кухаркѣ съ дворникомъ: „Не хвастай много, дубище, что ты великъ и толстъ, за то растутъ на тебѣ одни желуди, — свиньямъ на потѣху“ и т. д. Дубъ — царь лѣсовъ — воспѣтый нашими поэтами...

Статья „Земля“ съ рисункомъ, показывающимъ движеніе вокругъ солнца,—гдѣ говорится о Магелланѣ, сопровождается загадкою: „Меня бьютъ, колотятъ, рѣжутъ, а я молчу и всѣмъ добромъ плачу“.

Статья „Лягушка“ своею приторностью и фальшивостью напоминаетъ идилліи Дезульеръ XVIII в., когда пастушки золотили рога барашкамъ. Одна (?) молодая дѣвушка, изволите видѣть, кормила въ пруду лягушекъ и приручила одну (?) толстую лягушку, называя ее „квакушой“, такъ что та, заслышавъ звукъ ея голоса, плыла къ

ней. Воспитательница брала ее въ руки, гладила и тихо говорила: „Милая квакушка“, а лягушка „смотрѣла на нее довѣрчиво“...

Статья „Вредныя растенія“ (2 кн., стр. 123) по худому языку вредна. „Въ лѣсахъ вдоль усадебъ растётъ много красивыхъ ягодъ и плодовъ. Они... бываютъ недурны на вкусъ. Но большинство неизвѣстныхъ ягодъ и плодовъ ѣсть нельзя“.

Подъ статьей, гдѣ говорится о плодахъ и ягодахъ, пословица: „И на деревѣ листъ на листъ не приходится“.

Среди научныхъ статей по естествознанію, принадлежащихъ перу г-жи Лукашевичъ, выдается статья (на стр. 169, 2-я кн.) — „Какъ паукъ полотномъ торговалъ“. Статья это нѣчто двуликое: по заглавію и содержанію — басня, по рисунку — что-то высоко-научное. Здѣсь видимъ „Паука крестовика“. Изображены: 1. Самка. 2. Самецъ. 3. Трубочка паука, изъ которой выходитъ паутина. 4. Паутинныя бородавки. 5. Челюстныя когти. 6. Ядъ въ челюстныхъ когтяхъ. 7. Кончикъ ноги. И почему, въ какихъ дидактическихъ соображеніяхъ такое вниманіе оказано именно пауку?

Статья эта — передѣлка басни Крылова „Паукъ и пчела“, гдѣ разсказано, кккъ паукъ, изъ зависти къ купцу, бойко торговавшему полотномъ, открылъ лавочку свою въ окошкѣ. Въ статьѣ пересказано содержаніе. Не говорю о томъ, что налагать руки на образцовыя произведенія, какъ это дѣлаютъ въ своей книгѣ часто г-жа Лукашевичъ, — не слѣдуетъ изъ вѣжливости, если не уваженія, предъ классикомъ. Затѣмъ, какая научная связь басни о торговлѣ паука съ зоологіей и энтомологіей. Пересказана басня плохимъ языкомъ. Въ основѣ басни глубокая мысль, въ передѣлкѣ же она совсѣмъ исчезла. Басня оканчивается:

> „Вотъ день насталъ. Ну, что жъ? — Проказника (паука) метлой
> *Смели и съ лавкою долой*“...

Эти стихи въ передѣлкѣ г-жи Лукашевичъ: „Вдругъ ѣдетъ (?) по окну какая-то грязная тряпка и паука и всю лавку его такъ и смела (?) съ окна“. Тряпка мететъ... Такова передѣлка басни „Паукъ и Пчела“.

А вотъ еще передѣлка басни „Старикъ и трое молодыхъ“ — въ статьѣ подъ заглавіемъ „Не все для себя“ (1-я кн., стр. 32). Въ баснѣ „Старикъ садитъ въ саду деревцо, и трое юношей надъ нимъ трунили“. Въ разсказѣ г-жи Лукашевичъ также дѣйствующее лицо-старикъ, но дряхлый, и садитъ не деревцо, а сѣмяна яблокъ, и не

въ саду, а въ ящики съ землей. За трехъ юношей здѣсь одинъ внукъ, который говоритъ: „Ты напрасно трудишься, тебѣ не дождаться, когда эти яблони (сѣмена?) выростутъ, и не съѣшь ты яблочка". — „Я не съѣмъ, такъ другіе съѣдятъ".

У Крылова старикъ:

„Друзья! кто добръ, не все лишь для себя трудится,
Сажая деревцо, я тѣмъ и веселюсь,
Что если отъ него самъ тѣни не дождусь,
То внукъ мой нѣкогда той тѣнью насладится".

Ученики, какъ ни малы, прочитавъ, подумаютъ, что, при такомъ ходѣ дѣла, какъ сказываетъ г-жа Лукашевичъ, у дряхлаго старика съ посадкою сѣмянъ въ ящики, — ни старику, ни самому внуку его и никому не придется ѣсть яблоковъ...

Мы видѣли обиліе въ „Сѣятелѣ" лже-пословицъ. Сюда же попали статьи и стихотворенія съ ложной мыслью въ основѣ и даже въ декадентскомъ родѣ. Такъ въ стихотвореніи „Птичка" она говоритъ, что свою пѣсню будетъ пѣть только для горемыки-бѣдняка.

Никогда ее не пѣла
Для счастливыхъ я людей... (1 кн., стр. 66—67).

Почему же? Или „счастливые" затыкали уши, когда случайно ея пѣсни слышали?

На стр. 102 въ стихотвореніи *„Дерево"*:

„Дѣтище милое,
Зыбью зеленою,
Листьемъ кудрявымъ, ты
Кроешь въ морозный день,
Кормишь въ безкормицу".

Какъ это можетъ дерево зыбью кормить, крыть листьями кудрявыми да еще въ морозный день?

Въ Азбукѣ и 1-й книгѣ напечатаны молитвы на дванадесятые праздники, („двунадесятыми" [1]) называетъ г-жа Лукашевичъ. См. Метод. указ. 1-й кн.) на церковно-славянскомъ языкѣ. Во 2-й книгѣ притчи. Слова и обороты непонятные — не объяснены.

Наконецъ, при всѣхъ трехъ книгахъ „Сѣятеля" есть отдѣлъ: Письменныя работы. Здѣсь незамѣтно какой-либо системы или порядка: Съ чего начать? Какъ продолжать? Чѣмь кончить? Еще об-

[1]) См. Академическій Словарь.

щая черта работъ — отсутствіе какой-либо самостоятельности у дѣтей: во все время списываютъ, дописываютъ чужія слова, вписываютъ вмѣсто крестиковъ пропущенныя буквы и слова.

Первая работа въ Азбукѣ и Первой книгѣ одна и та же: отвѣты на вопросы: какъ твое имя? Отчество? Дописать по образцу: Отецъ добръ, мать добра (Азб. № 59; 1 кн. стр. 140). Значитъ, впродолженіе цѣлаго года ученики топчутся на одномъ мѣстѣ. На второмъ году письменныя работы состоятъ въ списываніи въ тетрадь примѣровъ на грамматическія правила и вписываніи буквъ въ текстъ съ пропусками. Но правила эти ограничиваются лишь буквами. Въ данномъ текстѣ встрѣчается много изреченій, пословицъ, коихъ смыслъ для дѣтей мудренъ. Напримѣръ, на букву *I* и *И*: „Не насытится око зрѣнія, а сердце желанія" (стр. 251). „Терпѣн×е лучше спасен×я" (стр. 253).

Любопытна послѣдняя работа на стр. 260-й — „Правило 22: Переписать въ тетради и поставить вмѣсто×пропущенныя буквы". Далѣе слѣдуетъ текстъ: Св×тъ въ храм× отъ св×чи, а въ душ× отъ молитвы. В×къ живи, в×къ надѣйся.

Ученики, текста не уразумѣя, какъ его будутъ возстановлять?

Любопытна также работа, рекомендуемая составительницей (Метод. указ., 2 кн., стр. 269). Она говоритъ: „Ученикамъ полезно учиться писать письма, составлять счета воображаемыхъ тратъ, записывать воображаемые расходы". (?).

Но что еще болѣе замѣчательно — это слѣдующая письменная работа, которую должны исполнять дѣти, сидящія за азбукой: „Списывать слова изъ перваго столбца; подыскивать и приписывать къ нимъ подходящія слова изъ 2-го столбца". Столбцовъ четырнадцать. Въ нихъ напечатано: Корова... квакаетъ. Лошадь... каркаетъ. Свинья... ржетъ. Змѣя... хрюкаетъ. Лягушка... шипитъ. Небо... зеленое. Снѣгъ... красный. Косой... шьютъ. На нивѣ сѣютъ... окуни, судаки, сиги (Азб. стр. 57—59) и т. д.

Относительно письменныхъ работъ г-жа Лукашевичъ пишетъ: „Письменныя работы, прибавленныя нами, даютъ обильный матеріалъ для пріобрѣтенія навыка въ логическомъ мышленіи и правописаніи" (2 кн., стр. 269 — 270).

Напротивъ, послѣ разсмотрѣнія отдѣла письменныхъ работъ, приходишь къ убѣжденію, что всѣ работы, съ одной стороны по своему механизму и однообразію, съ другой—по трудности и неисполнимости ихъ малолѣтними учениками—подѣйствуютъ угнетающимъ образомъ на

мыслительную способность учащихся малыхъ дѣтей. Помѣщеніе же въ учебной книгѣ искаженныхъ рѣчей, которыхъ можетъ наговорить развѣ больной, или прямо *сумасшедшій*,—есть преступленіе противъ всѣхъ заповѣдей методики и дидактики.

Докладъ вышелъ очень длинный. Но я далеко не исчерпалъ всѣхъ замѣчаній, вызываемыхъ книгой.

Заключительное же о „Сѣятелѣ“ мое мнѣніе таково: книга нуждается въ коренной переработкѣ.

Азбука—„Сѣятель“ состоитъ изъ уроковъ грамоты (24 ур.) съ образцами письменныхъ работъ, статей для первоначальнаго чтенія (38 ст.) и упражненій для чтенія по церковно-славянски (5 стр.).

Хотя авторъ увѣряетъ, что въ расположеніи буквъ онъ руководствовался степенью трудности произношенія, но на дѣлѣ этого не замѣтно: у него мгновенныя согласныя *К*, *Д* отнесены къ первымъ урокамъ, мягкая гласная И къ четвертому, полугласныя *Ъ*, *Й* ко второму и четвертому. Въ подборѣ матеріала для чтенія, какъ относительно содержанія, такъ и звукорасположенія, незамѣтно тщательности: во второмъ и третьемъ урокахъ попадаются слова со стеченіемъ и нарощеніемъ согласныхъ [утка, кто], даются существительныя въ косвенныхъ падежахъ [муку, утокъ], частицы [отъ, а], трехсложныя слова [мамаша, утрата], малопонятныя [омаръ]. Не лучше и подборъ фразъ: Отъ кума та кума. Тутъ токъ, а тамъ комокъ (стр. 3). Волкъ и корова тутъ у сада. А тамъ вой волка (стр. 11) и т. п.

Весьма часто встрѣчаются недосмотры: на стр. 11 ученикъ долженъ прочесть слово — *пришла*, а букву *П* онъ узнаетъ только на страницѣ 15; на страницѣ 12 помѣщены слова—*несли*, *унесло*, а буква *Н* изучается на страницѣ 14; на страницѣ 15 предлагаются для чтенія слова—*небѣ*, *будетъ*, а упражненія на *Б* помѣщены на страницѣ 19 и т. д.

Каждый отдѣльный урокъ грамоты г-жа Луканевичъ предлагаетъ вести въ такомъ порядкѣ: 1) Разсмотрѣніе картинокъ, названіе которыхъ дадутъ новые звуки. 2) Выдѣленіе новыхъ звуковъ. 3) Упражненіе въ сліяніи и разложеніи словъ (съ новымъ звукомъ). 4) Раздѣленіе словъ на слоги. 5) Упражненіе съ подвижной азбукой. 6) Чтеніе и письмо. Слова для чтенія расположены въ азбукѣ по звуковому сходству: ноги, нора, ноша; гора, горе, гири и т. д. (стр. 14). Такимъ подборомъ матеріала составительница желаетъ удовлетворить

условіямъ обученія *по подобію*, получающему нынѣ широкое распространеніе въ школахъ. Послѣ уроковъ грамоты идетъ, для чего-то, наглядное (въ картинахъ) изображеніе первыхъ десяти чиселъ, за которыми слѣдуютъ письменныя задачи. Отдѣлъ „Первое чтеніе", подобно азбукѣ, не представляетъ ничего оригинальнаго; большинство статеекъ этого отдѣла встрѣчается во многихъ букваряхъ, таковы статьи: Братъ и Сестра, Пѣтушокъ, Лиса и кувшинъ [Ушинскаго], Дѣдъ, Левъ и Мышь [Толстого], Умная ворона, Два козлика, Заяцъ, Лягушки и т. п.

Въ приложеніи къ азбукѣ помѣщены рисунки „для перерисовыванія". Они должны научить дѣтей проводить прямыя и кривыя линіи и при помощи ихъ изображать контуры различныхъ предметовъ.

Въ отдѣлѣ для учителей приведены краткія методическія указанія, поясняющія пріемы обученія по азбукѣ „Сѣятель".

Авторъ придаетъ имъ значеніе канвы, по которой самъ учитель долженъ шить узоры (стр. 93).

Азбука—„Сѣятель" издана хорошо—печать крупна и отчетлива, рисунки удовлетворительны, но въ виду указанныхъ недостатковъ, ее нельзя признать вполнѣ отвѣчающей своему назначенію.

Первая послѣ азбуки книга для чтенія. Матеріалъ для чтенія въ первой книгѣ не раздѣленъ на отдѣлы, но по содержанію своему распредѣляется такъ: первыя статьи (до 24 стр.) религіозно-нравственнаго содержанія; далѣе слѣдуютъ статьи о школьной жизни и трудѣ и затѣмъ о веснѣ, лѣтѣ, осени и зимѣ; между статьями о веснѣ помѣщены статьи о весеннихъ праздникахъ и говѣніи. Статьи религіозно-нравственнаго содержанія встрѣчаются во всей книгѣ.

Хотя г-жа Лукашевичъ и говоритъ, что она при составленіи первой книги для чтенія брала статьи „изъ классическихъ образцовъ лучшихъ русскихъ писателей", прибѣгая къ передѣлкамъ и сокращеніямъ (послѣднее едва ли можно признать правильнымъ), но на самомъ дѣлѣ въ ней много статей, подписанныхъ именами самой составительницы книги, Гриневской, Петерсонъ, Михайловскаго, Позднякова, Водовозова, Острогорскаго, Бѣлоусова, Дрожжина, Разина, Вдовина и другихъ писателей, которыхъ нельзя отнести къ числу образцовыхъ. Помѣщеніе большого количества статей второстепенныхъ писателей, рядомъ со статьями Л. Толстого, Тургенева, Майкова, Пушкина, Ушинскаго, Аксакова, нерѣдко однороднаго содержанія, безъ пользы только увеличило объемъ книги. Одна небольшая статья, образцовая по содер-

жанію и языку, производетъ гораздо больше впечатлѣнія на учащагося, чѣмъ нѣсколько блѣдныхъ. Въ подтвержденіе сказаннаго укажу въ особенности на первыя 24 страницы, на которыхъ помѣщены статьи о взаимной любви родителей и дѣтей, о любви къ ближнему, состраданіи, великодушіи, любви къ животнымъ. Нѣкоторыя изъ нихъ производятъ тяжелое впечатлѣніе, напримѣръ разсказъ „Мать"—мать, защищавшую своего ребенка, загрызли волки (стр. 3); статьи о сиротствѣ (стр. 8, 9), о старушкѣ—нищей (стр. 20); письмо внука о томъ, что онъ лишился руки на фабрикѣ (стр. 51) и другія. Составительница справедливо замѣчаетъ, что „описательныя статьи и разсужденія менѣе всего доступны пониманію перваго возраста и скучны ученикамъ" (стр. 187). Хотя она находитъ, что исключать ихъ изъ первой книги не слѣдуетъ, но слѣдовало бы быть въ этомъ отношеніи болѣе умѣренной; въ первой книгѣ статей нравоучительнаго содержанія очень много: кромѣ перваго отдѣла (24 стр.), содержащаго цѣлый рядъ подобныхъ статей (болѣе 20), онѣ встрѣчаются и въ другихъ отдѣлахъ (стр. 29, 38, 46, 47, 48, 53, 56 и др.).

Встрѣчаются и нерѣдко статьи малосодержательныя, иныя довольно длинныя, напримѣръ „Собака-мать" (на выгнаннаго на улицу щенка набросилась большая собака и укусила его; щенокъ завизжалъ и бросился къ проходящей дамѣ; та его оттолкнула. Вдругъ изъ канавы вылѣзла собака и бросилась съ радостнымъ лаемъ къ щенку; она была его матерью (стр. 10—11). „Коля Дружокъ" (Коля вытащилъ брошеннаго щенка изъ воды; Дружокъ выросъ и спасъ тонущаго, во время купанья, Колю (стр. 29). „Добрые работники" (два работника сидѣли сложа руки. На вопросъ смотрителя одного изъ рабочихъ, что онъ дѣлаетъ, тотъ отвѣчаетъ: „ничего". Другой не разслышавъ сказалъ, что онъ помогалъ первому. „Добрые же вы работники, сказалъ смотритель; одинъ ничего не дѣлаетъ, а другой ему помогаетъ; коли за такую работу васъ кормить станутъ, такъ помощниковъ много найдется" (стр. 32—33). „Очки неграмотны" (взрослый парень, увидавъ, что старикъ при чтеніи надѣваетъ очки, пошелъ покупать себѣ очки, думая, что при помощи очковъ онъ будетъ въ состояніи читать) (стр. 43). „Ванька-нянька" (Ванька во время страды нянчилъ сестеръ цѣлый день, усталъ и сталъ жаловаться родителямъ, когда они вернулись съ работы. Отецъ проситъ его потерпѣть, пока онъ справится и отдастъ Ваньку въ школу (стр. 114—116). Смотри также статьи: „Старикъ и молодые" (стр. 18); „Три лѣнивыхъ брата" (стр. 39); „Хорошій грамотей" (стр. 41); „Грамотей" (стр. 50); „Ля-

гушка" (стр. 90); „Бабочка и дитя" (стр. 99); „Лѣсные обитатели" (стр. 105); „Грибы" (стр. 123). Встрѣчаются статьи, трудныя для пониманія дѣтей младшаго возраста, напримѣръ, стихотворенія: Гриневской „Дорогія имена" (стр. 5); „Св. Евангеліе"—К. Р. (стр. 55); „Дерево"—Дрожжина (стр. 102).

Въ книгѣ слишкомъ много пословицъ и загадокъ, едва ли доступныхъ дѣтямъ. Болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе полное отсутствіе въ книгѣ статей, знакомящихъ съ настоящимъ и прошлымъ отечества. Чѣмъ объяснить этотъ крупный пробѣлъ въ книгѣ? „Методическія указанія" составительницы не даютъ отвѣта на этотъ вопросъ.

Вторая книга для чтенія. Матеріалъ для чтенія раздѣленъ на 15 отдѣловъ безъ заглавій ихъ. По содержанію статей эти отдѣлы слѣдующіе: 1) о любви къ Богу и ближнему; 2) того же содержанія; 3) школьная жизнь; 4) трудъ; 5) животныя; 6) осень; 7) растенія; 8) зима; 9) птицы; 10) весна; 11) насѣкомыя; 12) лѣто; 13) рыбы и земноводныя; 14) родина; 15) свѣдѣнія изъ физической и математической географіи.

Составительница говоритъ, что во второй книги „Сѣятеля" „статьи сложнѣе по содержанію и не мало научныхъ статей въ легкомъ переложеніи, которыя пробуждаютъ въ ребенкѣ интересъ къ научнымъ знаніямъ" (стр. 267).

Общій характеръ второй книги тотъ же, что и первой. Въ ней встрѣчается много статей мало извѣстныхъ писателей (Никольскаго, Барыковой, Арцыбашева, Оксенова, Бѣлоусова, Ладыженскаго, Вдовина, Миллера и др.). Повторяются нерѣдко однѣ и тѣ же темы въ статьяхъ, весьма сходныхъ по содержанію съ разсказами, помѣщенными въ первой книгѣ.

Встрѣчаются статьи трудныя для пониманія учащихся или по содержанію или по изложенію, напримѣръ, Лермонтова—„Казачья колыбельная пѣсня" (стр. 29); „Сосна" (стр. 110); „Перелетныя птицы" (много географическихъ названій безъ объясненія, стр. 94—95); „Рисъ" (также географическія названія, стр. 117); „Петербургъ", „Москва" (много именъ собственныхъ и названій, стр. 198 — 202). Нѣкоторыя статьи очень кратки и сухи, напримѣръ: Почва, Песокъ, Перегной, Глина (стр. 217—219).

Немало статей, производящихъ тяжелое впечатлѣніе, напримѣръ, „Любящій сынъ" (операція мальчику—стр. 17); „Письмо о болѣзни матери" (стр. 20); „Молитва объ умершей матери" (стр. 22); „Дитя

хоть криво, да отцу—матери мило“ (о мальчикѣ уродцѣ—стр. 26—28); „Сирота—Даша“ (стр. 31); „Пахарь“ (умирающій крестьянинъ). См. также стр. 11, 13, 19, 24, 31, 43 и др.

Какъ примѣры статей малосодержательныхъ (нѣкоторыя изъ нихъ довольно большія), укажу на „Трудовыя деньги“ [богатый крестьянинъ отдалъ сына въ работники за рубль въ годъ; хозяинъ заставлялъ его мало работать, и когда работникъ вернулся домой, отецъ бросилъ рубль въ рѣку; такъ же повторилось и на другой годъ. На третій годъ у бѣднаго мужика работнику пришлось много работать, и когда хозяинъ отдалъ ему два рубля, и онъ вернулся домой, то не позволилъ отцу бросить деньги, какъ заработанныя тяжелымъ трудомъ (стр. 59)]. „Грибы“ (превращеніе грибовъ въ золото, а золота опять въ грибы (стр. 97). „Три елки“ (разсказъ объ елкѣ, наказанной за гордость (стр. 234—239). См. также „Два брата“ (стр. 25), „Доля“ (стр. 26), „Въ саду осенью“ (стр. 92), „Ожиданіе зимы“ (стр. 124).

Нѣкоторыя статьи изложены неясно, напримѣръ: „Планъ класса“ (стр. 40—41), „Страны свѣта“ (стр. 44 — 45), „Вредныя растенія“ (стр. 123).

Въ статьяхъ, гдѣ встрѣчаются географическія названія, историческія имена, нѣтъ нужныхъ объясненій, стр. 117, 157, 202—207.

Во второй книгѣ хотя есть отдѣлъ, посвященный статьямъ о Россіи, но онъ поражаетъ своей неполнотой, неотдѣланностью; историческихъ статей ни одной; географическихъ же — „Россія“ (одна страница), „Петербургъ“ и „Москва“ (сухое описаніе), „Волга“ (полстраницы); встрѣчающіяся въ описаніи Петербурга и Москвы собственныя имена не объяснены. Чѣмъ объяснить такой существенный пробѣлъ во второй книгѣ для чтенія, составительница не даетъ отвѣта въ своихъ „Методическихъ указаніяхъ“.

Такимъ образомъ, ученикъ, поучившійся два года по книгамъ г-жи Лукашевичъ, не пріобрѣтетъ ровно никакихъ познаній ни о настоящемъ, ни о прошломъ своего отечества; книга ея не даетъ рѣшительно никакого матеріала для развитія патріотизма въ подрастающемъ поколѣніи; статья на полстраницѣ „О любви къ отечеству“ (стр. 207) — слабое разсужденіе — не произведетъ никакого впечатлѣнія на ученика.

Смѣю думать, что если бы всѣ отдѣлы разбираемой хрестоматіи были составлены основательно, то отсутствіе важнаго отдѣла, знакомящаго съ прошлымъ и настоящимъ отечества, возбуждающаго любовь

къ родинѣ и ея изученію, дѣлаетъ христоматію не заслуживающей допущенія въ учебныя заведенія.

Первая послѣ азбуки книга для чтенія и вторая книга для чтенія г-жи Лукашевичъ составляютъ продолженіе къ „Первому году обученія", т. е. къ азбукѣ, разборъ которой я опускаю, въ виду того, что она уже подробно разсмотрѣна членами А. А. Радонежскимъ и В. А. Семекой. Могу только съ своей стороны замѣтить, что эта часть представляется болѣе удовлетворительной.

Въ общемъ азбука—„Сѣятель" не хуже и не лучше многихъ другихъ, допущенныхъ ученымъ комитетомъ къ употребленію. Но гораздо серьезнѣе слѣдуетъ отнестись къ тѣмъ книжкамъ, въ которыхъ дѣти впервые приложатъ пріобрѣтенное ими умѣніе читать. Эти книжки не только служатъ матеріаломъ для упражненій въ чтеніи, но должны давать элементарныя знанія и, главное, содѣйствовать и воспитательнымъ цѣлямъ школы, т. е. развивать и укрѣплять въ дѣтяхъ нравственныя основы; при этомъ въ выборѣ статей для „Книги для чтенія въ начальныхъ училищахъ" на первомъ мѣстѣ должны служить матеріаломъ, главнымъ образомъ, произведенія образцовыхъ писателей. На то, что г-жей Лукашевичъ не соблюдено это условіе, указано другими рецензентами.

Г-жа Лукашевичъ сама писательница, преимущественно для дѣтей и юношества. Ея произведенія, весьма многочисленныя, отличаются чистотой, высоконравственны, но однообразны: главною и основною идеей ихъ—состраданіе къ „угнетеннымъ и гонимымъ", къ „несчастнымъ и слабымъ", это основной мотивъ, и два—три такихъ произведенія въ школьной библіотекѣ конечно весьма желательны; но если бы мы всю школьную библіотеку наполнили такими книжками, то въ концѣ концовъ такъ бы надоѣли маленькимъ читателямъ этой однообразной проповѣдью, что совершенно притупили бы въ нихъ и чувство состраданія и интересъ къ чтенію. Вотъ этимъ то недостаткомъ, этимъ однообразіемъ въ выборѣ помѣщенныхъ статей и отличаются двѣ книжки „Сѣятеля". Состраданіе, любовь къ ближнему, къ природѣ, къ животнымъ, все это добродѣтели пассивныя. Но изъ состраданія развивается самоотверженіе, изъ любви къ ближнему, къ окружающей природѣ, къ своему дому—развивается любовь къ родинѣ, поднимающая людей до геройства. Этой стороны мы и не находимъ въ книжкахъ г-жи Лукашевичъ, а между тѣмъ, какъ разсказы изъ русской исторіи, такъ и всеобщей, могутъ дать много матеріала для воспи-

танія въ дѣтяхъ именно этого чувства, чувства патріотизма. Геройство, самопожертвованіе для блага родины, вѣрность долгу, присягѣ, вѣрѣ, отечеству,—разсказы на такія темы должны занимать въ книжкѣ для чтенія для начальныхъ школъ видное мѣсто. Въ такой книжкѣ даже умѣстенъ пересказъ защиты Ѳермопилъ тремястами спартанцевъ (конечно въ передѣлкѣ) и извѣстная надпись о семъ подвигѣ; подвиги Минина, Пожарскаго, Сусанина, подвигъ Рябова, подвигъ рядового (не помню полка), взорвавшаго аулъ при взятіи его горцами, Штоквича (осада Баязета), двухъ матросовъ въ послѣднюю войну, утопившихъ взятый въ плѣнъ миноносецъ. Сколько матеріала дастъ одна Севастопольская оборона; наконецъ, женщины-герои этой обороны. Подобнаго рода разсказы укрѣпляютъ въ дѣтяхъ чувство патріотизма, чувство долга и направляютъ избытокъ этихъ чувствъ въ надлежащую сторону, могутъ создать полезныхъ отечеству людей и героевъ, жертвующихъ ради него своей жизнью, а не героевъ бомбы.

Г-жа Лукашевичъ начинаетъ свои книжки „Заповѣдью Господа Бога къ людямъ —любите другъ друга“ и сейчасъ же приводитъ пятую заповѣдь. Казалось бы, вслѣдъ за этимъ должны слѣдовать разсказы на тему о любви дѣтей къ родителямъ, изъ чего эта любовь вытекаетъ, объ уваженіи къ старшимъ. Но именно этого то и нѣтъ у г-жи Лукашевичъ. Всѣ разсказы вертятся на любви матери къ дѣтямъ. Любовь матери къ дѣтенышамъ—чувство, присущее не только человѣку, но и всякому животному, между тѣмъ какъ обратное, т. е. любовь дѣтей къ матери и особенно къ отцу, свойственно только человѣку и притомъ это чувство не прирожденное, не инстинктивное, а есть результатъ другихъ чувствъ, напримѣръ благодарности, уваженія и пр., при отсутствіи которыхъ исчезаетъ и любовь къ родителямъ, поэтому и великій законодатель помѣстилъ въ заповѣди именно обязанность почитанія отца и матери, а не родителями дѣтей.

Слѣдуя совѣтамъ г-жи Лукашевичъ, любить надо всѣхъ, и эта любовь выражается состраданіемъ къ сироткамъ нищимъ. Ну а другихъ людей, „необездоленныхъ“ слѣдуетъ любить или нѣтъ?—мы не знаемъ, ни въ первой, ни во второй книжкѣ этого не говорится, а повторяются опять нищіе, сиротки, калѣки... бѣдныя птички, лошадки и проч. и проч.

На стр. 13-й ч. 3-я помѣщено весьма тенденціозное стихотвореніе „Пѣсня“, которую птичка поетъ узникамъ, заключеннымъ въ тюрьмѣ.

Къ стихотворенію вопросъ: „какъ и кого желаетъ утѣшить писательница?“ Общее впечатлѣніе, что сіи узники въ тюрьмѣ суть люди, напрасно страдающіе. Сбоку извѣстная тенденціозная картина Ерошенки— „Всюду жизнь“.

Казалось бы, приведя пятую заповѣдь, г-жа Лукашевичъ будетъ говорить и о шестой, восьмой, девятой, десятой; постарается уяснить дѣтямъ уваженіе къ чужой собственности, къ чужой жизни, вообще положить сѣмена уваженія къ закону, укажетъ на вредъ для людей отъ лжи, клеветы, на послѣдствія зависти, но не тутъ то было: полюбивъ людей, надо идти въ школу, и вотъ въ обѣихъ книжкахъ этой школѣ, „свѣту отъ ученія“, посвящено множество страницъ, такъ что въ концѣ концовъ надо удивляться, если ученики не получатъ отвращеніе и къ школѣ и къ свѣту, который они не скоро и увидятъ. Далѣе я совершенно теряюсь въ уясненіи себѣ той системы, которую избрала г-жа Лукашевичъ.

Отдѣлъ IV: „Пахарь“ стихотвореніе Бѣлоусова—нѣчто иносказательное о трудѣ. „Помощь сосѣду“ (Ладыженскій), „Что ты спишь, мужичекъ?“—Кольцова и т. д.—о трудѣ.

Отдѣлъ V. „Слѣпая лошадь“, „Корова“ (гр. Л. Толстого) „Собака и лошадь“ Ив. Крылова. „Сенъ-Готардская собака“, „Мать лошадь“. „Свинья и поросята“. „Слонъ“. „Огромная няня“ (слонъ). „Левъ“. Сказка „Лиса и волкъ“. „Дѣдушка Мазай и зайцы“. „Кротъ“ и т. д.

Отдѣлъ VI. „Осень“. „Осень“—стихотворенія Пушкина. „Осень“ Ушинскаго. „Въ школу“ (?). „Святыя мученицы Вѣра, Надежда, Любовь и мать ихъ Софія“. „Добрый обычай“. „Гришуха“ (Н. Некрасова). „Въ саду осенью“ (В. Ладыженскаго). „Ласточки“ (А. Майкова)... „За грибами“ (С. Аксакова). „Осенній лѣсъ“ (А. Майкова). „Грибы“ (сказка А. Барыковой). „Святой преподобный Сергій“. „Несжатая полоса“ (Н. Некрасова). „Овсяный кисель“ (В. Жуковскаго).

Отдѣлъ VII. „Два зернышка“. „Какъ растетъ дерево“ (Кайгородова). „Какъ умираетъ дерево“. „Свинья подъ дубомъ“. „О древонасажденіи“. „Царевна Крупеничка“ (сказка). „Ленъ“ и т. д.

Отдѣлъ VIII. „Зима“ (А. Пушкина). „Ожиданіе зимы“ (?). „Зимнее утро“ (А. Пушкина). „Зимнія занятія крестьянина вечеромъ“ (С. Максимова). „Зимній вечеръ“. „Святый Николай Чудотворецъ“... „Заинька“. „Какъ животныя спасаются отъ холода и голода“... „Наканунѣ Рождества“. „Крещенскій вечеръ“.

Дальше идетъ въ отдѣлѣ X-мъ—весна съ такимъ же разнообразіемъ по содержанію статей. Отдѣлъ XI—мухи, пчелы и другія насѣ-

комыя. Отдѣлъ XII—„Лѣтомъ“, „Святые апостолы Петръ и Павелъ“. „Сѣнокосъ“. „На лугу“ пр.

Очевидно, что статьи размѣщены соотвѣтственно временамъ года, при чемъ связь ихъ между собою чисто внѣшняя, и, на ряду съ описаніемъ мухи, мы встрѣчаемъ жизнеописаніе апостоловъ Петра и Павла и сѣнокосъ. Праздники сельскіе прямо пріурочены къ временамъ года. Нужно ли это? Не вноситъ ли эта система скорѣе безпорядокъ, и расположеніе статей не затрудняетъ ли ихъ отыскиваніе? Правда, общая картина каждаго времени года получается полнѣе, разнообразнѣе, но съ другой стороны это случайная связь лишь по времени не нарушаетъ ли гармоніи, напримѣръ въ послѣдовательности сельскихъ работъ, разнообразіи населяющихъ землю животныхъ: почему весною говорится о лошади, коровѣ, даже слонѣ, а лѣтомъ о мухѣ, о грибахъ, зимою о зайцѣ? Расположеніе этихъ статей по отдѣламъ, сообразно ихъ содержанію, было бы правильнѣе, хотя, быть можетъ и не такъ оригинально. Праздники сельскіе (Троицынъ день, Рождество, Вѣра, Надежда и Любовь, Петра и Павла) были бы цѣльнѣе выражены, если бы составляли особый отдѣлъ; можно было бы присоединить и праздники въ память историческихъ событій.

Таковы главные недостатки книжекъ г-жи Лукашевичъ. Отмѣчу еще лишь одну странность: г-жа Лукашевичъ смѣшиваетъ поговорки съ пословицами, часто ихъ сама сочиняетъ, а главное,—рѣдко, когда поговорка или пословица вытекаетъ изъ смысла того разсказа, подъ которымъ она помѣщена, и къ которому должна относиться.

Такимъ образомъ, книжки г-жи Лукашевичъ страдаютъ, во-первыхъ, односторонностью въ выборѣ статей нравственнаго содержанія, онѣ излишне сентиментальны; статьи, какъ это указано и другими рецензентами, взяты не изъ образцовыхъ писателей, многія не отличаются художественностью, отдѣлы крайне не равномѣрны и изъ нихъ историческій, а равно познанія родины и отечества совсѣмъ слабо выражены; принятая система расположенія статей запутана, связь ихъ чисто внѣшняя.

Къ достоинствамъ слѣдуетъ отнести отсутствіе нежелательныхъ тенденцій, крупный шрифтъ, изящную внѣшность и недорогую цѣну.

Но въ виду вышеуказанныхъ недостатковъ, считаю книжки г-жи Лукашевичъ—„Сѣятель“ не заслуживающими допущенія въ начальныя школы министерства народнаго просвѣщенія.

А. Радонежскій, В. Семека, В. Федоровъ и Н. Майковъ.

*Краткій учебникъ зоологіи. Руководство составлено примѣнительно къ программѣ для низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ и для низшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. *Викт. Немецкій.* Съ 252 рис. въ текстѣ. С.-Пб. 1908. Стр. XIV+366. Ц. 1 р. 40 к.

То обстоятельство, что мы имѣемъ дѣло съ учебникомъ, составленнымъ по порученію правительственнаго учрежденія, а также выраженная въ концѣ предисловія благодарность за указанія извѣстному зоологу О. А. Гримму и за редактированіе рукописи другому зоологу И. Н. Арнольду — заставляютъ предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ образцовымъ учебникомъ. Съ внѣшней стороны, по выбору рисунковъ и ихъ исполненію, даже по общему характеру изложенія учебникъ производитъ дѣйствительно хорошее впечатлѣніе. Въ предисловіи авторъ трактуетъ и о Любенѣ, и Юнге и Диттесѣ и даетъ довольно бойко набросанный планъ учебника. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи учебника чувствуешь нѣкоторое несоотвѣтствіе содержанія со всѣми этими прелюдіями. Давъ краткое описаніе человѣческаго типа, авторъ переходитъ къ описанію отдѣльныхъ представителей, а въ концѣ добавляется, что на означеннаго представителя похожи еще такіе-то. Потомъ дается очеркъ организаціи цѣльной группы съ добавленіемъ свѣдѣній объ образѣ жизни, географическомъ распространеніи, роли въ экономіи природы и т. п.

Противъ самаго плана изложенія мы ничего не имѣемъ, но описанія и выборъ отдѣльныхъ представителей довольно таки шаблонны, а общіе біологическіе очерки скомканы и недостаточны.

На протяженіи 1½ страницъ (58—59) авторъ успѣваетъ сказать о „географическомъ распространеніи, пищи, размноженіи, образѣ жизни нравахъ млекопитающихъ“, а въ 9 строкахъ (стр. 59 — 60) умѣщается „значеніе млекопитающихъ въ общей экономіи природы и въ хозяйствѣ человѣка“. Такъ гласятъ заголовки соотвѣтствующихъ отдѣловъ. Поэтому не мудрено, что о географическомъ распространеніи млекопитающихъ ученикъ узнаетъ только то, что между ними есть такія, которыя распространены по всей землѣ, и есть такія, которыя „пріурочены къ опредѣленнымъ географическимъ областямъ“, но что такое географическая область — остается также непонятнымъ ученику, какъ раньше.

Авторъ на это можетъ возразить, что, если бы онъ сталъ обо всемъ этомъ писать, какъ слѣдуетъ, то оно вышло бы за предѣлы учебника низшей школы. Совершенно вѣрно, но изъ этого слѣдуетъ одно, что въ учебникѣ для низшей школы нельзя задаваться задачами, выхо-

дящими за его предѣлы. Особенно это замѣтно во второй части учебника. Эта часть предназначена для объяснительнаго чтенія. Чего тутъ нѣтъ? И вліяніе пространства, и вліяніе минеральныхъ солей и вліяніе влажности, и вліяніе упражненія, и схожденіе признаковъ и т. п. Боюсь, что преподаватели низшей школы не будутъ въ состояніи сдѣлать чтеніе этихъ страницъ дѣйствительно объяснительнымъ, да по правдѣ говоря не думаю, чтобы это удалось и каждому преподавателю средней школы. Эта часть производитъ такое впечатлѣніе, что авторъ поторопился выложить весь запасъ своей учености и преподнести его ученикамъ низшей школы. Не проще ли и не педагогичнѣе ли было бы взять небольшое число біологическихъ основныхъ явленій и ихъ обработать болѣе тщательно и болѣе удобоваримо для ученика низшей школы?

Третья часть посвящена анатомо-физіологическому очерку человѣка. Авторъ добросовѣстно проштудировалъ одинъ или нѣсколько учебниковъ и добросовѣстно и сжато изложилъ то, что тамъ нашелъ, но вѣдь это еще не значитъ, что онъ составилъ учебникъ для низшей школы.

Если въ конспектѣ для студента мы прочтемъ такую конспективную фразу: желчь „омываетъ жиры и превращаетъ ихъ въ эмульсію" (стр. 330), то мы, конечно не удивимся, ибо предполагаемъ, что студентъ знаетъ, что такое *омыленіе* и что такое *эмульсія*, но въ учебникѣ для низшей школы, ученикъ которой завѣдомо не знаетъ, что такое омыленіе и что такое эмульсія, такая фраза безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій вызываетъ даже у человѣка, далекаго отъ педагогіи, одно недоумѣніе. А между тѣмъ таковъ общій характеръ многихъ отдѣловъ третьей части. Вернемся къ первой части. Послѣ описанія представителей слѣдуетъ перечисленіе животныхъ на него похожихъ. Когда дѣло идетъ о гусяхъ, уткахъ, тетеревахъ и т. п. общеизвѣстныхъ формахъ—такое перечисленіе возможно, но что дастъ, напримѣръ, фраза (стр. 139): „на стрекозу похожи муравьиный левъ, родёнка и термиты". Тутъ же дается рисунокъ „самки термитовъ съ крыльями", „оплодотворенной самки, потерявшей крылья", „обыкновеннаго рабочаго" и „солдата", но ученикъ, для котораго всѣ эти названія — тарабарская грамота, напрасно будетъ искать на стр. 212, что идетъ рѣчь о гнѣздахъ термитовъ (озаглавлено — „отношеніе животныхъ къ землѣ") или на стр. 228, гдѣ идетъ рѣчь объ общественныхъ насѣкомыхъ, свѣдѣній объ общинѣ термитовъ, какъ не найдетъ ученикъ и объясненія различія между оплодотворенной и неоплодотворенной самкой.

Такія перечисленія безполезны и не педагогичны, какъ, напримѣръ, совершенно безполезно и непедагогично перечисленіе на трехъ страницахъ животныхъ Россіи. Для автора всѣ эти имена, вѣроятно, соединены съ опредѣленнымъ представленіемъ, но для ученика этотъ каталогъ можетъ быть лишь источникомъ унынія. Когда авторъ писалъ предисловіе, то онъ помнилъ хорошо, что департаментъ земледѣлія ему поручилъ писать учебникъ для низшей школы, но по мѣрѣ удаленія отъ предисловія авторъ все болѣе забывалъ объ этомъ и кончилъ тѣмъ, что сталъ излагать тѣ общія воззрѣнія, которыя ему симпатичны, хотя далеко не могутъ считаться доказанными, какъ, напримѣръ, вліяніе упражненія на наслѣдственныя признаки. Но для изложенія этихъ, можетъ быть, весьма интересныхъ данныхъ, надо было поискать другое мѣсто. Обратимся къ нѣкоторымъ характернымъ частностямъ, хотя въ учебникѣ г. Немыцкаго нѣтъ такихъ крупныхъ промаховъ, которые мы привыкли встрѣчать въ большинствѣ учебниковъ для низшей школы, но все-таки попадаются нѣкоторые недосмотры. Думаю, что ни О. А. Гриммъ, ни И. Н. Арнольдъ не могли посовѣтовать автору написать на стр. 30, что „*свинья, бегемотъ, носорогъ* и *слонъ* принадлежатъ къ отряду животныхъ *многокопытныхъ* или *толстокожихъ*". Такого отряда давно не существуетъ, и объ этомъ можно справиться въ любомъ учебникѣ. Или авторъ, давая для низшей школы ученіе вліянія упражненія на видовыя признаки и рядъ теоретическихъ обобщеній, въ тоже время полагаетъ, что для низшей школы годится и архаическая классификація? Не потому ли онъ сохраняетъ за земноводными названіе *голыхъ гадовъ* (стр. 108), хотя наименованіе *чешуйчатыхъ гадовъ*, (которое одно дѣлаетъ понятнымъ названіе *голыхъ*) благоразумно упразднено? Описавъ правильно зараженіе солитеромъ отъ свинаго мяса (стр. 190), авторъ неожиданно (на стр. 191) добавляетъ: „чаще всего человѣкъ заражается солитеромъ отъ не вполнѣ проваренной рыбы (щуки и налима"). Или для низшей школы различать солитера отъ лентеца широкаго не стоитъ? Не рѣшаюсь думать, чтобы авторъ самъ ихъ смѣшивалъ. Однако, если принять во вниманіе, что о бычьемъ лентецѣ не говорится ни слова и что авторъ увѣряетъ, будто лента солитера развивается будучи проглочена не только свиньями, а „*какими либо животными*" *напримѣръ, свиньей* — я рѣшаюсь думать, что въ свѣдѣніяхъ автора по этой части есть нѣкоторые важные недочеты, такая же смутность если не представленія, то изложенія, замѣчается и при описаніи трихины (стр. 189) и въ нѣкоторыхъ другихъ отдѣлахъ, касающихся

безпозвоночныхъ. Если для оправданія ненаучности описанія, напримѣръ, губокъ (стр. 205) авторъ можетъ сказать, что онъ хотѣлъ быть краткимъ, то врядъ ли этимъ можно объяснить, например, ненаучность характеристики червей. Нашелъ же авторъ мѣсто въ этой характеристикѣ чтобы развить „законъ", что человѣку со „слабыми формами" бороться всего труднѣе (стр. 192).

Примѣровъ такихъ промаховъ можно найти и еще. Но не они составляютъ главный недостатокъ книги. Недостатокъ этотъ то, что авторъ задался цѣлями, весьма легко достижимыми въ университетскомъ учебникѣ, но недостижимыми въ учебникѣ для низшей и даже для средней школы.

В. Шимкевичъ.

М. И. Михельсонъ. Русская мысль и рѣчь. Свое и чужое. Опытъ русской фразеологіи. Сборникъ образныхъ словъ и иносказаній, in 4°. Т. I (I—IX вып.). Стр. VIII + 779 (обозначенн. арабск. цифрами — въ два столбца). Т. II (I—X вып.). Стр. 580 + 250 (въ два столбца). С.-Пб. Цѣна по подпискѣ на все изданіе 18 р.

Огромная и почтеннѣйшая работа г. Михельсона, не только составленная съ чрезвычайнымъ усердіемъ и большой эрудиціей, но и хорошо изданная, заполняетъ одинъ изъ ощутительныхъ пробѣловъ русской литературы: она даетъ намъ едва-ли не первый опытъ русской фразеологіи, и при этомъ, что я считаю особенно важнымъ, фразеологія, основана на богатѣйшемъ литературномъ матеріалѣ. Языкъ народной словесности еще пользовался въ прошломъ вѣкѣ вниманіемъ изслѣдователей, но языку письменному, литературному, у насъ никогда не счастливилось, а его фразеологіи тѣмъ менѣе. Конечно, разсматривая лежащій передъ нами трудъ, мы далеки отъ мысли, что его авторъ далъ намъ нашу фразеологію, какъ нѣчто систематизированное, для чего матеріалъ надо было бы иначе расположить, а объясненія поставить на почву сравнительно-историческую. Но г. Михельсонъ далъ намъ драгоцѣнный матеріалъ, и, кромѣ того, своей усердной и строго объективной работой онъ долженъ, какъ мнѣ кажется, дать толчекъ будущимъ изслѣдователямъ русской фразеологіи—вотъ его серьезная заслуга.

Книгу М. И. Михельсона отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ такими любительскими произведеніями, какъ появившаяся въ 1890-мъ году извѣстная книга Максимова „Крылатыя слова" или не менѣе извѣстныя въ Германіи книги Бюхмана. Сила Михельсона въ томъ,

что онъ собиратель. Онъ даетъ коллекцію и хотя его книга по задачѣ своей — лишь справочникъ, но отъ нея трудно оторваться, когда начнешь ее перелистывать, — такъ дѣйствуетъ богатство и разнообразіе литературнаго матеріала. Для аналогіи, авторъ книги приводитъ и иноязычныя параллели къ извѣстнымъ сентенціямъ, но не въ этомъ заключается, разумѣется, главное значеніе разсматриваемыхъ нами томовъ. Едва-ли слѣдуетъ ставить въ вину автору, что матеріалъ его неравноцѣненъ по своему составу. Рядомъ съ Пушкинымъ, Крыловымъ, Жуковскимъ, Грибоѣдовымъ, Тургеневымъ, Достоевскимъ, Писемскимъ Гончаровымъ и другими классиками нашими и даже старымъ переводомъ Библіи (напечатанъ гражданской печатью), а также Державинымъ, Сумароковымъ и т. д. — находимъ далеко не всегда образцовую прозу гг. Михневича, А. А. Соколова, ***, Быкова и т. д. Но для фразеологіи важны отнюдь не одни корифеи литературы, и не тѣ, которые прокладывали въ литературной рѣчи новые пути, для нея можетъ быть еще интереснѣе сочиненія рядовыхъ писателей и журналистовъ, потому что ими то, собственно, и вырабатывается литературная рѣчь, ими и создается тотъ чутко-измѣнчивый фонъ ея, на которомъ впослѣдствіи таланты выдающіеся будутъ выводить болѣе оригинальные узоры.

Въ книгахъ г. Михельсона разсматривается въ алфавитномъ порядкѣ: во-1), пословицы и выраженія, ставшія формулами разговорной рѣчи, во-2), наиболѣе характерныя или чѣмъ либо замѣчательныя фразы нашихъ писателей, не получившія, однако, такого значенія въ разговорѣ (напр., хвалу и клевету пріемли равнодушно); 3) отдѣльныя слова, ставшія иносказательными (хлоя) и 4) иностранные слова— термины (декретъ). Отдѣльнымъ элементомъ книги являются непривившіося неологизмы (напр., Боборыкинское *ерўндопель*).

Повидимому, г. Михельсонъ опускалъ нѣкоторыя слова и выраженія вульгарнаго языка, которыя не получили литературнаго гражданства: напримѣръ, рядомъ со словомъ *прокуроръ*, на которое дается иллюстрація изъ А. А. Соколова, не находимъ слово *прокурать*. При словѣ *дипломатъ* данъ примѣръ изъ „Войны и мира", но опущенъ примѣръ изъ „Хозяина и работника" гдѣ это слово употреблено совсѣмъ въ другомъ значеніи. Я дѣлаю эти замѣчанія не съ упрекомъ составителю, а чтобы показать, что онъ держался на почвѣ обще-литературнаго примѣненія словъ и дѣлалъ исключеніе лишь для сравнительно немногихъ „словечекъ" г. Боборыкина. Но можно и надо поставить въ укоръ М. И. Михельсону, что онъ иногда создаетъ

цѣлыя рубрики для якобы русскихъ выраженій и притомъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда русскій языкъ отказывается переводить ихъ, напримѣръ, *Раздѣляй и управляй*: это три русскія слова, но они далеко не вполнѣ соотвѣтствуютъ латинской формулѣ, которую они переводятъ. И не даромъ Пушкинъ въ Запискахъ своихъ отказался ихъ переводить.

Я уже указалъ на объективность работы г. Михельсона; надо отмѣтить также осторожность въ выборѣ примѣровъ, даже при соблазнительности иллюстраціи для иныхъ словъ. Напримѣръ, при словѣ *мовешка* устраненъ Карамазовскій оттѣнокъ этого слова, а въ выраженіи *увѣнчать зданіе* г. Михельсонъ, работавшій задолго до 1905 года, взялъ примѣры только совершенно нейтральные: проиграла полнота и характерность, но выигралъ фонъ, нѣчто общее, не бьющее въ глаза новизною, прочное, общепринятое.

Заглядывая и въ Чехова и въ Горькаго, г. Михельсонъ, повидимому, болѣе пользовался такими писателями какъ Мельниковъ (Андрей Печерскій), Маркевичъ, Боборыкинъ, не говоря, конечно, объ именахъ, ставшихъ уже классическими. Островскій очень полно использованъ, и не только со стороны бытовой, но даже въ историческихъ драмахъ.

Конечно въ такомъ большомъ, двадцатилѣтнемъ трудѣ не могло обойтись безъ промаховъ. Я отмѣчу нѣкоторые изъ нихъ, на которые я напалъ случайно. Пословица „Билъ дѣдъ бабу, грозясь на жабу" не точно передана латинской Fabrum caedere cum ferias fullonem. Эта поговорка скорѣе покрываетъ русскую „мѣтилъ въ ворону, а попалъ въ корову". Да и переданъ латинскій текстъ съ ошибкою: не попасть въ кузнецы, а попасть (убить) въ кузнеца.

2. Странное понятіе дается о декадентствѣ (см. это слово). Декаденство, какъ періодическое литературное явленіе, г. Михельсономъ совершенно игнорируется, и мы читаемъ у него такое объясненіе слова *декаденты* „противники современнаго состоянія французскаго общества" и т. д. Что же это собственно значитъ?

3. Еще менѣе посчастливилось слову снобъ, хотя примѣръ взятъ изъ Боборыкина, гдѣ слово *снобъ* употреблено очень близко къ установившемуся смыслу.

У г. Михельсона читаемъ: „Снобъ — по простотѣ и глупости удивляющійся обыкновеннымъ вещамъ". Слово *снобъ* въ литературный обиходъ введено было, какъ извѣстно, Теккереемъ, въ 1848 году, но значеніе, подобное указанному г. Михельсономъ, совершенно чуждо

установившемуся съ тѣхъ поръ въ англійской и французской литературѣ.

4. Сомнительна связь слова *декорація* съ греческимъ δοκεῖν *казаться*.

5. При выраженіи „еже писахъ, писахъ“ взято латинское выраженіе словъ Евангелиста, а почему то не греческое, которое значило не совсѣмъ то, что латинское.

6. На 438 страницѣ I тома отмѣчаю путаницу съ отрывкомъ изъ греческой трагедіи: составитель спуталъ *сколій* (заздравную пѣсню) со *схоліей* (объясненіемъ эрудита).

7. Напрасно включаетъ составитель въ миѳъ о Прометеѣ Юпитера, особенно ссылаясь на Гезіода и Эсхила.

8. При выраженіи *Наполеоновски* ставлю знакъ вопроса: мы говоримъ по-наполеоновски, какъ по-французски, по-свойски и т. п.

9. Откуда взялъ составитель, что Гоголь писалъ *на пропáлую* съ удареніемъ на *а*?

Эти ничтожные промахи, которыхъ, конечно, нашлось бы и гораздо больше, не умаляютъ достоинства работы г. Михельсона. Она оцѣнена уже Академіей, какъ работа научная.

Но я думаю, что и для учениковъ средней школы книги, разобранныя мною, должны быть признаны весьма полезными. Онѣ не могутъ не содѣйствовать поднятію любви къ русскому слову и желанія работать надъ нимъ.

И. Анненскій.

Проф. *К. Г. Дементьевъ*. Начальный курсъ химіи. Съ 109 рисунками въ текстѣ. Кіевъ. 1907. Изд. Пироговскаго Т—ва. Стр. XII+500. Цѣна 1 р. 50 коп.

Въ предисловіи къ разсматриваемому курсу авторъ указываетъ какъ на основную цѣль его — созданіе учебника, соотвѣтствующаго программѣ преподаванія химіи въ реальныхъ училищахъ; а для того, чтобы сдѣлать его пригоднымъ и для коммерческихъ и горныхъ училищъ, въ него включены добавочные отдѣлы и даны первоначальныя свѣдѣнія изъ технологіи нѣкоторыхъ, важныхъ въ промышленности элементовъ. Самымъ заглавіемъ „Начальный курсъ химіи“ авторъ, видимо, придаетъ этому курсу значеніе руководства для самообразованія.

Съ внѣшней стороны курсъ представляетъ довольно объемистую книгу въ 490 страницъ, изъ которыхъ около 429 стр. приходится на долю общей теоретической химіи, около 15 стр. дополнительныхъ

статей изъ физической химіи, 45 стр. органической химіи и 15 стр. аналитической химіи. Если отдѣлить всѣ добавочныя статьи, то на выполненіе программы собственно для реальныхъ училищъ останется не менѣе 400 — 425 страницъ — объемъ конечно далеко не соотвѣтствующій постановкѣ преподаванія химіи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

Переходя къ внутреннему содержанію этого курса и распредѣленія въ немъ матеріала, можно сдѣлать слѣдующія общія замѣчанія:

1. Авторъ идетъ совершенно въ разрѣзъ съ основной идеей постановки преподаванія химіи въ реальныхъ училищахъ и безъ всякой надобности нагромождаетъ въ курсѣ множество фактическаго матеріала, не имѣющаго образовательнаго значенія.

2. Желая выдѣлить и сдѣлать болѣе доступными законы и основныя теоріи химіи, авторъ затрачиваетъ 100 первыхъ страницъ на изложеніе общихъ, теоретическихъ основаній этого предмета и вопроса о физическомъ состояніи вещества. При этомъ, благодаря отсутствію фактическаго матеріала, автору часто приходится забѣгать впередъ или ограничиваться чисто догматическимъ изложеніемъ важнѣйшихъ законовъ, что въ смыслѣ усвоенія представляетъ значительную трудность; къ этому нужно прибавить, что именно въ этой, важнѣйшей по своему значенію части курса нерѣдко встрѣчаются крайне неясныя мѣста, значительныя противорѣчія и вообще изложеніе наиболѣе слабое, что и будетъ указано ниже въ болѣе подробномъ видѣ.

3. Въ дальнѣйшей, описательной части встрѣчается множество сырого необработаннаго матеріала, на каждомъ шагу факты и детали совершенно ненужные учащемуся и никакой, опредѣленной системы. Достаточно указать, что на одинъ кислородъ потрачено около 30 стр., на водородъ 20 стр., на сѣру 28 стр. и т. д. Между тѣмъ, весь объемъ курса химіи для реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія едва ли можетъ превосходить 125—150 стр.

4. Отдѣлъ органической химіи, не смотря на довольно значительный объемъ (45 стр.), изложенъ слабо и не даетъ учащемуся ни необходимыхъ теоретическихъ свѣдѣній, ни достаточнаго знанія фактическаго матеріала.

Къ этимъ общимъ замѣчаніямъ можно еще прибавить, что на всемъ протяженіи курса можно встрѣтить довольно много недоразумѣній, а нерѣдко и совершенно невѣрныхъ понятій, что можно видѣть на слѣдующихъ примѣрахъ:

Стр. 2. — Авторъ справедливо замѣчаетъ — „не слѣдуетъ смѣши-

вать понятіе о *веществѣ* съ понятіемъ о *тѣлѣ*"; но уже на стр. 3 напечатанъ жирнымъ шрифтомъ законъ: „Химія изучаетъ составъ и превращенія лишь однородныхъ тѣлъ".

Стр. 12.—Авторъ путаетъ понятія *энергіи* и *силы* и законъ извѣстный въ дѣйствительности подъ названіемъ „закона сохраненія энергіи" онъ называетъ *закономъ вѣчности силъ*. То же недоразумѣніе встрѣчается и на стр. 13, гдѣ прямо сказано: „*законъ вѣчности силы или энергіи*".

Стр. 13.—Совершенно невѣрное опредѣленіе—„вещества, которыя не могутъ быть разложены... называются элементами или простыми тѣлами".

Стр. 22.—Очень неясное и запутанное опредѣленіе—„механическая смѣсь характеризуется тѣмъ, что въ ней составныя части находятся одна подлѣ другой, при чемъ каждая частица сохраняетъ свои первоначальныя свойства и дѣйствуютъ на другія вещества такъ же, какъ если бы они (?) были совершенно свободными".

Стр. 24.—Очень сложное и неясное опредѣленіе предмета химіи:—„химія есть наука, занимающаяся изученіемъ состава вещества и безчисленныхъ его превращеній...".

Стр. 33.—Излагается „законъ сохраненія вѣса" какъ нѣчто новое и обособленное отъ „закона вѣчности матеріи", изложеннаго раньше, на стр. 5.

Стр. 36.—Неточная формулировка закона постоянства состава:—„составъ соединенія не зависитъ отъ способа образованія".

Стр. 37.—Запутанное и ненужное опредѣленіе „химическаго соединенія".

Стр. 41 и далѣе.—„Атомическая теорія" и понятія атома и молекулы крайне спутаны и сбивчивы.

Стр. 72.—Извѣстная гипотеза Авогадро и Ампера названа „закономъ Авогадро и Жерара", безъ указанія ея физическаго значенія.

Стр. 73.—Слѣдствіе изъ закона Авогадро и Жерара не точно.

Стр. 76.—Дано ненужное толкованіе „формулу $M = 2d$ можно прочесть и такъ: молекулярныя количества сложныхъ и простыхъ тѣлъ занимаютъ въ газообразномъ состояніи объемъ 2-хъ вѣсовыхъ частей водорода".

Стр. 81.—Совершенно несвязанное съ тѣмъ, что говорилось на стр. 44, хотя и взятое изъ курса химіи Д. И. Менделѣева опредѣленіе: „частицею или молекулою мы будемъ впредь считать количество вещества, вступающее въ химическое взаимодѣйствіе съ другими

частицами (?) и занимающее въ газообразномъ состояніи такой же объемъ, какой занимаютъ двѣ вѣсовыя части водорода".

Стр. 93—95.—Цѣлый рядъ совершенно невѣрныхъ и запутанныхъ опредѣленій (№№ 1, 3, 5, 7, 8, 13, 15, 16, 19, 21, 23, 27 и 28).

Въ дальнѣйшемъ обзорѣ описательной части остановимся только на наиболѣе крупныхъ недочетахъ въ опредѣленіяхъ и представленіи химическихъ реакцій.

Стр. 108.—Плохо развиты понятія кислоты, щелочи и соли.

Стр. 113.—Тѣ же запутанныя опредѣленія кислоты, щелочи и соли.

Стр. 115. — Совершенно непонятное опредѣленіе „температура воспламененія".

Стр. 130.—На 2-хъ страницахъ и очень сложно представлено простое явленіе разложенія бертолетовой соли, для полученія кислорода.

Стр. 144.—Невѣрная реакція:

$$1.\quad 2HNO_3 + Cu = Cu\ (NO_3)_2 + 2H$$
$$2.\quad 2HNO_3 + 6H = 4H_2O + 2NO.$$

Стр. 181.—Такое же неправильное толкованіе реакцій Cu и H_2SO_4.

Стр. 209.—Совершенно ненужное повтореніе закона кратныхъ, вѣсовыхъ отношеній.

Стр. 252.—Едва ли можно согласиться съ такой формулой: „Дыханіе есть ничто иное, какъ медленно протекающее горѣніе, т. е. соединеніе углерода съ кислородомъ воздуха".

Стр. 294.—Авторъ приписываетъ Д. И. Менделѣеву совершенно произвольный выводъ, который сбиваетъ съ правильнаго пониманія закона періодичности, изложеннаго на стр. 297.

Стр. 304.—Совершенно невѣроятная реакція полученія хлора:

$$\begin{cases} MnO_2 + 4HCl = Mn\ (?) + Cl_4 + 2H_2O \\ Mn + Cl_4 = Mn\ Cl_4 \\ Mn\ Cl_4 + Mn\ Cl_2 + Cl_2. \end{cases}$$

На основаніи всего, изложеннаго выше я прихожу къ заключенію, что разсматриваемый начальный курсъ химіи проф. Дементьева не удовлетворяетъ простѣйшимъ, основнымъ требованіямъ, какія слѣдуетъ предъявлять къ элементарнымъ учебникамъ химіи и вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ крупными недостатками, какъ съ научной, такъ и съ педагогической точки зрѣнія.

А. Сапожниковъ.

***С. П. Семеновъ. Курсъ прямолинейной тригонометріи, составленный примѣнительно къ программѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Могилевъ на Днѣпрѣ. 1907. Стр. 2 нен.+162+4 нен. и 3 лист. чертежей. Цѣна 80 коп.**

Книга г. Семенова представляетъ собою весьма недурной курсъ тригонометріи. Авторъ весьма просто, ясно и толково излагаетъ избранный имъ матеріалъ и сопровождаетъ каждый отдѣлъ довольно большимъ собраніемъ задачъ. Особенно подробно авторъ разбираетъ различные случаи рѣшенія треугольниковъ. Напримѣръ, для однихъ прямоугольныхъ треугольниковъ онъ насчитываетъ двадцать одинъ случай, смотря по тому, какія величины являются данными. Наиболѣе важные случаи рѣшены подробно и пояснены примѣрами, другіе же только приводятся къ основнымъ.

Мы можемъ указать лишь весьма немного мѣстъ, которыя вызывали бы серьезныя возраженія.

Какъ мы уже много разъ указывали, мы считаемъ совершенно излишнимъ введеніе понятія о такъ называемыхъ тригонометрическихъ линіяхъ дуги. Мы думаемъ, что это понятіе ни къ чему не нужно и можетъ только путать учениковъ. Въ особенности это можетъ случиться при изложеніи автора, который на стр. 21 указываетъ (совершенно правильно), что если радіусъ принятъ за единицу, то числа, выражающія тригонометрическія линіи дуги совпадаютъ съ тригонометрическими величинами угла и, условившись всегда считать радіусъ за единицу, опредѣляетъ синусъ дуги или угла, какъ перпендикуляръ, опущенный изъ конца дуги на радіусъ и т. д. Очень опасаемся, что ученики забудутъ условіе, что радіусъ нужно принять за единицу, и будутъ прямо отожествлять синусъ съ извѣстнымъ перпендикуляромъ при всякомъ радіусѣ.

Стр. 25—27. Говоря о соотношеніяхъ между тригонометрическими величинами, слѣдовало бы указать, сколько между ними независимыхъ и какія именно.

Стр. 52. При доказательствѣ теоремы сложенія, авторъ беретъ произвольный радіусъ круга (R), а на слѣдующей же страницѣ полагаетъ $R=1$. Проще (и послѣдовательнѣе) было бы сразу положить $R=1$.

Стр. 56 содержитъ крупный промахъ: желая распространить теорему сложенія на случай дугъ, бо́льшихъ $\frac{\pi}{2}$, авторъ исходитъ изъ того самаго равенства, которое нужно было доказать. Слѣдовало принять за исходный пунктъ равенство (по обозначеніямъ автора).

$$\mathrm{Sin}(x-b)=\mathrm{Sin}x\ \mathrm{Cos}b-\mathrm{Cos}x\ \mathrm{Sin}b.$$

Стр. 58. Неупотребительный (и, надо признаться, неудачный) терминъ: одинарная дуга.

Стр. 60. При формулахъ для тригонометрическихъ величинъ половиннаго угла нѣтъ и упоминанія о двойномъ знакѣ и его причинѣ.

Стр. 63. Не слишкомъ ли рискованно говорить, что вычисленіе при помощи логариѳмовъ становится невозможнымъ, если входитъ сумма или разность?

Стр. 67. Въ примѣчаніи авторъ обѣщаетъ показать дальше, что $\mathrm{tg}\,45^\circ=1$, но мы этого такъ и не нашли.

Стр. 88. Непріятная обмолвка: вмѣсто „въ послѣднемъ случаѣ" нужно „въ первомъ случаѣ", ибо только для этого случая можно считать Sin и tg пропорціональными дугѣ.

При рѣшеніи треугольниковъ совершенно отсутствуютъ контрольныя формулы.

Описаніе тріангуляціи (стр. 161—162) неточно.

Кромѣ отмѣченныхъ авторомъ опечатокъ мы замѣтили еще много другихъ, иногда весьма непріятныхъ. Послѣдній листъ чертежей приклеенъ вверхъ ногами.

Б. Кояловичъ.

Книжныя новости.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію въ теченіе мая и іюня мѣсяцевъ 1908 года.

— *Штейнъ, Сергѣй.* Славянскіе поэты. Николай I Черногорскій—Іованъ Іовановичъ Змай—Іованъ Иличъ—Воиславъ Иличъ—Іованъ Дучичъ—Антонъ Ашкерцъ—Отонъ Зупанчичъ—Казиміръ Тетмайеръ—Карлъ Гавличекъ Боровскій. Переводы и характеристики. С.-Пб. 1908. X+230 стр. Цѣна 1 руб.

— Бюро заграничныхъ и русскаго парламентовъ. С.-Пб. 1908. 37+10 стр.

— Русская исторія въ картинахъ. Учебный отдѣлъ общества распространенія техническихъ знаній. Историческая коммиссія. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Москва. XVIII большихъ листовъ.

— *Мещерскій, И.* Азбука сельскаго хозяйства. С.-Пб. 1908. VIII+212 стр. Цѣна 60 коп.

— Городскія попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ. 1895—1904 г. Москва 1908. V+186 стр.

— *Клоссовскій, А. В.* Физическая жизнь нашей планеты на основаніи современныхъ воззрѣній. Одесса 1908. Цѣна 40 коп.

— *Ушинскій, Н. Г.* Лекціи по бактеріологіи. Одесса 1908. Цѣна 1 руб. 50 коп.

— *Ветэмъ, проф.* Современное развитіе физики. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей В. Вейнберга и А. Орбинскаго. Съ приложеніемъ рѣчи А. Дж. Бальфура „Нѣсколько мыслей о новой теоріи вещества". Одесса 1908. Цѣна 2 руб.

— *Мультонъ, Ф. Р.* Эволюція солнечной системы. Переводъ съ англійскаго. 12 рисунковъ. Одесса 1908. Цѣна 50 коп.

— *Линдеманъ Ф.* Форма и спектръ атомовъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Одесса 1907. Цѣна 20 коп.

— *Риги, А.* Современная теорія физическихъ явленій. Переводъ съ итальянскаго. Одесса 1908. Цѣна 1 руб.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Н. П. ВАГНЕРЪ И Н. Н. ПОЛЕЖАЕВЪ.

(Изъ воспоминаній зоолога).

I.

Нѣкоторая натянутость между представителями одной и той же каѳедры въ томъ же университетѣ явленіе, можно сказать, почти всеобщее, но иногда эта натянутость переходитъ въ прямо-таки враждебное отношеніе. Таковое состояніе профессорскихъ душъ особенно рѣзко давало себя чувствовать въ восьмидесятыхъ годахъ въ Московскомъ университетѣ по части зоологіи. Становилось это особенно чувствительнымъ, главнымъ образомъ, для насъ, учениковъ враждующихъ сторонъ, когда мы приступали къ магистерскому экзамену. Какъ извѣстно, для этого экзамена никакихъ программъ или даже сколько-нибудь опредѣленныхъ требованій нѣтъ (да и врядъ ли возможно ихъ установленіе). Экзаменующійся долженъ знать всю литературу предмета, а такъ какъ сіе невозможно, то отъ профессора вполнѣ зависитъ провалить экзаменующагося или, по крайней мѣрѣ, омрачить репутацію молодого ученаго. Во избѣжаніе подобныхъ скандаловъ нашъ общій учитель А. П. Богдановъ категорически потребовалъ, чтобы мы, его ученики, магистрировали не въ Московскомъ, а въ другихъ университетахъ: кто магистрировалъ въ Харьковѣ, кто въ Одессѣ, кто въ Петербургѣ. Въ 1885 г. я пріѣхалъ съ этой цѣлью въ Петербургъ и впервые познакомился какъ съ Николаемъ Петровичемъ Вагнеромъ, читавшимъ тогда зоологію безпозвоночныхъ, такъ и съ Николаемъ Николаевичемъ Полежаевымъ, тоже державшимъ въ это время магистерскій экзаменъ.

Н. П. Вагнеръ былъ для меня до этихъ поръ нѣкоторымъ отвлеченнымъ понятіемъ. Это былъ зоологъ, открывшій явленіе пэдогенеза, что̀ доставило ему міровую извѣстность, и въ то же время извѣстный всей читающей Россіи—„Котъ Мурлыка“. О Полежаевѣ я зналъ очень мало: это былъ единственный изъ русскихъ зоологовъ, участвовавшій въ обработкѣ громаднаго зоологическаго матеріала, собраннаго кругосвѣтной глубоководной англійской экспедиціей „Challenger“—вотъ и все.

Я не думаю давать офиціальнаго некролога или даже біографической замѣтки объ этихъ двухъ зоологахъ, на первый взглядъ такъ мало имѣвшихъ между собой общаго.

Въ самомъ дѣлѣ: одинъ былъ вполнѣ законченный извѣстный ученый, уже на отдыхѣ, другой—начинающій молодой зоологъ; одинъ былъ мистикъ и оккультистъ, другой—скептикъ и атеистъ; одинъ прожилъ до 78 лѣтъ и оставилъ послѣ себя цѣлый рядъ трудовъ, какъ въ области зоологіи, такъ и въ беллетристикѣ, другой умеръ еще молодымъ и послѣ него остались лишь двѣ—три работы. Но, несмотря на это, между ними было и кое что общее и именно то, что оба они были художники въ душѣ и даже отчасти поэты. Сочетаніе художественности натуры со склонностью къ спеціальнымъ научнымъ изслѣдованіямъ—явленіе нерѣдкое. Вспомнимъ проф. Бородина—творца „Игоря“ и извѣстнаго химика. Н. П. Вагнеръ былъ не только художественный писатель, но онъ и владѣлъ кистью—черта, достигшая болѣе полнаго выраженія у одного изъ его сыновей. П. Н. Полежаевъ не только переводилъ Гейне, но былъ авторомъ ряда романсовъ, набросалъ и не докончилъ, какъ многое изъ начатаго имъ, сюиту и мастерски импровизировалъ на рояли. Есть и еще одна черта, общая этимъ двумъ зоологамъ: ихъ научныя работы шли сами по себѣ, а ихъ художественное творчество шло само по себѣ. Ни тому, ни другому не удалось сочетать эти двѣ стороны. Если бы они это осуществили, то мы бы имѣли въ нихъ представителей того типа ученыхъ, какимъ является старикъ Брэмъ. Для меня же эти два лица соединяются единствомъ времени, въ теченіе котораго мы всѣ работали вмѣстѣ, встрѣчаясь почти ежедневно. Скажемъ сначала нѣсколько словъ о зоологической дѣятельности того и другого.

II.

Капитальнымъ открытіемъ Н. П. Вагнера, доставившимъ ему всесвѣтную извѣстность, былъ пэдогенезъ, т. е. дѣвственное размноже-

ніе въ личиночномъ состояніи, наблюдаемое у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ. Самое наименованіе „педогенезъ“ принадлежитъ К. Бэру, а равно и самая сущность происходящихъ при этомъ процессовъ выяснена была другими изслѣдователями, но все-таки заслуга Н. П. Вагнера, какъ перваго открывшаго этотъ фактъ, громадна. Дѣвственное размноженіе вообще тогда было извѣстно съ полной достовѣрностью, но размноженіе личинокъ казалось настолько невѣроятнымъ, что, какъ говорятъ, Зибольдъ, основатель и редакторъ извѣстнаго журнала „Zeitschrift für wissenchaftliche Zoologie“, долгое время колебался и не рѣшался печатать присланную ему Н. П. Вагнеромъ статью. Добавляютъ, что эти колебанія исчезли лишь тогда, когда возвращавшійся черезъ Казань изъ путешествія по Азіи туринскій профессоръ Филиппи удостовѣрилъ, что видѣлъ препараты Н. П. Вагнера воочію, и тогда только статья была напечатана. Вообще у Н. П. Вагнера было несомнѣнное зоологическое чутье, которое помогаетъ находить интересныя темы для изслѣдованія и подмѣчать тѣ области, гдѣ возможно ожидать наиболѣе заслуживающихъ вниманія въ данную эпоху результатовъ.

Организація одного своеобразнаго паразита стерляди (Cystopsis acipenseri), развитіе наѣздниковъ, вліяніе электричества на пигментацію у бабочекъ, индивидуальныя измѣненія—цѣлый рядъ подобныхъ темъ, останавливавшихъ вниманіе Н. П. Вагнера и не потерявшихъ своего интереса до настоящаго времени, подтверждаютъ только что высказанную мысль. Правда, надо согласиться и съ тѣмъ, что Н. П. Вагнеръ, не владѣя вполнѣ зоологической техникой, далеко не всегда получалъ тѣ результаты, которые получилъ бы на его мѣстѣ изслѣдователь гораздо менѣе талантливый, но прошедшій надлежащую школу. Затѣмъ, нерѣдко въ Н. П. Вагнерѣ художникъ превалировалъ надъ изслѣдователемъ, и тогда его чутье завлекало его въ дебри смутныхъ предположеній и слишкомъ смѣлыхъ гаданій.

Мы съ нимъ познакомились, когда только что вышла его большая книга о безпозвоночныхъ Бѣлаго моря. Это громаднаго формата изданіе съ роскошными иллюстраціями было напечатано по русски и по нѣмецки на особыя средства, данныя министерствомъ (кажется, около 3.000 р.). На дѣлѣ въ этой книгѣ было не мало промаховъ, а были и такія вещи, которыя даже мнѣ, тогда начинающему зоологу, казались явно невѣроятными. Когда я это высказалъ Н. П. Вагнеру по поводу какого-то частнаго факта (кажется, своеобразнаго способа оплодотворенія Clio borealis), то услышалъ отъ него:

— Пэдогенезу тоже не вѣрили, а оказалась—правда.

Эту же аргументацію онъ употреблялъ въ защиту различныхъ спиритическихъ невѣроятностей, но о спиритизмѣ поговоримъ потомъ.

За то тѣ его работы, гдѣ нуженъ былъ тонкій художникъ—наблюдатель, какъ его наблюденія надъ образомъ жизни тарантула, останутся надолго образцовыми въ русской біологической литературѣ. Да, если бы онъ всецѣло отдался этому направленію, то европейская наука имѣла бы однимъ изъ первоклассныхъ изслѣдователей болѣе.

Русская жизнь часто заставляетъ людей уклоняться отъ прямого, казалось бы, самой судьбой намѣченнаго, пути. Такъ и Н. П. Вагнеръ—то берется за рѣшеніе тонкихъ гистологическихъ вопросовъ, для чего у него не было надлежащей технической подготовки, то принимается за популяризацію, то пишетъ романы и повѣсти, то увлекается спиритизмомъ и философіей оккультизма. А въ результатѣ громадный талантъ даетъ не болѣе того, что даетъ заурядный западный европейскій изслѣдователь. Потерявъ въ зоологіи, Н. П. Вагнеръ не сдѣлался и крупнымъ беллетристомъ.

Мнѣ пришлось слышать одинъ весьма рѣзкій отзывъ о его беллетристикѣ: „это какой-то всемірный плагіатъ". Конечно, это хвачено слишкомъ черезъ край, но дѣйствительно, когда читаешь его повѣсти и романы, то все время кажется, что гдѣ-то и когда-то нѣчто подобное читалъ. Лучшее, что имъ оставлено, это конечно,—„Сказки Кота Мурлыки", но и тамъ такъ часто чувствуется то Андерсенъ, то Гофманъ.

Самъ Н. П. Вагнеръ не разъ говорилъ, что смотритъ на эту работу какъ на средство къ существованію.

Конечно, она не была для него только этимъ. Въ ней онъ находилъ исходъ для своихъ художественныхъ настроеній. Но—кто знаетъ, если-бъ положеніе русскаго ученаго, обыкновенно зрѣющаго, по выраженію Гейне, подобно фрукту—на соломѣ, было инымъ, если бы наши ученые не были вынуждены чуть не съ малолѣтства размѣниваться на мелкую монету, чтобы доставить сколько-нибудь сносное существованіе близкимъ имъ людямъ, то Н. П. Вагнеръ оставилъ бы, можетъ быть, не полтора десятка томовъ беллетристики, а всего одинъ, но за то и валюта этого тома была бы иная, да и зоологическія его работы, въ зависимости отъ концентраціи силъ, не мало-бъ выиграли.

Наша жизнь коверкала людей покрупнѣе и покрѣпче, чѣмъ Н. П. Вагнеръ, а онъ, еще, пожалуй, сравнительно счастливо отдѣлался.

III.

Причины и условія совсѣмъ иного рода помѣшали Н. Н. Полежаеву сдѣлаться крупнымъ зоологомъ. Хотя онъ рано потерялъ отца и мать, но его дядя, очень богатый человѣкъ, далъ ему блестящее образованіе, далъ возможность учиться за границей, совершить кругосвѣтное путешествіе, отдаться наукѣ, не думая о насущномъ хлѣбѣ. Н. Н. Полежаевъ сразу опредѣлился, если можно такъ выразиться, попавъ въ лабораторію берлинскаго профессора Ф. Э. Шульце, которому тогда былъ переданъ богатый матеріалъ по губкамъ, собраннымъ во время экспедиціи „Challenger“. Н. Н. Полежаеву Шульцъ передалъ для обработки известковыхъ и роговыхъ губокъ, и Н. Н. Полежаевъ очень гордился тѣмъ, что получилъ потомъ съ англичанъ по 10 фунтовъ съ печатнаго листа. Эти двѣ англійскія работы его останутся навсегда: въ нихъ не только описанъ рядъ новыхъ формъ, но и есть идейная сторона. Предложенное Н. Н. Полежаевымъ дѣленіе губокъ (на Non-Calcarea или, какъ ихъ теперь зовутъ, Acalcarea, и Calcarea) остается до сихъ поръ. Если еще упомянуть о работѣ Н. Н. Полежаева касательно развитія живчиковъ у губокъ, тоже остающейся до сихъ поръ основною, то этимъ его научная дѣятельность и закончилась. Обѣ его диссертаціи представляли переработку этихъ двухъ англійскихъ работъ. Почему онъ не пошелъ дальше? Онъ не былъ узкимъ спеціалистомъ и былъ зоологъ думающій, какъ въ этомъ можно убѣдиться, читая его замѣтки о теменномъ глазѣ и о происхожденіи метамеріи. Думать онъ и не переставалъ, но работать пересталъ, а пересталъ потому, что на немъ тяготѣлъ обще-русскій недугъ, который и укоротилъ его жизнь. Было-ли это тяжелое наслѣдіе отцовъ, было-ли это благопріобрѣтенное — не все ли равно? Оба они, и Н. Н. Вагнеръ, и Н. Н. Полежаевъ, дали много меньше, чѣмъ могли дать. Но вѣдь это тоже общая судьба у насъ каждаго, мало-мальски, способнаго человѣка...

IV.

Въ 1885 году я пріѣхалъ магистрировать въ Петербургъ и, конечно, первымъ дѣломъ отправился къ Н. П. Вагнеру. Онъ тогда жилъ въ университетѣ, но уставъ 1884 года, обязавшій университетъ дать квартиру инспектору студентовъ, уже вскорѣ потомъ заставилъ правленіе университета передать квартиру Н. П. Вагнера лицу, назначенному на эту новую должность. Старикъ обидѣлся и, говорятъ,

возвратилъ въ правленіе дипломъ на званіе почетнаго члена Петербургскаго университета.

Н. П. Вагнеръ этого періода остался въ моей памяти въ видѣ сѣденькаго старичка, уже согбеннаго годами, но еще недряхлаго, со страннымъ почти стеклянным взглядомъ, всегда устремленнымъ куда-то мимо собесѣдника. Голосъ у него былъ рѣзкій, скрипучій, переходящій часто въ фальцетъ и вообще невыгодный для лектора. Н. П. Вагнеръ спросилъ меня, мои ли это статейки онъ читалъ въ Zoologischer Anzeiger. Я сказалъ, что мои, и, конечно, освѣдомился насчетъ того, что нужно для магистерскаго экзамена.

— Что нужно? — Все!

Это было весьма лаконично, но не совсѣмъ опредѣленно. Однако, никакого другого отвѣта я такъ и не получилъ.

Надо замѣтить, что условія для ознакомленія съ зоологіей тогда и теперь были весьма различны. Цѣлаго ряда капитальныхъ сводокъ и обширныхъ руководствъ, столь облегчающихъ задачу теперь, не существовало вовсе. Приходилось по каждому вопросу обращаться къ источникамъ. Я уже привезъ цѣлый чемоданъ конспектовъ, но, въ виду отвѣта Н. П. Вагнера, началъ усердно посѣщать превосходную библіотеку Зоологическаго музея Академіи наукъ, которой тогда завѣдывалъ симпатичнѣйшій Соломонъ Марковичъ Герценштейнъ. Это былъ человѣкъ, для котораго, кромѣ науки, ничего другого на свѣтѣ не существовало и который по названію помнилъ всю обширную литературу, проходившую черезъ его руки. При его желаніи помочь каждому, при его готовности рыться цѣлый день, чтобы отыскать вамъ брошюрку въ полъ-печатнаго листа, при его безконечной добротѣ — это былъ незамѣнимый человѣкъ, особенно для насъ магистрантовъ. Онъ рано умеръ, оставивъ всего одинъ выпускъ начатаго имъ описанія рыбъ, собранныхъ Пржевальскимъ, но у него уже были готовы цѣлые томы, и только рѣдкая добросовѣстность и научная скромность заставляли его работать дальше и дальше.

Трудъ его не пропалъ: его преемники получили коллекцію рыбъ Зоологическаго музея въ такомъ видѣ, который чрезвычайно облегчалъ имъ задачу описанія. Впрочемъ, наши хлопоты съ Соломономъ Марковичемъ были въ сущности напрасны, такъ какъ Н. П. Вагнеръ, какъ потомъ оказалось, самъ совсѣмъ отсталъ отъ новѣйшей зоологической литературы.

Другимъ зоологомъ въ Петербургскомъ университетѣ былъ Модестъ Николаевичъ Богдановъ. Безспорно талантливый человѣкъ, тоже съ

художественнымъ чутьемъ, прекрасный популяризаторъ и авторъ „Мирскихъ захребетниковъ“, но спеціально исключительно занимавшійся орнитологіей, онъ уже хворалъ въ это время, хворалъ тою болѣзнью, которая черезъ три года свела его въ могилу. Онъ отнесся къ экзамену моему совсѣмъ иначе.

— Вы сами знаете, на что обратить вниманіе. Разъ у васъ есть работы, то экзаменъ вопросъ второстепенный, а вотъ я вамъ что скажу: знаете этого господина?

И онъ показалъ новый томъ трудовъ кавказскаго орнитолога Радде, съ которымъ, оказывается, у него была полемика и вообще пріятныя отношенія, часто устанавливающіяся между людьми, занимающимися одной и той же спеціальностью. Дальнѣйшій разговоръ уже касался не экзамена, а „этого господина“ Радде.

Изъ другихъ экзаменовъ наиболѣе серьезнымъ являлся экзаменъ у Ивана Михайловича Сѣченова, вмѣстѣ съ Менделѣевымъ и Бутлеровымъ составлявшаго гордость Петербургскаго университета, но онъ сразу въ двухъ словахъ ясно и опредѣленно формулировалъ свои требованія.

V.

По поводу какого-то экзаменаціоннаго срока меня направили уговориться съ Н. Н. Полежаевымъ, который въ это время тоже держалъ экзаменъ. Онъ жилъ въ домѣ дяди на Англійской набережной и въ его распоряженіи былъ цѣлый аппартаментъ внизу съ прекрасной обстановкой и картинами, среди которыхъ осталась въ памяти копія рубенсовской „Вакханаліи“.

Какъ полный контрастъ съ этой обстановкой, вышелъ ко мнѣ самъ Н. Н. Полежаевъ—скромный, почти застѣнчивый, черезвычайно тихій и непринужденно деликатный. Онъ производилъ удивительно симпатичное впечатлѣніе своей наружностью. Особенно замѣчательны были его глаза: темные, ласкающіе, выразительные, несмотря на пенснэ, которое онъ постоянно нервно поправлялъ. Сутуловатый, небольшого роста, всегда изящно одѣтый, коротко остриженый—онъ производилъ впечатлѣніе человѣка очень благовоспитаннаго, и благовоспитанность эта не была только внѣшней, какъ это часто бываетъ. Мы съ нимъ сошлись какъ-то сразу и черезъ годъ уже были на ты, вѣроятно, потому, что въ смыслѣ художественности и мягкости натуры я составлялъ его полную противуположность. Послѣ же я замѣтилъ у Н. Н. Полежаева слабость къ посѣщенію всевозможныхъ ресторановъ и кабачковъ, но тогда эта слабость не носила еще угрожающаго характера.

Н. Н. Полежаевъ любилъ разсказывать о своихъ кругосвѣтныхъ путешествіяхъ, сдѣланныхъ скорѣе въ качествѣ туриста, нежели зоолога, и особенно о своемъ пребываніи на Востокѣ, въ частности въ Японіи, гдѣ онъ одержалъ побѣду надъ замужней японкой, что будто-бы настолько же трудно, насколько легка побѣда надъ японской дѣвицей. Портретъ этой японки всегда стоялъ у него въ кабинетѣ.

По словамъ Н. Н. Полежаева его безсовѣстно обобралъ въ Японіи какой-то шулеръ въ одномъ изъ чайныхъ домовъ, и японка заложила всѣ свои цѣнныя вещи, чтобы доставить Н. Н. Полежаеву возможность добраться до Америки, а оттуда онъ ѣхалъ въ трюмѣ и питался благодаря любезности повара, которому онъ, какъ умѣлъ, помогалъ чисткой картофеля и т. п.

— Почему же ты не послалъ телеграммы своимъ, чтобы тебѣ выслали денегъ? спросилъ я его.

— Видишь ли, я уже такую телеграмму послалъ изъ Индіи...

Разсказывалъ онъ о своей военной службѣ въ качествѣ вольноопредѣляющагося, дошедшаго до чина бомбардира.

Ему пришлось участвовать въ маневрахъ въ Высочайшемъ присутствіи. Къ батареѣ подъѣзжаетъ бывшій потомъ министромъ А. Н. К—инъ, бывавшій нерѣдко въ домѣ его дяди.

— Здорово, Полежаевъ!

— Здравствуйте, Алексѣй Николаевичъ, отвѣчалъ Н. Н. Полежаевъ своему доброму знакомому, вмѣсто классическаго „здравія желаю, Ваше. . . . . ство“.

На вопросъ, что же сказалъ на это К—инъ, Н. Н. Полежаевъ добавлялъ:

— Конечно, что̀ сказалъ! „Уберите его подальше“ — и такъ безнадежно махнулъ рукою, что меня скорѣй отпустили на всѣ маневры домой. Я отъ этого не былъ въ накладѣ.

Н. Н. Полежаевъ и военная дисциплина—это, дѣйствительно, нѣчто несовмѣстимое.

Мы готовились къ экзаменамъ. Сходились иногда по вечерамъ и болтали за кружкой пива.

VI.

Наконецъ, подошелъ день экзамена. М. Н. Богдановъ не могъ уже подниматься по лѣстницамъ, и экзаменъ былъ назначенъ въ какой-то маленькой, совсѣмъ не торжественной комнаткѣ внизу.

Н. П. Вагнеръ предложилъ вопросъ, на который можно было отвѣчать въ теченіе нѣсколькихъ дней: филогенія всего животнаго царства.

Говорю четверть часа, говорю полчаса, говорю три четверти часа— Н. П. Вагнеръ не прерываетъ не единымъ звукомъ.

Наконецъ, М. Н. Богдановъ не выдержалъ: „чего же еще тебѣ нужно? Видишь, ничего не знаетъ. Пиши неудовлетворительно". Тогда Н. П. Вагнеръ наконецъ разрѣшился вопросомъ: а не знаете ли вы работы „Нѣмца" о цестодахъ?

Подъ „Нѣмцомъ" надо было разумѣть чешскаго ученаго Nemeč и подъ его работой только что появившееся за нѣсколько дней до экзамена его предварительное сообщеніе въ Comptes Rendus. — Конечно, я не могъ знать ни Нѣмца, впервые выступившаго съ этой работой, ни его работы, чѣмъ, повидимому, доставилъ большое удовольствіе Н. П. Вагнеру. М. Н. Богдановъ отпустилъ меня черезъ четверть часа.

Рубиконъ былъ перейденъ и, уходя съ экзамена, я думалъ, зачѣмъ я потратилъ столько силъ и времени на подготовку, когда можно было обойтись гораздо проще.

Весной слѣдующаго года я защищалъ въ С.-Петербургѣ диссертацію, представлявшую собой передѣлку только что напечатанной мною работы въ Archives de Biologie. Оппонентами были Ф. В. Овсянниковъ и Н. П. Вагнеръ.

Н. П. Вагнеръ и здѣсь сдѣлалъ мнѣ нѣкоторый репримандъ.

Началъ онъ свои возраженія съ того, что вотъ уже третій москвичъ защищаетъ въ С.-Петербургѣ диссертацію: сначала Ульянинъ, потомъ Коротневъ, потомъ я, и у всѣхъ у насъ есть одна общая черта.

Н. Н. Полежаевъ разсказываетъ, что мое лицо, когда я услыхалъ свое имя рядомъ съ именами двухъ тогда уже довольно извѣстныхъ зоологовъ, выразило пріятное ожиданіе, которое, однако, должно было смѣниться выраженіемъ полной разочарованности, такъ какъ Н. П. Вагнеръ продолжалъ:

— Это общая черта, исконная для Москвы, — халатность...

Дѣло въ томъ, что я печаталъ впервые работу по русски (въ Запискахъ Академіи Наукъ) и проявилъ полную редакціонную и корректорскую невинность. У меня не только чуть не въ каждой строкѣ можно было найти опечатки, но и въ спискѣ опечатокъ—опять опечатки и т. д. Однако, такое начало меня разозлило и, чувствуя передъ собой противника, въ области эмбріологіи несильнаго, я сталъ огрызаться. Въ одномъ мѣстѣ, по словамъ того же Н. Н. Полежаева,

я, соскочивъ съ каѳедры, сталъ не совсѣмъ корректно тыкать пальцемъ въ какой-то рисунокъ для убѣжденія Н. П. Вагнера.

Однако, это все не мѣшало Н. П. Вагнеру по существу относиться ко мнѣ съ полнымъ доброжелательствомъ.

Въ этотъ же пріѣздъ мой въ С.-Петербургъ онъ предложилъ мнѣ свободное мѣсто хранителя кабинета, а когда умеръ М. Н. Богдановъ, то онъ еще до защиты докторской диссертаціи предложилъ меня на вакантную каѳедру, которую я и занялъ въ 1889 году.

VII.

Отношенія наши, какъ хранителя, т. е. въ сущности того же ассистента, и профессора, сложились очень просто: Н. П. Вагнеръ предоставилъ мнѣ полную свободу дѣйствій.

До меня это мѣсто занималъ К. С. Мережковскій, но онъ только что началъ организовывать лабораторное дѣло, какъ болѣзнь заставила его надолго отказаться отъ научной работы. Н. П. Вагнеръ лабораторіей почти не интересовался, и она осталась всецѣло на моей отвѣтственности. Самое трудное было добывать деньги на организацію лабораторіи. Н. П. Вагнеръ часто пропускалъ засѣданія факультета, и поэтому нерѣдко наши нужды, не будучи въ достаточной мѣрѣ выяснены, оставались неудовлетворенными. Однако, удалось постепенно наладить дѣло, а съ 1889 года мы начали издавать и свои „Работы лабораторіи“, выходящія и по сіе время, почти ежегодно.

Лекціями Н. П. Вагнеръ тоже часто тяготился и нерѣдко ихъ пропускалъ, при чемъ иногда поводы къ этому были не совсѣмъ обычнаго характера. Разъ, выйдя на лекцію, онъ объявилъ, что его „призываютъ духи“, и, говорятъ, дѣйствительно въ этотъ день уѣхалъ, но только не къ духамъ, а къ Л. Н. Толстому въ Москву. Побесѣдовавъ съ нимъ, Н. П. Вагнеръ тотчасъ же вернулся, но, кажется, не былъ обрадованъ отношеніемъ Л. Н. Толстого къ спиритизму.

При такомъ положеніи я скоро въ силу самихъ обстоятельствъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ мажордома, что̀ Н. П. Вагнеръ терпѣливо и добродушно переносилъ. Но одинъ разъ все-таки у него вырвался протестъ и притомъ въ самой неожиданной формѣ.

Какъ-то пріѣхалъ изъ Варшавы мой товарищъ П. И. М—овъ, который уже былъ тамъ профессоромъ и хотѣлъ намъ показать только что получившій распространеніе способъ прижизненнаго окрашиванія нервной ткани метиленовой синькой.

При этомъ, конечно, я передъ Н. П. Вагнеромъ соблюдалъ всѣ

формы внѣшней почтительности. Но, должно быть, Н. П. Вагнеръ захотѣлъ вскрыть передъ П. И. М—ымъ истинную сущность нашихъ отношеній и произошелъ такой разговоръ.

Н. П. Вагнеръ: Жарко очень натоплено въ лабораторіи.

Я: Да я неразъ говорилъ служителямъ, чтобы топили меньше, да не слушаютъ.

Н. П. Вагнеръ: Гм! А вы попробуйте на нихъ покричать, какъ вы иногда на меня кричите, можетъ быть, они и послушаютъ.

Немного найдется профессоровъ, которые позволили бы на себя „кричать" своимъ ассистентамъ.

Какъ умный человѣкъ, Н. П. Вагнеръ, конечно, понималъ, что его научная работа кончена и что его задача не мѣшать по возможности содѣйствовать работѣ молодыхъ силъ. Отсюда его терпѣливое и благодушное отношеніе къ моимъ посягательствамъ. Сознаютъ это, конечно, многіе изъ профессоровъ въ его положеніи, но поступаютъ, какъ онъ, очень немногіе.

Студенты, которыхъ Н. П. Вагнеръ нерѣдко, по привычкѣ, пріобрѣтенной на женскихъ курсахъ, называлъ „mesdames", относились къ нему въ общемъ равнодушно, хотя нерѣдко хлопали за его экстравагантные взгляды. Одинъ разъ его встрѣтили аплодисментами. Онъ спросилъ, за что. Одинъ изъ студентовъ отвѣтилъ: „за то, что у васъ убѣжденія не расходятся съ поступками".

Это было послѣ того, какъ онъ, попавъ въ присяжные, отказался отъ присяги, какъ акта, противнаго ученію Христа. Судъ его отъ исполненія обязанностей присяжнаго освободилъ, но на 100 рублей оштрафовалъ. Тогда еще не было выработано надлежащей практики на сей счетъ.

VIII.

Лѣтомъ 1886 г. цѣлая компанія зоологовъ съ Н. П. Вагнеромъ во главѣ предприняла поѣздку на Соловецкую станцію. Это было дѣтище Н. П. Вагнера. Она имъ была основана, онъ нашелъ первыя средства, онъ сдѣлалъ на ней свою большую работу, о которой я уже упоминалъ, но ему же пришлось видѣть, какъ Соловецкій монастырь грубо и безапелляціонно уничтожилъ то, къ чему сначала относился какъ будто и съ сочувствіемъ. Подлинная исторія уничтоженія этой незамѣнимой по своимъ физико-географическимъ условіямъ станціи опубликована въ книгѣ К. М. Дерюгина „Мурманская біологическая станція", вошедшей въ „Работы лабораторіи зоологическаго и зоотомическаго кабинетовъ".

Тогда, правда, Н. П. Вагнеръ находилъ поддержку у К. П. Побѣдоносцева, и, покуда эта поддержка была, до тѣхъ поръ и монастырь относился къ станціи сочувственно. Тогда кратчайшій путь лежалъ до Повѣнца на пароходѣ, а отъ Повѣнца до Сумскаго посада на лошадяхъ, а оттуда моремъ на монастырскомъ пароходѣ подъ командой отца-діакона съ матросами въ подрясникахъ. Ѣхали мы подъ громкимъ названіемъ „экспедиція" съ нѣкоторой помпой, на границѣ уѣзда насъ встрѣчалъ исправникъ, въ деревняхъ урядники etc. Такъ какъ отъ Повѣнца до Сумскаго посада не было почтоваго тракта, а только земская почта, лошадей же намъ надо было не мало, то мы всячески поддерживали престижъ „экспедиціи" и сопряженную съ нимъ торжественность нашего путешествія, чтобы не было задержки въ лошадяхъ. Помню, какъ я долго усовѣщевалъ содержателя одной станціи добыть намъ все нужное количество лошадей, произнося слово „экспедиція" на манеръ „жупела" и „металла звенящаго" и грозя гнѣвомъ „генерала".

— Какой тамъ генералъ! Такъ себѣ старичекъ убогенькій, сѣденькій, а ты говоришь—генералъ. И вовсе не сердитый.

Очевидно, во мнѣніи содержателя станціи генералъ не могъ быть не сердитымъ, и Н. П. Вагнеръ прослылъ въ его глазахъ за самозванца.

Н. П. Вагнеръ любилъ Соловки, любилъ тамошній рыбный столъ (онъ не ѣлъ мяса вообще), любилъ всю монастырскую обстановку. Помню однажды (это бывало не болѣе раза въ лѣто) къ намъ на станцію пріѣхалъ самъ архимандритъ. Н. П. Вагнеръ за чаемъ сталъ развивать ему теорію трансформизма, но излагалъ ее въ той своеобразной формѣ, какъ онъ самъ ее понималъ.

Животное прогрессируетъ не въ силу естественнаго подбора, не въ силу вліянія условій, а въ силу того, что „желаетъ" прогрессировать.

— Захочетъ животное стать сильнымъ—оно и станетъ сильнымъ, выкрикивалъ фальцетомъ Н. П. Вагнеръ.

Архимандритъ сначала это все слушалъ молча, а потомъ догадался, въ чемъ дѣло:

— А по моему, какъ Богъ его создалъ, такъ оно и останется.

Въ эту поѣздку Н. П. Вагнеръ захватилъ съ собой своего сына-неудачника, котораго онъ не зналъ, куда пристроить и который позже сталъ извѣстенъ всей Россіи по своему процессу: онъ убилъ свою жену и былъ сосланъ въ Сибирь. Тогда это былъ еще совсѣмъ юный,

но типичный дегенератъ. Н. П. Вагнеръ думалъ, что онъ останется въ монастырѣ. Дѣйствительно сначала юноша приводилъ насъ въ удивленіе своимъ религіознымъ рвеніемъ, строгостью поста и настойчивымъ исполненіемъ послуха.

На грѣхъ у насъ вскорѣ вышла нѣкоторая провизія, и Полежаева пришлось съ деньгами командировать въ Архангельскъ. Тамъ онъ, по его словамъ, встрѣтилъ очень симпатичную семью какого-то моряка, у нихъ былъ рояль, а онъ такъ любитъ пѣніе и т. д. и т. д.; а вернулся нашъ кандидатъ изъ Архангельска черезъ недѣлю и то безъ провизіи. Однако, онъ все-таки на зиму остался въ монастырѣ, и архимандритъ хотѣлъ изъ него сдѣлать нѣчто въ родѣ личнаго секретаря, но скоро секретаря пришлось отослать въ дальній скитъ, а потомъ и вовсе сплавить изъ монастыря.

— Заушить меня хотѣлъ,—объяснялъ потомъ полушепотомъ архимандритъ.

Для насъ это былъ сторонній человѣкъ, объектъ для наблюденія, а Н. П. Вагнеру доводился сыномъ, и можно догадываться, что испытывалъ при этомъ старикъ. Н. П. Вагнеръ работалъ усердно, иногда ѣздилъ съ нами на море, но недалеко, особенно послѣ того, какъ я разъ его едва не утопилъ, слишкомъ самонадѣянно взявшись управлять парусами, чуть ли не въ первый разъ въ жизни. Совмѣстная поѣздка насъ не сблизила, однако, и вообще съ нимъ трудно было сблизиться: слишкомъ онъ былъ своеобразный человѣкъ и не только по взглядамъ, но и по манерѣ себя держать. Онъ никогда почти не вступалъ въ споры, а чуть-что—сейчасъ же умолкалъ и прятался въ свою старческую раковину.

IX.

Спиритическихъ убѣжденій Н. П. Вагнера я всегда избѣгалъ касаться, а онъ, считая меня безнадежнымъ, тоже объ этомъ какъ-то не заговаривалъ.

Разъ, помнится, одинъ изъ моихъ пріятелей праздновалъ свой докторскій диспутъ у меня на квартирѣ. Въ числѣ приглашенныхъ былъ Н. П. Вагнеръ и, конечно, Н. Н. Полежаевъ, который интересовался спиритизмомъ „съ точки зрѣнія натуралиста“, какъ онъ выражался. Нѣсколько лѣтъ спустя, Н. Н. Полежаевъ, вернувшись изъ Италіи, гдѣ онъ насмотрѣлся на знаменитаго медіума—синьору Палладино, безъ особаго удивленія разсказывалъ, что при движеніяхъ рукъ Палладино колеблются дверныя занавѣски. Потомъ, если не ошибаюсь, это

было дѣйствительно объяснено совершенно натуральнымъ образомъ: колебанія эти вызывались при помощи протянутыхъ къ занавѣскамъ шелковинокъ или волосъ. Н. Н. Полежаевъ вѣрилъ въ спиритическую природу этого явленія или, по крайней мѣрѣ, не рѣшался ея отрицать, но считалъ всѣ спиритическія явленія подлежащими научному изслѣдованію. Конечно, Н. Н. Полежаевъ и на этотъ разъ, воспользовавшись присутствіемъ Н. П. Вагнера, заговорилъ о спиритизмѣ, и я началъ ногою стучать снизу въ крышку стола.

— Вотъ вы дурачитесь, сказалъ Н. П. Вагнеръ, а знаете-ли, что такая имитація можетъ вызвать и настоящія спиритическія явленія и неоднократно вызывала.

Конечно, Н. Н. Полежаевъ сейчасъ же предложилъ, чтобы мы всѣ занялись столоверченіемъ. Н. П. Вагнеръ согласился, но потребовалъ, чтобы я и еще присутствовавшій одинъ кадетъ были изгнаны. Такъ и было сдѣлано. Вся компанія, кромѣ насъ, заперлась въ темной комнатѣ, но не достаточно плотно притворила дверь изъ корридора, чѣмъ мы съ кадетомъ и воспользовались. Стоявшія въ корридорѣ печенія и сушки, а когда ихъ убрали, просто бумажки послужили объектомъ для бомбардированія потолка темной комнаты, и оттуда все это попадало рикошетомъ на столъ и головы сидѣвшихъ около стола.

— Но вотъ дѣйствительно падаетъ штукатурка, говоритъ взволнованный голосъ новаго доктора. Порази-и-ительно!

— А вотъ сейчасъ попадетъ вамъ въ носъ, говоритъ Н. Н. Полежаевъ такъ спокойно, какъ будто рѣчь идетъ о капляхъ дождя подъ открытымъ, не пасмурнымъ небомъ.

— Послѣ этого, дѣйствительно, не стоитъ жить, остается застрѣлиться, говоритъ тотъ же взволнованный голосъ.

Въ оправданіе моихъ друзей я долженъ сказать, что все это происходило послѣ „докторскаго обѣда съ многократными тостами“ и т. п. Когда сеансъ кончился, то Н. П. Вагнеръ усердно собиралъ всѣ бумажки, развертывалъ ихъ и искалъ, очевидно, письменъ.

— Николай Петровичъ, да вѣдь это мы же бросили! Чего же вы ищите?

— Конечно, вы, но знаете-ли, что ваша шалость могла вызвать настоящія спиритическія явленія и что между этими бумажками, можетъ быть, есть и иного происхожденія...

Было ли это поразительное легковѣріе, характерное для тогдашняго настроенія интеллигентной среды, или упрямая стойкость убѣжденія, характерная для Н. П. Вагнера въ подобныхъ вопросахъ?

Н. П. Вагнеръ показывалъ многимъ небольшой металлическій крестъ, который матеріализовался на письменномъ столѣ, и въ зоологическомъ кабинетѣ долгое время хранился въ спирту матеріализовавшійся сомъ.

Н. П. Вагнеръ былъ однимъ изъ основателей философскаго спиритическаго общества, на засѣданія котораго пускались посѣтители съ большимъ разборомъ. Полежаевъ былъ допущенъ раза два и разсказывалъ, что Н. П. Вагнеръ тамъ демонстрировалъ негативы, на которыхъ былъ снятъ стоящій юнкеръ-медіумъ, и надъ нимъ на рядѣ снимковъ изъ облака постепенно матеріализовалась какая-то фигура. По словамъ Полежаева, это была довольно грубая поддѣлка. Сдѣлался ли Н. П. Вагнеръ жертвой мистификаціи или самъ считалъ ее допустимой для убѣжденія невѣрующихъ въ томъ, въ чемъ самъ былъ убѣжденъ съ полной и несомнѣнной достовѣрностью? Весь спиритизмъ Н. П. Вагнера, какъ и многихъ, былъ не чѣмъ инымъ, какъ жаждой вещественнаго доказательства существованія загробной жизни. Когда хоронили М. Н. Богданова, Н. П. Вагнеръ положилъ въ гробъ какое-то письмо. Кто-то сострилъ, что оно, вѣроятно, адресовано для передачи ранѣе умершему Бутлерову, тоже убѣжденному спириту, но относившемуся, впрочемъ, къ спиритизму также съ точки зрѣнія натуралиста, т.-е. какъ къ неразгаданному, но вполнѣ естественному явленію.

Послѣднія 10—12 лѣтъ Н. П. Вагнеръ удалился отъ всего и медленно, но постепенно угасалъ. Раза два—три приходилось быть у него. Это была только тѣнь прежняго Н. П. Вагнера. Впечатлѣніе получалось тягостное и мучительное.

Смерть его была чисто внѣшней, такъ какъ для науки, для общественной дѣятельности и для литературы онъ умеръ давно. Каковы бы ни были его слабости, замалчивать которыя я считаю совершенно излишнимъ, но будемъ помнить, что его имя связано съ однимъ изъ крупнѣйшихъ открытій въ біологіи и съ полувѣковой культурной работой, въ которой такъ нуждается Россія. Многія изъ его слабостей, какъ это явствуетъ изъ только что разсказаннаго, были скорѣе характерными для того времени блужданіями интеллигентскаго ума въ поискахъ за вѣчной истиной.

X.

Когда умеръ М. Н. Богдановъ, то насъ было трое приватъ-доцентовъ, имѣвшихъ, если не формальное, то нравственное право считаться

кандидатами. Я дѣлаю эту оговорку потому, что всѣ мы были магистрами, но у всѣхъ были почти готовы докторскія диссертаціи. Всего хуже въ этомъ отношеніи было дѣло у Полежаева, который сначала собирался сдѣлать для этого новую работу и никакъ не могъ ее начать. Потомъ онъ переработалъ для этой цѣли свою англійскую работу о роговыхъ губкахъ.

Со свойственной ему прямотой онъ заявилъ Н. П. Вагнеру, что проситъ не считать его въ числѣ кандидатовъ. Я не сомнѣваюсь, что онъ поступилъ бы точно также, если бы былъ въ это время уже докторомъ. Да и дѣйствительно, была громадная разница въ нашемъ положеніи. Я въ это время, вслѣдствіе размолвки съ семьей, оказался въ крайне критическомъ матеріальномъ положеніи, но все еще боролся: не писалъ популярныхъ статей, не давалъ уроковъ и все время отдавалъ лабораторіи. Весной я защитилъ докторскую диссертацію, составлявшую результатъ моей первой поѣздки на Бѣлое море, и былъ выбранъ факультетомъ, такъ какъ, несмотря на уставъ 1884 года, актъ избранія въ Петербургскомъ университетѣ всегда практиковался. Я понималъ хорошо, что Н. Н. Полежаевъ сталъ уже на наклонную плоскость. Его сидѣніе въ кабачкахъ, и притомъ сидѣніе въ одиночку, участилось. По его словамъ, онъ тамъ писалъ диссертацію. Спасти его, да и то далеко не навѣрняка, могъ какой-нибудь внѣшній стимулъ. Самъ онъ говаривалъ: „если меня кто можетъ удержать, то это еще одинъ Шимкевичъ". Для меня же было ясно, что самъ по себѣ ничего не могу сдѣлать. Если бы онъ получилъ каѳедру, думалось мнѣ, то это заставило бы его отдаться дѣлу и поневолѣ направить энергію въ другую сторону. Я началъ хлопоты среди коллегъ и въ министерствѣ о назначеніи его сверхштатнымъ профессоромъ безъ содержанія, такъ какъ въ послѣднемъ онъ не нуждался. Но что могли значить мои хлопоты — начинающаго профессора? Да и не могъ же я объяснить, почему это нужно сдѣлать теперь, и почему Полежаевъ не можетъ подождать, когда освободится гдѣ-нибудь каѳедра. Затѣмъ, я самъ серьезно захворалъ и уѣхалъ на полтора года за границу, при чемъ мнѣ была запрещена всякая умственная работа, а Н. Н. Полежаевъ въ это время пережилъ два момента, вліяніе которыхъ на его судьбу даже и теперь учесть мудрено. Умеръ его дядя и оставилъ ему въ наслѣдство полтораста тысячъ, а потомъ Н. Н. Полежаевъ влюбился и женился. Онъ перешелъ приватъ-доцентомъ въ Кіевъ, купилъ себѣ небольшое имѣніе подъ Кіевомъ, устроилъ тамъ изящное и даже роскошное „гнѣздышко", и, казалось бы, оставалось

только наслаждаться той долей земного счастья, которое ему удѣлила судьба.

Но стали доходить слухи о его ненормальностяхъ. Во-первыхъ, поражали безумныя, при его хотя и хорошихъ, но все же не милльонныхъ средствахъ, траты. На меблировку небольшого деревенскаго дома онъ затрачиваетъ чуть не четвертую часть своего капитала. По его словамъ, ежегодный расходъ на прислугу составлялъ у него около 12.000 рублей.

На вопросы, на что онъ будетъ жить потомъ, онъ объяснялъ, что онъ никогда не дорожилъ деньгами (и это онъ доказалъ потомъ на дѣлѣ) и что онъ надѣется начать, наконецъ, зарабатывать. Въ то же время онъ продолжалъ пить, пить дома, пить въ одиночку, скрывая это при помощи различныхъ мальчишескихъ и недостойныхъ его пріемовъ отъ своихъ семейныхъ.

Мнѣ онъ почти не писалъ, и видались мы разъ въ годъ или рѣже, когда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ. Разъ я сидѣлъ за работой, когда услышалъ какой-то странный шумъ въ передней. Извощикъ и прислуга моя почти на рукахъ вносили Николая Николаевича, руки и ноги котораго отказывались владѣть. — А я къ тебѣ умирать... Но до смерти еще было далеко. Доктора нашли у него начало прогрессивнаго паралича. Его нелѣпыя траты были уже однимъ изъ симптомовъ заболѣванія.

При помощи его родныхъ (матеріально ему все время помогалъ его двоюродный братъ А. А. Полежаевъ) его устроили въ лѣчебницѣ, гдѣ при абсолютномъ воздержаніи отъ алкоголя онъ началъ поправляться.

Конечно, параличъ дѣлалъ бы свое разрушительное дѣло, но дѣлалъ медленно, и Н. Н. Полежаевъ могъ бы благополучно дожить до старости.

Онъ выходилъ изъ лѣчебницы на видъ совсѣмъ здоровымъ и нормальнымъ человѣкомъ. Поселялся въ меблированныхъ комнатахъ и начиналъ пить. Болѣзненное состояніе возвращалось опять. Снова ложился въ лѣчебницу, снова поправлялся, чтобы выйти и заболѣть опять.

Я заходилъ къ нему и заставалъ его всегда лежащимъ на кровати въ мѣховомъ пальто, хотя онъ могъ ходить. Когда онъ былъ не въ лѣчебницѣ, то около него обыкновенно стояли два пузырька, при чемъ на одномъ была сигнатурка, обозначавшая, что это бромистый натръ, а на другомъ—ничего не было.

— Въ этомъ у меня водка, а въ этомъ бромистый натръ. Понимаешь, какая штука: я долженъ принимать того и другого по полърюмки. Вотъ такъ — смотри! А иначе не дѣйствуетъ — не сплю!

Когда онъ вышелъ, я понюхалъ его бромистый натръ—увы! это была все та же водка.

Есть случаи, когда поговорка „лучше поздно, чѣмъ никогда" не примѣнима. Въ это время Н. Н. Полежаевъ получилъ извѣстіе, что Казанскій университетъ его выбралъ въ профессора... Конечно, надо было настоять, чтобы Н. Н. Полежаевъ отказался, отказался отъ того, о чемъ мечталъ всю жизнь. Но уговорить можно нормальнаго человѣка, а Н. Н. Полежаевъ давно уже пересталъ быть имъ. Однако, объ этомъ знали только мы, близкіе къ нему люди, чѣмъ и объясняется избраніе его въ Казани.

Пришлось мнѣ же продѣлать весьма непріятную операцію — объяснить г. министру, что Полежаева нельзя назначать профессоромъ, „что все это избраніе не болѣе, какъ печальное недоразумѣніе"... Тѣмъ временемъ болѣзнь, подгоняемая алкоголемъ, шла ускореннымъ шагомъ. Полежаевъ не былъ настолько боленъ, чтобы надъ нимъ можно было употребить силу, но и не былъ настолько здоровъ, чтобы его можно было уговорить. Получился circulus vitiosus, выходъ изъ котораго скоро былъ данъ смертью. Въ теплый, солнечный сентябрьскій день 1903 г. въ Александро-Невской лаврѣ съ надлежащей помпой мы похоронили Николая Николаевича.

Казалось бы, ему было все дано судьбою: стремленіе къ научной работѣ, недюжинный талантъ, обаятельность личности, блестящее образованіе, наконецъ, средства — все, чтобы сдѣлаться крупнымъ ученымъ и счастливымъ человѣкомъ и распространять счастіе и знаніе кругомъ себя.

И все это оказалось жестокой ироніей судьбы. Всѣ блага эти были подорваны въ корнѣ тѣмъ подаркомъ, который вложила въ его колыбель злая фея россійскаго алкоголизма.

В. Шимкевичъ.

О ЗАДАЧѢ ПРЕПОДАВАНІЯ ИСТОРІИ ВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

Трудность опредѣленія задачи преподаванія исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ заключается въ томъ, что при этомъ имѣется въ виду двоякая точка зрѣнія: 1) общепедагогическая (развитіе учащихся умственное и нравственное), 2) политическая.

Трудность эта увеличивается еще оттого, что какъ педагогическая, такъ и политическая задачи понимаются не одинаково. Такъ, одни подъ педагогическою задачею понимаютъ по преимуществу умственное развитіе, другіе же развитіе этическое или нравственное. Точно также и политическая задача понимается различно: то уже, то шире. Одни требуютъ отъ исторіи развитія патріотизма, другіе развитія историческаго смысла, государственнаго сознанія и т. п. Если къ этому мы прибавимъ, что одни считаютъ главною задачею исторіи въ школьномъ преподаваніи знакомить учащихся съ политическою жизнью народовъ, другіе же не столько съ политическою, сколько съ культурною, или что нѣкоторые требуютъ отъ исторіи не просто развитія патріотизма и національнаго сознанія, но и посвященія учащихся въ злобу дня: то нельзя не согласиться, что ни отъ какого предмета не требуется такъ много, какъ отъ исторіи. Задача исторіи является такъ же необъятною и подавляющею, какъ и содержаніе ея. Въ виду этого, нельзя не припомнить благой совѣтъ философа Канта—не дать себя задавить громадною массой всего того, что случилось на свѣтѣ.

Для того, чтобы правильно опредѣлить, что слѣдуетъ выбрать изъ обширной области исторіи и какъ слѣдуетъ преподать эти избранныя части, необходимо руководиться тѣми же общими началами, какія

обязательны для всякаго учебнаго предмета, а именно: 1) цѣлью средней школы и 2) возрастомъ учащихся и степенью ихъ пониманія, иначе сказать: условіями здороваго духовнаго и физическаго развитія. Цѣль средней школы—дать общее образованіе, т. е. дать самыя существенныя и важныя знанія и, съ помощью ихъ, содѣйствовать умственному и нравственному развитію. Послѣднее мы считаемъ необходимымъ прибавить, потому что одни знанія, какъ бы многочисленны они ни были, безполезны, коль скоро они не имѣютъ вліянія ни на умственное, ни на нравственное развитіе. Затѣмъ, условія правильнаго духовнаго и физическаго развитія требуютъ не только соблюденія мѣры въ учебномъ матеріалѣ, но и такого выбора его и такого способа преподаванія, который соотвѣтствовалъ бы силамъ учениковъ и велъ ихъ отъ легкаго и простого къ болѣе трудному и сложному. Если мы примѣнимъ эти общія дидактическія требованія къ исторіи, то получимъ слѣдующія общія положенія: 1) исторія должна ограничиться только самыми важными и существенными событіями, т. е. такими, которыя на самомъ дѣлѣ могутъ оказать наибольшее вліяніе на расширеніе умственнаго и нравственнаго кругозора или на умственное и нравственное развитіе; 2) она должна начинать съ того, что наиболѣе доступно пониманію учащихся и постепенно переходить къ болѣе сложнымъ историческимъ явленіямъ и къ болѣе обстоятельному и связному (или прагматическому) изложенію ихъ; вообще, она не должна преждевременно сообщать учащимся то, чего они не могутъ понять по недостатку опыта и надлежащаго разумѣнія.

Такъ какъ исторія имѣетъ дѣло съ политическою жизнью народовъ, то по отношенію къ ней долженъ быть рѣшенъ еще одинъ вопросъ, а именно, вопросъ о томъ, какова должна быть задача ея въ политическомъ отношеніи.

Начнемъ съ первой задачи, а именно съ задачи общепедагогической, требующей отъ всякаго ученія, чтобы оно содѣйствовало умственному и нравственному развитію. Такъ какъ понятіе объ умственномъ развитіи слишкомъ растяжимо, то постараемся опредѣлить точнѣе, какого рода будетъ то развитіе, которому можетъ содѣйствовать исторія: будетъ ли это формальное развитіе, какое дается изученіемъ математики и языковъ, особенно древнихъ, или какое-нибудь другое? Подъ формальнымъ развитіемъ, какъ извѣстно, разумѣется развитіе строго логическаго сужденія или пріученіе учащихся къ соблюденію всѣхъ тѣхъ формъ мышленія и рѣчи, въ которыхъ выражается строго

логическое сужденіе. Если имѣть въ виду такого рода умственное развитіе, то таковымъ исторія можетъ содѣйствовать только въ самой малой мѣрѣ. Конечно, сами историки видятъ ся дѣйствіе на умъ учащихся, главнымъ образомъ, въ томъ, что она развиваетъ въ нихъ способность понимать причинную связь между событіями или же различать причину и слѣдствіе. Если бы это было такъ, а именно, если бы ученики на самомъ дѣлѣ дѣлались способными отыскать причину событій и вывести изъ нихъ слѣдствіе, то тогда исторія имѣла бы большое вліяніе на развитіе ихъ строго логическаго мышленія. Но такой способности ученики не пріобрѣтаютъ и не могутъ пріобрѣсти, такъ какъ работа ихъ при изученіи исторіи можетъ быть только пассивная.

Ученикамъ,—какъ иначе и быть не можетъ,—сообщается все заразъ: и событіе, и причина, вызвавшая его, и слѣдствіе, которое оно имѣло, такъ что имъ приходится только заучить все это. Что такая пассивная работа не въ состояніи пріучить ихъ къ самостоятельному и логически правильному сужденію, это само собою понятно. Не можетъ пріучить къ этому и то, что предлагаетъ въ своемъ руководствѣ практической педагогики извѣстный педагогъ Германъ Шиллеръ (директоръ Гиссенской гимназіи и учительской семинаріи). Онъ предлагаетъ именно въ старшихъ классахъ задавать по учебнику прочесть къ слѣдующему уроку отрывокъ изъ проходимой исторіи и затѣмъ на урокѣ спрашивать учениковъ, что было причиною событія, какіе дѣятели принимали въ немъ наибольшее участіе, какія были слѣдствія его. Такой способъ преподаванія, конечно, можетъ служить провѣркою того, насколько внимательно и осмысленно прочелъ ученикъ заданный отрывокъ, но это нисколько не пріучаетъ его самого отыскивать причину и выводить слѣдствія: и причина и слѣдствіе указаны уже въ учебникѣ. Притомъ замѣтимъ, что причинная связь въ исторіи не можетъ быть установлена такъ объективно, какъ она устанавливается въ наукахъ естественныхъ, напримѣръ въ физикѣ. Факты историческіе далеко намъ не извѣстны во всей своей полнотѣ и подробности. Мы часто не знаемъ всѣхъ обстоятельствъ, вызвавшихъ извѣстное событіе, и только догадываемся о тѣхъ мотивахъ, которыми руководились историческіе дѣятели. Кромѣ того, историческіе факты часто искажаются или намѣренно скрываются, частью самими дѣйствующими лицами, частью подъ вліяніемъ партійныхъ взглядовъ и интересовъ. Вслѣдствіе этихъ своихъ недостатковъ исторія не поддается строго объективному изложенію и потому она въ школьномъ

ученіи не можетъ служить орудіемъ для развитія строго логическаго мышленія или для развитія формальнаго. Вообще, по отношенію къ причинной связи событій въ исторіи роль ученика будетъ всегда ограничиваться пассивнымъ усвоеніемъ. Только въ одномъ случаѣ представляется возможность воспользоваться исторіей для упражненія учениковъ въ нѣкоторомъ самостоятельномъ мышленіи, а именно, если заставлять ихъ сравнивать аналогическія явленія въ пройденной ими исторіи, напримѣръ, переходъ отъ монархическаго образа правленія къ республикѣ въ древней Греціи и въ древнемъ Римѣ, или же и просто сравнивать однородныхъ дѣятелей историческихъ, напримѣръ, великихъ завоевателей и полководцевъ или великихъ законодателей и т. п.

Не смотря, однако, на то, что исторія не имѣетъ большого значенія для формальнаго развитія, она можетъ оказать большое вліяніе на умственное и нравственное образованіе учащихся. Вся сила исторіи заключается въ ея содержаніи. Содержаніемъ своимъ она можетъ всесторонне дѣйствовать на учащихся, не только обогащая умъ ихъ знаніями, и такимъ образомъ расширяя ихъ умственный кругозоръ, но и дѣйствуя на ихъ чувства и возбуждая въ нихъ интересы высшаго или нравственнаго порядка. Исторія выводитъ ученика изъ тѣснаго круга обыденной жизни и знакомитъ его съ судьбами какъ своего, такъ и другихъ выдающихся культурныхъ народовъ. Она знакомитъ его съ выдающимися общественными дѣятелями: съ великими завоевателями, съ великими законодателями и просвѣтителями. Она знакомитъ его съ борьбою, которая ведется не только за власть и господство, но и за лучшее устройство правовыхъ отношеній, какъ между гражданами одного и того же государства, такъ и между цѣлыми народами, съ борьбою за свободу политическую, за права человѣческія. Все же героическое, великое и лучшее въ исторіи народовъ невольно вызываетъ симпатіи учащихся и, наоборотъ, все низкое и худое ихъ антипатіи. Значеніе исторіи въ школьномъ преподаваніи, прежде всего, заключается въ этическомъ или нравственномъ вліяніи на учащихся, какъ это справедливо замѣчено было многими выдающимися педагогами, напримѣръ, Гербартомъ, Вайцомъ, Вильманомъ, Шиллеромъ и др.

Кромѣ того, исторія, какъ наука политическая, имѣетъ еще и свое особенное значеніе, а именно она вліяетъ на развитіе понятій, относящихся къ жизни общественной или государственной. Она повѣствуетъ не только о внѣшнихъ дѣлахъ государственныхъ, о вой-

нахъ и трактатахъ или объ измѣненіяхъ территоріальныхъ, но также и о внутреннемъ устройствѣ государствъ и о тѣхъ перемѣнахъ, которымъ это устройство подвергалось. При этомъ она указываетъ на тѣ причины, отъ которыхъ зависѣло то или другое измѣненіе въ государственномъ устройствѣ, и на тѣ слѣдствія, какія это измѣненіе имѣло. Основываясь на обширномъ матеріалѣ, исторія можетъ опредѣлить, по крайней мѣрѣ, приблизительно, тѣ условія, которыя содѣйствуютъ прогрессу государства, и тѣ, которыя ведутъ къ его паденію. Такимъ образомъ исторія своимъ содержаніемъ можетъ имѣть большое вліяніе на образованіе понятій политическаго характера и на развитіе историческаго смысла. Впрочемъ эту свою задачу исторія въ школьномъ преподаваніи можетъ выполнить только въ ограниченной мѣрѣ, и то только въ старшихъ классахъ. Особенно слишкомъ много было бы требовать отъ школы, чтобы она развила въ учащихся историческій смыслъ или историческое пониманіе вещей; потому что для такого пониманія нуженъ и болѣе зрѣлый умъ и больше житейскаго опыта. Отъ школы можно требовать только того, чтобы она дала ясныя понятія объ исторической жизни народовъ и о тѣхъ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ развитіе этой жизни, и такимъ образомъ положила первое начало или первые зародыши для историческаго пониманія вещей.

Говоря о политической задачѣ исторіи въ школьномъ преподаваніи, мы не можемъ не упомянуть еще объ одномъ вопросѣ, который былъ возбужденъ, благодаря инціативѣ императора германскаго Вильгельма II. Императоръ Вильгельмъ на засѣданіи конференціи, созванной имъ для обсужденія мѣръ, касающихся преобразованія средней школы, высказалъ желаніе, чтобы школа также со своей стороны приняла участіе въ борьбѣ противъ разрушительныхъ началъ, заключающихся въ ученіяхъ соціалистовъ и коммунистовъ, и противодѣйствовала распространенію ихъ. Спрашивается, какимъ образомъ школа можетъ сдѣлать это, не рискуя вовлечь юношество въ злобу дня и такимъ образомъ превратиться въ арену для диспутовъ, исходъ которыхъ могъ бы быть весьма сомнительнымъ. Ясно, что неумѣстно было бы на особыхъ урокахъ знакомить ихъ съ теоріями соціалистовъ и коммунистовъ и стараться опровергнуть ихъ, доказывая нелѣпость, несбыточность и вредность ихъ. Такой способъ борьбы съ названными ученіями могъ бы оказаться довольно рискованнымъ, потому что едва ли можно было бы найти учителей, которые были бы способны успѣшно выполнить эту задачу, а затѣмъ ученіе носило бы харак-

теръ тенденціозный, и эта тенденціозность не скрылась бы отъ учащихся и значительно ослабляла бы дѣйствіе ученія. Но ясно также и то, что въ предложеніи императора Вильгельма есть доля правды, и что средняя школа должна знакомить учащихся съ экономическими и соціальными вопросами, имѣющими столь громадное значеніе въ настоящее время, такъ какъ безъ этого знакомства ученики не только не въ состояніи будутъ понимать свое время, но и могутъ легко сдѣлаться добычею ложныхъ ученій. Извѣстно, что все новое увлекаетъ молодежь. Эту задачу школа могла бы выполнить, не прибѣгая къ особымъ урокамъ по политической экономіи или же по соціологіи, а пользуясь обычными уроками по исторіи. Исторія можетъ болѣе объективно познакомить учащихся съ возникновеніемъ соціализма и коммунизма и съ тѣми дѣйствіями, какими они проявили себя на практикѣ. Кровавыя сцены, сопровождавшія соціалистическую революцію въ 1848 году и провозглашеніе коммуны въ Парижѣ въ 1871 г., лучше всякихъ теоретическихъ опроверженій доказываютъ опасность для общества крайнихъ политическихъ ученій и невозможность дѣйствительнаго улучшенія общественнаго строя отъ насильственныхъ переворотовъ. Исторія можетъ также объективно показать и слабыя стороны въ современномъ соціальномъ и экономическомъ строѣ общества и познакомить учащихся съ тѣми мѣрами, какія принимаются правительствами для улучшенія быта рабочаго класса.

Въ историческомъ изложеніи вопросы соціальные и экономическіе не окажутся чѣмъ-то новымъ для учащихся, такъ какъ въ исторіи представляется довольно случаевъ, когда приходится говорить о нихъ. Припомнимъ только законодательство Солона въ Греціи, или борьбу плебеевъ съ патриціями въ Римѣ, или же борьбу городовъ съ рыцарями и крестьянскія войны въ средніе вѣка и т. п.

Говоря о задачѣ исторіи въ школьномъ преподаваніи, мы не можемъ не коснуться еще одного вопроса, а именно вопроса о томъ, должна ли исторія знакомить учащихся съ одною только политическою жизнью народовъ, или она должна также знакомить съ культурою ихъ. Въ настоящее время едва ли кто-нибудь будетъ утверждать, что при изложеніи исторіи слѣдуетъ ограничиться одною политическою жизнью народовъ. Споръ можетъ быть только о томъ, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ преподать обѣ эти части исторіи: политическую и культурную. По мнѣнію однихъ, должна преобладать политическая исторія, по мнѣнію же другихъ—культурная. Съ научной точки зрѣнія и та

и другая часть исторіи должна быть одинаково изложена, чтобы получилась полная картина какой-нибудь эпохи. Въ школьномъ, однако, преподаваніи должно быть обращено вниманіе и на то, что скорѣе и легче можетъ быть воспринято учащимися и что въ нихъ можетъ возбудить больше интереса. Съ этой точки зрѣнія нельзя не согласиться съ мнѣніемъ извѣстнаго педагога Вильмана, что въ школьномъ преподаваніи центръ тяжести будетъ заключаться въ эпической сторонѣ исторіи, потому что „событія, а еще болѣе дѣянія историческихъ лицъ лучше воспринимаются и вѣрнѣе запоминаются, чѣмъ бытовыя состоянія, такъ какъ, вообще, разсказъ дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ описаніе. Нравственное впечатлѣніе отъ дѣяній (res gestae)—непосредственно, картины же культуры должны быть сначала обработаны, чтобы быть въ состояніи подѣйствовать нравственно“. Кстати замѣтимъ, что въ нашихъ учебникахъ культурнымъ или бытовымъ очеркамъ недостаетъ требуемой обработки: они большею частью представляютъ сборникъ сырья, т. е. отрывочныхъ фактовъ, ничѣмъ не связанныхъ, и потому заучиваются съ трудомъ и безъ интереса.

Выше мы изложили общія задачи исторіи въ школьномъ преподаваніи. Остается еще сказать объ одной задачѣ, которая спеціально относится къ исторіи отечественной. Отъ исторіи отечественной требуется еще, чтобы она развивала патріотизмъ или любовь къ отечеству. Безспорно, требованіе справедливое! Хотя любовь къ отечеству врождена человѣку, однако, она, какъ чувство, есть нѣчто неопредѣленное, смутное и можетъ принять весьма узкое направленіе. Исторія должна это чувство осмыслить, развить и углубить, и этого она можетъ достигнуть, знакомя съ судьбами отечества счастливыми и несчастливыми, хорошими и худыми, и тѣмъ самымъ сдѣлать это отечество болѣе близкимъ и дорогимъ уму и сердцу учащихся. Но и при выполненіи этой задачи преподаваніе исторіи должно неуклонно слѣдовать требованіямъ правды и справедливости. Плохую услугу оказалъ бы учащимся и отечеству такой патріотизмъ, который видѣлъ бы въ своемъ народѣ одно только хорошее, а въ чужихъ одно только худое, и не боялся бы ради прославленія своего отечества искажать и замалчивать факты. Исторія отечественная представляетъ довольно свѣтлыхъ личностей и блестящихъ дѣяній, такъ что нечего опасаться, чтобы нѣсколько темныхъ пятенъ могли ослабить или поколебать любовь учениковъ къ своему отечеству. Еще менѣе можетъ

поколебать любовь ихъ къ отечеству признаніе всего хорошаго въ исторіи чужихъ народовъ [1]).

Такимъ образомъ, задача исторіи въ школьномъ преподаваніи будетъ заключаться: 1) въ томъ, чтобы познакомить учениковъ съ главнѣйшими событіями въ политической и культурной жизни народовъ и при помощи этого возбудить въ нихъ интересы высшаго порядка: симпатіи ко всему выдающемуся въ исторіи человѣчества, а по отношенію къ отечеству и истинную любовь къ нему, и 2) въ томъ, чтобы, насколько возможно, заложить въ нихъ начало историческому пониманію вещей или историческому смыслу.

Этой задачей исторіи само собою опредѣляется то, что слѣдуетъ выбрать изъ обширной области исторіи для средней школы и какъ слѣдуетъ преподавать ее въ этой школѣ.

Для достиженія этой задачи слѣдуетъ выбрать изъ исторіи только то, что выдается въ политическомъ и культурномъ отношеніи и можетъ имѣть значеніе для умственнаго и нравственнаго развитія учащихся. Все же безцвѣтное и мало или ничего не значущее должно быть опущено, въ родѣ ничѣмъ не ознаменовавшихъ себя царствованій или удѣльнаго періода князей, наполненнаго мелкими спорами, или вообще такихъ отдѣловъ исторіи, которые ничего, кромѣ годовъ и именъ, не даютъ учащемуся. По справедливому замѣчанію Гер-

---

[1]) Говоря объ отечественной исторіи, позволимъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе. Въ видахъ патріотическихъ нѣкоторые предлагаютъ ввести въ нашихъ среднихъ школахъ преподаваніе законовѣдѣнія, какъ особаго предмета, назначивъ для него особенные часы и особеннаго преподавателя изъ юристовъ. Безспорно, всякій, оканчивающій среднюю школу, долженъ вынести изъ нея свѣдѣнія о государственномъ устройствѣ собственнаго отечества, объ его основныхъ законахъ, касающихся верховной власти, судопроизводства, администрація и т. д. Но мы не думаемъ, чтобы для этой цѣли необходимо было вводить законовѣдѣніе, какъ особый предметъ, съ назначеніемъ для него особенныхъ уроковъ и особеннаго преподавателя изъ юристовъ. Такой способъ удовлетворенія задачъ школы совершенно не пригоденъ для ея цѣли, такъ какъ этимъ напрасно только увеличивается число учебныхъ предметовъ, напрасно раздробляется ученіе, и вмѣсто пользы получается нѣчто противоположное: весьма поверхностное усвоеніе учебнаго матеріала и весьма поверхностное развитіе умственныхъ способностей. Устройство государства, т. е. основные законы, касающіеся верховной власти, судопроизводства, управленія и т. д.—все это можетъ быть проще и лучше сообщено на урокахъ исторіи. Здѣсь оно явится въ связи съ историческимъ развитіемъ государственной жизни и въ этой связи найдетъ себѣ лучшее объясненіе и подтвержденіе. Будучи же разсматриваемо отдѣльно и догматически, государственное устройство будетъ меньше понято учащимися и меньше представитъ для нихъ интереса.

барта, „періоды, которыхъ ни одинъ художникъ слова не описалъ и которыми ни одинъ поэтъ не увлекался, мало имѣютъ значенія для воспитанія юношества“. Для школьнаго преподаванія годятся только отборныя главы изъ исторіи или capita selecta. Только при такомъ ограниченіи учебнаго матеріала можно преподать то, что въ самомъ дѣлѣ имѣетъ значеніе въ исторіи, болѣе конкретно и подробно. Такъ въ древней исторіи такими отборными главами будутъ важнѣйшія событія въ исторіи Греціи и Рима, которыя своею культурою и своимъ государственнымъ устройствомъ имѣли большое вліяніе на развитіе европейскихъ народовъ. Исторія же Востока, какъ имѣвшая мало вліянія, должна излагаться болѣе сокращенно, притомъ не столько съ политической, сколько съ культурной стороны (какъ, напримѣръ, исторія Египта, Ассиріи, Индіи).

Но могутъ возразить, что, при такомъ изложеніи, исторія будетъ страдать недостаткомъ полноты и связи. Она будетъ состоять изъ отрывковъ и не дастъ ученику понятіе о всемъ ходѣ всемірной исторіи. Для того, чтобы онъ получилъ нѣчто полное и связное по исторіи, необходимо изложить ему все, хотя и вкратцѣ, въ сжатыхъ очеркахъ и характеристикахъ. Противъ этого можно возразить, что та полнота, которую историческіе учебники стараются достигнуть посредствомъ сжатыхъ очерковъ и характеристикъ, есть только полнота мнимая. Исторія, хотя бы самая полная и универсальная, никогда не можетъ похвастаться своею полнотою, а тѣмъ менѣе можетъ похвастаться этимъ какой-нибудь тощій компендіумъ. Затѣмъ, не слѣдуетъ думать, что если будутъ преподаваться только отборныя главы изъ исторіи, то между ними не будетъ уже никакой связи. Во-первыхъ, эти отборныя главы будутъ преподаваться въ хронологическомъ порядкѣ, затѣмъ всегда можно будетъ вкратцѣ указать на связь между ними. Но зато такое изложеніе только отборныхъ главъ исторіи будетъ имѣть то преимущество, что оно дастъ болѣе ясное и живое представленіе о выдающихся эпохахъ исторіи человѣчества и тверже запечатлѣется въ умахъ учащихся. Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь слова вышеупомянутаго нами педагога Германа Шиллера, который, въ своемъ руководствѣ по педагогикѣ, совѣтуетъ относительно исторіи ограничиться только тѣмъ, что важно для общеобразовательной цѣли. „Учить всемірную исторію, говоритъ онъ, нынѣ признается неумѣстнымъ. Во-первыхъ, недостаетъ для этого времени, а затѣмъ недостаетъ и пониманія со стороны учениковъ. Кромѣ того (преподаваніемъ ся, которое по необходимости было бы компендіарно),

невозможно было бы произвести надлежащаго воспитательнаго дѣйствія.

Но и въ области ограниченной руководящимъ правиломъ должно быть то, что цѣлью исторіи въ школьномъ преподаваніи можетъ быть только усвоеніе ея элементовъ, а не научное ея построеніе. Изъ обильнаго матеріала должно быть выбрано только то, что даетъ возможность достигнуть намѣченной цѣли".

Подобно тому, какъ при выборѣ матеріала исторіи слѣдуетъ руководиться общеобразовательною цѣлью и возрастомъ учащихся, такъ точно слѣдуетъ тѣмъ же самымъ руководиться и при опредѣленіи способа преподаванія. Если принять во вниманіе возрастъ учащихся, то само собою понятно, что въ низшихъ классахъ нельзя преподавать исторію такъ, какъ ее можно преподавать въ старшихъ классахъ. Если начать исторію съ перваго класса (какъ это предполагается), то придется принять три ступени въ ея преподаваніи: первую въ 3 низшихъ классахъ, вторую въ 4 и 5 классѣ и третью въ высшихъ классахъ 6, 7 и 8-мъ.

На первой ступени исторія можетъ преподаваться только въ видѣ отдѣльныхъ разсказовъ, наиболѣе доступныхъ пониманію учащихся. Разсказы эти должны браться преимущественно изъ отечественной исторіи [1]). Они должны отличаться такимъ же простымъ характеромъ, какъ, напримѣръ, разсказы изъ Св. Исторіи, или разсказы Гомера и Геродота. Такъ какъ въ дѣтскомъ возрастѣ понятнѣе всего то, что конкретно и несложно, то въ этихъ разсказахъ долженъ преобладать біографическій элементъ.

На средней ступени, т. е. въ 4 и 5 кл., можно уже начать преподаваніе всеобщей исторіи. Но и на этой ступени преподаваніе должно отличаться эпическимъ характеромъ и простотою, и на этой ступени тѣ части исторіи будутъ наиболѣе пригодными, въ которыхъ отдѣльныя личности являются представителями своего вѣка и виновниками богатыхъ своими послѣдствіями событій.

Для начала преподаванія всеобщей исторіи наиболѣе пригодны исторія древнихъ грековъ и римлянъ, такъ какъ въ ней преобладаетъ эпическій характеръ и событія легко группируются около выдающихся личностей. На этой ступени можно уже къ событіямъ политическимъ присоединить и очерки культурные. Въ старшихъ же классахъ, начи-

---

[1]) Въ Швеціи въ низшихъ классахъ положено проходить только отечественную исторію.

ная съ 6-го, исторія можетъ преподаваться уже болѣе прагматическимъ способомъ. На этой ступени можетъ быть уже больше вниманія обращено на внутреннее устройство государства, на зависимость политическихъ событій отъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій, наконецъ, на соціальные и экономическіе вопросы; словомъ, можетъ быть дано уже болѣе глубокое понятіе о ходѣ историческихъ событій и о связи между ними.

Такъ какъ исторія не можетъ быть одинаково пройдена въ младшихъ и старшихъ классахъ, то понятно, что нѣкоторыя части ея приходится проходить дважды. Такъ, приходится въ старшихъ классахъ пройти вновь (болѣе связно и подробно) отечественную исторію. Да и вообще для укрѣпленія главнѣйшихъ историческихъ событій въ памяти учащихся необходимо часто повторять пройденное. По нашему мнѣнію, слѣдовало бы передъ началомъ курса средней исторіи повторить суммарно исторію древнюю, и передъ началомъ курса новой исторіи повторить суммарно и древнюю и среднюю исторію. Только въ такомъ случаѣ можно надѣяться, что ученики будутъ болѣе твердо знать историческіе факты, по крайней мѣрѣ, главнѣйшіе, и болѣе ясно представлять себѣ ходъ событій во всеобщей исторіи.

Наконецъ, въ заключеніе не можемъ не коснуться еще вопроса о томъ, въ какой формѣ слѣдуетъ преподавать исторію? Безъ сомнѣнія, самой подходящей формой для передачи историческихъ событій будетъ живой устный разсказъ, потому что только въ такой формѣ исторія скорѣе всего можетъ возбудить интересъ въ учащихся и подѣйствовать на ихъ умъ и чувство. Viva vox alit plenius. Кромѣ того, такой живой устный разсказъ скорѣе всего можетъ пріучить учениковъ къ хорошему изложенію. Примѣръ учителя, какъ извѣстно, всегда вызываетъ подражаніе со стороны учениковъ. Но, конечно, при повтореніи, когда имѣется въ виду провѣрить учениковъ и укрѣпить въ нихъ историческіе факты, цѣлесообразнѣе будетъ форма діалогическая, потому что только при помощи вопросовъ и отвѣтовъ можно удостовѣриться, насколько усвоено учениками пройденное.—Весьма хорошее дѣйствіе можетъ произвести на учащихся и чтеніе учителемъ въ классѣ подходящихъ отрывковъ изъ источниковъ (лѣтописей, мемуаровъ и т. п.) или же изъ классическихъ произведеній по исторіи. Поэтому нельзя не пожелать, чтобы были составлены болѣе полныя хрестоматіи по исторіи и чтобы при преподаваніи исторіи таковыя чаще употреблялись. Въ старшихъ же классахъ весьма полезно было бы задавать ученикамъ на домъ для прочтенія классическія сочиненія по

исторіи, или цѣликомъ, если таковыя необширны, или же избранные отдѣлы изъ нихъ. Стюартъ Миль въ своей ректорской рѣчи говоритъ, что онъ не знаетъ другого способа содѣйствовать кому либо въ пріобрѣтеніи историческихъ знаній, какъ предоставивъ ему историческую библіотеку.

Говоря о лучшемъ способѣ преподаванія исторіи, мы не можемъ не упомянуть и о худшемъ, который, къ сожалѣнію, иногда у насъ практикуется. Такимъ худшимъ способомъ мы считаемъ тотъ, когда учитель заставляетъ въ классѣ какого либо ученика прочесть по учебнику намѣченный отрывокъ, при чемъ дѣлаетъ нѣкоторыя поясненія, а затѣмъ этотъ прочтенный въ классѣ отрывокъ задаетъ выучить къ слѣдующему уроку. Такой способъ преподаванія можетъ отбить у учениковъ всякій интересъ къ занятію исторіей.

А. Вейсманъ.

Ѳ. П. КЕППЕНЪ.

(Некрологъ).

24-го мая текущаго года скончался библіотекарь Императорской Публичной библіотеки, членъ корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ, Ѳедоръ Петровичъ Кеппенъ.

Ѳ. П. Кеппенъ родился 30-го декабря 1833 г. въ Крыму, въ имѣніи своего отца, академика, основателя русской статистики, Петра Ивановича Кеппена. Образованіе Ѳ. П. Кеппенъ получилъ въ С.-Петербургѣ въ училищѣ св. Петра и въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Окончивъ камеральное отдѣленіе юридическаго факультета, Ѳ. П. Кеппенъ отправился въ Дерптскій (нынѣ Юрьевскій) университетъ и занимался тамъ въ теченіе двухъ лѣтъ естественными науками и изученіемъ сельскаго хозяйства; въ 1858 году онъ получилъ степень магистра сельскаго хозяйства. Въ слѣдующемъ году онъ поступилъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ, въ которомъ и прослужилъ пять лѣтъ, исполняя различныя ученыя работы. Съ 1865 года служба Ѳ. П. Кеппена протекала въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, гдѣ онъ сначала былъ дѣлопроизводителемъ департамента народнаго просвѣщенія, а потомъ, послѣ двухлѣтней заграничной командировки для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ сельскаго хозяйства, занялъ мѣсто библіотекаря Императорской Публичной библіотеки (въ 1872 году); въ этой должности онъ и оставался до самой смерти. Съ 1884 года онъ, сверхъ того, былъ назначенъ членомъ ученаго комитета по отдѣлу промышленнаго и техническаго образованія.

Служебная дѣятельность Ѳ. П. Кеппена принадлежала, главнымъ образомъ, Императорской Публичной библіотекѣ, въ которой онъ за-

вѣдовалъ громаднымъ отдѣленіемъ, содержащимъ книги по естествознанію и по математическимъ, медицинскимъ и военнымъ наукамъ. Онъ принялъ отдѣленіе отъ своего предшественника (Беккера) въ полномъ порядкѣ и сумѣлъ удержать его на должной высотѣ, постоянно пополняя изданіями, которыя имѣли научное значеніе. На должность библіотекаря Ѳ. П. Кеппенъ смотрѣлъ не какъ на механическій трудъ, состоящій въ записываніи получаемыхъ и въ выпискѣ новыхъ книгъ, а какъ на идеальное служеніе наукѣ. Онъ, состоя библіотекаремъ, началъ и частію исполнилъ тотъ трудъ, который только и можно было удачно выполнить, имѣя подъ руками такое книгохранилище, какъ Императорская Публичная библіотека. Если первые ученые труды Ѳ. П. Кеппена требовали самостоятельнаго изученія природы и тщательнаго ея наблюденія,—къ такимъ относится трехтомное сочиненіе „О вредныхъ насѣкомыхъ Россіи", оконченное въ 1883 г. и представляющее вполнѣ переработанную и значительно дополненную магистерскую диссертацію 1858 года,—то позднѣйшіе труды пріобрѣтаютъ характеръ изслѣдованій, основанныхъ, главнымъ образомъ, на обширнѣйшемъ знакомствѣ съ литературой предмета. Любимою областью изслѣдованій Ѳ. П. Кеппена, въ которой онъ пріобрѣлъ себѣ крупное имя, было географическое распространеніе растеній и животныхъ. „Опытъ раздѣленія Европейской Россіи на древесно-растительныя области" (1885) былъ удостоенъ преміи митрополита Макарія и золотой медали Императорскаго русскаго географическаго общества. Съ 1885 года большая часть работъ Ѳ. П. Кеппена была посвящена именно этой области, и онѣ печатались частью въ изданіяхъ Императорской Академіи Наукъ, частью въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* Ѳ. П. Кеппенъ помѣщалъ не только свои ученыя изслѣдованія, какъ-то: о тарпанѣ, о бобрѣ и т. д., но принималъ участіе и въ „Современной лѣтописи", такъ, напримѣръ, онъ далъ описаніе Кавказскаго зоологическаго музея, некрологъ Радде и т. д. Особенное значеніе придавалъ покойный своимъ работамъ, выясняющимъ причины отсутствія бѣлки въ Крыму и въ то же время нахожденіе тамъ такихъ лѣсныхъ звѣрей, какъ олень и куница. Въ связи съ вопросами о путяхъ перекочевки животныхъ, Кеппенъ занялся также вопросами о путяхъ переселенія людей; результатомъ его изслѣдованій были статьи, помѣщенныя въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* и имѣющія отчасти лингвистическій характеръ, какъ напримѣръ, его „Матеріалы къ вопросу о первоначальной родинѣ и пер-

вобытномъ родствѣ индоевропейскаго и финно-угорскаго племени". Но главный трудъ покойнаго, начатый имъ съ 1879 г., это громадная библіографія—„Bibliotheca zoologica rossica". Двѣ части этой библіографіи изданы самимъ авторомъ, матеріалъ для другихъ частей былъ имъ уже подготовленъ къ печати, и онъ позаботился о томъ, чтобы послѣ его смерти изданіе было доведено до конца.

Ѳ. П. Кеппенъ могъ съ гордостью смотрѣть на работу своей жизни; его труды пріобрѣли ему обширную, вполнѣ заслуженную извѣстность, а прекрасныя качества его ума и сердца пріобрѣли ему друзей и почитателей далеко за предѣлами того учрежденія, которому онъ посвящалъ свои силы. Въ этомъ человѣкѣ, даже въ пожиломъ возрастѣ, жила юношеская, идеально чистая душа, которую не могли сокрушить многолѣтнія физическія страданія—жестокая невралгія личного нерва,—сведшія, въ концѣ концовъ, страдальца въ могилу. Память объ этомъ прекрасномъ человѣкѣ, благородство котораго невольно заражало всѣхъ, кто приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе, не умретъ, какъ не исчезнетъ и слѣдъ, оставленный имъ въ наукѣ.

Э. Радловъ.

ПАМЯТНИКЪ ГАРПІЙ.

Названіе „Памятникъ гарпій“ утвердилось за гробницей, найденной на акрополѣ ликійскаго города Ксанѳа. Гробница имѣла форму четыреугольнаго столба, украшеннаго въ своей верхней части четырьмя мраморными рельефами. Въ западной сторонѣ было пробито отверстіе для сообщенія съ внутренностью монумента. Англичанинъ Феллоусъ, путешествовавшій по Ликіи въ 1838 г., впервые обратилъ вниманіе на „Памятникъ гарпій“. Рельефы, которые онъ отдѣлилъ отъ остова монумента, перешли во владѣніе Британскаго музея. Обширная и разнообразная литература возникла по поводу этихъ рельефовъ. Большой интересъ къ этому памятнику ликійскаго искусства со стороны ученыхъ былъ вполнѣ понятенъ. До насъ дошло слишкомъ мало созданій ликійскаго искусства; къ тому же содержаніе памятника, благодаря отсутствію какой-либо разъясняющей надписи, невольно вызывало на догадки, часто самыя фантастическія. Борьба мнѣній продолжалась довольно долго, пока, наконецъ, уже въ новѣйшее время, большинство историковъ искусства не пришло къ соглашенію на одномъ упрощенномъ и безобидномъ объясненіи [1]). Послѣднія крупныя открытія на Востокѣ, въ Вавилонѣ, и связанныя съ этимъ изслѣдованія Винклера и другихъ ученыхъ, не только измѣнившія наши представленія о культурномъ развитіи человѣчества, но и опредѣлившія новыя перспективы для научныхъ построеній, даютъ намъ поводъ еще разъ возвратиться къ „Памятнику гарпій“.

---

[1]) Совсѣмъ недавно появилось новое изслѣдованіе *Tones*'а въ *American journal of Archaeology*, 1907, July—September. Въ своей статьѣ Tones не совсѣмъ удачно пытается воскресить въ новомъ освѣщеніи многія изъ прежнихъ толкованій. Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ его работа представляетъ несомнѣнный шагъ впередъ.

1·5

Внѣшняя, фактическая, сторона рельефовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Передъ нами четыре рельефа; изъ нихъ на томъ, который на самомъ памятникѣ былъ обращенъ къ западу, изображены только женскія фигуры (табл. I, а). Фигура слѣва сидитъ на креслѣ, ручки котораго покоятся на фигуркахъ сфинкса, и держитъ въ правой рукѣ чашу, чѣмъ-то наполненную. Фигура справа также сидитъ на креслѣ, съ ручками въ видѣ головы барана, спинкой, выгибъ которой заканчивается головой лебедя, и ножками, расходящимися подъ сидѣньемъ въ волюты іонійской капители. Въ рукахъ у женщины цвѣтокъ и плодъ гранатоваго дерева. Между двумя сидящими фигурами, по направленію отъ лѣвой къ правой, двигаются три женщины, изъ которыхъ крайняя правая отнимаетъ отъ лица покрывало, а двѣ другія несутъ въ рукахъ аттрибуты—плодъ гранаты, цвѣтокъ и яйцо. Надъ дверью, прорубленной въ западной части памятника,—корова, кормящая теленка. Противоположный, восточный, рельефъ (табл. I, б) имѣетъ въ серединѣ изображеніе старика, сидящаго на роскошномъ тронѣ съ ручками, опирающимися на фигурку, сходную съ тритономъ (съ головой и туловищемъ человѣка и рыбьимъ хвостомъ). Старикъ держитъ въ лѣвой рукѣ жезлъ и поднятіемъ руки привѣтствуетъ мущину, приближающагося къ нему съ собакой; между ними мальчикъ, держащій пѣтуха, склоняется на колѣни передъ сидящей фигурой. По лѣвую сторону отъ старца стоятъ двое мущинъ [1]) съ аттрибутами, формы которыхъ трудно опредѣлить съ достовѣрностью: въ одномъ мы замѣчаемъ сходство съ плодомъ, другой нѣсколько напоминаетъ сосудъ. На южномъ рельефѣ (табл. II, а), въ серединѣ, фигура сидящаго мущины съ жезломъ и плодами въ рукахъ. Передъ нимъ стоитъ другой мущина съ голубемъ. На боковыхъ плитахъ сѣвернаго и южнаго рельефовъ изображены таинственныя существа, уносящія въ своихъ когтяхъ маленькія женскія фигурки. Въ существахъ этихъ многіе ученые признавали изображенія гарпій—отвратительныхъ подземныхъ чудовищъ, олицетворявшихъ богинь смерти. На сѣверномъ рельефѣ (табл. II, б), кромѣ того, изображенъ сидящій мущина съ жезломъ. Онъ принимаетъ шлемъ отъ воина, стоящаго передъ нимъ въ кирасѣ, съ кинжаломъ и щитомъ. Подъ табуретомъ находится

[1]) Часто принимали этихъ мущинъ за женщинъ, вводясь въ обманъ одеждой. Заблужденіе это, повторявшееся и по отношенію къ другимъ фигурамъ рельефа, вполнѣ понятно. Плутархъ передаетъ, что, по ликійскому обычаю, мущины при отправленіи печальныхъ, траурныхъ обрядовъ, надѣвали женскія одежды. Сравненіе съ фигурами западнаго рельефа, особенно въ изображеніи груди, ясно говоритъ за то, что на восточномъ рельефѣ мы имѣемъ изображенія мущинъ.

фигура животнаго, котораго принимали то за свинью, то за собаку, то за медвѣдя. Послѣднее кажется сравнительно болѣе вѣроятнымъ, но ближе всего это животное походитъ на бегемота, съ его гладкой кожей на спинѣ, короткими, торчащими ушами и громадными ноздрями. Наконецъ, на той же сѣверной сторонѣ, въ углу мы видимъ фигуру сидящей женщины, съ мольбой поднявшей кверху свои взоры.

Итакъ, съ внѣшней стороны, кромѣ двухъ, трехъ неясностей, обусловленныхъ порчей рельефовъ отъ времени, композиція проста и понятна. Характеръ внутренняго содержанія, какъ оказалось, не отвѣчалъ этой ясности. Потребовалось большая работа, чтобы только напасть на слѣдъ; о полномъ объясненіи не могло быть и рѣчи. Въ изслѣдованіяхъ ученыхъ скоро опредѣлились два основныхъ, противоположныхъ взгляда, къ которымъ присоединялись уже частныя различія. Одни видѣли въ сидящихъ фигурахъ рельефовъ изображенія божествъ, другіе—душъ умершихъ, возведенныхъ въ сонмъ героевъ,—героизированныхъ мортвыхъ. Послѣдній взглядъ восторжествовалъ, благодаря, главнымъ образомъ, своей простотѣ. Дѣйствительно, стоитъ пренебречь всѣми деталями рельефовъ, прикрываясь незнакомствомъ съ ликійской религіей, и объясненіе найдено.

Оно ведетъ свое начало отъ Мильхгёфера [1]) и Фридрихса [2]). Перро—его главный защитникъ [3]). Онъ исходитъ отъ сравненія рельефовъ „Памятника гарпій“ со спартанскими надгробными стелами и приходитъ къ заключенію, что въ содержаніи рельефовъ нельзя искать никакой символики, такъ какъ трудно ожидать отъ грубаго ликійскаго художника пониманія глубокихъ философскихъ истинъ. Но въ группѣ коровы съ теленкомъ Перро все-таки склоненъ видѣть символъ. И ученый, отрицавшій необходимость исканія какого бы то ни было символическаго значенія въ частностяхъ рельефовъ, приписываетъ этой группѣ самый сокровенный смыслъ. Онъ видитъ въ ней идею вѣчнаго изобилія природы, возстановляющей свои потери изъ собственной сокровищницы. По его мнѣнію, сидящія фигуры восточнаго, южнаго и сѣвернаго рельефовъ—изображенія души героизированнаго мертваго, во всѣхъ трехъ случаяхъ одного и того же, души, принимающей почтительное

---

[1]) *Archaeolog. Zeitung*, 1881, 53.

[2]) *Friedrichs—Wolters*, Die Gipsabgüsse antiker Bildwerke, Berl. 1885, 71. *Collignon*, Histoire de la sculpture grecque, I, 264; у Фридрихса указана вся литература о памятникѣ. Ср. также *Н. П. Кондаковъ*, Памятникъ гарпій въ Малой Азіи, Одесса 1873.

[3]) *Perrot et Chipiez*, Histoire de l'art, VIII, 332.

приношеніе даровъ; на западной сторонѣ въ сидящихъ фигурахъ Перро считаетъ возможнымъ признать мать и жену или сестру умершаго. Перро не старается объяснить, почему передъ нами изображенія матери и жены, а не кого-нибудь другого, какое отношеніе группа коровы имѣетъ къ западному рельефу, наконецъ, какимъ образомъ бородатый старикъ восточнаго рельефа превращается въ безбородаго мущину южнаго. Но, можетъ быть, невѣрны только конечные выводы Перро, а вѣрны его исходныя положенія, что сидящія фигуры—души умершихъ и что аттрибутамъ нѣтъ надобности приписывать символическое значеніе?

Съ ликійскими рельефами сравниваются обыкновенно, какъ уже замѣчено, спартанскія надгробныя стелы и особенно одна—изъ Хрисаѳы въ Спартѣ; на стелѣ изображены души героизированныхъ мертвыхъ, мужа и жены, сидящихъ на высокомъ тронѣ, въ сильно увеличенномъ видѣ, по сравненію съ фигурами живыхъ, воздающихъ имъ поклоненіе; сзади кресла большая змѣя, какъ символъ души умершаго. Сравненіе покажетъ намъ, что нѣтъ ничего общаго между ликійскимъ и греческимъ рельефами. Прежде всего въ спартанскомъ рельефѣ самая идея художественнаго произведенія—изображеніе души умершаго въ центрѣ поклоненія—сразу выражена очень опредѣленно символомъ змѣи, чего мы не находимъ въ ликійскомъ рельефѣ. Далѣе, форма „Памятника гарпій", очень рѣдко встрѣчающаяся (мы знаемъ только двѣ подобныя ему по формѣ гробницы въ Персіи; Страбонъ описываетъ гробницу Кира, сходную съ „Памятникомъ гарпій"), его положеніе на акрополѣ и роскошь исключаютъ возможность какого бы то ни было сравненія съ греческими гробницами. Въ „Памятникѣ гарпій" гробница соединяется съ памятникомъ знатному и славному герою. Полезно вспомнить, что̀ Геродотъ разсказываетъ по этому поводу. Онъ передаетъ, что часто знатныя женщины еще при жизни своего знаменитаго мужа ставили ему гробницу. Конечно, въ этомъ случаѣ онѣ прилагали всѣ силы, чтобы возвеличить его значеніе. Ввести смертнаго въ сонмъ боговъ значило оказать ему болѣе высокое почитаніе, чѣмъ изобразить его высшимъ среди смертныхъ. Наконецъ, стилистическій разборъ рельефовъ „Памятника гарпій" и греческихъ надгробныхъ памятниковъ убѣждаетъ насъ въ громадной разницѣ между тѣми и другими. Въ композиціи греческихъ рельефовъ, уже съ самаго начала, установилась интимная, семейная манера, ограничивающаяся изображеніемъ одной, двухъ фигуръ, тогда какъ ликійскіе рельефы на гробницахъ полны широты замысла, восточной роскоши и многословности. Эта излишняя полнота выражается не только въ композиціи, но и въ самой трактовкѣ

отдѣльныхъ фигуръ. Всѣ сидящія фигуры сильно осѣли книзу, вросли въ кресла, иныя мужскія фигуры прямо поражаютъ своей ожирѣлостью (напр. сидящая фигура южной стороны и лѣвая—на восточной). Далѣе, сама манера плоскаго рельефа сильно напоминаетъ трактовку человѣческаго тѣла на персидскихъ и ассирійскихъ рельефахъ. Всѣ эти данныя заставляютъ насъ предполагать гораздо болѣе близкія отношенія Ликіи и ея искусства къ Востоку, чѣмъ къ Западу.

Второе основное положеніе разбираемаго объясненія рельефовъ выражено опредѣленно Фридрихсомъ. Онъ говоритъ, что аттрибутамъ въ рукахъ фигуръ, группамъ животныхъ и изображеніямъ на креслахъ *можно* придавать символическое значеніе, но въ этомъ *нѣтъ необходимости*. Трудно, однако, предположить, чтобы художникъ того времени, особенно на могильныхъ плитахъ, могъ своевольно распоряжаться расположеніемъ аттрибутовъ, какъ это казалось ему подходящимъ; несомнѣнно, изображеніе тѣхъ или иныхъ подробностей всецѣло зависѣло отъ заказчика, который долженъ былъ придавать имъ глубокое значеніе и смыслъ: при помощи этихъ символовъ заказчикъ желалъ продолжить связь между собой и душой дорогого умершаго или, если тотъ, кому посвящалась эта гробница, былъ живъ, онъ аллегоріями прославлялъ его. Но допустимъ даже, что художникъ въ композиціи цѣлаго и особенно въ размѣщеніи деталей получилъ полную свободу. Онъ расположилъ бы ихъ тогда, подчинивъ извѣстнымъ художественнымъ законамъ, напримѣръ симметріи. Ничего подобнаго мы въ ликійскихъ рельефахъ не замѣчаемъ. Очевидно, эти детали оказались не случайно на рельефѣ, онѣ служатъ объясненіемъ всей композиціи, онѣ представляютъ повѣствовательный ея аппаратъ.

Итакъ, мы приходимъ къ такому результату, что главныя посылки объясненія Перро не могутъ быть приняты. Больше того, если обратить вниманіе на нѣсколько данныхъ, которыя мы упомянули уже раньше (мы имѣемъ въ виду отсутствіе на ликійскихъ рельефахъ змѣи, символически опредѣляющей значеніе главныхъ фигуръ, недостатокъ интимности, указывающій на удаленіе отъ земного и приближеніе къ небесамъ, роскошь и значеніе гробницы какъ памятника за славныя дѣла), и прибавить сюда, что длинные жезлы могли быть аттрибутами только боговъ, то мы должны придти какъ разъ къ обратному заключенію, именно, что сидящія фигуры—божества и что детали должны имѣть символическое значеніе.

Ошибочность выводовъ ученыхъ, принимавшихся за объясненіе „Памятника гарпій“, проистекала изъ основного недостатка ихъ метода.

Они признавали существованіе какой-то особенной ликійской религіи, непохожей на извѣстныя имъ религіозныя вѣрованія другихъ народовъ. Благодаря этому они не искали аналогій въ основахъ и сущности другихъ религій. Они выбирали отдѣльныя частности рельефовъ и подыскивали имъ объясненія въ случайныхъ выраженіяхъ греческихъ писателей или столь же случайныхъ изображеніяхъ на вазахъ, монетахъ и пр., забывая, что мѣстныя — географическія, экономическія и другія особенности страны вызываютъ различія именно въ частностяхъ религіознаго міросозерцанія. Правда и прежде дѣлались попытки проникнуть въ тайны памятника путемъ анализа религіозныхъ воззрѣній другихъ народовъ [1]), но попытки эти были затруднены недостаткомъ матеріала, а главное полнѣйшимъ незнакомствомъ съ источникомъ этихъ воззрѣній, ихъ сокровищницей—Вавилономъ. Новѣйшія открытія на Востокѣ восполняютъ этотъ пробѣлъ; онѣ рисуютъ намъ ту степень развитія человѣчества, когда религія уже получила видъ обоснованной системы. Вавилонъ стоитъ на горизонтѣ исторической науки; дальше него не проникалъ пытливый взглядъ историка: потому-то намъ такъ необходимы и важны его указанія. И мы видимъ теперь, что иные элементы религіозныхъ вѣрованій грековъ, іудеевъ, которые мы раньше считали продуктами исключительно мѣстнаго происхожденія, исходятъ въ своей основѣ изъ очага культурнаго человѣчества—Вавилона и уже потомъ получаютъ мѣстную окраску и переработку. Вавилонъ учитъ насъ, что религія у всѣхъ народовъ собственно одна, всюду она имѣетъ общія очертанія и фонъ, мѣняется лишь колоритъ. Къ сожалѣнію, ученымъ, объяснявшимъ рельефы, не удалось избѣгнуть обманчивыхъ указаній этого красочнаго налета.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію содержанія рельефовъ, замѣтимъ, какое внѣшнее соотношеніе существуетъ между отдѣльными рельефами гробницы. Мы видимъ, что движеніе трехъ женщинъ на западной сторонѣ уравновѣшено положеніемъ двухъ сидящихъ женщинъ, которыя обѣ обращены спиной къ краямъ рельефа; далѣе, сидящія фигуры сѣвернаго и южнаго рельефа, если ихъ разсматривать, какъ онѣ были помѣщены на самомъ памятникѣ, обращены лицомъ къ восточной сторонѣ, гдѣ положеніе сидящей фигуры уравновѣшено направленіями двухъ группъ (направо и налѣво отъ старика), обращенныхъ другъ къ другу навстрѣчу. Такимъ образомъ, само размѣщеніе фигуръ какъ бы выдѣляетъ западную сторону въ обособленное поло-

[1]) *Curtius*, *Archaeol. Zeit.* 1855 и 1869.

женіе (это подтверждается и исключительнымъ участіемъ женщинъ на этой сторонѣ), а изъ остальныхъ трехъ сторонъ подчеркиваетъ значеніе восточной.

Мы вспоминаемъ, что разсказываетъ Геродотъ о почетномъ положеніи женщины въ Ликіи, о матріархальныхъ началахъ этой страны, гдѣ, напримѣръ, дѣтямъ передается имя не отца, а матери и т. д.; поэтому естественно приходимъ къ заключенію, что западная сторона, какъ наполненная исключительно женскими фигурами, должна имѣть особенное значеніе въ развитіи содержанія памятника.

На западной сторонѣ обратимъ вниманіе прежде всего на группу коровы, питающей теленка. Положеніе этой группы, какъ разъ надъ дверью, передъ входомъ въ гробницу и въ то же время вступленіемъ души въ неизвѣданныя страны загробной жизни, показываетъ намъ, что здѣсь сосредоточенъ основной смыслъ рельефовъ въ символической формѣ. По этой группѣ мы легко его угадываемъ: здѣсь говорится о зарождающейся новой жизни [1]). О какой же жизни можетъ идти рѣчь на могильной плитѣ, передъ входомъ въ гробницу? Конечно, о той таинственной жизни, которая ожидаетъ душу за гробомъ. Итакъ, художникъ, а вмѣстѣ съ нимъ и заказчикъ, какъ бы выражаютъ увѣренность, что душа умершаго, лишенная земной жизни, возродится въ новую, неизвѣстную.

Далѣе, на лѣвой сторонѣ одиноко сидитъ женщина; группа трехъ женщинъ какъ бы отходитъ отъ нея къ другой, сидящей направо, привѣтствуя послѣднюю. Въ рукахъ у женщины, сидящей налѣво, жертвенная чаша со слабыми слѣдами содержимаго, напоминающаго намъ огненное пламя [2]); подъ рукояткой ея кресла—сфинксъ. У вавилонянъ сфинксъ былъ воплощеніемъ одного изъ двѣнадцати чудовищъ, съ помощью которыхъ богиня ночи хотѣла вступить въ борьбу съ остальными богами; огонь мы должны разсматривать, какъ стихію ада. Такимъ образомъ въ этой одиноко сидящей женщинѣ мы узнаемъ изображеніе богини ада, тьмы или ночи. Сидящая напротивъ женщина держитъ въ рукахъ цвѣтокъ и плодъ гранаты—символъ безконечно зарождающихся новыхъ жизней; подъ ручкой ея кресла находится голова ягненка. Ягненка, какъ символическое животное, мы ви-

[1]) Символъ материнства, какимъ обыкновенно объясняли эту группу, есть, въ концѣ концовъ, то же самое питаніе новой жизни, такъ какъ материнство въ буквальномъ смыслѣ едва ли могло бы служить темой для изображеній на гробницѣ.

[2]) Чаша нѣсколько наклонилась въ рукѣ и женщина какъ бы указываетъ ею куда-то внизъ.

димъ у вавилонянъ и потомъ встрѣчаемъ его, какъ олицетвореніе образа Христа. Ягненокъ служитъ символомъ свѣта. Спинка кресла выгибается въ голову лебедя, въ которомъ мы узнаемъ райскую птицу. Наконецъ, ножки кресла имѣютъ форму колонокъ, расходящихся въ орнаментъ, напоминающій намъ волюты іонійской капители. Мы не будемъ предрѣшать вопроса о томъ, гдѣ беретъ свое начало іонійскій стиль, такъ какъ это вопросъ слишкомъ сложный, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ, вѣроятно, формы только близко напоминающія іонійскія капители, по существу же съ ними различныя. Однако полезно провести извѣстное сравненіе между колонками на западной сторонѣ „Памятника гарпій" и украшеніями на алтаряхъ, найденныхъ въ Таанекѣ [1]). Раскопки, произведенныя тамъ, обнаружили алтари съ изображеніями древа жизни, листва котораго расходится какъ разъ въ волюты, совершенно подобныя изображеннымъ на ликійскомъ рельефѣ. Далѣе, на нѣкоторыхъ хетитскихъ рельефахъ въ Малой Азіи имѣются, сходныя съ вавилонскими, упрощенныя, символическія изображенія дерева. Тамъ это дерево уже получаетъ архитектурное назначеніе. Оно какъ бы поддерживаетъ небесный храмъ свѣта. Такимъ образомъ этотъ нѣсколько странный символъ пріобрѣтаетъ вполнѣ опредѣленный смыслъ и значеніе. Онъ также подчеркиваетъ уже раньше указанную символизацію безконечнаго возрожденія и расцвѣтанія жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ, наряду съ лебедемъ, значеніе правой сидящей женщины. Она богиня рая, свѣта и жизни и противополагается одиноко сидящей женщинѣ на лѣвой сторонѣ, какъ богинѣ ада и тьмы. Смыслъ процессіи трехъ женщинъ, приближающихся съ дарами къ богинѣ рая и жизни, мы угадываемъ благодаря даннымъ тѣхъ же вавилонскихъ вѣрованій. Въ миѳологіи Вавилона (миѳъ переходитъ затѣмъ и въ Грецію) разсказывается, что „горы", олицетворяющія часы, переходятъ изъ жилища богини ночи въ жилище богини дня и потомъ снова возвращаются назадъ въ теченіе сутокъ. Передъ нами изображеніе горъ. Передняя гора отнимаетъ отъ лица покрывало, какъ бы срывая съ себя завѣсу тьмы передъ лицомъ восходящаго дня и тѣмъ самымъ привѣтствуетъ молодую богиню. Двѣ другія горы несутъ аттрибуты въ видѣ плода гранаты и яйца, служащихъ символизаціей той же зарождающейся жизни.

[1]) Изображеніе этихъ алтарей см. у *Jeremias*, Das Alte Testament im Lichte des Alten Orients, Zweite Auflage 1906.

а. „Памятникъ гарпій“. Западная сторона.

б. „Памятникъ гарпій“. Восточная сторона.

а. „Памятникъ гарпій". Южная сторона.

б. „Памятникъ гарпій". Сѣверная сторона.

Западный рельефъ имѣетъ такимъ образомъ общее символическое значеніе. Въ немъ мы находимъ аллегорію жизни въ противопоставленіи дня и ночи, свѣта и тьмы, въ смѣнѣ часовъ, олицетворенныхъ Ѡрами. Для насъ долженъ казаться вполнѣ понятнымъ выборъ сюжета, особенно если мы вспомнимъ, что памятникъ могъ быть поставленъ еще при жизни того героя, кому онъ посвященъ. Отличительная черта западнаго рельефа заключается именно въ томъ, что въ немъ, въ противоположность тремъ другимъ рельефамъ, фигурируютъ только женщины, имѣвшія такое важное значеніе въ Ликіи; это заставляетъ насъ думать, что художникъ хотѣлъ въ западномъ рельефѣ сосредоточить весь свой, такъ сказать, философскій аппаратъ, въ немъ выразить свои основныя идеи и представленія. Тогда ему оставалась задача на остальныхъ трехъ рельефахъ реализировать представленія о загробномъ мірѣ.

Особенно точнаго, не переходящаго въ аллегорію разсказа, мы не въ правѣ ожидать отъ этихъ рельефовъ, такъ какъ мы знаемъ, какъ фантастичны и неопредѣленны были представленія древнихъ о загробной жизни. Подтвержденіе этому находимъ и въ таинственныхъ фигурахъ такъ называемыхъ гарпій. Изображая ихъ полу-человѣческое, полу-птичье тѣло, художникъ этимъ невозможнымъ въ жизни сопоставленіемъ двухъ различныхъ существъ въ одномъ тѣлѣ хотѣлъ выразить всю таинственность и весь ужасъ того, что̀ можетъ ожидать человѣка за гробомъ. Поэтому мы совершенно не можемъ согласиться съ излишне-реальнымъ объясненіемъ нѣкоторыхъ ученыхъ, которые видятъ въ маленькихъ существахъ, схваченныхъ когтями „гарпій“ и въ маленькой женской фигуркѣ въ углу сѣвернаго рельефа, съ одной стороны, и въ пяти сидящихъ фигурахъ съ другой, — изображенія однѣхъ и тѣхъ же душъ умершихъ. Вся трактовка этихъ фигуръ заставляетъ насъ считать ихъ именно только результатомъ символизаціи. Всѣ онѣ находятся въ совершенно одинаковомъ, симметрично-сопоставленномъ положеніи, съ одинаковыми жестами; всѣ онѣ въ одинаковыхъ одеждахъ, всѣ, наконецъ, женскаго пола (тогда какъ среди сидящихъ фигуръ трое мущинъ). Въ нихъ мы должны видѣть только аллегорію души человѣка, даже не ея изображеніе. Настоящее реальное изображеніе души человѣческой мы имѣемъ уже въ рельефахъ, все равно, видѣть ли его въ сидящихъ или стоящихъ фигурахъ [1]).

[1]) Въ этомъ нѣтъ разногласія у ученыхъ, придерживающихся вообще двухъ противоположныхъ взглядовъ.

Фридрихсъ указываетъ на недостатокъ искусства, когда у художника не хватило умѣнья дать одноозначущимъ фигурамъ одинаковый ростъ. Здѣсь едва ли можно говорить о недостаткѣ искусства, такъ какъ не только ростъ фигуръ, находящихся въ когтяхъ у „гарпій", и фигуръ сидящихъ, а и самая техника изображенія имѣютъ коренное различіе.

Чисто символическое значеніе маленькихъ фигурокъ подтверждается и числомъ чудовищъ. Число четыре, по вавилонскимъ вѣрованіямъ, было глубоко символическое. Оно олицетворяло собой четыре времени года, четыре страны свѣта, четыре фазы луны, четыре вѣтра, однимъ словомъ, всѣ тѣ рамки или этапы, въ которыхъ совершается безконечный круговоротъ жизни. Все это совершенно соотвѣтствуетъ содержанію западнаго рельефа и указываетъ на опредѣленный смыслъ въ выборѣ именно четырехсторонней гробницы. Правда, художнику было неудобно распредѣлить „гарпіи" по одной на каждой сторонѣ, какъ изъ стилистическихъ соображеній, такъ и изъ соображеній, касающихся содержанія, но онъ постарался выйти изъ затрудненія, размѣстивъ по двѣ „гарпіи" на каждой изъ двухъ сторонъ и, такимъ образомъ, придавъ символизаціи еще болѣе опредѣленный смыслъ. Число два символизируетъ сходства и контрасты въ мірѣ: солнце и луну, жизнь и смерть, рай и адъ. Передъ нами тѣ же сопоставленія, что въ западномъ рельефѣ. Мы видимъ полнѣйшую послѣдовательность художника. Онъ лишенъ эпическаго дара и пополняетъ недостатокъ повѣствовательнаго таланта размѣренной и обдуманной композиціей, символизаціей деталей. Все въ его произведеніи должно имѣть свое назначеніе. Въ виду этого мы совершенно не можемъ признать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые ученые, отдѣльную фигурку на сѣверной сторонѣ за аналогичную по смыслу тѣмъ четыремъ, которыя находятся въ когтяхъ у „гарпій". Придавъ этой фигуркѣ то же значеніе, художникъ совершенно разрушилъ бы всю стройность своей композиціи. Ученые объясняли эту фигурку, какъ изображеніе души человѣческой, ожидающей той же страшной и неизвѣстной участи, которая уже постигла другихъ четырехъ. Подобное реальное объясненіе не можетъ здѣсь имѣть мѣста. „Гарпіи", какъ и души умершихъ, находящіяся въ ихъ когтяхъ,—фигуры символическія; онѣ и расположены такъ, какъ располагали восточные народы свои символы: независимо отъ основнаго сюжета и симметрично, и потому реальная черта, да еще такая прозаическая, какъ ожиданіе души человѣческой у мѣста переправы въ загробную жизнь, кажется невѣроятной. Скорѣе именно здѣсь надо допустить нѣкоторую неумѣлость художника въ обработкѣ пропорцій

человѣческихъ фигуръ, особенно въ виду того, что даже и для болѣе совершеннаго искусства представлялось трудной задачей оттѣнить градацію между различными существами (живыми, мертвыми; божествами, чудовищами). Гораздо естественнѣе признать за одиноко сидящей женщиной то значеніе, на которое указывали другіе ученые: это изображеніе заказчицы монумента, оплакивающей разлуку съ любимымъ человѣкомъ, которая должна наступить, а, можетъ быть, уже и наступила. Все это находитъ себѣ сильное подтвержденіе въ тѣхъ историческихъ данныхъ, которыя сообщаютъ намъ древніе историки о ликійскихъ обычаяхъ. Нѣтъ надобности обходить ихъ и искать другое объясненіе.

Вопросъ о томъ, кто должны быть, на самомъ дѣлѣ, эти такъ называемые гарпіи, — вопросъ очень трудный. Одно несомнѣнно, что эти чудовища или божества имѣютъ ближайшее отношеніе къ загробному міру. Гарпіями онѣ врядъ ли могутъ быть. Обычное изображеніе гарпій мы встрѣчаемъ въ видѣ женщинъ, безъ смѣшиванія двухъ различныхъ существъ. Но именно это соединеніе въ одномъ существѣ двухъ тѣлъ должно указать намъ путь, гдѣ искать аналогій. Этотъ переходъ отъ человѣка въ птицу или скорѣе въ какое-то фантастическое существо говоритъ намъ и о той роли, которую должны играть „гарпіи“. Онѣ не столько божества ада, сколько чудовища, которыя какъ бы стоятъ между настоящей, земной жизнью и загробной, служатъ символомъ перехода изъ одной жизни въ другую [1]).

Въ восточныхъ вѣрованіяхъ мы находимъ такія существа. Часто онѣ изображаются въ видѣ прекрасныхъ фей, выходящихъ изъ-за душистой рощи съ кубкомъ усыпительной влаги въ рукахъ, часто, какъ отвратительныя чудовища, преграждающія душѣ доступъ къ небесному блаженству. Но всюду ихъ роль одна и та же. Онѣ служатъ соблазномъ, преградой для души человѣческой на ея дорогѣ къ раю. Если

---

[1]) Тонксъ проводитъ аналогію между „гарпіями“ и такъ называемыми Ба-бирдъ— созданіями египетской религіи. Ба—бирдъ, это существа, состоящія наполовину изъ тѣлесныхъ, наполовину изъ духовныхъ качествъ. Ба—бирдъ служитъ посредникомъ между тѣломъ и его духомъ Ка. По смерти всѣ три существа разлучаются, но Ба иногда прилетаетъ къ мертвому тѣлу и плачетъ надъ нимъ. Тонксъ думаетъ, что на „Памятникѣ гарпій“ передъ нами изображеніе Ба, несущаго духъ человѣка. Но если своей внѣшней формой египетскій Ба напоминаетъ нѣсколько „гарпій“ ликійскаго памятника, то этого мотива несенія духа мы совершенно не встрѣчаемъ у египтянъ. Да онъ едва ли возможенъ; вѣдь Ба всегда изображается маленькимъ по сравненію съ духомъ и тѣломъ человѣка.

эта преграда побѣждена, душа достигнетъ вратъ рая. Ликійскій художникъ какъ бы обобщилъ всѣ эти представленія о таинственныхъ существахъ. Его „гарпіи“ могутъ назваться одинаково и очаровательными женщинами, и отвратительными чудовищами, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ мистическими существами [1]). Въ персидскихъ вѣрованіяхъ опредѣленно указывается, что этихъ демоновъ, служащихъ преградой для бѣдной души, именно четыре (вѣроятно, мы встрѣчаемся здѣсь съ символизаціей четырехъ вѣтровъ). Это послѣднее указаніе (число 4) вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что мы имѣемъ на ликійскихъ рельефахъ.

Такимъ образомъ мы получаемъ нить для отысканія смысла остальныхъ трехъ рельефахъ. Четыре чудовища символизируютъ страхи и соблазны для бѣдной души. Но она ихъ преодолѣла и уже находится среди божествъ. Мы уже переступили въ область, находящуюся за предѣлами земли. Послѣднимъ напоминаніемъ о землѣ служитъ плачущая женщина. Она, болѣе всѣхъ близкая умершему, какъ бы стоитъ въ серединѣ между жизнью и смертью. Съ нея и должно начинаться дѣйствіе.

На среднихъ плитахъ трехъ рельефахъ находится изображенія трехъ божествъ, которымъ приносятъ поклоненіе трое зрѣлыхъ мущинъ. Какъ мы уже говорили, „Памятникъ гарпій“, вѣроятно, былъ посвященъ одному лицу, о чемъ свидѣтельствуетъ плачущая женщина. Еще только одно значеніе могъ бы имѣть этотъ памятникъ—гробницы какой-нибудь знатной фамиліи. Но послѣднее объясненіе невозможно, такъ какъ передъ нами изображеніе не какой-нибудь фамильной сцены, какъ на иныхъ греческихъ рельефахъ, а поклоненіе трехъ чрезвычайно похожихъ по возрасту и виду мущинъ. Поэтому всего очевиднѣе принять этихъ трехъ мущинъ за одного и того же, но только въ различное время его появленія передъ богами.

Кто же должны быть эти божества? Раньше мы пришли къ тому заключенію, что чудовища (такъ называемыя гарпіи); четыре демона, которые затрудняютъ душѣ переходъ отъ земной жизни къ вратамъ рая. Слѣдующимъ по послѣдовательности событіемъ, если душа прошла безъ вреда для себя всѣ искушенія, должно быть вступленіе ея въ

---

[1]) Двойственности ихъ натуры соотвѣтствуетъ и психологическая сторона композиціи: чудовище какъ будто съ нѣжностью держитъ руками и прижимаетъ къ себѣ свою ношу, но его жесткіе когти уже впились въ тѣло маленькаго существа, которое со смѣшаннымъ чувствомъ страха и довѣрія смотритъ на демона.

рай. Въ большинствѣ вѣрованій, сложившихся на Востокѣ, встрѣчается представленіе потомъ, перешедшее и въ Грецію [1]), о загробныхъ судьяхъ, которые воздаютъ душѣ умершаго по ея заслугамъ. Въ персидской религіи указывается даже опредѣленное ихъ число—три. Какъ разъ три божества находятся на нашемъ рельефѣ. Среди нихъ одинъ долженъ быть главный. И его указываетъ намъ рельефъ: это старикъ, изображенный на восточной сторонѣ. Его возрастъ, указанный бородой и старческой ожирѣлостью, его роскошный тронъ служитъ тому доказательствомъ. Есть и еще одно указаніе, наиболѣе сильное; оно заключается въ изображеніи на ручкѣ кресла полу-человѣка, полу-рыбы. Нетрудно узнать въ этомъ странномъ существѣ греческаго Протея или вавилонскаго бога Ану. Сложность и перемѣнчивость ихъ существъ указываетъ на безконечную изворотливость ихъ мысли. Они—олицетвореніе мудрости. Такой аттрибутъ какъ нельзя болѣе подходитъ къ роли дряхлаго бога—судьи. Есть еще одна подробность, которой сопровождается вступленіе въ райскія земли достойнаго блаженства. Эту подробность встрѣчаемъ также у персовъ, у вавилонянъ, у іудеевъ. Съ новоприбывшаго совлекаютъ его земную одежду и совершаютъ надъ нимъ обрядъ помазанія различными благовонными небесными веществами. Намекъ на эту подробность находится и на нашемъ рельефѣ. Обращаемъ вниманіе на двѣ мужскія фигуры, стоящія сзади трона восточнаго божества съ какими-то несовсѣмъ ясными для насъ предметами [2]). Есть полная возможность предположить въ рукахъ одного сосудъ съ благовоніемъ, въ рукахъ другого райскій плодъ. Итакъ, настоящая роль божествъ опредѣлена вполнѣ. Эта роль совершенна реальна; но художникъ и здѣсь не оставляетъ своей символики. На каждомъ изъ трехъ рельефовъ находятся нѣкоторыя детали чисто символическаго значенія.

Въ какой связи эти детали находятся между собой и какое отношеніе онѣ имѣютъ къ центральнымъ фигурамъ? Божество сѣверной стороны, откуда, какъ мы сказали, душа умершаго, вѣроятно, начала свое странствованіе, принимаетъ въ видѣ дара предметы вооруженія

[1]) Тонксъ близокъ къ такому признанію въ своихъ выводахъ.

[2]) Что эти фигуры именно стоятъ, а не двигаются, заключаемъ изъ сравненія ихъ съ идущими женскими фигурами западнаго рельефа. Тамъ для выраженія движенія этихъ фигуръ оставлено разстояніе между каждой. Здѣсь, на восточной сторонѣ, фигуры стоятъ, тѣсно придвинувшись другъ къ другу. Можно даже предположить, принимая во вниманіе отсутствіе перспективы въ архаическихъ рельефахъ, что фигуры должны были стоять по обѣ стороны трона.

отъ стоящаго передъ нимъ въ военной одеждѣ героя. Подъ табуретомъ божества находится нѣсколько неопредѣленное животное, какъ мы говорили, вѣроятно, бегемотъ. По вавилонскимъ представленіямъ бегемотъ олицетворяетъ собой, такъ сказать, первообразнаго звѣря; онъ—властитель духовъ, создавшихъ погибшій міръ, онъ—чудовище ада. Такимъ образомъ божество сѣверной стороны, какъ бы олицетворяющее собой одну часть міра—подземное царство, имѣетъ власть судить душу умершаго за дѣянія, совершенныя имъ на землѣ, и именно на военномъ поприщѣ. Подобное же раздвоеніе символики и вмѣстѣ съ тѣмъ значенія божества находимъ и на двухъ другихъ рельефахъ. На южной сторонѣ божество держитъ въ рукахъ плоды и принимаетъ принесеннаго въ даръ голубя—символъ земнаго плодородія и успокоенія. Божество южной стороны олицетворяетъ собой вторую часть мірозданія—земную твердь съ ея богатствами, и въ качествѣ небеснаго судьи взвѣшиваетъ мирную дѣятельность человѣка. Наконецъ, третье божество, божество высшее, олицетворяетъ собой небо, какъ источникъ вѣчнаго свѣта, чистаго воздуха. Такое значеніе восточнаго божества указывается символизаціей пѣтуха въ рукахъ склонившагося на колѣни мальчика и собаки, сопровождающей героя. Пѣтухъ и собака, по персидскимъ вѣрованіямъ,—животныя, отгоняющія тьму.

Итакъ, душа героя вступаетъ въ рай. Она проникла безъ вреда для себя къ его вратамъ. Всѣ страхи, всѣ чудовища, заграждавшіе ей путь къ блаженству, исчезли. Благосклонный пріемъ божествъ, какъ мы можемъ судить по ихъ жестамъ, говоритъ намъ, что молитвы смертныхъ услышаны, заслуги героя велики и душа его достойна райскаго блаженства. Она вступаетъ въ рай и вмѣстѣ съ тѣмъ кончается всякая ея связь съ земными мірами. И здѣсь художникъ въ послѣдній разъ выражаетъ символомъ сущность своихъ представленій. Въ колѣнопреклоненномъ мальчикѣ, предшествующемъ герою, мы видимъ аллегорію обновленной, родившейся для новой жизни, молодой души.

Излагая свои соображенія, мы не разсчитывали на полное и точное объясненіе рельефовъ „Памятника гарпій". Мы хотѣли только провѣрить главныя изъ существующихъ объясненій и указать на тотъ путь изслѣдованія, который сталъ возможенъ очень недавно, благодаря новѣйшимъ открытіямъ, путь, который и долженъ привести насъ къ полной разгадкѣ рельефовъ „Памятника гарпій".

Б. Випперъ.

TERENTIANA.

I.

De voce „forma" crebro apud Terentium usitata [1]).

Vocabulum „forma" vicies semel (septies in Eunucho, quinquies in Andria, quater in Heautontimorumeno, ter in Phormione et bis in Hecyra) legitur apud Terentium.

„Forma" occurrit aut sine attributo, aut cum attributo. Attributum autem vocis „forma" est adiectivum aut pronomen aut utrumque. Vocabulo „forma" describitur apud Terentium aut pulchritudo corporis potissimumque faciei, quae coniunctae exhibent venustatem, aut illa voce significatur mulier formosa.

A. Sine attributo:

H. 572 forma in tenebris nosci non quita est. E. 375 Praeterea forma (*om. E.*) et aetas ipsast, facile ut pro eunucho probes. E. 443 sq. si laudabit haec | Illius formam: tu huius contra. Ht. 773 (dicit....) Eius sibi conplacitam formam, postquam aspexerit. A. 286 Mi Pamphile, huius formam atque aetatem vides. Ph. 107 sq.... ut, ni vis boni [2]). In ipsa inesset forma, haec formam extinguerent. Ht. 382. Id cum studuisti, isti (*om. DEG*) formae ut mores consimiles forent. E. 361 Estne (sc. Thais), ut fertur, forma (sc. tam praestanti, excellenti)? A. 118 sq. *Si.* forte unam aspicio adulescentulam, | Forma. *So.* Bona fortasse. E. 566.... me noris quam elegans formarum spectator siem?

---

[1]) *Ios. Koehm* in diss., quae inscribitur „Quaestiones Plautinae Terentianaeque (Gissae 1897)", praeteriit silentio hoc substantivum, quamquam idem attigit multa usitata et trita vocabula, e. c. adulescentula (p. 19 sq.), coniunx, uxor (p. 23 sq.).

[2]) Cf. Plaut. Mil. 1211=Most. 173: virtus formae.

B. Cum attributo:

a) Cum adiectivo: A. 428 sq. Ego illam vidi: virginem forma bona | Memini videri (videri *Bothius,* videre *libri,* cf. not. Donati). A. 72 (mulier....) egregia forma atque aetate integra [1]). E. 132 sqq. Is ubi esse (esse *add. Bentleius, om. A. cum rell.*) hanc forma (*formam A*) videt honesta (*honestam D*) virginem [2]) | Et fidibus scire.... vendit. A. 122 sq.... erat forma praeter ceteram | Honesta ac liberali [3]). Ht. 523 Et quidem hercle forma luculenta [4]). E. 366 sq. summa forma semper conservam domi | Videbit.

b) Cum pronomine: Ph. 107 sq. ..ut, ni vis boni | In ipsa inesset forma, haec formam extinguerent [5]). H. 74 sq... cur non aut istaec mihi | Aetas et forma est aut tibi haec sententia? Ph. 1024 An mea forma atque aetas nunc magis expetendast, Demipho? Ht. 389 forma inpulsi nostra nos amatores colunt.

c) Cum adiectivo et pronomine: E. 297 Taedet cotidianarum harum formarum.

Quinquies vocabulum „forma" coniunctum habemus cum voce „aetas": A. 72, 286; E. 375; Ph. 1024; H. 74 sq. [6]).

Quod ad vim vocis „forma" attinet, hoc substantivum saepissime significat pulchritudinem [7]), non raro speciem et bis usurpatur concrete ad depingendam mulierem formosam.

---

[1]) Cf. hemistichia Plautina in Merc. 13, 210. 260 et St. 381 forma eximia. Adiectivum „egregius" Plauto alienum est, vid. *И. К. Гельвигъ,* Наблюденія надъ именами прилагательными у Плавта. С.-Пб. 1893, стр. 34 указателя.

[2]) Vid. adnotationem criticam ad h. v. in edd. Eunuchi *Vogelii* (Kioviae 1884), p. 323 et *Fabia* (Paris 1895).

[3]) Qui versus in Ga corr. in marg. additus est. Apud Plautum legitur: „forma lepida et liberali" Ep. 43, Mil. 967, Pers. 130.

[4]) Cf. Plaut. Mil. 782 forma lepida; 871 nimis l. f.

[5]) Donatus ad h. l. adnotat: Figura πλοκή. Aliud enim supra, aliud infra *forma* repetita significat.

[6]) Cf. Plaut. Amph. 614: forma, aetate; Rud. 894 forma scitula atque aetatula; Pers. 229 formulam atque aetatulam. De deminutivo „aetatula" uberius disseruit *Ryhiner,* De deminutivis Plautinis Terentianisque (Basileae 1894), p. 23 sq.

[7]) Vox „pulchritudo" semel apud Terentium legitur in Ph. 104 sqq.:

> Videmus: virgo pulchra: et quo magis diceres
> Nihil aderat adiumenti ad pulchritudinem:
> Capillus passus, nudus pes, ipsa horrida,
> Lacrimae, vestitus turpis: ut, ni vis boni
> In ipsa inesset forma, haec formam extinguerent.

Cf. *Slaughter,* The Substantives of Terence (Boston, 1891), p. 19 et 52.

Forma=pulchritudo: A. 72, 286, 428; E. 132, 361, 366, 444; Ht. 382, 389, 523; Ph. 108, 1024; H. 75.

Forma=species: A. 119 [1]), 122; E. 375 (cf. E. 473); Ht. 773; Ph. 108; H. 572.

Forma=mulier formosa [2]): E. 297 (cf. v. 296: O faciem [3]) pulchram: deleo omnis dehinc ex animo mulieres), 566 (cf. v. 564 sq. Quaedam hodie est ei dono data | Virgo: quid ego eius tibi nunc faciem praedicem aut laudem, Antipho).

Paulus Tscherniaew.

---

[1]) Vid. aduotationem in „Dictatis" *Ruhnkenii* (Bonnae 1825), p. 19.

[2]) Omisit hoc abstractum pro concreto *Draegerus* (Hist. Synt. d. lat. Sprache, Leipzig 1878, I²), p. 22 sq. Cf. not. ad E. 297 apud Donatum, Eugraphium, Gronovium et Ruhnkenium.

[3]) Cf. Donatum, qui ad h. v. adnotat: „Faciem" modo non partem corporis dicit, sed totam speciem, quae apparet et cernitur.

КЪ ИСТОРІИ ОЛИГАРХИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ ВЪ АѲИНАХЪ 411 ГОДА ДО Р. ХР.

Вопросъ объ олигархической революціи 400-хъ въ 411 г. до Р. Хр., иными словами вопросъ объ отношеніи свѣдѣній, сообщаемыхъ Аристотелемъ къ Ѳукидиду, пока еще не разрѣшенъ окончательно. Этотъ вопросъ былъ поднятъ въ наукѣ вскорѣ послѣ открытія трактата Аристотеля и продолжаетъ занимать историковъ и понынѣ. Въ прошломъ году появились два новыхъ изслѣдованія по этому вопросу: статья Куберки [1]) и диссертація May'я [2]).

Куберка разъясняетъ одинъ изъ важнѣйшихъ спорныхъ пунктовъ, а именно вопросъ о противорѣчіи, существующемъ между Аристотелемъ и Ѳукидидомъ относительно предложеній коммиссіи 30 συγγραφεῖς въ народномъ собраніи, созванномъ въ Колонѣ [3]). Изъ рѣчи Псевдо-Лисія о Полистратѣ видно, что рѣшено было передать верховную власть 5.000 гражданъ (ὑμῶν ψηφισαμένων πεντακισχιλίοις παραδοῦναι τὰ πράγματα, § 13); что филы выбрали καταλογεῖς, которые должны были выбрать 5.000. И по Аристотелю рѣшено было передать власть въ руки 5.000: послѣднихъ должна была выбрать коммиссія изъ 100 человѣкъ (это, навѣрное, тѣ καταλογεῖς, о которыхъ говоритъ Ps. Lysias), которые, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, должны были принести присягу [4]). Изъ рѣчи о

[1]) *Kuberka*, Beiträge zum Problem des oligarch. Staatsstreiches in Athen vom Jahre 411. *Klio*, VII, 341—356.

[2]) *S. May*, Die Oligarchie der 400 in Athen im J. 411. Diss. Halle a. S. 1907.

[3]) Aristot. 'Αθ. πολ. 29. Thucyd. VIII, 67. См. *Busolt*, Griech. Gesch. III 2, 1479 прим. 2.

[4]) 'Αθ. πολ. 29, 5: ἑλέσθαι δ' ἐκ τῆς φυλῆς ἑκάστης δέκα ἄνδρας ὑπὲρ τετταράκοντα ἔτη γεγονότας, οἵτινες καταλέξουσι τοὺς πεντακισχιλίους ὀμόσαντες καθ' ἱερῶν τελείων.

Полистратѣ далѣе мы узнаемъ, что καταλογεῖς (давая предписанную присягу, они становились въ то же время членами совѣта) черезъ кооптацію другихъ 300 человѣкъ образовывали совѣтъ изъ 400, замѣнившій старый совѣтъ 500. Это послѣднее, вѣроятно, рѣшено было въ народномъ собраніи; у Аристотеля, однако, о немъ не упоминается. Напротивъ, это столь важное рѣшеніе, въ силу котораго устанавливалась олигархія, приводится у Ѳукидида [1], а именно: рѣшеніе было предложено Писандромъ, какъ позднѣйшее добавленіе (ein ergänzender umgestaltender Zusatzantrag), и его не слѣдуетъ смѣшивать съ предложеніемъ 30-ти у Аристотеля. Этимъ предложеніемъ Писандра формально не уничтожалось, правда, предложеніе 30-ти относительно конституированія 5.000; фактически же оно осталось недѣйствительнымъ. 100 καταλογεῖς были выбраны филами, а не пятью проедрами, какъ находимъ у Ѳукидида. Куберка предполагаетъ, что у Ѳукидида сохранился первоначальный письменный проектъ выше упомянутаго предложенія, однако въ рѣшительный моментъ, въ народномъ собраніи, сдѣлано было измѣненіе. Впрочемъ, это не имѣетъ большого значенія.

У Аристотеля это предложеніе Писандра не упоминается; значитъ, и въ этомъ случаѣ выдвигается превосходство изложенія Ѳукидида. Ѳукидидъ не упоминаетъ о предложеніи коммиссіи относительно 5.000; однако онъ раньше уже упомянулъ [2]) объ этомъ пунктѣ въ программѣ олигарховъ. Правда, этотъ пунктъ перешелъ впослѣдствіи въ формальное рѣшеніе, но de facto онъ все же остался только программой. Да и изъ предложенія Писандра можно заключить, что подобное рѣшеніе относительно 5.000 на самомъ дѣлѣ было принято. Бузольтъ [3]) говоритъ, что Ѳукидидъ долженъ былъ бы упомянуть объ этомъ рѣшеніи народнаго собранія; однако мы могли бы вмѣнить ему въ вину это опущеніе въ томъ случаѣ, если бы оно могло ввести насъ въ заблужденіе; но этого нѣтъ, потому что, какъ уже сказано, изъ собственнаго его изложенія мы можемъ заключить, что подобное рѣшеніе было.

---

[1]) VIII, 67: ἐνταῦθα δὴ λαμπρῶς ἐλέγετο ἤδη μήτε ἀρχὴν ἄρχειν μηδεμίαν ἔτι ἐκ τοῦ αὐτοῦ κόσμου μήτε μισθοφορεῖν, προέδρους τε ἑλέσθαι πέντε ἄνδρας, τούτους δὲ ἑλέσθαι ἑκατὸν ἄνδρας, καὶ τῶν ἑκατὸν ἕκαστον πρὸς ἑαυτὸν τρεῖς· ἐλθόντας δὲ αὐτοὺς τετρακοσίους ὄντας ἐς τὸ βουλευτήριον ἄρχειν ὅπῃ ἂν ἄριστα γιγνώσκωσιν αὐτοκράτορας καὶ τοὺς πεντακισχιλίους δὲ ξυλλέγειν ὁπόταν αὐτοῖς δοκῇ. Ср. гл. 68.

[2]) VIII, 65, 3: ὡς οὔτε μισθοφορητέον εἴη ἄλλους ἢ τοὺς στρατευομένους, οὔτε μεθεκτέον τῶν πραγμάτων πλείοσιν ἢ πεντακισχιλίοις κτλ.

[3]) Griech. Gesch. III 2, 1480 прим.

May, ученикъ B. Niese, проводитъ мнѣніе этого ученаго относительно исторической достовѣрности аѳинской политіи Аристотеля [1]. Но опытъ May'я поправить существенно взгляды Эд. Мейера и доказать, что оба конституціонныхъ проекта, сообщенныхъ намъ Аристотелемъ ('Αθ. πολ. гл. XXX, XXXI), выдуманы какимъ-то историкомъ—олигархомъ въ IV в. до Р. Хр. и что единственнымъ источникомъ исторіи 400 долженъ остаться Ѳукидидъ, по нашему мнѣнію, не увѣнчался успѣхомъ.

May не думаетъ, что былъ выработанъ какой-то проектъ о конституціи 5.000. Однако трудно допустить, что у олигарховъ не было никакихъ плановъ о будущемъ окончательномъ устройствѣ государства. Мы знаемъ, что одна фракція олигарховъ, во главѣ съ Ѳераменомъ, требовала умѣренной конституціи; и дѣйствительно, послѣ паденія 400, подъ вліяніемъ Ѳерамена, суверенную власть пріобрѣли тѣ граждане, которые могли вооружаться [2]. Радикалы, сколько бы они ни чувствовали себя твердо закрѣпленными послѣ захвата власти, должны были бы удовлетворить умѣренные элементы въ своей средѣ и широкую массу гражданъ, по крайней мѣрѣ, выработкой проекта объ управленіи 5.000. Этимъ они могли, не связывая себя фактически, сдерживать извѣстное время оппозицію умѣренныхъ и прикрывать свои тайныя желанія [3].

Можно даже принять, что олигархи приступили и къ задачѣ составленія списка 5.000; это дѣло могло длиться долго и такимъ образомъ держать массу въ надеждѣ; въ дѣйствительности же у олигарховъ не было искренняго намѣренія конституировать когда бы то ни было 5.000. Это можно заключить изъ рѣчи о Полистратѣ [4]. Куберка, а до него и другіе [5], высказали мнѣніе, что эта *καταλογή*, о которой рѣчь идетъ у Псевдо-Лисія, не относится ко времени правленія 400, а есть *καταλογή* 5.000 или 9.000 послѣ паденія 400. Въ этой *καταλογή* Полистратъ не участвовалъ, потому что, когда онъ вернулся въ

[1]) *Historische Zeitschrift*, 69, 42 сл. Niese думаетъ, что и конституція Солона была конструирована въ IV в. до Р. Хр. Мнѣніе это принято и *Р. Ю. Виппером*, Лекціи по исторіи Греціи, I, 99 сл. Противъ него см. *В. П. Бузескулъ*, *Журн. Мин. Нар. Просв.* CCCLXI (1905), 414 сл.

[2]) Thuc. VIII, 97, 1.

[3]) См. *Busolt*, Griech. Gesch. III 2, 1486.

[4]) § 13: ὑμῶν ψηφισαμένων πεντακισχιλίοις παραδοῦναι τὰ πράγματα καταλογεὺς ὢν ἐνακισχιλίους κατέλεξεν.

[5]) Напр. *Ed. Meyer*, Forsch. zur alt. Gesch. II, 431 сл.

Аѳины, совѣтъ 400 былъ уже низверженъ и вмѣсто него установилось правленіе умѣренной олигархіи [1]).

Это мнѣніе нуждается въ извѣстной модификаціи. Можно принять, что число 9.000 дѣйствительно относится къ καταλογή, состоявшейся послѣ паденія 400. Но съ другой стороны должно согласиться съ Бузольтомъ [2]), что самая καταλογή, о которой говоритъ защитникъ Полистрата, относится къ дѣятельности Полистрата какъ καταλογεύς во время правленія 400, потому что нельзя сомнѣваться, что Полистратъ, въ самомъ дѣлѣ, принималъ участіе въ составленіи списка 5.000.

Обратимся теперь къ мнѣнію May'я. Изъ оцѣнки окончательной идеальной конституціи Виламовицемъ [3]) становится ясно, что этотъ проектъ врядъ ли могъ быть вымышленъ историкомъ IV в. до Р. Хр. Напротивъ, онъ находится въ тѣсной связи со временемъ его происхожденія. Такъ, напримѣръ, важное мѣсто, которое занимаютъ стратеги (на второмъ мѣстѣ поставлены архонты), весьма характерно для V вѣка, какъ это отмѣчаетъ Виламовицъ. Между военными властями являются ἄρχοντες εἰς τὰ φρούρια, что указываетъ на время Декелейской войны. Надо также замѣтить, что реорганизація государственныхъ должностей, которую имѣетъ въ виду предложеніе Писандра, реализирована въ проектѣ окончательной конституціи. Этотъ проектъ не что иное, какъ поспѣшно сдѣланныя наброски, въ которыхъ не достаетъ важныхъ пунктовъ: и въ этомъ отношеніи онъ носитъ печать своего времени. Отъ одного историка—олигарха IV в. мы могли бы ожидать болѣе полнаго изложенія этой идеальной конституціи. На это, впрочемъ, напирать мы не будемъ. Важнѣе то обстоятельство, что нѣкоторыя изъ предусмотрѣнныхъ въ проектѣ реформъ впослѣдствіи были приложены на практикѣ; значитъ, онѣ были вполнѣ современными (такъ, напримѣръ, уничтоженіе колакретовъ и соединеніе сокровища еллинотаміевъ съ государственнымъ сокровищемъ). По Аристотелю [4]) совѣщанія совѣта руководились 5-ью выбранными по жребію членами; они дѣйствительно являются руководителями совѣта послѣ

[1]) (Lys.) 20, 14: ἐπεὶ δ' ἠναγκάσθη καὶ ὤμοσε τὸν ὅρκον, ὀκτὼ ἡμέρας εἰσελθὼν εἰς τὸ βουλευτήριον ἐξέπλει εἰς Ἐρέτριαν καὶ ἐδόκει ἐκεῖ τὴν ψυχὴν οὐ πονηρὸς εἶναι ἐν ταῖς ναυμαχίαις καὶ τετρωμένος δεῦρ' ἦλθε καὶ ἤδη μετεπεπτώκει τὰ πράγματα. Ср. *Kuberka*, ук. р. 354.

[2]) Griech. Gesch. III 2, 1480. 1484, прим. Ср. *May*, l. c. 73.

[3]) Arist. und Athen, II, 119 сл.

[4]) Ἀθ. πολ. XXX, 5: τὰς δὲ χειροτονίας κρίνειν πέντε τοὺς λαχόντας ἐκ τῆς βουλῆς.

паденія 400 во время короткаго управленія 5.000 [1]); они напоминаютъ намъ и о 5-ти проедрахъ у Ѳукидида [2]).

Эд. Мейеръ высказалъ мнѣніе, что и Ѳукидидъ знакомъ былъ съ проектомъ идеальной конституціи. Какъ доказательство, Эд. Мейеръ приводитъ свидѣтельство Ѳукидида (VIII, 86, 13): τῶν τε πεντακισχιλίων ὅτι πάντες ἐν τῷ μέρει μεθέξουσι, которое Мейеръ [3]) перевелъ такъ: „von den Fünftausend sollen alle an ihrem Teile (ἐν μέρει) ans Regiment kommen“; это относится къ 4-мъ секціямъ совѣта 5.000 [4]); значитъ, послѣ μεθέξουσι надо дополнить τῶν πραγμάτων. Мау (стр. 54) не согласенъ съ этимъ объясненіемъ; онъ говоритъ, что эти слова надо отнести къ аѳинскимъ воинамъ на островѣ Самосѣ, „denen versprochen wird, dass sie auch an ihrem Teile zu den 5.000 gehören sollen“. Мы думаемъ, что Мау напрасно трудится опровергнуть обыкновенное толкованіе этого мѣста. Въ книгѣ VIII, 72, гдѣ говорится объ инструкціяхъ, данныхъ 10-ти посланнымъ, которые должны были пойти на Самосъ успокоить войско, читаемъ: καὶ διδάξοντας... πεντακισχίλιοί τε ὅτι εἶεν καὶ οὐ τετρακόσιοι μόνον οἱ πράσσοντες. Отсюда ясно, что посланные должны были убѣдить войско, что 5.000 дѣйствительно были конституированы. Разъ это такъ, какъ можно давать обѣщаніе воинамъ на Самосѣ, что они примутъ участіе въ 5.000? [5]). Они, навѣрное, уже знали, что не 5.000, а только 400 управляютъ городомъ; посланные должны были убѣдить ихъ, что это не правда, что всѣ 5.000 по очереди займутъ власть, какъ было предусмотрѣно въ идеальной конституціи. Это и есть естественное объясненіе указаннаго мѣста у Ѳукидида [6]).

Эд. Мейеръ видитъ указаніе на идеальную конституцію и въ другомъ мѣстѣ у Ѳукидида (III, 93, 2): λέγοντες τούς τε πεντακισχιλίους ἀποφανεῖν, καὶ ἐκ τούτων ἐν μέρει ᾗ ἂν τοῖς πεντακισχιλίοις δοκῇ τοὺς τετρακοσίους ἔσεσθαι. Мы допускаемъ вмѣстѣ съ Мау'емъ, что здѣсь не совсѣмъ ясно и точно выражено это указаніе, принятое Мейеромъ. Мы

---

[1]) *Ed. Meyer*, Forschungen, II, 480 сл.

[2]) VIII, 67, 3. Ср. *Kuberka*, l. c. 352.

[3]) l. c. 115.

[4]) Arist. 'Αθ. πολ. XXX, 3: τοὺς δ' ἑκατὸν ἄνδρας διανεῖμαι σφᾶς τε αὐτοὺς καὶ τοὺς ἄλλους τέτταρα μέρη ὡς ἰσαίτατα καὶ διακληρῶσαι.

[5]) При этомъ большинство войска въ Самосѣ по недостаточному своему цензу врядъ ли могло войти въ число 5.000. См. *G. Gilbert*, Beiträge zur innern Gesch. Athens, 325.

[6]) См. *Busolt*, III 2, 1483 прим.

же должны подчеркнуть преимущественно слова καὶ ἐκ τούτων ἐν μέρει... ἔσεσθαι, которыя напоминаютъ намъ слова τὸ λαχὸν μέρος βουλεύειν и τέτταρα μέρη у Аристотеля. Впрочемъ вѣроятное толкованіе выше упомянутаго мѣста (VIII, 86, 3) дастъ намъ нѣкоторое право принять, что и въ главѣ 93 указывается на идеальную конституцію.

Приведенныя до сихъ поръ соображенія показываютъ, что мнѣнія Мау'я о конституціонныхъ проектахъ, сообщенныхъ Аристотелемъ, нельзя принять. Мы должны отвергнуть еще одно его предположеніе. По Мау'ю (стр. 58), коммиссія 30-ти у Аристотеля обязана своимъ происхожденіемъ переносу законодательной коммиссіи 30 тиранновъ съ 404 г. на 411 г. до Р. Хр.; архонтъ Пиѳодоръ 404-го года былъ сдѣланъ Hauptantragsteller'омъ коммиссіи; также и Клитофонта должно отнести къ 404 г. Эта фальсификація сдѣлана тѣмъ же олигархомъ IV в., который выдумалъ и конституціонные проекты.

Еще Гротъ [1]) думалъ, что лексикографы, у которыхъ упоминается о 30 συγγραφεῖς, смѣшивали этихъ послѣднихъ съ 30-ью тираннами. Мау также предполагаетъ нѣчто подобное. Но онъ не говоритъ намъ, какую цѣль преслѣдовалъ анонимный фальсификаторъ IV в., замѣнившій 10-членную коммиссію Ѳукидида 30-членной Аристотеля. И остальные аргументы, которыми Мау подкрѣпляетъ свое мнѣніе, не выдерживаютъ критики. Онъ говоритъ (стр. 60): „der Zusatzantrag des Kleitophon... entspringt offenbar der bekannten Tatsache, dass man sich gegen Ende des peloponnesischen Krieges in Athen nach der πάτριος πολιτεία sehnte... Kleitophon selbst spielt erst im Jahre 404 eine Rolle". Однако, если Клитофонтъ игралъ роль въ 404 г., изъ этого развѣ слѣдуетъ, что онъ не дѣйствовалъ и въ 411 г.? Мы знаемъ, что и другіе приверженцы олигархіи 411 г. играли роль и въ 404 г. Напримѣръ, Мелобій, Ѳераменъ, Мнесилохъ и др. Далѣе, надо замѣтить, что о πάτριος πολιτεία заговорили не въ концѣ Пелопоннесской войны, какъ думаетъ Мау, а уже раньше, такъ какъ послѣ сицилійской катастрофы состояніе Аѳинъ было такое, что у многихъ могло возникнуть желаніе возвратить государственное устройство къ старому доброму времени [2]).

Г. Кацаровъ.

[1]) Histoire de Grèce, XI, 99, прим. 1. Ср. *В. П. Бузескулъ*, 'Αθ. πολ. Аристотеля, 454, прим. 1.

[2]) *Busolt*, Griech. Gesch. III 2, 1459, прим. 4.

ПРЕДАНІЯ О НАЧАЛѢ ІОНІИ.

Первое сочиненіе историческаго характера, названіе котораго было извѣстно грекамъ и дошло до насъ, хотя, можетъ быть, въ искаженномъ видѣ, это „κτίσις Μιλήτου καὶ τῆς ὅλης Ἰωνίας; авторомъ его былъ Кадмъ, сынъ Пандіона, милетянинъ. Сочиненіе было утеряно еще въ древности, а самого Кадма въ новой наукѣ часто считали миѳическимъ лицомъ. О немъ неизвѣстно ничего достовѣрнаго; нельзя даже опредѣлить времени его жизни: во всякомъ случаѣ, оно не позднѣе VI вѣка.

Такимъ образомъ вопросу объ основаніи іонійскихъ колоній въ Малой Азіи уже около $2^1/_2$ тысячъ лѣтъ. Не приходится говорить объ его окончательномъ рѣшеніи, но съ недавняго времени его начинаютъ ставить такъ, что получается нѣкоторая возможность надѣяться на его постепенное выясненіе. Въ Ἰωνίας κτίσις, собственно говоря, не одинъ, а нѣсколько вопросовъ, которые надо раздѣлить и рѣшать отдѣльно. Въ самой общей схемѣ они сводятся:

1) во-первыхъ, къ опредѣленію того, что такое іоняне, какъ племя, какъ часть греческаго народа;

2) во-вторыхъ, къ исторіи происхожденія, значенія и распространенія терминовъ Ἰάονες, Ἴων, Ἰωνία и т. под.;

3) въ-третьихъ, къ исторіи заселенія греками опредѣленной части мало-азійскаго побережья Эгейскаго моря,

и 4) въ-четвертыхъ, къ исторіи образованія союза такъ называемыхъ іонійскихъ городовъ.

На первые вопросы надо ждать отвѣта, если онъ возможенъ, не столько отъ исторіи, сколько отъ греческой діалектологіи и общей лингвистики, и въ послѣднее время уже дѣлались попытки рѣшенія

ихъ въ этомъ направленіи [1]); но въ двухъ послѣднихъ вопросахъ, т. е. въ исторіи заселенія греками іонійскихъ городовъ и образованія между ними союза, лингвистическія соображенія имѣютъ очень мало вѣса, и преобладаніе принадлежитъ, несомнѣнно, историческимъ даннымъ.

Но то, что сообщаютъ источники, съ одной стороны—не богато цѣнными данными, а съ другой—страдаетъ еще однимъ недостаткомъ: отъ древности дошли по большей части уже готовыя теоріи переселенія и разсказы, обобщавшіе Ἰωνίας κτίσιν въ одно опредѣленное, планомѣрное предпріятіе, которое ставилось въ связь съ прежнимъ распорядкомъ въ Европейской Греціи и съ событіями ея исторіи. При этомъ преобладала теорія, которая сближала іонійскіе города съ Аѳинами; но были и другія воззрѣнія, которыя дошли до насъ главнымъ образомъ въ видѣ отрывковъ, разбросанныхъ по всей греческой литературѣ. Провѣрить на основаніи ихъ теорію, которая господствовала въ древности, было дѣломъ современной науки. Начало было положено очень дѣльнымъ, но совершенно потомъ забытымъ небольшимъ изслѣдованіемъ Uebelen'a [2]); за нимъ въ половинѣ XIX вѣка послѣдовало нѣсколько другихъ, въ томъ числѣ извѣстная теорія Э. Курціуса, объ „автохтонизмѣ" іонійскихъ грековъ въ Малой Азіи [3]). Она была совершенно фантастична, но имѣла большое значеніе, потому что привлекла вниманіе къ темному іонійскому вопросу и разрушила то довѣріе, съ какимъ тогда обыкновенно относились къ разсказамъ древнихъ грековъ о времени ихъ раннихъ переселеній. Въ недавнее время интересъ къ этому вопросу былъ снова поднятъ замѣчательными статьями U. v. Wilamowitz-Moellendorff'a [4]).

Результатомъ новыхъ изслѣдованій было то, что взглядъ на основаніе іонійскихъ колоній совершенно измѣнился. Теперь нельзя говорить о какомъ бы то ни было организованномъ переселеніи іонянъ, напримѣръ изъ Аѳинъ. Вмѣсто этого надо признать, что переселеніе

---

[1]) *Paul Kretschmer*, Zur Geschichte der griechischen Dialekte. I. Ionier und Achäer. *Glotta*, I (1907), 9—34.

[2]) Die Jonier vor der Jonischen Wanderung 1855, а также другія статьи, особенно Wie die Athener Jonier wurden. *Hermes*, XXV (1890), 141—152.

[3]) Zur Urgeschichte des Jonischen Stamms, Vermutungen von Dr. *Georg Uebelen*. Stuttgart 1837.

[4]) Die Herkunft der Magneten am Mäander. *Hermes*, XXX (1895), 177—198; Panionion и Ueber die jonische Wanderung. *Sitzungsber. d. K. Pr. Akad.* 1906, III и IV.

грековъ въ Малую Азію, а въ частности въ позднѣйшую Іонію, происходило въ теченіе долгаго времени и изъ разныхъ областей Греціи, причемъ новые колонисты или вытѣсняли старыхъ, или принимались ими, какъ желанные союзники противъ туземныхъ народовъ или другихъ греческихъ колоній. Если сопоставить оставленныя древними свѣдѣнія о такихъ разновременныхъ и разнообразныхъ наслоеніяхъ въ каждомъ изъ городовъ Іоніи, то получится слѣдующее:

Въ *Милетѣ* мы находимъ каровъ или лелеговъ, критянъ, іонянъ изъ Пелопоннеса и Аттики, пилосцевъ;

въ *Міунтѣ*—каровъ и іонянъ изъ Греціи или Милета;

въ *Пріенѣ*—послѣ каровъ—такихъ же іонянъ и беотійцевъ изъ Ѳивъ;

на *Самосѣ*—каровъ, лелеговъ, лесбіянъ, іонянъ, эпидаврійцевъ, фліунтцевъ, даже колонистовъ съ Итаки и Кефалленіи;

въ *Эфесѣ*—послѣ каровъ, лелеговъ и лидійцевъ—іонянъ изъ Греціи или Самоса и Теоса, эолянъ изъ Кирены, а около Эфеса—ѳессалійскихъ магнетовъ и критянъ;

въ *Колофонѣ* и *Кларосѣ*—каровъ, критянъ, беотійцевъ, пилосцевъ, іонянъ;

въ *Лебедосѣ*—каровъ и іонянъ;

въ *Теосѣ*—каровъ, миніянъ изъ Орхомена, іонянъ, аѳинянъ, беотійцевъ;

въ *Эриѳрахъ*—критянъ, ликійцевъ, каровъ, памфиловъ, беотянъ и іонянъ изъ другихъ городовъ Іоніи;

на *Хіосѣ*—критянъ, каровъ, абантовъ съ Эвбеи, пеласговъ изъ Ѳессаліи, лесбіянъ, и, наконецъ, σύμμικτον πλῆθος Эгертія;

въ *Клазоменахъ*—іонянъ изъ Колофона, клеонцевъ и фліунтцевъ;

въ *Смирнѣ*—лелеговъ, эолянъ, эфесянъ и колофонцевъ;

въ *Фокеѣ*—фокидянъ, іонянъ, орхоменскихъ миніянъ, аѳинянъ.

Извѣстія о колонистахъ изъ разныхъ частей Греціи связаны и съ нѣкоторыми городами внутреннихъ частей Малой Азіи, близкими къ Іоніи: въ *Магнесіи* мы находимъ ѳессалійскихъ магнетовъ, критянъ, дельфійцевъ; въ *Нисѣ* сказанія (конечно, позднія) говорятъ о лаконцахъ, въ *Траллахъ*—объ аргосцахъ.

Итакъ, извѣстій о разныхъ переселеніяхъ много, но какова ихъ цѣнность? Современные изслѣдователи критикуютъ главнымъ образомъ тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ преданію о переселеніи іонянъ, пользуясь другими, какъ орудіями противъ главной теоріи.

Едва ли это правильно. Изученіе свѣдѣній, сообщаемыхъ древними

авторами, приводитъ къ тому убѣжденію, что значительная часть данныхъ о заселеніи іонійскихъ городовъ—это фабрикаты нисколько не высшаго достоинства, чѣмъ знаменитая аттическая теорія. Лишь нѣкоторыя извѣстія могутъ быть разсматриваемы, какъ осколки древнихъ и цѣнныхъ традицій; большинство же не таково. Частью это—плоды весьма ясныхъ гипотезъ, объяснявшихъ названіе той или иной мѣстности, лица, учрежденія; частью—фрагменты различныхъ теорій о колонизаціи Іоніи и другихъ греческихъ земель въ Малой Азіи,—теорій, цѣнность которыхъ нисколько не выигрываетъ отъ того обстоятельства, что онѣ не составлены „ad maiorem gloriam“ Аонянъ.

Изъ выдумокъ, которыя возникли, кажется мнѣ, на почвѣ сближенія географическихъ названій, укажу на самыя явныя.

Хіосскій поэтъ и историкъ Іонъ (V вѣка) разсказывалъ въ своей поэмѣ, что при миѳическомъ царѣ Ойнопіонѣ на Хіосъ прибыли кары и эвбейскіе абанты, а послѣ сыновей Ойнопіона правителемъ сталъ Амфиклъ изъ эвбейской Гистіэи, который прибылъ на островъ по велѣнію бога. Его потомокъ въ четвертомъ поколѣніи, Гекторъ, частью истребилъ, частью заставилъ уйти съ острова каровъ и абантовъ [1]): ясно, что слѣдовъ этихъ племенъ уже не было во время Іона, а поэтому ихъ надо было какъ-нибудь убрать изъ Хіоса. А привели ихъ туда (еще до Іона), конечно, съ той цѣлью, чтобы сблизить названіе острова съ эвбейскимъ городомъ Хіосомъ.

Основаніе Милета въ нѣкоторыхъ разсказахъ приписывается критянамъ: Эфоръ передавалъ, что первое населеніе было приведено Сарпедономъ изъ Милета на Критѣ, а по другимъ свѣдѣніямъ ойкистомъ города былъ критянинъ Милетъ; разсказывали также, что сначала онъ поселился на Самосѣ, гдѣ по его имени называлась одна мѣстность [2]). Все это измышлялось для объясненія топонимическаго сходства. Та же цѣль, повидимому, заставила грековъ заселить Фокею выходцами изъ Фокиды [3]) и привести основателей Эриѳръ изъ Эриѳръ беотійскихъ [4]).

---

[1]) Pausan. VII, 4, 8—10. Объ абантахъ въ городахъ Іоніи говоритъ и Геродотъ (I, 146).

[2]) Strab. XIV, 634—635 = Ephor. fr. 32, FHG. I, 242. Schol. Apoll. Rh. I, 186 = Aristocrit. fr. 1, FHG. IV, 334. Apollodor. bibl. III, 1, 2. Pausan. VII, 2, 5, cf. St. Byz. s. v. Βύβλος.

[3]) Pausan. VII, 3, 10; cf. Nicol. Damasc. fr. 53, FHG. III, 387, по возстановленію текста v. *Wilamowitz*, Panionion, 19—20.

[4]) Strab. IX, 404.

Даже съ Итаки и Кефалленіи посылаютъ колонію на Самосъ, чтобы сопоставить его названіе съ Самой [1]).

Нѣкоторые разсказы о переселеніяхъ цѣпляются не за названіе города, а за имя основателя или какого-нибудь героя. Такъ, въ Теосѣ знали какого-то Атаманта. Его дѣлаютъ потомкомъ Атаманта, сына Эола, а такъ какъ этотъ герой связанъ съ минійскимъ Орхоменомъ, то и миніянъ поселяютъ на Теосѣ: былъ, однако, въ Іоніи и другой Атамантъ, сынъ Ойнопіона, на Хіосѣ [2]). Беотійцы попали въ Кларосъ, конечно, какъ спутники Мантô, дочери ѳиванскаго прорицателя Тиресія [3]).

Преобладающее количество свѣдѣній о различныхъ слояхъ населенія въ іонійскихъ городахъ принадлежитъ, однако, не къ числу догадокъ этого рода, а къ проявленіямъ болѣе или менѣе широкихъ теорій о заселеніи одной Іоніи или всего греческаго поморья М. Азіи. Мнѣ кажется возможнымъ думать, что такихъ теорій было нѣсколько; всѣ онѣ въ одинаковой степени искусственны и полагаться на ихъ выводы нѣтъ основаній.

Къ одной изъ этихъ теорій возможно относить почти всѣ сказанія о переселеніи *критянъ* въ Малую Азію, а въ частности въ Іонію. Основаніе критянами колоній почти всегда связывается съ именемъ Миноса и относится, конечно, къ циклу преданій, какія образовались вокругъ этого величественнаго образа. По разсказу Діодора, Миносъ, завидуя своему брату Радаманту, усдалъ его въ отдаленныя части своихъ владѣній; Радамантъ роздалъ тамъ отдѣльные острова и города своимъ вождямъ: Эриѳры получилъ его сынъ Эриѳръ, а Хіосъ— Ойнопіонъ, сынъ Аріадны. Другой братъ Миноса, Сарпедонъ, долженъ былъ выселиться въ Ликію, а по Эфору — въ Милетъ; другіе источники, какъ мы видѣли, отправляютъ туда Милета, сторонника Сарпедона въ борьбѣ его противъ Миноса [4]). Съ Кларосомъ критяне связаны лишь героомъ Ракіемъ [5]), но это—слишкомъ шаткая связь, потому что Ракій (или Лакій) связывается и съ Микенами, и съ Фасе-

---

[1]) Это переселеніе, можетъ быть, лежитъ на отвѣтственности Аполлодора или самого Страбона: Strab. XIV, 637, cf. X, 453.

[2]) Pherecyd. fr. 112, FHG. I, 98 и St. Byz. s. v. Τέως. Strab. XIV, 633. Pausan. VII. 3, 6. Объ Атамантѣ на Хіосѣ—Pausan. VII, 4, 8.

[3]) Pausan. VII, 3, 1—2.

[4]) Diodor. V, 79 и 84; подробности—Pausan. VII, 3, 4 и 4, 6.

[5]) Pausan. VII, 3, 1.

лидой, а на Критъ онъ попалъ, вѣроятно, изъ-за смѣшенія Микенъ Арголидскихъ и Критскихъ [1]).

Теорія о переселеніяхъ съ острова Крита, быть можетъ, основана на преданіи о могущественномъ царѣ-талассократорѣ Миносѣ, и это преданіе имѣетъ зерно исторической правды; но матеріалъ свой она черпаетъ изъ совершенно миѳологическихъ представленій. Ойнопіонъ, напримѣръ, подобно другому „переселенцу", Стафилу, принадлежитъ къ циклу Діонисовскихъ божествъ, а съ Критомъ соединенъ лишь миѳомъ объ Аріаднѣ.

Во многихъ сказаніяхъ объ основаніи греческихъ колоній можно найти также совершенно ясную систему, связывающую ихъ съ Родосомъ и родосскими героями — Геліадами. Большинство этихъ сказаній относится къ дорическимъ городамъ М. Азіи, какъ наиболѣе близкимъ къ Родосу; но нѣкоторые разсказы захватываютъ и сѣверъ: Макаръ (или Макарей) на Лесбосѣ объявляется Геліадомъ, пришедшимъ съ Родоса [2]). Въ свою очередь Лесбосъ оказывается колонизаціоннымъ центромъ, — вѣроятно, для мѣстныхъ историковъ: Діодоръ сохранилъ разсказъ о посылкѣ Макаромъ апойкіи, во главѣ которыхъ стояли его сыновья: одинъ изъ нихъ отправился на Хіосъ, Кидролай—на Самосъ, Неандръ—на Косъ, Левкиппъ—на Родосъ [3]). Можно указать и на другія теоріи: объ основаніи городовъ амазонками, о заселеніи ихъ спутниками героевъ, которые шли подъ Трою или возвращались оттуда. Но всѣ эти теоріи теряются въ туманѣ передъ главной — именно передъ преданіемъ о переселеніи въ города Малой Азіи *іонянъ*.

Такое воззрѣніе можно найти уже въ наиболѣе раннемъ изъ доступныхъ намъ историческихъ сочиненій. Геродотъ часто говоритъ объ іонянахъ, но объ ихъ переселеніи въ Малую Азію у него нѣтъ подробнаго связнаго разсказа. То, что онъ сообщаетъ, нѣсколько сбивчиво; поэтому нѣкоторые изслѣдователи, начиная съ Uebelen'а, думали даже, что онъ не имѣлъ отчетливо составившагося мнѣнія относительно древнѣйшей исторіи іонянъ, а довольствовался отдѣльными, не связанными въ одно цѣлое, предположеніями и извѣстіями. Такое мнѣніе кажется мнѣ неправильнымъ. Вѣроятно, Геродотъ не разсказывалъ подробно объ іонійскомъ переселеніи потому, что считалъ этотъ фактъ

---

[1]) О Ракіи cf. *O. Immisch*, Klaros, §§ 2–3.

[2]) Diodor. V, 55—57. Діодоръ слѣдовалъ родосскому историку Зенону: V, 56, 7.

[3]) Diodor. V, 81.

достаточно извѣстнымъ своимъ читателямъ, и притомъ извѣстнымъ во вполнѣ опредѣленной версіи; если что осложняетъ его воззрѣнія, то это излюбленные имъ пеласги, тожественные съ іонянами не только въ глазахъ „отца исторіи", но и въ глазахъ современнаго изслѣдователя P. Kretschmer'a. Родиной мало-азійскихъ іонянъ Геродотъ считаетъ сѣверную часть Пелопоннеса, Эгіалъ, гдѣ они жили до прихода ахейцевъ, раздѣленные на 12 городовъ (I, 145. 148; VII, 94; IX, 26). Вытѣсненные оттуда ахейцами послѣ битвы около Гелики (I, 145), они ушли въ Аѳины, населеніе которыхъ тоже было іонійскимъ. Оттуда были отправлены колоніи въ Малую Азію, гдѣ іоняне основали 12 городовъ, соотвѣтственно числу городовъ Эгіала (I, 56. 146—147; V, 97; VIII, 44; IX, 106). У этихъ 12 городовъ было общее святилище Паніоній и храмъ Посейдона Геликонія (I, 148). Царями іонянъ стали частью потомки Кодра, одинъ изъ сыновей котораго, Нелей, былъ ойкистомъ Милета, частью—потомки Ликійскаго Ксаноа (I, 147; IX, 97). Но населеніе іонійскихъ городовъ Малой Азіи—смѣшанное. Кромѣ пришедшихъ изъ Аѳинъ іонянъ и остатковъ мѣстныхъ жителей — каровъ тамъ были абанты съ острова Эвбеи, орхоменскіе миніяне, кадмеи, дріопы, возставшіе фокидяне, молоссы, аркадскіе пеласги, доряне изъ Эпидавра и многія другія племена (I, 146).

Такъ можно представить воззрѣнія Геродота на Ἰωνίας κτίσιν, сопоставляя отрывочныя свѣдѣнія, разбросанныя по всему его сочиненію. Мы въ правѣ при этомъ утверждать, что принимаемая имъ теорія іонійскаго переселенія была господствующей въ его время. Ей слѣдовалъ и современникъ Геродота, Гелланикъ: у Гарпократіона сохранилась слѣдующая выписка: Ἐρυθρά, μία τῶν ὑπὸ Νηλέως τοῦ Κόδρου κτισθεισῶν, ὡς φησὶν Ἑλλάνικος ἐν Ἀτθίσιν [1]). Основаніе Эриѳръ Нелеемъ, несомнѣнно, должно быть связано съ той версіей объ Ἰωνίας κτίσις, по которой всѣ 12 городовъ Іоніи были основаны Нелеемъ, ойкистомъ Милета. Такой объединяющій и приноровленный для нуждъ хронологіи разсказъ въ очень краткомъ видѣ есть въ Marmor Parium, у Эліана и у Свиды [2]).

Наиболѣе полные разсказы объ основаніи іонійскихъ городовъ со-

---

[1]) Harpocr. s. v. Ἐρυθραῖοι = Hell. fr. 63, FHG. I, 53.

[2]) Marm. Par. 27, стр. 42—44. Aelian. V. H. VIII, 5. Эліанъ выписалъ отрывокъ изъ какого-то сочиненія, близкаго къ источнику Marm. Par.: города Іоніи перечислены здѣсь и тамъ въ совершенно одинаковомъ порядкѣ. Suid. s. v. Ἰωνία; cf. Schol. Plat. Sympos. 208 D.

хранились у писателей римскаго времени—у Страбона и Павсанія [1]). Между данными ихъ есть значительное разногласіе, но есть и нѣкоторая общность, особенно въ томъ, что оба они придаютъ наибольшее значеніе не Нелею, а Андроклу, основателю Эфеса. U. v. Wilamowitz полагаетъ, что Страбонъ въ этомъ случаѣ слѣдовалъ Артемидору, а этотъ географъ выбралъ разсказъ, наиболѣе льстившій его эфесскому патріотизму и найденный имъ у какого-то Ферекида, на котораго ссылается Страбонъ [2]). Но, съ одной стороны, воззрѣнія Артемидора на Ἰωνίας κτίσιν совершенно неизвѣстны, а съ другой—можно доказать, что Андроклу и вообще Эфесу приписывалъ большое значеніе еще Эфоръ, который во многомъ критиковалъ и исправлялъ Гелланика [3]). У Стефана византійскаго сохранился отрывокъ изъ сочиненія Эфора, гдѣ разсказывается о смерти Андрокла и смутахъ въ Эфесѣ [4]); этотъ отрывокъ стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ тѣмъ, что сообщаетъ Страбонъ и Павсаній. Далѣе, Эфоръ держался взгляда объ основаніи ряда мало-азійскихъ городовъ амазонками; взглядъ этотъ мы находимъ и у Страбона, и у Павсанія, а въ наиболѣе полномъ видѣ у Діодора [5]). Но нельзя думать, чтобы разсказъ Эфора сохранился у Страбона или Павсанія хотя бы въ сокращенной передачѣ. Страбонъ, повидимому, обработалъ свой разсказъ объ Іоніи на основаніи нѣсколькихъ источниковъ: достаточно сказать, что онъ ссылается на 13 разныхъ писателей [6]). Что же касается Павсанія, то между нимъ и Эфоромъ надо предположить какое-то промежуточное звено [7]).

Особую группу составляютъ два латинскихъ писателя — Веллей Патеркулъ и Витрувій, версія которыхъ замѣчательна тѣмъ, что во главѣ іонійской апойкіи изъ Аѳинъ стоитъ не Нелей, а самъ Іонъ [8]).

Итакъ, черезъ всю древнюю исторіографію проходитъ теорія объ Аттикѣ, какъ объ отправномъ мѣстѣ іонійскаго переселенія. Эта тео-

---

[1]) Str. XIV, 632 sq. Pausan. VII, 2 sq.

[2]) Ueber die jonische Wanderung, 6—7. Cf. комментарій къ Marm. Parium F. *Jacoby* (1904), стр. 91—92.

[3]) Fl. Ios. c. Apion. I, 3. Str. VIII, 366.

[4]) St. Byz. s. v. Βέννα = Ephor fr. 31, FHG. I, 242. Cf. Str. XIV, 632—633. Pausan. VII, 2, 8—9.

[5]) Ephor. fr. 87 (FHG. I, 259) и др. Str. XII, 550; XIV, 633. Pausan. VII, 2 7; cf. III, 25, 3; IV, 31, 8. Diodor. III, 55.

[6]) Ферекидъ, Миммермъ, Анакреонтъ, Каллинъ, Гиппонактъ, Эфоръ, Анаксименъ Лампсакскій, Гекатей, Артемидоръ, Тимей, Гесіодъ, Софоклъ, Пиндаръ.

[7]) Cf. St. Byz. s. v. Σκυφία = Ephor. fr. 35, FHG. I, 243 и Pausan. VII, 3, 8.

[8]) Vell. Paterc. I, 4, 3. Vitruv. IV, 1, 3—6.

рія была высказана еще до Геродота, и если можно дѣлать предположенія о томъ, у кого взяли ее греческіе историки, то естественнѣе всего будетъ думать о Ферекидѣ. На этого писателя прямо ссылается Страбонъ. Онъ знаетъ двухъ Ферекидовъ: старшаго съ острова Сироса и младшаго, Ферекида аѳинскаго, по другимъ источникамъ — уроженца острова Лероса. Тѣ ссылки на Ферекида, какія сохранились у Страбона, подходятъ болѣе къ тому, что извѣстно о Ферекидѣ Лерійскомъ, писателѣ середины V вѣка.

Аттическая теорія въ томъ видѣ, какъ мы ее знаемъ, не можетъ быть очень древней уже потому, что союзъ іонійскихъ городовъ уже застылъ въ ней въ сакральномъ числѣ 12, между тѣмъ какъ было время, когда въ составъ ихъ входила Мелія, потомъ разрушенная, можетъ быть, Смирна и другіе города. О „Мелійской войнѣ" писали мало-азійскіе историки, въ томъ числѣ Ѳеопомпъ [1]), и возможно, что отъ него (черезъ Трога) сохранилось извѣстіе о Меліи у Витрувія.

Какъ бы то ни было, аттическая теорія — сухая, мало правдоподобная и проникнутая мѣстнымъ патріотизмомъ, — имѣла подавляющее вліяніе на ходъ греческой исторіографіи въ вопросѣ объ Ἰωνίας κτίσις. Но замѣчательно, что нѣкоторые писатели, отбросивъ вставленную на пути іонянъ Аттику, все-таки сохраняли преданіе о происхожденіи многихъ греческихъ колоній изъ Іоніи — Эгіала. Это мы видимъ не только у Тимоѳея, который могъ не говорить объ аѳинянахъ по политическимъ соображеніямъ [2]), но и въ разсказѣ, сохраненномъ у Діодора, о лесбосскомъ Макареѣ. Этотъ герой переселился на Лесбосъ изъ Олена и привелъ съ собой іонянъ, а сыновья его разселились по другимъ островамъ вдоль берега Малой Азіи [3]). Очень важно объяснить такую устойчивость преданія. Несомнѣнно, наиболѣе значительное вліяніе имѣло здѣсь сопоставленіе самаго важнаго для іонянъ святилища Посейдона Геликонія съ храмомъ этого бога въ Геликѣ Ахейской. Интересно, что имя Гелики дается, съ одной стороны, женѣ Іона, дочери Селинунта въ Эгіалѣ [4]), или нимфѣ, дочери Олена, кормилицѣ Зевса [5]), — въ Ахеѣ, а съ другой стороны—

[1]) Inschr. v. Priene, № 37, 120—122.

[2]) Timoth. v. 246—249.

[3]) Diodor. V, 81,

[4]) Pausan. VII, 1, 2; 25, 5. St. Byz. s. vv. Ἑλίκη, Βοῦρα. Имя Селинунта повторяется въ названіи Σελινούσία λίμνη около Эфеса, у которой „Βασιλέως ἐστὶ ἱερόν": Str. XIV, 642.

[5]) Hygin. P. A. 2, 13.

Хіосской нимфѣ, женѣ Ойнопіона [1]). Впрочемъ, это имя довольно распространено въ греческой миѳологіи. Трудно рѣшить, имѣется ли дѣйствительно связь между святилищами въ Геликѣ и на Микалѣ: уже Аристархъ думалъ, что эпитетъ „Ἑλικώνιος“ происходитъ отъ Геликона въ Беотіи [2]), и этого взгляда держатся нѣкоторые современные изслѣдователи; во всякомъ случаѣ, основываться на такихъ аналогіяхъ при выясненіи родины іонянъ врядъ ли возможно.

Далѣе, надо отмѣтить существованіе въ предѣлахъ іонійской теоріи независимыхъ другъ отъ друга развѣтвленій, носящихъ мѣстный характеръ. Напримѣръ, въ Милетѣ, повидимому, была теорія о заселеніи выходцами оттуда нѣкоторыхъ іонійскихъ городовъ: Міунта, Пріэны, можетъ быть Теоса. Эфесяне попадаютъ на Хіосъ и въ Смирну.

Ограничивъ область разбираемыхъ мною преданій одной Іоніей, я не буду перечислять другихъ теорій, дошедшихъ отъ древности, о переселеніяхъ на острова Эгейскаго моря, въ эолійскіе и дорійскіе города: въ этихъ преданіяхъ видна та же искусственная группировка, то же тяготѣніе къ опредѣленнымъ центрамъ, тѣ же многочисленныя и противорѣчивыя варіаціи.

Всѣ эти теоріи древнихъ писателей, какъ бы ни казались заманчивы ихъ выводы въ томъ или иномъ случаѣ, не должны быть разсматриваемы, какъ исторически цѣнный матеріалъ. Можетъ, однако, явиться сомнѣніе слѣдующаго рода: если теорія искусственна, то это не исключаетъ возможности того, что вплетенныя въ нее извѣстія имѣютъ важное значеніе. Но ознакомленіе со многими изъ этихъ извѣстій приводитъ тоже къ весьма пессимистическимъ выводамъ. Греческіе писатели обыкновенно относились къ преданіямъ своего родного города, или того города, гдѣ они жили и работали, съ большимъ вниманіемъ; тѣмъ не менѣе и въ этой области они давали иногда просторъ творческой фантазіи. Тѣмъ болѣе свободно обращались многіе изъ нихъ съ преданіями о давнемъ прошломъ другихъ городовъ, съ преданіями, которые и доходили-то до нихъ иногда въ совершенно обезображенномъ видѣ. Знали имя героя или божества чужого города: этого было достаточно для введенія его въ систему. Нечего и говорить, что и имя часто искажалось, и мѣсто, съ которымъ оно было связано, замѣнялось другимъ. Такъ, напримѣръ, въ Колофонѣ было преданіе объ ойкистѣ Андраймонѣ изъ Пилоса; у Павсанія мы нахо-

---

[1]) Parthen. 20.

[2]) Aristarch. въ Etymol. M. s. v. Κόπρος; cf. Schol. A. Y, 404.

димъ Андраймона, уже какъ сына Кодра, въ Лебедосѣ [1]), тогда какъ Страбонъ знаетъ тамъ ойкиста Андропомпа [2]). Другой примѣръ: основателемъ Міунта Страбонъ, слѣдуя Ферекиду, называетъ побочнаго сына Кодра, Кидрела [3]); имя это у Павсанія передано въ формѣ „Κυάρητος", что можетъ быть простой ошибкой писца [4]); но, по Діодору, ойкистомъ Самоса былъ Кидролай, сынъ Макарея [5]), и, наконецъ, на Калимнѣ мы находимъ филу „Κυδρηλεῖοι", названіе которой восходитъ, какъ думаетъ A. Fick, къ карійскому имени [6]).

Итакъ, до нѣкоторой степени цѣнными въ историческомъ отношеніи остаются лишь немногочисленные обломки мѣстныхъ традицій, да иногда тѣ пережитки историческихъ событій, которые какимъ-либо путемъ сохранились въ городѣ. Ихъ очень немного, и сопоставить ихъ не такъ трудно.

Въ *Милетѣ* существовало преданіе о древнѣйшемъ владѣтелѣ Анактѣ, по имени котораго и земля называлась Анакторіей. Анактъ—божество, сынъ Урана и Геи [7]); по мнѣнію U. v. Wilamowitz'a это богъ Аидъ [8]). Гробницу его сына Астерія показывали на островкѣ Астеріи около Лады.

Далѣе, были какія-то традиціи о Нелеѣ, причемъ въ этомъ лицѣ какъ будто соединилось нѣсколько образовъ; его могила тоже была извѣстна милетянамъ [9]), а на Посейдіи показывали поставленный имъ жертвенникъ [10]); во время праздника Артемиды совершалось въ Милетѣ жертвоприношеніе, которое называлось Νηληΐς [11]). Нелея считали сыномъ Кодра, выходцемъ изъ Аѳинъ, а основаніе святилища Деметры Элевсинской на Микалѣ приписывали его спутнику, Филисту сыну Пасикла, конечно—аѳинянину [12]). Но существуютъ слѣды представленія, что Нелей прибылъ прямо изъ Пилоса. У Страбона [13]) о

---

[1]) Pausan. VII, 3, 5.

[2]) Str. XIV, 633.

[3]) Str. XIV, 633.

[4]) Pausan. VII, 2, 10.

[5]) Diodor. V, 81.

[6]) *Collitz*, Gr. Dial.-Inschr. 3572. 3573. 3578 b. *A. Fick*, Vorgriechische Ortsnamen als Quelle für die Vorgeschichte Griechenlands, 1905, 53.

[7]) Pausan. I, 35, 5; VII, 2, 5. St. Byz. s. v. Μίλητος.

[8]) Ueber die jonische Wanderung, 8.

[9]) Pausan. VII, 2, 6.

[10]) Str. XIV, 633.

[11]) Plutarch. de mulier. virt. XVI.

[12]) Herodot. IX, 97.

[13]) Str. XIV, 633.

немъ говорится неясно: „Милетъ основалъ Нелей, который былъ родомъ изъ Пилоса"; хотя за этими словами слѣдуетъ разсказъ о пилосцахъ, переселившихся въ Аѳины вмѣстѣ съ Меланѳомъ, отцомъ Кодра, но все-таки Аѳины такъ мало связаны съ милетскимъ Нелеемъ, что, напримѣръ, Евстаѳій, слѣдующій въ общемъ Страбону, опредѣленно называетъ Нелея Пилосцемъ, отвергая свидѣтельство Геродота [1]). То, что Діогенъ Лаэртій [2]) говоритъ о Нейлеѣ, выходцѣ изъ Финикіи, поселившемся въ Милетѣ, едва ли имѣетъ существенное основаніе. Финикійскимъ считался милетскій родъ Ѳелидовъ, къ которому принадлежалъ Ѳалесъ. Считать „финикійцевъ" Діогена „кадмейцами", т. е. ѳиванцами, едва ли возможно [3]). Во всякомъ случаѣ можно сказать съ увѣренностью, что въ Милетѣ хорошо помнили время царей — „Нелидовъ" [4]).

Ойкистомъ *Міунта* считали Кидрела, котораго дѣлаютъ сыномъ Кодра [5]); по другому представленію городъ былъ заселенъ выходцами изъ Милета [6]).

Въ *Пріенѣ* мы встрѣчаемъ какого-то Айпита [7]), который въ древней литературѣ слыветъ сыномъ Нелея, а потому и іоняне въ Пріену приводятся изъ Милета. Можно отмѣтить, что „Αἴπυτος" — имя сына Гераклида Кресфонта, царя Мессеніи [8]).

Кромѣ іонянъ въ Пріенѣ были выходцы изъ Беотіи, которыхъ привелъ нѣкій Филотъ [9]); какъ и слѣдовало думать, предкомъ его оказывается Пенелей, одинъ изъ беотійскихъ вождей подъ Троей. Біантъ считался потомкомъ беотійскаго переселенца [10]); Пріена называлась „Κάδμη", ея жители—„Κάδμιοι"—изъ-за этихъ беотянъ [11]).

Главнымъ источникомъ для опредѣленія мѣстныхъ представленій

---

[1]) Eustath. in Dionys. 823.

[2]) Diog. Laert. I, 22; cf. Herodot. I, 170.

[3]) *U. v. Wilamowitz* полагаетъ, что вся легенда о Кадмѣ относилась первоначально къ Милету: Homerische Untersuchungen, 1884, 139; cf. *E. Maass*, *Hermes*, XXIII (1888), 79[1]. *J. Toepffer*, Attische Genealogie, 295[2].

[4]) Herodot. I, 147. Aristot. Fr. 556 Rose[3] (=Parthen. 14). Nicol. Damasc. fr. 54 (FHG. III, 388). Conon. narrat. 44.

[5]) Str. XIV, 633. Pausan. VII, 2, 10.

[6]) Plutarch. de mulier. virt. XVI.

[7]) Str. XIV, 633; cf. Eustath. in Dionys. 823. Pausan. VII, 2, 10.

[8]) Apollod. II, 8, 5 и др.; два другихъ Айпита — аркадскіе герои.

[9]) Str. XIV, 633. Pausan. VII, 2, 3 и 7.

[10]) Phanodic. y Diog. Laert. I, 5, 83.

[11]) Str. XIV, 636. Hesych. s. v. Κάδμοι=Hellanic. fr. 95, FHG. I, 58.

о древней исторіи *Самоса* служитъ пересказъ поэмы Асія, сына Амфиптолема, сохраненный Павсаніемъ [1]). На Самосѣ знали какого-то древняго царя лелеговъ Анкея, о которомъ существуютъ разные разсказы, сближающіе его съ одноименнымъ аркадскимъ героемъ; Асій разсказывалъ и объ его потомкахъ, но не о переселенцахъ-іонянахъ. Страбонъ называетъ первымъ ойкистомъ Тембріона, а затѣмъ — Прокла [2]); по Θемистагору, Патроклъ (т.-е. Проклъ) и Тембріонъ соединились съ карами и раздѣлили народъ на двѣ филы — Хесію и Астипалею [3]). Павсаній знаетъ только Прокла, котораго онъ называетъ сыномъ Питирея и потомкомъ Іона. Конечно, онъ приводитъ іонянъ, но въ числѣ его спутниковъ были эпидавріяне, изгнанные съ родины Деифонтомъ и аргосцами; прежніе жители приняли колонистовъ неохотно. Сынъ Прокла, Леогоръ, борется съ Андрокломъ и эфесянами: Андроклъ обвиняетъ его въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ карами замышляетъ противъ іонянъ [4]).

Во всемъ этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на ничтожное значеніе переселенцевъ-іонянъ, которые, кажется, совершенно искусственно введены въ разсказъ. Зато большое значеніе имѣетъ упоминаніе о Деифонтѣ, изгнавшемъ эпидавріянъ, потому что, повидимому, оно стоитъ въ связи со словами Геродота о переселеніи въ іонійскіе города дріоповъ. У Николая Дамасскаго есть начало разсказа о томъ, что царь Аргоса Деифонтъ, „тайно подославъ пословъ, поднялъ противъ аргивянъ трезенцевъ, асинеевъ, герміонянъ и всѣхъ дріоповъ, которые жили въ тѣхъ мѣстахъ; они и сами хотѣли возстать, чтобы не быть со временемъ вмѣстѣ съ ними изгнанными дорянами" [5]). Къ сожалѣнію, дальнѣйшее неизвѣстно. Изъ близкихъ къ Аргосу земель ведетъ преданіе на Самосъ и фліунтца Гиппáса, который считался предкомъ мудреца Пиѳагора [6]). Что же касается Тембріона, то, повидимому, это какое-то туземное имя [7]).

Относительно заселенія греками *Эфеса* существовали различныя

---

[1]) Pausan. VII, 4, 1.

[2]) Str. XIV. 633.

[3]) Themistagor. fr. 1, FHG. IV, 512 = Etym. M. s. v. Ἀστυπάλαια. Θемистагоръ называетъ первую филу „Схесіей", что исправляется надписями.

[4]) Pausan. VII, 4, 2—3; cf. 2, 8—9.

[5]) Nicol. Damasc. fr. 38, FHG. III, 376.

[6]) Pausan. II, 13, 2.

[7]) Cf. *P. Kretschmer*, Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache, 1896, 193.

традиціи [1]). Конечно, нѣкоторыя изъ нихъ едва ли заслуживаютъ вниманія. Существуетъ, напримѣръ, такой разсказъ: на Самосѣ взбунтовалась тысяча рабовъ; самосцы долго съ ними воевали, но на шестой годъ, по велѣнію оракула, заключили соглашеніе; рабы ушли съ острова и основали Эфесъ [2]). Мнѣ кажется, что въ этомъ разсказѣ соединена сосѣдская любезность самосцевъ съ наивной этимологіей слова Ἔφεσος [3]). Историческую основу имѣетъ, можетъ быть, извѣстіе Креофила эфесскаго, что основатели города жили сначала на островѣ, а затѣмъ поселились на материкѣ [4]); иныя преданія даютъ древнему Эфесу названіе Смирны (Саморны), которое позже сохраняла одна часть города [5]). Ойкистомъ Эфеса считается Андроклъ, сынъ Кодра [6]); до времени Страбона были потомки его, которые носили титулъ „Βασιλεῖς“, имѣли разныя почетныя права и жречество элевсинской Деметры [7]); къ этому роду принадлежалъ философъ Гераклитъ [8]). Власть Басилидовъ была нѣкогда свергнута тиранномъ Пиѳагоромъ [9]). О гробницѣ Андрокла говоритъ Павсаній [10]); возможно, что Андроклъ— какой-то мѣстный герой или даже историческое лицо, попавшее потомъ въ легенду объ основаніи города [11]). Эфоръ разсказываетъ о присоединеніи къ эфесянамъ послѣ смерти Андрокла колонистовъ изъ другихъ городовъ, въ томъ числѣ изъ Кароны и Теоса; фила „Εὐώνυμοι“ связываетъ Эфесъ съ Аттикой, а „Βεμβινεῖς“ (или „Βεμβιναῖοι“)—можетъ быть, съ Арголидой [12]). Но надо отмѣтить, что при

---

[1]) *Georges Radet* (Ephesiaca, p. II: La colonisation d'Éphèse par les Ioniens, 21—40) далъ недавно прекрасный разборъ древнихъ извѣстій и эффектную картину обоснованія грековъ въ городѣ; кажется, однако, что онъ приписываетъ слишкомъ много значенія греческимъ преданіямъ.

[2]) Малакъ, FHG. IV, 442=Athen. VI, 267 A.

[3]) Cf. Heracl. Pont. XXXIV. Иная, но столь же наивная версія—въ Etym. M. s. v. Δαιτίς и Ἔφεσος.

[4]) Креофилъ, FHG. IV, 371=Athen. VIII, 361 C. *U. v. Wilamowitz* соединяетъ разсказы Малака и Креофила и считаетъ Самосцевъ основателями Ефеса. Правильно ли это, не знаю. (Ueber die jonische Wanderung, 7[2]).

[5]) Str. XIV, 633, по Каллину и Гиппонакту; St. Byz. s. v. Ἔφεσος и Σάμορνα.

[6]) Str. XIV, 632—633. 640. Pausan. VII, 2, 8—9.

[7]) Str. XIV, 633.

[8]) Diog. Laert. IX, 1. 6.

[9]) Baton. fr. 2, FHG. IV, 348=Suid. s. v. Πυθαγόρας.

[10]) Pausan. VII, 2, 9.

[11]) Cf. *U. v. Wilamowitz*, Ueber die jonische Wanderung, 6[3].

[12]) Ephor. fr. 31, FHG. I, 242=St. Byz. s. v. Βέννα. Cf. *Wood*, Discoveries at Ephesus, London 1877, Artemision № 26.

всѣхъ этихъ разсказахъ о переселеніяхъ жители Эфеса, подобно милетянамъ, соединяли со своимъ городомъ и его областью представленія о глубокой старинѣ и древней святости: въ Корессѣ ихъ сказаніе видѣло мѣсто родовъ Латоны [1]), и даже керкоповъ они переселяли въ свою землю [2]).

Для *Колофона* существуетъ очень важное свидѣтельство стараго (VII в.) поэта Мимнерма, гражданина этого города: колофонцы прибыли въ Азію, покинувъ Пилосъ, „Νηλήιον ἄστυ", а ойкистомъ ихъ былъ Андраймонъ пилосецъ [3]); гробницу его показывали на пути изъ Колофона въ Лебедосъ [4]). Такимъ образомъ Колофонъ соединяется съ Пилосомъ непосредственно, безъ промежуточной инстанціи—Аѳинъ. Павсаній передаетъ разсказъ о царяхъ Дамасихтонѣ и Промеѳѣ; извѣстна была гробница Промеѳа [5]). Они называются сыновьями Кодра, но это родство, вѣроятно, было выдумано поздно.

Анакреонтъ давалъ своему родному городу *Теосу* названіе Ἀθαμαντίς [6]), но трудно сказать, какой Атамантъ имѣется здѣсь въ виду. Затѣмъ есть разсказы о переселеніи іонянъ и беотійцевъ. Начальникомъ послѣднихъ называютъ Герета, а относительно предводителей іонянъ существуетъ разногласіе. Страбонъ говоритъ, что сначала пришелъ Навклъ, побочный сынъ Кодра, а затѣмъ—Ποίκης и Дамасъ аѳиняне и Гереть со своими беотійцами. У Павсанія иной порядокъ: сначала приводитъ іонянъ Ἄποικος, потомокъ въ 4 колѣнѣ Меланѳа (т.-е. внукъ Кодра, и, вѣроятно, сынъ Нелея), а потомъ изъ Аѳинъ являются сыновья Кодра, Дамасъ и Паоклъ, а изъ Беотіи—Гереть [7]). Повидимому, здѣсь надо предполагать контаминацію совершенно различныхъ преданій: одно вело іонянъ прямо изъ Аѳинъ, другое — черезъ какой-то другой городъ; если судить по аналогіи съ Пріеной, то черезъ Милетъ [8]). Цѣнность того и другого крайне сомнительна.

Эриоры имѣли легенду объ ойкистѣ Кнопѣ, котораго древніе писатели выдаютъ за сына Кодра [9]). Павсаній разсказываетъ, что сынъ

---

[1]) Str. XIV, 639—640; cf. St. Byz. s. v. Κορησσός.

[2]) Apollodor. I, 6, 3.

[3]) Str. XIV, 633.

[4]) Pausan. VII, 3, 5.

[5]) Pausan. VII, 3, 3.

[6]) Str. XIV, 633; cf. Pherecyd. fr. 112, FHG. I, 98. Steph. Byz. s. v. Τέως.

[7]) Str. XIV, 633. Pausan. VII, 3, 6.

[8]) Теосскій беотіецъ Гереть соотвѣтствовалъ бы пріенскому—Филоту.

[9]) Str. XIV, 633. Pausan. VII, 3, 7. Polyaen. VIII, 43; cf. St. Byz. s. v. Κνωπούπολις.

Кодра Клеопъ (=Кнопъ) привелъ въ Эриоры поселенцевъ, собранныхъ изъ всѣхъ городовъ Іоніи, а Поліэнъ говоритъ о томъ, какъ онъ овладѣлъ этимъ городомъ. Гиппій эриөрянинъ передаетъ исторію царя Эриоръ Кнопа [1]), но это не основатель города, а, вѣроятно, его потомокъ, дѣйствительный или мнимый. Позже тамъ была „τῶν Βασιλιδῶν ὀλιγαρχία“ [2]).

На *Хіосѣ* еще въ V вѣкѣ поэтъ-историкъ Іонъ ничего не знаетъ объ іонійскомъ переселеніи. У него древними владыками острова оказываются Өесеидъ Ойноніонъ и его сыновья, потомъ Амфиклъ изъ Гестіэи эвбейской и его преемники. Одинъ изъ нихъ, Гекторъ, рѣшилъ участвовать вмѣстѣ съ іонянами въ Паніоніи. Павсаній, который передаетъ этотъ разсказъ, не знаетъ, почему хіосцы причисляются къ іонянамъ [3]). По Страбону, ойкистомъ былъ Эгертій, „σύμμικτον ἐπαγόμενος πλῆθος“; сами же хіосцы, по его словамъ, считали своими ойкистами пеласговъ изъ Өессаліи [4]). Все это достаточно безнадежно.

Клазомены, судя по всему, были заселены греками сравнительно поздно. Основаніе ихъ приписывалось колофонцу Парфору или Паралу, а въ числѣ поселенцевъ были пелопоннесцы изъ Клеонъ и Фліунта [5]).

Сѣверные города іонійскаго побережья были первоначально ближе къ эолійскимъ колоніямъ, чѣмъ къ іонянамъ. *Смирна* окончательно вошла въ іонійскій союзъ только при діадохахъ. Мимнермъ говоритъ о завоеваніи эолійской Смирны колофонцами; это повторяется и другими греческими писателями, причемъ нѣкоторые изъ нихъ къ Колофону тѣмъ или инымъ путемъ присоединяютъ Эфесъ [6]).

Относительно *Фокеи* въ древности было извѣстно, что городъ этотъ основанъ на землѣ эолійскихъ Кимъ и что въ іонійскій союзъ Фокея была принята на томъ условіи, чтобы граждане пригласили царей — Кодридовъ; фокейне призвали изъ Эриоръ и Теоса Деойта (Леойта?), Перикла и Абарта [7]). Харонъ лампсакскій (V в.) раз-

---

[1]) Hippias, FHG. IV, 431=Athen. VI, 258 F.

[2]) Aristot. Pol. VIII, 6—1305b.

[3]) Pausan. VII, 4, 8—110. Plut. Thes. 20.

[4]) Str. XIV, 621. 633.

[5]) Str. XIV, 633. Pausan. VII, 3, 8.

[6]) Мимнермъ у Страбона, XIV, 633—634. Herodot. I, 16. 150. Pausan. VII, 5, 1; cf. V, 8, 3; IV, 21, 3.

[7]) Pausan. VII, 3, 10; cf. Nicol. Damasc. fr. 53, FHG. III. 387.

сказываетъ о фокейскихъ Кодридахъ Фобѣ и Блепсѣ [1]). Ойкистами колоніи считались аѳиняне Филогенъ и Дамонъ, а спутниками ихъ называли фокидянъ или дѣтей, женщинъ изъ Орхомена минійскаго, взятыхъ въ плѣнъ іонянами (а м. б.—фокидянами) [2]). Разсказъ объ этомъ переселеніи очень неясенъ [3]).

Таковы главныя изъ извѣстныхъ въ настоящее время преданій. Часть ихъ относится, какъ мы видѣли, къ вопросу о происхожденіи правившихъ родовъ, другая — къ вопросу о составѣ населенія того или иного города. Въ данныхъ перваго рода первенствующее значеніе во многихъ мѣстностяхъ придается потомкамъ пилосскихъ героевъ—Нелидовъ. Родословіе Нелидовъ по Гелланику и Павсанію [4]) таково: предокъ ихъ — богъ Посейдонъ; за нимъ слѣдуютъ: Нелей, Периклименъ, Боръ, Пенѳилъ [5]), Андропомпъ, Меланѳъ, Кодръ. Периклименъ, старшій братъ Нестора, принадлежитъ еще къ міру божествъ; Пенѳилъ и Андропомпъ — это уже „колоніальныя" имена: Пенѳилъ, сынъ Ореста, — одинъ изъ героевъ эолійскаго переселенія [6]); Андропомпъ („посылающій мужей") — ойкистъ Лебедоса [7]). Меланѳъ и Кодръ связаны съ Аѳинами; но, повидимому, первоначально представленій объ аѳинскомъ происхожденіи Кодридовъ (или Нелидовъ) Малой Азіи не было: Нелей и Андраймонъ (вѣроятно, тоже Нелидъ) выводятся прямо изъ Пилоса; въ Мессеніи былъ извѣстенъ герой Айпитъ и родъ Андроклидовъ, который, впрочемъ, существовалъ и въ Аѳинахъ [8]). Аѳинскіе роды, считавшіе себя потомками Нелея, тоже должны были какъ-нибудь соединить себя съ Пилосомъ, а затѣмъ уже они стали на пути Нелидовъ изъ Пилоса въ Азію, подобно тому какъ Аттика и Аѳины сдѣлались мѣстомъ остановки въ переселеніи іонянъ.

Какъ бы то ни было, греки придавали роду Нелидовъ или Кодридовъ важное значеніе въ жизни іонійскихъ колоній. Чтобы стать

[1]) Char. Lamps. fr. 6, FHG. I, 33 = Plutarch, de mulier. virt. XVIII; cf. Polyaen. VIII, 37.

[2]) Str. XIV, 633. Pausan., Nicol. Damasc. l. l.

[3]) См. *U. v. Wilamowitz*, Panionion, 18—20.

[4]) Hellanic. fr. 10. FHG. I, 47. Pausan. II, 18, 8.

[5]) Иной порядокъ у Павсанія: Пенѳилъ, Боръ...

[6]) Str. XIII, 582.

[7]) Str. XIV, 633.

[8]) См. *J. Toepffer*, Attische Genealogie, 232 и слѣд.; *Pauly-Wissowa*, R.-E. I, 2145.

участниками Паніонія, фокейцы должны были, по преданію, принять къ себѣ царей — Кодридовъ. Древніе „басилеи“ имѣли прежде всего сакральное значеніе; эфесскіе Басилиды надолго сохранили за собой жречество элевсинской Деметры. Вѣроятно, союзъ іонійскихъ городовъ въ первыя времена своего существованія былъ только религіознымъ союзомъ съ общими священнодѣйствіями, а принимать участіе въ нихъ, думается, должны были „басилеи“, какъ религіозные представители городскихъ общинъ. Басилеи же во многихъ, если не во всѣхъ городахъ Іоніи принадлежали къ родамъ, которые искони вели свое происхожденіе частью отъ ликійскаго Ксанѳа, частью отъ Нелея, или, по крайней мѣрѣ, позже стали держаться такого лестнаго для себя мнѣнія. Отсюда слѣдствіе: если у города нѣтъ царей — Нелидовъ (или Ксанѳидовъ), то ему нельзя участвовать въ Паніоніи. Итакъ, я позволю себѣ предположить, что значеніе Нелидовъ связано не столько съ основаніемъ іонійскихъ колоній, сколько съ гораздо болѣе позднимъ образованіемъ Іонійскаго союза.

Въ данныхъ объ основаніи разныхъ городовъ и о составѣ населенія въ каждомъ изъ нихъ надо отмѣтить замѣчательное разнообразіе указываемыхъ ими „метрополій“. Колонисты приходятъ изъ разныхъ мѣстъ Пелопоннеса, изъ Беотіи, изъ Аттики (такихъ немного), изъ Ѳессаліи, изъ другихъ городовъ той же Іоніи или Эоліи. Иногда бываетъ и такъ, что выходцы изъ одной какой-либо области идутъ преимущественно въ опредѣленное мѣсто, куда показали имъ дорогу предшественники и гдѣ они могли разсчитывать на дружелюбный пріемъ: на Самосѣ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ главнымъ образомъ колонистовъ изъ Арголиды. Въ большинствѣ случаевъ нельзя, однако, найти опредѣленнаго порядка въ переселенческомъ движеніи,—по крайней мѣрѣ на основаніи доступныхъ намъ данныхъ древнихъ писателей. Но и къ тѣмъ скуднымъ свѣдѣніямъ, которыя сохранились у нихъ, очень трудно относиться съ довѣріемъ. Иногда преданія объ основаніи городовъ стоятъ въ несомнѣнной связи съ традиціями властительныхъ родовъ: Нелиды, напримѣръ, не только сами связываются съ Пилосомъ или Аѳинами, но связываютъ съ этими метрополіями и свои города. Среди родовыхъ преданій могли быть и такія, которыя вѣрно сохраняли память о родинѣ даннаго семейства; но для вопроса о происхожденіи массы городского населенія цѣнность даже такого преданія очень сомнительна. Въ иныхъ случаяхъ можно, конечно, предположить вѣковую традицію о колонистахъ — предкахъ значительнаго числа горожанъ; но всегда есть опасность,

что за традицію мы принимаемъ совершенно фантастическую родовую генеалогію или простое объясненіе того или иного миѳа, обряда, названія мѣстности. И обыкновенно бываетъ совершенно немыслимо, располагая доступнымъ намъ матеріаломъ, найти зерно истины въ пестрой грудѣ красивыхъ выдумокъ, наивныхъ соображеній и гордыхъ семейныхъ легендъ. Надо при томъ принять во вниманіе традиціи совершенно противоположнаго характера, которыя связываютъ тотъ или иной городъ чуть ли не со временемъ, когда создавалась земля и рождались боги (преданія объ Анактѣ, о Корессѣ, о рожденіи Геры на Самосѣ). Все это должно, думаю я, привести къ такому выводу: свѣдѣнія древнихъ объ Ἰωνίας κτίσις были совершенно недостаточны; отъ древней литературы по этому вопросу сохранились главнымъ образомъ легенды, выдумки и предположенія; греки Іоніи въ общемъ сами, повидимому, не знали, откуда и какъ они попали въ Малую Азію, а думали объ этомъ разное.

К. Хилинскій.

ΧΕΛΙΔΟΝΙΣΜΑ АНТИЧНОЙ ГРЕЦІИ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Вѣчно живая творческая мысль народа находитъ свое воплощеніе въ пѣсенныхъ формахъ многообразными и сложными путями. Прислушиваясь къ живой народной пѣснѣ, просматривая пѣсенные сборники, мнѣ всегда рисуется картина геологическаго строенія. Пласты самобытнаго творчества усиливаются отложеніями различныхъ эпохъ и временъ, они прорѣзываются жилами занесенныхъ издалека мотивовъ; въ толщѣ наслоеній вкраплены пѣсни, создавшіяся необычайными, оторванцыми путями.

Одинъ изъ такихъ путей, давшій рѣдкое вкрапленіе въ пѣсенную сокровищницу Германіи, я хотѣлъ бы представить въ настоящей замѣткѣ [1]).

I.

Аѳиней въ 8-й книгѣ сохранилъ намъ одинъ изъ драгоцѣнныхъ и рѣдкихъ примѣровъ народной поэзіи античной Греціи [2]). Я имѣю въ виду небольшую дѣтскую пѣсенку острова Родоса, извѣстную подъ именемъ *χελιδόνισμα*. Привожу ее съ исправленіями, предложенными Usener'омъ [3]).

ἦλθ' ἦλθε χελιδών — — ◡ ◡ — —
καλὰς ὥρας ἄγουσα
καὶ καλοὺς ἐνιαυτούς,
ἐπὶ γαστέρα λευκά, 'πὶ νῶτα μέλαινα.

---

[1]) Въ недавно вышедшей книгѣ *Rieser*'а, „Des Knaben Wunderhorn“ und seine Quellen, Dortmund 1908, авторъ упоминаетъ и о пѣснѣ, составляющей содержаніе настоящей замѣтки (стр. 138), но при этомъ не затрагиваетъ вопроса объ исторіи пѣсни, ограничиваясь упоминаніемъ работы Prätorius'а (см. ниже) и приведеніемъ нѣкоторыхъ варіантовъ отдѣльныхъ строкъ.

[2]) Ath. VIII, 360 C.

[3]) *Usener*, Altgriechischer Versbau, Bonn 1887, 81.

παλάθαν σὺ προκυκλεῖν ἐκ πίονος οἴκου
οἴνου τέ δέπαστρον τυρῶ τε κάνυστρον
καπυρῶνα χελιδὼν καὶ λεκιθίταν
οὐκ ἀπωθεῖται.

(пауза)

ἀπίωμες ἢ λαβώμεθα;
εἰ μέν τι δώσεις· εἰ δὲ μή, οὐκ ἐάσομεν·
ἢ τὰν θύραν φέρωμες ἢ θοὐπέρθυρον
ἢ τὰν γυναῖκα τὰν ἔσω καθημέναν·
μικρὰ μέν ἐστι, ῥαδίως μιν οἴσομεν.
ἂν δὴ φέρῃς τι, μέγα δή τι φέροις.
ἄνοιγ' ἄνοιγε τὰν θύραν χελιδόνι·
οὐ γὰρ γέροντές ἐσμεν ἀλλὰ παιδία.

По свидѣтельству Аѳинея, онъ заимствовалъ приведенную пѣсню изъ 2-й книги нѣкоего Ѳеогнида „περὶ τῶν ἐν Ῥόδῳ θυσιῶν“ [1]); но такъ какъ исторія совершенно не знаетъ этого писателя, то свидѣтельство Аѳинея, въ силу этого, имѣетъ мало значенія для датировки времени возникновенія χελιδόνισμα и, такимъ образомъ, Аѳиней въ сущности является для насъ наиболѣе раннимъ источникомъ, изъ котораго мы узнаемъ о существованіи интересующей насъ пѣсни. Народная традиція, однако, шла дальше и приписывала сочиненіе пѣсни Клеобулу изъ Линда, одному изъ „Семи мудрецовъ“, который якобы составилъ χελιδόνισμα въ одинъ изъ голодныхъ годовъ, разразившихся надъ страной.

Подобное объясненіе является обычнымъ этіологическимъ пріемомъ, часто примѣнявшимся для разъясненія факта, происхожденіе котораго затерялось съ теченіемъ времени и мы, конечно, не можемъ удѣлить этому объясненію большаго вниманія, чѣмъ традиціи, приписывавшей сочиненіе εἰρεσιώνη творчеству Гомера.

Вообще говоря, χελιδόνισμα не даетъ опредѣленнаго пункта, который могъ бы послужить для датировки времени возникновенія пѣсни и мы, въ этомъ отношеніи, не ушли дальше Казобона [2]), видѣвшаго

[1]) Ath. l. c.: καὶ χελιδονίζειν δὲ καλεῖται παρὰ Ῥοδίοις ἀγερμός τις ἄλλος, περὶ οὗ φησι Θέογνις ἐν β΄ περὶ τῶν ἐν Ῥόδῳ θυσιῶν γράφων οὕτως· εἶδος δέ τι τοῦ ἀγείρειν χελιδονίζειν Ῥόδιοι καλοῦσιν, ὃ γίνεται τῷ Βοηδρομιῶνι μηνί. χελιδονίζειν δὲ λέγεται διὰ τὸ εἰωθὸς ἐπιφωνεῖσθαι. Слѣдуетъ пѣсня. τὸν δὲ ἀγερμὸν τοῦτον κατέδειξε πρῶτος Κλεόβουλος ὁ Λίνδιος ἐν Λίνδῳ χρείας γενομένης συλλογῆς χρημάτων.

[2]) *Casauboni* Animadversionum in Athenaei Dipnosophistas libri XV, Lugduni 1600, 394: in chelidonismate. quod ex Theognide affertur, obscura sunt ista παλάθαν οὐ προκυκλεῖς κτλ. Legendum προκυκλεῖν vel προκύκλει; est autem προκυκλεῖν, in medium proferre, sic etiam ἐκκυκλεῖν solet accipi. Translatio aucta est a theatrorum pegmatis, in quibus versatione machinae res oculis spectatorum vel admovebantur vel amovebantur

въ глаголѣ προκυκλεῖν (v. 5) своего рода опорный пунктъ, прикрѣплявшій χελιδόνισμα къ опредѣленной эпохѣ.

Казобонъ полагалъ, что этотъ глаголъ, нигдѣ болѣе не встрѣчающійся, могъ быть заимствованъ изъ театральнаго обихода и представлялъ своего рода terminus technicus, вродѣ глагола ἐκκυκλεῖν.

Ilgen [1]), вполнѣ присоединившійся къ высказанному мнѣнію, видѣлъ въ προκυκλεῖν глаголъ, употребленный „tropo comico“ вмѣсто ἐκκυκλεῖν, что является въ этомъ случаѣ выраженіемъ противуположнымъ εἰσκυκλεῖν.

Такимъ образомъ, толкованіе глагола προκυκλεῖν въ смыслѣ театральнаго термина давало Казобону и Ильгену возможность датировать пѣсню временемъ греческой комедіи. Конечно, подобное объясненіе не является достовѣрнымъ и его можно принимать лишь при желаніи, какъ faute de mieux.

Болѣе приближается къ дѣйствительности мнѣніе Koester'а [2]), видѣвшаго въ προκυκλεῖν „nihil aliud quam provertere“.

Это простое толкованіе весьма удачно: интересующій насъ глаголъ, являясь, повидимому, достояніемъ народнаго языка, вполнѣ объясняется значеніемъ „выкатывать, выносить“ [3]) и можетъ быть поставленъ въ одинъ рядъ съ немногими словами того же корня, въ которыхъ, какъ кажется, скрывается оттѣнокъ προκυκλεῖν [4]).

II.

Въ 1514 г. рукописное изданіе Аѳинея впервые было закрѣплено въ печатномъ изданіи Альдина и въ немъ χελιδόνισμα была передана въ слѣдующемъ видѣ:

---

[1]) *Ilgen*, Opuscula I, 166 (1797): προκυκλεῖν hoc a Casaubono. Ceterum προκυκλεῖν quo verba lexica carent haud dubie ex theatris petitum est. Приводя изъ Aristoph. Vesp. 1475: ἄπορά γ' ἡμῖν πράγματα δαίμων τις εἰσεκύκληκεν εἰς τὴν οἰκίαν; Ilgen замѣчаетъ „ita προκυκλεῖν ἐξ οἴκου, tropo comico, usurpatum esse credo“.

[2]) *Koester*, De cantilenibus Graecis popularibus, Berolini 1833, 74 прим. 2: non cogitandum est de scenico illo ἐκκυκλεῖν καὶ εἰσκυκλεῖν sed nihil aliud hoc loco est quam provertere.

[3]) Въ нѣмецкихъ Fastnachtküchlein-Lieder (=масляница) употребляется сокращенное herausbringen напр. *Stöber*, Elsässisches Volksbüchlein, Strassburg 1842, 53—59: Kiechle russ! Kiechle russ! или въ Мюльгаузенѣ: 'raus! 'raus Kiächle raus! (эта пѣсня также у *Firmenich*, Germaniens Völkerstimmen, Berlin, II, 512) или во время Троицы въ Эльзасѣ: E-n-Ei eruss! e-n-Ei eruss! и т. д.

[4]) *Herond.* Mimiambi I, заглавіе προκυκλὶς ἢ μαστροπός; VI, 90: προκυκλίς. Бо-

ἦλθ' ἦλθε χελιδὼν καλὰς ὥρας ἄγουσα
καὶ καλοὺς ἐνι | αὐτούς. ἐπὶ γαστέρα λευκά
κἀπὶ νῶτα μέλανα παλάθαν οὐ προκυκλεῖς ἐκ πίονος οἴκου |
οἴνου τε δέπαστρον τυρῶτε κάνυστραν καὶ πυρῶν. χελιδὼν καὶ λεκιθι
τὰν οὐκ ἀποθεῖται πότερ' ἀπίω — |
μες ἢ λαβώμεθα εἰ μέν τι δώσεις, εἰ δὲ μή, οὐκ ἐάσομεν
Ἢ τὰν θύραν φέρωμες ἢ τ' ὑπέρθυρον
Μικρὰ μέν ἐστι ῥαδίως μὲν οἴσομεν
Ἄνοιγ' ἄνοιγε τὰν θύραν χελιδόνι
Ἢ τὰν γυναῖκα τὰν ἔσω καθημέναν
Ἂν δὴ φέρῃς τι μέγα δή τι καί φέροις
Οὐ γάρ γέροντες ἐσμὲν ἀλλὰ παιδία [1]).

Послѣдующія изданія вносили немного новаго въ передачу пѣсни [2]), и она оставалась въ неисправности, пока въ 1597 г. Казобонъ не выпустилъ новаго изданія Аѳинея, въ которомъ χελιδόνισμα получила необходимыя исправленія, сохранившія свою силу и до настоящаго времени [3]).

Впрочемъ, въ книгѣ Pontanus'a „Attica Bellaria" χελιδόνισμα отчасти подверглась новому „исправленію" [4]). Этотъ ученый іезуитъ, не считаясь съ передачей χελιδόνισμα, закрѣпленной рукописной традиціей, понималъ пѣсню какъ „hirundinum invitatio" и, въ силу этого, вмѣсто ἦλθ' ἦλθε написалъ ἐλθὲ, ἐλθὲ, явно противорѣчащее смыслу пѣсни [5]).

Естественно, что подобное обращеніе съ текстомъ не нашло сочувствія и исправленіе Pontanus'a не было принято.

Такъ, Prätorius [6]), авторъ многочисленныхъ и удивительныхъ работъ, вдобавокъ поэтъ, былъ знакомъ съ книгой Pontanus'a и въ своемъ

жества, покровительствовавшія бракамъ, носили имя θεοὶ προκύκλιοι, откуда, вѣроятно, названіе одного этолійскаго мѣсяца Προκύκλιος. См. *Crusius*, Untersuchungen zu den Mimiamben des Herondas, Leipzig 1892. *В. В. Латышевъ*, О нѣкоторыхъ эолическихъ и дорическихъ календаряхъ, С.-Пб. 1883, 21 и 110. *Ditt.* Syll. 600 v. 130.

[1]) *Athenaeus*, Venetiis apud Aldum, 1514.

[2]) Такъ, напр., въ изд. 1535 г. (Базель): v. 4 τυρῶς λεκύθι τὰν (sic). v. 6 ἀποθεῖται.

[3]) 2-е изд. 1612 г. Объясненіе своимъ исправленіямъ Казобонъ далъ въ Animadversiones in Athenaei Dipnosophistas l. c.

[4]) *Jacobi Pontani* | soc. Iesu | Attica Bellaria | sive | Litteratorum secundae Mensae ad animos ex | contentione et lassitudine Studiosorum | Lectiunculis exquisitis, jucundis ac honestis | relaxandos ac | Syntagmatum omnium et ante | hoc tribus partibus editorum libri tres. Francfurti 1644. 16°. стр. 1007.

[5]) Стр. 438: Hirundinum invitatio. Theognis apud Athenaeum lib. VIII declarat Rhodiis solemne fuisse quotannis publicis votis invitare hirundinem sub tempus vernu, quod illi χελιδονίζειν appelabant, acclamantes in hunc modum: ἐλθὲ, ἐλθὲ καλὰς ὥρας ἄγουσα καὶ καλοὺς ἐνιαυτούς. Остальная часть пѣсни сохранена имъ безъ измѣненія.

[6]) Псевд.. Schultze (1630—1680).

сочиненіи цитировалъ „hirundinum invitatio“ [1]), но, однако, при переводѣ χελιδόνισμα остался все-таки вѣренъ традиціонной передачѣ.

При своемъ переводѣ Prätorius не заботился о буквальной передачѣ χελιδόνισμα и она, по его словамъ „lautet etwan ohngefähr also“:

Es ist kommen, es ist kommen,
Der gewüntschte Frühlingsbot.
So uns alles Leid benommen,
Und die kalte Wintersnoth,
Welcher gute Stunden bringet.
Kommen ist die liebe Schwalbe,
Und das schöne Vögelein,
Dessen Bauch ist weiss und falbe,
Dessen Rücken schwarz und fein;
Schauet wie es rummer flieget,
Und sich bittend zu euch füget.
Wollet ihr nicht seyn gebeten
Und mit etwas Esselwahr
Kommen hie heraus getreten.
Zu uns oder dieser Schaar?
Gebt ihr aus dem reichen Haus,
Nicht ein wenig Wein heraus?
Oder einen Korb mit Käsen,
Oder auch einwenig Korn:
Dass wir wiederum genesen,
Und uns quicken mit dem Born?
Weil die Schwalbe ohne Speisen
Sich nicht lässet abeweisen.
Oder sollen wir viel lieber
Euch die Thür und Pforte lähmen?

---

[1]) Storchs. u. Schwalben Winter Quartier das ist | Eine ungemeine Vergnügung der curiosen Gemüther | durch einen volständigen Physicalischen Discurs | von ob | gedachten Sommer Boten: wo sie sich doch nach aus | gehender Jahres-Wärme von uns hinvenden | und die Kälte überhausen? Ob in den südlichen | Gegenden geschehe; oder vielmehr | ob sie sich bey | uns in die Wasser versenken? Wie diss der | Losung dieses raren Vorhabens gemäss ist Alles | aus mannigfaltigen Natur Kundschaften und Vernunffts—Schlüssen | nebenst vielen mehreren eingebrachten Geheimnissen gefolgert: und nun mehr. | nach langem Erwarten der begierigen Welt | als zum gewünschten Nutzen der Theologen | übern Spruch Ierem. 8 v. 7. zur Ergezlichkeit der Reisenden | und andern zum Ausbund der Selzamkeit ans Tagelicht gebracht | durch | M. Ioh. Prätorium | Francfurti 1676, 186—188. 8°. 2-е изд. Лейпц. 1678, подъ новымъ заглавіемъ. Эта работа представляетъ собой расширеніе темы магистерской диссертаціи Prätorius'a, которую онъ защищалъ въ Лейпцигѣ: „De Crotalistria tepidi temporis hospita“; исходя изъ выраженія Arist. H. A. 8, 13: φωλεῖ γὰρ καὶ πελαργός; онъ доказывалъ, что ласточки и аисты проводятъ зиму въ болотѣ.

Oder sollen wir hinüber
Steigen, und die Jungfer nehmen?
Welche, weil sie klein zu nennen,
Wir gar wohl wegtragen können.
Oder wollt ihr euch besinnen,
Dennoch uns noch was verehrn;
So kann sie uns wohl entrinnen,
Und sich mit der Grösse wehrn.
Lasst der Schwalbe die Thür aufhalten
Wir sind Junge und nicht Alten [1]).

Насколько этотъ переводъ былъ распространенъ, не берусь сказать, и очень вѣроятно, что издатели „Des Knaben Wunderhorn" (1806) дали первый толчекъ къ распространенію перевода Prätorius'а, принявъ его въ свой сборникъ нѣмецкихъ пѣсенъ подъ заглавіемъ „Betteley der Vögel".

Долгое время никто не обращалъ вниманія на происхожденіе новой народной пѣсни, пока Zell не отмѣтилъ, что „Betteley der Vögel", принятая издателями „mit guten Glauben" за нѣмецкую пѣсню, является переводомъ греческой χελιδόνισμα [2]).

Но, несмотря на указанія Zell'я, „Betteley der Vögel" продолжала фигурировать въ сборникахъ нѣмецкихъ народныхъ пѣсенъ и въ одномъ изъ нихъ даже съ мелодіей [3]).

---

[1]) *Prätorius*, l. c. 186.

[2]) *Zell*, Ueber die Volkslieder der alten Griechen въ *Morgenblatt für gebildete Stände*, 1819 № 167—174. Интересно для исторіи пѣсни отмѣтить мнѣніе C(onz) въ Idumna und Hermode, eine Alterthums Zeitung auf das Jahr 1816. Litterarische Beylagen № 11. Betteley der Vögel. Zur Erklärung eines *alten Volksliedes im Wunderhorn*. Diess Gedicht verdankt seine Veranlassung wahrscheinlich einer atlen Volkssitte, nach welcher zur Frühlingszeit als Vögel (hier als Schwalbe) verkleidete Landleute zu betteln pflegten. Въ видѣ параллели, Conz приводитъ описаніе одной гравюры въ Нюренбергѣ: zwei Bauern in gewöhnlicher Kleidung führen in ihrer Mitte einen andern in Binsen bis weit über den Kopf pyramidalisch gekleidéten. Die Spitze ist mit bunten Federn gezieret, als Andeutung, was die Maskerade besagen soll. Die bauschichten Aermel der abenteuerlichen Binsenkleidung sind reich mit Maschen ausstafirt. Sie betteln vor einem Hause, vor den Birken unten steht ein Wasservogel abgebildet, den der Bauer vorstellet. Подъ этимъ изображеніемъ стоятъ слѣдующее четырехстишіе:

So thun die Bauern hier den Wasservogel singen
Damit sie etwas Geld um Bier zusammen bringen;
Kommt nach vollbrachtem Gsang er aus den Bintzen 'raus,
So geht der ganze Flug in das Wirtshaus.

[3]) *Erlach*, die Volkslieder der Deutschen, Mannheim 1834, I, 358. Θ. Φ. Зѣли-

Хотя наша пѣсня стояла во многихъ сборникахъ, она, какъ кажется, никогда не подымалась до степени „любимой" народной пѣсни; теперь „Betteley der Vögel" совершенно забыта. Но, несмотря на это, въ ней мы имѣемъ интересный и цѣнный фактъ: передъ нами, правда, искусственнымъ и рѣдкимъ путемъ протекаетъ одинъ изъ процессовъ созданія народной пѣсни.

Непосредственно, безъ вліянія новой Греціи, гдѣ новогреческая χελιδόνισμα до настоящаго дня составляетъ излюбленную народную пѣсню[1]), родосская χελιδόνισμα была переведена на нѣмецкій языкъ и затѣмъ, черезъ извѣстный промежутокъ времени, обратилась въ народную нѣмецкую пѣсню.

В. Богаевскій.

скій любезно указалъ мнѣ сборникъ: Trösteinsamkeit in Liedern, Ges. von *Ph. Wackernagel*, Frankfurt 1867, 96, въ которомъ приведены первыя 3 строфы пѣсни вмѣстѣ съ мелодіей. Пѣсня стоитъ подъ заглавіемъ: „Es ist kommen, es ist kommen".

[1]) *Passow*, Carmina popolaria Graeciae recentioris, Leipzig 1860, 225—228.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

1812.

Отъ Высочайше утвержденнаго Комитета по устройству въ Москвѣ Музея 1812 года.

По мысли **ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го** воздвигнутъ въ Москвѣ храмъ **Христа Спасителя** въ память **двѣнадцатаго** года, но до сего времени не осуществлена мысль и пожеланіе того же **ИМПЕРАТОРА** воздвигнуть другой памятникъ, имѣющій вещественную связь съ событіями Отечественной войны.

Нынѣ съ **Высочайшаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА** соизволенія въ Москвѣ учрежденъ Комитетъ по устройству Музея 1812 года. Музей этотъ будетъ посвященъ памяти Отечественной войны. Все относящееся до участниковъ и свидѣтелей этой войны, все относящееся до пребыванія французской арміи и все связанное съ могучимъ подъемомъ народныхъ силъ въ эту знаменательную въ жизни **Россіи** годину, все это должно найти себѣ мѣсто въ Москвѣ, въ стѣнахъ новаго хранилища народной славы. Предки наши принесли въ 1812 году безпримѣрныя жертвы для блага и спасенія Родины. Наши жертвы должны явиться данью уваженія памяти ихъ великихъ дѣяній для увѣковѣченія славнѣйшихъ событій Русской Исторіи.

Къ близящемуся столѣтію **двѣнадцатаго** года желательно видѣть Музей оконченнымъ, заполненнымъ и открытымъ.

Помощь нужна всяческая. Нужны и деньги прежде всего, дорога всякая копейка доброхотная, но и нужна помощь въ собираніи всякихъ вещей, книгъ, записокъ участниковъ войны, картинъ во всѣхъ ихъ видахъ и всего имѣвшаго касательство до Отечественной войны. Если у кого лично ничего не найдется, то онъ можетъ быть укажетъ Комитету, гдѣ у кого, что сохранилось.

Комитетъ покорнѣйше проситъ всѣ посылки и сообщенія направлять непосредственно по указанному ниже адресу, туда же проситъ онъ направлять и денежныя пожертвованія. Для удобства жертвователей деньги могутъ вноситься и во всѣ мѣстныя казначейства, отдѣленія Государственнаго Банка и Государственныя сберегательныя кассы, на имя Комитета.

Свѣдѣнія о пожертвованіяхъ будутъ публиковаться Комитетомъ ежемѣсячно.

[illegible] Москва, Чернышевскій переулокъ, домъ [illegible].

[illegible] Комитета [illegible] Владиміръ [illegible].

[illegible] Комитета: [illegible] **Алексѣевъ**. Владиміръ [illegible] **[illegible]**, [illegible] **Бахметевъ**. Алексѣй [illegible] **Воронцовъ-Вельяминовъ**, [illegible] **Гурье**. Николай Ивановичъ **[illegible]**, Владиміръ [illegible] **Джунковскій**, Иванъ Андреевичъ **[illegible]**, Иванъ [illegible] **[illegible]**. Михаилъ Николаевичъ **[illegible]**, Александръ [illegible] **Самаринъ**, Дмитрій Яковлевичъ **[illegible]**, [illegible] Николаевичъ **[illegible]**, графъ Федоръ [illegible] **[illegible]**, Александръ Ивановичъ **Успенскій**, графъ Сергѣй Дмитріевичъ **Шереметевъ**, графъ Павелъ Сергѣевичъ **Шереметевъ**, [illegible] Сергѣевичъ **Щербатовъ**, Петръ Ивановичъ **Щукинъ**, Петръ [illegible] **Яковлевъ**.

ПЕРЕЧЕНЬ

предметовъ, особо желательныхъ для Музея 1812 года въ Москвѣ.

1) Портреты героевъ, военачальниковъ и дѣятелей 1812 года русскихъ и иностранныхъ.

2) Бюсты, статуи отдѣльныхъ лицъ, боевыя группы и другія скульптурныя произведенія.

3) Военныя карты и планы полей сраженія и похода.

4) Картины: масляныя, акварели, рисунки, эстампы, гравюры, литографіи сраженій и отдѣльныхъ эпизодовъ, а также виды мѣстности.

5) Манекены воиновъ двѣнадцатаго года русскихъ и иностранныхъ.

6) Боевое оружіе и снаряды.

7) Трофеи разнаго рода и модели памятниковъ.

8) Вещественные памятники: ордена, медали, мундиры, предметы снаряженія, деньги и другіе предметы.

9) Различныя воззванія, афиши и объявленія. Ассигнаціи Наполеона.

10) Рукописи, мемуары, письма, документы и записки, принадлежащія участникамъ эпохи.

11) Книги, брошюры, газеты русскія и иностранныя, атласы и вообще печатныя изданія эпохи.

12) Карикатуры, лубочныя изданія, игральныя карты, посуда, стекло, фарфоръ съ изображеніями лицъ 1812 года и прочіе предметы, невошедшіе въ предшествующіе пункты, но имѣющіе отношеніе къ эпохѣ приснопамятнаго года.

Въ Музей также принимаются предметы, относящіеся къ го[дамъ 18]11, 1813 и 1814 и имѣющіе непосредственную связь съ [Отечестве]нной войной 1812 года.

Членъ Комитета Секретарь *В. Афанасьевъ.*

Отзывы о книгахъ:

А. А. Радонежскій, В. А. Семека, В. В. Федоровъ и Н. А. Майковъ. *Клавдія Лукашевичъ.* „Сѣятель" 88
В. М. Шимкевичъ. *Викт. Немыцкій.* Краткій учебникъ зоологіи . . . 116
И. Ѳ. Анненскій. *М. И. Михельсонъ.* Русская мысль и рѣчь 119
А. В. Сапожниковъ. Проф. *К. Г. Дементьевъ.* Начальный курсъ химіи . 122
В. М. Кояловичъ. *С. П. Семеновъ.* Курсъ прямолинейной тригонометріи 126
— Книжныя новости 127

Современная лѣтопись.

В. М. Шимкевичъ. Н. П. Вагнеръ и Н. Н. Полежаевъ 1
А. Д. Вейсманъ. О задачѣ преподаванія исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 19
Э. Л. Радловъ. Ѳ. П. Кеппенъ *(некрологъ)* 31

Отдѣлъ классической филологіи.

Б. Р. Випперъ. Памятникъ гарпій 261
Paulus Tscherniaew. Terentiana 275
Г. И. Кацаровъ. Къ исторіи олигархической революціи въ Аѳинахъ 411 года до Р. Хр. 278
К. В. Хилинскій. Преданіе о началѣ Іоніи 284
Б. Л. Богаевскій. Χελιδόνισμα античной Греціи въ Германіи . . 303

Объявленіе 1

Редакторъ **Э. Л. Радловъ.**

(Вышла 1-го іюля).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 10 до 12 часовъ утра. Иногородніе также адресуютъ **исключительно** въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки **12 р.**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **12 р. 75 к.**, съ пересылкой въ другіе города **14 р. 25 к.**, за границу—**16 р.** Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую. **Полные экземпляры** имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900, 1902 — 1907 годы. За пересылку слѣдуетъ прилагать по разстоянію.

При **„Журналѣ“** съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5—6 листовъ **„Извѣстія по народному образованію“** съ приложеніемъ **„Справочной книги по низшему образованію“**. **„Извѣстія“** воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ **„Журнала“**, но **„Справочная книга“** составляетъ совершенно отдѣльное отъ **„Журнала“** изданіе. Цѣна **„Извѣстій“** составляетъ 3 р. съ пересылкой и доставкой, за границу—4 р.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ XVI.

1908.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1908.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

I. Узаконенія 51
II. Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія 90
III. Программа по исторіи русской словесности для реальныхъ училищъ 94
IV. Опредѣленія основного отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. . 99
V. Опредѣленія отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. по начальному образованію 102
Списокъ книгъ, разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ 103
Третій международный конгрессъ по исторіи религій 104

Е. А. Бобровъ. Научно-литературная дѣятельность Ивана Александровича Худякова 193
И. А. Джаваховъ. Обзоръ теорій и литературы о происхожденіи грузинскаго языка 241
В. В. Чекаевскій. Методы изученія права 259
Н. М. Бубновъ. Абакъ и Боэцій *(продолженіе)* 277
М. И. Каринскій. Разногласіе въ школѣ новаго эмпиризма по вопросу объ истинахъ самоочевидныхъ *(продолженіе)* . 333

Критика и библіографія.

Н. К. Грунскій. Замѣтки по русскому языку 382
И. А. Тихомировъ. Проф. *В. Ключевскій.* Курсъ Русской Исторіи. Часть III. Москва. 1908 431
И. И. Замотинъ. Отвѣтъ на критику „новаго опредѣленія романтизма“ 442
— Книжныя новости 446

Отдѣлъ по народному образованію.

Я. О. Кузнецовъ. Земскія школы Уфимской губерніи въ 1900—1905 годы 129
Е. Н. Ковалевскій. Учебно-воспитательныя учрежденія для дѣтей до-школьнаго возраста („Дѣтскіе Сады“) 201

См. 3-ю страницу обложки.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ XVI.

1908.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1908.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. УЗАКОНЕНІЯ.

8. (6-го іюня 1908 года). *Объ отпускѣ дополнительнаго кредита на нужды городскихъ училищъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Питкопасѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.
6-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ дополнительнаго кредита на нужды городскихъ училищъ.

Сверхъ суммъ, отпускаемыхъ нынѣ на нужды городскихъ училищъ, отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на тотъ же предметъ въ 1908 году *семьсотъ тысячъ* рублей, а, начиная съ 1-го января 1909 года, отпускать по *одному милліону триста пятидесяти тысячъ* рублей ежегодно.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 17-го іюня 1908 г., № 81, ст. 587).

9. (6-го іюня 1908 года). *О дополнительномъ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства по 2.800 рублей въ годъ на учрежденіе казенныхъ стипендій и на хозяйственныя потребности Вольмарской учительской семинаріи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Пятконасѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*".
6-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о дополнительномъ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства по 2.800 рублей въ годъ на учрежденіе казенныхъ стипендій и на хозяйственныя потребности Вольмарской учительской семинаріи.

I. Учредить съ 1-го іюля 1908 года въ Вольмарской учительской семинаріи 20 новыхъ казенныхъ стипендій, по 100 рублей каждую, съ отпускомъ на этотъ предметъ изъ средствъ государственнаго казначейства: въ 1908 году *одной тысячи* рублей и, начиная съ 1-го января 1909 года, по *двѣ тысячи* рублей ежегодно.

II. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го января 1908 года, по *восемьсотъ* рублей въ годъ въ дополненіе къ ассигнуемымъ нынѣ средствамъ на хозяйственныя потребности названной семинаріи.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 588.)

10. (6-го іюня 1908 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе V и VI классовъ Александрійской мужской шестиклассной прогимназіи, преобразуемой изъ четырехклассного состава, и на устройство при ней физическаго кабинета.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Пятконасѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*".
6-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе V и VI классовъ Александрійской мужской шестиклассной прогимназіи, преобразуемой изъ четырехклассного состава, и на устройство при ней физическаго кабинета.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе V и VI классовъ Александрійской шестиклассной прогимна-

зіи, преобразуемой изъ четырехкласснаго состава, въ 1908 году *четыре тысячи шестьсотъ двѣнадцать* рублей *пятьдесятъ* копѣекъ и, начиная съ 1909 года, отпускать по *пяти тысячъ семисотъ тридцати пяти* рублей въ годъ.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства *четыре тысячи* рублей на устройство при названной прогимназіи физическаго кабинета.

III. Указанный въ отдѣлѣ II расходъ отнести на ассигнуемые въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія кредиты на строительныя его надобности въ 1908 году въ суммѣ *трехъ тысячъ* рублей и въ 1909 году въ суммѣ *одной тысячи* рублей.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 591).

11. (6-го іюня 1908 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе и первоначальное обзаведеніе мужскихъ гимназій въ городахъ: Лебединѣ, Чугуевѣ и Галичѣ, а также V и VI классовъ мужской прогимназіи въ городѣ Карачевѣ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Питкопасѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ“.

6-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе и первоначальное обзаведеніе мужскихъ гимназій въ городахъ: Лебединѣ, Чугуевѣ и Галичѣ, а также V и VI классовъ мужской прогимназіи въ городѣ Карачевѣ.

I. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе мужскихъ гимназій въ городахъ: Лебединѣ; Чугуевѣ и Галичѣ, а также V и VI классовъ мужской прогимназіи въ городѣ Карачевѣ, преобразуемой изъ четырехкласснаго состава, слѣдующія суммы: на содержаніе гимназіи въ городѣ Лебединѣ: въ 1908 году—*двѣнадцать тысячъ четыреста восемьдесятъ пять* рублей, въ 1909 году—*пятнадцать тысячъ сто девяносто пять* рублей, въ 1910 году—*восемнадцать тысячъ шестьдесятъ два* рубля *пятьдесятъ* копѣекъ, въ 1911 году—*двадцать одну тысячу двѣсти двадцать два* рубля *пятьдесятъ* копѣекъ, въ 1912 году—*двадцать четыре тысячи двѣсти*

десять рублей и, начиная съ 1913 года, по *двадцать пять тысячъ сто шестьдесятъ* рублей въ годъ, съ возложеніемъ обязательства производить пособіе казнѣ на указанную потребность на Лебединское уѣздное земство—по *шести тысячъ* рублей въ годъ и на Лебединское городское общественное управленіе—по *одной тысячи пятисотъ* рублей въ годъ; гимназіи въ городѣ Чугуевѣ: въ 1908 году—*десять тысячъ пятьсотъ шестьдесятъ* рублей, въ 1909 году—*двѣнадцать тысячъ четыреста восемьдесятъ пять* рублей, въ 1910 году—*пятнадцать тысячъ сто девяносто пять* рублей, въ 1911 году—*восемнадцать тысячъ шестьдесятъ два* рубля *пятьдесятъ* копѣекъ, въ 1912 году—*двадцать одну тысячу двѣсти двадцать два* рубля *пятьдесятъ* копѣекъ, въ 1913 году—*двадцать четыре тысячи двѣсти десять* рублей и, начиная съ 1914 года, по *двадцать пять тысячъ сто шестьдесятъ* рублей въ годъ; гимназіи въ городѣ Галичѣ: въ 1908 году—*четыре тысячи восемьсотъ* рублей, въ 1909 году—*десять тысячъ пятьсотъ шестьдесятъ* рублей, въ 1910 году—*двѣнадцать тысячъ четыреста восемьдесятъ пять* рублей, въ 1911 году—*пятнадцать тысячъ сто девяносто пять* рублей, въ 1912 году—*восемнадцать тысячъ шестьдесятъ два* рубля *пятьдесятъ* копѣекъ, въ 1913 году—*двадцать одну тысячу двѣсти двадцать два* рубля *пятьдесятъ* копѣекъ, въ 1914 году—*двадцать четыре тысячи двѣсти десять* рублей и, начиная съ 1915 года, по *двадцать пять тысячъ сто шестьдесятъ* рублей въ годъ, и V и VI классовъ мужской прогимназіи въ городѣ Карачевѣ съ 1908 года по *пять тысячъ семьсотъ тридцать пять* рублей въ годъ.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства: а) на первоначальное обзаведеніе поименованныхъ учебныхъ заведеній мебелью и учебными пособіями по *двѣнадцать тысячъ* рублей на каждую гимназію и на мужскую прогимназію въ городѣ Карачевѣ—*три тысячи* рублей и б) на устройство физическихъ кабинетовъ при тѣхъ же гимназіяхъ по *восемь тысячъ* рублей на каждую и на мужскую прогимназію въ городѣ Карачевѣ *четыре тысячи* рублей, а всего *шестьдесять семь тысячъ* рублей.

III. Указанный въ отдѣлѣ II расходъ отнести на ассигнуемые министерству народнаго просвѣщенія кредиты на строительныя его надобности: въ 1908 году въ суммѣ *восемнадцати тысячъ* рублей и въ 1909 году въ суммѣ *сорока девяти тысячъ* рублей.

IV. Могущіе образоваться отъ содержанія Лебединской мужской гимназіи остатки дѣлить на двѣ части, пропорціонально участію казны

и мѣстныхъ общественныхъ учрежденій въ содержаніи гимназіи, причемъ одну часть, причитающуюся на долю казны, обращать, на общемъ основаніи, въ рессурсы государственнаго казначейства, а другую оставлять въ распоряженіи обществъ для употребленія, по ихъ усмотрѣнію, на нужды гимназіи.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 592)

12. (6-го іюня 1908 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе и первоначальное обзаведеніе реальныхъ училищъ въ городахъ: Старой-Руссѣ, Боровичахъ, Вышнемъ-Волочкѣ, Гжатскѣ, Сердобскѣ, Бугульмѣ, Липецкѣ, Нерчинскѣ, Валкѣ и второго въ Казани.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ, „БЫТЬ ПО СЕМУ".
6-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе и первоначальное обзаведеніе реальныхъ училищъ въ городахъ: Старой-Руссѣ, Боровичахъ, Вышнемъ-Волочкѣ, Гжатскѣ, Сердобскѣ, Бугульмѣ, Липецкѣ, Нерчинскѣ, Валкѣ и второго въ Казани.

I. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе реальныхъ училищъ въ городахъ: Старой-Руссѣ, Боровичахъ и Гжатскѣ: въ 1908 году по *четырнадцати тысячъ четыреста семьдесятъ семь* рублей, въ 1909 году по *шестнадцати тысячъ восемьсотъ двадцать два* рубля, въ 1910 году по *девятнадцати тысячъ сто шестьдесятъ семь* рублей, въ 1911 году по *двадцать одной тысячѣ сто семьдесятъ три* рубля и, начиная съ 1912 года, по *двадцать двѣ тысячи сто восемьдесятъ восемь* рублей въ годъ, съ возложеніемъ обязательства производить ежегодное пособіе казнѣ на указанную надобность: на Старорусское городское управленіе по *двѣ тысячи* рублей и на Старорусское уѣздное земство по *одной тысячѣ* рублей, на Боровичское уѣздное земство по *три тысячи* рублей, на Гжатское городское управленіе по *двѣ тысячи* рублей и на Гжатское уѣздное земство по *одной тысячѣ* рублей.

II. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе реальныхъ училищъ въ городахъ Вышнемъ-Волочкѣ и Бугульмѣ: въ 1908 году по *пяти тысячъ шестьсотъ тридцать два* рубля, въ 1909 году по *двѣнадцати тысячъ триста семьдесятъ пять* рублей, въ 1910 году по *четырнадцати тысячъ четыреста семьдесятъ семь* рублей, въ 1911 году по *шестнадцати тысячъ восемьсотъ двадцать два* рубля, 1912 году по *девятнадцати тысячъ сто шестьдесятъ семь* рублей, въ 1913 году по *двадцать одной тысячъ сто семьдесятъ три* рубля и, начиная съ 1914 года, по *двадцать двѣ тысячи сто восемьдесятъ восемь* рублей въ годъ, съ возложеніемъ на Бугульминское уѣздное земство обязательства производить ежегодное пособіе казнѣ на содержаніе Бугульминскаго реальнаго училища по *одной тысячъ восемьсотъ* рублей.

III. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе реальнаго училища въ городѣ Сердобскѣ: въ 1908 году *шестнадцать тысячъ восемьсотъ двадцать два* рубля, въ 1909 году *девятнадцать тысячъ сто шестьдесятъ семь* рублей, въ 1910 году *двадцать одну тысячу сто семьдесятъ три* рубля и, начиная съ 1911 года, по *двадцать двѣ тысячи сто восемьдесятъ восемь* рублей, съ возложеніемъ на Сердобское городское управленіе и на Сердобское уѣздное земство обязательства производить ежегодное пособіе казнѣ на означенную надобность въ размѣрѣ *трехъ тысячъ* рублей отъ каждаго.

IV. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе реальнаго училища въ городѣ Липецкѣ: въ 1908 году *шесть тысячъ семьсотъ сорокъ три* рубля, въ 1909 году *четырнадцать тысячъ четыреста семьдесятъ семь* рублей, въ 1910 году *шестнадцать тысячъ восемьсотъ двадцать два* рубля, въ 1911 году *девятнадцать тысячъ сто шестьдесятъ семь* рублей, въ 1912 году *двадцать одну тысячу сто семьдесятъ три* рубля и, начиная съ 1913 года, по *двадцать двѣ тысячи сто восемьдесятъ восемь* рублей въ годъ, съ возложеніемъ обязательства производить на означенную надобность пособіе казнѣ: на Тамбовское губернское земство—въ 1908 году въ размѣрѣ *восьмисотъ девяноста семи* рублей и, начиная съ 1909 года, по *одной тысячъ семьсотъ девяносто четыре* рубля въ годъ и на Липецкое уѣздное земство—въ 1908 году въ размѣрѣ *шестисотъ трехъ* рублей и, начиная съ 1909 года, по *одной тысячъ двѣсти шесть* рублей въ годъ.

V. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства на со-

держаніе реальнаго училища въ городѣ Нерчинскѣ: въ 1908 году *двадцать тысячъ триста девяносто пять* рублей *пятьдесятъ* копѣекъ, въ 1909 году *двадцать три тысячи восемьсотъ девяносто три* рубля, въ 1910 году *двадцать семь тысячъ триста девяносто* рублей *пятьдесятъ* копѣекъ, въ 1911 году *тридцать тысячъ триста шестьдесятъ четыре* рубля *пятьдесятъ* копѣекъ и, начиная съ 1912 года, по *тридцать одной тысячѣ восемьсотъ шестьдесятъ два* рубля въ годъ, съ возложеніемъ на Нерчинское городское общественное управленіе обязательства производить на означенную надобность ежегодное пособіе казнѣ по *двѣ тысячи пятьсотъ* рублей.

VI. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе реальнаго училища въ городѣ Валкѣ, съ основнымъ отдѣленіемъ въ V и VI классахъ и съ приготовительнымъ и VII дополнительнымъ классами: въ 1908 году *тринадцать тысячъ девятьсотъ пятьдесятъ* рублей, въ 1909 году *шестнадцать тысячъ двѣсти два* рубля, въ 1910 году *восемнадцать тысячъ шестьсотъ девяносто семь* рублей, въ 1911 году *двадцать одну тысячу сто девяносто два* рубля, въ 1912 году *двадцать три тысячи триста сорокъ восемь* рублей и, начиная съ 1913 года, по *двадцать четыре тысячи четыреста тридцать восемь* рублей въ годъ, съ возложеніемъ на общественное управленіе города Валка обязательства производить на означенную надобность ежегодное пособіе казнѣ по *три тысячи* рублей.

VII. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе второго реальнаго училища въ городѣ Казани съ основнымъ отдѣленіемъ въ V и VI классахъ и съ VII дополнительнымъ классомъ: въ 1908 году *двѣнадцать тысячъ триста семьдесятъ пять* рублей, въ 1909 году *четырнадцать тысячъ четыреста семьдесятъ семь* рублей, въ 1910 году *шестнадцать тысячъ восемьсотъ двадцать два* рубля, въ 1911 *девятнадцать тысячъ сто шестьдесятъ семь* рублей, въ 1912 году *двадцать одну тысячу сто семьдесятъ три* рубля и, начиная съ 1913 года, по *двадцать двѣ тычячи сто восемьдесятъ восемь* рублей въ годъ

VIII. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства: 1) на первоначальное обзаведеніе мебелью и учебными пособіями поименованныхъ въ отдѣлахъ I—VII реальныхъ училищъ *сто двадцать тысячъ* рублей, считая по 12.000 рублей на каждое училище, и 2) на устройство при нихъ физическихъ кабинетовъ *восемьдесятъ тысячъ* рублей, считая по 8.400 рублей на каждое училище.

IX. Указанный въ отдѣлѣ VIII расходъ отнести на ассигнуемые

министерству народнаго просвѣщенія кредиты на строительныя его надобности: въ 1908 году въ суммѣ *шестидесяти тысячъ* рублей и въ 1909 году въ суммѣ *ста сорока тысячъ* рублей.

X. Могущія образоваться отъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе означенныхъ въ отдѣлахъ I—VI реальныхъ училищъ (кромѣ реальнаго училища въ городѣ Вышнемъ-Волочкѣ), остатки дѣлить на двѣ части, пропорціонально участію казны и мѣстныхъ общественныхъ учрежденій въ содержаніи этихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы часть, причитающаяся на долю казны, обращалась, на общемъ основаніи, въ рессурсы государственнаго казначейства, а другая часть оставалась въ распоряженіи мѣстныхъ обществъ для употребленія, по ихъ усмотрѣнію, на нужды сихъ училищъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 523).

13. (6-го іюня 1908 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе VII и VIII классовъ Бобровской мужской гимназіи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Питкопасѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*".

6-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе VII и VIII классовъ Бобровской мужской гимназіи.

I. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1908 года, по *пяти тысячъ девятисотъ семидесяти пяти* рублей въ годъ на содержаніе VII и VIII классовъ Бобровской мужской гимназіи, съ производствомъ, отъ Бобровскаго уѣзднаго земства, ежегоднаго пособія государственному казначейству, въ возмѣщеніе части расходовъ на указанную потребность, по *три тысячи* рублей.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства *четыре тысячи* рублей на устройство при Бобровской мужской гимназіи физическаго кабинета.

III. Указанный въ отдѣлѣ II расходъ отнести на ассигнуемые министерству народнаго просвѣщенія кредиты на строительныя его на-

добности: въ 1908 году въ суммѣ *двухъ тысячъ* рублей и въ 1909 году въ суммѣ *двухъ тысячъ* рублей.

IV. Могущіе образоваться отъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе VII и VIII классовъ Бобровской гимназіи, остатки дѣлить на двѣ части пропорціонально участію казны и уѣзднаго земства въ содержаніи гимназіи, изъ коихъ часть, причитающуюся на долю казны, обращать, на общемъ основаніи, въ рессурсы государственнаго казначейства, а другую оставлять въ распоряженіи Бобровскаго уѣзднаго земства для употребленія, по его усмотрѣнію, на нужды гимназіи.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 594).

14. (6-го іюня 1908 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе VII и VIII классовъ Рославльской и Азовской мужскихъ гимназій и на устройство при нихъ физическихъ кабинетовъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Питкопасѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

6-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе VII и VIII классовъ Рославльской и Азовской мужскихъ гимназій и на устройство при нихъ физическихъ кабинетовъ.

I. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1908 года: а) на содержаніе VII и VIII классовъ Рославльской мужской гимназіи по *пяти тысячъ девятисотъ семидесяти пяти* рублей въ годъ и б) на содержаніе VII и VIII классовъ Азовской мужской гимназіи по *пяти тысячъ девятисотъ семидесяти пяти* рублей въ годъ, съ возложеніемъ съ 1908 года на Азовское городское общественное управленіе обязательства производить ежегодное пособіе казнѣ на содержаніе означенныхъ двухъ классовъ Азовской гимназіи по *шестисотъ* рублей.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на устройство физическихъ кабинетовъ для означенныхъ гимназій *восемь тысячъ* рублей, считая по *четыре тысячи* рублей на каждую.

III. Указанный въ отдѣлѣ II расходъ отнести на ассигнуемые министерству народнаго просвѣщенія кредиты на строительныя надобности: въ 1908 году въ суммѣ *четырехъ тысячъ* рублей и въ 1909 году въ суммѣ *четырехъ тысячъ* рублей.

IV. Могущіе образоваться отъ суммъ, отпускаемыхъ на содержа- VII и VIII классовъ Азовской гимназіи, остатки дѣлить на двѣ части пропорціонально участію казны и городского общества въ содержаніи этихъ классовъ съ тѣмъ, чтобы часть, причитающаяся на долю казны, обращалась, на общемъ основаніи, въ рессурсы государственнаго казначейства, а другая часть оставлялась въ распоряженіи городского общественнаго управленія для употребленія, по его усмотрѣнію, на нужды гимназіи.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 595).

15. (6-го іюня 1908 года). *Объ отпускѣ въ распоряженіе министра народнаго просвѣщенія въ 1908 году 5.000 рублей на выдачу пособій среднимъ мужскимъ учебнымъ заведеніямъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Питконасѣ. *„БЫТЬ ПО СЕМУ“.*

6-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ въ распоряженіе министра народнаго просвѣщенія въ 1908 году 5.000 рублей на выдачу пособій среднимъ мужскимъ учебнымъ заведеніямъ.

Отпустить въ 1908 году изъ средствъ государственнаго казначейства въ распоряженіе министра народнаго просвѣщенія *пять тысячъ* рублей на выдачу, по его усмотрѣнію, пособій среднимъ мужскимъ учебнымъ заведеніямъ, преимущественно содержимымъ на мѣстныя средства.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 596).

16. (6-го іюня 1908 года). *Объ ассигнованіи изъ средствъ государственнаго казначейства дополнительнаго кредита на содержаніе Бирской учительской школы и начальнаго при ней училища.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Питкопасѣ. *„БЫТЬ ПО СЕМУ“.*

6-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ ассигнованіи изъ средствъ государственнаго казначейства дополнительнаго кредита на содержаніе Бирской учительской школы и начальнаго при ней училища.

Въ дополненіе къ ассигнуемымъ нынѣ кредитамъ на содержаніе Бирской учительской школы и начальнаго при ней училища, а также на содержаніе зданій той же школы, отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году *одну тысячу триста пятьдесятъ* рублей, а начиная съ 1-го января 1909 года, отпускать по *двѣ тысячи семисотъ* рублей въ годъ, въ томъ числѣ: по *двѣ тысячи сто* рублей на содержаніе воспитанниковъ школы и начальнаго при ней училища и по *шестисотъ* рублей на содержаніе зданій школы.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 597).

17. (6-го іюня 1908 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе и обзаведеніе реальныхъ училищъ въ городахъ Гроднѣ и Уржумѣ и второго въ городѣ Харьковѣ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Питкопасѣ. *„БЫТЬ ПО СЕМУ“.*

6-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе и обзаведеніе реальныхъ училищъ въ городахъ Гроднѣ и Уржумѣ и второго въ городѣ Харьковѣ.

I. На содержаніе реальнаго училища въ городѣ Гроднѣ съ основными отдѣленіями въ V и VI классахъ и съ VII (дополнительнымъ) классомъ отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства: въ

1908 году — *двѣнадцать тысячъ триста семьдесятъ пять* рублей, въ 1909 году — *четырнадцать тысячъ четыреста семьдесятъ семь* рублей, въ 1910 году — *шестнадцать тысячъ восемьсотъ двадцать два* рубля, въ 1911 году — *девятнадцать тысячъ сто шестьдесятъ семь* рублей, въ 1912 году — *двадцать одну тысячу сто семьдесятъ три* рубля и, начиная съ 1913 года, отпускать по *двадцать двѣ тысячи сто восемьдесятъ восемь* рублей въ годъ.

II. На содержаніе реальнаго училища въ городѣ Уржумѣ съ основными отдѣленіями въ V и VI классахъ и съ VII (дополнительнымъ) классомъ отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства: въ 1908 году — *двѣнадцать тысячъ триста семьдесятъ пять* рублей, въ 1909 году — *четырнадцать тысячъ четыреста семьдесятъ семь* рублей, въ 1910 году — *шестнадцать тысячъ восемьсотъ двадцать два* рубля, въ 1911 году — *девятнадцать тысячъ сто шестьдесятъ семь* рублей, въ 1912 году — *двадцать одну тысячу сто семьдесятъ три* рубля и, начиная съ 1913 года, отпускать по *двадцать двѣ тысячи сто восемьдесятъ восемь* рублей въ годъ, съ возложеніемъ на Вятское губернское и Уржумское уѣздное земства обязательства производить пособіе казнѣ на указанную надобность по *пяти тысячъ* рублей въ годъ отъ каждаго, а на Уржумское городское управленіе — по *одной тысячѣ* рублей въ годъ.

III. На содержаніе второго реальнаго училища въ городѣ Харьковѣ, съ основными отдѣленіями въ V и VI классахъ и съ VII (дополнительнымъ) классомъ, отпустить изъ государственнаго казначейства: въ 1908 году — *двѣнадцать тысячъ триста семьдесятъ пять* рублей, въ 1909 году,— *четырнадцать тысячъ четыреста семьдесятъ семь* рублей, въ 1910 году — *шестнадцать тысячъ восемьсотъ двадцать два* рубля, въ 1911 году — *девятнадцать тысячъ сто шестьдесятъ семь* рублей, въ 1912 году — *двадцать одну тысячу сто семьдесятъ три* рубля и, начиная съ 1913 года, отпускать по *двадцать двѣ тысячи сто восемьдесятъ восемь* рублей въ годъ.

IV. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства: а) на первоначальное обзаведеніе указанныхъ въ отдѣлахъ I—III учебныхъ заведеній мебелью и учебными пособіями по *двѣнадцати тысячъ* рублей на каждое училище и б) на устройство физическихъ кабинетовъ при тѣхъ же реальныхъ училищахъ по *восьми тысячъ* рублей на каждое, а всего *шестьдесятъ тысячъ* рублей.

V. Указанный въ отдѣлѣ IV расходъ отнести на ассигнуемые министерству народнаго просвѣщенія кредиты на строительныя его на-

добности: въ 1908 году — въ суммѣ *восемнадцати тысячъ* рублей и въ 1909 году въ суммѣ *сорока двухъ тысячъ* рублей.

VI. Могущіе образоваться отъ содержанія реальнаго училища въ городѣ Уржумѣ остатки дѣлить на двѣ части пропорціонально участію казны и мѣстныхъ обществъ въ содержаніи училища, причемъ одну часть, причитающуюся на долю казны, обращать, на общемъ основаніи, въ рессурсы государственнаго казначейства, а другую оставлять въ распоряженіи означенныхъ обществъ для употребленія, по ихъ усмотрѣнію, на нужды учебнаго заведенія.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 598).

18. (6-го іюня 1908 года). *Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства дополнительнаго кредита на содержаніе въ пансіонѣ Екатеринославской мужской гимназіи четырехъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Питкопасѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*".

6-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства дополнительнаго кредита на содержаніе въ пансіонѣ Екатеринославской мужской гимназіи четырехъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ.

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1908 года, на содержаніе четырехъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ въ пансіонѣ при Екатеринославской мужской гимназіи по *шестисотъ* рублей *пяти* копѣекъ въ годъ, въ дополненіе къ ассигнуемымъ нынѣ на тотъ же предметъ *девятистамъ девяноста девяти* рублямъ *девяноста пяти* копѣйкамъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 599).

19. (6-го іюня 1908 года). *Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства пособій на содержаніе и устройство въ городѣ Маріуполѣ женскаго четырехкласснаго училища съ профессіональнымъ отдѣленіемъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ".
6-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства пособій на содержаніе и устройство въ городѣ Маріуполѣ женскаго четырехкласснаго училища съ профессіональнымъ отдѣленіемъ.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году *четыре тысячи двѣсти десять* рублей и, начиная съ 1909 года, отпускать по *восьми тысячъ четыреста двадцати* рублей въ годъ на содержаніе учреждаемаго съ 1-го іюля 1908 года въ городѣ Маріуполѣ четырехкласснаго женскаго училища съ профессіональнымъ отдѣленіемъ.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году на первоначальное обзаведеніе названнаго (отд. I) училища *одну тысячу восемьсотъ пятьдесятъ* рублей.

III. Указанный въ отдѣлѣ II расходъ отнести на ассигнуемые министерству народнаго просвѣщенія кредиты на строительныя надобности въ 1908 году.

IV. Возложить на Маріупольское уѣздное земство обязательство производить пособіе казнѣ на содержаніе сего училища въ 1908 году въ размѣрѣ *пятисотъ* рублей и, начиная съ 1909 года, по *одной тысячъ* рублей въ годъ; на Маріупольское городское общественное управленіе возложить обязательство: 1) отвести помѣщеніе для учреждаемаго училища и подъ квартиру его начальницы, 2) производить пособіе казнѣ на содержаніе училища въ 1908 году въ размѣрѣ *одной тысячи шестисотъ пяти* рублей и, начиная съ 1909 года, по *три тысячи двѣсти десять* рублей, съ принятіемъ, сверхъ сего, на счетъ городскихъ средствъ расходовъ на капитальный ремонтъ помѣщенія училища, и 3) отпустить единовременно изъ городскихъ средствъ *одну тысячу восемьсотъ пятьдесятъ* рублей на первоначальное обзаведеніе училища.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 600).

20. (8-го іюня 1908 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на ремонтъ въ квартирахъ служащихъ Важинской низшей ремесленной школы.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петконасѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ“.
8-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на ремонтъ въ квартирахъ служащихъ Важинской низшей ремесленной школы.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства *одну тысячу пятьсотъ* рублей на ремонтъ въ квартирахъ служащихъ Важинской низшей ремесленной школы.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ отнести на ассигнуемые министерству народнаго просвѣщенія кредиты на строительныя его надобности въ 1908 году.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 24-го іюня 1908 г., № 91, ст. 619).

21. (8-го іюня 1908 года). *О выдачѣ Буинскому уѣздному земству изъ средствъ государственнаго казначейства безпроцентной ссуды въ 30.000 рублей на постройку зданій для низшей ремесленной школы въ городѣ Буинскѣ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петконасѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ“.
8-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о выдачѣ Буинскому уѣздному земству изъ средствъ государственнаго казначейства безпроцентной ссуды въ 30.000 рублей на постройку зданій для низшей ремесленной школы въ городѣ Буинскѣ.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства *тридцать тысячъ* рублей Буинскому уѣздному земству въ безпроцентную

ссуду на постройку зданія низшей ремесленной школы въ городѣ Буинскѣ, съ погашеніемъ этой ссуды въ теченіе 30 лѣтъ, по одной тысячѣ рублей въ годъ, изъ средствъ Буинскаго уѣзднаго земства.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ отнести на ассигнуемые министерству народнаго просвѣщенія кредиты на строительныя его надобности въ 1908 году.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 620).

22. (8-го іюня 1908 года). *Объ отпускѣ изъ казны 22.575 рублей 12 копѣекъ Императорскому Московскому техническому училищу въ возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ ураганомъ 16-го іюня 1904 года.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*".

8-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ казны 22.575 рублей 12 копѣекъ Императорскому Московскому техническому училищу въ возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ ураганомъ 16-го іюня 1904 года.

I. Отпустить изъ государственнаго казначейства *двадцать двѣ тысячи пятьсотъ семьдесятъ пять* рублей *двѣнадцать* копѣекъ Императорскому Московскому техническому училищу въ возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ ураганомъ 16-го іюня 1904 года.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ отнести на счетъ строительнаго кредита министерства народнаго просвѣщенія въ 1908 году—въ суммѣ *десяти тысячъ* рублей и въ 1909 году—въ суммѣ *двѣнадцати тысячъ пятисотъ семидесяти пяти* рублей *двѣнадцати* копѣекъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 621).

23. (8-го іюня 1908 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства 10.850 рублей на ремонтъ церкви при Казанскомъ университетѣ и 4.187 рублей на постройку магнитно-метеорологическаго павильона.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано
Въ Питкопасѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ".
8-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства 10.850 руб. на ремонтъ церкви при Казанскомъ университетѣ и 4.187 руб. на постройку магнитно-метеорологическаго павильона.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства *десять тысячъ восемьсотъ пятьдесятъ* рублей на внутренній ремонтъ церкви при Казанскомъ университетѣ и *четыре тысячи сто восемьдесятъ семь* рублей на постройку при томъ же университетѣ деревяннаго павильона для магнитно-метеорологическихъ наблюденій.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ на внутренній ремонтъ церкви при Казанскомъ университетѣ отнести на счетъ строительнаго кредита министерства народнаго просвѣщенія: въ 1908 году—въ суммѣ *шести тысячъ* рублей и въ 1909 году—въ суммѣ *четырехъ тысячъ восьмисотъ пятидесяти* рублей, а расходъ на постройку магнитно-метеорологическаго павильона—на строительный кредитъ 1908 года.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 622).

24. (8-го іюня 1908 года). *Объ ассигнованіи 24.236 рублей на ремонтъ квартиръ служащихъ и на устройство электрическаго освѣщенія въ зданіи Екатерининской больницы при Московскомъ университетѣ и 14.179 рублей 80 копѣекъ на возобновленіе пострадавшаго отъ пожара анатомическаго театра при клиникахъ того же университета.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано
Въ Питкопасѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ".
8-го іюня 1908 года,

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ ассигнованіи 24.236 рублей на ремонтъ квартиръ служащихъ и на устройство электрическаго освѣщенія въ зданіи Екатерининской больницы при Московскомъ университетѣ и 14.179 рублей 80 копѣекъ на возобновленіе пострадавшаго отъ пожара анатомическаго театра при клиникахъ того же университета.

I. Отпустить изъ государственнаго казначейства: а) *двадцать че-*

тыре тысячи девсти тридцать шесть рублей на ремонтъ квартиръ служащихъ и устройство электрическаго освѣщенія въ зданіи состоящей при Московскомъ университетѣ Екатерининской больницы и б) *четырнадцать тысячъ сто семьдесятъ девять* рублей *восемьдесятъ* копѣекъ на расходы по возобновленію пострадавшаго отъ пожара зданія анатомическаго театра при клиникахъ того же университета.

II. Указанные въ отдѣлѣ I расходы внести на счетъ строительнаго кредита министерства народнаго просвѣщенія: по пункту а отдѣла I—въ 1908 году въ суммѣ *десяти тысячъ* рублей и въ 1909 году въ суммѣ *четырнадцати тысячъ двухсотъ тридцати шести* рублей, по пункту б—въ 1908 году въ суммѣ *семи тысячъ* рублей и въ 1909 году въ суммѣ *семи тысячъ ста семидесяти девяти* рублей *восьмидесяти* копѣекъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 623).

25. (8-го іюня 1908 года). *Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства по 2.600 рублей въ годъ на учрежденіе при Эриванской учительской семинаріи 20 стипендій для воспитанниковъ-татаръ, о дополнительномъ ассигнованіи по 140 рублей въ годъ на вознагражденіе учителя пѣнія при названной семинаріи и о преобразованіи одноклассного начальнаго училища при сей семинаріи въ двухклассный составъ, съ дополнительнымъ ассигнованіемъ на его содержаніе по 970 рублей въ годъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Питкопасѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ“.
8-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства по 2.600 рублей въ годъ на учрежденіе при Эриванской учительской семинаріи 20 стипендій для воспитанниковъ-татаръ, о дополнительномъ ассигнованіи по 140 рублей въ годъ на вознагражденіе учителя пѣнія при названной семинаріи и о преобразованіи одноклассного начальнаго училища при сей семинаріи въ двухклассный составъ, съ дополнительнымъ ассигнованіемъ на его содержаніе по 970 рублей въ годъ.

I. Учредить съ 1-го іюля 1908 года въ Эриванской учитель-

ской семинаріи 20 казенныхъ стипендій для воспитанниковъ-татаръ, съ отпускомъ на этотъ предметъ изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году *одной тысячи трехсотъ* рублей, и, начиная съ 1909 года, по *двѣ тысячи шестисотъ* рублей ежегодно.

II. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства дополнительно, начиная съ 1-го января 1908 года, по *ста сорока* рублей въ годъ на вознагражденіе учителя пѣнія при названной (отд. I) учительской семинаріи, для доведенія означеннаго вознагражденія до размѣра оклада, установленнаго Высочайше утвержденнымъ, 11-го марта 1902 года, мнѣніемъ государственнаго совѣта.

III. При преобразованіи одноклассснаго начальнаго училища при упомянутой семинаріи въ двухклассное учредить, взамѣнъ существующей одной должности учителя начальнаго училища, двѣ должности: а) учителя ручного труда (онъ же учитель начальнаго училища), съ присвоеніемъ ему IX класса по должности, пенсіи по учебной службѣ и оклада содержанія въ *одну тысячу пятьдесятъ* рублей въ годъ (въ томъ числѣ 600 рублей жалованья и 450 рублей столовыхъ) и б) учителя начальнаго училища, съ присвоеніемъ ему X класса по должности, пенсіи по учебной службѣ и оклада содержанія въ *семьсотъ* рублей въ годъ (въ томъ числѣ 450 рублей жалованья и 250 рублей столовыхъ).

IV. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1908 году *четыреста восемьдесятъ пять* рублей въ дополненіе къ *семистамъ восьмидесяти* рублямъ, ассигнованнымъ нынѣ изъ того же источника на содержаніе упраздняемой должности учителя начальнаго училища, а начиная съ 1-го января 1909 года, отпускать по *одной тысячѣ семисотъ пятидесяти* рублей въ годъ на содержаніе учреждаемыхъ новыхъ должностей (отд. III).

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 624).

26. (8-го іюня 1908 года). *О предоставленіи состоящей при министерствѣ народнаго просвѣщенія комиссіи по международному обмѣну изданій по части наукъ и художествъ льготъ по безплатной пересылкѣ почтовой корреспонденціи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Пяткопасѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ".
8-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о предоставленіи состоящей при министерствѣ народнаго просвѣщенія коммиссіи по международному обмѣну изданій по части наукъ и художествъ льготъ по безплатной пересылкѣ почтовой корреспонденціи.

Статью 4 приложенія къ статьѣ 368[1] устава почтоваго (Свод. Зак., т. XII, ч. 1, по прод. 1906 г.) дополнить нижеслѣдующимъ примѣчаніемъ.

Примѣчаніе 3. Состоящей при министерствѣ народнаго просвѣщенія комиссіи по международному обмѣну изданій по части наукъ и художествъ, сверхъ установленныхъ льготъ въ отношеніи почтовыхъ отправленій, предоставляется право пересылки, безъ оплаты вѣсовымъ сборомъ, посылокъ въ закрытой—мягкой или твердой—упаковкѣ, со вложеніемъ художественныхъ и научныхъ изданій, вѣсомъ до одного пуда въ одно почтовое отправленіе.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 631).

27. (15-го іюня 1908 года). *О предоставленіи ремесленнымъ учебнымъ заведеніямъ права выдавать воспитанникамъ сихъ учебныхъ заведеній, по окончаніи курса, свидѣтельства на званія мастеровъ и подмастерьевъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ".
15-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о предоставленіи ремесленнымъ учебнымъ заведеніямъ права выдавать воспитанникамъ сихъ учебныхъ заведеній, по окончаніи курса, свидѣтельства на званія мастеровъ и подмастерьевъ.

Предоставить ремесленнымъ училищамъ (Свод. Зак., т. XI, ч. 1, Уст. Уч. Завед., ст. 1817, изд. 1893 г.), школамъ ремесленныхъ учениковъ (Свод. Зак., т. XI, ч. 1, Уст. Уч. Завед., ст. 3339, п. 1,

доп. 5, по прод. 1906 г.) и низшимъ ремесленнымъ школамъ (Свод. Зак., т. XI, ч. 1, Уст. Уч. Завед., ст. 3339, п. 1, доп. 7, по прод. 1906 г.) право выдавать свидѣтельства на званія подмастерьевъ и мастеровъ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Лица, успѣшно окончившія курсъ означенныхъ ремесленныхъ учебныхъ заведеній, получаютъ отъ учебнаго заведенія, которое окончили, аттестатъ на званіе подмастерья.

2) Подмастерья, пробывшіе на практикѣ въ этомъ званіи не менѣе 3 лѣтъ въ промышленной мастерской или въ мастерскихъ ремесленныхъ или техническихъ учебныхъ заведеній, изъ которыхъ не менѣе одного года въ какой либо одной мастерской, имѣютъ право, по достиженіи двадцати одного года, просить о предоставленіи званія мастера, для чего должны представить въ педагогическій совѣтъ одного изъ вышеупомянутыхъ ремесленныхъ учебныхъ заведеній аттестатъ на званіе подмастерья и удостовѣреніе о занятіяхъ соотвѣтственнымъ ремесломъ въ теченіе 3 лѣтъ при выполненіи указанныхъ выше условій. Если педагогическій совѣтъ признаетъ ходатайство подмастерья подлежащимъ удовлетворенію, то отъ педагогическаго совѣта училища выдается аттестатъ на званіе мастера со всѣми правами и преимуществами, присвоенными мастерамъ, получившимъ это званіе отъ ремесленныхъ управъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 1-го іюля 1908 г., № 95, ст. 645).

28. (15-го іюня 1908 года). *Объ отпускѣ комитету попечительства о русской иконописи пособія изъ казны на 1908 годъ въ суммѣ 35.328 рублей.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

15-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ комитету попечительства о русской иконописи пособія изъ казны на 1908 годъ въ суммѣ 35.328 рублей.

Отпустить въ 1908 году изъ средствъ государственнаго казначейства *тридцать пять тысячъ триста двадцать восемь* рублей въ пособіе комитету попечительства о русской иконописи.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 649).

29. (15-го іюня 1908 года). *Объ отпускѣ средствъ на постройку и оборудованіе парусного судна съ паровымъ двигателемъ для нуждъ Мурманской біологической станціи.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ".
15-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ средствъ на постройку и оборудованіе парусного судна съ паровымъ двигателемъ для нуждъ Мурманской біологической станціи.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства *двѣнадцать тысячъ* рублей на постройку для нуждъ Мурманской біологической станціи парусного судна съ паровымъ двигателемъ.

II. Вызываемый указанною въ отдѣлѣ I мѣрою расходъ отнести на кредиты, отпускаемые на строительныя надобности министерства народнаго просвѣщенія въ 1908 году.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 660).

30. (15-го іюня 1908 года). *Объ учрежденіи при Череповецкой, Молодечненской, Несвижской, Полоцкой, Поневѣжской, Свислочской, Юрьевской, Байрамчской, Новобугской и Преславской учительскихъ семинаріяхъ четвертой штатной должности наставника.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ".
15-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ учрежденіи при Череповецкой, Молодечненской, Несвижской, Полоцкой, Поневѣжской, Свислочской, Юрьевской, Байрамчской, Новобугской и Преславской учительскихъ семинаріяхъ четвертой штатной должности наставника.

I. Учредить съ 1-го Іюля 1908 года четвертую штатную должность наставника при Череповецкой, Молодечненской, Несвижской, Полоцкой, Поневѣжской, Свислочской, Юрьевской, Байрамчской, Новобугской и Преславской учительскихъ семинаріяхъ на одинаковыхъ основаніяхъ

съ существующими нынѣ такими же должностями въ означенныхъ семинаріяхъ.

II. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства на покрытіе вызываемыхъ означенною въ отдѣлѣ I мѣрою расходовъ, начиная съ 1-го Января 1909 года, по *девяти тысячъ восьмисотъ* рублей въ годъ, въ томъ числѣ: на Молодечненскую, Несвижскую, Полоцкую, Поневѣжскую и Свислочскую учительскія семинаріи по 550 рублей на каждую, на Юрьевскую учительскую семинарію 1.050 рублей и на Череповецкую, Байрамчскую, Новобугскую и Преславскую учительскія семинаріи по 1.500 рублей на каждую; въ текущемъ же 1908 году на ту же надобность отпустить *четыре тысячи девятьсотъ* рублей, въ томъ числѣ: на Молодечненскую, Несвижскую, Полоцкую, Поневѣжскую и Свислочскую учительскія семинаріи по 275 рублей на каждую, на Юрьевскую учительскую семинарію 525 рублей и на Череповецкую, Байрамчскую, Новобугскую и Преславскую учительскія семинаріи по 750 рублей на каждую.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 681).

31. (15-го іюня 1908 года). *Объ учрежденіи въ городѣ Астрахани Маріинскаго женскаго училища съ ассигнованіемъ на ежегодное содержаніе училища по 4.890 рублей изъ средствъ казны.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

15-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ учрежденіи въ городѣ Астрахани Маріинскаго женскаго училища съ ассигнованіемъ на ежегодное содержаніе училища по 4.890 рублей изъ средствъ казны.

I. Учредить съ 1-го іюля 1908 года въ городѣ Астрахани Маріинское женское училище съ профессіональнымъ при немъ классомъ на основаніяхъ прилагаемыхъ при семъ положенія и штата.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе означеннаго (отд. I) училища въ 1908 году *три тысячи шестьсотъ девяносто пять* рублей, а начиная съ 1909 года, отпускать по *семи тысячъ трехсотъ девяноста* рублей, съ возложеніемъ обязательства на мѣстное городское общественное управленіе произ-

водить пособіе казнѣ на содержаніе этого училища въ 1908 году въ размѣрѣ *одной тысячи двухсотъ пятидесяти* рублей, а начиная съ 1909 года, по *двѣ тысячи пятисотъ* рублей ежегодно.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ".

15-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль.*

Положеніе объ Астраханскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

1. Маріинское женское училище въ городѣ Астрахани имѣетъ цѣлью доставлять общее элементарное образованіе дѣвицамъ всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій и обучать ихъ различнаго рода женскимъ рукодѣліямъ и ремесламъ.

2. Училище состоитъ въ главномъ вѣдѣніи попечителя Казанскаго учебнаго округа и въ ближайшемъ завѣдываніи директора народныхъ училищъ Астраханской губерніи.

3. Средства училища образуютъ: 1) суммы, отпускаемыя на его содержаніе изъ государственнаго казначейства, 2) пособія отъ мѣстнаго городского общества, 3) пожертвованія и 4) плата за ученіе.

4. Суммы, указанныя въ пунктахъ 2—4 предшедшей (3) статьи, какъ спеціальныя средства училища, составляютъ его собственность и расходуются на разныя его нужды, а также на пособія и награды служащимъ и учащимся, съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, по представленію директора народныхъ училищъ.

5. При училищѣ состоитъ попечительный совѣтъ для содѣйствія благоустройству училища въ матеріальномъ отношеніи.

6. Въ составъ попечительнаго совѣта входятъ: 1) лица обоего пола, избираемыя, въ числѣ не болѣе трехъ, на три года городскимъ обществомъ; 2) мѣстный директоръ народныхъ училищъ или другое лицо вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, по назначенію попечителя учебнаго округа; 3) смотрительница училища (ст. 10); и 4) почетная попечительница училища (ст. 15). Попечительный совѣтъ избираетъ изъ своей среды предсѣдателя на три года, при чемъ лицо, занимавшее эту должность, можетъ быть избираемо и на слѣдующіе сроки. Предсѣдатель и члены попечительнаго совѣта, по выбору городского общества, утверждаются въ своихъ званіяхъ и уволь-

няются отъ оныхъ попечителемъ учебнаго округа. Лица, указанныя въ пп. 2 и 3 сей статьи, суть непремѣнные члены попечительнаго совѣта.

7. Вѣдѣнію попечительнаго совѣта подлежатъ: 1) избраніе почетной попечительницы; 2) избраніе кандидатовъ на должности смотрительницы, надзирательницы, законоучителя, учителей и учительницъ; 3) изысканіе средствъ къ улучшенію матеріальнаго положенія училища; 4) составленіе ежегодной смѣты доходовъ и расходовъ по училищу; 5) назначеніе изъ мѣстныхъ средствъ добавочнаго вознагражденія должностнымъ лицамъ училища; 6) наблюденіе за правильнымъ расходываніемъ училищныхъ суммъ; 7) опредѣленіе размѣра платы за ученіе; 8) освобожденіе, по ходатайству педагогическаго совѣта, отъ платы за ученіе недостаточныхъ ученицъ въ предѣлахъ, допускаемыхъ средствами училища, и 9) попеченіе о бѣдныхъ ученицахъ, какъ во время учебнаго курса, такъ и по окончаніи онаго.

8. Члены попечительнаго совѣта имѣютъ право присутствовать на экзаменахъ.

9. Вопросы, разсматриваемые въ попечительномъ совѣтѣ, рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ. При равенствѣ голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Въ случаяхъ несогласія непремѣнныхъ членовъ съ большинствомъ, рѣшенія попечительнаго совѣта приводятся въ исполненіе лишь по утвержденіи оныхъ попечителемъ учебнаго округа.

10. Непосредственное управленіе училищемъ ввѣряется смотрительницѣ, при участіи педагогическаго совѣта.

11. Педагогическій совѣтъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ смотрительницы, изъ законоучителя, всѣхъ прочихъ лицъ, служащихъ при училищѣ по учебной и воспитательной части, и одного члена попечительнаго совѣта, изъ числа указанныхъ въ п. 1 статьи 6, по выбору городского общества. Обязанности секретаря совѣта исполняетъ, по его выбору, одна изъ учительницъ или одинъ изъ учителей.

12. Вѣдѣнію педагогическаго совѣта подлежатъ: 1) пріемъ ученицъ и переводъ ихъ изъ класса въ классъ; 2) выдача свидѣтельствъ ученицамъ, окончившимъ курсъ ученія; 3) избраніе секретаря совѣта и библіотекаря; 4) составленіе правилъ о порядкѣ храненія и выдачи книгъ изъ библіотеки; 5) разсмотрѣніе годового отчета по учебной части, составляемаго секретаремъ совѣта или лицомъ, исполняющимъ его обязанности; 6) обсужденіе успѣховъ и поведенія ученицъ; 7) составленіе правилъ о взысканіяхъ съ ученицъ; 8) распредѣленіе

учебныхъ и рукодѣльныхъ занятій учениць въ училищѣ, а также домашняго приготовленія уроковъ и письменныхъ работъ; 9) выборъ учебныхъ руководствъ и пособій, а также и книгъ для ученической библіотеки изъ числа одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ по принадлежности, и 10) вообще всѣ мѣры къ наиболѣе правильному и успѣшному веденію учебно-воспитательнаго дѣла въ училищѣ.

13. Дѣла въ педагогическомъ совѣтѣ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ. При равенствѣ голосовъ, голосъ предсѣдательницы даетъ перевѣсъ. Въ случаѣ несогласія съ мнѣніемъ большинства, предсѣдательница представляетъ дѣло на усмотрѣніе директора народныхъ училищъ, съ приложеніемъ своего заключенія и мнѣнія остальныхъ членовъ. Во всѣхъ случаяхъ разногласія, мнѣніе меньшинства, если послѣднее того пожелаетъ, доводится также до свѣдѣнія директора народныхъ училищъ.

14. Заключенія педагогическаго совѣта, касающіяся распредѣленія учебныхъ занятій, выбора руководствъ и учебныхъ пособій и книгъ для библіотеки, а также и всѣ предположенія его по благоустройству училища, связанныя съ увеличеніемъ расходовъ, представляются на утвержденіе директора народныхъ училищъ.

15. При училищѣ состоитъ почетная попечительница, избираемая попечительнымъ совѣтомъ изъ почетныхъ лицъ города, могущихъ своимъ вліяніемъ и матеріальными средствами содѣйствовать благосостоянію училища, и утверждаемая въ должности попечителемъ учебнаго округа.

16. Почетной попечительницѣ предоставляется: 1) посѣщать, по своему усмотрѣнію, училище во всякое время; 2) присутствовать на урокахъ и 3) присутствовать въ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта съ правомъ голоса по всѣмъ дѣламъ. Предсѣдательница заблаговременно сообщаетъ почетной попечительницѣ о дняхъ засѣданій педагогическаго совѣта.

17. Въ училищѣ преподаются: 1) Законъ Божій и церковно-славянскій языкъ для православныхъ; 2) русскій языкъ; 3) ариѳметика; 4) элементарная геометрія; 5) географія и исторія отечества, съ необходимыми свѣдѣніями изъ общей исторіи и географіи; 6) свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики; 7) чистописаніе; 8) рисованіе; 9) женскія рукодѣлія и 10) пѣніе.

Примѣчаніе. По желанію родителей и на ихъ счетъ, въ училищѣ могутъ быть преподаваемы, съ разрѣшенія попечителя

учебнаго округа, въ свободное отъ обязательныхъ уроковъ время, и предметы дополнительные.

18. Программы преподаванія предметовъ, входящихъ въ составъ учебнаго курса училища (ст. 17), правила объ испытаніяхъ ученицъ при пріемѣ ихъ въ училище, переводѣ изъ класса въ классъ и окончаніи курса, а также таблица числа недѣльныхъ уроковъ, утверждаются попечителемъ учебнаго округа.

19. Въ училищѣ полагается четыре общеобразовательныхъ класса, съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ. Въ каждомъ классѣ допускается не болѣе 40 ученицъ; при бо́льшемъ же ихъ числѣ должны быть открываемы параллельныя отдѣленія.

20. Въ первый классъ училища принимаются дѣвочки 9—11-лѣтняго возраста, знающія главнѣйшія молитвы и священно-историческія событія, умѣющія съ пониманіемъ читать и передавать содержаніе краткихъ и легкихъ повѣствовательныхъ статей, писать по русски подъ диктовку безъ искаженія словъ, а также считать и рѣшать легкія задачи на числа первой сотни. Во всѣ слѣдующіе классы, если имѣются свободныя вакансіи, могутъ поступать дѣвочки соотвѣтствующаго возраста, выдержавшія пріемныя испытанія по всѣмъ предметамъ пройденнаго курса. Общій пріемъ ученицъ назначается одинъ разъ въ годъ послѣ лѣтнихъ вакацій.

21. При училищѣ учреждается профессіональный классъ, съ учебной мастерской по портновскому и бѣлошвейному ремесламъ. Курсъ обученія въ профессіональномъ классѣ продолжается для ученицъ училища, прошедшихъ четыре общеобразовательныхъ класса, два года, а для поступившихъ изъ другихъ училищъ безъ необходимой подготовки по рукодѣліямъ — три года.

22. Смотрительница, надзирательница, законоучитель, учители и учительницы назначаются попечителемъ учебнаго округа, по представленію директора народныхъ училищъ, изъ числа кандидатовъ, избранныхъ попечительнымъ совѣтомъ. Въ случаѣ, если встрѣтятся препятствія къ назначенію указанныхъ лицъ изъ числа кандидатовъ, избранныхъ попечительнымъ совѣтомъ, попечитель учебнаго округа можетъ замѣщать эти должности по своему усмотрѣнію.

Примѣчаніе. Для назначенія законоучителя требуется сношеніе съ епархіальнымъ начальствомъ.

23. Лицо, назначаемое на должность смотрительницы, должно имѣть, по меньшей мѣрѣ, званіе домашней учительницы или наставницы.

24. Смотрительница обязана преподавать въ училищѣ одинъ изъ предметовъ, на преподаваніе коихъ она имѣетъ право.

25. Въ помощь смотрительницѣ по воспитательной части при училищѣ состоитъ надзирательница, назначаемая изъ лицъ, имѣющихъ званіе не ниже учительницы начальнаго училища.

26. Лица, назначаемыя на должность учителя наукъ, должны имѣть, по меньшей мѣрѣ, званіе учителя городского, по положенію 1872 г., училища, а лица, назначаемыя на должность учительницы наукъ,—званіе домашней наставницы или учительницы. Учители и учительницы чистописанія, рисованія и пѣнія назначаются изъ лицъ, имѣющихъ надлежащія свидѣтельства на право преподаванія сихъ искусствъ, а учительницы рукодѣлія—изъ опытныхъ въ преподаваніи этого предмета мастерицъ.

Примѣчаніе. При невозможности пріискать учителей и учительницъ чистописанія, рисованія, пѣнія и рукодѣлій съ надлежащими свидѣтельствами, преподаваніе сихъ предметовъ можетъ быть поручаемо лицамъ по найму.

27. Смотрительница и штатныя учительницы пользуются правомъ на полученіе пенсій и единовременныхъ пособій изъ казны на одинаковыхъ основаніяхъ со служащими въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (свод. зак., т. III, уст. пенс., ст. 392, по прод. 1906 г.). Тѣмъ же правомъ пользуются и учительницы рукодѣлій и надзирательница, если онѣ имѣютъ званіе домашней учительницы или наставницы. Законоучитель и учители пользуются служебными и пенсіонными правами законоучителей и учителей городскихъ, по положенію 1872 года, училищъ.

28. Ученицамъ, окончившимъ полный курсъ общеобразовательныхъ предметовъ училища, присвоиваются права окончившихъ курсъ женскихъ прогимназій съ тѣмъ, чтобы при переходѣ въ гимназіи ученицы держали дополнительные экзамены по предметамъ, ими не изучавшимся, по пройденнымъ уже въ соотвѣтствующихъ классахъ гимназіи. Ученицы, съ успѣхомъ окончившія курсъ профессіональнаго класса, получаютъ отъ педагогическаго совѣта училища свидѣтельство въ знаніи изученнаго ремесла, дающее имъ право на его преподаваніе въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

29. Училище имѣетъ печать утвержденнаго для уѣздныхъ установленій образца.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: *„БЫТЬ ПО СЕМУ“*.

Въ Петергофѣ.
15-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

ШТАТЪ

Маріинскаго женскаго училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ городѣ Астрахани.

	Число лицъ.	Жалованья въ годъ одному.	Всего.
		Рубли.	
Общеобразовательный курсъ.			
Смотрительница (квартира въ натурѣ)	1	450	600
Ей же добавочныхъ за преподаваніе (6—8 уроковъ)	—	150	
Законоучитель	1	360	360
Учители и учительницы наукъ и искусствъ . . .	3	400	1.200
Учительница рукодѣлія	1	400	400
Надзирательница	1	300	300
Вознагражденіе за преподаваніе пѣнія	—	—	75
На учебныя пособія и канцелярскіе расходы . . .	—	—	200
Вознагражденіе за исполненіе обязанностей дѣлопроизводителя	—	—	100
На наемъ помѣщенія, содержаніе дома и прислуги.	—	—	2.500
Итого . . .	7	—	5.735

	Число лицъ.	Жалованья въ годъ одному.	Всего.
		Рубли.	
Профессіональный классъ.			
Учительница бѣлошвейнаго мастерства.	1	400	400
Учительница дамско-портновскаго мастерства. . .	1	400	400
За уроки.			
Закона Божія.	—	—	80
Ремесленнаго счетоводства и товаровѣдѣнія . . .	—	—	160
Рисованія и черченія.	—	—	240
Пѣнія	—	—	75
На учебныя пособія, матеріалы и инструменты. .	—	—	300
Итого. . . .	2	—	1.655
Всего.	9	—	7.390

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(Тамъ же, ст. 662).

32. (15-го іюня 1908 года). *Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства 14.634 рублей 60 копѣекъ на окончательное оборудованіе Таганрогскаго средняго восьмиклассного техническаго училища.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*".
15-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства 14.634 рублей 60 копѣекъ на окончательное оборудованіе Таганрогскаго средняго восьмикласснаго техническаго училища.

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства *четырнадцать тысячъ шестьсотъ тридцать четыре* рубля *шестьдесятъ* копѣекъ на оборудованіе Таганрогскаго средняго восьмикласснаго техническаго училища.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ отнести на ассигнуемые министерству народнаго просвѣщенія кредиты на строительныя его надобности въ 1908 году.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ*.

(Тамъ же, ст. 663).

33. (26-го іюня 1908 года). *О присвоеніи служащимъ въ женскихъ прогимназіяхъ Приамурскаго края и Забайкальской области полуторнаго содержанія.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Питкопасѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*".
26-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль*.

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о присвоеніи служащимъ въ женскихъ прогимназіяхъ Приамурскаго края и Забайкальской области полуторнаго содержанія.

I. Дѣйствіе примѣчанія 2 къ статьѣ 7 Положенія объ особыхъ преимуществахъ службы (свод. зак., т. III, изд. 1906 г.) распространить на служащихъ въ женскихъ прогимназіяхъ Приамурскаго края и Забайкальской области.

II. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1908 года, по *восемь тысячъ четыреста пятьдесятъ* рублей въ годъ на увеличеніе до полуторнаго размѣра содержанія служащимъ въ женскихъ четырехклассныхъ прогимназіяхъ въ городахъ Никольскѣ-Уссурійскомъ и Николаевскѣ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 8-го іюля 1908 г., № 99, ст. 691).

34. (26-го іюня 1908 года). *Объ утвержденіи положенія о Московскомъ городскомъ народномъ университетѣ имени Альфонса Леоновича Шанявскаго.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

26-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ утвержденіи положенія о Московскомъ городскомъ народномъ университетѣ имени Альфонса Леоновича Шанявскаго.

I. Разрѣшить Московскому городскому общественному управленію учредить на средства, пожертвованныя городу генералъ-маіоромъ Шанявскимъ, народный университетъ, присвоивъ ему наименованіе „Московскій городской народный университетъ имени Альфонса Леоновича Шанявскаго.

II. Утвердить прилагаемое при семъ положеніе о названномъ университетѣ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ. „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

26-го іюня 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль.*

Положеніе о Московскомъ городскомъ народномъ университетѣ имени Альфонса Леоновича Шанявскаго.

1. Московскій городской народный университетъ имени А. Л. Шанявскаго состоитъ въ вѣдѣніи Московскаго городского общественнаго управленія.

2. Дѣятельность сего университета распространяется на всю территорію городского поселенія Москвы и отведенныхъ ему земель.

3. Московскій городской народный университетъ имени А. Л. Шанявскаго имѣетъ цѣлью служить широкому распространенію высшаго научнаго образованія и привлеченію симпатій народа къ наукѣ и знанію.

4. Въ университетѣ преподаются предметы по всѣмъ отраслямъ научнаго знанія.

5. Устройство отдѣльныхъ чтеній, систематическихъ курсовъ, учрежденіе постоянныхъ каѳедръ и цѣлыхъ факультетовъ, а равно учрежденіе отдѣленій университета — производятся съ соблюденіемъ постепенности, въ зависимости отъ средствъ университета.

6. Программы систематическихъ курсовъ представляются на утвержденіе попечителя московскаго учебнаго округа.

7. Постоянныя каѳедры и цѣлые факультеты учреждаются на основаніяхъ, опредѣляемыхъ особыми уставами, утвержденными министромъ народнаго просвѣщенія.

8. Средства университета составляются: а) изъ доходовъ съ имущества, пожертвованнаго А. Л. Шанявскимъ; б) изъ иныхъ, могущихъ поступить пожертвованій; в) изъ платы за слушаніе лекцій; г) изъ пособій, назначаемыхъ общественными учрежденіями, и д) изъ иныхъ случайныхъ поступленій.

Примѣчаніе. Средствамъ, поименнованнымъ въ пунктахъ а, б, в и д, присваивается наименованіе спеціальныхъ средствъ университета. Къ этой же категоріи относятся тѣ изъ суммъ, ассигнованныхъ общественными учрежденіями, которыя предоставлены сими учрежденіями въ полное распоряженіе университета.

9. Управленіе университетомъ принадлежитъ попечительному совѣту университета и правленію университета.

10. Членами попечительнаго совѣта и правленія, равно какъ предсѣдателями оныхъ, могутъ быть лишь россійскіе подданные.

11. Всѣ сношенія попечительнаго совѣта Московскаго городского народнаго университета по дѣламъ сего университета съ министромъ народнаго просвѣщенія производятся черезъ попечителя Московскаго учебнаго округа.

12. Попечительный совѣтъ университета состоитъ изъ двадцати членовъ, въ томъ числѣ десяти избираемыхъ Московскою городскою

думою, и десяти пожизненныхъ, указанныхъ А. Л. Шанявскимъ (ст. 16).

13. Десять членовъ попечительнаго совѣта избираются Московскою городскою думою закрытою подачею голосовъ посредствомъ баллотировки шарами изъ лицъ обоего пола, срокомъ на четыре года. Въ числѣ означенныхъ десяти членовъ должно быть не менѣе двухъ лицъ женскаго пола и не менѣе четырехъ лицъ, обладающихъ высшею ученою степенью.

14. Составъ избранныхъ, на основаніи ст. 13, членовъ совѣта подлежитъ постепенному обновленію. Для сего, въ теченіе перваго четырехлѣтія, по истеченіи перваго года послѣ первоначальнаго избранія, три лица, по жребію, выбываютъ изъ состава совѣта, и думою производятся новые выборы для замѣщенія открывающихся вакансій; по истеченіи второго года выбываютъ въ томъ же порядкѣ два лица, по истеченіи третьяго года — три лица и по истеченіи четвертаго года — остальныя два лица.

15. Каждое выбывшее лицо можетъ быть избрано вновь.

Въ случаѣ досрочнаго выбытія кого-либо изъ избранныхъ членовъ совѣта, его мѣсто замѣщается посредствомъ выбора новаго лица на срокъ полномочій выбывшаго члена.

16. Въ случаѣ выбытія изъ состава совѣта кого-либо изъ пожизненныхъ (ст. 12) членовъ, его мѣсто замѣщается новымъ лицомъ по избранію попечительнаго совѣта срокомъ на четыре года. Избраніе производится закрытою подачею голосовъ посредствомъ баллотировки шарами; избраннымъ почитается получившій не менѣе тридцати избирательныхъ шаровъ. Каждому изъ членовъ совѣта, при невозможности принять лично участіе въ выборахъ, предоставляется право передать свой шаръ другому члену совѣта съ тѣмъ, однако, чтобы каждый изъ избирателей не могъ обладать болѣе чѣмъ двумя шарами.

17. Попечительный совѣтъ избираетъ ежегодно изъ своей среды предсѣдателя и секретаря и ихъ замѣстителей. Избраніе производится на каждую должность закрытою подачею голосовъ посредствомъ баллотировки шарами. Предсѣдатель попечительнаго совѣта утверждается министромъ народнаго просвѣщенія.

18. Въ случаѣ выбытія или отказа кого-либо изъ названныхъ должностныхъ лицъ ранѣе срока, избраніе новаго лица на остающійся срокъ производится тѣмъ же порядкомъ (ст. 17).

19. Попечительному совѣту въ предѣлахъ, опредѣляемыхъ симъ положеніемъ и особыми уставами (ст. 7), принадлежитъ забота о

благосостояніи университета и общее завѣдываніе имъ какъ въ учебномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи и въ частности:

а) установленіе общаго плана преподаванія, учрежденіе каѳедръ, открытіе факультетовъ и отдѣленій университета (ст. 5—7);

б) устройство всякаго рода учебно-вспомогательныхъ установленій, какъ-то: библіотекъ, кабинетовъ, лабораторій, музеевъ и т. п.;

в) приглашеніе преподавателей и другихъ должностныхъ лицъ, а также установленіе размѣра и способовъ ихъ вознагражденія;

г) опредѣленіе условій допущенія слушателей къ слушанію лекцій и къ другимъ занятіямъ, установленіе размѣра платы, взимаемой со слушателей, и условій ея взиманія;

д) завѣдываніе имуществомъ университета, принятіе поступающихъ въ пользу университета пожертвованій, доходовъ, взносовъ и пр., расходованіе принадлежащихъ университету средствъ, установленіе на каждое полугодіе отдѣльно смѣты доходовъ и расходовъ университета;

е) установленіе правилъ внутренняго распорядка въ помѣщеніяхъ университета;

ж) избраніе предсѣдателя и членовъ правленія университета, составленіе инструкціи правленію и утвержденіе, въ подлежащихъ случаяхъ, его постановленій и распоряженій;

з) участіе, въ полномъ составѣ или черезъ представителей, въ собраніяхъ академическаго совѣта (31—34);

и) разсмотрѣніе и утвержденіе, въ подлежащихъ случаяхъ, постановленій академическаго совѣта;

і) представленіе министру народнаго просвѣщенія годовыхъ отчетовъ о дѣятельности университета и списковъ лицъ, приглашенныхъ для чтенія лекцій, передъ началомъ учебнаго года;

к) представленіе городской думѣ смѣтъ и отчетовъ университета.

20. Слѣдующія постановленія попечительнаго совѣта подлежатъ исполненію лишь по утвержденіи ихъ московскою городскою думою;

а) о смѣтныхъ расходахъ, когда таковые выходятъ за предѣлы спеціальныхъ средствъ университета и предполагаютъ какія-либо пособія изъ городскихъ средствъ;

б) о принятіи пожертвованій;

в) о постройкахъ и перестройкахъ;

г) объ отчужденіи и пріобрѣтеніи недвижимыхъ имуществъ.

21. Засѣданія попечительнаго совѣта созываются предсѣдателемъ его въ сроки, установленные самимъ совѣтомъ. Чрезвычайныя засѣданія созываются предсѣдателемъ совѣта въ случаѣ усмотрѣнія имъ

надобности, или по заявленію пяти членовъ совѣта, или по представленію правленія, или по предложенію городского головы. Городскому головѣ принадлежитъ право созыва засѣданія, если его предложеніе о томъ не будетъ исполнено предсѣдателемъ попечительнаго совѣта. Предметы занятій обозначаются на повѣсткахъ.

22. Засѣданія совѣта почитаются состоявшимися при явкѣ не менѣе семи членовъ. Для разсмотрѣнія дѣлъ, означенныхъ въ ст. 16 Положенія, требуется присутствіе въ совѣтѣ не менѣе тринадцати, а въ ст. 19 п. ж и ст. 43—не менѣе одиннадцати членовъ.

23. Всѣ вопросы рѣшаются въ совѣтѣ простымъ большинствомъ голосовъ; въ случаѣ равенства голосовъ голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

24. О засѣданіяхъ совѣта ведутся протоколы съ означеніемъ въ нихъ: времени и мѣста собранія, присутствовавшихъ членовъ, предметовъ сужденія, сдѣланныхъ предложеній и постановленныхъ рѣшеній.

25. Правленіе университета состоитъ изъ предсѣдателя и не менѣе трехъ членовъ, избираемыхъ ежегодно попечительнымъ совѣтомъ изъ числа членовъ совѣта, или изъ преподавателей и постороннихъ лицъ, предложенныхъ къ избранію письменнымъ заявленіемъ не менѣе трехъ членовъ попечительнаго совѣта.

26. Избраніе правленія производится закрытою подачею голосовъ посредствомъ баллотировки шарами. Предсѣдатель правленія утверждается попечителемъ московскаго учебнаго округа.

27. На правленіе возлагается ближайшее завѣдываніе университетомъ въ предѣлахъ, установленныхъ симъ положеніемъ и инструкціею попечительнаго совѣта, и въ частности:

а) распоряженіе суммами, назначенными на содержаніе университета по смѣтѣ (п. д, ст. 19);

б) заключеніе контрактовъ въ предѣлахъ полномочій, предоставленныхъ попечительнымъ совѣтомъ;

в) ближайшее завѣдываніе и распредѣленіе помѣщеній университета и вообще принятіе мѣръ къ осуществленію преподаванія и занятій согласно установленнымъ планамъ;

г) сношеніе съ преподавателями и другими лицами учебнаго персонала по приведенію въ исполненіе плана преподаванія;

д) ближайшее завѣдываніе допущеніемъ слушателей къ слушанію лекцій и къ другимъ занятіямъ;

е) ближайшее завѣдываніе хозяйственною частью университета и забота о соблюденіи внутренняго распорядка (п. е, ст. 19);

ж) приглашеніе низшаго служебнаго персонала;

з) представленіе попечительному совѣту отчетовъ о своей дѣятельности и предположеній по вопросамъ о пользахъ и нуждахъ университета.

28. Засѣданія правленія созываются предсѣдателемъ его въ сроки, устновленные попечительнымъ совѣтомъ. Чрезвычайныя засѣданія созываются предсѣдателемъ правленія въ случаѣ усмотрѣнной имъ надобности или по предложенію попечительнаго совѣта.

29. Засѣданія правленія почитаются состоявшимися при явкѣ предсѣдателя и не менѣе двухъ членовъ. О засѣданіяхъ правленія ведутся протоколы примѣнительно къ ст. 24.

30. Правленію предоставляется распредѣлять между отдѣльными членами онаго ближайшее наблюденіе за исполненіемъ распоряженій правленія и вообще за установленнымъ въ университетѣ порядкомъ.

31. Для обсужденія вопросовъ, относящихся къ научной и педагогической дѣятельности университета, образуется академическій совѣтъ изъ наличныхъ преподавателей Московскаго городского народнаго университета, имѣющихъ ученую степень и притомъ приглашенныхъ попечительнымъ совѣтомъ не менѣе какъ на одинъ семестръ.

32. Въ академическомъ совѣтѣ предсѣдательствуетъ предсѣдатель попечительнаго совѣта, а въ случаѣ его отсутствія—предсѣдатель правленія университета.

33. Собранія академическаго совѣта созываются предсѣдателемъ по мѣрѣ надобности или въ опредѣленные сроки, а также по предложенію не менѣе десяти преподавателей. Иниціатива созыва академическаго совѣта можетъ исходить и отъ попечительнаго совѣта или правленія.

34. Всѣ постановленія академическаго совѣта вносятся на разсмотрѣніе и утвержденіе попечительнаго совѣта.

35. При университетѣ состоитъ комитетъ усовершенствованія, который образуется изъ неограниченнаго числа членовъ, избираемыхъ изъ лицъ обоего пола, выдающихся своею ученою, педагогическою или общественною дѣятельностью, а равно сдѣлавшихъ значительное пожертвованіе въ пользу университета.

Примѣчаніе. Въ числѣ членовъ комитета усовершенствованія—иностранныхъ подданныхъ можетъ быть не болѣе одной трети всего состава комитета.

36. Члены комитета усовершенствованія избираются московскою городскою думою по представленіямъ попечительнаго совѣта.

37. Предсѣдатель и члены попечительнаго совѣта состоять по должности членами комитета усовершенствованія.

38. Собранія комитета усовершенствованія созываются московскимъ городскимъ головою, не менѣе одного раза въ два года, на основаніи постановленія попечительнаго совѣта.

39. Предметомъ сужденій комитета служатъ вопросы, касающіеся преуспѣянія университета и вносимые въ комитетъ московскимъ городскимъ управленіемъ, или попечительнымъ совѣтомъ, или кѣмъ-либо изъ членовъ комитета. Иногородніе члены комитета, если не присутствуютъ въ его собраніи, предлагаютъ свои заключенія по внесеннымъ вопросамъ въ письменной формѣ.

40. Попечительный совѣтъ сообщаетъ комитету свѣдѣнія о положеніи дѣлъ университета.

41. Заключенія комитета направляются для дальнѣйшей разработки въ попечительный совѣтъ.

42. Преподавателями университета приглашаются (п. в, ст. 19) лица обоего пола, имѣющія ученую степень, или составившія себѣ имя въ литературѣ, наукѣ или данной области преподаванія, или же извѣстныя своими познаніями и дарованіями попечительному совѣту. Иностранные подданные могутъ быть допускаемы въ число лекторовъ не иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя московскаго учебнаго округа, по соглашенію съ московскимъ градоначальникомъ.

43. Приглашеніе преподавателей производится попечительнымъ совѣтомъ по рекомендаціи не менѣе двухъ его членовъ или по предложенію академическаго совѣта, закрытой подачей голосовъ.

44. Преподаватели приглашаются на извѣстное число лекцій или на опредѣленный срокъ, но не свыше трехъ лѣтъ, съ точнымъ обозначеніемъ всѣхъ условій преподаванія и размѣра вознагражденія. Преподаватели, выбывающіе по минованіи условнаго срока, могутъ быть вновь приглашаемы.

45. Къ слушанію чтеній и къ прочимъ занятіямъ въ университетѣ допускаются лица обоего пола не моложе 16 лѣтъ, безъ различія національности и вѣроисповѣданія.

46. Плата за слушаніе лекцій по предметамъ или по группамъ предметовъ опредѣляется попечительнымъ совѣтомъ въ возможно доступномъ размѣрѣ и подлежитъ полной отмѣнѣ, какъ только дозволятъ средства университета.

47. Слушатели университета не пользуются никакими особыми

правами и преимуществами, присвоенными учащимся въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 8-го іюля 1908 г., № 99, ст. 692.

35. (1-го іюля 1908 года). *О женскихъ учительскихъ семинаріяхъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ".

1-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о женскихъ учительскихъ семинаріяхъ.

Предоставить министру народнаго просвѣщенія, впредь до разработки нормальнаго типа женскихъ учительскихъ семинарій, открывать женскія учительскія семинаріи примѣнительно къ Высочайше утвержденному, 11-го марта 1902 года, мнѣнію государственнаго совѣта (П. С. З. № 21199), съ правомъ приглашать на службу въ женскія учительскія семинаріи лицъ женскаго пола на правахъ служащихъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 15-го іюля 1908 г., № 104, ст. 717).

36. (1-го іюля 1908 года). *Объ учрежденіи трехъ должностей окружныхъ инспекторовъ въ Кіевскомъ, Одесскомъ и Западно-Сибирскомъ учебныхъ округахъ и объ увеличеніи кредита на ихъ разъѣзды по дѣламъ службы въ означенныхъ округахъ на 1.500 рублей въ годъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Петергофѣ. „БЫТЬ ПО СЕМУ".

1-го іюля 1908 года.

Скрѣпилъ: государственный секретарь *баронъ Икскуль.*

Одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ объ учрежденіи трехъ должностей окружныхъ инспекторовъ въ Кіевскомъ, Одесскомъ и Западно-Сибирскомъ учебныхъ округахъ и объ увеличеніи кредита на ихъ разъѣзды по дѣламъ службы въ означенныхъ округахъ на 1.500 рублей въ годъ.

I. Въ дополненіе къ Высочайше утвержденнымъ мнѣніямъ государственнаго совѣта 24-го декабря 1863 года (П. С. З. № 40426),

объ усиленіи средствъ осмотра учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и увеличенія содержанія окружнымъ инспекторамъ, и 12-го марта 1885 года (П. С. З. № 2808), объ учрежденіи Западно-Сибирскаго учебнаго округа, учредить въ Кіевскомъ, Одесскомъ и Западно-Сибирскомъ учебныхъ округахъ съ 1-го іюля 1908 года по одной новой должности окружнаго инспектора со служебными правами и преимуществами, а также окладомъ содержанія, предоставленными существующимъ въ сихъ округахъ такимъ же должностямъ.

II. Увеличить съ того же срока отпускаемыя, на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 27-го января 1881 года (П. С. З. № 61796), штатовъ управленій учебныхъ округовъ и мнѣній государственнаго совѣта 12-го марта 1885 года (П. С. З. № 2808), объ учрежденіи Западно-Сибирскаго учебнаго округа, и 4-го іюня 1901 года (П. С. З. № 20248), объ учрежденіи второй должности окружнаго инспектора при управленіи Кіевскаго учебнаго округа, суммы на разъѣзды для осмотра учебныхъ заведеній Кіевскаго, Одесскаго и Западно-Сибирскаго учебныхъ округовъ на *пятьсотъ* рублей въ годъ, по каждому изъ сихъ округовъ, а всего на *одну тысячу пятьсотъ* рублей.

III. Вызываемый означенными (отд. I и II) мѣрами расходъ отнести на счетъ государственнаго казначейства.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *М. Акимовъ.*

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 15-го іюля 1908 г., № 104, ст. 724).

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(7-го іюня 1908 года, № 38). *Назначается* старшій инспекторъ главной палаты мѣръ и вѣсовъ, приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ астрономіи и геодезіи, статскій совѣтникъ *Ивановъ*—экстраординарнымъ профессоромъ названнаго университета, по каѳедрѣ астрономіи и геодезіи, съ 29-го марта, съ оставленіемъ его старшимъ инспекторомъ главной палаты мѣръ и вѣсовъ.

Утверждается, согласно избранію, купецъ 2-й гильдіи *Неопиханов*ъ—вновь почетнымъ попечителемъ Рыбинскаго низшаго механико-техническаго училища имени М. Е. Комарова, на три года, съ 1-го января.

Умершій исключается изъ списковъ почетный попечитель Ново-

торжскаго реальнаго училища, инженеръ-технологъ *Цвылевъ*, съ 21-го февраля.

(15-го іюня 1908 года, № 39). По Рижскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники:* ассистенты Рижскаго политехническаго института: фонъ-*Вихертъ*, *Штейнбахъ* и *Гартманъ*, всѣ трое—съ 1-го сентября 1907 г. и преподаватель того же института *Кангро*—съ 1-го ноября 1901 г.; учителя: Митавскаго реальнаго училища, *Берсеневъ*—съ 6-го сентября 1907 г., Митавской женской гимназіи *Вильпертъ* и Рижской городской гимназіи *Корольковъ*, оба—съ 1-го ноября 1907 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: преподаватели Рижскаго политехническаго института: *Бушманъ* и *Штегманъ*, оба—съ 1-го іюля 1907 г.; учителя: Рижской городской гимназіи, *Слетовъ*—съ 18-го января 1907 г. и Рижскаго реальнаго училища Императора Петра I, *Глемитъ*—съ 25-го іюня 1907 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учителя: Митавскаго реальнаго училища, *Фаминскій*—съ 22-го августа 1906 г., Ревельской Александровской гимназіи, *Рабиновичъ*—съ 1-го мая 1905 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Митавскаго реальнаго училища, *Ефремовъ*—съ 20-го ноября 1907 г. и Полангенской прогимназіи, *Заицъ*—съ 27-го марта 1907 г.; завѣдывающій Рижской низшей ремесленной школой въ память царствованія Императора Александра II *Стебуновъ*—съ 17-го сентября 1905 г.; врачъ Рижскаго трехкласснаго городского училища *Блументаль*—съ 1-го сентября 1906 г.; учитель Верроскаго трехкласснаго городского училища *Таубе*—съ 1-го января 1908 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры:* почетный смотритель Верроскаго городского трехкласснаго училища *Фрейманъ*—съ 1-го февраля 1907 г. и учитель Рижскаго городского четырехкласснаго училища Императрицы Екатерины II *Ѳедюшинъ*—съ 22-го августа 1907 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Новицкій*—съ 8-го мая 1907 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Рижской городской гимназіи *Лангеръ*—съ 1-го августа 1905 г.; учителя городскихъ трехклассныхъ училищъ: Рижскаго, *Ашманъ*—съ 20-го августа 1905 г. и Феллинскаго, *Глаголевскій*—съ 1-го января 1906 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, журналистъ и архиваріусъ канцеляріи попечителя *Воронько*—съ 6-го декабря 1907 г.; въ *коллежскіе регистраторы:* учителя мужскихъ начальныхъ училищъ: Перновскаго 2-го городского, *Универъ*, Лемзальскаго правительствен-

наго, *Докка*, Руенскаго правительственнаго, *Цельминъ*, Вольмарскаго городского, *Пакалнинъ*, Митавскаго I городского св. Анны: *Гудже*, *Кадс*, *Шенбрунъ*, *Лѣпкалнъ*, *Луговской* и *Силинъ*, Митавскаго 2-го городского: *Рѣкстынь* и *Трансъ*, Добленскаго правительственнаго, *Святкинъ*, Туккумскаго правительственнаго *Гартманъ* и *Панкинъ*, изъ нихъ: Силинь — съ 17-го декабря 1906 г., Панкинъ — съ 10-го октября 1907 г., всѣ остальные—съ 5-го октября 1906 г.; помощникъ учителя начальнаго при Ясманскомъ сиротскомъ домѣ въ гор. Митавѣ училища *Силинъ*—съ 15-го августа 1907 г.; дѣлопроизводитель дирекціи народныхъ училищъ Курляндской губерніи *Эйманнъ*—съ 8-го октября 1907 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *надворнаго совѣтника*, преподаватели Рижскаго политехническаго института: *Брицке* и *Гейнцъ*, оба—съ 1-го сентября 1906 г.; *коллежскаго ассессора*, учитель Рижской гимназіи Императора Николая I *Николаевъ*—съ 29-го января 1902 г.; *титулярнаго совѣтника*, врачъ Виндавской женской гимназіи *Кивицкій*—съ 23-го іюля 1896 г., по степени лѣкаря: *коллежскаго секретаря*, учителя городскихъ училищъ, сверхштатные: Юрьевскаго четырехкласснаго, *Рожковскій*—съ 1-го августа 1902 г., Рижскаго четырехкласснаго Императрицы Екатерины II, *Пѣтуховъ*, онъ же Димитріевъ,—съ 1-го іюля 1903 г. и Рижскаго трехкласснаго, *Бацманъ*—съ 17-го сентября 1903 г., Либавскаго трехкласснаго, *Сенкевичъ*—съ 1-го августа 1902 г., Виндавскаго четырехкласснаго, *Цобкало*—съ 1-го іюля 1903 г.

Назначаются: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фишеръ* и потомственный почетный гражданинъ *Чижевъ*—вновь почетными попечителями: Фишеръ—С.-Петербургской пятой гимназіи, съ 29-го мая, а Чижевъ—Благовѣщенской, Уфимской губерніи, учительской семинаріи, съ 29-го апрѣля, оба на три года.

Утверждаются, согласно избранію: въ званіи камергера Высочайшаго Двора, корнетъ запаса гвардіи князь *Куракинъ* и Городнянскій городской голова *Писаревъ*—почетными попечителями: князь Куракинъ—Ярославскаго реальнаго училища, съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи, а Писаревъ—Городнянской гимназіи, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности, оба на три года.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, директоръ аткарскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Наслѣдышевъ*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

(21-го іюня 1908 года, № 41). *Назначается* исправляющій долж-

ность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лицея, магистръ государственнаго права, коллежскій ассессоръ *Тарановскій*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Юрьевскаго университета, по каѳедрѣ исторіи русскаго права, съ 4-го апрѣля.

Утверждаются: коммерціи совѣтникъ *Калашниковъ*—почетнымъ попечителемъ Рыбинской гимназіи, согласно избранію, на три года; исправляющій должность старшаго ассистента терапевтическаго отдѣленія Императорскаго клиническаго института великой княгини Елены Павловны, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Вестенрикъ*—въ исправляемой имъ должности, съ 7-го мая.

(29-го іюня 1908 года, № 43). *Назначается* исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ славянской филологіи *Кульбакинъ* — ординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ славянской филологіи.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, профессоръ Рижскаго политехническаго института, статскій совѣтникъ—*Бишофъ*, съ 1-го мая.

Умершій исключается изъ списковъ, правитель канцеляріи попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ *Молчановъ*, съ 27-го мая.

(5-го іюля 1908 года, № 47). *Назначаются*: экстраординарные профессора Императорскаго Томскаго университета, доктора медицины, коллежскіе совѣтники: *Авроровъ* и *Лащенковъ*—ординарными профессорами того же университета, по каѳедрамъ: первый—общей паталогіи, а второй—гигіены; преподаватель, исполняющій обязанность инспектора Саратовскаго Александро-Маріинскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Рахмановъ*—директоромъ Новоузенскаго реальнаго училища; не имѣющій чина *Гадаловъ*—почетнымъ попечителемъ Красноярской гимназіи, на три года, съ 13-го марта, преподаватель Кіевской второй гимназіи, приватъ-доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра, магистръ астрономіи и геодезіи, коллежскій совѣтникъ *Черный*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета, по каѳедрѣ астрономіи и геодезіи, съ 1-го іюля.

Утверждаются, согласно избранію: отставной полковникъ гвардіи князь *Дондуковъ-Изъѣдиновъ* и надворный совѣтникъ *Ельчаниновъ*—почетными попечителями: первый—Курской гимназіи, а второй—Смоленскаго Александровскаго реальнаго училища, оба на три года.

Перемѣщается директоръ Кишиневской второй гимназіи, стат-

скій совѣтникъ *Ветнекъ*—директоромъ С.-Петербургской первой гимназіи.

Увольняется, за выслугою срока, главный инспекторъ училищъ Восточной Сибири, почетный мировой судья округа Иркутскаго окружнаго суда, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вознесенскій*—отъ первой изъ названныхъ должностей, съ 3-го мая.

Увольняются отъ службы согласно прошеніямъ: директоръ частной гимназіи Петра въ гор. Кіевѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Петръ*, съ 1-го іюля; директоръ Костромского дворянскаго пансіона-пріюта, коллежскій совѣтникъ *Пазухинъ*, съ переименованіемъ его въ прежній военный чинъ *полковника* съ оставленіемъ въ отставкѣ; согласно прошенію, по болѣзни, директоръ Томской гимназіи, почетный мировой судья округа Томскаго окружнаго суда, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Мурстовъ*, съ мундиромъ, первой изъ означенныхъ должностей присвоеннымъ.

Умершій исключается изъ списковъ, директоръ Ташкентской гимназіи, статскій совѣтникъ *Чечелевъ*, съ 27-го мая.

III. ПРОГРАММА ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ДЛЯ РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

Курсъ V класса (4 урока).

„Языкъ", „словесность" и „литература". Бытовыя условія поэзіи (религія родовая, религія природы и профессіональная). Особенности народной поэзіи („безличность", „коллективность", „синкретизмъ").

Обрядовая поэзія. a) Праздники въ честь наростанія силы солнца: Коляда. Овсень. Встрѣча весны („веснянка", „хороводныя игры"). Радуница. Русальная недѣля. Семикъ. b) Праздники въ честь солнца, достигшаго большой силы и теряющаго ее. Купала. Похороны Ярилы. c) Праздники профессіональные (землодѣльческіе). Егорьевъ день. Ильинъ день. („Зажинки" и „дожинки").

Свадебная поэзія и обряды. Заговоры. Былевыя пѣсни. Исторія былины (ея особенности, созданіе и судьбы). Былины Кіевскія (Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ). Былины Новгородскія (Садко, Василій Буслаевичъ), былины о старшихъ богатыряхъ. Типы былинные. Циклы. Сказители.

Историческія пѣсни. Пѣсни татарскаго періода. Пѣсни о Грозномъ. Южно-русскія думы. Пѣсни о Петрѣ Великомъ.

Бытовыя пѣсни. Ихъ содержаніе и мотивы (пѣсни о „добромъ молодцѣ“, „дѣвушкѣ“, „бракѣ“).

Современная народная пѣсня (вопросы семейныхъ отношеній — „общество“, „бракъ“, „деревня“).

Пословицы, поговорки и присловья.

Загадки.

Сказки (животный эпосъ, бытовыя сказки, философскія, сатирическія).

Древне-русская словесность.

1. *Кіевская Русь.* Состояніе ея культуры; вліяніе Византіи и южныхъ славянъ. Переводная письменность, церковная (житіе Өеодосія. Проповѣди Иларіона и Кирилла Туровскаго. Лѣтопись. Поученіе Владиміра Мономаха. Слово о полку Игоревѣ. Хожденіе игумена Даніила. Моленіе Даніила Заточника).

2. *Московская Русь.* Паденіе Царьграда. Флорентійская Унія. Идеалы Московской Руси (теорія третьяго Рима). „Домострой“. „Переписка Грознаго съ Курбскимъ“. Повѣсти политическія (Сказаніе о князѣхъ Владимирскихъ. „Повѣсть о Новгородскомъ бѣломъ клобукѣ“). Житіе Іуліаніи Лазаревской. Двоевѣрная поэзія (легенды и духовные стихи).

3. *Письменность XVII-го вѣка.* Движеніе въ области мысли религіозной, политической и эстетической. Побѣда идеаловъ земной жизни надъ идеалами аскетическими; возникновеніе реалистической литературы. Сатирическая повѣсть („Шемякинъ судъ“, „Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ“, „Повѣсть о Горѣ Злосчастьи“, „Савва Грудцынъ“, „Фролъ Скобѣевъ“).

Вліяніе западно-русской литературы (проповѣдь, драма, лирика, переводныя повѣсти, нравоучительныя, авантюрныя и смѣхотворныя).

Возникновеніе новой литературы въ Москвѣ (драма и лирика Симеона Полоцкаго; театръ Грегори).

Расколъ, его исторія и поэзія („Житіе Аввакума“, духовные стихи).

Курсъ VI класса (4 урока).

4. *Литература отъ Петра до Екатерины II.* Культурное содержаніе русской жизни въ эту эпоху (Ө. Прокоповичъ, Посошковъ и Татищевъ — представители эпохи). Лирика, повѣсть и драма въ эту эпоху.

Псевдоклассическое направленіе въ русской литературѣ (Псевдоклассицизмъ на Западѣ: характеристика лирики и драмы). Ломоносовъ его жизнь и творчество. „Ода на восшествіе на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны". Духовныя оды „Утреннее" и „Вечернее размышленіе о Божьемъ величіи". Сумароковъ, его трагедіи („Хоревъ"), комедіи („Лихоимецъ") и оды.

5. *Литература отъ Екатерины II до Александра I.* Культурное содержаніе русской жизни въ эту эпоху (Пробужденіе общественнаго самосознанія. Новиковъ, Радищевъ, князь Щербатовъ и Болтинъ, какъ выразители русскаго самосознанія. Вольтерьянство и масонство).

a) *псевдоклассическое направленіе.* Державинъ, его жизнь и творчество („Фелица", „Вельможа", „Водопадъ", „Богъ", „Властителямъ и Судіямъ", „На смерть князя Мещерскаго"). Философское и политическое содержаніе его одъ. Княжнинъ, его трагедіи и комедіи.

b) *реалистическое направленіе.* Императрица Екатерина, ея журналы, ихъ вліяніе на русскую журналистику. (Новикова „Трутень", „Живописецъ"), комедіи („О время"!). Фонвизинъ, его жизнь и творчество („Недоросль").

c) *сентиментальное направленіе* (сентиментальный романъ, драма и лирика на Западѣ). Карамзинъ, его личность и творчество. Его лирика. „Письма русскаго путешественника", „Бѣдная Лиза", „Наталья боярская дочь".

d) *народническое направленіе.* Подражанія народной лирикѣ; обработка былинъ; народный элементъ въ комической оперѣ.

6. *Литература въ эпоху Александра I.* Культурное содержаніе русской жизни въ эту эпоху. Либерализмъ и консерватизмъ русскаго общества. (Карамзина „Исторія Государства Россійскаго", „Записка о древней и новой Россіи" — какъ основы консерватизма). Движеніе, создавшее декабристовъ.

a) *романтическое направленіе* (романтизмъ на Западѣ, его виды). Жуковскій, его личность и творчество. Лирика его („Мой другъ, хранитель ангелъ мой", „Море", „19-го марта 1823", „Элегія на кончину королевы Виртембергской"), „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ". Баллады переводныя и оригинальныя („Людмила", Двѣнадцать спящихъ дѣвъ", „Теонъ и Эсхинъ", „Свѣтлана"). Интересъ къ объективному творчеству. („Ундина", „Наль и Дамаянти", „Рустемъ и Зорабъ", „Одиссея"). Рылѣевъ, его лирика; Бестужевъ-Марлинскій, его романы.

b) *классическое направленіе.* Батюшковъ, его жизнь и творчество. („Совѣтъ друзьямъ“, „Веселый часъ“, „Вакханка“ „Мои пенаты“, „Посланіе къ Дашкову“, „Разлука“, „Плѣнный“, „Тѣнь друга“, „Умирающій Тассъ“, „Странствователь и Домосѣдъ“).

c) *реалистическое направленіе:* Крыловъ, его жизнь и творчество. Басни. Грибоѣдовъ, его жизнь и творчество. „Горе отъ ума“.

d) *народническое направленіе.* Изученіе и собираніе народныхъ произведеній (Изданіе „Сборника Кирши Данилова“, „Слово о полку Игоревѣ“). Подражаніе народной пѣснѣ.

А. С. Пушкинъ, какъ завершеніе всѣхъ указанныхъ направленій (классическаго, реалистическаго, народническаго и романтическаго). Подробная біографія поэта.

а) *лицейскій періодъ.* Настроенія въ его лирикѣ этого періода. „Русланъ и Людмила“.

b) *періодъ творчества на югѣ.* Поэзія міровой скорби (Шатобріанъ и Байронъ). Лирика. „Кавказскій плѣнникъ“, „Цыгане“, „Братья-разбойники“, „Евгеній Онѣгинъ“ (начало).

c) *Михайловскій періодъ.* Увлеченіе Шекспиромъ, русской исторіей, поэзіей чужихъ народовъ и простонароднымъ русскимъ творчествомъ. Лирика. „Борисъ Годуновъ“, „Онѣгинъ“ (продолженіе).

d) *Пушкинъ въ Николаевскую эпоху.* Переломъ въ его міросозерцаніи. (Патріотическія оды). Лирика и письма послѣдняго періода. „Полтава“, „Галубъ“, „Арапъ Петра Великаго“, „Повѣсти Бѣлкина“, „Дубровскій“, „Капитанская дочка“. Драмы: „Отрывокъ изъ Фауста“, „Моцартъ и Сальери“, „Скупой рыцарь“. „Каменный гость“. Научныя и журнальныя его работы. Взглядъ Пушкина на поэзію. Значеніе его въ исторіи русскаго литературнаго языка.

Курсъ VII класса (4 урока).

7. *Эпоха царствованія Императора Николая I.* Культурное содержаніе русской жизни этой эпохи. „Оффиціальная народность“. Философскіе интересы русскаго общества (кружокъ Станкевича). Политическіе интересы (кружокъ Герцена). Славянофильство и западничество. Пушкинъ, Гоголь и Бѣлинскій, какъ писатели, намѣтившіе все содержаніе и характеръ русской литературы этой эпохи.

Гоголь. Его жизнь и творчество.

а) *первый періодъ.* „Вечера на хуторѣ близь Диканьки“, „Миргородъ“, „Старосвѣтскіе помѣщики“, „Тарасъ Бульба“, „Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“.

b) *второй періодъ.* „Портретъ", „Шинель", „Записки сумасшедшаго", „Ревизоръ", „Развязка Ревизора", „Разъѣздъ послѣ представленія".

c) *третій періодъ.* „Мертвыя души", „Избранныя мѣста изъ переписки съ друзьями", „Авторская исповѣдь". Гоголь, какъ результатъ обличительно-романтическаго направленія русской литературы XVIII—XIX вв., съ одной стороны, и Пушкинскаго художественнаго объективнаго реализма — съ другой.

Бѣлинскій. Его жизнь и исторія его міросозерцанія. „Литературныя мечтанія". Статьи о Менцелѣ и Бородинской годовщинѣ. Взгляды его на Пушкина, Гоголя, Лермонтова. Бѣлинскій и Гоголь, какъ представители двухъ различныхъ міросозерцаній. Значеніе Бѣлинскаго для всей новѣйшей русской литературы.

Лермонтовъ, его жизнь и творчество („Ангелъ", „И скучно и грустно", „Отчего", „Благодарность", „Парусъ", „Дума", „Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ", „Гляжу на будущность", „Не смѣйся надъ моей пророческой тоской", „Молитва", „Кинжалъ", „Пророкъ", „Хаджи Абрекъ", „Бояринъ Орша", „Демонъ" „Мцыри", драма: „Маскарадъ"). „Герой нашего времени".

Кольцовъ [1]), Тютчевъ, Майковъ, Полонскій (общая характеристика), Некрасовъ (его творчество до 60-хъ годовъ). Вліяніе на нихъ Бѣлинскаго. И. Тургеневъ, жизнь и творчество. „Записки охотника", „Муму", „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда", „Дневникъ лишняго человѣка", „Рудинъ", „Дворянское гнѣздо". Герценъ. „Кто виноватъ?", „Сорока воровка". Гончаровъ. „Обыкновенная исторія". Л. Толстой, его жизнь и творчество. („Дѣтство и Отрочество", „Утро помѣщика", „Севастопольскіе разсказы" „Казаки", „Три смерти"). Достоевскій, его жизнь и творчество. „Бѣдные люди".

8) *Литература въ эпоху Александра II* (60—70-ые гг.).

Общественныя настроенія въ Россіи послѣ Крымской кампаніи. Матеріализмъ и натурализмъ, какъ основы философскаго и эстетическаго міросозерцанія эпохи. Добролюбовъ, Писаревъ и Ап. Григорьевъ, какъ представители критическихъ школъ эпохи.

Тургеневъ. „Отцы и Дѣти".

Гончаровъ. „Обломовъ".

Островскій. „Гроза".

Л. Толстой. „Война и Миръ".

---

[1]) Произведенія Кольцова, Тютчева, Майкова, Полонскаго, Некрасова, изъ которыхъ можетъ быть сдѣланъ выборъ, перечислены въ программѣ для гимназій (*Жур. Мин. Нар. Пр.* 1905 г., августъ, оффиц. часть, стр. 139—140).

Достоевскій. „Униженные и оскорбленные", „Записки изъ Мертваго Дома"; „Преступленіе и Наказаніе".

Некрасовъ, его литературная дѣятельность въ 60-е годы.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Брешенковъ, К.* Курсъ русскаго синтаксиса для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, реформированный по современнымъ научнымъ даннымъ. Изд. 2-е, исправленное. М. 1908. Стр. 120. Цѣна 50 коп."

— „*Воскресенскій Е.* Теорія словесности. Изд. 6-е, К. Н. Тихомирова. М. 1908. Стр. 158. Цѣна 60 коп."

— „*Карскій, Е. Ѳ.*, проф. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. (Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній). Изд. 13-е. Варшава. 1908. Стр. II+104. Цѣна 50 коп."

— „*Крюковскій, В. Я.* и *Н. П. Товстолѣсъ*. Учебникъ законовѣдѣнія для гимназій, реальныхъ и химико-техническихъ училищъ. Изд. 4-е, испр. и дополн. Вильна. 1908. Стр. VIII+127+143. Цѣна 1 р. 25 коп."

— „*Овсянико-Куликовскій, Д. Н., проф.* Теорія поэзіи и прозы. Руководство для средней школы и для самообразованія, Изданіе т-ва И. Д. Сытина. (Книги для современной школы). Стр. 163. Цѣна 60 коп.". (Для VIII класса мужскихъ гимназій).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Варнеке, Б. В.* Слова и обороты къ 1-й книгѣ „Записокъ о Галльской войнѣ Гая Юлія Цезаря", расположенные въ порядкѣ латинскаго текста. Изд. 2-е, С. А. Манштейна. С.-Пб. 1908. Стр. 48. Цѣна 40 коп."

— „*Кукулеско, Ив.* Элементарный курсъ качественнаго анализа для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. «Сотрудника». Кіевъ. 1908. Стр. VIII + 87. Цѣна 60 коп.“ (въ качествѣ необязательнаго пособія для реальныхъ училищъ).

— „*Мартыновскій, В.* Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. Томъ I.—Безъ удареній. Изд. 21-е, бр. Башмаковыхъ. С.-Пб. 1908. Стр. XI+468. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (также для городскихъ по Положенію 31-го мая 1872 г. училищъ).

— „*Мартыновскій, В.* Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. Томъ I. — Съ удареніями. Изд. 21-е, бр. Башмаковыхъ. С.-Пб. 1908. Стр. XI + 468. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (для учебныхъ заведеній съ преобладающимъ инородческимъ составомъ учащихся).

— „*Мартыновскій, В.* Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. Томъ II.—Безъ удареній. Изд. 18-е, бр. Башмаковыхъ. С.-Пб. 1908. Стр. VII+362+106. Цѣна 1 р. 25 коп“.

— „*Мартыновскій, В.* Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. Томъ II.—Съ удареніями. Изд. 18-е, бр. Башмаковыхъ. С.-Пб. 1908. Стр. VII+362+106. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (для учебныхъ заведеній съ преобладающимъ инородческимъ составомъ учащихся).

— „*Острогорскій, А. Я.* Русское правописаніе. Руководство къ его наглядному изученію. Вып. I. Статьи для списыванія. С.-Пб. 1908. Стр. II+110. Цѣна 15 коп.“ (въ качествѣ необязательнаго пособія для приготовительнаго и перваго классовъ).

— „*Feuillet, Octave.* Le roman d'un jeune homme pauvre. (*Октавъ Фелье.* Романъ молодого бѣдняка). Обработалъ *И. О. Фуррер*ъ. Изд. 2-е, заново перераб. и дополн., С. А. Манштейна. С.-Пб. 1908. Стр. II+147 (текста)+136+6 (приложеній). Цѣна съ приложеніями 80 коп. въ коленк. переплетѣ. (Избр. произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей подъ ред. С. А. Манштейна)“.

2. Допустить *условно* слѣдующую книгу:

въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Antonoff. S.* Lectures graduées pour l'année scolaire. Petite chréstomathie destinée aux élèves des cours de troisième année de français. St. Pbg. 1908. Стр. VII+223. Цѣна 60 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы

въ слѣдующемъ изданіи книга была сопровождена словаремъ и комментаріемъ для облегченія чтенія помѣщенныхъ въ ней статей).

3. Признать заслуживающими вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— „*Андерсенъ, Гансъ Христіанъ*. Избранныя сочиненія въ переводахъ русскихъ писателей. Часть I. Сказка моей жизни.—Книга картинъ безъ картинъ.—Избранныя стихотворенія. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1899. Стр. II+397. Цѣна 75 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. А. Н. Чудинова. Серія 2-я, вып. XV)".

— „*Андерсенъ, Гансъ Христіанъ*. Импровизаторъ или Молодость и мечты итальянскаго поэта. Романъ. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1899. Стр. II+321. Цѣна 75 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. А. Н. Чудинова. Серія 2-я, вып. XVI)".

— „*Байронъ, Дж. Г.* Избранныя сочиненія въ переводахъ русскихъ поэтовъ. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1901. Стр. VI+240. Цѣна 50 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. А. Н. Чудинова. Серія 2-я, вып. XXI)".

— „*Боккаччьо, Джьованни*. Декамеронъ. Собраніе избранныхъ новеллъ въ переводахъ русскихъ писателей. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1899. Стр. III+132. Цѣна 40 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. А. Н. Чудинова. Серія 2-я, вып. XVII)".

— „*Бомарше, Пьеръ*. Избранныя сочиненія. Переводъ *А. Н. Чудинова*. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1898. Стр. VII+363. Цѣна 55 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. А. Н. Чудинова. Серія 2-я, вып. XII)".

— „*Гёте, І. Вольфгангъ*. Фаустъ. Драматическая поэма въ 2-хъ частяхъ. Переводъ *М. П. Вронченки*. Текстъ I-й части. Изложеніе II-й части. Объяснительныя статьи. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1900. Стр. V+196. Цѣна 55 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. А. Н. Чудинова. Серія 2-я, вып. XIX)".

— „*Дидро, Дени*. Избранныя сочиненія въ переводахъ русскихъ писателей. Племянникъ Рамо.—Біографическій очеркъ. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1900. Стр. III+147. Цѣна 40 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. А. Н. Чудинова. Серія 2-я, вып. XVIII)".

— „*де-Мюссе, Альфредъ*. Избранныя сочиненія. Переводъ *В. Е. Чешихина*. и др. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1901. Стр. VI+245.

Цѣна 50 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. А. Н. Чудинова. Серія 2-я, вып. XX)".

— „*Порѣцкій, С. А.* На волѣ и дома. Наблюденія природы на прогулкахъ и въ комнатѣ. М. 1906. Стр. 194. Цѣна 90 коп., въ папкѣ 1 р. 10 коп. (Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества)".

— „*Султановъ, Н.* Памятники зодчества среднихъ вѣковъ и магометанскаго востока. Атласъ съ 625-ю чертежами и рисунками на 120-ти таблицахъ, съ пояснительнымъ при нихъ текстомъ, 2-мя картами, 3-мя таблицами послѣдовательнаго развитія стилей, указателемъ литературы и оглавленіемъ. Пособіе для изученія исторіи архитектуры. Изданіе составителя. С.-Пб. 1908. Цѣна 3 р. 60 коп."

— „*Тассо, Торквато.* Освобожденный Іерусалимъ. Поэма въ 20-ти пѣсняхъ въ переводахъ русскихъ писателей. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1899. Стр. VI+184. Цѣна 40 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. А. Н. Чудинова. Серія 2-я, вып. XIII)".

— „*Шамиссо де-Бонкуръ, Адальбертъ.* Избранныя произведенія въ переводахъ русскихъ писателей. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1899. Стр. 84. Цѣна 35 коп. (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. А. Н. Чудинова. Серія 2-я, вып. XIV)".

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Новая народная школа. Вторая книга для классного чтенія въ начальныхъ училищахъ и дома. Составлена кружкомъ учителей подъ редакціей *Ѳ. Борисова и Н. Лаврова.* Изд. 1-е, К. Тихомирова. М. 1908. Стр. 240+IV. Цѣна 45 коп." (для нач. нар. училищъ).

— „*Флеровъ, А.* Дѣтскій другъ. Вторая послѣ букваря книга для классного чтенія въ начальныхъ училищахъ и для домашняго обуче-

нія. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1908. Стр. 294. Цѣна 60 коп". (для нач. нар. училищъ).

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Соколовъ, Ао. Ѳ.* Библейская географія. Съ дополнительными свѣдѣніями изъ археологіи (Очерки быта древнихъ евреевъ) и рисункомъ, изображающимъ видъ Святой Земли съ птичьяго полета. Пособіе къ изученію священной исторіи. Изд. 3-е, значит. дополн. М. 1908. Стр. IV + 77 + 1. Цѣна 60 коп."

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Додэ, А.* Изъ писемъ съ мельницы. Перев. съ франц. *Н. И. Перелыгина* и *Н. В.* Изд. 2-е, М. В. Клюкина. М. 1904. Стр. 79. Цѣна 20 коп. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа)."

— „*Митропольскій, Ив.* Колька Суходольскій. (Изъ воспоминаній). Два разсказа. (Колька Суходольскій.—Сирота). Изд. М. В. Клюкина. М. Стр. 32. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 40 коп."

— „*Николаевъ, А.* Жизнь въ Африкѣ. Популярный очеркъ для народныхъ чтеній. Изд. 2-е, М. В. Клюкина. М. Стр. 48. Цѣна 15 коп."

— „*Оржешко, Элиза.* Въ зимній вечеръ. Повѣсть. Изданіе 2-е, М. В. Клюкина. М. 1908. Стр. 32. Цѣна 10 коп. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа)."

— „*Соловьевъ, М.* Отецъ Николай. Изъ былого-прошлаго. Изд. 2-е, М. В. Клюкина. М. Стр. 31. Цѣна 10 коп. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа)."

— „*Станюковичъ, К. М.* Между своими. Разсказъ. Изд. 3-е, М. В. Клюкина. М. Стр. 16. Цѣна 5 коп. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа)."

СПИСОКЪ КНИГЪ,

разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— „*Порѣцкій, С. А.* На волѣ и дома. Наблюденія природы на прогулкахъ и въ комнатѣ. М. 1906. Стр. 194. Цѣна 90 коп., въ

папкѣ 1 руб. 10 коп. (Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества)".

— „*Поселянинъ, Е.* Пустыня. Очерки изъ жизни ѳиваидскихъ отшельниковъ. Въ 2-хъ частяхъ. Изд. П. П. Сойкина. С.-Пб. Стр. 391. Цѣна 75 коп."

— „*Робачевскій, Е. Н.* Что насъ губитъ и въ чемъ наше спасеніе. Изд. 2-е, значит. дополн. и иллюстр. Псковъ. 1908. Стр. 28. Цѣна 10 коп."

— „*Фербенксъ, Х.* Въ царствѣ горныхъ породъ и минераловъ. Первоначальная минералогія. Переводъ съ англ. *Е. И. Попова.* М. 1908. Стр. 172. Цѣна 70 коп., въ папкѣ 90 коп. (Библіотека И. Горбунова-Посадова)."

ТРЕТІЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕССЪ ПО ИСТОРІИ РЕЛИГІЙ.

Международные конгрессы по исторіи религій начались съ конгресса въ Парижѣ въ 1900 г., происходившаго подъ предсѣдательствомъ нынѣ уже покойнаго Альберта Ревилля, профессора въ Collège de France и предсѣдателя отдѣленія по исторіи религій въ École des Hautes études. Второй конгрессъ собирался въ Базелѣ въ 1904 г., подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго теолога Конрада фонъ-Орелли. Поддержка, оказанная конгрессу университетомъ и городомъ, обезпечила ему полный успѣхъ; на немъ участвовали 322 члена, представители различныхъ государствъ, университетовъ и академій Европы и Америки.

Устраивая третій конгрессъ въ 1908 г., международный комитетъ постановилъ устроить собраніе въ Оксфордѣ, гдѣ такъ много ученыхъ, занимающихся исторіею религій, гдѣ издаются Sacred Books of the East, съ поддержкою университета и при личномъ участіи многихъ извѣстныхъ ученыхъ.

Мѣстный комитетъ извѣщаетъ, что университетъ, съ согласія г. Вице-канцлера, уступаетъ для конгресса помѣщеніе въ Examination Schools, и что конгрессъ будетъ засѣдать съ 15-го по 18-е (н. ст.) сентября 1908 г.

Почетный президентъ: Prof. E. B. Tylor, Hon. D. C. L.
Президентъ: The Right Hon. Sir A. C. Lyall, K. C. B., D. C. L.
Дѣлопроизводитель: Prof. Percy Gardner, Litt. D.

Вечеромъ 14-го сентября г. члены конгресса будутъ приняты проф. Гарднеромъ и докторомъ Ивансомъ въ Ashmolean Museum, въ 8 час. 45 мин. вечера.

Въ соотвѣтствіи съ устройствомъ предыдущихъ конгрессовъ собранія будутъ организованы: общія, для чтеній, представляющихъ широкій интересъ, и по секціямъ, для чтеній, докладовъ и бесѣдъ. Секцій предположено 8:

1) Религія первобытная, включая Мексику и Перу.
2) „ Китая и Японіи.
3) „ египтянъ.
4) Религіи семитскія.
5) „ Индіи и Ирана.
6) „ грековъ и римлянъ.
7) „ германскія, кельтскія, славянскія.
8) Христіанство.

Секціи могутъ быть объединяемы по двѣ и болѣе.

Членскіе билеты, дающіе доступъ на всѣ собранія, пріемы и пр., и на полученіе Transactions конгресса, стоятъ—1 фунтъ; дамскіе билеты, безъ права на полученіе Transactions—10 шил. За билетами слѣдуетъ обращаться съ приложеніемъ соотвѣтственнаго чека *исключительно* къ гг. Barclay et C°, Old Bank, Oxford.

Доклады и пренія могутъ быть на языкахъ англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и итальянскомъ.

Обезпечено участіе различныхъ англійскихъ и иностранныхъ ученыхъ учрежденій.

Доклады слѣдуетъ посылать на имя почетнаго секретаря; весьма желательно доставленіе ихъ не позже 31-го мая 1908 г. (н. ст.); послѣдній срокъ—1-го августа (нов. ст.).

Исполнительный комитетъ, устраивая работы конгресса, сохраняетъ за собою право рѣшать вопросы о чтеніи или печатаніи докладовъ въ зависимости отъ времени и средствъ.

Конгрессъ будетъ твердо придерживаться правила, принятаго на съѣздѣ въ Парижѣ: „Les travaux et les discussions du Congrès auront essentiellement un caractère historique. Les polémiques d'ordre confessionel ou dogmatique sont interdites“.

Въ составъ мѣстнаго комитета входятъ:

H. Balfour, M. A.
Rev. J. Vernon Bartlet, D. D.
Rev. C. J. Ball, M. A.
Prof. L. T. Bullock, M. A.

Edward Caird, Hon. D. C. L.
Rev. R. H. Charles, D. Litt.
Rev. Prof. T. K. Cheyne, D. Litt.
F. C. Conybeare, M. A.
A. E. Cowley, M. A.
Rev. Prof. S. R. Driver, D. D.
Rev. James Drummond, LL. D.
Louis Dyer, M. A.
A. J. Evans, D. Litt.
Rev. A. M. Fairbairn, D. Litt.
W. Warde Fowler, M. A.
Prof. Percy Gardner, Litt. D.
Rev. G. Buchanan Gray, D. Litt.
B. Grenfell, D. Litt.
F. Ll. Griffith, M. A.
R. Hoernle, Ph. D.
Prof. A. A. Macdonell, M. A.
W. Mc. Dougall, M. A.
R. R. Marett, M. A.
Rev. Prof. Margoliouth, D. Litt.
Prof. W. R. Morfill, M. A.
Gilbert Murray, M. A., LL. D.
J. L. Myres, M. A.
Rev. J. Edwin Odgers, M. A.
Rev. H. Rashdall, D. Litt.
Prof. Sir John Rhys, D. Litt.
Rev. Prof. Sanday, D. D.
Rev. Prof. A. H. Sayce, Hon. D. Litt.
Arthur Sidgwick, M. A., LL. D.
Prof. E. B. Tylor, Hon. D. C. L.
C. C. J. Webb, M. A.
J. Estlin Carpenter, D. Litt. } Почетные секретари.
L. R. Farnell, D. Litt. }

Въ числѣ участниковъ конгресса будутъ:

Rev. Dr. E. A. Abbott, London.
Mr. I. Abrahams, Cambridge.
Syed Ameer Ali, Reading.
Prof. T. W. Arnold, London.
The Rt. Hon. Lord Avebury, London.
Prof. A. A. Bevan, Cambridge.
Mr. C. Bilson, Cambridge.
Sir E. W. Brabrook, C. B., London.
Prof. E. G. Browne, Cambridge.
The Rt. Hon. James Bryce, Washington.
Dr. E. Wallis Budge, London.
Prof. F. G. Burkitt, Cambridge.
Prof. Ronald Burrows, Cardiff.
Prof. J. B. Bury, Cambridge.
Mr. S. H. Butcher, M. P., London.
Prof. Lewis Campbell, London.
Mr. Edward Clodd, London.
Mr. A. B. Cook, Cambridge.
Mr. Stanley A. Cook, Cambridge.
Prof. R. S. Conway, Manchester.
Mr. W. A. Graigie, Oxford.
Mr. E. Crawley, Abingdon.
Prof. T. W. Rhys Davids, Manchester.
Prof. S. Dill, Belfast.
Rev. Principal Donaldson, St. Andrew's.
Dr. J. G. Frazer, Cambridge.
Mr. R. W. Frazer, L. L. B., I. C. S., London.
Mr. Edmund Gardner, London.
Prof. H. A. Giles, Cambridge.
Mr. G. L. Gomme, London.
Prof. Frank Granger, Nottingham.
Dr. A. C. Haddon, Cambridge.
Dr. J. Rendel Harris, Birmingham.
Miss Jane Harrison, Cambridge.
Mr. E. S. Hartland, Gloucester.
Rev. Dr. Hastings, Montrose.
Mr. L. T. Hobhouse, M. A., London.
Dr. W. Hoey, Oxford.
Principal Hopkinson, Manchester.
Sir Henry Howorth, London.
Baron F. von Hügel, London.
Rev. Principal Jevons, Durham.
Rev. Prof. Kennett, Cambridge.
Mr. L. W. King, London.
Dr. Andrew Lang, London.
Rev. Principal Lindsay, Glasgow.
Rev. Prof. J. B. Mahaffy, Dublin.
Rev. Prof. J. E. B. Mayor, Cambridge.
Rev. Prof. A. Menzies, St. Andrew's.
Rev. Prof. L. H. Mills, Oxford.
Rev. Dr. Moffatt, Broughty Ferry.

Mr. C. G. Montefiore, London.
Rev. Prof. J. H. Moulton, Manchester.
Mrs. Max Müller, Oxford.
Mr. Alfred Nutt, London.
Mr. J. Campbell Oman, London.
Prof. A. S. Peake, Manchester.
Prof. Flinders Petrie, London.
Dr. T. G. Pinches, London.
Prof. Sir W. M. Ramsay, Aberdeen.
The Rt. Hon. Lord Reay, London.
Prof. W. Ridgeway, Cambridge.
Dr. W. H. R. Rivers, Cambridge.
Rev. Dr. James Robertson, Edinburgh
Prof. W. H. D. Rouse, Cambridge.
Mr. E. E. Sikes, Cambridge.
Rev. Dr. G. A. Smith, Glasgow.
Prof. Herbert A. Strong, Liverpool.
Rev. Prof. H. B. Swete, Cambridge.
Mr. N. W. Thomas, London.
Lieut.-Col. L. A. Waddell, Hastings.
Mrs. Humphry Ward, London.
Prof. E. Westermarck, London.
Rev. Dr. Owen C. Whitehouse, Cambridge.

Со всѣми запросами по поводу конгресса обращаться къ секретарямъ:

J. Estlin Carpenter, 109 Banbury Road, Oxford.
L. R. Farnell, 191 Woodstock Road, Oxford.

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И. А. ХУДЯКОВА.

I.

Шестидесятые годы прошлаго столѣтія выдвинули въ русской литературѣ цѣлый рядъ замѣчательныхъ тружениковъ на поприщѣ изученія отечественной этнографіи и фольклора. Среди нихъ довольно видное мѣсто занималъ энергичный и даровитый юноша, собиратель и изслѣдователь русской народной поэзіи Иванъ Александровичъ Худяковъ. Дѣятельность его въ области сравнительнаго изученія народнаго творчества обѣщала много; но она прервалась въ силу внѣшнихъ причинъ. О научно-литературныхъ его трудахъ мы и намѣреваемся здѣсь сообщить на основаніи изученія всѣхъ его сочиненій, а также разныхъ матеріаловъ для его біографіи.

Недавно, въ послѣднихъ книжкахъ журнала „Историческій Вѣстникъ" за 1906 г., была напечатана автобіографія И. А. Худякова, и это избавляетъ насъ отъ обязанности сообщать его біографическій очеркъ. Мы напомнимъ здѣсь лишь самыя важныя данныя и дополнимъ нѣсколькими словами автобіографію, которая осталась написанною лишь до половины.

Худяковъ былъ по мѣсту своего рожденія сибирякъ, а по происхожденію—сынъ чиновника; отецъ его былъ человѣкъ замѣчательной энергіи, добившійся себѣ положенія лишь неусыпнымъ трудомъ—онъ былъ изъ податнаго сословія. Нашъ фольклористъ родился въ г. Курганѣ, гдѣ его отецъ тогда служилъ учителемъ уѣзднаго училища (позднѣе онъ былъ въ Тобольскѣ совѣтникомъ губернскаго правленія),—1-го января 1842 г., учился въ Тобольской гимназіи, которую окончилъ съ золотою медалью въ 1858 году, затѣмъ въ Казанскомъ

и Московскомъ университетахъ; курса высшаго образованія И. А. Худяковъ не окончилъ и остался со званіемъ домашняго учителя.

Въ направленіи интересовъ и способностей Худякова на научную область фольклора рѣшающимъ образомъ подѣйствовало общеніе съ его двумя учителями по Казанскому университету В. Г. Варенцовымъ и особенно В. И. Григоровичемъ. Варенцовъ (о немъ см. мой очеркъ въ „Русской Старинѣ“ за 1903 г. декабрь) извѣстенъ въ ученой литературѣ изданіемъ двухъ сборниковъ произведеній русской народной поэзіи (духовныхъ стиховъ и пѣсенъ Самарскаго края); отъ него Худяковъ могъ ознакомиться съ техническими пріемами записыванія народныхъ сказаній. Григоровичъ же ранѣе и самаго Варенцова, своего ученика, поставилъ на эту дорогу, а потомъ тепло отнесся и къ Худякову. Перейдя въ Москву, Худяковъ нашелъ себѣ опять замѣчательнаго наставника въ области изученія народной поэзіи и искусства,—незабвеннаго О. И. Буслаева, съ которымъ и сблизился.

Худяковъ всецѣло сосредоточился на фольклорѣ и въ этой отрасли науки усвоилъ себѣ, какъ мы ниже увидимъ, всю тогдашнюю ученую литературу. Ставши въ своемъ изслѣдованіи на *сравнительную* точку зрѣнія, Худяковъ внимательно изучалъ сборники поэтическаго творчества и русскаго, и другихъ народовъ. Затѣмъ онъ уже самъ приступаетъ въ обширныхъ размѣрахъ къ коллекціонированію русскихъ сказокъ, загадокъ, пѣсенъ, преданій и т. п.

Своими изданіями и статьями И. А. Худяковъ скоро завоевалъ себѣ большую извѣстность въ литературныхъ кругахъ и завязалъ много знакомствъ среди писателей, а также профессоровъ, прикосновенныхъ къ литературѣ и фольклору.

По настоянію своихъ ученыхъ доброжелателей, юный Худяковъ собирался экстерномъ сдать экзаменъ на кандидата и потомъ добиваться ученой степени и академической дѣятельности, но къ сожалѣнію надъ нимъ скоро грянулъ громъ—и его унесло далеко... Дѣло въ томъ, что дѣятельность Худякова скоро раздвоилась. Съ одной стороны, онъ продолжалъ служить наукѣ,—съ другой, онъ работалъ на поприщѣ революціонной политики. Эта вторая сторона его бытія скоро довела его до преждевременной гибели.

Худяковъ въ Москвѣ завязалъ сношенія съ извѣстною „Организаціею“ („Адъ“) Ишутина. Изъ среды этого ишутинскаго кружка вышелъ Д. В. Каракозовъ. Послѣ произведеннаго имъ 4-го апрѣля 1864 года покушенія раскрыта была ишутинская „Организація“, и Худяковъ попалъ подъ арестъ.

Особенно опаснымъ изъ всѣхъ ишутинцевъ казался могущественному тогда М. Н. Каткову именно Худяковъ; не называя его по имени, Катковъ громилъ его въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, обвиняя въ томъ, что онъ де вдохновлялъ Каракозова и завязалъ сношенія между русскими организаціями и интернаціоналомъ. Но Худякову удалось очиститься отъ этихъ обвиненій.

24-го сентября 1864 года былъ объявленъ приговоръ; Худяковъ стоялъ въ немъ на пятомъ мѣстѣ; о немъ приговоръ гласилъ: „домашняго учителя Ивана Худякова, не изобличеннаго въ знаніи о намѣреніи Каракозова совершить покушеніе на жизнь Священной особы Государя Императора, въ способствованіи Каракозову въ этомъ преступленіи, но уличеннаго въ знаніи о существованіи и противозаконныхъ цѣляхъ тайнаго революціоннаго общества, лишить на основаніи 3-ей части 318 статьи Уложенія о наказаніяхъ всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири“.

Во исполненіе приговора Худяковъ былъ перевезенъ въ Сибирь и поселенъ въ самой дикой мѣстности, Верхоянскомъ округѣ; одно время онъ жилъ въ селеніи Русское Устье, недалеко отъ впаденія рѣки Индигирки въ Ледовитый океанъ. Помѣщенный среди дикарей, Худяковъ сначала не терялъ духа, занимался кое-какими литературными трудами и продолжалъ фольклористическое собираніе пѣсенъ и сказокъ окружавшихъ его якутовъ, а отчасти и русскихъ, заброшенныхъ въ эту ледяную пустыню. Но скоро Худяковъ лишился разсудка; онъ былъ переведенъ въ Иркутскъ и помѣщенъ въ тамошній сумасшедшій домъ, гдѣ и скончался 26-го января 1876 года въ молодомъ возрастѣ—34 лѣтъ...

II.

Литературная дѣятельность Худякова начинается съ 1860 года, т. е. когда ему было 18 лѣтъ. Въ этомъ году онъ дебютировалъ двумя книгами, сборникомъ русскихъ народныхъ историческихъ пѣсенъ и первымъ томомъ своего замѣчательнаго сборника сказокъ.

Въ сборникѣ историческихъ пѣсенъ Худяковъ не представилъ собственныхъ записей. Онъ приводитъ лишь найденное имъ въ другихъ (печатныхъ) источникахъ; кое-что онъ беретъ у извѣстнаго *Кирши Данилова* и изъ академическаго сборника „Памятники великорусскаго нарѣчія“ (№№ XV, XXIII—XXVII). Почерпалъ Худяковъ историческія пѣсни и изъ періодическихъ изданій, какъ-то изъ „Отечественныхъ Записокъ“ (пѣсни—№№ XI и XII о татарскомъ полонѣ и

о взятіи Казани), изъ Тихонравовскихъ „Лѣтописей" (№№ XIII [1]) и XXVIII), бралъ изъ спеціальныхъ сочиненій, какъ Костомарова „Бунтъ Стеньки Разина", даже изъ „Стихотвореній" Мея—приведенное тамъ изъ устъ сибирскаго казака превосходное сказаніе „Отчего перевелись витязи на Святой Руси" (№ VIII).

При составленіи своего сборника Худяковъ руководствовался, по преимуществу, цѣлями педагогическими. Въ данномъ случаѣ онъ указываетъ на два авторитета, направившіе его въ эту сторону, а именно на В. Г. Бѣлинскаго и на своего учителя Ѳ. И. Буслаева.

Бѣлинскій совѣтовалъ давать дѣтямъ читать Киршу Данилова. Былины де заставляютъ дѣтей не резонерствовать, а чувствовать; народность же у насъ часто выпускается изъ плана воспитанія. А Буслаевъ въ своей статьѣ о народныхъ историческихъ былинахъ (вошедшей во II томъ „Лѣтописей" Тихонравова) выяснилъ ихъ національное значеніе. Былины связывали одно поколѣніе народа съ другимъ; для насъ онѣ служать единственнымъ и самымъ популярнымъ средствомъ къ поддержанію и укрѣпленію народныхъ силъ, развитыхъ исторіею.

Эти идеи Бѣлинскаго и Буслаева навели Худякова на мысль утилизировать народныя историческія пѣсни въ цѣляхъ воспитанія дѣтей интеллигенціи и составить не только книжку для дѣтскаго чтенія, но и нѣчто вродѣ книги для первоначальнаго знакомства съ русской исторіею. Поэтому пѣсни расположены у Худякова по сюжетамъ въ ихъ порядкѣ хронологическомъ. Всего у Худякова сопоставлено 28 пѣсенъ, изъ которыхъ, правда, около трети не строго историческія—а именно о Волхвѣ Всеславьевичѣ, о Соловьѣ Будимировичѣ, Васильѣ Буслаевичѣ (поѣздка молиться), о прекращеніи витязей, объ Ильѣ Муромцѣ (поѣздка въ Кіевъ), наконецъ двѣ былины о Садкѣ. Послѣдняя въ сборникѣ Худякова пѣсня—о французѣ („Французъ съ арміей валитъ") въ 1812 году. Грозному отведено четыре пѣсни, а Петру Великому пять. Бросается въ глаза, что народнымъ волненіямъ и революціямъ (Стенькѣ Разину и воровскимъ казакамъ) предоставлено тоже пять пѣсенъ.

Кромѣ выбора Худяковъ принялъ на себя въ своемъ сборникѣ, такъ сказать, редакціонную работу, а именно онъ выкидывалъ стихи, неприличные для дѣтскаго чтенія, сглаживалъ провинціализмы и дѣлалъ необходимыя для уразумѣнія примѣчанія.

---

[1]) На стр. 112 опечатка XII вм. XIII.

Извѣстный педагогъ и составитель хрестоматіи А. Филоновъ въ своей статьѣ „Русская народная поэзія", посвященной цѣлому ряду изданій народной словесности (Варенцова „Духовные стихи", Безсонова „Калѣки перехожіе", Якушкина „Пѣсни" въ „Отечественныхъ Запискахъ" за 1860 г., первый томъ былинъ Рыбникова, два выпуска пѣсенъ Кирѣевскаго, четыре выпуска сказокъ Аѳанасьева, два тома сказокъ Худякова и его же историческія пѣсни) и помѣщенной въ „*Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*" за 1861 г., т. III, отдѣлъ III, критика и библіографія, о сборникѣ историческихъ пѣсенъ Худякова произноситъ весьма строгое сужденіе (стр. 36—38).

Сборникъ историческихъ пѣсенъ Худякова, говоритъ Филоновъ, не имѣетъ никакого ученаго значенія; составитель его помѣстилъ въ своемъ собраніи пѣсни, напечатанныя уже другими; болѣе половины своей книжки онъ взялъ у Кирши... своего ничего нѣтъ. И при отсутствіи собственнаго труда сборникъ имѣлъ бы смыслъ, если бы составитель его воспользовался всѣми вышедшими въ свѣтъ пѣснями историческими; но такъ не сдѣлано. Былинъ, записанныхъ Джемсомъ нѣтъ; пѣсенъ Якушкина про Алексѣя Михайловича нѣтъ; пѣсни про Стеньку, гдѣ онъ называется тумою (т. е. чумою) приражено, изъ тумъ тумою, злодѣемъ,—не помѣщенной у Костомарова, и находящейся въ „Русской Старинѣ" 1826 г., нѣтъ: чрезъ такое опущеніе сборникъ потерялъ весьма много въ глазахъ занимающихся народною поэзіею. Въ пѣсни Ксеніи, напримѣръ, передается фактъ историческій, и однако, она не помѣщена въ сборникѣ „историческихъ пѣсенъ". Нельзя не признать упреки Филонова основательными. Что касается Стеньки, то онъ для Худякова былъ героемъ, достойнымъ подражанія, и въ позднѣйшихъ своихъ работахъ Худяковъ станетъ увѣрять, будто бы народъ до сихъ поръ съ любовью вспоминаетъ о Стенькѣ, т. е. еще сохранилъ де въ себѣ революціонный духъ.

III.

Совершенно иной характеръ, чѣмъ сборникъ историческихъ пѣсенъ, носитъ другой сборникъ Худякова, „Великорусскія сказки". Всѣ сказки этого сборника (въ первый томъ вошло 37 народныхъ сказокъ, 2 саги и разсказъ о вѣдьмѣ, всего 40 пьесъ), говоритъ Худяковъ въ предисловіи, записаны лично мною въ губерніяхъ Казанской, Тамбовской и въ селѣ Жолчинѣ Рязанской губерніи и уѣзда. Только № 30 записанъ и сообщенъ Мельковымъ въ Тобольскѣ. Въ Жолчинѣ особено хорошимъ пособникомъ Худякову оказался отставной унтеръ-

офицеръ Антонычъ (и про вѣдьму онъ разсказывалъ изъ своихъ личныхъ воспоминаній). Въ Жолчинѣ же Худякова поразило народное суевѣріе: при немъ одна баба валялась на могилѣ только-что похороненнаго родственника, кричала и просила его летать къ ней „змѣемъ".

Лучшими сказками въ первомъ выпускѣ самъ Худяковъ считалъ: „Мужикъ и Настасья Адовна", „Иванъ Дорогокупленный", „Иванъ Царевичъ и Марья Маревна"—и сагу о русскомъ. Наоборотъ, сказку № 35 „Аполлонъ воръ и Бова Королевичъ" Худяковъ считаетъ имѣющею книжное происхожденіе.

Изданіе сборника приняли на своей счетъ К. Солдатенковъ и Н. Щепкинъ. Вѣроятно, Худяковъ не предполагалъ продолжать свой сборникъ, ибо нигдѣ не отмѣчено, что это только первый выпускъ сказокъ. „Подробные комментаріи будутъ сообщены впослѣдствіи", пишетъ Худяковъ въ своемъ предисловіи; „нѣкоторыя (?) обстоятельства не позволяютъ печатать многія интересныя сказки изъ нашего собранія": повидимому, собиратель здѣсь намекаетъ на цензуру, которая въ то время точно очень строго относилась къ народнымъ преданіямъ. Цензировали книжки Худякова нѣкій А. Петровъ и извѣстный Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. Въ сказкѣ объ Иванѣ Царевичѣ и Марьѣ Маревнѣ, между 84—85 страницами, дѣйствительно, какъ будто замѣтны слѣды перепечатки страницъ. Предисловіе датировано 10-го сентября 1860 года.

Второй выпускъ „Великорусскихъ сказокъ" Худякова (съ обозначеніемъ уже нумера книжки) вышелъ въ Москвѣ же на средства тѣхъ же издателей въ слѣдующемъ 1861 году. Предисловіе датировано 15-го января 1861 года. Вошли во второй выпускъ №№ 41—80 (опять всего 40 сказокъ). Всѣ эти 40 сказокъ записаны лично самимъ Худяковымъ въ с. Мишинѣ Зарайскаго уѣзда, Рязанской губерніи, за исключеніемъ №№ 64 и 78, записанныхъ въ Жолчинѣ. Въ своемъ короткомъ предисловіи Худяковъ приноситъ благодарность за обязательное содѣйствіе „ея превосходительству" В. И. Протасовой, владѣлицѣ Жолчина, и гг. Межениновымъ, владѣтелямъ Мишина (за помощь въ матеріальномъ отношеніи). Посильные комментаріи Худяковъ опять обѣщаетъ издать особо—и не издалъ ихъ вовсе. Лучшею сказкой—онъ въ этомъ выпускѣ считаетъ „Анастасію Прекрасную", а № 80, о Соломонѣ, по его мнѣнію, кажется, книжнаго происхожденія. Варіанты сказокъ (въ томъ числѣ изъ Казани) Худяковъ въ этомъ выпускѣ приводитъ подъ строкою.

Третій выпускъ вышелъ уже въ Петербургѣ, въ 1862 году безъ

обозначенія издателей и цензора. Въ этотъ выпускъ вошли всего 42 сказки (№№ 81—122); предисловіе (опять короткое) датировано 24-го августа 1862 г., т. е. по прошествіи болѣе, чѣмъ полутора года послѣ второго выпуска. Сказки этого выпуска большею частію записаны лично въ городѣ Рязани, въ Зарайскомъ уѣздѣ, селѣ Плуталовѣ и въ селѣ Котовкѣ Нижегородской губерніи, Ардатовскаго уѣзда; но есть сказки и изъ Жолчина, городовъ Москвы, Казани, изъ Сызранскаго уѣзда, изъ Тамбовской и Орловской губерній. Изъ этихъ указаній видимъ мы, что Худяковъ постоянно переѣзжалъ изъ одной мѣстности въ другую—въ цѣляхъ и пропаганды, и фольклора. Четыре сказки записаны и сообщены С. И. Бочарниковымъ въ Зарайскѣ. Варіанты изъ тѣхъ же мѣстностей или изъ другихъ (напр. сельца Хорошилова Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, см. стр. 81) приведены подъ строкой; есть варіанты, взятые изъ печатныхъ источниковъ: изъ Тихонравовскихъ „Лѣтописей" и изъ „Вѣстника Географическаго Общества".

Для миѳологіи (объ этихъ миѳологическихъ увлеченіяхъ Худякова мы скажемъ ниже), говоритъ собиратель, особенно замѣчательна сказка № 108, „Луна и звѣзды". № 121 „Иванъ Косыревъ" походитъ на Рыбниковскую былину о передачѣ Святогоромъ своей силы Ильѣ Муромцу. № 111 „Ванюша" походитъ на „Конька-Горбунка" Ершова.

Всего любопытнѣе то обстоятельство, что Худякову въ Нижегородской губерніи, въ селѣ Котовкѣ удалось разыскать первообразы пушкинскихъ сказокъ, которыя разсказывала Худякову старушка Ольга Степановна Котышева. Варіанты къ нимъ нашлись въ Ишимѣ—въ Сибири. Таковы № 95 „Батракъ", передѣланный въ „Балду", и № 112 „Иванъ Премудрый" („Царь Салтанъ" у Пушкина).

Къ этому сборнику Худякова критика отнеслась болѣе одобрительно. Анонимный обозрѣватель „Отечественныхъ Записокъ" (1861 г., т. 134, февраль, критика, стр. 110—111, „Литература прошедшаго года") говоритъ о первомъ выпускѣ сказокъ, что этотъ сборникъ не теряетъ интереса и послѣ сборника Аѳанасьева. Онъ де служитъ драгоцѣннымъ доказательствомъ того, что народная фантазія и до сихъ поръ еще не потеряла своей творческой силы, хотя это творчество уже далеко ниже прежняго, непосредственнаго творчества эпическаго періода. Въ этомъ отношеніи замѣчательна особенно „Сага о русскомъ", въ которой описано бѣгство русскаго изъ черкесскаго плѣна. Здѣсь сохранено много старинныхъ повѣрій, напримѣръ, о возможности понимать языкъ животныхъ, которую герой сказки пріобрѣлъ, съѣвши

змѣиной каши. Слѣды новѣйшаго времени видны почти въ каждой сказкѣ (упоминаніе о театрахъ, трактирахъ, просьба Ивана Царевича за завѣтную чашечку показать бѣлую ножку); особенно любопытны сказки, переданныя Жуковскимъ („Царь Берендей", „Иванъ Царевичъ и перстень") и Пушкинымъ („О рыбакѣ и рыбкѣ", „Заколдованная липка").

Правда, Филоновъ, въ своей уже цитированной статьѣ разбирая первые два выпуска сказокъ Худякова, судитъ о нихъ строже, чѣмъ обозрѣватель „Отечественныхъ Записокъ". Сказки Худякова, говоритъ Филоновъ, будучи чрезвычайно любопытны по своему содержанію и цѣнны по превосходному языку, не имѣютъ достоинства учснаго: въ нихъ нѣтъ никакихъ объясненій и примѣчаній. Сказки Худякова онъ рекомендуетъ для чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ авторъ вездѣ разсказываетъ ихъ не мѣстнымъ провинціальнымъ говоромъ (что соблюдается у Аѳанасьева), а обыкновеннымъ сказочнымъ прекраснымъ языкомъ (стр. 29).

IV.

Учась въ Московскомъ университетѣ и слушая лекціи Буслаева, Худяковъ подъ вліяніемъ своего учителя сталъ поклонникомъ миѳологическаго метода объясненія произведеній народнаго творчества. Миѳологія же этой поры пыталась выводить первобытную религію изъ поклоненія небеснымъ свѣтиламъ. Такая „небесная" миѳологія стала конькомъ и у Худякова; и онъ всюду и кстати и некстати сталъ въ народныхъ преданіяхъ отыскивать явленія природы, особенно явленія небесныя. Сейчасъ мы дадимъ образчикъ этихъ миѳологическихъ увлеченій нашего автора.

Статья И. А. Худякова „По поводу двухъ выпусковъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго, изданныхъ Обществомъ Любителей Россійской Словесности", датированная „Москва, 10-го февраля" („Московскія Вѣдомости" за 1861 г. № 44, 23-го февраля 1861 г.) имѣетъ задачею не столько обсужденіе достоинствъ и недостатковъ изданія Кирѣевскаго, сколько желаніе по поводу новыхъ и цѣнныхъ матеріаловъ высказать свои собственныя соображенія и безграничную, чуть не до абсурда доходящую, преданность миѳологической теоріи; притомъ онъ хотѣлъ и защититься противъ нѣкоторыхъ рецензій на свои собственныя изданія. Передадимъ вкратцѣ содержаніе этой статьи, крайне характерной для ея юнаго автора (19 лѣтъ).

Худяковъ начинаетъ съ указанія на то, что въ обществѣ значи-

чительно поднялся интересъ къ памятникамъ народной поэзіи. Многое печатается, а еще болѣе, говоритъ авторъ, заготовляется для болѣе благопріятныхъ, не зависящихъ отъ насъ обстоятельствъ. Опять онъ отмѣчаетъ здѣсь, вѣроятно, цензурный гнетъ, тяготѣвшій надъ народной музой.

Сейчасъ же онъ переходитъ и къ сужденіямъ pro domo sua. Взгляды публики не глубоки. Неспеціалисты, ссылаясь на нѣкоторыя слова, вродѣ „гостинница“, попадающіяся въ Худяковскихъ записяхъ, готовы назвать сказку выдумкой и приписать ей недавнее происхожденіе; нѣкоторыя наши сказки суть будто бы только позднѣйшія выдумки для шутки (см. рецензію „Вѣка“ отъ 6-го января). Худяковъ старается защитить древность сообщенныхъ имъ сказокъ, подбирая изъ хорошо извѣстной ему литературы предмета многочисленные варіанты тѣхъ же сказокъ у другихъ индоевропейскихъ народовъ.

Вообще, по мнѣнію Худякова, нѣтъ выдуманныхъ народныхъ сказокъ: можно де выдумать разсказъ, а не сказку. Народъ не сталъ бы вѣрить въ то, что онъ самъ же выдумалъ, разсказчики не вѣрили бы въ свои сказки. Твердая же вѣра простолюдиновъ въ сказки именно и доказываетъ то, что онѣ не выдуманы.

Затѣмъ Худяковъ переходитъ къ своему излюбленному коньку. Въ основѣ сказки всегда лежитъ *быль*, но быль не историческая, а миѳологическая. Самыя нелѣпыя странности сказокъ при разъясненіи ихъ миѳическаго смысла оказываются основанными на фактахъ.

Поразительное сходство чисто народныхъ сказокъ у индоевропейскихъ народовъ доказываетъ, что онѣ произошли въ тѣ еще времена, когда предки индоевропейцевъ составляли одинъ народъ арійцевъ. Это была эпоха, когда человѣкъ еще не отдѣлялъ себя отъ внѣшней природы, когда для него не было доступно пониманіе законовъ въ мірѣ: все, на его взглядъ, двигалось по собственной волѣ, могло превращаться, говорить; не полагалъ человѣкъ разницы между собою и животными, растеніями, даже камнями; солнце, небо онъ считалъ за боговъ (т. е. богатыхъ, предупредительно поясняетъ нашъ авторъ).

Сказки составлены въ это время, и потому онѣ суть разсказы объ явленіяхъ природы, а не о дѣятеляхъ историческихъ. Понятія народа впослѣдствіе измѣнялись въ силу историческихъ обстоятельствъ, и сказки стали дѣлаться непонятными; разсказчики начали прибавлять къ нимъ свои комментаріи. Теперь сказка есть: основной миѳъ, да къ нему еще прибавленъ цѣлый рядъ народныхъ комментаріевъ. Разсказывая нынѣ свои миѳы въ сказкахъ, народъ самъ не замѣчаетъ

того, что къ миѳамъ прибавлена имъ еще цѣлая своеобразная исторія этихъ миѳовъ.

Къ столь же древней эпохѣ надо отнести и созданіе былинъ, которыя суть миѳологическія пѣсни и составлены изъ тѣхъ же элементовъ, что и сказки. Въ противоположность Мею, Шевыреву и даже Буслаеву Худяковъ полагаетъ, что былины не выдумки: въ основѣ ихъ—не какая-либо олицетворенная мысль, а фактъ.

Для подтвержденія этого своего мнѣнія Худяковъ и обращается къ изданію Кирѣевскаго. Факты, разсматриваемые въ 1-мъ выпускѣ,—всѣ миѳологическіе, и мотивы ихъ—общіе сказкамъ индоевропейскихъ народовъ. Илья Муромецъ—не историческая личность: его военные подвиги, будь они совершены во время Владиміра Святого, были бы занесены въ лѣтописи. Но лѣтописи молчатъ о тѣхъ его подвигахъ, про которые разсказываютъ пѣсни. Связь исторіи съ пѣснями поддерживается только *именами*. Но имена имѣютъ лишь значеніе извѣстности въ массѣ; если же имъ давать историческое значеніе, то мы легко попадемъ въ нелѣпость, благодаря анахронизмамъ и географическимъ несообразностямъ (см. напр., дороги богатырей).

Далѣе Худяковъ приступаетъ къ объясненію миѳовъ, скрытыхъ въ богатырскихъ былинахъ, и окончательно увязаетъ въ дебряхъ миѳологіи,—выказывая, впрочемъ, большую эрудицію въ подборѣ аргументовъ этимологическихъ, этнографическихъ и т. п.

Илья Муромецъ въ былинахъ замѣнилъ собою Илью Пророка, при введеніи христіанства ставшаго на мѣсто Перуна. Послѣдній же есть божество грома и неба, какъ греческій Зевсъ, финскіе Укко и Юмала (отъ юма—громъ).

А что Пророкъ замѣненъ Муромцемъ явствуетъ, между прочимъ, и изъ того, что у Мурома, гдѣ якобы родился богатырь, и гдѣ есть родникъ отъ удара копытомъ его коня, часовня—не во имя печерскаго угодника, а во имя пророка Иліи.

Итакъ добродушный русакъ-мужикъ Илья оказывается у Худякова солнцемъ, божествомъ неба. Далѣе слѣдуетъ разборъ его свойствъ (атаманъ, старикъ: вѣдь и Укко въ мадьярской формѣ agg — старикъ—и т. д.).

Мы не можемъ передавать здѣсь въ подробности всѣ миѳологическія причуды Худякова; остановимся только на нѣкоторыхъ.

Путемъ разныхъ этимологизацій, перестановокъ и подстановокъ значенія выходитъ, что сильная и живая вода былинъ есть утренняя роса; въ преданіяхъ ее приносятъ на разсвѣтѣ. Роса падаетъ по утру

и высыхаетъ; этому соотвѣтствуетъ выпиваніе сильной воды, вырываніе лѣса и т. д.

Калиновый мостокъ есть заря (отъ слова *калить*, представленіе огня): то же обозначаютъ и рѣка Дунай, рѣка Смородина,—огненная рѣка.

Соловьева дочь, перевозчица на Дунаѣ-рѣкѣ, есть тоже заря; поэтому Илья, переѣхавъ рѣку, и убилъ ее, т. е. при появленіи солнца заря скрылась.

Соловей-разбойникъ это—ночь. Дубы, на которыхъ онъ сидитъ, звѣзды. Стрѣлы каленыя—лучи солнца (тоже отъ калить). Много остроумія и знаній потрачено Худяковымъ на эти сомнительныя открытія.

И во II выпускѣ изданія Кирѣевскаго, о Добрынѣ, по мнѣнію Худякова, историческаго только имена. Добрыня есть не болѣе и не менѣе, какъ... тоже солнце. Онъ родился будто бы на разсвѣтѣ, а къ разсвѣту Худяковъ пришелъ отъ возмутившейся при рожденіи Добрыни воды. Мать Добрыни есть и его жена, а другими словами, она же—и заря, а потому имя ей Забава (заря—дѣвица красная, а дѣвицы корень *діє* значитъ играть). То обстоятельство, что Добрыня изрубилъ еретицу-Маринку, напоминаетъ Худякову, что Индра-солнце у индусовъ побѣдилъ Зорю. Трое богатырей, часто встрѣчающіеся вмѣстѣ, Илья, Добрыня, Алеша соотвѣтствуютъ тремъ греческимъ божествамъ, существующимъ вмѣстѣ: Зевсу, Аполлону, Аѳинѣ. Добрыня, какъ солнце, переѣхавъ утреннюю зарю, вечеромъ въ ней же утонулъ, по объясненію Худякова, отожествляющаго и зарю, и рѣку, и красную дѣвицу и т. п. Окончаніе статьи Худякова производитъ невыгодное впечатлѣніе безшабашностью сближеній и выводовъ. Впрочемъ, съ такою откровенностію онъ потомъ уже рѣдко высказывался.

V.

Съ тѣми же миѳологическими увлеченіями, уже отмѣченными, встрѣтимся мы у Худякова въ изданныхъ имъ двухъ сборникахъ *загадокъ*. Загадки показались ему особенно удобною почвою для установки любимыхъ своихъ теорій.

При составленіи перваго своего, малаго сборника „Великорусскихъ загадокъ“ Худяковъ пользовался, преимущественно, собственными записями, но также присоединилъ къ своему собранію и загадки, опубликованныя ранѣе другими и разбросанныя по разнымъ книгамъ и изданіямъ; такъ взяты нѣкоторыя загадки изъ „Сказаній русскаго

народа“ И. П. Сахарова, 20 загадокъ изъ „Пермскаго Сборника“ и нѣсколько загадокъ изъ I выпуска „Этнографическаго Сборника“, также изъ „Маяка“ за 1842 г. т. VI, кн. XI, гл. III. Самъ Худяковъ собиралъ загадки въ слѣдующихъ мѣстахъ (стр. 9): въ Москвѣ, Казани, въ извѣстныхъ уже намъ сельцѣ Хорошиловѣ, Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, селахъ Жолчинѣ Зарайскаго уѣзда, Рязанской губерніи.

Загадки расположены въ этомъ сборникѣ Худякова въ алфавитномъ порядкѣ ихъ отгадокъ (напр. первая—*А*мбарушка, послѣдняя, 701-ая—*э*хо). Всего вошло въ сборникъ 731 загадка: съ № 702-го до 731-го идутъ загадки въ дополнительномъ алфавитѣ.

Примѣчанія позади текста имѣютъ цѣлію либо привести, либо только указать подходящіе варіанты загадокъ великорусскіе, малорусскіе, нѣмецкіе, литовскіе и др.

При сравнительномъ изученіи загадокъ Худяковъ опять выказываетъ обширныя знанія въ области спеціальной фольклористической литературы. Такъ, кромѣ сочиненія Фридриха, Geschichte des Räthsels и сборника сказокъ братьевъ Гриммовъ, Арнима и Брентано, кромѣ трудовъ Буслаева, Пыпина (о повѣстяхъ и сказкахъ), Снѣгирева „Русскіе простонародные праздники“, Худякову хорошо извѣстны сборники нѣмецкихъ сказокъ Вольта, Хальтрейха, Хаупта и Шмалера, „Пѣсни вендовъ“, Шлейхера; сборникъ литовскихъ сказокъ, поговорокъ, загадокъ и пѣсенъ Сементовскаго, Малорусскія и галицкія загадки и т. д.

Въ небольшомъ введеніи Худяковъ устанавливаетъ свою точку зрѣнія на загадки и приводитъ нѣкоторыя собственныя общія о нихъ наблюденія. И здѣсь Худяковъ строго держится миѳологической школы, полагая, что загадки необходимы для разъясненія народной миѳологіи. Загадка заключаетъ въ себѣ или полный миѳъ, или хоть намекъ на него. Правда, не ко всякой великорусской загадкѣ можно подыскать параллельную ей у другихъ народовъ; однако, нельзя сомнѣваться въ древности ихъ общаго индоевропейскаго происхожденія. Затѣмъ Худяковъ указываетъ на то, что загадки входили и въ нѣкоторыя произведенія древней письменности (напр., въ повѣсти о купцѣ Басаргѣ, Несмѣянѣ и Борзомыслѣ); за то 35 загадокъ, имѣющіяся въ „Письмовникѣ“ Курганова, повидимому, не русскаго, а скорѣе, нѣмецкаго происхожденія. Загадки часто входятъ, какъ составная часть, въ другія произведенія народной словесности, напримѣръ, въ *сказки* и пѣсни; есть сказки, основанныя на загадкахъ (напр. „Семилѣтка“).

Нѣкоторыя загадки имѣютъ не одну, а по двѣ и по три разгадки. Таковы, особенно, загадки двусмысленныя, допускающія и приличную, и неприличную отгадку.

Второй, обширный сборникъ загадокъ былъ изданъ Худяковымъ черезъ три года послѣ перваго. Хотя мы и обозрѣваемъ учено-литературную дѣятельность Худякова въ хронологическомъ порядкѣ ея развитія, но чтобы потомъ для сравненія не возвращаться назадъ, къ первому сборнику, разсмотримъ теперь же и второе собраніе загадокъ—въ „Этнографическомъ Сборникѣ". Это изданіе загадокъ въ „Этнографическомъ Сборникѣ" не имѣетъ ничего общаго съ первымъ изданіемъ Худякова, хотя библіографы постоянно смѣшиваютъ оба изданія, считая, повидимому, первое изданіе отдѣльнымъ оттискомъ изъ „Этнографическаго Сборника".

VI т. „Этнографическаго Сборника" былъ изданъ Географическимъ обществомъ подъ редакціей Н. В. Калачева и В. В. Стасова. Изъ предисловія (стр. IV) мы узнаемъ, что при Императорскомъ Географическомъ обществѣ уже имѣлся большой (до 2.000) сборникъ загадокъ, составленный еще И. И. Срезневскимъ, а затѣмъ расширенный и дополненный В. И. Ламанскимъ и И. А. Худяковымъ.

Самъ Худяковъ (стр. 33) указываетъ, что въ его сборникъ поступило всего только около 530 совершенно новыхъ загадокъ или новыхъ варіантовъ изъ матеріаловъ Географическаго общества. За то собиратель соединилъ вмѣстѣ загадки, напечатанныя ранѣе въ разныхъ книгахъ, журналахъ и газетахъ (тамъ же см. списокъ ихъ); къ этому онъ прибавилъ болѣе 100 загадокъ, вновь собранныхъ имъ самимъ (въ первомъ изданіи было до 200 новыхъ), да около 50 далъ ему землякъ, сибирякъ Г. Н. Потанинъ. Такимъ образомъ всего напечатано Худяковымъ на этотъ разъ уже 1694 загадки; №№ 1695—1705, составившіе „прибавленіе", были записаны самимъ собирателемъ въ с. Бедишевѣ Тамбовской губерніи, Темниковскаго уѣзда и опять-таки въ селѣ Котовкѣ Ардатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Такимъ образомъ, по мнѣнію Худякова, его сборникъ является исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ изысканій.

И здѣсь загадки расположены въ алфавитномъ порядкѣ; всѣ варіанты приведены подъ тѣмъ же нумеромъ; разгадки тутъ же. Загадки занимаютъ страницы 35—128. Первыя 34 страницы заняты изслѣдованіемъ.

Изслѣдованіе Худякова о загадкахъ, предпосланное текстамъ, распадается на 3 главы: I—значеніе загадокъ въ народномъ быту и поэзіи.

(1—11 стр.), II—народная загадка, какъ форма поэзіи (стр. 11—21)— и III—главные періоды развитія великорусской загадки (стр. 21—34). Изслѣдованіе датировано: Петербургъ, 25-го мая 1863 года.

Загадки существуютъ у всѣхъ народовъ и съ самаго давняго времени. Въ Библіи Самсонъ задаетъ загадки филистимлянамъ. У евреевъ загадка имѣла правильный размѣръ и аллитерацію. У семитовъ знаніе загадокъ считалось премудростью, и не отгадавшій платилъ деньги.

У грековъ загадки фигурируютъ въ разсказахъ о сфинксѣ и Эдипѣ, Гомерѣ, Эзопѣ, Клеобулѣ. У скандинавовъ загадки—тоже признакъ мудрости, какъ видно изъ Эдды. То же и въ персидской Шахъ-наме. У германцевъ загадками испытывали странниковъ, искавшихъ гостепріимства; загадка примѣнялась, и какъ средство для прощенія и помилованія. У насъ то же въ сказкѣ о Семилѣткѣ.

Загадка служитъ и средствомъ къ заключенію брака. Въ народномъ бытѣ загадка играетъ замѣчательную роль при свадьбахъ: такъ въ Псковской губерніи не впускаютъ поѣзда женихова въ избу, пока не разгадаютъ загадокъ. Въ Ярославской губерніи „продавецъ“ невѣсты уступаетъ свое (жениxово) мѣсто дружкѣ за разгадки. У забайкальскихъ бурятъ собираются послѣ обѣда у новобрачныхъ играть въ загадки.

По формѣ своей загадки бываютъ двухъ родовъ: онѣ либо состоятъ изъ одного вопроса, либо представляютъ описаніе характеристическихъ свойствъ предмета. Такъ какъ иная черта подходитъ не къ одному предмету, то, какъ сказано выше, иногда и разгадокъ на одну загадку бываетъ по нѣскольку.

Обыкновенно загадки имѣютъ вѣрный размѣръ и риому. При описаніи свойствъ допускается подчасъ особенное словопроизводство (зѣвало, сморкало, живулечка, ходяка и т. д.). Аллитерація и риема, преимущественно, пользуются собственными именами (Софья—сохнетъ, Фофанъ—вкопанъ). Риема бываетъ на й (утка—крякнй, берегъ—звякнй (вмѣсто крякнетъ, звякнетъ).

Загадка относится къ эпосу и проникнута тѣмъ же міросозерцаніемъ; ближе всего она по объему къ пословицѣ, но она тѣсно связана съ другими частями эпоса. Большія загадки часто похожи на сказки или пѣсни.

Благодаря обмѣну мыслей между народами съ древнѣйшихъ временъ, загадки получили громадное распространеніе. Загадки нѣмецкія ближе къ загадкамъ западныхъ славянъ, а не къ русскимъ; русскія же

ближе къ литовскимъ и финскимъ. Мордовскія загадки заимствованы у русскихъ; чувашскія загадки и загадки эстовъ съ острова Эзеля указываютъ на какое-то міросозерцаніе совершенно особенное.

Загадки по своему содержанію представляютъ собою народную науку, циклъ свѣдѣній о предметахъ, наиболѣе интересныхъ для народа: о физическихъ явленіяхъ, о предметахъ естественной исторіи и народнаго быта.

Самаго древняго происхожденія (ихъ немного)—это драгоцѣнныя миѳологическія загадки, заключающія въ себѣ миѳы съ ихъ объясненіемъ—разгадкою. Эти загадки близки между собою у разныхъ народовъ, благодаря ихъ общему индоевропейскому родству.

Гораздо многочисленнѣе, чѣмъ указанныя,—это загадки бытовыя; впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ образовались изъ миѳологическихъ. Бо̀льшая часть загадокъ о предметахъ быта произошла уже во времена историческія.

Съ введеніемъ христіанства и письменности началось непосредственное проникновеніе въ народъ книжныхъ загадокъ. Въ древне-русской литературѣ ихъ не мало (повѣсти о купцѣ Басаргѣ, объ Аполлонѣ Тирскомъ, сказка о Соломонѣ, Слово о злыхъ женахъ). Очень богата наша старая литература загадками о религіи (вопросы св. Варѳоломея, Іоанна Богослова о живыхъ и мертвыхъ, слово св. праведнаго Іоанна Ѳеолога, Бесѣда трехъ святителей.

Подъ вліяніемъ древней письменности составлялись стихи о двѣнадцати числахъ и о Голубиной книгѣ. Голубиную книгу Худяковъ считаетъ чисто миѳологическою съ позднѣйшими христіанскими подмѣсями, а названіе ея производитъ отъ слова *голубой*, цвѣтъ небеснаго свода (!).

Въ XVIII столѣтіи къ намъ проникаютъ уже совсѣмъ другія загадки—въ „Письмовникъ" Курганова, „Сто одна загадка", М. 1790, въ стихахъ, „Увеселительныя загадки съ нравоучительными отгадками" М. 1781, „Загадки" В. Лёвшина и др.

Подъ вліяніемъ ихъ и въ народѣ создаются свои загадки, похожія на западно-европейскія.

Первый началъ съ научной цѣлью собирать загадки И. П. Сахаровъ. Въ „Сказаніяхъ русскаго народа" помѣщено болѣе 200 загадокъ.

Мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь тѣ сужденія, какія высказываетъ о сборникѣ Худякова Д. Садовниковъ, издавшій самый полный и лучшій сборникъ этого рода народной поэзіи: „Загадки рус-

скаго народа", С.-Пб. 1875. Сравнивая изданіе Худякова со сборниками Сахарова и Даля, Садовниковъ въ своемъ предисловіи къ загадкамъ (стр. III) выражается такъ. Въ расположеніи загадокъ Сахаровъ не держался иной системы, кромѣ нумераціи; Худяковъ и Даль, обладавшіе уже значительнымъ матеріаломъ, разошлись въ тѣхъ цѣляхъ, для которыхъ собирали: Худяковъ, видимо, увлекся исключительно филологіей, упуская изъ виду другое, болѣе важное значеніе загадокъ,—въ исторіи культуры—и расположилъ собранное въ алфавитномъ порядкѣ; Даль смотрѣлъ на всѣ плоды народнаго творчества, какъ на полное отраженіе народной жизни—и размѣстилъ загадки заодно съ пословицами въ группы. И то, и другое имѣло свои неудобства: у перваго можно было сразу найти любую загадку, но не вынести ничего цѣльнаго; у второго наоборотъ. Въ первомъ изданіи Худяковскихъ загадокъ варіанты были отнесены въ примѣчанія, во второмъ они заняли надлежащее мѣсто въ текстѣ съ указаніемъ мѣстности, гдѣ записаны; у Даля же послѣднее не было означено, ни въ словарѣ, ни въ пословицахъ.

Самъ Садовниковъ смотрѣлъ на дѣло такъ (стр. IV): „приходилось внести значительный вкладъ отъ себя и разбить весь матеріалъ, разбросанный въ печати, на группы, по однороднымъ предметамъ и въ строгой послѣдовательности перехода отъ конкретнаго къ отвлеченному. Цѣль ставилась такая: выяснить группировкой загадокъ бытовую обстановку и міровоззрѣніе русскаго земледѣльца, затѣмъ дать читателю возможность найти любую изъ нихъ въ приложенномъ отдѣльно алфавитномъ указателѣ"... Размѣщеніе загадокъ по группамъ предметовъ представляло не разъ довольно большія трудности и было причиной устраненія значительнаго числа вопросовъ въ особые отдѣлы. Для образца возьмемъ первую же группу загадокъ по Садовникову (стр. 1—13)—„Жилище". Она распадается на такіе „предметы": топоръ, клинъ, долото, пила, коловоротъ, алмазъ, изба, уголъ у избы, бревна и мохъ, мохъ, бревно, щель въ бревнѣ, замазка, щели, бревна и матица, матица, накатъ на матицѣ, полъ и потолокъ, окна, оконные рамы, волоковое окно, подъемное окно, оконное стекло, ставни, болтъ, морозъ и ставень, стекла и щели, дверь и т. д. (всего 119 нумеровъ загадокъ; при многихъ есть еще варіанты).

На Худяковскіе сборники у Садовникова есть еще ссылки въ примѣчаніяхъ, стр. 314, №. 110, стр. 321, №. 1039, стр. 323, №. 1830, стр. 326, №. 1811, стр. 328, №. 2028; стр. 329, №. 2212, стр. 331, №. 2419. Здѣсь содержатся либо поправки, либо дополненія къ ма-

таріаламъ и взглядамъ Худякова (напр., приводится его этимологія: король Лукичъ,—по Худякову, Литвичъ).

VI.

Педагогическіе интересы, руководившіе Худяковымъ при составленіи его перваго сборника историческихъ пѣсенъ, не покидали его и потомъ. Онъ задумалъ составить книжку для народнаго чтенія—стремленіе, неоднократно въ шестидесятые годы высказываемое и нашедшее себѣ выраженіе въ трудахъ В. Г. Варенцова, Н. Ф. Щербины („Пчела") и другихъ. Свой сборничекъ для народнаго чтенія Худяковъ озаглавилъ „Русская Книжка". Цѣна ей была назначена возможно низкая для такой хрестоматіи—25 копѣекъ за книжку въ 11 печатныхъ листовъ.

„Русская Книжка" состоитъ, по замыслу составителя, изъ двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ первый заключаетъ въ себѣ произведенія народныя, а второй содержитъ подходящія для чтенія народу произведенія словесности искусственной. Первый отдѣлъ въ свою очередь разбитъ на шесть маленькихъ подотдѣловъ, а именно: сказки, пословицы, загадки, пѣсни, присказки о городахъ и народахъ, былины.

Въ I группѣ всего 5 сказокъ: „Сосватанныя дѣти" (стр. 1—4), „Семилѣтка" (4—7), „Овца, лиса и волкъ" (7—8), „Орелъ и птицы" (8—11), „Каково птицамъ жить на морѣ"—сказка, „стихомъ изложенная" (11—12); почти всѣ сказки изъ животнаго эпоса.

Подъ № II сгруппированы пословицы вокругъ четырехъ понятій: честь (стр. 13), слово (13—14), умъ (14—15), ханжество (15).

Въ III группѣ приведены загадки (ихъ отгадки даны подъ строкою въ примѣчаніяхъ), всего 77 штукъ (стр. 16—24).

Пѣсенъ (группа IV) напечатано всего 4: „Какъ у ключика студенова" (стр. 25—26), „Калину съ малиной вода поняла" (26—27), „Что и то мнѣ, матушка, мало спалось" (28—29) и „Ахъ вы, горы, горы крутыя, ничего вы, горы, не породили" (стр. 29—30).

V группа озаглавлена „Русскіе города" и содержитъ пословицы не только о разныхъ городахъ въ Россіи, но такъ же и о народностяхъ, населяющихъ ее (стр. 31—33), начиная съ поговорки „Хорошъ городъ Питеръ, да бокъ повытеръ (т. е. дорогъ)". Послѣднею фигурируетъ присказка о Сибири, родинѣ собирателя: „Страшна Сибирь слухомъ, а люди лучше нашего живутъ".

Былинъ (группа VI) дано всего 6, а именно: „Вольга Святославовичъ" (стр. 34—39), „Илья Муромецъ" (39—46, взятъ эпизодъ борьбы

съ нахвальщикомъ), „Соловей Будимировичъ“ (46—54), „Щелканъ Дудентьевичъ“ (55—63), „Свадьба Грознаго“ („Пріутихло, пріуныло море синее“, стр. 63—68) и наконецъ „Французъ съ арміей валитъ“ (68—70).

При составленіи этого перваго отдѣла своей „Русской книжки“, какъ видитъ читатель, Худяковъ пользовался почти исключительно матеріаломъ изъ собственныхъ сборниковъ. Во второмъ отдѣлѣ ему предстояло сдѣлать выборъ изъ произведеній художественной литературы; его выборъ оказывается для него довольно характернымъ.

Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ три разряда поэзіи: стихотворенія, разсказы и басни.

Для отдѣла стихотвореній взяты двѣ пьесы Некрасова: „Забытая деревня“ (73—74) и „Деревенскія новости“ (75—76). Разсказовъ приведено три: Николая Успенскаго „Ночь подъ Свѣтлый день“ (78—88),—безъ указанія автора разсказъ „Митюха“ (89—107) и Писемскаго „Плотничья артель“ (108—155). Первый и послѣдній разсказъ общеизвѣстны; что касается второго, то онъ повѣствуетъ о горькой судьбѣ крестьянскаго парня, котораго за желаніе жениться на дочкѣ старосты преслѣдуютъ, сѣкутъ; онъ убѣгаетъ и гибнетъ. Въ басняхъ помѣщено шесть пьесъ Крылова „Богачъ и бѣднякъ (156—157), „Гуси“ (158—159), „Мірская сходка“ (159—160), „Двѣ собаки“ (160—161), „Совѣтъ мышей“ (161—162), „Волкъ и ягненокъ“ (162—163).

Эта хрестоматія Худякова заканчивается народнымъ „мѣсяцесловомъ“ изъ пословицъ. Приведемъ для примѣра начало его: „Январь—году начало, зимѣ середина. 1. Васильевъ день, авсень (таусень), Новый годъ. На Васильевъ вечеръ дня прибываетъ на часъ“ и т. д.

„Русская книжка“ была встрѣчена весьма сочувственно рецензіею „Книжнаго Вѣстника — (т. IV, 1863 г. № 24 отъ 31-го декабря, стр. 437—438, № книги въ отдѣлѣ рецензій 1576). Книжка невеличка, говоритъ анонимный рецензентъ, но толкъ въ ней большой, т. е. основная мысль. Эта послѣдняя столь важна, что ея грѣхъ бы было не раскрыть читателю, потому что изъ самой книжки неопытный глазъ, пожалуй, и не извлечетъ ея. А между тѣмъ она касается одного изъ самыхъ важныхъ вопросовъ нашей теперешней литературы и вообще цивилизаціи. Это—основать эту послѣднюю (путемъ литературы пока) на чисто народныхъ элементахъ. И вотъ Худяковъ задумалъ дать въ своей книжкѣ маленькій очеркъ нашего чисто народнаго міросозерцанія съ 2—3 его сторонъ... Онъ дѣлаетъ попытку русской географіи въ характеристическихъ прибауткахъ на каждый городъ, русской исто-

ріи (насколько она оставила впечатлѣніе въ народномъ сознаніи, замѣтьте). Второй отдѣлъ заключаетъ тѣ произведенія нашей искусственной литературы, которыя или личностью авторовъ, или своею сущностью болѣе или менѣе соприкасаются съ духомъ народа.

Но какъ ни хорошо все это исполнено, а еще лучше задумано— однако жъ и тутъ не обошлось безъ промаховъ, оговаривается критикъ. Мы посильно укажемъ на нихъ: авось пригодится. Выборъ сказокъ не совсѣмъ удаченъ: онъ будто сдѣланъ наскоро, и животный эпосъ [1]) нашего народа проявляется въ нихъ только немногими сторонами. Въ былинахъ пропущено Петрово время. Желательно бы, чтобы и въ пѣсняхъ выражались больше главныя стороны народнаго характера. Отчего пропущены, напримѣръ, пѣсни и былины времени Стеньки Разина [2])? Отчего нѣтъ памятниковъ отношеній нашего народа къ церкви, къ язычеству? Второй отдѣлъ вообще составленъ хуже перваго: стихотвореніе Некрасова „Деревенскія новости“ довольно слабо. А между тѣмъ—грѣхъ сказать—забыты Кольцовъ и Никитинъ. Отчего бы также не вставить сцену изъ Островскаго, основательно выбранную? Но какъ бы то ни было, книжка г. Худякова имѣетъ пока въ нашей литературѣ немного соперниковъ—самый опасный изъ нихъ, это— „Собраніе разсказовъ въ прозѣ и стихахъ“, составленное на упомянутыхъ же основаніяхъ.

Книжка, которую такъ хвалитъ „Книжный Вѣстникъ“, называлась „Сборникъ,—а не „Собраніе“—разсказовъ въ прозѣ и стихахъ“; она заключала въ себѣ 124 страницы и стоила всего лишь восемь копѣекъ. Въ нее вошло пять стихотвореній, четыре Некрасова („Въ дорогѣ“, „Забытая деревня“, „Вино“; „Огородникъ“) и одно Никитина „Бурлакъ“. Въ отдѣлъ прозы вошли: Голицынскаго „Небывалая рыба и особаго устройства машина“, Щедрина „Веселое житье“,—„Сѣченный“ (изъ „Грамотея“) и Достоевскаго „Акулькинъ мужъ“. При сравненіи этой книжки съ Худяковскимъ сборникомъ нельзя не отдать предпочтѣнія все-таки Худякову.

VII.

Одному научному предпріятію Худякова совершенно не суждено было осуществиться; а именно, духовная цензура воспретила печата-

---

[1]) Новѣйшимъ изслѣдованіемъ по этому продмету является вышедшая на дняхъ книга *В. Боброва* „Русскія народныя сказки о животныхъ“, Варшава, 1908.

[2]) Здѣсь за отсутствіе любезнаго Худякову Стеньки его укоряютъ; ср. выше Филоновъ коритъ его же за симпатію къ Стенькѣ.

ніе подготовленнаго имъ въ 1862 г. Сборника русскихъ народныхъ легендъ. Безуспѣшны были и старанія Худякова основать особый журналъ спеціально по русскому фольклору. Матеріалы же, подготовленные, повидимому, для этого журнала, позднѣе нашли себѣ иное примѣненіе; эти плоды своихъ занятій русскою народной поэзіей Худяковъ помѣстилъ въ книжку „Матеріалы для изученія народной словесности", вышедшей въ 1863 году.

„Матеріалы" заключають въ себѣ восемь отдѣловъ, куда вошли, какъ сырые матеріалы, накопившіеся у издателя, такъ и нѣкоторыя собственныя его замѣчанія и наблюденія надъ сравнительнымъ фольклоромъ. Отдѣлы эти слѣдующіе: I. Смерть Святогора и Ильи Муромца, II. Два сибирскихъ заговора, III. Народныя стихотворенія противъ взяточничества, IV. Ночь на Ивану купалу, V. Народныя предсказанія объ урожаѣ, VI. Воденьчаръ (болгарская сказка), VII. Сербскія сказки А. Николича, VIII. Образцы финскихъ сказокъ (переводъ).

Разсмотримъ сначала матеріалы, а потомъ скажемъ нѣсколько словъ о собственныхъ замѣчаніяхъ собирателя.

Сибирскіе заговоры записаны Г. Н. Потанинымъ на Алтаѣ, одинъ изъ нихъ охотничій, другой—любовный. Сказаніе о Ночи на Ивана Купалу (чортъ подъ видомъ генерала отнялъ у рекрута цвѣтокъ папоротника) сообщено изъ Рязанскаго уѣзда. Предсказанія объ урожаѣ—одно записано въ Тобольскѣ, другое взято изъ журнала Л. Н. Толстого „Ясная Поляна". „Воденьчаръ" записанъ для В. И. Григоровича на Аѳонской горѣ и переданъ имъ Худякову. Сербскія сказки взяты изъ рѣдкой и малоизвѣстной книги Анастасія Николича, вывезенной опять-таки же Григоровичемъ изъ Бѣлграда: „Народне србске приповедке", Бѣлградъ, 1842. Указывая на бѣдность нашихъ свѣдѣній о славянскихъ сказкахъ вообще, Худяковъ излагаетъ содержаніе избранныхъ имъ пьесъ, приводя важнѣйшія мѣста ихъ въ подлинникѣ. Затѣмъ указаны варіанты къ нимъ русскіе и иностранные. При № 10 „Награда несытости" приведены два варіанта своей записи изъ Зарайскаго уѣзда (объ Егоріи Храбромъ и волкѣ).

Переводъ финскихъ сказокъ былъ полученъ Худяковымъ отъ Ѳ. И. Буслаева. Гельсингфорскіе студенты, находившіеся при Московскомъ университетѣ для изученія русскаго языка, перевели для Буслаева I часть сборника Ерика Рудбека (по фински Eoro Salmelainen), 1842 г.—15 сказокъ. Переводъ первыхъ семи сказокъ затерялся, а №№ 8—15 („Дѣвушка, выходящая изъ волнъ", „Девять братьевъ", „Безрукая дѣвушка", „Дѣвица, отыскивающая братьевъ", „Бѣгство изъ горы",

„Бѣглецы", „Неотворяемый ящикъ" и „Подарки чорта") отпечатаны у Худякова, который исправилъ ошибки переводчиковъ противъ русскаго языка и внесъ кое-какія поправки при содѣйствіи академика Шифнера. Худяковъ находилъ въ этихъ финскихъ сказкахъ поразительное сходство съ русскими, что давало ему поводъ думать, будто бы эти сказки, можетъ быть, перешли къ финнамъ отъ русскихъ.

Стихотвореніе противъ взяточничества было записано Потанинымъ въ Калужскомъ уѣздѣ, а варіанты къ нему записалъ самъ Худяковъ въ селѣ Крылатовѣ Московскаго уѣзда. Другіе варіанты указаны имъ тутъ же. Вообще изъ примѣчаній ко всѣмъ статьямъ можно убѣдиться, что Худяковъ очень хорошо къ этому времени изучилъ уже почти всю имѣвшуюся тогда литературу по фольклору и зналъ сборники нѣмецкихъ, славянскихъ и англійскихъ сказокъ, равно и соотвѣтствующіе спеціальные журналы. Изъ ученыхъ авторитетовъ онъ ссылается на приверженцевъ любезной ему миѳологической школы, на Преллера, Шварца, Ursprung der Mythologie, П. М. Леонтьева (О поклоненіи Зевсу.)

Полную приверженность свою миѳологіи Худяковъ показываетъ и въ маленькомъ своемъ изслѣдованіи, стоящемъ во главѣ книжки „Смерть Святогора и Ильи Муромца". Худяковъ тутъ (стр. 3) обѣщаетъ дать впослѣдствіи болѣе подробное разсужденіе о миѳологіи, котораго потомъ не выпустилъ въ свѣтъ. Здѣсь же пока—Худяковъ пытается дать миѳологическое объясненіе общеизвѣстнымъ былинамъ. Какъ мы уже знаемъ (см. выше), Илья Муромецъ есть низведенный въ богатыри прежній русскій громовержецъ и соединяетъ въ себѣ многія черты Одина и Тора. Худяковъ желаетъ лишь выяснить миѳическую сторону былинъ, предоставляя историческій ихъ элементъ изслѣдовать историкамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ высказана вполнѣ основательная мысль, что полное изученіе былинъ немыслимо безъ изученія сказокъ, потому что всѣ части народнаго эпоса между собою связаны. Толкованія Худякова сводятся къ тому, что гробъ Святогора есть туча, мечъ Ильи—молнія и т. п.

Обозрѣватель „Отечественныхъ Записокъ" за 1863 г. (т. 150, сентябрь, Современная хроника, стр. 39—40), обсуждая „Матеріалы" Худякова вмѣстѣ съ „Пѣснями" Кирѣевскаго, „Калѣками перехожими" Безсонова и сказками А. А. Эрленвейна, находитъ разсужденія Худякова о Святогорѣ и Ильѣ Муромцѣ „довольно удачными", а о самой книжкѣ выражается такъ: Подъ этимъ заглавіемъ Худяковъ, повидимому, задумалъ сборникъ народно-поэтическихъ произведеній и при-

томъ не однихъ русскихъ,—и изслѣдованій о нихъ,—предпріятіе полезное и достойное успѣха, если оно будетъ ведено благоразумно. Изящная тоненькая книжка, составляющая, вѣроятно, первый выпускъ его, вообще замѣчательна.

VIII.

Сочувствуя всѣмъ современнымъ движеніямъ, Худяковъ, разумѣется, принадлежалъ къ приверженцамъ очень модной тогда женской эмансипаціи. Въ Петербургѣ жена поэта Л. А. Мея издавала въ то время дамскій журнальчикъ подъ заглавіемъ „Модный Магазинъ“. Для этого меевскаго журнальчика, между прочимъ, и Худяковъ представилъ статью, трактовавшую о тяжеломъ положеніи женщины въ допетровской Руси, насколько его можно обрисовать по народной поэзіи древне-русской письменности и памятникамъ быта. Въ началѣ этой статьи уже проглядываютъ соціалистическіе взгляды автора на народъ. Народная словесность сохраняется будто бы у народа только въ силу его бѣдности, за неимѣніемъ ничего лучшаго.

Мы изложимъ теперь содержаніе статьи Худякова „Женщина въ допетровской Руси“.

Простой народъ не только у насъ, въ Россіи, говоритъ Худяковъ, но и во всей Европѣ, живетъ почти тою же жизнью, какою онъ жилъ въ IX, X вѣкахъ; онъ стоитъ на одномъ мѣстѣ и почти не идетъ по пути нравственнаго и умственнаго прогресса. Вслѣдствіе своей бѣдности народъ не могъ воспользоваться успѣхами и изобрѣтеніями человѣческаго ума и сохраняетъ много суевѣрій, какія у него водились еще тысячу лѣтъ назадъ. У народа сохраняется своя словесность, которою онъ, за незнаніемъ грамоты и неимѣніемъ лучшаго (!), вполнѣ удовлетворяется. Сказки, пѣсни и т. д. сложились въ древнѣйшія времена, и тогда онѣ были единственной словесностью—и для князей, и для всего народа. Сложились онѣ въ эпоху язычества, когда человѣкъ не зналъ природы, боялся и боготворилъ ее. Съ началомъ исторіи народъ хотѣлъ слѣдить за историческими событіями, но могъ понимать все происходящее предъ его глазами только въ сказочной оболочкѣ—и вотъ явились былины и историческія пѣсни. По сказкамъ и былинамъ Худяковъ и желаетъ въ этой первой статьѣ прослѣдить положеніе и взглядъ на женщину въ доисторическій и историческій періоды древней Руси.

Въ сказкахъ женщина представляется чѣмъ-то особенно прекраснымъ, чего домогается герой длинными похожденіями и подвигами, и

ради чего онъ даже жертвуетъ самой жизнью. Женщинамъ постоянно дается эпитетъ „прекрасныхъ" (Елена, Анастасія). Всѣ вообще сказки основаны на женитьбѣ. Необходимость жениться въ связи еще съ другими обстоятельствами—породила „умыканіе женъ", о которомъ говоритъ Несторъ, и которое недавно еще существовало въ Витебской губерніи. Вѣнчаніе при умыканіи происходило вокругъ дерева.

Въ сказкѣ объ Аленушкѣ и ея братцѣ, Козленочкѣ, нѣжными чертами рисуется любовь между братомъ и сестрой. Ссора между ними бываетъ только тогда, когда братъ женится, и сестра не взлюбитъ его жену, или если братъ мѣшаетъ собственной любви сестры. Въ сказкахъ всѣхъ индоевропейскихъ народовъ черными чертами рисуется только мачиха. Даже Баба-яга выводится услужливою вѣщею старухой.

Въ древнихъ сказкахъ женщины часто обладаютъ волшебствомъ и богатырскою силой, напримѣръ, прекрасная Марья Маревна, побѣдившая Ивана—русскаго богатыря, а потомъ вышедшая за него замужъ. Богатырши встрѣчаются и въ былинахъ (Настасья-Королевишна и Дунай). Въ былинѣ о Ставрѣ выведена еще болѣе интересная личность Ставровой жены, Василисы Никуличны, спасшей своего мужа. Богатырская сила женщины въ былинахъ иногда доходитъ до громадныхъ размѣровъ (паленица, которую встрѣтилъ Добрыня). Волшебство ограничивается однимъ только наговоромъ (Марина и Добрыня).

Въ сказкахъ вообще не рѣдко выводятся мудрыя дѣвы, напримѣръ, крестьянская дѣвушка Семилѣтка, нѣсколько разъ перехитрившая воеводу. Существуютъ подобныя преданія и объ Ольгѣ, какъ она обманула древлянъ, какъ перехитрила князя на перевозѣ, и о Февроніи Муромской. И былина полагаетъ совершенство женщинъ въ грамотѣ, четьѣ-пѣтьѣ. До сихъ поръ, напримѣръ, на Уралѣ есть „мастерицы", обучающія грамотѣ, благодаря чему въ Уральскомъ войскѣ сравнительно съ крестьянами грамотности далеко больше. Женщина тамъ пользуется уваженіемъ, и ея совѣты имѣютъ силу.

При созданіи былинъ народъ перемѣшивалъ исторію съ сверхестественнымъ, но въ былинахъ бытъ того времени въ общемъ отразился вѣрно. По былинамъ излагается положеніе женщины уже въ историческій періодъ древней Руси.

Положеніе женщины въ древней Руси было довольно самостоятельное: она—полная хозяйка въ домѣ (княгиня Опраксія), она наравнѣ съ мужемъ принимаетъ гостей на пирахъ, потчуетъ ихъ, содержитъ особую дружину, руководитъ сыномъ, даже и взрослымъ (Соловей Будимировичъ). Женитьба предполагается въ ранніе годы, либо

прямо по взаимному согласію молодыхъ (Дунай и Настасья, Соловей и Запава), либо черезъ сватовство, но по волѣ невѣсты. И въ лѣтописи Нестора тоже отецъ Рогнѣды полагаетъ на рѣшеніе самой дочери, выходить ей замужъ за Владимира или нѣтъ.

Въ былинахъ описывается и костюмъ невѣсты (обыкновенно въ заключительныхъ стихахъ), и ея достоинства. Условія достоинствъ перемѣняются съ татарской эпохи. Что бы ни говорили нѣкоторые наши ученые, отрицающіе всякое вліяніе татаръ на Русь,—они никогда этого не докажутъ, полагаетъ нашъ авторъ. Со времени татарскаго владычества появились на Руси большая грубость нравовъ и взглядъ на женщину, какъ на рабу. Татары имѣли вліяніе, вообще, на многое на Руси, не говоря уже о разореніи народа и полонянкахъ (см. пѣсни). Татарскій гнетъ былъ очень чувствителенъ для народа (пѣсни про Щелкана).

Съ татарскаго періода былины обращаются уже въ чисто историческія пѣсни, и число ихъ становится все меньше, а письменныхъ свидѣтельствъ—все больше и больше. Между тѣмъ, мало по малу, выработался строй московской жизни, богатой и суровостью, и мѣстничествомъ, и самохвальствомъ, котораго не лишены были и женщины. Съ XVII вѣка отчасти подъ вліяніемъ раскола стали возникать духовные стихи, пѣсни о Страшномъ Судѣ и т. п. Грѣхи женщины перечисляются въ стихѣ о грѣшной душѣ (неправильный раздѣлъ земли, заламываніе заломовъ, потравы, порча свадьбъ и пр.).

Во второй статьѣ Худяковъ характеризуетъ взгляды на женщину по памятникамъ древне-русской письменности.

Литература, возникшая у насъ вмѣстѣ съ введеніемъ христіанства, была либо подражательная, либо переводная: русскихъ оригинальныхъ произведеній было мало, и писать ихъ было некому; почти всѣ грамотные были, вѣдь, монахами, избѣгавшими мірской жизни. У русскихъ книжниковъ подъ вліяніемъ Византіи, передавшей намъ христіанство, началъ появляться иной, враждебный взглядъ на женщину, не сходный съ кореннымъ славянскимъ воззрѣніемъ. „Злая жена" оказывается теперь для человѣка опаснѣе огня, воды, вѣтра и хмѣля. То же находимъ мы и въ спеціальномъ словѣ о „злыхъ женахъ", приписанномъ Іоанну Златоусту. Тамъ подобраны изъ Библіи разныя прегрѣшенія, совершенныя женщинами (самое слово у Худякова приведено). Но съ полнотою развивается этотъ взглядъ въ приводимой тоже у Худякова „Бесѣдѣ отца съ сыномъ", гдѣ „отецъ" всячески бранитъ женщинъ.

Презрительный взглядъ на женщину, вообще, проявлялся во мно-

гихъ другихъ переводныхъ произведеніяхъ, напримѣръ, въ „Судахъ Соломона". Въ западныхъ средневѣковыхъ повѣстяхъ переходилъ къ намъ тотъ же взглядъ; напримѣръ, въ „Смѣхотворныхъ повѣстяхъ" встрѣчается много анекдотовъ „о тяжости женскаго права", „объ упрямости жены" и т. д. То же и въ русской повѣсти XVII вѣка.

Болѣе свѣтлый взглядъ на женщину высказывался въ очень немногихъ произведеніяхъ, именно въ сказаніяхъ о тѣхъ женахъ, которыя были признаны святыми. Большею частью эти сказанія относятся къ XVII столѣтію; сперва они ходили устно въ народѣ, а потомъ уже получили и литературную обработку. Этотъ болѣе свѣтлый взглядъ на женщину, униженную книжниками, попадалъ въ литературу изъ народныхъ разговоровъ,—со словъ простолюдиновъ, какъ сознаются сами авторы сказаній. Худяковъ приводитъ своими словами сказаніе—описаніе чуда объ унженскомъ крестѣ, о двухъ сестрахъ, Маріи и Маоѳѣ, нѣжно любившихъ другъ друга,—и другое сказаніе—объ Юліаніи Недюревой. Въ послѣднемъ, рядомъ съ бѣдственными чертами того времени, голодомъ, моромъ, убійствами, представлено въ лицѣ Юліаніи олицетвореніе того идеала женщины, которой предписываются книжниками. „Домострой" посвящаетъ цѣлую главу тому, какъ „мужу и женѣ молиться".

Въ третьемъ этюдѣ—въ виду того, что со времени Ярославовой грамоты жизнь древней Руси раздѣлилась на двѣ половины,—Худяковъ желаетъ сначала разсмотрѣть положеніе женщины въ древнемъ новгородскомъ быту, потомъ сдѣлать очеркъ женскихъ личностей, выдвинувшихся въ московской исторіи до и послѣ покоренія Новгорода и, наконецъ, описать позднѣйшій бытъ московской женщины XVI и XVII вв.

Главнымъ источникомъ для этой части статьи Худякова, по его собственному указанію, послужили монографіи Костомарова.

Въ Новгородѣ женщина могла участвовать въ вѣчѣ, ее можно было приводить къ присягѣ, ей приговаривали поле. Невѣсту раскрывали до вѣнчанія (въ Москвѣ послѣ вѣнчанія), брачущихся спрашивали каждаго порознь, любы ли они другъ другу. А московскіе князья не рѣдко женились изъ политическихъ видовъ.

Въ послѣдніе дни вольнаго Новгорода выдвинулись, какъ преслѣдуемыя московскимъ княземъ, Настасья Григоровичева и Мароа Борецкая. Борецкая имѣла большое вліяніе въ городѣ, стояла за Литву, и съ нею противъ Москвы оставался черный народъ, что Худяковъ подчеркиваетъ.

Въ Москвѣ большое вліяніе имѣла Софья Палеологъ. Она измѣнила древнюю простоту жизни и отдѣлила отъ мужа бояръ. Ересь жидовствующихъ опиралась при дворѣ на женщину—Елену Молдованскую.

Затѣмъ правительницею въ Москвѣ была еще Елена Глинская, но ея пятилѣтнее правленіе ничѣмъ не ознаменовалось.

Благотворное вліяніе имѣла на Грознаго его жена Анастасія Романова. Во время самозванцевъ играетъ роль еще Марина Мнишекъ.

Женитьба царей рѣдко обходилась безъ происковъ (дѣло Хлоповой при Михаилѣ Θеодоровичѣ, Всеволожская, первая невѣста Алексѣя Михайловича). Бракъ Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиной, воспитывавшейся у западника Артамона Матвѣева, имѣлъ большія послѣдствія. Она не препятствовала Петру съ дѣтства привыкать къ иноземщинѣ и даже содѣйствовала этой его страсти. Любовь Алексѣя Михайловича къ новизнѣ была причиною того, что его дочь Софья, отличавшаяся образованіемъ, взяла было всю правительственную власть въ свои руки: она не удовольствовалась теремною жизнью.

И въ московской исторіи женщина, несмотря на свою неравноправность съ мужчиной, какъ мы видимъ, играла не менѣе важную роль, чѣмъ въ новгородской. Женщина, какъ Елена, управляла государствомъ, женщина, въ лицѣ Софьи Палеологъ, была проводникомъ византійскихъ идей, женщина, въ лицѣ Марины, думала католизировать Русь, женщина смягчала характеръ Грознаго въ лицѣ Анастасіи и въ лицѣ Наталіи приготовила великаго преобразователя.

И въ московскій періодъ русскіе женились очень рано; молодые люди обоихъ половъ не могли видаться и уговариваться, а исполняли волю родителей. Иногда родители невѣсты сами засылали свахъ; иногда цари женили бояръ и сами выбирали имъ невѣстъ; такъ же точно господа поступали со своими слугами. При бракахъ нерѣдки были обманы, которые обнаруживались только послѣ вѣнчанія: напримѣръ, кривую невѣсту показывали изъ окна жениху, ставя ее бокомъ такъ, чтобы женихъ видѣлъ лишь одинъ ея здоровый глазъ. При соглашеніи составлялись родителями обѣихъ сторонъ рядныя записи. Свадьбы совершались съ безчисленными обрядами.

У казаковъ жены пользовались большею свободой и даже ходили съ мужьями въ походы. Въ Москвѣ, чѣмъ знатнѣе былъ родъ, тѣмъ строже было заключеніе женщины. Жена была раба мужа и окружалась домашними шпіонами,—холопами и служанками. Мать имѣла

надъ дѣтьми меньше надзора, чѣмъ няньки. Мужья били женъ особою, для нихъ предназначенною плетью, носившею названіе „дуракъ". „Учить жену"—это значило: за ничтожную вину таскать жену за волосы, привязывать веревками и сѣчь „дуракомъ" до крови. Передовой человѣкъ, авторъ „Домостроя", совѣтовалъ сѣчь жену плеткою. Женщины сами считали побои признакомъ любви къ себѣ, но на практикѣ онѣ мстили совершеннымъ отсутствіемъ супружеской вѣрности. Болѣе энергичныя жены мстили убійствомъ и отравою. За это по „Уложенію" царя Алексѣя женщинъ закапывали заживо въ землю по поясъ и держали такъ до смерти.

У знатныхъ и богатыхъ жены послѣ молитвы садились съ прислужницами за шитье золотомъ и шелками. Хозяйство вѣдали холопы,—дворецкій и ключникъ. Къ гостямъ жены выходили рѣдко. При встрѣчѣ, послѣ многихъ поклоновъ, гости, по примѣру хозяина, цѣловали хозяйку. Обѣдали въ гостяхъ оба пола отдѣльно, а вмѣстѣ—только на свадьбахъ.

Пѣшкомъ ходить для знатныхъ было неприлично. Боярскія и дворянскія женщины ѣздили въ крытыхъ экипажахъ; у ногъ госпожи сидѣли рабыни. Колымагу или каптану (зимою) везла одна лошадь, или если несколько,—то не въ рядъ, а гуськомъ. Въ высшемъ обществѣ забавляли плясками господъ рабы.

Затѣмъ Худяковъ переходитъ къ предмету, вѣроятно, очень интересному для читательницъ „Моднаго Магазина", а именно къ описанію древнихъ женскихъ костюмовъ; онъ описываетъ рубаху, лѣтникъ, шейное ожерелье, опашень, тѣлогрѣю, шубы, головные уборы: волосники или полубрусники, кику, кокошникъ. Волосникъ игралъ большую роль въ жизни замужней женщины, для которой считалось и стыдомъ, и грѣхомъ оставлять на показъ свои волосы; скромная женщина боялась даже, чтобы, исключая мужа, видѣли ея волосы даже члены ея семейства; опростоволосить женщину значило сдѣлать ей большое несчастіе.

Дѣвушки носили вѣнцы, имѣвшіе форму городовъ, теремовъ и домовъ въ нѣсколько ярусовъ. Открытые волосы считались символомъ дѣвичества, а потому вѣнцы ихъ были безъ верха. Зимою дѣвушки носили шапку „стабунецъ". Волосы плели въ косы (одну или двѣ) и вплетали въ нихъ ленты, или распускали косы по плечамъ; маленькихъ дѣвочекъ всегда остригали. Въ знакъ печали взрослыя женщины и дѣвушки остригали себѣ волосы, а мужчины наоборотъ отращивали.

Наряды даже у посадскихъ и крестьянъ бывали иногда очень бо-

гаты и переходили изъ роду въ родъ. Кроилось и шилось все дома. Идеаломъ красоты была дородность, а потому въ одеждѣ не было таліи. Одежда должна была блестѣть и пестрѣть. Къ признакамъ красоты относились продолговатыя уши, и щеголихи ихъ вытягивали нарочно. Въ рукахъ держали ширинку или платокъ. Башмаки носили съ высокими подборами, чулки шерстяные или шелковые. Крестьянки ходили въ лаптяхъ, а посадскія жены въ сапогахъ по колѣни. Серьги носили и женщины, и дѣвицы. Уши прокалывали и серьги вдѣвали, какъ только дѣвочка начинала ходить. Серьги были длинныя. На рукахъ носили обручи, а на пальцахъ перстни и кольца. Перстни были золотые или серебряные-позолоченные, но безъ печатей, какъ у мужчинъ. На шеѣ носили кресты, образа, жемчужныя и золотыя мониста въ нѣсколько рядовъ и съ подвѣсками, а также золотыя цѣпи съ большими крестами, отдѣланными финифтью. На платьяхъ, надѣваемыхъ въ торжественные случаи, накладывалось невѣроятное количество украшеній. На Наталью Кирилловну, послѣ ея взятія во дворецъ въ качествѣ царской невѣсты, надѣли платье, столь тяжелое отъ жемчуга и вышиваній, что у невѣсты скоро заболѣли ноги.

Не довольствуясь пестротою и украшеніями наряда, русскіе женщины румянились и бѣлились, и такъ неискусно, что иностранцы смѣялись. Кромѣ того, онѣ размалевывали себѣ шею и руки красками—бѣлою, красною, голубою и коричневою; рѣсницы и брови—свѣтлыя чернили, а черныя—бѣлили. Женщины, даже сознававшія безобразіе этихъ обычаевъ, принуждены бывали имъ подчиняться, чтобы не возбудить насмѣшекъ надъ собою.

IX.

Учитель уѣзднаго училища въ Самарѣ Карлинъ, помогавшій В. Г. Варенцову въ собраніи пѣсенъ Самарскаго края, составилъ свой собственный сборникъ сказокъ, съ которымъ Худяковъ ознакомился въ рукописи. Найдя среди сказокъ сборника Карлина одну, которая какъ будто подтверждала миѳологическіе взгляды, Худяковъ написалъ по поводу этого сборника и заинтересовавшей его сказки особую статью въ „Библіотекѣ для чтенія“, подъ не совсѣмъ подходящимъ заглавіемъ „Основной элементъ народныхъ сказокъ“. Этотъ основной элементъ, по мнѣнію Худякова, есть, конечно, не что иное, какъ миѳъ.

Исторія вѣры древнихъ народовъ, говоритъ Худяковъ, начинается сказкой; сказка древнѣе исторіи. Простонародіе сохранило ее вмѣстѣ со старинными повѣстями и примѣтами. Причина этого, разумѣется,

заключается опять-таки въ томъ только, что простой народъ не могъ еще воспользоваться новой цивилизаціею по причинѣ своей бѣдности и остается почти на той же степени развитія, какъ и тысячу лѣтъ тому назадъ (ср. выше).

Несмотря на чудеса и странности народныхъ сказокъ, нельзя не увидать въ нихъ стройности и правильности. Изслѣдователь невольно убѣдится въ томъ, что міръ сказокъ развивался органически, какъ и міръ растеній (sic). Основныхъ сюжетовъ для сказокъ очень немного; сюжеты эти развиваются въ безчисленномъ множествѣ варіантовъ. Черта сказки, съ перваго разу странная и случайная, оказывается при изслѣдованіи совершенно не случайною. Понятно, рѣчь идетъ о древнихъ миѳологическихъ народныхъ сказкахъ, ведущихъ свое начало отъ доисторическихъ временъ и разсказывающихъ о Жаръ-птицахъ, Иванахъ-царевичахъ, Сивкахъ-буркахъ,—вѣщихъ-кауркахъ. Основные элементы ихъ можно объяснить только міросозерцаніемъ доисторическихъ нашихъ предковъ.

Худяковъ старается охарактеризовать это міровоззрѣніе, приводя разныя черты сказокъ по различнымъ сборникамъ: по своему, по сборникамъ Мордовцева, Аѳанасьева, Wenzig'a (Slavischer Märcheschatz) и по Костомарову („Славянская миѳологія").

Въ ту эпоху, когда человѣкъ былъ не властитель, а еще „дитя" окружающей его природы, онъ не сознавалъ своего рѣзкаго отличія отъ нея (ср. выше). Онъ полагалъ, что люди могутъ превращаться въ камни и деревья, что деревья могутъ разговаривать (на Ивана Купалу) между собою и съ людьми, произвольно мѣнять свой видъ, идти (садъ идетъ за Строевою дочерью). Языкъ птицъ въ средніе вѣка называли „латинскимъ", т. е. непонятнымъ народу. Не имѣя понятія о законахъ природы, человѣкъ доисторической эпохи принималъ за боговъ, за высшія существа со свободною волею—рѣки, горы, звѣзды, сводъ небесный. Говоря „солнце встало", мы сказываемъ чистый миѳъ, сами не замѣчая этого. Такія же воззрѣнія на природу есть и въ загадкахъ.

Звѣзды нерѣдко упоминаются въ сказкахъ. Люди оборачиваются въ звѣзды и улетаютъ на небо („Царица—Золотыя Кудри"). Человѣкъ удивлялся перемѣнамъ на небѣ, появленію и исчезанію тучъ, солнца, ночи, звѣздъ и мѣсяца. Это не только поражало воображеніе, но и было для него вопросомъ жизни. Человѣкъ боялся темноты (sic), и ему было страшно, что останется вѣчная ночь. Поэтому онъ восторженно встрѣчалъ солнце (см. древне-египетскій гимнъ). Не меньшее

впечатлѣніе производило на него и явленіе грозы, какъ показываютъ всѣ миѳологіи, напримѣръ, индійскій миѳъ о похищеніи у Индры коровъ злыми духами Вала и Пани. Индра разсѣкъ молніей горную пещеру и вывелъ оттуда коровъ.

Въ основѣ русскихъ сказокъ, какъ и въ основѣ всѣхъ древнихъ миѳологій, лежатъ тѣ же самыя физическія явленія; наши сказки самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ ними. Новое и яркое доказательство этого Худяковъ находитъ въ одной сказкѣ изъ неизданнаго сборника Карлина „Иванушка-богатырь, вдовій сынъ“, сходной съ индійской сказкой о похищеніи коровъ. Худяковъ приводитъ эту замѣчательную сказку въ сокращеніи (стр. 41—43).

Содержаніе сказки состоитъ въ томъ, что нечистая сила въ кучу звѣзды сгребла, да въ мѣшки ссыпала. Царство осталось безъ звѣздъ и безъ мѣсяца. Ванюшка три ночи бьется со змѣями. Побѣдивъ послѣдняго, двѣнадцатиголоваго змѣя при стукѣ дружины въ тазы и заслонки, Ванюшка разсѣкаетъ змѣевъ бурдюкъ, висѣвшій у него въ торокахъ. Вдругъ оттуда мѣсяцъ выскочилъ, и посыпались звѣзды чистыя.

Смыслъ этой сказки, по Худякову, понятенъ. Змѣй есть туча, скрадывающая звѣзды и мѣсяцъ во время ночной бури съ молніей. Звонъ въ заслоны, шумъ и крики при битвѣ указываютъ на грохотъ грома, который во всѣхъ миѳологіяхъ считался голосомъ бога.

Къ сказкѣ Карлина Худяковъ приводитъ нѣсколько варіантовъ по своему сборнику и по Аѳанасьеву. Но ни одинъ варіантъ не подходитъ такъ близко къ прототипу, какъ варіантъ Карлина.

Подобныя сказки есть и у другихъ народовъ, напримѣръ, (по Рудбеку) у финновъ; въ Калевалѣ Луги скрываетъ свѣтила въ Погилѣ, пещерѣ. На освобожденіе ихъ идутъ Вейнемейненъ и Ильмариненъ-кузнецъ.

Въ варіантѣ Худякова фигурируютъ тоже баба-яга и кузнецъ. Молнія стоитъ въ связи со словомъ молотъ. Молотъ Тора, скандинавскаго Громовержца, называется Miölnir.

Ивана богатыря въ сказкѣ Карлина напоминаетъ названіе былины у Рыбникова „Иванушка—удовкинъ сынъ“. У Карлина есть варіантъ и къ этой былинѣ. Худяковъ самъ слышалъ эту сказку въ Сибири. Семидесятью семью вилами, по этому варіанту, подымаютъ вѣки царю-старику, и онъ все видѣлъ, какъ скандинавскій Одинъ, индійскій Варуна, всевидящій глазъ котораго есть солнце.

Въ заключеніе своей статьи Худяковъ выражаетъ пожеланіе, чтобы

сборникъ Карлина нашелъ себѣ хорошаго издателя. Былъ ли когда онъ напечатанъ, мы не знаемъ; кажется, нѣтъ.

X.

Одна изъ самыхъ лучшихъ статей Худякова—это его работа о русскихъ историческихъ сказкахъ. Съ помощью народной поэзіи Худяковъ приступаетъ къ критикѣ разныхъ сказаній объ историческихъ лицахъ и явленіяхъ—и въ результатѣ показываетъ, сколько чисто сказочнаго матеріала вошло въ наши лѣтописи и историческія преданія. Эта статья Худякова не утратила своего интереса и значенія до сихъ поръ; она и теперь еще читается съ удовольствіемъ.

Основныя мысли статьи Худякова о народныхъ историческихъ сказкахъ можно передать такъ.

Народъ съ раннихъ поръ начинаетъ внимательно слѣдить за своею историческою жизнью и вырабатываетъ себѣ на нее свой взглядъ. Но это совершается такимъ образомъ, что народъ пользуется, по мнѣнію Худякова, и здѣсь опять-таки уже готовою миѳологіею. У нѣмцевъ получила особенное распространеніе сказка или сага, а у насъ, по преимуществу, былина, переходящая потомъ съ нашествіемъ татаръ въ историческую пѣсню; но есть историческія сказки и у насъ. Историческія былины и пѣсни (которыя ранѣе уже были собираемы, какъ мы видѣли выше, Худяковымъ же) создавались изъ примѣненія миѳологическихъ схемъ къ новымъ мѣстностямъ, именамъ и событіямъ; такъ въ миѳологическія преданія попали древнерусскія историческія имена и бытъ древней Руси. Старый миѳъ, подчасъ и неузнаваемый, продолжаетъ жить подъ псевдоисторическою оболочкою и попадаетъ даже на начальныя страницы лѣтописей. Въ пѣсняхъ чисто историческихъ особенно запечатлѣлись татарское иго, Грозный и Стенька (опять!).

По нѣкоторымъ (какимъ?) обстоятельствамъ (стр. 45), Худяковъ считалъ неудобнымъ „въ настоящее время“ представить полный очеркъ народнаго взгляда на свою историческую жизнь и ограничился лишь историческими сказками, причемъ выразилъ свое сожалѣніе о томъ, что нѣтъ, не собрано сказокъ о позднѣйшихъ народныхъ героях (sic), напримѣръ, о другомъ бунтовщикѣ, о Пугачевѣ, хотя въ устахъ народа есть, навѣрное (?), не мало всякихъ о немъ преданій: вѣдь, чуваши и черемисы отъ него ведутъ свое лѣтосчисленіе.

Въ концѣ своего предисловія Худяковъ выражаетъ надежду, что

его статья можетъ побудить мѣстныхъ любителей заняться собираніемъ народныхъ преданій.

Свои источники, сказки, авторъ опредѣляетъ какъ взятыя, частію изъ устъ народа, а частію у „достовѣрнаго" лѣтописца Нестора. По отношенію къ Нестору Худяковъ былъ уже знакомъ съ работою Сухомлинова о лѣтописяхъ, на которую онъ ссылался. Народныя же сказки онъ почерпаетъ изъ сборниковъ, изъ своего и Аѳанасьева, Рыбникова, Кирши, у Якушкина („Письма изъ Новгородской и Псковской губерній"), изъ малорусскаго журнала „Основа", май и іюнь 1861 г., „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" 1849 и 1854 г. „Памятниковъ великорускаго нарѣчія", Кулиша „Записокъ о южной Руси", Буслаева „Очерковъ". Для сравненія онъ привлекаетъ Pabst'a Bunte Bilder, Шёгрена сочиненія, Russwurm'a Sagen aus Hapsal, der Wiek, Oesel und Runo, Reval, 1861 и др.

Всѣхъ историческихъ явленій и событій на протяженіи исторіи отъ Рюрика до Петра, попавшихъ въ сказки, у Худякова набралось 11 рубрикъ, которыя мы и разсмотримъ.

Призваніе Рюрика послужило предметомъ первой главы. Хотя Худяковъ не рѣшается отрицать историческое призваніе Рюрика и считаетъ его возможнымъ, но на основаніи разсказа Гостомысла касательно его дочери онъ констатируетъ, что и призваніе Рюрика окружено сказками. Разсказъ этотъ сравнивается съ преданіемъ о рожденіи Кира. Число три—миѳическое; приводится разсказъ изъ Русвурма о приходѣ трехъ рыцарей-миссіонеровъ на островъ Даго и др.

Вторая глава трактуетъ о смерти Олега. Самое наименованіе его „вѣщій" даетъ поводъ думать, что о немъ было сложено не мало сказокъ. Къ разсказу объ его гибели имѣется поразительно близкое исландское сказаніе объ Орвардѣ Оддѣ. Худяковъ приводитъ еще двѣ сказки—сербскія (о султанѣ и дѣвушкѣ) и указываетъ далѣе на цѣлый циклъ сказокъ о волкѣ и Марьѣ-Царевнѣ. Всѣ эти сказки, по мнѣнію изслѣдователя, имѣютъ одну общую идею—идею неизбѣжности рока, сужденнаго дня, что, въ свою очередь, является одною изъ формъ дѣтскаго еще пониманія законовъ природы (весна *должна* восторжествовать, солнце должно воскреснуть — миѳологическія параллели).

Предметомъ третьей главы служитъ Ольга-перевозчица. Якушкину въ Псковской губерніи разсказывали, что Ольга, крестьянка родомъ изъ Лыбута, была перевозчицею и однажды пристыдила князя Всеволода, женатаго, но любезничавшаго съ нею. Зачерпнутая имъ, по ея

совѣту, вода—и справа, и слѣва оказалась одинаковою (объ этомъ есть и въ Степенной книгѣ). Представленіе народа объ Ольгѣ, какъ о мудрой крестьянкѣ, ставитъ въ связь преданія о ней со сказками о мудрыхъ дѣвахъ и преданіемъ о Февроніи Муромской.

Ольгѣ же (месть Ольги) посвященъ и четвертый этюдъ. Весь разсказъ Нестора о мести древлянскимъ посламъ ведется въ сказочномъ тонѣ; смерть въ банѣ находитъ себѣ параллель въ скандинавской сагѣ о гибели двухъ берсерковъ у Стира. Еще берется сказочное взятіе Коростеня, подожженнаго посредствомъ голубей и воробьевъ. То же самое разсказывается у многихъ народовъ о разныхъ герояхъ: о норвежскомъ витязѣ Гаральдѣ въ Сициліи, въ чешской хроникѣ Долимила о взятіи Кіева татарами, у Сакса Грамматика о завоеваніи Дублина датскимъ королемъ Фридлевомъ,—о завоеваніи Гадинсомъ города Дуна и т. д.

„Низверженіе Перуна" разбирается въ пятой главѣ. Въ Новгородской губерніи записано Якушкинымъ чисто миѳологическое преданіе, связанное съ Юрьевскимъ скитомъ, называемымъ въ народѣ Перюнскимъ, потому якобы, что около этого мѣста при введеніи христіанства окончательно утопили въ водѣ нѣкогда жившаго тутъ Звѣрязміяку-чорта; Владиміръ сперва еще изгналъ его изъ Новгорода. По свидѣтельству Буслаева, въ одномъ цвѣтникѣ XVII вѣка есть нѣчто подобное (разсказъ о чародѣѣ Волховѣ, котораго простой народъ называлъ Перуномъ или Громомъ). Бѣсы задавили чародѣя и бросили его въ рѣку; тотъ поплылъ вверхъ и доплылъ до срубленнаго имъ городка Перюня, гдѣ его похоронили. Этотъ разсказъ Худяковъ сравниваетъ со сказаніемъ о плаваніи Антонія Римлянина на камнѣ, былиной о Садкѣ, плывшемъ на шахматной доскѣ и др. По мнѣнію Худякова, это преданіе ярко показываетъ всю силу языческихъ вѣрованій въ Новгородѣ во время насильственнаго тамъ введенія христіанства.

Шестая глава посвящена Кожемякѣ. Разсказъ Нестора про Яна Усмошвеца, побѣдившаго печенежскаго богатыря, изложенъ безцвѣтно. Преданіе о Кожемякѣ доселѣ живо въ Малороссіи, только вмѣсто печенега богатырю приходится бороться со змѣемъ, получившимъ въ дань себѣ княжну. Такихъ сказокъ о похищеніи змѣями царевенъ много, напримѣръ, о польскомъ героѣ Кракѣ (откуда названіе города—Краковъ) и др. Одна малорусская сказка и одно тамбовское преданіе пріурочиваютъ къ бою со зміемъ происхожденіе Зміева вала.

Осада Бѣлгорода разсматривается въ седьмой главѣ. У Нестора

разсказано о спасеніи Бѣлгорода отъ печенежской осады, благодаря обману,—показыванію мнимыхъ колодцевъ съ цѣжею и сытою. Худяковъ сравниваетъ это съ остзейскимъ преданіемъ объ осадѣ Гапсаля поляками, которыхъ надули, выставляя на стѣнахъ бочки съ пивомъ, и водя по стѣнѣ единственнаго быка. Несторово преданіе болѣе наивно.

Восьмая глава занята основаніемъ Москвы. Худяковъ смѣется надъ этимологіями (Тредьяковскаго и др.) слова Москвы отъ Мосоха, отъ „мостокъ" и предлагаетъ въ шутку свое объясненіе. Москва есть дворъ вотяка Моисея (Моссъ — по вотяцки Моисей, ква — дворъ). Зыряне называютъ этотъ городъ Mösskua отъ слова Mösku—коровья кожа и разсказываютъ, что русскіе обманно выпросили себѣ мѣсто у зырянъ на коровью кожу, которую изрѣзали потомъ въ ремень. То же разсказывается у разныхъ народовъ—о Кареагенѣ, у шведовъ о городѣ Висби на Готландѣ, у эстовъ о Ригѣ, у русскихъ о Печерѣ, Псковской губерніи, у англичанъ и нѣмцевъ про многіе города. По сербскимъ сказкамъ, то же самое продѣлываетъ сатана, а у казанскихъ инородцевъ шайтанъ, взявшій мѣсто лишь на остріе стрѣлы; земля проткнута стрѣлою и выпущены изъ подъ земли наверхъ дьяволы.

Въ девятой главѣ разсмотрѣна татарская эпоха. Эпоха эта чаще вспоминается въ пѣсняхъ, но есть и сказки. И тѣ, и другія проникнуты ненавистью къ басурманамъ. Есть сказки о богатырѣ Михайликѣ и о золотыхъ воротахъ въ Кіевѣ. Эти ворота Михайликъ увезъ на копьѣ, невидимкою пробравшись сквозь татарское войско. Его кіевляне хотѣли выдать осаждающимъ татарамъ. Уѣхавъ въ Царьградъ, Михайликъ живетъ теперь тамъ, но со временемъ возратится вмѣстѣ съ воротами. Татары, по его удаленіи, взяли Кіевъ потопомъ. Другая сказка есть о Дѣвичь-горѣ, составившейся изъ горсточекъ земли, бросаемыхъ по приказанію вѣщаго пастуха на могилу его дочери, которую похитили татары и убили, не желая отдавать ее погонѣ. Въ Архангельской губерніи разсказываютъ еще о Мамаѣ безбожномъ, какъ у него вышла война съ Дмитріемъ Ивановичемъ, изъ-за того, что посолъ послѣдняго, привезшій дань, не хотѣлъ цѣловать у Мамая бахилы (обувь) и ноги.

Грозный есть герой десятой главы. Новгородскія преданія проникнуты антипатіей къ Грозному, но московскія сказки довольно симпатизируютъ ему. Худяковъ приводитъ новгородскую сказку о томъ, какъ Грозный „рылъ" народъ въ Волховъ, отъ чего на этомъ мѣстѣ теперь рѣка не замерзаетъ, пышетъ дыханіемъ убитыхъ со дна, — и два псковскія преданія, одно о Миколѣ Юродивомъ, под-

несшемъ царю сырого мяса, и другое о Корниліи, построившемъ въ Печерахъ крѣпость, обманувъ царя съ помощью стараго экивока о воловьей кожѣ. Царь въ гнѣвѣ отрубилъ ему голову, а тотъ и пошелъ себѣ съ отрубленною головою въ рукахъ. Потомъ есть еще сказка о томъ, отчего на Руси завелась измѣна. Іоанну всѣ короли и князья загадали три загадки: что всего на свѣтѣ удалѣе (глаза), милѣе (солнце), слаще (вода)? Гонораромъ за разгадку служили 12 бочекъ золота и ежегодная дань. Съ помощью старичка, строившаго въ пустынѣ церковь, Іоаннъ разгадалъ и получилъ обѣщанное, но надулъ старичка, отдавъ ему неполную бочку золота и подсыпавъ туда на $^2/_3$ песку. Старикъ тогда и указалъ, что начало всей измѣнѣ на Руси есть самъ Грозный, и что теперь уже измѣну на Руси не искоренишь. Пѣсни о Грозномъ либо говорятъ объ измѣнѣ, либо воспѣваютъ взятіе имъ Казани. Есть черемисская легенда о взятіи при Грозномъ Сундырской горы съ помощью одного черемисскаго старшины, обиженнаго татарскимъ управителемъ мѣстности. Черемисинъ изъ Нижняго привезъ въ возахъ подъ стѣны Сундыря русскихъ воиновъ и пороху, который, при наступленіи ночи, тѣ взорвали. Такую же уловку нѣкоги приписываютъ и Петру Великому при взятіи Азова.

Послѣдняя, одиннадцатая, глава посвящена Петру Алексѣевичу. О немъ разсказовъ немало потому, что онъ былъ колоссальная личность, и потому еще, что онъ сближался съ народомъ и по товарищески обращался съ нимъ. Разсказы о немъ частію общеизвѣстны, напримѣръ, о томъ, какъ онъ съ солдатомъ ночевалъ у разбойниковъ, и какъ тотъ его спасъ, такъ же о встрѣчѣ съ умнымъ дровосѣкомъ, дающемъ загадочные отвѣты о своей семьѣ, дочеряхъ, сыновьяхъ и родителяхъ (долгъ плачу, въ долгъ даю и въ воду мечу), и какъ потомъ, ѣдучи съ нимъ вмѣстѣ, царь проситъ его угадать, кто изъ нихъ обоихъ царь, ибо одни они только вдвоемъ остаются въ шапкахъ, остальные ихъ снимаютъ.

Малороссы разсказываютъ, какъ Петръ освободилъ ихъ народнаго героя Палія изъ каменнаго столба, куда его засадилъ Мазепа. Послѣ побѣдъ Палій отказывается отъ чиновъ. „По народному воззрѣнію, его герои почти никогда не прельщаются чинами.. Очень естественно,— ядовито замѣчаетъ Худяковъ,—потому — что они и не получаютъ ихъ“.[1]).

[1]) Неправда, потому что особенно въ прежнее время многіе солдаты дослуживались до офицерскаго званія,—а нѣкоторые и до генеральскаго чина—напр., литтераторъ И. Н. Скобелевъ, дѣдъ героя Михаила Дмитріевича.

Въ заключеніе авторъ приводитъ слышанную имъ среди петербургскаго простонародья сказку „чуть ли не чухонскаго изобрѣтенія". Поводомъ къ ея составленію послужилъ памятникъ Петра въ греческихъ сандаліяхъ и стоящій напротивъ его, на другомъ берегу Невы памятникъ Румянцову, да еще преданіе о томъ, что Петръ самъ шилъ себѣ сапоги. По чухонской, весьма убогой сказкѣ, Петръ сидѣлъ и шилъ для солдатъ лапти, а французы, поймавъ Румянцева, стали съ живого съ него драть кожу. Петръ, бросивъ лапти,—на коня, но не могъ перепрыгнуть черезъ Неву, ибо изъ подъ ногъ его выскочила змѣя. На этомъ-то мѣстѣ и стоитъ памятникъ. Не брось Петръ лаптей, солдаты и доселѣ въ нихъ бы ходили.

XI.

Въ статьяхъ о русской женщинѣ и объ историческихъ сказкахъ замѣтно значительное расширеніе научныхъ интересовъ Худякова отъ народной поэзіи къ русской бытовой исторіи вообще. Неудивительно послѣ этого, что онъ написалъ и общій обзоръ древней культурной русской исторіи.

Въ 1867 году, уже послѣ ссылки Худякова въ Сибирь, анонимно появилась въ Петербургѣ его книжка въ небольшую восьмушку (263 стр.) подъ заглавіемъ „Древняя Русь".

Мы не знаемъ цѣли изданія этой книжки, нынѣ довольно рѣдкой. Быть можетъ, издатели руководились намѣреніемъ матеріально помочь бѣдному ссыльному предоставленіемъ ему прибыли отъ книжки. Извѣстный историкъ русской революціи, А. Тунъ, говоритъ, что эта книга была написана въ цѣляхъ пропаганды. Мнѣніе это мы недавно нашли въ журналѣ „Былое" (октябрь 1906 г.) подтвержденнымъ воспоминаніями эмигранта Л. Э. Шишко, который сообщаетъ, что при занятіяхъ его въ 1877 году пропагандою среди петербургскихъ рабочихъ „Древняя Русь" Худякова „сослужила ему большую службу". Ранѣе еще, какъ мы видимъ изъ автобіографіи Худякова, онъ же, въ цѣляхъ пропаганды, составилъ и выпустилъ въ свѣтъ „Букварь-Самоучитель". Цифра „I", стоящая на подзаголовкѣ надъ словами „Древняя Русь" какъ будто даетъ основаніе думать, что это была лишь часть задуманнаго или уже и написаннаго авторомъ труда, полнаго обозрѣнія всей русской исторіи. Но второй части, т. е. „Новой Руси", сколько мы знаемъ, въ свѣтъ не выходило.

Книжка въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ представляетъ собою сокращенную переработку прежнихъ статей и матеріаловъ Худякова.

Многое, конечно, ради полноты и систематичности обзора, дописано вновь.

Составлено это сочиненіе, быть можетъ, въ Сибири, вдали отъ библіотекъ и научныхъ пособій; этимъ, вѣроятно, объясняются нѣкоторыя фактическія ошибки и неровности въ изложеніи книги. Впрочемъ, она и не претендуетъ на разсказъ о фактахъ, а скорѣе предполагаетъ ихъ извѣстными. „Древняя Русь" хочетъ дать рядъ характеристикъ тѣхъ или другихъ сторонъ общественной, политической и культурной жизни избраннаго періода. Это скорѣе философія русской древней исторіи, нежели самая исторія.

Въ книгу вошли слѣдующія статьи:

1) Русская земля (стр. 1—общій вступительный очеркъ географіи и этнографіи древнихъ обитателей этой мѣстности). 2) Внутреннее устройство (стр. 12). 3) Положеніе князей (стр. 18). 4) Войны князей между собой (стр. 32). 5) Отношеніе къ иноземцамъ (стр. 36). 6) Умственное развитіе (домонгольской Руси—стр. 44). 7) Нашествіе татаръ (стр. 55). 8) Положеніе русскихъ земель (стр. 64). 9) Возвышеніе Москвы (стр. 76). 10) Новгородъ (стр. 86). 11) Отношеніе Новгорода къ великимъ князьямъ и паденіе его (стр. 90). 12) Дальнѣйшее усиленіе Москвы (стр. 102). 13) Положеніе народа (стр. 132). 14) Умственное развитіе (Руси монгольской, стр. 142). 15) Смутное время (стр. 162). 16) Новое усиленіе Московскаго государства; присоединеніе Малороссіи (стр. 189). 17) Положеніе народа. Бунтъ Стеньки Разина (стр. 208). 18) Умственное развитіе (московской допетровской Руси—стр. 227). 19) Положеніе женщины въ древней Руси (стр. 253).

Изъ расположенія статей мы видимъ, что книга по своему содержанію естественно распадается на три части, соотвѣтственно тремъ эпохамъ, на какія, повидимому, Худяковъ раздѣляетъ исторію древней Руси—а именно: 1) отъ начала Россійскаго государства до нашествія татаръ, 2) отъ нашествія татаръ до Смутнаго времени и 3) отъ Смутнаго времени до Петра.

Изложеніе Худякова постоянно оживляется ссылками на народную поэзію и цитированіемъ разныхъ поговорокъ, пословицъ и т. п.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что исторія Россіи за истекшее тысячелѣтіе, какъ исторія развивающагося народа, представляетъ собою постепенный ходъ впередъ, постепенное развитіе и распространеніе знаній, постепенное совершенствованіе формъ жизни, несмотря на случайныя вредныя вліянія временныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, напримѣръ, монгольскаго ига и пр. Но и подъ игомъ русскій народъ

сдѣлалъ большой шагъ впередъ, онъ сплотился въ одно цѣлое, сознал народное единство, что рѣзко выказалось во время смутъ 1612 года.

Съ воцареніемъ Романовыхъ начинается усиленное стремленіе къ сближенію съ западными народами, къ усвоенію ихъ знаній; Россія тѣснѣе и тѣснѣе входитъ въ союзъ западныхъ государствъ. Внѣшнія пріобрѣтенія не останавливались въ это время; колонизація русскихъ на востокъ и пріобрѣтеніе новыхъ земель даже до сихъ поръ не закончились. Русскій національный типъ до сихъ поръ окончательно еще не сложился, исторія народа только еще начинается; до сихъ поръ народъ успѣлъ только заготовить колыбель будущей исторіи отъ Балтійскаго моря до Камчатки, а исторія должна повести его далеко, благодаря новой эпохѣ, открывшейся для него съ освобожденіемъ крестьянъ въ нынѣшнее царствованіе (Александра II).

Это патріотическое предисловіе, если только оно написано *самимъ* Худяковымъ, а не издателемъ его книги, плохо вяжется съ содержаніемъ книги (вышла она безъ предварительной цензуры, печаталась въ польской типографіи Куколь-Яснопольскаго). Худяковъ, кажется, дѣйствительно, не задавался цѣлію написать ученое изслѣдованіе; въ этой книгѣ онъ является скорѣе политическимъ агитаторомъ и пропагандистомъ.

Древняя Русь въ его глазахъ не заслуживаетъ никакого вниманія и служитъ подъ его перомъ лишь средствомъ черезъ критику ея подорвать въ глазахъ читателя значеніе офиціально признанныхъ началъ русской древности—народности, религіи и власти. Осторожный намекъ въ предисловіи на то, что у русскихъ, собственно, нѣтъ еще исторіи, иллюстрируется тѣмъ, что фактами показываются негодность власти старыхъ князей и царей, вредное вліяніе православія и духовенства, отрицательныя стороны русскаго племени и народности. Худяковъ утверждаетъ, что никакого русскаго типа яко бы и нѣтъ, а только еще развѣ потомъ когда-либо онъ возникнетъ. Наряду съ опороченіемъ русскихъ, православія, князей и царей, восхваляются древнія республики (народоправства), ереси, инородцы, поляки, даже татары... они лучше русскихъ. Пристрастіе, мѣстами доходящее до подтасовыванія фактовъ, до непростительной, дѣтской наивности, сквозитъ почти на каждой страницѣ и оставляетъ въ компетентномъ читателѣ досадное впечатлѣніе. Къ чему же было дѣлать памфлетъ изъ исторіи древней многострадальной Руси? Къ чему вносить раздраженіе и партію въ дѣла давно минувшихъ дней, гнѣвъ—туда, гдѣ нужно размышленіе

и безпристрастіе? Становится непонятно, какъ человѣкъ, потратившій лучшіе годы жизни на изученіе русскаго народа, его прошлаго, и настоящаго, его творчества и культурнаго наслѣдія, могъ проскользнуть по важнѣйшимъ частямъ народной души, не замѣтивъ ея сердечныхъ наклонностей; и даже дойти до полнаго отрицанія русскаго этнографическаго типа.

Чтобы не быть голословными, мы приведемъ нѣсколько выписокъ изъ текста самой книги.

Примѣръ объясненія наивнаго: у татаръ ихъ національная особенность—очень маленькіе и узкіе глаза—объясняется тѣмъ, что они, какъ кочевые народы, живутъ въ пещерахъ или въ дымныхъ юртахъ (стр. 4 и 56). Что касается славянъ, то Худяковъ смѣется надъ ихъ „пресловутымъ" гостепріимствомъ и подчеркиваетъ, что они были очень жестоки (стр. 5). Татары вообще де не сходятся съ русскими, и преимущественно, живутъ легкимъ трудомъ, торговлею (стр. 56); какъ будто самъ авторъ, ѣздя по Казанской и Нижегородской губерніямъ, не знавалъ татаръ земледѣльцевъ. „Въ невѣжественныя времена отношенія народовъ были враждебны" (стр. 36)... но высокая образованность тоже, вѣдь, не улучшаетъ интернаціональныхъ отношеній.

Принятіе христіанства на Руси было случайностію. Греки были всѣхъ ближе (?) къ Руси, греческихъ колоній много въ Крыму (стр. 46).

Всего болѣе попадаетъ отъ автора, разумѣется, властямъ, т. е. князьямъ; хороши были только народоправства. Хлыновъ всегда былъ безъ князя (стр. 14). Худяковъ скорбитъ, что разныя вѣча не могли объединиться (стр. 15 и 27), и не было общаго вѣча всѣхъ городовъ, или всероссійской республики. Въ Новгородѣ князьямъ было не привольно (стр. 19); князей судили и даже казнили (стр. 25). Къ сожалѣнію, власть князя возросла съ введеніемъ христіанства (стр. 31—32); князьямъ помогало духовенство. Это духовенство было пьяницы, разбойники, корыстолюбцы (стр. 49 и др.). Обрисовывается грубость и жестокость самихъ князей (стр. 36). Однимъ словомъ, предпочтительнѣе было бы оставаться хоть язычниками, да только безъ духовенства, помогавшаго князьямъ, а вмѣсто княжествъ слѣдовало бы учредить федеративную республику.

Остановимся теперь на одной позорной для памяти Худякова, какъ все-таки русскаго человѣка, выходкѣ насчетъ защиты города Козельска отъ нашествія монголовъ (стр. 61).

Небольшой городокъ Козельскъ оказалъ такую упорную и долгую оборону татарамъ, что тѣ прозвали его „злымъ городомъ". Это одна

изъ дорогихъ страницъ русской исторіи, на вѣки свидѣтельствующая о древней доблести нашихъ предковъ. Что же пишетъ по этому поводу Худяковъ?

Онъ иронически сравниваетъ козельцевъ съ спартанцами, павшими при Ѳермопилахъ, и заключаетъ, что воины Леонида защищали всю Грецію, а эти только свою Козельскую изгородь. Первые надѣялись спасти свое отечество, другіе хотѣли получить здѣсь славу и тамъ небесные вѣнцы. Но, вмѣсто славы, все это „безполезное" мужество кидаетъ до только тѣнь (!) на русскую жизнь XII вѣка. Итакъ, патріотизмъ, христіанскія упованія и мужество кидаютъ на козельцевъ только тѣнь. Непорядочность этой выходки Худякова всего лучше обрисовывается изъ сравненія съ его же разсказомъ о мужествѣ казанцевъ, оборонявшихся отъ русскаго царя Ивана Грознаго. Здѣсь Худяковъ съ восторгомъ разсказываетъ, что де (стр. 104) защита Казани показываетъ, какая энергія была у казанцевъ. Это на защитниковъ казанской изгороди уже не кидаетъ тѣни. У нихъ отрѣзали воду, они пользовались грязнѣйшими родниками [1]); они не сдавались, хотя у нихъ сбили до основанія городскую стѣну, взяли башню и т. д. То же самое, за что Худяковъ позоритъ русскихъ козельцевъ, оказывается весьма достохвальнымъ и почтеннымъ въ казанскихъ татарахъ. Для русскихъ и татаръ прилагаются двѣ разныя мѣрки.

Москва, конечно, отнюдь не пользуется симпатіями Худякова. Она на крови основана (стр. 67), въ ней и вѣча нѣтъ, ей помогали въ возвышеніи татары, она возникла не вслѣдствіе народной колонизаціи, а волею самовластнаго князя [2]). За то Новгородъ (стр. 76) дольше всѣхъ сохранялъ народославянское (?) устройство; хотя, впрочемъ, и самъ авторъ (стр. 88) изображаетъ несостоятельность народовластія. Москва отличалась жестокостями. Ея вліяніе было развращающее (стр. 118). Іоаннъ приказалъ въ Казани побивать всѣхъ вооруженныхъ. Нижегородцы въ одномъ походѣ противъ Мордвы затравили нѣсколько человѣкъ собаками (стр. 104). Разъ насильственно окрестили 300 человѣкъ татаръ (стр. 157). Нелѣпое (sic) устройство общества, всеобщее непониманіе обоюдныхъ выгодъ производили постоянные разбои, грабежи и убійства (стр. 142).

---

[1]) Фактическая поправка. „Родники" вообще не могутъ быть „грязнѣйшими". А въ казанской крѣпости родникъ и до сихъ поръ служитъ жителямъ и отличается чистотою воды.

[2]) Это наши новые историки опровергаютъ. Москва, повидимому, создалась именно, благодаря колонизаціи.

О московской политикѣ Худяковъ отзывается, конечно, неодобрительно. Въ патріархѣ онъ видитъ только лицо, назначенное царемъ (стр. 144). Московское правительство, давая крестьянамъ права для успѣшнаго сбора своихъ податей, не давало де, однако, ни одному сословію права участія въ государственныхъ дѣлахъ (стр. 134),—и тутъ же авторъ сообщаетъ самъ про земскіе соборы.... Впрочемъ, на соборахъ, по мнѣнію Худякова, не смѣли свое сужденіе имѣть. Да на земскій соборъ представителей народа (?) и не допускали. А говорить соборъ могъ только о тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ предлагалъ думный дьякъ (стр. 136). Словомъ, въ древней Руси не было парламентаризма. Худяковъ забываетъ о той заслугѣ Москвы, на которую самъ же указалъ въ своемъ предисловіи: Москва создала единство Россіи и сколотила государство.

Съ особенной симпатіею относится Худяковъ къ ересямъ и еретикамъ. Преслѣдованіе ересей, наивно говоритъ онъ (стр. 152), постоянно лишало московское государство умныхъ людей. Принадлежать къ ереси значитъ у Худякова получить патентъ на умъ.

Въ обрисовкѣ историческихъ личностей Худяковъ оказывается слабымъ и обнаруживаетъ малое знакомство съ положеніемъ русской исторической науки въ его время. Такъ, въ его представленіи Борисъ все еще (стр. 163) только жаждавшій престола хитрецъ [1]); онъ—убійца Дмитрія Ивановича, онъ закрѣпостилъ крестьянъ. А, между тѣмъ, по всѣмъ этимъ тремъ пунктамъ еще и до Худякова было представлено много возраженій (Погодина, Арцыбашева и др.), возстановлявшихъ истинный образъ Бориса. Бориса не весь народъ выбралъ на царство, говоритъ Худяковъ (стр. 167); разумѣется, не было такого плебисцита, какъ во Франціи при избраніи Наполеона III. За то легкомысленнаго Дмитрія Самозванца Худяковъ превозноситъ (стр. 169): онъ обѣщалъ де стать Петромъ Великимъ, только цѣлымъ столѣтіемъ раньше; по мнѣнію автора, онъ былъ искренно убѣжденъ въ своемъ происхожденіи отъ Грознаго (стр. 167).

Пристрастно изображаетъ Худяковъ занятіе Москвы поляками (стр. 181); такъ, якобы, простой народъ (на этотъ разъ, не народъ вообще, которымъ любитъ щеголять авторъ) платилъ полякамъ лаской

---

[1]) Нельзя не пожалѣть, что несправедливое представленіе личности царя Бориса Ѳеодоровича укрѣпилось въ русской художественной литературѣ, благодаря превосходнымъ твореніямъ Пушкина и графа Алексѣя Толстого. У Пушкина взглядъ на Бориса взятъ изъ „Исторіи“ Карамзина, который, замѣтимъ, однако, въ своихъ раннихъ статьяхъ колебался и считалъ оклеветаніе Бориса возможнымъ.

за ласку. Здѣсь авторъ либо не знаетъ первоисточниковъ, либо умышленно ихъ извращаетъ, а то ему бы пришлось разсказать о страшной, кровавой и непрестанной борьбѣ между горожанами москвичами и поляками...

Подлость великороссійскаго дворянства у Худякова обрисовывается (стр. 245) тѣмъ фактомъ, что, якобы, едва только объявлено было о воцареніи Владислава, многіе великороссійскіе дворяне начали въ письмахъ и офиціальныхъ бумагахъ писать какимъ-то полупольскимъ языкомъ, сбиваясь на западно-русскую рѣчь. Какъ легко было, сидя гдѣ-нибудь въ Казани, въ моментъ изучить польскій языкъ и начать писать по-полупольски. „Привыкшіе къ политической дѣятельности“ поляки и въ московскомъ плѣну, по мнѣнію Худякова, не сидѣли праздно. Жаль, что эта ихъ „политическая“ дѣятельность не выразилась, по свидѣтельству памятниковъ, въ Москвѣ ничѣмъ иным, кромѣ пьянства, буянства и дракъ съ приставами... (См. похожденія извѣстнаго полковника Николая Струся, командира польскаго гарнизона въ Москвѣ, сдавшаго Кремль князю Пожарскому).

Переходя къ Малороссіи, Худяковъ упрекаетъ Хмѣльницкаго въ отсутствіи опредѣленнаго плана въ сношеніяхъ съ Москвой проклятой, упрекаетъ его, зачѣмъ онъ не учредилъ свободу Малороссіи, не далъ ей республики (стр. 202). Попадаетъ и гетманамъ, напр., Брюховецкому, которые, какъ сторонники Москвы, конечно, не могли (стр. 206) сочувствовать народу (почему же?). Въ примѣръ жадности и жестокости (sic) москвитянъ дано (стр. 207) то, что они якобы велятъ носить московскіе зипуны и обуваться въ московскіе лапти. Конечно, перерядить въ зипунъ—это жестокость, но только этого никогда не бывало. Въ примѣръ самодержавія приведено (стр. 213), какъ отворяли кровь царю Алексѣю Михайловичу, и всѣ бояре добровольно сдѣлали себѣ то же самое, кромѣ одного Стрѣшнева. Плохо было жить въ Россіи.... Молодого Нарышкина (стр. 246) въ Москвѣ по возвращеніи изъ-за границы окончательно стошнило (sic). О поведеніи московскихъ пословъ за границею сообщены всѣ извѣстныя заграничныя сплетни (стр. 244). Не умолчано о котошихинской апокрифической „записи“ Михаила Θеодоровича, якобы ограничивавшей его самодержавіе. Допущена прямая и крупная ошибка, будто бы Алексѣй Михайловичъ сталъ особенно любезенъ съ англичанами, когда они сдѣлали цареубійство, а именно, когда они „короля своего Карлуса убили до смерти“, тогда какъ всякому даже изъ элементарныхъ учебниковъ извѣстно, что дѣло было совсѣмъ наоборотъ, а именно, что этимъ

предлогомъ воспользовались на Москвѣ для того, чтобы лишить англичанъ за цареубійство ихъ торговыхъ монополій въ Московскомъ государствѣ.

Съ особенною любовью, конечно, трактуется исконный любимецъ Худякова и всѣхъ радикаловъ Стенька Разинъ. Очень одобряется въ немъ вражда противъ московскихъ бояръ и царскихъ воеводъ и его подозрительность къ духовенству; въ добавокъ хорошо въ немъ и то, что онъ не былъ религіозенъ (стр. 235). Увлекаясь своимъ героемъ, Худяковъ приходитъ къ рискованному заключенію: „еслибы Стенька не промедлилъ въ Астрахани и воспользовался бы переполохомъ, то, вѣроятно, онъ побывалъ бы въ Москвѣ", и увѣряетъ, будто бы народъ съ любовью (?) разсказываетъ о немъ разныя преданія. А „тума то прироженная", о которой напоминалъ Худякову Филоновъ (см. выше, стр. 197). Невольно при этомъ вспоминаются слова Никитенка: „Наши ультра-либералы готовы Стеньку Разина и Емельку Пугачева счесть за глубокомысленныхъ политиковъ и народныхъ героевъ" [1]). По поводу же толковъ о народѣ въ шестидесятые годы митрополитъ Филаретъ Дроздовъ ѣдко выразился: „Изъ мысли о народѣ выработали идолъ и не хотятъ понять даже той очевидности, что для столь огромнаго идола не достанетъ никакихъ жертвъ".

Изобразивъ въ рядѣ выисканныхъ фактовъ „мрачную русскую древнюю жизнь", сложившуюся подъ вліяніемъ тяжелыхъ обстоятельствъ, Худяковъ въ заключеніе (стр. 263) великодушно утѣшаетъ читателя: „быль молодцу—не укоръ"—необразованность сковываетъ русскихъ, но какъ же будетъ онъ могущественъ, когда пріобрѣтетъ образованіе!" Что такое образованіе, по Худякову, мы уже видѣли: это эмансипація отъ религіи, русской національности и чувства государственности......

XII.

Еще одинъ трудъ Худякова — составленный имъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ безконечную полярную ночь, среди снѣговъ и льда, между дикими якутами—появился въ свѣтъ черезъ долгое время послѣ уже его смерти. Мы разумѣемъ его любопытный „Верхоянскій Сборникъ". Изданіе его имѣетъ цѣлую исторію.

---

[1]) Особенно возвеличилъ Стеньку Навроцкій въ знаменитомъ стихотвореніи „Есть на Волгѣ утесъ".... Этотъ „утесъ" въ 70-ые и 80-ые годы пѣла вся студенческая молодежь....

Ходили слухи, что въ канцеляріи иркутскаго губернатора хранилась какая-то рукопись Худякова этнографическаго содержанія. Отдѣлъ этнографіи Географическаго общества въ С.-Петербургѣ, до котораго дошли эти слухи, въ 1883 г. разыскивалъ эту рукопись, но безуспѣшно. Послѣ того бывшая знакомая Худякова, верхоянская мѣщанка Хресія Яковлевна Горохова одну рукопись подала балаганскому исправнику Бубякину; по смерти Гороховой, Бубякинъ представилъ эти „Записки, составленныя неизвѣстнымъ лицомъ", при рапортѣ отъ 27-го марта 1885 г. губернатору графу А. П. Игнатьеву, который въ свою очередь подарилъ ее мѣстному Восточно-Сибирскому отдѣлу Русскаго Географическаго общества; послѣдній и напечаталъ ее въ 1890 г. на средства И. М. Сибирякова подъ редакціей правителя дѣлъ.

Принадлежность рукописи Худякову была удостовѣрена лицами, признавшими знакомый имъ его почеркъ, а равно и тѣмъ соображеніемъ, что въ Верхоянскѣ въ то время не проживалъ никакой другой фольклористъ, который могъ бы составить этотъ сборникъ. Остается лишь выяснить, была ли эта вторая рукопись только копіею первой, или же первая имѣла совсѣмъ другое содержаніе. Повидимому, содержаніе обѣихъ рукописей было разное, судя по ссылкамъ въ этой второй, нашедшейся рукописи на какой-то т. I и т. д.

Въ этомъ послѣднемъ своемъ сборникѣ неутомимый этнографъ помѣстилъ произведенія народной словесности тѣхъ дикарей, которые его окружали, т. е. якутовъ. Худяковъ отлично, до тонкости изучилъ ихъ языкъ и записывалъ все ему сообщаемое съ полнымъ пониманіемъ. Кое-что записалъ онъ и у находившихся тамъ мѣстныхъ русскихъ.

Сборникъ былъ обработанъ Худяковымъ весьма старательно. Всѣ якутскія произведенія были записаны и въ подлинникѣ, и въ русскомъ переводѣ, въ немногихъ только случаяхъ безъ якутскаго оригинала. Отдѣлъ Географическаго общества издалъ только переводы, а якутскіе тексты оставилъ не напечатанными за неимѣніемъ средствъ. Къ изданію прибавлены были указатели—предметный и именъ собственныхъ въ якутскихъ пьесахъ.

Сборникъ распадается на 8 отдѣловъ, изъ которыхъ три послѣднихъ посвящены русскимъ образцамъ. I отдѣлъ заключаетъ якутскія пословицы и поговорки, II отдѣлъ — пѣсни (10 №№, въ томъ числѣ „Импровизація дѣвушки-якутки"). Въ III отдѣлѣ — сгруппированы якутскія загадки о 1) природѣ и волшебствѣ, 2) животныхъ, 3) человѣкѣ, 4) домѣ, 5) одеждѣ, 6) промыслахъ, 7) принадлежностяхъ хозяйства — всего 320 загадокъ. Далѣе слѣдуютъ IV отдѣлъ — саги,

числомъ 5. V отдѣлъ занимаютъ сказки (12). VI отдѣлъ посвященъ русскимъ сказкамъ у якутовъ (Илья Муромецъ, старецъ-пилигримъ). VII отдѣлъ образуютъ русскія сказки у русскихъ—восемь пьесъ, записанныхъ въ селеніи Русское Устье (близь впаденія рѣки Индигирки въ Ледовитый океанъ) отъ одного изъ тамошнихъ уроженцевъ. Отъ него же записаны и VIII отдѣлъ—три пѣсни. И сказки эти, и пѣсни крайне убоги по содержанію, да и по языку чрезвычайно испорчены (напр., имѣется потеря предлоговъ: „поѣхалъ этому городу" и т. п.), указывая на большую одичалость тамошняго русскаго населенія. Сказки (стр. 288—303) слѣдующія: „Воронъ", „Крестьянскій парень", „Промышленникъ", „Опять промышленникъ", „Старичекъ", „Старикъ", „Моховой старичекъ", „Два парня". Всѣ эти сказки суть собственно фантастическіе разсказы изъ сибирскаго быта и ничего не имѣютъ общаго съ русскою народною жизнью (несибирскою), а равно и съ русскими сказочными сюжетами. Лишь въ одной есть отголосокъ извѣстной пѣсни про медвѣдя, идущаго разыскивать свою отсѣченную лапу. Въ остальныхъ—грубые и нестройные эпизоды изъ дикой жизни и обстановки поморовъ Ледовитаго океана; на каждомъ шагу убійство. Пѣсни записаны Худяковымъ такія: „Алеша" (бой съ Тугариномъ, стр. 303—307), „Царь Елизаръ", былина (стр. 307—310), не совсѣмъ понятная, благодаря лакунѣ въ рукописи, „Милославскій" (стр. 310), обрывки начала и конца—разобраться въ ней невозможно.

Въ напечатанной и уцѣлѣвшей части рукописи Худякова есть одно мѣсто, неоспоримо, на нашъ взглядъ, доказывающее ея принадлежность именно ему, а не другому кому: на стр. 231 есть примѣчаніе, гдѣ высказана такая гипотеза: „не произошло ли самое слово ханъ (почтенный) отъ сокращенія изъ слова Халланъ" (небо)? И здѣсь Худяковъ вспоминаетъ о своей старой небесной теоріи, когда Илья Муромецъ и Добрыня казались ему божествами неба, солнцемъ.

На записки Восточно-Сибирскаго отдѣла Географическаго общества по отдѣлу этнографіи т. I, выпуски 2 и 3, была рецензія А. Н. Пыпина въ „Вѣстникѣ Европы". Мы приведемъ здѣсь сущность отзыва Пыпина о послѣднемъ трудѣ Худякова (рецензія подписана *А. В.*).

Верхоянскій сборникъ, по мнѣнію Пыпина, заключаетъ въ себѣ замѣчательное собраніе произведеній якутскаго народнаго творчества: онъ даетъ чрезвычайно характерные образчики якутской народной поэзіи, къ сожалѣнію, только съ очень краткими объясненіями, необходимыми для пониманія текста.

Въ содержаніи пословицъ, пѣсенъ, сказокъ и проч. передъ нами

является, на нашъ обычный взглядъ, очень странная первобытная жизнь полудикаго племени; въ народной поэзіи его отражаются непосредственно черты этого быта, не рѣдко порядочно грубыя, но не лишенныя своего поэтическаго освѣщенія; въ пословицахъ и загадкахъ, какъ обыкновенно, есть примѣры большой психологической наблюдательности и знанія природы; въ пѣсняхъ среди обстановки, подобій и сравненій звѣроловскаго быта поражаетъ неожиданная возвышенность поэтическаго настроенія и нѣжнаго чувства (такова, напр., оригинальная импровизація дѣвушки-якутки); въ сагахъ передаются преданія о происхожденіи племени и якутскихъ богатыряхъ; въ сказкахъ найдутся своеобразныя черты сказочнаго эпоса, опять одѣтыя въ якутскую обстановку.

Любопытны нѣсколько сказокъ, записанныхъ на мѣстномъ русскомъ языкѣ и получившихъ обстановку сѣвернаго, отчасти якутскаго быта. Изъ пѣсенъ одна, объ Алешѣ, представляетъ оригинальный варіантъ былины объ Алешѣ Поповичѣ.

Чрезвычайно любопытны двѣ русскія сказки, записанныя у якутовъ. Обѣ представляютъ свободный пересказъ русскихъ темъ.

При отраженіи эпической былины у инородцевъ, послѣдними часто были воспринимаемы и сохраняемы такія черты, которыя не всегда сохранялись въ существующихъ записяхъ оригиналовъ. Пересказъ у якутовъ такъ свободенъ и былина такъ налажена на сказочный стиль, что опредѣлить способъ ея происхожденія довольно трудно. Илья Муромецъ могъ зайти къ якутамъ двумя путями—или черезъ печатныя лубочныя сказки, или черезъ живую передачу отъ русскихъ сосѣдей. Если бы разсказъ былъ заимствованъ изъ источника устнаго, онъ былъ бы очень любопытенъ; но возможно, что онъ попалъ сюда и изъ новѣйшей хрестоматіи.

Мы подробно разсмотрѣли всѣ научные труды [1]) И. А. Худякова. Изъ этого общаго обозрѣнія его учено-литературной дѣятельности мы видимъ, что блестящія способности нашего автора развернулись очень рано. Литературная дѣятельность Худякова началась, когда ему было всего 18 лѣтъ, а на 23-мъ году отъ роду онъ уже былъ вырванъ изъ научной и литературной сферы и утратилъ всякую возможность даль-

[1]) Разумѣется въ сторонѣ остались его политическія брошюры. Спеціальностію Худякова была фальсификація народныхъ сказокъ, которыхъ онъ написалъ нѣсколько; между ними особеннымъ успѣхомъ пользовались, по признанію пропагандистовъ, „Сказка про четырехъ братьевъ", переложенная Н. А. Морозовымъ въ стихи.

нѣйшаго развитія. Но и за четыре года (не считая Сибири) своей работы въ области фольклора Худяковъ сдѣлалъ весьма не мало. Правда, его сборники теперь превзойдены другими, болѣе полными— вторымъ изданіемъ сказокъ Аѳанасьева, Садовникова — изданіемъ загадокъ, Авенаріуса „Книгою былинъ" (предтечею которой можно считать Худяковскій сборникъ историческихъ пѣсенъ). „Русская книжка" Худякова, конечно, потеряла значеніе послѣ „Пчелы" Щербины. Но на всѣхъ этихъ путяхъ за Худяковымъ останется первенство иниціатора и замѣчательнаго собирателя (особенно сказокъ и загадокъ). Многаго онъ просто не успѣлъ закончить. Такъ нельзя не пожалѣть, что Худяковъ не написалъ обѣщаннаго имъ комментарія къ своимъ сказкамъ. Правда, миѳологія заняла бы и въ этихъ комментаріяхъ главное мѣсто.

Изслѣдованія Худякова исходили изъ точки зрѣнія, которую нельзя признать вполнѣ правильною. Теорія небесной миѳологіи не была долговѣчною. Но и въ изслѣдованіяхъ Худякова мы должны отмѣтить обширныя познанія его въ области сравнительнаго изученія народнаго творчества не одного только русскаго и основательное усвоеніе ученой литературы предмета. Въ этихъ, къ сожалѣнію, немногочисленныхъ изслѣдованіяхъ выводы не всегда вѣрны, но за то матеріалъ собранъ большой и могущій пригодиться даже и для послѣдующихъ изслѣдователей.

Точка зрѣнія Худякова на древнюю Русь совсѣмъ невѣрная и односторонняя; она извращена подъ вліяніемъ его соціалистическихъ убѣжденій. Въ древней Руси Худяковъ не видитъ положительно ничего свѣтлаго, ничего отраднаго; самые возвышенные моменты русской исторіи вызываютъ въ его трудѣ насмѣшку и хулу. Мы отмѣтили уже выше, что Худяковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей книги прямо несправедливъ и пристрастенъ. Но, конечно, нельзя сомнѣваться въ его искренней и горячей любви къ своему народу, любви, получившей, однако, совершенно ложное направленіе.

Наконецъ, Верхоянскій сборникъ представляетъ собою плодъ громаднаго труда и до сихъ поръ стоитъ совершенно одинокимъ въ своей области. Богъ вѣсть, когда найдется другой подобный изслѣдователь, который съ такою подготовкою, такою любовью и въ столь обширныхъ размѣрахъ соберетъ и обработаетъ народную поэзію и якутовъ и тамошнихъ русскихъ. Конечно, жаль, что, повидимому, одна часть этого труда Худякова утратилась.

Обозрѣвая однимъ общимъ взглядомъ все литературно-научное наслѣдіе Худякова,—все созданное имъ за его недолгій вѣкъ, и при-

поминая, что, собственно говоря, все это создано между дѣломъ, что бо̀льшую часть времени, силъ и энергіи Худяковъ, вѣроятно, тратилъ совсѣмъ въ иной области, нельзя не пожалѣть, что при своихъ дарованіяхъ Худяковъ не отдался наукѣ всецѣло, безъ раздѣла, и что ему не суждено было продѣлать полный циклъ своего научнаго развитія. Тогда его имя вспоминалось бы не вмѣстѣ съ именами государственныхъ преступниковъ Каракозова и Ишутина, а на ряду и наравнѣ съ именами Тихонравова, Буслаева, Пыпина, Рыбникова, Гильфердинга, Петра Кирѣевскаго и другихъ, кто изучалъ судьбы русской словесности и собиралъ произведенія нашего народнаго творчества.

Е. Бобровъ.

ОБЗОРЪ ТЕОРІЙ И ЛИТЕРАТУРЫ О ПРОИСХОЖДЕНІИ ГРУЗИНСКАГО ЯЗЫКА.

Послѣ многихъ попытокъ различныхъ ученыхъ причислить грузинскій языкъ то къ индоевропейской семьѣ языковъ, то къ турецко-татарской группѣ, свѣдѣнія о которыхъ собраны въ книгѣ проф. А. А. Цагарели *„О грамматической литературѣ грузинскаго языка“* (С.-Петербургъ, 1873 г.), въ 70-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія вопросъ о родствѣ грузинскаго языка съ какою-либо извѣстною группой языковъ, казалось, былъ уже окончательно рѣшенъ и сданъ въ архивъ; еще Клапротъ пришелъ къ выводу, что, хотя грузинскій языкъ и имѣетъ много сходства съ индо-германскими и другими, особенно сѣверно-азіатскими языками, тѣмъ не менѣе его слѣдуетъ разсматривать за особый родъ языка (Stammsprache), который отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ языковъ какъ по корнямъ, такъ и по грамматикѣ. Подобнаго же мнѣнія были и Шлейхеръ, Поттъ, Лепсіусъ, Фр. Мюллеръ, Бенфей и Шпигель. Послѣднему принадлежитъ и наиболѣе рельефное выраженіе этой мысли. „Какъ ни отрывочны наши познанія о кавказскихъ языкахъ, говоритъ онъ, все-таки теперь уже можно съ достовѣрностью утверждать двѣ вещи: первое, что всѣ эти языки болѣе или менѣе близко родственны другъ другу, такъ какъ, при всѣхъ своеобразностяхъ, имѣютъ всѣмъ имъ характеристическія черты, — второе положеніе это то, что они ни въ какой родственной связи не находятся ни съ какой семьей языковъ, ни съ индо-германскими, какъ прежде пытались доказать, ни турецко-татарскими, отъ которыхъ кавказцы отличаются еще и физическими особенностями; въ этихъ языкахъ мы имѣемъ совершенно особенную семью языковъ, занимавшихъ прежде, по всей вѣроятности, больше пространства

чѣмъ въ настоящее время". Къ подобному же заключенію пришелъ и проф. А. Цагарели, которому и принадлежитъ историко-критическій очеркъ „*О грамматической литературѣ грузинскаго языка*" за предшествующій періодъ. Грузинскій языкъ, говоритъ онъ въ названной книгѣ, „подобно баскскому въ Европѣ, по всей вѣроятности, есть остатокъ нѣкогда весьма многочисленной группы языковъ, распространенной на Кавказскомъ перешейкѣ еще до прихода семитическихъ, арійскихъ и урало-алтайскихъ племенъ на Кавказѣ и на югъ отъ него" (стр. 75—77).

Таковъ былъ единодушный и, какъ тогда казалось, окончательный приговоръ ученыхъ; однако уже десять лѣтъ спустя возобновляются попытки для установленія родства грузинскаго съ другими языками; на этотъ разъ уже грузинскій сравнивался не съ опредѣленными, лингвистически хорошо извѣстными группами, какъ индоевропейская или туранская, а съ малоизвѣстными, мертвыми языками, изучаемыми только по надписямъ. Собственно говоря, въ данномъ случаѣ рѣчь шла не столько объ установленіи родства грузинскаго, сколько о приведеніи въ связь лингвистически малоизвѣстнаго, мертваго языка съ извѣстнымъ и живымъ языкомъ, грузинскимъ. Такимъ образомъ теорія объ изолированномъ положеніи грузинскаго языка молчаливо признавалась; расширялась лишь площадь разселенія и увеличивалось лишь число, входящихъ въ составъ этой изолированной группы, языковъ.

Въ 1884 году Ф. Хоммель въ своей рецензіи на книгу A. Delattre'a „Le Peuple et l'Empire des Mèdes jusqu'à la fin du règne de Cyaxar" впервые высказалъ свое мнѣніе о связи между грузинскимъ и мидійскимъ языками. „Такъ называемый мидійскій—находится въ тѣснѣйшей связи со стоявшей до сихъ поръ въ достаточно изолированномъ положеніи грузинской языковой группой (грузинскій, лазскій, мингрельскій, сванскій,—всѣ на югъ отъ Кавказскихъ горъ). Сравните прежде всего такъ называемое мидійское: 1 л. ед. ч. turna (изъ turn-j?) я зналъ, 2 л. ед. ч. turna-ki, 3 л. ед. ч. turna-š; 1 л. мн. ч. turna-ju-t, 3 л. мн. ч. turna-va-š съ грузинскимъ 1 л. ед. ч. w-ar я есмь, 2 л. ед. ч. kh-ar ты еси, 3 л. ед. ч. ar-s; 1 л. мн. ч. w-ar-th, 3 л. мн. ч. ar-i-an, а затѣмъ и давно прошедшее отъ qwar (Substantiv-Formation): še-*mi*-qwar-ebia, še-*gi*-qwar-ebia, še-*u*-qwar-ebia; še-*gwi*-qwar-ebia (ср. 1 л. мн. ч. Präs. še-*wi*-qwar-eb-th), še-*gi*-qwar-ebia-*th*, še-*u*-qwar-ebia-*th*; далѣе по-грузински я звучитъ „me", по-мидійски „u" (точно также и на сузскомъ), а мой будетъ „mi"; затѣмъ по-мидійски сынъ šak-ri

(имен. отъ šak), ir-halpi—„я его убивалъ", upirri—„этотъ", turnan-ra „онъ знаетъ" а ra по-грузински значитъ „это" [1]); далѣе šak-pi „сыновья" (и такъ вообще множественное число именъ существительныхъ образуется при помощи присоединенія „p", сравни также turnam-pi „они знаютъ", appini „ихъ"), а образованіе грузинскаго множественнаго числа, напримѣръ, thavi „голова", мн. ч. thave-bi, puri „хлѣбъ", мн. ч. pure-bi и на ряду съ этимъ (рѣже) pur-ni (послѣднее идентично со знакомъ мн. ч. въ армянскихъ клинообразныхъ надписяхъ Вана, языкъ которыхъ по Ленорману, Гюяру (Guyard) и Сейсу (Sayce) точно также примыкаетъ къ грузинскому и съ нимъ идентиченъ) и т. д. А изъ этого вытекаютъ интереснѣйшіе выводы... и прежде всего, что грузинскій языкъ нѣкогда былъ распространенъ значительно южнѣе вплоть до Элама, что заставляетъ предполагать о существованіи въ раннюю эпоху, которая однако могла быть значительно ранѣе Ахеменидовъ, доарійскаго, грузинско-сузскаго населенія и языка, и въ смежной области Мидіи, по крайней мѣрѣ для западной части (Oesterreichische Monatsschrift für d. Orient, 1884, 2. Iahrg. № 2, S. 60). Ту же самую мысль развиваетъ Ф. Хоммель и въ своей статьѣ „Die Sumero-akkadische Sprache und ihre Verwandtschaftsverhältnisse", но въ значительно осложненномъ видѣ. Считая свою рецензію, содержаніе которой въ существенныхъ чертахъ выше было приведено, вполнѣ достаточной для рѣшенія столь важнаго и серьезнаго вопроса, авторъ признаетъ свои выводы неопровержимыми и именуетъ ихъ открытіемъ о тѣсной связи (Zugehörigkeit) съ грузинскимъ языкомъ такъ называемой второй группы клинообразныхъ надписей (des sog. Keilschrift-idiomes zweiter Gattung). Количество примѣровъ, долженствовавшихъ неопровержимо подтвердить „открытіе" г. Хоммеля, почти не возросло; вновь сопоставляются лишь „суз. ni „ты", ne „твой" (изъ ngi, nge?) съ груз. šen (лаз. si) „ты" и съ глаг. kh, gi (суз. глаг. ki)... суз. niku „мы", nikavi „нашъ", глаг. -jun, -jut,—gijut съ груз. čwen „мы" (изъ t-gwe-n? ср. ṫgwen „вы", глаг. gwi — th). (Zeitchrift f. Keilschriftforschung, 1. B., 1984. S. 331).

Ограничившись указанными дополнительными примѣрами, авторъ приступаетъ прямо къ формулировкѣ и приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: „поразительными и сами по себѣ уже рѣшающими совпаденіями являются — b, n, t и s знаки мн. ч. (два послѣднихъ только въ глаголѣ), гортанный для 2 л. ед. ч. (рядомъ съ этимъ

[1]) Авторъ ошибается, ra значитъ „что", а не „это".

одиноко и только въ глагольныхъ образованіяхъ и для 1 л. ед. ч., гдѣ основной формой было, кажется, gu вмѣсто gi), s для 3 л. ед. ч.,— способъ комбинированія мѣстоимeній ед. числа съ приведенными знаками мн. числа при образованіи глагольной формы мн. числа,—m, v, j для 1 л. ед. ч., возникшее изъ r s въ качествѣ мѣстоименнаго элемента 3 л. ед. ч., а также въ качествѣ члена, — наконецъ t (такъ по-лазски, по-грузински d) для образованія Präteritum'a (ср. суз. da-s „онъ дѣлалъ, da-s-ta „онъ сдѣлалъ"). Болѣе основательное (eingehendes) сравнительное изученіе, которое здѣсь должно быть лишь намѣчено (angebant) точно также, какъ и повторное основательное изученіе второй группы ахеменидскихъ надписей, прибавитъ къ этому нѣсколько дальнѣйшихъ чертъ [совпаденія], хотя и приведенное уже, по моему мнѣнію, заявляетъ авторъ, исключаетъ всякую возможность случайностей" (ibid. 332).

Ф. Хоммель указываетъ далѣе, что къ сузско-эламитскому, конечно, лингвистически долженъ быть причисленъ и древне-эламитскій языкъ, отъ котораго сохранились собственныя имена еще съ конца третьяго тысячелѣтія до Р. Хр.; такимъ образомъ, алародійская группа языковъ уже тогда была распространена на юго-востокъ вплоть до Элама (ibid. 332—333). Покончивъ столь „блестяще" (glänzende Bestätigung), какъ съ гордостью заявляетъ самъ авторъ, съ вопросомъ о родствѣ сузскаго и грузинскаго, онъ переходитъ къ языку ванскихъ клинообразныхъ надписей, каковой также признаетъ, слѣдуя въ данномъ случаѣ Ленорману и Сэйсу, родственнымъ болѣе всего грузинскому (ibid. 333 — 334). И въ этой части у автора такъ же мало фактическаго матеріала, какъ и въ предыдущей. Также легко и также быстро справляется г. Хоммель и съ коссейскимъ языкомъ, отъ котораго, по словамъ автора, сохранилось всего лишь около 50 словъ. Самыми важными и почти единственными доводами, которые приводитъ г. Хоммель, являются: афиксъ—š, имѣющійся въ качествѣ знака именит. пад. въ эламитскомъ и въ ванскомъ, равно какъ и въ хэтитскихъ именахъ собственныхъ (ibid. 334 — 335), и коссейское слово, turuǧ—na „царь", которое есть то же самое, что и хэтитское Tarǧu (Тарху) и Tarǧu-nazi, встрѣчающееся въ мѣстностяхъ на западъ отъ Арменіи (ibid. 335). Послѣдній фактъ авторъ считаетъ за доводъ, наиболѣе важный и окончательно разрѣшающій вопросъ (ibid.).

Несмотря на то, что хэтитскія надписи еще не дешифрированы, г. Хоммель находитъ все же возможнымъ судить объ языкѣ на осно-

ваніи именъ собственныхъ, имѣющихъ, по его словамъ, совершенно не-семитическій характеръ и алародійскую флексію š; уже одно это дѣлаетъ, по мнѣнію г. Хоммеля, въ высшей степени правдоподобнымъ мысль о томъ, что хэтитскій языкъ принадлежалъ именно къ алародійской группѣ языковъ (ibid. 336).

На этомъ однако не останавливается рядъ легкихъ „открытій" профессора Хоммеля; и онъ тутъ же подымаетъ вопросъ о томъ, въ какихъ отношеніяхъ другъ къ другу находятся „алародійская" группа и сумеро-аккадійская или великая тюркская группа. И на этотъ сложный вопросъ у автора имѣется готовый отвѣтъ и, конечно, утвердительный: „мнѣ кажется, говоритъ онъ, что существованіе этой зависимости рѣшительно должно отстаивать, хотя это отдаленное родственное отношеніе ведетъ къ незапамятнымъ временамъ, бывшимъ, повидимому, значительно раньше, чѣмъ произошло отдѣленіе сумерійцевъ отъ тюркскихъ племенъ центральной Азіи. „И алародійскій языкъ имѣетъ, пишетъ г. Хоммель, для 3 л. ед. ч. мѣстоименные корни (Pronominalstämme) n, s и g (послѣднее, однако, болѣе часто употребляется) и s (на ряду съ этимъ въ глаголѣ также t, въ именахъ сущ. b),—имѣетъ послѣслогъ -da „въ" (напр. груз. sa-da „гдѣ", nu-sa-da „нигдѣ", man-da „тамъ", послѣднее особенно поразительно совпадаетъ съ тюркскимъ mun-da), „я" и по-грузински называется me и „ты"—šen, по-грузински сущ. глаголъ звучитъ ar, въ восточно-тюркскомъ er (на ряду съ bol изъ vul, сум. gal),—въ алародійскомъ, равно какъ въ турецкихъ языкахъ зубной служитъ для образованія Präteritum'a (прототипъ котораго имѣется въ сумерійскомъ суффиксѣ -da)... рядомъ съ грузинскимъ и древне-армянскимъ суффиксомъ, обозначающимъ происхожденіе, -li имѣется древне-турецкій суффиксъ -li (позднѣе въ соединеніи съ k lik); но что особенно важно, въ турецкихъ языкахъ (Turksprachen) оказываются слѣды столь характернаго для алародійской группы употребленія гортаннаго въ качествѣ мѣстоименнаго знака 1-го и особенно 2-го лица въ глаголѣ, а именно въ 1 лицѣ, какъ это и въ грузинскомъ, только во множественномъ числѣ, а во 2-мъ лицѣ, какъ и тамъ, только въ единственномъ числѣ, напримѣръ, отъ bak-mak „смотрѣть", bak-dy-ng (уйгур. pak-ti-nk) „ты смотришь", bak-dy-k (уйгур. pak-ty-k) „мы смотримъ". Сумерійскій не обнаруживаетъ никакихъ слѣдовъ подобнаго употребленія гортаннаго и на основаніи этого можно было бы пожалуй думать, что алародійскій отдѣлился отъ турецкой группы лишь послѣ того, какъ произошло отвѣтвленіе сумерійскаго; но противъ подобнаго предполо-

женія говоритъ то обстоятельство, что тюркскій и сумерійскій въ остальномъ стоятъ другъ къ другу значительно ближе, чѣмъ тюркскій и алародійскій, а съ другой стороны алародійскій сохранилъ именно для сумерійскаго характерное свойство — объективные префиксы въ глаголахъ (напр. по-сузски ir-g̊alpi „eum-necavi", по грузински gi-qwar-war „тобой любимъ я" и т. д.), слѣдовъ чего совершенно уже не оказывается въ тюркскомъ, за то въ мордовскомъ (языкѣ уральской группы) и въ мадьярскомъ" (ibid. 337 — 338).

Въ заключеніе профессоръ Хоммель обращаетъ свои взоры и на западъ, на баскскій языкъ, который имѣетъ такія же характерныя черты, какъ и алародійскій, притомъ въ сильной степени выраженныя, въ виду чего онъ и считаетъ баскскій западнымъ отпрыскомъ алародійской группы. Общія съ алародійскимъ свойства баскскаго языка, по мнѣнію г. Хоммеля, заключаются въ слѣдующемъ: „и тамъ (въ баскскомъ) мы имѣемъ объективныя мѣстоименія въ качествѣ префиксовъ, и тамъ послѣслоги вмѣсто предлоговъ, и тамъ гортанный для 2 л. ед. ч. (h изъ g) и для 1 л. мн. ч. (g, resp. gu), равно какъ хорошо извѣстную въ грузинскомъ и сузскомъ особенность — комбинированіе t или s (въ качествѣ знаковъ мн. ч.) съ личнымъ мѣстоименнымъ корнемъ; сравните, напримѣръ: 1 л. ед. ч. nabila „я хожу", 2 л. ед. ч. habila, 3 л. ед. ч. dabila; 1 л. мн. ч. g-abil-tza, 2 л. мн. ч. z-abil-tza, 3 л. мн. ч. d-abil-tza; или же (прим. объективныхъ префиксовъ): n-agi-t „себя я дѣлаю", n-agi-k „меня дѣлаешь ты", n-agi „меня дѣлаетъ онъ", n-agi-gu „меня дѣлаемъ мы" (mich machen wir), n-agi-zu „меня дѣлаете вы, n-agi-te „меня дѣлаютъ они"; для другихъ лицъ: h-agi-t „тебя дѣлаю я" и т. д., d-agi-t „его дѣлаю я" и т. д., g-agi-t „насъ дѣлаю я" (uns mache ich) и т. д., z-agi-t „васъ дѣлаю я" и т. д., d-agi-d-az „ихъ дѣлаю я"... Желательное наклоненіе образуется при посредствѣ присоединенія въ концѣ ko (ср. g̊ турец. и сумер. яз.) и множ. ч. подобно венгерскому черезъ присоединеніе -k, оба явленія однако ни въ одномъ изъ извѣстныхъ пока намъ алародійскихъ языковъ не оказывается; но все до сихъ поръ приведенное настолько характерно и для алародійскаго (равно какъ и для урало-алтайскаго), что является настоятельная необходимость, въ связи съ возбужденной мной лингвистической проблемой и выставленными результатами, изслѣдовать и изучить баскскій языкъ (ibid. 338 — 339). Не предрѣшая пока, за отсутствіемъ необходимыхъ данныхъ, вопроса о родствѣ албанскаго и кельтскаго языковъ, авторъ указываетъ на то, что родство баск-

скаго съ алародійскимъ получаетъ неизмѣримую важность для доисторической эпохи Европы, точно также какъ для Азіи — доказательство столь обширнаго развѣтвленія грузинской языковой семьи (ibid. 340).

Въ 1890 году появилась работа F. H. Weisbach'a „Die Achämenideninschriften zweiter Art" (Assyriologische Bibliothek, herausg. von F. Delitzch u. P. Haupt. IX), посвященная ново-сузскимъ надписямъ и языку, въ которой авторъ не проявилъ никакой вѣры къ открытію проф. Хоммеля о родствѣ сузскаго съ грузинскимъ языкомъ (стр. 9). Въ своей рецензіи послѣдній упрекаетъ Weisbach'a въ скептицизмѣ и находитъ, что, если бы ученый издатель сузскихъ надписей принялся за самостоятельное изученіе грузинскаго и важнѣйшихъ представителей урало-алтайскихъ языковъ, то онъ пришелъ бы къ единственно возможному заключенію и не утверждалъ бы, будто языкъ изданныхъ имъ надписей „финно-татарскій" („туранскій"). Единственно возможнымъ выводомъ г. Хоммель считаетъ то, что „искомымъ живымъ представителемъ или вѣрнѣе ближайшимъ родственникомъ эламитскаго языка являются грузинскій языкъ" (Litterarisches Centralblatt, 1890 г. № 36, колонна 1258). Противъ выставляемой туранской теоріи сузско-эламитскаго языка говоритъ, по мнѣнію г. Хоммеля, прежде всего уже то обстоятельство, что въ урало-алтайскихъ языкахъ 3 л. ед. ч. образуется не при посредствѣ особой приставки въ концѣ, между тѣмъ какъ въ грузинскомъ 3 л. ед. ч. образуется именно при помощи конечной приставки s, въ противоположность къ 1 и 2 л. ед. ч., которыя въ концѣ не имѣютъ никакого знака (w-ar, kh-ar, ar-s я есмь и т. д.); точно также образуется и въ ново-сузскомъ 1 л. ед. ч. u-šera (я приказалъ) и 3 л. ед. ч. šera-š (онъ приказалъ), между тѣмъ какъ 1 л. мн. ч. w-ar-th „мы есьмы" соотвѣтствуетъ въ ново-сузскомъ окончаніе -g̊ut (-hut) и giut (hutta-hut мы дѣлали ibid. 1258 и 1257). Далѣе рецензентъ повторяетъ свои прежніе примѣры, только въ двухъ случаяхъ приводятся новыя сопоставленія: „суффиксъ -irra, ir, обозначающій племенное происхожденіе и индивидуальность, соотвѣтствуетъ, по мнѣнію г. *Хоммеля*, грузинскимъ -eli, uli, uri, суф. для образованія порядковыхъ именъ числительныхъ -ummi соотвѣтствуетъ лазскому -umiš (напр. otch 4, otchumiš—4-ый)" (ibid. 1259). Авторъ остался вѣрнымъ всѣмъ своимъ убѣжденіямъ и въ 1904 году выпущенномъ произведеніи „Grundriss. d. Geographie u. Geschichte d. alten Orients, 1. Hälfte (см. Die alarodische Gruppe", Ss. 33—75).

Вопросу объ отношеніи сузскаго къ грузинскому была посвящена

и монографія Heinrich Winkler'a „Die Sprache der zweiten Columne der dreisprachigen Inschriften und das Altaische", вышедшая въ 1895 году. Въ главѣ „Положеніе сузскаго языка въ мірѣ" (Weltstellung des susischen), гдѣ именно и трактуется интересующая насъ тема, весь вопросъ разсматривается авторомъ въ области синтаксиса и психики языка, какъ извѣстно наиболѣе трудной и наименѣе разработанной отрасли лингвистики вообще, а тѣмъ болѣе въ затрагиваемыхъ г. Винклеромъ языкахъ. И неудивительно, что авторъ не рѣдко проявляетъ непониманіе возбуждаемыхъ имъ вопросовъ и по незнанію усложняетъ и безъ того не легкій вопросъ, хотя онъ и считаетъ себя обладателемъ „болѣе точнаго знанія сущности кавказскихъ языковъ" (стр. 57). Всякую попытку пріурочить сузскій къ одному изъ существующихъ теперь языковъ кавказской группы, именно видѣть въ немъ одну изъ вѣтвей большого южно-кавказскаго племени, г. Винклеръ считаетъ ошибочнымъ. „Я думаю, заявляетъ авторъ, что сузскій долженъ считаться такимъ же представителемъ особой группы кавказской семьи языковъ, какъ напр. удинскій, абхазскій, или южнокавказскій, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ онъ напоминаетъ явленія южно-кавказскаго, въ другихъ отношеніяхъ различныя сѣверныя группы" (ibid. 57). Затѣмъ слѣдуютъ примѣры изъ всѣхъ языковъ и діалектовъ Кавказа; это какая-то лингвистическая каша, научное значеніе которой равно нулю, такъ какъ предполагаемое и даже чувствуемое родство нѣкоторыхъ, а не всѣхъ, языковъ Кавказа (грузинскаго съ діалектами, абхазскаго, нѣкоторыхъ языковъ Дагестана и т. д) еще не даетъ права вырывать одно слово изъ одного діалекта, другое слово изъ другого діалекта другого языка и т. п. и составлять такимъ образомъ какой-то произвольный, никогда не существовавшій „кавказскій языкъ". Прежде чѣмъ приводить примѣры изъ „кавказскихъ языковъ", г. Винклеру слѣдовало бы научно доказать существованіе родства всѣхъ языковъ Кавказа, установить всѣмъ имъ общія черты и въ структурѣ, и въ психикѣ языка. На г. Винклерѣ главнымъ образомъ лежитъ вина введенія въ изслѣдованіе вопроса о родствѣ съ „кавказскими языками" этихъ безцеремонныхъ пріемовъ, гдѣ исчезаютъ всякія границы языковъ и созидается фантастическая лингвистическая группа, изъ которой щедрой рукой сыплются доказательства для любого утвержденія, для подтвержденія родства съ любымъ языкомъ.

Конечно, въ этомъ, въ значительной степени повиненъ и проф. Хоммель, но все же онъ былъ значительно осторожнѣе г. Винклера, по крайней мѣрѣ, въ своихъ первыхъ работахъ.

У г. Винклера нашлись, конечно, свои послѣдователи, которые „научно обоснованное предположеніе Винклера о принадлежности эламитскаго къ кавказскимъ языкамъ“ считали „общепризнаннымъ“. Къ такимъ поклонникамъ и послѣдователямъ принадлежатъ G. Hüsing (Orientalist. Litteraturzeitung 1898, Sp. 385), и авторъ вышеприведенныхъ словъ г. Ф. Боркъ (Zur elamischen Iteration, ibid. 1900, № 1, Sp. 11). Несмотря на то, что количество обнародованныхъ эламитскихъ памятниковъ значительно возросло начиная съ 1901 года (см. Délégation en Perse. Mémoires, t. III, textes élamites-anzanites. 1. Série, par V. Scheil, Paris 1901 г. и t. V, textes élamites-anzanites, 2. Série, par V. Scheil, Paris 1904 г.) сравнительное изученіе эламитскаго языка ни на шагъ не подвинулось. Въ 1907 г. Ф. Винклеръ на основаніи выслѣженнаго Hüsing'омъ характернаго удвоенія корней во многихъ эламитскихъ словахъ (G. Hüsing. Reduplikation und Iteration in elamischen Eigennamen, Orient. Litter.-zeitung, 1900, März, Sp. 83—85; Iteration im Elamischen, ibid. 1902, Febr., Sp. 46—49 und 1904 Sept. Sp. 332—335) и поддержаннаго г. Боркомъ (F. Bork. Zur elamischen Iteration, ibid. 1900, Ianuar. Sp. 8—13) взялся вновь за сравненіе въ этомъ отношеніи эламитскаго съ „кавказскими языками“, но, къ сожалѣнію, онъ не понимаетъ самыхъ обыкновенныхъ явленій грузинской грамматики, именительнаго падежа онъ не въ состояніи отличить отъ родительнаго и развязно увѣряетъ, будто въ „южно-кавказскомъ“ (sic! „im Südkaukasischen“, авторъ, какъ это видно изъ послѣдующаго, имѣетъ въ виду грузинскій языкъ) „im Genetivverhältnis das Genetivzeichen zwei-dreimal gesetzt werden kann; so dass ein kac-i-si-si etwa soviel bedeutet wie: des Menschen, ja wirklich des Menschen; (*kac-i* allein heisst schon deutlich des M., die beiden si wiederholen die Genetivform auf das stärkste noch zweimal, indem sie deutlich auch den Sinn des *Sein, es ist* vertreten“ (H. Winkler, Elamisch und Kaukasisch, Orient. Litter.-zeitung, 1907, Nov. № 11, Sp. 572).

Никогда въ отдѣльности kac-i не могло быть родительнымъ падежомъ и не означаетъ „человѣка“, а есть самый обычный, единственно возможный именительный падежъ; далѣе формы „kac-i-si-si“ не существуетъ, а тутъ, нужно думать, авторъ спуталъ съ другимъ явленіемъ, преимущественно въ древне-грузинской литературѣ, когда опредѣленіе, стоящее позади опредѣляемаго, склоняется вмѣстѣ съ опредѣляемымъ, напримѣръ: домъ человѣка будетъ „сахли кац-иса“, дому человѣка—„сахл-са кац-исас“, къ дому человѣка „сахл-ад кац-ис-ад“; однимъ словомъ, въ такихъ случаяхъ опредѣленіе принимается какъ бы

за прилагательное и склоняется вмѣстѣ съ опредѣляемымъ словомъ; но отъ этого значеніе опредѣленія нисколько не измѣняется, и утвержденіе Винклера, будто форма kac-i-si-si, сочиненная имъ самимъ, или, быть можетъ, его источникомъ, впрочемъ неизвѣстнымъ, имѣетъ въ „южно-кавказскомъ" (грузинскомъ) значеніе „человѣка, да дѣйствительно человѣка", плодъ чистѣйшей фантазіи.

„То же самое происходитъ, заявляетъ далѣе г. Винклеръ, тамъ, гдѣ въ глаголѣ появляется подобный многократный флексіонный знакъ (solche vielfache Setzung der Flexionszeichen eintritt): tcer = писать, отсюда tceri, tcerin, tcerini, tcerinin, tcer-i-n-i-n-i-n-i-n приблизительно обозначающее „пиши его, его, его, его, его" (Ibid. Sp. 572—573).

Можно подумать, что это изъ юмористическаго журнала, если бы г. Винклеръ не выдавалъ все это за самое серьезное научное изслѣдованіе, за „открытіе", которымъ онъ гордится. Всѣ вышеприведенныя формы плодъ фантазіи автора или того источника, откуда, быть можетъ, онъ черпалъ свои знанія: писать по-грузински значитъ „tcera", а не „tcer", а другихъ производныхъ формъ, столь обильно перечисленныхъ г. Винклеромъ, не существуетъ и никогда не существовало; можно думать, что авторъ слышалъ о совершенно другомъ явленіи въ грузинскомъ, а именно по грузински „пиши его" будетъ „htcere", „заставь его писать" будетъ „atcerine", „заставь его черезъ посредство другого писать"—„atcer-in-eb-ine", но вѣдь это нѣчто совершенно другое. Легко себѣ представить, что должно быть у г. Винклера и его сподвижниковъ, когда они цитируютъ слова и формы дагестанскихъ горцевъ (индійскій, казикумих., дидонскій, лакскій, кюрин. и т. д.), или же абхазскій, либо языки другихъ племенъ, у которыхъ не существуетъ письменности, и языки которыхъ еще почти совершенно не изучены... Что это должна быть за фантасмагорія!?... Между тѣмъ гг. Винклеръ, Хюсингъ и Боркъ разсыпаются другъ предъ другомъ въ похвалахъ, взаимно признаютъ заслуги предъ наукой въ дѣлѣ сравнительнаго изученія эламитскаго и „кавказскихъ языковъ". Несмотря на всю эту показную сторону, даже самъ г. Боркъ долженъ былъ признаться, что въ эту, сдѣлавшуюся ихъ спеціальностью, дисциплину никто не входитъ предварительно подготовленнымъ по „кавказскимъ языкамъ".

Прежде чѣмъ высказать окончательное сужденіе объ этой „школѣ" лингвистовъ, занимавшихся сравнительнымъ изученіемъ, и достигнутыхъ ею результатовъ, я бы хотѣлъ указать еще на статьи G. Hüsing'a „Phrygisches" I u. II (Orient. Litteraturzeitung, 1901. Iuni, Sp.

229—232 и 1902. Novem. Sp. 422—424), гдѣ авторъ выводитъ названіе Фригія изъ имени мусковъ или мушковъ, ассир. наименованія совр. груз. племени месховъ, на статьи F. Bork'a „Mittani-Namen aus Nippur“ (ibid. 1906, Novem. Sp. 588—591), гдѣ авторъ митанское окончаніе šme, šše сопоставляетъ съ грузинскимъ „swi-li сынъ [1]), которое точно также употребляется и для образованія собственныхъ именъ, напримѣръ, Бараташвили, Клдіашвили; послѣднее звучитъ даже прямо по-митански“, гдѣ Kildiia (ibid. 590); наконецъ, на замѣтку De Charencey „Le pronom de la I-re personne en Géorgien et en Susien“ (Journal asiatique, 1907. juillet-août, p. 179—181), гдѣ авторъ указываетъ на связь между мѣстоименными элементами въ грузинскомъ и сузскомъ языкахъ; причемъ авторъ повидимому совершенно не знакомъ съ литературой, существовавшей до него, по этому вопросу и говоритъ о своемъ сопоставленіи, какъ о чемъ-то совершенно новомъ; да и въ грузинскомъ авторъ не силенъ до того, что глагольную форму „chèmikraws“ считаетъ производной отъ корня „chkr“ связывать (ib. 180), между тѣмъ тутъ корень *krw-* krwa связывать, а che это предлогъ и никакого отношенія къ корню не имѣетъ.

Къ сонму такихъ же лингвистовъ, считающихъ возможнымъ разрѣшать вопросы первостепенной важности безъ знанія языка, относится и А. Глейе, авторъ статей „*О происхожденіи грузинскаго народа и его языка*“ и „*Аріо—европейскіе, а въ частности иллирійскіе элементы въ грузинскомъ языкѣ*“ (Сборн. мат. для описанія мѣстн. и племенъ Кавказа“ вып. XXVII и XXXI), гдѣ авторъ проявляетъ незнаніе самыхъ элементарныхъ явленій грузинскаго языка, дѣлитъ самымъ безцеремоннымъ образомъ грузинскія слова, считаетъ за суффиксы то, что относится къ корню, по недоразумѣнію сочиняетъ иногда не существовавшій знакъ отрицанія „ау“ и т. п.; однимъ словомъ, статьи написаны съ такимъ нарушеніемъ элементарныхъ научныхъ требованій, что, не будь имѣющагося въ концѣ статьи указанія на ученую степень автора („магистръ сравн. языкознанія“), естественно было думать объ авторѣ, какъ о диллетантѣ.

Въ общемъ всѣ усилія вышеуказанныхъ изслѣдователей остались тщетными, и положительныхъ результатовъ не получилось. Я не хотѣлъ бы однако быть несправедливымъ по отношенію къ Хоммелю, который первый указалъ на родство сузскаго u, hu съ грузинскимъ мѣстоименнымъ суффиксомъ, на сибилянтъ въ 3 л. ед. ч., стоящій

[1]) Не сынъ, а дитя, и употребляется для образованія фамильныхъ именъ.

въ концѣ, имѣющій точную аналогію въ грузинскомъ, на знакъ множ. числа t въ глаг. и знакъ мн. ч. въ именахъ сущ. Несомнѣнно въ этомъ отношеніи наблюденія проф. Хоммеля заслуживаютъ полнаго вниманія, да и тѣ надписи, которыя изданы Weisbach'омъ, даже при бѣгломъ чтеніи даютъ чувствовать, что родство между сузскимъ и грузинскимъ должно было существовать. Но для этого, конечно, недостаточно приведенныхъ аналогій, необходимо детальное и основательное изслѣдованіе, какъ структуры, такъ и корнеслова. Конечно, прежде всего слѣдуетъ установить точное и правильное чтеніе надписей, языкъ которыхъ сравнивается съ грузинскимъ. Чтеніе эламитскихъ надписей, еще настолько не твердо, что спеціалистамъ приходилось вмѣсто прежнихъ чтеній вводить новыя, совершенно непохожія чтенія, напримѣръ, antugi utta оказалось la-ketta, вм. altik — hallak, вм. urma — lamma, вм. tartuak — šillak, вм. pattu — pela, вм. pu—lih, вм. mugi—ten-ke(h), вм. rila—talli (G. Hüsing. Zum elamischen Wörterbuche, Orient. Litteraturzeitung, 1904. März, Sp. 113). Совершенно понятно, что при возможности подобныхъ случайностей и неустановленности чтенія сравнительное изученіе языка надписей не можетъ быть плодотворнымъ. Затѣмъ во время дешифрировки надписей должно быть обращено особенное вниманіе на транскрипцію согласныхъ; при презумпціи въ пользу родства этихъ языковъ съ грузинскимъ или „кавказскими языками“ нужно же имѣть въ виду отличительныя свойства звукового состава этихъ языковъ. Наконецъ, стыдно даже объ этомъ говорить, но все вышеизложенное къ прискорбію вынуждаетъ указать, что прежде чѣмъ сравнивать языкъ сузскихъ и эламитскихъ надписей съ грузинскимъ нужно прежде всего основательно знать древне-грузинскій, знать структуру языка и фонетическіе законы.

Еще въ 1895 году проф. H. Schuchardt, единственный лингвистъ на Западѣ, основательно знающій грузинскій языкъ, выступалъ противъ проф. Hommel'я и его пріемовъ, указывалъ на ошибки въ приводимыхъ имъ примѣрахъ и скромно напоминалъ о необходимости прежде всего знать въ достаточной степени языкъ, съ которымъ ученый сравниваетъ (*Über das Georgische* von H. Schuchardt, Wien. 1895, S. 67). Но выступалъ онъ противъ *не энергично* и объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ его авторитетный протестъ противъ профанаціи лингвистики могъ возымѣть отрезвляющее дѣйствіе на создававшуюся тогда еще „школу“ сравнительнаго „кавказско-эламитскаго“ и другого любого языкознанія.

Болѣе того самъ проф. Шухардтъ явился невольнымъ вдохновителемъ новой работы, посвященной грузинскому языку, но исполненной ученымъ, также не знающимъ грузинскаго языка. Проф. Шухардтъ въ своей упомянутой брошюрѣ высказалъ въ весьма осторожной и неясной формѣ предположеніе о возможности родства между иберскимъ, баскскимъ, хамитическими и грузинскимъ языками. „Между восточнымъ иберскимъ (т. е. грузинскимъ) и западнымъ иберскимъ оказывается нѣкоторое внутреннее родство (manche innere Gemeinsamkeit), съ другой стороны, баскскій не безъ основательныхъ причинъ приведенъ въ связь съ хамитскими; поэтому, говоритъ авторъ, предположеніе объ четырехкорневомъ происхожденіи всѣхъ средиземныхъ языковъ нельзя считать несокрушимымъ, выразить каковое предположеніе въ какомъ-либо видѣ едва ли удастся самой смѣлой фантазіи (Für unerschütterlich dürfen wir daher die Annahme einer vierfachen Wurzel für alle lebenden mittelländischen Sprachen nicht halten, eine Annahme die irgendwie auszugestalten kaum der kühnsten Phantasie gelingt", ibid. S. 7). Сомнѣнія проф. Шухардта оказались однако неосновательными: нашелся все же ученый, у котораго было достаточно и смѣлости, и фантазіи, чтобы выполнить внушенную мысль.

Въ 1902 и 1903 годахъ въ журналѣ „Giornale della società asitica italiana" проф. Алфредъ Тромпетти напечаталъ свою статью подъ заглавіемъ „*Della relazioni delle lingue caucasiche con le lingue camito-semitiche e con altri gruppi linguistici*" въ видѣ письма къ проф. Шухардту. Авторъ потратилъ, видимо, не мало труда и старанія и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: „1) кавказскіе языки имѣли отношенія ко многимъ лингвистическимъ группамъ древняго міра, но самымъ древнимъ обширнымъ и существеннымъ были отношенія къ хамито-семитическимъ, или вообще къ языкамъ Африки; 2) по происхожденію баскскій относится (appartenne originariamente) къ кавказской группѣ и соприкасается прежде всего съ абхазско-черкесскимъ и грузинскимъ" (Giornale, vol. sedic., parte prima, стр. 146). Проф. Тромпетти даетъ нѣчто вродѣ сравнительной грамматики, гдѣ говоритъ, что „звуковая система кавказскихъ языковъ, особенно грузинскаго, обнаруживаетъ много сходства съ системой хамито-семитической въ отношеніи обилія гортанныхъ и сибилянтовъ" (ibid. vol. quind., стр. 182), „что касается словообразованія, то кавказскіе языки имѣютъ подобно хамито-семитическимъ префиксы и суффиксы, грузинскій префиксъ m-, образующій nomina agentis и причастія, идентиченъ съ хамито-семитическимъ префиксомъ m-" (ibid. 182—183), затѣмъ авторъ переходитъ

къ имени существительному, мѣстоименію и глаголу, излагаетъ, но весьма кратко, при чемъ знакъ мн. ч. груз. спряженій -th сравниваетъ съ „-t, -θ множ. числа verbes d'état берберскаго языка", груз. окончаніе 3. л. мн. ч. -en, -n сопоставляетъ съ берберскимъ знакомъ 3 л. мн. ч. en (ibid. 193); къ сожалѣнію, проф. Тромпетти плохо разбирается въ грузинскомъ языкѣ и проявляетъ полное непониманіе всей структуры грузинскаго спряженія, когда для сравненія грузинскаго и берберскаго глагола онъ приводитъ слѣдующую парадигму прошедшаго времени:

	грузин.		бербер.	
Ед. ч. 1 л.	sw—*i* я пилъ		sw—*i* я пилъ	
„ „ 2 „	sw—*i* ты „		sw—*i* ты „	
„ „ 3 „	sw—*a* онъ „		sw—*a* онъ „	(ib. 193)

думая, что для грузинскаго спряженія характерными являются окончанія, а не префиксы, какъ это на самомъ дѣлѣ; а самое главное, не подозрѣвая, очевидно, что, по-грузински я, ты, онъ пилъ будетъ w-swi, h-swi, swa. Однимъ словомъ, авторъ имѣетъ общій всѣмъ, за исключеніемъ проф. Шухардта, недостатокъ — незнаніе грузинскаго языка. Проф. Тромпетти нельзя безусловно отказать въ остроуміи и наблюдательности, въ большомъ усердіи, но и это не могло спасти и избавить его отъ необходимости основательнаго знанія языка, надъ которымъ приходилось работать. Итальянскій ученый совершенно не считается съ многовѣковой литературной исторіей грузинскаго языка и беретъ современныя формы, да и то не всегда въ надлежащемъ видѣ, и сравниваетъ то съ берберскимъ, то съ баскскимъ, то съ угрофинскими. Для доказательства внушенной ему проф. Шухардтомъ мысли онъ прибѣгаетъ къ обычному для вышеупомянутыхъ многочисленныхъ западно-европейскихъ лингвистовъ, искателей „открытій", желающихъ легкимъ трудомъ добыть себѣ имя, способу, спасительному для всѣхъ не знающихъ языкъ,—къ сравненію съ „кавказскими и южно-кавказскими языками". Такому фантастическому матеріалу, съ другой стороны, противопоставляется для сравненія цѣлый лѣсъ всевозможныхъ языковъ одновременно, тутъ имѣется и берберскій, и коптскій, и баскскій, и енисейскій, и финскій, и эстонскій, и индо-европейскій. Такъ, понятно, что угодно можно доказать. Находясь столь близко около истины и занимаясь сравненіемъ грузинскаго и „кавказскихъ" съ хамито-семитическими, проф. Тромпетти не пришла даже мысль сравнить одинъ грузинскій съ одними семитическими, не пришла потому, что, не зная

языка, онъ, естественно, искалъ внѣшнихъ совпаденій. И неудивительно, что выполненная съ такими пріемами работа проф. Тромбетти не произвела никакого впечатлѣнія и оказалась безплодной.

Наконецъ, о послѣдней работѣ, посвященной выясненію родства грузинскаго языка. Недавно вышли *„Основныя таблицы къ грамматикѣ древне-грузинскаго языка съ предварительнымъ сообщеніемъ о родствѣ грузинскаго языка съ семитическими“*, давно уже съ нетерпѣніемъ спеціалистами ожидавшееся произведеніе профессора Н. Марра. Еще въ 1886 году авторъ напечаталъ въ грузинской газетѣ *„Иверія“* (№ 86) маленькое, предварительное сообщеніе подъ заглавіемъ *„Природа и характеръ грузинскаго языка“*, въ которомъ впервые сообщалось о родствѣ грузинскаго съ семитическими языками. Послѣ авторъ въ своихъ многочисленныхъ произведеніяхъ часто высказывалъ ту же мысль и иногда приводилъ подкрѣпляющіе примѣры. Въ 1899 году профессоръ Н. Марръ читалъ уже цѣльный курсъ сравнительной грамматики и корнеслова грузинскаго языка съ семитическими, который и прослушалъ авторъ этихъ строкъ, бывшій тогда на послѣднемъ курсѣ факультета восточныхъ языковъ. Основанный на историческомъ изученіи древне- и ново-грузинскаго языка, на сравнительной фонетикѣ прежде всего грузинскихъ діалектовъ, а потомъ на сравнительномъ изученіи соотвѣтствій грузинскихъ и семитическихъ звуковъ, на проникновенномъ анализѣ грузинскаго глагола, этой интереснѣйшей, но въ то же самое время труднѣйшей части грузинской грамматики, прочтенный курсъ произвелъ неотразимое впечатлѣніе. Въ изданной теперь работѣ имѣется пока только предварительное сообщеніе; но за то напечатаны основныя таблицы къ грузинской грамматикѣ, и тотъ, кто знаетъ языкъ, можетъ понять, какое значеніе имѣетъ для пониманія строя грузинскаго языка устанавливаемое родство его съ семитическими. „Грузинскій языкъ является характернѣйшимъ представителемъ особой лингвистической вѣтви, которая въ свою очередь находится въ генетическомъ родствѣ съ семитическою вѣтвью языковъ; въ эту особую вѣтвь, родственную съ семитическою, входятъ кромѣ грузинскаго и братски-связанныхъ съ нимъ живыхъ нарѣчій, т.-е. кромѣ такъ называемой картвельской или иверійской группы (точнѣе: картской, иверской и сванской группъ) еще мертвые теперь языки; изъ такихъ мертвыхъ языковъ одни, пока впрочемъ, гипотетически сближаемые съ грузинскимъ, доступны нашему изслѣдованію лишь въ эпиграфическихъ памятникахъ, какъ, напримѣръ, сузскій (эламскій), сохранившійся въ клинообразныхъ надпи-

сяхъ, другіе—въ составѣ наличныхъ языковъ мѣшаннаго типа, какъ, напримѣръ, до-арійскій языкъ Арменіи, сильными и многочисленными переживаніями отложившійся въ языкѣ, извѣстномъ въ широкой публикѣ, да и въ наукѣ—только подъ названіемъ „армянскій" (стр. 1). Эту лингвистическую вѣтвь профессоръ Марръ условно называетъ „яфетическою" (ibid.). Родство грузинскаго съ семитическими явствуетъ какъ изъ звукового состава, такъ изъ морфологіи и корнеслова. „Фонетика грузинскаго языка родственна съ фонетикою семитическихъ. Между прочимъ грузинскій языкъ, представляя, подобно семитическимъ, примѣръ подавляюще преимущественнаго развитія согласныхъ, раздѣляетъ съ нимъ богатство и разнообразіе гортанныхъ звуковъ" (ibid. 2). Что касается морфологіи, то „въ грузинскомъ не только три основныхъ падежа, какъ и въ арабскомъ, въ наиболѣе чистомъ видѣ сохранившемъ семитическое склоненіе, но и гласные характеры этихъ падежей тожественны: именительный i (изъ u), родительный i (первоначальный) и дательный, resp. винительный a. Грузинское склоненіе раздѣляетъ не только тожество гласныхъ характеровъ падежныхъ окончаній, но и наличіе въ нихъ замыкающаго согласнаго, причемъ на основаніи яфетическо-семитической сравнительной фонетики въ грузинскомъ замыкающимъ согласнымъ является s, закономѣрное соотвѣтствіе семитическаго h, который, такимъ образомъ, быть можетъ, не слѣдовало бы считать лишь ороографическимъ явленіемъ въ еврейскомъ падежномъ окончаніи. Кромѣ того, въ той же роли грузинскій въ качествѣ переживаній сохранилъ и другіе согласные, именно n, какъ въ арабскомъ (нунація), m, какъ въ еврейскомъ (мимація, ср. то же явленіе діалектически и въ арабскомъ, именно „химьяритскихъ" надписяхъ южной Аравіи), v, какъ въ ассирійскомъ, сказали бы мы, если окончанія uv, iv, av сами ассиріологи не рѣшили читать непремѣнно приноровительно къ еврейской мимаціи um, im, am" (ibid. 3—4). Далѣе въ мѣстоименныхъ элементахъ также замѣчается соотвѣтствіе, особенно въ мѣстоименныхъ частицахъ, употребляющихся въ спряженіи объективнаго строя. 1 л. ед. ч. неоформ. пад. m, род. пад. mi, дат. пад. ma (ibid., табл. VIII) = араб., эѳіоп., евр., арам., ассир. nī; 2 л. ед. ч. неоформ. пад. g, род. пад. gi, дат. пад. ga (ibid.) = араб., эѳіоп., ассир. муж. р. ka, евр. kā, арам. k, женск. рода араб., эѳіоп., ассир. ki, арам. k; 3 л. ед. ч. неоформ. п. s (h), resp. m, род. u [изъ vi], i [изъ hi] возвр., дат. пад. a [изъ ha] (ibid.) = = муж. р. араб., эѳіоп., евр. hu, u, арам. u, hi, eh, ассир. šu, š, жен. р. араб., эѳіоп., евр. ha, a, арам. h, ассир. ši, s.

Вообще „грузинскій не только пользуется въ морфологіи префиксальнымъ образованіемъ, какъ и семитическіе языки, но и сами элементы этого образованія въ грузинскомъ языкѣ тожественны или родственны съ семитическими эквивалентами, напримѣръ, формативъ m, въ сопутствіи съ тѣмъ или инымъ согласнымъ, иногда и безъ согласнаго, служащій образовательнымъ префиксомъ причастій, а также именъ дѣйствующихъ лицъ и т. п.“ (ibid. 5—6). „Точно также въ грузинскомъ не только существуютъ двѣ основныя формы причастія страдательнаго залога, какъ въ семитическихъ, но и гласные характеры одной „u“, другой „i“ тожественны или явно родственны съ тѣмъ что находится въ семитическихъ языкахъ (ū, ī), напр. въ араб. maf'ūl, resp. qatūl, qětīl“ (ibid. 5).

Родство грузинскаго съ семитическими доказывается и корнесловомъ; изъ тысячи отожествленныхъ уже корней проф. Н. Марръ приводитъ для подтвержденія различныхъ фонетическихъ переходовъ на сравнительной грузино-семитической почвѣ свыше 60 корней. Типографскія затрудненія не позволяютъ мнѣ привести эти примѣры. Всякій интересующійся, мнѣ кажется, долженъ прочесть это произведеніе въ оригиналѣ и проштудировать, такъ какъ авторъ не былъ заинтересованъ, чтобы приводить наиболѣе схожіе корни, а устанавливалъ на основаніи точныхъ звуковыхъ соотвѣтствій родство такихъ корней, которые по первому внѣшнему виду такого впечатлѣнія не производятъ. Всякій, кто вчитается въ приводимыя проф. Марромъ морфологическія соотвѣтствія и вникнетъ въ звуковые переходы ихъ, не можетъ не признать родства грузинскаго языка съ семитическими.

Но „само собой понятно, что въ грузинскомъ языкѣ много, и очень много такого, что удаляетъ его отъ семитическихъ. Потому-то и нельзя его считать семитическимъ: онъ лишь родственъ съ семитическими въ извѣстной степени, именно тогда какъ семитическіе — братски родственны другъ съ другомъ, наличные представители яфетической вѣтви, въ томъ числѣ и грузинскій, съ семитическими находится въ отношеніи двоюродныхъ братьевъ, дѣтей двухъ родныхъ братьевъ, т.-е. пра-семитическаго и пра-яфетическаго языковъ“ (ibid., 7—8).

Послѣ долгаго и безплоднаго исканія вопросъ о генетическомъ родствѣ грузинскаго языка, наконецъ, попалъ въ руки спеціалиста; до этого времени были собственно только любительскія упражненія ученыхъ, или совсѣмъ неумѣющихъ, или съ грѣхомъ пополамъ могущихъ разбираться въ грузинской граммотѣ. Проф. Н. Марру же принадлежитъ цѣлый рядъ превосходныхъ научныхъ изданій древнѣй-

шихъ памятниковъ грузинской письменности и, что особенно важно, серія цѣнныхъ монографическихъ работъ, посвященныхъ лингвистическому изученію языка изданныхъ имъ памятниковъ; но, опуская массу мелкихъ замѣтокъ и статей, укажу лишь на важнѣйшія, посвященныя грузинскому тексту X в. „Толкованія пѣсни пѣсней Ипполита" (см. Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологіи, кн. III, стр. XXXVI—LXX), тексту древнегрузинскихъ одописцевъ XII вѣка, пѣвцовъ Давида Строителя и царицы Тамары (ibid., кн. IV, стр. 77—100), тексту грузинскаго перевода VIII—IX в. Физіолога, изд. по рукоп. X вѣка (ibid., кн. VI, стр. XXIX—XLI и XLIII—XLIV) и грузинскому тексту по рукописи X в. „Дѣяній Сновсипа, Еласипа и Меласипа" (см. Зап. Вост. Отд. Рус. Арх. общ., т. XVII, стр. 294—308); въ этихъ трудахъ имѣются детальные экскурсы и въ области фонетики и морфологіи, и въ области лексики (архаизмы, діалектизмы, заимствованныя слова), и въ области синтаксиса и стилистики. Только спеціалистъ, знающій грузинскій, можетъ понять и оцѣнить въ полной мѣрѣ, сколько труда, наблюдательности и тонкаго анализа затрачено авторомъ на тѣ нѣмыя для неспеціалиста таблицы, особенно отъ VIII—XX, которыя слѣдуютъ за предварительнымъ сообщеніемъ; лишь при наличности такихъ многолѣтнихъ подготовительныхъ штудій автора возможно было появленіе этой важной работы; такъ какъ хотя сама грамматика проф. Марромъ полностью еще не обнародована, но спеціалистъ и по напечатаннымъ основнымъ таблицамъ, этого остова ожидаемой грамматики, и предварительному сообщенію можетъ судить о капитальномъ значеніи только что обнародованнаго труда проф. Н. Марра; и въ данномъ случаѣ высказываюсь, какъ и во всей статьѣ, съ точки зрѣнія грузиновѣдѣнія. Для всякаго грузиновѣда не можетъ быть сомнѣнія въ обоснованности выставленнаго проф. Марромъ генетическаго родства грузинскаго языка съ семитическими и въ томъ значеніи, которое имѣетъ этотъ фактъ для будущаго нашей отрасли лингвистики; хотѣлось бы мнѣ высказать лишь пожеланіе, чтобы и со стороны западно-европейскихъ семитологовъ, не взирая на препятствія со стороны языка, на которомъ написана книга, была встрѣчена съ тѣмъ интересомъ и признаніемъ, какого заслуживаетъ эта, открывающая широкія и заманчивыя перспективы, новая работа проф. Н. Марра.

И. Джавахов.

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНІЯ ПРАВА.

Окидывая бѣглымъ взглядомъ общій ходъ развитія философской мысли въ новое время, можно замѣтить рѣзкое различіе между тремя направленіями познанія, тремя методами разсмотрѣнія явленій: естественно-научнымъ, телеологическимъ и историческимъ, соотвѣтственно этому между тремя группами наукъ: естествознаніемъ, этикой и исторіей. Эти методы, примѣненные къ изученію права, порождаютъ три направленія въ правовѣдѣніи: естественно-научное, телеологическое и историческое.

I.

Естественно-научный методъ въ правовѣдѣніи.

Сущность естественно-научнаго метода, или, какъ иначе выражаются, естественно-научнаго образованія понятій наиболѣе ярко вскрыта г. Риккертомъ въ его произведеніи „Границы естественно-научнаго образованія понятій“ [1]).

Естественно-научный методъ—это, по его мнѣнію, средство для познанія существующей непосредственно данной дѣйствительности, а потому понять сущность его можно лишь изъ отношенія его къ тому, что познается.

Отличительную особенность непосредственно данной намъ дѣйствительности (именно въ томъ видѣ, какъ она представляется обычному сознанію) составляетъ безконечное (въ смыслѣ эмпирически-необозримаго) экстенсивное и интенсивное многообразіе вещей. Подъ экстенсивною безконечностью міра надо понимать то, что онъ пред-

[1]) *Риккертъ.* „Границы естест.-науч. образов. понятій“. Переводъ съ нѣмецкаго А. Водена. С.-Пб. 1903 г. Стр. 1—135.

ставляется намъ въ видѣ необозримаго многообразія отдѣльныхъ формъ и процессовъ—впрочемъ, и каждая отдѣльная вещь обладаетъ безконечнымъ экстенсивнымъ многообразіемъ: существуетъ безконечное множество отдѣльныхъ индивидуальныхъ созерцаній ея. Подъ интенсивнымъ многообразіемъ надо понимать многообразіе, присущее каждому отдѣльному созерцанію вещи: это многообразіе мы можемъ обнаружить въ какомъ угодно простомъ созерцаніи или воспріятіи какъ въ качественномъ отношеніи (напр., всякая окрашенная поверхность представляетъ безконечное множество оттѣнковъ краски), такъ и въ количественномъ (напр., всякую поверхность можно разложить на какое-угодно число частей).

Поэтому ставить передъ познаніемъ задачу—дать „копію міра", какъ многократно дѣлается, значитъ ставить передъ ней неразрѣшимую проблему.

Познаніе, если оно возможно, должно представлять собою упрощеніе міра, оно должно представлять въ обозримой системѣ понятій данную намъ дѣйствительность [1]). Задачу естественно-научнаго метода и составляетъ преодолѣніе экстенсивнаго и интенсивнаго міра въ интересахъ познанія.

Первую стадію въ этомъ процессѣ переработки дѣйствительности представляетъ образованіе общихъ представленій; впрочемъ, сама наука не создаетъ ихъ, а пользуется ими какъ результатами до-научной (наивной) обработки дѣйствительности. Благодаря этимъ общимъ представленіямъ уже до извѣстной степени упрощаются экстенсивное и интенсивное многообразіе вещей: экстенсивное многообразіе преодолѣвается благодаря тому, что мы однимъ словомъ обозначаемъ множество индивидуальныхъ вещей или воспріятій одной вещи, оно, слѣдовательно, упрощается въ объемѣ общаго представленія; интенсивное же многообразіе преодолѣвается благодаря тому, что мы, не представляя себѣ объекта во всемъ его многообразіи признаковъ и свойствъ, что было бы невозможно, подводимъ его подъ значеніе слова; слѣдовательно, оно упрощается въ содержаніи общаго представленія.

Однако, общія представленія или значенія словъ не въ силахъ выполнить стоящую передъ естественно-научнымъ познаніемъ задачу. Въ самомъ дѣлѣ, основное свойство общихъ представленій, благодаря ко-

---

[1]) Такое пониманіе задачи познанія постепенно прокладываетъ себѣ путь и находитъ все болѣе и болѣе сторонниковъ. Ср. *Корнеліусъ*. „Введеніе въ философію", особенно § 4 и § 32.

торому они и упрощают многообразіе,—неопредѣленность. Если для практической жизни такая неопредѣленность безвредна и незамѣтна, то въ наукѣ она не терпима. Возникаетъ, такимъ образомъ, задача избавиться отъ указанной неопредѣленности, и мы переходимъ ко второй стадіи естественно-научной обработки дѣйствительности—опредѣленію общаго представленія или понятія. Это можетъ быть, очевидно, достигнуто не иначе, какъ перечисленіемъ по одиночкѣ того, изъ чего состоитъ понятіе, т. е. общихъ элементовъ общаго представленія, говоря иными словами, понятіе опредѣляется при посредствѣ ряда слѣдующихъ другъ за другомъ сужденій. Однако, если содержаніе понятій раскрывается въ рядѣ сужденій, то, такъ какъ каждый изъ элементовъ понятія, которые въ формѣ сужденій отчетливо сознаются нами и совокупность которыхъ составляетъ содержаніе понятія, опять-таки долженъ быть простымъ общимъ представленіемъ, вновь вторгается неопредѣленность. Хотя въ большинствѣ случаевъ спеціальныя области естествознанія для опредѣленія своихъ понятій и довольствуются такими неопредѣленными элементами, однако, передъ цѣлымъ естествознаніемъ, если оно хочетъ быть точною наукою, стоитъ задача устранить и эту неопредѣленность. Такъ какъ это опять-таки не иначе возможно, какъ путемъ опредѣленія этихъ элементовъ снова въ новыхъ сужденіяхъ и т. д., то, очевидно, если задача познанія выполнима, если возможно преодолѣніе экстенсивнаго и интенсивнаго многообразія, необходимо допустить такія понятія, элементы которыхъ оказывались бы совершенно свободными отъ многообразія, были бы абсолютно просты: къ образованію такихъ понятій, по крайней мѣрѣ, какъ къ идеалу, должно стремиться естествознаніе.

Положимъ, что намъ удалось бы найти абсолютно простые и опредѣленные элементы понятій, стало быть, достигнуть осуществленія идеала формальной логики,—все же намъ и въ такомъ случаѣ не удалось бы преодолѣть экстенсивное и интенсивное многообразіе не только всей дѣйствительности, но и отдѣльной вещи. Ибо, хотя мы и могли бы разложить понятіе какой-либо вещи на рядъ простыхъ элементовъ, однако, у насъ не было бы никакой увѣренности, что всѣ указанные элементы понятія, образованнаго примѣнительно къ какой-либо части объектовъ даннаго класса (обозрѣть всѣ объекты нѣтъ возможности), и только они находятъ мѣсто во всѣхъ объектахъ изслѣдуемаго класса, и, слѣдовательно, мы никогда бы не могли довести познаніе вещи до конца такъ, чтобы не осталось непонятнымъ какое-либо многообразіе. Для достиженія этого, именно того, чтобы при помощи понятій можно

было обозрѣть безконечное многообразіе въ пространствѣ и времени вещей даннаго класса, необходимо, чтобы понятіе было свободно отъ пространственныхъ и временныхъ опредѣленій, только при такомъ условіи оно примѣнимо ко всякой встрѣчающейся въ дѣйствительности формѣ, какія бы пространственныя и временныя опредѣленія она ни имѣла; словомъ, понятіе должно обладать не только эмпирическою, а безграничною общностью. Переработка просто эмпирическихъ понятій въ общезначимыя—представляющая третью самую важную стадію процесса естественно-научнаго познанія—возможна для естествознанія на пути отвлеченія, отбрасыванія ряда признаковъ и фиксированія лишь тѣхъ, между которыми существуютъ закономѣрныя отношенія, безусловная связь, прежде всего причинная [1]). Для констатированія такой связи не требуется обозрѣнія всѣхъ или, по возможности, всѣхъ объектовъ, она можетъ быть установлена путемъ изслѣдованія незначительнаго числа экземпляровъ даннаго класса,—при предположеніи, конечно, извѣстныхъ формъ познанія. Словомъ, понятія вещей, разъ они должны выполнять свое назначеніе, не должны представлять собою всего лишь комплексы признаковъ; въ ходѣ процесса опредѣленія они превращаются въ закономѣрныя отношенія элементовъ, въ „законы природы“. Многообразіе установленныхъ на такомъ пути законовъ доступно обозрѣнію при допущеніи закономѣрности законовъ, т. е., коль скоро мы въ состояніи установить послѣднее понятіе закона, обнимающее различные законы природы какъ свои виды, или, точнѣе, коль скоро мы въ правѣ предположить, что мы въ состояніи все больше и больше упрощать закономѣрность, и благодаря этому, все болѣе и болѣе приближаться къ единому послѣднему понятію закона.

Такимъ образомъ, естествознаніе, исходя изъ общихъ представленій, данныхъ непосредственно въ воспріятіи вещей, превращаетъ ихъ въ отношенія болѣе простыхъ элементовъ, эти послѣдніе и черезъ это и ихъ отношенія — въ отношенія еще болѣе простыхъ элементовъ и т. д., въ идеалѣ оно стремится свести все къ абсолютно простымъ понятіямъ и ихъ отношеніямъ. Такъ какъ эти абсолютно простыя понятія, если при посредствѣ ихъ въ дѣйствительности упрощается многообразіе міра, не могутъ быть мыслимы ни измѣнчивыми, ни качественно-различными, ни дѣлимыми и т. д., ибо иначе опять-таки появлялось бы многообразіе, то они должны представлять

[1]) О роли „причинности“ въ процессѣ превращенія просто эмпирическихъ понятій въ общезначимыя обстоятельно говоритъ Корнеліусъ въ указ. книгѣ, § 30.

собою не что иное, какъ міръ атомовъ и ихъ движеній. Многообразіе остается здѣсь лишь въ числѣ послѣднихъ вещей и въ безчисленномъ количествѣ движеній. Но то и другое многообразіе—математическое и потому доступно обозрѣнію. Такимъ образомъ всякій, по крайней мѣрѣ, тѣлесный процессъ долженъ быть подведенъ подъ понятіе комплекса послѣднихъ вещей и подъ математически-формулированные законы ихъ движеній.

Исходя, съ одной стороны, изъ факта, что мы имѣемъ передъ собою измѣняющееся во времени интенсивное и экстенсивное многообразіе вещей въ пространствѣ, и, съ другой, изъ требованія, гласящаго, что, такъ какъ это многообразіе, какъ воспріятіе, необозримо, оно должно быть представлено въ совершенно доступной обозрѣнію системѣ понятій, мы начертали идеалъ для естественно-научнаго образованія понятій. Что къ этому идеалу естествознаніе фактически стремится, что уже въ извѣстной мѣрѣ онъ осуществляется въ нѣкоторыхъ отрасляхъ этой науки — не подлежитъ сомнѣнію. Вѣдь, естествознаніе учитъ, что міръ, столь безконечно разнообразный, въ сущности, вездѣ и всегда оказывается однимъ и тѣмъ же, что всякое различіе, всякое измѣненіе основывается на движеніи неизмѣннаго элементарнаго вещества въ пространствѣ; что это движеніе подчинено единообразнымъ законамъ, отысканіе, математическая формулировка и приведеніе въ систему которыхъ составляетъ задачу науки. Различныя отрасли естествознанія въ различной степени осуществляютъ указанный идеалъ. Ближе всего къ начертанному идеалу стоитъ механика, такъ какъ понятія этой науки не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что бы встрѣчалось только здѣсь или тамъ, тогда или теперь. Напротивъ, ея понятія абсолютно общи. Дальше отъ идеала стоитъ уже физика въ собственномъ смыслѣ: она заключаетъ нѣсколько областей, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои особенные законы. Еще дальше находится химія и т. д. На этомъ бóльшемъ или меньшемъ приближеніи къ идеалу можно построить систему естественныхъ наукъ. Неопредѣленность, которая еще оказывается на лицо въ понятіяхъ вещей, съ которыми оперируетъ какая нибудь наука, и которая, пока эта наука не идетъ дальше своей спеціальной задачи, и должна оказываться на лицо, устраняется наукою, ставящей себѣ болѣе обширныя задачи: ея понятія замѣняются понятіями отношеній, въ меньшей мѣрѣ содержащими въ себѣ неопредѣленные (созерцательные) элементы. Эта наука съ своей стороны передаетъ свои неопредѣленныя понятія болѣе обширной наукѣ, долженствующей

построять новыя понятія отношеній, въ которыя входитъ все меньше и меньше неопредѣленныхъ эмпирическихъ элементовъ, пока, наконецъ, въ теоріи, обнимающей весь (по крайней мѣрѣ, тѣлесный) міръ, не удалятся всѣ понятія объ эмпирическихъ вещахъ и благодаря этому всѣ неопредѣленные элементы [1]).

Послѣднею „познавательною цѣлью естествознанія, слѣдовательно, служатъ теоріи, которыя въ конечномъ счетѣ сводятся къ математическимъ формуламъ законовъ движенія: въ чисто-платоновскомъ духѣ игнорируетъ оно, какъ простую видимость, отдѣльную преходящую чувственную вещь и стремится къ познанію закономѣрной необходимости, которая съ внѣвременной неизмѣнностью царитъ надъ всѣмъ совершающимся. Изъ сіяющаго красотами міра чувствъ оно приготовляетъ систему абстрактныхъ понятій, въ которыхъ оно старается постигнуть истинную скрывающуюся за явленіями сущность вещей, міръ атомовъ, безцвѣтный, безвкусный: это тріумфъ мышленія надъ воспріятіемъ. Равнодушное ко всему преходящему естествознаніе забрасываетъ свой якорь только въ вѣчно неизмѣнное и пребывающее; не измѣнчивое какъ таковое ищетъ оно, а только неизмѣнную форму измѣненія“ [2]).

Первую попытку примѣненія естественно-научнаго метода къ правовѣдѣнію представляетъ школа естественнаго права до Канта. Подобно тому какъ естествоиспытатель при изученіи какой-либо группы явленій видитъ свою задачу въ томъ, чтобы путемъ отвлеченія отъ индивидуальнаго, частнаго найти общее, „природу“ этого рода явленій, такъ точно представители школы естественнаго права считали цѣлью изученія права — открытіе „природы“ права, „естественнаго права“. Всѣ особенности ихъ ученія о правѣ объясняются изъ этого ихъ метода изученія права.

Общая имъ всѣмъ, за исключеніемъ Юма, гипотеза естественнаго состоянія выросла на почвѣ указаннаго естественно-научнаго метода. Подобно тому какъ въ естествознаніи обычно общее понятіе метафизически гипостазируется и затѣмъ общая сущность представляется истинною реальностью, такъ и въ правовѣдѣніи того времени естественное право превращается въ истинно-дѣйствительное, господствую-

---

[1]) *Риккертъ*. Границы ест. науч. обр. понятій. Стр. 234.

[2]) *Виндельбандъ*, Прелюдіи, переводъ С. Франка; 325—26 стр.

щее въ естественномъ состояніи. Данное же историческое право признается лишь экземпляромъ всеобщаго права, и его индивидуальному своеобразію не только не придается существеннаго значенія, но даже въ немъ, въ простой видимости, усматривается покровъ, скрывающій естественное право отъ взора въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ качественное историческое многообразіе тѣлъ скрываетъ отъ нашихъ чувствъ истинное бытіе атомовъ. И какъ передъ естествоиспытателемъ отсюда возникаетъ задача, состоящая въ томъ, чтобы съ помощью мышленія проникнуть черезъ явленіе къ сущности, такъ и передъ правовѣдами того времени стояла проблема изъ многообразія историческихъ правъ возстановить право въ его исконной чистотѣ [1]). Въ ихъ исканіи основаній перехода изъ естественнаго состоянія въ гражданское—ярче всего проявлялось это стремленіе отыскать среди многообразныхъ формъ дѣйствительности истинное право, природу права.

Равнымъ образомъ, попытки выведенія права изъ природы человѣка, — въ этомъ согласны между собою всѣ представители школы естественнаго права, — несмотря на разное пониманіе этой природы (Гоббесъ видитъ ее въ эгоизмѣ, Спиноза — въ силѣ, Лейбницъ — въ стремленіи къ счастію и т. д.) — представляютъ собою не что иное, какъ слѣдствіе примѣненія естественно-научнаго метода. Онѣ имѣютъ цѣлью точное опредѣленіе понятія права путемъ сведенія его къ болѣе простымъ элементамъ, путемъ замѣны его законосообразными отношеніями этихъ элементовъ. Это—та же самая цѣль, какую ставятъ себѣ естественно-научныя дисциплины, пытаясь свои основныя понятія свести къ болѣе общимъ и на такомъ пути достигнуть единообразнаго пониманія дѣйствительности.

Указанное стремленіе примѣнить къ правовѣдѣнію естественно-научный методъ имѣло свое основаніе въ общемъ міросозерцаніи того времени. Тогда естественно-научный методъ впервые достигъ признанія, и не удивительно, что имъ стали пользоваться и во всѣхъ другихъ наукахъ, какъ въ тѣхъ, объектами которыхъ служила неорганическая природа, такъ и въ тѣхъ, которыя изучали органическій міръ, и т. д.

Взглядъ, что сущность школы „естественнаго права“ до Канта заключается въ примѣненіи естественно-научнаго метода къ правовѣдѣнію, уже былъ выдвинутъ Гегелемъ, затѣмъ развитъ Гармсомъ и

---

[1]) Ср. *Риккертъ*, указ. сочин., особенно стр. 604.

усвоенъ другими. Однако, онъ не достигъ еще общаго признанія. Напротивъ, очень популярно мнѣніе Шталя, который ставитъ въ связь ученіе объ естественномъ правѣ съ раціонализмомъ и который, такъ какъ въ раціонализмѣ видитъ онъ сущность всей новой философіи отъ Декарта до Гегеля включительно, не усматриваетъ принципіальнаго различія между школою естественнаго права до Канта и кантовскимъ и послѣ-кантовскимъ ученіемъ о правѣ. Характерную особенность раціонализма, по взгляду Шталя, составляетъ признаніе истиннымъ только того, что вытекаетъ изъ разума,—логически необходимаго. „Его не удовлетворяетъ простое существованіе чего-либо; должно быть доказано, что противоположное не мыслимо. Каждое опредѣленное содержаніе, которое преднаходитъ разумъ, для раціоналиста представляется случайнымъ, такимъ, которое такъ же хорошо можетъ быть другимъ. Только себя самого, свои собственные законы, формы и т. д. разумъ, оставаясь самимъ собою, не можетъ мыслить иными, чѣмъ они суть. Только то, что содержитъ эти опредѣленія, имѣетъ характеръ логической необходимости... Такимъ образомъ, чистый разумъ—мышленіе безъ всякаго внѣшняго ему содержанія—принципъ абстрактной раціоналистической философіи. Все, что заключается въ немъ, такъ же можно познать изъ него прежде всякаго опыта (à priori). Съ другой стороны, изъ опыта познанное никогда не носитъ характера логической необходимости, ибо опытъ показываетъ, что нѣчто есть, но никогда не показываетъ, что противоположное ему не мыслимо à priori“ [1]). Различіе въ пониманіи „разума“, по мнѣнію Шталя, ведетъ къ различію двухъ видовъ раціонализма. Если разумъ понимается какъ объективный, какъ Богъ,—то возникаетъ объективный раціонализмъ, представитель котораго Спиноза: онъ исключаетъ всякую свободу, этику и т. д., ибо на этой точкѣ зрѣнія нѣтъ по существу различія между правомъ и неправомъ, добромъ и зломъ и т. д... всѣ они—неизбѣжныя слѣдствія одной и той же субстанціи. Если же разумъ понимается субъективно, какъ мыслящій человѣкъ,—то возникаетъ субъективный идеализмъ, на почвѣ котораго и вырастаетъ естественное право. Различіе между до-кантовскимъ, съ одной стороны, и кантовскимъ и послѣ-кантовскимъ естественнымъ правомъ, съ другой, состоитъ, пишетъ Шталь, лишь въ степени послѣдовательности проведенія установленнаго принципа. Мыслители до Канта „устанавливали въ качествѣ принципа какую-либо одну эмпирическую склон-

[1]) *Stahl.* Die Philosophie des Rechts. Band I, S. 48. Aufl. 1830 г.

ность человѣка, и только выводы изъ нея происходили на чисто-раціоналистическомъ пути; со времени же Канта раціонализмъ дѣлаетъ своимъ принципомъ разумъ и изъ него раціоналистически выводитъ право" [1]).

Обрисованный нами взглядъ Шталя на сущность естественно-правовой школы уже потому нельзя признать правильнымъ, что характеристика всей новой философіи, какъ раціонализма, поскольку подъ этимъ послѣднимъ понимается, какъ у Шталя, апріоризмъ въ смыслѣ выведенія изъ чистаго разума (кантовскій апріоризмъ, какъ увидимъ ниже, не имѣетъ ничего общаго съ такимъ выведеніемъ), не можетъ выражать существа этой философіи: ибо, на дѣлѣ, въ дѣйствительности, ни одинъ философъ не выводилъ своей системы изъ разума; полагать же въ основу объективной классификаціи философскихъ системъ простое стремленіе—выводить все изъ разума (быть можетъ, оно и было у нѣкоторыхъ философовъ)—чисто-субъективное стремленіе, которое невозможно реализовать, едва-ли представляется допустимымъ. Если же понимать подъ раціонализмомъ, какъ, повидимому, и дѣлаетъ Шталь въ другихъ мѣстахъ своей книги, взглядъ, согласно которому изъ всего многообразія дѣйствительности объективнымъ бытіемъ обладаетъ лишь общее въ противоположность индивидуальному, особенному, имѣющему значеніе простой видимости, то онъ дѣйствительно составляетъ сущность новой философіи, но не отъ Декарта до Гегеля, а отъ Декарта до Канта (не включительно): при такомъ взглядѣ на раціонализмъ шталевское пониманіе „естественнаго права" совпадаетъ съ высказаннымъ нами относительно сущности естественно-правовой школы; но при этомъ надо помнить, что „раціонализмъ"—характерный методъ естествознанія, слѣдовательно, „естественное право" состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ перенесеніи въ правовѣдѣніе естественно-научнаго метода, и что кантовское ученіе о правѣ, равно ученія послѣдующихъ ему философовъ, причислять къ такому направленію было бы тѣмъ болѣе ошибочно, что какъ разъ сущность ихъ ученій состоитъ, какъ увидимъ ниже, въ отрицаніи или въ ограниченіи примѣненія естественно-научнаго метода къ праву.

Естественно-научный методъ господствуетъ и нынче въ правовѣдѣніи.

Большинство современныхъ юристовъ видятъ задачу правовѣдѣнія въ открытіи природы права, въ выдѣленіи изъ всего измѣнчиваго,

[1]) Тамъ же, S. 144.

преходящаго „общихъ понятій". Такъ Е. Бирлингъ задачу своего ученія объ юридическихъ принципахъ видитъ „въ систематическомъ изложеніи тѣхъ юридическихъ понятій, которыя въ существенномъ— въ ихъ остающейся постоянно неизмѣнной сущности—независимы отъ индивидуальной особенности какого-нибудь опредѣленнаго (конкретнаго) положительнаго права". Къ предмету ученія объ юридическихъ принципахъ, по его мнѣнію, „принадлежатъ, прежде всего, понятіе права и все то, что съ необходимостью изъ него слѣдуетъ, затѣмъ всѣ понятія и основные законы, вытекающіе изъ существенно-однородной духовной организаціи всѣхъ людей" [1]). А. Меркель также стоитъ на указанной почвѣ. Онъ не дѣлаетъ различія между философскимъ и научнымъ способами изученія права—оба они означаютъ развѣ разныя стадіи одного и того же процесса познанія, поднимающагося отъ отдѣльныхъ изолированныхъ фактовъ, выдѣляющаго изъ нихъ общіе элементы и приводящаго ихъ въ связь, и имѣющаго своею задачею установить въ послѣднемъ итогѣ основныя понятія правовѣдѣнія и ихъ отношеніе другъ къ другу [2]). Подобнымъ же образомъ К. Бергбомъ жалуется на отсутствіе систематичности въ правовѣдѣніи, на то, что процессъ познанія, направленный на выдѣленіе „общаго", останавливается на полдорогѣ и не завершается философіею права, задача которой изложить основныя понятія правовѣдѣнія, прежде всего, понятіе права [3]).

Что „природу" права, „общее", основныя понятія и законы группы фактовъ, изучаемыхъ юриспруденціей, можно открыть — конечно, является въ большинствѣ случаевъ молчаливою предпосылкою, дѣлающей возможнымъ естественно-научное изученіе права. Правда, находятся писатели, считающіе возможнымъ одновременно и допускать необходимость естественно-научнаго изученія права и отрицать неизмѣнные элементы въ правѣ [4]). Однако на несовмѣстимость этого совершенно правильно указываетъ Е. Бирлингъ. „Подобнымъ образомъ", пишетъ онъ: „какъ безъ чувства очевидности и вѣры въ его достовѣрность не мыслима не только логика, но и никакая наука, подобнымъ образомъ, какъ безъ допущенія, что въ мірѣ царствуетъ опре-

---

[1]) *Bierling*. Juristische Principienlehre, S. 1.

[2]) *A. Merkel*. Hinterlassene Fragmente und Gesam. Abhandlungen. Zweiter Teil. Erste Hälfte. „Ueber das Verhältniss der Rechtsphilosophie zur Rechtswissenschaft". I—IX, особенно стр. 308—309.

[3]) *Bergbohm*. Jurispr. und Rechtsphilosophie. Особ. S. 103.

[4]) *E. Neukamp*. Entwicklungsgeschichte des Rechts. Особ. Ss. 30, 39.

дѣленный порядокъ, невозможно естествовѣдѣніе, такъ не мыслимо правовѣдѣніе безъ предпосылки, что духъ людей въ общемъ одинаково организованъ, что онъ..., по крайней мѣрѣ, относительно формы своей дѣятельности связанъ въ опредѣленныхъ границахъ и опредѣленными законами, сообщающими всѣмъ продуктамъ его дѣятельности опредѣленный однородный характеръ". Поэтому, продолжаетъ онъ, „кто не вѣритъ въ возможность установить общія понятія и основные законы права на томъ основаніи, что въ этой области открыто широкое поле для произвола и индивидуальности, и все-таки не отказывается отъ мысли имѣть правовѣдѣніе,... — тотъ ошибается не только относительно задачи правовѣдѣнія, но также и въ своемъ отношеніи къ нему. Если бы въ дѣйствительности все въ правѣ было измѣнчиво, то нельзя было бы совершенно говорить о правовѣдѣніи, нужно было бы говорить, по крайней мѣрѣ, о неопредѣленномъ множествѣ наукъ, изъ которыхъ каждая имѣла-бы, быть можетъ, особыя понятія права, различающіяся другъ отъ друга сообразно различію изучаемаго общества, народа и времени" [1]). Правда, защитники вышеуказаннаго мнѣнія склонны, пожалуй, отказаться отъ возможности правовѣдѣнія вообще на занятой ими позиціи и удовлетворяются тѣмъ, что при ихъ точкѣ зрѣнія во всякомъ случаѣ допускается возможность европейскаго или индо-германскаго правовѣдѣнія [2]). „Но", замѣчаетъ Бирлингъ, „съ этой точки зрѣнія, пожалуй, и научная обработка какого-либо опредѣленнаго правопорядка была бы nonsens или, по меньшей мѣрѣ, сизифовой работой, ибо почему въ такомъ случаѣ не было бы возможно, чтобы въ одномъ и томъ же государствѣ въ одинъ и тотъ же періодъ времени находили мѣсто два совершенно различные взгляда о „правѣ", почему такимъ образомъ могла-бы быть рѣчь объ одномъ и томъ же правѣ" [3]). Впрочемъ, возможность нахожденія „общей" природы права, установленія основныхъ понятій и законовъ оспаривается и съ другой точки зрѣнія. Именно нѣкоторые писатели—юристы полагаютъ, что, поскольку объектами правовѣдѣнія считается такъ называемое официальное положительное право, нѣтъ никакой возможности установить „общую природу" этой группы явленій, ибо она представляетъ не группу однородныхъ явленій, а эклектическое собраніе разнородныхъ фено-

[1]) *Bierling.* Juristische Prinzipienlehre, Ss. 2—3.
[2]) *Neukamp.* Указанное сочиненіе, S. 39.
[3]) *Bierling.* Указ. сочин., S. 3.

меновъ [1]); они признаютъ необходимымъ причислить къ объектамъ правовѣдѣнія рядъ другихъ явленій, до сихъ поръ исключаемыхъ изъ него, и тогда надѣются по отношенію къ этой значительно расширенной группѣ явленій установить новые понятія и законы [2]). Очевидно, однако, что этимъ не только не оспаривается возможность естественно-научнаго изученія права и предпосылка его—возможность открытія „природы права", но во имя этого естественно-научнаго метода провозглашается необходимость расширенія границъ правовѣдѣнія.

Если задача правовѣдѣнія, такимъ образомъ, понимается естественно-научно, то и обработка матеріала, входящаго въ область правовѣдѣнія, происходитъ также при помощи естественно-научнаго метода. Общихъ законовъ и основныхъ понятій юристы думаютъ достигнуть на такъ называемомъ пути постепеннаго обобщенія. Исходя изъ данныхъ, изъ общихъ представленій какой-либо группы правовыхъ явленій, они пытаются опредѣлить эти представленія, сводя ихъ къ элементамъ и устанавливая общее отношеніе и связь между ними [3]). Если группа фактовъ достаточно обширна,—возникаетъ какая-либо спеціальная юридическая дисциплина, изученіе же отношенія элементовъ, изъ которыхъ слагаются, къ которымъ сводятся явленія этой спеціальной области, становится задачею общей части этой дисциплины. Такъ, напримѣръ, извѣстная группа правовыхъ явленій изучается наукою уголовнаго права; въ „общей же части" этой науки ищется общая сущность преступленія и наказанія и устанавливается существующая между ними связь. Здѣсь, сверхъ того, находитъ мѣсто все, что находитъ примѣненіе во всѣхъ спеціальныхъ уголовныхъ законахъ [4]). Далѣе, и эти общіе элементы спеціальныхъ частей пытаются опредѣлить черезъ болѣе общіе элементы или понятія. „Подобно тому какъ отдѣльныя отрасли правовѣдѣнія", пишетъ Меркель, „при извѣстномъ развитіи выдѣляютъ изъ себя общую часть, вслѣдствіе чего возникаетъ связь, соединяющая фрагменты особенной части въ цѣлое, такъ и цѣлое правовѣдѣніе должно выдѣлить общую часть... Послѣдняя общимъ частямъ спеціальныхъ юридическихъ дисциплинъ гарантируетъ связь" [5]).

Этотъ отъ отдѣльныхъ частныхъ представленій до самыхъ общихъ

---

[1]) *Л. Петражицкій.* „Теорія права", стр. 233—241.

[2]) Тамъ же. стр. 83—130.

[3]) *А. Меркель.* Указан. статья. III, § 296—297.

[4]) *A. Merkel.* Указ. ст., § 298.

[5]) Тамъ же, § 299.

понятій постепенно поднимающійся процессъ опредѣленія заканчивается основными понятіями правовѣдѣнія, среди нихъ понятіемъ права [1]). Послѣднее вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ тотъ пунктъ, относительно котораго въ правовѣдѣніи споры до сихъ поръ не прекращаются. Еще до сихъ поръ не достигъ общаго признанія взглядъ, что опредѣленіе основного или основныхъ понятій науки не можетъ быть добыто въ самой наукѣ: разъ черезъ нихъ опредѣляются всѣ другія понятія, очевидно, они, съ своей стороны, не могутъ опредѣляться черезъ эти понятія. Никакой химикъ не будетъ искать опредѣленія своихъ основныхъ понятій, „химическихъ элементовъ", неразложимыхъ веществъ, кислорода, водорода и т. д., при посредствѣ которыхъ опредѣляются, какъ ихъ закономѣрныя соединенія, всѣ извѣстныя химическія вещества,—при помощи или при посредствѣ послѣднихъ. Напротивъ того, въ правовѣдѣніи сплошь да и рядомъ можно встрѣтить подобнаго рода разсужденія: „чтобы опредѣлить понятіе того, что существуетъ, необходимо исходить изъ отдѣльныхъ вещей, которыя существуютъ. Поэтому, чтобы опредѣлить понятіе права, необходимо исходить изъ права, которое дѣйствительно существуетъ. На неэмпирическомъ пути никогда нельзя притти къ понятію права. Для этого опредѣленія понятія права необходимо прежде всего опредѣлить предварительное понятіе, затѣмъ изслѣдовать его правильность на томъ, что передъ нашими глазами выступаетъ несомнѣнно какъ право, и соотвѣтственно съ этимъ модифицировать гипотетически установленное понятіе" [2]). Впрочемъ, поскольку здѣсь рѣчь идетъ просто о выясненіи общаго представленія „права", противъ этого едва ли можно возразить что-либо.

Но, если вопросъ объ опредѣленіи права падаетъ внѣ сферы правовѣдѣнія, то это не означаетъ, что юристы не должны заниматься имъ. Напротивъ. Какъ законно стремленіе химиковъ удалить неопредѣленные эмпирическіе элементы, находящіеся въ ихъ основныхъ понятіяхъ, точно опредѣлить ихъ: во-первыхъ, путемъ установленія одного основного понятія, понятія „первичнаго элемента", черезъ которое опредѣлялось или къ которому сводилось бы все многообразіе качественно различныхъ химическихъ элементовъ, различные количе-

[1]) Ср. *Harm's*. Begriff, Formen und Grundlegung der Rechtsphilosophie, стр. 1—17. Различіе отъ установленнаго нами пониманія въ томъ, что задачу опредѣленія этихъ основныхъ понятій Гармсъ приписываетъ философіи, у насъ же, это—задача другой науки (см. выше).

[2]) *Bergbohm*. Указанное сочин., S. 79.

ства и способы распредѣленія котораго они и представляли бы; во-вторыхъ, путемъ сведенія „этого первичнаго элемента" еще къ болѣе простому понятію „эфира", видоизмѣненія котораго онъ и представлялъ бы,—и тогда законы, согласно которымъ образуются химическія вещества, равнымъ образомъ должны были бы оказаться тѣми же механическими законами, которымъ вообще подчинены движенія эфира; также законно стремленіе юристовъ свести свое основное понятіе къ болѣе общему, въ которомъ неопредѣленность, еще присущая основному понятію юриспруденціи, пропадала бы.

Попытки разрѣшить указанную проблему идутъ въ двоякомъ направленіи: одни высшее понятіе, къ которому должны сводиться основныя юридическія понятія, видятъ въ понятіи психическаго, другіе—въ понятіи „общества"; первое направленіе — психологическое, второе—соціологическое.

Въ качествѣ представителя перваго направленія можно назвать проф. Петражицкаго: въ своихъ книгахъ „Введеніе въ изученіе права и нравственности" и „Теорія права" онъ пытается изложить психологическую теорію права. Поскольку эта теорія имѣетъ своей задачей обработать или опредѣлить основныя понятія правовѣдѣнія на психологическомъ пути, она представляетъ не что иное, какъ осуществленіе требованія дальнѣйшей обработки основныхъ понятій юриспруденціи, вытекающаго изъ примѣненія естественно-научнаго метода къ праву. Однако проф. Петражицкій, повидимому, идетъ дальше. Онъ признаетъ, какъ кажется, возможность научнаго изученія права только на психологическомъ пути. Основной недостатокъ современной науки о правѣ онъ видитъ въ томъ, что до сихъ поръ въ ней находитъ еще мѣсто „существенное недоразумѣніе относительно того, въ какой сферѣ надо наблюдать и изучать правовыя явленія; въ томъ, что она ищетъ эти явленія въ внѣшнемъ по отношенію къ переживающему субъекту мірѣ" [1]). „Если мы", пишетъ онъ, „приписываемъ другому эпитеты «милый», «дорогой» и т. п., то какъ бы внимательно ни стали изучать этого, другого, осматривать его съ ногъ до головы и т. п., чтобы найти, что такое то, что соотвѣтствуетъ эпитету «милый», поиски наши будутъ безуспѣшны, и смыслъ слова «милый» останется для насъ тайной. Смыслъ этихъ эпитетовъ можетъ разъясниться, и мы можемъ познать реальное явленіе, соотвѣтствующее этому выраженію, лишь тогда, если обратимся къ изученію психическихъ пере-

[1]) „Введеніе въ изученіе права и нравственности". Стр. 2—3.

живаній тѣхъ, которые называютъ другихъ «милыми», «дорогими» и т. п.“ [1]). Равнымъ образомъ, продолжаетъ проф. Петражицкій, искать правовыхъ явленій во внѣшнемъ субъекту мірѣ—оптическій обманъ, и мы только тогда будемъ въ состояніи постигнуть сущность этихъ явленій, когда будемъ разсматривать ихъ какъ психическія переживанія и изучать по тому методу, по которому изучаются этого рода явленія—по методу самонаблюденія. Однако такой взглядъ, кажется намъ, настолько же неправиленъ, какъ неправильно утвержденіе, что химическія явленія должны разсматриваться только какъ механическія на томъ основаніи, что основныя понятія науки, ихъ изучающей,—химіи должны опредѣляться высшею наукою—механикою.

Мы сказали, что психологическая теорія права представляетъ дальнѣйшій шагъ въ примѣненіи естественно-научнаго метода къ правовѣдѣнію. Такому взгляду не противорѣчитъ обычное противоставленіе психологіи естествознанію: оно покоится на различіи объектовъ обѣихъ группъ наукъ, а не на различіи ихъ методовъ. Обычная психологія въ смыслѣ метода идетъ совершенно такимъ же путемъ, какъ и естествознаніе: психологи, какъ и естествоиспытатели, пытаются все многообразіе душевной жизни свести къ простымъ элементамъ и эти опять-таки къ одному (къ ощущенію или волѣ, или чувству). Поэтому, если признать правильнымъ мнѣніе, будто психическое бытіе представляетъ особую область бытія, кореннымъ образомъ отличную отъ физическаго бытія,—мнѣніе, котораго въ настоящее время придерживаются многіе психологи и юристы—то это приведетъ лишь къ необходимости допустить, что все естествознаніе (по методу) распадается на двѣ большія несводимыя другъ къ другу группы наукъ, во главѣ которыхъ стоятъ, съ одной стороны, механика (для естествознанія въ тѣсномъ смыслѣ слова), съ другой, психологія (для наукъ о духовныхъ явленіяхъ). Психологія, слѣдовательно, была бы въ этомъ случаѣ въ томъ же смыслѣ основною наукою для области духовныхъ явленій, какъ механика для области тѣлесныхъ: она разрѣшала бы свою задачу—образовать послѣднія понятія, „элементы“, къ которымъ сводится и черезъ которые опредѣляется все неописуемое многообразіе духовной жизни,—на пути того же, описаннаго нами, естественно-научнаго метода, какъ и наука о тѣлесномъ мірѣ.

Если, такимъ образомъ, для естественно-научной обработки права является второстепеннымъ, не затрогивающимъ самого принципа—воз-

[1]) *Л. Петражицкій*. Введеніе въ изученіе права и нравственности.

можности естественно-научнаго изученія права—вопросъ, будетъ ли психологія послѣднею, основною наукою для области духовныхъ явленій, или же ея понятія должны опредѣляться одной изъ естественныхъ (въ тѣсномъ смыслѣ) наукъ, то также второстепенное значеніе для нея имѣетъ и вопросъ, должна ли психологія итти традиціоннымъ путемъ или же быть преобразована, какъ утверждаетъ проф. Петражицкій. Онъ полагаетъ, что современная психологія съ ея тройственнымъ дѣленіемъ всѣхъ психическихъ элементовъ на познаніе, чувство и волю не исчерпываетъ всей психической жизни: „существуетъ множество психическихъ явленій, сродныхъ другъ съ другомъ по качеству, по причиннымъ свойствамъ и по весьма существеннымъ біологическимъ функціямъ и существенно различающихся въ этихъ отношеніяхъ отъ познанія, чувства и воли, а, слѣдовательно, не находящихъ мѣста въ трехчленной традиціонной классификаціи и требующихъ для надлежащаго изученія установленія особаго четвертаго основного класса—эмоцій" [1]). Не подлежитъ сомнѣнію лишь, что примѣненіе естественно-научнаго метода къ правовѣдѣнію требуетъ сведенія его основныхъ понятій къ модификаціи основныхъ психическихъ элементовъ, а законовъ, господствующихъ въ области права, къ закономѣрнымъ отношеніямъ этихъ элементовъ, и что, слѣдовательно, отъ развитія науки психологіи должны ждать представители естественно-научной школы въ правѣ дальнѣйшихъ успѣховъ въ разработкѣ и окончательномъ объясненіи права.

Отъ развитія психологіи долженъ ждать представитель естественно-научной школы въ правѣ окончательнаго объясненія права, а не на соціологическомъ пути, какъ утверждаетъ соціологическое направленіе въ правѣ, исходящее изъ убѣжденія, что право — соціальное явленіе и можетъ быть понято лишь въ связи съ другими соціальными явленіями. Въ качествѣ представителя этого направленія можно указать на такъ называемый экономическій матеріализмъ, поскольку мы будемъ разсматривать это ученіе какъ соціологическую школу. Экономическій матеріализмъ устанавливаетъ зависимость правопорядка отъ соціальнаго хозяйства: каждое измѣненіе соціально-экономическихъ феноменовъ необходимо обусловливаетъ соотвѣтственное преобразованіе права. Словомъ, „закономѣрность соціальной жизни людей, по ученію экономическаго матеріализма, представляетъ собою закономѣрность экономическихъ феноменовъ. Послѣдніе, составляя въ со-

[1]) Введеніе въ изученіе права и нравст. Стр. 210—211.

вокупности соціальное хозяйство, развиваются по естественнымъ законамъ: сохраняются, движутся, претерпѣваютъ измѣненія, уничтожаются — въ процессѣ, который можно изслѣдовать по естественно-научному методу. Въ своей цѣлокупности они составляютъ матерію соціальнаго бытія людей; въ своей жизни и пропаданіи они представляютъ движенія этой послѣдней. Въ законахъ, которымъ они подчиняются, и проявляется закономѣрность соціальной жизни: другой закономѣрности въ ней кромѣ этой нѣтъ"[1]). Этотъ взглядъ отнюдь не претендуетъ на то, чтобы уничтожить правовѣдѣніе совершенно какъ науку, на то, чтобы свести совершенно право къ хозяйству. Напротивъ, — онъ предполагаетъ, что правовыя понятія уже установлены, все многообразіе правовыхъ явленій сведено къ простѣйшимъ элементамъ, равно онъ предполагаетъ, что все многообразіе экономическихъ явленій особою наукою (политическою экономіею) сведено къ простѣйшимъ понятіямъ. Сведеніе закономѣрности соціальной жизни къ закономѣрности экономическихъ явленій имѣетъ лишь тотъ смыслъ, что наука, имѣющая своей задачей дальнѣйшую обработку основныхъ понятій права и хозяйства,—соціологія должна первыя и вторыя свести къ закономѣрнымъ отношеніямъ единаго элемента, именно, хозяйственной дѣятельности. — Если мы примемъ во вниманіе, что при этомъ послѣдніе элементы права и хозяйства не могутъ быть сведены къ чему-либо другому помимо правовой и хозяйственной дѣятельности, то не подлежитъ, повидимому, сомнѣнію, что соціологія потребуетъ для дальнѣйшей обработки своихъ понятій той же психологіи, и, такимъ образомъ, путь опредѣленія основныхъ понятій правовѣдѣнія черезъ соціологію ведетъ въ психологію.

Впрочемъ, для насъ здѣсь важно не столько то, которое изъ двухъ указанныхъ направленій — правильно, какъ то, что они оба представляютъ попытки примѣненія естественно-научнаго метода къ праву и выросли на почвѣ этого примѣненія.

Наконецъ, намъ еще остается упомянуть о третьей стадіи естественно-научнаго изученія права, именно о превращеніи просто эмпирическихъ понятій въ общезначимыя. И здѣсь у большинства писателей юристовъ можно наблюдать тѣ же пріемы, что и у естествоиспытателей. Они надѣются достигнуть этого путемъ установленія логической или причинной общезначимой связи между элементами понятій.

[1]) *R. Stammler.* Wirtschaft und Recht. § 29.

Установленіе же общезначимой логической или причинной связи пытаются достигнуть путемъ индуктивныхъ или дедуктивныхъ умозаключеній [1]).

Такимъ образомъ, мы охарактеризовали вкратцѣ господствующій въ современномъ правовѣдѣніи естественно-научный методъ изученія права. Различіе современныхъ теорій права, кладущихъ въ основу изслѣдованія указанный методъ, отъ старой естественно-правовой школы заключается, какъ отчасти нами указывалось уже, лишь въ томъ, что старая школа естественнаго права признавала естественно-научное познаніе за единственно-правильное, результаты его за истинно сущее, — словомъ, она стояла на почвѣ естественно-научнаго міросозерцанія, — между тѣмъ какъ нынѣ міръ атомовъ и ихъ движеній не признается реальностью (реальной признается скорѣе эмпирически данная дѣйствительность); онъ—не міръ an sich, но міръ въ понятіи, упрощенный ради нашего познанія, на истинѣ не соотвѣтствующій дѣйствительности, словомъ, нынче естественно-научное изученіе признается лишь методомъ познанія.

В. Чекаевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Ср. проф. *Петражицкій*. Введеніе въ изученіе права и нравственности. Особенно § 6.

АБАКЪ И БОЭЦІЙ [1]).

ГЛАВА II.

Боэцій абацистъ и современная критика.

Нѣкоторую наивность по части ариѳметики у автора геометріи Боэція въ его отдѣлахъ объ абакѣ замѣтилъ уже Фридлейнъ [2]), обратившій вниманіе на его болѣе, чѣмъ оригинальный, способъ полученія половины милліона, половины 500.000 въ справочныхъ помѣткахъ его абака. Если бы вся премудрость автора и всѣ сокровенныя тайны его глубокаго ума были постигнуты такъ ясно и вскрыты такъ безжалостно, какъ это сдѣлано нами выше, уже кѣмъ-нибудь раньше, то результатъ такого анализа былъ бы, конечно, поставленъ во главѣ всѣхъ разыскиваемыхъ доказательствъ подложности отдѣловъ объ абакѣ въ геометріи Боэція, такъ какъ чаша предполагаемаго въ Боэціи невѣжества оказалась бы, пожалуй, черезчуръ полной. И оно было бы, конечно, сильнѣе другихъ доказательствъ того же. Но я на этомъ не намѣренъ успокоиться. И по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, у меня есть въ запасѣ гораздо болѣе убѣдительное, прямо таки не допускающее возраженій, доказательство, которое я изложу ниже въ главахъ III и IV. Во-вторыхъ, степень допустимаго для Боэція невѣжества по предмету абака и ариѳметики вообще намъ въ точности неизвѣстна, и это будетъ доказательствомъ ad hominem, доказательствомъ субъективнымъ, какъ въ отношеніи субъекта, невѣжество ко-

[1]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1907, январь, февраль, мартъ.

[2]) *Friedlein*, Gerbert, die Geometrie des Boethius und die Indischen Ziffern, p. 43. См. выше гл. I, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, мартъ 1907, стр. 144.

тораго допускаютъ, такъ и въ отношеніи субъекта, критикующаго Боэція. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи возможны ошибки, преувеличенность требованій и придирчивость со стороны людей, стоящихъ вѣками позже Боэція и потому отчасти на его плечахъ и выше его головы.

Мы разсмотримъ здѣсь эти субъективныя доказательства, субъективныя не только въ отношеніи субъекта, котораго критикуютъ, но и въ отношеніи субъекта, который критикуетъ. Субъектъ этотъ можетъ не понимать текста Боэція, можетъ быть, уже испорченнаго, можетъ ошибаться и требовать отъ Боэція соотвѣтствія разнаго рода ученымъ гипотезамъ и мнѣніямъ, которыя, можетъ быть, сами должны быть поставлены въ соотвѣтствіе съ Боэціемъ. Мы увидимъ, что это такъ именно и было.

А въ слѣдующихъ главахъ я намѣренъ дать уже не субъективное, а объективное доказательство подложности не только пассажей объ абакѣ, но и всей геометріи.

Мы видѣли, что авторъ пассажей объ абакѣ былъ не только плохой абацистъ, но и вообще плачевный ариѳметикъ [2]). Онъ, слѣдовательно, не вполнѣ понималъ то, что писалъ, или писалъ то, что не вполнѣ понималъ. Приложима ли такая характеристика къ Боэцію? Обидно было бы думать, что да.

Однако, слѣдуетъ замѣтить, что между изложеніемъ чего-либо въ отрывочной формѣ и полнымъ пониманіемъ излагаемаго не всегда существуетъ генетическая связь даже у великихъ людей. Особенно часто отсутствіе такой связи можно наблюдать въ тѣ времена, когда жилъ Боэцій. Широкой волной невѣжество заливало развалины Римской Имперіи. Римская и греческая научныя литературы попадали въ руки невѣжественныхъ переписчиковъ или даже такого рода ученыхъ, которые чисто внѣшнимъ образомъ понимали переписываемое, а часто и ровно ничего въ немъ, вслѣдствіе своего невѣжества или испорченности текста, не понимали. Это не мѣшало имъ переписывать, эксцерпировать, передѣлывать, и все это, ничего или мало понимая, безъ конца. Непонятность была, кажется, для нихъ символомъ мудрости и усиливала боязнь исчезновенія переписываемаго. Стоитъ только посмотрѣть на рукописи римскихъ землемѣровъ въ VII—XII столѣтіяхъ. Тамъ есть вещи, которыя только послѣ гигантской кропотливой и вмѣстѣ творческой критической работы Лахмана,

[2]) См. гл. I, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, мартъ 1907, стр. 166.

Блюмэ, Моммзена пріобрѣтаютъ правильный (хотя все же конъектурный) текстъ и сколько-нибудь сносный смыслъ. Цѣлыя страницы этихъ рукописей представляютъ собой дремучій лѣсъ прицѣпленныхъ другъ къ другу исковерканныхъ словъ и разбитыхъ фразъ. Страницы нѣкоторыя попадаютъ по ошибкѣ переплетчиковъ на другое мѣсто, другія выпадаютъ совершенно, иногда ничего, кромѣ заглавія стоявшаго на нихъ текста, не оставляя [3]. Но это нисколько не парализуетъ энергіи ни переписчиковъ, ни эксцерпторовъ. Нѣкто въ VIII или IX вѣкѣ цѣлую пятикнижную геометрію Боэція составилъ изъ лоскутковъ текста этихъ рукописей [4]. Армія конспектистовъ и эксцерпторовъ все болѣе и болѣе заполоняетъ литературу и науку. „Понадергаетъ" оттуда да отсюда и составляетъ имѣющую ученый видъ, а главное непонятный смыслъ, книгу. Такіе, если можно такъ выразиться, „дергачи" становятся особенно часты въ концѣ римской имперіи и первой половинѣ среднихъ вѣковъ. Спускалась ночь невѣжества. Ея томительное молчаніе и страшная темнота оживлялась однообразнымъ крикомъ такихъ „дергачей", рѣзко и монотонно, какъ птица этого наименованія, выкрикивавшихъ изъ столѣтія въ столѣтіе свои окаменѣвшія понадерганныя фразы.

Разъ Боэцій, какъ видно изъ его рисунковъ и текста, то говоритъ объ абакѣ дѣло, то вдругъ начинаетъ нести страшную дичь, то не принадлежитъ ли онъ къ подобнымъ „дергачамъ", блистающимъ чужою, непереваренною мудростью. Его изложеніе счисленія на абакѣ, знакомящее съ значеніемъ цифръ по положенію, его изложеніе операцій на абакѣ, стоящее въ рѣзкомъ противорѣчіи съ наивнымъ рисункомъ абака у него [5], не „понадерганныя" ли тоже откуда-нибудь? Вопросъ, повидимому, крайне обидный для Боэція и даже нелѣпый. Дѣйствительно, никто не подумаетъ поставить Боэція на одну доску съ разными „зауряди-дергачами" послѣднихъ временъ классической образованности и первыхъ вѣковъ средневѣковья. Боэцій былъ крупнымъ ученымъ своего времени. Фигура его рѣзко выдѣляется на выцвѣтшемъ, правда, уже фонѣ современной ему римской литературы. Но онъ все же ученый философъ времени полнаго упадка древней

---

[3]) Die Schriften der römischen Feldmesser, herausgegeben. von F. Blume, K. Lachmann und A. Rudorf I—II, Berlin 1848—1852. Ниже въ главѣ IV мы еще вернемся къ рукописямъ римскихъ землемѣровъ. См. седьмое приложеніе къ моимъ Gerberti Opera Math., pp. 394—493.

[4]) Gerb. Opp. Math. pp. 180 — 188. Ср. Введеніе прим. 35 — 38.

[5]) См. гл. I, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, мартъ 1907, стр. 159—166.

научной дѣятельности. Ученые и даже философы часто и въ наше время бываютъ плохими математиками вообще. Ариѳметика часто кажется имъ символомъ скуки, и весьма простыя ариѳметическія истины не всегда легко получаютъ доступъ въ ихъ высокіе умы. Это еще не значитъ, чтобы они при случаѣ не умѣли сказать нѣсколько общихъ математическихъ мѣстъ, тамъ и сямъ блеснуть чешуей гибкой и хлестко звучащей математической формулы. Математическія истины могутъ даже являться въ качествѣ примѣровъ въ ихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ совсѣмъ другой области знанія [6]). Еще скорѣе все это могло происходить въ той средѣ и томъ времени, когда жилъ и дѣйствовалъ Боэцій.

Глубое паденіе всякихъ научныхъ знаній, а особенно математическихъ въ заново варваризованной Италіи конца V и VI вѣка, да не только въ Италіи, а и во всѣхъ странахъ Запада, входившихъ нѣкогда въ составъ Римской имперіи, не требуетъ никакихъ особенныхъ доказательствъ. Римляне никогда не были въ сколько-нибудь замѣтномъ количествѣ и степени любителями математики, какъ науки для науки. Практическая польза, ихъ всегдашній руководящій принципъ, и тутъ руководила ими. Они охотно усваивали то изъ математики, что имѣло прикладное значеніе, что годилось и даже было необходимо ихъ архитекторамъ, инженерамъ, землемѣрамъ. Никакихъ оригинальныхъ римскихъ математическихъ произведеній намъ неизвѣстно. Всюду пробавляются греческой мудростью и ее пережевываютъ. Собраніе готовенькихъ формулъ-рецептовъ для землемѣра, механика, архитектора, вотъ что всегда могло расчитывать у нихъ на успѣхъ. Но и въ этой отрасли имъ нечего было особенно напрягаться. И тутъ греческая литература въ лицѣ Герона создала „недосягаемые" образцы [7]). Если такъ было въ лучшія времена, то что же ждать отъ V или VI столѣтія? Практически-риторствующее направленіе, всегда соблазнительное для холодно-разсудительныхъ римлянъ, достигло своего апогея. Всюду выдержки, цвѣты краснорѣчія, очень важный приподнятый тонъ и, чѣмъ ближе

---

[6]) Такъ, напримѣръ, положеніе, что сумма угловъ треугольника равна двумъ прямымъ, Боэцій приводитъ въ видѣ примѣра въ in Categ. Arist. l. II, (Migne, t. 64, col. 229).

[7]) См. римскія геометрич. сочиненія, начиная съ лучшихъ временъ, въ моихъ Gerb. Opp. Math. pp. 494—553, гдѣ Геронъ является однимъ изъ частыхъ источниковъ, которымъ римскіе авторы пользуются. Роль Герона для римскихъ геометрическихъ и землемѣрныхъ сочиненій выпукло представлена у *Cantor*, Die römischen Agrimensoren. Leipz. 1875.

къ среднимъ вѣкамъ, тѣмъ все меньше содержанія. Прежде извѣстное забывается, новаго ничего, кромѣ цвѣтовъ краснорѣчія на безнадежно унылом общемъ фонѣ! Сами-то мудрецы, впрочемъ, не унываютъ. Они сами себѣ очень нравятся. Они любятъ важно и серьезно двигаться на показъ передъ другими на ученыхъ подмосткахъ и переливаться въ лучахъ своей автофотосферы. Поучать другихъ—это ихъ слабость, результатъ инстинктивнаго ужаса передъ надвигавшейся тьмой невѣжества. Учить же нужно было вкратцѣ, по всему. Ни у кого не было охоты и времени для продолжительныхъ усвоительныхъ усилій, но всѣмъ хотѣлось безъ особой потери времени „объять необъятное", научиться говорить съ важностью и какъ будто пониманіемъ о разнообразныхъ важныхъ матеріяхъ. Научная энциклопедія въ прозаической и стихотворной формѣ никого не затрудняла, давала каждому въ руки общія разговорныя мѣста, топики, пускала фейерверки реторики, вращала калейдоскопы общепринятыхъ знаменитыхъ именъ и сочиненій, но очень малому научала. Возьмите стихотворную энциклопедію Марціана Капеллы, озаглавленную „о бракѣ Филологіи съ Меркуріемъ" [8]), продѣлайте всѣ ея гекзаметры и скажите, какой, хотя бы одной, наукѣ можно въ этомъ вавилонскомъ столпотвореніи реторическихъ фигуръ на шестистопныхъ ходуляхъ научиться? А вѣдь тутъ, какъ часть въ цѣломъ, заключается весь квадривій, вся энциклопедія математическихъ наукъ: и ариѳметика, и музыка, и геометрія, и астрономія! Но оставимъ эту стихотворную, искуственную, стѣснительную для математика одежду и перейдемъ къ свободному хитону прозы. Вотъ передъ нами энциклопедическое сочиненіе современника Боэція, многимъ его пережившаго, Кассіодорія „О наукахъ и дисциплинахъ либеральныхъ словесныхъ искусствъ" [9]). Науками (artes) здѣсь является грамматика, реторика, діалектика, ариѳметика, музыка, геометрія и астрономія. Послѣднія четыре, какъ рѣдкіе экземпляры разложившихся ископаемыхъ, лежатъ рядкомъ въ крошечныхъ витринкахъ четырехъ маленькихъ главъ, но и какъ же онѣ разложились, какъ вывѣтрились! Ничего кромѣ скелетовъ и трудно классифицируемыхъ частей! Интересенъ былъ бы тотъ человѣкъ, который, прочитавъ эти четыре убогихъ эксцерпта, вообразилъ бы себя математикомъ. Онъ

---

[8]) *Martianus Capella*, De nuptiis Philologiae et Mercurii, ed. Eyssenhardt, Bibl. Teubn., 1866, p. 327.

[9]) *Cassiodorius*, De artibus ac disciplinis liberalium literarum, Migne, t. 70, coll. 1149—1220; здѣсь ариѳметика—астрономія занимаютъ главы IV — VII и умѣщаются на 15 столбцахъ печати.

говорилъ бы очень высоко и непонятно, но провалился бы даже на экзаменѣ въ 3-й классъ. А вѣдь Кассіодорій имѣлъ въ виду создать учебникъ для своего вѣка! И онъ былъ ему, дѣйствительно, по плечу. Даже и геометрія его друга и современника, котораго онъ такъ сильно хвалитъ, и той онъ не пощадилъ, и она превратилась въ мудреное ископаемое въ его кунсткамерѣ. Мнѣ посчастливилось классифицировать это неузнанное до сихъ поръ ископаемое и наклеить на него ярлычекъ „настоящей геометріи Боэція" [10]). Возьмите, наконецъ, и нѣсколько болѣе позднюю энциклопедію Исидора [11]), гдѣ всѣ эти науки тоже представлены. Думали ли развѣ оба почтенные мужа, что ихъ произведенія будутъ современнымъ дороги не новизной или связью идей или свѣдѣній, не какъ учебники или справочныя книги, а просто какъ музей интересныхъ обломковъ древней науки, античныхъ знаній.

Боэцій въ научномъ отношеніи величина несомнѣнно, гораздо болѣе крупная, чѣмъ Кассіодорій. Тотъ былъ ученымъ теоретикомъ, идеалистомъ, этотъ былъ практикомъ. Тотъ могъ увлекаться и бороться за свои убѣжденія, этотъ умѣлъ управлять и примѣняться. Тотъ погибъ насильственной смертью въ тюрьмѣ, этотъ скончался спокойно отъ старости въ монастырѣ. Но что позволено Кассіодорію, то позволено и Боэцію. Разъ Кассіодорій былъ эксцерпторомъ, позволено быть эксцерпторомъ и ему. А разъ онъ можетъ быть эксцерпторомъ, мудрено ему временами не попасть въ просакъ? Вѣдь, живя въ смутную научную эпоху, онъ могъ эксцерпировать глубокія произведенія древности и кой-чего могъ въ нихъ не понимать. Печальная обязанность всякаго человѣка ошибаться, пусть, хоть благодаря обстоятельствамъ времени, котораго Боэцій былъ сыномъ, будетъ его вольностью, его правомъ. Боэцій имѣетъ право ошибаться. Къ его математическимъ сочиненіямъ, во всякомъ случаѣ, нельзя примѣнять метода, имѣющаго въ своемъ основаніи предположеніе безошибочности произведеній крупныхъ людей. Нельзя говорить: въ этомъ произведеніи есть ошибки, математическія нелѣпости,—оно не принадлежитъ Боэцію. Излюбленный нѣкоторыми критиками варіантъ этого метода, состоящій въ вытолковываніи или просто выталкиваніи изъ сочиненій Боэція тѣхъ или другихъ безтолковыхъ или почему-либо удивительныхъ мѣстъ,

[10]) Значеніе главки Кассіодорія о геометріи, какъ извлеченія изъ Евклида въ переводѣ Боэція, впервые выдвинуто мною въ Gerb. Opp. Math. p. 164 (см. въ общей связи pp. 161—167). Ниже, въ главѣ IV мы еще вернемся къ этому вопросу.

[11]) *Isidorus*, Etymologiarum (sive Originum) libri XX, Migne, t. 82, coll. 73—728.

далеко не безошибоченъ. Нельзя двухкнижную, занимающую насъ, благодаря заключающемуся въ ней абаку, геометрію отнимать у Боэція только потому, что въ ней есть геометрическія нелѣпости. Напротивъ, они были какъ разъ въ духѣ римской геометріи времени Боэція, насколько она характеризуется геометрическими осколками въ рукописяхъ римскихъ землемѣровъ [12]). Всѣ нападки на нее съ этой именно точки зрѣнія имѣютъ характеръ возраженій „ad hominem“ и понятно почему не общеубѣдительны. Будь эта геометрія довольно сумбурнымъ эксцерптомъ, — это бѣдствіе въ духѣ времени могло постичь даже и Боэція. А что если абакъ съ колоннами и мѣченными жетонами былъ или забытой стариной во время Боэція, или чисто ученой головоломкой? Не могъ развѣ Боэцій дать изъ сочиненій о немъ рядъ кое-куда годныхъ, хотя въ общемъ все же непонятныхъ, извлеченій, а рисунка, приложеннаго къ сочиненіямъ, не понять? Вѣдь самъ Боэцій, увѣренно, но по непониманію, взявшійся за реформу дробей на абакѣ, скромно указываетъ въ данномъ случаѣ источникъ своихъ свѣдѣній. Это Архитъ пиѳагореецъ, котораго латинскую переработку [13]) абака онъ могъ не вполнѣ переварить, эксцерпировать и при этомъ переврать. Такимъ образомъ пониманіе основныхъ вещей абака въ текстѣ можетъ принадлежать Архиту, а непониманіе ихъ въ рисункѣ Боэцію. Тутъ еще нѣтъ основанія для примѣненія метода позднѣйшихъ вставокъ и считать за вставку рисунокъ конца второй книги или окружающій его текстъ. Тѣмъ болѣе, что вѣдь рисунокъ всѣхъ рукописей для первой книги даетъ лишь неважные варіанты [14]), а рисунокъ второй книги даже ровно никакихъ [15]).

Для провѣрки слѣдовало бы обратиться къ розыску, если возможно, того сочиненія Архита, которымъ пользовался Боэцій. Тогда намъ все стало бы ясно. Но успѣхъ въ такомъ дѣлѣ есть, какъ извѣстно, большое и рѣдкое счастіе въ исторіи, особенно въ древней. Тамъ возможность сличать позднѣйшаго писателя съ древнѣйшимъ выпадаетъ на долю историковъ куда рѣже, чѣмъ въ средніе вѣка. А вѣдь намъ, судя по именамъ писателей, нужно всецѣло рыться въ области

---

[12]) См. прим. 7.

[13]) См. гл. I, прим. 11.

[14]) См. варіанты нѣсколькихъ рукописей для рисунка первой книги въ изданіи Боэція *Friedlein*'омъ на листѣ къ стр. 396. Ср. выше гл. I, *Журн. Мин. Нар. Просв.* январь 1907 г., стр. 23, 24; мартъ 141—149.

[15]) См. изд. *Friedlein*'а, р. 427. Ср. выше гл. I, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, февр. 1907, стр. 313.

древнѣйшей исторіи. Архитъ пиѳагореецъ жилъ между 430—365 г. Онъ родился и жилъ въ г. Тарентѣ и былъ въ дружбѣ съ Платономъ, во время его пребыванія въ Великой Греціи. Былъ не только ученымъ, но и государственнымъ дѣятелемъ и полководцемъ. Существуютъ отрывки философскаго, этическаго и музыкальнаго содержанія подъ именемъ Архита, но подлинность ихъ весьма сомнительна. Нѣкоторые признаютъ ихъ всѣхъ за фабрикатъ одного еврея въ 39 г. послѣ Р. Х. Изъ сочиненій позднѣйшихъ математиковъ мы узнаемъ, что Архитъ впервые методически изложилъ механику, но самой этой механики у насъ нѣтъ, а также знакомимся въ ихъ передачѣ съ двумя отрывками его чисто математическихъ сочиненій. Сомнѣніе въ подлинности ихъ не касается, но за то они микроскопичны [16]). Никакого абака въ этихъ отрывкахъ нѣтъ. Кромѣ того, вѣдь Архитъ былъ современникомъ нашествія Галловъ на Римъ 390 г. Въ то время Лаціумъ еще не былъ объединенъ, а представлялъ изъ себя лишь союзную Риму федерацію ничтожныхъ полуварварскихъ, недавно грамотныхъ государствъ. Римъ, хотя и писалъ законы и разныя другія оффиціальныя записи, но научной литературы совсѣмъ никакой не имѣлъ. Вообще о какой бы то ни было (кромѣ оффиціальной, священной, да разнаго рода частныхъ семейныхъ записей) римской литературѣ въ то время и говорить нельзя. Прозаическій римскій литературный языкъ появляется почти на два столѣтія послѣ смерти Архита, въ произведеніи Катона Origines [17]). Первые римскіе историографы, когда взялись за обработку этого чисто національнаго сюжета, должны были обратиться къ единственному еще и въ III столѣтіи научному и литературному языку греческому [18]). Римъ былъ государствомъ съ точки зрѣнія грековъ варварскимъ, а съ абсолютной точки зрѣнія ничтожнымъ. Чтобы обратить на себя впервые вниманіе грековъ, онъ долженъ былъ подвергнуться такой энергической операціи, какъ галльскій пожаръ [19]). Ученый современникъ этого пожара Архитъ имѣлъ, конечно, весьма слабое представленіе о римскомъ государствѣ, лежавшемъ гдѣ-то на окраинахъ греческаго міра и имѣвшемъ для него развѣ только географическій интересъ. По-латыни онъ,

[16]) *Cantor*, Vorlesungen I², p. 222—223.

[17]) *Teuffel*, Gesch. d. röm. Lit. neu beart. von Schwabe, §§ 118—120.

[18]) Ibid. § 116 (Q. Fabius Pictor). § 117 (L. Cincius Alimentus).

[19]) См. первыя историческія свѣдѣнія о Римѣ у Грековъ, *Schäfer*, Abriss der Quellenkunde der griechichen und römischen Geschichte, Zweite Abth., Römische Geschichte, 2 Aufl. von *H. Nissen*, Leipzig, 1885, pp. 4—5.

разумѣется, ни бельмеса не зналъ. „Приспособлять“ что-нибудь, хотя бы абакъ, для Лаціума [20]) у него было столько же основаній, какъ у любого изъ насъ заботиться о знакомствѣ якутовъ съ телефономъ. На бѣду никакого другого подходящаго Архита исторія намъ не даетъ. Пустое затрудненіе для нашего вѣка чудесъ и изобрѣтеній! Въ ученой ретортѣ историковъ математики былъ сфабрикованъ гомункулъ, который оказался, разумѣется, вполнѣ подходящимъ. Онъ былъ во-первыхъ, „латинскимъ Архитомъ“, т. е. умѣлъ прекрасно писать по-латыни. Затѣмъ, ему было безъ боязни обвиненія въ неграмотности разрѣшено писаться черезъ „i“ (Architas), вмѣсто „y“ (Archytas), т. е. совершенно такъ, какъ онъ пишется въ нашей геометріи Боэція. Наконецъ, ему приказано жить до Боэція. Иначе какъ бы Боэцій могъ имъ пользоваться? А чтобы попасть на дорогу странному табору странствовавшихъ будто бы въ первомъ или во второмъ столѣтіи послѣ Р. Х. изъ Индіи, на подобіе цыганъ, черезъ Александрію въ Италію индусскихъ девяти цифръ, каковое странствованіе пріурочивается на основаніи особаго рода соображеній именно къ—I II вѣку и притомъ непремѣнно безъ нуля, чтобы имѣть возможность познакомиться съ ними и передать знаніе ихъ Боэцію, онъ былъ посаженъ въ I или II столѣтіе послѣ Р. Х. [21]). Здѣсь онъ безпрекословно жилъ и былъ очень удобенъ еще и въ томъ отношеніи, что, живя послѣ Евклида, онъ могъ одобрять то, что ранѣе его было изобрѣтено Евклидомъ, какъ это дѣлаетъ въ одномъ случаѣ Боэціевскій Архитъ. Пиѳагореецъ же Архитъ былъ лишенъ и этого для математика боль-

---

[20]) См. гл. I, прим. 11.

[21]) Для Aug. Boeckh'а (Index lectionum etc., Berolini 1841, см. ниже прим. 39), p. XI, дѣло идетъ здѣсь о подложной книгѣ Архита, которую онъ наравнѣ съ другими подложными сочиненіями Архита (см. выше прим. 16) относитъ къ I в. послѣ Р. Х. Потомъ начинаютъ обращать вниманіе на то, что онъ вѣдь цитируется у Боэція (см. гл. I, прим. 11), какъ латинскій писатель. *Martin* (Origine de notre système de numération écrite, Revue Arch. 1856, p. 516), ставитъ его въ рядъ римскихъ землемѣровъ. *Friedlein*, Gerbert, 1861, p. 16 еще того тверже подчеркиваетъ его латинскій характеръ и отличіе отъ Архита Тарентскаго, цитируемаго Боэціемъ въ Ариѳметикѣ и Музыкѣ. *Cantor* (Mathematische Beiträge, pp. 192—193) пріобщаетъ сюда фактъ, что, какъ видно изъ одной цитаты геометріи Боэція (изд. *Friedl.* p. 412, l. 20), приводимый въ ней Архитъ живетъ послѣ Евклида, а Тарентскій жилъ до него. Канторъ говоритъ, что, если онъ современникъ другихъ римскихъ землемѣровъ (ср. Martin), сочиненія которыхъ намъ извѣстны, то онъ относится къ I в. по Р. Х., т. е. какъ разъ къ тому періоду, когда появляются лжеархитовы произведенія (ср. Boeckh). Ср. выше прим. 16.

шаго удовольствія, одобрять Евклида, потому что жилъ раньше его. Правда, эту казавшуюся невозможной ошибку Боэція поправляли другой, болѣе общей и простительной: уже со временъ Тиверія Евклида, знаменитаго геометра, смѣшивали съ другимъ Евклидомъ мегарскимъ, старшимъ современникомъ Архита, котораго этотъ послѣдній, если бы поторопился, то одобрять, во всякомъ случаѣ, могъ [22]). Стихъ Горація въ его одѣ на Архита Тарентскаго (judice te non sordidus auctor naturae verique), удачно открытый послѣ въ характеристикѣ, данной Боэціемъ своему учителю абака Архиту (non sordidus hujus disciplinae auctor) [23]), наносилъ доморощенному Архиту, даже по мнѣнію одного изъ его главныхъ пестуновъ, Кантора [24]), смертельный ударъ. Канторъ не пытается даже залѣчить его раны возраженіемъ, что вѣдь въ сущности выраженіе „non sordidus" могло быть однимъ изъ обычныхъ въ подобныхъ отзывахъ въ латинскомъ языкѣ (вродѣ нашего „недурной"), и сходство Горація съ Боэціемъ можетъ быть чисто случайнымъ. Отъ этой перевязки Архитъ Латинъ могъ бы, по моему мнѣнію, поправиться и продолжать, къ удовольствію многихъ, свое безпечное существованіе, тѣмъ болѣе, что онъ никому не мѣшалъ, многимъ былъ пріятенъ, и мѣста для него въ столѣтіяхъ римской жизни было довольно. Обстановка его рожденія была для него крайне неблагопріятна, и, если онъ, тѣмъ не менѣе, сумѣлъ родиться, то что ему значитъ стихъ Горація? Вѣдь Боэцій въ своей ариѳметикѣ и музыкѣ знаетъ только одного Архита, а именно тарентскаго пиѳагорейца [25]). Возможное ли дѣло, что бы въ числѣ такихъ же пиѳагорейцевъ, въ качествѣ передатчика пиѳагорейскаго абака, появлялся у того же Боэція въ сочиненіи, составляющемъ одну серію съ тѣми, гдѣ знаменитый тарентинскій математикъ цитируется часто, безо всякой сопутствующей разъясняющей замѣтки, еще и другой Архитъ, тоже учитель Боэція и тоже математикъ? Кромѣ того, о латинскомъ Архитѣ, не смотря на всѣ его заботы о Лаціумѣ, латинская литература (неблагодарная литература!) нигдѣ не обмолвилась ни словомъ.

---

[22]) Ed. *Friedl.*, p. 420, l. 20: „Unum etiam, quod Architae judicio in hoc eadem orthogonio approbatum est, et Euclidis diligentissima perscrutatione *prius* est rationabiliter adinventum, operae pretium duximus non esse praetermittendum. О смѣшеніи двухъ Евклидовъ см. *Cantor* Vorles. I², pp. 247, 549.

[23]) *Allman*, Greek geometry from Thales to Euclid, p. 110 (см. *Cantor*, Vorles. I², p. 549 n. 1). Выраженіе „non sordidus auctor" см. гл. I, прим. 11.

[24]) *Cantor*, Vorles. I², p. 549.

[25]) См. изд. *Friedlein*'а въ указателѣ слово: Archytas Pythagoricus.

Только Боэцій въ единственномъ числѣ отмѣчаетъ заслугу Архита передъ Лаціумомъ. Удивительно просто, какъ не предпочли въ данномъ случаѣ прибѣгнуть къ очень удобному методу поправки текста исключеніемъ неудобныхъ словъ, или же не предположили, что это просто ошибка памяти, неосновательное и невѣжественное предположеніе Боэція, или просто lapsus calami! Вѣдь не застрахованъ же Боэцій отъ „errare humanum est". Возможно вѣдь, наконецъ, что Боэцій уже имѣлъ дѣло съ испорченной традиціей или латинской переработкой Архита, принятой имъ по ошибкѣ за подлинникъ. Вѣдь легче же, мнѣ кажется, допустить, что Боэцій считалъ знаніе Архитомъ мірового во время Боэція латинскаго языка стоящимъ внѣ всякаго сомнѣнія (историческія перспективы и знанія во время Боэція очень слабы), чѣмъ, соперничая съ творцомъ, создавать новаго „латинскаго Архита" почти что изъ ничего, изъ какого-то пузырька слюны на губахъ Боэція. Вполнѣ понятно, что Канторъ, похоронивъ съ легкимъ сердцемъ убитаго Гораціевымъ стихомъ „Архита Латина", говоритъ о переработанныхъ на латинскій языкъ произведеніяхъ Архита, которыми пользовался будто бы Боэцій. Охотно подпѣвая отходной по недоношенному младенцу латинской литературы, единственная заслуга котораго состоитъ въ томъ, что онъ, какъ выражается Канторъ [26]), обогатилъ латинскую литературу однимъ лишнимъ именемъ, мы, тѣмъ не менѣе, полагаемъ, что лучше было бы, если бы онъ ее вовсе не обогащалъ, но вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе Кантора, что такого рода досадная оплошность, какъ и другія ошибки, еще не даютъ намъ права отнимать у Боэція приписываемое ему метрикой рукописей двухкнижное дѣтище.

И такъ, надежда найти подлинное или хотя бы переработанное по латыни сочиненіе знаменитаго тарентинца, которымъ пользовался Боэцій, обманута. Архитъ же „латинскій" обманулъ ожиданія обогащенной его именемъ латинской литературы. Онъ такъ и скончался безъ всякихъ произведеній. Все это очень жаль. Мы потеряли, повидимому, единственный математически точный, почти геометрически изящный способъ рѣшить крайне для насъ важный вопросъ о характерѣ, происхожденіи, истинной сущности и исторической достовѣрности первостепеннаго, повидимому, источника объ абакѣ, именно способъ наложенія текста на текстъ. Такъ темное дѣло знанія Боэціемъ принципа значенія цифръ по положенію въ текстѣ и незнанія имъ его въ

[26]) *Cantor*, Vorles. I², pp. 548—549.

рисункѣ и остается безъ выясненія, а замѣченныя нами въ обоихъ отрывкахъ объ абакѣ (I и II книги) ошибки, наивности и даже нелѣпости, еще не лишають нашу двухкнижную геометрію права плавать подъ флагомъ Боэція.

И вдругъ взрывъ подводной мины, распаденіе броненосца подъ флагомъ адмирала Боэція на составныя части, быстрое погруженіе ихъ на дно океана, равнодушіе ученой публики, обнаруженіе злоупотребленія флагомъ Боэція со стороны одного корсара въ монашеской рясѣ въ XI вѣкѣ и полное выясненіе безнадежной путаницы съ знаніемъ и незнаніемъ принципа значенія цифръ по положенію!

Тексты для сравненія съ Боэціевымъ изложеніемъ „искусства абака" путемъ геометрическаго метода наложенія текста на текстъ я нашелъ. Но эти тексты оказались совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Напрасные поиски въ древней литературѣ увѣнчались неожиданнымъ успѣхомъ въ средневѣковой. Наложеніе текста на текстъ произведено и поставлено внѣ всякаго сомнѣнія, что оба отдѣла объ абакѣ въ геометріи Боэція представляють собой не что иное, какъ „понадерганныя" изъ одного источника конца X и начала XI вѣка отрывки свѣдѣній объ абакѣ и операціяхъ на немъ, а рисунокъ абака есть одинъ плохо понятый, переиначенный, съ наглой смѣлостью и большимъ невѣжествомъ даже въ основныхъ элементахъ абака реформированной рисунокъ того же самаго источника. Что же это за источникъ? Онъ теперь намъ прекрасно извѣстенъ. Это „древнѣйшій сборникъ абацистовъ", на выясненіе состава и происхожденія котораго мы потратили не мало времени и усердія [27]). Въ немъ находилось сочиненіе Герберта объ абакѣ (редакція А) и постепенно, но не раньше 999 года, было переработано не Гербертомъ въ редакцію В. Пользованіе этой-то редакціей можно указать съ несомнѣнностью у Боэція, а затѣмъ и пользованіе другими частями сборника.

Но дѣйствительно ли авторъ отдѣловъ объ абакѣ въ геометріи Боэція пользовался Гербертомъ въ редакціи В? Можно ли это доказать съ полной точностью? Можно, и при томъ очень просто путемъ простого наложенія текстовъ, что и будетъ мною исполнено въ слѣдующей главѣ.

Но, если это такъ просто, то почему это не было сдѣлано раньше? Неужели никто до сихъ поръ не успѣлъ обратить вниманія на сход-

[27]) *Gerberti* Opp. Math., pp. 294—296, но особенно подробно и ясно объ этомъ сборникѣ будетъ сказано въ „Абакъ и арабы". Ср. еще ниже въ гл. III.

ство Герберта съ Боэціемъ? Какъ не успѣли? Успѣли. Уже до Шаля (Chasles) оба отрывка геометріи Боэція обратили на себя съ легкой руки знаменитаго филолога Исаака Фосса, который упомянулъ о геометріи Боэція въ своихъ примѣчаніяхъ на географію Помпонія Мэлы [28]) и указалъ на 9 характеровъ цифръ, заключавшихся въ ней, вниманіе ученаго міра. Съ тѣхъ поръ уже былъ поставленъ вопросъ, не говоритъ ли Боэцій попросту о нашей современной ариѳметикѣ, и онъ вентилировался на разные лады. Возможность такого вопроса объясняется тѣмъ, что Боэція совершенно не понимали, а не понимали потому, что не имѣли понятія объ абакѣ. А такъ какъ абакъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на нашу ариѳметику, то въ сущности были недалеки отъ истины. Большей извѣстностью однако пользовалось сочиненіе Герберта объ абакѣ, которое тоже толковалось такъ, какъ будто это не абакъ, а уже прямо наша ариѳметика. Присоединивъ сюда извѣстное свидѣтельство Вильгельма изъ Мальмсбери [29]), будто Гербертъ первый похитилъ абакъ у сарациновъ, пришли къ выводу, что наша ариѳметика и цифры принесены въ Европу впервые Гербертомъ и при томъ отъ арабовъ. Валлисъ въ своей исторіи алгебры [30]), даже не будучи лично знакомъ съ сочине-

---

[28]) *Isaaci Vossii*, Observationes ad Pomponium Melam de situ orbis. Ipse Mela longe quam ante hac emendacius praemittitur. Hagae Comitis. Apud Adrianum Vlacq. 1658, in 8. Здѣсь отдѣльной пагинаціи Observationum на стр. 64: „Illae ipsae notae, quibus nunc utimur, exstant quoque in notis Senecae et Tyronis, multo vero clarius apud Boethium in elementis geometricis, ubi Pythagoricis inventionem earum tribuit“. Цифры въ нотахъ Сенеки и Тирона, т. е. въ тироновыхъ нотахъ, есть заблужденіе Фосса, устраненное впослѣдствіи. Самъ Фоссъ не вѣритъ въ изобрѣтеніе ихъ пиѳагорейцами, но подлинности ихъ появленія у Боэція не оспариваетъ.

[29]) *Willelmus Malmesbiriensis*, De rebus gestis Anglorum l. II, c. 167 (Mon. Germ. Hist. SS. X, p. 161): „Abacum certe primus a Saracenis rapiens, regulas dedit, quae a sudantibus abacistis vix intelliguntur“.

[30]) *Wallis*, S. T. D. Geometriae Professoris Saviliani, in celeberrima Academia Oxoniensi, Opera Math. t. II (De Algebra tractatus historicus et practicus), Oxoniae e theatro Scheldoniano, 1693, pp. 11—19, слѣдитъ за исторіей нашей ариѳметики, т. е. альгоритма, по документамъ отъ XIII в. назадъ и въ числѣ древнѣйшихъ документовъ, свидѣтельствующихъ о знакомствѣ съ нашей ариѳметикой и цифрами, добирается въ X в. до писемъ Герберта и его письма къ Константину, стоящему во главѣ его сочиненія объ абакѣ. Письма Герберта извѣстны ему въ изданіяхъ I. Massonus, Parisii 1611 и A. Duchesne'a (Hist. Fr. Script. t. II) 1636 г. У Массона въ качествѣ ep. № 160 напечатано письмо къ Константину, а самый трактатъ опущенъ съ замѣткой „Haec epistola praeficitur libello suo de numerorum divisione, cujus initium est: De simplici. Si multiplicaveris singularem“ etc. У Дюшена это письмо является

ніемъ Герберта, а лишь съ письмомъ къ Константину, стоящимъ въ началѣ его, высказываетъ это мнѣніе, съ тѣхъ поръ облетѣвшее весь свѣтъ. Такимъ образомъ Боэцій и Гербертъ волей-неволей сближались, хотя и на совершенно чуждой имъ почвѣ, на почвѣ современной нашей ариѳметики.

Разъяснивъ впервые сущность абака, какъ системы чрезвычайно близкой нашей современной ариѳметикѣ, которая и произойти-то могла отъ абака безъ всякихъ особыхъ дополнительныхъ изобрѣтеній, Шаль [31]) вывелъ Боэція съ Гербертомъ на ихъ настоящее поле дѣятельности. Но онъ считалъ автора двухкнижной геометріи и пассажей объ абакѣ, заключающихся въ нихъ, за настоящаго Боэція. Онъ сейчасъ же замѣтилъ близкое сходство Боэція съ Гербертомъ, но съ его точки зрѣнія оно объяснялось очень просто: Гербертъ могъ просто черпать у Боэція. Но Боэцій вѣдь еще куда лапидарнѣе Герберта, а потому, руководствуясь только имъ однимъ, Гербертъ не могъ бы составить своего письма объ абакѣ. Значитъ, Гербертъ зналъ объ абакѣ или помимо Боэція, или и по Боэцію и помимо него. У нихъ былъ общій источникъ, болѣе древняя, чѣмъ Боэцій, литературная традиція. Значитъ, если не наша ариѳметика, то весьма близкая ей система абака и даже наши цифры были извѣстны древности. Но уже что кажется несомнѣннѣе того, что наши цифры никакъ не могли быть извѣстны древности? Вѣдь они достались намъ отъ арабовъ, а арабы называютъ ихъ индусскими, а въ Индіи ихъ чуть ли не съ II вѣка послѣ Р. Хр. находятъ, а нуль въ частности, по меньшей мѣрѣ, съ 738 года [32]). Какъ же могъ Боэцій знать наши цифры и нашу ариѳметику, спрашивали еще до Шаля, показавшаго, что у Боэція не наша ариѳметика, не альгоритмъ, а абакъ? Какъ могъ Боэцій знать наши цифры, спрашивали послѣ Шаля?

Итакъ цифры — вотъ то основаніе для сомнѣнія въ подлинности

подъ 161 номеромъ, но тоже безъ самаго трактата. Такимъ образомъ, самый текстъ сочиненія Герберта объ абакѣ остался неизвѣстенъ Валлису и не мѣшалъ его убѣжденію, что абакъ Герберта есть альгоритмъ, т. е. наша современная ариѳметика. Ср. мое соч. Подл. соч. Герб. объ абакѣ, стр. 7—8.

[31]) См. гл. I, прим. 3.

[32]) Чтобы добраться до II вѣка, нужно производить наши цифры или отъ индусскаго алфавита II в. по Р. Хр., или отъ пресловутыхъ пещерныхъ знаковъ того же II вѣка, а то и другое не особенно легко. Документъ съ нулемъ отъ 738 приведенъ *E. Clive Bayley*, Journal of the Royal asiatic soc. New Series XV (1883), p. 27. Ср. *Cantor*, Vorles. I², pp. 562—565.

отрывковъ объ абакѣ въ геометріи Боэція до и часто послѣ Шаля, вотъ тѣ сѣмена, которыя, будучи политы въ общемъ довольно водянистыми разсужденіями, давали обильную жатву сомнѣнія еще и до Шаля, а особенно послѣ него. Вѣдь если Боэцій зналъ наши девять цифръ и значеніе цифръ по положенію, какъ это ясно видно изъ его текста, если, это еще удивительнѣе, онъ кромѣ девяти цифръ еще и нуль зналъ, какъ это заключали изъ его рисунка, гдѣ рядомъ съ девятью цифрами стоитъ еще кружокъ съ треугольникомъ внутри, то спрашивается, чего ему недостаетъ до нашей ариометики? Ну, а чтобы онъ, а съ нимъ древность, были знакомы съ нашей ариометикой, это ужъ никакъ допустить нельзя. Никто, кромѣ сомнительнаго Боэція, объ этомъ изъ древнихъ писателей не говоритъ, а твердая литературная традиція среднихъ вѣковъ указываетъ ясно на далекій востокъ, на Индію. Главное достоинство нашихъ цифръ въ сравненіи съ римскими (но не греческими), ихъ несложность, дѣлающая возможнымъ употребленіе ихъ безъ колоннъ, но со значеніемъ по положенію (римское VIII, если его читать съ примѣненіемъ принципа значенія цифръ по положенію, значило бы 5111), не имѣютъ никакого значенія на колоннахъ абака (тамъ и VIII въ колоннѣ единицъ=8, въ колоннѣ десятковъ = 80). Нѣтъ ровно никакой надобности замѣнять римскія цифры новыми хитрыми знаками. Нуль же совершенно излишенъ на абакѣ, гдѣ онъ съ успѣхомъ замѣняется пустою колонною. Не ясно ли, что все это элементы чуждые абаку, а съ нимъ и Боэцію, который вѣдь, какъ это знали со времени Шаля, писалъ объ абакѣ?

Открытіе Шаля подливало масла въ пламя сомнѣнія, но пожарные современной критики не падали духомъ. Одни, въ ихъ числѣ и самъ Шаль, жертвуя нулемъ и названіемъ цифръ на рисункѣ первой книги, т. е. признавая его въ рисункѣ за позднѣйшую вставку, спасали девять цифръ и все остальное. Другіе бросали въ разъяренную стихію вмѣстѣ съ нулемъ и другія девять цифръ, но отстаивали мнѣніе, что абакъ въ томъ видѣ какъ у Боэція, но безъ нашихъ цифръ, былъ извѣстенъ классической древности еще во времена Платона [33]). Третьимъ [34]) пишущій по-латыни Архитъ могъ бы казаться подозритель-

[33]) См. напр. ниже мнѣніе Aug. Boeckh'а.

[34]) Ближе всѣхъ къ этому типу подходитъ *Friedlein*, Gerbert, die Geometrie des Boethius und die indischen Ziffern, и въ другихъ сочиненіяхъ; но только онъ заодно и всю геометрію считаетъ подложной, а не только пассажи объ абакѣ, хотя и не объясняетъ, почему онъ утвердился въ такомъ убѣжденіи. А не мѣшало бы!

нымъ тѣмъ болѣе, что балагуръ XII столѣтія Вильгельмъ изъ Мальмесбери развязно заявляетъ, что Гербертъ навѣрно похитилъ свой абакъ у сарацинъ, а вѣдь абакъ Герберта ничѣмъ не отличается отъ абака Боэція. Съ этой точки зрѣнія было бы правильнымъ считать оба флигелька съ абакомъ за неважныя позднѣйшія пристройки къ главному двухкнижному корпусу геометріи Боэція и предоставить ихъ пламени, а самимъ искать спасенія въ главномъ зданіи, въ ожиданіи пока пламя сомнѣнія не лизнетъ и этого послѣдняго убѣжища. Впрочемъ, обыкновенно кто сомнѣвался въ подлинности отрывковъ объ абакѣ, былъ уже недовѣрчивъ ко всей геометріи.

Болѣе всѣхъ шума и бѣды натворили тѣ, очень, впрочемъ, авторитетные ученые, которые жертвуютъ только нулемъ. Они вслѣдъ за Шалемъ, котораго даже приводимые имъ самимъ въ высшей степени ясные тексты абацистовъ не могли сбить съ ложнаго пути, и который даже далъ не приведенное имъ, впрочемъ, въ исполненіе обѣщаніе [25]) написать спеціальное изслѣдованіе о нулѣ у абацистовъ, были убѣждены, что десятый знакъ (кругъ со знакомъ на немъ или безъ него) абацистовъ, попавшій неправильно и къ Боэцію, есть именно нашъ нуль, и что употребленіе его абацистами для другихъ совсѣмъ не важныхъ цѣлей, о чемъ говорятъ тексты абацистовъ, есть уже результатъ недоразумѣнія. На самомъ же дѣлѣ, какъ Шаль обѣщается доказать (вѣроятно, въ спеціальномъ трудѣ о нулѣ), нуль изобрѣтенъ на западѣ ранѣе знакомства запада съ арабско-индійской ариѳметикой, но совершенно для тѣхъ же цѣлей, какъ и въ индійской ариѳметикѣ, т. е. для замѣны пустыхъ колоннъ абака. Почему это крупнѣйшее изобрѣтеніе было потомъ забыто и изуродовано, почему такой важный генералъ, какъ нуль, былъ безъ суда разжалованъ и уволенъ въ нестроевую часть, когда все это случилось, на эти вопросы Шаль не дастъ отвѣта. Какъ могло, наконецъ, произойти, что знакъ для обозначенія пустого разряда въ разное время, въ двухъ разныхъ, далеко отстоящихъ другъ отъ друга частяхъ свѣта былъ придуманъ въ совершенно одинаковой формѣ круга, этого онъ тоже не объясняетъ. Во всякомъ случаѣ, нуль онъ считаетъ включеннымъ въ со-

---

[25]) *Chasles*, Développements et details historiques sur divers points du système de l'Abacus. Comptes Rendus, XVI, 1843, p. 1408: „Ces considérations que je passe ici sous silence et qui feront le sujet d'une dissertation speciale où j'aurai à interpréter divers textes, m'ont conduit à conclure que la véritable destination du sipos (нуль у абацистовъ) était bien de faire l'office de notre Zéro actuel, c'est à dire de remplir les places vides dans l'expression des nombres".

чиненіе Боэція уже позже, откуда вытекаетъ, что классическая древность не додумалась до нуля и обходилась безъ него, а тѣ горемыки схоластики, которые жили на западѣ между VI—X вѣками, оказались изобрѣтательнѣе Евклидовъ и Архимедовъ. Родины остальныхъ цифръ Шаль не разыскиваетъ. Вепке [36]), а за нимъ и другіе выдающіеся изслѣдователи, комбинируя арабскую традицію индусскаго происхожденія девяти цифръ и особенно нуля съ признаваемой ими извѣстностью девяти изъ нихъ (т.-е. всѣхъ, кромѣ нуля) Архиту, жившему будто бы въ I столѣтіи послѣ Р. Хр., и Боэцію, а также съ принимаемой ими греко-еврейской этимологіей ихъ странныхъ названій въ духѣ александрійской школы новопиѳагорейцовъ, строятъ слѣдующую теорію странствованія нашихъ цифръ по бѣлу-свѣту. Она и до сихъ поръ передается, какъ наиболѣе вѣроятная, въ лекціяхъ по исторіи математики Кантора во второмъ изданіи [37]). Въ I или II столѣтіи прототипы нашихъ девяти цифръ извѣстны въ Индіи. Нуль еще не народился. Отсюда они попадаютъ, самое позднее, въ I вѣкѣ въ Александрію, получаютъ здѣсь извѣстныя абацистамъ свои странныя греко-еврейскія названія и бредутъ дальше. Съ ними знакомится „латинскій Архитъ“, а отъ него Боэцій. Они извѣстны и западнымъ арабамъ подъ названіемъ „гобаръ“. Въ VIII столѣтіи нѣсколько уже измѣнившіяся индусскія цифры предпринимаютъ, но уже въ сообществѣ новаго интереснаго товарища, нуля, вторую прогулку на западъ, попадаютъ, на этотъ разъ уже безъ Александріи, къ восточнымъ арабамъ и отъ нихъ къ западнымъ, потомъ и въ остальную Европу. Какая нужда была александрійцамъ въ этихъ странныхъ заморскихъ знакахъ безъ нуля? Какъ могли александрійскіе греки, прекрасно изображавшіе числа обыкновенными греческими буквами, оказать гостепріимство этимъ экзотическимъ гостямъ, когда ими все равно на бумагѣ ровно никакихъ чиселъ кромѣ 1—9 написать (безъ нуля-то) нельзя было, а на счетной доскѣ вполнѣ удовлетворяли своему назначенію первыя буквы греческаго алфавита? Вотъ вопросы здраваго

---

[36]) *Woepcke*, Mémoire sur la propagation des chiffres indiens. Journal asiatique, I половина 1863, стр. 27—79, 442—529.—О греко-еврейской воображаемой этимологіи названій девяти цифръ у абацистовъ см. мою Арном. самост. европ. культ. стр. 91 пр. 1. Эта этимологія создана *Vincent*, Note sur l'origine de nos chiffres (Journ. de mathém. de M. Liouville t. IV, p. 261, juin 1839), его же De notations scientifiques à l'école d'Alexandrie (Revue Arch. 1846, p. 601).

[37]) *Cantor*, Vorles., I², p. 669.

смысла, на которыя изъ уваженія къ Боэцію съ отсѣченнымъ посредствомъ критическаго скальпеля нулемъ не дается отвѣта.

Уже куда легче оказывалось положеніе тѣхъ, которые вытолковывали вслѣдъ за нулемъ и остальные девять неудобныхъ съ точки зрѣнія индусско-арабской теоріи знаковъ. Всѣ они оказывались вставкою X или XI вѣка, и все разрѣшалось къ общему всѣхъ удовольствію, не безъ нѣкоторыхъ впрочемъ тайныхъ угрызеній совѣсти по поводу истязанія текста Боэція.

Всего проще, но за то всего отвѣтственнѣй, была энергическая операція удаленія всего объ абакѣ, какъ въ первой, такъ и во второй книгѣ. Правда, для этого приходилось отрѣзать не только оконечности I и II книги, но и внутри ихъ производить въ одномъ мѣстѣ первой книги, и въ одномъ же мѣстѣ второй книги [38]), частное вылущиваніе отдѣльныхъ фразъ; но это не останавливало. Тутъ нужна была однако уже болѣе развитая система мотивовъ, а не простая принадлежность къ индусско-арабскому ариометическому вѣроисповѣданію, необходимо было болѣе основательно и детально изучить текстъ мѣстъ объ абакѣ. Не смотря на громадное значеніе этого текста, охотниковъ останавливаться на немъ повнимательнѣе нашлось только двое. Это извѣстный филологъ Boeckh и историкъ математики Фридлейнъ [39]). Они оба отсѣкають всѣ мѣста объ абакѣ, оба исповѣдывають жившаго въ первомъ столѣтіи послѣ Р. Хр. Архита; но разница между ними есть. Бекъ не возстаетъ противъ принадлежности Боэцію всего остальнаго, что находится въ этой геометріи; Фридлейнъ считаетъ подложность геометрическихъ частей уже доказанной, а свое изслѣдованіе о мѣстахъ съ абакомъ лишь за дополнительное подтвержденіе этого имъ во всякомъ случаѣ плохо провѣреннаго положенія.

Августъ Бекъ принадлежитъ къ числу выдающихся германскихъ филологовъ. Писанія его поэтому должны стоять на особомъ счету, даже если они имѣютъ характеръ простой замѣтки. Такой именно характеръ присущъ его работѣ объ абакѣ въ геометріи Боэція, занимающей всего 12 страничекъ. Это маленькая статейка, поставленная

---

[38]) Въ первой книгѣ вмѣстѣ съ описаніемъ абака и операцій на немъ, ed. Friedlein, p. 395, l. 2, 401 l. 2, еще p. 393 ll. 6—10, во второй вмѣстѣ съ описаніемъ дробей на абакѣ въ реформированномъ видѣ, p. 425 l. 18—428 l. 14, еще p. 402 l. 12—15.

[39]) *Boeckh* въ Index lectionum quae auspiciis regis augustissimi Friderici Guilielmi Quarti in universitate litteraria Friderica Guilelma per semestre aestivum instituentur, Berolini, Formis Nauckianis, 1841, in 4, pp. II—XII.—*Friedlein*, Gerbert, die Geometrie des Boethius und die indischen Ziffern. Erlangen 1861, in 8.

во главѣ обозрѣнія преподаванія въ Берлинскомъ университетѣ на лѣтнее полугодіе 1841 года. И заглавія-то эта замѣтка не имѣетъ. Его приходится конструировать изъ содержанія ея: „О счисленіи у Грековъ“, что будетъ, во всякомъ случаѣ, точнѣе, чѣмъ „De numeris Graecorum“, какъ его иногда называютъ. Дѣло, дѣйствительно, идетъ о томъ, чтобы доказать, что, помимо давно за греками извѣстныхъ способовъ изображенія чиселъ числовымъ алфавитомъ (27 знаковъ) и начальными буквами нѣкоторыхъ числительныхъ (геродіановы знаки), греки знали еще и другіе два способа, сходные съ нашимъ десятичнымъ способомъ. Матерьяломъ для заключеній являются у Бека: 1) надпись, найденная Car. Otfried'омъ Müller'омъ на аоинскомъ акрополѣ, и 2) пиѳагоровъ абакъ, какъ онъ изображенъ въ геометріи Боэція.

Что касается надписи, найденной Мюллеромъ, она состоитъ изъ пяти вертикальныхъ колоннъ, въ которыхъ многоэтажно расположены пары греческихъ буквъ. Направо въ этихъ парахъ стоятъ буквы I, K, Λ, M, N, налѣво первыя девять буквъ греческаго числового алфавита A—Θ и опять буква I. Великъ соблазнъ считать I, K, Λ, M, N за знаки для 10, 20, 30, 40, 50, каковыми они являются въ греческомъ числовомъ алфавитѣ, а A—Θ за 1—9. Оба ученыхъ, и Мюллеръ и Бекъ, (и многіе другіе) не устояли противъ соблазна. Напрасно ихъ предостерегало положеніе буквъ, именно десятковъ справа, а единицъ слѣва. Опираясь на то, что въ надписяхъ греки иногда ставятъ большія числа налѣво, меньшія направо, а иногда и наоборотъ, и забывая, что въ надписяхъ-то употребляется другой способъ изображенія чиселъ (геродіановы знаки), а не числовой алфавитъ, они рѣшили, что это двузначныя числа. Такъ, BM будетъ будто бы значить 42, ΔΛ — 34, и т. д. Однако, бѣда въ томъ, что, употребляя числовой алфавитъ, историческіе, а не воображаемые греки, писали всегда 42—MB (μβ), а 34—ΛΔ (λδ), и что, слѣдовательно, наша надпись является единственнымъ исключеніемъ, и при томъ едва ли счастливымъ. Другая бѣда въ томъ, что чиселъ большихъ чѣмъ 59 (ΘN) въ этомъ обратномъ написаніи не встрѣчается. Ее Мюллеръ устранилъ предположеніемъ, что здѣсь дѣло идетъ о минахъ, которыхъ въ талантѣ 60, такъ что болѣе 59 и писать-то не нужно. Что это за счастливые люди, которымъ можно было обойтись безъ болѣе мелкой единицы, драхмъ, которыхъ въ минѣ 100, и почему имъ ни разу не пришлось изобразить, напримѣръ, 74 мины, что дало бы одинъ талантъ и 14 минъ, и, слѣдовательно, потребовало бы знакъ для таланта, Мюллеръ не объ-

ясняетъ. Бекъ выручаетъ дѣло новымъ предположеніемъ, очень, впрочемъ, нехитрымъ: были, видите ли, знаки и для обола (1/6 драхмы), и для драхмы, и для таланта, но они находились въ другой части надписи, которая пропала. Экое, подумаешь, несчастье. Но этимъ дѣло не кончается: про запасъ имѣется еще третья бѣда—это проклятая I, которая въ парахъ стоитъ не только направо, гдѣ по Мюллеру—Беку находятся десятки, но и налѣво, гдѣ должны стоять только единицы. Тутъ, повидимому, могила интерпретаціи надписи Мюллеромъ и Бекомъ. Но они не испугались этой могилы и пробуютъ вдохнуть жизнь въ свое созданіе очень искуснымъ, но, къ несчастію, и совершенно искусственнымъ образомъ: I стоящая налѣво, замѣняетъ, видите ли, нашъ нуль. Эта единица „взята, несомнѣнно, для заполненія пустого пространства, и потому замѣняетъ собою нуль, которымъ мы пользуемся изъ индійскаго или арабскаго счисленія", говоритъ Бекъ (p. III). Но такимъ предположеніемъ врядъ ли можно вернуть это объясненіе къ жизни иной, кромѣ загробной. Дѣйствительно, что за бѣдность мысли у бековскихъ грековъ. Постигнувъ такую важную вещь, какъ нуль, они не въ состояніи были придумать для него особаго знака. Съ другой стороны, особый знакъ для нуля и самое понятіе нуля не ненужная ли это роскошь тамъ, гдѣ десять, двадцать, и т. д. имѣютъ особые знаки, которые стоятъ внѣ значенія по положенію? Къ чему нуль тому, для кого I значитъ 10, а N—50, гдѣ бы они не стояли. По Беку, десять по этой системѣ грекъ долженъ былъ изображать такъ: II, гдѣ правая единица значитъ уже 10, а лѣвая единица, обозначающая будто бы нуль, помогаетъ еще ей значить 10. Слава Богу, въ надписи такой пары знаковъ нѣтъ, но за то есть IN (четыре раза), и IM (одинъ разъ), что, по Беку, значитъ 50 и 40!

Мнѣ извѣстенъ александрійскій анонимъ [40]), очевидно, абацистъ, сдѣлавшій смѣлую попытку за свой рискъ и страхъ изображать числа по системѣ абака, т. е. при помощи девяти знаковъ, но на пергаментѣ и безъ колоннъ. Двѣнадцать онъ изображалъ по системѣ абака, но безъ колоннъ, какъ и мы, со значеніемъ по положенію: 12, а двадцать пять 25. Но онъ индусской ариѳметики и нуля не зналъ, и не былъ достаточно геніаленъ для того, чтобы единолично сдѣлать то,

[40]) Alessandria (archegymnasium) № 171 s. XII. Описанъ и изданъ *Enr. Narducci*: Intorno ad un manuscritto della biblioteca Alessandrina contenente gli apici di Boezio senz' abaco e con valore di positione. Mem. dell. Acad. Reale dei Lincei, classe de scienze fisiche, Serie 3, vol. I, 1877, pp. 503—509.

для чего потребовались столѣтія возни на абакѣ, т. е. пустой разрядъ изобразить графически рисункомъ чистаго счетнаго жетона. И вотъ, десять онъ не можетъ изобразить нашими цифрами и пишетъ скромно X, а двадцать XX, т. е. прибѣгаетъ къ добрымъ старымъ римскимъ знакамъ. Это еще понятно. Но, обратное, именно, чтобы кто-нибудь, пользуясь счисленіемъ, гдѣ нѣтъ значенія по положенію, т. е. греческимъ числовымъ алфавитомъ, и гдѣ нуль не имѣетъ никакого смысла, соскучился бы по знакѣ для нуля тамъ, гдѣ самое его понятіе недопустимо, это можно было придумать только въ кабинетѣ. Въ кабинетѣ же только можно было дойти до геркулесовыхъ столбовъ нулевой теоріи, т. е. до предположенія, что нуль на мѣстѣ десятковъ, т. е. по Беку на второмъ слѣва, долженъ былъ изображаться какимъ-то новымъ знакомъ, а не I, такъ какъ I на второмъ слѣва мѣстѣ значило бы десять. Такъ IIP значило бы по Беку сто (P) десять (I) и нуль (I). Поэтому сто два нужно писать такъ: B, второй знакъ для нуля, P. Оказывается, что бековскій грекъ, не достаточно изобрѣтательный для изобрѣтеній особаго знака для одного нуля и изображавшій этотъ нуль какъ 10, сразу уже придумалъ особый знакъ для нуля на второмъ слѣва мѣстѣ. Не проще ли было этотъ неизвѣстный Беку знакъ употреблять повсюду вмѣсто нуля, если бы въ этомъ нулѣ была хоть какая-нибудь надобность?

Но этого мало. Это изумительное и, къ счастію для грековъ, никогда у нихъ не существовавшее счисленіе Бекъ, повидимому, оставляетъ для ученыхъ, такъ какъ, договорившись до подобныхъ вещей, онъ продолжаетъ [41]): „Тѣмъ не менѣе даже неученые люди у грековъ, кто только былъ обученъ скромнымъ началамъ логистики (счетнаго искусства), умѣли умножать и дѣлить числа способомъ, совершенно сходнымъ съ нашимъ, въ которомъ они знаки для единицъ употребляли и для десятковъ и степеней десяти, и, произведя вычисленіе, результатъ перелагали на обыкновенные знаки. Это они дѣлали съ тѣхъ поръ, какъ стали пользоваться пиѳагорейскимъ абакомъ".

Мнѣ кажется, что проще было бы признаться, что значеніе надписи Мюллера намъ неясно, чѣмъ добираться до такихъ геркулесовыхъ столбовъ неудачной интерпретаціи. Но гипнозъ много значитъ. Теорія Бека (изложенная имъ на стр. II-V) о такомъ оригинальномъ счисленіи у грековъ не встрѣтила настоящаго опроверженія [42]). Вмѣсто простого

[41]) *Boeckh*, l. c., p. V.

[42]) Даже недавно еще *Woisin*, De graecorum notis numeralibus, Kiliae 1886,

что Вёпке и Канторъ [42]) видитъ здѣсь цифры, но только букву I и налѣво отъ нея считаетъ обозначающей десять: IM, по Кантору, есть разложеніе 50 въ 10 (I)+40 (M), а IX разложеніе шестидесяти въ 10 (I)+50 (X).

Изъ всего этого ясно только одно, а именно, что найденная Мюллеромъ надпись никакого отношенія къ счисленію у кого бы то ни было, а не только у грековъ, не имѣетъ, и что написанныя въ ней буквы, дѣйствительно, буквы, а не цифры. А что онѣ значатъ, это неизвѣстно. и никогда не будетъ извѣстно.

Не болѣе посчастливилось Беку и въ интерпретаціи другого его источника, именно мѣста объ абакѣ въ геометріи Боэція. Конечно, онъ не могъ ошибиться въ пониманіи самаго счисленія на абакѣ (стр. VI—VIII). Слишкомъ оно просто, похоже на наше, а главное уже объяснено до Бека Шалемъ, на котораго онъ и ссылается. Одно только смущаетъ Бека, это появленіе на абакѣ Боэція прототиповъ нашихъ 9 цифръ, а главное нуля. Смысла нашимъ цифрамъ на рисункѣ абака въ томъ расположеніи, какъ это сдѣлано у Боэція и объяснено нами выше [44]), онъ (p. VII n. 8) подыскать не можетъ, и потому считаетъ, что они сюда не относятся (notae illae praescriptae a figura abaci alienae sunt), тѣмъ болѣе, что никакой надобности въ нулѣ на абакѣ нѣтъ (VIII n. 10: Ciphra non opus erat in abaci calculis), да такой знакъ ни въ одномъ источникѣ греческомъ или римскомъ классическихъ временъ и не встрѣчается.

Правила операцій на абакѣ, особенно, для дѣленія, Бекъ напрасно считаетъ простыми (multiplicare numeros et partire, simplicissimis, quae in appendice Boethiani libri abaco addita sint praeceptis in usum vocatis). Увы, дѣло это просто только для того, кто притворяется, что онъ его понимаетъ, а приведенные Бекомъ примѣры умноженія (pp. IX, X) на абакѣ нисколько по своему виду не похожи на настоящее умноженіе на абакѣ. Жалко, что Бекъ не попробовалъ реконструировать дѣленіе на абакѣ. Тогда онъ увидѣлъ бы, что дѣло совсѣмъ не просто [45]).

Наконецъ, Бекъ доходитъ до оцѣнки мѣстъ объ абакѣ въ гео-

гр. 44—46, не прочь видѣть здѣсь цифры. Цитируемый имъ Rangabé, хотя и сталъ уже въ этомъ сомнѣваться, тѣмъ не менѣе предлагаетъ I налѣво считать за единицу и Woisin напрасно слѣдуетъ ему.

[43]) Mathem. Beitr., p. 126.

[44]) См. выше гл. I, *Журналъ Мин. Нар. Просв.*, январь 1907, стр. 24, мартъ, рис. къ стр. 150.

[45]) Операціи на абакѣ см. Ариѳм. самост. евр. культ. гл. VI и VII.

метріи Боэція. Эти мѣста онъ почему-то называетъ приложеніемъ (appendix). Уже раньше (p. VIII n. 10) онъ называлъ это „приложеніе" интерполированнымъ (appendicem Boethiani libri, quae interpolata esse videtur), повидимому, изъ-за цифръ и особенно изъ-за нуля, хотя и не объясняетъ, все ли „приложеніе" вставка, или только цифры въ этомъ приложеніи.

На стр. X-XII взглядъ Бека на мѣста объ абакѣ, на „приложеніе", излагается уже совершенно ясно. Всѣ мѣста объ абакѣ, а не только цифры, являются, по Беку, позднѣйшей вставкой въ геометріи, написанной дѣйствительнымъ Боэціемъ. Сославшись на извѣстное уже намъ мѣсто о пиѳагорейскомъ происхожденіи абака [46]), Бекъ говоритъ слѣдующее:

„Чтобы это было написано Боэціемъ, въ этомъ трудно себя убѣдить, такъ какъ все разсужденіе объ абакѣ плохо вяжется съ первой книгой геометріи Боэція, да и написано довольно грубымъ стилемъ. Однако, нельзя сомнѣваться въ томъ, что та часть этого приложенія, которая посвящена выясненію системы абака, проистекаетъ изъ древняго и даже греческаго источника: компиляторъ заимствовалъ свой матеріалъ либо изъ какой-нибудь книги Боэція, либо изъ другого латинскаго автора, знакомаго съ греческой литературой" [47]).

Приведя затѣмъ ссылку автора геометріи въ концѣ первой книги на Архита, который будто бы приспособилъ абакъ для Лаціума (т. е. для римлянъ), въ концѣ второй указаніе его же на того же Архита, у котораго заимствована будто бы таблица дробей [48]), Бекъ продолжаетъ:

„Итакъ, абакъ взятъ изъ книги, которая ходила какъ Архитовская. Хотя мы и признаемъ, что эта книга была подложная, какъ и всѣ другія (за исключеніемъ, можетъ быть, механики, приведенной Витрувіемъ) Архитовскія сочиненія, приписывавшіяся, насколько можно судить изъ Діогена Лаэрція, какому-то Архиту архитектору, а не пиѳагорейцу, однако, эти архитовскія сочиненія навѣрно не моложе перваго вѣка христіанской эры, и невѣроятно, чтобы абакъ былъ изобрѣтенъ скрывающимся подъ личиной Архита. Онъ былъ извѣстенъ раньше и, какъ говоритъ авторъ приложенія, перелитъ въ общее всѣхъ свѣдѣніе [49]), включенъ же былъ въ подложную книгу Архита

[46]) См. гл. I, пр. 22.
[47]) См. гл. I, пр. 11.
[48]) См. гл. I, пр. 62.
[49]) „In notitiam omnium transfundere", см. гл. I, пр. 22.

по той причинѣ, что его всѣ считали за изобрѣтеніе Пиѳагора или пиѳагорейцевъ. Итакъ, ничто повидимому не мѣшаетъ думать, что называемый пиѳагоровскимъ абакъ былъ уже навѣрно во время Платона не только извѣстенъ грекамъ, но даже находился во всеобщемъ употребленіи при вычисленіяхъ, тѣмъ болѣе, что онъ видимое подражаніе тому осязательному или ручному счетному инструменту, которымъ у многихъ народовъ пользовались даже неученые люди. Но чтобы въ этой Архитовской книгѣ были написаны индійскія цифры, это весьма сомнительно. Вѣдь то, что говорится объ этихъ знакахъ въ приложеніи боэціевской книжки, могло быть прибавлено тѣмъ, кто составилъ это приложеніе, а описаніе абака было все же взято изъ болѣе древняго источника. Послѣднее тѣмъ вѣроятнѣе, что тотъ же авторъ говоритъ, что при составленіи таблицы дробей древніе пользовались различными знаками, а онъ самъ пользуется только тѣми знаками, которые онъ примѣнилъ въ самой структурѣ абака".

Въ примѣчаніяхъ 11 и 14 Бекъ разъясняетъ, что это несомнѣнно индусскіе знаки, каковые, въ противоположность Шалю, онъ не считаетъ за извѣстные грекамъ, а выводитъ отъ индусовъ и арабовъ и полагаетъ, что они сдѣлались извѣстными европейцамъ уже гораздо позже. „Къ этому слѣдуетъ присоединить, продолжаетъ онъ, что самъ Боэцій, какъ показываютъ рукописи, навѣрно индусскими цифрами не пользовался. Впрочемъ, это изложеніе абака является во многихъ рукописяхъ Боэція, написанныхъ въ XI вѣкѣ, а потому оно навѣрно не моложе сочиненій Герберта, т. е. X вѣка, но можетъ быть и того древнѣе, что уменьшаетъ вѣроятность распространеннаго мнѣнія, будто Гербертъ съ употребленіемъ нашихъ цифръ или съ тѣмъ, что онъ въ письмѣ къ Константину называетъ системой чиселъ абака, познакомился у сарацинъ. Напротивъ, содержаніе этого его письма обнаруживаетъ такое сходство съ приложеніемъ боэціевскаго сочиненія, что ихъ слѣдуетъ признать за происходящія изъ общаго источника". Далѣе, повторивъ нѣсколько вѣрныхъ мыслей Деламбра (Hist. astron. t. II) о томъ, что греки въ письмѣ цѣпко держались своего традиціоннаго способа изображенія чиселъ, т. е. безъ значенія по положенію и нуля, чему причиной были: 1) его освященная временемъ древность, 2) сравнительное удобство его даже при вычисленіяхъ для усвоившихъ его и, наконецъ, 3) то обстоятельство, что великіе греческіе математики, занятые высшими проблемами, считали неподходящей для себя задачей упрощать ариѳметику, Бекъ такъ заканчиваетъ свою замѣтку (p. XII): „Абакъ же, наконецъ, отъ котораго

произошло наше или индусское письменное счисленіе, куда болѣе полезное, чѣмъ указанныя выше, греки, повидимому, оставили народному тривіальному знанію, не принявъ въ свой лексиконъ даже такихъ терминовъ, какъ „дигитъ" и „артикулъ", въ которыхъ сохранились слѣды эмбріональнаго состоянія абака".

Какіе же мотивы выставляетъ Бекъ для доказательства, что мѣста объ абакѣ цѣликомъ не принадлежатъ Боэцію. Мотивы Бека сведены Фридлейномъ къ слѣдующимъ четыремъ: 1) всѣ разсужденія объ абакѣ въ первой книгѣ плохо связаны съ первой книгой геометріи Боэція; 2) они написаны довольно плохимъ слогомъ; 3) авторъ мѣстъ объ абакѣ утверждаетъ (во второй книгѣ), что древніе при составленіи таблицы дробей пользовались разнообразными характерами, а самъ онъ пользуется только тѣми, которые онъ употреблялъ для построенія абака, при чемъ онъ несомнѣнно разумѣетъ индусскія цифры; 4) изъ рукописей слѣдуетъ, что Боэцій не пользовался индусскими цифрами. Фридлейнъ принимаетъ всѣ эти доказательства Бека, при чемъ старается ихъ подтвердить, особенно третье и четвертое. Но оба они должны будутъ отступить передъ слѣдующей доказательственной артиллеріей.

Позволительно, прежде всего, спросить, въ чемъ заключается отдѣльно доказательственное значеніе третьяго пункта. Надѣюсь, не въ ссылкѣ въ концѣ второй книги на болѣе древнихъ составителей таблицы дробей. Боэцій, хотя былъ и древнимъ писателемъ, однако это не исключаетъ возможности его ссылокъ на другихъ древнѣйшихъ писателей, каковые, какъ извѣстно, были. Значитъ, все дѣло въ употребленіи имъ на доскѣ дробей индусскихъ цифръ вмѣсто другихъ знаковъ. Тогда этотъ пунктъ совпадаетъ съ четвертымъ и имѣетъ лишь то развѣ значеніе, что пріобщаетъ къ скепсису кромѣ конца первой еще и конецъ второй книги, и то лишь въ томъ совершенно недопустимомъ случаѣ, если авторъ, въ концѣ второй книги, дѣйствительно, разумѣетъ индусскія цифры. И такъ, четыре пункта сводятся всего къ тремъ. Это прежде всего. Разсмотримъ ихъ по порядку.

Отсутствіе связи между остальнымъ содержаніемъ первой книги и ея концомъ очевидно только съ современной точки зрѣнія. Мы видѣли [60]), что тѣсная связь абака съ геометріей есть твердое въ средніе вѣка убѣжденіе, являющееся не чѣмъ-нибудь новымъ, а пережи-

[60]) См. выше, введеніе.

ваніемъ очень стараго взгляда, возможнаго уже во время Боэція и объясняемаго паденіемъ научной геометріи. Умѣніе считать необходимо для практической землемѣрной геометріи, особенно той, которая слѣдуетъ съ начала второй книги, т. е. за первымъ мѣстомъ объ абакѣ. Да мы видѣли выше [51]), что и разсужденіе объ абакѣ съ цѣлыми числами вполнѣ умѣстно въ первой книгѣ, гдѣ имѣется въ виду только отвлеченное число, которое не допускаетъ, по воззрѣніямъ среднихъ вѣковъ и древности, дѣленія на дроби [52]), а абакъ съ дробями вполнѣ умѣстенъ во второй книгѣ, гдѣ дѣло идетъ о мѣрахъ, т. е. именованныхъ единицахъ, которыя однѣ, по воззрѣнію абацистовъ, допускаютъ дѣленіе на дроби, и самыя дроби Боэція являются подраздѣленіями фута.

О стилѣ не будемъ спорить съ такимъ знатокомъ этого дѣла, какъ Бекъ, но только спросимъ его, въ лучшемъ ли стилѣ написана остальная часть геометріи, особенно введеніе, вторая книга и нѣкоторыя части первой. А вѣдь Бекъ не возстаетъ противъ авторства Боэція въ нихъ! Нѣтъ! обѣ книги написаны совершенно въ одномъ стилѣ, за исключеніемъ развѣ перевода изъ Эвклида въ первой книгѣ, но переводъ вѣдь могъ быть сдѣланъ до Боэція, который могъ включить его безъ переработки стиля, но съ дополненіями въ свою геометрію. Наконецъ, извѣстно, что о стилѣ въ подобныхъ случаяхъ говорятъ только за невозможностью сказать чего-либо лучшаго. Очень уже субъективны подобныя сужденія, и убѣдительность ихъ далеко не общеобязательна. Она, во всякомъ случаѣ, выиграла бы много въ силѣ, если бы было сдѣлано стилистическое изученіе сочиненій Боэція. Пока этого нѣтъ, даже и Беку пришлось раздѣлить между Боэціемъ и не Боэціемъ произведеніе, которое, какъ мы современемъ узнаемъ, принадлежитъ съ начала и до конца одному человѣку, и притомъ не Боэцію.

Что касается третьяго пункта, выставленнаго Бекомъ, то онъ, какъ мы видѣли [53]), въ сущности совпадаетъ съ четвертымъ. Совпаденіе это происходитъ однако только при томъ непремѣнномъ условіи, если при составленіи своей таблицы дробей авторъ ея дѣйствительно употребилъ индусскія цифры. Бекъ находитъ, что это совершенно ясно (manifesto). Не такъ это на самомъ дѣлѣ ясно, какъ кажется знаме-

---

[51]) См. гл. I, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, мартъ 1907, стр. 147, 148.

[52]) См. гл. I, пр. 54.

[53]) См. выше.

читому филологу. Дѣло въ томъ, что Бекъ не понялъ въ данномъ случаѣ текста Боэція. Рисунокъ со знаками дробей въ концѣ второй книги онъ считаетъ за совершенно отдѣльную отъ абака самостоятельную таблицу. Поэтому слова Боэція, стоящія двумя строчками ниже этой таблицы и заключающія въ себѣ ссылку на абакъ, онъ относитъ не къ этой таблицѣ, а къ рисунку абака первой книги. Боэцій говоритъ [54]): „*Мы же въ трудъ подобный настоящему сознательно не беремъ никакихъ другихъ характеровъ, кромѣ тѣхъ, которые мы выше нарисовали въ изображеніи абака*". Отсюда при своей ошибочной точкѣ зрѣнія на таблицу дробей, которая, какъ я разъяснилъ выше [55]), есть просто часть (нижній седьмой горизонтальный рядъ) абака, Бекъ заключилъ, что авторъ указываетъ на „характеры", находящіеся во второмъ горизонтальномъ рядѣ рисунка абака въ въ первой книгѣ [56]), т. е. индусскіе. Но гдѣ же эти индусскіе характеры на рисункѣ дробей? Ихъ нѣтъ. На помощь Беку приходитъ Фридлейнъ, но такъ какъ онъ тоже совершенно не понялъ текста Боэція и рисунка съ дробями, то и помощь его вышла плохая. Не будучи въ состояніи видѣть индусскіе характеры тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, Фридлейнъ [57]) спасаетъ Бека такъ: „Если Бекъ принимаетъ, говоритъ онъ, что авторъ употреблялъ индусскія цифры при составленіи таблицы дробей, то это, должно быть, вѣрно, но только въ томъ случаѣ, если понимать это въ смыслѣ пользованія доской при вычисленіяхъ, а не въ смыслѣ самаго построенія доски. Для построенія ея послужили буквы, а для включенія въ нее и абака римскія цифры". Дѣйствительно, вѣдь на рисункѣ конца второй книги [58]) ничего, кромѣ латинскихъ буквъ и римскихъ цифръ, нѣтъ. Волей-неволей приходилось выкручиваться и придумывать для индусскихъ характеровъ другое, невидимое на рисункѣ употребленіе. Вотъ Фридлейнъ [59]) и придумалъ, что на рисункѣ-то (второй книги) ихъ не было, но, такъ какъ этотъ рисунокъ есть соединеніе абака съ открытымъ Фридлейномъ, на самомъ дѣлѣ никогда не существовавшимъ „геометрическимъ столомъ", Архита, заключавшимъ въ себѣ будто бы лишь обозрѣніе мѣръ, то на немъ могли быть употре-

[54]) См. гл. I, прим. 91.
[55]) См. гл. I, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, мартъ 1907, стр. 150.
[56]) См. гл. I, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, январь 1907, стр. 24.
[57]) *Friedlein*, p. 20.
[58]) См. выше гл. I, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, февраль 1907, стр. 313.
[59]) *Friedlein*, pp. 16—18.

бляемы при счетѣ жетоны (апики) съ индусскими характерами, какъ это происходило на настоящемъ абакѣ. Тутъ новое затрудненіе! Самъ Фридлейнъ вычиталъ изъ Боэція, что онъ вообще былъ настроенъ противъ *„характеровъ разныхъ формъ и большого разнообразія* (diverse formatos multifariosque)“. А вѣдь индусскія цифры тоже можно считать за *„разныхъ формъ и большого разнообразія“*! Какъ же могъ Боэцій ихъ примѣнять? Добросовѣстный Фридлейнъ [60]) не маскируетъ своего затрудненія и разрѣшаетъ Боэцію употреблять на жетонахъ, раскладываемыхъ по абаку, и римскія цифры. Такимъ образомъ, Фридлейнъ то согласенъ съ Бекомъ, то не согласенъ; авторъ пассажа въ концѣ второй книги о дробяхъ употребляетъ не то индусскія, не то римскія цифры. Откуда эти умственныя тенета, въ которыя Фридлейнъ запуталъ себя, желая выручить Бека? Онѣ результатъ непониманія текста Боэція. Мы помнимъ [61]), что еще въ первой книгѣ, приступая къ изложенію абака, Боэцій говоритъ объ *„апикахъ или характерахъ разныхъ типовъ* (diverse formatos apices vel caracteres)“. Подъ ними онъ разумѣетъ жетоны съ надписью на нихъ знаковъ трехъ типовъ: 1) особые знаки, обыкновенно признаваемые за индусскіе, отъ которыхъ произошли наши цифры; 2) буквы алфавита (онъ не говоритъ какого; вѣроятно, греческаго, какъ это мы знаемъ отъ абацистовъ XI вѣка [62]); иначе не было бы уже ровно никакого отличія отъ латинскихъ буквъ, которыми у него замѣнены дробные знаки); 3) знаки естественнаго числа, подъ которыми разумѣются римскія цифры (они, какъ намъ извѣстно [63]), дѣйствительно, употреблялись на абакѣ въ концѣ X и началѣ XI вѣковъ). Неправильно толкуя текстъ Боэція въ этомъ мѣстѣ, онъ [64]) отожествляетъ третій типъ съ первымъ, такъ что типовъ у него выходитъ всего два. Но изъ текста совершенно ясно, что Боэцій говоритъ о трехъ типахъ (Quidam enim... Quidam vero... Alii autem) и даже располагаетъ ихъ по важности и значенію. На первомъ планѣ стоятъ употреблявшіе особые знаки (индусскіе), на второмъ употреблявшіе буквы алфавита, на третьемъ же планѣ тѣ, которые довольствовались тѣмъ, что

---

[60]) Ibid., p. 20.

[61]) См. изданіе Friedlein'а, p. 397, ll. 1—17; сравни выше гл. I, *Журн. Мин. Нар. Пр.*, январь 1907, стр. 26, 27.

[62]) См. гл. I, прим. 33 и 44.

[63]) См. Incertus de minutiis конца X в., изданный мною въ Gerb. Opp. Math., pp. 225—244 (ср. выше глава I, прим. 34 и 43).

[64]) *Friedlein*, pp. 44—45.

усвоили себѣ (tantummodo sortiti sunt) апики съ назначеніемъ и написаніемъ на нихъ естественнаго числа, т. е. общеизвѣстныхъ у римлянъ и общепринятыхъ римскихъ первыхъ девяти цифръ (I, II, III, IIII, V, VI, VII, VIII, VIIII), которыхъ и самый видъ вполнѣ оправдываетъ названіе естественнаго числа. Эта градація оставлена Фридлейномъ безъ вниманія. Важныя же слова: tantummodo sortiti sunt, а равно и необходимость для Боэція второй разъ на пространствѣ нѣсколькихъ строкъ говорить объ индусскихъ знакахъ, объясняется имъ такъ [65]): „И tantummodo получаетъ при этомъ свое объясненіе, такъ какъ онъ (Боэцій) хочетъ сказать, что тѣ, которые употребляли эти apices (съ индусскими цифрами), не трудились много писать, а употребляли только марки (жетоны)". Ну а развѣ тѣ, кто употреблялъ для изображенія чиселъ буквы, писали ихъ на абакѣ? Вѣдь въ самомъ началѣ этого пассажа Боэцій обо всѣхъ типахъ говоритъ, что они были apices или caracteres! Значитъ и буквы были на жетонахъ. Наконецъ, мы только что видѣли, что самъ Фридлейнъ, поправляя Бека, разрѣшаетъ нашему Боэцію употреблять жетоны и съ надписанными римскими цифрами. А мы знаемъ совершенно точно, что абацисты, кромѣ особыхъ (якобы индусскихъ) знаковъ, употребляли на абакѣ и буквы алфавита, и римскія цифры. Намъ не зачѣмъ пускаться въ остроумныя соображенія, чтобы разрѣшать имъ апики съ римскими цифрами, или чтобы искать родину буквъ [66]), употреблявшихся на абакѣ, на воображаемой Фридлейномъ doскѣ мѣръ, конструированной будто бы Архитомъ. Но мы не можемъ спорить противъ того, что эти три типа названы у Боэція *„апиками или характерами разныхъ типовъ"* (diverse formati apices vel caracteres). А на это-то названіе и опирается Фридлейнъ при толкованіи таблицы дробей и вмѣстѣ абака въ концѣ второй книги. Для Фридлейна [67]) стоитъ внѣ сомнѣнія, что *„характеры разныхъ формъ и большого разнообразія"* (diverse formati multifariique caracteres), о которыхъ говоритъ Боэцій сейчасъ же послѣ таблицы дробей во второй книгѣ, какъ о такихъ, которые на этой таблицѣ дробей (Superius vero digestae formulae in descriptione — *„на этомъ-то рисункѣ вышеизображеннаго вида"*) употреблялись пиѳагорейцами, есть именно тѣ же самые „апики или характеры разныхъ типовъ" (diverse formati apices vel caracteres),

[65]) Ibid., p. 45.
[66]) Ibid., p. 20.
[67]) Ibid., p. 19.

о которыхъ упоминается въ первой книгѣ, а не знаки дробей. Нельзя отрицать, что выраженіе „diverse formati apices vel caracteres“ фразеологически весьма близко къ „diverse formati multifariique caracteres“, но полнаго тожества нѣтъ и въ этомъ отношеніи. Слово „multifarii“ указываетъ на разнообразіе знаковъ, а какое же разнообразіе представляютъ изъ себя знаки тѣхъ двухъ всего типовъ, которые признаетъ Фридлейнъ. Они, дѣйствительно, разныхъ типовъ (diverse formati—diversae formae, т. е. трехъ по Боэцію, двухъ по Фридлейну), но разнообразія въ нихъ нѣтъ ровно никакого. Девять буквъ, да девять знаковъ для изображенія девяти чиселъ, какое, подумаешь, „разнообразіе“! Да вѣдь меньшимъ-то числомъ и не обойтись, а буквы къ тому же всѣмъ знакомы. Уже не заключается ли это „разнообразіе“ въ девяти всего якобы индусскихъ знакахъ? И такъ уже самое выраженіе Боэція указываетъ на то, что въ концѣ второй книги онъ разумѣетъ не знаки для девяти цифръ, а знаки для дробей въ томъ видѣ, какъ они были извѣстны римской древности. Ихъ было около 27 [68]) (а для Боэція, путавшаго, какъ мы видѣли [69]), скалу дробей съ скалой вѣсовъ, тоже имѣвшей свои знаки, ихъ было и больше), и отличались они для того, кому не было извѣстно, какъ ихъ знаки произошли, дѣйствительно, большимъ разнообразіемъ. Да, наконецъ, вѣдь во всемъ контекстѣ конца второй книги о дробяхъ-то какъ разъ и говорится. На самомъ рисункѣ находятся выраженныя латинскими буквами дроби и къ этому рисунку относятся какъ разъ слова: *„Вотъ на этомъ-то рисункѣ вышеизображеннаго вида они* (пиѳагорейцы) *и пользовались характерами разныхъ формъ и большого разнообразія“*. Но, можетъ быть, названіе „характеръ“ не приложимо къ дроби? Почему? Вѣдь, оно значитъ просто надпись. У абацистовъ слово „характеръ“ употребляется и о дробяхъ, написанныхъ на жетонахъ [70]). Какъ терминъ „характеръ“, такъ и равнозначущій ему терминъ „апикъ“ („apices vel caracteres“) одинаково приложимы ко всѣмъ жетонамъ на абакѣ, будь то цѣлыя числа или знаки дробей. Дальнѣйшія слова: *„Мы же въ трудъ, подобный настоящему, сознательно не беремъ никакихъ другихъ характеровъ, кромѣ такихъ, которые мы выше нарисовали въ изображеніи абака“*— указываютъ на стоящій за двѣ строчки выше рисунокъ абака и на

68) См. гл. I, прим. 90.

69) См. гл. I, *Журн. Мин. Нар. Пр.*, февраль 1907 г., стр. 305—310. Ср. таблицу дробей, тамъ же, мартъ 1907 г., стр. 133.

70) См. гл. I, прим. 90.

находящіеся на немъ буквенные знаки дробей. Эти буквенные знаки и есть *„характеры, которые мы выше нарисовали въ изображеніи абака"*. Еще понятно, что Бекъ, который, вѣдь, не считаетъ рисунокъ второй книги за абакъ, могъ видѣть въ этомъ „изображеніи абака" рисунокъ первой книги и отожествлять ихъ съ нарисованными тамъ во второмъ горизонтальномъ ряду индусскими знаками. Но, вѣдь, Фридлейнъ самъ признаетъ стоящій во второй книгѣ за двѣ строчки до вышеприведенныхъ словъ рисунокъ за абакъ, правда, соединенный съ фантастическимъ „геометрическимъ столомъ" Архита, но все же за абакъ. Какое же право имѣетъ Фридлейнъ видѣть здѣсь вслѣдъ за Бекомъ ссылку на первый рисунокъ въ концѣ первой книги? Да ровно никакого, логическаго, по крайней мѣрѣ. Изъ текста Боэція слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, что онъ *„въ трудъ, подобный настоящему"* (in huiuscemodi opus), не хочетъ брать никакихъ другихъ знаковъ, кромѣ тѣхъ, которые онъ выше нарисовалъ въ изображеніи абака. Что это за *„трудъ, подобный настоящему"*? Да это просто „настоящее сочиненіе". Но Фридлейнъ съ Бекомъ противополагаютъ „huiuscemodi opus" не другого рода „operibus", а „deformationi abaci" первой книгѣ, т. е. рисунку въ первой книгѣ, и толкуютъ это выраженіе въ смыслѣ таблицы дробей. Фридлейнъ попадаетъ при этомъ въ одно затрудненіе, такъ какъ, вѣдь, и „huiuscemodi opus", будь это хоть и рисунокъ второй книги, есть абакъ, а Бекъ въ другое: гдѣ же тѣ индусскія цифры, которыя взяты авторомъ въ таблицу второй книги? Вѣдь въ ней нѣтъ ничего, кромѣ буквъ, обозначающихъ дроби, и римскихъ отмѣтокъ колоннъ разрядами: I, X, C, M. Фридлейнъ выручаетъ Бека: знаки, которыми на рисункѣ второй книги замѣнены *„характеры разныхъ формъ и большого разнообразія"* (diverse formati multifariique), или, что по Фридлейну все равно, индусскія цифры суть не что иное, какъ именно отмѣтки разрядовъ римскими цифрами: I, X, C, M и т. д. Они находятся и въ рисункѣ абака первой книги, и въ „huiuscemodi opus", т. е., по Фридлейну, въ рисункѣ второй. Но „жаръ птица" еще далеко не поймана за хвостъ. Вѣдь индусскія цифры служили для счета жетонами на абакѣ, и ихъ должно было быть девять, а цифры I, X, C, M служили для помѣтки колоннъ абака, и такихъ отмѣтокъ у Боэція 12. Какъ же одно можно было замѣнить другимъ? Затрудненіе, изъ которыхъ ничто не можетъ выручить Фридлейна, даже его забывчивость, съ которой онъ уже въ словахъ слѣдующей строчки: *„въ рисункѣ этомъ, если ты положишь апики въ первую линію, то тебѣ*

встрѣтятся только единицы" и т. д., снова видитъ [71]) апики съ индусскими цифрами, которые онъ уже разъ разрѣшилъ [72]) было имѣть Боэцію. На самомъ дѣлѣ слова Боэція, слѣдующія за рисункомъ второй книги, который есть абакъ съ нанесенными на него знаками дробей, всѣ относятся къ этому же рисунку абака, а характеры, которые онъ принимаетъ взамѣнъ другихъ сложныхъ въ свой „настоящій трудъ" (huiuscemodi opus), слѣдовательно, и на рисунокъ, и которые онъ нарисовалъ на абакѣ суть не индусскія цифры и не римскія отмѣтки I, X, C, M, а именно тѣ буквы, которыя стоятъ на рисункѣ второй книги: A, B—K. Эти же буквы изображаютъ знаки для дробей. Значитъ, „*характеры разной формы и большого разнообразія*" (diverse formati multifariique) суть знаки римскихъ дробей и вѣсовъ, прибавимъ мы, казавшіеся автору слишкомъ сложными и потому замѣненные у него буквами, а не знаки для девяти первыхъ чиселъ, совсѣмъ не сложные. Буквенные знаки дробей можно было класть, т. е. апики, на которыхъ они были изображены, въ первую, во вторую и т. д. графы, и сообразно съ этимъ числитель этихъ дробей былъ 1, 10, 100 и т. д. Вотъ смыслъ всѣхъ этихъ словъ, уже достаточно нами, впрочемъ, разъясненный и словесно, и графически выше [73]), чтобы еще стоило на этомъ останавливаться.

Итакъ, кто же замѣняетъ знаки римскихъ дробей буквами, кто говоритъ „*мы же въ трудъ, подобный настоящему, сознательно не беремъ никакихъ другихъ характеровъ*", кто это „*мы*", „nos"? По заглавію сочиненія—Боэцій. Если такъ, то это „мы" равно тому „мы", которое встрѣчается за нѣсколько строкъ выше въ фразахъ: „*мы не нашли возможнымъ включить ихъ въ* (нашъ) *латинскій текстъ*", „*мы замѣнимъ эти изображенія знаками латинскихъ буквъ*". Разумѣется, этого требуетъ и весь контекстъ, и весь смыслъ сообщенія Боэція, и, наконецъ, здравый смыслъ читателя. Если при чтеніи любого произведенія мы на пространствѣ нѣсколькихъ строчекъ будемъ личныя мѣстоименія приравнивать по своему произволу здѣсь одному лицу, а тамъ другому, то это будетъ никуда негодной интерпретаціей. Между тѣмъ, по Фридлейну, „мы" послѣ рисунка второй книги—это авторъ нашего текста, по заглавію—Боэцій. Это онъ замѣняетъ индусскія цифры римскими цифрами I, X, C, M и т. д., бросая вызовъ въ лицо

---

[71]) *Friedlein*, pp. 19—20. Ср. гл. I, прим. 95.

[72]) См. выше.

[73]) См. выше, гл. I, *Журн. Мин. Нар. Пр.*, февраль 1907 г., стр. 314—316, мартъ 1907 г., стр. 132 сл.

здравому смыслу. „Мы“ же до рисунка, замѣняющій римскіе дробные знаки, это уже не Боэцій, а Архитъ. Но какъ же въ текстѣ Боэція Архитъ можетъ говорить въ первомъ лицѣ? Очень просто: все, что касается реформы дробныхъ знаковъ, есть отрывокъ изъ подлиннаго сочиненія Архита и притомъ латинскаго сочиненія, такъ какъ носитель мѣстоимѣнія „мы“ не принимаетъ греко-варварскихъ знаковъ въ латинскую именно рѣчь. Но откуда же все это видно? Помилуйте, вѣдь нужно же было Фридлейну пристроить куда-нибудь свое открытіе „въ геометрическомъ столѣ“ Архита, вопреки ясному пониманію этого выраженія его предшественникомъ Бекомъ, вопреки собственнымъ сомнѣніямъ, особаго рода таблицу мѣръ вмѣсто абака. Эту таблицу мѣръ Фридлейну положительно некуда было дѣть. Въ первую книгу ему ее не удалось пристроить никакъ. Ну, значитъ, ея первая часть совсѣмъ пропущена и замѣнена рисункомъ абака въ первой книгѣ. За то вторую часть этой таблицы мѣръ, т. е. мѣры ниже фута, онъ помѣщаетъ во вторую книгу. И то нѣкоторая часть и этой второй части вытѣснена абакомъ, который любезно принялъ осиротѣвшія мѣры въ свои 12 колоннъ. Фантастическая доска мѣръ Архита, а особенно подлинный отрывокъ Архита, все это очень странно въ устахъ человѣка, который всю геометрію-то вѣдь отнимаетъ у Боэція и относитъ ее къ X или XI вѣкамъ. Если уже для Боэція съ трудомъ вѣрятъ въ Архита и разыскиваютъ его съ ученой полиціей повсюду, то для монаха X—XI вѣковъ не слишкомъ ли много вѣры? Подрываніе авторитета текста Боэція приписываніемъ его монаху X—XI вѣка и серьезныя методическія заключенія изъ его ничего незначущихъ разглагольствованій, какъ будто бы они продолжали принадлежать Боэцію, и даже находка въ немъ текста Архита—одинъ изъ коренныхъ промаховъ книжки Фридлейна.

Я нарочно остановился подробнѣе на анализахъ Бека и Фридлейна, послѣ которыхъ никто не пересматривалъ ихъ заключеній и согласно толкованіямъ которыхъ и до сихъ поръ понимали текстъ Боэція, чтобы показать, какъ далеки они отъ истины. Мы знаемъ уже [74]), что таблица дробей во второй книгѣ есть просто шестой, у Боэція седьмой горизонтальный рядъ абака, въ который часто вписывались знаки римскихъ дробей. Автору нашей геометріи заблагоразсудилось отдѣлить (согласно его точкѣ зрѣнія) этотъ седьмой рядъ въ отдѣльный рисунокъ въ концѣ второй книги, а знаки дробей слишкомъ пестрые,

---

[74]) См. выше гл. I, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, мартъ, 1907, стр. 140—150.

а главное ему мало понятные, замѣнить буквами латинскаго алфавита. Объ этомъ онъ и пишетъ въ концѣ второй книги. Здѣсь, во второй книгѣ, ни въ текстѣ, ни въ рисункѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на индусскія цифры, усмотрѣнныя Бекомъ и на половину допущенныя Фридлейномъ. Мало того, не было у автора и никакого повода ихъ здѣсь касаться.

Итакъ, третій мотивъ Бека противъ принадлежности ариѳметическихъ частей геометріи нашей Боэцію уничтоженъ.

Перейдемъ къ четвертому. Изъ рукописей ясно, говоритъ Бекъ, что Боэцій не пользовался „индусскими" цифрами. Бекъ имѣетъ въ виду рукописи другихъ сочиненій Боэція. Въ нихъ встрѣчаются только римскія цифры. Фридлейнъ не считалъ даже нужнымъ подтверждать это положеніе. Однако, онъ все же ссылается на одно мѣсто ариѳметики Боэція, гдѣ Боэцій (II, 4) говоритъ о римскихъ цифрахъ такъ: „эти знаки чиселъ, которые и теперь люди пишутъ при обозначеніи суммъ", и на музыку (IV, 3): здѣсь Боэцій упускаетъ будто бы случай облегчить дѣло употребленіемъ новыхъ знаковъ. Какъ могъ Боэцій облегчить себя употребленіемъ нашихъ цифръ въ главѣ, гдѣ дѣло идетъ о греческихъ и римскихъ буквахъ, служащихъ для обозначенія музыкальныхъ нотъ, это есть секретъ Фридлейна, можетъ быть, очень важный, но, очевидно, оставшійся неизвѣстнымъ Боэцію. Странно, въ самомъ дѣлѣ, требовать отъ Боэція, чтобъ имъ было открыто и показано все то, что намъ теперь кажется очень простымъ и естественнымъ, хотя я долженъ признаться, что, будучи почти современникомъ Фридлейна и захвативъ даже часть XX вѣка въ свой будущій, правда краткій и непышный некрологъ, я все-таки секрета Фридлейна не разгадалъ, а потому не требую этого подвига и отъ Боэція. Остальное все сводится къ тому, что Боэцій при изображеніи чиселъ самъ употреблялъ римскія цифры и приписывалъ ихъ употребленіе еще и своимъ современникамъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ни греки, ни римляне, такъ, какъ мы теперь, т. е. при помощи девяти знаковъ и нуля, чиселъ въ текстахъ своихъ писаній не изображали. Мало, однако, можно указать такихъ спеціальныхъ математическихъ произведеній древности, гдѣ изображеніе чиселъ по нашему могло бы вызываться особой необходимостью, даже при предположеніи, что древнимъ наша теперешняя нумерація была бы прекрасно извѣстна и широко у нихъ распространена. Если мы до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользуемся римскими цифрами, а восточная церковь (и русская въ томъ числѣ) еще и до сихъ поръ употребляетъ древне-

греческое буквенное счисленіе, то и Боэцію не большой грѣхъ былъ бы держаться традиціи и обычая, который „деспотъ межъ людей“, въ текстѣ своихъ произведеній, даже если бы ему было извѣстно наше счисленіе во всей его геніальной простотѣ. Но, вѣдь, знакомство Боэція съ прототипами нашихъ цифръ и даже съ знакомъ, похожимъ на нашъ нуль (и, конечно, прототипомъ его), еще не предполагаетъ его знакомства съ нашимъ счисленіемъ. Современный нуль есть не только спутникъ, но и генералъ современнаго счисленія, но въ армію цифръ, которою онъ предводительствуетъ въ современномъ счисленіи, онъ воленъ набирать солдатъ любой наружности, лишь бы ихъ было девять и каждый изъ нихъ писался однимъ, а не двумя знаками. Никто не бываетъ генераломъ съ пеленокъ, а потому вполнѣ возможно, что „кружокъ“, знакъ нашего нуля, служилъ сначала въ низшихъ должностяхъ въ арміи девяти якобы индусскихъ цифръ и только съ теченіемъ времени, при благопріятномъ для него стеченіи обстоятельствъ, возвысился, а съ его возвышеніемъ и вся армія преобразилась, лучше организовалась и сдѣлалась болѣе дѣеспособною. Для Бека это все могло звучать парадоксомъ. Для насъ же во всемъ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Мы знаемъ, что Боэцій въ своей геометріи излагаетъ систему абака, а у абацистовъ XI—XII вѣковъ, какъ намъ прекрасно извѣстно, существовали и армія девяти якобы индусскихъ цифръ, и знакъ нашего нуля, покамѣстъ еще въ должности кашевара [75]). Армія была въ дореформенномъ состояніи и къ тѣмъ подвигамъ, какіе она совершаетъ теперь, не способна. Написать CI иначе, какъ римскими цифрами, абацисты вплоть до конца XII вѣка не умѣли [76]), хотя вся армія нашихъ цифръ съ нулемъ въ низшихъ должностяхъ была въ ихъ распоряженіи. Если это было возможно въ то время, когда рядомъ, въ Испаніи, у арабовъ уже давно было извѣстно наше современное счисленіе съ нулемъ въ новой роли, то все это могло легко имѣть мѣсто въ VI вѣкѣ, когда арабы еще не приносили въ Европу индусской ариѳметики. Итакъ, наши девять цифръ и даже кружокъ, похожій на нуль, еще не современная ариѳметика, а только внѣшняя оболочка для нея. Боэцій могъ, какъ и абацисты XI—XII вѣковъ, употреблять девять знаковъ и даже кружокъ (нуль) на абакѣ, но не имѣть возможности изображать внѣ абака числа иначе, какъ традиціонными римскими знаками. Крайне непослѣдовательной является

---

[75]) См. гл. I, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, январь, 1907 г., стр. 29—32.

[76]) *Бубновъ*, Ариѳм. самост. европ. культуры, стр. 361—362.

въ данномъ случаѣ „клятва словами Бека" именно для Фридлейна. Въ своей смѣлой, но не послѣдовательной, мало продуманной, бѣдной необходимыми (и въ настоящее время намъ уже извѣстными) матеріалами конструктивной дѣятельности онъ доходитъ до построенія настоящихъ висящихъ въ воздухѣ „испанскихъ" замковъ. Еще не бѣда, что онъ сомнѣвается въ томъ, была ли наша современная индусская ариѳметика, дѣйствительно, извѣстна испанскимъ арабамъ съ IX вѣка. Но уже совершенно въ воздухѣ, свободно, несмотря на всю страшную тяжесть своего содержанія, виситъ кажущееся ему совершенно вѣроятнымъ предположеніе, будто „прежняя (!) система колоннъ (абака) съ девятью знаками была во время Герберта, т. е. около конца X столѣтія, единственно извѣстной и употребительной въ испанской маркѣ" [77]). Далѣе, Фридлейнъ допускаетъ возможность существованія „имени и знака для нуля безъ употребленія при счетѣ", чего не было даже у отводившихъ весьма скромную роль нулю абацистовъ, и почему-то видитъ подтвержденіе своей мысли въ томъ фактѣ, что у Неофита въ XIV вѣкѣ [78]) нули ставятся надъ цифрами, откуда еще совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы нуль не употреблялся при счетѣ. Это неупотребленіе нуля при счетѣ надо, какъ оказывается изъ дальнѣйшаго [79]), понимать въ томъ смыслѣ, что онъ служилъ лишь для изображенія чиселъ. Нуль въ геометріи, приписываемой Боэцію, есть именно такой нуль, по мнѣнію Фридлейна, а цифры Боэція непремѣнно взяты изъ тѣхъ бывшихъ въ употребленіи у испанскихъ арабовъ цифръ, которыя называются гобаръ и которыя, въ сущности, представляютъ собой другой варіантъ такъ называемыхъ индусскихъ съ большими для нѣкоторыхъ цифръ отличіями. Эти цифры гобаръ извѣстны, по Фридлейну [80]), арабамъ до IX вѣка, уже въ VIII в., а усвоены арабами, можетъ быть, при завоеваніи Персіи въ 642 году вмѣстѣ съ этимъ оригинальнымъ служившимъ для изображенія цифръ, но не употреблявшемся при счетѣ нулемъ, изображавшимся, впрочемъ, всего точкой, только впослѣдствіи гипертрофировавшейся въ находящійся въ ложной геометріи Боэція нуль. Вмѣстѣ съ цифрами гобаръ путешествуетъ и абакъ съ колоннами изъ Индіи черезъ Персію. Черезъ столѣтіе, два, начинается новое переселеніе девяти цифръ, съ нулемъ, уже, слава Богу, употреблявшимся при счетѣ, и вообще

[77]) *Friedlein*, стр. 31—32.

[78]) О Неофитѣ, см. *Boeckh*, op. cit., p. VIII, n. 10.

[79]) *Friedlein*, p. 37.

[80]) Ibid., pp. 40—41.

съ нашей современной ариѳметикой, на западъ къ арабамъ и въ частности въ Испанію. Въ Испаніи въ IX—X вѣкахъ существуетъ, такимъ образомъ [81]), два типа цифръ: гобаръ и восточно-арабскія, оба изъ Индіи, но только не въ одно время явившіеся, и два типа ариѳметики: абакъ съ колоннами и наша современная ариѳметика. Пріятно слышать о такомъ роскошномъ математическомъ избыткѣ у испанскихъ арабовъ. Устами бы Фридлейна и медъ пить! Бѣда только въ томъ, что за исключеніемъ распространенной у арабовъ и нуждающейся въ провѣркѣ традиціи объ индусскомъ происхожденіи восточно-арабскихъ цифръ и нашей ариѳметики [82]), всѣ эти положенія не опираются ровно ни на какой документъ или фактъ, а потому и главное слѣдствіе отсюда именно, что Боэцій ни въ какомъ случаѣ не могъ знать цифръ гобаръ [83]), которыя встрѣчаются въ его геометріи, не имѣетъ никакой ровно убѣдительности. Цифры у Боэція, дѣйствительно, сходны болѣе съ гобаръ [84]), чѣмъ съ восточно-арабскими, но это, помимо прямого заимствованія авторомъ геометріи Боэція у испанскихъ арабовъ, можно объяснить себѣ общимъ происхожденіемъ, какъ цифръ Боэція, такъ и гобаръ изъ одной общей традиціи еще изъ временъ древне-классической культуры. Индусское происхожденіе спеціально цифръ гобаръ доказать уже ровно ничѣмъ нельзя. Да даже и чисто индусское происхожденіе восточно-арабскихъ цифръ не болѣе, какъ традиція, которая доказываетъ только, что арабы узнали эти цифры и нашу ариѳметику изъ Индіи или вообще съ Востока, а это еще не равнозначуще зарожденію нашихъ цифръ въ Индіи. Наши цифры могли быть заимствованы индусами изъ культурной области средиземнаго моря, вернуться сюда въ нѣсколько измѣненномъ видѣ (восточно-арабскія) въ VIII—IX вѣкахъ и здѣсь встрѣтиться у арабовъ съ усвоенными ими изъ культурной области Средиземнаго моря своими прототипами, въ свою очередь тоже, можетъ быть, измѣнившимися. Ни одно названіе этихъ девяти знаковъ у абацистовъ не объясняется изъ санскрита, а для семитическаго происхожденія названій нѣкоторыхъ изъ нихъ у насъ есть еще въ резервѣ семиты, которыхъ культура древнѣе арабской: евреи, финикіяне, ассирійцы. При такомъ объясненіи основного въ этомъ дѣлѣ факта сходства и отличія во-

---

[81]) Ibid., p. 60

[82]) *Бубновъ*, Ариѳм. самост. евр. культуры, стр. 1, прим. 1.

[83]) *Friedlein*, p. 41.

[84]) Ibid., pp. 33—40. Ср. о цифрахъ гобаръ и другихъ мою работу „Происхожденіе и исторія нашихъ цифръ“. Сравни „Ариѳм. самост. европ. культ.“, гл. IV.

сточно-арабскихъ цифръ отъ гобаръ, которое уже a priori вѣроятнѣе двукратнаго путешествія цифръ изъ Индіи на крайній западъ, Боэцій могъ прекрасно знать девять цифръ и десятый кружокъ для иной, впрочемъ, потребы, чѣмъ какой онъ служитъ въ современной ариѳметикѣ. Употреблять же ихъ онъ могъ и долженъ былъ, при скромной роли десятаго знака, только на абакѣ, а не въ письмѣ, не въ текстѣ своихъ произведеній. Тогда сходство десятаго знака у Боэція и абацистовъ съ одной стороны и индусовъ съ другой стороны будетъ объяснено куда лучше, чѣмъ при фридлейновскомъ предположеніи [85]), что у Боэція кружокъ развился изъ обозначавшей нуль (не употреблявшійся при счетѣ, прошу не забыть!) точки. Что за удачное развитіе, какъ разъ по образу и подобію индусскаго нуля, да еще съ какимъ-то знакомъ внутри, который былъ будто бы сдѣланъ, чтобы отличать этотъ кругъ отъ другого какого-то кольца (Ring) [86]). Что это за кольцо, Фридлейнъ не знаетъ, и я тоже! Не боэціевскій десятый знакъ развивается изъ точки, а точка есть уменьшенный въ маленькій кружочекъ, точку, боэціевскій десятый знакъ. Кромѣ того, нуль изображался точкой какъ разъ не въ цифрахъ гобаръ, а въ восточно-арабскихъ и то не всегда [87]). Никто еще не встрѣчалъ ни малѣйшаго слѣда абака съ колоннами ни у индусовъ, ни у арабовъ. Самъ Фридлейнъ, въ дальнѣйшихъ своихъ трудахъ, долженъ былъ отказаться отъ этого черезчуръ уже фанатическаго исповѣданія индусско-арабской ариѳметической доктрины. Только слѣпое поклоненіе передъ вяжущей будто бы силой такъ называемаго отрицательнаго историческаго доказательства, т. е. отсутствіе будто бы въ древности абаковъ съ колоннами, чего теперь уже въ такомъ видѣ и нельзя утверждать [88]), заставило Фридлейна въ другомъ своемъ трудѣ [89]) построить убогую гипотезу происхожденія абака съ колоннами изъ порчи индусско-арабской ариѳметики. Но тогда роль цифръ гобаръ и пресловутой не употреблявшейся въ счетѣ точки вмѣсто нуля, а равно и происхожденіе ихъ становится, съ точки зрѣнія Фридлейна, еще загадочнѣе. Наконецъ, если даже допустить индусское происхожденіе цифръ гобаръ, а слѣдовательно и

[85]) *Friedlein*, p. 37.

[86]) Ibid., pp. 33—34. О знакѣ внутри кружка у Боэція см. выше гл. I, *Журн. Мин. Нар. Пр.* январь 1907. стр. 29.

[87]) *Бубновъ*, Происхожденіе и исторія нашихъ цифръ. Ср. Ариѳм. самост. европ. культ., стр. 43.

[88]) *Бубновъ*, Ариѳм. сам. европ. культ., стр. 66—70.

[89]) *Friedlein*, Die Entwickelung des Rechnens mit Columnen. Zeitschr. f. Math. и Phys. X, pp. 278, 279.

двукратное путешествіе цифръ изъ Индіи, то принесеніе цифръ гобаръ въ Европу именно арабами ровно ничѣмъ не доказано. Онѣ могли появиться въ Европѣ и Африкѣ и много раньше VII вѣка и не ждать покоренія арабами Персіи, а затѣмъ при завоеваніи западныхъ странъ арабы могли легко съ ними здѣсь познакомиться. Двукратное путешествіе цифръ изъ Индіи, само по себѣ мало вѣроятное, все же пріобрѣтаетъ больше правдоподобія и лучше объясняетъ отличіе двухъ типовъ цифръ, если поставить между первымъ и вторымъ путешествіемъ нѣсколько столѣтій, какъ это дѣлаетъ Венке [90]), чѣмъ если разъединить ихъ такой тонкой перегородкой времени, какъ какія-нибудь сто лѣтъ или даже менѣе. Между тѣмъ, именно такъ выходитъ по Фридлейну, который гобаръ выводитъ изъ Индіи черезъ Персію послѣ 642 года, а насъ увѣряютъ [91]), что въ серединѣ VIII вѣка является къ арабамъ въ Багдадъ уже наша современная ариеметика и цифры. Почему же Фридлейнъ заставляетъ именно арабовъ приносить цифры гобаръ на западъ, т. е. допускаетъ ихъ извѣстность на западѣ не ранѣе VII вѣка? Потому что иначе эти цифры (и абакъ) могъ въ VI столѣтіи знать и Боэцій, а этого Фридлейну очень не хочется. Почему арабы, по Фридлейну, продолжали еще въ концѣ X вѣка считать, главнымъ образомъ, на абакѣ и цифрами гобаръ, когда самъ Фридлейнъ, въ концѣ концовъ, не безъ колебаній, впрочемъ, позволилъ имъ знать нашу ариеметику и новый типъ цифръ (восточно-арабскія) еще съ IX вѣка? Потому, что ему очень хочется [92]), чтобы Гербертъ, бывшій въ Испаніи, былъ первымъ человѣкомъ, перенесшимъ абакъ и гобаръ отъ испанскихъ арабовъ въ христіанскую Европу. Однимъ словомъ, его арабы приготовлены по заранѣе сдѣланному заказу и потому чудесно дѣлаютъ то, чего отъ нихъ требуютъ. Но стоитъ перемѣнить условіе заказа, или потребовать соотвѣтствія между арабами и документами, а не между арабами и заранѣе сдѣланными и при томъ ложными заключеніями, какъ арабы сдѣлаются куда потише и поскромнѣе. Все это было для Фридлейна лишь исторической подмалевкой на холстѣ, на которомъ онъ нарисовалъ [93]) монаха Герберта въ фантастическомъ стилѣ Вильгельма изъ Мальмесбери, съ сатанинской окраской и похищеніемъ абака у ара-

---

[90]) *Woepcke*, Mémoire sur la propagation des chiffres indiens. Journal Asiat. I, половина 1863 г., см. выше прим. 36.

[91]) *Cantor*, Vorlesungen, I², p. 656; ср. Арном. сам. европ. культ., стр. 94.

[92]) *Friedlein*, pp. 36, 46.

[93]) Ibid., p. 28.

бовъ [94]). Гербертъ первый принесъ абакъ отъ арабовъ въ Европу! Гербертъ, по Фридлейну [95]), и назвалъ-то его абакомъ, а раньше онъ назывался (у арабовъ что ли?) пиѳагоровой доской [96]). Гербертъ впервые и цифры гобаръ перенесъ въ Европу. Можетъ быть, онъ прихватилъ и десятый знакъ, но только, сохрани Боже, не въ современномъ его значеніи [97]), а потому, прихвативъ его, бросилъ его въ уголъ и не употреблялъ на абакѣ. И всѣ эти чудеса Гербертъ производитъ въ то время, когда арабамъ была извѣстна уже наша ариѳметика! Но, позвольте, вѣдь это было бы равносильно тому, какъ если бы я, при существованіи электричества, порадовалъ васъ сальной свѣчкой. Но Фридлейнъ смотритъ на дѣло иначе. Заслуга Герберта представляется ему громадной. Онъ цѣпко за нее держится и выступаетъ адвокатомъ Герберта, защищающимъ его заслугу въ нѣсколькихъ мѣстахъ [98]) противъ воображаемыхъ хулителей. Изъ нихъ самымъ опаснымъ явился было онъ самъ, допустивъ на основаніи одного сомнительнаго документа [99]) знакомство христіанской Европы съ цифрами гобаръ чуть ли не со времени Карла Великаго. Однако, съ чисто адвокатской изворотливостью Фридлейнъ и здѣсь обѣляетъ своего кліента. Положимъ, цифры гобаръ въ два пріема (мало было имъ еще изъ Индіи переселяться два раза) перебрались за Пиренеи изъ Испаніи, но, господа, заслуга Герберта все же не уменьшается отъ этого: только благодаря употребленію ихъ Гербертомъ на абакѣ онѣ стали популярны [100]). Пусть знали ихъ уже и до него, а все же Европа ему ими обязана! Въ другихъ сочиненіяхъ [101]) адвокатская увѣренность Фридлейна замѣтно уменьшается. Пришлось признать, что абака съ колоннами у арабовъ не было. Не бѣда. Защита и тутъ не отка-

---

[94]) Willhelmus Malmesbiriensis, см. выше прим. 29.

[95]) *Friedlein*, p. 28.

[96]) *Friedlein* въ данномъ случаѣ пускаетъ въ ходъ облыжныя слова геометріи Боэція (см. выше гл. 1, цитату приведенную въ прим. 22).

[97]) *Friedlein*, pp. 32, 40.

[98]) Ibid., pp. 42, 45, 44.

[99]) Ibid., p. 41 и. 20, 46. На стр. 41, 20, Friedlein ссылается на сообщеніе Бетмана Arch. f. ält. deutsche Geschichtskunde, IX, p. 623. Оно, какъ мы теперь знаемъ, ошибка. Дѣло идетъ объ Иврейской рукописи № LXXXIV (см. Arch. XII, p. 594), которая на повѣрку относится къ XI в. (*Cantor*, Vorles., I², p. 824).

[100]) *Friedlein*, p. 42.

[101]) См. Zeitschr. f. Math. u Phys. IX, 78—95, 145—171, особ. 297—330, X, pp. 241—282; — Die Zahlzeichen und das elementare Rechnen der Griechen und Römer, Erlangen 1869.

зывается отъ благопріятныхъ Герберту свидѣтелей. Вильгельмъ все же правъ не въ буквальномъ, а въ переносномъ смыслѣ. Пусть арабы и не знали абака. Тогда Гербертъ прямой первый абацистъ. Его абакъ съ колоннами развился изъ арабской (т. е. современной) ариѳметики [102]). Вотъ уже подлинно повезло у Фридлейна Герберту: то, при существованіи электричества, онъ вывозитъ сальныя свѣчи изъ-за Пиреней, то, закрывая глаза на электричество за Пиренеями, самъ открываетъ заводъ сальныхъ свѣчей во Франціи и добрыхъ два столѣтія освѣщаетъ ими Европу.

Вотъ, за немногими (но только не счастливыми) исключеніями, съ которыми мы познакомимся ниже, содержаніе труда Фридлейна „Гербертъ, геометрія Боэція и индусскія цифры. Опытъ въ области исторіи ариѳметики". Надѣюсь, что произвольность, противорѣчивость, логическая слабость ея общихъ разсужденій и аргументаціи, не требуютъ дальнѣйшихъ иллюстрацій. Попытка Фридлейна подтвердить мотивы, заставлявшіе Бека отнимать у Боэція все, что въ его геометріи говорится объ ариѳметикѣ, и въ данномъ случаѣ неудачна. Боэцій могъ знать девять цифръ и даже десятый, графически равный нашему нулю, но въ качествѣ абациста не употреблять иначе какъ на абакѣ. Такъ именно поступали и позднѣйшіе абацисты. Самъ Фридлейнъ [103]) допускаетъ это для Герберта, а „quod licet Gerberto, licet etiam Boethio".

Въ своемъ трудѣ Фридлейнъ не довольствуется подтвержденіемъ мотивовъ Бека. Онъ придумываетъ рядъ новыхъ доказательствъ непринадлежности отдѣловъ объ абакѣ Боэцію. Я буду обозначать ихъ въ общей нумераціи съ бековскими, а потому начну съ № 5.

5. Боэцій не только никогда въ своихъ подлинныхъ писаніяхъ не употребляетъ для обозначенія чиселъ тѣхъ цифръ, которыя приведены въ приписываемой ему геометріи, что еще съ точки зрѣнія Фридлейна, отличной отъ бековской, не было окончательнымъ доказательствомъ, но онъ ихъ и не могъ знать: его цифры сходны съ гобаръ, значитъ и взяты изъ гобаръ, а гобаръ появился въ Европѣ съ арабами, значитъ не раньше VIII вѣка. Неосновательность такого взгляда на происхожденіе цифръ гобаръ и на источникъ цифръ у Боэція уже указана мною выше [104]).

---

[102]) См. выше, прим. 89.

[103]) *Friedlein*, Gerbert, die Geometrie des Boethius und die indischen Ziffern. Ein Versuch in der Geschichte der Arithmetik, Erlangen 1861, см. 40.

[104]) См. выше.

6. Сомнѣваясь въ авторствѣ Боэція, Бекъ, тѣмъ не менѣе, не рѣшался сомнѣваться въ томъ, что неизвѣстный авторъ приписываемой Боэцію геометріи говоритъ объ Архитѣ, приспособившемъ будто бы абакъ къ Лаціуму, хотя неизвѣстность автора вмѣстѣ съ *„приспособленіемъ къ Лаціуму"* и съ позднѣйшимъ, будто бы, происхожденіемъ названія абакъ и должны были собственно навести на грустныя мысли. Онъ вѣритъ, что абакъ съ колоннами былъ извѣстенъ Архиту, а самаго Архита, за невозможностью отожествить его съ знаменитымъ тарентинцемъ, пытается отожествить съ какимъ-то архитекторомъ Архитомъ, писавшимъ будто бы не позднѣе перваго вѣка послѣ Рождества Христова. Такимъ образомъ, абакъ съ колоннами и помѣченными жетонами выводится Бекомъ изъ классической древности. Фридлейнъ находитъ, что абакъ этотъ не могъ быть извѣстнымъ Боэцію, такъ какъ онъ является къ арабамъ изъ Индіи черезъ Персію не раньше конца VII вѣка, а первымъ европейцемъ, принесшимъ абакъ изъ Испаніи, является Гербертъ въ концѣ X вѣка, и первый документъ объ абакѣ есть сочиненіе Герберта. Раньше его сочиненія мы нигдѣ не находимъ ни терминовъ абака, ни методовъ абака. Но, позвольте, какъ же до Герберта не было абака, когда и Фридлейнъ не выбрасываетъ за бортъ того, что неизвѣстный авторъ говоритъ объ Архитѣ, а онъ вѣдь говоритъ не болѣе не менѣе, какъ то, что онъ у Архита научился „геометрическому столу", „пиѳагорейскому столу", который только позднѣйшіе люди назвали „абакомъ", у него же, наконецъ, нашелъ „необходимую фигуру", на которой стояли дроби. Фридлейнъ даже узналъ, кто эти позднѣйшіе: это — Гербертъ. Попытка Фридлейна, сохраняя вѣру въ этого Архита, надѣлить его какимъ-то фантастическимъ, отличнымъ отъ абака, „геометрическимъ столомъ" съ написанной на немъ таблицей мѣръ, а въ фигурѣ съ дробями видѣть позднѣйшее уже соединеніе таблицы Архита съ позднѣйшей стадіей развитія ариѳметики, именно съ абакомъ, потерпѣла, какъ мы знаемъ [105]), полное фіаско. Еще меньше можно поздравить Фридлейна съ различіемъ въ развитіи ариѳметики такихъ эпохъ [106]), какъ эпоха столовъ вродѣ архитовскаго, характеризующая будто бы пиѳагорейцевъ времени Архита, т. е. I вѣка послѣ Рождества Христова, и смѣняющая ее эпоха дальнѣйшаго движенія ариѳметики, т. е. эпоха абака. Какимъ образомъ можетъ абакъ, т. е. методъ счисленія

---

[105]) См. выше.

[106]) *Friedlein*, p. 28.

и вычисленія, смѣнить, какъ дальнѣйшая стадія развитія ариѳметики, справочную таблицу, этого Фридлейнъ, къ сожалѣнію, не объясняетъ. Между тѣмъ методъ можетъ смѣнять лишь методъ, а не доску или столъ, хотя бы даже и архитовскій. Не объясняетъ онъ точно также и того, какая эпоха была передъ „столовой“ эпохой. Если и между этими эпохами была такая же логическая связь, то не была ли это эпоха бѣлаго медвѣдя? Вотъ до чего договорился Фридлейнъ единственно вслѣдствіе желанія видѣть въ „геометрическомъ столѣ“ нѣчто отличное отъ абака. На самомъ дѣлѣ и „геометрическій“, и „пиѳагоровъ“ столъ, будто бы только впослѣдствіи названный абакомъ, и „необходимая фигура“ съ дробями все одинъ и тотъ же абакъ съ колоннами [107]). Авторъ его именно приписываетъ Архиту и пиѳагорейцамъ, а Фридлейнъ вѣритъ въ Архита. Итакъ Фридлейнъ самъ долженъ былъ бы допустить, если бы читалъ наше изложеніе, что абакъ существовалъ задолго до Боэція, въ I вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ, а Гербертъ не могъ быть первымъ абацистомъ. Этого было бы собственно довольно для возраженіе Фридлейну, но мы сдѣлаемъ ему вниманіе и постараемся разобрать его аргументацію независимо отъ пресловутаго архитова стола. Разумѣется, и „пиѳагоровъ столъ“, по Фридлейну [108]), не абакъ, а все тотъ же архитовъ столъ, и только „фигура съ дробями“ соединяетъ выгоды „пиѳагорова стола“ (удобообозримость мѣръ) съ выгодами абака. Но если „пиѳагоровъ столъ“ не абакъ, то какъ же могли „позднѣйшіе“ (posteriores) назвать абакомъ, да еще въ добавокъ такіе позднѣйшіе, какъ „первый абацистъ“ Гербертъ и его школа. Мы знаемъ, что разумѣлъ Гербертъ подъ абакомъ. Во всякомъ случаѣ, не фридлейновскій архито-пиѳагоровъ столъ. Не было ему никакого резона называть зеркало столомъ, архитовъ столъ абакомъ, такъ какъ между ними не было ничего общаго. Да и какъ вообще можно признать названіе абакъ за счетной доской болѣе позднимъ, чѣмъ названіе пиѳагоровъ столъ? Вѣдь абаками называли счетныя доски задолго не только до рожденія Герберта, но и до Рождества Христова, а названіе пиѳагоровой доски онъ нигдѣ не носитъ ранѣе XI вѣка, можетъ быть X вѣка [109]). Довѣріе Фридлейна къ тексту геометріи, которую вѣдь онъ, не признавая за боэціевскую, относитъ къ X—XI вѣкамъ, и въ данномъ случаѣ столь

---

[107]) См. гл. I, *Журн. Мин. Нар. Пр.*, мартъ 1907, стр. 140—150.

[108]) *Friedlein*, p. 29.

[109]) См. введеніе, прим. 30, 31, 32, 33.

же странно, какъ и по отношенію къ Архиту, а его выввертка, будто новымъ было не самое слово абакъ, а лишь его примѣненіе къ пиѳагорову столу, тоже не спасаетъ дѣла: все же нѣтъ ровно никакого основанія называть пиѳагорову справочную таблицу мѣръ названіемъ обозначавшимъ счетный аппаратъ, какъ не было основанія и соединять абакъ съ пиѳагоровымъ столомъ въ одинъ рисунокъ.

Но откуда Фридлейнъ узналъ, что Гербертъ былъ первый абацистъ въ латинской Европѣ. Онъ опирается при этомъ на свидѣтельство Вильгельма изъ Мальмесбери и на нѣкоторыя свои собственныя наблюденія. Съ Вильгельмомъ и его блестящимъ открытіемъ, построеннымъ или на легендѣ о Гербертѣ, или на частомъ смѣшеніи съ XII вѣка подъ общимъ названіемъ абака и настоящаго абака съ колоннами и нашей современной ариѳметики, пришедшей въ Европу дѣйствительно черезъ арабовъ, мы уже достаточно знакомы [110]), чтобы раздѣлять довѣріе къ нему Фридлейна. Но мы, къ сожалѣнію, не согласны и съ результатами наблюденій Фридлейна.

Опираясь на свидѣтельство Рихера [111]) объ абакѣ Герберта, на которомъ были въ длину расположены въ колоннахъ „*девять числомъ знаковъ, которыми можно изобразить любое число*", и о тысячѣ „*роговыхъ характеровъ*", сдѣланныхъ „*по подобію*" этихъ девяти знаковъ, Фридлейнъ [112]) заключаетъ, что Гербертъ употреблялъ девять такъ называемыхъ арабскихъ цифръ (а нуль, если и зналъ, то не употреблялъ). Однако, мы знаемъ, что, кромѣ этихъ цифръ, на абакѣ употреблялись еще девять греческихъ буквъ и девять римскихъ цифръ I—VIIII, и свидѣтельство Рихера само по себѣ можетъ относиться и къ этимъ двумъ послѣднимъ родамъ знаковъ. Только изъ сопоставленія свидѣтельства Рихера съ нѣкоторыми рисунками абака того времени, сдѣланнаго мною впервые [113]), можно вывести заключеніе, что на абакѣ Гербертъ употреблялъ, дѣйствительно, такъ называемыя арабскія цифры. Это, впрочемъ, нисколько не мѣшало, какъ до Фридлейна, такъ и послѣ его, толковать свидѣтельство Рихера непремѣнно въ

[110]) См. выше прим. 29. — *Бубновъ*, Подлинное сочин. Герберта объ абакѣ, стр. 5, прим. 15.

[111]) Richeri Histor. l. III, c. 54: „Cujus longitudini in XXVII partibus diductae novem numero notas omnem numerum significantes disposuit. Ad quarum etiam similitudinem mille corneos effecit caracteres".

[112]) *Friedlein*, pp. 45, 46.

[113]) См. выше гл. I, прим. 46. Подробнѣе объ этомъ вопросѣ будетъ сказано въ гл. III.

смыслѣ „арабскихъ" цифръ. Но что же слѣдуетъ изъ употребленія Гербертомъ этихъ цифръ на абакѣ? А то, что они, если и были извѣстны ранѣе Герберта въ латинской Европѣ, то, во всякомъ случаѣ, не ранѣе X вѣка, а популярность пріобрѣли именно вслѣдствіе употребленія Гербертомъ на абакѣ. Но мы видѣли [114]), что всѣ построенія Фридлейна относительно исторіи цифръ, сходныхъ съ арабскими гобаръ, совершенно произвольны, а самыя цифры могли быть извѣстны безъ и до арабовъ. Поэтому употребленіе ихъ Гербертомъ не указываетъ ни на появленіе ихъ отъ арабовъ, ни на то, что Гербертъ былъ первымъ, употреблявшимъ ихъ на абакѣ. Напримѣръ, если бы даже допустить арабскую традицію этихъ цифръ, то вѣдь абакъ вполнѣ мыслимъ и безъ этихъ непремѣнно цифръ. Были абацисты, вполнѣ обходившіеся римскими знаками [115]). Значитъ, даже при употребленіи Гербертомъ ихъ на абакѣ, абакъ могъ существовать задолго до Герберта, а арабскія цифры на немъ могли быть новѣйшимъ заимствованіемъ. Но Фридлейнъ проникаетъ еще дальше въ глубь. Онъ думаетъ, что *„апики съ назначеніемъ и написаніемъ на нихъ естественнаго числа"* (apices naturali numero insigniti et inscripti) геометріи Боэція и есть тѣ самые „роговые характеры" (изображенія) цифръ, которые сдѣлалъ себѣ, по Рихеру, Гербертъ. Но, во-первыхъ, у Боэція естественное число написано и изображено на апикахъ, а самые апики похожи не на цифры, а на кружки, жетоны, у Герберта же жетонами являются роговыя изображенія цифръ, а, во-вторыхъ, мы видѣли [116]), что *„естественное число"* у Боэція совсѣмъ не обозначаетъ арабскихъ цифръ, а какъ разъ римскія цифры. Письмо Герберта къ Ремигію [117]), которое приводитъ Фридлейнъ [118]), ровно ничего не вноситъ для рѣшенія вопроса: никакихъ цифръ, кромѣ римскихъ, въ немъ нѣтъ, и всѣ старанія выудить въ немъ арабскія цифры справедливо не встрѣчаютъ у Фридлейна никакого сочувствія.

Свидѣтельство Рихера [119]) производитъ на Фридлейна такое впечатлѣніе, будто онъ мыслитъ себѣ Герберта не только, какъ автора книги объ абакѣ, но и какъ автора самаго содержанія этой книги, т. е.

---

[114]) См. выше.

[115]) См. гл. I, прим. 43.

[116]) См. гл. I, прим. 34 и 43.

[117]) Lettres de Gerbert (éd. Havet, Paris 1889), Epistola ad Remigium № 134. См. его интерпретацію Gerberti Opp. Math., pp. 37—38.

[118]) *Friedlein*, p. 37.

[119]) *Rich.* Hist. l., III, c. 54. См. прим. 111.

новатора, а въ сочиненія Герберта онъ читаетъ, что Гербертъ учитъ чему-то новому [120]). Дѣйствительно, Гербертъ имѣетъ въ виду лицо, которое не знаетъ точно, что такое основныя понятія абака, какъ-то: дигитъ, артикулъ, минутумъ, и не хочетъ быть „auditor majorum“. Послѣднее Фридлейнъ [121]) невѣрно понимаетъ въ смыслѣ нежеланія постичь самое существенное въ абакѣ. Но „majora“ не значитъ существенное, да и, какъ мы видѣли, Гербертъ какъ разъ разумѣетъ здѣсь „majores“, т. е. прежнія поколѣнія, предковъ. Изъ письма Герберта [122]), напротивъ, совсѣмъ не видно, чтобы Гербертъ училъ чему-нибудь совсѣмъ неизвѣстному. Онъ учитъ основательно забытому, для возстановленія чего нуженъ авторитетъ предковъ. Вотъ почему и Рихеръ счелъ нужнымъ сказать объ этомъ нѣсколько словъ, но и онъ нигдѣ не говоритъ того, что изъ него хочетъ вычитать Фридлейнъ. Изображая Герберта, во что бы то ни стало, новаторомъ, Фридлейнъ поставленъ текстомъ письма въ довольно затруднительное положеніе. Гербертъ говоритъ, во-первыхъ, что онъ уже нѣсколько пятилѣтій ни книги объ этихъ вещахъ, ни упражненія въ нихъ не имѣлъ [123]). Какъ же могъ новаторъ такъ, спустя рукава, относиться къ своему новшеству? Мыслимое ли это дѣло съ психической точки зрѣнія? Фридлейновская психологія рѣшаетъ дѣло просто: „Гербертъ самъ, повидимому, не придаетъ слишкомъ большого значенія своей находкѣ (это—абакъ-то!) и спокойно смотрѣлъ, какъ другіе люди эту находку развивали и пользовались ею“ [124]). И книга, которой Гербертъ уже давно не имѣлъ въ рукахъ, и текстъ, который онъ стремится передать, по возможности, дословно [125]), не смущаютъ Фридлейна. Эта книга, оказывается, первое изданіе сочиненія Герберта, когда-то очень распространенное, но до насъ, видите ли, не дошедшее. До-

---

[120]) *Friedlein*, p. 53; *Gerberti.* Regulae de numerorum abaci rationibus, Gerb. Opp. Math., pp. 1—22. Настоящая характеристика этого сочиненія, какъ плохого пересказа по памяти античнаго учебника по абаку, выученному Гербертомъ въ дѣтствѣ, дана впервые мною въ „Подлинное сочиненіе Герберта объ абакѣ“, а также въ „Арном. самост. европ. культ.“, стр. 32—37, 288—330.

[121]) *Friedlein*, pp. 24, 25.

[122]) Его сочиненіе объ абакѣ (см. прим. 110) имѣетъ форму письма къ Константину.

[123]) „Cum aliquot lustra jam transierint, ex quo nec librum, nec exercitium harum rerum habuerimus, quaedam repetita memoria, eisdem verbis proferimus quaedam eisdem sententiis“.

[124]) *Friedlein*, pp. 53—54.

[125]) См. пр. 123.

шедшее же до насъ есть уже второе, вышедшее лѣтъ 15 позже. Иначе какъ бы это Гербертъ оставилъ эту упоминаемую книгу безъ болѣе точнаго описанія, если бы это была не его книга, а Константинъ почему бы это обратился именно къ Герберту для разъясненія дѣла? Всѣ детали, относящіяся къ письму Герберта, уже достаточно выяснены мною въ другомъ мѣстѣ [126]). Мы знаемъ, почему Гербертъ могъ 15—20 лѣтъ совсѣмъ не касаться абака, почему Константинъ обратился именно къ нему. Мы даже и книгу, по которой учился Гербертъ, возстановили въ ея латинскомъ оригиналѣ [127]). Интересно было бы знать, разошлось ли это предполагаемое Фридлейномъ первое изданіе сочиненія Герберта объ абакѣ, было ли оно такъ „vergriffen", что даже самому автору пришлось упражняться въ мнемоническихъ фокусахъ, чтобы составить второе? И къ чему ему понадобилось непремѣнно возстановлять дословно? Неужели онъ и во второмъ изданіи не сумѣлъ бы быть яснѣе и пространнѣе, и оба раза поклоняется лапидарному стилю, а, главное, неужели онъ и во второй разъ не могъ написать лучше?

Гербертъ, по Фридлейну [128]), еще потому первый абацистъ, что до сочиненія Герберта основные для абака термины „дигитъ, артикулъ, минутумъ, число простое (simplex), число составное (compositus)" [129]), нигдѣ не встрѣчаются въ томъ ихъ значеніи, въ какомъ они встрѣчаются на абакѣ. Сочиненіе Герберта, если оставить подъ сомнѣніемъ геометрію Боэція, есть древнѣйшій тому документъ. Такъ какъ числа въ родѣ 20, 40, 800, или римскія XX, XL (или XXXX), DCCC, у насъ и у римлянъ скорѣе должны были бы быть признаны за составныя (они составлены изъ двухъ и болѣе знаковъ), а у грековъ они изображаются однимъ знакомъ (κ, μ, ω) и на абакѣ считаются за простые, то Фридлейнъ еще готовъ допустить, что термины „простые", „составные" могли возникнуть скорѣе всего у грековъ. Но, замѣчу я, 100.000, 1.000.000 и т. д. будутъ на абакѣ простыми, а въ греческой нумераціи составными. Значитъ,

---

[126]) См. „Подлинное сочиненіе Герберта". Гл. II, стр. 28—39, гл. VI, стр 82—92, ср. стр. 14—16.

[127]) Этотъ возстановленный мной учебникъ Герберта основанъ мною „Anonymus Bubnovianus". О немъ см. мѣста приведенныя въ прим. 120.

[128]) *Friedlein*, pp. 21—27.

[129]) Всѣ эти термины будутъ совершенно ясны для всякаго, кто прочитаетъ главу VII моего сочиненія „Арием. самост. европ. культуры". Тамъ число „простое" и „составное" названы мною первое „одиноким", второе „совмѣстнымъ".

греческая буквенная нумерація тутъ не при чемъ. Простыми такія числа, какъ 1—9, 10, 20—90, 100—900, 1.000—9.000, 10.000—90.000 и т. д. могли называться только на абакѣ, такъ какъ только на немъ они изображались однимъ всего жетономъ съ надписью 1—9, клавшимся въ соотвѣтствующую колонну. Всякое же число, изображавшееся двумя такими жетонами или болѣе, какъ 220, 24, 3.405, было составное. Мы не принимаемъ потому уступки Фридлейна относительно терминовъ „составное число", „простое число" и согласны, чтобы они дѣлили участь терминовъ дигитъ, артикулъ, минутумъ. Допустимъ, хотя это еще нельзя доказать, что οἱ τῶν ἀριθμητικῶν δάκτυλοι Плутарха (Apophth. reg. 691) простые пальцы, а не дигиты абака, согласимся, что digitus ни у одного извѣстнаго намъ латинскаго писателя не значитъ ничего другого, кромѣ тѣхъ же простыхъ пальцевъ. Пусть и у Овидія (Ex Ponto II, 3, 18) „articulus" встрѣчается, какъ часть вмѣсто цѣлаго, въ смыслѣ простого пальца [130]). Все же вѣдь эти термины, кромѣ Герберта, встрѣчаются еще въ двухкнижной геометріи Боэція, подложность которой, въ данномъ случаѣ, вѣдь доказывается тѣмъ, что Гербертъ первый абацистъ. Итакъ, Гербертъ первый абацистъ потому, что геометрія Боэція подложна, а геометрія Боэція подложна потому, что Гербертъ первый абацистъ. Но допустимъ даже, что геометрія Боэція подложна, и что до Герберта нигдѣ всѣхъ этихъ терминовъ въ этомъ смыслѣ не употребляли. Развѣ каждое слово существуетъ только съ того времени, когда оно попало въ такой счастливый памятникъ, который уцѣлѣлъ до нашего времени. Слабость подобнаго отрицательнаго историческаго доказательства признана всѣми. Гербертъ, можетъ быть, есть только первое лицо, написавшее объ этомъ сочиненіе, которое уцѣлѣло до насъ.

Правда, Фридлейнъ [131]) въ свое объ этомъ вопросѣ разсужденіе вводитъ еще и другой матеріалъ, при помощи котораго онъ хочетъ показать, что такіе термины, какъ дигитъ и артикулъ въ томъ значеніи, какъ на абакѣ, появляются только незадолго до времени Герберта. Ихъ будто бы еще нѣтъ у Беды въ его сочиненіи „de indigitatione". Сочиненіе „de indigitatione" приводимаго Фридлейномъ Базельскаго изданія (1563, I, col. 168) Беды есть по-просту первая глава сочиненія „De temporum ratione" въ изданіи Migne'я (Patrol. t. 90, coll. 295—298; ср. замѣтку на coll. 293—294). Здѣсь Беда

---

[130]) См. Арпом. самост. европ. культуры, стр. 128—129.
[131]) *Friedlein*, p. 23.

излагаетъ способъ изображенія чиселъ при помощи сгибовъ пальцевъ и жестовъ руками [132]). Можно цитатами изъ древнихъ авторовъ показать, что Беда излагаетъ въ данномъ случаѣ то, что было извѣстно древности. Цитаты эти приведены у того же Migne'я t. 90, coll. 685, 686: они взяты у Плутарха (Apophthegm. regum et imp.), Макробія (Saturnal. lib. I), Плинія (Hist. Nat. l. XXXIV, cap. 7), Апулея (Apolog. 2), Квинтиліана (Orat. Inst. l. I), Ювенала (Satyra 10). Такимъ образомъ, нѣтъ надобности въ авторитетѣ приводимаго Фридлейномъ комментатора Беды (Ioannes Noviomagus), чтобы утверждать, что такой способъ изображенія чиселъ (до милліона) извѣстенъ древнимъ. Объясняя термины дигитъ и артикулъ и желая это объясненіе сдѣлать понятнымъ и для подростковъ, комментаторъ допускаетъ двѣ неточности. Первая, простительная въ его время (и допускавшаяся до появленія моей „Ариѳметич. самост. евр. культуры" всѣми), состоитъ въ опредѣленіи дигитовъ въ смыслѣ чиселъ меньшихъ десяти, а артикуловъ въ смыслѣ чиселъ, которыя могутъ быть раздѣлены на десять равныхъ частей. Вторая неточность его гораздо серьезнѣе. Онъ говоритъ, что будто каждый изъ дигитовъ „выражается какимъ-нибудь пальцемъ", а артикулы „выражаются суставами (articulis) пальцевъ". Артикулы на самомъ дѣлѣ только десятки въ произведеніяхъ и суммахъ деноминацій, т. е. первыхъ девяти чиселъ, а дигиты единицы въ тѣхъ же суммахъ или произведеніяхъ. Какъ дигитъ, такъ и артикулъ послѣ расположенія ихъ въ соотвѣтствующихъ колоннахъ абака могутъ одинаково обозначать и сотни, и тысячи, и милліоны. Напримѣръ, при умноженіи 5.000 × 300 умножаются деноминаціи 5 и 3, что даетъ 15, гдѣ 1 артикулъ, а 5 дигитъ. Послѣ расположенія ихъ на абакѣ дигитъ 5 будетъ стоять въ колоннѣ сотенъ тысячъ, а артикулъ 1 въ колоннѣ милліоновъ. Съ другой стороны, такого изображенія чиселъ, гдѣ бы каждый изъ дигитовъ изображался отдѣльнымъ пальцемъ, а артикулы суставами пальцевъ никогда не было и быть не могло. Еще девять дигитовъ можно было бы изобразить каждый однимъ изъ девяти пальцевъ (на самомъ дѣлѣ, они изображались тремя пальцами лѣвой руки, начиная отъ мизинца, при помощи условныхъ сгинаній ихъ), но уже для артикуловъ, которыхъ вѣдь какъ слѣдуетъ изъ опредѣленія комментатора, тьма тьмущая, суставовъ пальцевъ не хватитъ. Очевидно, комментаторъ просто не точно описалъ тотъ способъ изображенія чиселъ, который изложенъ

[132]) Ариѳм. самост. европ. культуры, 129—130.

у Беды (гдѣ артикулы изображаются суставами указательнаго большого пальца лѣвой руки). Ничего нѣтъ мудренаго, что этотъ способъ и во время комментатора былъ „общеизвѣстенъ и знакомъ даже мальчикамъ“ (numerandi ratio vulgatissima et pueris nota), такъ какъ мы его видимъ въ полномъ ходу еще у Аббона въ концѣ X вѣка, а Беду читали и учили въ школахъ въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Фридлейнъ изъ словъ комментатора заключилъ о какомъ-то новомъ во время комментатора способѣ счета пальцами (Fingerrechnen! дѣло, вѣдь, идетъ объ изображеніи чиселъ пальцами, а не о счетѣ пальцами), который онъ противополагаетъ извѣстному древнимъ и описанному у Беды. Предположимъ, что такой никому неизвѣстный и невозможный способъ изображенія чиселъ существовалъ во время комментатора, и допустимъ, что самъ комментаторъ объяснялъ термины дигиты и артикулы изъ этого способа. Къ чему намъ все это? Это его мнѣніе, не больше. Термины эти еще гораздо лучше объясняются изъ того способа, который описанъ Бедой и былъ извѣстенъ древнимъ [133]). Если такъ, то и нѣтъ основанія утверждать, что термины эти явились непосредственно передъ Гербертомъ и не могли быть извѣстны уже Боэцію. Еще того неосновательнѣе толковать [134]) одно мѣсто сочиненія Герберта объ абакѣ въ томъ смыслѣ, что этимъ терминамъ было во время Герберта придано иное, новое значеніе, которагo раньше они не имѣли. Мы уже видѣли [135]), что это мѣсто не понято Фридлейномъ. Итакъ, отсюда о пріоритетѣ Герберта, какъ перваго абациста, заключать нечего.

Ужъ не потому ли, наконецъ, Гербертъ первый латинскій абацистъ, что его судьба забрасываетъ въ Испанскую марку, а легенда заводитъ даже прямо въ Кордову или Севилью къ арабамъ [136]). Вѣдь, по Фридлейну, абакъ-то шелъ изъ Испаніи отъ арабовъ. Но мы уже видѣли, что абакъ только для того долженъ былъ быть извѣстенъ арабамъ, чтобы дать Герберту возможность вывести его изъ Испаніи, а тутъ Гербертъ потому оказывается первымъ абацистомъ, что онъ единственный изъ раннихъ абацистовъ былъ въ Испаніи, а въ Испаніи жили знавшіе абакъ арабы, у которыхъ онъ и могъ научиться

133) См. тамъ же.

134) *Friedlein*, p. 25.

135) См. выше прим. 121.

136) См. выше прим. 29. Ср. Арпом. самост. европ. культуры, стр. 44. Сборникъ писемъ Герберта II, стр. 18—23.

абаку. Новый circulus vitiosus! Впослѣдствіи, мы помнимъ [137]), и Фридлейнъ долженъ былъ оставить свое предположеніе объ абакѣ у арабовъ.

Итакъ, всѣ тѣ мотивы, которые можно найти у Фридлейна въ пользу пріоритета Герберта по части абака въ латинской Европѣ, сами по себѣ уже не выдерживаютъ критики. Что же отъ нихъ можетъ остаться послѣ тѣхъ кропотливыхъ и нелегкихъ сближеній, которыя сдѣланы нами въ другихъ работахъ и изъ которыхъ явствуетъ, что Гербертъ не единственный въ свое время, и, во всякомъ случаѣ, не первый абацистъ. Мы ему составили довольно дружную компанію изъ другихъ современныхъ ему, но независимыхъ отъ него абацистовъ [138]).

Итакъ, Гербертъ не первый абацистъ въ латинской Европѣ, а потому знакомство Боэція съ абакомъ вполнѣ допустимо, а присутствіе абака въ геометріи Боэція нисколько не свидѣтельствуетъ о ея подложности.

7. Нашъ Боэцій потому не настоящій Боэцій, думаетъ Фридлейнъ [139]), что онъ слѣдуетъ Архиту, а настоящій Боэцій въ своей музыкѣ дважды (III, 11; V, 16) нападаетъ на Архита, возражаетъ ему. Въ ариѳметикѣ (II, 41), правда, Архитъ проходитъ безъ нападокъ, но „въ такой связи, которая, по крайней мѣрѣ, не указываетъ ни на какой особенный его цѣнный вкладъ". Значитъ, отношеніе нашего Боэція къ Архиту иное, чѣмъ настоящаго Боэція; значитъ, наши Боэціи различны, какъ различны и Архиты, заключаетъ Фридлейнъ.

Что можетъ быть слабѣе этого заключенія? Не говоря уже о томъ, что Боэцій не бралъ подряда всегда возражать Архиту и что онъ въ одномъ случаѣ могъ его оспаривать, а въ другомъ соглашаться съ нимъ, замѣтимъ, что, вѣдь, самъ Фридлейнъ различаетъ двухъ Архитовъ. Предположимъ, что Боэцій подрядился бы coûte que coûte возражать Архиту Тарентскому, даже если бы и былъ по силѣ правды обязанъ съ нимъ соглашаться, что же мѣшало бы ему соглашаться съ пресловутымъ латинскимъ Архитомъ? Но Фридлейнъ хочетъ бить дублетомъ. Стрѣляя отъ Боэція настоящаго, онъ убиваетъ Архита Тарентскаго, какъ автора пресловутаго „геометрическаго стола", и

---

[137]) См. выше прим. 101.

[138]) Объ этомъ см. Ариѳм. самост. европ. культуры, стр. 51—53. Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано въ „Абакъ и Арабы". Ср. ниже гл. III.

[139]) *Friedlein*, p. 16.

замѣняетъ его латинскимъ Архитомъ, а пуля, отскакивая отъ него, убиваетъ за одно и Боэція, въ качествѣ автора двухкнижной геометріи. Но не слишкомъ ли много смертей для архитовой трагикомедіи?

8. Анализируя рисунокъ абака въ первой книгѣ, а именно четвертый, пятый и шестой горизонтальные ряды, Фридлейнъ [140]) совершенно вѣрно понимаетъ, что у автора было намѣреніе изобразить половины, четверти и восьмыя отъ такихъ величинъ, какъ I, X, C, M и т. д., но что авторъ не умѣлъ сдѣлать это какъ слѣдуетъ, а дѣлилъ пополамъ каждый изъ сомножителей, чтобы получать половину произведенія. Я уже говорилъ выше [141]) объ этомъ. Боэцій такія соединенія какъ MM въ римской нумераціи и DD у самаго себя принимаетъ не за M×M, D×D, а за M+M и D+D, а потому онъ дѣлитъ не оба сомножителя, какъ думаетъ Фридлейнъ, а оба слагаемыя. Я говорилъ [142]), что цѣлью автора было при этомъ дать на абакѣ справочную таблицу простѣйшихъ случаевъ дѣленія, которою можно пользоваться и для болѣе сложныхъ. Фридлейнъ полагаетъ, что все это сдѣлано авторомъ или „для развлеченія, или для упражненія". Нѣтъ! цѣль-то у него была совершенно серьезная, да достигалась она ошибочнымъ, комически-наивнымъ способомъ. Положимъ, при исполненіи рисунка могли вкрасться ошибки: рисунки въ математическихъ рукописяхъ того времени всегда слабѣе текста. Но мы не будемъ оспаривать того, что мы сами уже выше выяснили. Признаемъ вслѣдъ за Фридлейномъ, что въ этомъ рисункѣ „обнаруживается авторъ, у котораго было мало математическихъ познаній, который внесъ въ свою книгу вмѣстѣ и подходящее, и не подходящее, который, навѣрно, куда лучше владѣлъ римскими цифрами, чѣмъ диковинными новыми, взятыми имъ у другихъ и потому внесенными имъ въ верхъ своей таблицы. Эта таблица для него нѣчто традиціонное, и онъ разсказываетъ только объ ея употребленіи, которое ему, повидимому, не было извѣстно по собственной практикѣ". Все это, и даже еще больше мы въ главѣ I обнаружили у нашего автора, но отсюда мы еще не позволяемъ себѣ заключать, что нашъ авторъ не Боэцій. Слишкомъ ad hominem такое заключеніе и слишкомъ мало благопріятно было время, въ которое жилъ Боэцій, для ясныхъ математическихъ познаній. Желательно имѣть болѣе твердыя доказательства, которыя не допу-

[140]) Ibid., pp. 45—46.

[141]) См. гл. I, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, мартъ 1907, стр. 144.

[142]) См. гл. I, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, мартъ 1907. стр. 153.

скали бы дальнѣйшихъ сомнѣній и не зависѣли бы отъ предвзятыхъ мнѣній о происхожденіи цифръ, абака или о величіи Боэція, какъ математика. Фридлейнъ, какъ это видно изъ того, что слѣдуетъ, хотѣлъ представить и такого рода доказательства.

9. Фридлейнъ [143]) вѣрно полагаетъ, что изслѣдованіе объ авторѣ ариѳметическихъ отрывковъ въ двухкнижной геометріи Боэція „было бы скорѣе всего приведено къ концу, если бы можно было просто показать, что эти отрывки суть части другихъ произведеній, каковыя я дѣйствительно надѣюсь указать въ нихъ“. Хотя Фридлейнъ и признаетъ, что источники этихъ ариѳметическихъ частей не уцѣлѣли, что точно опредѣлить, что именно нашъ авторъ взялъ у Архита, на основаніи произведеній Архита невозможно [144]), однако, онъ все-таки дѣлаетъ попытку опредѣлить источники нашего автора. О неудачномъ опредѣленіи кусочка подлиннаго Архита въ текстѣ нашего автора я уже говорилъ выше [145]). Оно не особенно интересно, такъ какъ текста того произведенія Архита, изъ котораго взятъ этотъ неудачный кусочекъ, у насъ все же нѣтъ. Куда занимательнѣе попытка Фридлейна открыть въ нашихъ ариѳметическихъ отрывкахъ слѣды пользованія, какъ бы вы думали кѣмъ? Ни болѣе, ни менѣе, какъ Гербертомъ. Если бы эта попытка удалась Фридлейну, то вопросъ о геометріи Боэція былъ бы давно рѣшенъ. Но бѣда въ томъ, что это доказательство, смутная надежда на возможность котораго является въ головѣ всякаго, кто читалъ и понялъ Боэція и Герберта, никому еще не удавалось. Не удалось оно въ частности и Фридлейну. Сходство общаго содержанія, самаго изложенія и даже отдѣльныхъ выраженій у Боэція и у Герберта есть фактъ, сразу бросающійся въ глаза. Не могъ его не замѣтить и Фридлейнъ. Но какъ онъ объясняется, вотъ въ чемъ вопросъ. Боэцій короче Герберта. Ужъ не есть ли сочиненіе Герберта—распространенный и дополненный Боэцій. Но тогда у Герберта должны были быть подъ рукою какія-нибудь другія сочиненія объ абакѣ, а потому первая возможность сводится, въ сущности, ко второй, а именно Гербертъ и Боэцій черпали изъ одной общей литературной традиціи, и этимъ объясняется ихъ близкое сходство. Куда заманчивѣе показать, что Боэцій черпалъ у Герберта и что онъ, слѣдовательно, не Боэцій. Это идеалъ всѣхъ противниковъ подлин-

[143]) *Friedlein*, p. 13.

[144]) Ibid., p. 16.

[145]) См. выше.

ности нашей двухкнижной геометріи Боэція, идеалъ, рѣющій передъ ними, но постоянно куда-то убѣгающій отъ нихъ. Сравнивъ правила умноженія на абакѣ у Герберта и у Боэція, Фридлейнъ [146]) пришелъ къ малоутѣшительному выводу: „сходное содержаніе, но въ другомъ порядкѣ и въ другихъ выраженіяхъ". Тутъ у всякаго бы руки опустились, кромѣ Фридлейна, котораго подкрѣпляло его ложное убѣжденіе, уже выше [147]) мною опровергнутое, будто самое содержаніе абака въ латинской Европѣ не древнѣе X вѣка. Такимъ образомъ, всѣ его дальнѣйшія разсужденія пріобрѣтаютъ нѣкоторую убѣдительность только при допущеніи, что Гербертъ былъ первый латинскій абацистъ, и становятся совершенно непріемлемыми, если Гербертъ таковымъ не былъ. Нѣтъ большой хитрости въ открытіи, что, если Гербертъ былъ первымъ латинскимъ абацистомъ, то сходство Герберта съ Боэціемъ не можетъ быть иначе объяснено, какъ простымъ заимствованіемъ у Герберта. Но, позвольте, вѣдь, самъ Фридлейнъ только что указалъ на печальное различіе Герберта и Боэція при всемъ ихъ утѣшительномъ сходствѣ. Не бѣда! Если данное произведеніе Герберта не даетъ достаточно точекъ опоры для сближенія, должно было, несомнѣнно, существовать другое сочиненіе Герберта о томъ же абакѣ, которое было и похоже на извѣстное намъ, и отлично. Тогда и сходство, и различіе Боэція и Герберта въ его сохранившемся до насъ произведеніи объяснялись бы чудесно, и Боэцій черпалъ бы у Герберта, а, слѣдовательно, не былъ бы Боэціемъ. Заказавъ самому себѣ такое другое произведеніе Герберта, Фридлейнъ при такомъ disposition d'esprit сталъ изучать текстъ сохранившагося произведенія Герберта. На бѣду, тутъ попалось соблазнительное для него выраженіе „хотя уже успѣло пройти нѣсколько пятилѣтій съ того времени, какъ у меня не было ни книги объ этихъ вещахъ, ни упражненія въ нихъ, но все же я излагаю здѣсь одно по памяти въ тѣхъ же словахъ, другое въ томъ же смыслѣ" [148]). Съ точки зрѣнія Фридлейна, находившагося подъ дѣйствіемъ самовнушенія о первенствѣ Герберта, какъ абациста, въ латинской Европѣ, что это могла быть за книга, которую Гербертъ повторяетъ то въ томъ же смыслѣ, то въ тѣхъ же словахъ? Ну, конечно, книга того же Герберта; его первое сочиненіе объ абакѣ. Вотъ изъ этого-то сочиненія и черпалъ нашъ якобы

[146]) *Fridlein*, pp. 52—58.

[147]) См. выше въ этой же главѣ.

[148]) См. выше прим. 123.

Боэцій. Сходство содержанія и различіе порядка и выраженій въ правилахъ умноженія у Боэція и въ сохранившемся произведеніи Герберта объясняется именно тѣмъ, что въ данномъ случаѣ Гербертъ повторялъ только смыслъ своего перваго сочиненія. Но мы видѣли [149]), что такого перваго, не дошедшаго до насъ сочиненія Герберта объ абакѣ, послѣ котораго онъ добрыхъ 20 лѣтъ почивалъ на лаврахъ, не было и не могло быть. Текста его, во всякомъ случаѣ, у насъ нѣтъ. Какъ же тутъ можно заключить о текстѣ какъ разъ той его части, которая представляетъ только смысловое, а не буквальное сходство съ сохранившимся до насъ произведеніемъ Герберта, и утверждать, что Боэцій черпалъ именно изъ нея? Вѣдь, самъ Фридлейнъ знаетъ, что у автора отрывковъ объ абакѣ въ геометріи Боэція былъ не одинъ источникъ, а нѣсколько. Такъ, толкуя о такихъ дѣлителяхъ, какъ сотни съ единицами, авторъ геометріи говоритъ объ этихъ единицахъ: „Единицы же или, какъ хотятъ другіе, минутумъ" [150]). Конечно, съ точки зрѣнія Фридлейна, эти другіе не кто иное, какъ авторы разныхъ произведеній, вызванные къ жизни гербертовымъ абакомъ. Во всякомъ случаѣ, тутъ уже является „embarras du choix". Но Фридлейнъ до того утвердился въ своемъ предположеніи, что на полпути мѣняетъ цѣль своего паломничества. Прежде мѣстомъ отдохновенія должно было быть доказательство, что Боэцій черпалъ изъ не сохранившагося перваго сочиненія Герберта объ абакѣ. Теперь это уже для него незыблемый фактъ, и онъ пошелъ въ другую сторону. Теперь, опираясь на фактъ, что нашъ авторъ черпалъ изъ перваго сочиненія Герберта объ абакѣ, онъ эксплоатируетъ буквальное сходство нѣкоторыхъ выраженій въ правилахъ о дѣленіи въ текстѣ Боэція и сохранившагося Герберта для доказательства того, что въ правилахъ о дѣленіи Гербертъ въ сохранившемся своемъ произведеніи, дѣйствительно, иногда буквально повторялъ выраженія своего перваго не сохранившагося произведенія. Степень доказательственности подобныхъ разсужденій ясна сама собою.

---

[149]) См. выше прим. 127.

[150]) Boethius, ed. *Friedlein*. p. 400 l. 22: „Singularis autem vel, ut alii volunt, minutum". Всѣ правила дѣленія на абакѣ у Боэція переведены мною въ сочиненіи „Ариом. самост. европ. культ.", стр. 332—333, и будутъ понятны безъ всякаго комментарія тому, кто прочитаетъ главу VII (теорію абака). Эти „другіе" (alii), на которыхъ мнимый Боэцій ссылается, есть, какъ увидимъ ниже въ третьей главѣ, просто Гербертъ, который въ соотвѣтствующей главѣ своего сочиненія объ абакѣ, единицы въ такихъ дѣлителяхъ, какъ сотни съ единицами, называетъ именно „минутумомъ".

Вотъ все, что до сихъ поръ приводилось въ доказательство непринадлежности отдѣловъ объ абакѣ въ геометріи Боэція Боэцію. Мы видѣли, что судьба вопроса зависѣла, главнымъ образомъ, отъ разнаго рода общихъ взглядовъ. До Шаля не хотѣли допускать знакомства Боэція съ нашими цифрами и ариѳметикой, послѣ Шаля не позволяли ему знать абака и нашихъ цифръ. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ текстомъ Боэція явились указанія на стиль, на малыя, повидимому, познанія автора въ ариѳметикѣ и абакѣ, которыя были мной выставлены еще рельефнѣе, чѣмъ до меня. Но всего этого, какъ мы видѣли, еще слишкомъ мало для отнятія отдѣловъ объ абакѣ въ геометріи Боэція у ея удостовѣряемаго рукописями автора. Другія же болѣе мелочныя затрудненія, въ родѣ, напримѣръ, пишущаго по-латыни Архита, или пиѳагорова стола, который только впослѣдствіи былъ названъ абакомъ, такъ или иначе услужливо устранялись не только сторонниками авторства Боэція, но даже и его противниками. Насколько удачно, другой вопросъ. Я даже готовъ подарить Боэцію его наивность по части составленія справочныхъ помѣтокъ на абакѣ, даже и нелѣпую реформу дробей въ седьмомъ горизонтальномъ рядѣ рисунка абака, разбитіе доски абака, вслѣдствіе нелѣпаго плана сочиненія и наивныхъ взглядовъ на дроби, какъ на дроби римскаго фута, только потому и приводимыя во второй книгѣ, посвященной задачамъ на практическое измѣреніе, — все это факты, впервые обнаруженные мною въ текстѣ нашего автора. Правда, это дорого мнѣ стоило, но что же дѣлать, когда во время Боэція подобныя вещи были вполнѣ возможны и, какъ практическій ариѳметикъ, Боэцій намъ совсѣмъ неизвѣстенъ? Тѣмъ съ большею радостью я беру назадъ эти свои обидные для Боэція подарки теперь, когда мнѣ удалось достигнуть полной ясности въ дѣлѣ сближенія Герберта и Боэція, сближенія, которое уже давно издали улыбалось изслѣдователямъ, какъ нѣчто заманчивое, много обѣщающее. Фридлейнъ скользнулъ было близко отъ истинной колеи, но былъ съ силой выброшенъ въ сторону.

Н. Бубновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАЗНОГЛАСІЕ ВЪ ШКОЛѢ НОВАГО ЭМПИРИЗМА ПО ВОПРОСУ ОБЪ ИСТИНАХЪ САМООЧЕВИДНЫХЪ [1]).

Сличимъ послѣдній сдѣланный нами выводъ съ полученными ранѣе выводами относительно того значенія, которое должно принадлежать знанію по послѣдовательно проведенной эмпиристической теоріи.

Ранѣе мы видѣли, что, превращая весь процессъ познавательный въ процессъ движенія мысли—отъ непосредственно даннаго къ тому, что не дано непосредственно, при чемъ принимаемое за непосредственно данное оказывается уже само результатомъ совершившихся предварительно подобныхъ же и притомъ очень сложныхъ познавательныхъ процессовъ, новый эмпиризмъ просто уже вслѣдствіе того, что отрицаетъ умозрительную очевидность тѣхъ логическихъ связей между даннымъ и не даннымъ, извѣстнымъ и неизвѣстнымъ, которыя должны обусловливать каждый познавательный актъ, неизбѣжно долженъ вести къ отрицанію логической значимости всѣхъ продуктовъ познавательныхъ процессовъ. Теперь мы разъяснили, что самыя эти логическія связи даннаго съ не даннымъ, извѣстнаго съ не извѣстнымъ, которыя обусловливаютъ всѣ выводные процессы, предполагаются уже при тѣхъ простѣйшихъ ассоціативныхъ процессахъ порожденія вѣры, къ которымъ по послѣдовательно проведенному эмпиризму должно сводиться все знаніе и въ основанія которыхъ поэтому уже не могутъ лежать результаты этого знанія. Этимъ новымъ выводомъ, конечно, подкрѣпляется сдѣланный ранѣе выводъ относительно необходимости для эмпиризма отрицать логическую правомѣрность знанія, такъ какъ логическія связи, обусловливающія каждый познавательный актъ, пре-

[1]) *Продолженіе.* См. сентябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1907 годъ.

вращаются въ независимыя отъ опыта, слѣдовательно, по тенденціи, составляющей самую сущность новаго эмпиризма, предвзятыя предположенія.

Но справедливость требуетъ поставить на видъ, что это-же самое разъясненіе отношенія между основными логическими формулами выводныхъ процессовъ и основными законами простѣйшихъ ассоціативныхъ процессовъ, взятое въ связи съ нѣкоторыми изъ сдѣланныхъ нами ранѣе разъясненій, дастъ скептическимъ выводамъ изъ эмпиристическихъ предпосылокъ и нѣкоторый особый смягчающій оттѣнокъ.

Выше [1]) мы, между прочимъ, разъясняли ту мысль, что къ какимъ бы скептическимъ результатамъ ни приходило критическое сознаніе по вопросу о логической состоятельности продуктовъ познавательной дѣятельности, во всякомъ случаѣ, руководственное значеніе, какое имѣютъ эти результаты въ практической жизни сознанія, этимъ не можетъ быть поколеблено до тѣхъ поръ, пока продолжится такой порядокъ въ мірѣ явленій, при которомъ оказывается возможнымъ по сочетаніямъ явленій въ прошедшемъ предугадывать сочетанія ихъ въ будущемъ. Примемъ же теперь во вниманіе, что сравнительная познавательная цѣнность, которая непосредственнымъ сознаніемъ приписывается продуктамъ познавательнаго процесса, когда оно пользуется ими въ качествѣ руководственныхъ указаній для практической дѣятельности, направленной на удовлетвореніе потребностей, должна, конечно, соотвѣтственно законамъ познавательнаго механизма, опредѣляться вмѣстѣ съ интенсивностью чувствованій, въ которыхъ выражаются потребности, также и степенью крѣпости образовавшихся ассоціацій, а эта крѣпость ассоціацій, въ свою очередь, какъ предполагается, зависитъ отъ количества наблюдаемыхъ ранѣе во внѣшней дѣйствительности случаевъ совпаденія явленій, соотвѣтствующихъ ассоціировавшимся представленіямъ, а также нераздѣльныхъ съ ними такихъ случаевъ, когда сознаніе, самодѣятельно, по указанію этихъ ассоціацій, направляя свои активныя обнаруженія въ интересахъ удовлетворенія своихъ потребностей, достигало своей цѣли. Въ виду этого самый тотъ фактъ, что сознаніе въ каждую данную минуту владѣетъ многочисленными рядами остающихся не разрушенными твердыхъ ассоціацій, которыя съ психологическою принудительностью со всѣхъ сторонъ опредѣляютъ его активныя проявленія, а тѣмъ болѣе тотъ общій фактъ, что, вообще, одушевленныя существа, у которыхъ удовлетвореніе

[1]) См. G. II.

потребностей предоставлено руководству познавательнаго механизма, продолжаютъ существовать, и что чѣмъ шире развивается знаніе и чѣмъ совершеннѣе дѣлаются его продукты, тѣмъ болѣе открывается возможность удовлетворять развивающимся и усложняющимся потребностямъ,—эти простые и общіе факты являются прямымъ и нагляднымъ свидѣтельствомъ цѣлесообразности въ прошломъ руководительнаго значенія продуктовъ познавательнаго процесса въ практической жизни, а, слѣдовательно, даютъ право и эмпиризму утверждать эту цѣлесообразность.

Соединимъ эту мысль съ выше разъясненною мыслію, что положенія, въ которыхъ выражаются обусловливающіе каждый актъ знанія переходы отъ даннаго къ не данному, хотя представляютъ такія предположенія, которыя не зависятъ отъ опыта, а поэтому и сами по эмпиризму должны считаться неспособными къ логическому оправданію и должны дѣлать неспособными къ тому и обусловленные ими продукты знанія, однако, въ то же время никакъ не могутъ быть отнесены къ произвольнымъ или случайнымъ предположеніямъ, а выражаютъ собою законы психологическаго механизма, которые съ психологическою принудительностью должны опредѣлять результаты познавательныхъ процессовъ. Соединяя эти двѣ мысли, мы, тѣмъ самымъ, усвояемъ познавательнымъ актамъ двѣ черты: 1, цѣлесообразность—въ смыслѣ огромнаго значенія ихъ для удовлетворенія потребностей одушевленныхъ существъ въ прошломъ, 2, психологическую принудительность совершенія ихъ соотвѣтственно законамъ познавательнаго механизма при такихъ условіяхъ, при которыхъ сознаніемъ при самомъ ихъ совершеніи не можетъ быть логически оправдана фактически въ послѣдствіи обнаруживающаяся ихъ цѣлесообразность. Эти двѣ черты суть существенныя черты, опредѣляющія понятіе инстинкта. Такимъ образомъ, если отъ продуктовъ знанія при послѣдовательномъ проведеніи эмпиризма отнимается въ собственномъ смыслѣ познавательное значеніе, то чрезъ это они не спускаются на степень не имѣющихъ никакого смысла и значенія комбинацій представленій, а выступаютъ въ качествѣ актовъ, хотя и неспособныхъ быть логически оправданными, но фактически оказывающихся правильно выполняющими такую функцію, которая должна принадлежать знанію.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, подводя познавательный механизмъ съ точки зрѣнія послѣдовательнаго эмпиризма подъ понятіе инстинкта, мы должны сдѣлать одно очень важное ограниченіе. Именно, изъ потребностей, которымъ фактически оказывались бы способны удовле-

творять продукты познавательнаго механизма, мы должны исключить чистую потребность знанія; т. е. въ познавательномъ механизмѣ мы не можемъ видѣть въ собственномъ смыслѣ познавательнаго инстинкта. На первый взглядъ, конечно, представляется, что таковъ, именно, и долженъ быть выводъ изъ всего разъясненнаго выше. Въ самомъ дѣлѣ, результаты познавательныхъ процессовъ, какъ процессовъ движенія мысли отъ даннаго къ не данному, отъ извѣстнаго къ не извѣстному подлежатъ, повидимому, фактической провѣркѣ не только въ качествѣ указаній для руководства активными проявленіями одушевленнаго существа, но и просто въ качествѣ чисто теоретическихъ указаній на фактическую дѣйствительность; и какъ укрѣпленіе ассоціацій, такъ и разрушеніе ихъ зависитъ не только отъ обнаружившагося соотвѣтствія или несоотвѣтствія результатовъ, руководимыхъ ими активныхъ проявленій, вызвавшимъ эти проявленія жизненнымъ потребностямъ, но и отъ обнаруживнагося соотвѣтствія или несоотвѣтствія ихъ самихъ фактической дѣйствительности. Да и какимъ образомъ, казалось бы, самая провѣрка фактической пригодности продуктовъ познавательнаго механизма для руководства активными проявленіями, предназначаемыми для удовлетворенія жизненныхъ потребностей, не должна бы была въ то же время оказаться провѣркой образованнаго познавательною способностью представленія о фактической дѣйствительности, когда тѣ указанія, которыя даются для активныхъ проявленій продуктами знанія, опредѣляются именно установившимися въ сознаніи представленіями о фактической дѣйствительности. И, конечно, правильность всѣхъ этихъ соображеній никакъ нельзя отрицать, когда дѣло шло бы о возможныхъ отрицательныхъ результатахъ этой фактической провѣрки, т. е. о констатированіи несоотвѣтствія представленія съ тою дѣйствительностію, на которую оно указывало. Но дѣло принимаетъ другой видъ, когда вопросъ ставится о возможныхъ положительныхъ результатахъ этой провѣрки, т. е. о констатированіи соотвѣтствія представленій указываемой ими дѣйствительности.

Изъ двоякаго рода сужденій, способныхъ достигать наивысшей степени вѣры въ непосредственномъ сознаніи, именно изъ сужденій общихъ и сужденій частныхъ, сужденія общія, имѣющія для чистой потребности знанія, конечно, наибольшую цѣнность даже уже потому что они обнимаютъ неисчислимое множество предметовъ, никогда не могутъ получить, черезъ фактическую провѣрку, непосредственной фактической установки ихъ истинности, такъ какъ черезъ сознаніе никогда не можетъ пройти въ качествѣ непосредственно даннаго все неис-

числимое количество явленій, способныхъ подходить подъ то или другое общее понятіе. Частныя сужденія съ точки зрѣнія обычнаго сознанія, конечно, легко провѣряются воспріятіями. Но намъ приходилось уже разъяснять [1]), что наука смотритъ на это иначе, что передъ ея анализомъ наши воспріятія, которыя для непосредственнаго сознанія играютъ роль созерцанія непосредственно данныхъ предметовъ, оказываются съ разныхъ сторонъ ассоціативно обусловленными истолкованіями непосредственно даннаго матеріала, предполагающими позади себя сложные познавательные процессы. А, слѣдовательно, для провѣрки соотвѣтствія частныхъ сужденій съ дѣйствительностію недостаточно обнаруживающагося соотвѣтствія ихъ съ воспріятіями, а нужна еще вѣра въ логическую состоятельность тѣхъ познавательныхъ процессовъ, съ помощію которыхъ непосредственно данный матеріалъ получилъ всестороннюю опредѣленность въ воспріятіи и которые оказываются сами обусловлены независимыми отъ опыта предположеніями. И, конечно, новому эмпиризму, смѣло проводящему ассоціанистическую теорію въ психологіи до ея крайнихъ предѣловъ, всего менѣе можно бы было ссылаться на возможность непосредственной фактической провѣрки частныхъ сужденій.

Что же касается фактической провѣрки цѣлесообразности тѣхъ руководственныхъ указаній, какія даются продуктами знанія при томъ или другомъ активномъ проявленіи, совершающемся въ интересахъ удовлетворенія практическихъ потребностей, то для него нѣтъ необходимости ни въ точномъ констатированіи вѣрности общихъ сужденій, которыя могли оказаться болѣе или менѣе отдаленными посылками для подставляемаго познавательнымъ процессомъ указанія на требующееся въ данномъ случаѣ активное проявленіе, ни даже въ правильномъ истолкованіи тѣхъ настоящихъ или имѣющихъ совершиться въ ближайшемъ будущемъ частныхъ фактовъ, представленія о которыхъ должны служить болѣе непосредственными мотивами для опредѣленнаго ряда активныхъ обнаруженій. Вѣдь, ничто не мѣшаетъ частнымъ фактамъ въ безчисленныхъ случаяхъ оказываться соотвѣтствующими такому общему сужденію, которому въ нашемъ сознаніи ошибочно придано безусловно всеобщее значеніе; и ничто не мѣшаетъ даже совершенно ошибочно истолкованному нашимъ сознаніемъ явленію служить для насъ указаніемъ, во многихъ случаяхъ вполнѣ цѣлесообразно опредѣляющимъ нашу дѣятельность. Научно совершенно неразвитый

[1]) См. выше. Е. П.

человѣкъ имѣетъ совершенно ошибочное общее сужденіе о низѣ, какъ сторонѣ паденія твердыхъ тѣлъ, оставленныхъ безъ поддержки; онъ соединяетъ также совершенно ошибочныя представленія съ мыслію о восходѣ и закатѣ солнца; тѣмъ не менѣе, эти ошибки въ обобщеніи и представленіи нисколько не мѣшаютъ ему въ безчисленныхъ случаяхъ руководствоваться расчетомъ на явленія, которыхъ касаются эти обобщенія и представленія, вполнѣ цѣлесообразно при удовлетвореніи своихъ насущныхъ жизненныхъ потребностей, хотя, конечно, это никакъ не исключаетъ того, что болѣе правильное истолкованіе ранѣе неправильно истолковывавшихся явленій обыкновенно расширяетъ сферу предугадываній, способныхъ служить указаніями для цѣлесообразныхъ дѣйствій въ практической жизни сознанія. И если взять во вниманіе, что здѣсь у насъ идетъ и можетъ итти рѣчь никакъ не о возможныхъ перемѣнахъ въ сравнительной оцѣнкѣ самихъ проявляющихся въ нашихъ чувствованіяхъ потребностей и еще менѣе о критеріяхъ этой оцѣнки [1]), а о простомъ констатированіи факта достиженія или не достиженія посредствомъ активныхъ проявленій, руководимыхъ результатами познавательнаго процесса, тѣхъ цѣлей, которыя непосредственно въ томъ или другомъ случаѣ ставились для нихъ сознаніемъ, то нетрудно видѣть, что для подобнаго констатированія нѣтъ необходимости въ какихъ-либо особыхъ актахъ, предполагающихъ переходъ сознанія отъ непосредственно даннаго къ не данному, и что оно можетъ совершаться путемъ простого непосредственнаго сознанія соотвѣтствія или несоотвѣтствія полученнаго отъ активныхъ проявленій результата съ результатомъ, ожидавшимся отъ нихъ по указаніямъ познавательной способности. И если результатомъ достигнуто удовлетвореніе проявлявшейся въ чувствованіяхъ и вызывавшей активныя проявленія потребности, то сознаніе этой удовлетворенности также непосредственно, и для этого непосредственнаго констатированія ея безразлично,

[1]) Фактическая сравнительная провѣрка цѣнности самихъ проявляющихся въ чувствованіяхъ потребностей, а, слѣдовательно, и возможныя перемѣны въ оцѣнкѣ ихъ значенія и могутъ происходить и дѣйствительно постоянно происходятъ, правда, также подъ воздѣйствіемъ фактовъ, но подъ воздѣйствіемъ ихъ уже не только на познавательную сторону, но и на не подлежащія здѣсь изслѣдованію эмоціонную и активныя стороны психическаго механизма. А вопросы о томъ, существуютъ ли абсолютные критеріи для этой оцѣнки, которые должны отрицаться послѣдовательнымъ эмпиризмомъ, подобно абсолютнымъ критеріямъ оцѣнки въ области знанія, и въ какомъ отношеніи эти критеріи (если они существуютъ) должны стоять къ подобнымъ же критеріямъ въ познавательной области,—эти вопросы, конечно, стоятъ еще далѣе за предѣлами темы настоящаго изслѣдованія.

правильно или неправильно была истолкована та дѣйствительность, которая ожидалась и фактически воспринята совершенно согласно съ ожиданіемъ. И такъ какъ именно эти факты соотвѣтствія или несоотвѣтствія наступающей дѣйствительности съ дѣйствительностью ожидаемой, какъ предполагается самой теоріей ассоціанизма, и должны сопровождаться укрѣпленіемъ или ослабленіемъ вліянія продуктовъ знанія на чувствованія, въ которыхъ выражаются потребности, а чрезъ нихъ и на активныя обнаруженія, то, на ряду съ нашими воспоминаніями о прошломъ, самый фактъ всесторонней опредѣленности нашихъ активныхъ обнаруженій прочными ассоціаціями получаетъ значеніе хотя и косвеннаго, но оправдываемаго самою ассоціанистическою теоріею завѣренія въ томъ, что въ безчисленныхъ случаяхъ нашей прошлой жизни обнаруживалась для нашего непосредственнаго сознанія цѣлесообразность активныхъ проявленій, направляемыхъ продуктами познавательнаго механизма. . . . .

Конечно, такого рода констатированіе этой цѣлесообразности по послѣдовательности эмпиризма, переходящаго въ скептицизмъ, можетъ относиться только къ прошедшему и не можетъ быть переносимо даже на ближайшее будущее. Но, при разъясненіи значенія продуктовъ познавательнаго механизма для практической жизни, намъ уже приходилось ставить на видъ, что съ сознаніемъ этой цѣлесообразности въ прошломъ неразрывно связано признаніе, по крайней мѣрѣ, возможности продолженія въ будущемъ такого порядка явленій, при которомъ прошлыя сочетанія явленій могли бы давать полезныя указанія на сочетанія ихъ въ будущемъ. А такъ какъ порядокъ явленій, отличающійся этою чертою, есть такой порядокъ, который, при наличной конституціи познавательной способности одушевленныхъ существъ, одинъ только и допускаетъ самую возможность цѣлесообразнаго направленія сознаніемъ активныхъ проявленій въ интересахъ удовлетворенія волнующихъ сознаніе и нудящихъ его на активныя проявленія потребностей, то слѣдованіе указаніямъ, идущимъ со стороны познавательной способности, въ каждый текущій моментъ жизни сознаніе должно быть признано не только психологически принудительнымъ, но въ извѣстномъ смыслѣ и единственно цѣлесообразнымъ. Оно должно быть признано единственно цѣлесообразнымъ именно въ томъ смыслѣ, что единственно оно гарантируетъ достиженіе цѣли, удовлетвореніе потребностей, по крайней мѣрѣ, за весь тотъ періодъ времени (все равно, какъ бы кратокъ или продолжителенъ онъ ни оказался), въ какой могъ бы продолжаться такой порядокъ явленій, который оди-

ственно допускаетъ самую возможность для наличнаго сознанія цѣлесообразной дѣятельности; и всякая произвольная попытка дѣйствовать на перекоръ указаніямъ сложившагося на основаніи всего прошлаго опыта строя представленій должна быть признана совершенно безсмысленной и возможной только при полномъ подавленіи инстинкта самосохраненія попыткой предупредить своею дѣятельностію наступленіе (пусть и признанной за возможную) такой катастрофы въ мірѣ явленій, послѣ которой сдѣлалось бы для сознанія, организованнаго подобно нашему сознанію, совершенно невозможной цѣлесообразная дѣятельность. Вслѣдствіе всего этого и самая психологическая принудительность слѣдовать при активныхъ обнаруженіяхъ, направленныхъ на удовлетвореніе потребностей, указаніямъ продуктовъ познавательнаго механизма, которая и самымъ своимъ происхожденіемъ обязана обнаруживавшейся цѣлесообразности этого слѣдованія въ прошедшемъ и всегда стоитъ въ зависимости отъ этого условія,—самая эта психологическая принудительность получаетъ смыслъ требованія цѣлесообразности дѣйствій, направленныхъ на удовлетвореніе потребностей, выраженнаго только не въ логической формѣ, а въ формѣ механически образовавшагося позыва къ такимъ именно цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ.

Такимъ образомъ, получая право связывать представленіе о познавательномъ механизмѣ съ понятіемъ инстинкта, послѣдовательный эмпиристъ, правда, лишенъ возможности смотрѣть на этотъ сложный механизмъ, какъ на механизмъ, способный удовлетворять чистой потребности знанія, но онъ не только не лишенъ возможности, но и обязанъ смотрѣть на него, какъ на существенное и необходимое начальное звено еще болѣе сложнаго механизма, служащаго удовлетворенію практическихъ потребностей одушевленныхъ существъ или, сказать иначе, какъ на существенный и необходимый ингредіентъ инстинкта самосохраненія.

Однако, если обусловленность ассоціативной вѣры, къ которой по послѣдовательно проведенной эмпиристической теоріи знанія должно сводиться все основанное на опытѣ знаніе, предположеніями, выражающими законы познавательнаго механизма, разсматриваемая въ связи съ значеніемъ этого знанія для практической жизни, ведетъ къ отожествленію этого познавательнаго механизма съ инстинктомъ и черезъ то вноситъ смягчающую черту въ неизбѣжное для эмпиристической теоріи скептическое рѣшеніе гносеологическаго вопроса, то эта же самая обусловленность всего опытнаго знанія предположеніями, выражающими законы порожденія вѣры познавательнымъ механизмомъ,

имѣетъ и свою особую неблагопріятную для новаго эмпиризма, разсматриваемаго какъ критическое направленіе мысли, сторону.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что теорія знанія не только имѣетъ право, но и обязана ставить вопросъ, имѣетъ ли то или другое изъ сужденій, претендующихъ на умозрительную очевидность, дѣйствительно такую очевидность, или подъ маской этой умозрительной очевидности скрывается вѣра, порождаемая какими-либо другими условіями, а потому могущая претендовать только на ту познавательную цѣнность, которую критическое изслѣдованіе можетъ установить за условіями, порождающими эту вѣру. Но это право и эта обязанность критическаго мышленія ни какъ не тождественны съ тенденціей отожествлять безпредвзятость установки сужденія, дающую сужденію право считаться логически оправданнымъ, исключительно съ обоснованіемъ его (прямымъ или косвеннымъ) на опытныхъ данныхъ, и въ силу этого заранѣе безъ изслѣдованія всякое притязаніе сужденія на чисто умозрительную достовѣрность отожествлять съ предвзятостью, съ притязаніемъ на такое обоснованіе, котороe ни въ какомъ случаѣ не можетъ обезпечивать истинности сужденія. Между тѣмъ, мы видѣли выше, когда старались характеризовать новый эмпиризмъ какъ критическое направленіе мысли [1]), что этотъ эмпиризмъ въ лицѣ тѣхъ своихъ представителей, мнѣнія которыхъ здѣсь подвергаются критическому разбору, проникнутъ именно этой тенденціей отожествлять совершенную безпредвзятость установки сужденія исключительно съ фактическимъ его обоснованіемъ и безусловно отрицать компетенцію умозрѣнія, хотя бы оно было дѣйствительнымъ, а не мнимымъ умозрѣніемъ, въ установкѣ сужденій о бытіи. Вотъ для критической оцѣнки этой именно тенденціи новаго эмпиризма, обусловливающей существеннѣйшія черты этого направленія, и имѣетъ, по моему мнѣнію, важное значеніе разъясненіе того, что самими законами ассоціативнаго механизма, который порождаетъ вѣру, и къ которому по послѣдовательно проведенной теоріи эмпиризма должно сводиться все знаніе, вносятся въ эту вѣру предположенія, которыя такимъ образомъ обусловливаютъ собою все опытное знаніе. Изъ этого разъясненія прежде всего въ прямую противоположность тенденціи, лежащей въ основаніи гносеологіи новаго эмпиризма, приходится заключать, что именно то, что разумѣетъ онъ подъ фактическимъ обоснованіемъ сужденій, если заранѣе отрицать, какъ дѣлаетъ это эмпи-

[1]) См. выше Н.

ристическая гносеологія, всякія права умозрѣнія въ процессѣ логическаго оправданія сужденій, имѣетъ принудительную силу надъ сознаніемъ, тѣмъ не менѣе, совсѣмъ не можетъ претендовать на большее значеніе, чѣмъ значеніе инстинктивнаго акта въ томъ его пониманіи и съ тѣми ограниченіями, какія указаны были выше. Изъ этого же разъясненія далѣе слѣдуетъ, что возвыситься надъ этимъ значеніемъ само опытное знаніе могло бы только подъ единственнымъ условіемъ, если бы оказалось возможнымъ, опять въ прямую противоположность основной тенденціи новаго эмпиризма, констатировать (конечно, не мнимую, а дѣйствительную) умозрительную очевидность и при ея посредствѣ твердо установить логическую значимость тѣхъ предположеній, которыя лежатъ въ основѣ познавательнаго механизма, а съ нимъ и въ основѣ всего опыта.

II.

Спенсеръ, который вскрываетъ непослѣдовательность Милля въ проведеніи эмпиризма, и смѣло и рѣшительно ассоціативные процессы, признававшіеся съ точки зрѣнія обычной психологіи, правда, за необходимое, но все же только вспомогательное орудіе для знанія, провозглашаетъ такими процессами, которые въ своихъ наиболѣе законченныхъ продуктахъ имѣютъ наивысшее доступное знанію значеніе и лежатъ въ основаніи всѣхъ обыкновенно считающихся въ собственномъ смыслѣ познавательными процессовъ, на этомъ именно пунктѣ съ не меньшею рѣшительностію самъ уклоняется прямо въ противоположную сторону отъ неизбѣжнаго вывода изъ этого отожествленія способности знанія съ ассоціативнымъ механизмомъ. Онъ не только вмѣсто признанія продуктовъ этого механизма за инстинктивные, сами въ себѣ не заключающіе логическаго оправданія акты, утверждаетъ совершенную логическую ихъ оправданность, но утверждаетъ это, не задаваясь даже и вопросомъ о томъ, не устанавливаются ли разъясняемыми имъ же самимъ законами ассоціативныхъ процессовъ для всего знанія такія предположенія, которымъ должно быть приписано независимое отъ всего опыта значеніе для всего познаваемаго, хотя долженъ бы былъ, повидимому, быть особенно чутокъ къ этому, такъ какъ вполнѣ раздѣляетъ мысль Милля, что только непосредственно данное, факты могутъ давать логическое оправданіе сужденіямъ, въ которыхъ утверждается что нибудь относительно фактической дѣйствительности.

И это тѣмъ болѣе замѣчательно, что прецедентъ сопоставленія

ассоціативной вѣры съ инстинктомъ уже существовалъ. Отожествленіе знанія съ инстинктомъ очень рѣшительно проводилось Юмомъ, конечно, исключительно въ отношеніи къ той области знанія, въ которой Юмъ находилъ возможнымъ рѣшительно отрицать значеніе умозрительной очевидности. Отрицая умозрительный характеръ всѣхъ тѣхъ общихъ положеній, которыя онъ не считалъ возможнымъ признать аналитическими, Юмъ старался рельефно поставить на видъ недостаточность ссылки на факты для твердаго логическаго оправданія того значенія, которое приписывалось имъ непосредственнымъ сознаніемъ, т. е. значенія сужденій безусловно общихъ. И ища разъясненія вѣры въ нихъ и указывая на ассоціацію (привычку) какъ на условіе такой вѣры, но въ то же время живо сознавая психологическую принудительность значенія этой вѣры для всякаго, хотя бы и понявшаго всю силу критическихъ сомнѣній [1]), Юмъ со всею рѣшительностію усвояетъ психическому механизму ассоціаціи значеніе инстинкта [2]), и именно въ томъ смыслѣ, что порождаемые имъ акты вѣры, несмотря на психологическую принудительность ихъ значенія и обнаруживающуюся фактически цѣлесообразность этого значенія, не допускаютъ для себя логическаго оправданія въ сознаніи лица, въ которомъ они совершаются. Обаяніе, которое невольно производитъ на Юма фактическое знаніе вопреки его скептической теоріи, можно констатировать только въ недостаточно послѣдовательномъ преувеличеніи имъ, если не логическаго значенія, то фактической неизмѣнности вѣры, при критическомъ скептицизмѣ. При, несомнѣнно, очень рельефно выступающемъ у него практическомъ характерѣ вѣры и живомъ сознаніи ея принудительнаго значенія для практической жизни [3]), для котораго

---

[1]) См. Hume. Ess. and. Treat. II, 39. „Только глупецъ или помѣшанный не вѣритъ опыту“. 41 „Какъ дѣйствующій я удовлетворенъ“, что, конечно, не мѣшаетъ въ гносеологическихъ интересахъ искать и искать тщетно основаній для этой вѣры. 50. При соотвѣтствующихъ условіяхъ это чувство (вѣра) также неизбѣжно какъ чувство благодарности при полученіи благодѣянія или ненависти при оскорбленіи.

[2]) Ibid. 50, 60, 114—115.

[3]) Онъ характеризуетъ представленіе, оживляемое вѣрой, какъ такое, которое дѣлается чрезъ то способнымъ оказывать наибольшее вліяніе на наши страсти и воображеніе, такъ что оно становится руководящимъ основаніемъ для нашихъ поступковъ и болѣе могущественнымъ условіемъ для возбужденія чувствованій удовольствія и страданія, радости и печали, и ставитъ на видъ, что безъ той силы, которая соединяется съ привычкой мы не могли бы вовсе пользоваться средствами для цѣлей, никакими естественными силами для произведенія дѣйствій и всякая дѣятельность должна бы окончиться. Ibid. 49, 53—54. Описывая живыми красками ту пол-

онъ совсѣмъ не пытается искать даже и логическаго оправданія, Юму, повидимому, вовсе не приходитъ даже и на мысль дѣлать разграниченіе между неизбѣжностью этого принудительнаго господства продуктовъ познавательнаго механизма, какъ руководственныхъ указаній для практической дѣятельности, и абсолютнымъ характеромъ психологической вѣры въ эти продукты, разсматриваемые въ качествѣ чисто теоретическихъ истинъ; онъ, повидимому, вовсе не думаетъ о томъ, что эта вѣра не можетъ не терпѣть на себѣ вліянія отъ предполагаемаго яснаго сознанія неразрѣшимости критическихъ сомнѣній, и видитъ только, что она не можетъ вполнѣ освободиться отъ противоположнаго вліянія, выходящаго изъ всего строя эмоціонной и активной жизни субъекта. Твердо высказавъ совершенно вѣрную мысль, что нельзя опасаться прекращенія всякой дѣятельности вслѣдствіе чисто гносеологическаго скептицизма, такъ какъ природа всегда могущественнѣе, чѣмъ мысль, Юмъ не только въ качествѣ общаго вывода изъ своихъ изслѣдованій завѣряетъ, что человѣкъ долженъ дѣйствовать, дѣлать выводы и вѣрить, какъ бы ни были неопровержимы скептическія возраженія противъ познавательной цѣнности знанія [1]), но въ противоположность Локку, дѣлившему основанія на доказывающія и вѣроятныя, онъ хочетъ въ опирающихся на опытѣ основаніяхъ видѣть не вѣроятныя только, но точныя основанія, не допускающія сомнѣній и колебаній [2]). И во всѣхъ своихъ непосредственно слѣдующихъ за разрѣшеніемъ критическаго вопроса разсужденіяхъ о свободѣ и необходимости, о чудѣ, о промыслѣ и будущей жизни онъ принимаетъ всѣ основывающіяся, по его мнѣнію, на согласномъ людскомъ опытѣ положенія за положенія, требующія отъ мысли обязательнаго признанія. Наконецъ, всѣ его критическіе выводы относительно основаннаго на опытѣ знанія нисколько не мѣшаютъ ему при разсужденіяхъ объ этой способности знанія говорить о нѣкоторомъ видѣ предуставленной гармоніи между теченіемъ природы и порядкомъ нашихъ представленій, насколько мы видимъ, что наши мысли и представленія принимаютъ то же теченіе, какъ и явленія природы.

ную парализацію всякой дѣятельности, которая неминуемо должна была бы наступить, какъ скоро руководительное значеніе для этой дѣятельности положили бы скептическіе выводы, Юмъ прибавляетъ, что, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ опасаться этого исхода, такъ какъ природа всегда болѣе могущественна, чѣмъ мысль. Ibid. 46—47, 162—170.

[1]) Ibid.

[2]) Ibid., 61, Not.

Его скептицизмъ не мѣшаетъ ему даже утверждать, что мудрости природы болѣе соотвѣтствуетъ обезпечить правильное направленіе дѣятельности инстинктомъ и механическими влеченіями, не знающими заблужденій, и сдѣлать такимъ образомъ его независимымъ отъ дѣятельности разума, медленно развивающагося и способнаго заблуждаться [1]). Глубокіе доводы скептицизма могутъ произвести лишь мимолетное замѣшательство, и первое и простѣйшее столкновеніе съ жизнію прогоняетъ всякое сомнѣніе [2]).

Такимъ образомъ, Юмъ достаточно опредѣленно указывалъ на

---

[1]) Ibid., 59—60.

[2]) Ibid., 170. Правда, Юмъ даетъ такое описаніе вѣры, которое можетъ возбуждать сомнѣніе, можетъ ли подъ него подойти даже какой бы то ни было актъ, способный быть растолкованнымъ въ смыслѣ утвержденія истинности сужденія. Опредѣляя вѣру какъ особое чувство или ощущеніе, сопровождающее представленіе (Ibid. 52), Юмъ тотчасъ же вслѣдъ за этимъ (53 — 54) описываетъ ее только какъ болѣе жизненное, болѣе живое, болѣе крѣпкое, болѣе твердое, болѣе устойчивое представленіе о предметѣ, чѣмъ какое можетъ быть достигнуто дѣятельностью воображенія, и съ этими именно свойствами представленія соединяетъ вліяніе вѣры на эмоціонныя и активныя проявленія сознанія. Но если такое описаніе вѣры считать исчерпывающимъ все ея содержаніе, то въ этой вѣрѣ совсѣмъ не окажется выраженнымъ то отношеніе субъекта къ объективной значимости представленія, которое должно составлять сущность вѣры и которое, повидимому, все же предполагалось, когда вѣра передъ тѣмъ опредѣлялась какъ чувство или ощущеніе, сопровождающее представленіе: здѣсь же все исчерпывается сравнительною интенсивностью опредѣленныхъ чертъ самаго представленія, которая, однако, какъ бы тѣсно она не предполагалась соединенною съ отношеніемъ субъекта къ объективной значимости представленія, никакъ не есть самое это отношеніе, а только предполагаетъ его какъ свое условіе или какъ свое слѣдствіе. Понятно, что все, сказанное выше относительно взгляда Юма на вѣру, совсѣмъ не мирилось бы съ отрицаніемъ въ вѣрѣ такъ или иначе выраженнаго отношенія субъекта къ объективной значимости представленія, и поэтому на это описаніе приходится смотрѣть какъ на очень неточное выраженіе мысли Юма (Юмъ, впрочемъ, здѣсь самъ говоритъ о трудности точнаго опредѣленія вѣры). И эта неточность, нужно думать, объясняется стремленіемъ Юма сблизить феноменъ вѣры съ феноменомъ воспріятія, при которомъ, по его психологическому взгляду, психическія состоянія (ощущенія) отличаются отъ представленій также только особою живостію, силою и проч. Но онъ не взялъ во вниманіе, что при воспріятіи есть особый моментъ, сознаніе наличной данности воспринимаемаго (все равно, чѣмъ бы оно ни обусловливалось и какъ бы ни истолковывалось),—сознаніе, котораго не можетъ быть въ вѣрѣ, насколько она относится къ не предполагаемымъ сейчасъ налично даннымъ, и которое здѣсь должно быть замѣнено чѣмълибо, напримѣръ, сознаніемъ неизбѣжности тотчасъ же или при извѣстныхъ условіяхъ представляемому содержанію оказаться налично даннымъ, или, напримѣръ, если этотъ моментъ выраженъ эмоціонно, чувствомъ ожиданія и проч.

инстинктивный характеръ вѣры, пораждаемой ассоціаціями. И если рѣшительная наклонность Юма настаивать на совершенной неизмѣнности вѣры, разсматриваемой въ качествѣ убѣжденія въ истинности сужденія, даже при самыхъ неоспоримыхъ отрицательныхъ выводахъ критическаго сознанія оказалась историческимъ прецедентомъ выше разобраннаго нами ученія Спенсера о безусловной психологической принудительности вѣры въ необходимо мыслимыя сужденія, то тѣмъ естественнѣе, казалось бы, ожидать, что Спенсеръ, положившій въ основаніе всего знанія ассоціативные процессы порожденія вѣры и въ то же время вслѣдъ за Миллемъ ревниво относящійся къ мысли объ обязательной независимости знанія отъ какихъ бы то ни было предположеній, со всѣмъ вниманіемъ отнесется къ другой сторонѣ Юмова ученія, къ мысли объ инстинктивномъ характерѣ ассоціативной вѣры. Этого, казалось, естественно было бы ожидать хотя бы даже въ виду того, что, какъ указывалъ уже Юмъ [1]), ассоціативная вѣра есть такая вѣра, которая существуетъ и у не одаренныхъ сознательною разумностью одушевленныхъ существъ и при которой даже и у разумныхъ существъ остаются скрытыми для непосредственнаго сознанія и даже постоянно неправильно истолковываются условія, ее порождающія.

Съ другой стороны, самъ Юмъ, правда, не дѣлалъ прямого сопоставленія логическихъ формулъ сознательныхъ выводныхъ процессовъ съ условіями ассоціативной вѣры для того, чтобы такимъ путемъ констатировать и самыя предположенія, скрывающіяся за нею. Такое направленіе для разъясненія этихъ предположеній, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ направленія, отчетливо указаннаго и послѣдовательно проведеннаго, исключались у него уже самою ограниченностью (сравнительно съ новымъ эмпиризмомъ) его скептицизма, простиравшагося исключительно на причинную связь явленій. Это ограниченіе естественно ставило границы и его изслѣдованіямъ ассоціативной вѣры, а, слѣдовательно, и предположеній съ нею связанныхъ, если бы даже относительно ихъ отчетливо былъ поставленъ вопросъ самимъ Юмомъ [2]). Однако, даже и самое это сопоставленіе логическихъ формулъ сознательныхъ выводовъ съ предположеніями, выражавшимися

---

[1]) Ibid., 34.

[2]) Не прямо, и въ примѣненіи именно къ причинной связи явленій, однако, это направленіе у Юма указывается уже тѣмъ, что, съ одной стороны, разъясняется, какое именно положеніе было бы необходимо для точнаго вывода причинной связи, съ другой, констатируется твердая вѣра въ эту остающейся недоказанною связь.

въ самыхъ условіяхъ порожденія вѣры ассоціативными процессами, повидимому, само собою навязывалось Спенсеру при обоснованіи и подробномъ развитіи его собственной теоріи, насколько она ставила своей задачей разъяснить всѣ усложненныя формы знанія изъ одного основанія, представляемаго простѣйшими формами ассоціативныхъ процессовъ. Въ самомъ дѣлѣ, параллелизмъ между ассоціативнымъ процессомъ порожденія вѣры въ общія сужденія и индуктивнымъ выводомъ долженъ былъ выступать въ сознаніи Спенсера со всею очевидностью при обоснованіи имъ своего ученія объ основаніяхъ нашей вѣры въ высшія посылки знанія въ противоположность Миллеву ученію о томъ же предметѣ. Когда Спенсеръ противопоставляетъ значеніе необходимой мыслимости сужденія, объясняемой ими обоими изъ вліянія частныхъ, соотвѣтствующихъ общему сужденію фактовъ на психологическій ассоціативный механизмъ, тому значенію, которое Милль усвоялъ въ установкѣ такого рода сужденій методическому индуктивному процессу, то всю сущность дѣла онъ сводитъ къ безмѣрному превосходству того количества фактовъ, которое предполагается необходимою мыслимостью, сравнительно съ тѣмъ количествомъ ихъ, которымъ можетъ воспользоваться сознательный индуктивный выводъ для доказательства выводного сужденія. Совершенная однородность самихъ процессовъ сознательнаго и психологически механическаго по самому ихъ существу, т. е. какъ процессовъ установки общаго сужденія изъ частныхъ фактовъ, и одинаковость принциповъ, которые лежатъ въ ихъ основаніи, при этомъ, очевидно, предполагаются. А явная параллель между силлогистической формулой вывода и ассоціативными дополненіями воспріятій представленіями еще рельефнѣе выступаетъ у самаго Спенсера при самомъ разъясненіи имъ обычныхъ силлогистическихъ выводовъ. „Когда вслѣдствіе ощущенія давленія, испытываемаго мною въ вытянутой впередъ рукѣ, говоритъ онъ при этомъ разъясненіи [1]), я заключаю, что передо мною находится нѣчто, обладающее протяженіемъ; когда, видя одну сторону какого-либо предмета, я знаю, что у него есть еще другая сторона, я выполняю разсужденіе этого порядка. Если бы постоянное повтореніе не консолидировало этихъ познаваній въ такіе акты, которые могутъ быть названы органическими выводами, то мы сразу бы увидѣли, что они совершенно равнозначущи съ тѣми познаніями, въ которыхъ, напримѣръ, равносторонность нѣкотораго треугольника вы-

[1]) Spencer. Princ. of Psych. II, 33—54, p. n. III, 54.

водится изъ его равноугольности, какъ скоро ранѣе уже было однажды понято сосуществованіе этихъ свойствъ".

Однако, несмотря на всѣ эти, повидимому, настоятельные поводы къ внимательному изслѣдованію ассоціативной вѣры съ тѣхъ сторонъ, которыя возбуждаютъ мысль объ инстинктивномъ ея характерѣ и о предположеніяхъ, лежащихъ въ ея основѣ, философія Спенсера, какъ сказано, отчетливо даже не ставитъ подобныхъ вопросовъ, хотя необходимую мыслимость, признаваемую ею за результатъ ассоціативныхъ процессовъ кладетъ въ основаніе знанія. И это отношеніе Спенсера къ вопросамъ, вытекавшимъ изъ изслѣдованій Юма, мнѣ кажется, объяснить не трудно.

При критическомъ разборѣ ученія Милля, намъ приходилось указывать [1]) на одинъ крупный недочетъ въ скептической аргументаціи Юма. Юмъ, хотя и недостаточно отчетливо и послѣдовательно, но все же, несомнѣнно, различалъ установку закона, понимаемаго въ смыслѣ положенія, констатирующаго фактическую, хотя и непонятную намъ принудительность слѣдованія опредѣленныхъ явленій въ опредѣленномъ порядкѣ или фактическую законосообразную правильность череды явленій, отъ установки закона, понимаемаго въ смыслѣ безусловно всеобщаго и необходимаго сужденія, въ которомъ не констатировалось бы только фактическая принудительность опредѣленнаго порядка явленій, но утверждалась бы вмѣстѣ съ тѣмъ и неизмѣнность его въ будущемъ. И онъ спѣшилъ представить твердое доказательство невозможности точно устанавливать законъ въ послѣднемъ смыслѣ и преимущественно на этомъ доказательствѣ основывалъ свой скептическій выводъ относительно познанія причинной связи явленій. Но при такой постановкѣ критической аргументаціи и не становясь въ противорѣчіе съ той стороной аргументаціи Юма, которая была развита съ наибольшею убѣдительностью, можно было задаваться вопросомъ, не можетъ ли наука быть признана компетентной изслѣдовать законосообразность порядка явленій въ предѣлахъ фактически существующаго устройства вселенной, не предрѣшая вопроса о возможности перемѣнъ въ самомъ этомъ устройствѣ высшей силой, отъ которой оно зависитъ. Съ другой стороны, въ критическихъ разсужденіяхъ Юма существовалъ недочетъ и другого рода, которымъ какъ бы предуказывался путь къ разрѣшенію этого вопроса въ положительномъ смыслѣ. Юмъ не дѣлалъ подробнаго и обстоятельнаго разъясне-

---

[1]) См. выше, С. III.

нія съ точки зрѣнія своей теоріи пріемовъ научнаго методическаго изслѣдованія. Онъ останавливался при ея разъясненіи на самыхъ обычныхъ и простѣйшихъ случаяхъ вѣры въ причинныя связи явленій, которыя могли казаться особенно пригодными для наиболѣе яркой ея иллюстраціи. Но чѣмъ строже дѣлались научныя требованія отъ процесса установки законовъ подъ вліяніемъ научнаго опыта, чѣмъ сложнѣе дѣлались методы такой установки, тѣмъ настоятельнѣе напрашивался вопросъ, какъ свести, да и можно ли свести эти строгія требованія и эти сложные методы къ тому непосредственному механически психологическому вліянію однородныхъ фактовъ на сознаніе, къ которому они должны были сводиться по теоріи, отожествлявшей ассоціативную вѣру съ инстинктомъ. А такъ какъ при этомъ теорія ассоціативной вѣры не была доведена Юмомъ до кульминаціонной точки, до разъясненія изъ нея феномена необходимой мыслимости, и Юмъ совсѣмъ не пытался характеризовать какъ-либо и отличить отъ другихъ степеней ассоціативной связи ту степень ея, которая въ общемъ сознаніи играетъ роль научной истины, то несоотвѣтствіе его теоріи, въ той ея формѣ, въ какой приводилась она Юмомъ, съ фактическимъ знаніемъ, должно было особенно ярко выступать на тѣхъ случаяхъ, когда научному сознанію приходилось констатировать такія ошибки ассоціативной вѣры, которыя не были бы допущены, если бы положенія, вызывающія такую вѣру, подвергались провѣркѣ строгаго методическаго изслѣдованія. Всѣ эти затрудненія совершенно естественно могли философу, твердо державшемуся эмпирическихъ принциповъ, внушать мысль, что Юмъ совершенно ошибочно считалъ ассоціацію, при отрицаніи умозрѣнія, единственнымъ основаніемъ, къ которому должно сводиться всякое сужденіе, которое не было бы простымъ утвержденіемъ непосредственно даннаго факта, и что строго основанное на фактахъ методическое изслѣдованіе можетъ быть независимымъ отъ ассоціативной вѣры и давать сужденію ту устойчивость и то логическое оправданіе, какія не обезпечиваются ассоціативнымъ процессомъ. И отсюда легко было притти къ мысли, что съ помощью такого рода въ собственномъ смыслѣ познавательныхъ процессовъ разрѣшается та болѣе скромная задача разъясненія законосообразности природы въ ея фактически существующемъ устройствѣ, которой не коснулись наиболѣе вѣскіе скептическіе аргументы Юма.

Такую именно постановку теорія знанія и получаетъ у Милля [1]).

---

[1]) Mill. Syst. of Log., 1, 347, p. п. 1, 341—342, „Склонность выводить буду-

Но эта самая постановка и могла быть причиною того, что Спенсеръ, когда онъ необходимую мыслимость, какъ Миллемъ, такъ и имъ самимъ объяснявшуюся изъ ассоціативнаго процесса, не только положилъ въ основаніе всего знанія, но и возвысилъ на степень высшаго критерія достовѣрности, не ощутилъ при этомъ нужды ни въ какихъ особыхъ изслѣдованіяхъ для устраненія сомнѣній, какія могла бы вызывать эта безусловная достовѣрность, приписанная продукту психологическаго ассоціативнаго механизма. Могло казаться вполнѣ естественнымъ, что послѣ того, какъ Милломъ уже доказывалась логическая правомѣрность сужденій, устанавливаемыхъ съ помощью опирающагося на факты методическаго изслѣдованія, для твердой установки безусловной логической значимости необходимо мыслимыхъ положеній оставалось только разъяснить, что тѣ факты, которые по законамъ ассоціативнаго механизма предполагаются въ качествѣ необходимаго условія для образованія необходимой мыслимости сужденія, безконечно превосходятъ весь тотъ фактическій матеріалъ, какимъ можетъ располагать какое бы то ни было методическое изслѣдованіе. И такимъ образомъ отстаиваемая Миллемъ цѣнность методическаго изслѣдованія для логическаго оправданія положеній именно въ противоположность склонности вѣрить въ продукты ассоціативнаго механизма, которой Милль отказываетъ въ этой цѣнности, превращается у Спенсера въ доказательство абсолютной [1] познавательной цѣнности феномена необходимой мыслимости, который обоими этими мыслителями согласно признается также за продуктъ психологическаго ассоціативнаго механизма. Не случаенъ, конечно, тотъ фактъ, что та глава „Основаній психологіи“ Спенсера [2]), которая имѣетъ своею задачей установить за необходимою мыслимостью значеніе наивысшаго критерія достовѣрности, вся (за исключеніемъ введенія, въ которомъ Спенсеръ проводитъ

щее изъ прошедшаго, неизвѣстное изъ извѣстнаго, говоритъ здѣсь Милль, которую нѣкоторые называютъ инстинктомъ, а другіе объясняютъ ассоціаціей, есть только привычка надѣяться, что оказавшееся истиннымъ однажды или нѣсколько разъ и ни разу не оказавшееся ложнымъ вновь обнаружится истиннымъ... Умъ безъ всякаго сторонняго побужденія склоненъ обобщать свои опыты, лишь бы всѣ они указывали въ одну сторону, лишь бы не являлся безъ поисковъ иной опытъ, противорѣчащій“. И Милль указываетъ затѣмъ преимущества опыта методическаго, который долженъ гарантировать достовѣрность положенія.

[1]) Спенсеръ не знаетъ Миллева ограниченія задачи въ изслѣдованіи законосообразности, и абсолютность ассоціативной связи есть для него свидѣтельство абсолютности закона.

[2]) Spencer, Princ. of Psych. II, 406—427, p. n. IV, 404—425.

ту мысль, что сознаніе фактически пользуется необходимою мыслимостью, какъ критеріемъ достовѣрности, и краткаго отвѣта на возраженія Гамильтона), заполнена полемикой съ Миллемъ, въ которой обсуждаются возраженія Милля противъ значенія необходимой мыслимости и ярко ставятся на видъ указанныя преимущества процесса возникновенія необходимой мыслимости передъ процессами методическаго изслѣдованія со стороны обилія фактическаго матеріала, обусловливающаго вѣру въ томъ и другомъ процессѣ. Точно также не случаенъ, конечно, и тотъ фактъ, что Спенсеръ не стѣсняется даже бросить Юму рѣзкій упрекъ [1]), если „не прямо въ помѣшательствѣ въ первой его степени", то, во всякомъ случаѣ, „въ какой-то необъяснимой странности" по поводу примѣненія Юмомъ понятія объ инстинктѣ къ убѣжденію въ существованіи внѣшней, отвѣчающей воспріятію дѣйствительности, и осуждаетъ ученіе Юма, что „природа въ силу нѣкоторой абсолютной и не подлежащей нашему контролю необходимости, заставляетъ насъ считать истиннымъ то, относительно чего мы не имѣемъ никакихъ раціональныхъ основаній, чтобы заключать, что оно истинно". И въ другомъ мѣстѣ [2]) относительно этой же вѣры въ реальность внѣшняго бытія Спенсеръ говоритъ, что она вовсе не представляетъ, какъ это думалъ Юмъ, результата нашей естественной склонности, находящейся въ противорѣчіи съ законами мысли, но что она „составляетъ неизбѣжный результатъ умственнаго процесса, происходящаго при всякой состоятельной аргументаціи". Изъ всего этого, повидимому, достаточно ясно, что тотъ оборотъ, который Спенсеръ даетъ Миллеву возвышенію опытнаго методическаго изслѣдованія настолько прочно устанавливаетъ, по его мнѣнію, его взглядъ на познавательную цѣнность знанія, что Юмово отожествленіе вѣры, не имѣющей для себя никакой опоры въ умозрительной очевидности, съ инстинктомъ ему представляется такъ очевидно ошибочнымъ, что оно совсѣмъ не способно давать никакого повода къ какимъ-нибудь серьезнымъ сомнѣніямъ относительно достовѣрности знанія. Правда, цитированный сейчасъ упрекъ Спенсера Юму относится къ мнѣнію Юма о существованіи внѣшняго бытія, а Юмъ не создалъ (какъ это дѣлаютъ Милль и Спенсеръ) особой теоріи происхожденія убѣжденія во внѣшнемъ бытіи изъ опыта, а потому для него это убѣжденіе есть результатъ особаго инстинкта. Но, вѣдь, Спенсеръ, конечно, не могъ

---

[1]) Spencer, Princ. of Psych.
[2]) Ibid., II, 493, p. n. IV, 191.

не знать, что для Юма на инстинктѣ держатся и положенія, выводимыя на основаніи опыта, и что поэтому для него всякая основанная на опытѣ аргументація въ реальности внѣшняго міра, какъ бы сложна она ни была, а, слѣдовательно, и аргументація Спенсера должна бы была въ концѣ концовъ сводиться къ инстинкту, т. е. аппеллировать именно къ „склонности“ вѣрить вопреки возраженіямъ разума, и вслѣдствіе этого для разума не считаться „состоятельной аргументаціей“. Отсюда понятно, что этотъ фактъ, что Спенсеровъ упрекъ Юму относится именно къ вѣрѣ во внѣшнюю реальность, нисколько не измѣняетъ дѣла по его существу.

Что касается другого, также, по моему мнѣнію, очень существеннаго факта, что на Спенсера, повидимому, не производитъ никакого впечатлѣнія бросающійся въ глаза при его же разъясненіяхъ параллелизмъ логическихъ выводныхъ формулъ съ положеніями, въ которыхъ должны бы были формулироваться условія ассоціативной вѣры, и не вызывалъ его на соотвѣтствующія разъясненія, то это, нужно думать, достаточно объясняется радикальной реформой, которую онъ хочетъ произвести въ давно уже установившемся взглядѣ на логическія формулы выводовъ [1]). Оспаривая этотъ взглядъ, Спенсеръ ставитъ своею цѣлью доказать, что эти формулы представляютъ „наиболѣе общіе законы соотношенія между существованіями, разсматриваемыми какъ объективныя“, а никакъ не „наиболѣе общіе законы соотношенія между идеями объ этихъ существованіяхъ“, т. е. „законы объектовъ, а не разсужденія, не вывода“. Каждая изъ нихъ, утверждаетъ онъ, выражаетъ частичку знанія, но не способъ узнаванія. Каждая изъ нихъ обобщаетъ какой-нибудь обширный классъ познаваній; но дѣлая это, она не приближается ни на одинъ шагъ къ природѣ познавательнаго акта. Онѣ могутъ принадлежать только предмету, о которомъ мы разсуждаемъ, а не самому разсужденію, не самому разуму. „И логика, разсматривающая формулы выводовъ, должна быть принимаема за самую абстрактную изъ объективныхъ наукъ“, такъ какъ „она имѣетъ своимъ предметомъ объективныя отношенія... и занимается единственно соотношеніями между этими отношеніями“. Въ доказательство этого взгляда онъ ссылается на самое содержаніе этихъ логическихъ выводныхъ формулъ, на то, что утвержденія, заключающіяся въ нихъ, касаются вещей, объектовъ: напримѣръ, формулой первой силлогистической фигуры утверждается, что все, что

[1]) Ibid., I, 87—95, р. п. III, 91—99.

можетъ быть утверждаемо или отрицаемо о классѣ, можетъ быть утверждаемо или отрицаемо о вещи, содержащейся въ этомъ классѣ. Съ тою же цѣлью онъ ставитъ на видъ несомнѣнный фактъ возможности нѣкоторыя истины, имѣющія логическій характеръ, иллюстрировать, при передачѣ ихъ ученику, подобно математическимъ истинамъ, на внѣшнихъ предметахъ. Точно также опору для этого же мнѣнія о логическихъ выводныхъ формулахъ какъ о законахъ вещей, объектовъ онъ находитъ и въ аналогіи (подмѣченной уже давно) между силлогистическими формулами выводовъ и нѣкоторыми математическими аксіомами равенства, не относившимися въ общепринятыхъ системахъ логики къ логическимъ выводнымъ формуламъ, а принимавшихся за законы объективнаго бытія, и, наконецъ, въ извѣстныхъ попыткахъ (Буля) превратить даже силлогистическія формулы выводовъ въ формулы математическія. Существенно важная для эмпиризма цѣль, которая преслѣдуется при этой радикальной реформѣ взгляда на логическія формулы вывода, вполнѣ ясно выражается въ выводѣ, который Спенсеръ самъ дѣлаетъ изъ сейчасъ приведенной мысли. „Такъ какъ всѣми признано уже, говоритъ онъ, что математическій анализъ имѣетъ дѣло съ отношеніями, которыя разсматриваются какъ существующія объективно, и что *въ послѣдней инстанціи онъ испытываетъ свои заключенія, относящіяся къ необходимымъ взаимнозависимостямъ этихъ объективныхъ отношеній, посредствомъ обращенія къ дѣйствительному воспріятію* [1]), то приходится допустить, что и эта форма математическаго анализа, на которую можетъ быть сведена логика, дѣлаетъ то же самое“. Имѣя все это въ виду, нельзя не признать совершенно естественнымъ, что для философа, который превращалъ положенія, въ продолженіе многихъ вѣковъ считавшіяся формулами выводныхъ процессовъ, выражающими законы выводной дѣятельности, въ простые результаты познавательнаго процесса, достовѣрность которыхъ въ послѣдней инстанціи должна основываться на воспріятіи,— что для такого философа аналогія выводныхъ процессовъ съ условіями ассоціативной вѣры, хотя бы и выступавшая очень ясно въ его собственномъ обсужденіи ихъ, могла и не представляться къ тому, чтобы поводомъ искать для ассоціативныхъ условій вѣры формулъ, которыя такъ же относились бы къ природѣ ассоціативнаго механизма, какъ по опровергаемому имъ ученію логики относятся такъ называемыя логическія формулы выводовъ къ сознательной мыслительной дѣятельности.

---

[1]) Этотъ курсивъ принадлежитъ мнѣ.

Однако, если приведенные взгляды Спенсера и могутъ разъяснять намъ, почему онъ прямо и отчетливо не ставитъ даже и вопроса о возможности отожествлять невольное убѣжденіе въ истинности сужденія, отличающагося необходимою мыслимостью, съ инстинктивнымъ актомъ, а тѣмъ болѣе о предвзятыхъ положеніяхъ, предполагающихся при убѣжденіи такого рода, то это никакъ не значитъ, чтобы эти взгляды могли логически оправдывать подобное отношеніе къ этому вопросу; это не значитъ даже, чтобы они не ставили философію самого Спенсера въ особыя логическія коллизіи.

Обратимся прежде всего къ Спенсеровой попыткѣ связать логическое оправданіе необходимой мыслимости съ Миллевымъ возвышеніемъ опытнаго методическаго изслѣдованія на степень процесса способнаго логически правомѣрно устанавливать достовѣрныя положенія.

При своемъ рѣзко и опредѣленно выраженномъ критическомъ направленіи Милль получаетъ возможность отстаивать опытное методическое изслѣдованіе какъ единственное средство устанавливать достовѣрныя положенія лишь настолько, насколько онъ противопоставляетъ такое изслѣдованіе ассоціативной вѣрѣ, насколько онъ предполагаетъ, что при этомъ изслѣдованіи чистое (ничѣмъ не предвзятое) сознаніе исключительно опредѣляется въ достаточной полнотѣ собранными и отчетливо провѣренными фактами въ прямую противоположность невольной психологической способности вѣрить при условіяхъ, сознательно не провѣренныхъ со стороны достаточности ихъ для логически правомѣрной установки сужденія. И реальной основы для этого противопоставленія Милль ищетъ въ фактахъ исторіи знанія, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что ассоціативная вѣра менѣе гарантирована отъ ошибокъ, чѣмъ результатъ строго опытнаго методическаго изслѣдованія. Правда, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что такое противопоставленіе для послѣдовательнаго эмпириста могло быть только результатомъ очень крупныхъ недосмотровъ при построеніи имъ теоріи знанія. Милль, очевидно, стоитъ подъ обаяніемъ той убѣдительности, какую для научнаго сознанія имѣютъ результаты строгихъ, опытно методическихъ изслѣдованій и подъ этимъ обаяніемъ онъ не анализируетъ точнѣе, въ чемъ съ точки зрѣнія его крайняго эмпиризма должно состоять послѣднее основаніе этой убѣдительности. Онъ недостаточно взвѣсилъ значеніе того обстоятельства, что знаніе какъ установка не даннаго изъ даннаго, не извѣстнаго изъ извѣстнаго, неизбѣжно предполагаетъ установку логической связи даннаго съ не даннымъ, извѣстнаго съ не извѣстнымъ, безъ которой не данное и не

извѣстное не могли бы стать для сознанія достовѣрными и которая сама уже не дана и поэтому никакъ не можетъ заключаться въ простомъ опредѣленіи чистаго (безусловно не предвзятаго) сознанія даннымъ, фактами [1]). Вслѣдствіе этого для Милля осталось не яснымъ, что для непосредственнаго точно также какъ для научнаго сознанія, если оно не видитъ никакой предвзятости въ переходѣ отъ даннаго къ не данному въ строгомъ опытномъ методическомъ изслѣдованіи, убѣдительность этого перехода можетъ имѣть только смыслъ непосредственной очевидности этой связи даннаго съ не даннымъ, а для эмпиризма, который отрицаетъ умозрительную очевидность этой убѣдительности, ей не остается быть ни чѣмъ инымъ какъ только результатомъ той же самой наклонности вѣрить, которой Милль хочетъ противопоставить методическое изслѣдованіе. Что же касается его упрека ассоціативной вѣрѣ въ сравнительной недостаточной обезпеченности ея отъ ошибокъ, то изъ предшествующихъ нашихъ разъясненій относительно Миллова взгляда легко вывести, что здѣсь было явное недоразумѣніе, насколько Милль уже самъ сводилъ къ ассоціативному процессу феноменъ необходимой мыслимости, условія образованія которой по его же собственнымъ объясненіямъ по существу дѣла не различались отъ его требованій отъ методическаго изслѣдованія [2]), къ которой, хотя и несознательно, но тѣмъ не менѣе фактически имъ самимъ сводилась геометрическая достовѣрность [3]), и которая, наконецъ, когда не встрѣчаетъ противорѣчія въ другихъ показаніяхъ сознанія, оказывается совсѣмъ не требующей и даже не допускающей никакой провѣрки въ формѣ опытно методическаго изслѣдованія [4]). Однако, какъ бы ни было незаконно для послѣдовательнаго эмпириста противопоставленіе ассоціативной вѣрѣ методическаго изслѣдованія, именно, какъ такого способа убѣжденія въ сужденіи, при которомъ сознаніе, абсолютно чистое отъ всякой предвзятости, опредѣляется исключительно фактами, т. е. непосредственно даннымъ, во всякомъ случаѣ, какъ скоро ошибки такого противопоставленія были просмотрѣны Миллемъ и самое это противопоставленіе имъ допущено, то для Милля было совершенно естественно говорить о возможности достигать съ помощью методическаго изслѣдованія логическаго

[1]) См. выше. С. III.
[2]) Ibid., В. I.
[3]) Ibid., В. II.
[4]) Ibid., В. II и III.

оправданія положеній и возвышать это изслѣдованіе надъ всякой ассоціативной вѣрой, видѣть въ немъ законный критерій для логически правомѣрной оцѣнки всякихъ продуктовъ ассоціативныхъ процессовъ.

Но совершенно въ другомъ отношеніи къ этому вопросу должна оказаться теорія знанія Спенсера, у котораго необходимая мыслимость, объясняемая ассоціативными процессами, получаетъ значеніе наивысшаго доступнаго сознанію условія какой бы то ни было вѣры и у котораго всѣ процессы сознательной мысли, а слѣдовательно и сознательно апеллирующее къ фактамъ методическое изслѣдованіе только въ силу этой же необходимой мыслимости могли бы получить значеніе условій научнаго знанія, т. е. только въ той мѣрѣ могли бы становиться этими условіями, въ какой сами представляютъ, правда, болѣе производныя, болѣе усложненныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе ослабленныя формы, но именно формы необходимой мыслимости. И Спенсеръ не только вполнѣ отчетливо сознаетъ это [1]), но и вполнѣ последовательно проводитъ эту мысль даже въ отношеніи къ фактамъ воспріятія, которые по эмпиризму должны играть исключительную роль въ логически оправданномъ знаніи, такъ какъ онъ самъ разъясняетъ [2]), какъ мы уже знаемъ, что всѣ эти факты сплошь должны представлять результатъ ассоціативныхъ процессовъ, и слѣдовательно довѣріе къ нимъ самимъ должно опираться на ту же необходимую мыслимость.

Въ виду этого онъ, правда, имѣетъ всякое право, при своей полемикѣ съ Миллемъ, ставить на видъ, что образовавшаяся непосредственная необходимо мыслимая связь между представленіями (если дѣло идетъ не о коллизіи между доказательствомъ и опроверженіемъ одного и того же положенія) должна считаться условіемъ болѣе интенсивной вѣры, чѣмъ опирающееся на той же необходимо мыслимой связи, только посредственной, методическое изслѣдованіе. И если бы онъ въ прямое противорѣчіе основнымъ взглядамъ своей же собственной системы и фактамъ исторіи научнаго сознанія не отождествлялъ понятіе объ условіи наивысшей по интенсивности вѣры въ опредѣленное сужденіе съ понятіемъ о непосредственной необходимой мыслимости этого сужденія, взятой въ отвлеченіи отъ всего осталь-

---

[1]) Spencer, Princ. of Psych. II, 31, 411—412, 415—416, 426, 449—450; р. п. III, 30; IV, 110, 114, 124, 147—148.

[2]) Ibid., I, 460; II, 395—401, 410; р. п. II, 185; IV, 93—101, 108.

ного знанія [1]), а связывалъ съ этимъ же понятіемъ, но при добавочномъ условіи отсутствія неразрѣшимыхъ возраженій противъ этого сужденія во всей области знанія [2]), то онъ имѣлъ бы также всякое право того же требовать и отъ Милля во имя послѣдовательности эмпиристическаго ассоціанизма. Но если онъ хочетъ говорить не о вѣрѣ наивысшей интенсивности, а о логической значимости сужденій, непосредственно характеризующихся необходимою мыслимостью и если онъ хочетъ доказывать эту значимость, опираясь на тотъ фактъ, что Милль отстаиваетъ возможность логически оправдывать сужденія съ помощью методическаго изслѣдованія, то здѣсь ошибка его уже не только въ томъ, что онъ подобно Миллю недостаточно оцѣнилъ значеніе того факта, что логическая связь даннаго съ не даннымъ, обусловливающая установку не даннаго, сама въ опытѣ не дана, и потому законность признанія ея могла бы быть только оправдана съ помощью отрицаемой эмпиризмомъ умозрительной очевидности. Ошибка его состоитъ уже и въ томъ, что признавъ, въ прямую противоположность Миллю, опытное методическое изслѣдованіе и не только даже въ его цѣломъ, но и въ каждомъ мельчайшемъ его пунктѣ опирающимся на необходимой мыслимости, онъ уже не имѣетъ того призрачнаго права смотрѣть на это изслѣдованіе какъ на наиболѣе явно отвѣчающее эмпиристическому идеалу достовѣрности, какое предполагалось Миллемъ, противополагавшимъ его ассоціативной вѣрѣ, а поэтому онъ не имѣетъ и права отъ наиболѣе явной достовѣрности методическаго изслѣдованія заключать къ болѣе скрытой хотя и болѣе высокой достовѣрности ассоціанистически объясняемой необходимой мыслимости. Вѣдь если дѣло идетъ о признаніи необходимо мыслимаго за логически оправданное, то, по ясно выраженнымъ его взглядамъ, методическое изслѣдованіе само, какъ опирающееся со всѣхъ сторонъ на множество положеній, признаваемыхъ вѣрными только за свою необходимую мыслимость, въ его глазахъ должно представлять и не только въ цѣломъ, но и во всѣхъ своихъ частяхъ ту же скрытую достовѣрность, какъ и непосредственно необходимо мыслимое, и потому само еще въ большей степени должно нуждаться въ разъясненіи своей достовѣрности, чѣмъ тѣ необходимо мыслимыя истины, безусловную достовѣрность которыхъ онъ хочетъ установить чрезъ разъясненіе превосходства условій вѣры въ нихъ передъ условіями

---

[1]) См. выше, Д. III.

[2]) Ibid., Е. I.

установки сужденія съ помощью этого изслѣдованія. Такимъ образомъ, оказывается, что логическое оправданіе для вѣры въ необходимо мыслимое принято Спенсеромъ безъ всякаго основанія и притомъ для вѣры порождаемой психическимъ механизмомъ, не предполагающимъ, какъ сказано, ни въ своихъ процессахъ вообще, ни въ актѣ порожденія вѣры наивысшей интенсивности, участія разумно сознательной дѣятельности.

Конечно, ничто не препятствуетъ смотрѣть на полемику Спенсера съ Миллемъ въ той главѣ „Основаній Психологіи", которая имѣетъ задачей разъяснить безусловную достовѣрность необходимой мыслимости, какъ на такую полемику, которая имѣетъ въ виду опредѣленнаго противника его теоріи, и не имѣетъ цѣлію дать строгой и исчерпывающей аргументаціи теоріи самого Спенсера, хотя тотъ параграфъ [1]), въ которомъ Спенсеръ разъясняетъ преимущество своего критерія достовѣрности передъ Миллевымъ, едва ли допускаетъ такое толкованіе. Но если и предположить это, сущность дѣла нисколько не измѣнится, такъ какъ основная мысль того возраженія противъ Спенсеровой аргументаціи въ пользу устанавливаемаго имъ критерія достовѣрности, которое сейчасъ нами сдѣлано, направляется противъ самой возможности какого бы то ни было логическаго оправданія полагаемаго имъ въ основу всего знанія принципа, и разъясненіе этого возраженія на Спенсеровой полемикѣ противъ Милля даетъ только ему наглядную иллюстрацію. Въ концѣ той же главы вполнѣ послѣдовательно съ точки зрѣнія своей теоріи, сводящей познавательный процессъ къ ассоціативному механизму и разсматривающей необходимую мыслимость какъ высшую ступень ассоціативной связи, Спенсеръ слѣдующимъ образомъ характеризируетъ положеніе того, кто отказался бы признать „этотъ всеобщій постулатъ" т. е. необходимую мыслимость". Послѣ каждаго „потому что" и каждаго „слѣдовательно", онъ можетъ быть остановленъ до тѣхъ поръ, пока онъ не укажетъ, почему это утверждаемое положеніе должно быть принимаемо предпочтительно передъ противоположнымъ предложеніемъ. Такъ что онъ не можетъ даже сдѣлать ни одного шага для оправданія своего скептицизма касательно всеобщаго постулата, безъ того, чтобы въ самомъ актѣ совершенія этого шага не сознаться въ допущеніи этого постулата". Какая же можетъ быть рѣчь о какомъ бы то было процессѣ логическаго оправданія необходимо мыслимаго, когда всякій процессъ

[1]) § 430.

такого оправданія (совершенно по той же причинѣ, по которой въ сейчасъ приведенныхъ словахъ Спенсера утверждается это о всякомъ возраженіи противъ несостоятельности необходимо мыслимаго) въ каждомъ своемъ моментѣ для признанія самой его пригодности для цѣли долженъ уже предполагать логическую значимость необходимо мыслимаго? Примемъ же теперь во вниманіе, съ одной стороны, что это должно относиться ко всякому, а слѣдовательно и къ опытному оправданію необходимой мыслимости въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, что изложенныя слова Спенсера относятся къ какому-угодно разъясненію непригодности ея какъ критерія достовѣрности, съ другой стороны, что Спенсеръ, отрицая вообще независимую отъ опыта умозрительную очевидность, не можетъ считать въ собственномъ смыслѣ умозрительно очевиднымъ и положеніе, что необходимо мыслимыя сужденія должны быть безусловно достовѣрны. И для насъ остается единственный выходъ—признакъ, что Юмово отожествленіе опытнаго значенія съ инстинктомъ, къ которому такъ пренебрежительно относится Спенсеръ, составляетъ неизбѣжную послѣдовательность теоріи самого Спенсера. И я не знаю, какимъ образомъ при такихъ условіяхъ избѣгнуть вывода, что Спенсерово признаніе необходимой мыслимости, образовавшейся ассоціативнымъ путемъ, за высшій критерій достовѣрности заключаетъ въ себѣ прямое противорѣчіе, которое было прикрыто для самого Спенсера, съ одной стороны, его убѣжденіемъ въ томъ, что Милль уже въ методическомъ изслѣдованіи вѣрно указалъ процессъ, способный и при эмпиристической теоріи быть поставленъ выше Юмовскаго скептицизма, съ другой—недостаточнымъ вниманіемъ его къ тому, что самое это возвышеніе надъ скептицизмомъ (въ существѣ мнимое) обусловилось у Милля противопоставленіемъ методическаго изслѣдованія ассоціативной вѣрѣ,—противопоставленіемъ непослѣдовательнымъ съ точки зрѣнія эмпиризма и совершенно законно устраненнымъ вслѣдствіе этой непослѣдовательности самимъ же Спенсеромъ.

Точно также и попытка радикальнаго измѣненія общепринятаго взгляда на логическія выводныя формулы только привязываетъ къ системѣ Спенсера новый балластъ несостоятельныхъ мнѣній, но ни въ какомъ случаѣ не освобождаетъ эмпиризмъ отъ необходимости въ условіяхъ ассоціативной вѣры искать предположеній аналогичныхъ съ логическими выводными формулами.

Такъ какъ ближайшею цѣлью Спенсеровой радикальной реформы установившихся взглядовъ на выводныя формулы было стремленіе свести и такъ называемыя аналитическія положенія къ опыту, то ре-

форма должна была состоять не въ какихъ-либо видоизмѣненіяхъ тѣхъ положеній, которыя должны бы были подразумѣваться въ самыхъ отправленіяхъ выводной дѣятельности разума, а въ установленіи такого взгляда на самую эту дѣятельность, который бы исключалъ всякую возможность опредѣленія ея законами, способными быть выраженными въ сужденіяхъ объ объектахъ, а поэтому предполагающими основанную на самой природѣ мысли вѣру въ эти сужденія. Спенсеръ послѣдовательно и идетъ къ этой цѣли. Обозрѣвая самые разнообразные акты вывода, или, какъ онъ обыкновенно называетъ выводъ, разсужденія, и отвлекая отъ нихъ все, что не должно, по его мнѣнію, относиться къ самой сущности или природѣ этихъ актовъ, Спенсеръ хочетъ свести ихъ всецѣло къ внутреннему воспріятію сходства или несходства отношеній [1]), т. е. полагаетъ сущность выводного акта всюду въ усмотрѣніи или интуиціи равенства или неравенства, сходства или несходства между отношеніями, разумѣя подъ отношеніями какъ разнообразныя математическія отношенія, такъ и всѣ отношенія между предметомъ и его принадлежностями, а также отношенія между самыми предметами и между фактами по сосуществованію, послѣдовательности, сходству однимъ словомъ всѣ отношенія, которыя могутъ быть утверждаемы или отрицаемы какъ въ математическихъ, такъ и во всѣхъ не математическихъ сужденіяхъ. Не ограничиваясь выводомъ такого понятія о разсужденіи изъ обзора разнообразныхъ актовъ выводной дѣятельности разума, Спенсеръ въ общей характеристикѣ выводныхъ процессовъ, при разъясненіи которой онъ хочетъ выходить ихъ „самаго опредѣленія разума, разсматриваемаго съ его универсальной стороны", стремится вывесть это понятіе изъ этого универсальнаго опредѣленія разума. Здѣсь въ основаніе своихъ разсужденій онъ кладетъ то общее положеніе, что отношеніе „можетъ быть мыслимо только какъ отношеніе нѣкотораго *порядка*, т. е. какъ относящееся къ нѣкоторому *классу* прежде извѣстныхъ отношеній", и отсюда выводитъ, что, „выводя какое-либо отношеніе, мы обязаны думать о немъ какъ о принадлежащемъ (или не принадлежащемъ) къ нѣкоторому классу отношеній; а думать о немъ такимъ образомъ значитъ думать о немъ какъ о сходномъ или несходномъ съ нѣкоторыми другими отношеніями" [2]). И выводъ, понятый въ этомъ смыслѣ, т. е. какъ классификація отношеній, сопоставляется имъ здѣсь съ соотвѣт-

---

[1]) Spenscer. Princ. of Psych. II, 95; р. п. III, 99.

[2]) Ibid. 114—115; р. п. III, 119—120.

ствующимъ процессомъ, касающимся терминовъ (т. е. явленій способныхъ быть поставленными въ отношенія), которые также „могутъ быть мыслимы какъ такіе-то или такіе-то, только будучи мыслимы какъ члены того или другого класса. Такія фразы, какъ: „это—животное"; или: „это—кругъ", или „это—красный цвѣтъ", необходимо подразумѣваютъ, что животныя, круги и цвѣта представлялись уже ранѣе сознанію. И утвержденіе, что это есть животное, кругъ или цвѣтъ, есть лишь группированіе новаго (усматриваемаго) предмета съ подобными ему (воспоминаемыми) предметами" [1]).

Спенсеръ находитъ, сверхъ сказаннаго, нѣкоторую опору для своей реформы теоріи выводовъ и въ нѣкоторыхъ недочетахъ обычныхъ логическихъ теорій. Онъ совершенно справедливо полемизируетъ противъ отожествленія теоріи выводовъ съ силлогистической теоріей и особенно съ попытками свести выводную дѣятельность сознанія къ формулѣ такъ называемой первой фигуры категорическаго силлогизма и совершенно справедливо ставитъ на видъ, что такого рода обобщеніе не можетъ обойтись безъ явно насильственныхъ истолкованій многихъ (напримѣръ, математическихъ, основанныхъ на общихъ аксіомахъ равенства) модификацій выводной дѣятельности [2]). Въ противоположность этой насильственной перекройкѣ однихъ видоразличій выводной дѣятельности по другимъ ея видоразличіямъ, его понятіе объ этой дѣятельности должно представлять такую черту выводныхъ актовъ, которая дѣйствительно тожественна во всѣхъ нихъ и составляетъ самую сущность выводного процесса. Съ другой стороны, обычная логика въ своихъ разъясненіяхъ выводной дѣятельности мысли по преимуществу останавливаетъ свое вниманіе на тѣхъ выводныхъ процессахъ, которые достигаютъ наивысшей степени убѣдительности, и формулы которыхъ поэтому представляютъ нормативныя требованія отъ процессовъ, долженствующихъ удовлетворять обще-научному со-

---

[1]) Этому послѣднему разъясненію Спенсеръ, повидимому, придаетъ особую важность. Оно же и съ тѣмъ же сопоставленіемъ ставится Спенсеромъ на видъ и при общей сводкѣ его взглядовъ на мыслительность вообще. „Самое простѣйшее свойство или отношеніе, говорится здѣсь, не можетъ быть узнано, пока не существуетъ другихъ свойствъ и отношеній, съ которыми каждое изъ нихъ могло бы быть классифицировано, такъ какъ познаніе такого свойства или отношенія есть мышленіе о нихъ какъ о свойствѣ или отношеніи, одинаковомъ съ свойствомъ или отношеніемъ извѣстнаго порядка, т. е. классификація его съ членами этого порядка". Ibid., II, 298—299; р. п. II, 310—311.

[2]) Ibid., II, 95—97; р. п. III, 99—101.

знанію: но она игнорируетъ или, по крайней мѣрѣ, трактуетъ какъ не имѣющіе настоящаго логическаго характера тѣ выводные процессы, которыми постоянно руководится сознаніе въ своей обыденной жизни и которые, служа естественнымъ выраженіемъ одной и той же выводной дѣятельности, не могутъ не обниматься понятіемъ объ этой дѣятельности, если это понятіе должно выражать дѣйствительную ея природу, а не только тѣ ея отправленія, которыя требуютъ, сверхъ того, еще особыхъ условій. Спенсеръ смотритъ и на этотъ фактъ, какъ на недочетъ, который долженъ быть восполненъ его теоріей вывода. Приводя между различными видами выводовъ и такой видъ вывода, а между частными примѣрами другого вида, такой примѣръ, которые не всѣми логиками могли бы быть признаны законными, Спенсеръ въ объясненіе перваго говоритъ [1]): „если многіе люди, чего никто не станетъ отрицать, открывали общія заключенія на основаніи единичныхъ примѣровъ и если, какъ это слѣдуетъ допустить, тотъ умственный процессъ, съ помощью котораго они приходили при этомъ отъ данныхъ къ заключенію, есть всегда одинъ и тотъ же по своей природѣ процессъ, будутъ ли данные его достаточными или недостаточными, въ такомъ случаѣ описаніе или формула этого процесса можетъ вполнѣ правильно заключать и процессы этого рода". Въ объясненіе второго Спенсеръ замѣчаетъ [2]): „большинство тѣхъ дедукцій, которыми мы руководимся въ нашей ежедневной жизни, принадлежитъ къ этому несовершенному порядку, и поэтому, не смотря на свою состоятельность или несостоятельность, онѣ не могутъ быть исключены изъ описанія или изъ формулы дедуктивнаго процесса". Въ виду всего этого Спенсеръ приходитъ къ мысли, которая должна служить оправданіемъ и его общаго понятія о природѣ выводного акта. „Подробное разсмотрѣніе тѣхъ условій, говоритъ онъ [3]), при которыхъ индуктивный выводъ можетъ считаться состоятельнымъ, было бы здѣсь совершенно неумѣстнымъ. Мы обязаны изслѣдовать только тотъ умственный актъ, помощью котораго достигается такой выводъ, а этотъ актъ, со стороны его формы, остается всегда однимъ и тѣмъ же, будутъ ли данные достаточными или нѣтъ". При такомъ взглядѣ на сущность выводныхъ процессовъ, по которому все должно было сводиться къ описанію выводного акта въ такой формѣ, при которой исключалось бы изъ него всякое указаніе на условія его состоятель-

[1]) Ibid., II, 79; p. n. III, 82.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid., II, 83; p. n. III, 86.

ности, конечно, облегчалась возможность описать эту сущность такъ, чтобы въ описаніи не оказалось мѣста никакимъ предположеніямъ, касающимся объекта. Впрочемъ Спенсеръ и независимо отъ этого считаетъ возможнымъ утверждать [1]), что „всеобщій процессъ раціональной мыслительности не можетъ кристаллизироваться въ какомъ-либо единичномъ продуктѣ этой раціональной мыслительности", разумѣя подъ этимъ продуктомъ какую-либо аксіоматическую выраженную формулу.

Однако, какъ ни ясно, повидимому, обрисовывается Спенсеромъ понятіе о выводномъ актѣ, отожествляемомъ съ интуиціей сходства или несходства отношеній и какъ ни всесторонней представляется мотивировка этого взгляда, при внимательномъ разсмотрѣніи этой теоріи нельзя не замѣтить въ ней очень большой и очень сложной запутанности. И эта запутанность тотчасъ же выступаетъ, какъ скоро мы пожелали бы точнѣе опредѣлить, что разумѣется подъ интуиціей сходства или несходства отношеній, когда къ ней сводится актъ вывода.

Выводъ есть, собственно, процессъ установки опредѣленнаго сужденія. А если подъ сужденіемъ, какъ хочетъ въ этомъ случаѣ Спенсеръ, разумѣть утвержденіе опредѣленнаго отношенія между двумя какими-либо вещами, то выводъ можно опредѣлить, какъ установку опредѣленнаго отношенія между двумя какими-либо вещами. Поэтому, если Спенсеръ признаетъ актъ вывода интуиціей сходства или несходства, равенства или неравенства двухъ отношеній (т. е. отношенія между главными терминами выводного сужденія и отношенія между терминами въ посылкѣ или въ посылкахъ), то на эту интуицію можно конечно, смотрѣть только какъ на средство, съ помощію котораго достигается цѣль выводного процесса, установка выводного сужденія или опредѣленнаго отношенія между его главными терминами. Несомнѣнно, что такъ именно и смотритъ Спенсеръ на эту интуицію. Отожествляя постоянно въ продолженіе всего своего обширнаго трактата о выводахъ въ „Основаніяхъ психологіи" выводный актъ съ усмотрѣніемъ или интуиціей равенства или сходства отношеній, Спенсеръ въ самомъ концѣ своихъ разсужденій, желая представить, какъ выражается онъ, апріорное доказательство своего взгляда изъ специфическаго опредѣленія разума, очень опредѣленно говоритъ [2]), что „всякій умозаключитель-

---

[1]) Ibid., II, 95; р. п. III, 99.

[2]) Ibid., II, 115—116; р. п. III, 121—122.

ный или мыслительный актъ (въ противоположность прямому усмотрѣнію отношенія между двумя какими-либо вещами съ помощію внѣшнихъ чувствъ или воспріятія) есть не прямое установленіе опредѣленнаго отношенія между двумя вещами съ помощію процесса установленія опредѣленнаго отношенія между двумя опредѣленными отношеніями".

Это разъясненіе болѣе точнаго смысла, который Спенсеръ соединяетъ съ своимъ понятіемъ о выводномъ актѣ, совсѣмъ не излишне. Оно тотчасъ поднимаетъ въ нашей мысли другой вопросъ: при такомъ опредѣленіи выводного акта въ какомъ же смыслѣ это признаніе сходства или несходства двухъ отношеній, которое служитъ средствомъ къ установленію одного изъ нихъ, можетъ быть названо интуиціей этого сходства или несходства? Если несомнѣнно, что отношеніе одной какой нибудь реальности къ другой, съ которымъ мы не можемъ ознакомиться непосредственно, должно тотчасъ получить возможность сдѣлаться для насъ вполнѣ опредѣленнымъ, установиться въ нашемъ сознаніи, какъ только мы какимъ либо путемъ получили увѣренность, что его мы должны считать сходнымъ съ нѣкоторымъ уже извѣстнымъ намъ отношеніемъ между тѣми или другими явленіями, то не менѣе несомнѣнно и то, что для интуитивнаго констатированія сходства или несходства отношеній, точно также какъ для такого же констатированія сходства или несходства самыхъ явленій или реальностей, если подъ этимъ интуитивнымъ констатированіемъ сходства или несходства разумѣть усмотрѣніе его путемъ непосредственнаго сравненія отношеній или реальностей, конечно, нужно, чтобы сравниваемыя отношенія или реальности обѣ поставлены были созерцательно въ сознаніи. Но какъ же говорить объ интуиціи сходства или несходства такихъ отношеній, изъ которыхъ объ одномъ прямо предполагается, что оно для насъ неизвѣстно и что оно должно быть еще установлено чрезъ самое это признаніе сходства или несходства его съ другимъ уже извѣстнымъ намъ отношеніемъ? И, наоборотъ, если бы оба отношенія были уже извѣстны намъ и потому для насъ имѣлась бы возможность интуитивно констатировать сходство или несходство между ними, какая оказалась бы нужда въ установкѣ какого-либо изъ этихъ отношеній съ помощью этой интуиціи, когда оба они уже извѣстны? И какое значеніе могла бы имѣть эта новая установка одного изъ этихъ отношеній черезъ интуицію сходства его съ другимъ, когда сама эта интуиція предполагаетъ прежнюю установку, и потому новый выводъ, изъ нея сдѣланный относительно фактическаго суще-

ствованія этого именно отношенія, можетъ быть лишь настолько твердъ, насколько прежде твердо установлено было существованіе этого именно отношенія.

Послѣднею сейчасъ высказанною мыслію устраняется и такой выходъ изъ указаннаго затрудненія, на который, повидимому, можетъ указывать особое разъясненіе, даваемое Спенсеромъ дедуктивнымъ процессамъ. „Вмѣстѣ съ представленіемъ нашему чувству нѣкотораго предмета, говорится въ этомъ разъясненіи [1]), нашему уму внушается и нѣкоторое свойство, какъ принадлежащее этому предмету, хотя въ данный моментъ мы и не усматриваемъ этого свойства непосредственнымъ воспріятіемъ. Актъ этотъ простъ и самопроизволенъ; и происходитъ онъ не вслѣдствіе *воспоминанія* о прежнихъ извѣстныхъ сходныхъ отношеніяхъ, но просто вслѣдствіе того *вліянія*, которое они, въ качествѣ прошедшихъ опытовъ, имѣютъ на ассоціацію нашихъ идей. Обыкновенно выводъ, опредѣленный этимъ способомъ, удовлетворяетъ насъ, и мы переходимъ къ какой-либо другой мысли; но если, извнутри или извнѣ, въ насъ закрадывается какое-либо сомнѣніе по этому поводу, тогда мы проходимъ черезъ акты мысли, выраженные въ остальной части нашей формулы (т. е. въ сознаніи является соотвѣтствующая посылка и изъ нея уже устанавливается положеніе), т. е. мы имѣемъ процессъ сознательнаго разсужденія". При такомъ истолкованіи сознательнаго выводного процесса, отношеніе, которое должно стать предметомъ вывода, предшествуетъ самому его выводу, а поэтому, повидимому, нѣтъ затрудненія акту вывода совершиться черезъ интуитивное констатированіе сходства или несходства его съ ранѣе извѣстнымъ намъ уже отношеніемъ. Однако, если даже и принять, что такова именно психологическая сторона и не только во всѣхъ дедуктивныхъ процессахъ, какъ принимаетъ это здѣсь Спенсеръ, но и во всѣхъ вообще выводныхъ процессахъ, то этимъ не устранится разъясненное выше возраженіе. Вѣдь самымъ этимъ описаніемъ психологическихъ прецедентовъ вывода предполагается, что явилось въ сознаніи сомнѣніе въ возникшемъ подъ безсознательнымъ вліяніемъ предшедшаго опыта сужденіи, безъ чего, какъ совершенно справедливо признаетъ здѣсь Спенсеръ, въ сознательномъ выводѣ не оказалось бы совсѣмъ нужды. А въ такомъ случаѣ интуиція, если бы она состояла въ простомъ сравненіи двухъ созерцательно предстоящихъ сознанію отношеній, могла бы, очевидно, только констатировать сходство или не-

[1]) Ibid., II, 101—102; р. п. III, 106—107.

сходство признаннаго сомнительнымъ представленія о дѣйствительномъ отношеніи между извѣстными явленіями, о которомъ должно говорить выводное сужденіе, т. е. простого предположенія объ этомъ отношеніи съ ранѣе извѣстнымъ отношеніемъ между ранѣе существовавшими въ сознаніи явленіями; и въ самой этой интуиціи не будетъ заключаться никакой мысли о томъ дѣйствительномъ отношеніи между первыми явленіями, которое должна составлять содержаніе выводного сужденія.

Конечно, Спенсеромъ предполагается, что сравненіе сомнительнаго предположенія съ посылкой должно служить критической оцѣнкой пригодности или непригодности этого предположенія для того, чтобы считаться точнымъ выраженіемъ остававшагося до этого сравненія неизвѣстнымъ дѣйствительнаго отношенія между опредѣленными явленіями [1]). Но вѣдь для того, чтобы изъ сходства или несходства предположеннаго отношенія между опредѣленными явленіями съ извѣстнымъ уже отношеніемъ между ранѣе проходившими черезъ сознаніе явленіями сознаніе могло выводить соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе этого предположеннаго отношенія между опредѣленными отношеніями дѣйствительному отношенію между ними, — для этого нужно, конечно, чтобы сознаніе уже было увѣрено, что это дѣйствительное отношеніе сходно съ выраженнымъ въ посылкѣ отношеніемъ между ранѣе проходившими чрезъ сознаніе явленіями, т. е., что въ этомъ послѣднемъ отношеніи оно имѣетъ образецъ, соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе которому должно опредѣлять соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе возникшаго предположенія объ отношеніи между опредѣленными явленіями дѣйствительному отношенію между ними. Но въ такомъ случаѣ вся сущность вывода, очевидно, сводилась бы къ этому признанію извѣстнаго уже отношенія между ранѣе проходившими черезъ сознаніе явленіями за образецъ, которому должно слѣдовать сознаніе при сужденіи объ установкѣ возбудившаго его вниманіе отношенія, а ранѣе возникшее предположеніе о послѣднемъ отношеніи и сличеніе его съ этимъ образцомъ отличало бы этотъ процессъ вывода отъ такого процесса, гдѣ такого представленія вовсе не возникало бы предварительно, только тѣмъ, что этотъ процессъ, вмѣсто прямого конструированія выводного сужденія по образцу, который признается въ посылкѣ, получилъ бы видъ

[1]) Такъ дѣйствительно и смотритъ Спенсеръ на силлогистическій выводъ, въ примѣненіи къ которому и проводитъ онъ прежде всего эту теорію о выводномъ сужденіи, предваряющемъ процессъ вывода (ibid., 97—99. р. п. III. 101—103), расширяя потомъ значеніе ея на всѣ дедуктивные процессы.

рѣшенія вопроса, о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи ранѣе образовавшагося предположенія объ этомъ сужденіи этому образцу. Но самая важная сторона въ этомъ процессѣ, все равно, въ какой бы формѣ ни являлось его заканчаніе, т. е. самое признаніе представляемаго посылкой отношенія за образецъ, которымъ должно опредѣляться выводное сужденіе, само, конечно, опять не могло бы быть чистой интуиціей сходства или несходства двухъ отношеній, если подъ этой интуиціей разумѣть констатированіе этого сходства или несходства путемъ непосредственнаго сличенія этихъ отношеній, — не могло бы вслѣдствіе той же причины, вслѣдствіе отсутствія представленія объ одномъ изъ нихъ, именно, о томъ, которое, какъ предполагается должно быть впервые еще установлено чрезъ эту интуицію.

И отсюда ближайшимъ образомъ должно слѣдовать, по крайней мѣрѣ, то, что Спенсерово сопоставленіе актовъ вывода съ такими актами сужденій, гдѣ предмету усвояются свойства, данныя въ воспріятіи, на томъ основаніи, что и такого рода сказуемыя, „даже простѣйшія свойства или отношенія не могутъ быть узнаны, пока не существуетъ другихъ свойствъ или отношеній, съ которыми каждое изъ нихъ могло бы быть классифицировано", а вмѣстѣ съ тѣмъ и Спенсерово отожествленіе выводного процесса съ классифицированіемъ, должны быть признаны неудачными, способными вводить въ заблужденіе. Въ этого рода классифицирующихъ сужденіяхъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда вмѣстѣ съ свойствомъ, дѣйствительно непосредственно даннымъ въ воспріятіи, не предполагается тѣсно связанныхъ съ нимъ и при утвержденіи его подразумѣвающихся другихъ свойствъ, уже непосредственно въ воспріятіи не данныхъ, дѣйствительно весь обусловливающій сужденіе процессъ можетъ исчерпываться чистою дѣятельностью сравненія того, что дано непосредственно, съ ранѣе воспринимавшимися такими же свойствами, и происходящимъ въ силу этого сравненія отнесеніемъ наличнаго предмета, въ которомъ это свойство воспринимается, къ совокупности предметовъ, обнаружившихъ въ прежнемъ опытѣ то же свойство. Но выводъ есть именно та форма установки сужденія, которая идетъ далѣе этого рода приписываній предмету свойствъ, предполагаемыхъ непосредственно данными въ воспріятіи, и имѣетъ цѣлью отнесеніе къ нему того, о чемъ непосредственное воспріятіе не свидѣтельствуетъ. А поэтому выводъ, во избѣжаніе возможныхъ перетолкованій понятія о немъ, долженъ бы былъ вполнѣ опредѣленно сопоставляться лишь изъ сужденій, не требующихъ для развитого сознанія установки чрезъ сознательный выводной процессъ, лишь съ

такими сужденіями, въ которыхъ воспринимаемое въ предметѣ свойство, если выразиться языкомъ Спенсера, такъ консолидировалось чрезъ прежній опытъ съ какимъ-либо другимъ свойствомъ или какими-либо другими свойствами, что отнесеніе къ предмету перваго на основаніи непосредственнаго воспріятія становится и отнесеніемъ къ нему послѣдняго или послѣднихъ вслѣдствіе необходимой связи между ними.

Но если подъ интуиціей сходства или несходства отношеній, къ которой Спенсеромъ сводится выводной процессъ, нельзя разумѣть констатированіе этого сходства или несходства черезъ непосредственное сличеніе ихъ, то не имѣетъ ли права Спенсеръ уравненіе одного отношенія съ другимъ признавать интуиціей въ томъ же смыслѣ, въ какомъ онъ называетъ интуиціями такія сужденія, въ которыхъ связь между основными терминами устанавливалась бы на основаніи ея необходимой мыслимости, конечно, образовавшейся по его теоріи ассоціативнымъ путемъ? Не должно ли это чисто императивное приравниваніе еще неизвѣстнаго, а только имѣющаго установиться чрезъ самый этотъ процессъ отношенія къ отношенію уже извѣстному, слѣдовательно, не могущее опираться на непосредственное сличеніе ихъ какъ фактовъ, — не должно ли оно основываться у Спенсера именно на той же необходимой мыслимости, на которую опираются этого рода интуиціи отношенія предиката къ субъекту, также имѣющія императивный характеръ и также не нуждающіяся для своего усмотрѣнія въ непосредственномъ воспріятіи предиката для отнесенія его къ субъекту? И не вполнѣ ли гармонировалъ бы этотъ взглядъ и съ общимъ ученіемъ Спенсера о значеніи необходимой мыслимости въ процессѣ знанія и съ дѣйствительнымъ характеромъ выводныхъ процессовъ? Однако такъ ли все это на самомъ дѣлѣ?

Выводъ, какъ мы уже говорили, имѣетъ своей задачей не установленіе сходства или несходства между двумя отношеніями, а установленіе сужденія или, по терминологіи Спенсера, отношенія между двумя вещами или явленіями и, слѣдовательно, съ этой стороны не отличается отъ интуиціи, непосредственно устанавливающей сужденія. Не отличается онъ отъ нея и съ той стороны, что исходнымъ пунктомъ этой установки въ обоихъ случаяхъ служитъ, будетъ ли то непосредствено данный или условно предположенный одинъ изъ главныхъ терминовъ имѣющаго быть установленнымъ сужденія, который даетъ мотивъ для этой установки и составляетъ то первое звено ея, къ которому примыкаютъ звенья послѣдующія. И Спенсеръ въ своемъ обзорѣ выводовъ, собственно, имѣетъ въ виду ту безспорно господ-

ствующую и въ своихъ основныхъ видоразличіяхъ простѣйшую группу выводовъ, въ которой этимъ исходнымъ пунктомъ служитъ именно субъектъ имѣющаго быть установленнымъ сужденія [1]), какъ это обыкновенно бываетъ и при интуиціяхъ, съ помощію которыхъ непосредственно устававливается сужденіе. Но съ этого пункта начинается уже существенное различіе между выводнымъ процессомъ и той интуиціей, которою непосредственно устанавливается сужденіе. Въ то время какъ въ послѣднемъ случаѣ для непосредственнаго, а также и для научнаго сознанія ни въ чемъ далѣе не оказывается нужды, такъ какъ съ самымъ понятіемъ субъекта, какъ предполагается при этой интуиціи, связана та принудительность постановки его въ опредѣленное отношеніе къ представленію о другомъ опредѣленномъ явленіи, которая вызываетъ вѣру наивысшей интенсивности, въ выводномъ процессѣ эта установка является обусловленной и притомъ согласно нѣкоторому общему правилу для всѣхъ видоразличій этого рода мыслительной дѣятельности, только модифицирующемуся въ различныхъ группахъ выводовъ соотвѣтственно особенностямъ матеріала, на который въ различныхъ случаяхъ бываетъ обращена эта дѣятельность. Къ этимъ уже внѣшнимъ въ отношеніи къ самому имѣющему быть установленнымъ сужденію условіямъ вѣры относится, конечно, выдвигаемое Спенсеромъ на передній планъ ранѣе уже извѣстное положеніе, въ которомъ въ качествѣ сказуемаго выступаетъ то отношеніе къ опредѣленному другому явленію, которое въ результатѣ выводного процесса должно быть приписано служащему исходнымъ пунктомъ этого процесса субъекту. Но одного этого условія для вывода недостаточно. Для него нужно въ какой бы то ни было формѣ отожествленіе логическое или реальное, полное или частичное, этого послѣдняго субъекта съ субъектомъ ранѣе извѣстнаго положенія, котораго предикатъ долженъ сдѣлаться предикатомъ имѣющаго установиться сужденія. При исходномъ пунктѣ вывода самый вызовъ этого положенія въ сознаніе, „совершающійся ассоціативнымъ путемъ, обусловленъ тѣми свойствами обоихъ субъектовъ, которыя ведутъ къ той или другой формѣ ихъ сознательнаго отожествленія. И доходя до сознанія это отожествленіе оправдываетъ психологиче-

[1]) Правда, въ этомъ же обзорѣ говорится и о гипотезѣ, которая по разъясненіямъ, даннымъ въ моей „Классификаціи выводовъ“, должна быть отнесена къ выводнымъ процессамъ, имѣющимъ своимъ исходнымъ пунктомъ предикатъ выводного сужденія и представляющимъ поэтому нѣкоторыя особыя уклоненія, но Спенсеромъ и эти гипотетическіе процессы ставятся въ одинъ порядокъ со всѣми остальными и истолковываются одинаково.

скую принудительность соединять ранѣе установленный за однимъ изъ этихъ субъектовъ предикатъ съ другимъ [1]). Но трудно видѣть, что Спенсерово отожествленіе природы выводного акта съ интуиціей сходства или несходства отношеній, если разумѣть подъ этой интуиціей императивное требованіе смотрѣть на одно отношеніе, какъ на образецъ, которому должно соотвѣтствовать бывшее доселѣ неизвѣстнымъ другое, указываетъ на то значеніе, которое должна получить при выводѣ одна изъ посылокъ, именно на значеніе образца, по которому должно устанавливаться отношеніе субъекта образующагося сужденія, но оно не даетъ никакихъ опредѣленныхъ указаній на то условіе, которымъ опредѣляется это значеніе этой посылки, какъ будто это значеніе при сознательномъ выводѣ опирается исключительно на образовавшуюся въ той или другой степени ассоціативную принудительность, условія которой не падаютъ въ сознаніе, тогда какъ прямо наоборотъ, выводъ въ различіе отъ сужденія непосредственно очевиднаго именно и есть та форма, въ которой для сознанія фактически ощутителенъ мотивъ, опредѣляющій обращеніе его къ другому сужденію, и эта ощутительность можетъ доходить, а при тѣхъ или другихъ условіяхъ фактически доходитъ до какой угодно отчетливости и опредѣленности. Изъ этого должно слѣдовать, что обычныя логическія формулы выводовъ, въ которыхъ отчетливо ставится на видъ мотивъ происходящаго въ выводномъ сужденіи соединенія предиката бóльшей посылки съ субъектомъ заключенія и значеніе которыхъ для характеристики природы выводного акта отрицаетъ Спенсеръ, полнѣе и отчетливѣе выражаютъ эту природу, чѣмъ Спенсерово опредѣленіе ея, исключающее изъ нея одинъ изъ самыхъ существенныхъ моментовъ этого акта.

Конечно, это исключеніе Спенсеромъ изъ опредѣленія выводного акта одного изъ существенныхъ моментовъ его должно было стоять въ мысли Спенсера въ связи съ разъясненнымъ выше мнѣніемъ его, что въ характеристикѣ природы выводного акта не должны входить условія его состоятельности, такъ какъ эта природа должна быть всегда одинакова, какъ въ выводахъ состоятельныхъ, такъ и въ такихъ выводахъ обыденной жизни, которые признаны состоятельными быть не могутъ. Однако, если въ этой мысли искать прямого основанія для исключенія изъ опредѣленія выводного акта отчетливаго указанія на условіе соединенія въ выводномъ сужденіи съ субъектомъ

[1]) Подробное разъясненіе этого момента выводныхъ процессовъ съ его логической стороны дано мною въ моей „Классификаціи выводовъ“.

предиката, приписаннаго субъекту другого сужденія, то на это, прежде всего, нужно замѣтить, что самая постановка этого условія сознаніемъ въ выводномъ актѣ, все равно, оказывается ли это условіе въ томъ или другомъ данномъ случаѣ достаточнымъ для того, чтобы сдѣлать этотъ актъ состоятельнымъ или не оказывается, составляетъ во всѣхъ выводахъ необходимый моментъ выводного процесса, а поэтому, во всякомъ случаѣ, такое опредѣленіе этого процесса, въ которомъ отчетливо не ставится на видъ это условіе и его значеніе, не можетъ считаться опредѣленіемъ природы этого процесса. Вникая въ вопросъ далѣе, мы, конечно, не можемъ не согласиться, что если подъ условіями состоятельности вывода въ примѣненіи къ посылкамъ, какъ сужденіямъ, мотивирующимъ для самаго сознанія вѣру въ выводное сужденіе, понимать соотвѣтствіе этихъ посылокъ, выставляемымъ логикой нормативнымъ требованіямъ, т. е. требованіямъ, которыя должны удовлетворять общенаучному сознанію, то выводные акты обыденной жизни сознанія постоянно должны оказываться не удовлетворяющими требованіямъ состоятельности. Но это не только не значитъ, чтобы эти акты обычной жизни сознанія не считались самимъ пользующимся имъ сознаніемъ удовлетворяющими нѣкоторымъ требованіямъ, внушающимъ вѣру въ относительную или сравнительную пригодность актовъ, отвѣчающихъ этимъ требованіямъ, для достиженія ихъ познавательной цѣли: вѣдь безъ этого выводной процессъ для самаго совершающаго его сознанія потерялъ бы сполна значеніе выводного процесса, сознательнаго процесса установки истины, а превратился бы въ произвольную комбинацію представленій, не преслѣдующую никакихъ познавательныхъ цѣлей. Но относительно этихъ требованій, удовлетвореніе которымъ при выводѣ должно самимъ сознаніемъ, производящимъ выводъ, считаться въ той или другой степени пригоднымъ для цѣли, нужно утверждать болѣе; о нихъ нужно утверждать, что они родственны съ тѣми требованіями, которыя предъявляетъ для той же цѣли логика въ качествѣ требованій общенаучнаго сознанія, что они представляютъ собою только съ тѣхъ или другихъ сторонъ и въ той или другой степени пониженныя тѣ же самыя требованія. Вѣдь, всякій хорошо знаетъ, что для сознанія, достаточно развившагося для отчетливаго пониманія отвлеченныхъ логическихъ формулъ, ознакомленіе съ ними не можетъ не сопровождаться признаніемъ наивысшей убѣдительности познавательныхъ процессовъ, наиболѣе строго удовлетворяющихъ имъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и признаніемъ преимущества этихъ процессовъ передъ процессами, удовлетворяющими требованіямъ, которыми довольствуется

часто сознаніе въ обычной жизни. Никто, освоившись съ геометрическимъ обоснованіемъ той или другой теоремы, не станетъ искать опоры для убѣжденія въ ней въ случайныхъ наблюденіяхъ фактовъ, которые оказываются согласною съ нею; никто, ознакомившись достаточно отчетливо съ научнымъ обоснованіемъ того или другого закона физики, довѣріе къ которому способно возбуждаться фактами и наблюденіями обыденной жизни, ни на минуту не усумнится въ томъ, что первое несравненно больше удовлетворяетъ требованіямъ его же собственнаго сознанія, чѣмъ ссылка на послѣднія. Если въ обычной жизни сознанія при выводныхъ процессахъ постоянно остаются не во всей строгости выполненными нормативныя требованія, то для объясненія этого здѣсь достаточно указать на громадное значеніе ознакомленія съ дѣйствительностью для всѣхъ активныхъ проявленій, направляемыхъ на удовлетвореніе какихъ то ни было заявляющихъ себя въ сознаніи потребностей, и что вслѣдствіе этого настоятельный запросъ на продукты познавательныхъ процессовъ въ каждый моментъ жизни сознанія идетъ безконечно далѣе, чѣмъ сознаніе имѣетъ фактическую возможность удовлетворить его чрезъ примѣненіе средствъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ общенаучнаго сознанія. Но и при этой общей и постоянной коллизіи въ жизни сознанія, какъ самая цѣль выводныхъ актовъ всегда остается одна и та же—ознакомленіе съ фактическою дѣйствительностью, такъ и путь движенія къ ней по существу остается однимъ и тѣмъ же, опредѣляясь тѣми нормами, которыя и при отвлеченномъ ихъ сознаніи и при фактической непосредственной ихъ оцѣнкѣ, невольно возникающей тамъ, гдѣ оказываются фактически данными оба пріема, какъ научный, такъ и не научный, при установкѣ той же истины выступаютъ въ качествѣ коренящагося въ самой природѣ выводящей дѣятельности указанія на путь, какимъ она должна слѣдовать. И кажущееся различіе пути, опредѣляемаго этими нормами, отъ путей, имъ не отвѣчающихъ, если, конечно, представлять дѣло въ самомъ широкомъ обобщеніи, должно сводиться къ тому, что практическія потребности постоянно застигаютъ естественное движеніе сознанія по этому пути, когда онъ сполна еще не пройденъ, и требуютъ готовыхъ результатовъ въ каждомъ моментѣ этого движенія, и въ силу этого, подобно тому какъ то же происходитъ съ простѣйшими ассоціативными процессами, по необходимости принимается за результатъ то, что въ каждый данный моментъ, только по сравненію со всѣми другими отвѣтами на подлежащій сейчасъ сознанію вопросъ, оказывается отвѣтомъ, наиболѣе отвѣчающимъ нормативнымъ требованіямъ. Абсо-

лютная оцѣнка здѣсь по необходимости уступаетъ мѣсто относительной и сравнительной, значеніе которой однако можетъ только опредѣляться и фактически опредѣляется ея отношеніемъ къ оцѣнкѣ абсолютной. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, понимаемая въ указанномъ смыслѣ несостоятельность многихъ выводовъ, которыми руководится обычное сознаніе, не только никакъ не оправдывала бы не только исключеніе изъ опредѣленія выводного акта вообще характеристики посылки, имѣющей въ ней самой существенное значеніе, но даже и борьбы противъ такого рода истолкованія этой посылки, которое должно принадлежать ей въ общенаучномъ сознаніи.

Впрочемъ, роль, которую играетъ въ выводномъ процессѣ посылка, обусловливающая для самого производящаго выводъ сознанія и право и психологическую принудительность отнесенія въ выводномъ сужденіи къ субъекту предиката ранѣе уже установленнаго сужденія, до такой степени существенна, что никакое описаніе видовъ этого процесса и никакое разъясненіе ихъ безъ очевиднаго подразумѣванія ея, которое такъ или иначе должно выразиться, прямо невозможно. Не могъ избѣжать этого, конечно, и Спенсеръ. На первый взглядъ, правда, представляется, что при разъясненіи тѣхъ видовъ выводовъ, которыми исключительно занимаются обычныя логическія системы, т. е. выводовъ индуктивныхъ и дедуктивныхъ, его отожествленіе выводного акта съ интуиціей сходства или несходства между отношеніями очень удобно приложимо. Подъ отношеніями, сходство которыхъ должно непосредственно усматриваться въ этихъ видахъ выводовъ, Спенсеръ разумѣетъ, съ одной стороны, выводное сужденіе, съ другой, большую посылку, т. е. ту посылку, въ которой при индукціи приписывается частнымъ предметамъ, а при дедукціи классу тотъ предикатъ, который въ выводномъ сужденіи долженъ быть, наоборотъ, отнесенъ при индукціи къ классу, а при дедукціи къ частному предмету. Что же касается отсутствующей меньшей посылки, которая должна утверждать, что частные предметы (при индукціи) или частный предметъ (при дедукціи) относятся къ этому классу, и которая должна объяснять право и психологическую принудительность относить предикатъ большей посылки на субъектъ заключенія, то она очень удобно, повидимому, замѣняется здѣсь тѣмъ, что въ томъ изъ двухъ сужденій, составляющихъ здѣсь весь выводный актъ, въ которомъ идетъ рѣчь о частныхъ предметахъ или частномъ предметѣ, т. е. при индукціи въ большой посылкѣ, а при дедукціи въ выводномъ сужденіи, эти предметы прямо характеризуются родовымъ признакомъ того класса, о

которомъ говоритъ другое сужденіе. Такимъ образомъ, при этихъ двухъ сужденіяхъ не оказывается нужды ни въ какомъ третьемъ сужденіи, такъ какъ эти два сужденія оказываются сходны между собою по обоимъ главнымъ терминамъ: и по субъекту, и по предикату; а потому невольно подкупающей въ свою пользу является мысль, что выводной актъ можетъ быть сведенъ къ чистой интуиціи ихъ сходства.

Однако, это наглядное сведеніе выводного акта къ интуиціи сходства двухъ отношеній оказывается уже затруднительнымъ примѣнить къ другимъ видамъ выводовъ, напримѣръ, къ выводамъ математическимъ на основаніи аксіомъ равенства, къ выводамъ объ одновременности двухъ предметовъ на основаніи одновременности ихъ съ третьимъ и пр., которые Спенсеръ, въ противоположность обычнымъ логическимъ взглядамъ, и совершенно справедливо, разсматриваетъ какъ параллельные съ силлогистическими особые виды выводовъ и только насильственно сводимые къ послѣднимъ. Въ этихъ выводахъ то положеніе, которое играетъ здѣсь роль, соотвѣтствующую роли меньшей посылки, замѣнить, какъ въ дедукціи, характеристикой субъекта выводного сужденія признакомъ класса, о которомъ говоритъ сужденіе, соотвѣтствующее другой посылкѣ, было уже нельзя, такъ какъ въ этихъ выводахъ дѣло идетъ не о перенесеніи классоваго сказуемаго на особь, относящуюся къ классу, на основаніи этой принадлежности ея къ класссу, а о перенесеніи или точнаго количественнаго опредѣленія, или точнаго положенія во времени съ одного предмета на другой на основаніи признаннаго равенства ихъ или признанной одновременности ихъ. Поэтому эти выводы толкуются Спенсеромъ, правда, также какъ интуиція сходства или, точнѣе въ этомъ случаѣ, равенства отношенія, выраженнаго въ выводномъ сужденіи, но уже не съ отношеніемъ, выраженнымъ въ другомъ сужденіи, а съ отношеніемъ, выраженнымъ въ двухъ сужденіяхъ, которыя берутся какъ одно цѣлое вслѣдствіе того, что одинъ членъ у нихъ оказывается общимъ. И, такимъ образомъ, теорія, которая одною изъ своихъ цѣлей ставитъ понять единство умозаключающей функціи въ разнообразныхъ формахъ вывода, не нарушая ихъ относительной самостоятельности, на дѣлѣ оказывается затрудняющей такое пониманіе, такъ какъ, если искать пораллелизма между силлогистической дедукціей (т. е. первой силлогистической фигурой) и выводами, напримѣръ, на основаніи аксіомы равенства двухъ величинъ одной и той же третьей, то, конечно, только при насильственномъ перетолкованіи процесса можно не видѣть, что уравненіе двухъ величинъ одной другой при послѣднихъ выводахъ

играетъ совершенно ту же роль обезпеченія права перенесенія количественныхъ предикатовъ съ одной изъ этихъ величинъ на другую, какую роль въ силлогистической дедукціи играетъ отнесеніе предмета къ классу, т. е. отожествленіе его съ одной изъ особей класса, обезпечивающее перенесеніе предикатовъ класса на этотъ предметъ.

Но и мнимая наглядность примѣненія понятія интуиціи сходства двухъ отношеній къ самимъ дедуктивно силлогистическому и индуктивному выводамъ тотчасъ же исчезаетъ, какъ скоро оказывается для Спонсера нужнымъ войти въ болѣе точное разъясненіе дѣла. При попыткѣ болѣе отчетливаго разъясненія силлогизма первой фигуры Спенсеръ беретъ въ качествѣ примѣра выводъ изъ общаго положенія „рогатыя животныя жвачны" частнаго положенія о жвачности этого опредѣленнаго рогатаго животнаго и при этомъ поясняетъ [1]), что „только вслѣдствіе усмотрѣнія сходства между А и а, т. е. между совокупностію свойствъ, входящихъ въ понятіе о рогатомъ животномъ, и совокупностію свойствъ, представляемыхъ этимъ рогатымъ животнымъ, можетъ всякое такое заключеніе быть состоятельнымъ или даже только представляться нашему сознанію". Само собою понятно, что то же mutatis mutandis должно быть приложимо и къ индукціи. Но если это такъ, то ясно, что въ выводномъ актѣ мы имѣемъ особое сужденіе о сходствѣ двухъ субъектовъ, способное опираться на непосредственномъ сличеніи представленій этихъ субъектовъ, и особое не только отъ „заключенія", т. е. выводного сужденія, такъ какъ оно явно признается его условіемъ, но и отъ утвержденія сходства предикатовъ этихъ субъектовъ, т. е. отъ сходства отношеній этихъ субъектовъ къ опредѣленному явленію, и по той же самой причинѣ, т. е. потому, что оно служитъ условіемъ признанія этого сходства. Вѣдь выводное сужденіе именно рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи даннаго или предположеннаго субъекта къ опредѣленному явленію, и если бы для утвержденія сходства этого отношенія съ отношеніемъ этого явленія къ субъекту уже ранѣе извѣстнаго намъ сужденія не требовалось бы, въ качествѣ условія, признанія сходства между обоими этими субъектами, то его не потребовалось бы въ качествѣ условія и для „заключенія", такъ какъ признаніемъ сходства предикатовъ обоихъ этихъ субъектовъ, т. е. сходства отношеній ихъ къ опредѣленному явленію, какъ скоро предикатъ одного изъ нихъ извѣстенъ, и предикатъ другого устанавливался бы, т. е. разрѣшался бы тотъ вопросъ, отвѣтъ на который должно дать вы-

[1]) Spencer. Princ. of Psych. II, 68—69. p. n. III, 71—72.

водное сужденіе. А отсюда, мнѣ кажется, достаточно явно слѣдуетъ, что по самымъ разъясненіямъ Спенсера должно выходить, что подъ его интуиціей сходства отношеній подразумѣваются два сужденія, сужденіе о сходствѣ субъектовъ и сужденіе о сходствѣ отношеній этихъ субъектовъ къ опредѣленному явленію, и что эти два сужденія относятся другъ къ другу какъ условіе и условное. А потому, если этотъ актъ установки называть интуиціей, то никакъ не интуиціей установки сходства двухъ отношеній, такъ какъ отношенія-то именно и не устанавливаются интуитивно, а выводятся изъ могущаго быть дѣйствительно интуитивно установленнымъ сходства между субъектами. Интуитивнымъ же весь актъ можетъ быть названъ въ смыслѣ интуитивнаго усмотрѣнія связи между признаніемъ сходства субъектовъ и утвержденіемъ права смотрѣть на извѣстное уже ранѣе отношеніе одного изъ нихъ къ опредѣленному явленію какъ на образецъ, которому нужно слѣдовать при разрѣшеніи вопроса объ отношеніи къ тому же явленію другого. А такъ какъ для вывода *опредѣленнаго* заключенія, т. е. не для установленія только права устанавливать предикатъ одного сужденія по предикату другого, а для установленія опредѣленнаго предиката за субъектомъ нужно не только сознаніе сходства этого субъекта съ другимъ, но и наличность сужденія, въ которомъ приписывался бы этому другому субъекту этотъ предикатъ, то Спенсерова интуиція сходства отношеній, при раздѣльномъ представленіи того, что оказывается въ ней спутанно перемѣшаннымъ, очевидно, перейдетъ въ индукцію связи между двумя посылками съ одной стороны и выводнымъ сужденіемъ съ другой,—связи, которая въ самомъ дѣлѣ интуитивна въ томъ смыслѣ, что ни въ непосредственномъ, ни въ научномъ сознаніи при выводномъ актѣ не оказывается ничего, обусловливающаго для этого сознанія вѣру въ эту связь; а это значитъ, что принудительность выводного сужденія здѣсь прямо и непосредственно связана съ сознаніемъ того отношенія посылокъ къ выводному сужденію, анализъ котораго и составляетъ задачу ученія о выводахъ. И, конечно, нѣтъ нужды подробно разъяснять, что, при разъясненіи Спенсерова ученія о выводахъ въ сейчасъ указанной послѣдовательности, общія схемы тѣхъ видоразличій умозаключающей дѣятельности, которыя должны быть признаны состоятельными, должны будутъ выражаться въ тѣхъ самыхъ положеніяхъ, которыя логика частію (силлогистическая и индуктивная формулы выводовъ) принимаетъ уже, частію (напримѣръ, математическіе выводы на основаніи аксіомъ равенства) должна принять за формулы выводныхъ процессовъ, и ко-

торыя, по разъясненному выше значенію для сознанія выводовъ, соотвѣтствующихъ этимъ схемамъ, должны наиболѣе характерно выражать природу выводныхъ актовъ.

Спенсерово разъясненіе сознательныхъ выводныхъ процессовъ по его отношенію къ вопросу, здѣсь занимающему насъ, возбуждаетъ еще особое недоумѣніе. Зависимость сознательныхъ выводныхъ актовъ, хотя бы и по самой ихъ природѣ, отъ тѣхъ или другихъ предположеній сама по себѣ могла не стоять ни въ какомъ противорѣчіи съ основною тенденціей новаго эмпиризма, какъ скоро онъ соединялся у Спенсера съ эволюціонистическою теоріей. Какая была необходимость для эмпириста, развивающаго гипотезу эволюціи, доказывать совершенную безпредвзятость функціонированія такой способности, которая возникаетъ уже на сравнительно высшихъ ступеняхъ эволюціи, а слѣдовательно безъ всякаго противорѣчія съ теоріей можетъ разсматриваться какъ зависящая отъ зарегистрированныхъ уже въ психофизическомъ организмѣ результатовъ продолжительнаго опыта болѣе раннихъ генерацій, пользовавшихся болѣе элементарными познавательными процессами? И разрѣшеніе въ этомъ именно смыслѣ вопроса о значеніи разъясняемыхъ логикой формулъ выводовъ даже очень хорошо гармонировало бы съ тѣмъ, что послѣдовательному эмпиризму во всякомъ случаѣ, какъ мы уже видѣли, оказывается необходимымъ все знаніе, получаемое съ помощію этой высокой познавательной способности, ставить въ зависимость отъ продуктовъ болѣе элементарныхъ процессовъ и со стороны постоянно предполагающихся при выводахъ самыхъ общихъ посылокъ и со стороны того, что играетъ при этихъ выводахъ роль фактическаго матеріала; да и самыя тѣ положенія, которыя считаются формулами выводовъ, безразлично къ тому, считать ли ихъ за положенія, выражающія законы выводныхъ актовъ, или не считать, во всякомъ случаѣ, приходится принимать за зарегистрированные въ психологической организаціи результаты опыта безчисленныхъ прежнихъ генерацій. Необходимость особаго перетолкованія умозаключающей дѣятельности возникала лишь при сознаніи того, что такой взглядъ на сознательные выводные акты, по которому логическія формулы ихъ превращались бы въ законы умозаключающей дѣятельности, ставилъ въ вопросъ и безпредвзятость элементарныхъ познавательныхъ процессовъ. А это сознаніе возникало естественно въ виду того, что самъ собою бросался въ глаза, при послѣдовательномъ проведеніи ассоціанизма, параллелизмъ между тѣми связями, которыя соединяли условія вѣры, съ положеніями, составляющими

предметъ вѣры, въ этихъ элементарныхъ (ассоціативныхъ) познавательныхъ процессахъ, считавшихся неизбѣжною принадлежностью психической жизни съ самыхъ низшихъ ступеней ея, и тѣми связями, которыя въ сознательномъ выводномъ процессѣ соединяли посылки съ выводнымъ сужденіемъ и которыя находили для себя выраженіе въ главнѣйшихъ традиціонныхъ логическихъ формулахъ. Но въ такомъ случаѣ Спенсерова радикальная реформа ученія о выводныхъ процессахъ, если и могла прикрывать въ глазахъ самого Спенсера значеніе явно напрашивавшагося на вниманіе параллелизма формулъ сознательныхъ выводныхъ процессовъ съ условіями порожденія вѣры простѣйшими ассоціативными процессами, то, во всякомъ случаѣ, одна она не могла на самомъ дѣлѣ оправдывать предполагаемой эмпиризмомъ совершенной безпредвзятости знанія. Для этого, кромѣ новаго истолкованія природы выводного акта, требовалось подобное же истолкованіе процессовъ порожденія ассоціативной вѣры, подобное же разъясненіе, что и въ этихъ процессахъ связь условій вѣры съ положеніемъ, возбуждающимъ эту вѣру, не предполагаетъ законовъ, которые могли бы формулироваться въ соотвѣтствующихъ логическимъ выводнымъ формуламъ сужденіяхъ объ объектахъ и, слѣдовательно, связывали бы вѣру, лежащую въ основѣ знанія, съ независимыми отъ опыта предположеніями.

Спенсеръ подобнаго истолкованія ассоціативнаго процесса не даетъ. Ученіе о формулахъ вывода было давно установившимся ученіемъ логики. Наоборотъ, вопросъ о предположеніяхъ, которыя коренились въ законообразныхъ условіяхъ ассоціативной вѣры, въ системахъ логики отчетливо не ставился, да и не могъ ставиться, насколько ассоціативная вѣра не разсматривалась, какъ законный факторъ общенаучнаго сознанія. При такихъ условіяхъ могло казаться совершенно достаточнымъ изъ двухъ процессовъ, имѣвшихъ явную аналогію другъ съ другомъ, остановиться на подробномъ истолкованіи процесса выводного и показать, что при обычныхъ разъясненіяхъ его въ него, какъ предполагалось, совершенно незаконно вносились нѣкоторыя предположенія. Для особаго истолкованія процесса порожденія ассоціативной вѣры не представлялось, повидимому, и повода. Однако, здѣсь крылось большое недоразумѣніе.

Прежде всего, совершенно ясно, что истолкованіе ассоціативнаго процесса порожденія вѣры прямо въ смыслѣ отожествленія этого процесса съ актомъ усмотрѣнія сходства отношеній, т. е. истолкованіе по образцу сдѣланнаго Спенсеромъ толкованія сознательнаго вы-

водного процесса, здѣсь никакимъ образомъ не могло бы быть примѣнено. Хотя въ сужденіяхъ, вѣра въ которыя эмпиризмомъ разсматривается, какъ непосредственный продуктъ простѣйшихъ ассоціативныхъ процессовъ, и субъектъ и предикатъ, конечно, должны считаться сходными съ субъектами и предикатами сужденій о тѣхъ явленіяхъ, которыя, какъ проходившія ранѣе въ огромномъ количествѣ передъ сознаніемъ, должны считаться условіемъ психологически необходимымъ для возникновенія этой вѣры; однако, въ этомъ процессѣ вовсе не предполагается даже одновременнаго существованія въ сознаніи устанавливаемаго сужденія съ этими другими сужденіями, а, слѣдовательно, не можетъ предполагаться и какихъ-либо актовъ, которые могли бы быть истолкованы въ смыслѣ актовъ усмотрѣнія сходства между ними. Еще важнѣе при этомъ другая сторона дѣла. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эти процессы самымъ непосредственнымъ образомъ должны сводиться къ Спенсерову общему закону психической жизни, одинаково господствующему на всѣхъ ступеняхъ ея развитія и обнимающими, конечно, на ряду со всѣми другими и познавательныя ея явленія. По этому закону [1]), „когда два какія-нибудь психическія состоянія происходятъ непосредственно одно за другимъ, то результатъ этого бываетъ таковъ, что когда впослѣдствіи первое изъ этихъ состояній (т. е., конечно, однородное съ первымъ) снова является въ сознаніи, то въ сознаніи оказывается стремленіе къ тому, чтобы за этимъ первымъ состояніемъ послѣдовало сейчасъ же и второе". При этомъ, конечно, предполагается, что „различныя степени стойкости этихъ отношеній пропорціональны, при прочихъ равныхъ условіяхъ, многочисленности повтореній соотвѣтствующихъ впечатлѣній"; и отсюда должно выходить, что „безчисленное количество впечатлѣній извѣстнаго рода произведетъ психическое отношеніе, которое будетъ неразрывнымъ". Если мы примѣнимъ этотъ законъ къ явленіямъ въ собственномъ смыслѣ познавательнымъ, то намъ останется только прибавить, что эта связь вновь возникшаго, однороднаго съ прежними явленія или представленія съ представленіемъ объ явленіяхъ, сопутствовавшихъ прежнимъ явленіямъ, находитъ свое выраженіе въ вѣрѣ въ образовавшееся такимъ образомъ сужденіе, которая, по Спенсеру, какъ мы знаемъ, должна достигать наибольшей интенсивности именно при неразрывности самихъ представленій. Но въ такомъ случаѣ непосредственная ассоціативная вѣра самой высшей, какая только воз-

[1]) Spencer. Princ. of Psych. I, 424—425, p. n. II, 143—144.

можна для человѣческой познавательной способности, интенсивности, слѣдовательно, вѣра, всего точнѣе характеризующая природу этой способности именно какъ познавательной способности, оказывается по общему закону всей психической жизни опредѣленной такими условіями, при которыхъ, какъ это подробно разъяснено выше [1]), она предполагаетъ, смотря по субъекту сужденія, возбуждающаго вѣру, или индуктивную или первую силлогистическую формулу выводовъ. Такимъ образомъ, перетолкованіе этой вѣры здѣсь затруднено тѣмъ самымъ, что она признана результатомъ простѣйшихъ ассоціативныхъ процессовъ, подчиненныхъ опредѣленному закону. А, между тѣмъ при значеніи результатовъ этой вѣры для всего знанія съ тѣмъ вмѣстѣ остается во всей силѣ и зависимость всего знанія отъ предположеній, обусловливающихъ эту вѣру, не смотря не попытку преобразованія теоріи выводныхъ процессовъ съ цѣлью устранить значеніе этихъ предположеній. Даже нужно сказать болѣе. При обнаруживающейся у самаго Спенсера аналогіи процессовъ выводныхъ съ ассоціативными процессами порожденія вѣры самая эта попытка является совершенно излишнимъ новымъ противорѣчіемъ его ассоціанистической теоріи. Если, отстаивая свой взглядъ на выводной актъ, какъ неопредѣлимую далѣе интуицію сходства отношеній, онъ утверждаетъ, что „всеобщій процессъ раціональной мыслительности не можетъ кристаллироваться въ какомъ-нибудь единичномъ продуктѣ этой мыслительности", то какъ согласить это съ тѣмъ, что по общему смыслу его философской системы вся познавательная дѣятельность должна сводиться посредственно или непосредственно къ примѣненію къ актамъ знанія того опредѣленнаго положенія, которое называетъ онъ основнымъ закономъ психической дѣятельности? И если онъ за положеніями, которыя принимаются за формулы выводовъ, отрицаетъ это значеніе на томъ основаніи, что въ нихъ утверждаются отношенія между объектами, а не отношенія между мыслями, то какъ это согласить съ тѣмъ, что по его же ученію объ условіяхъ ассоціативной вѣры, опредѣленныхъ общимъ закономъ психической жизни, въ каждомъ актѣ этой вѣры должно подразумѣваться нѣкоторое подобное же положеніе объ отношеніяхъ между объектами, а при актѣ вѣры наивысшей интенсивности должны подразумѣваться прямо эти самыя положенія, которыя считаются за логическія формулы выводовъ?

Такимъ образомъ и попытка Спенсера избѣжать усмотрѣнной уже

[1]) Выше II. 1.

Юмомъ необходимости, при превращеніи познавательной способности въ ассоціативный механизмъ, отожествлять ее съ инстинктомъ, повела только къ тому, къ чему единственно она и могла приводить, къ насильственному перетолкованію познавательныхъ процессовъ и къ явнымъ непослѣдовательностямъ.

М. Каринскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Замѣтки по русскому языку.

Проф. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій*. Руководство къ изученію синтаксиса русскаго языка и грамматики русскаго языка. (Изд. Т-ва Сытина, М. 1907 г.).
Его же. Грамматика русскаго языка (Изд. Т-ва Сытина, М. 1907 г.).

Уже изъ предисловія къ „Руководству..." мы узнаемъ, что по отношенію къ болѣе раннему труду того же автора „Синтаксису русскаго языка" „Руководство" представляетъ собою въ большинствѣ главъ новый трудъ, и лишь часть „Синтаксиса" вошла въ „Руководство" въ сокращенномъ и нѣсколько измѣненномъ видѣ. „Грамматика" же представляетъ уже во многомъ приспособленіе новаго труда къ преподаванію въ младшихъ и среднихъ классахъ. Тѣмъ большій интересъ, такимъ образомъ, должны представлять вновь вышедшія книги для каждаго интересующагося изученіемъ русскаго языка, а также преподаваніемъ его въ средней школѣ.

Исходя изъ совсѣмъ иныхъ воззрѣній, каковымъ должно быть „Руководство", я иногда буду выходить изъ рамокъ разбора и касаться нѣкоторыхъ вопросовъ болѣе подробно, по существу ихъ.

I.

„*Синтаксисъ* составляетъ часть *грамматики, изучающую грамматическія формы словъ въ различныхъ сочетаніяхъ этихъ формъ, преимущественно въ тѣхъ сочетаніяхъ, которыя извѣстны подъ именемъ предложеній*".

Такимъ опредѣленіемъ синтаксиса начинается „Введеніе" къ „Руководству". Далѣе авторъ стремится опредѣлить понятіе „грамматической формы", введенной имъ въ опредѣленіе синтаксиса. Грамматическая форма, принадлежность языка, принадлежность слова, это

какъ бы часть послѣдняго (послѣднее дѣлится на 3 части: звуковая форма, значеніе слова и грамматическая форма). Грамматическая форма есть „умственный процессъ, совершающійся далеко отъ свѣтлой точки сознанія“ (8). Выдѣленная силой воображенія грамматическая форма скажетъ намъ, что извѣстное слово такая, а не иная часть рѣчи, что оно имѣетъ признакъ извѣстнаго рода, что оно поставлено въ извѣстномъ падежѣ и пр. Грамматическая форма можетъ находиться въ явномъ противорѣчіи съ значеніемъ слова. „Грамматическая форма есть нѣчто особое, отличное отъ самаго значенія слова—она—только *способъ изображенія въ словѣ представленій и понятій*... (10). Грамматическая форма даетъ возможность образованію предложеній.

Послѣ всего этого авторъ приходитъ къ новой формулировкѣ понятія синтаксиса: „синтаксисъ изслѣдуетъ *участіе грамматическихъ формъ въ мышленіи человѣческомъ*“ (10).

Такъ какъ грамматическія формы измѣняются съ временемъ, то изученіе этихъ измѣненій должно относиться къ историческому синтаксису, который долженъ быть и сравнительнымъ. Авторъ же задается цѣлью изученія современнаго строя русскаго языка.

Вотъ главныя мысли введенія. Уже въ ихъ развитіи замѣчается какая-то неясность, неточность. Возьмемъ хотя бы это слово „*преимущественно*“, которое встрѣчается на первыхъ же строкахъ, при опредѣленіи понятія „синтаксисъ“. На ту же неопредѣленность наведетъ насъ и выраженіе „*подъ именемъ предложенія*“, если вспомнимъ, сколько путаницы вносится съ понятіемъ „предложенія“.

Не такъ-то легко дать опредѣленіе синтаксиса. Если возьмемъ извѣстный трудъ Миклошича, посвященный синтаксису славянскихъ языковъ, и труды, посвященные русскому синтаксису—Буслаева и Потебни, то увидимъ даже, что исходныя точки воззрѣній этихъ ученыхъ на синтаксисъ были разныя. Даже въ нѣмецкой научной литературѣ, сравнительно богатой трудами по синтаксису, до сихъ поръ понятіе о томъ, что такое синтаксисъ, каковы его границы съ другими частями грамматики, и потому, каково его содержаніе, до сихъ поръ представляется различнымъ у разныхъ изслѣдователей. Желаніе положить хотя отчасти предѣлъ такому неопредѣленному положенію вызвало извѣстную книгу *Ries*'a *Was ist Syntax?* (Marburg, 1894). Книга эта цѣнна, не смотря на нѣкоторую излишнюю повторяемость, нѣкоторый полемическій тонъ, сказывающійся особенно при опроверженіи системы Миклошича и его послѣдователей.

Мнѣ и думается, что всѣ эти вполнѣ неудовлетворяющія попытки дать опредѣленіе синтаксиса, разница въ дѣленіи самой грамматики должны обусловливать необходимость для составителя „руководства" остерегаться догматичности. Мнѣ казалось бы необходимымъ указать на все это въ „Введеніи", затѣмъ подкрѣпить то или другое положеніе или дать, наконецъ, свое, но такъ, чтобы читающій могъ сознательно разобраться, стать на ту или другую сторону. И такъ нужно было продолжать во всѣхъ отдѣлахъ.

Конечно, всякая наука должна начинаться съ самоопредѣленія. Въ этомъ самоопредѣленіи, съ одной стороны, оправданіе ея существованія, съ другой, опредѣленіе ея области, границъ, отмежевывающихъ ее отъ другихъ наукъ. Неопредѣленность же въ пониманіи „синтаксиса" обусловливается большой близостью этого отдѣла науки къ другимъ отдѣламъ.

Синтаксисъ часть „грамматики", грамматика же часть обширной науки о языкѣ. Прежде всего, важенъ, такимъ образомъ, вопросъ, какъ нужно понимать само слово „языкъ". „Человѣческій языкъ есть членораздѣльное выраженіе мысли посредствомъ звуковъ", такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ Габеленцъ въ своемъ трудѣ: Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben... (Leipzig, 1901, 3). И вотъ, какъ не подходитъ эта дѣйствительно вѣрная формулировка къ той, которая у насъ обыкновенно проводится, къ „членораздѣльности звуковъ" — такъ какъ и звуки, издаваемые животными, членораздѣльны, но въ этихъ звукахъ не передается такая разложимость, „членораздѣльность мысли". Въ обширной наукѣ о языкѣ задача синтаксиса—изучать законы образованія нашей связной рѣчи. Прямая, непосредственная задача синтаксиса, это такъ называемыя „управленіе и согласованіе". Но все же нельзя всецѣло выдвигать здѣсь грамматическія формы. Выдвигая эту точку зрѣнія, мы незамѣтно перейдемъ отъ болѣе связной задачи синтаксиса—изученія связной рѣчи къ изученію тѣхъ Wortklassen и Wortformen, которые выдвигалъ Миклошичъ въ своемъ синтаксисѣ. Затѣмъ, куда же какъ не къ синтаксису мы должны отнести и такъ называемыя „музыкальныя" средства въ образованіи предложеній. Рисъ совершенно справедливо указывалъ на важность ихъ при различеніи самостоятельныхъ и несамостоятельныхъ предложеній. И дѣйствительно, возьмемъ примѣры — ты говоришь: „я боленъ", ты говоришь, я боленъ. На эту сторону при изученіи синтаксиса обращалъ вниманіе и русскій педагогъ г. Тростниковъ въ своихъ „Запискахъ по русской граматикѣ". Въ приведенныхъ случаяхъ синтаксисъ какъ-

то незамѣтно соприкасается уже съ риторикой. Я бы сказалъ вообще здѣсь о значеніи ударенія (экспираторномъ и музыкальномъ). Къ задачамъ синтаксиса должно относиться и изученіе значенія разстановки словъ. О нашемъ языкѣ говорятъ, что въ немъ вольная постановка словъ. Но это не совсѣмъ такъ: съ извѣстной разстановкой соединяется и измѣненіе оттѣнковъ смысла, не говоря уже о томъ, что и у насъ иногда та и другая постановка позволяетъ различать подлежащее отъ дополненія (напр., при среднемъ родѣ).

Говоря о фонетикѣ, морфологіи и синтаксисѣ какъ частяхъ грамматики, проф. Овсянико-Куликовскій не упоминаетъ о семасіологіи, соединяя этотъ отдѣлъ, очевидно, съ синтаксисомъ, но, судя по „Руководству“, это соединеніе не представляется проведеннымъ послѣдовательно.

Я здѣсь упомяну о любопытномъ дѣленіи грамматики въ указанной книгѣ Ries'а:

Объектъ.		Отдѣльное слово.	Сочетаніе словъ.
Разсмотрѣніе со стороны.		Ученіе о словѣ.	Синтаксисъ.
Формы.	Ученіе о формахъ (Formenlehre).	I. Ученіе о формахъ словъ.	III. Ученіе о формахъ синтаксическихъ оборотовъ.
Значенія.	Ученіе о значеніи (Bedeutungslehre).	II. Ученіе о значеніи словъ.	IV. Ученіе о значеніи синтаксическихъ оборотовъ.

Такимъ образомъ, Formenlehre и Bedeutungslehre являются лишь углами зрѣнія, подъ которыми изучается или отдѣльное слово, или сочетаніе словъ. Дѣленіе грамматики получается на 1) Lautlehre, 2) Wortlehre, 3) Syntax. Такимъ образомъ, Formenlehre разсматриваетъ со стороны внѣшней, Bedeutungslehre — внутренней. Правда, и въ этомъ, повидимому, такомъ стройномъ дѣленіи есть недочеты: ученіе о значеніи словъ должно переносить насъ въ область жизни словъ въ сочетаніяхъ.

Въ отсутствіи общепризнаннаго опредѣленія для синтаксиса Рисъ видитъ большой вредъ для науки. Мнѣ же кажется, что это преувеличеніе: и трудъ Миклошича, и труды Потебни, не смотря на совершенно разные углы зрѣнія, останутся цѣнными вкладами въ науку.

Когда мы быстро читаемъ, мы не отдаемъ себѣ отчета въ отдѣльныхъ словахъ. Здѣсь происходитъ какъ бы такой же процессъ, что со звукомъ въ рѣчи.

Мнѣ кажется, что разъясненіе процесса этого быстраго чтенія, процесса быстрой рѣчи, когда изъ многихъ словъ складываются немногія понятія, на первыхъ же порахъ было бы важно при изученіи синтаксиса.

Какъ при данныхъ процессахъ улавливается то общее, такъ при произнесеніи отдѣльнаго слова улавливается прежде всего его лексическое значеніе. Затѣмъ уже можетъ быть обращено вниманіе на звуковую форму путемъ отвлеченія, а далѣе, но *не всегда* и *не для всѣхъ*, можетъ обратить на себя вниманіе грамматическая форма. Если теперь послѣдняя отвлекается путемъ уже научнаго мышленія, то для глубокой древности дѣло обстояло не такъ. Слѣдовательно, форма грамматическая—понятіе относительное.

Она иногда также обусловливается опредѣленнымъ мѣстомъ, логическимъ удареніемъ. Если мы будемъ говорить о сферѣ „сознательной" и „безсознательной", о точкѣ сознанія, именуемой „вниманіемъ", то окажется слѣдующее: можно вызвать изъ сферы „безсознательной", напримѣръ, звукъ, но для грамматической формы нужно не одно вниманіе. Все это я веду къ тому, что, разсматривая съ *современной* точки зрѣнія, нельзя дѣлить какъ бы на три *одинакихъ* части: легко отдѣлить звуковую сторону (фонетика), но труднѣе произвести дальнѣйшее дѣленіе.

Въ ходѣ созданія и развитія языка мы имѣемъ дѣло съ различными факторами. Нужно думать, что на первыхъ порахъ такъ называемая „грамматическая форма" совпадала съ представленіемъ.

Если затѣмъ мы видимъ странныя отклоненія, то это объясняется часто аналогіей или внесеніемъ какого-либо признака, теперь уже исчезнувшаго для нашего сознанія. Вотъ поэтому-то, а не по чему другому объясняются такіе случаи, какъ мужчина (ср. женщина), воевода (ср. слуга), das Weib и пр. Если грамматическая форма въ существительныхъ была первоначально результатомъ извѣстнаго воззрѣнія на предметъ, его одухотворенія, то такія существительныя, какъ *бѣлизна* и пр. вовсе не фиктивны, какъ называетъ ихъ Овсянико-Куликовскій. Нельзя въ этомъ случаѣ руководиться содержаніемъ термина „существительное“: вѣдь, этотъ терминъ по своей сущности для настоящаго времени не является строго грамматическимъ.

Если задаваться цѣлью выясненія характера частей рѣчи, то мнѣ кажется, что и при изученіи только современнаго синтаксиса нужно обращаться къ даннымъ синтаксиса историческаго, иначе многое будетъ непонятнымъ.

II.

Первая глава „Руководства“ посвящена „частямъ рѣчи“. Мнѣ кажется, что тотъ методъ изложенія, къ которому прибѣгаетъ авторъ, разъясняя разницу между употребленіемъ словъ, имѣющихъ соотвѣтствіе въ дѣйствительности, и „фикцій“, можетъ повести къ нѣкоторому заблужденію. Если „пять“, „дюжина“ и пр. подводятся подъ категорію предмета, то это не потому, что „я, опять прибѣгая къ полезной фикціи, изображаю въ словѣ эти признаки такъ, какъ будто они своего рода особые предметы“ (13). Эти слова подводятся подъ категорію предмета, потому что они тѣсно сливаются съ дѣйствительно предметными словами.

Я не могу согласиться и съ самимъ дѣленіемъ существительныхъ на „подлинно-существительныя“ и „фиктивныя существительныя“. Мнѣ такая точка зрѣнія не представляется строго грамматической. Если сообразоваться со словами автора, то придется группы существительныхъ передвигать даже въ современномъ строѣ рѣчи сообразно образованію людей: для одного „огонь“—подлинное существительное, для другого—„фиктивное“, о чемъ говоритъ и самъ авторъ.

Между языкомъ и научнымъ мышленіемъ въ настоящее время замѣчаются противорѣчія: трудно языку—орудію массы угнаться за научными результатами, далеко не сдѣлавшимися еще общимъ достояніемъ. Мы говоримъ: „солнце всходитъ, заходитъ“, твердо зная, что солнце не вращается около земли. И даже тогда, когда это убѣ-

жденіе сдѣлается общимъ, мы все же, можетъ быть, останемся при этомъ условномъ, образномъ выраженіи. Нашему языку не вредятъ и такія выраженія: „городъ приближается", когда, собственно, мы приближаемся къ городу. Нельзя поэтому относиться съ такой горячностью къ подобнымъ противорѣчіямъ, какъ то мы находимъ въ любопытномъ сочиненіи Маутнера (Zur Grammatik und Logik, Stuttg.-B., 1902, III, 80—82).

Сохраненіе подобныхъ выраженій показываетъ, что будутъ сохранены и выраженія—*древо зелено* и пр. (несмотря на то, что новѣйшія открытія, особенно съ изслѣдованій Гельмгольца, показываютъ, что подъ различными *свойствами* скрываются, въ сущности, *движенія*). И если приведенное выраженіе хотя отчасти можно еще замѣнить болѣе соотвѣтствующимъ научному воззрѣнію (зеленѣетъ), но есть общеупотребительныя выраженія, которыя совсѣмъ уже трудно поддаются замѣнѣ: дождь орошаетъ поля, вода вращаетъ мельничное колесо, магнитъ притягиваетъ желѣзо и пр. (Ср. Маутнеръ, ibid. 81), выраженія, вытекающія изъ миѳическихъ воззрѣній, одухотворяющихъ различныя явленія.

Много подобныхъ несоотвѣтствій между языкомъ и научнымъ мышленіемъ, и вносить понятіе фикціи въ примѣненіи къ грамматическимъ категоріямъ не приходится (у проф. Овсянико-Куликовскаго и дальше проведено ученіе о фикціи въ другія части рѣчи).

Въ общепризнанномъ дѣленіи на части рѣчи мы можемъ замѣтить непослѣдовательность, отсутствіе единства дѣленія: имя существительное, прилагательное—по значенію (существо, свойство, качество), а уже мѣстоименіе—часть рѣчи, замѣняющая... Само опредѣленіе частей рѣчи дается обыкновенно далеко отъ точности. Прилагательное—наименованіе свойства или качества предмета, при чемъ забывается, что свойство и качество обозначаются и существительнымъ: доброта, чернота... Глаголъ—наименованіе дѣйствій, состояній, но такимъ же наименованіемъ является и имя существительное: дѣланіе, любовь и пр. Нельзя, конечно, въ грамматическомъ отношеніи дѣлить слова по тѣмъ понятіямъ, по которымъ они соотвѣтствуютъ реальному міру. Нужно дѣлить по роли ихъ въ связной рѣчи. Черный, чернота, чернѣть—все это обозначеніе свойства, но обозначеніе разное.

Сколько путаницы даже въ такихъ нашихъ грамматическихъ терминахъ, какъ „части рѣчи" и „части предложенія", отмѣчаетъ г. Бикъ (Педаг. Сборн., 1901, № 389): имя существительное, прилагательное,

глаголъ...—части рѣчи; рѣчь состоитъ изъ предложеній, eo ipso части рѣчи=предложеніямъ, а не составляютъ части предложенія...

Въ своемъ „Синтаксисѣ" проф. Овсянико-Куликовскій насчитывалъ 10 частей рѣчи: 1) имя существительное, 2) имя прилагательное, 3) глаголъ, 4) причастіе, 5) дѣепричастіе, 6) нарѣчіе, 7) мѣстоименіе, 8) предлогъ, 9) союзъ, 10) имя числительное. И уже здѣсь справедливо вполнѣ исключено междометіе (32). Въ „Руководствѣ" мы видимъ измѣненія. Такъ, мѣстоименія и числительныя отнесены уже либо къ существительнымъ (существительныя-числительныя, сущ.-мѣстоим.) или къ прилагательнымъ и нарѣчіямъ. Причастія не занимаютъ уже такого самостоятельнаго положенія, они отнесены къ прилагательнымъ, составляя здѣсь особую рубрику — прилагательныхъ, обладающихъ нѣкоторыми свойствами глагола. Въ такомъ же родѣ сдѣлано сближеніе дѣепричастія съ нарѣчіемъ.

Въ томъ дѣленіи, которое даетъ „Руководство", какъ-то болѣе послѣдовательно проводится принципъ семазіологическій. Это замѣтно также и въ тѣхъ видовыхъ подраздѣленіяхъ, которыя даются далѣе авторомъ.

Наведемъ же теперь нѣкоторыя историческія справки. Уже въ извѣстныхъ древнихъ греческихъ грамматикахъ мы видимъ установленіе то 8, то 9 частей рѣчи. Намъ казалось бы, что въ „Руководствѣ" слѣдовало бы хотя отчасти, затронуть эти дѣленія хотя бы ради странныхъ для насъ грамматическихъ терминовъ. Въ грамматикѣ Діонисія Ѳракійскаго мы находимъ такія дѣленія: 1) ὄνομα, 2) ῥῆμα, 3) μετοχή, 4) ἄρθρον, 5) ἀντωνυμία, 6) πρόθεσις, 7) ἐπίρρημα, 8) σύνδεσμος. У другихъ еще 9) ἀπαρέμφατος [1]). Мы не видимъ здѣсь различія между именемъ существительнымъ и прилагательнымъ. Для Аполлонія Дискола подъ ὄνομα подходятъ и наши существительныя, прилагательныя, числительныя и часть мѣстоименій (ср. Добіашъ, Синтаксисъ Апол. Д. Кіевъ 82, 42). У Аристотеля мы не находимъ разграниченія между существительнымъ и прилагательнымъ: для Аристотеля ἐπίθητον—есть имя существительное особаго рода. Постепенно изъ ὀνόματα получались ὀνόματα οὐσιαστικά для обозначенія οὐσία и затѣмъ для обозначенія ποιότης. Въ нашихъ общепринятыхъ названіяхъ:

---

[1]) Вообще же число частей рѣчи въ греческихъ грамматикахъ разное: отъ 2 до 10 и болѣе, но болѣе часто 8. Ср., напр., Prolegomena къ Ѳеодосію Грам. Георгія Херовоска (Gramm. Graeci I, изд. Teubner, 104). Характерно, что ἀντωνυμία терминъ не сразу выработавшійся, ранѣе названіе было σημειώσεις, ὡρισμένα ἄρθρα.

имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, съ этимъ добавленіемъ „имя“ узнается связь съ этимъ ὄνομα, но, конечно, не въ періодѣ нераздѣленія, а въ дальнѣйшій. Наши старинныя грамматическія наставленія заимствовали вполнѣ 8 частей рѣчи: имя, рѣчь, причастіе, различіе, мѣстоименіе, предлогъ, нарѣчіе, союзъ. Вносился, какъ видимъ, терминъ „различіе“, подогнанный къ греческому, при чемъ въ качествѣ его выставлялось мѣстоименіе *иже*... Это было сдѣлано подъ давленіемъ греческихъ образцовъ, но развѣ и теперь мы освободились отъ этихъ традиціонныхъ указокъ?

Вернемся теперь къ „Руководству“. Вполнѣ, напримѣръ, соглашаясь съ извѣстнаго рода выдѣленіемъ причастій въ особую рубрику прилагательныхъ (ср. также и объясненіе μετοχή въ греческихъ грамматикахъ: μετέχουσα καὶ τῆς ὀνομαστικῆς συντάξεως καὶ τῆς ῥηματικῆς, Добіашъ, ibid, 93), я бы также стоялъ на извѣстномъ выдѣленіи и неопредѣленнаго „наклоненія“, этой ὄνομα πραγμάτων (наименованія дѣйствія), формы, которая и раньше отдѣлялась отъ глагола, которая и у нѣкоторыхъ современныхъ изслѣдователей получила самостоятельное значеніе (Некрасовъ, Добіашъ). Между тѣмъ, эта форма, лишенная даже званія „наклоненія“ [1]), является какой-то, въ сущности, обездоленной, непризнанной.

Однако, и выдѣленіе неопредѣленнаго не измѣнитъ сущности, и все дѣленіе на части рѣчи не можетъ претендовать на строгость проведенія извѣстнаго принципа дѣленія. Мнѣ казалось бы, что нужно обратить вниманіе на слѣдующее. На страницахъ уже письменности мы открываемъ, что нѣкоторыя части рѣчи образовались позже. Въ древне-церковно славянскомъ языкѣ, напримѣръ, нѣтъ дѣепричастій. Нѣкоторые предлоги ясно указываютъ на начало свое изъ нарѣчій, послѣднія изъ прилагательныхъ. Чѣмъ дальше вглубь, тѣмъ большую мы видимъ близость прилагательнаго къ существительному (отъ прилагательныхъ и теперь сплошь и рядомъ образуются существительныя). Между именемъ (прилагательнымъ и существительнымъ) и глаголомъ можно также найти связующія звенья, можно говорить о первоначальности соединенія, отчасти напоминающаго причастіе. Нужно помнить, что вначалѣ передаваемое словомъ обозначало цѣлое воспріятіе, слово одно являлось цѣлой рѣчью. При видѣ восходящаго солнца

[1]) Наклоненіе—ἔγκλισις—обозначаетъ *измѣненіе* (по числамъ и лицамъ). Поэтому уже нельзя назвать форму неизмѣняющуюся—„неопредѣленное“—наклоненіемъ.

вырывался извѣстный звукъ, этотъ звукъ, повторяясь и усвоиваясь, дѣлался уже въ настоящемъ значеніи словомъ. Но это слово передавало то, что передаетъ у насъ имя+глаголъ. Заходящее солнце вызывало *другой* звукъ. Звукъ становился, будучи повторенъ, словомъ, потому что слово есть уже результатъ апперцепціи. Что образовалось изъ слова—предложенія по дифференціаціи имени отъ глагола, оставалось ли имя или имя—причастіе, какъ думалъ Потебня (Изъ записокъ по р. гр. II, 88), трудно сказать. Наше причастіе, конечно, не то, что это предполагаемое причастіе—имя. Въ послѣднемъ имя+признакъ, производимый энергіей предмета, но безъ всякаго отношенія къ времени, видамъ, залогамъ, само же это, можетъ быть, болѣе приближалось къ нашему прилагательному. Во всякомъ случаѣ, намъ здѣсь особенно важно то, что постепенно начинаютъ выдѣляться *имя* и *глаголъ*. И если мы посмотримъ на извѣстныя намъ глагольныя формы, то увидимъ, что въ развитіи глагола является нѣкоторая аналогія развитію имени: „неопредѣленное“ своего рода глагольное существительное, причастіе—глагольное прилагательное, дѣепричастіе—глагольное нарѣчіе, есть даже случаи окаменѣній, образующихъ союзы. И вотъ въ основу дѣленія нужно положить *имя* и *глаголъ*. Наряду съ этимъ я выдвинулъ бы и „*мѣстоименія*“ (терминъ, въ сущности, совершенно неправильный). „Мѣстоименія“ отличаются отъ существительныхъ и прилагательныхъ тѣмъ, что опредѣляютъ предметъ, не выдвигая какое-либо качество или свойство, прежде всего указывая. „Мѣстоименія“ личныя, можетъ быть, первоначально могли бы считаться болѣе существительными, чѣмъ сами „существительныя“. И въ развитіи мѣстоименій шелъ такой же процессъ какъ въ развитіи имени и глагола: я—этотъ, онъ—тотъ, такъ и пр., т. е. получались тѣ же формы прилагательныхъ, нарѣчій, союзовъ. Если мы примемъ указанный принципъ дѣленія, то сама классификація станетъ яснѣе, послѣдовательнѣе, и намъ не придется изъ одного разряда словъ переносить въ другой, насильственно отнимая отъ ближайшихъ родственниковъ по происхожденію. Тогда мы не въ правѣ будемъ отнести, напримѣръ, какъ дѣлаетъ Овсянико-Куликовскій, слова—*какой*, *такой* и пр. къ прилагательнымъ — мѣстоименіямъ (Добіашъ, вслѣдъ за нѣкоторыми древними греческими грамматиками, прямо называетъ эти слова—прилагательными, прибѣгая къ неудачному сравненію изъ геометріи—конусъ заполненный и не заполненный, Синт. Ап. Д., 90). Впрочемъ, несомнѣнно въ этихъ словахъ мы видимъ особенную близость къ прилагательнымъ, постепенное

сліяніе, но это происходитъ и въ другихъ частяхъ рѣчи (хотя бы постепенный переходъ нѣкоторыхъ причастій въ прилагательныя).

Перейдемъ теперь къ опредѣленію частей рѣчи. „Работа мысли, состоящая въ томъ, что представленія понятія, каковы бы они ни были, подводятся подъ *категорію предмета*, и вмѣстѣ—въ томъ, что это подведеніе выражается въ *словѣ*, есть то, что принято называть *„именемъ существительнымъ“* (Руков., 14). Сравнимъ съ тѣмъ, что раньше говорилъ Овсянико-Куликовскій въ „Синтаксисѣ“ (40): „имя существительное есть часть рѣчи или форма мысли, обозначающая совокупность признаковъ, т. е. цѣлый предметъ по одному изъ нихъ, который можетъ либо сознаваться, либо не сознаваться (помниться или быть забытъ)“.

„Движеніе или работа мысли, проявляющаяся въ томъ, что мы приписываемъ предметамъ признаки, представляя ихъ, въ словѣ, находящимися въ предметахъ, присущими имъ, пассивно въ нихъ пребывающими, выражается въ особой грамматической категоріи, называемой *имя прилагательное*“ (Руков. 17). Почти то же въ Синтаксисѣ (37).

„Движеніе или работа мысли, въ силу которой мы подводимъ представленія и понятія разныхъ степеней отвлеченности подъ категорію дѣйствія (дѣятельности) предмета,—дѣйствія подлиннаго или фиктивнаго („состоянія“ предмета), при чемъ въ словѣ само дѣйствіе (состояніе) можетъ и не быть обозначено, выражается въ особой грамматической категоріи, извѣстной подъ именемъ *глагола*“ (Рук., 21). Въ Синтаксисѣ (38): „глаголъ есть часть рѣчи или форма мысли, изображающая признаки, производимые дѣятельностью предмета“.

Съ одной стороны въ „Руководствѣ“ нѣкоторый шагъ впередъ въ отношеніи ясности и простоты сравнительно съ „Синтаксисомъ“, съ другой—еще бо́льшая замысловатость опредѣленія.

Кромѣ того, опредѣленія эти чисто психологическаго характера, съ отсутствіемъ указанія на признаки формальные, чисто грамматическіе. И въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ слово *конный*; куда его отнести: вѣдь оно одинаково относится по опредѣленіямъ и къ существительнымъ прилагательнымъ.

И здѣсь, въ психологическомъ опредѣленіи, мнѣ кажется, нужно было бы исходить первоначально изъ опредѣленія *имени вообще* съ одной стороны, съ другой — глагола. Именемъ вообще обозначается признакъ, находящійся въ предметѣ, а глаголомъ—признакъ, производимый предметомъ. Въ настоящее время опредѣленіе имени вообще

подходитъ скорѣе къ прилагательному, но это потому, что признаки, заложенные въ существительныхъ, забыты, и существительное дѣйствительно уже является субстанціей. Разница же между именемъ существительнымъ и прилагательнымъ въ томъ и состоитъ, что существительное — признакъ въ чемъ-то опредѣленномъ, что это носитель признака, какъ опредѣлялъ Миклошичъ, а прилагательное — признакъ заключенный въ чемъ-то другомъ. Разъ послѣдній признакъ дѣлается носителемъ, прилагательное обращается въ существительное.

Формальная разница между именемъ вообще и глаголомъ тотчасъ же бросается въ глаза, между именемъ же существительнымъ и прилагательнымъ часто формальной разницы никакой нѣтъ; правда отдѣленіе этихъ частей рѣчи другъ отъ друга обусловило и появленіе специфическихъ особенностей: нѣкоторые суффиксы употребляются только для именъ существительныхъ, другіе же только — для прилагательныхъ, образовалось сложное склоненіе и пр.

Хотя разсмотрѣніе всего этого относится главнымъ образомъ къ морфологіи, но тѣмъ не менѣе главныя данныя должны входить и въ синтаксическія опредѣленія, иначе, повторяю, опредѣленія не могутъ претендовать на полноту или иначе лучше отказаться отъ опредѣленій, а давать послѣдовательно описаніе извѣстныхъ характерныхъ особенностей разныхъ частей рѣчи.

Опредѣленіе нарѣчія—„признака признаковъ“ сдѣлано сходно въ „Руководствѣ“ и „Синтаксисѣ“ и близко къ тому, какъ высказывалось это Потебнею (Изъ Зап., II, 119). Дѣепричастіе сближено съ нарѣчіемъ, являясь какъ бы нарѣчіемъ отглагольнымъ. Въ силу отнесенія мѣстоименій къ существительнымъ очень кстати выпущено данное въ „Синтаксисѣ“ опредѣленіе мѣстоименій (45—46).

Какъ постепенно стирается знаменательность, конкретность слова, какъ слово это можетъ доходить до такого отвлеченія, гдѣ лексическое значеніе его обращается въ минимумъ, слово дѣлается какой-то формой, служебной частью, показываетъ особенно глаголъ. Это прекрасно выяснено у Овсянико-Куликовскаго. Мнѣ кажется, что картиной потери знаменательности глаголомъ можно бы воспользоваться при иллюстраціи вообще, какъ терялось значеніе и такъ называемыхъ грамматическихъ формъ.

Вотъ тутъ и было бы любопытно видѣть картину этого постепеннаго измѣненія различныхъ частей рѣчи, а не только сухія рубрики,

рамки, къ которымъ привыкла такъ прибѣгать и наша обыкновенная грамматика [1]).

И вотъ въ сторону-то этой грамматики отступаетъ Овсянико-Куликовскій, когда всячески стремится оправдать такъ называемыя „управленіе“ и „согласованіе“. Насколько это ему не удается, показываютъ такія, напримѣръ, мѣста: „Если глаголъ относится къ личному мѣстоименію, то мѣстоименіе только яснѣе обозначаетъ то лицо, которое и безъ того уже обозначено самимъ глаголомъ—и это скорѣе соотвѣтствіе (параллелизмъ) лица существительнаго съ лицомъ глагола чѣмъ согласованіе съ оттѣнкомъ зависимости“ (28). Не говорю уже, конечно, о томъ, что соединеніе нарѣчій и дѣепричастій „не вызываетъ у насъ ощущеній или представленій подражанія, параллельности“ (29). „Они составляютъ какъ бы переходную ступень отъ зависимыхъ словъ (согласующихся и управляемыхъ) къ словамъ *служебнымъ*, какими являются *предлоги* и *союзы*. Эти служебныя слова также только состоятъ при другихъ словахъ, служа выраженіемъ различныхъ отношеній между ними“ (30). Съ послѣднимъ я также не могу согласиться: извѣстнаго рода окаменѣнія не ведутъ еще непремѣнно къ переходу въ какую-то служебную роль. Если въ словѣ иногда не является уже внѣшняго признака его грамматической категоріи, то остается внутренній. Само это окаменѣніе одно изъ орудій для экономіи языка.

Говоря о падежахъ, склоненіи, спряженіи, я счелъ бы также необходимостью остановиться нѣсколько на выработанной здѣсь терминологіи, осмыслить ее.

Вѣдь, можно ли сказать, что у насъ создается сознательное отношеніе къ различнымъ грамматическимъ терминамъ? Конечно, нѣтъ. Если еще на вопросъ, почему извѣстныя формы называются падежами, многіе, можетъ быть, найдутся сказать, что это переводъ термина латинскихъ грамматикъ, то врядъ ли найдутся на вопросъ, почему это падежъ называется „винительнымъ“. Я не говорю о необходимости детальныхъ объясненій, но нужно было хотя въ общемъ обрисовать исторію передачи этихъ терминовъ черезъ латинскія грамматики изъ греческаго источника. И здѣсь нашелся бы любопытный ма-

[1]) Здѣсь можно было бы попытаться дать картину, какъ образуются постепенно измѣненія словъ, такъ называемыя склоненія и спряженія, какъ слово, дѣлаясь формальнымъ, срастается съ другимъ, имѣющимъ реальное значеніе, и какъ въ данномъ случаѣ получаются иногда различныя здѣсь слiянія, напримѣръ, наше *людей*—франц. des hommes и пр.

теріалъ, напримѣръ, тотъ же терминъ „*винительный*“ представляетъ переводъ дословный латинскаго *accusativus*, въ греческомъ αἰτιατική (πτῶσις). Мы видимъ здѣсь, что латинскіе грамматики не вникли въ главное значеніе этого названія, они взяли одно изъ значеній αἰτιάομαι—accusare, и этотъ терминъ передался и въ наши грамматики; между тѣмъ, въ тѣхъ же латинскихъ грамматикахъ попадается и болѣе точный переводъ—causativus. И дѣйствительно, αἰτία—поводъ, матеріалъ для обработки, αἰτιατός—вызванный чѣмъ-нибудь какъ своимъ поводомъ. Такимъ образомъ у насъ бы болѣе подходило названіе „предметный“ падежъ (Ср. Добіашъ, Синт. Ап. Д., 72—73) или, можетъ быть, вопросительный. Правда, послѣднее названіе не такъ обнимаетъ содержаніе, но и вѣдь — *дательный* — δοτική не можетъ претендовать на полное соотвѣтствіе содержанію (наряду съ δοτική въ греческомъ—ἐπισταλτική, такимъ образомъ здѣсь особенное вліяніе глаголовъ δίδωμι и ἐπιστέλλω). Нашъ „родительный“ имѣлъ болѣе осмысленные термины въ греческихъ и латинскихъ грамматикахъ: γενική—*родовой* (въ множественномъ числѣ этотъ падежъ, дѣйствительно, обозначалъ родъ) и κτητική (принадлежности), patrius, paternus и наряду съ этимъ possessivus. Въ греческихъ грамматикахъ установился и порядокъ падежей: ὀρθή, γενική, δοτική, αἰτιατική, κλητική. Именительный назывался ὀρθή, νομαστική, εὐθεῖα, онъ представлялся начальнымъ падежомъ, почему и ὀρθή—прямой, въ отличіе отъ другихъ отклонившихся, склонившихся (κλίσις—declinatio), почему и названныя косыми, косвенными (πλάγιαι πτώσεις). [1]).

Звательный падежъ стоитъ на концѣ, потому что первоначально онъ не входилъ въ число падежей, а составлялъ цѣлое, особое предложеніе, затѣмъ уже и этотъ падежъ былъ включенъ. И Овсянико-Куликовскій не относитъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго (Руков., 163, ср. Синт. 178—9), звательный падежъ къ числу косвенныхъ. По существу, Овсянико-Куликовскій, очевидно, склоняется въ данномъ случаѣ къ мнѣнію Потебни, признававшаго звательный падежъ прямымъ и считавшаго его способнымъ выражать подлежащее, но только во 2-мъ лицѣ (Изъ Зап., II, 94—95). Подобные же примѣры, какъ „ой плаче, плаче молодой козаче“ или „чтобы Господи далъ намъ добраго здоровьица“ и пр., объясняются, дѣйствительно, замѣной именительнаго звательнымъ. И напрасно только Овсянико-Куликовскій выпустилъ

[1]) По Георгію Херовоску косвенные падежи называются, потому что οὐκ ὀρθῶς σημαίνουσι τὴν οὐσίαν τοῦ πράγματος ἀλλ' ἐκ πλαγίου.

здѣсь то объясненіе, которое дано было въ „Синтаксисѣ“: „Можно предположить, что одною изъ причинъ употребленія звательнаго вмѣсто именительнаго было первоначально желаніе или невольное стремленіе соединить съ подлежащимъ выраженіе извѣстнаго чувства, которое говорящій питалъ къ данному лицу. Это слѣдовательно, не былъ „звательный обращенія“, это былъ—*именительный*, съ „окраской“ чувствомъ... (179).

III.

2-я глава „Руководства“ (30—52) посвящена вопросамъ: что такое „грамматическое предложеніе“? понятіе предицированія или сказуемости; полная и неполная сказуемость.

На стр. 36 авторъ приходитъ къ такому выводу: „*предложеніе есть такое слово или такое упорядоченное и осмысленное сочетаніе словъ, которое сопряжено съ особымъ движеніемъ мысли, извѣстнымъ подъ именемъ предицированья* (*сказуемости*)“. Нечего и говорить, что подобное опредѣленіе требуетъ для полной ясности новаго опредѣленія: что же такое предицированье или сказуемость. Оказывается, что это „особое умственное ощущеніе большей энергіи, большей яркости, большей тяжести мысли, которое сопутствуетъ глаголамъ, причастіямъ и дѣепричастіямъ, и котораго нѣтъ, когда мы употребляемъ слова другихъ частей рѣчи. Это—ощущеніе *бо́льшаго усилія* мысли, потребнаго для того, чтобы не только *называть*, *обозначать*, но, кромѣ того, еще и *утверждать (положительно* или *отрицательно), предицировать*“ (33). Прежде всего это уже не опредѣленіе. Затѣмъ та разница, которую находитъ Овсянико-Куликовскій между глаголомъ и другими частями рѣчи, что глаголомъ не только обозначаются соотвѣтствующія представленія и классифицуются въ грамматическомъ отношеніи, но обозначается еще новый признакъ, не свойственный другимъ частямъ рѣчи—утвержденіе чего-либо, эта разница схвачена, мнѣ кажется, черезчуръ субъективно. Да и почему же наряду съ личными формами глагола принимаютъ на себя этотъ признакъ причастія и дѣепричастія? Мнѣ думается, что если бы вѣрна была точка зрѣнія Овсянико-Куликовскаго, то причастія и дѣепричастія не имѣли бы участія въ приписываемомъ глаголу признакѣ.

Ощущеніе бо́льшей яркости, бо́льшей энергіи, получающееся отъ глагола, обусловлено болѣе яркимъ представленіемъ признака возникающаго, производимаго, а не тѣмъ, что здѣсь есть какая-то „прибавочная работа мысли“. „Предложеніе является выраженіемъ того, что

я думалъ, а не того, что только мелькаетъ въ моемъ сознаніи" (35). „Когда я произношу бѣгло и, такъ сказать, машинально рядъ глаголовъ, не связанныхъ между собою, не осмысленныхъ, то предицирующія усилія моей мысли слишкомъ ничтожны, чтобы изъ этихъ глаголовъ могли образоваться предложенія. Равнымъ образомъ, когда я спрягаю (*несу, несешь*...), изъ этого не выходитъ соотвѣтственнаго количества предложеній; *я не имѣлъ намѣренія предицировать, я не хотѣлъ утверждать*, что я несу, ты несешь и т. д.—я хотѣлъ только показать свое умѣнье спрягать глаголъ *нести*" (35). Первое приведенное мѣсто, вѣроятно, не совсѣмъ точно формулированная мысль автора: и мелькающее въ моемъ сознаніи, облеченное въ связи цѣлое, будетъ образовывать предложенія. Относительно второго мѣста можно сказать слѣдующее: когда я спрягаю: „несу"..., то формы эти не будутъ образовывать рядъ предложеній, но не потому я не утверждаю, что я несу..., а потому что при спряженіи лексическое значеніе слова отходитъ на второй планъ, на него даже совсѣмъ не обращаютъ вниманія, важны только окончанія.

Всѣ попытки дать опредѣленіе „предложенія" являются до сихъ поръ безплодными. Какихъ только опредѣленій мы не находимъ въ научно-педагогической литературѣ по синтаксису!

Если предложеніе есть что-то такое законченное, извѣстная мысль, вылившаяся въ опредѣленную форму, то естественно было, что на эту форму (грамматическое предложеніе) было перенесено опредѣленіе логическое. Содержаніе и форма слились. Это особенно легко было въ такихъ предложеніяхъ, какъ, напр., *собака бѣжитъ* и пр. Вотъ типъ такихъ-то предложеній и носился въ воображеніи грамматиковъ и въ дальнѣйшемъ, но здѣсь должны были получиться и несоотвѣтствія, которыя устранялись тѣмъ, что данныя грамматическія подгонялись затѣмъ въ несоотвѣтствующія рамки логическаго опредѣленія. Въ связи съ этимъ господствовалъ и продолжаетъ господствовать разборъ предложенія чисто логическій. Если возьмемъ, напр., опредѣленія Востокова и Буслаева, то увидимъ, что эти опредѣленія до того общи, что подходятъ къ отдѣльнымъ словамъ, вовсе не составляющимъ отдѣльнаго предложенія. И подобныя общія опредѣленія имѣютъ своимъ источникомъ ту же греческую чисто логическую грамматику. И любопытно, что нѣкоторые греческіе грамматики, стоя на логической точкѣ зрѣнія, вѣрнѣе формулировали опредѣленіе предложенія, чѣмъ ихъ послѣдователи. Въ извѣстной грамматикѣ Діонисія Ѳракійскаго такое опредѣленіе „предложенія": λόγος ἐστὶ λέξεων σύνθεσις διάνοιαν αὐτοτελῆ

δηλοῦσα (Dion. Thracis Ars grammatica, Lipsiae. 1883, 73), т. е., предложеніе есть извѣстное соединеніе словъ, представляющее законченный смыслъ. Слово, какъ часть предложенія, опредѣляется такъ: λέξις ἐστὶ μέρος ἐλάχιστον τοῦ κατὰ σύνταξιν λόγου, т. е. слово—самая малая часть рѣчи—предложенія (или слова есть тѣ самыя мелкія части, на которыя разлагается предложеніе). Недостаткомъ этихъ опредѣленій (Дельбрюкъ въ своемъ Verg. Syntax называетъ опредѣленіе предложенія „höchst wahrscheinlich", 3), является, по моему, прежде всего то, что „предложеніе"—λόγος опредѣляется посредствомъ λέξεις, а послѣднія посредствомъ λόγος. Но нося въ себѣ основныя неточности, опредѣленія Д. намѣчаютъ, въ дѣйствительности, углы зрѣнія, подъ которыми мы должны все же смотрѣть на предложеніе и части его. Подчеркнуть слѣдуетъ, что въ данномъ опредѣленіи предложенія выдвигается на первый планъ не „мысль", а „сочетаніе словъ". Въ этомъ отношеніи и Востоковское опредѣленіе („рѣчь ограниченная выраженіемъ одной только мысли") выше опредѣленія Буслаева („каждая отдѣльная мысль, выраженная словами"). Потебня, доказавши вполнѣ ясно всю несостоятельность основныхъ точекъ зрѣнія въ трудѣ Буслаева и вообще той школы, которой былъ послѣдователемъ Буслаевъ, отказался дать опредѣленіе предложенія. Онъ смотрѣлъ на послѣднее съ чисто формальной, грамматической точки зрѣнія и находилъ, что съ этой стороны предложеніе представляетъ собой нѣчто „текучее", съ временемъ измѣняющееся, такимъ образомъ исторія языка должна выработать рядъ опредѣленій соотвѣтственно разнымъ періодамъ жизни языка и его развитія. Потебня указывалъ только на *minimum* необходимый для всякого предложенія, на его ячейку, это—verbum finitum.

Такимъ образомъ, по Потебнѣ, опредѣленіе verbum finitum и будетъ опредѣленіемъ предложенія въ его простѣйшемъ, первоначальномъ видѣ. Не всѣ соглашались съ выставленными положеніями. Такъ, напр., ближайшій ученикъ Потебни Поповъ (Синт. наблюд. Воронежъ, 81.) говорилъ о первоначальности одночленныхъ предложеній безъ глагола. Съ другой стороны, невозможность дать точное опредѣленіе въ чисто грамматическомъ смыслѣ предложенія, сознаніе неудовлетворительности раньше составленныхъ логико-грамматическихъ заставили прибѣгнуть къ опредѣленіямъ психологическимъ и вотъ начинается рядъ новыхъ опредѣленій. „Предложеніе есть словесное выраженіе, символъ того, что въ душѣ говорящаго совершилось, соединеніе нѣсколькихъ представленій или группъ представленій, и средство къ тому, чтобы вызвать въ душѣ слушающаго тожественное соединеніе тѣхъ же представленій". Это опре-

дѣленіе Пауля (Princip. der Sprachgesch.) вызвало критическія замѣчанія Керна и Дельбрюка; первый указывалъ, что въ такомъ случаѣ и отдѣльныя фразы, какъ „смерть Цезаря" и пр. будутъ предложеніями; второй же видѣлъ узость опредѣленія въ томъ отношеніи, что подъ это опредѣленіе не подходили одночленныя предложенія. По Дельбрюку: „предложеніе есть произведенное членораздѣльной рѣчью выраженіе, которое говорящему и слушающему представляется какъ связное и законченное цѣлое". По Вундту: „предложеніе есть выраженное средствами языка произвольное расчлененіе совокупнаго представленія на его составныя части, поставленныя въ логическое отношеніе другъ къ другу".

Нечего говорить, что установленіе опредѣленія „предложенія" было особенно важно для школьной грамматики. И вотъ со стороны и нашихъ педагоговъ-практиковъ являлись попытки къ пересмотру различныхъ мнѣній и къ установленію болѣе подходящаго опредѣленія. Упомяну о статьяхъ гг. Андреева (въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* апрѣль 1904 г.), Тростникова, Брайловскаго (Педаг. Сбор. 1903—1905 г.г.) и др. Однако, всѣ эти попытки не увѣнчались желанными результатами [1].

Что же такое, наконецъ, это трудно опредѣлимое „предложеніе"? Много писали и пишутъ о необходимости отдѣленія грамматики отъ логики. Относительно извѣстной грамматики Буслаева и грамматикъ многочисленныхъ его послѣдователей принято говорить теперь, что направленіе, сказавшееся здѣсь, логическое, что при формулировкѣ опредѣленій Буслаевъ и его источники (вродѣ Беккера и др.), а также и его послѣдователи впали въ ту ошибку, что смѣшали *грамматику* и *логику*.

Для указанія всей несообразности такого *логическаго* направленія была написана извѣстная книга Штейнталя: Grammatik, Logik und

---

[1]) Давая опредѣленіе предложенію—„сочетаніе словъ, служащее для выраженія мысли (или отдѣльной мысли)", проф. Богородицкій (Общій курсъ рус. грам.—изъ унив. лекцій.—1904 г., 188-9) признаетъ, что подобное опредѣленіе страдаетъ нѣкоторой неполнотой, но этотъ недочетъ, будто бы, покрывается удобствами въ цѣляхъ педагогическихъ. Но послѣднимъ могли и могутъ оправдываться и другія различныя опредѣленія. Въ курсѣ проф. Томсона (Общее языковѣдѣніе. Од. 1906, 301) находимъ такое опредѣленіе: „предложеніе есть обыкновенно рядъ словъ, вылитый, такъ сказать, въ одну изъ обычныхъ въ данномъ языкѣ формальныхъ рамокъ синтаксическаго сочетанія словъ въ предложеніи и представляющій въ значеніяхъ этихъ словъ сужденіе въ широкомъ, психологическомъ смыслѣ".

Psychologie (Berl. 55). Здѣсь разбирались именно тѣ авторитеты, которые и у насъ создали это направленіе.

Вопросомъ этимъ занимался въ своемъ извѣстномъ трудѣ и Потебня. Раздѣляя грамматику и логику, онъ говорилъ, что понятія о правильности со стороны логики и грамматики разныя, что, напримѣръ, грамматически неправильное можетъ быть правильно въ логическомъ отношеніи, впрочемъ, здѣсь онъ прибавлялъ—„насколько оно понятно", что грамматика по отношенію къ логикѣ наука вещественная, логика—формальная, языкознаніе—наука историческая, логика—гипотетическая.

Мнѣ думается, что и въ разсужденіи Потебни кроются нѣкоторыя недоразумѣнія. Сама прибавка—„насколько оно понятно"—указываетъ на необходимость отступленія.

Отношеніе между грамматикой и логикой представляется мнѣ въ слѣдующемъ видѣ. Каждая наука имѣетъ свои законы, свою логику. Это будетъ логика частная. На основаніи логикъ частныхъ строится логика общая, и она, конечно, не должна противорѣчить частнымъ. Законы ея примѣнимы къ каждой наукѣ, но опредѣленія ея какъ черезчуръ общія не дадутъ существенныхъ результатовъ при примѣненіи къ опредѣленнымъ случаямъ. Слѣдовательно, законы логики не только могутъ, но и должны быть примѣняемы къ грамматикѣ, и въ своихъ различныхъ опредѣленіяхъ грамматика, идя своей частной дорогой, можетъ черпать, конечно, и данныя „логическаго" характера, Слишкомъ сложное явленіе языкъ, онъ тѣсно связанъ съ психической дѣятельностью человѣка и невозможно держаться при опредѣленіи явленій языка его только формальной стороны. Вѣдь, потому-то и цѣнной оказывается именно психологическая подкладка въ изслѣдованіяхъ Потебни. Я намѣренно перехожу отъ логики къ психологіи, потому что въ настоящее время какъ-то осязательнѣе сознается необходимость психологическаго изученія и нѣкоторое пренебреженіе къ „логическому", которое, въ сущности, должно являться частью того же психологическаго. Вѣдь, если древніе грамматики, задаваясь вопросомъ объ отношеніи грамматики и логики, рѣшали въ томъ смыслѣ, что грамматика должна нести служебную роль, что она ниже „божественной" логики, что ея законы колеблются, въ то время какъ логическіе законы нѣчто абсолютное, то мы отнесемся къ этому иначе. Логика сама зависитъ отъ языка, какъ то ни странно на первый взглядъ. Если бы Аристотель, замѣчаетъ Маутнеръ (Zur Gramm. III, 4) писалъ на китайскомъ языкѣ, онъ пришелъ бы совсѣмъ къ другой

логикѣ. Сами логическія категоріи Аристотеля, не что иное какъ части рѣчи. Эти логическія категоріи вытекли изъ міросозерцанія, созданнаго языкомъ.

Логика и грамматика близки другъ къ другу, потому что у нихъ въ сущности одинъ объектъ—изученіе языка, только подходятъ онѣ къ изученію его съ разныхъ точекъ зрѣнія. Языкъ состоитъ изъ словъ. Въ словахъ—понятія, такимъ образомъ, отношенія наши къ окружающему. Логика и слѣдитъ, чтобы то, что выражается въ этихъ словахъ—понятіяхъ, было соотвѣтствіе дѣйствительности. Грамматика—это уже болѣе внутренняя жизнь самого языка.

Если мы возьмемъ какое-либо предложеніе, то задача логики показать, дѣйствительно ли отношеніе заключающихся въ немъ сужденій, предметъ грамматики показать, какъ сложилось данное предложеніе, какія части являются какъ бы въ основѣ даннаго сужденія. Такимъ образомъ, грамматическій анализъ долженъ слѣдовать за логическимъ. И безъ изученія логики мы можемъ мыслить логически, но безъ изученія грамматики мы не можемъ познать техники нашей рѣчи. Недаромъ греки и *языкъ* и *мысли* обозначали однимъ словомъ—λόγος.

Для логики важно, что выражаетъ отдѣльная рѣчь, предложеніе, для грамматики—какъ выражается эта рѣчь или же какъ составляется вообще предложеніе. Но занимаясь формальной стороной языка, грамматика должна необходимо касаться и внутренней, такъ какъ съ послѣдней неразрывно связывается формальная.

Само понятіе „предложенія" взято грамматикой изъ логики. Въ послѣдней сложилось опредѣленіе, и немудрено, что затѣмъ вліяніе логическаго взгляда на предложеніе отразилось и въ грамматикѣ. И понятно, что отвѣтъ, на вопросъ: что такое предложеніе, является близкимъ къ логическому опредѣленію или же, въ замѣнъ послѣдняго, оно исходитъ изъ опредѣленія процесса образованія и близко къ тому, что дается въ новѣйшихъ трудахъ. Анализируя разнообразныя предложенія мы видимъ, прежде всего, что выражаются они или однимъ словомъ, или сочетаніемъ словъ. Это первый признакъ „предложенія". Второе условіе—цѣльность, но цѣльность не только мысли, которая можетъ быть и въ отрывочной фразѣ, а цѣльность рѣчи, законченность послѣдней. Условія цѣльной рѣчи различны, а потому, дѣйствительно, и нельзя дать болѣе опредѣленнаго понятія о томъ, что такое „грамматическое предложеніе", нужно ограничиться общимъ по смыслу опредѣленіемъ.

Затѣмъ соотвѣтственно съ тѣмъ, что ранѣе говорилось о понятіи „синтаксисъ“, замѣтимъ здѣсь слѣдующее. Синтаксисъ есть ученіе вообще о словосочетаніи. Ученіе о предложеніи, такимъ образомъ, будетъ только частью синтаксиса, частью, можетъ быть, самой большей. Слѣдовательно, главной задачей синтаксиса—разсмотрѣніе словосочетаній, разсмотрѣніе вообще составленія цѣльной рѣчи. Мѣняются словосочетанія, слѣдовательно, мѣняется и образъ предложенія.

Сказуемое Овсянико-Куликовскій опредѣляетъ такъ: „это та часть предложенія, въ которой воплощено предицирующее движеніе мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ обозначено само содержаніе, являющееся предметомъ или цѣлью предицированья“ (37). Опредѣленіе, какъ видимъ, носящее логико-психологическій характеръ. На послѣдній указываютъ и слѣдующія слова (38): „первый вопросъ, скрывающійся за каждымъ актомъ предицированья, сводится къ формулѣ: что происходитъ, что дѣлается, что совершается и т. д.“

Разбирая предложенія, не имѣющія глагола, и говоря о присутствіи въ такихъ предложеніяхъ глагольности, Овсянико-Куликовскій въ руководствѣ (41) и синтаксисѣ (53) приводитъ, между прочимъ, и такіе примѣры изъ „Евгенія Онѣгина“: „*Татьяна—ахъ*! Пошла—и что жъ! *Медвѣдь за ней*“. „Здѣсь, очевидно, отсутствіе опредѣленныхъ глаголовъ съ извѣстнымъ лексическимъ значеніемъ служитъ особымъ способомъ выраженія“. „Если вставимъ пропущенные глаголы (напр., „Татьяна *вскрикнула*: ахъ!“...) (41). Вотъ мнѣ кажется, что въ приведенномъ примѣрѣ нѣтъ подобнаго *пропущеннаго* глагола. Если на „*ахъ*“ является глагольность, то вполнѣ понятно, откуда эта глагольность. *Прыгъ*, *хлопъ*, *цапъ-царапъ* употребляются для выраженія сказуемаго-глагола, при чемъ придается особая выразительность, живость фразѣ, то же самое здѣсь—„ахъ“. И если мы возьмемъ такой примѣръ: „князь у синя моря ходитъ,... глядь: поверхъ...“ Повелительное наклоненіе употреблено для большей выразительности, какой-то быстроты движенія. Та же быстрота сказывается и въ „ахъ“, и совсѣмъ иное было бы, если бы приведенъ былъ самъ глаголъ „ахнуть“. Мнѣ кажется также, что не только важна здѣсь форма эта, ея укороченность, но и *отсутствіе грамматической связи*, въ силу этого бо́льшая самостоятельность сказуемаго. Тѣмъ же самымъ, напримѣръ, я объяснилъ бы: „мужикъ—метаться и кричать“ (изъ Хемниц.). Такимъ образомъ, въ приведенныхъ примѣрахъ: „Татьяна—ахъ“ и „медвѣдь—за ней“—есть извѣстная разница. Въ послѣднемъ, дѣйствительно,

пропущено, ну, хотя бы выразительное народное словцо: „шасть". Но теперь: если въ такихъ примѣрахъ: „завтра мои именины, у меня порядокъ" и пр., хотя и нѣтъ глагола, но сами существительныя „именины", „порядокъ" какъ бы оглаголиваются и выступаютъ, такимъ образомъ, въ качествѣ сказуемыхъ, съ чѣмъ еще можно согласиться, то трудно согласиться со всѣмъ этимъ въ примѣненіи: медвѣдь *за ней*, трудно видѣть въ „за ней"—своего рода сказуемое. А вѣдь такъ оно выходитъ, по Овсянико-Куликовскому, въ приведенномъ примѣрѣ, какъ и въ предыдущихъ, остается еще и предицирующее движеніе мысли, распространяющееся на междометіе „ахъ" и на дополненіе „за нею", которыя въ извѣстной мѣрѣ „оглаголиваются" и произносятся съ усиленіемъ интонаціи (чего не было бы при наличности глаголовъ) (41—42).

Я бы не говорилъ также объ „оглаголиваньи" существительныхъ въ именительномъ падежѣ, „когда имъ сопутствуетъ предицирующій актъ мысли, оставшійся не выраженнымъ глагольною формою. Такъ это, напримѣръ, въ извѣстномъ стихотвореніе Фета: „шепотъ, робкое дыханіе, трели соловья...., которое сплошь состоитъ изъ существительныхъ въ именительномъ падежѣ... Тоже находимъ и въ такихъ восклицаніяхъ, какъ „морозъ"! „пожаръ"... (42). Мнѣ приходилось слышать сужденіе, что въ приведенномъ стихотвореніи Фета, приведенныя существительныя не что иное, какъ предметъ, что все здѣсь въ общемъ составляетъ одну картину ночного свиданія. Для примѣра характерно приводилось стихотвореніе Дениса Давыдова: что она—порывъ, смятенье, и холодность, и восторгъ..., гдѣ на лицо субъектъ. Мнѣ же кажется, что въ приведенныхъ у Овсянико-Куликовскаго примѣрахъ выражается нерасчлененность сложнаго представленія, что поэтому-то и трудно сказать съ точностью, какая это часть предложенія. Здѣсь вполнѣ примѣнимо то, что говорилъ проф. Томсонъ (Общ. языковѣдѣніе, 302): „для непосредственнаго сообщенія всего сложнаго представленія обозначается словомъ та часть его, которая наиболѣе возбуждена въ душѣ говорящаго"...

Здѣсь же Овсянико-Куликовскій проводитъ, какъ и въ Синтаксисѣ, мысль о существованіи 5 лицъ глагола, кромѣ общепринятыхъ: 4-е неопредѣленное (говорятъ, пишутъ...), 5-е мнимое (свѣтаетъ и пр.). Этотъ взглядъ совсѣмъ не пріемлемъ. Если забыто, „устранено" подлежащее, какъ говоритъ далѣе самъ же Овсянико-Куликовскій, то изъ этого не выходитъ, что лицо измѣнилось,—оно осталось такимъ же 3-мъ лицомъ, осталась его грамматическая форма.

Подлежащее [1]) опредѣляется у Овсянико-Куликовскаго какъ „часть предложенія, обозначающая того дѣятеля, который производитъ признакъ, данный въ лексическомъ значеніи сказуемаго, или, иначе говоря, дѣятеля, которому приписывается дѣятельность, выраженная сказуемымъ“ (45). Далѣе совершенно напрасно авторъ снова проводитъ свою мысль о дѣятельности подлинной, фиктивной и мнимой и соотвѣтственно этому „подлежащее... можетъ обозначать дѣятеля подлиннаго, фиктивнаго и мнимаго“. Въ предложеніяхъ: „письмо послано... подлежащее теряетъ характеръ дѣятеля, не только подлиннаго, но и фиктивнаго, и только отвѣчаетъ на вопросъ: *кто, что?*“ (46). Выходитъ даже какъ-то, что настоящее грамматическое подлежащее, отвѣчающее именно на вопросъ: кто, что, является въ сущности мнимымъ.

Опредѣленіе „дополненія“ мнѣ кажется не совсѣмъ удачнымъ. „*Дополненіе есть часть предложенія, обозначающая тѣ предметы, на которые простирается дѣятельность, выраженная сказуемымъ* (читаю *книгу*), *или которые стоятъ въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ къ различнымъ частямъ предложенія* (иду *по дорогѣ*...)“ (46).

Первая часть этого опредѣленія можетъ подходить къ „мнимымъ“ подлежащимъ, вторая же ничего не говоритъ.

Болѣе удачной мнѣ кажется формулировка въ „Синтаксисѣ“: „дополненіе есть второстепенная часть предложенія, обозначающая, въ формѣ существительныхъ, предметъ (объектъ), которымъ, съ различныхъ сторонъ, разъясняется дѣятельность, выраженная сказуемымъ, а также смыслъ или значеніе другихъ частей рѣчи“ (55).

Дополненіе есть безусловно второстепенная часть предложенія. Она „дополняетъ“, слѣдовательно она и опредѣляетъ лучше, выясняетъ то, что проводится главными частями рѣчи. Отличіе дополненія отъ опредѣленія заключается въ томъ, что это часть предложенія, представляющаяся внѣ того предмета, къ которому относится, поэтому и не согласуемая съ нимъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ, дополненіе должно выражаться косвеннымъ падежомъ.

Теперь, если „опредѣленіе есть часть предложенія, выражающая признаки, принадлежащіе предметамъ, которые обозначены въ предложеніи“ (47), а „обстоятельство есть часть предложенія, обозначающая признаки, которыми характеризуются другіе признаки, именно выраженные сказуемыми и опредѣленіями“ (48), если, такимъ обра-

---

[1]) Подлежащее—ὑποκείμενον, т. е. подлежащее суждeнію.

зомъ, и опредѣленіе—признаки и обстоятельство—признаки (хотя бы и другого признака), то не лучше ли здѣсь установить одинъ терминъ, напримѣръ, опредѣленіе. Обстоятельства, обстоятельственныя слова имѣли свой смыслъ при логическомъ разборѣ, когда къ нимъ относили и то, что теперь мы относимъ къ дополненіямъ. А то, если мы остановимся на данномъ опредѣленіи обстоятельства, то оно и не совсѣмъ будетъ полно: онъ пѣлъ очень хорошо;—очень—признакъ не только признака, но признака еще признака.

Такое устраненіе „обстоятельствъ" находится, напримѣръ, въ Синтаксисѣ Баталина, этой первой попытки провести нѣкоторые пункты ученія Потебни въ среднюю школу (Рус. Синтаксисъ на основаніи изслѣдованій гг. Потебни, Миклошича и Гейзе. М. 83). Обстоятельственныя слова выступаютъ подъ именемъ „несогласуемыхъ опредѣленій", а я бы назвалъ ихъ опредѣленіями, потерявшими способность согласоваться, опредѣленіями окаменѣвшими, соединяющимися съ опредѣляемыми только благодаря внутренней, лексической связи.

IV.

3-я глава посвящена разсмотрѣнію сказуемаго составного, при чемъ разбирается одна форма этого сказуемаго: со связкой и предикативнымъ аттрибутомъ. Различается 3 типа подобныхъ сказуемыхъ: 1) съ отвлеченной связкой (онъ былъ нуженъ), 2) съ полуотвлеченной (или полузнаменательной: онъ ходитъ грустный), 3) со связкой знаменательной (мы ушли первые).

Въ дальнѣйшемъ авторъ приводитъ довольно много образцовъ изъ литературныхъ произведеній и даетъ поясненія.

Мнѣ кажется, что 1) совершенно напрасно отдѣлена здѣсь при разсмотрѣніи форма съ инфинитивомъ; 2) въ „Синтаксисѣ" изложенъ этотъ вопросъ лучше, потому что разъясняется разница между простымъ сказуемымъ и составнымъ, указывается также, что не всякое, повидимому, составное является таковымъ для нашего сознанія теперь.

Для нашего сознанія получаются впечатлѣнія извѣстной раздѣльности или цѣльности составного сказуемаго. Въ этомъ отношеніи, конечно, имѣетъ значеніе большая или меньшая отвлеченность „связка": чѣмъ болѣе она отвлеченна, тѣмъ болѣе „предикативный аттрибутъ" дѣлается предикатомъ, чѣмъ менѣе—тѣмъ болѣе онъ дѣлается аттрибутомъ. Для нашего сознанія во многихъ случаяхъ уже неощутителенъ пропускъ вспомогательнаго глагола: *есмь* и пр., въ особенности въ случаяхъ соединенія съ прилагательнымъ: онъ скученъ—предста-

вляется какъ бы неразрывно соединенный безъ всякаго пропуска. Даже объ оглаголиваніи мы не можемъ здѣсь говорить, потому что сознаемъ разницу между, напримѣръ, такими выраженіями: *онъ старъ* и онъ *постарѣлъ*—въ первомъ случаѣ только признакъ, во второмъ извѣстный процессъ образованія этого признака. Глаголъ „связка" постепенно теряетъ свое лексическое значеніе, онъ сохраняетъ лишь способность выражать время возникновенія даннаго признака, но иногда оказывается и послѣднее не нужно. Возьму такіе примѣры: солнце свѣтитъ, (т. е. всегда, а не въ значеніи сегодня свѣтитъ, въ послѣднемъ случаѣ „свѣтитъ" замѣна другого глагола, такъ какъ солнце „не свѣтитъ" не можетъ) и солнце свѣтло. „Свѣтитъ" имѣетъ здѣсь вполнѣ значеніе прилагательнаго, такъ какъ выражаетъ только признакъ безъ обозначенія къ какому-либо опредѣленному времени, такимъ образомъ для нашего сознанія *свѣтитъ* и *свѣтло* въ данныхъ случаяхъ являются равнозначущими. Если здѣсь глаголъ какъ-то переходитъ въ область прилагательнаго, сохраняя грамматически роль сказуемаго, то и въ другихъ случаяхъ прилагательное, когда нѣтъ нужды обозначать отношеніе времени, можетъ выступать въ роли сказуемаго.

Въ „образцахъ" Овсянико-Куликовскій, приводя фразу: „славный былъ малый"... (56), говоритъ: „вторая часть сказуемаго (т. е. славный малый) состоитъ изъ двухъ прилагательныхъ, образующихъ одно выраженіе, которое стало *существительнымъ*", „*славный малый*"—родъ сложнаго слова. Оно существительное (а не прилагательное), возникшее изъ прилагательнаго,—того же типа, какъ „молодые" (новобрачные), „управляющій"... Что „славный малый" вовсе не родъ сложнаго слова и не является такимъ сложнымъ существительнымъ, указываютъ такіе примѣры: превеселый малый, добрый малый и пр.

V.

4-я глава посвящена предицирующимъ опредѣленіямъ и обстоятельствамъ и вскользь затрогивается здѣсь „сложное предложеніе".

Подъ предицирующимъ опредѣленіемъ и обстоятельствомъ подразумѣваются причастія и нарѣчія.

Отмѣчается бо́льшая предицирующая сила причастій и дѣепричастій, если они имѣютъ при себѣ второстепенныя части, а затѣмъ указывается, что эта сила зависитъ отъ положенія этихъ формъ въ предложеніи. При этомъ оказывается, что предицирующая сила причастія усиливается, если оно стоитъ послѣ того слова, къ которому

относится, а дѣепричастіе, „когда оно предшествуетъ подлежащему (къ которому, по общему правилу, оно тяготѣетъ)“ (65). Объясняетъ это проф. Овсянико-Куликовскій тѣмъ, что причастіе въ данномъ случаѣ раздѣляетъ судьбу прилагательнаго: постановка послѣдняго послѣ опредѣляемаго рѣзче оттѣняетъ само опредѣленіе (82), а дѣепричастіе, будучи поставлено передъ подлежащимъ, къ которому оно первоначально относилось, вызываетъ у насъ ожиданіе этого подлежащаго и „усиливаетъ долю вниманія, сосредоточеннаго на томъ, что говоритъ дѣепричастіе“ (83).

Вотъ послѣднее объясненіе не особенно мнѣ кажется убѣдительнымъ. И далѣе: „въ положеніи между подлежащимъ и сказуемымъ дѣепричастіе обнаруживаетъ большее тяготѣніе къ подлежащему, чѣмъ въ положеніи послѣ сказуемаго: „онъ, сидя, спалъ“ и „онъ спалъ сидя“... Мнѣ думается, что не тяготѣніемъ къ подлежащему обусловливается все это, а отдѣленіемъ отъ сказуемаго, пріобрѣтеніемъ благодаря мѣсту нѣкоторой большей самостоятельности. Какое же это „тяготѣніе къ подлежащему“, которое выражается отдѣленіемъ запятой? Еще вопросъ также, нужно ли поставить запятыя: онъ, сидя, спалъ. Стоитъ сравнить съ этимъ примѣромъ примѣры, приводимые Овсянико-Куликовскимъ изъ литературныхъ источниковъ: Родникъ между ними изъ почвы безплодной журча пробивался волною холодной... Онъ молча и угрюмо ждалъ... (79).

Говоря о причастіи и дѣепричастіи, слѣдовало бы автору подробнѣе остановиться на вопросѣ о такъ называемыхъ „сокращенныхъ“ предложеніяхъ, какъ то онъ и дѣлаетъ въ Синтаксисѣ, а не ограничиться лишь очень немногими, немного говорящими замѣчаніями.

VI.

5-я глава носитъ заголовокъ: „Инфинитивъ. Составное и двойное сказуемое съ инфинитивомъ“ (84—96).

Отмѣчая, что инфинитивъ, хотя и происшедшій отъ формы существительнаго въ извѣстномъ падежѣ, давнымъ-давно потерялъ уже характеръ имени, проф. Овсянико-Куликовскій сближаетъ эту форму по отношенію къ лицу съ прошедшимъ временемъ. Какъ въ прошедшемъ времени замѣной отсутствующихъ личныхъ окончаній являются мѣстоименія, такъ и инфинитивъ выражаетъ возможность отношенія къ лицу, выясняемому только въ контекстѣ фразы: я хочу ѣсть... и пр. „Лицо инфинитива и формъ прошедшаго времени (взятыхъ внѣ фразы и безъ мѣстоименія личнаго) есть лицо неопредѣленное“ (86).

Это сближеніе не можетъ быть признано вѣрнымъ: противъ него и исторія языка, и наше психологическое отношеніе къ даннымъ формамъ: инфинитивъ стоитъ въ отношеніи лица гораздо дальше, чѣмъ формы прошедшаго времени, стоитъ такъ далеко, что, дѣйствительно, это отношеніе и не является нашему сознанію. Въ силу-то этого форма „неопредѣленная", а не потому что ея лицо неопредѣленное.

Говоря о томъ, что инфинитивъ, будучи глагольной формой, употребляется въ качествѣ сказуемаго, проф. Овсянико-Куликовскій упоминаетъ лишь о томъ, что онъ является формой простого сказуемаго, а затѣмъ подробно останавливается на употребленіи инфинитива въ качествѣ „составныхъ и двойныхъ сказуемыхъ". Составнымъ сказуемымъ проф. Овсянико-Куликовскій называетъ подобные случаи: *боюсь ошибиться*, т. е., когда инфинитивъ и личный глаголъ имѣютъ одно подлежащее; двойнымъ, когда разное: прошу васъ прійти (87—88).

Въ „Синтаксисѣ" авторъ иначе формулируетъ эту „двойную" сказуемость, это случаи: усталъ писать..., когда инфинитивъ въ болѣе отдаленномъ отношеніи къ личному глаголу, когда онъ является не частью сказуемаго, а какой-то прибавкой (90—91). И мнѣ кажется, что послѣднее толкованіе гораздо лучше того, которое находимъ въ „Руководствѣ".

Да и можно было не измѣнять даже тѣхъ терминовъ, которые были даны Потебней въ данномъ случаѣ: сказуемое субъективное и объективное.

Трудно согласиться также съ исключительно проводимой „сказуемостью" инфинитива какъ категоріей глагольной. На этой точкѣ зрѣнія находился и Потебня, и его взгляды въ данномъ случаѣ не безъ основанія находили себѣ отрицательное отношеніе. Укажу на статьи г. Андреева (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 93, май), проф. Будде (ibid., 94, апр.). Трудно видѣть „сказуемость" въ такихъ примѣрахъ: охотники таскаться по пирамъ явились изъ первыхъ; имѣющій уши слышать да слышитъ. И въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя отрицать почти полной близости формъ инфинитива къ существительному, именно то, что происходитъ въ нѣмецкомъ, французскомъ и др. яз.: das Wissen, le savoir и пр.

Говоря о глагольности инфинитива, можно было бы указать на то, что мы и въ русскомъ (народномъ) языкѣ имѣемъ нѣкоторыя указанія на возможность обозначенія времени въ инфинитивѣ: *потерять* его вамъ *будетъ* большаго атамана. Люди неправдой живутъ и намъ

не треснуть стать. Видно *быть итти* самому Вольгѣ. Отъ жали не *плакать стать*.

Сколько ни плакать, а *быть перестать*.

А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ? *Знать жить* тебѣ богато.

Богородицкій (Граммат.), разбирая эти предложенія, видѣлъ въ *треснуть*, *плакать*...—подлежащія, а *стать*, *быть*—сказуемыя. На самомъ дѣлѣ это любопытные примѣры выраженія *будущаго времени инфинитива*. Въ данномъ случаѣ Богородицкій, какъ и во многихъ другихъ, шелъ за Некрасовымъ (ср. О формахъ, 94 и слѣд.).

Приводя фразу „спѣшу, между прочимъ, и увѣдомить тебя"... проф. Овсянико-Куликовскій говоритъ, что здѣсь нельзя вставить союза „чтобы": спѣшу, чтобы увѣдомить тебя, такъ какъ получится другой оборотъ, и въ контрастъ этому приводитъ, когда „чтобы" обязательно послѣ „спѣшить": спѣшу, чтобы не опоздать. Но не является ли въ послѣднемъ случаѣ своего рода пропускъ глагола: боясь?

VII.

Глава 6-я посвящена „простому сказуемому и его выраженію формами личнаго глагола" (96—141).

Грамматическое время Овсянико-Куликовскій опредѣляетъ такъ: „грамматическимъ временемъ называется глагольная форма, выражающее отношеніе (дѣйствительное или мнимое) дѣйствія къ моменту рѣчи" (98). И дальше: „Если дѣйствіе, выраженное глаголомъ, представлено *совпадающимъ съ моментомъ рѣчи*, то это *настоящее время*"... Нужно помнить здѣсь, что смыслъ рѣчи обусловливаетъ время глагола независимо отъ его грамматической формы. Возьмемъ такіе примѣры: я читаю, я вчера читаю, я бывало читаю, я завтра читаю. Большое значеніе имѣетъ соотношеніе: онъ знакъ подаетъ, и всѣ хлопочутъ (гдѣ будущее и значеніе прошедшаго, потому что хлопочутъ результатъ). Этимъ соотношеніемъ обусловливается и то, что прошедшее время можетъ ради картинности передаваться будущимъ. Заимствую изъ грамматики Богородицкаго очень удачно подобранные примѣры: Буря мглою небо кроетъ... то какъ звѣрь она завоетъ, то заплачетъ какъ дитя.

Я-ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе... Ты прекрасна... Какъ царица отпрыгнетъ, да какъ ручку замахнетъ, да по зеркальцу какъ хлопнетъ...

Дѣтей она *любила*. Бывало сама *придетъ* и *сидитъ* между ними...

Смотрить-смотрить, и по головѣ *погладить*, другого за подбородокъ *возьметъ*... (Богор., 46—47).

Были ученые, которые отрицали существованіе временъ въ русскомъ глаголѣ. К. Аксаковъ въ своемъ трудѣ „О русскихъ глаголахъ", исходя изъ невѣрнаго взгляда на наше прошедшее какъ на прилагательное, приходилъ къ заключенію, что ни одна форма глагольная въ русскомъ языкѣ времени не выражаетъ. Эта мысль находила себѣ ярыхъ приверженцевъ и продолжателей (Н. Некрасовъ „О формахъ"...), ее стремились провести даже въ учебной грамматикѣ (упомянутая грамматика Богородицкаго, ср. его же: „Къ вопросу о русской грамматикѣ какъ учебникѣ" С.-Пб. 1868 г., изъ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1868 г., ср. также статьи полемическаго характера А. Некрасова, Н. Некрасова, Завьялова въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1868—70 гг.).

На стр. 103—104, говоря объ образованіи многократности съ *бывало*, Овсянико-Куликовскій приводитъ, мнѣ кажется, совершенно справедливо примѣры: „бывало въ глубокій полуночный часъ... пріиду, бывало люблю", *безъ запятой*, (ср. также сказанное на 109), между тѣмъ на 89 стр. эти же два примѣра съ запятыми.

Представляется еще большимъ вопросомъ, возникли ли обороты съ *было*: *было—взялъ* и пр. изъ формъ давно прошедшихъ *есмь, былъ взялъ*, съ пропускомъ *есмь* и съ переходомъ нѣсколько непонятнымъ—подъ вліяніемъ безличныхъ предложеній—*былъ* въ *было*: вѣдь и значеніе давнопрошедшаго было совсѣмъ не то, что обозначаютъ обороты съ *было*. Какъ соединеніе и постепенное срощеніе съ *бывало*, такъ и съ *было* мнѣ представляется извѣстнаго рода новообразованіемъ; ранѣе эти „бывало" и „было" были несомнѣнно болѣе самостоятельны. Недаромъ у насъ до сихъ поръ „бывало" отдѣляется многими запятой. Изъ этого *было* получается иногда *бы*: быть было (быть, быть бы) бѣдѣ, да случились деньги при бедрѣ.

На стр. 112: „настоящее страдательнаго залога—оконченное: крѣпость—*взята*, книга—прочитана". Я бы назвалъ скорѣе и эти формы—формами прошедшаго времени, подразумѣвая здѣсь perfectum praesens. Иначе, если мы назовемъ настоящимъ, при чемъ неудобенъ совершенно терминъ настоящее *оконченное*, то такимъ же настоящимъ мы должны назвать и древнія формы: *есть взялъ* и пр. [1]).

---

[1]) Въ учебникѣ же Овсянико-Куликовскій это время называетъ *„прошедшимъ совершеннымъ"* (79), при чемъ вводитъ также и терминъ *„давно-прошедшее"*: я

Тамъ же на стр. 112—113 мы находимъ такое опредѣленіе наклоненій: „*Наклоненіями называются такія формы глаголовъ, которыя выражаютъ: 1) отношеніе воли (желанія, стремленія, намѣренія, требованія и т. п.) лица говорящаго къ дѣйствію, обозначенному глаголомъ, 2) субъективное отношеніе лица говорящаго или дѣйствующаго къ дѣйствію, выраженному глаголомъ, 3) продолжительность дѣйствія или его обусловленность какою-либо внѣшнею причиною, 4) зависимость дѣйствія отъ другого дѣйствія, какъ слѣдствія отъ причины, 5) отношеніе дѣйствія къ другому, какъ причина къ слѣдствію, 6) дѣйствіе какъ цѣль*. Первое изъ перечисленныхъ значеній принадлежитъ *повелительному наклоненію*, всѣ остальныя—*сослагательному*. Къ нимъ обыкновенно присоединяютъ еще третье—*изъявительное*, которое мы назовемъ *мнимымъ*, потому что оно означаетъ лишь отсутствіе тѣхъ значеній, какія выражаются наклоненіями".

Нельзя сказать, чтобы приведенныя опредѣленія отличались ясностью. Для опредѣленія сослагательнаго наклоненія выдвинуты разные признаки, которые могли бы говорить о необходимости раздѣлить это наклоненіе.

(Интересно къ далѣе приведеннымъ примѣрамъ: „говори! садись!.. поясненіе: „здѣсь выражено отношеніе воли лица говорящаго къ дѣйствіямъ *говорить, садиться*" и т. д.).

Раньше стремились дать болѣе общее опредѣленіе „наклоненія". Нельзя сказать, чтобы все было удачно въ подобныхъ попыткахъ, это другое дѣло. Признавалось, вслѣдъ за иностранными грамматиками, 4 наклоненія. Теперь неопредѣленное обыкновенно не считается наклоненіемъ, отчасти исключаютъ также и изъявительное.

Въ общесравнительной академической грамматикѣ (изд. 2-е, 53 г., § 102) наклоненіе опредѣляется какъ различный образъ совершающагося дѣйствія, какъ отношеніе къ лицу дѣйствующему.

Мнѣ кажется, что нужно обратить вниманіе на первую половину опредѣленія, оставивъ въ сторонѣ вторую, менѣе удачную. И я бы на первый планъ выдвинулъ „мнимое" наклоненіе—*изъявительное* [1]).

былъ приглашенъ. Введеніе послѣдняго является не особенно удачнымъ и ненужнымъ, и само время это появляется въ учебникѣ какъ-то неожиданно (ср. сказанное на стр. 68—69).

[1]) Въ греч. яз. ὁριστική (ὅρος предѣлъ, т. е. предѣлъ времени). „Этотъ терминъ, изобрѣтенный древними греческими грамматиками, всегда выражалъ опредѣленность дѣйствія по отношенію къ его исполненію и ко времени исполненія, и никогда у грековъ не имѣлъ того значенія, какое придали потомъ ему наши составители грам-

Страннымъ является, что сослагательное наклоненіе, имѣющее непосредственное отношеніе къ будущему времени, пользуется формой прошедшаго. Весьма возможно, что первоначально оно являлось не для обозначенія возможности въ будущемъ, а въ прошедшемъ.

Нужно было бы отмѣтить, что *повелительное* наклоненіе получается иногда не въ силу грамматической формы, а въ силу интонаціи. „Ты придешь", произнесенное съ извѣстной интонаціей будетъ сильнѣе формы: пріиди. Большая сила, рѣзкость формы инфинитива: *молчать* вмѣсто *молчи* и пр., мнѣ кажется, можно объяснить такъ. Предложеніе: *приказываю тебѣ молчать*, въ сокращеніи давало болѣе рѣзкую форму *молчать*. На вопросъ: *прикажете принять*—отвѣтъ: *принять*.

Повелительное наклоненіе употребляется прежде всего для выраженія повелѣнія, желанія, просьбы. Вотъ этотъ оттѣнокъ, затѣмъ еще то, что повелительное относится къ настоящему времени,—слѣдовательно можетъ способствовать особой выразительности, обусловило появленіе такихъ оборотовъ: „береги я денежку....., щепотки волосковъ лиса не пожалѣй, остался бъ хвостъ у ней".

Опредѣленіе залоговъ Руководства (121) слѣдующее: „*залогами называются тѣ глагольныя формы, которыя воспроизводятъ отношеніе подлежащаго къ сказуемому, представляя подлежащее либо какъ дѣятеля (все равно, подлиннаго* или фиктивнаго), *производящаго признакъ, данный въ сказуемомъ, либо какъ не-дѣятеля или какъ дѣятеля мнимаго, который не производитъ признака, даннаго въ сказуемомъ, и только отвѣчаетъ на вопросъ: кто? что?*".

Хотя въ опредѣленіи этомъ и говорится о „глагольной формѣ", но изъ дальнѣйшаго мы видимъ, что эта глагольная форма отступаетъ, въ сущности, на заднiй планъ.

„Такъ вотъ, во всѣхъ такихъ случаяхъ, когда нельзя поставить вопроса: «что дѣлаетъ подлежащее?», когда оно является дѣятелемъ меньшимъ и только отвѣчаетъ на вопросъ: «кто? что?» — мы имѣемъ *залогъ*, который называется страдательнымъ" (123). Оказывается даже, что есть случаи, когда и можно поставить вопросъ: „что дѣлаетъ подлежащее?", а все же будетъ страдательный залогъ: книга печатается..., и оказывается, потому что здѣсь чувствуется замѣна прежнихъ при-

матики—будто имъ опредѣляется предметъ, къ которому относится дѣйствіе" (А. Некрасовъ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 69 г. ч. CXLI, 21, прим.). „.....Наклоненіе опредѣленное, или изъявительное, будетъ показывать, что глаголъ склоняется къ своей опредѣленности, является какъ чистый глаголъ....." (ibid., 21).

частій страдательнаго залога; но, вѣдь это совсѣмъ не основаніе считать тогда страдательнымъ залогомъ.

Далѣе, такъ какъ въ безсубъектныхъ предложеніяхъ нѣтъ „дѣятеля", то получается вопросъ объ отсутствіи залога. Овсянико-Куликовскій стремится устранить возникающее недоумѣніе прежде всего тѣмъ, что мы сознаемъ присутствіе залоговъ въ такихъ выраженіяхъ, какъ *морозитъ*, *хитро придумано*, при чемъ „при отсутствіи подлежащаго (въ безсубъектныхъ предложеніяхъ) залогъ указываетъ, какъ *слѣдовало бы* смотрѣть на подлежащее, *если бы оно было*: какъ на дѣятеля или какъ на не-дѣятеля?". Затѣмъ указывается на то, что безсубъектныя предложенія возникли изъ субъектныхъ и „залоги древнѣе безсубъектности" (125).

Когда рѣчь заходитъ о залогахъ, какъ-то невольно вспоминаются слова Даля: „Нѣтъ той безсмыслицы, до которой бы нельзя было дойти, волей-неволей, слѣдуя нашей несчастной грамматикѣ, особенно когда рѣчь пойдетъ о глаголѣ... Вся грамматика глаголовъ нашихъ прицѣплена къ языку насильственно... Распредѣленіе глаголовъ на залоги—одно школярство" (4 вып., XX—XXI).

Любопытную картину той безпомощности, которая царила въ русскихъ грамматикахъ относительно залоговъ, даетъ Некрасовъ (О форм., 32): а какая путаница господствуетъ и теперь въ учебникахъ, характерно обрисовываетъ статья г. Тростникова „Опредѣленіе залоговъ въ школьныхъ грамматикахъ: русской, латинской и греческой (Фил. Зап. 97 г.) (Интересна также для исторіи увлеченія разнообразными дѣленіями залоговъ статья г. Гвоздикова въ Рус. Фил. В., 1904 г., № 1—2).

Все это я говорю къ тому, что ученіе о залогахъ у Овсянико-Куликовскаго, не устраняетъ всей создавшейся путаницы, не устраняетъ, потому что само оно не цѣльно: въ этомъ ученіи заложены два разныхъ принципа—формальный и лексическій.

Одна и та же форма, но какія разныя оттѣнки внутренняго отношенія принимаетъ она: посуда бьется, я бьюсь объ закладъ, бьется какъ рыба объ ледъ, сердце бьется.

Не лучше ли дѣлать дѣленіе чисто формально, какъ то дѣлали и раньше (напр. Даль, Некрасовъ), и теперь дѣлаютъ (напр. ак. Фортунатовъ, г. Вейсманъ), именно по окончаніямъ: глаголъ безъ *ся*, съ *ся*, и формы вспомогательнаго глагола—формы причастій.

Изъ прежнихъ болѣе цѣльныхъ дѣленій по синтаксическому употребленію я бы могъ привести дѣленіе Попова, данное имъ въ его син-

таксическихъ наблюденіяхъ. Залогъ опредѣляется здѣсь, какъ извѣстнаго рода отношеніе между производителемъ дѣйствія, объектомъ и подлежащимъ. Признаются три основныхъ залога: дѣйствительный, страдательный и средній; глаголы средняго залога раздѣляются на возвратные, взаимные и общіе сообразно уже дѣленію. Здѣсь, какъ мы видимъ, сказалась попытка упорядочить и сдѣлать болѣе *пріемлемымъ* господствовавшее ученіе о залогахъ.

При дѣленіи на залоги, мы должны непремѣнно выдвигать то, что основой дѣленія—синтаксическія отношенія, что *исконной* разницы между залогами нѣтъ.

Такимъ образомъ, я никакъ не могу согласиться со словами проф. Овсянико-Куликовскаго: „залогъ есть принадлежность не подлежащаго, не существительнаго, а *глагола*, *сказуемаго*, и притомъ такая, которая подобно времени и виду всегда на лицо...“ (124). Я не могу поставить на одну доску залогъ, видъ и время съ одной стороны, съ другой, въ этихъ словахъ я нахожу противорѣчіе у проф. Овсянико-Куликовскаго съ тѣмъ, что онъ самъ говоритъ ранѣе о залогахъ и ихъ узнаваніи.

Во всѣхъ многочисленныхъ попыткахъ нашихъ грамматикъ дать опредѣленіе „залоговъ“ [1] сказалось вліяніе греко-латинскихъ грамматикъ; но чуждъ этого вліянія и Овсянико-Куликовскій, особенно когда выдвигаетъ ученіе о залогахъ внѣ предложенія.

Говоря о глаголахъ, оканчивающихся на *ся*, нужно было бы подробнѣе остановиться на этой частицѣ, потому что ограничиться (Ср. 133 Руков.) лишь указаніемъ на ея первоначальное значеніе—нельзя, такъ какъ многое все же останется непонятнымъ: смыслъ не позволяетъ къ нѣкоторымъ глаголамъ присоединять это первоначально возвратное мѣстоименіе. И нужно думать, что *ся* во многихъ случаяхъ образовывалось при глаголахъ по *аналогіи*. Интересной особенностью глаголовъ на *ся* является какое-то большее выраженіе самостоятельности, дѣйствіе здѣсь какъ бы сосредоточивается само въ себѣ.

Овсянико-Куликовскій удерживаетъ дѣленіе глаголовъ на пере-

[1]) Залогъ—διάθεσις (расположеніе, состояніе). Различались 3 залога: ἐνεργητική, παθητική и οὐδετέρα (μέση), послѣдній залогъ назывался и общимъ, когда было значеніе дѣйствительнаго и страдательнаго (напр., τύπτομαι). У римскихъ грамматиковъ залоги—genera verbi (роды глагола) или significationes (значенія). Далѣе заимствованія у грековъ: genus activum, passivum, neutrum (commune). Были введены еще deponentia, т. е. глаголы съ формой страдательнаго залога, но со значеніемъ дѣйствительнаго (какъ бы отложившіе свою форму).

ходные и непереходные [1]), при чемъ, если „при глаголѣ имѣется дополненіе, необходимое для полнаго выясненія значенія даннаго глагола, т. е. дополненіе, обозначающее предметъ, на который простирается это дѣйствіе или которымъ такъ или иначе это дѣйствіе ближе опредѣляется, то такой глаголъ принадлежитъ къ разряду *переходныхъ*. Если дополненія нѣтъ или если оно не имѣетъ вышеуказаннаго значенія, то глаголъ относится къ разряду непереходныхъ“ (125).

Но здѣсь вообще можно задаться вопросомъ, не будутъ ли общепринятые термины эти только схоластичны: вѣдь они существа дѣла совсѣмъ не передаютъ. Разъ, напримѣръ, дополненіе „книгу“ (я читаю книгу) лишь *ограничиваетъ*, болѣе точно опредѣляетъ, если оно даже „измѣняетъ лексическое значеніе“ глагола (132), то при чемъ же здѣсь переходность или непереходность? Разъ то, что легло въ основаніе этихъ такъ ясно говорящихъ терминовъ, понимается нами вовсе не такъ,—то, зачѣмъ же сохранять эти термины, эти дѣленія по даннымъ рубрикамъ?

Виды опредѣляются такъ (135): *„видами называются глагольныя формы, въ которыхъ дѣйствіе (состояніе), выражаемое лексическимъ значеніемъ глагола, представлено оконченнымъ или неоконченнымъ, мгновеннымъ или длительнымъ, повторяющимся или неповторяющимся“*. А вслѣдъ за этимъ: „въ видахъ изображены способы совершенія дѣйствій!“. Дѣленіе же таково: 2 основныхъ вида — несовершенный (длительный) и совершенный (оконченный). Разновидности перваго: длительный 1-й степени: нести, вести;—2-й степени: носить, водить... проходить... походить; — 3-й степени, выражающей повторяемость, силу дѣйствія, а „также, наоборотъ, его слабость или небрежность и нѣкоторые другіе оттѣнки...“. Разновидности совершеннаго: окончательный: взять, сказать...; начинательный: закричать, запѣть...; мгновенный: мигнуть...

Не лучше ли опять-таки, чтобы избѣжать разнообразныхъ опредѣленій „видовъ“, опредѣленій, которыя также не могутъ претендовать на точность или ярко проведенную послѣдовательность, замѣнить мало говорящій термины виды—степенями длительности, какъ дѣлалъ это Павскій въ своихъ „Филологическихъ Наблюденіяхъ“. Степени, или лучше именно—степени длительности, это показываетъ, на

[1]) Маутнеръ (цит. соч., 20—21) въ дѣленіи на переходные и непереходные глаголы видитъ лишь неточность психологическаго пониманія. Разница между этими глаголами, по Маутнеру, только по степени: Schnee leuchtet...—mir, und blendet mich.

что здѣсь указывается. При чемъ, конечно, я не дѣлилъ бы на 6 „степеней", какъ то дѣлалъ Павскій, а только на 2 степени: 1)—длительная, 2)—оконченная. Такъ называемая многократность можетъ быть и въ 1 и 2 степени, слѣдовательно „многократность"—уже видъ степени длительной или оконченной наряду съ немногократностью. А то, почему же, беря, напримѣръ, раздѣленіе проф. Овсянико-Куликовскаго, мы будемъ считать многократными глаголы только вида несовершеннаго: вѣдь многократность можетъ относиться и къ дѣйствію законченному. Не говорю уже о томъ, что само опредѣленіе разновидности глаголовъ длительности 3-й степени у Овсянико-Куликовскаго не можетъ говорить о цѣльности. И на какомъ основаніи эти глаголы можно поставить на длительность разрядомъ дальше отнесенныхъ ко 2-й степени?

Если представимъ глаголъ степени длительной какой-либо большой линіей съ невиднымъ концомъ, то глаголъ степени недлительной, законченной будетъ небольшой черточкой или точкой. Многократный „видъ" или разновидность будетъ рядомъ этихъ черточекъ или точекъ, даже если многократный „видъ" образуется отъ степени длительной. И это психологически понятно: длительность въ настоящемъ, отодвигаясь въ прошедшее, дѣлается меньше, менѣе ощутимой. Что многократность относится къ прошедшему, на это указываетъ и невозможность отъ не сложенныхъ съ предлогами многократныхъ глаголовъ образовать настоящее время. Нельзя сказать: *я клёвываю, щипываю* и пр. Такимъ образомъ, здѣсь есть точки сближенія съ мгновенными глаголами, для которыхъ форма настоящаго по значенію=будущему.

Ученіе о видахъ въ русскомъ языкѣ начинается съ грамматики русско-нѣмецкой Фатера и разсужденія Болдырева (Труды Общ. Л. рус. слов. ч. II, IV); до тѣхъ поръ въ прежнихъ грамматикахъ М. Смотрицкаго [1]) и Ломоносова мы видимъ лишь увеличенное число временъ. У Ломоносова, напримѣръ, насчитано 10 временъ. Уже съ грамматики Востокова болѣе опредѣленное ученіе о видахъ. Затѣмъ на виды обратилъ вниманіе Павскій, выдвинувъ даже здѣсь при дѣленіи на „степени" два принципа дѣленія: по отношенію ко времени, и, что удивительно, и къ пространству. Видами занимались Шафрановъ, Николичъ, Некрасовъ, придававшій имъ огромное значеніе, г. Вейсманъ (статья въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 99, іюль) и въ послѣднее

[1]) Хотя уже отчасти и М. Смотрицкій подходилъ къ современному ученію о видахъ, когда говорилъ о первообразномъ и производномъ видахъ.

время, исключительно для практическихъ цѣлей, г. Нифонтовъ. Но не смотря уже на образовавшуюся литературу, разработка вопроса о видахъ, конечно, не может вполнѣ считаться законченной.

VIII.

7-я глава посвящена выясненію „перехода отъ составного сказуемаго къ простому", именно разсматривается замѣна существительнаго, прилагательнаго и причастія въ сказуемомъ несогласуемыми частями предложенія.

Древніе обороты со вторымъ именительнымъ, вторымъ винительнымъ постепенно замѣняются оборотами съ творительнымъ падежомъ. Это такъ называемый творительный предикативный. Предикативнымъ онъ является потому, что на немъ лежитъ печать предикативности какъ на бывшей части сказуемаго.

Многіе древніе обороты со вторымъ именительнымъ, какъ, напримѣръ: она жила вдова (ва—ой) въ настоящее время не возможны. Съ другой стороны, является въ нѣкоторыхъ случаяхъ удержаніе прежняго оборота и новаго, при этомъ замѣчается нѣкоторая разница въ оттѣнкахъ смысла. „Онъ былъ купецъ" и „онъ былъ купцомъ". Въ послѣднемъ примѣрѣ мы видимъ какой-то оттѣнокъ чего-то болѣе временнаго: онъ былъ купцомъ, а теперь онъ не купецъ.

На выясненіи разницы въ подобныхъ оборотахъ, на историческую эволюцію вообще творительнаго предикативнаго обратилъ особенное вниманіе Потебня въ своихъ Запискахъ. Его мысли по этому поводу были впервые очень хорошо популяризованы авторомъ разбираемаго „Руководства" въ статьѣ „Потебня какъ языковѣдъ и философъ" (помѣщ. въ Кіев. Стар.), затѣмъ въ Синтаксисѣ съ дополненіемъ новыхъ примѣровъ и, наконецъ, въ Руководствѣ. Въ послѣднемъ внесены новые примѣры изъ новой литературы, но, къ сожалѣнію, сокращены данныя историческаго характера, необходимыя для болѣе полной и яркой картины.

Разновидности творительнаго предикативнаго группируются, не безъ основанія, въ такомъ порядкѣ: 1) съ отвлеченнымъ глаголомъ—*быть*, 2) съ полуотвлеченными — *бывать, являться, стать* и т. д., 3) съ глаголами знаменательными, но не выражающими полной сказуемости, каковы: *казаться*, называться, слыть... (144).

Теперь, не анализируя всего приведеннаго матеріала, мы остановимся лишь на приведенныхъ выше примѣрахъ. Въ исторіи превращенія „онъ былъ купецъ" въ „онъ былъ купцомъ" сыгралъ роль,

по Овсянико-Куликовскому, творительный сравненія: сидѣть сиднемъ, выглядѣть бѣднякомъ и пр. И вотъ здѣсь-то, по Овсянико-Куликовскому, и лежитъ причина оттѣнковъ значенія этого новаго творительнаго: „это именно представленіе о признакѣ, выраженномъ творительнымъ, какъ о чемъ-то непостоянномъ, не составляющемъ стойкой, типичной, необходимой принадлежности подлежащаго (158)". Подобное объясненіе мнѣ не представляется вѣрнымъ. Причина лежитъ въ томъ, что глаголъ, напримѣръ, *быть* изъ отвлеченной связки дѣлается настоящимъ сказуемымъ, дѣлается глаголомъ „существованія", а въ такомъ смыслѣ въ прошедшемъ времени *былъ* самъ долженъ носить характеръ чего-то неустойчиваго: былъ, слѣдовательно теперь, нѣтъ. Не даромъ же поэтому при томъ же глаголѣ въ настоящемъ времени мы *никогда* не видимъ творительнаго предикативнаго.

IX.

Глава 8-я носить заголовокъ: „Подлежащее, его выраженіе, его устраненіе" (162—185). Оставляя первый § (161—171), трактующій о частяхъ рѣчи, употребляющихся для выраженія подлежащаго, займусь § 2 (171 — 185) — о „безсубъектныхъ предложеніяхъ".

Мнѣ думается, что даже начинать изученіе синтаксиса слѣдовало бы съ сличенія такъ называемыхъ безсубъектныхъ, или безличныхъ, предложеній съ предложеніями, имѣющими подлежащія. Тогда, вѣдь, скорѣе могутъ обнаружиться условія образованія „предложенія", изученіе котораго является основой для синтаксиса. При изслѣдованіи безсубъектныхъ предложеній приходится особенно затрогивать вопросъ объ отношеніи грамматики и логики. Безсубъектныя предложенія должны, прежде всего, вызывать недоумѣнія въ логикѣ: какъ смотрѣть на нихъ? Можно ли видѣть въ нихъ неполныя логическія сужденія, такъ какъ здѣсь нѣтъ того, что признается основнымъ для сужденія — соединенія подлежащаго и сказуемаго.

О безсубъектныхъ предложеніяхъ существуетъ уже спеціальная научная литература, ими занимались и филологи, и логики-философы. Послѣ извѣстнаго изслѣдованія Миклошича (Subjectlose Sätze, 2-е изд. 83), появились труды Марти (въ Vierteljahrschrift für wiss. Philosophie, 84), Шуппе (Zeitschrift für Völkerpsychologie, 86), Зигварда (Die Impersonalien, Freib. 88), Кайндля (Philos. Monatshefte, 92), Прохазки (Listy Filologické, 95), Ивановича (Die Impersonalien, B. 96). Въ русской научной литературѣ этимъ предложеніямъ посвящена об-

ширная глава въ Записк. Потебни и затѣмъ ими занимался и авторъ „Руководства“ (Изв. Ак. Н. по отд. р. яз. и сл. 1900 г.).

Во многомъ расходятся результаты приведенныхъ изслѣдованій, и въ настоящее время по нѣкоторымъ пунктамъ въ изложеніи не возможно быть догматичнымъ.

Безличными или безсубъектными предложеніями называются такія предложенія, въ которыхъ нѣтъ подлежащаго и нельзя его подразумѣвать. Терминъ *„безличный“*—переводъ латинск. *impersonalis*. Ясно основаніе послѣдняго названія: такіе глаголы, какъ pudet, хотя и имѣютъ окончаніе 3-го лица, но могутъ относиться безразлично ко всѣмъ 3-мъ лицамъ: me, te, illum, nos, vos, illos. Латинскіе грамматики не считали, такимъ образомъ, этихъ глаголовъ безъ окончанія (Ср. Diomedis Ars Gr., 337—8, Charisii, 562, 253, изд. Tenbner Gramm. Latin.). Миклошичъ, идя за Гриммомъ, впалъ въ ошибку, беря объясненія римскихъ грамматиковъ въ отрывочномъ видѣ и не находя поэтому настоящихъ основаній для названія „безличный“, даже находилъ приводимыя основанія у рим. грамм. странными (quod sine persona intelligi non potest, но послѣ этихъ словъ и слѣдуетъ нужное объясненіе). Поэтому совершенно ненужнымъ представляется выясненіе Гримма, что названіе „безличный“ объясняется тѣмъ, что относится къ среднему роду, а послѣдній какъ бы безличенъ.

У греческихъ грамматиковъ мы не находимъ ученія о безличныхъ предложеніяхъ. Греки думали, что въ подобныхъ предложеніяхъ подлежащее выпущено. При такихъ выраженіяхъ, какъ ὕει, βροντᾷ подразумѣвался Ζεύς, почему и подобныя выраженія назывались θεῖα ῥήματα, а такія слова, какъ χρή, δεῖ, относились къ нарѣчіямъ.

Только въ новое время появился терминъ „безсубъектные“. Его выставили сначала не филологи — Гербартъ, затѣмъ особенно Тренделенбургъ. Терминъ этотъ нашелъ себѣ яраго заступника въ лицѣ Миклошича.

Въ послѣднее время снова возвращались къ термину impersonalis. Такъ Кайндль (Phil. Mon., 92, XXVIII B., 5—6, 296—7), хотя и признавалъ, что терминъ этотъ узокъ, что онъ стоитъ въ противорѣчіи съ характеромъ глагола, тѣмъ не менѣе отдавалъ ему преимущество предъ терминомъ „безсубъектное“, въ виду того, что, по Кайндлю, этотъ послѣдній терминъ могъ вводить въ заблужденіе, когда будемъ смотрѣть на предложеніе съ логической точки зрѣнія (въ послѣднемъ случаѣ Кайндль, какъ и нѣкоторые другіе, находилъ здѣсь подлежащее).

Нѣкоторые изслѣдователи, выходя изъ общепризнаннаго опредѣленія сужденія, какъ непремѣнно состоящаго изъ двухъ главныхъ частей, стремились какъ-либо подогнать подъ это требованіе безсубъектныя предложенія. Въ этомъ случаѣ они стремились примирить данныя логики и грамматики. Поэтому основной точкой зрѣнія этихъ изслѣдователей на безсубъектныя предложенія было, что на самомъ дѣлѣ безсубъектныя предложенія имѣютъ или имѣли субъектъ, они двучленны, а не одночленны.

Другіе же изслѣдователи (*въ меньшинствѣ*) исходили изъ одночленности безсубъектныхъ предложеній и также стремились внести поправку въ общепризнанное опредѣленіе сужденія. По мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, для логическаго сужденія вовсе не необходимы 2 члена, логическое сужденіе должно быть опредѣляемо какъ утвержденіе или отрицаніе чего-либо.

Высказывались также мнѣнія, что безсубъектныя предложенія заключаютъ въ себѣ какъ бы соединеніе подлежащаго и сказуемаго, что этого своего рода Existentialsätze (ср. у Марти, 80, также Миклошичъ, 84).

Объяснялась возможность послѣдняго тѣмъ, что разъ глаголъ имѣетъ въ корнѣ своемъ существительное, то, при присоединеніи глагольнаго окончанія, нѣтъ нужды прибавлять еще глаголъ, напримѣръ, βροντᾷ вмѣсто βροντὴ γίγνεται. У насъ можно бы привести новообразованіе: *дождитъ*.

Послѣ всего сказаннаго я, естественно, подхожу отрицательно къ установленію такого общаго угла зрѣнія, которое сказалось въ изслѣдованіяхъ Потебни и Овсянико-Куликовскаго, озаглавившихъ разбираемый отдѣлъ — „Устраненіе подлежащаго“. Безусловно, во многихъ случаяхъ это было „устраненіе“, а въ другихъ трудно сказать съ такой увѣренностью. Мнѣ кажется, что въ созданіи безсубъектныхъ предложеній играло роль много разныхъ мотивовъ. Всѣ эти двигатели приводили къ одному результату, и ошибки изслѣдователей заключались въ томъ, что, подмѣчая какую-либо характерную черту однихъ безсубъектныхъ предложеній, изслѣдователи стремились часто этой чертой объяснить всѣ другія, и получалась искусственность объясненія.

Какъ справедливо указываетъ Шуппе (Zeitschr. XVI B. 3, 258 и слѣд.) не все, о чемъ мы думаемъ, находитъ себѣ выраженіе въ языкѣ: если для слушающаго что-либо очевидно, то оно опускается говорящимъ. Такимъ образомъ, уже здѣсь, строго говоря, мы не мо-

жемъ говорить объ устраненіи подлежащаго (конечно, грамматическаго). Затѣмъ, развѣ нельзя предположить, что могли быть случаи возникновенія съ самаго начала образованія рѣчи оборотовъ подобныхъ безсубъектнымъ. Если вначалѣ въ одномъ словѣ предполагается возможнымъ соединеніе впечатлѣній отъ дѣйствователя и дѣйствія, то почему же потомъ, при расчлененіи, не могло быть того, что оставалось именно впечатлѣніе отъ дѣйствія безъ яснаго сознаванія дѣйствователя. Наконецъ, тѣ замѣны, которыя наблюдаются и могутъ быть вполнѣ понятны, какъ *дождь идетъ—дождитъ, морозъ—морозитъ* и пр., могутъ также говорить противъ неукоснительнаго проведенія „устраненія подлежащаго".

Можно было бы думать, что *„дождитъ"* изъ *дождь дождитъ,* какъ напримѣръ, „не громъ гремитъ, не стукъ стучитъ", „став Божій світ світати". Но собственно и послѣдніе случаи не могутъ говорить о своей первоначальности.

Жаль, что въ приводенныхъ образцахъ въ Руководствѣ нѣтъ примѣровъ изъ народной поэзіи: въ послѣдней, какъ извѣстно, богатство безсубъектныхъ предложеній.

При дѣленіи безсубъектныхъ предложеній проф. Овсянико-Куликовскій обращаетъ главное вниманіе въ сторону подлежащаго и посему усматриваетъ различную степень безсубъектности...

Нужно было бы обратить вниманіе и на такіе обороты: „я дома", а „меня нѣтъ дома" — уже безлично. Бываютъ случаи, когда и въ неотрицательномъ: е того цвіту... Въ выраженіи, напримѣръ, „есть зубы" — зубы, по всей вѣроятности, винительный падежъ, такъ въ польскомъ bito chwilę, (ср. Ягичъ, Beiträge zur slav. Syntax, W. 99, 16).

Проф. Овсянико-Куликовскій не упоминаетъ о субъектности такихъ выраженій: „чужую бѣду руками разведу, а къ своей бѣдѣ ума не приложу". Здѣсь эта безсубъектность выступаетъ при 1 лицѣ единственнаго числа. Примѣры подобной же безсубъектности можно видѣть и при сказуемомъ въ 1 и 2 лицѣ множественнаго числа: „какъ ни живемъ, хлѣбъ жуемъ", „съ нимъ ничего не подѣлаете".

Скажу еще, что въ самомъ дѣленіи безсубъектныхъ предложеній у Овсянико-Куликовскаго нѣтъ одного твердо приведеннаго принципа: здѣсь за основу берется и грамматическая, формальная точка зрѣнія, и внутренняя — смыслъ; получается большая или меньшая неопредѣленность.

X.

3 небольшихъ главы 9, 10, 11 (185—207) посвящены: 9 — опредѣленію и приложенію, 10 — дополненію, 11 — обстоятельству.

Хорошо извѣстно, что тѣ указанія, которыя надолго легли въ основу нашихъ разборовъ, указанія, данныя Буслаевымъ относительно опредѣленія второстепенныхъ членовъ, вводили въ неразрѣшимыя противорѣчія. Различались эти члены съ двухъ сторонъ: 1 — синтаксическаго употребленія и 2 — по значенію. Иногда оказывалось, что въ силу буслаевскихъ опредѣленій чуть ли не обстоятельственное слово могло быть почитаемо за подлежащее. На всѣ эти противорѣчія было указано Потебней и имъ былъ указанъ новый путь для разбора.

Отмѣчая бо́льшую независимость обстоятельствъ передъ другими второстепенными членами предложенія, Овсянико-Куликовскій выдѣляетъ обстоятельственныя слова, колеблющіяся между дополненіемъ и обстоятельствомъ. Важнѣйшими изъ этихъ „фиктивныхъ" обстоятельствъ и „фиктивныхъ" дополненій, напримѣръ: родительной даты: это случилось перваго января; творительный образъ дѣйствія: итти войной, и другія. Отличительная черта подобныхъ выраженій — ихъ большая независимость отъ глагола, какъ другихъ дополненій.

XI.

Главы 12 и 13 посвящены „частицамъ предложенія": предлогамъ и союзамъ.

Къ сожалѣнію, въ ученіи о предлогахъ повторено ошибочное воззрѣніе, проведенное проф. Овсянико-Куликовскимъ еще въ „Синтаксисѣ", что предлоги управляютъ падежами: „управлять падежами — это ихъ прямая обязанность, въ этомъ ихъ синтактическое призваніе"... (208). „Теперь, говоритъ Маутнеръ (zur Grammatik, 14), отъ лучшихъ учителей нельзя болѣе услышать, что предлогъ управляетъ падежомъ". Нельзя сказать, чтобы и у насъ не обратили вниманіе на эту устарѣвшую точку зрѣнія старыхъ грамматикъ. Такъ, напримѣръ, въ начертаніи церк.-славянской грамматики профессора Будиловича мы находимъ вполнѣ правильное ученіе о томъ, что предлогъ является для оказанія помощи падежу, не могущему уже выражать прежнее отношеніе въ силу постепеннаго забвенія значенія этого падежа. Этимъ

то и объясняется, что послѣ одного и того же предлога мы видимъ разные падежи. У насъ есть яркій примѣръ, какъ предлоги являются тамъ, гдѣ ихъ не было: это — прежній мѣстный, а теперь предложный падежъ.

Затѣмъ, нѣкоторое противорѣчіе внесено въ ученіе о нарѣчіяхъ— предлогахъ. Отмѣчается, что нарѣчія самостоятельнѣе, самобытнѣе предлоговъ, они могутъ употребляться безъ дополненія — „быть вмѣстѣ"., но они могутъ и „управлять падежомъ", „но это не составляетъ ихъ назначенія; это, если можно такъ выразиться, ихъ *право*, а не *обязанность*, — они управляютъ падежами на тѣхъ же „правахъ какъ дѣлаютъ это имена и глаголы" (208). Далѣе (209) подобныя нарѣчія отнесены подъ рубрику: предлоги — нарѣчія или фиктивные, на 211 — сказано: „эти формы являются нарѣчіями тогда, когда не управляютъ падежомъ"...

На страницѣ 212 приведенъ примѣръ „разжаловать въ рядовые, въ солдаты", при чемъ отмѣчено, что это „старыя формы винительнаго множеств." Еще вопросъ — дѣйствительно ли здѣсь остатки прежняго или нѣчто другое. Вѣдь, какое слово, обозначающее лицо, мы ни возьмемъ, и если это слово во множественномъ числѣ будетъ обозначать не лица какъ таковыя, а собраніе извѣстное какъ цѣлое, какъ сословіе, касту и прочее, то мы увидимъ тѣ же окончанія стараго винительнаго сходнаго съ именительнымъ. А тожество въ этомъ случаѣ остается, какъ извѣстно для предметовъ неодушевленныхъ. „Онъ поступилъ въ попы", „онъ выбранъ въ профессоры", и что характерно: „онъ выбранъ въ профессор*а*" или: „онъ мѣтитъ въ офицеры" и въ другомъ значеніи: „онъ мѣтитъ въ офицеровъ".

Въ главѣ 13-й, кромѣ союзовъ, разсматриваются еще относительныя мѣстоименія и нарѣчія, употребляющіяся для выраженія связи между предложеніями.

Наша рѣчь съ многочисленными союзами — результатъ долгаго развитія языка. Можно предположить возможность существованія періода, когда рѣчь слагалась совсѣмъ отрывисто: я знаю, ты идешь, и прочія. Весьма вѣроятно, что ранѣе для связыванія этихъ предложеній прибѣгали къ формамъ причастія, неопредѣленнаго наклоненія. Какъ образовывались союзы, наглядно можетъ указывать тотъ постепенный переходъ нарѣчій въ союзы, который мы сами можемъ наблюдать. Если нарѣчіе теряетъ присущій ему характеръ обстоятельственнаго слова, т. е. когда мало по малу исчезаетъ его лексическое значеніе и оно превращается главнымъ образомъ въ соединительное звено между

предложеніями, оно дѣлается союзомъ. Такъ какъ въ этихъ словахъ все же сохраняется хотя отчасти ихъ лексическое значеніе, ихъ можно считать союзами и нарѣчіями, хотя я относилъ бы ихъ къ союзамъ: вѣдь отнесены же къ союзамъ — поэтому, за всѣмъ тѣмъ, оттого что, вслѣдствіе того, что..., хотя эти союзы также образовались изъ соединенія разныхъ частей рѣчи и сохраняютъ лексическое значеніе.

Вѣдь самъ терминъ „союзъ" показываетъ лишь что это слово для связыванія. Правда, подъ этотъ терминъ подводятся, главнымъ образомъ, такія „частицы предложенія", какъ *и*, *но*, *ли* и прочее, но это какъ бы союзы самой чистой воды. На самомъ же дѣлѣ, приходится въ число союзовъ включить и не „частицы предложенія".

Нельзя согласиться также съ тѣмъ, что говорится на 223 страницѣ о различіи между нарѣчіями и союзами-нарѣчіями: „первыя ближайшимъ образомъ относятся къ какому-нибудь слову другого предложенія, между тѣмъ какъ вторыя не имѣютъ ближайшаго отношенія къ опредѣленному слову другого предложенія и подчиняютъ одно предложеніе другому, какъ цѣлому. Напримѣръ, относительное *когда* въ фразѣ „это случилось въ тотъ самый *моментъ*, *когда* я выходилъ изъ дому" ближайше относится къ слову *моментъ*, находящемуся въ другомъ предложеніи; но *союзъ-нарѣчіе когда* во фразѣ „я вернусь, когда покончу со всѣми дѣлами", не относится ни къ какому слову другого предложенія и только связываетъ"... (223).

Здѣсь, чтобы быть болѣе послѣдовательнымъ, можно лишь говорить о большемъ или нѣсколько меньшемъ сохраненіи лексическаго значенія „союзами-нарѣчіями". Вотъ это исчезновеніе первоначальной яркости значенія наблюдается и въ мѣстоименіяхъ, когда, напримѣръ, послѣднія, дѣлаясь „союзами—словами", изъ вопросительныхъ переходятъ въ относительныя: *который* часъ? я не знаю, *который* часъ; часъ, *который* провелъ я съ вами, памятенъ мнѣ".

Небольшая 14 глава (230—6) непосредственно примыкаетъ къ 13-ой. Здѣсь говорится о „видахъ предложеній". Говоря о сложныхъ предложеніяхъ, слѣдовало бы не прибѣгать, правда, къ общеупотребительнымъ терминамъ — „главное" и „придаточное", терминамъ — наслѣдіямъ отъ старинной грамматики, а замѣнить ихъ независимое и зависимое предложенія или самостоятельное и несамостоятельное.

Наконецъ, 15-я глава (около 1 страницы, 236—237) говоритъ о „словахъ внѣ предложенія" (обращенія, восклицанія, вводныя слова, вводныя нарѣчія).

XII.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію „Грамматики" проф. Овсянико-Куликовскаго я долженъ закончить свой подробный разборъ „Руководства" слѣдующими общими замѣчаніями. Весьма вѣроятно, что авторъ „Руководства" и не задавался такой широкой постановкой своей задачи, какъ можетъ быть это сказалось въ моихъ замѣчаніяхъ, моихъ пожеланіяхъ. Но мнѣ кажется, что безъ такой широкой постановки потеряется основная цѣль „Руководства" и послѣднее лишь обратится въ типъ учебника. Я поэтому, напримѣръ, и теперь ставлю выше „Синтаксисъ" Овсянико-Куликовскаго его „Руководства", несмотря на то, что, очевидно, самъ авторъ въ изложеніи многихъ отдѣловъ своего „Синтаксиса" разочаровался, а въ „Руководствѣ" далъ новое изложеніе этихъ вопросовъ. Въ „Синтаксисѣ" особенно хороша историческая часть, тотъ матеріалъ постепеннаго развитія языка, который можетъ, дѣйствительно, заинтересовать, заставить задуматься надъ разными явленіями языка. Благодаря вообще проникающему „Синтаксисъ" историческому элементу, получается для многихъ явленій своего рода историческая точка зрѣнія, и явленія эти дѣлаются яснѣе, понятнѣе для изучающаго. Поэтому нѣкоторые отдѣлы „Руководства" положительно требуютъ дополненій изъ „Синтаксиса". И при обращеніи къ чутью языка именно важны матеріалы сравнительнаго и историческаго характера. И въ самомъ „Синтаксисѣ", въ тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ менѣе обращено вниманія на эту сторону, слышится какая-то неувѣренность выводовъ, недосказанность.

XIII.

Наша школьная грамматика до сихъ поръ представляетъ какой-то сколокъ съ грамматикъ греческихъ и латинскихъ. Ту же участь дѣлитъ и школьная грамматика въ Западной Европѣ. Страннымъ можетъ показаться это: вѣдь, давно уже сознаны крупные недостатки греческихъ и латинскихъ грамматикъ, давно установленъ иной взглядъ на языкъ и на отношеніе къ нему науки. Но нужно помнить, что языкознаніе — наука еще молодая: въ ней много еще не разработаннаго, и потому не мудрено, что древнее наслѣдство остается еще въ полной силѣ. Синтаксисъ въ этомъ отношеніи представляетъ особенные слѣды вліянія древности. Древніе греки и римляне смотрѣли на изученіе языка съ практической точки зрѣнія, поэтому синтаксисъ

несъ служебную роль: онъ училъ языку. Такой же точки зрѣнія держались и позднѣйшія поколѣнія — средневѣковье и гуманизмъ, когда изученіе латинскаго языка было на первомъ планѣ. Господство латинскаго синтаксиса въ то время повлекло затѣмъ въ дальнѣйшемъ обработку по образцу этого синтаксиса синтаксисовъ другихъ языковъ. Новѣйшее языкознаніе, обративъ вниманіе на существенные недостатки синтаксисовъ, построенныхъ по образцу чужихъ языковъ, направило главное свое вниманіе на изученіе другихъ сторонъ языка, преимущественно звуковыхъ. И такимъ образомъ, школьная грамматика осталась въ безпомощномъ положеніи.

До начала 19 столѣтія для нашихъ школьныхъ грамматикъ образцомъ служила грамматика Ломоносова. Въ началѣ 19 столѣтія грамматика Ломоносова была нѣсколько видоизмѣнена Соколовымъ и въ этомъ видѣ являлась образцомъ до появленія грамматикъ Востокова и Греча. Къ 30-мъ годамъ относится именно господство грамматики Греча, далеко уступавшей въ научномъ отношеніи грамматикѣ Востокова, но превосходившей послѣднюю въ педагогическомъ отношеніи. Нѣкоторое оживленіе внесла небольшая грамматика Половцева, пользовавшаяся также популярностью... Въ дальнѣйшемъ обнаружились попытки разбить прохожденіе грамматики на 2 курса, результатомъ чего являлся извѣстный въ свое время „Высшій курсъ грамматики" Стоюнина (въ 55 г.). Послѣ этого времени появился цѣлый рядъ разнообразныхъ школьныхъ грамматикъ. Однѣ изъ нихъ появлялись и вскорѣ исчезали со школьнаго горизонта, другія же долго просуществовали, выдержавши много изданій. А, въ сущности, всѣ эти грамматики такъ мало отличались другъ отъ друга. Всѣ онѣ только составлены для иностранцевъ: параграфы съ склоненіями, спряженіями, съ разнообразными исключеніями, со всѣмъ тѣмъ матеріаломъ, который и безъ того хорошо былъ извѣстенъ школьнику. Эти парадигмы лишь забивали учащагося: понятныя въ учебникѣ латинскаго, французскаго и другихъ языковъ, онѣ непонятны въ учебникѣ родного языка. И большинство приводимыхъ правилъ являлось совершенно ненужнымъ для того, чтобы хорошо владѣть роднымъ языкомъ, а между тѣмъ въ нѣкоторыхъ изъ грамматикъ ясно сказывалась тенденція учить говорить и писать правильно.

И положеніе преподавателя русскаго языка въ средней школѣ является очень затруднительнымъ. Тѣмъ болѣе оно затруднительно, что и изъ университета этотъ преподаватель не выноситъ часто общей филологической основы, тѣхъ общихъ твердыхъ воззрѣній на языкъ,

которыя бы дали ему возможность быть болѣе самостоятельнымъ въ дальнѣйшемъ. И неудивительно затѣмъ, что отъ школьника требуется разрѣшеніе такихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ оказывалось не подъ силу ученымъ.

Какъ же поставить преподаваніе синтаксиса и вообще грамматики въ нашей средней школѣ? Много разъ давались уже отвѣты на этотъ вопросъ. Общее желаніе реформировать бывшее и существующее.

„Если бы хоть одинъ учебникъ русской грамматики, замѣчаетъ проф. Будде (Учебникъ грамм., К. 1900, V—VI), былъ изложенъ научнымъ языкомъ, такимъ, какъ учебникъ ариѳметики, и взялъ бы для себя матеріалъ изъ области самой науки современнаго намъ живого русскаго языка, нашей изящной литературы, излагая этотъ матеріалъ научнымъ методомъ, то это обстоятельство навѣрно послужило бы причиной того, что такой учебникъ русской грамматики былъ бы признанъ труднымъ и непрактичнымъ для школы".

Съ этимъ трудно согласиться. Не въ языкѣ здѣсь дѣло. Вопросъ лишь можетъ быть, насколько доступны та или другая научная система въ извѣстномъ возрастѣ, для извѣстнаго умственнаго развитія, а затѣмъ уже и какъ изложить эту систему.

Изучать синтаксисъ, близкій къ научному изложенію, въ младшихъ классахъ, конечно, не возможно. Тамъ могутъ быть только сообщаемы краткія свѣдѣнія о законахъ сочетанія словъ въ „предложенія", о частяхъ рѣчи. Изученіе же синтаксиса русскаго должно быть въ связи съ предварительными небольшими свѣдѣніями о языкѣ вообще, о психологіи мышленія.

Нужно ввести учащагося прежде всего въ психологію мышленія, познакомить съ психологическими законами. Изложеніе этихъ законовъ должно предшествовать анализу различныхъ стадій человѣческой мысли (такимъ образомъ, я не согласенъ съ мнѣніями, высказанными проф. Овсянико-Куликовскимъ въ его статьѣ—„О преподаваніи синтаксиса русскаго языка", Вѣстн. Восп. 1903 г. № 1, 5—7). Градація въ образованіи человѣческаго мышленія должна быть выяснена постепенно. Говоря о законахъ психики, можно оттѣнить прежде всего разницу между предметнымъ мышленіемъ, свойственнымъ животнымъ и дѣтямъ—до усвоенія рѣчи, и мышленіемъ грамматическимъ. Затѣмъ уже, разъяснивъ это послѣднее, можно оттѣнить образующуюся разницу: мышленіе болѣе отвлеченное съ одной стороны, съ другой—художественное.

И въ дальнѣйшемъ нужно стремиться къ тому, чтобы поменьше

было формальнаго, которое и не можетъ быть какъ слѣдуетъ оцѣнено учащимся, а побольше такого, чтобы учащійся видѣлъ ясно, что онъ идетъ впередъ, что знанія его увеличиваются. А въ области языка многое могло бы найтись такое, которое могло быть сознательно усвоено учащимся и даже не только усвоено, но даже самостоятельно продумано. И вѣдь настоящей цѣлью изученія языка даже въ средней школѣ вовсе не должно быть усвоеніе правилъ, а чтобы изъ учащагося постепенно вырабатывался сознательный наблюдатель богатаго матеріала, который самъ собой растетъ съ годами у каждаго.

XIV.

Въ предисловіи къ „Грамматикѣ" проф. Овсянико-Куликовскій высказываетъ, что при составленіи ея онъ руководился, чтобы 1) его учебникъ не былъ лишь сухимъ перечнемъ правилъ и исключеній, чтобы изложенъ онъ былъ такъ, какъ излагаются учебники по другимъ предметамъ; 2) само изложеніе начиналось съ изученія связной рѣчи, а на конецъ уже оставлялась бы „анатомія" слова. Здѣсь же Овсянико-Куликовскій строитъ и планъ прохожденія по его учебнику для четырехъ классовъ (начиная съ 3-го—6-го кл.).

Желаніе составить учебникъ грамматики въ такомъ же видѣ, какъ, напримѣръ, пишутся учебники по исторіи—прекрасная мысль, но здѣсь матеріалъ совсѣмъ другой—и хорошая грамматика не вызоветъ такого интереса у учащагося, какъ хорошій учебникъ исторіи; не говоря уже о томъ, что и вообще привести эту мысль въ исполненіе—дѣло очень трудное. Для этого недостаточно одного научнаго знанія предмета, необходимо умѣть приспособиться къ возрасту, къ которому принаравливается изложеніе, войти, сжиться съ психологіей этого возраста. Необходимо умѣть облечь въ яркую картину то, что для другого возраста уже можетъ быть представлено въ болѣе отвлеченномъ видѣ. И мнѣ кажется, не можетъ претендовать на такое изложеніе разсматриваемый учебникъ. Въ этомъ отношеніи онъ не лучше многихъ другихъ, несмотря на то, что написанъ авторомъ, извѣстнымъ въ наукѣ своими спеціальными работами. Мнѣ кажется, многое останется не понятымъ, напримѣръ, учениками 3-го класса въ 1-й части грамматики. Для примѣра я приведу нѣсколько выдержекъ и замѣчу при этомъ, что хотя это и отрывочныя мѣста, но онѣ взяты изъ самаго начала параграфовъ: „признакъ (напр., бѣлизны) производится дѣйствіемъ предмета (который бѣлѣетъ), но потомъ этотъ же признакъ, уже произведенный, уже готовый, приписанъ предмету и

представленъ просто какъ его принадлежность..." (19), *„бѣлѣющій* снѣгъ" значитъ, что снѣгъ произвелъ свою бѣлизну и теперь обладаетъ этимъ признакомъ" (19), „о причастіи можно сказать, что оно—прилагательное, но такое, въ которомъ сквозитъ образъ дѣйствующаго предмета" (19), „теперь вообразимъ, что въ нарѣчіи (т. е. въ *признакѣ признака)* просвѣчиваетъ намекъ на предметъ, который, дѣйствуя, производитъ то, что выражено нарѣчіемъ" (20)... „выраженіе „въ городѣ", по смыслу, отвѣчаетъ на вопросъ „гдѣ"?", но внѣшнимъ образомъ онъ (оно?) отвѣчаетъ такъ, какъ будто вопросъ гласилъ не „гдѣ?", а „въ чемъ?".

Представляется совсѣмъ неудобнымъ предполагаемая планировка, когда „анатомія слова" отнесена на конецъ, отнесена къ 6-му классу. Съ этой „анатоміей" придется волей-неволей знакомить на первыхъ же порахъ, и она доступнѣе, чѣмъ анализъ предложенія. Да и какъ можно сознательно усвоить части рѣчи, не познакомившись предварительно съ этой „анатоміей слова", которая и на первыхъ порахъ могла бы представить много занимательнаго для учащагося.

Конечно, при изученіи языка естественно выходить изъ цѣльной рѣчи, изъ „предложенія", затѣмъ уже переходить къ анатоміи отдѣльныхъ частей этой рѣчи. Но еще вопросъ, удобно ли примѣнять это при ознакомленіи съ строемъ языка. Не удобнѣе ли, чѣмъ переходить постепенно отъ „предложенія" къ звуку, взять нѣчто среднее. отдѣльное слово, хотя бы это слово и являлось „искусственнымъ препаратомъ". Впрочемъ, можно было бы и согласиться съ проведеніемъ подобнаго метода, но, во всякомъ случаѣ, сконцентрировавъ матеріалъ, а не растягивая его на 3—4 класса.

Въ „грамматикѣ" различныхъ „правилъ", парадигмъ, раздѣленій и подраздѣленій очень много. Въ этомъ случаѣ она не уступаетъ другимъ. Притомъ и здѣсь иногда изложеніе не особенно удачное. Напримѣръ: „послѣ числительныхъ *два, оба, три, четыре, именительный падежъ именъ предметовъ одушевленныхъ и именительный и винительный именъ предметовъ неодушевленныхъ* имѣютъ форму, *сходную съ родительнымъ падежомъ единственнаго числа*: два *человѣка*, оба *друга*, четыре *лошади* (все это именительные падежи; *но въ винительномъ падежѣ: двухъ человѣкъ, обоихъ друзей, четырехъ лошадей)*, двѣ *книги*, три *яблока*.... (все это именительные и винительные падежи)" (59). Или возьму другое мѣсто въ другомъ родѣ: „сравнимъ дѣепричастіе съ обыкновеннымъ нарѣчіемъ,—и мы замѣтимъ, что первое не только обозначаетъ (признакъ признака), но

отчасти и высказываетъ, между тѣмъ какъ второе только обозначаетъ. Такова разница между: *чернѣя и черно, презирая и презрительно, задумавшись и задумчиво* и т. д. Напримѣръ, въ фразѣ: „онъ сидѣлъ *задумавшись*“ дѣепричастіе не только обозначаетъ признакъ (задумчивости), но и *высказываетъ*, что сидѣвшій господинъ *задумался*. Но если скажемъ: „онъ сидѣлъ *задумчиво*“, то этого высказыванья уже не будетъ. „Задумчиво“ (простое нарѣчіе) отвѣчаетъ на вопросъ: какъ? Дѣепричастіе „задумавшись“, отвѣчая на тотъ же вопросъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предполагаетъ еще и вопросъ: „что дѣлая“? или „въ какомъ состояніи находясь?“. Можно было бы подобрать примѣры, болѣе рельефно оттѣняющіе разницу (напр., онъ говорилъ ласково,—лаская,—презрительно, презирая), и пояснить ихъ болѣе просто, примѣняясь именно къ послѣднимъ словамъ приведеннаго текста или примѣняя семазіологическія свойства прилагательнаго и глагола.

Возьмемъ еще для примѣра разграниченіе существительныхъ: „существительныя дѣлятся на 3 разряда: 1) *знаменательныя* или *именныя*, которыя обозначаютъ опредѣленные сорта предметовъ и все, что въ словѣ представлено такъ, какъ будто оно—предметъ..., эти существительныя называются также нарицательными. Различается особый видъ знаменательныхъ существительныхъ—*имена собственныя*... 2) *Мѣстоименныя*, или *мѣстоименія—существительныя*, которыя означаютъ не самые предметы, а только то, что они существительныя... 3) *Числительныя*...“ (26—27).

Прежде всего, можетъ вызвать недоумѣніе опредѣленіе мѣстоименныхъ существительныхъ, обозначающихъ будто бы не самые предметы, а только, что они существительныя: вѣдь это совсѣмъ невѣрно, такъ какъ здѣсь долженъ быть выдвинутъ лишь способъ обозначенія. Затѣмъ, въ дѣленіи на собственныя и нарицательныя проф. Овсянико-Куликовскій стоитъ вполнѣ на точкѣ зрѣнія нашихъ школьныхъ грамматикъ, а дѣленіе это въ томъ видѣ, какъ оно обыкновенно проводится, неправильно: всякое существительное знаменательное можетъ быть и собственнымъ, и нарицательнымъ. Если я говорю: „дай мнѣ книгу“, при чемъ подразумѣваю опредѣленную, извѣстную книгу, то послѣднее слово—собственное. Оно такое же собственное, какъ названія въ семьѣ—Иванъ, Петръ и пр. Если слово „книга“ теряетъ эту свою ограниченную область значенія, то оно дѣлается нарицательнымъ, что одинаково случается и съ названіями Петръ, Иванъ и пр., получается, такимъ образомъ, множественное число: книги, Иваны...

Тогда для лучшаго опредѣленія, для перенесенія этихъ названій снова въ область собственныхъ требуются новыя опредѣленія: моя книга, Иванъ Сидоровъ и пр. Слѣдовательно, между „нарицательными" и „собственными" именами нѣтъ такой разницы, какая рисуется обыкновенно въ грамматикахъ, и путь ихъ развитія таковъ, что сначала слова имѣютъ видъ собственныхъ именъ, а затѣмъ, постепенно, дѣлаются нарицательными, это путь отъ представленія къ понятію.

Если мы говоримъ, что каждое названіе можетъ быть нарицательнымъ и собственнымъ, то тѣмъ самымъ мы дѣлаемъ яснымъ, почему подъ собственными именами мы подразумѣваемъ въ сущности не одинаковыя представленія. Если понятіе о предметѣ слагается изъ различныхъ представленій, то то же происходитъ и съ собственнымъ именемъ.

Однимъ изъ крупныхъ общихъ недостатковъ „грамматики" является отсутствіе разбора сложныхъ предложеній и недостатокъ въ чисто орѳографическихъ указаніяхъ. А послѣдняя составитель могъ бы свободно ввести даже вмѣсто совершенно ненужныхъ подраздѣленій, и указанія эти, кромѣ своей практической важности, могли бы быть даже интересны (зависимость правописанія отъ чувства языка, напр., въ нарѣчіяхъ и пр.).

И. Грушевій.

Проф. *В. Ключевскій.* Курсъ Русской Исторіи. Часть III. Москва. 1908.

Третья часть Курса Русской Исторіи профессора Ключевскаго открывается необычайными предостереженіями почтеннаго автора. Прежде всего приложенъ особый листъ съ извѣщеніемъ отъ автора, что всѣ изданія, предлагавшіяся подъ видомъ его курса, представляютъ собою безъ исключенія недобросовѣстную макулатуру, что только экземпляры, снабженные штемпелемъ автора, представляютъ изъ себя единственно подлинный текстъ, что всѣ авторскія права удерживаются авторомъ и на будущее время. Этимъ выдвинутымъ цѣлымъ арсеналомъ запретительныхъ и оборонительныхъ мѣръ изданіе забронировано отъ посягательства постороннихъ лицъ на контрафакцію. Все это, повторяемъ, необычайно; ничего подобнаго намъ до сихъ поръ встрѣчать не приходилось. Само собою разумѣется, подобныя фальсификаціи должны быть лестны для самолюбія автора, такъ какъ, очевидно, курсъ его настолько хорошъ, что было желательно его

подделывать: фальсифицировать дурной курсъ охотниковъ не нашлось бы. Но должно также сказать, что нѣкоторая доля вины въ этой фальсификаціи падаетъ на самого почтеннаго автора: если бы онъ не держалъ такъ долго подъ спудомъ свой курсъ и издалъ его 10—15 лѣтъ тому назадъ, никому и въ голову не пришло бы прибѣгать къ фальсификаціи. Никто не станетъ пить испорченную воду, когда есть чистая ключевая.

Лежащая передъ нами третья часть курса обнимаетъ собою исторію Россіи за XVII вѣкъ. Она открывается блестящимъ обзоромъ исторіи нашего отечества за послѣдніе $2^1/_2$ вѣка—отъ смутнаго времени до половины XIX вѣка; авторъ указываетъ на главнѣйшія явленія въ теченіе этого періода; они слѣдующія: новая династія, новые предѣлы территоріи, новый строй общества съ новымъ правительственнымъ классомъ и новый складъ народнаго хозяйства. Но вызываютъ, говоритъ авторъ, недоумѣнія слѣдующія явленія. Соотвѣтственно съ расширеніемъ территоріи идетъ уменьшеніе внутренней свободы народа, съ расширеніемъ территоріи увеличивался розмахъ власти, но уменьшался подъемъ народнаго духа, съ развитіемъ промышленности идетъ уменьшеніе его политическихъ правъ. Но въ противоположность этому замѣчается расширеніе правъ и вліянія правящаго класса, перешедшаго изъ рукъ боярства въ руки дворянства, выродившагося, наконецъ, въ бюрократію. Является соціальное неравенство, сопровождаемое нравственнымъ отчужденіемъ правящаго класса отъ управляемой массы. Причины этихъ историческихъ *антиномій*, какъ ихъ называетъ авторъ, лежатъ въ неестественномъ отношеніи внѣшней политики государства къ внутреннему росту народа; народъ не поспѣвалъ за дѣятельностью государства; задачи, ставившіяся предъ государствомъ вслѣдствіе его внѣшняго роста, были не подъ силу народу. Если въ прежній періодъ исторіи Россія вела на западѣ только оборонительныя войны, то теперь, съ Полтавы, ея войны имѣютъ наступательный характеръ. Россія стремится занять въ системѣ Европейскихъ государствъ должное мѣсто. Послѣ Петра I, при его недостойныхъ преемникахъ и преемницахъ, когда тронъ ихъ заколебался, государямъ приходилось опираться на дворянское сословіе, которому за это даются разныя права и преимущества за счетъ низшаго класса, окончательно закабаляемаго помѣщикамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и политическое сознаніе въ русскомъ обществѣ; въ замѣнъ вотчины вырабатывается понятіе о Россіи, какъ о государствѣ, и о государѣ, какъ о верховномъ правителѣ. Толчекъ этимъ новымъ понятіямъ дала смута въ

Московскомъ государствѣ, съ объясненія которой и начинается изложеніе собственно исторіи XVII вѣка.

Причины смуты авторъ видитъ, кромѣ таинственнаго пресѣченія династіи и искусственнаго возстановленія ея въ лицѣ самозванцевъ, въ вотчинно-династическомъ взглядѣ на государство. Поэтому всѣ выборные цари, какъ Борисъ Годуновъ, Василій Шуйскій, не удержались на престолѣ; народъ не могъ освоиться съ мыслью о выборномъ царѣ, видѣлъ въ этомъ несообразность въ родѣ того, какъ имѣть выборнаго отца или мать, смотрѣлъ на нихъ какъ на узурпаторовъ и крѣпко былъ убѣжденъ, что царемъ долженъ быть вотчинникъ или родственникъ прежней династіи, правившей на вотчинныхъ правахъ. Другая причина—тягловой характеръ государства и вслѣдствіе этого соціальный разладъ общества: одни классы имѣли права, другіе только обязанности; одни только приказывали, другіе только исполняли приказанія—соотвѣтствія между правами и обязанностями не было; отсюда сословная рознь, классовая вражда. Обстоятельства, содѣйствовавшія смутѣ, были слѣдующія: образъ дѣйствій правителей послѣ Өеодора, конституціонныя стремленія боярства [1]), шедшія въ разрѣзъ съ характеромъ московской верховной власти и съ народнымъ на нее взглядомъ, низкій уровень народной нравственности, боярскія опалы, голодъ и моръ въ царствованіе Бориса, областная рознь, вмѣшательство казаковъ.

Слѣдствія смуты были слѣдующія: 1) прервался обычай, политическое преданіе, на которомъ держался порядокъ въ Московскомъ государствѣ въ XVI вѣкѣ и 2) сильнѣе обострились отношенія къ сосѣдямъ, вызывавшія больше напряженныхъ силъ народа въ его борьбѣ съ ними. Благодаря первому русскіе люди вынесли обильный запасъ новыхъ политическихъ идей, незнакомыхъ ихъ отцамъ; появилось, напримѣръ, понятіе о государѣ и государствѣ; выдвигается на видъ воля народа, измѣнился составъ правящаго класса: вмѣсто боярства въ правящемъ классѣ появились худородные люди—они-то и были проводниками новыхъ политическихъ понятій, появившихся въ смутную эпоху. Появленіе худородныхъ на важныхъ правительствен-

---

[1]) Авторъ полагаетъ (33 стр.), что Борисъ Годуновъ былъ низвергнутъ за то, что не далъ боярамъ ограничительной на себя записи. Можетъ быть, это и вѣрно, но съ другой стороны запись нисколько не гарантировала бы неприкосновенность бояръ. Но таковъ былъ Борисъ; и при существованіи записи онъ сумѣлъ бы всѣхъ знатныхъ и опасныхъ для себя бояръ разсовать по тюрьмамъ и въ ссылку. Бояре боялись его, какъ умнаго и жестокаго человѣка, и ненавидѣли, какъ выскочку.

ныхъ должностяхъ отразилось на мѣстничествѣ и было причиной его отмѣны.

Слѣды смуты отразились и на постановкѣ верховной власти въ ходѣ управленія—рѣчь идетъ о записи, которою Михаилъ Ѳеодоровичъ будто бы ограничивалъ свою власть. Авторъ Курса Русской Исторіи признаетъ эту запись, хотя недавнее изслѣдованіе профессора Платонова на страницахъ настоящаго журнала (декабрь, 1907 г.) и другія, болѣе раннія, вполнѣ опровергаютъ ея существованіе, такъ какъ сообщенія о ней находятся по преимуществу въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ Котошихина, Татищева и Страленберга (объ ограниченіи упоминаетъ одинъ современникъ, да и то жившій не въ Москвѣ, а во Псковѣ, значитъ, писавшій по слухамъ). Кромѣ того, трудно согласиться съ существованіемъ записи, которая намъ неизвѣстна, и по ходу событій; еще до прибытія въ Москву изъ Костромы царь говорилъ посламъ „съ большимъ гнѣвомъ и слезами“ о безпорядкахъ, царившихъ въ государствѣ; въ переговорахъ съ ними звучитъ повелительная нотка, которой, конечно, не было бы, если бы царь чувствовалъ себя связаннымъ какими-либо обязательствами. Затѣмъ выходитъ, что царь, связанный негласнымъ договоромъ, какъ бы втихомолку стакнулся съ боярами, обманывалъ народъ, и этотъ обманъ тянулся болѣе 30 лѣтъ,—эту мысль авторъ и проводитъ въ своемъ Курсѣ. Но это едва ли допустимо; вѣдь шила въ мѣшкѣ, по пословицѣ, не утаишь. Народъ такъ или иначе провѣдалъ бы объ ограниченіи царской власти и выразилъ бы противъ этого свое неодобреніе, какъ это случилось въ XVIII вѣкѣ; а въ XVII вѣкѣ обстоятельства противъ ограниченія еще болѣе были благопріятны, такъ какъ во главѣ духовенства стоялъ царь-патріархъ, по характеру своему несклонный дѣлить власть съ боярами [1]). По этимъ причинамъ мы въ этомъ вопросѣ не согласны съ почтеннымъ авторомъ и считаемъ его утвержденіе объ ограниченіи Михаила Ѳеодоровича не доказаннымъ.

Со временъ смуты высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, кромѣ Боярской думы, является земскій соборъ, на разрѣшеніе котораго предлагались наиболѣе важные вопросы—даже такіе, которые прежде разбирались думой, напримѣръ, о налогахъ. Но въ

[1]) На стр. 99 авторъ говоритъ: „Если Боярская дума стѣсняла власть царя, то земскій соборъ, помогая думѣ, сдерживалъ ее самое, служилъ ей противовѣсомъ“. Но почему же верховная власть не оперлась вполнѣ на соборъ, сдѣлавъ его въ своихъ интересахъ постояннымъ учрежденіемъ? Почему царь не внесъ на него вопросъ объ ограниченіи своей власти?

земскихъ соборахъ XVII вѣка произошла значительная перемѣна въ составѣ и значеніи сравнительно съ земскими соборами XVI вѣка. Соборы смутнаго времени—это настоящее народное представительство; въ эпоху междуцарствія вожди ополченій обо всемъ совѣтовались съ выборными, безъ нихъ не рѣшали никакого важнаго дѣла, при всякомъ важномъ актѣ присутствовала въ лицѣ своихъ выборныхъ вся земля. На соборѣ 1613 г. мы видимъ выборныхъ изъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, торгово-промышленныхъ обывателей провинціальныхъ городовъ и крестьянъ; представителей послѣднихъ двухъ классовъ на соборахъ XVI вѣка не было. Измѣнилось и значеніе собора—это не должностной соборъ XVI вѣка. Соборъ 1613 г., окончивъ учредительное дѣло, превратился въ распорядительную комиссію, а затѣмъ въ выразителя народныхъ нуждъ и жалобъ. Наконецъ, слѣдствіемъ смуты было разореніе народнаго хозяйства— и дворянскаго и крестьянскаго,—а слѣдствіемъ разоренія всеобщее недовольство, постоянныя жалобы на свою бѣдность, на злоупотребленіе властей; недовольство же въ свою очередь повело къ народнымъ мятежамъ, которыми былъ такъ обиленъ XVII вѣкъ [1]).

Одно изъ важныхъ дѣлъ Московскаго правительства въ XVII вѣкѣ— это составленіе новаго Уложенія, и въ Курсѣ Русской Исторіи глава объ Уложеніи разработана очень обстоятельно. Потребность его вытекала изъ необходимости упорядочить отношенія, спутанныя смутою, а равно привести въ извѣстность и порядокъ массу законовъ, изданныхъ въ разное время, для разныхъ приказовъ, законовъ, часто противорѣчивыхъ, а потому дававшихъ возможность людямъ недобросовѣстнымъ вершить дѣла по произволу. Кромѣ того, послѣ смуты въ государствѣ появились новыя потребности, новыя задачи—вотъ выясненіе основаній этого новаго порядка и является дѣломъ законодательства. Источникомъ для Уложенія служили прежде всего Кормчая, затѣмъ Судебникъ 1550 г. съ дополнительными указами и боярскими приговорами, т. е. указныя книги приказовъ, и Литовскій Статутъ. Самый обильный источникъ — Указныя книги, изъ которыхъ взяты между прочимъ главы О холопьѣ судѣ, О разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ. Изъ Литовскаго Статута взятъ порядокъ главъ и предметовъ, такъ

[1]) И Соловьевъ считаетъ мятежи XVII вѣка „отрыжкой" смутнаго времени. Но „бунташное время" падаетъ собственно на царствованіе Алексѣя Михайловича. Значитъ, бунтовали не герои смуты, а ихъ дѣти. Поэтому слѣдуетъ предположить, что у нихъ были свои причины для недовольства—это злоупотребленіе чиновниковъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ.

сказать, программа статей, но рѣшеніе поставленныхъ вопросовъ дѣлалось всегда на основаніи случаевъ изъ московской практики и примѣнительно къ московскимъ обычаямъ. Не маловажное значеніе играли при составленіи Уложенія и выборные, приглашенные для этой цѣли: они или указывали, что нужно измѣнить или дополнить въ законодательномъ проектѣ, или подавали челобитныя, въ которыхъ излагали свои нужны; такъ на основаніи челобитной отъ выборныхъ составлена XIX глава Уложенія „о посадскихъ людѣхъ". Третья форма участія выборныхъ — это когда царь самъ являлся среди нихъ и вмѣстѣ съ ними произносилъ приговоръ по какому-либо возбужденному вопросу; такимъ образомъ была выработана 42 ст. XVII глава Уложенія о воспрещеніи отчуждать вотчины въ пользу церкви, XI глава объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ, т. е. срока давности для возврата бѣглыхъ крестьянъ, VIII-я глава о выкупѣ плѣнныхъ, устанавливающая особый подворный налогъ для ихъ выкупа и таксу самого выкупа. Старые законы Дума или исправляла, или измѣняла, или, наконецъ, дополняла новыми законами на не предусмотрѣнные случаи.

Несмотря на несовершенство техники составленія Уложенія, на не вполнѣ исчерпанный матеріалъ, на не вполнѣ систематическую группировку статей, на значительные пробѣлы, все-таки Уложеніе представляетъ изъ себя значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ Русскаго законодательства: оно пытается опредѣлить взаимныя отношенія сословій, говоритъ и о служиломъ классѣ, и о крестьянахъ, и о посадскихъ, о холопахъ, казакахъ и стрѣльцахъ. Не смотря на строго консервативный характеръ въ немъ просвѣчиваютъ и новыя идеи,—это судъ по закону, одинаковый для всѣхъ какъ для боярина, такъ и для простолюдина „не стыдяся лица сильныхъ, и избавляти обидящаго (обидимаго) отъ руки неправедпаго". „Идея такого суда", говоритъ почтенный авторъ, „исходила изъ принятого Уложеніемъ общаго правила устранять всякое льготное состояніе и отношеніе, соединенное съ ущербомъ для государственнаго, особенно казеннаго интереса". Но можно подыскать и другое оправданіе для этой идеи—это стремленіе къ справедливости, которая, конечно, была не чужда и московскому правительству XVII вѣка. Другая тенденція, выраженная въ Уложеніи, заключалась въ томъ, чтобы свободное лицо, обязанное государству тягломъ или службой, не могло отказываться отъ своей свободы, т. е. поступать въ закладчики. Виновнымъ Уложеніе грозило тяжкимъ наказаніемъ. Такимъ образомъ „личная свобода", говоритъ авторъ, „становилась обязательной и поддерживалась кнутомъ".

XVII вѣкъ былъ эпохою земскихъ соборовъ въ Московской Руси; ихъ собиралось при Михаилѣ Ѳедоровичѣ не менѣе 10, при его же преемникѣ только 5. Поэтому естественно, что авторъ въ своемъ курсѣ посвятилъ много страницъ земскимъ соборамъ; страницы о нихъ являются наилучше разработанными. Составъ земскихъ соборовъ XVII в. былъ не выборный—Боярская дума и Освященный соборъ—и выборный, состоявшій изъ представителей высшаго столичнаго служилаго люда и купечества, провинціальнаго дворянства, служилыхъ людей, представителей тяглаго сословія — представителей московскихъ слободъ и посадовъ, провинціальныхъ городовыхъ посадовъ; на соборѣ 1613 г. были представители отъ сельскаго населенія и городового духовенства. На дальнѣйшихъ соборахъ выборныхъ двухъ послѣднихъ категорій нѣтъ. Численный составъ былъ различенъ: на соборѣ 1642 г. было 192 депутата, а на соборѣ 1648 г. — 290. Составъ соборовъ былъ измѣнчивъ, лишенъ твердой устойчивой организаціи; иногда даже довольствовались провинціальными дворянами, находившимися на службѣ ко дню созыва собора въ Москвѣ. Призывались люди лучшіе, добрые, умные и постоятельные (состоятельные). Грамотность не была необходимымъ условіемъ для выборныхъ; наказовъ отъ избирателей не было, кромѣ 1613 г., когда нужно было выбирать царя, и депутату представлялся полный просторъ, хотя все же онъ долженъ былъ быть ходатаемъ о недостаткахъ и нуждахъ своихъ братій. Такъ понимало депутата и само правительство. Такимъ образомъ народный челобитчикъ XVII вѣка смѣнилъ собою правительственнаго агента на соборѣ XVI вѣка. Соборъ созывался царскимъ указомъ и открывался рѣчью царя, которую послѣдній или самъ говорилъ, или думный дьякъ читалъ о предметѣ, подлежавшемъ соборному обсужденію. Иногда рѣчь раздавалась выборнымъ, которые должны были дать на нее письменный отвѣтъ. Записки, подаваемыя выборными, часто имѣютъ сходство между собою—значитъ выборные гдѣ-то предварительно собирались и толковали о дѣлѣ. Иногда выборные отвѣчали челобитьемъ, напримѣръ, воевать, т. е. давали рѣшительный отвѣтъ на предложеніе верховной власти. Отвѣтъ давали не поголовно, а по группамъ, напримѣръ, московскіе дворяне, городовые дворяне. Общаго собранія не было, а равно не было и соборнаго приговора. Значитъ, соборы имѣли значеніе совѣщательное. Боярская дума дѣйствовала или совмѣстно съ выборными, или отдѣльно отъ нихъ. Иногда, впрочемъ, особенно въ царствованіе Михаила Ѳедоровича выборные вмѣстѣ съ думой составляли одинъ соборъ, сливались какъ бы въ законодательный кор-

пусъ и составляли общій приговоръ. Значеніе собора то какъ совѣщательнаго учрежденія, то какъ законодательнаго обнаруживало его непрочность. Законодательный авторитетъ его зависѣлъ отъ милости и соизволенія государя, а не вытекалъ изъ признанія народной воли. Но и эти соборы много теряли отъ неустроенности, централизаціи, крѣпостного права и сословной разрозненности — вслѣдствіе чего соборы и прекратили свою дѣятельность; они падали постепенно: сначала изъ состава собора выбыло сельское духовенство и крестьянство; такимъ образомъ соборы перестали быть представителями самаго главнаго и многочисленнаго класса народонаселенія, поэтому и не возбуждали должнаго вниманія сверху и не пользовались довѣріемъ снизу. Иногда на соборъ не приглашались посадскіе люди; иногда приглашалось только то сословіе, котораго, по мнѣнію правительства, вопросъ наиболѣе касался, напримѣръ, служилое сословіе или купечество. Такимъ образомъ земскій соборъ превратился въ совѣщаніе со свѣдущими людьми. Причина, почему замерли соборы, заключается въ томъ, что соборъ возникъ изъ временной нужды безгосударной земли выйти изъ безгосударья, а главная, конечно, причина это отсутствіе политическаго сознанія въ обществѣ. Значеніе соборовъ заключается въ томъ, что сначала, напримѣръ, въ 1613 г., онъ имѣлъ учредительный характеръ, онъ создалъ новую династію, возстановилъ порядокъ, замѣняя болѣе двухъ лѣтъ правительство, былъ его помощникомъ въ трудныя минуты, имѣлъ законодательное значеніе. Соборы существовали не для ограниченія верховной власти, а для ея укрѣпленія; въ этомъ отличіе нашего народнаго представительства отъ западно-европейскаго.

Самымъ больнымъ мѣстомъ Московскаго государства въ XVII вѣкѣ были финансы. Вопросу о нихъ удѣлено авторомъ Курса Русской Исторіи довольно мѣста, тѣмъ болѣе, что вопросъ о финансахъ разработанъ въ исторической литературѣ, благодаря трудамъ преимущественно гг. Милюкова и Лаппо-Данилевскаго, съ достаточною обстоятельностью. Разстройство финансовъ зависѣло отъ необходимости увеличивать военную силу, которая возрасла съ 70 т. въ 1631 г. до 164 т. въ 1681 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличился расходъ и на содержаніе арміи съ 3 м. на наши деньги въ 1631 г. до 10 м. къ 1680 г. Такимъ образомъ за 50 лѣтъ армія возросла почти въ $2^1/_2$ раза, а ея содержаніе увеличилось болѣе чѣмъ втрое. Вмѣстѣ съ тѣмъ росъ и государственный бюджетъ.

Государственные доходы были *окладные* и *неокладные*. Первые дѣлились на прямые и косвенные. Прямые доходы взимались или съ

отдѣльныхъ лицъ, или съ цѣлыхъ обществъ. Главными предметами обложенія были земли и дворы. Земля въ податномъ отношеніи дѣлилась на *сохи*. Соха, податная единица, заключала въ себѣ извѣстное количество тяглыхъ посадскихъ дворовъ или крестьянской пашни; напримѣръ, доброй земли—вотчинной и помѣстной—было 800 четвертей въ полѣ или 1.200 десятинъ въ трехъ поляхъ, монастырской 600 четвертей и казенной 500 четвертей. Составъ посадскихъ сохъ былъ тоже разнообразенъ: напримѣръ, въ нее входитъ и 80 лучшихъ дворовъ, и 40 дворовъ. Прямые налоги были *деньги данныя* или *дань* и *оброчныя*; данныя деньги брались съ сохъ, значившихся съ сельскаго и городского общества. *Оброкомъ* называлась или плата правительству за пользованіе казенной землей или угодьями, или подать, которую жители платили взамѣнъ разныхъ повинностей. Оброкъ и дань уплачивались въ постоянномъ количествѣ. Кромѣ того, были косвенные налоги: таможенные, кабацкіе и др. Затѣмъ были спеціальные налоги, какъ-то: ямскіе, полоняночные, стрѣлецкіе и др. Кромѣ полоняночныхъ, всѣ налоги налагались по сошному письму на каждое общество съ предоставленіемъ ему права самому верстаться въ платежѣ. Но уже въ XVII вѣкѣ отъ сошнаго письма перешли къ дворовому числу, къ подворному обложенію. Сельская соха не была устойчивой платежной величиной. Въ смутную эпоху количество пахотной земли значительно сократилось. Крестьяне на своихъ участкахъ пахали мало, а припахивали свободную „наѣзжую пашню“ сосѣдей; иногда случалось, что на $1^1/_2$ десятинахъ въ трехъ поляхъ „живущей четверти“, т. е. платящей пашни, жило 6—7 крестьянскихъ дворовъ, припахивавшихъ 40—60 десятинъ „наѣзжей пашни“. Для казны это было убыточно, поэтому правительство старалось рядомъ указовъ опредѣлить эту „живущую четверть“, т. е. опредѣлить, сколько дворовъ должны тянуть тягло съ нея. При этомъ окладъ взимался не съ земли, а съ жителей, положенныхъ на нее. Подворное обложеніе было удобнѣе, и потому на соборѣ 1642 г. городовые дворяне просили собирать деньги на ратныхъ людей по числу крестьянскихъ дворовъ, а въ 1646 г. произведена была подворная перепись, которой прямое обложеніе съ сошнаго письма было переведено на дворовое число. Подворная перепись была повторена въ 1678—1679 гг. Такъ появились *переписныя книги*, отличающіяся отъ *писцовыхъ* тѣмъ, что въ послѣднихъ описывалась преимущественно земля, угодья и промыслы, а въ первыхъ сама рабочая сила—дворы и ихъ обыватели. Благодаря подворному обложенію увеличилось количество плательщиковъ, такъ

какъ наравнѣ съ крестьянами въ тягло были положены такъ называемые задворные люди, т. е. дворовые люди, жившіе за дворомъ помѣщика и обязанные по ссудной записи пахать пашню. Вслѣдствіе подворнаго обложенія мы можемъ составить себѣ понятіе о распредѣленіи рабочихъ рукъ; такъ по переписи 1678 г. тяглыхъ дворовъ, городскихъ и сельскихъ, было 888 т.; изъ нихъ посадскихъ и черныхъ крестьянскихъ 92 т. (10,4%), церковныхъ, монастырскихъ и архіерейскихъ 118 т. (13,3%), дворцовыхъ 83 т. (9,3%), боярскихъ 88 т. (10%) и дворянскихъ 507 (57%). Такимъ образомъ только десятая часть съ небольшимъ были землепашцы вольные, всѣ остальные крѣпостные.

Какъ извѣстно, авторъ не считаетъ виновникомъ прикрѣпленія крестьянъ царя Θеодора. По его мнѣнію, оно совершилось при Михаилѣ Θеодоровичѣ. Именно въ 1627 г. правительство велѣло переписать жителей и такимъ образомъ укрѣпить на мѣстахъ податныя силы. Вслѣдствіе этого крестьяне, застигнутые этой переписью на землѣ какого-либо землевладѣльца, волей-неволей должны были рядиться къ нему на условіяхъ добровольнаго соглашенія и такимъ образомъ вдвойнѣ укрѣплялись за нимъ—и писцовой, и порядной записью; а такъ какъ крестьяне при водвореніи на землѣ получали отъ землевладѣльца еще ссуду, которую, по большей части, они были не въ состояніи выплатить, то давали еще и ссудную запись — вотъ этими тремя факторами—полицейской припиской по мѣсту жительства, ссудной задолженностью и добровольнымъ соглашеніемъ — и кромѣ того дѣйствіемъ кабальнаго холопства крестьяне такъ закрѣпощались за помѣщикомъ, что не могли ни фактически, ни юридически покинуть его. Вслѣдствіе этого съ 1628 г. стали встрѣчаться такія условія со стороны крестьянъ: „за государомъ своимъ жить во крестьянехъ по свой животъ безвыходно", въ случаѣ же ухода землевладѣльцу, *государю*, „вольно меня отовсюду къ себѣ взяти", за ту ссуду за государемъ мнѣ „жить во крестьянствѣ вѣчно и никуды не сбѣжать". Подобныя условія и сообщили ссудной записи значеніе крѣпостного акта, утверждавшаго личную зависимость безъ права прекратить ее.

Таково содержаніе XLI — LI лекцій. Въ дальнѣйшихъ лекціяхъ (LII—LVIII) авторъ говоритъ о недовольствѣ и недовольныхъ современнымъ положеніемъ дѣлъ, о распространеніи западнаго вліянія, реакціи ему, о расколѣ и заканчиваетъ четырьмя мастерски написанными характеристиками: царя Алексѣя Михаиловича, Ртищева, Ордина-Нащокина и князя В. В. Голицына; лучшими изъ нихъ, по нашему

мнѣнію, слѣдуетъ считать характеристики Алексѣя Михайловича и Ордина-Нащокина. Въ заключеніи авторъ очерчиваетъ, какъ подготовлялась реформа Петра Великаго и какова была ея программа, насколько она выражалась въ идеяхъ государственныхъ мужей XVII в.

Какъ все, выходящее изъ-подъ пера почтеннаго профессора, и настоящій томъ Курса Русской Исторіи отличается прекраснымъ изложеніемъ, богатствомъ и смѣлостью выводовъ, стремленіемъ уяснить, какъ и почему появилось то или другое явленіе въ жизни государства и общества XVII вѣка, проникнуть въ народную психологію; авторъ не просто указываетъ на какой-либо фактъ, но выводитъ его генетически, старается подыскать ему основанія, указываетъ на его слѣдствія, стремится поставить его въ связь съ другими явленіями и всегда болѣе или менѣе удачно справляется съ своей задачей. Вотъ въ этомъ-то стремленіи осмыслить историческія явленія и заключается заслуга автора. Какъ и въ предшествовавшихъ томахъ авторъ мало обращаетъ вниманія на изложеніе внѣшнихъ событій (хотя въ настоящемъ томѣ имъ удѣлено нѣсколько больше мѣста, чѣмъ въ первыхъ двухъ), но строго слѣдитъ за проявленіемъ и выраженіемъ въ жизни народа тѣхъ отношеній, которыми преимущественно регулируется жизнь человѣка. Отсюда юридическимъ отношеніямъ удѣлено очень много мѣста сравнительно даже съ такимъ капитальнымъ трудомъ, какъ Исторія Россіи Соловьева. Въ самомъ дѣлѣ объ Уложеніи у Соловьева излагается только на одной страницѣ, да и то лишь говорится о выборныхъ и приводится челобитье и резолюція о закладчикахъ, въ Курсѣ Исторіи Уложенію отведено 17 стр., о земскихъ соборахъ—этомъ важнѣйшемъ проявленіи народнаго представительства XVII вѣка—у Соловьева даже меньше страницы, въ Курсѣ профессора Ключевскаго почти 30 стр.; о финансахъ у Соловьева нѣсколько страницъ, да и то болѣе описательнаго характера, въ Курсѣ Исторіи финансамъ отведено тоже около 30 стр., и вопросъ разработанъ съ особой тщательностью. Конечно, не все изложенное—продуктъ самостоятельной работы автора. При всей скупости на ссылки, именно въ вопросѣ о финансахъ онъ упоминаетъ двухъ изслѣдователей. Безъ сомнѣнія, какъ въ этомъ, такъ въ другихъ мѣстахъ авторъ пользовался соотвѣтствующими работами многихъ изслѣдователей. Значитъ, его Курсъ можетъ служить показателемъ, на какой степени разработки стоитъ въ настоящее время русская исторія.

Почтенный авторъ Курса къ жизни нашихъ предковъ и ихъ исторіи относится отрицательно, а къ представителямъ власти и правительству,

хотя не безъ основанія, пренебрежительно—иногда даже черезчуръ. Говоря напримѣръ о финансовыхъ, правда, неудачныхъ, предпріятіяхъ, онъ называетъ ихъ „затѣями", или выражается такъ: „не зная, что дѣлать, правительство прямо *дурило* въ своихъ распоряженіяхъ". До того ли было правительству, чтобы дурить! Видно, ему туго приходилось, когда, не смотря на свою набожность, оно было вынуждено продавать даже табакъ—это „богоненавистное и богомерзкое зелье"! Стремленіе автора подчеркивать отвлеченіе народа отъ труда тоже, по нашему мнѣнію, иногда заходитъ далеко; такъ напримѣръ, упомянувъ о рекрутскихъ наборахъ 1654—1679 гг., авторъ не преминулъ подчеркнуть, что эти наборы... *вырвали* изъ состава рабочаго населенія по меньшей мѣрѣ 70 т. человѣкъ". Да, можетъ быть, это и вѣрно; но за это государство пріобрѣло Смоленскую и Сѣверскую землю и часть Малороссіи съ Кіевомъ. Есть вылазка, по нашему мнѣнію, безцѣльная—противъ нежелательныхъ явленій недавно прошедшаго времени. Расхищеніе панами и шляхтой Малороссіи послѣ ея присоединенія къ польской коронѣ сравнивается съ бывшимъ на нашей памяти расхищеніемъ башкирскихъ земель и угодій восточнаго побережья Чернаго моря. Для краснаго словца, вѣроятно, царь В. Шуйскій названъ „старымъ пѣтухомъ". Умѣстно ли это въ серьезномъ курсѣ, который благодаря своей солидности и оригинальности не нуждается ни въ какихъ пикантныхъ приправахъ?

Н. Тихомировъ.

Отвѣтъ на критику „новаго опредѣленія романтизма".

Г. Козминъ уже второй разъ дѣлаетъ честь моимъ „неудачнымъ попыткамъ" изученія русскаго романтизма, подвергая ихъ критическому разбору. Отдавая должное его тщательнымъ „разысканіямъ" въ области моихъ недостатковъ, я не отвѣчалъ, однако, на его первую рецензію (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1904, авг., стр. 475—487), потому что въ ней не было никакого мнѣнія о романтизмѣ, съ которымъ можно было бы считаться. Но на эту вторую его замѣтку (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1908, май, стр. 223—229) я считаю нужнымъ отвѣтить не въ интересахъ полемики, потому что романтизмъ нисколько не нуждается въ нашихъ взаимныхъ пререканіяхъ, а въ интересахъ затронутаго нами научнаго вопроса, потому что мы оба обязаны его оберегать отъ искаженій. Между тѣмъ, г. Козминъ исказилъ общій

смыслъ содержанія первой главы моей книги (его рецензія и касается только этой первой главы) и вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ въ неправильномъ освѣщеніи и самый вопросъ о романтизмѣ. Насколько можно судить по отдѣльнымъ замѣчаніямъ г. Козмина, основаннымъ на случайно вырванныхъ изъ первой главы моей книги словахъ и фразахъ, его возраженія сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) „русскій изслѣдователь г. Замотинъ" сдѣлалъ „открытіе", построивъ новую „теорію" романтизма;

2) „теорія" романтизма, построенная Замотинымъ, сводится къ тремъ основнымъ пунктамъ—индивидуализму, націонализму и универсализму, понимаемымъ въ неопредѣленно-широкомъ значеніи, и

3) широкая схема романтизма, построенная Замотинымъ, „частично" можетъ быть примѣнена „съ равнымъ правомъ" къ какимъ угодно литературнымъ произведеніямъ.

Эти главныя положенія г. Козмина, при всей ихъ кажущейся силѣ и важности, однако, не подлежатъ съ моей стороны никакому научному отвѣту по той простой причинѣ, что они построены самимъ г. Козминымъ и вовсе не вытекаютъ изъ содержанія первой главы моей книги. Я могу поэтому только констатировать фактъ неправильнаго освѣщенія или даже замалчиванія моихъ выводовъ г. рецензентомъ первой главы моей книги. Это легко прослѣдить по всѣмъ тремъ пунктамъ возраженій г. Козмина.

Во-первыхъ. „Русскій изслѣдователь Замотинъ" не сдѣлалъ никакого открытія въ области теоріи романтизма, но лишь пересмотрѣлъ сужденія о немъ многихъ почтенныхъ критиковъ и ученыхъ, занимавшихся этимъ вопросомъ (J. Eichendorf, Jul. Schmidt, H. Hettner, G. Gervinus, R. Haym, H. Geschwind, Th. Gauthier, D. Nisard, Ch. Asselineau, Alfr. Michiels, F. Brunetière, D. Sauvageot, H. Taine, H. Morley и др.) и выдѣлилъ въ ихъ взглядахъ на романтизмъ тѣ элементы, которые представляютъ собою предметъ общаго почти ихъ соглашенія, при нѣкоторыхъ только оттѣнкахъ и варіаціяхъ, и поэтому образуютъ устойчивый матеріалъ для сужденія о романтизмѣ; эти элементы—*романтическій* индивидуализмъ, націонализмъ и универсализмъ. Такимъ образомъ, „теорія Замотина" есть теорія крупныхъ авторитетовъ въ области изученія романтизма; точно также и большая часть терминологіи, введенной мною въ первую главу, принадлежитъ не мнѣ, но поименованнымъ мною изслѣдователямъ. Поэтому если г. Козминъ считаетъ предложенную мною схему романтизма „открытіемъ", то приходится лишь пожалѣть, что онъ такъ поздно сдѣлалъ это открытіе:

при внимательномъ пересмотрѣ литературы романтизма врядъ ли пришлось бы „открывать“ то, что давно уже открыто, и извѣстно всякому, кто ближе интересуется романтической поэзіей и критикой; если же онъ намѣренно замалчиваетъ имена цитируемыхъ мной изслѣдователей и мои ссылки на нихъ, то обмѣнъ мнѣній съ нимъ, какъ рецензентомъ, становятся затруднительнымъ по причинамъ всѣмъ яснымъ.

Во-вторыхъ. „Теорія“ романтизма, мною предложенная, сводится вовсе не къ идеализму *вообще* и не къ тремъ его мотивамъ—индивидуализму, націонализму и универсализму,—*вообще* понимаемымъ, но именно къ *романтическому* идеализму и къ его *романтическимъ* проявленіямъ. Романтическому индивидуализму (der subjective Idealismus, die revolutionaire Emanzipation der Subjectivität, l'individualisme, l'emancipation de moi и т. д.) и его конкретнымъ образамъ (Uebermensch, l'homme supérieur) мною посвящены страницы 26—35, романтическому націонализму (поэтизація національной старины, обращеніе къ народному творчеству, культъ самобытнаго національнаго развитія)—страницы 39—47 и романтическому универсализму („романтизированіе міра“, „связь поэзіи съ жизнью“, „переходъ дѣйствительной жизни въ поэзію“, торжество безконечнаго идеала въ конечномъ мірѣ, думы объ „общихъ проблемахъ бытія“ и т. д.)—страницы 50—71. О содержаніи этихъ страницъ первой главы моей книги рецензентъ также совершенно умалчиваетъ и тщательно избѣгаетъ ихъ цитировать, чтобы подчеркнуть только голые термины—индивидуализмъ, націонализмъ и универсализмъ—и скрыть отъ читателя конкретное ихъ значеніе въ романтизмѣ, приведенное мною въ толкованіяхъ лучшихъ изслѣдователей романтической поэзіи.

Въ-третьихъ. Расширивъ такимъ образомъ до крайнихъ предѣловъ предложенную мной схему романтизма, г. Козминъ настойчиво предлагаетъ читателямъ приложить ее къ какому-угодно литературному произведенію и въ то же время еще разъ умалчиваетъ о томъ, что отношеніе романтиковъ къ индивиду, націи и человѣчеству въ его цѣломъ настолько характерно, что врядъ ли кто даже при элементарномъ знакомствѣ съ исторіей литературы не сумѣетъ отличить эпосъ В. Скотта отъ эпоса Гомера, „высшихъ натуръ“ Байрона и В. Гюго отъ Прометея Эсхила и философскую систему Шеллинга отъ ученія Сократа. Доказывать же, что В. Скоттъ не романтикъ въ смыслѣ предложенной мной схемы, потому что онъ не похожъ на Байрона, и Байронъ не романтикъ, потому что не похожъ на В. Скотта, и на этой

почвѣ строить дешевые силлогизмы—это значитъ навязывать мнѣ пониманіе романтизма не какъ живого литературнаго явленія, полнаго оттѣнковъ и варіацій, но какъ безжизненной, замкнувшейся въ себѣ, секты,—такого пониманія у меня нѣтъ; въ частности, сомнѣваться въ романтическомъ націонализмѣ Байрона, неоднократно и словомъ и дѣломъ ратовавшаго за чуждую даже ему національную самобытность и независимость, по меньшей мѣрѣ—странно.

Таковы главныя возраженія г. Козмина. Примыкающія къ нимъ второстепенныя замѣчанія на первую главу моей книги болѣе смѣлы и крикливы, чѣмъ основательны. Такъ, г. Козминъ ставитъ мнѣ въ упрекъ, что я говорю о шеллингизмѣ по брошюрѣ Михневича, и умалчиваетъ о томъ, что, гдѣ нужно, я пользуюсь для той же цѣли и К. Фишеромъ; въ то же время самъ г. Козминъ, говоря о шеллингизмѣ Полевого („Памяти Леонида Николаевича Майкова", Н. К. Козминъ. О шеллингизмѣ Полевого и его критическихъ пріемахъ, 283—333), основываетъ свои сужденія почти исключительно на цитатахъ изъ „Московскаго Телеграфа". Затѣмъ, уличая меня въ пользованіи общими курсами по исторіи литературы, г. Козминъ обходитъ молчаніемъ тѣ—цитируемыя мной—„нѣсколько книжекъ по романтизму" (такъ онъ снисходительно выражается), которыя на самомъ дѣлѣ представляютъ цѣлый рядъ солидныхъ изслѣдованій по романтизму, вполнѣ достойныхъ вниманія моего рецензента, интересующагося тѣмъ же вопросомъ въ исторіи литературы. Наконецъ, великодушно признавая за мною нѣкоторое знакомство съ Байрономъ, В. Скоттомъ, В. Гюго, Гофманомъ, Гете, Шиллеромъ, г. Козминъ рекомендуетъ мнѣ изучать въ подлинникѣ сочиненія Шлегелей, Тика, Новалиса и т. д. Я не совсѣмъ понимаю, откуда г. Козминъ такъ смѣло умозаключаетъ, что я не умѣю или не хочу читать, когда слѣдуетъ, въ подлинникѣ сочиненія интересующихъ меня писателей; и удобно ли о подлинникахъ и первоисточникахъ говорить г. Козмину, который изслѣдуетъ связь „Московскаго Телеграфа" съ иностранной журналистикой (Изв. отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н., 1900, т. V, кн. I, стр. 79—122), цитируя только названія иностранныхъ журналовъ и не зная ихъ въ подлинникѣ, а иногда даже и не совсѣмъ ясно различаетъ имена интересующихъ его писателей (такъ, извѣстный Р. Бернсъ является въ изслѣдованіяхъ г. Козмина то въ видѣ нѣмецкаго, то въ видѣ англійскаго поэта: „Зап. истор.-фил. фак. Имп. С.-Пб. унив.", т. LXX, Н. Козминъ, „Изъ исторіи русскаго романтизма", стр. 28, 160, 196, 393); въ частности, настойчивое подчеркиваніе г. Козминымъ имени Новалиса,

который извѣстенъ мнѣ по самымъ послѣднимъ о немъ изслѣдованіямъ (одно изъ нихъ, именно книгу E. Spenlé, я даже цитирую), свидѣтельствуетъ о томъ, что размѣры вліянія этого писателя на нашу литературу г. Козминъ представляетъ себѣ едва ли вѣрно. Что же касается моихъ ссылокъ на Брандеса, проф. Исаева и Туганъ-Барановскаго, которые такъ не нравятся г. Козмину, то я позволю себѣ замѣтить, что по вопросу о романтизмѣ и связанныхъ съ нимъ мотивахъ не только спеціалисты, въ родѣ г. Козмина, но и другіе писатели могутъ иногда сказать интересное и вѣское слово. Вообще лучше было бы, если бы г. Козминъ высказалъ и свой взглядъ на данный вопросъ вмѣсто того, чтобы передѣлывать на свой ладъ мои сужденія: серьезная рецензія всегда предполагаетъ *мнѣніе*, хотя бы и діаметрально противоположное. Еще одно слово. Удивляетъ меня также и то, что рецензентъ, замалчивая цѣлыя страницы первой главы моей книги, замалчиваетъ также и ея заглавіе. Онъ называетъ мое сочиненіе „диссертація И. И. Замотина: „Романтическій идеализмъ"; на самомъ дѣлѣ оно называется такъ: „Романтическій идеализмъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ 20—30-хъ годовъ XIX столѣтія". Такимъ образомъ, разбирая только одну главу, составляющую введеніе въ книгу, г. Козминъ нигдѣ ни словомъ не обмолвился о томъ, что центръ моего сочиненія лежитъ не тутъ, а въ указаніи отраженія романтическаго идеализма на русской почвѣ (гл. III, IV и V).

И. Замотинъ.

Книжныя новости.

Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. 1907 годъ. Выпускъ IV (12-й). Годъ третій. М. 1907.

Содержаніе настоящаго IV выпуска „Лѣтописи историко-родословнаго общества въ Москвѣ" составляютъ: 1) „Родословныя замѣтки" Н. Мятлева— о *Дм. Олферьевичѣ Коробовѣ* съ его потомствомъ, женатомъ на вдовѣ княгинѣ *Аксиньѣ*, Токмаковой-Звенигородской (по первому мужу), которой не имѣется и въ книгѣ Г. А. Власьева „Потомство Рюрика", и о родствѣ Бориса и Михаила Михаиловича Салтыковыхъ съ „великой старицей Мареой"; 2) „Духовное завѣщаніе князя Дмитрія Мамстрюковича *Черкасскаго*" (1650 г.—текстъ); 3) „Родословіе орловскихъ дворянъ *Масловыхъ*", представляющее собою дополненное и исправленное родословіе, которое напечаталъ въ I выпускѣ „Лѣтописи" В. С. Арсеньевъ. Но и это дополненное родословіе не можетъ считаться вполнѣ исчерпывающимъ хотя бы матеріалы архива орловскаго дворянскаго депутатскаго собранія, не говоря уже объ архивѣ департамента ге-

рольдіи, и 4) „Изъ семейной хроники", замѣтки княгини Е. А. Масальской-Сурииной, урожденной Шахматовой, о дворянскихъ родахъ *Борисовыхъ* и *Захарьиныхъ*, владѣвшихъ Козловкою на р. Сурѣ (въ Симбирской губ.) и *Конабеевыхъ*, владѣльцевъ Конабеевки-Зубатовки тожъ.

Журналъ раскопокъ Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 г. С.-Пб. 1908. VII+220 стр.

Нельзя не отмѣтить появленіе этого важнаго для археологовъ изданія дневниковъ нашего извѣстнаго изслѣдователя. Описаны раскопки Н. Е. Бранденбурга въ Кіевской, Полтавской, Харьковской, Подольской, Екатеринославской, Таврической, Черниговской, Могилевской, Новгородской, Смоленской губерніяхъ и въ Донской области. Наиболѣе цѣнныя раскопки относятся къ Кіевской губерніи, гдѣ были систематически изслѣдуемы курганы кочевниковъ, давшіе великолѣпные результаты; попутно здѣсь были раскапываемы курганы древняго мѣднаго вѣка (со скорченными костяками) и поздніе русскіе. Найдены были также интересныя впускныя погребенія римскаго времени и вскрытъ рядъ кургановъ совершенно новыхъ типовъ. Изданіе сопровождается біографіей Н. Е. Бранденбурга и чертежами погребеній. Всѣхъ кургановъ описано 323. Настоящимъ изданіемъ наука обязана большому поклоннику Бранденбурга, Н. М. Печенкину, которому счастливо удалось сберечь дневники его раскопокъ отъ ожидавшей ихъ печальной участи, а нынѣ и опубликовать ихъ.

Памятная книжка Олонецкой губерніи на 1908 годъ. Изданіе олонецкаго губернскаго статистическаго комитета. Составилъ дѣйствительный членъ-секретарь, *И. И. Благовѣщенскій.* Петрозаводскъ. 1908. Стр. 338+XXXIV. Цѣна 1 руб.

„Памятныя книжки Олонецкой губерніи" всегда почти и въ особенности послѣ того, какъ составленіе ихъ принялъ на себя мѣстный историкъ И. И. Благовѣщенскій, изобиловали и изобилуютъ новыми историческими и этнографическими матеріалами, несмотря на то, что теперь уже нѣсколько лѣтъ таковые печатаются своевременно и въ „Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ", и въ „Олонецкихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ". Такъ, въ настоящей книжкѣ мы находимъ статью г. В. Мегорскаго, подъ заглавіемъ: „Преданіе объ основаніи Петрозаводска", въ которой авторъ обозрѣлъ, главнымъ образомъ, показанія мѣстнаго историка второй половины XVIII и первой XIX столѣтій, Т. В. Баландина, въ его „Петрозаводскихъ сѣверныхъ вечернихъ бесѣдахъ", а также и другія свидѣтельства, и пришелъ къ выводу, что доселѣ принятая дата—29-го августа (1703 г.)—закладки Петровскаго завода и вмѣстѣ основанія города Петрозаводска, не можетъ считаться безусловно положительной. Правильнѣе, пожалуй, принять за таковую дату самыя первыя числа сентября.

Вторая „историко-этнографическая" работа разсматриваемой „Памятной книжки" носитъ слѣдующее заглавіе: „Олонецкій край. (По даннымъ мѣстнаго фольклора)" и принадлежитъ перу г. Н. Шайжина, преподавателя Олонецкой духовной семинаріи. Знатокъ исторіи мѣстнаго края и, главнымъ образомъ, въ историко-этнографическомъ отношеніи, авторъ справедливо указываетъ въ

своемъ предисловіи на то, что „Олонія“ очень мало разработана, несмотря на сравнительно достаточную историческую литературу о ней, по матеріаламъ мѣстнаго фольклора.

Обладая этими данными, собираемыми имъ въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ и рѣшился описать жизнь олончанъ по слѣдующей схемѣ: 1) „Матеріальная культура, экономическій и домашній бытъ населенія“, 2) „Семейный и общественный бытъ“ и 3) „Религіозно-нравственное міровоззрѣніе народа“. Въ напечатанной здѣсь статьѣ г. Н. Шайжинъ коснулся лишь перваго пункта и, надо отдать справедливость, выполнилъ свою задачу удачно. Остается только пожелать ему такого же успѣха и въ дальнѣйшемъ изложеніи болѣе трудныхъ вопросовъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ 1908 года.

— *Харламповичъ, К. В.* Pro domo sua. (По поводу конкурса 1902—1907 годовъ на каѳедру церковной исторіи въ Казанскомъ университетѣ). Казань 1908. 55 стр.

— Акты, издаваемые Виленскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXXIII. Акты, относящіеся къ исторіи Западно-русской церкви. Вильна 1908. LXXXIV+567 стр.

— Воронежская старина. Выпускъ седьмой. Изданіе Воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Воронежъ 1908. II+LI+304+8+97+182 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

— Труды Вятской ученой архивной комиссіи 1907 года. Выпускъ III. Вятка 1908. 16+23+117+212+111+III стр.

— *Ионарскій, Э. К.* Образцы народной литературы якутовъ. Выпускъ II. Сказки: 2) Тојон Нјургун-букатыр; 3) Öлбöт Бäргäн; 4) Уда ʒаттар Уолумар Аiгыр iккi. С.-Пб. 1908. 81—194 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

— *Китерманъ. Б. П.* Явленія диссимиляціи согласныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ. С.-Пб. 1908. 23 стр.

— Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ VI. Повременное изданіе комиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1908. 211 стр.

— Новый „ученый“ трудъ по исторіи западно-русской книги. Вильна 1908. 8 стр.

— *Зигвартъ, Христофъ* Логика. Переводъ съ 3-го посмертнаго нѣмецкаго изданія I. А. Давыдова. Томъ I. Ученіе о сужденіи, понятіи и выводѣ. Изданіе товарищества „Общественной пользы“. С.-Пб. 1908. 481 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

— *Бехтеревъ, В. М. акад.* Задачи Психо-неврологическаго института. Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Знанія“. С.-Пб. 1908. 16 стр.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

ЗЕМСКІЯ ШКОЛЫ УФИМСКОЙ ГУБЕРНІИ. 1900—1905 ГОДЫ.

I. Число и устройство школъ.

Къ числу земствъ, много работающихъ для распространенія народнаго образованія, нужно отнести и земства Уфимской губерніи. Полную картину дѣятельности земствъ этой губерніи за все время нарисовать было бы очень не легко, но обозрѣніе и того, что сдѣлали эти земства за послѣднія шесть лѣтъ, весьма любопытно.

По даннымъ за періодъ времени 1900—1905 г. въ вѣдѣніи уѣздныхъ земствъ находилось школъ: (см. табл. на стр. 130).

Сравнивая численный ростъ школъ для русскаго и инородческаго населенія, нельзя не остановиться предъ малымъ количествомъ открытыхъ школъ для инородцевъ, которые въ Уфимской губерніи составляютъ подавляющее большинство населенія. Но картина нѣсколько измѣнится, если мы примемъ во вниманіе общее число открытыхъ школъ для инородческаго населенія. Такъ, въ вѣдѣніи дирекціи и училищныхъ совѣтовъ по губерніи инородческихъ школъ было за 1900 г. 220, за 1905—282 школы, слѣдовательно, численный составъ школъ увеличился на 62 школы. Такъ какъ въ это число входятъ 42 школы, открытыхъ земствами, то выходитъ, такимъ образомъ, что и въ этой области земства сдѣлали, что были въ силахъ сдѣлать. Въ то время, какъ русское населеніе охотно откликалось на устройство земствами школъ, инородческое населеніе относилось къ школамъ недовѣрчиво и даже враждебно, и не безъ основанія.

Главнымъ препятствіемъ къ развитію инородческихъ школъ было запрещеніе преподаванія родного языка и стремленіе руссифицировать инородческое населеніе.

	1900 г.			1905 г.		
	Русскихъ.	Инородч.	Итого.	Русскихъ.	Инородч.	Итого.
Въ Белебеевскомъ зем.	42	14	56	65	17	82
„ Бирскомъ „	56	22	78	69	49	118
„ Златоустовскомъ „	49	7	56	58	11	69
„ Мензелинскомъ „	50	5	55	60	6	66
„ Стерлитамакскомъ „	36	3	39	57	7	64
„ Уфимскомъ „	40	6	46	57	9	66
По губерніи	273	57	330	366	99	465

Правила 26-го марта 1870 г., имѣвшія цѣлью, какъ говорится въ мотивахъ этихъ правилъ, обрусѣніе и сліяніе инородцевъ съ русскимъ народомъ, оттолкнули массы, а разрѣшеніе медрессе, мектебе и др. инородческихъ школъ только подъ условіемъ открытія класса русскаго языка на средства мѣстнаго общества поставило во враждебное отношеніе къ школамъ большую часть башкирскаго населенія Уфимской губерніи.

Бирское земское собраніе 1905 года изъ заявленія ахуна Бураевской мечети Амирова убѣдилось, что башкирское населеніе охотно сначала пошло на встрѣчу земству въ открытіи инородческихъ школъ, но быстро охладѣло, потому что инородческія школы не даютъ знанія грамоты родного языка, на что надѣялось населеніе при ихъ открытіи. Слѣдствіемъ недовольства школами явились малая посѣщае-

мость ихъ и неохотное составленіе приговоровъ о согласіи на открытіе новыхъ школъ.

Поднятый Бирскимъ земствомъ вопросъ былъ поддержанъ губернской управой на губернскомъ земскомъ собраніи сессіи 1905 г.

Въ своемъ докладѣ управа, говоритъ, что правила 26-го марта 1870 г., которыми въ инородческой школѣ запрещается изучать инородческіе языки, являются вопіющимъ анахронизмомъ, существующимъ лишь потому, что ничье вниманіе не было обращено на такой старинный пережитокъ руссификаторскихъ стремленій, не считавшихся съ условіями природы, быта и вѣрованій иноплеменныхъ народностей [1]).

Управа просила поручить ей возбудить предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія ходатайство о введеніи въ курсъ русско-башкирскихъ школъ преподаванія башкирскаго языка и въ зависимости отъ сего объ увеличеніи курса до 4 лѣтъ, на что собраніе дало свое полное согласіе.

Такимъ образомъ, незначительный ростъ инородческихъ школъ коренится въ неправильной постановкѣ обученія инородческаго населенія.

Общее количество земскихъ школъ еще ничего не говоритъ о дѣятельности земствъ. Можно установить эту дѣятельность въ томъ только случаѣ, если возьмемъ %% отношеніе земскихъ школъ къ числу всѣхъ низшихъ школъ, находящихся въ губерніи.

Такъ: (см. табл. на стр. 132).

Численный составъ школъ, находящихся въ вѣдѣніи духовнаго вѣдомства, даже со школами грамоты, въ 1900 г. составлялъ 34% общаго числа школъ въ губерніи, а въ 1905 г. 32,9%, число же школъ, находящихся въ вѣдѣніи дирекціи, въ 1900 г. 26,7%, въ 1905 г. 25,6%.

Такимъ образомъ, видно, что въ то время, какъ духовное вѣдомство значительно понизило свою просвѣтительную дѣятельность, а также и само министерство народнаго просвѣщенія, уѣздныя земства старались развить свою дѣятельность возможно интенсивнѣе.

Это видно также и изъ общаго увеличенія школъ за описываемый періодъ.

За время 1900—1905 гг. число всѣхъ низшихъ школъ въ губерніи, даже со школами грамоты, увеличилось на 242, а безъ школѣ

[1]) Журналъ Уфимскаго губернскаго земства 1905 г., стр. 384—385.

УѢЗДЫ.	1900 г.	1905 г.
Белебеевскій	6,8%	7,6%
Бирскій	9,3%	9,4%
Златоустовскій	6,7%	6,4%
Мензелинскій	6,5%	6,1%
Стерлитамакскій	4,6%	5,9%
Уфимскій	5,5%	6,1%
По губерніи	39,4%	41,5%

грамоты—на 198 школъ, число же земскихъ школъ увеличилось за это время на 135 школъ, что составитъ около 65% открытыхъ организованныхъ школъ. Духовное вѣдомство за этотъ періодъ успѣло открыть всего лишь 26 организованныхъ школъ, а со школами грамоты 70, дирекція народныхъ училищъ—37.

Однако, взятыя отдѣльно данныя о числѣ школъ еще мало что говорятъ. Школъ въ губерніи можетъ быть и много, но если онѣ разбросаны на громадномъ пространствѣ и могутъ вмѣщать только небольшую часть дѣтей школьнаго возраста, то существеннаго значенія эти школы могутъ имѣть очень мало.

Только при учетѣ числа верстъ, числа жителей и дѣтей школьнаго возраста, падающихъ на одну школу, можно приблизительно представить себѣ развитіе школьнаго дѣла въ губерніи. Исключая изъ общаго количества школы грамоты, какъ неорганизованныя, получимъ слѣдующія цифры въ началѣ и концѣ періода 1900 — 1905 гг. (см. табл. на стр. 133):

Изъ этихъ данныхъ видно, какъ еще медленно приближается школа къ населенію Уфимской губерніи.

	УѢЗДЫ.	Число организованныхъ школъ въ губерніи.		Одна школа на число квадратныхъ верстъ.		Одна школа на число жителей.		Одна школа на число дѣтей школьнаго возраста.	
		1900 г.	1905 г.	1900 г.	1905 г.	1900 г.	1905 г.	1900 г.	1905 г.
1.	Белебеевскій . . .	130	186	154,4	105,6	3.348	2.945	234	204
2.	Бирскій.	155	214	138,8	100,5	3.254	2.684	227	177
3.	Златоустовскій . .	63	105	296,6	150,7	2.994	2.189	209	153
4.	Мензелинскій. . .	110	138	102,9	81,6	3.494	3.218	244	225
5.	Стерлитамакскій. .	84	143	222,5	129,2	3.951	2.890	277	202
6.	Уфимскій. . . .	91	144	188,8	123,5	4.128	3.269	288	230

Ближе всего къ населенію стоитъ школа въ Златоустовскомъ уѣздѣ, самомъ маленькомъ по пространству изъ всѣхъ уѣздовъ Уфимской губерніи. Считая на каждую школу по 50 учениковъ, для осуществленія всеобщаго обученія въ Белебеевскомъ уѣздѣ потребуется около 520 школъ, въ Бирскомъ около 500, въ Златоустовскомъ около 200, Мензелинскомъ около 500, Стерлитамакскомъ около 350, и Уфимскомъ около 400 школъ.

Школьное строительство идетъ хотя медленно, но впередъ (См. табл. на стр. 134).

Наиболѣе заботится о пріобрѣтеніи собственныхъ зданій для школъ Мензелинское земство, за нимъ идетъ Белебеевское, Уфимское, Стерлитамакское, Бирское и Златоустовское. Несмотря на это, число наемныхъ помѣщеній растетъ и растетъ: за шесть лѣтъ число наемныхъ помѣщеній увеличилось больше всего въ Бирскомъ и Стерлитамакскомъ уѣздахъ. Въ одномъ только Мензелинскомъ уѣздѣ число наемныхъ помѣщеній понизилось. Насколько же удовлетворяютъ наемныя помѣщенія своему назначенію, лучше всего познакомиться изъ докладовъ и отчетовъ земскихъ управъ.

	Уѣзды.	1900 г. Собств.	1900 г. Наемн.	1905 г. Собств.	1905 г. Наемн.	+ или — Собств.	+ или — Наемн.
1.	Белебеевскій	22	34	39	43	+17	+ 9
2.	Бирскій	49	29	58	44	+ 9	+15
3.	Златоустовскій	46	10	52	17	+ 6	+ 7
4.	Мензелинскій	32	23	53	11	+21	—12
5.	Стерлитамакскій	19	17	35	29	+16	+12
6.	Уфимскій	44	2	57	9	+13	+ 7

„Наемныя квартиры для школъ,—значится въ докладѣ инспектора народныхъ училищъ по Бирскому уѣзду,—мало приспособлены для школьныхъ надобностей, большею частью тѣсныя, иногда недостаточно свѣтлыя, и холодныя. Въ этомъ отношеніи улучшеніе школьнаго дѣла достигается съ большимъ трудомъ,—можно сказать, въ общемъ оно не двигается впередъ“ [1].

Въ Златоустовскомъ уѣздѣ сельскія общества, по заявленію управы, относятся къ школьному дѣлу безучастно. Школьныя наемныя помѣщенія очень плохи. Такъ, въ Юрюзанскомъ заводѣ школьное помѣщеніе пришло въ невозможное положеніе, между тѣмъ число учащихся доходитъ до 300. Надо удивляться тому, восклицаетъ управа, что жители, видя, какъ учителя съ учениками чуть не задыхаются въ невозможномъ классномъ помѣщеніи, однако не хотятъ поспѣшить постройкой, хотя и имѣютъ къ тому возможность [2]. Почти всѣ школьныя зданія, устроенныя въ заводскихъ мѣстностяхъ Златоустовскаго

[1]) Сборн. пост. Бирск. у. з. с. 1904 г., стр. 220.

[2]) Сборн. пост. Златоуст. у. з. с. 1901 г., стр. 110.

уѣзда, крайне плохи и мало пригодны для учебныхъ цѣлей [1]). Упорное нежеланіе принести посильную лепту на школьное дѣло, какъ показываетъ опытъ, встрѣчается только, по сообщенію инспектора народныхъ училищъ, по Златоустовскому уѣзду среди заводскаго населенія, усвоившаго себѣ ложный взглядъ на обученіе своихъ дѣтей, которое, по мнѣнію заводскихъ обывателей, должно быть непремѣнно даровымъ, не требующимъ никакихъ затратъ со стороны рабочихъ ни на возведеніе и исправленіе школьныхъ зданій, ни на ихъ содержаніе [2]).

Что же касается заводской администраціи, то, повидимому, она даже несочувственно относится къ дѣлу народнаго образованія на заводахъ. Это видно изъ примѣра на Кусинскомъ заводѣ.

Съ начала 1901—2 учебнаго года Кусинская женская школа была переведена въ нижній этажъ общественнаго дома, благодаря опасности верхняго этажа, но помѣщеніе оказалось темнымъ и тѣснымъ: въ помѣщеніи царитъ какой-то таинственный полумракъ, производящій угнетающее впечатлѣніе на учащихся. Послѣднія особенно страдаютъ отъ недостатка свѣта при чтеніи или стараніи разсмотрѣть то, что написано на классной доскѣ. Тѣснота помѣщенія заставляютъ нѣкоторыхъ учениць стоять во время уроковъ, такъ какъ рѣшительно не хватаетъ мѣста для массы учащихся дѣвочекъ. Просили у горнаго вѣдомства уступки подъ помѣщеніе свободнаго теперь зданія госпиталя, но заводоуправленіе изъявило согласіе только при условіи, если зданіе госпиталя будетъ капитально ремонтировано, при томъ оно могло быть предоставлено для помѣщенія въ немъ школы только во временное пользованіе и при томъ на весьма непродолжительный срокъ [3]).

Какія же мѣры принимаются земствами противъ этого? Обыкновенно управа пишетъ бумагу сельскому обществу о ремонтѣ школы, общество отвѣчаетъ, что, по его мнѣнію, школьное зданіе достаточно хорошо, или въ большинствѣ случаевъ отмалчивается. Управа возмущается такимъ нерадѣніемъ населенія къ школьному дѣлу, жалуется земскому начальнику, иногда даже губернатору,—результаты получаются тѣ же самые [4]).

Такая же исторія возникаетъ при устройствѣ новыхъ школъ.

[1]) Ibid., 1902, стр. 54.
[2]) Ibid., стр. 54.
[3]) Ibid., стр. 53.
[4]) Сборн. пост. Златоуст. у. з. с. 1903, стр. 113.

Общество соглашается выстроить школу, земство даетъ пособіе, и вотъ начинается постройка безъ знанія школьныхъ условій, школьныхъ требованій, безъ всякаго плана, какъ Богъ на душу положитъ. Управа сердится, негодуетъ, а фактъ остается фактомъ, вновь выстроенное школьное зданіе въ большинствѣ случаевъ оказывается для школы неподходящимъ.

Вся бѣда въ томъ, что школьное строительство во многихъ уѣздахъ земствами взвалено цѣликомъ почти на плечи сельскаго населенія (см. сборн. о дѣят. Уфимск. уѣздн. зем., стр. 44 — 45). Правда, попытки упорядочить школьное строительство уже начались. Такъ, Златоустовское земство въ 1901 г. постановило выдавать на постройку школьныхъ зданій сельскими обществами планы, выработанные и одобренные училищнымъ совѣтомъ съ участіемъ земскаго техника [1]). Думается, врядъ ли будетъ полезенъ планъ кому-нибудь изъ сельскихъ обывателей, не знающему правилъ строительнаго искусства. Одно только Мензелинское земство, пользуясь закономъ 12 мая 1897 г. и послѣдующими узаконеніями о безплатномъ отпускѣ изъ казны лѣса, ежегодно выпрашиваетъ на 4—5 школъ безплатно бревенъ, такъ что въ общемъ школа обходится менѣе 1000 руб. [2]).

Какъ больница, амбулаторія, такъ и школа требуетъ извѣстныхъ помѣщеній, чтобы удовлетворительно выполнять свое назначеніе. Но почему-то постройка больницъ считается обязанностью земства, а постройка школьныхъ зданій—обязанностью сельскихъ обществъ. Между тѣмъ, самому земству, имѣющему подъ руками техниковъ, хорошихъ десятниковъ, легче выстроить школу, чѣмъ сельскому обществу.

Во многихъ земствахъ школьное строительство признано принципіально дѣломъ земства, при чемъ вносится ежегодно въ смѣту опредѣленная сумма на постройку извѣстнаго количества школъ по планамъ и смѣтамъ, одобреннымъ школьною комиссіею при управѣ съ представителями отъ учащихъ и утвержденнымъ земскимъ собраніемъ. Планъ, прошедшій черезъ эти инстанціи, дѣйствительно получаетъ значеніе строго обдуманнаго и приспособленнаго для школьной жизни, а не является случайною фантазіею подрядчика или составителя. Въ этихъ планахъ подробно разсмотрѣны и включены всѣ надворныя постройки, помѣщеніе для учителя, ночлежный пріютъ, помѣщеніе для библіотеки и т. д.

---

[1]) Сборн. пост. Златоуст. у. з. с. 1901 г., стр. 104.

[2]) Сборн. пост. Мензелинск. у. з. с. 1903, стр. 303.

Въ общемъ получается гораздо менѣе хлопотъ, чѣмъ постоянныя столкновенія съ сельскими обществами изъ-за постройки школъ.

Что касается средствъ на постройку собственныхъ зданій, то уѣздныя земства уже стали намѣчать кое-что. Многія земства Уфимской губерніи даютъ сельскимъ обществамъ пособія на выстройку школьныхъ помѣщеній. Съ признаніемъ школьнаго строительства обязанностью земства можно поступить наоборотъ: предложить обществамъ самимъ сдѣлать сборъ, сколько могутъ на выстройку школы, и безплатный трудъ по перевозкѣ матеріаловъ, бревенъ, песку, камня и проч. Какъ показалъ опытъ въ другихъ губерніяхъ, сельское общество на сходѣ скорѣе согласится сдѣлать разверстку деньгами, чѣмъ само строить школу. Все равно, то же общество сдаетъ постройку школы какому-нибудь подрядчику. Отклоняя отъ себя постройку школъ, земство этимъ самымъ какъ бы уничтожаетъ къ себѣ довѣріе со стороны населенія.

Другимъ выходомъ изъ этого можетъ быть принципіальное постановленіе собранія объ ежегодной постройкѣ извѣстнаго количества школъ, со внесеніемъ ежегодно извѣстной суммы въ смѣту, по планамъ, одобреннымъ школьной комиссіей при управѣ и земскимъ собраніемъ. Третье средство — образованіе школьно-строительнаго фонда губернскимъ земствомъ. Правда, попытки въ этомъ направленіи были уже предпринимаемы Уфимскимъ губернскимъ земствомъ, но кончились неудачно: образованный фондъ былъ закрытъ самимъ же земствомъ. Насколько имѣетъ большое значеніе такой фондъ, свидѣтельствуетъ примѣръ Златоустовскаго земства. Благодаря образовавшемуся здѣсь фонду, школьное строительство быстро пошло впередъ, ссудами воспользовались многія сельскія общества и, по свидѣтельству управы, выстроили много хорошихъ училищныхъ зданій [1]). Если уже образованіе фонда уѣзднымъ земствомъ вызвало такую усиленную дѣятельность сельскихъ обществъ, то нечего и говорить о томъ, какое оживленіе внесло бы въ школьное строительство уѣздныхъ земствъ образованіе такихъ фондовъ губернскими земствами.

Для успѣшнаго хода школьнаго дѣла недостаточно одной заботы о постройкѣ хорошихъ помѣщеній для школъ,—необходимо озаботиться приличнымъ содержаніемъ ихъ, отопленіемъ, освѣщеніемъ и окарауливаніемъ. Кое-что въ этомъ направленіи предпринимается уѣздными

---

[1]) Сборн. пост. Златоуст. у. с. 1901, стр. 112.

земствами Уфимской губерніи. Такъ, Бирское собраніе 1904 г. признало въ принципѣ весьма желательнымъ принять содержаніе начальныхъ школъ въ уѣздѣ всецѣло на земскій счетъ, когда наступитъ болѣе благопріятное время, а потому пока оставило вопросъ открытымъ. Изъ отчета управы было видно, что изъ 96 земскихъ школъ 49 училищъ содержались исключительно на средства сельскихъ обществъ, 30 на совмѣстныя средства земства и сельскихъ обществъ и только 17 школъ исключительно на средства земства. На содержаніе школъ сельскія общества истратили въ этомъ году 4.930 рублей [1]). Но уже въ 1905 г. вопросъ о содержаніи школъ снова сталъ ребромъ, и собраніе постановило расходы по содержанію школъ съ 1906 г. принять всецѣло на счетъ земства, а также расходы по найму квартиръ для учащихъ, ассигнововавъ 10.864 рубля на наемъ квартиръ, отопленіе, освѣщеніе и окарауливаніе школьныхъ помѣщеній.

Въ этомъ же году Златоустовское собраніе, по докладу управы о переводѣ натуральной повинности по содержанію школъ въ денежную, постановило принять на счетъ земства расходы по отопленію и обезпеченію прислугою земскихъ сельскихъ школъ, для чего ассигновало 3.854 рубля 60 копеекъ.

Белебеевское собраніе въ 1905 г. постановило на содержаніе въ 1906 г. школьныхъ помѣщеній съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и окарауливаніемъ внести въ смѣту 9.652 рубля 28 копеекъ.

Уфимское уѣздное земство приняло отопленіе, освѣщеніе и окарауливаніе школьныхъ помѣщеній на свой счетъ еще въ 1889 году, но только въ тѣхъ школахъ, которыя построены исключительно на средства земства или при его наибольшемъ участіи [2]). По свидѣтельству инспектора народныхъ училищъ Златоустовскаго уѣзда въ тѣхъ школахъ, гдѣ расходы по содержанію школъ лежатъ на сельскихъ обществахъ, царитъ обыкновенно холодъ, благодаря задержкѣ топлива [3]); вѣчная зависимость отъ сельскаго старосты, вымаливанье дровъ у него подъ угрозой остаться въ холодной комнатѣ, унижаетъ личность учителя въ глазахъ населенія, такъ какъ ставитъ его въ полное подчиненіе старостѣ или тому лицу, которое уполномочено обществомъ заботиться о поставкѣ дровъ для школы.

---

[1]) Сборн. пост. Бирск. у. з. с. 1904, стр. 273.

[2]) Сборн. о дѣят. Уфимск. у. зем. стр. 48.

[3]) Сборн. пост. Злат. у. з. с. 1901, стр. 128.

II. Учащіе.

1. Личный составъ.

Личный составъ преподавателей растетъ въ зависимости отъ роста школъ. Въ теченіе 1900—1905 гг. число учащихъ въ земскихъ школахъ увеличилось на 172 человѣка, число школъ на 110. Поуѣздно увеличеніе числа школъ и учащихъ видно изъ слѣдующей таблички:

	УѢЗДЫ.	1900 г.		1905 г.		Число школъ.	Число учащихъ.
		Число школъ.	Число учащихъ.	Число школъ.	Число учащихъ.		
1.	Белебеевскій	56	57	82	83	+26	+26
2.	Бирскій	78	110	102	145	+24	+35
3.	Златоустовскій	56	78	69	132	+13	+54
4.	Мензелинскій	55	60	66	88	+11	+28
5.	Стерлитамакскій	39	46	64	82	+25	+36
6.	Уфимскій	46	64	66	106	+20	+42

Болѣе всего обезпечило себя педагогическими силами за періодъ времени 1900—1905 г. Стерлитамакское земство, затѣмъ Уфимское и Златоустовское, менѣе всего Бирское. Такъ, напримѣръ, Бирское земство открыло 24 школы, составъ же учащихъ увеличило на 33 человѣка, тогда какъ Златоустовское и Мензелинское земства открыли сравнительно немного училищъ (13 и 11), а число учащихъ увеличили (57 и 28). Очевидно, разныя земства къ одной и той же цѣли — сдѣлать обученіе доступнымъ возможно большему количеству

дѣтей — идутъ различными путями: въ то время, какъ одни изъ нихъ стремятся учредить больше училищъ, другія употребляютъ свои усилія на увеличеніе числа учащихъ. Это объясняется отчасти тѣмъ, что въ однихъ уѣздахъ населеніе группируется въ большія селенія, въ другихъ оно разбросано небольшими поселками, и, слѣдовательно, собираться дѣтямъ изъ отдаленныхъ селъ въ одну школу затруднительно, откуда является необходимость по возможности увеличить количество училищъ.

Что касается образовательнаго ценза учащихъ, то онъ виденъ изъ слѣдующей таблицы. Къ числу лицъ со среднимъ образовательнымъ цензомъ отнесены кончившіе учительскія семинаріи, духовныя семинаріи, гимназіи, епархіальныя училища и другія среднія учебныя заведенія; къ числу лицъ безъ средняго образовательнаго ценза—получившіе учительское званіе по экзамену и не получившіе этого званія (см. табл. на стр. 141).

Изъ этой таблицы видно, какъ медленно растетъ число учащихъ съ среднимъ образовательнымъ цензомъ; съ другой стороны, эта таблица показываетъ, на сколько больше число преподавательницъ съ среднимъ образованіемъ, которое достигаетъ наибольшаго числа въ Мензелинскомъ уѣздѣ. Даже если возьмемъ и за шесть лѣтъ число учительницъ съ среднимъ образованіемъ по уѣздамъ, то увидимъ, что число учителей за пять лѣтъ увеличилось не особенно много, за то число учительницъ въ каждомъ уѣздѣ возросло вдвое, втрое, за исключеніемъ Златоустовскаго.

Образовательный уровень за шесть лѣтъ повысился наиболѣе всего въ Белебеевскомъ уѣздѣ, затѣмъ въ Уфимскомъ и Стерлитамакскомъ, наименѣе всего въ Златоустовскомъ и Бирскомъ.

Преобладающее количество учителей съ среднимъ образованіемъ во всѣхъ уѣздахъ—кончившіе учительскія семинаріи, преобладающее количество учительницъ — кончившія епархіальныя училища, затѣмъ гимназіи и другія среднія учебныя заведенія. Въ Уфимскомъ уѣздѣ кончившія епархіальныя училища составляютъ половину всѣхъ учительницъ, кончившихъ гимназіи и другія среднія учебныя заведенія.

Если такъ медленно увеличивается число учащихъ въ земскихъ школахъ съ повышеннымъ образовательнымъ цензомъ, то, быть можетъ, число учащихъ безъ средняго образованія, хотя медленно, но убываетъ; однако, данныя показываютъ наоборотъ.

Оказывается, что число учащихъ въ 1900 г. безъ средняго образованія составляло лишь 36,2% къ числу учащихъ съ среднимъ обра-

Уѣзды.	Съ среднимъ образованіемъ.									Безъ средняго образованія.								
	1900 г.			1905 г.			+ или —			1900 г.			1905 г.			+ или —		
	Учителя.	Учительницы.	Итого.	Учителя.	Учительницы.	Итого.	Учителя.	Учительницы.	Итого.	Учителя.	Учительницы.	Итого.	Учителя.	Учительницы.	Итого.	Учителя.	Учительницы.	Итого.
1. Белебеевскій	2	12	14	10	31	41	+ 8	+ 19	+ 27	30	22	52	37	5	42	+ 7	— 17	— 10
2. Бирскій	32	25	57	26	35	61	— 6	+ 10	+ 4	8	44	52	21	62	83	+ 13	+ 18	+ 31
3. Златоустовскій	41	37	78	62	19	81	+ 21	— 18	+ 3	25	23	48	25	26	51	—	+ 3	+ 3
4. Мензелинскій	5	43	48	3	60	63	— 2	+ 17	+ 15	6	6	12	11	14	25	+ 5	+ 8	+ 13
5. Стерлитамакскій	14	14	28	27	26	53	+ 13	+ 12	+ 25	9	9	18	14	12	26	+ 5	+ 3	+ 8
6. Уфимскій	20	34	54	23	47	70	+ 3	+ 13	+ 16	6	8	14	20	16	36	+ 14	+ 8	+ 22
Итого	114	165	279	151	218	369	+ 37	+ 53	+ 90	84	112	196	128	135	263	+ 44	+ 23	+ 67

зовательнымъ цензомъ, въ 1905 г. число учащихъ безъ средняго образованія къ числу учащихъ съ среднимъ образованіемъ составляло уже 71,3%, за шесть лѣтъ отношеніе увеличилось почти въ два раза (на 25,1%). Одинъ только Белебеевскій уѣздъ значительно уменьшилъ контингентъ учащихъ безъ средняго образовательнаго ценза.

Первое мѣсто занимаетъ Бирскій уѣздъ, за нимъ слѣдуютъ уѣзды Мензелинскій и Уфимскій. Что касается Уфимскаго уѣзда, то трудно сказать, что мѣшаетъ, какія неблагопріятныя условія заставляютъ оканчивающихъ Уфимскую женскую гимназію избѣгать Уфимское уѣздное земство и поступать въ другіе уѣзды. За шесть лѣтъ число учащихъ безъ средняго образованія увеличилось на 67 человѣкъ (27%), тогда какъ число учащихъ съ среднимъ образовательнымъ цензомъ только на 90 человѣкъ (26,4%). Несомнѣнно, что кое-какія улучшенія въ школьной жизни, дающія возможность сносно существовать интеллигентному работнику, привлекаютъ учащихъ съ болѣе лучшей педагогической подготовкой, но, съ другой стороны, усиленный ростъ школъ заставляетъ хвататься за перваго попавшагося кандидата. Эта особенность сказывается больше всего въ Уфимской губерніи, гдѣ почти всѣ уѣздныя земства предоставили инспекторамъ народныхъ училищъ подыскивать подходящихъ кандидатовъ на учительскія мѣста, хотя пріисканіе кандидатовъ на учительскія мѣста, согласно 18 статьѣ положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 25-го мая 1873 г., а также §§ 8, 10, 11 и 12 инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ, сообщ. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ 10-го января 1875 г. № 850, 4-го ноября 1875 г. № 31479, составляетъ прямую обязанность земства, какъ учредителя школъ.

Инспектора народныхъ училищъ, обремененные массою текущей переписки, совершенно не имѣютъ достаточно времени для пріисканія хорошихъ кандидатовъ, даже не имѣютъ времени сообщить большему числу лицъ о свободныхъ мѣстахъ.

Если сопоставить ростъ учащихъ съ среднимъ образовательнымъ цензомъ и безъ него вообще въ школахъ, подвѣдомственныхъ дирекціи и училищнымъ совѣтамъ, со школами духовнаго вѣдомства, то окажется, что въ школахъ вѣдѣнія дирекціи и училищныхъ совѣтовъ за періодъ времени 1900—1905 гг. число учителей съ среднимъ образованіемъ увеличилось на 70, число учительницъ на 59, обоего пола на 129; число учителей безъ средняго образованія на 128, учительницъ на 42, обоего пола на 170,—цифра довольно внушительная; но эта цифра блѣднѣетъ съ данными о числѣ учащихъ въ школахъ ду-

ховнаго вѣдомства. Здѣсь число учащихъ съ среднимъ образованіемъ за тотъ же періодъ времени 1900—1905 гг. уменьшилось на 127, число учащихъ безъ средняго образованія увеличилось на 130.

Любопытно послѣ этого взглянуть, насколько усиливается ростъ женскаго преподавательскаго труда въ земскихъ школахъ. Данныя по этому вопросу можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

	У ѣ з д ы.	1900 г.		1905 г.		+ или —	
		Учителя.	Учительницы.	Учителя.	Учительницы.	Учителя.	Учительницы.
1.	Белебеевскій	32	36	47	36	+ 15	—
2	Бирскій	40	69	48	97	+ 8	+ 28
3.	Златоустовскій	41	37	87	45	+ 46	+ 8
4.	Мензелинскій	11	49	14	74	+ 3	+ 25
5.	Стерлитамакскій	23	23	41	41	+ 18	+ 18
6.	Уфимскій	26	38	43	63	+ 17	+ 25
	Итого	173	252	280	356	+107	+104

Оказывается, что женскій трудъ преобладаетъ въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ существуютъ женскія гимназіи, прогимназіи, дающія возможность получить мѣсто въ школѣ недалеко отъ своей родины бѣднымъ дѣвушкамъ.

Въ общемъ нужно признать, что женскій трудъ въ земскихъ школахъ занимаетъ первенствующее мѣсто, и можно только пожелать, что-

бы этотъ трудъ былъ облагороженъ притокомъ новыхъ силъ лицъ съ большимъ образованіемъ, чѣмъ это сейчасъ наблюдается. Что касается учительскаго труда, то онъ имѣетъ стремленіе къ пониженію, а въ Бирскомъ уѣздѣ учителя съ среднимъ образованіемъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе уходятъ. Вотъ что писалъ въ своемъ отчетѣ Бирскому собранію 1902 г. инспекторъ народныхъ училищъ по поводу ухода учителей: „Въ настоящее время лица, кончившія курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ, обыкновенно ищутъ себѣ болѣе выгодныхъ занятій, болѣе обезпеченной службы. Какъ они, такъ и окончившіе курсъ среднихъ учебныхъ заведеній желали бы служить въ большихъ селахъ, гдѣ они могли бы имѣть общеніе съ болѣе или менѣе интеллигентными лицами. Прослуживъ одинъ, два года въ деревенской глуши, среди удручающихъ ихъ условій жизни, они рвутся къ другимъ мѣстамъ, надѣясь найти тамъ удовлетвореніе часто неяснымъ для нихъ самихъ стремленіямъ къ лучшей жизни, къ болѣе успѣшной дѣятельности. Поэтому такъ часты перемѣщенія, еще чаще просьбы о томъ. Семейные учителя на свое жалованье едва могутъ прокормить семью; испытывая хроническую нужду, они поневолѣ ищутъ себѣ другихъ заработковъ или другихъ занятій". Помимо жалованья жизнь учителя обставлена и въ другихъ отношеніяхъ скудно; нѣтъ, напримѣръ, хлѣва для необходимой ему коровы, а своихъ средствъ на постройку его не хватаетъ; чтобы помыться въ банѣ, ему необходимо самому идти за версту, нести ребятъ, подвергаться риску простудить себя и дѣтей. „Учителю другіе пути заказаны, и его начинаетъ манить всѣмъ видная, сытая жизнь священника, благо пробраться туда уже не такъ трудно; въ случаѣ нужды онъ пройдетъ промежуточныя ступени, поступитъ на должность учителя—псаломщика или просто учителя церковно-приходской школы, откуда онъ въ видѣ повышенія можетъ получить должность дьякона, потомъ и священника" [1]).

Выходомъ изъ этого удручающаго положенія преподавателей земскихъ школъ могло бы служить предоставленіе имъ права преподавать Законъ Божій. Въ 1905 г. во всей Уфимской епархіи числится 515 священниковъ, изъ нихъ 2 съ высшимъ образованіемъ, 236 съ среднимъ и 277 съ низшимъ. Всѣхъ же учебныхъ заведеній среднихъ и низшихъ въ губерніи въ 1904 г. числилось 1.505. Если бы всѣ священники стали преподавать въ школахъ, то каждому пришлось бы въ сред-

[1]) Сборн. пост. Бирск. у. з. с. 1902, стр. 111.

немъ заниматься въ трехъ школахъ. Что же нужно сказать про низшія школы въ селахъ и деревняхъ и священниковъ, живущихъ въ нихъ? Каждый долженъ преподавать Законъ Божій не менѣе, какъ въ 4—5 школахъ. Гдѣ же тутъ физическая возможность ѣздить по школамъ, даже если бы у священника не было никакихъ требъ, богослуженія, и онъ исключительно только бы и занимался законоучительствомъ; но требы и богослуженіе постоянно отрываютъ священника отъ законоучительства, часто отвлекаютъ его съ урока Закона Божія. Неудивительно, если во многихъ школахъ фактически преподаютъ Законъ Божій учащіе, а священники только расписываются въ журналахъ и получаютъ свое законоучительское жалованье.

Почти въ каждой губерніи преподаваніе Закона Божія въ земскихъ школахъ составляетъ одинъ изъ наболѣвшихъ вопросовъ; въ каждой губерніи то одно, то другое уѣздное земства возбуждаютъ ходатайства о разрѣшеніи преподавать Законъ Божій учащимъ въ земскихъ школахъ, но всѣ эти ходатайства остаются безъ удовлетворенія. Белебеевская управа въ своемъ докладѣ по этому вопросу писала слѣдующее: „Относительно дѣятельности отцовъ законоучителей г. инспекторъ народныхъ училищъ могъ указать всего лишь на трехъ священниковъ, преподающихъ Законъ Божій, добавивъ, что большинство остальныхъ священниковъ-законоучителей, будучи обременено исполненіемъ требъ, посѣщаетъ классы съ большимъ или меньшимъ пропускомъ уроковъ. Сопоставляя этотъ отзывъ съ циркуляромъ статсъ-секретаря Побѣдоносцева отъ 30 — 31-го октября текущаго года за № 8131, почти безусловно воспрещающимъ возлагать преподаваніе Закона Божія на свѣтскихъ учителей, уѣздная управа не можетъ не выразить своего крайняго прискорбія въ томъ, что, несмотря на очевидную несостоятельность церковнаго причта, обремененнаго исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей, къ преподаванію Закона Божія, святѣйшій синодъ, тѣмъ не менѣе, ревностно оберегаетъ права отцовъ законоучителей. По крайней мѣрѣ, въ нашемъ уѣздѣ очередныя уѣздныя земскія собранія усиленно хлопотали о томъ, чтобы всѣмъ сельскимъ учителямъ было разрѣшено преподавать Законъ Божій, хотя бы и подъ наблюденіемъ приходскаго священника, который, будучи обязанъ посѣщать нѣсколько школъ, физически не можетъ исполнять возложенныя на него обязанности. Обыкновенно священникъ ѣдетъ въ деревенскую школу на урокъ только тогда, когда за нимъ пришлютъ подводу для исполненія въ той деревнѣ какой-либо требы. Если же этого не случится, то учитель волей-неволей выполняетъ за

него положенный по расписанію урокъ, такъ какъ иначе выпускные ученики рискуютъ остаться безъ свидѣтельства на льготное отбываніе воинской повинности. Въ общемъ счетѣ дѣло кончается тѣмъ, что по Закону Божію фактически преподавателемъ состоитъ учитель, а вознагражденіе за это получаетъ законоучитель. Порядокъ ненормальный. Обыкновеннымъ мотивомъ къ отказамъ подобнаго рода заявленіямъ и ходатайствамъ служитъ то, что свѣтскія лица недостаточно подготовлены въ богословскихъ наукахъ. Если это соображеніе приложить къ священникамъ Уфимской епархіи, то окажется какъ разъ наоборотъ, именно, священники недостаточно подготовлены въ богословскихъ наукахъ, какъ получившіе въ большинствѣ случаевъ низшее образованіе, а не учащіе съ законченнымъ среднимъ образованіемъ. Белебеевская управа, основываясь на этомъ, просила собраніе возбудить ходатайство объ отмѣнѣ циркуляра и разрѣшеніи преподавать Законъ Божій всѣмъ деревенскимъ учителямъ и учительницамъ, принявъ во вниманіе то, что предметъ этотъ по своей несложности (молитвы и разсказы историческаго содержанія) вполнѣ доступенъ всѣмъ учащимъ, и то, что сами отцы законоучители сплошь и рядомъ имѣютъ болѣе низкій образовательный цензъ, чѣмъ учащіе въ земскихъ школахъ" [1]).

2. *Содержаніе учащихъ.*

Низшій окладъ содержанія въ земскихъ школахъ для законоучителей и вѣроучителей составляетъ 50 — 100 руб., высшій 200 — 300 руб., при чемъ послѣдній установленъ для одного лица и въ одномъ лишь Златоустовскомъ уѣздѣ; оклады въ 100—200 руб. для законоучителей и вѣроучителей встрѣчаются въ Бирскомъ, Златоустовскомъ, Стерлитамакскомъ и Уфимскомъ уѣздѣ, при чемъ число лицъ, получающихъ этотъ окладъ, въ Златоустовскомъ уѣздѣ повышается (за шесть лѣтъ число лицъ увеличилось на 16 человѣкъ), въ прочихъ же уѣздахъ остается неизмѣннымъ.

Для учителей и учительницъ въ земскихъ школахъ низшій окладъ содержанія 100—200 руб., высшій свыше 300 руб. Низшій размѣръ содержанія для учителей, уничтоженный совершенно въ Белебеевскомъ и Стерлитамакскомъ, если не юридически, то фактически, одинъ годъ существовалъ въ Златоустовскомъ и два года въ Бирскомъ уѣздахъ, а въ настоящее время и въ этихъ уѣздахъ не существуетъ. Наблю-

[1]) См. докл. Белебеевск. упр. по народн. обр. 1905 г., № 12.

дается онъ въ настоящее время только въ Мензелинскомъ и Уфимскомъ уѣздѣ, но и здѣсь съ каждымъ годомъ число лицъ, получающихъ этотъ окладъ, убываетъ, дойдя въ Уфимскомъ уѣздѣ до 1.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ женскимъ трудомъ. Правда, въ Белебеевскомъ, Бирскомъ, Стерлитамакскомъ и Златоустовскомъ уѣздахъ этотъ окладъ 100 — 200 руб. для учительницъ не существуетъ, но въ Мензелинскомъ и Уфимскомъ онъ еще остался, хотя и здѣсь число лицъ съ этимъ окладомъ постепенно убываетъ. Въ Бирскомъ уѣздѣ этотъ окладъ пересталъ существовать съ 1903 г., въ Златоустовскомъ съ 1904 г. Если разсматривать по-уѣздно таблицу окладовъ содержанія, получаемыхъ учащими, то увидимъ, что за шесть лѣтъ число лицъ съ окладомъ въ 100—200 руб. сократилось на 45 человѣкъ (на 62,5%), за то число лицъ, получающихъ 200—300 руб., увеличилось на 52 человѣка (на 20,2%); очевидно, совершилось перемѣщеніе прежнихъ 45 лицъ на новый окладъ. Болѣе всего увеличилось число лицъ, получающихъ свыше 300 руб.: за періодъ времени 1900—1905 г. это число увеличилось на 147 человѣкъ (на 289%). Наибольшее число лицъ съ этимъ окладомъ падаетъ на 1904 годъ.

Говорятъ, что душа школы — учитель. Если это изреченіе справедливо, то, чтобы требовать отъ учащихъ надлежащаго отношенія къ дѣлу, необходимо обезпечить ему сносное существованіе въ школѣ. Съ этой стороны на земствѣ лежитъ прямая обязанность какъ можно скорѣе облегчить трудъ учащаго, скрасить и безъ того невеселую, его жизнь, освободить отъ полуголоднаго существованія. И въ самомъ дѣлѣ, на сколько непригляднa, непривѣтлива жизнь учащаго въ Уфимской губерніи, свидѣтельствуютъ небольшія выдержки изъ отвѣтовъ учителей, опрошенныхъ Стерлитамакскою земскою управою въ 1904 году.

Одинъ учащій, высчитавъ минимальную сумму, нужную для того, чтобы не умереть съ голоду его семьѣ, говоритъ: „и такъ остается 4 копейки на обувь, одежду, на непредвидѣнные расходы въ случаѣ болѣзни, на мелкіе расходы по хозяйству, не говоря уже о другихъ насущныхъ потребностяхъ интеллигента. Вотъ и изволь при такихъ обстоятельствахъ исполнять свои обязанности, когда прежде чѣмъ войдешь въ классъ, поломаешь голову надъ каждой копейкой, изволь при такихъ условіяхъ быть бодрымъ, веселымъ“. „Учителя ставятъ въ примѣръ ученикамъ и населенію“, пишетъ другой учитель. „Хорошъ примѣръ бѣдности, которой боятся всѣ. До того ли въ классѣ во время занятій, чтобы оживленнѣе и лучше прошелъ урокъ, когда преслѣдуетъ всюду нужда, а въ классѣ сырость и холодъ. До обду-

мыванія ли уроковъ на завтрашній день въ своей квартирѣ, когда въ желудкѣ пусто, голова трещитъ отъ угара отъ желѣзной печки, а черезъ нѣсколько времени опять зубъ на зубъ не будетъ попадать. До развлеченія ли зимой въ праздничные дни, когда не только принять гостей, но и самому въ квартирѣ повернуться негдѣ. До посѣщенія ли въ городѣ лекцій, концертовъ, спектаклей, когда нѣтъ возможности истратить лишнюю копейку на приличную одежду. Такую жизнь нельзя назвать нормальной. Что же удивительнаго, если учитель раньше времени старѣетъ и умираетъ. Правда, въ ожиданіи будущихъ благъ, т. е. пенсіи, высчитываютъ 9% изъ жалованья. Я и и безъ того еле-еле кормлюсь, а тутъ еще урѣзали. Вотъ мнѣ 35 лѣтъ, черезъ 15 лѣтъ я могу получать пенсію, тогда мнѣ будетъ 50 лѣтъ, а дѣти мои будутъ уже взрослые и скорѣе всего недоросли. Спрашивается, какое образованіе я могу дать, живя на такое жалованіе. Въ 50 лѣтъ хотѣлось бы пользоваться помощью дѣтей, которыхъ я своимъ бы трудомъ поставилъ на ноги, а не пенсіей. Мнѣ желательно дать дѣтямъ образованіе, чтобы они, когда я уже буду старикомъ, честнымъ трудомъ могли зарабатывать свой хлѣбъ и кормить меня. На пенсію мнѣ нечего разсчитывать".

Третій учитель пишетъ: „если бы не пчеловодство, которое даетъ мнѣ порядочный доходъ, то трудно и представить себѣ, какъ жить при существующемъ жалованьѣ съ кучей дѣтей, которыхъ нужно кормить, обуть, одѣть. Необезпеченность учителя особенно ярко выдѣляется, если сравнить его жалованье съ жалованьемъ рабочихъ на заводахъ. Тамъ часто вознагражденіе выше. Если земство находитъ нужнымъ улучшить дѣло народнаго образованія, то прежде всего нужно улучшить матеріальное и правовое положеніе учителя, безъ чего никакіе курсы и съѣзды дѣла не улучшатъ".

Мы сдѣлали эти выдержки изъ отвѣтовъ учащихъ того земства, гдѣ оклады въ 100 — 200 рублей уже болѣе 6 лѣтъ не существуютъ; какіе же отвѣты получили бы тѣ земства, которыя еще не уничтожили этого нищенскаго оклада содержанія. Ежегодно поднимается вопросъ о жалованьѣ учителямъ на земскихъ собраніяхъ, ежегодно говорится масса словъ о высокомъ апостольскомъ трудѣ учащихъ, о ихъ чуть ли не подвижнической жизни, а вопросъ остается по прежнему не разрѣшеннымъ.

Норма оклада учительскаго жалованья во всѣхъ уѣздахъ существовала 240 рублей и 180 рублей для помощниковъ учителей. Увеличивающійся ростъ цѣнъ на жизненные продукты, дороговизна во-

обще жизни многихъ учащихъ побуждали уходить съ учительской службы. Это обстоятельство заставило нѣкоторыя уѣздныя земства пересмотрѣть прежде всего вопросъ о минимальномъ окладѣ содержанія. Такъ какъ этотъ окладъ получался помощниками учащихъ, то на немъ большинство земствъ и остановилось. Такъ, Бирское земское собраніе съ 1901 г. увеличило окладъ содержанія помощницамъ учительницъ съ 180 рублей до 240 рублей въ виду того, что эти лица не получаютъ ни квартирныхъ, ни періодическихъ прибавокъ [1]). Златоустовское собраніе въ 1903 г. высказалось за увеличеніе жалованья помощникамъ учителей сельскихъ и городскихъ земскихъ школъ до 240 рублей въ годъ вмѣстѣ съ квартирными [2]). Уфимское уѣздное собраніе 1902 г. постановило въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ помощницы учительницъ не получаютъ квартирныхъ при училищахъ, давать жалованье не 180 рублей, а 240 рублей [3]). Изъ постановленій не видно, чтобы эти земства подняли вопросъ о совершенномъ упраздненіи дѣленія учащихъ на завѣдующихъ и ихъ помощниковъ, какъ это сдѣлано почти во всѣхъ земскихъ губерніяхъ съ широко поставленнымъ начальнымъ образованіемъ. Не рѣдко можно встрѣтить, что лицо, окончившее женскую гимназію, поступаетъ помощницей на 180 рублей къ учителю или учительницѣ безъ средняго образованія или даже просто съ домашней подготовкой. Въ нѣкоторомъ родѣ помощница должна зависить отъ завѣдующей какъ въ дѣлѣ преподаванія, такъ и въ другихъ вопросахъ. Неминуемыя столкновенія на почвѣ преподаванія невольно заставляютъ бѣжать въ другое мѣсто и искать себѣ мѣста самостоятельной учительницы. Институтъ помощниковъ учителей зло и при томъ большое зло, потому что этотъ институтъ вноситъ въ преподавательскую среду и въ дѣло преподаванія какую-то субординацію, гдѣ, наоборотъ, учащіе должны бы быть равны и вполнѣ самостоятельны въ веденіи отдѣленій, одинаково отвѣтственны за свои поступки. Существованіе помощниковъ учителей и учительницъ до извѣстной степени объясняетъ тотъ фактъ, что въ Уфимскомъ уѣздномъ земствѣ кончившія женскія гимназіи стараются избѣгать это земство и только очень рѣдкія изъ кончившихъ мѣстную женскую гимназію рѣшаются поступить на полуголодный окладъ въ 180 рублей [4]).

[1]) Сборн. пост. Бирск. у. з. с. 1903, стр. 205.
[2]) Сборн. пост. Злат. у. з. с. 1903. стр. 81.
[3]) Сборн. пост. Уфимск. у, з. с. 1902, стр. 10, 106.
[4]) Сборн. пост. Уфимск. у. з. с. 1902, стр. 135.

Одно только Стерлитамакское земство вѣрно оцѣнило положеніе помощницъ учителей и взглянуло на этотъ институтъ, какъ на зло, вычеркнуло изъ обихода официальныхъ бумагъ и обыденной жизни самое названіе „помощникъ учителя", замѣнивъ его названіемъ „вторыхъ учителей". Тогда самъ собою поднялся вопросъ объ уравненіи всѣхъ учащихъ въ земскихъ школахъ по вознагражденію [1]).

Вопросъ о нормальномъ окладѣ содержанія учащихъ за періодъ времени 1900—1905 г. подпимался только въ двухъ уѣздахъ, Стерлитамакскомъ и Белебеевскомъ. Съ цѣлью привлечь педагогическія силы съ лучшей педагогической подготовкой Белебеевское собраніе 1904 г. постановило учащимъ съ среднимъ образованіемъ выдавать 360 рублей въ годъ [2]), Стерлитамакское 300 рублей всѣмъ учащимъ съ среднимъ образованіемъ.

Довольно оригинально рѣшило вопросъ о вознагражденіи труда учащихъ Уфимское уѣздное земство въ 1888 г. Въ этомъ году собраніе постановило размѣръ величины оклада поставить въ зависимость отъ числа учениковъ, которое заранѣе опредѣлить для каждой школы изъ расчета двухъ квадратныхъ аршинъ площади пола классной комнаты на ученика. Лица, имѣющія въ школѣ 50—60 учениковъ, получаютъ 300 рублей, имѣющія 40—50 учениковъ получаютъ 276 рублей, имѣющія до 40 учениковъ—получаютъ 240 рублей. Гдѣ же количество учениковъ достигаетъ болѣе 60 учениковъ, собраніе постановило вводить помощниковъ учителей съ жалованіемъ въ 180 руб. [3]).

Златоустовское собраніе, не дѣлая принципіальнаго постановленія о нормальномъ окладѣ содержанія учащихъ, рѣшило въ 1903 г. перевести всѣхъ, кто получаетъ 240 рублей, на окладъ въ 276 рублей и пересмотрѣть вопросъ о прогрессивныхъ прибавкахъ за выслугу лѣтъ [4]); желая сколько-нибудь облегчить положеніе учащихъ, Стерлитамакское собраніе 1903 года постановило предоставить каждому учащему, прослужившему въ Стерлитамакскомъ земствѣ 10 лѣтъ, одну стипендію, прослужившему 15 лѣтъ—двѣ стипендіи, съ тѣмъ однако, чтобы каждая стипендія была не болѣе 150 рублей [5]). Такимъ образомъ вопросъ о нормальномъ окладѣ содержанія во всѣхъ прочихъ земствахъ, за исключеніемъ Белебеевскаго и Стерлитамакскаго, за

---

[1]) Сборн. пост. Стерлитамак. у. з. с. 1903, стр. 59.

[2]) Сборн. пост. Белебеевск. у. з. с. 1904, стр. 201.

[3]) Сборн. пост. Уфимск. у. з. с. 1902, стр. 15, 109.

[4]) Сборн. пост. Златоуст. у. з. с. 1903, стр. 81.

[5]) Сборн. пост. Стерлитам. у. з. с. 1903, стр. 55.

періодъ времени 1900—1905 гг. по прежнему остался висѣть въ воздухѣ.

Что же касается періодическихъ прибавокъ за выслуги лѣтъ, которыми думаютъ нѣкоторыя земства разрѣшить вопросъ о нормѣ окладовъ содержанія, то онѣ только являются палліативами, не разрѣшающими вопроса кореннымъ образомъ. Поощренія же въ видѣ денежныхъ наградъ, практикуемыя нѣкоторыми земствами, нужно безусловно осуждать, какъ недостойныя личности учителей; не ради только жалованья идутъ они въ школы, а ради той одушевляющей любви къ народу, ради великой идеи просвѣщенія населенія. Не говоря уже объ унизительности такого вида поощренія труда учащихъ, самая оцѣнка ихъ труда носитъ крайне субъективный характеръ цѣнителей, давая поводъ обойденнымъ товарищамъ ко всякаго рода нареканіямъ.

Усиливающаяся трудность пріисканія кандидатовъ на учительскія мѣста побудила нѣкоторыя земства поднять вопросъ о запасныхъ учителяхъ. Златоустовское собраніе 1903 г. постановило ассигновать на приглашеніе одного запаснаго учителя около 350 рублей [1]). Мензелинское собраніе 1901 г., по предложенію инспектора народныхъ училищъ, ассигновало 300 рублей разъѣздной помощницѣ учительницы для замѣщенія вакантныхъ должностей впредь до пріисканія новыхъ учащихъ [2]). Этимъ пока ограничивалась дѣятельность уѣздныхъ земствъ по улучшенію быта учащихъ за періодъ времени 1900 — 1905 гг.

III. Учащіеся.

За періодъ времени 1902—1905 г.г. въ земскихъ школахъ перебывало 86.575 учениковъ.

Въ среднемъ состояло къ 1-му января за періодъ времени 1901—1905 гг., а для Белебеевскаго уѣзда за четыре года: (см. табл. на стр. 152).

Изъ этой таблицы видно, что русское населеніе наиболѣе всего обучалось въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ оно своею численностью играетъ доминирующую роль, именно въ Златоустовскомъ и Уфимскомъ; инородческое населеніе, нужно предполагать, также должно было бы обучать своихъ дѣтей тамъ, гдѣ оно численно превосходитъ русское населеніе, однако, цифры оправдываютъ это предположеніе только для

---

[1]) Сборн. пост. Злат. у. з. с. 1903, стр. 81.

[2]) Сборн. пост. Мензел. у. з. с. 1901, стр. 83 188.

	Уѣзды.	Русскіе.			Инородцы.			Всѣ.		
		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.
1.	Белебеевскій	1.741,7	765	2.506,7	332,7	147	479,7	2.074,4	912	2.986,4
2.	Бирскій	2.401,2	1.039,4	3.438,6	807,4	61,2	868,6	3.219	1.098	4.307,2
3.	Златоустовскій	2.659,4	1.454,2	4.113,6	411,2	12,6	423,8	3.070,6	1.466,8	4.537,4
4.	Мензелипскій	2.372,8	877,4	3.248,2	230,4	44,2	274,6	2.603,2	919,6	3.522,8
4.	Стерлитамакскій	2.444,3	870,6	3.314,9	144	86,1	230,1	2.588,3	956,7	3.545
6.	Уфимскій	2.722	1.134,6	3.856,6	333,4	86,8	420,2	3.055,4	1.221,4	4.277,8

Бирскаго и Белебеевскаго уѣздовъ, въ уѣздахъ же Мензелинскомъ и Стерлитамакскомъ инородческое населеніе обучается даже менѣе, чѣмъ въ уѣздахъ съ преобладающимъ русскимъ населеніемъ. Такое грустное положеніе инородческаго образованія надо ставить въ связь съ плохой постановкой инородческихъ школъ, съ малымъ числомъ этихъ школъ. Правда, за шесть лѣтъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ открылась всего только одна инородческая школа, въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ 4, тогда какъ въ Уфимскомъ уѣздѣ такихъ школъ открыто 3, Златоустовскомъ — цѣлыхъ 5. Населеніе сознало пользу грамоты, оно ищетъ ея, только методы, которыми стараются привить грамотность инородцамъ отталкиваютъ отъ себя инородческое населеніе. Несмотря, однако, на это, инородческое населеніе все-таки поступаетъ въ инородческія школы, и каждая вновь открытая школа среди инородцевъ мало-по-малу стягиваетъ къ себѣ дѣтей школьнаго возраста. Это можно будетъ легко прослѣдить на таблицѣ прибыли или убыли учащихся за періодъ времени 1900—1905 г.г., а для Белебеевскаго уѣзда 1902—1905 г. (См. табл. на стр. 154).

Стерлитамакскій уѣздъ открылъ четыре инородческихъ школы, и количество учащихся инородцевъ увеличилось; Мензелинскій уѣздъ открылъ одну школу, и количество учащихся увеличилось только на одну школу, менѣе противъ Стерлитамакскаго уѣзда почти въ 5 разъ; точно такое увеличеніе учащихся вызываетъ каждая вновь открытая школа и въ другихъ уѣздахъ. Въ одномъ только Бирскомъ уѣздѣ, несмотря на большое открытіе школъ, число учащихся увеличилось очень мало по сравненію съ числомъ открытыхъ инородческихъ школъ.

Что касается учащихся русскаго населенія, то наибольшее увеличеніе ихъ наблюдается также въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ было наибольшее открытіе русскихъ школъ. Сравнивая число мальчиковъ и дѣвочекъ въ русскихъ школахъ, можно замѣтить, что число дѣвочекъ въ Бирскомъ и Белебеевскомъ уѣздахъ увеличилось болѣе числа мальчиковъ, въ другихъ уѣздахъ этого явленія не наблюдалось, наоборотъ, число дѣвочекъ инородческаго населенія увеличилось болѣе всего въ Уфимскомъ и Стерлитамакскомъ уѣздѣ.

Если мы возьмемъ % отношеніе учащихся, состоящихъ къ началу января каждаго года, то увидимъ такія колебанія: (см. табл. на стр. 155).

Изъ этихъ данныхъ видно, что колебанія % % отношеній довольно значительныя. Самыя большія колебанія для русскихъ мальчиковъ даетъ Белебеевскій и Бирскій уѣзды, для русскихъ дѣвочекъ Уфимскій и Белебеевскій уѣзды, для мальчиковъ инородцевъ даетъ Злато-

	У Ѣ З Д Ы.	Русскіе.			Инородцы.			В С Ѣ.			Школы.	
		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Русскихъ.	Инородческихъ.
1.	Белебеевскій.	+ 110	+ 340	+ 450	+ 141	— 37	+ 104	+ 251	+ 303	+ 554	+ 14	+ 2
2.	Бирскій	+ 236	+ 369	+ 605	+ 124	— 8	+ 116	+ 360	+ 361	+ 721	+ 13	+ 11
3.	Златоустовскій	+ 314	+ 156	+ 470	+ 158	+ 1	+ 159	+ 472	+ 157	+ 529	+ 9	+ 5
4.	Мензелинскій.	+ 440	+ 314	+ 754	+ 18	+ 19	+ 37	+ 458	+ 333	+ 791	+ 10	+ 1
5.	Стерлитамакскій.	+ 1.078	+ 466	+ 1.544	+ 121	+ 77	+ 198	+ 1.199	+ 543	+ 1.742	+ 21	+ 4
6.	Уфимскій.	+ 725	+ 461	+ 1.186	+ 77	+ 41	+ 118	+ 802	+ 502	+ 1.304	+ 17	+ 3

	Уѣзды.	Русскіе.			Инородцы.			Всѣ.		
		Мальчиков.	Дѣвочек.	Обоего пола.	Мальчиков.	Дѣвочек.	Обоего пола.	Мальчиков.	Дѣвочек.	Обоего пола.
1.	Белебеевскій	56,6—62,3	21,5—29	78,1—91,3	10,3—13,2	3,9—5,7	14,2—18,4	66,9—75,5	27,3—33,2	100
2.	Бирскій	53 —58,1	20,7—25,6	77,6—81,2	17,5—20,1	1,1—2,2	18,6—22,3	72,6—77,9	22 —27,3	100
3.	Златоустовскій	56,8—59,1	30,4—33,7	88,9—93,7	5,8—10,8	0,2—0,3	6,2—11	65,3—69,9	30,6—34,9	100
4.	Мензелинскій	66,3—69	22,5—26	91,4—93,2	5,5—7,2	1 —1,4	6,7—8,3	72,6—76,3	23,6—27,4	100
5.	Стерлитамакскій	68,3—71	23,8—25,8	92,9—95,6	2,4—4,7	1 —2,6	3,4—7	72,4—74,8	25 —28	100
6.	Уфимскій	62 —65,6	8,5—28	89,7—90,6	7,2—8,6	1,6—2,1	9,3—10,2	70,8—73,4	26,5—30	100

устовскій уѣздъ, для инородцевъ дѣвочекъ Белебеевскій уѣздъ, для мальчиковъ вообще Белебеевскій и Бирскій, для дѣвочекъ вообще тѣ же уѣзды, что и для мальчиковъ, т. е. Белебеевскій и Бирскій.

Замѣчательно, что % % отношенія мальчиковъ русскихъ во всѣхъ уѣздахъ, кромѣ Златоустовскаго, съ каждымъ годомъ все понижаются, за то % % отношенія русскихъ дѣвочекъ все возрастаютъ, слѣдовательно, повышеніе % % отношенія русскихъ дѣвочекъ идетъ на счетъ пониженія русскихъ мальчиковъ, фактъ довольно отрадный, свидѣтельствующій, что населеніе сознало пользу грамотности не только для мальчиковъ, но и для дѣвочекъ. Въ одномъ только Златоустовскомъ уѣздѣ % % мальчиковъ и дѣвочекъ обнаруживаютъ нѣкоторую неустойчивость. Что касается учащихся инородцевъ, то во всѣхъ уѣздахъ % % учащихся инородческихъ дѣвочекъ, кромѣ Уфимскаго и Стерлитамакскаго, стремится къ пониженію или встать на одномъ мѣстѣ и нѣсколько лѣтъ не двигаться ни въ ту, ни въ другую сторону; это же можно сказать и про мальчиковъ изъ инородцевъ. Чѣмъ объяснить это явленіе, сказать довольно трудно: соотношеніе количества русскихъ и инородцевъ въ тѣхъ и другихъ школахъ какъ будто не нарушается, усиленіе русскихъ въ школахъ вызываетъ усиленіе инородцевъ въ инородческихъ школахъ. Очевидно, увеличенію тѣхъ и другихъ въ школахъ вліяютъ какія-нибудь общія условія.

Теперь посмотримъ, гдѣ всего болѣе % % отношенія, въ какомъ уѣздѣ и для кого, мальчиковъ и дѣвочекъ. Среднее % % отношеніе за 5 лѣтъ (1901—1905), а для Белебеевскаго уѣзда за 4 года, будетъ таково: (см. табл. на стр. 157).

Изъ этой таблицы видно, что наибольшій % русскихъ мальчиковъ наблюдается въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, дѣвочекъ въ Златоустовскомъ, мальчиковъ инородцевъ въ Бирскомъ, дѣвочекъ въ Белебеевскомъ, всѣхъ мальчиковъ въ Стерлитамакскомъ, всѣхъ дѣвочекъ въ Златоустовскомъ; наименьшій % русскихъ мальчиковъ въ Бирскомъ, дѣвочекъ въ Стерлитамакскомъ, инородцевъ мальчиковъ въ Мензелинскомъ и Стерлитамакскомъ, дѣвочекъ въ Златоустовскомъ, всѣхъ мальчиковъ въ Белебеевскомъ уѣздѣ, всѣхъ дѣвочекъ въ Стерлитамакскомъ.

Если взять среднее число за пять лѣтъ учащихся, приходящихся на одну школу, русскихъ на русскую школу, инородцевъ на инородческую, то окажется, что земскія школы переполнены учащимися за всѣ пять лѣтъ (1901—1905).

Это всего лучше можно увидѣть на таблицѣ: (см. табл. на стр. 158).

Уѣзды.	Русскіе.			Инородцы.			Всѣ.		
	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.
1. Белебеевскій	58,4	25,6	84	11,1	4,9	16	69,5	30,5	100
2. Бирскій	55,7	24,3	80	18,7	1,3	20	74,4	25,6	100
3. Златоустовскій	58,5	32,4	90,9	8,9	0,2	9,1	67,4	32,6	100
4. Мензелинскій	67,3	25	92,3	6,5	1,2	7,7	73,8	26,2	100
5. Стерлитамакскій	69	23,3	92,3	6,5	1,2	7,7	75,5	24,5	100
6. Уфимскій	63,7	26,7	90,4	7,7	1,9	9,6	71,4	28,6	100

	Уѣзды.	Русскіе.			Инородцы.			Всѣ.		
		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.
1.	Белебеевскій	31,8	13,8	45,6	20,7	9,2	29,9	29,3	12,7	42
2.	Бирскій	32,2	14	46,2	19.5	1,5	21	33,7	11,4	45,1
3.	Златоустовскій	49,6	29.1	78,7	44,8	1,4	46,2	48,9	23,4	72,3
4.	Мензелинскій	42,5	15,6	58,1	44,4	8,4	52,8	42,7	15	57,7
5.	Стерлитамакскій	51.6	18,4	70	28,7	16,3	45	58,2	18,1	76,3
6.	Уфимскій	54,1	22.4	76,5	45,2	9,3	54,5	52,9	21	74,9

Оказывается, что болѣе всего переполнены школы Стерлитамакскаго и Уфимскаго уѣздовъ, несмотря на значительное число открытыхъ вновь школъ. Въ русскихъ школахъ переполненіе замѣчается также въ этихъ же уѣздахъ, и въ Златоустовскомъ. Остальные уѣзды сравнительно не очень переполнены. Правда, замѣчается стремленіе къ переполненію русскихъ школъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ, но если тамъ принять во вниманіе сравнительно лучшее устройство школъ, то этого переполненія не должно быть. Между тѣмъ, каждый годъ приходится учащимъ въ этомъ уѣздѣ отказывать многимъ желающимъ вновь поступить; многіе учащіе заявляли управѣ, что школы далеко не вмѣщаютъ того количества учащихся, какое бы желало въ нихъ поступить. Стремленіе населенія отдавать своихъ дѣтей для обученія грамотѣ въ земскія школы настолько интенсивно, что, несмотря на переполненіе учащимися, многимъ приходится отказывать. Такъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ въ 1900 г. въ 23 школахъ было принято 578, а отказано 552, т. е. почти половинѣ того, сколько желало поступить (48,8%) [1]). Къ сожалѣнію, не имѣя подъ руками данныхъ, нельзя вычислить въ среднемъ площадь классной комнаты въ каждомъ уѣздѣ и вмѣстимость ея.

Обыкновенно усиленный наплывъ учащихся вызываетъ дѣятельность земства въ двухъ направленіяхъ, въ открытіи новыхъ школъ и увеличеніи педагогическаго персонала. Раньше мы видѣли, что усиленный наплывъ учащихся въ Уфимскомъ и Стерлитамакскомъ уѣздахъ побудилъ къ открытію возможно большаго количества школъ, точно также и въ Мензелинскомъ уѣздѣ, хотя число вновь открытыхъ школъ въ этомъ уѣздѣ, вѣроятно, далеко не вмѣстило всѣхъ желающихъ поступить. Усиленный наплывъ учащихся долженъ былъ побудить нѣкоторыя земства увеличить педагогическій персоналъ, иначе съ тѣмъ числомъ учащихся, какое приходится на одного учащаго, трудно заниматься, что неминуемо должно отозваться на успѣшности оканчивающихъ курсъ. Для наглядности, сколько въ среднемъ на одного учащаго приходится учащихся, приведемъ данныя въ таблицѣ (см. табл. на стр. 160).

Какъ видно изъ таблицы, среднее количество учениковъ на одного учащаго съ каждымъ годомъ понижается, благодаря увеличенію педагогическихъ силъ. Въ одномъ только Бирскомъ уѣздѣ количество учениковъ на одного учителя, несмотря на увеличеніе учащихъ за послѣднее

[1]) Сборн. пост. Мензел. уѣзд. зем. соб. 1900, стр. 217.

	УѢЗДЫ.	1900 г.			1905 г.		
		Школъ.	Учащихъ.	На одного учителя учащихся.	Школъ.	Учащихъ.	На одного учителя учащихся.
1.	Белебеевскій 1902 г.	66	66	43	82	83	38
2.	Бирскій	78	110	35	102	145	36
3.	Златоустовскій	56	78	53	69	132	36
4.	Мензелинскій	55	60	50	66	88	43
5.	Стерлитамакскій	39	46	57	64	82	50
6.	Уфимскій	46	64	53	66	106	45

время, опять начинаетъ расти; несомнѣнно, въ недалекомъ будущемъ этому земству опять придется увеличить педагогическій персоналъ. Точно также въ Стерлитамакскомъ и Уфимскомъ уѣздахъ, а также Мензелинскомъ ростъ учащихся на одного учителя замѣтно увеличивается, съ чѣмъ въ недалекомъ будущемъ, въ особенности первымъ двумъ уѣздамъ, несомнѣнно, придется считаться и развить свою дѣятельность или въ сторону увеличенія одного учительскаго персонала въ существующихъ школахъ, или же увеличенія школъ съ достаточной вмѣстимостью, а съ ними вмѣстѣ, конечно, приглашенія хорошаго учительскаго персонала.

Число поступившихъ въ земскихъ школахъ распредѣляется по годамъ довольно неодинаково. Сравнительно болѣе всего поступаетъ учениковъ въ Уфимскомъ и Златоустовскомъ уѣздахъ, гдѣ преобладаетъ русское населеніе, затѣмъ въ Стерлитамакскомъ и Бирскомъ, менѣе въ Мензелинскомъ и Белебеевскомъ. Для наглядности можно представить среднее число поступившихъ за послѣднее пятилѣтіе (1901—1905), а для Белебеевскаго—за послѣдніе четыре года.

Уѣзды.	Русскіе.			Инородцы.			Всѣ.		
	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.
1. Белебеевскій	718	348	1.066	183	48	231	901	396	1.297
2. Бирскій	958	534	1.492	375	31	406	1.333	565	1.898
3. Златоустовскій	1.118	707	1.825	183	8	191	1.301	715	2.016
4. Мензелинскій	952	439	1.391	71	20	91	1.023	459	1.482
5. Стерлитамакскій	993	450	1.433	69	54	123	1.062	504	1.566
6. Уфимскій	1.327	690	2.017	167	44	211	1.494	734	2.228

Наибольшее число русскихъ наблюдается въ Уфимскомъ и Златоустовскомъ, наименьшее въ Белебеевскомъ, инородцевъ наибольшее число поступившихъ въ Бирскомъ и Белебеевскомъ съ преобладающимъ инородческимъ населеніемъ, наименьшее въ Мензелинскомъ, въ уѣздѣ гдѣ инородческое населеніе по количеству превосходитъ русское населеніе.

Если мы обратимся къ даннымъ объ увеличеніи числа поступившихъ за шесть лѣтъ, то и тамъ увидимъ, что цифра эта не особенно велика для Мензелинскаго уѣзда, гдѣ инородческое населеніе по переписи 1897 г. составляетъ 59% всего населенія уѣзда, тогда какъ русское населеніе всего на всего 32,6% (см. табл. на стр. 163).

Въ Белебеевскомъ уѣздѣ благопріятныя поступленія наблюдались за два послѣднихъ года, въ Бирскомъ въ 1900 и 1903, Златоустовскомъ въ 1900, 1901 и 1905, Мензелинскомъ и Стерлитамакскомъ уѣздахъ во всѣ года, кромѣ 1904 г., въ Уфимскомъ уѣздѣ во всѣ года, кромѣ 1902 г. Въ остальныхъ уѣздахъ цифра поступающихъ была менѣе предыдущаго года, колебанія обнаруживались отъ 10 до 209. Въ Мензелинскомъ, Стерлитамакскомъ, Бирскомъ, Златоустовскомъ 1904 г. одинаково былъ неблагопріятенъ для поступающихъ. Чѣмъ это объяснить, сказать довольно трудно. Одно объясненіе, и то вѣроятное, можно дать этому факту—это сравнительно небольшое число вновь открытыхъ школъ сравнительно съ предыдущимъ годомъ. Такъ, въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ въ 1903 г. было открыто цѣлыхъ 13 училищъ, въ 1904 г. только одно, въ Златоустовскомъ въ 1903 г. было открыто 7, въ 1904 г. только 4. Такая разница въ открытіи школъ, несомнѣнно, должна отразиться на количествѣ вновь поступающихъ учениковъ. Для Мензелинскаго уѣзда это съ наибольшею очевидностью ясно, такъ какъ ежегодно приходится отказывать многимъ желающимъ поступить; слѣдовательно, если въ 1903 г. вновь открытыя 5 школъ могли вмѣстить порядочно учениковъ, то вновь открытыя въ 1904 г. двѣ школы, несомнѣнно, не могли вмѣстить столько учениковъ, сколько вмѣстили прежнія 5 школъ.

Взявши поступленія за шесть лѣтъ, а въ Белебеевскомъ уѣздѣ за четыре года, мы видимъ, что наибольшее поступленіе русскихъ мальчиковъ наблюдалось въ Уфимскомъ и Стерлитамакскомъ уѣздахъ, русскихъ дѣвочекъ въ тѣхъ же уѣздахъ, инородцевъ мальчиковъ въ Уфимскомъ и Бирскомъ, инородцевъ дѣвочекъ въ Белебеевскомъ и Стерлитамакскомъ, всѣхъ мальчиковъ въ Уфимскомъ и Стерлитамакскомъ, всѣхъ дѣвочекъ въ тѣхъ же уѣздахъ. Такое благопріятное

Уѣзды.	Русскіе.			Инородцы.			Всѣ.		
	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.
1. Белебеевскій	+ 291	— 16	+ 275	+ 16	+ 37	+ 53	+ 307	+ 21	+ 328
2. Бирскій	+ 239	+ 50	+ 289	+ 81	+ 11	+ 92	+ 320	+ 61	+ 381
3. Златоустовскій	+ 392	+ 227	+ 619	+ 22	+ 14	+ 36	+ 414	+ 241	+ 655
4. Мензелинскій	+ 88	+ 314	+ 402	+ 18	+ 19	+ 37	+ 106	+ 333	+ 439
5. Стерлитамакскій	+ 455	+ 359	+ 814	+ 35	+ 40	+ 75	+ 490	+ 399	+ 889
6. Уфимскій	+ 727	+ 403	+ 1.130	+ 104	+ 27	+ 131	+ 831	+ 430	+ 1.261

поступленіе въ училища этихъ уѣздовъ можно только объяснить большимъ сравнительно съ прочими уѣздами открытіемъ школъ. Мы видѣли, какъ каждое вновь открытое училище вызываетъ усиленный приливъ вновь поступающихъ.

Теперь посмотримъ, что выйдетъ, если взять число поступающихъ въ %% отношеніи къ числу состоявшихъ къ началу гражданскаго года, къ своему полу и національности, т. е. русскихъ мальчиковъ поступившихъ въ %% отношеніи къ русскимъ мальчикамъ, состоявшимъ къ 1 января, русскихъ дѣвочекъ къ русскимъ дѣвочкамъ и т. д. Оказывается, въ Белебеевскомъ уѣздѣ въ то время, какъ % отношеніе русскихъ мальчиковъ повышается, % дѣвочекъ съ каждымъ годомъ понижается, наоборотъ % отношеніе инородческихъ дѣвочекъ усиленно повышается; въ Бирскомъ уѣздѣ русскіе и инородцы обнаруживаютъ сильныя колебанія, въ Златоустовскомъ уѣздѣ % инородцевъ понижается, русскіе обнаруживаютъ колебанія, въ Мензелинскомъ уѣздѣ русскіе и инородцы замѣтно повышаются, кромѣ 1904 г., въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ значительныя колебанія, въ Уфимскомъ русскіе и инородцы сильно увеличиваются съ каждымъ годомъ, достигая больше половины всего количества состоявшихъ къ началу января. Для наглядности приведемъ эти колебанія (см. табл. на стр. 165).

Въ то время какъ % русскихъ мальчиковъ обнаруживаетъ незначительныя колебанія, % дѣвочекъ даетъ очень сильныя колебанія и несравненно стоитъ выше % мальчиковъ, признакъ усиленнаго поступленія дѣвочекъ въ школы. Точно также и съ инородцами, % поступающихъ мальчиковъ гораздо ниже % дѣвочекъ и болѣе устойчивъ, чѣмъ % инородческихъ дѣвочекъ. Во всѣхъ уѣздахъ, кромѣ Мензелинскаго, % поступающихъ инородцевъ выше % русскихъ; только въ одномъ Мензелинскомъ уѣздѣ % русскихъ выше % инородцевъ. Если обратимъ вниманіе на сравнительный % всѣхъ мальчиковъ и всѣхъ дѣвочекъ, то и здѣсь увидимъ, что въ общемъ % поступающихъ дѣвочекъ гораздо выше % мальчиковъ, высшія цифры % дѣвочекъ почти въ два раза превышаютъ высшія цифры % мальчиковъ. Отсюда можно заключить, что интенсивность поступленія дѣвочекъ въ два и болѣе разъ выше интенсивности поступленія мальчиковъ. Если принять во вниманіе всевозможныя препятствія, встрѣчающіяся дѣвочкамъ при поступленіи, то эта интенсивность должна удвоиться, утроиться. Нужно только устранить всѣ препятствія для поступленія дѣвочекъ, и земства могли бы въ короткій, сравнительно, промежутокъ времени подготовить прекрасныхъ грамотныхъ матерей,

Уѣзды.	Русскіе.			Инородцы.			Всѣ.		
	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.
1. Белебеевскій	36,5—51,9	36,3—58,6	38,2—46,6	34,1—35,6	25,3—59,7	31,1—96,5	37,2—49,7	39,1—51,5	40,1—48,9
2. Бирскій	36 —43,3	35,1—79,1	38,2—58,9	36,8—58,9	21,8—65,3	35,3—59,1	36,3—43,6	35,3—78,3	37,3—51,2
3. Златоустовскій	32,6—48,3	43 —56	37 —51,1	26,5—67,5	14,6—41,6	29,6—66,3	39,1—49,5	42,7—56,7	37,7—48,8
4. Мензелинскій	34,4—50,8	45,2—63,4	40,4—53,4	21,8—69,7	27 —66,7	25,8—47,6	36,4—48,6	29,4—54,9	39,2—48
5. Стерлитамакскій	33,9—43,8	39,2—53,9	36,8—46,4	19,1—64,4	36,8—75,5	33,7—68	35,9—44,3	39 —55,9	37 —47,1
6. Уфимскій	36,7—51,8	41,8—79	38,5—59,2	33,6—57,2	34,6—70,1	34,4—59,8	36,3—52,2	42,8—77,3	37,7—58,7

чѣмъ значительно облегчили бы задачи школы, такъ какъ грамотная мать, какъ показалъ опытъ изслѣдованія причинъ слабаго посѣщенія школъ дѣвочками, предпринятый Владимірскимъ земствомъ, правая рука учителя, главная его помощница. Въ деревнѣ, гдѣ заведется одна-двѣ грамотныя матери, въ скоромъ времени почти половина деревни ведетъ своихъ ребятъ въ школу [1]).

Для наглядности, въ какомъ уѣздѣ для русскихъ и инородцевъ какой % поступающихъ, приводится таблица, гдѣ за пять лѣтъ (1901—1905), а для Белебеевскаго уѣзда за 4 года, выведенъ средній % поступающихъ къ полу и національности къ состоящимъ въ 1-го января (см. табл. на стр. 167).

Оказывается, наибольшій % русскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ даетъ Уфимскій уѣздъ, наименьшій Бирскій и Стерлитамакскій, инородцевъ мальчиковъ Белебеевскій и Уфимскій, дѣвочекъ Бирскій и Стерлитамакскій, наименьшій % для мальчиковъ и дѣвочекъ инородцевъ Мензелинскій, для мальчиковъ вообще наивысшій % Уфимскій, наименьшій Мензелинскій, для дѣвочекъ наивысшій Уфимскій, наименьшій Белебеевскій, вообще поступающихъ наивысшій % наблюдается въ Уфимскомъ уѣздѣ, наименьшій въ Мензелинскомъ.

Если взять число поступающихъ въ среднемъ на каждую школу, русскихъ въ русскую школу, инородцевъ въ инородческую, то окажется, что число русскихъ и инородцевъ почти во всѣхъ уѣздахъ имѣетъ склонность къ пониженію, причемъ это пониженіе идетъ прогрессивно до 1902 года, во всѣхъ уѣздахъ, въ Златоустовскомъ же уѣздѣ наоборотъ достигаетъ наибольшаго числа, съ этого года число замѣтно падаетъ, совпадая съ открытіемъ наибольшаго числа земскихъ школъ въ уѣздахъ.

Если же мы поставимъ въ связь наибольшее открытіе школъ въ каждомъ уѣздѣ и наибольшее число поступающихъ въ каждую школу, то дѣйствительно замѣтимъ, что наибольшее открытіе школъ вызвало наибольшее число поступающихъ для Бирскаго, Златоустовскаго, Стерлитамакскаго, Уфимскаго, Мензелинскаго уѣздовъ, въ остальныхъ уѣздахъ это открытіе школъ не вызвало такого усиленнаго поступленія въ школы. Сравнивая число поступившихъ въ каждую школу русскихъ и инородцевъ, съ удовольствіемъ отмѣчаешь, какъ постепенно инородческія школы наполняются и сравниваются по числу поступившихъ съ рус-

[1]) См. стат. Л. О. Кузнецова „О причинахъ слабаго посѣщенія школъ дѣвочками во Владимірской губ.", Вѣстн. Влад. зем., кн. 24.

У ѣ з д ы.	Р у с с к і е.			И н о р о д ц ы.			В с ѣ х ъ.		
	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.
1. Белебеевскій	41	46,9	42,4	56.4	42,4	51,4	43,4	45,4	44,5
2. Бирскій	39,8	53,5	43,8	46,2	52	46,6	41,5	53,6	44,3
3. Златоустовскій	41,7	48,5	44,4	47,5	40,4	47,7	44,7	48,6	44.5
4. Мензелинскій	39,1	49,8	42.5	36,1	44,2	32,8	33	48,6	41.8
5. Стерлитамакскій	38,4	48,5	41.2	42.3	58,8	49,1	39	49.3	42,2
6. Уфимскій	48,7	61,9	52,2	50.3	51,6	50,5	49	61.2	52,4

скими школами въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ преобладающимъ является инородческое населеніе, напримѣръ, въ Белебеевскомъ, Бирскомъ. Что касается Мензелинскаго и Стерлитамакскаго, то этого нельзя сказать, хотя и въ этихъ уѣздахъ преобладающимъ является инородческое населеніе.

Для наглядности, въ какомъ уѣздѣ на каждую школу въ среднемъ поступило учениковъ въ теченіе пяти лѣтъ, а для Белебеевскаго въ теченіе четырехъ лѣтъ, представляется таблица (см. табл. на стр. 169).

Изъ таблицы видно, что наибольшее число поступившихъ русскихъ на одну русскую школу приходится въ Уфимскомъ уѣздѣ, наименьшее въ Белебеевскомъ, наибольшее число поступившихъ инородцевъ приходится на одну инородческую школу въ Уфимскомъ уѣздѣ, наименьшее на Бирскій уѣздъ.

Мы теперь разсмотрѣли число поступающихъ учениковъ въ земскія школы. Любопытно узнать, какъ велико число выбывающихъ до окончанія курса въ теченіе года; быть можетъ, это число или равно числу поступающихъ, или даже больше, тогда дѣятельность школъ сводится почти къ нулю.

Громадное количество дѣтей покидаетъ земскія школы въ теченіе года, не окончивъ курса. Больше всего дѣтей покидаетъ въ Златоустовскомъ уѣздѣ, затѣмъ въ Уфимскомъ, меньше всего въ Стерлитамакскомъ; въ Белебеевскомъ уѣздѣ больше всего покидаютъ школу изъ русскихъ мальчики, изъ инородцевъ дѣвочки, въ Бирскомъ уѣздѣ изъ русскихъ дѣвочки, изъ инородцевъ мальчики, въ Златоустовскомъ мальчики и дѣвочки всѣхъ народностей, въ Мензелинскомъ, Стерлитамакскомъ мальчики русскіе и инородцы, въ Уфимскомъ изъ русскихъ дѣвочки, изъ инородцевъ мальчики.

Неблагопріятными годами для Белебеевскаго уѣзда были 1903 г., Бирскаго 1904, Златоустовскаго 1904, Мензелинскаго 1902 г., Стерлитамакскаго 1903, Уфимскаго 1901 г.

Для наглядности, въ какомъ уѣздѣ больше всего выбыло дѣтей, представляется таблица, съ указаніемъ числа выбывающихъ ежегодно въ среднемъ за пять лѣтъ, а для Белебеевскаго уѣзда за четыре года (см. табл. на стр. 170).

Оказывается, число выбывающихъ значительно менѣе числа поступающихъ. Правда, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, Белебеевскомъ, Златоустовскомъ, Мензелинскомъ, число выбывающихъ дѣвочекъ инородокъ составляетъ половину и даже больше половины числа поступаю-

Уѣзды.	Русскіе.			Инородцы.			ВСѢ.		
	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.
1. Белебеевскій	15,4	6,3	21,7	11,4	3,7	15,1	12,5	5,6	18,3
2. Бирскій	13,5	7,5	21	11,1	0,8	11,9	13,9	5,9	19,9
3. Златоустовскій	20,8	13,1	33,9	21,2	0,8	22	20,8	11,4	32,2
4 Мензелинскій	17,7	7,7	25,4	13,5	3,8	17,3	16,8	7,4	24,2
5. Стерлитамакскій	19,8	8,9	28,7	12,7	9,5	22,2	19	8,9	27,4
6. Уфимскій	26,3	13,7	40	22,6	5,9	28,5	25,8	12,7	38,6

Уѣзды.	Русскіе.			Инородцы.			Всѣ.		
	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.
1. Белебеевскій	423	187	610	77	42	119	500	229	729
2. Бирскій	504	326	830	230	14	244	734	340	1.074
3. Златоустовскій	542	562	1.104	148	4	152	690	566	1.256
4. Мензелинскій	495	244	739	39	12	51	534	256	790
5. Стерлитамакскій	304	118	422	22	12	34	326	130	456
6. Уфимскій	637	445	1.082	77	23	100	714	468	1.182

щихъ, но, въ общемъ, нужно признать число выбывающихъ менѣе числа поступающихъ. Это можно сейчасъ же увидѣть изъ таблицы, насколько увеличилось число выбывающихъ за шесть лѣтъ, а для Белебеевскаго уѣзда за четыре года (см. табл. на стр. 172).

За шесть лѣтъ число выбывающихъ дѣвочекъ сокращается значительно въ Мензелинскомъ, Бирскомъ и Уфимскомъ, но за то усилилось въ Златоустовскомъ, причемъ выбывали по преимуществу русскія дѣвочки, тогда какъ число выбывающихъ дѣвочекъ инородцевъ въ этомъ уѣздѣ сократилось. Такимъ образомъ, выбываютъ больше всего мальчики; дѣвочки хотя и выбываютъ, но не въ такомъ большемъ количествѣ, какъ мальчики противъ 1900 года. Для указанныхъ уѣздовъ цифра выбывшихъ дѣвочекъ за всѣ шесть лѣтъ была меньше цифры выбывшихъ въ 1900 г. Изъ всѣхъ уѣздовъ Бирскій уѣздъ нужно признать наиболѣе удачнымъ, гдѣ цифра выбывшихъ за шесть лѣтъ была менѣе цифры выбывшихъ въ 1900 году. Но чѣмъ объяснить значительное число выбывающихъ дѣтей въ Златоустовскомъ уѣздѣ: плохими помѣщеніями, плохимъ преподаваніемъ или другими какими-либо условіями, неизвѣстно, но фактъ остается фактомъ: число выбывающихъ дѣтей въ этомъ уѣздѣ растетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ прочихъ уѣздахъ. По количеству выбывающихъ дѣтей всѣ уѣзды можно расположить въ такомъ порядкѣ: 1) Златоустовскій у., 2) Уфимскій у., 3) Мензелинскій у., 4) Белебеевскій у., 5) Стерлитамакскій у., 6) Бирскій у. По числу поступающихъ: 1) Уфимскій у., 2) Стерлитамакскій у., 3) Златоустовскій у., 4) Мензелинскій у., 5) Бирскій у., 6) Белебеевскій; слѣдовательно, лучше всего обстоитъ дѣло въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, тамъ болѣе всего поступающихъ и сравнительно менѣе выбывающихъ.

Если мы обратимся къ подробному обслѣдованію числа выбывающихъ поуѣздно, то замѣтимъ, что въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ цифра выбывающихъ была менѣе предыдущихъ годовъ, въ Уфимскомъ уѣздѣ въ продолженіе двухъ, въ Мензелинскомъ уѣздѣ въ продолженіе трехъ, въ Златоустовскомъ уѣздѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ, въ Бирскомъ уѣздѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ, въ Белебеевскомъ уѣздѣ въ продолженіи одного. Годы наименьшаго убыванія дѣтей для всѣхъ уѣздовъ, кромѣ Мензелинскаго, нужно считать послѣдній годъ пятилѣтія 1905 г., такимъ годомъ для Мензелинскаго уѣзда нужно считать 1901 г.

Если возьмемъ число въ $^0/_0{}^0/_0$ къ полу и національности, то и здѣсь увидимъ, что число поступающихъ гораздо значительнѣе числа

У Ѣ З Д Ы.	Русскіе.			Инородцы.			ВСѢ.		
	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.
1. Белебеевскій	+ 89	+ 82	+ 171	+ 8	+ 30	+ 38	+ 97	+ 112	+ 209
2. Бирскій	+ 11	— 29	— 18	— 19	— 44	— 63	— 8	— 73	— 81
3. Златоустовскій	— 365	+ 495	+ 130	+ 215	— 3	+ 212	— 150	+ 492	+ 442
4. Мензелинскій	+ 319	— 155	+ 164	+ 57	+ 1	+ 58	+ 376	— 154	+ 222
5. Стерлитамакскій	+ 63	+ 26	+ 89	— 1	+ 10	+ 9	+ 62	+ 36	+ 98
6. Уфимскій	+ 155	— 15	+ 140	+ 19	+ 16	+ 35	+ 174	+ 1	+ 175

выбывающихъ. Колебанія %% отношеній поступающихъ и выбывающихъ сразу бросается въ глаза своею разностью.

Наибольшій % выбывающихъ русскихъ мальчиковъ обнаруживаютъ Уфимскій и Бирскій уѣзды, русскихъ дѣвочекъ тотъ же Уфимскій и Златоустовскій уѣзды, при чемъ, нужно признать % выбывающихъ дѣвочекъ выше % выбывающихъ мальчиковъ въ отдѣльности русскихъ и инородцевъ и вмѣстѣ. Наибольшій % инородцевъ мальчиковъ наблюдается въ Златоустовскомъ уѣздѣ, гдѣ процентъ инородческаго населенія самый меньшій, наибольшій % инородцевъ дѣвочекъ въ томъ же Златоустовскомъ уѣздѣ.

Для наглядности приводится таблица средняго % за пять лѣтъ, а для Белебеевскаго уѣзда за 4 года, выбывающихъ къ своему полу и національности (см. табл. на стр. 174).

Самый маленькій % выбывающихъ наблюдается въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, самый большой въ Уфимскомъ. Если сравнить % выбывающихъ съ % поступающихъ, то окажется, что % выбывающихъ почти въ два раза менѣе % поступающихъ, признакъ, до извѣстной степени, отрадный, свидѣтельствующій о сознательной необходимости у населенія грамотности.

Даже если сравнить колебанія % отношеній выбывающихъ съ колебаніями % отношеній поступившихъ, то и здѣсь найдемъ большую разницу (см. табл. на стр. 175).

Самый низшій % выбывающихъ для русскихъ 10,3, для поступающихъ 36,8, самый высшій для выбывающихъ 42,1, для поступающихъ 59,2, самый низшій % для выбывающихъ инородцевъ 6,1, для поступающихъ 25,3, самый высшій % для выбывающихъ инородцевъ 57,5, для поступающихъ 68, самый низшій % для мальчиковъ вообще выбывающихъ 15, для поступающихъ 35,9, самый высшій для выбывающихъ 33,2, для поступающихъ 52,2; самый низшій % для выбывающихъ дѣвочекъ 11,4, для поступающихъ 29,4, самый высшій для выбывающихъ дѣвочекъ 62,4, для поступающихъ 78,3, однимъ словомъ, какую бы цифру не взяли, вездѣ % выбывающихъ ниже % поступающихъ. Если же взять средній %, то окажется, что самый высшій % выбывающихъ 27,7 ниже самаго низшаго % поступающихъ 41,8. И такое отношеніе высшихъ чиселъ % отношеній выбывающихъ къ низшимъ % отношеніямъ поступающихъ, наблюдается по отношенію къ мальчикамъ и дѣвочкамъ всѣхъ національностей.

Такой благопріятный результатъ обѣщаетъ земской школѣ въ Уфимской губ. устойчивость и жизненность. Это различіе между чи-

Уѣзды.	Русскіе.			Инородцы.			Всѣ.		
	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.
1. Белебеевскій	22,8	24,5	23,6	23,4	30	22,7	24,6	25,4	24
2. Бирскій	20,9	31,4	24	30,1	24,9	27,6	22,9	31,3	24,8
3. Златоустовскій	20,3	38,2	26,8	33,9	34,5	33,8	22,4	38,2	27,6
4. Мензелинскій	20,8	30,9	24,6	14,5	28,2	16,5	20,3	28	22,5
5. Стерлитамакскій	12,6	13,6	12,8	14,8	14,9	14,8	12,7	13,7	13
6. Уфимскій	23,5	39,9	28,1	22,4	26,7	23,2	22,2	39,1	27,7

Уѣзды.	Русскіе.			Инородцы.			Всѣ.		
	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.
1. Белебеевскій	17,8—30,1	21,8—27,1	19,8—29,2	18 —36,8	12,7—53,8	16,8—42,2	21,6—27,9	21,1—30,7	18,5—27
2. Бирскій	17,7—25,9	22,8—39,8	21,8—28,1	25,6—32,7	12,7—62,2	25,1—35,7	19,8—27,7	22,1—39,5	22,5—28,9
3. Златоустовскій	7 —27,2	30,9—63,4	25,5—27,6	14,3—59,1	8,3—90	15 —57,5	15 —30,7	31 —62,9	25,2—30,8
4. Мензелинскій	17,6—34	23,4—63,2	21,9—42,1	9,6—21,8	7,4—47,6	10,2—23,6	17,2—33,2	23 —62,4	20,3—40
5. Стерлитамакскій	10 —15	11,3—16,2	10,3—15,3	8,5—25,7	10,9—19,3	10,2—22,2	9,9—15,3	11,4—16,4	10,5—15,5
6. Уфимскій	20,4—26,5	24,6—50,9	21,7—32	2,9—31,3	19,6—33,8	6,1—32,7	15 —27	24,8—48,9	22 —32,7

сломъ поступающихъ и числомъ выбывающихъ будетъ еще больше и встанетъ на громадное разстояніе, если земская школа по своей программѣ преподаванія приблизится къ потребностямъ населенія.

Теперь посмотримъ, какъ велико число выбывающихъ на каждую школу, русскихъ на русскую, инородцевъ на инородческую.

Для Белебеевскаго самый неблагопріятный 1903 г., для Бирскаго 1900 г., для Златоустовскаго 1904 г., для Мензелинскаго 1902 г., для Стерлитамакскаго 1901 г., для Уфимскаго 1903 г.

Для русскихъ въ Белебеевскомъ и Бирскомъ 1904 г., Златоустовскомъ и Мензелинскомъ 1900 г., Стерлитамакскомъ 1901 г., Уфимскомъ 1903 г.; для инородцевъ въ Белебеевскомъ и Бирскомъ уѣздѣ 1904 г., Златоустовскомъ и Мензелинскомъ 1905 г., Стерлитамакскомъ 1901 г., Уфимскомъ 1903 г.

Такимъ образомъ, оказывается, какія-то общія причины неблагопріятно вліяли на учащихся русскихъ и инородцевъ, наибольшее количество русскихъ и инородцевъ выбывающихъ падаетъ для русскихъ и инородческихъ школъ почти на одни и тѣ же года.

Казалось бы большее число выбывающихъ должно совпадать съ годомъ большаго числа поступающихъ, на самомъ дѣлѣ это не наблюдается.

Если взять за пять лѣтъ среднее число выбывающихъ въ теченіе года на одну школу, то окажется, что больше всего выбываетъ русскихъ мальчиковъ въ Уфимскомъ уѣздѣ, русскихъ дѣвочекъ въ Златоустовскомъ уѣздѣ, инородцевъ мальчиковъ и инородцевъ дѣвочекъ также въ Уфимскомъ уѣздѣ. Наибольшее число выбывающихъ, такимъ образомъ, наблюдается въ двухъ уѣздахъ, Уфимскомъ и Златоустовскомъ.

Для наглядности представляется таблица за пять лѣтъ среднихъ чиселъ выбывающихъ на одну школу, а для Белебеевскаго уѣзда за четыре года (см. табл. на стр. 177).

Оказывается, что наименьшее число выбывающихъ русскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, наблюдается въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, наименьшее число инородцевъ мальчиковъ въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, дѣвочекъ въ Бирскомъ.

Сравнивая эту таблицу съ таблицей поступившихъ, приходится замѣтить, что число выбывающихъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ составляетъ половину числа поступившихъ. Быть можетъ, учащіе даютъ меньшее количество выбывающихъ, дабы не ронять престижа школы въ гла-

	Уѣзды.	Русскіе.			Инородцы.			Всѣ.		
		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.
1.	Белебеевскій	7,2	3,3	10,6	4,8	2,6	7,3	6,6	3,1	9,8
2.	Бирскій	7,1	4,6	11,8	6,7	0,3	7,1	7,6	3,5	11,2
3.	Златоустовскій	10,1	10,3	20,5	13	0,4	11,7	11	8,9	19,7
4.	Мензелинскій	8,8	4,3	13,2	6,3	2,2	8,6	8,6	4,1	12,8
5.	Стерлитамакскій	6,7	2,4	8,9	4,1	2,3	6,5	8,2	2,4	8,7
6.	Уфимскій	12,6	8,9	21,6	10,1	3,1	13,2	12,3	8,2	20,5

захъ начальства. Если это такъ, то количество выбывающихъ должно еще болѣе увеличиться.

Причины, заставляющія уходить дѣтей изъ школы, несомнѣнно, есть, но онѣ неуловимы за отсутствіемъ текущей школьной статистики.

Число оканчивающихъ въ земскихъ школахъ съ каждымъ годомъ все увеличивается во всѣхъ уѣздахъ, за исключеніемъ Златоустовскаго и Мензелинскаго уѣздовъ. Здѣсь не замѣчается постояннаго увеличенія оканчивающихъ; очевидно, какія-нибудь причины, которыхъ мы сейчасъ не можемъ найти, дѣйствуютъ неблагопріятнымъ образомъ. Между тѣмъ, число учениковъ на каждаго учителя въ этихъ уѣздахъ уменьшается, слѣдовательно, это уменьшеніе должно бы отражаться благопріятнымъ образомъ на числѣ оканчивающихъ. Если свести всѣ данныя объ оканчивающихъ къ среднему числу за пять лѣтъ, а по Белебеевскому уѣзду за четыре года, то получится такая картина (см. табл. на стр. 179).

По числу оканчивающихъ за послѣднее пятилѣтіе на первомъ мѣстѣ стоитъ Бирскій уѣздъ, за нимъ Уфимскій, Златоустовскій, Мензелинскій, Стерлитамакскій и Белебеевскій.

Что касается окончившихъ инородцевъ, то на первомъ мѣстѣ стоятъ два уѣзда съ преобладающимъ инородческимъ населеніемъ: Бирскій и Мензелинскій, затѣмъ Уфимскій съ преобладающимъ русскимъ населеніемъ. Менѣе всего оканчиваетъ инородцевъ въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, хотя тамъ инородческихъ школъ нисколько не менѣе прочихъ уѣздовъ, а въ Белебеевскомъ уѣздѣ число инородческихъ школъ почти въ два раза больше, чѣмъ въ Уфимскомъ уѣздѣ, и несмотря на это, число оканчивающихъ здѣсь сообразно числу школъ не особенно велико.

Если будемъ разсматривать число оканчивающихъ по годамъ, то окажется, что въ Белебеевскомъ, Бирскомъ и Стерлитамакскомъ болѣе всего кончило въ 1905 году, Златоустовскомъ и Уфимскомъ въ 1904 г., Мензелинскомъ въ 1903 г.

Наибольшая прибыль оканчивающихъ противъ предыдущихъ годовъ наблюдалась въ Белебеевскомъ, Бирскомъ и Златоустовскомъ въ 1904 г., Мензелинскомъ въ 1903 г., Стерлитамакскомъ въ 1902 г. За 5 лѣтъ противъ 1900 г., и въ Белебеевскомъ уѣздѣ за 4 года противъ 1901 г. кончило учащихся (см. табл. на стр. 180).

Болѣе всего кончило въ Бирскомъ, Уфимскомъ, Стерлитамакскомъ, наименѣе всего въ Златоустовскомъ; въ Мензелинскомъ уѣздѣ

Уѣзды.	Русскіе.			Инородцы.			ВСѢ.		
	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.
1. Белебеевскій	236	78	314	32	18	50	268	96	364
2. Бирскій	377	129	506	104	8	112	481	137	618
3. Златоустовскій	344	157	501	39	0,4	39,4	383	157,4	540,4
4. Мензелинскій	321	92	413	54	8	62	375	100	475
5. Стерлитамакскій	326	92	418	12	6	18	338	98	437
6. Уфимскій	411	131	542	46	12	58	457	143	600

		Русскіе.			Инородцы.			ВСѢ.		
	УѢЗДЫ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.
1.	Белебеевскій	+ 1	+30	+ 31	+17	+ 3	+20	+ 18	+33	+ 51
2.	Бирскій	+ 82	+66	+148	+28	+ 7	+35	+110	+73	+183
3.	Златоустовскій	+ 36	− 5	+ 31	−14	− 2	−16	+ 22	− 7	+ 15
4.	Мензелинскій	− 45	−23	− 68	−69	−14	−83	−114	−37	−151
5.	Стерлитамакскій	+142	+10	+152	+ 8	+ 4	+12	+150	+14	+164
6.	Уфимскій	+ 79	+50	+129	+26	+17	+43	+105	+67	+172

число кончившихъ за шесть лѣтъ даже уменьшилось. Если мы возьмемъ %% отношеніе окончившихъ къ полу и національности къ состоящимъ къ началу гражданскаго года, то увидимъ довольно значительныя колебанія по годамъ, при чемъ % оканчивающихъ дѣвочекъ русскихъ ниже % оканчивающихъ русскихъ мальчиковъ, наоборотъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ % оканчивающихъ инородцевъ дѣвочекъ выше, чѣмъ % оканчивающихъ инородцевъ мальчиковъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ %% колебанія довольно значительныя, что видно изъ прилагаемой таблицы (см. табл. на стр. 182).

Изъ этой таблицы видно, что значительныя колебанія обнаруживаетъ % кончающихъ инородцевъ, но преимуществу дѣвочекъ, затѣмъ высшій % дѣвочекъ больше такого же % кончающихъ инородцевъ мальчиковъ. Такого сильнаго колебанія не обнаруживаетъ % кончающихъ русскихъ дѣвочекъ. Точно также наибольшій % кончающихъ инородцевъ мальчиковъ выше такого же % кончающихъ русскихъ мальчиковъ. Отсюда можно сдѣлать такое предположеніе, что въ инородческой массѣ развивается стремленіе къ школѣ, даже, пожалуй, стремленіе большее, чѣмъ у русскихъ.

Если мы возьмемъ средній % оканчивающихъ за пять лѣтъ (1901—1905), а для Белебеевскаго уѣзда за четыре года, то окажется, что наибольшій % оканчивающихъ русскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ даетъ Бирскій уѣздъ, наибольшій % оканчивающихъ инородцевъ мальчиковъ и дѣвочекъ Мензелинскій. Странно и непонятно, наибольшій % русскихъ кончаетъ въ томъ уѣздѣ, гдѣ преобладаетъ инородческое населеніе. Подробности можно видѣть изъ прилагаемой таблицы (см. табл. на стр. 183).

Количество кончающихъ на одну школу въ уѣздахъ Белебеевскомъ, Златоустовскомъ и Мензелинскомъ обнаруживаетъ стремленіе къ пониженію, въ прочихъ уѣздахъ, Уфимскомъ и Стерлитамакскомъ, даетъ колебанія. Одинъ только Бирскій уѣздъ постепенно увеличиваетъ число кончающихъ на одну школу. Единственно чѣмъ можно объяснить это явленіе—усиленіе педагогическаго персонала, имѣющаго возможность заниматься съ меньшими группами учениковъ. Другихъ данныхъ, къ сожалѣнію, подъ руками не имѣется, а строить предположенія на шаткихъ основаніяхъ немного рискованно. Для большей наглядности, въ какомъ уѣздѣ больше всего кончаетъ учениковъ въ школѣ, приводится таблица, гдѣ указаны среднія числа за пять лѣтъ, а для Белебеевскаго уѣзда за четыре года, кончающихъ на одну школу (см. табл. на стр. 184).

	Уѣзды.	Русскіе.			Инородцы.			Всѣ.		
		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.
1.	Белебеевскій	12,7—14,2	9,4—13,3	10,3—13,3	10,4—17,1	7,2—18,2	9,3—17,7	12,6—14,7	10,2—10,7	11,9—13,5
2.	Бирскій	14,7—16,7	10 —13,6	13,9—15,7	9,2—15,1	3,4—19,4	8,6—14,6	13,3—16	9,7—13,6	12,7—15
3.	Златоустовскій	10,2—15	8,9—12,4	10,4—13,3	4,9—23,1	15,4—16,7	4,8—21,8	9,4—14,5	8,9—12,4	9,9—13,6
4.	Мензелинскій	9,6—15,3	5,8—12,9	8,6—14	11,3—33,9	4,8—40	9,2—34,6	9,4—17	5,5—13,5	8,6—15
5.	Стерлитамакскій	11,7—14,5	8,3—13,4	10,9—14,2	3,3—13,6	3,7—13,7	6,2—11,3	8,2—14,1	8,1—12,8	10,8—13,7
6.	Уфимскій	11,9—17,4	9,4—43	12,6—16,9	9,7—19,2	5,3—20,4	12,3—18,8	13,1—17,8	9,7—14,4	12,4—16,3

У ѣ з д ы.	Русскіе.			Инородцы.			В с ѣ.		
	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.
1. Белебеевскій	13,3	10,2	12,3	13,6	12,7	13,7	13,6	10,5	12,9
2. Бирскій	15,7	12,5	14,7	12,8	14,1	12,9	15	12,6	12,3
3. Златоустовскій	12,9	10,7	12,2	11	3	10,7	11,8	10,7	11,9
4. Мензелинскій	11,6	10,6	12,8	23,3	19,9	22,6	14,4	11	13
5. Стерлитамакскій	12,6	10,5	12,1	6,1	7,2	7,2	11,7	10,2	11,8
6. Уфимскій	14,2	11,8	14,5	15,2	13,5	15,5	14,9	11,9	14,6

УѢЗДЫ.	Русскіе.			Инородцы.			ВСѢ.		
	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.
1. Белебеевскій	4,3	1,3	4,5	2,2	1	3,2	3,9	1,3	5,3
2. Бирскій	5,3	1,8	7,1	3,1	0,2	3,2	5	1,4	6,4
3. Златоустовскій	6,4	2,9	7,5	4,6	—	4,7	6,1	2,5	8,6
4. Мензелинскій	5,7	1,6	7	10,9	1,6	12,3	6,1	1,4	7,8
5. Стерлитамакскій	6,5	1,8	8,4	2,1	1,1	3,3	5,7	1,8	7,5
6. Уфимскій	8,5	2,6	11,1	6,1	1.5	7,7	8,2	2,4	10,7

Изъ таблицы можно видѣть, что больше всего кончаетъ русскихъ въ Уфимскомъ уѣздѣ, инородцевъ въ Мензелинскомъ, мальчиковъ вообще въ Уфимскомъ уѣздѣ, дѣвочекъ вообще въ Златоустовскомъ. Изъ той же таблицы видно, какое незначительное количество кончающихъ русскихъ и инородческихъ дѣвушекъ приходится на одну школу, почти втрое, вчетверо менѣе, чѣмъ мальчиковъ.

Хорошимъ показателемъ развитія народнаго образованія среди населенія могутъ служить свѣдѣнія о грамотности новообранцевъ. Оказывается, % безграмотности новобранцевъ въ Уфимской губерніи очень высокъ, наибольшій % безграмотныхъ даютъ уѣзды Бирскій Стерлитамакскій, Белебеевскій, наименьшій Уфимскій и Златоустовскій. Подробности можно видѣть изъ слѣдующей таблицы (см. табл. на стр. 186).

Эта таблица съ достаточной наглядностью свидѣтельствуетъ о томъ, какъ медленно еще проникаетъ грамотность въ деревню Уфимской губерніи. Лишь только послѣдніе два года отмѣтились сравнительно большимъ % грамотности.

Для всѣхъ пяти, кромѣ Уфимскаго уѣзда, 1900 г. можно считать сравнительно хорошимъ годомъ по высотѣ % грамотныхъ, въ Уфимскомъ же самымъ плохимъ, хотя и этотъ годъ сравнительно съ другими уѣздами далъ самый высшій % грамотныхъ новобранцевъ. Вообще нужно замѣтить, Уфимскій уѣздъ даетъ наибольшій % грамотныхъ новобранцевъ, что можно отнести болѣе всего на высокое количество грамотныхъ колонистовъ и переселенцевъ въ этомъ уѣздѣ, а не на коренное населеніе уѣзда.

IV. Внѣшкольное образованіе.

1. Библіотеки.

Въ ряду мѣръ, принимаемыхъ земствами для поднятія народнаго образованія, помимо школъ, безъ сомнѣнія, на первое мѣсто надо поставить устройство библіотекъ. Хорошая книга—могучій факторъ для культурнаго воздѣйствія на населеніе, и тѣ земства, которыя мало заботятся объ устройствѣ библіотекъ, на половину уменьшаютъ значеніе всей своей дѣятельности по народному образованію. Окончивъ земскую школу и не имѣя возможности получить хорошую книгу, ученикъ обыкновенно быстро начинаетъ забывать то, чему его учили, какъ кончившіе гимназію забываютъ греческій языкъ, не имѣя въ немъ практики.

Года.	Белебеевскій.		Бирскій.		Златоустовскій.		Мензелинскій.		Стерлитамакскій.		Уфимскій.		По губерніи.	
	Неграмотныхъ.	Грамотныхъ.	Неграмотныхъ.	Грамотныхъ.	Неграмотныхъ.	Грамотныхъ.	Неграмотныхъ.	Грамотныхъ.	Неграмотныхъ.	Грамотныхъ.	Неграмотныхъ.	Грамотныхъ.	Неграмотныхъ.	Грамотныхъ.
1900	90,9	9,1	91,6	8,4	81,7	18,3	89	11	91,1	8,9	81,2	18,8	81,3	11.7
1901	93,8	6,2	93,6	6,4	75,8	24,2	90,8	9,2	87,5	12,5	75,9	24,1	81.2	11,8
1902	91,7	8,3	90,5	9,5	82,6	17,4	90,5	9,5	85,4	14,6	77,5	22,5	88	12
1903	89,6	10,4	93,2	6,8	80,3	19,7	88,1	11,9	81,6	18,4	77,3	22,7	77,4	22,6
1904	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	70	30

Вопросъ о библіотекахъ въ Уфимской губерніи еще довольно новый. Уѣздныя земства широко этого вопроса не ставили, какъ одно изъ могучихъ средствъ внѣшкольнаго образованія, а губернское земство если ежегодно и тратитъ до 4.000 руб., то книги разсылаетъ по школамъ почти исключительно дѣтскаго содержанія. Уфимская губернія населена инородцами и мусульманами; необходимо пріобщить и эти народности къ общей культурной массѣ страны, для чего широко развить и поставить переводческую литературу на языкахъ этихъ народностей. Правда, комитетъ о народной трезвости обратилъ вниманіе на эту сторону дѣла и постепенно началъ развивать и расширять библіотечное дѣло, что можно видѣть изъ таблицы.

ГОДА.	Белебеевскій.	Бирскій.	Златоустовскій.	Мензелинскій.	Стерлитамакскій.	Уфимскій.	По губерніи.
1900	13	4	23	5	5	20	70
1901	15	4	24	4	5	23	75
1902	15	4	24	5	5	23	76
1903	19	1	25	5	12	21	86
1904	22	1	25	4	15	26	93

Въ 1900 г. комитетомъ израсходовано на покупку книгъ и журналовъ 2.392 руб. Снабжено было 57 пунктовъ, обогатившихся 12.000 экземпляровъ [1]), и больше, кажется, не посылалось ни одной книги. По крайней мѣрѣ, въ отчетахъ объ этомъ совершенно умалчивается. Что касается цифровыхъ данныхъ о библіотекахъ, содержимыхъ на счетъ уѣздныхъ земствъ, то таковыхъ не имѣется подъ ру-

[1]) Обзоръ Уфимск. губ. 1900, стр. 106.

ками за отсутствіемъ полнаго комплекта сборниковъ постановленій. Въ 1897 г. Уфимское уѣздное земство открыло 5 библіотекъ, расходъ по содержанію этихъ библіотекъ выразился въ суммѣ 2.450 руб., изъ которыхъ половина отнесена была на средства о народной трезвости комитета, изъ коихъ 500 руб. должно было итти на пополненіе этихъ библіотекъ книгами [1]) также на половинныхъ началахъ, но въ виду возникшаго конфликта по снабженію книгами уѣздное земство съ 1902 г. приняло 500 руб. полностью на свой счетъ [2]).

Въ 1905 г. на содержаніе этихъ 5 библіотекъ-читаленъ земствомъ было ассигновано 2.820 руб. Насколько велика потребность у населенія въ книгѣ, приведемъ данныя по этимъ библіотекамъ за послѣдніе 4 года (см. табл. на стр. 189).

Изъ таблицы видно, какъ сильно увеличивается число посѣтителей, въ особенности крестьянъ, интересъ къ книгѣ возрастаетъ съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ увеличенія книгъ въ библіотекѣ, всѣхъ книгъ далеко не хватаетъ на всѣхъ желающихъ почитать, большинству приходится читать въ читальнѣ, отсюда можно сдѣлать выводъ, какъ сильно желаетъ народъ хорошихъ книгъ, хорошихъ газетъ, хорошихъ журналовъ.

Наплывъ читателей настолько великъ, что одна книга въ библіотекѣ приходится чуть не на 4 читателей; это доказываетъ лишній разъ, какъ велика потребность населенія въ чтеніи хорошихъ книгъ. Во Владимірской губерніи, гдѣ % грамотности несравненно выше, чѣмъ въ Уфимской губерніи, такого громаднаго наплыва читателей не замѣчается. Правда, тамъ каждый читатель больше читаетъ, въ среднемъ около 10 книгъ въ годъ, но и здѣсь, вѣроятно, было бы то же самое, если бы библіотеки хорошо пополнялись книгами [3]).

Къ сожалѣнію, данныя о библіотекахъ, содержимыхъ Уфимскимъ уѣзднымъ земствомъ, не говорятъ о томъ, что по преимуществу спрашиваетъ населеніе, какого содержанія книги, какіе наиболѣе любимые писатели, какая зависимость въ годахъ читателя и интенсивности самаго чтенія, какъ великъ радіусъ вліянія библіотеки въ смыслѣ пользованія населеніемъ книгами изъ библіотеки, за сколько верстъ дальнія деревни отъ библіотеки, въ какое время года болѣе всего чи-

---

[1]) Сборн. пост. Уфимск. уѣзд. зем. соб. 1901. стр. 117.

[2]) Ibid. 1902, стр. 126.

[3]) См. стат. Я. О. Кузнецова „Народныя безплатныя библіотеки и библіотеки-читальни во Владимірской губ. за 1903 г.“, Вѣстн. Влад. губ. зем. 1904, кн. 6—7.

ГОДА.	Число книгъ.	Число посѣтителей.	ИЗЪ НИХЪ.						Число взятыхъ книгъ на домъ.
			Мужчинъ.	Женщинъ.	Школьнаго возраста.	Взрослыхъ.	Крестьянъ.	Прочихъ сословій.	
1902	5.999	19.002	15.458	3.544	9.792	5.687	15.839	1.161	22.332
1903	6.441	20.429	16.887	3.532	9.344	11.085	19.116	1.313	21.528
1904	6.942	27.370	23.833	3.637	9.732	17.738	25.009	2.441	17.609
1905	7.033	27.748	23.351	4.397	9.986	17.762	25.857	1.891	10.439

тается книгъ. Всѣ эти свѣдѣнія необходимы, чтобы рѣшить, въ какую сторону должно развиваться библіотечное дѣло уѣзднаго земства, чтобы не оттолкнуть отъ библіотеки населеніе.

Изъ другихъ земствъ, обратившихъ вниманіе на библіотеки, слѣдуетъ указать на Златоустовское земство. Златоустовское собраніе въ 1900 году ассигновало на выписку журналовъ для передвижныхъ библіотекъ 181 руб. 55 коп. и для ученическихъ 50 библіотекъ 213 руб. [1]).

Бирское и Златоустовское собраніе ассигнуютъ ежегодно на каждую библіотеку по 5 руб. [2]). Въ 1901 г. въ Мензелинскихъ земскихъ училищахъ въ учительскихъ библіотекахъ было 1818 томовъ, въ ученическихъ 7733 тома [3]).

2. Школьные музеи.

Школьные музеи имѣются въ Златоустовскомъ уѣздѣ съ незначительнымъ количествомъ экземпляровъ по ботаникѣ, минералогіи, зоологіи при 6-ти училищахъ [4]), въ Мензелинскомъ уѣздѣ при трехъ училищахъ [5]).

3. Повторительные курсы.

Повторительные курсы ведутся въ Златоустовскомъ уѣздѣ при одномъ училищѣ, всего было на курсахъ 22 человѣка. Курсы, какъ замѣчаетъ управа, велись не особенно успѣшно, новизна дѣла, отчасти недовѣріе жителей были причиною слабаго посѣщенія курсовъ. Но замѣчательно то, что посѣщающіе курсы брали весьма большое количество книгъ для внѣкласснаго чтенія на домъ, а за ними шли и многіе грамотные крестьяне [6]).

4. Воскресныя школы.

Воскресныя школы содержатся комитетомъ о народной трезвости по одной въ уѣздахъ: Бирскомъ, Белебеевскомъ и въ г. Златоустѣ. Послѣдняя субсидируется уѣзднымъ земствомъ. Въ 1901 г. въ Зла-

---

[1]) Сборн. пост. Злат. уѣзд. зем. соб. 1901, стр. 108, 129.

[2]) Сборн. пост. Златоуст. уѣзд. зем. соб. 1901, стр. 124, Бирск. уѣзд. зем. соб. 1902, стр. 128.

[3]) Сборн. пост. Мензел. уѣзд. зем. соб. 1901, стр. 158.

[4]) Сборн. пост. Златоуст. у. з. с. 1902, стр. 138.

[5]) Сборн. пост. Мензелинск. у. з. с. 1901, стр. 158.

[6]) Сборн. пост. Златоуст. у. з. с. 1902, стр. 138.

тоустовской воскресной школѣ обучалось 190 человѣкъ (120 мужчинъ и 70 женщинъ), въ 1905 г. 176 человѣкъ. При школѣ имѣется библіотека, которая является главнымъ помощникомъ въ работахъ учителей. Средства школы составляются изъ взносовъ уѣзднаго земства и городской управы; въ среднемъ каждый учащійся обходится въ 60—70 коп. Главный контингентъ учащихся ремесленники и рабочіе. По преимуществу посѣщаютъ школу подростки въ возрастѣ до 15-ти лѣтъ [1]). Въ Мензелинскомъ уѣздѣ существуетъ 6 воскресныхъ школъ, къ 1-му января 1903 г. во всѣхъ этихъ школахъ было 102 учащихся [2]).

5. *Народныя чтенія.*

Чтенія съ туманными картинами ведутся, судя по отчетамъ управъ, въ Мензелинскомъ и Златоустовскомъ уѣздахъ. Въ 1901 г. чтенія въ Мензелинскомъ уѣздѣ велись при 18 школахъ, въ 1904 г. при 12 школахъ [3]). Насколько охотно посѣщаются эти чтенія населеніемъ, къ сожалѣнію, свѣдѣній не имѣется.

6. *Выписка газетъ и журналовъ для учителей.*

Уѣздныя управы не оставляютъ безъ вниманія не только библіотеки по снабженію ихъ книгами, но также и учителей. Для послѣднихъ нѣкоторыя земства выписываютъ журналы. Такъ, Бирское земство въ 1903 г. выписало журналовъ на 18 руб.: „Русскій начальный учитель" и „Циркуляры по Оренбургскому учебному округу" [4]).

Белебеевское земство въ 1903 г. затратило 333 руб. на выписку для учителей журналовъ „Крестьянское хозяйство" и „Сельскій Вѣстникъ" [5]). Въ министерскія училища Златоустовскаго уѣзда высылаются изъ дирекціи „Дружескія рѣчи", „Свѣтъ", въ земскія—уѣздное земство высылало въ нѣкоторыя школы „Образованіе".

V. Физическое развитіе дѣтей.

На физическое развитіе дѣтей обратили вниманіе два уѣздныхъ земства: Златоустовское и Мензелинское, оба для этого ассигнуютъ

---

[1]) Сборн. пост. Златоуст. у. з. с. 1902, стр. 155.
[2]) Сборн. пост. Мензелинск. у. з. с. 1903.
[3]) Ibid. 1901, стр. 187.
[4]) Сборн. пост. Бирск. у. з. с. 1903, стр. 203.
[5]) Сборн. пост. Белебеевск. у. з. с. 1902, стр. 942.

извѣстныя суммы на преподаваніе въ школахъ военной гимнастики. Въ 1900 г. въ Златоустовскомъ уѣздѣ гимнастика преподавалась въ 30 школахъ. Преподавали гимнастику отставные унтеръ-офицера. Курсъ гимнастики состоитъ изъ несложныхъ строевыхъ упражненій. Къ сожалѣнію, по отзыву управы, преподаватели довольно грубо обращаются съ учениками [1]).

Въ Мензелинскомъ уѣздѣ гимнастика преподается пока только въ двухъ школахъ [2]).

VI. Обученіе пѣнію.

Пѣніе преподается въ Златоустовскомъ уѣздѣ въ 22 школахъ; нѣкоторые учителя сумѣли даже устроить порядочные хоры, чѣмъ расположили къ себѣ населеніе, такъ что даже многіе крестьяне приходятъ къ учителю подѣлиться своими радостями и горемъ, посовѣтоваться на счетъ разныхъ своихъ дѣлъ [3]).

VII. Праздники древонасажденія.

Праздники древонасажденія были устроены въ Мензелинскомъ уѣздѣ въ 8 школахъ въ 1903 г., учащіе съ увлеченіемъ занимались этимъ дѣломъ [4]).

Стерлитамакское земство, придавая этимъ праздникамъ громадное значеніе, просило губернское земство ассигновать изъ страхового капитала 175 руб. для устройства этихъ праздниковъ при земскихъ школахъ, но губернское земство отказало въ этой просьбѣ [5]). Прочія уѣздныя земства еще не дѣлали попытокъ въ этомъ направленіи.

VIII. Профессіональное образованіе.

1. *Профессіональные школы и классы.*

Уфимская губернія по преимуществу занимается земледѣліемъ. Необходимость сельско-хозяйственнаго образованія уже давно сознавалась. Въ настоящее время существуютъ въ губерніи двѣ сельско-хозяйственныхъ школы: Белебеевская низшая сельско-хозяйственная

---

[1]) Сборн. пост. Златоуст. у. з. с. 1902, стр. 58.

[2]) Сборн. пост. Мензелинск. у. з. с. 1901, стр. 183.

[3]) Сборн. пост. Златоустовск. у. з. с. 1902, стр. 58.

[4]) Сборн. пост. Мензелинск. у. з. с. 1903, стр. 128.

[5]) Сборн. пост. Стерлит. у. з. с. 1903, стр. 35.

школа и Мензелинская. Въ Бирскомъ уѣздѣ въ имѣніи Ландсберга близъ г. Бирска находится Березовская школа II разряда маслодѣлія, сыроваренія и животноводства.

Въ 1889 г. Уфимское земское собраніе постановило открыть два ремесленныхъ класса при Ново-Троицкомъ и Булгаковскомъ училищѣ, гдѣ бы преподавались столярное, сапожное и портняжное ремесло, ассигновавъ на содержаніе ихъ 1.132 руб. и на содержаніе стипендіатовъ 240 руб., а въ 1890 году разрѣшило открыть такія же классы при двухъ школахъ—Дмитріевской и Федоровской, ассигновавъ на всѣ ремесленные классы 15.845 руб. [1]).

Въ 1904 г. числилось въ губерніи два ремесленныхъ училища: одно въ Уфѣ, другое въ городѣ Златоустѣ и 4 низшихъ ремесленныхъ школы: Симская, въ Уфимскомъ у., Красноходмская и Аскинская въ Бирскомъ у., Дуванская въ Златоустовскомъ у.

Открытіе въ Уфѣ кустарнаго комитета дало возможность устроить въ Дюртюляхъ токарную мастерскую и ткацкую мастерскую въ с. Старыхъ Мелькеняхъ, Мензелинскаго у. Въ 1901 г. кустарный комитетъ переименовался въ общество трудовой помощи, это не помѣшало ему открыть въ Бирскѣ передвижную ткацкую. Благодаря его поддержкѣ и Мензелинскаго земства ткацкая въ с. Старо-Мелькеняхъ встала на первыхъ порахъ прочно, сначала ткала полотна для больницъ, а потомъ сарпинку; въ 1903 г. уже промыселъ перешелъ въ деревню и производился въ 10 селеніяхъ, при чемъ въ домахъ работали на 49 станкахъ, а на земской квартирѣ на 4, было сработано всего полотна 6.263 арш. и цвѣтной матеріи 2.281 арш. Мастерская поддерживалась, пока у общества былъ кустарный складъ. За неимѣніемъ сбыта складъ пришлось закрыть, въ виду чего мастерская принуждена еле-еле существовать.

О числѣ учащихся въ этихъ школахъ и мастерскихъ очень мало приходится сказать. Въ 1900 г. существовало одно ремесленное училище съ 83 учениками, въ 1904 г. два ремесленныхъ училища, въ которыхъ обучалось 191 ученикъ; въ 1900 г. ремесленныхъ школъ была также одна съ 61 ученикомъ, въ 1904 г. 4 школы съ 147 учениками.

Въ 1900 г. обучалось въ двухъ сельско-хозяйственныхъ школахъ 118 учениковъ, въ 1904 г. 155 учениковъ. Объ источникахъ содержанія этихъ школъ также ничего нельзя сказать особеннаго. Какъ сельско-хозяйственныя школы, такъ и ремесленныя училища, ремесленныя

[1]) Сборн. дѣят. Уф. у. з. с., стр. 50.

школы, ремесленные классы очень дорогія учрежденія, и едва ли они оправдываютъ свое назначеніе. То, что въ ремесленныхъ школахъ приготовляется, то уже давно чище, изящнѣе и дешевле приготовляется въ крупныхъ спеціально для этого приспособленныхъ мастерскихъ. Если же путемъ этихъ школъ хотятъ привить населенію техническія знанія, то всѣмъ кончающимъ нужно прежде всего обезпечить поступленіе на мѣста въ крестьянской средѣ, гдѣ бы онъ дѣйствительно былъ полезнымъ для крестьянъ. Чтобы судить, насколько велики расходы на эти школы, приведемъ небольшую таблицу (см. табл. на стр. 195).

Оказывается, что всего дороже обходится ученикъ въ школѣ молочнаго хозяйства, а затѣмъ въ сельско-хозяйственной школѣ и ремесленной школѣ. Такимъ образомъ, низшія ремесленныя школы очень дорогія школы; гораздо дешевле обходится ученикъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: такъ, въ 1904 г. въ мужской гимназіи ученикъ обходился въ 187 руб., въ женскихъ гимназіяхъ ученица въ 73, ученикъ реальнаго училища въ 101 руб., землемѣрнаго училища въ 283, учительской семинаріи въ 266, и духовной семинаріи 325 руб., епархіальнаго училища въ 128 руб.

Златоустовское земство сначала поддерживало профессіональное образованіе, ассигнуя довольно значительныя суммы на ремесленныя школы и училища, но дороговизна содержанія и плачевные результаты заставили на будущее время воздержаться отъ этого. Напримѣръ, Дуванская мастерская обходится министерству и земству около 3220 руб. Въ 1902 г. былъ первый выпускъ: кончило 4 столяра и одинъ слесарь, слѣдовательно, каждый окончившій обошелся около 1000 — 1200 руб., сумма на столько внушительная, что отбиваетъ охоту къ дальнѣйшимъ опытамъ въ томъ же направленіи [1]).

2. *Обученіе рукодѣлію.*

Обученіе рукодѣлію въ земскихъ школахъ стараются привить почти всѣ уѣздныя земства губерніи. Такъ, въ 1904 г. въ Златоустовскомъ уѣздѣ обученіе велось въ 8 женскихъ и 12 смѣшанныхъ школахъ. Занятія рукодѣліемъ заключались въ обученіи шитью рубашекъ, кофтъ, вязанью чулокъ, кружевъ. Занимались учительницы въ особо назначенные часы. Особаго вознагражденія за эти занятія обучающія не получаютъ. Въ Мензелинскомъ уѣздѣ рукодѣліе введено пока въ не-

[1]) Сборн. пост. Злат. у. з. с. 1902, стр. 151.

	Число учебныхъ заведеній.	Число учениковъ.	Бюджетъ.				
			Отъ казны.	Отъ земства.	Отъ города.	Весь.	Стоимость одного ученика.
Въ 1900 году.							
Сельско-хозяйственныя школы . . .	2	118	7.000	20.836	—	32.073	272
Ремесленныя училища	1	83	11.960	—	—	13.112	158
Ремесленныя школы	2	61	5.540	1.500	—	7.890	128
Ремесленные классы	5	205	—	2.391	—	9.007	44
Въ 1904 году.							
Сельско-хозяйственныя школы . . .	2	155	7.300	18,697	—	39.443	254
Школа молочнаго хозяйства	1	12	2.000	1.000	—	12.284	1.024
Ремесленныя училища	2	191	11.960	1.500	—	22.186	116
Ремесленныя школы	4	147	20 733	4.975	—	29.973	204
Ремесленные классы	6	145	381	1.411	—	2.255	16

многихъ школахъ. Въ Удобновскомъ училищѣ этого уѣзда мальчики и дѣвочки занимаются плетеніемъ изъ соломы шляпъ, сумокъ. Кромѣ этого, дѣвочки занимаются шитьемъ, вязаньемъ [1]).

Уфимское уѣздное собраніе съ 1896 г. разрѣшило управѣ производить расходы на покупку матеріала для классовъ ручного труда до 15 руб. на каждую школу, съ тѣмъ, чтобы продавать предметы рукодѣлій съ наложеніемъ стоимости матеріаловъ, на нихъ употребленныхъ, до 10%, изъ вырученной суммы образовать особый фондъ для расширенія этого дѣла; успѣшно занимающимся учительницамъ выдавать награды [2]). Насколько успѣшно идетъ обученіе рукодѣлію въ земскихъ школахъ Уфимскаго уѣзднаго земства, къ сожалѣнію, свѣдѣній объ этомъ не имѣется.

3. *Школьные сады, огороды, пасѣки.*

На эту сторону дѣла обращаетъ особенное вниманіе Мензелинское земство. Ежегодно имъ устраиваются при Мензелинской низшей сельско-хозяйственной школѣ съ 1894 г. кратко-срочные курсы по садоводству, огородничеству и пчеловодству. Слушателями этихъ курсовъ являются исключительно учителя земскихъ школъ [3]). Въ 1900 году Мензелинское земство ассигновало 60 руб. на устройство пасѣкъ при училищахъ [4]). По отзыву управы учителя охотно занимаются пчеловодствомъ, устраиваютъ рамочные ульи. По сообщенію учащихъ крестьяне интересуются рамочными ульями, берутъ ихъ на домъ въ качествѣ образцовъ и по нимъ сами строятъ свои рамочные ульи. По свидѣтельству члена общества пчеловодства М. Муллиной раціональное пчеловодство пошло бы впередъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ, но, къ сожалѣнію, около города Мензелинска нѣтъ никакой возможности пріобрѣсти рамочный улей, хотя многіе крестьяне изъявляютъ желаніе пріобрѣсти ихъ [5]).

Школьные сады и огороды также поощряются болѣе всего Мензелинскимъ земствомъ. Въ 1901 г. сады и огороды существовали при 24 училищахъ, пасѣки при 3-хъ [6]).

Въ Златоустовскомъ уѣздѣ въ 1904 г. сады и огороды устроены

---

[1]) Сборн. пост. Мензел. у. з. с. 1902, стр. 151.

[2]) Сборн. дѣятельн. Уфимск. у. зем., стр. 53.

[3]) Сборн. пост. Менз. у. з. с. 1899, стр. 175.

[4]) Ibid. 1900, стр. 155.

[5]) Ibid. 1903, стр. 323.

[6]) Ibid. 1901, стр. 184.

были при 12 училищахъ. Климатъ Златоустовскаго уѣзда мѣшаетъ произрастанію плодовыхъ деревьевъ. Вслѣдствіе этого учащіе обращаютъ вниманіе на культуру плодовыхъ кустовъ и огородничества.

Въ 1904 г. въ училищныхъ садахъ насчитывалось 61 плодовое дерево и 1266 плодовыхъ кустовъ. Начало школьной пасѣкѣ положено пока при одномъ Сальевскомъ училищѣ [1]).

IX. Источники содержанія.

Учитывая расходы уѣздныхъ земствъ на хозяйственное содержаніе земскихъ школъ, содержаніе преподавательскаго персонала въ этихъ школахъ, получимъ данныя, во что обходится земству содержаніе земскихъ школъ и содержаніе одного ученика.

	Уѣзды.	Содержаніе одной школы.		Содержаніе одного ученика.	
		1900 г.	1905 г.	1900 г.	1905 г.
		Рубли.		Рубли.	
1.	Белебеевскій	—	—	—	—
2.	Бирскій	513	598	10,3	12,7
3.	Златоустовскій	806	946	10,9	13,7
4.	Мензелинскій	600	929	10,8	16
5.	Стерлитамакскій	915	1.068	13,4	15,7
6.	Уфимскій	582	725	7,5	9,8

Изъ этой таблицы видно, какъ постепенно земства увеличиваютъ ассигнованія на содержаніе земскихъ школъ.

Но уѣздныя и губернскія земства не ограничиваются одними земскими школами, многія земства даютъ пособія среднимъ учебнымъ заведеніямъ, а губернское земство большую часть своихъ расходовъ по народному образованію удѣляетъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ. Для сравненія не безынтересно взглянуть на общую картину всего образованія въ губерніи, средняго и низшаго.

[1]) См. Отчетъ инспектора нар. учил. за 1904 г.

Таблица содержанія учебныхъ за

	Число учебныхъ заведеній въ губерніи.	Число учащихся въ нихъ.	СОДЕРЖАНІЕ: Изъ суммъ государственнаго казначейства.	Изъ суммъ святѣйшаго синода.	Специальныя средства (плата за ученіе).	Отъ земства.	Отъ городскихъ обществъ.
Въ 1900 году	878	48.223	318.927	950	61.981	226.016	54.731
„ 1904 „	1.505	62.308	518.747	19.624	71.562	356.680	82.467
Насколько увеличилось или уменьшилось за 5 лѣтъ . .	+ 627	+ 14.085	+ 199.820	+ 18.674	+ 9.581	+ 130.664	+ 27.736
Въ %% отношеніи. .	—	—	—	—	—	—	—
Въ 1900 году	—	—	37,3	0,2	7,6	27,3	6,5
„ 1904 „	—	—	41	1,5	5,7	28,2	6,5

веденій въ Уфимской губерніи.

У Ч Е Б Н Ы Х Ъ З А В Е Д Е Н І Й.

Отъ сельскихъ обществъ.	%/% съ капиталовъ.	Пожертвованія учрежденій и лицъ.	Остатки отъ смѣтныхъ назначеній прежнихъ лѣтъ.	Отъ главнаго управленія земледѣлія и землеустройства.	Разныя случайныя поступленія.	% отъ свѣчныхъ, кружечныхъ и другихъ доходовъ.	Плата за содержаніе обучающихся дѣтей.	ВСЕГО.	Стоимость одного ученика.
13.486	2.155	41,207	44.943	14.200	3.794	34.156	15.478	832.024	17,8
13.235	4.850	37.849	50.008	—	31.914	54.282	26.287	1.267.505	20,3
— 251	+ 2.695	— 3.358	+ 5.065	—	+ 28.120	+ 20.126	+ 10.809	+ 435.481	+ 2,5
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1,7	0,3	4,9	5,4	1,8	0,6	4,2	2	—	—
1,1	0,4	3	3,9	—	2,5	4,2	2	—	-

Изъ этихъ данныхъ видно, что за пять лѣтъ участіе земства въ народномъ образованіи увеличилось на колоссальную цифру, тогда какъ участіе городскихъ учрежденій на незначительную сумму, участіе сельскихъ обществъ уменьшилось; % отношеніе также указываетъ на то, какое почетное мѣсто занимаетъ земство среди другихъ источниковъ содержанія учебныхъ заведеній въ губерніи. Нужно-ли говорить о томъ, что земство съ честью несло то тяжелое бремя по народному образованію, какое ему поручило нести населеніе.

Я. Кузнецовъ.

УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ ДО ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА („ДѢТСКІЕ САДЫ“).

Въ то время, какъ у насъ ни пресса, ни общество, ни на минуту не теряетъ интереса къ народному образованію на всѣхъ его ступеняхъ, когда бываютъ періоды повышенной потребности каждаго высказаться по поводу наиболѣе раціональнаго воспитанія въ школахъ, наши современники очень мало и даже вовсе не вникаютъ въ дѣло болѣе узкое и скромное, мало кто говоритъ о первыхъ годахъ воспріимчиваго дѣтства.

Начальному обученію дѣтей до школьнаго возраста, которымъ у насъ считаются годы отъ 8—11, должно предшествовать дошкольное воспитаніе. Условія его, въ большинствѣ случаевъ, самыя неблагопріятныя, особенно въ простомъ быту, гдѣ дѣти растутъ, какъ трава въ полѣ, безъ призора и ухода.

Учебно-воспитательныя учрежденія для малолѣтнихъ, берущія на себя заботу объ ихъ правильномъ развитіи и подготовляющія дѣтей къ школѣ, принято съ легкой руки ихъ основателя, извѣстнаго нѣмецкаго педагога Фребеля, называть „дѣтскими садами“. Это названіе привилось и въ Россіи къ немногочисленнымъ заведеніямъ этого типа, которыя существовали до настоящаго времени.

Дѣтскіе сады учрежденіе, безусловно, не только полезное, но крайне необходимое.

Воспитательная практика привела въ послѣднее время всѣхъ спеціалистовъ—педагоговъ къ твердому убѣжденію, что духовное развитіе ребенка начинается очень рано, что воспріятія его въ дошкольномъ возрастѣ (6—8 лѣтъ) могутъ имѣть рѣшающее значеніе для всего дальнѣйшаго развитія личности. Теперь это считается истиной неоспоримой.

Между тѣмъ, именно въ этомъ возрастѣ дѣтьми совершенно пренебрегаютъ, особенно въ рабочемъ классѣ населенія. Для самыхъ маленькихъ дѣтей общественная и частная благотворительность устраиваетъ ясли, куда ихъ сдаютъ на день матери, занятыя поденнымъ трудомъ. Но съ 4-хъ до 8-ми лѣтъ единственнымъ мѣстомъ воспитанія является улица, гдѣ дѣти безъ присмотра бѣгаютъ съ утра до вечера, попадаютъ подъ лошадей, падаютъ въ воду, играютъ среди стружекъ и соломы огнемъ и поджигаютъ цѣлые кварталы и селенія, гибнутъ массами отъ отсутствія присмотра и ничего не пріобрѣтаютъ въ нравственномъ отношеніи. Они являются 7—8 лѣтъ въ элементарную школу маленькими людьми, уже одичавшими, использовавшими свои первыя свѣжія силы и впечатлительность въ самомъ отрицательномъ смыслѣ. Первое слово школы попадаетъ на почву не только не подготовленную, но обильно засоренную всякими плевелами.

Правильную и серьезную оцѣнку дѣтскихъ садовъ, какъ воспитательныхъ очаговъ для дѣтей отъ 4—7 лѣтъ и ихъ роли въ дѣлѣ общаго народнаго образованія, даетъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ иниціаторъ этого дѣла въ Соединенныхъ-Штатахъ одинъ изъ лучшихъ педагоговъ своего времени W. Th. Harris, бывшій министръ народнаго просвѣщенія (Commisioner of Education).

„Дѣтскій садъ употребляетъ съ пользой ранній періодъ дѣтства на развитіе въ ребенкѣ такихъ свойствъ, которыя въ школѣ нельзя развить безъ потери времени, необходимаго для обученія. Переходный возрастъ отъ 3—6 лѣтъ очень плохо обставленъ и среди бѣдноты, и въ богатыхъ семьяхъ. Является истиннымъ благодѣяніемъ для народа національное воспитаніе, именно въ этомъ возрастѣ".

Сосѣди наши въ Европѣ, Американцы и даже японцы давно это поняли и оцѣнили систему общественнаго воспитанія малолѣтнихъ. Дѣтскіе сады подъ разными наименованіями введены повсемѣстно (во Франціи, Германіи, Швейцаріи, Австро-Венгріи, Англіи, Соединенныхъ-Штатахъ и т. д.) въ систему начальнаго образованія, содержатся на мѣстныя и городскія средства и, получая крупную государственную субсидію, подлежатъ общей школьной инспекціи.

1) Во Франціи, по послѣднимъ статистическимъ даннымъ, имѣются 5.683 материнскія школы (écoles maternelles), соотвѣтствующія дѣтскимъ садамъ съ 729 тысячами питомцевъ въ нихъ. Каждая коммуна (общество сельское или городское), заключающее въ себѣ не менѣе 2.000 душъ, обязана содержать материнскую школу. Жалованье же

завѣдующимъ, учащимъ и служащимъ въ школѣ платитъ правительство.

2) Въ Швейцаріи въ 1902 г. числилось 830 дѣтскихъ садовъ съ общимъ числомъ учащихся—43.500.

3) Въ Австріи около 500 дѣтскихъ садовъ, съ пріютами при нихъ и 650 безъ пріютовъ. Посѣщаютъ ихъ 122 тысячи дѣтей.

4) Въ Венгріи дѣтскихъ садовъ всего около 2.000, изъ нихъ около 200 содержатся на казенный счетъ, при чемъ расходъ казны на эти субсидіи колеблются между 150.000 и 200.000 флориновъ, а общіе расходы на этотъ предметъ достигаютъ 1 мил. флориновъ.

5) Въ Соединенныхъ-Штатахъ общее число дѣтскихъ садовъ 4.363, изъ нихъ общественныхъ, т. е. содержащихся на средства городовъ и штатовъ—1.365, а дѣтей, посѣщающихъ ихъ—190 тысячъ.

6) Въ Японіи 260 дѣтскихъ садовъ, изъ нихъ 75 частныхъ, остальныя содержатся на общественныя средства, но казенная субсидія незначительна, такъ какъ вообще на элементарное образованіе кредитъ не превышаетъ 1 мил. іенъ.

До сихъ поръ мысль о пользѣ дѣтскаго сада настолько далека была отъ сознанія русскихъ—правительства и общества, что на всю Россію числится около 100 частныхъ дѣтскихъ садовъ, почти исключительно для дѣтей интеллигентныхъ родителей, и изъ нихъ 25% находится въ Прибалтійскомъ краѣ. Особенно же важно отмѣтить тотъ фактъ, что въ законодательствѣ не существуетъ статей, на основаніи которыхъ можно было открывать дѣтскіе сады, и даже самое это названіе совершенно отсутствуетъ. Исключеніемъ являются общее разрѣшеніе открывать въ Сибири при женскихъ гимназіяхъ дѣтскіе сады, а также упоминаніе въ уставахъ нѣкоторыхъ обществъ и родительскихъ кружковъ объ этомъ же правѣ.

Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ испрашивается особое разрѣшеніе директора народныхъ училищъ или губернатора, и это разрѣшеніе всецѣло зависитъ отъ доброй воли даннаго лица, за неимѣніемъ соотвѣтствующаго закона.

Эти два условія: 1) незнакомство большинства русскаго общества съ внутреннимъ устройствомъ и задачами дѣтскихъ садовъ вообще, а безплатныхъ народныхъ садовъ въ особенности, и 2) отсутствіе прочной почвы подъ ногами у устроителей, опредѣленныхъ требованій и отношеній администраціи къ подобнымъ учрежденіямъ тормозятъ развитіе такого полезнаго общественнаго начинанія.

Въ Россіи народный, т. е. безплатный, дѣтскій садъ явленіе болѣе-

чѣмъ рѣдкое, несмотря на то, что идея дошкольнаго воспитанія проникла къ намъ раньше, чѣмъ въ Соединенные-Штаты (а именно съ 1871 года, когда основано Фребелевское общество). Кромѣ содержимаго Фребелевскимъ обществомъ, до послѣдняго времени существовало всего 10 народныхъ дѣтскихъ садовъ, въ томъ числѣ одинъ въ столицѣ, основанный частными усиліями г-жи Калачевой. Съ 1907 года открыло свою дѣятельность общество дѣтскихъ *народныхъ* садовъ въ гор. Кіевѣ. Это очень кстати, такъ какъ въ этомъ городѣ существовало уже два народныхъ дѣтскихъ сада, содержимыхъ на городскія средства. Это единственные дѣтскіе сады въ Россіи, которые содержались на общественныя средства. Остальные поддерживались или благотворительными, или просвѣтительными обществами.

У насъ сложилось убѣжденіе, что человѣкъ дѣлается объектомъ заботъ правительства только съ момента поступленія въ начальную школу, т. е. лѣтъ съ 8-ми. Дошкольное же его развитіе лежитъ внѣ компетенціи министерства народнаго просвѣщенія. Въ Европѣ, гдѣ предѣлъ школьнаго возраста является не 8, а 6 лѣтъ, находятъ правильнымъ ввести въ систему народнаго воспитанія даже годы отъ 4 до 6 лѣтъ. Между тѣмъ, въ Россіи, гдѣ начальная школа принимаетъ дѣтей очень поздно (8—9 лѣтъ), гдѣ элементарное обученіе продолжается 3, много 4 года, безплатные дѣтскіе сады могли бы играть большую и благодѣтельную роль.

Занятія въ этихъ классахъ состоятъ изъ 1) подвижныхъ игръ съ пѣніемъ, 2) основъ нравственнаго и религіознаго воспитанія, 3) ручныхъ работъ, доступныхъ дѣтямъ, 4) изъ сообщенія общихъ понятій объ окружающемъ мірѣ: природѣ, растеніяхъ и т. п., 5) упражненій въ разсказѣ самихъ дѣтей и передачѣ ими своихъ мыслей, 6) усвоенія самыхъ первыхъ элементовъ рисованія, чтенія, письма и счета.

Такимъ образомъ, ребенокъ, побывавшій въ такихъ классахъ, является въ начальную школу вполнѣ подготовленнымъ къ тому, чтобы сразу начать систематическое обученіе, и первое полугодіе, иногда и цѣлый годъ, не пропадаетъ даромъ.

Идея безплатныхъ народныхъ дѣтскихъ садовъ прививалась въ старыхъ государствахъ, какъ Германія и Франція, конечно, постепенно. Во Франціи, напримѣръ, первая школа этого типа возникла по частной инціативѣ въ 1770 г., и правильную организацію школы получили лишь въ 1837 г., нынѣшняго же состоянія достигли лишь въ 1881 году. Но болѣе молодыя и стремившіяся къ быстрому поднятію народнаго образованія страны—сразу, по готовымъ образцамъ,

приняли эту систему и ввели у себя. Такъ, въ Соединенныхъ Штатахъ первые опыты были сдѣланы въ 1873 г., а въ Японіи въ 1876 г.

Мы стоимъ передъ вопросомъ объ общедоступности для населенія простой грамотности, и потому, конечно, намъ не по плечу браться за введеніе у себя этой первой ступени народнаго воспитанія мѣрами сверху, на казенныя средства. Однако, и теперь уже законодательное собраніе могло бы и должно было сдѣлать нѣчто для нормальнаго воспитанія дѣтей большихъ городовъ и оздоровленія этимъ путемъ самаго населенія.

Во-первыхъ, во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ оно должно итти на на встрѣчу частной иниціативѣ путемъ назначенія казенной субсидіи, что и сдѣлано уже по отношенію къ Фребелевскому обществу, назначая эти пособія на длительные сроки.

Во-вторыхъ, необходимо пополнить пробѣлъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ путемъ введенія въ него статей, регулирующихъ открытіе дѣтскихъ садовъ и наблюденія за ними, а также устройства курсовъ для подготовки руководительницъ этими послѣдними.

Въ большинствѣ случаевъ до настоящаго времени разрѣшеніе на открытіе дѣтскаго сада давалось примѣнительно къ закону, заключающемуся въ XI св. зак. части I „О частныхъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія",—но этотъ законъ представляетъ столь очевидныя неудобства, что при распространеніи этого типа заведеній невозможно обойтись безъ особыхъ узаконеній, касающихся спеціально дѣтскихъ садовъ.

Начать съ того, что въ законѣ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ нигдѣ не встрѣчается самое названіе дѣтскаго сада или хотя бы описательное его опредѣленіе.

Сверхъ того, законъ этотъ касается не всей Россіи, а лишь опредѣленныхъ округовъ (напр., Степное генералъ-губернаторство не подлежитъ дѣйствію ихъ).

Если подвести дѣтскіе сады подъ типъ третьеразряднаго учебнаго заведенія, то все же между требованіями, которыя ставитъ законъ, и цѣлью дѣтскихъ садовъ—полное несоотвѣтствіе.

Ст. 3720 опредѣляетъ обязательный составъ предметовъ, которые въ дѣтскихъ садахъ не проходятся и не будутъ изучаться; ст. 3723 указываетъ на обязательное употребленіе учебниковъ и пособій, одобренныхъ для казенныхъ учебныхъ заведеній, а между тѣмъ, книги, употребляющіяся въ дѣтскихъ садахъ, не подходятъ подъ понятіе учебника и въ ученомъ комитетѣ не разсматриваются.

Къ неисполнимымъ требованіямъ относятся испытанія въ концѣ года, предъявленіе вѣдомостей, веденіе журнала и т. д., ст. 3731 и 3732.

При пользованіи XI томомъ самое открытіе дѣтскихъ садовъ сопряжено съ величайшими трудностями: городскія и земскія учрежденія должны испрашивать предварительное разрѣшеніе, ст. 3725; отъ учредителя требуется предъявленіе свидѣтельства на званіе домашняго учителя, ст. 3718; открытіе безъ предварительнаго разрѣшенія влечетъ за собою преслѣдованіе по суду, ст. 3739.

Въ то же время совершенно не упоминается о необходимости для руководящихъ дѣтскимъ садомъ особыхъ знаній, не опредѣлено, какими предметами разрѣшено заниматься въ дѣтскихъ садахъ и т. д.

Однимъ словомъ, въ XI т., въ главѣ „о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ" заключаются статьи, почти не примѣнимыя къ дѣтскимъ садамъ, и нѣтъ многаго того, что необходимо опредѣлить закономъ, вводя дѣтскіе сады въ систему народнаго образованія.

Въ виду этого группа членовъ Государственной думы обратилась съ предварительнымъ опросомъ къ учрежденіямъ, вѣдавшимъ до сихъ поръ дѣло дошкольнаго воспитанія, какъ-то Фребелевскому обществу въ С.-Петербургѣ, къ обществу, содержащему безплатный дѣтскій садъ имени Е. П. Калачевой, и къ Кіевскому обществу народныхъ дѣтскихъ садовъ и, руководствуясь указаніями этихъ учрежденій, выработала законопроектъ о дѣтскихъ садахъ, который внесла 20-го мая въ Государственную думу. При этомъ было принято во вниманіе, что: 1) образовательный цензъ руководительницъ, который вызывается истинными потребностями дѣтскихъ садовъ, при широкомъ ихъ распространеніи, можетъ не превышать званія начальной учительницы или учителя, но при этомъ желательны нѣкоторыя спеціальныя познанія, сообщаемыя на курсахъ,—для руководящихъ дѣтскими садами, программа которыхъ должна соотвѣтствовать занятіямъ, допускаемымъ въ дѣтскихъ садахъ. Помощницы руководительницъ могутъ не имѣть званія учительницы, но для нихъ обязательно взамѣнъ имѣть необходимые практическіе навыки. Преподаваніе въ дѣтскихъ садахъ не идетъ выше сообщенія элементовъ грамоты, слѣдовательно, и цензъ болѣе высокій явится излишнимъ,—но вмѣстѣ съ тѣмъ умѣнье занять малолѣтнихъ, обученіе ихъ ручному труду, подвижныя игры, обученіе ихъ рисованію, пѣнію и проч.—требуетъ извѣстной спеціальной подготовки и сноровки.

2) Желательно возможное упрощеніе порядка открытія дѣтскихъ

садовъ и наблюденія за ними. Было бы правильнѣе всего предоставить каждому, кто располагаетъ подходящимъ помѣщеніемъ и можетъ пригласить лицо, умѣющее вести классы малолѣтнихъ, открывать дѣтскій садъ. Школа эта не сложная, не требуетъ особеннаго оборудованія, широкаго образованія со стороны основателя; возрастъ учащихся таковъ, что ихъ нельзя подчинить никакой серьезной программѣ, и потому вполнѣ достаточно мѣстному инспектору провѣрить по заявленіи объ открытіи дѣтскаго сада, отвѣчаетъ ли онъ педагогическимъ и санитарнымъ требованіямъ. Въ смыслѣ постояннаго наблюденія дѣтскіе сады должны быть подчинены учебному начальству, а не полиціи.

3) Сверхъ того, необходимо ближе заинтересовать въ веденіи воспитательнаго и хозяйственнаго дѣла въ дѣтскихъ садахъ тѣ общественныя учрежденія и частныя общества, которыя проявятъ готовность устраивать народные дѣтскіе сады на свои средства, а потому предлагается предоставить имъ право выбирать попечителей и попечительницъ для непосредственнаго наблюденія за каждымъ дѣтскимъ садомъ.

Это послѣднее необходимо, въ виду невозможности общей инспекціи вникать ближе въ жизнь такихъ маленькихъ школокъ, между тѣмъ, какъ онѣ требуютъ постояннаго, полусемейнаго надзора и опеки, такъ какъ роль ихъ скорѣе воспитательная, нежели образовательная.

Надо надѣятся, что законопроектъ этотъ будетъ встрѣченъ въ Государственной думѣ сочувственно и поддержанъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Съ упрощеніемъ порядка открытія дѣтскихъ садовъ городскія и земскія учрежденія могутъ широко воспользоваться новымъ правомъ и, идя на встрѣчу выяснившейся потребности, открыть цѣлый рядъ дѣтскихъ садовъ при существующихъ начальныхъ школахъ или независимо отъ нихъ.

Серьезнаго вниманія въ этой области заслуживаетъ недавно возникшее въ Петербургѣ общество содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей. Въ основѣ своей дѣятельности общество поставило идею общественнаго воспитанія, осуществляя ее практически путемъ устройства соотвѣтственныхъ учрежденій для дѣтей и содѣйствуя ея теоретической разработкѣ путемъ созданія учрежденій, могущихъ служить въ помощь воспитателямъ.

Конкретныя формы его дѣятельности намѣчаются въ уставѣ слѣдующимъ образомъ.

Въ задачи общества входитъ:

а) учрежденіе дѣтскихъ садовъ, яслей, начальныхъ школъ, дѣтскихъ клубовъ, лѣтнихъ колоній, дѣтскихъ библіотекъ и другихъ воспитательныхъ учрежденій;

б) устройство собраній дѣтей для игръ и занятій, дѣтскихъ праздниковъ, экскурсій и т. п.;

в) устройство съ надлежащаго разрѣшенія лекцій по вопросамъ, связаннымъ съ воспитаніемъ дѣтей дошкольнаго возраста;

г) устройство педагогическихъ библіотекъ, музеевъ, выставокъ, мастерскихъ и складовъ наглядныхъ пособій и предметовъ дошкольнаго воспитанія дѣтей и т. п.;

д) изданіе книгъ и журналовъ для дѣтей, родителей и воспитателей по вопросамъ, входящимъ въ кругъ дѣятельности общества;

е) организація взаимопомощи родителей и воспитателей въ дѣлѣ дошкольнаго воспитанія дѣтей.

Въ настоящее время вниманіе общества сосредоточено на слѣдующихъ его предпріятіяхъ: 1) организація и веденіе домашнихъ дѣтскихъ садовъ; 2) организація образующейся изъ нихъ начальной школы; 3) образованіе комиссіи для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ веденіемъ дѣтскихъ садовъ; 4) организація библіотеки для дѣтскихъ садовъ; 5) организація постоянной выставки дѣтскихъ работъ и подвижного музея учебныхъ пособій для дѣтей дошкольнаго возраста; 6) дѣтская колонія; 7) народный дѣтскій садъ.

Организація домашнихъ дѣтскихъ садовъ возникла изъ идеи взаимопомощи, и цѣль ихъ—не устройство образцовыхъ садовъ, а осуществленіе основныхъ принциповъ воспитанія въ предѣлахъ тѣхъ реальныхъ условій и обстановки жизни, въ которыя поставлены наши дѣти. Поэтому задача ихъ состоитъ въ томъ, чтобы путемъ взаимопомощи не только организовать подобнаго рода сады, но содѣйствовать теоретической разработкѣ главныхъ принциповъ воспитанія и способствовать ихъ практическому примѣненію въ жизни въ данныхъ условіяхъ и при данной обстановкѣ.

Въ садахъ, возникающихъ на этихъ основаніяхъ, иниціатива принадлежитъ родителямъ. Главное завѣдываніе садомъ падаетъ обыкновенно на то лицо, которое предоставляетъ свою квартиру для помѣщенія дѣтскаго сада. Руководительницами для занятій приглашаются фребеличка или лесгафтичка. Въ нѣкоторыхъ садахъ учреждено дежурство матерей. Занятія въ дѣтскихъ садахъ ведутся въ различное время дня, преимущественно отъ 10—2 часовъ. Занятія заключаются

въ бесѣдахъ съ дѣтьми объ окружающей природѣ и животныхъ, фребелевскихъ работахъ, которыя иллюстрируютъ бесѣды, подвижныхъ играхъ съ пѣніемъ и безъ него, игрѣ въ мячъ и гимнастикѣ. Старшія дѣти, кромѣ того, учатся грамотѣ. Въ нѣкоторыхъ садахъ между занятіями были введены совмѣстныя прогулки. Цѣлью дѣтскихъ садовъ является: 1) взаимопомощь родителямъ; 2) доставленіе дѣтямъ общественнаго воспитанія; 3) практическое осуществленіе основныхъ принциповъ раціональнаго воспитанія; 4) осуществленіе въ жизни связи между семьей и школой, путемъ активнаго участія родителей въ воспитаніи дѣтей.

Лѣтомъ было намѣчено открытіе и народнаго дѣтскаго сада на Петербургской сторонѣ въ помѣщеніи вечернихъ курсовъ для рабочихъ. Идея дѣтскаго сада встрѣтила большое сочувствіе со стороны нѣкоторой части слушателей и проектирована на началахъ, аналогичныхъ тѣмъ, какія положены въ организацію домашнихъ дѣтскихъ садовъ. Организаціонная комиссія дѣтскаго сада была составлена изъ 4 членовъ общества содѣйствія дошкольному воспитанію и 4 членовъ правленія курсовъ.

Въ составъ общества вошло болѣе 150 членовъ, что свидѣтельствуетъ, что въ интеллигентныхъ кругахъ назрѣла потребность устраивать дѣтскіе сады для своихъ дѣтей, а равно опредѣляется сознаніе необходимости организовать ихъ для рабочаго населенія [1]).

Кіевское общество народныхъ дѣтскихъ садовъ, судя по только что вышедшему отчету его за 1908 годъ, дѣйствуетъ тоже очень энергично. Изъ этого отчета, любезно доставленнаго намъ предсѣдательницей общества Н. Д. Лубенецъ, видно между прочимъ, что общее собраніе постановило обратиться съ нижеслѣдующимъ ходатайствомъ къ правительству:

1) Возбудить въ законодательномъ порядкѣ вопросъ о введеніи народныхъ дѣтскихъ садовъ въ систему государственныхъ учебно-воспитательныхъ заведеній и о внесеніи въ бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія особой суммы на учрежденіе и содержаніе дѣтскихъ садовъ и подготовительныхъ учрежденій для образованія дѣтскихъ садовницъ и ихъ помощницъ.

2) Издать постановленіе о народныхъ дѣтскихъ садахъ для установленія правилъ веденія этихъ учрежденій, наблюденія за ними и

---

[1]) Русская школа № 4 — 1908 г.

способовъ поощренія мѣстныхъ обществъ, частныхъ лицъ и учрежденій къ открытію и содержанію народныхъ дѣтскихъ садовъ.

3) Принять мѣры къ постепенному преобразованію дѣтскихъ пріютовъ, соотвѣтствующихъ дошкольному возрасту, на началахъ воспитанія въ народныхъ дѣтскихъ садахъ.

4) Допускать къ наблюденію за дѣтскими садами и къ занятіямъ въ нихъ только лицъ, прослушавшихъ спеціальные курсы или имѣющихъ другое какое-либо удостовѣреніе въ ознакомленіи съ сущностью воспитанія въ дѣтскомъ саду. Въ крайнемъ случаѣ этому требованію можетъ удовлетворить шестимѣсячное посѣщеніе нормально поставленнаго дѣтскаго сада.

5) Ввести въ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподается педагогика, теоретическое и практическое ознакомленіе съ воспитаніемъ дѣтей дошкольнаго возраста.

6) Учредить въ большихъ городахъ постоянные курсы для педагогической подготовки садовницъ и ихъ помощницъ или за невозможностью учрежденія постоянныхъ курсовъ—временные, періодически повторяемые.

Пожеланія эти довольно обширны и разнообразны, но во всякомъ случаѣ со стороны министерства народнаго просвѣщенія въ ближайшемъ будущемъ надо ожидать поддержки частной иниціативы въ дѣлѣ развитія народныхъ дѣтскихъ садовъ и организаціи или субсидированія курсовъ фребеличекъ хотя бы по одному на учебный округъ.

Е. Ковалевскій.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ *).

*А. Н. Глаголевъ. Элементарная алгебра. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Москва. 1907. Стр. VI + 315. Цѣна 1 руб. Часть II. Москва. 1907. Стр. 520. Цѣна 1 р. 65 к.

Первая часть алгебры г. Глаголева обнимаетъ собою дѣйствія надъ алгебраическими количествами, понятіе объ ирраціональныхъ числахъ и уравненія (и неравенства) 1 степени съ одной и нѣсколькими неизвѣстными [1]). Къ книгѣ приложены портретъ и краткая біографія покойнаго автора, бывшаго директора мужского и женскаго коммерческихъ училищъ Московскаго общества распространенія коммерческаго образованія. Изъ этой біографіи мы узнаемъ, что автору къ прискорбію, не пришлось увидѣть въ печати свой трудъ: онъ внезапно умеръ 7-го ноября 1906 г. Книга была закончена, какъ видно изъ предисловія, бывшимъ ученикомъ автора г. П. Вишняковымъ. Впрочемъ главы, написанныя послѣднимъ, появятся вѣроятно во II части алгебры г. Глаголева, теперешняя же I часть, повидимому, всецѣло принадлежитъ перу покойнаго автора.

Достоинство книги г. Глаголева не одинаково въ разныхъ частяхъ ея. Есть статьи, написанныя прямо превосходно, какъ напримѣръ глава XIV (общія принципы преобразованія уравненій), другія же мѣста вызываютъ сомнѣнія, о которыхъ умолчать мы не считаемъ себя въ правѣ, при всемъ уваженіи къ покойному автору книги.

Книга начинается съ изложенія понятія о выраженіи отрѣзковъ положительными и отрицательными числами и о дѣйствіяхъ сложенія

*) Отзывы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованія, а также и по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

[1]) Къ каждому отдѣлу приложено обширное собраніе задачъ.

и вычитанія надъ этими отрѣзками. Въ предисловіи говорится, что этимъ авторъ даетъ алгебраическимъ положеніямъ геометрическую иллюстрацію и что этотъ способъ изложенія, принятый авторами многихъ иностранныхъ учебниковъ, въ значительной степени облегчаетъ на первыхъ же порахъ учащимся сознательное усвоеніе алгебраическихъ законовъ.

По этому поводу не можемъ не напомнить мнѣніе такого опытнаго педагога, какъ Н. И. Билибинъ, который въ предисловіи къ своему курсу алгебры заявляетъ, что, по его мнѣнію, изученіе отрицательныхъ чиселъ вообще не подъ силу ученикамъ III класса, въ которомъ и начинается алгебра. Не раздѣляя всецѣло этого мнѣнія Н. И. Билибина, мы тѣмъ не менѣе полагаемъ, что начинать алгебру съ изученія отрицательныхъ чиселъ и не выгодно, и не нужно. Во всякомъ случаѣ, если уже посвящать первыя пять страницъ выраженію отрѣзковъ числами и дѣйствіямъ надъ ними, то надо было дальше воспользоваться этимъ при объясненіи дѣйствій надъ отрицательными числами, чтобы пояснить приводимыя правила. Что же касается до геометрическаго истолкованія умноженія отрицательныхъ чиселъ, то мы весьма сомнѣваемся, имѣютъ ли ученики на этой ступени развитія понятіе о равномѣрномъ движеніи и объ его скорости.

Прибавимъ еще, что въ самомъ изложеніи встрѣчаются недочеты, хотя и мелкіе, но затрудняющіе пониманіе. Напримѣръ на стр. 1 вверху наименованія отрѣзка поставлена стрѣлка, смыслъ которой объясненъ только на слѣдующей страницѣ, и поставлена эта стрѣлка такъ, что получается противорѣчіе съ только что даннымъ правиломъ обозначенія отрѣзковъ. Именно, на стр. 1 надъ отрѣзкомъ CD (слѣдовательно направленнымъ отъ C къ D) поставлена стрѣлка, указывающая, что она направлена отъ D къ C (кстати: длина его вовсе не 7 сантиметровъ, какъ сказано въ текстѣ, а больше $7^1/_2$ сантиметровъ).

Вообще, относительно этихъ геометрическихъ иллюстрацій законовъ дѣйствій мы считаемъ нужнымъ указать на одну опасность, всегда связанную съ ними при не образцовомъ изложеніи.

Именно, онѣ очень легко могутъ поселить въ умахъ учащихся мысль, что основные законы дѣйствій могутъ быть доказаны, а не являются опредѣленіями свойствъ этихъ дѣйствій. Поэтому, приводя эти геометрическія иллюстраціи, слѣдуетъ всегда указывать, что онѣ могутъ служить только для нагляднаго поясненія дѣйствій или—самое большее—для ихъ мотивировки, но не для доказательствъ.

Въ этомъ же отдѣлѣ (въ которомъ—къ слову сказать—авторъ забылъ опредѣлить, что такое абсолютная величина числа) проявляется еще одна особенность, составляющая вообще серьезный недостатокъ разбираемой книги: недостаточно отчетливое различеніе *опредѣленій* отъ выводовъ. Мы сами затрудняемся рѣшить, разсматривалъ ли авторъ сказанное въ § 6 какъ опредѣленія сложенія или какъ выводъ изъ разсужденій о сложеніи отрѣзковъ (§ 3). Такое же сомнѣніе возникаетъ при чтеніи § 15 (умноженіе). На стр. 61, о нулевыхъ показателяхъ авторъ говоритъ „Найдемъ частное отъ дѣленія a^n на a^n; a^n: $a^n = a^{n-n} = a^0$—символъ, не имѣющій смысла. Но, съ другой стороны, намъ извѣстно, что частное отъ дѣленія равнаго количества на равное (?) равно 1; напримѣръ, 8: 8 = 1, а потому

$$a^n : a^n = a^0 = 1$$

т. е. всякое количество въ степени 0 равно 1".

Какъ видимъ, авторъ ни единымъ словомъ не обмолвился о томъ, что правило вычитанія показателей не доказано для случая равныхъ показателей и его ученики вѣроятно искренно вѣрятъ, что равенство $a^0 = 1$ можно доказать. Подобнымъ же образомъ, опредѣляя на стр. 193 сложеніе ирраціональныхъ чиселъ, авторъ говоритъ: „Пусть A и B два какія-либо числа; сумма $A + B$ этихъ чиселъ *должна быть* [1]) больше суммы двухъ чиселъ A' и B', соотвѣтственно меньшихъ A и B и *должна быть* меньше суммы двухъ чиселъ A'' и B'', соотвѣтственно большихъ A и B".

Въ этомъ опредѣленіи авторъ прежде всего забылъ сказать, что числа A' и B', A'' и B'' считаются *раціональными* и этимъ уничтожилъ смыслъ всего опредѣленія. Во вторыхъ, слова „должна быть" невольно вызываютъ сомнѣніе, не выводится ли это изъ какихъ-нибудь предшествующихъ соображеній. Подобный способъ выраженія вредитъ ясности изложенія.

Авторъ включилъ въ свой курсъ три главы, которыя обыкновенно не встрѣчаются въ элементарныхъ учебникахъ, именно: гл. VII—понятіе о функціи, гл. XII—особыя формы числовыхъ значеній алгебраическихъ выраженій и гл. XIII—ирраціональныя числа (съ точки зрѣнія теоріи разрѣзовъ въ области раціональныхъ чиселъ).

Мы должны сказать, что цѣлесообразность всѣхъ этихъ трехъ нововведеній представляется намъ крайне сомнительной, въ особенности при помѣщеніи ихъ въ тѣхъ мѣстахъ курса, какъ у автора.

---

[1]) Курсивъ нашъ.

Прежде всего мы высказываемся рѣшительно противъ помѣщенія въ элементарномъ курсѣ алгебры статьи о неопредѣленныхъ выраженіяхъ (гл. XII), да еще не только типа $0/0$, но и типовъ $\frac{\infty}{\infty}$, $\infty - \infty$, $0 . \infty$. Ради единственнаго случая, разсматриваемаго въ алгебрѣ (корень уравненія $ax^2 + bx + c = o$ при $a = o$), при томъ еще раскрываемаго чисто элементарнымъ пріемомъ, не стоитъ вводить цѣлую главу въ 13 стр. и ужъ во всякомъ случаѣ нельзя ее вводить раньше ученія о предѣлахъ, какъ сдѣлано у автора. При его способѣ изложенія ему приходится говорить объ истинномъ значеніи неопредѣленностей, не имѣя возможности выяснить, что подъ этимъ подразумѣвается, приходится пользоваться скрытымъ образомъ теоремами о предѣлахъ, не имѣя возможности ихъ доказать, и говорить о конечныхъ и безконечныхъ числахъ, не опредѣливъ, что это такое.

Что касается до введенія понятія о функціи въ курсъ элементарной алгебры, то прежде всего замѣтимъ, что кажется единственный вопросъ, гдѣ это понятіе можетъ быть полезно—это maxima и minima трехчлена второй степени и другихъ простѣйшихъ функцій, а объ этихъ вопросахъ авторъ не говоритъ. Далѣе, онъ помѣщаетъ статью о функціи между алгебраическими дробями и статьей о степеняхъ и корняхъ. Такимъ образомъ ученикамъ приходится знакомиться съ общими понятіями о постоянныхъ и перемѣнныхъ величинахъ и о зависимостяхъ между ними, когда они еще ничего не знаютъ, кромѣ раціональныхъ чиселъ. Думаемъ, что на этой ступени развитія понятіе о функціи и не нужно, и не доступно. Это ясно сказывается и на примѣрахъ, приводимыхъ авторомъ, изъ которыхъ одинъ трактуетъ о равномѣрномъ движеніи, другой о законѣ расширенія желѣзной полосы отъ нагрѣванія и третій—о законѣ Маріотта! Это все для учениковъ, которые не знаютъ, что такое ирраціональное число и какъ рѣшать уравненія первой степени!

Глава XIII посвящена разсмотрѣнію ирраціональныхъ чиселъ съ точки зрѣнія теоріи разрѣзовъ. Она очевидно заимствована изъ Leçons d'algèbre et d'analyse Жюля Таннери. Принципіально можно, конечно, только привѣтствовать, когда въ нашей учебной литературѣ появляется теорія ирраціональныхъ чиселъ въ строгомъ изложеніи, но относительно мѣста этой главы въ курсѣ и ея изложенія опять возникаютъ сомнѣнія. Самъ Таннери предназначаетъ свой курсъ для учениковъ des classes de mathématiques spéciales, т. е. уже прошедшихъ элементарный курсъ алгебры, и, кромѣ того, ведетъ изложеніе

необыкновенно подробно и обстоятельно, такъ что, напримѣръ, отдѣлъ объ ирраціональныхъ числахъ и дѣйствіяхъ надъ ними занимаетъ свыше 50 большихъ страницъ убористаго шрифта. У г. Глаголева соотвѣтственная глава занимаетъ всего 11 маленькихъ страницъ, такъ что изложеніе по необходимости недостаточно подробно и ясно. Достаточно, напримѣръ, указать, что для г. Глаголева не существуетъ вопроса, дѣйствительно ли всякой ирраціональной абсциссѣ соотвѣтствуетъ опредѣленная точка оси или нѣтъ [1]). Между тѣмъ уже давно извѣстно, что утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ представляетъ собою существенно новый постулатъ, характеризующій собою непрерывность прямой линіи.

Укажемъ еще замѣченныя нами погрѣшности въ книгѣ г. Глаголева.

Опредѣленіе скобокъ на стр. 35 мы считаемъ недостаточно яснымъ. Авторъ говоритъ, что: „скобки... употребляютъ для того, чтобы указать, что количества, помѣщенныя между ними, должны разсматриваться какъ одно число". Думаемъ, что слово „между" было бы лучше замѣнить словомъ „внутри", чтобы устранить возможныя недоразумѣнія въ случаяхъ подобныхъ нижеслѣдующему

$$a\,(b+c)+e-(b-c)^2,$$

гдѣ количество помѣщенное между скобками, будетъ e. Кромѣ того, вмѣсто неопредѣленнаго выраженія „должны разсматриваться, какъ одно число" лучше сказать просто, что скобки служатъ для указанія порядка дѣйствій.

Опредѣленіе одночлена на стр. 38 „Алгебраическое выраженіе, въ которое не входятъ знаки + или —, называется одночленомъ" неправильно. Всѣ мы, до сихъ поръ, считали $(a+b)^2$ или $(a-b)^2$ одночленами.

Стр. 73. Авторъ почему-то называетъ алгебраическою дробью только частное отъ дѣленія двухъ многочленовъ, забывая объ одночленахъ. Кромѣ того, напрасно говоритъ, что частное отъ дѣленія A на B выражаютъ въ видѣ $\frac{A}{B}$, когда дѣленіе нацѣло не возможно. Выражаютъ такъ и въ другихъ случаяхъ.

Крупная погрѣшность находится на стр. 75, § 57. Говоря о приведеніи алгебраическихъ дробей къ одному знаменателю, авторъ совсѣмъ смѣшалъ ихъ съ ариѳметическими и пользуется выраженіями,

---

[1]) См. стр. 192.

которыя совершенно понятны для ариѳметическихъ дробей, но не имѣютъ смысла для алгебраическихъ. Онъ говоритъ: „образуемъ алгебраическое выраженіе, которое дѣлилось бы на каждаго знаменателя. Если такое выраженіе *наименьшее* изъ *всевозможныхъ*, то оно называется наименьшимъ кратнымъ знаменателей данныхъ дробей". Что это значитъ „наименьшее изъ всевозможныхъ"?

На стр. 77 авторъ даетъ невѣрную теорему: если имѣемъ рядъ равныхъ дробей, то можно получить дробь, равную даннымъ дробямъ, складывая *измѣненные* числители и дѣля на сумму одинаково измѣненныхъ знаменателей". А если, напримѣръ, „измѣненіе" будетъ состоять въ томъ, что каждаго числителя и знаменателя возведемъ въ квадратъ?

Стр. 95. Авторъ ставитъ задачу „найти условіе, при которомъ цѣлый относительно x многочленъ дѣлился бы безъ остатка на другой цѣлый относительно x многочленъ" и сначала даетъ правильное рѣшеніе, указывая, что всѣ коэффиціенты остатка должны равняться нулю, а потомъ начинаетъ говорить о томъ, что для этого необходимо „не болѣе n условій", если дѣлитель степени n. Не „не болѣе", а *ровно n* условій.

Стр. 107. При разложеніи многочленовъ на множители авторъ дѣлаетъ крупную ошибку, говоря о выдѣленіи множителя вида x—a изъ многочлена

$$Ax^n + Bx^{n-1} + \ldots + N,$$

именно, онъ утверждаетъ, что $\frac{N}{A}$ должно дѣлиться на *a*. Прежде всего это выраженіе не имѣетъ смысла, если *a* не цѣлое число. Во-вторыхъ, ограничиваясь даже цѣлыми числами, это положеніе невѣрно, что видно изъ разложенія слѣдующаго многочлена:

$$2x^2 - 5x + 2 = (x - 2)\ (2x - 1)$$

гдѣ $\frac{N}{A}$, т. е. 1, не дѣлится на 2, а тѣмъ не менѣе x—2 есть множитель многочлена.

Стр. 111. Авторъ голословно утверждаетъ, что при всякомъ положительномъ A существуетъ $\sqrt[n]{A}$, гдѣ n цѣлое число. А какъ же онъ сталъ бы это доказывать, если бы его объ этомъ спросили?

Стр. 139. „Квадратъ степени числа получимъ *удваивая эту степень*". Конечно, удваивается не степень, а показатель степени.

Статья объ извлеченіи корня квадратнаго изъ чиселъ вызываетъ

не мало возраженій. Начиная излагать въ § 90 обычный способъ извлеченія квадратнаго корня изъ цѣлыхъ чиселъ, авторъ забываетъ сказать, что онъ будетъ искать только корень съ точностью до единицы. Въ томъ же § считаетъ очевиднымъ, что число десятковъ корня будетъ корень съ точностью до единицы изъ числа сотенъ вмѣсто того, чтобы это доказать. Подобный же промахъ находится и въ § 93, и въ статьѣ объ извлеченіи кубическаго корня.

Стр. 197, § 124, п. 1 употребляется терминъ „предѣлъ", хотя опредѣленія этому термину не дано.

На той же стр. сказано „Два числа A и B равны между собою, если можно доказать, что разность между ними (A—B) по абсолютной величинѣ меньше, чѣмъ произвольное, какъ угодно малое, число ε". Въ *такой* формѣ утвержденіе автора, очевидно, неправильно: онъ забылъ прибавить условіе, что A и B считаются *постоянными* числами.

Стр. 209, § 132. Изложеніе неясно вслѣдствіи чрезмѣрной краткости: нужно объяснить, почему два данныхъ уравненія можно всегда изобразить въ видѣ

$$A+B=0 \text{ и } A-B=0$$

Стр. 239, задача № 127. Думаемъ, что эта задача будетъ недоступна для учениковъ, такъ какъ они еще не имѣютъ нужныхъ для нея свѣдѣній изъ физики о законѣ Архимеда и удѣльномъ вѣсѣ.

Стр. 240. Не понимаемъ, какимъ образомъ могло появиться изумительное утвержденіе: „Система n уравненій первой степени съ n неизвѣстными допускаетъ рѣшеніе и *притомъ, какъ мы это покажемъ дальше, только единственное*" (!). Само собою разумѣется, что дальше показывается совсѣмъ иное (ср. напр. стр. 248).

Стр. 279. Затрудняемся согласиться съ авторомъ, что „изслѣдовать задачу значитъ найти условія, которымъ должны удовлетворять данныя для того, чтобы задача была возможна". Думаемъ, что при изслѣдованіи задачи имѣется еще въ виду опредѣлить характеръ и число рѣшеній.

Вторая часть алгебры г. Глаголева распадается на двѣ половины совершенно различнаго между собою достоинства. Послѣдняя изъ нихъ— дополнительныя статьи (стр. 405—503) составлена по иностраннымъ источникамъ и по своему изложенію и содержанію стоитъ вполнѣ на уровнѣ современныхъ требованій. Относительно нея можемъ сдѣлать только нѣсколько замѣчаній.

Стр. 406. „Если количество y имѣетъ предѣломъ b, то это значитъ, что оно больше всякаго постояннаго числа, меньшаго b, и меньше всякаго постояннаго числа, большаго b". Такая редакція оставляетъ читателя въ неизвѣстности, считаетъ ли авторъ указанное предложеніе теоремою или же вторымъ опредѣленіемъ понятія о предѣлѣ.

Стр. 407. Когда перемѣнное безпредѣльно возрастаетъ по численной величинѣ, то оно можетъ и не сохранять опредѣленнаго знака, а постоянно переходить отъ + къ —.

Ibid. „Если x безпредѣльно возрастаетъ, то какая-нибудь отрицательная степень x стремится къ нулю". Не „какая-нибудь", а „всякая", какъ и сказано на слѣдующей 408 стр.

Стр. 412. „...доказательство для случая трехъ функцій приложимо и къ случаю нѣсколькихъ функцій, лишь бы только число этихъ функцій было вполнѣ точно опредѣлено". Слѣдовало сказать: если число этихъ функцій не можетъ безпредѣльно возрастать.

Стр. 432. Основное свойство непрерывныхъ функцій слѣдовало бы пояснить хотя бы только геометрически, если ужъ не давать полнаго доказательства.

Стр. 449. „Но, *очевидно*, нельзя сказать, что и обратно, когда функція возрастаетъ при всевозможныхъ значеніяхъ x, лежащихъ въ промежуткѣ (o, b), то функція мѣняется въ томъ же направленіи въ этомъ промежуткѣ, какъ и перемѣнное".

Думаемъ, что это не только не очевидно, но и прямо невѣрно.

Стр. 454. Понятія объ абсолютныхъ и относительныхъ maxima и minima существенно отличаются отъ общепринятыхъ.

Какъ видимъ, большинство изъ указанныхъ погрѣшностей не существенны и легко могутъ быть устранены при слѣдующемъ изданіи.

Что же касается до первой половины книги (стр. 1—404), то въ ней встрѣчается весьма много существенныхъ промаховъ принципіальнаго характера, подобныхъ тѣмъ, которые были указаны при разборѣ первой части. Вообще слѣдуетъ сказать, что принципы науки изложены у г. Глаголева крайне слабо. Есть погрѣшности, которыя уничтожаютъ всю цѣну цѣлаго десятка страницъ. Напримѣръ на стр. 163—171 авторъ даетъ примѣры построенія кривыхъ по ихъ уравненіямъ. Не говоря уже о томъ, что эти построенія совершенно излишни въ курсѣ элементарной алгебры, они всѣ не могутъ быть и доказаны, ибо въ этомъ мѣстѣ курса отсутствуетъ даже понятіе о производной. Авторъ совершенно упускаетъ изъ виду, что при этихъ

построеніяхъ онъ вынужденъ пользоваться множествомъ свѣдѣній, которыхъ ученики еще не имѣютъ. Все это мѣсто производитъ такое впечатлѣніе какъ будто авторъ выписалъ его откуда-то и помѣстилъ въ своей книгѣ, совершенно забывъ, что ученики не подготовлены къ усвоенію этихъ изслѣдованій.

Столь же слабо изложенъ отдѣлъ о теоріи вѣроятностей (стр. 386—398). Съ завиднымъ оптимизмомъ авторъ утверждаетъ (стр. 386), что мы всегда можемъ опредѣлить вѣроятность всякаго событія, которое мы ожидаемъ. Величину вѣроятности авторъ вычисляетъ, прежде чѣмъ дать общее опредѣленіе вѣроятности. Постоянно пропускается упоминаніе, что случаи должны быть „равновозможны. При задачѣ „Какова вѣроятность вынуть бѣлый шаръ прежде краснаго“ (стр. 388) авторъ не считаетъ нужнымъ указать, при сколькихъ выниманіяхъ это нужно сдѣлать, и при разсмотрѣніи рѣшенія оказывается, что авторъ рѣшаетъ совсѣмъ иную задачу, именно „какова вѣроятность, что первый вынутый наудачу шаръ будетъ бѣлымъ, если извѣстно, что онъ долженъ быть или бѣлымъ, или краснымъ“. Понятіе о независимыхъ событіяхъ не опредѣлено, со всѣми послѣдствіями этого упущенія. За то имѣются совершенно ненужныя въ курсѣ алгебры таблицы смертности и рентъ.

Предыдущія замѣчанія относились къ отдѣламъ, которые обыкновенно не входятъ въ курсъ элементарной алгебры. Но и въ другихъ обычныхъ частяхъ курса находится не мало промаховъ.

Стр. 2. Авторъ устанавливаетъ условіе для мнимыхъ чиселъ $(\sqrt{-1})^2 = -1$ и забываетъ прибавить второе, столь же важное, именно, что условились производить дѣйствія надъ мнимыми числами по тѣмъ же правиламъ, какъ и надъ вещественными.

Стр. 4—7. Авторъ три раза рѣшаетъ квадратное уравненіе, когда вполнѣ достаточно и одного раза.

Стр. 10—11. Второй выводъ свойствъ корней квадратнаго уравненія не приложимъ, если корни равны между собою.

Стр. 29. Авторъ говоритъ о сопряженныхъ мнимыхъ корняхъ, не опредѣливъ, что подъ этимъ подразумѣвается.

Стр. 35. Авторъ доказываетъ теорему, что если квадратное уравненіе съ вещественными коэффиціентами имѣетъ корень $m + ni$, то оно будетъ имѣть и сопряженный корень $m - ni$. Эта теорема совершенно излишня, ибо она непосредственно вытекаетъ изъ формулы для рѣшенія квадратнаго уравненія.

Стр. 41—42. Говоря о рѣшеніи квадратнаго уравненія по способу

послѣдовательныхъ приближеній, авторъ совершенно умалчиваетъ о сходимости приближеній.

Стр. 53. Совершенно недопустимыя задачи (№№ 143, 144). Найти величину безконечнаго ряда

$$\sqrt{a+\sqrt{a+\sqrt{\ldots}}}$$

$$\text{или } 2\sqrt{3+2\sqrt{3+\ldots}}$$

Это, во-первыхъ, и не ряды, а, во-вторыхъ, нельзя находить ихъ величину, пока не установлено, что она существуетъ.

Стр. 60. Способъ для освобожденія уравненія отъ корней не устраняетъ возможности, что корни будутъ неограниченно размножаться, и что отъ нихъ никогда не удастся освободиться.

Стр. 69. Совершенно произвольно устанавливаются равенства безъ малѣйшаго обоснованія.

$$\sqrt{A+\sqrt{B}}=\sqrt{x}+\sqrt{y}$$
$$\sqrt{A-\sqrt{B}}=\sqrt{x}-\sqrt{y}$$

Стр. 72. Опредѣленіе возвратныхъ уравненій неправильно и не согласуется съ дальнѣйшимъ (если средній членъ отсутствуетъ, то члены, равно-отстоящіе отъ концовъ, вовсе не должны имѣть противоположные знаки).

Стр. 131. „*Простѣйшій* пріемъ изслѣдованія различныхъ алгебраическихъ выраженій состоитъ въ воплощеніи алгебраическихъ выраженій въ геометрическіе образы и изслѣдованіи послѣднихъ".

Мысль, невѣрная въ самомъ своемъ корнѣ, ибо „геометрическихъ образовъ" нельзя изслѣдовать раньше, чѣмъ будутъ изслѣдованы соотвѣтствующіе „алгебраическія выраженія". Геометрическіе образы" и ихъ изученіе могутъ служить только для иллюстраціи, наглядности аналитическихъ выводовъ, но не для доказательства.

Въ разбираемой второй части удивительно много невѣрныхъ историческихъ указаній. На стр. 133 говорится, что „первая мысль опредѣлять положеніе точки на плоскости посредствомъ двухъ ея координатъ" принадлежитъ Декарту. Между тѣмъ въ настоящее время уже вполнѣ извѣстно, что, не говоря о болѣе отдаленныхъ предшественникахъ (Nicole Oresme, XIV в.) аналитическая геометрія была разработана Петромъ Ферма раньше и полнѣе чѣмъ у Декарта. На стр. 214—215 повторяется обычная ошибка, что число e есть осно-

ваніе логариѳмовъ Непера, на стр. 345 совершенно неправильно утвержденіе, будто формула бинома для цѣлаго показателя была дана впервые Ньютономъ.

Стр. 196 и во многихъ другихъ мѣстахъ:

Теорема. Между двумя числами a и b можно поставить *число m среднихъ геометрическихъ, достаточно большое для того и т. д.*

Стр. 233. Совершенно невѣрное опредѣленіе процента „За единицу для измѣренія интересовъ принимаютъ доходъ съ единицы капитала, т. е. (?) со 100 р., и эта единица дохода называется процентомъ (pro centum)".

Полагаемъ, что единицей для измѣренія „интересовъ" (можно было бы и избѣжать такого варварскаго галлицизма) служитъ тотъ же рубль, франкъ и т. д., какъ и для капитала.

Стр. 264. „Наиболѣе полное изложеніе теоріи непрерывныхъ дробей находимъ у Лагранжа". Автору значитъ неизвѣстно, сколько капитальныхъ изслѣдованій по теоріи непрерывныхъ дробей было сдѣлано послѣ Лагранжа.

Стр. 265. „Къ помощи непрерывныхъ дробей прибѣгаютъ всякій разъ, когда требуется выразить дробное или ирраціональное число, которое нельзя выразить въ цѣлыхъ числахъ". Неужели?

Стр. 279. Въ формулировкѣ теоремы § 107 совершенно напрасно оказалась „непрерывная дробь" вмѣсто просто „дробь".

О безконечныхъ непрерывныхъ дробяхъ говорится безъ всякаго доказательства существованія ихъ величины.

Нѣтъ также и доказательства существованія цѣлыхъ рѣшеній неопредѣленнаго уравненія, когда его коэффиціенты взаимно простыя числа.

Стр. 358. Если дано мнимое число a + bi, то точка M вполнѣ опредѣлена и точно такъ же (?) модуль и аргументъ".

Б. Кояловичъ.

П. Б. Лейберъ. 1) Физика. Курсъ средней школы. Часть I. (Съ 242 рис. въ текстѣ), Москва, 1906 г., V+263 стр. Цѣна 1 р. 25 коп. 2) *То-же.* Часть II. (Съ 228 рис. въ текстѣ), Москва, 1907 г., II+186 стр. Цѣна 85 коп.

Чтеніе этого новаго учебника физики производитъ очень странное впечатлѣніе, такъ что довольно трудно высказать объ немъ, въ сжатой формѣ, опредѣленное мнѣніе Въ немъ какъ-то странно соединены рѣдко встрѣчающіяся, прекрасныя качества съ многочисленными и разнообразными столь дурными сторонами, что приходится сомнѣ-

ваться въ томъ, можетъ ли новый учебникъ, въ настоящемъ его видѣ, служить руководствомъ въ средней школѣ, т. е. для *перваго* ознакомленія учениковъ съ физикою. Прежде всего можно формулировать характеристику учебника такими словами: это учебникъ, подающій большія надежды; иначе говоря: есть поводъ думать, что если авторъ еще много поработаетъ надъ своей книгой, многое измѣнитъ и передѣлаетъ, то, со временемъ, онъ дастъ намъ весьма и весьма хорошій учебникъ.

Начнемъ съ разбора *хорошихъ* качествъ книги г. Лейберга. Этотъ разборъ не можетъ занять много мѣста, такъ какъ приходится ограничиваться общими указаніями, не выписывая цѣлыхъ страницъ для доказательства того или другого положенія. Но эта краткость не должна вызывать впечатлѣнія о маловажности хорошихъ качествъ учебника.

I. Авторъ весьма далекъ отъ всего того, что называется рутиной. Во всѣхъ главахъ видно самостоятельное творчество, далекое уклоненіе отъ почему-то общепринятаго и, иногда какъ нѣкая болѣзнь, безъ измѣненія, рутинно, передаваемаго отъ одного учебника къ другому. Сказанное относится какъ къ выбору матеріала, такъ и къ способу изложенія. Авторъ исключилъ изъ своей книги не мало вопросовъ, обычно разсматриваемыхъ въ учебникахъ, вопросовъ, ничего особенно поучительнаго не представляющихъ. Но рядомъ съ этимъ авторъ помѣстилъ большое число вопросовъ, обычно не включаемыхъ въ курсъ средней школы. Выборъ матеріала для этихъ добавленій можно назвать превосходнымъ; добавленное дѣйствительно можетъ служить расширенію и углубленію познаній учащихся.

Совершенною новизною—для элементарнаго учебника—является значительная часть выводовъ, встрѣчающихся въ учебникѣ г. Лейберга. Эти выводы проще, изящнѣе и, что весьма важно, ближе къ методамъ серьезной науки, чѣмъ выводы обычные. Достаточно указать, напримѣръ, на статью объ оптическихъ стеклахъ, которыя авторъ при построеніяхъ и выводахъ замѣняетъ одной прямой, перпендикулярной къ главной оптической оси.

II. Многія статьи изложены образцово; между ними попадаются и такія, въ которыхъ составители учебниковъ обычно терпятъ крушеніе. Формулировка опредѣленія физическихъ величинъ во многихъ случаяхъ строго научная. Какъ примѣры хорошихъ изложеній укажемъ на статью о возникновеніи звуковыхъ волнъ, объ оптическомъ центрѣ стеколъ, о массѣ и др.

III. Авторъ отмѣтилъ одной звѣздочкой статьи, которыя при первомъ прохожденіи курса могутъ быть пропущены и пройдены при повтореніи; двумя звѣздочками отмѣчены статьи, требующія знанія тригонометріи или дополнительныхъ вопросовъ изъ алгебры; наконецъ, знакомъ (°) указаны статьи, въ которыхъ трактуется о болѣе второстепенныхъ вопросахъ. Всѣ эти указанія въ значительной степени облегчаютъ задачу преподавателя.

IV. Невысокая цѣна и раздѣленіе всей книги на двѣ отдѣльныя части также говорятъ въ ея пользу.

Къ величайшему сожалѣнію, мы находимъ, однако, рядомъ съ несомнѣнными достоинствами, и весьма значительное число очень крупныхъ недостатковъ, которые мы теперь и разсмотримъ.

I. *Чисто научныя ошибки*, иногда не постижимыя, и, во всякомъ случаѣ, совершенно не допустимыя въ элементарномъ учебникѣ. Эти ошибки мы прежде всего и перечислимъ. Начнемъ съ первой части.

Стр. 108. Желая объяснить горизонтальность поверхности покоющейся въ жидкости, авторъ говоритъ: „Сила же F заставляетъ частицу скользить внизъ по поверхности". Это невѣрно! никакого скольженія не можетъ быть, уже потому, что частица лежитъ не *на*, а *подъ* поверхностью. И фактически частица движется не по касательной къ поверхности, но *вертикально внизъ*: приподнятая часть жидкости опускается, другая—поднимается.

Стр. 167. „Что расширеніе ртути должно идти также равномѣрно съ температурой, слѣдуетъ уже изъ того, что самые градусы температуры мы опредѣляемъ по расширенію ртути въ термометрѣ, стеклянныя стѣнки котораго также равномѣрно расширяются при повышеніи температуры". Во-первыхъ, ртуть и стекло расширяются далеко не равномѣрно и, кромѣ того, по различнымъ законамъ; во-вторыхъ, въ хорошихъ ртутныхъ термометрахъ градусы вовсе не соотвѣтствуютъ равнымъ объемамъ внутри капиллярныхъ трубокъ; въ-третьихъ, градусы опредѣляются не измѣненіями объема ртути, а измѣненіями давленія водорода. Все это тонкости, о которыхъ, конечно, можно и умолчать въ элементарномъ учебникѣ. Но зачѣмъ учить завѣдомо невѣрному?

Стр. 173. Авторъ говоритъ о лучахъ тепла, которые испускаются пылающимъ углемъ вмѣстѣ съ лучами свѣта! „Эти лучи поглощаются кожею нашего лица, отчего (!) и производитъ тепловое дѣйствіе". Далѣе: „Солнечная теплота достигаетъ земли тоже благодаря лучеиспусканію солнца и теплопрозрачности междупланетнаго пространства".

Во второй части стр. 77 и 78 читаемъ: „Солнце и раскаленные угли вмѣстѣ съ свѣтомъ испускаютъ и теплоту". „Итакъ, тѣ самые лучи, которые на нашъ глазъ производятъ впечатлѣніе свѣта, несутъ съ собою и тепло, лишь въ различной степени. Наибольшее поднятіе температуры замѣчается... внѣ спектра въ сторонѣ красныхъ лучей". Непостижимо, какимъ образомъ все это могло попасть въ учебникъ г. Лейберга! Очевидно, что учащійся вынесетъ совершенно ложное представленіе о сущности дѣла, которая такъ проста, и изложить которую въ правильномъ видѣ такъ легко. Отмѣтимъ еще особую ошибку: мѣсто наибольшей энергіи зависитъ отъ температуры тѣла и для солнечнаго спектра, о которомъ говоритъ авторъ, оно находится не въ инфракрасной, а въ желтой части спектра.

Стр. 178—184 и 211. Авторъ проводитъ повсюду странное представленіе о скрытой теплотѣ (испаренія, плавленія), какъ о теплотѣ, переходящей въ какое-то особенное связанное состояніе, но, очевидно, не перестающей быть теплотою. Приведемъ для доказательства нѣсколько цитатъ. Стр. 178: „Та теплота, которая поглащается при превращеніи льда въ воду при неизмѣнной температурѣ, является какъ бы скрытой или связанной образовавшейся жидкостью". На морозѣ „эта связанная теплота будетъ освобождаться (!)". То же самое на стр. 184 относительно испаренія. Ясно, что здѣсь идетъ рѣчь не о переходѣ теплоты въ другую, въ данномъ случаѣ даже потенціальную форму энергіи, а о переходѣ ея въ особое, связанное состояніе. Разсуждая такъ, мы должны, напримѣръ, энергію вращающагося махового колеса паровой машины также считать за связанную теплоту, которая при треніи оси колеса „освобождается", да и вообще *всѣ формы энергіи* разсматривать какъ связанныя теплоты, несомнѣнно могущія „освобождаться". И такой невѣрный взглядъ подтверждается словами автора (стр. 211): „дрова или каменный уголь обладаютъ „скрытой" тепловой энергіей". Но тогда всякое движущееся тѣло, приподнятый грузъ, скрученная пружина, заряженная Лейденская банка и т. д. обладаютъ скрытой тепловой энергіей!

Стр. 227—230. Это самое ужасное мѣсто въ книгѣ г. Лейберга! Рѣчь идетъ о молекулярной гипотезѣ и о кинетической теоріи вещества. Здѣсь мы имѣемъ одну сплошную фантасмагорію, неизвѣстно откуда почерпнутую авторомъ. Всѣ приводимыя авторомъ доказательства существованія молекулъ (стр. 227) абсолютно ничего не доказываютъ—это сплошное недоразумѣніе! Но еще ужаснѣе стр. 228—230. Авторъ говоритъ, что сцѣпленіе „совершенно естественно объяс-

няется закономъ всеобщаго тяготѣнія", что въ твердыхъ тѣлахъ частицы имѣютъ только колебательное движеніе, въ жидкостяхъ прибавляется движеніе вращательное, а въ газахъ молекулы обладаютъ, кромѣ колебательнаго (!) и вращательнаго, еще и поступательнымъ движеніемъ (стр. 229). Скрытая теплота плавленія израсходуется на пріобрѣтеніе вращательнаго, а скрытая теплота испаренія—на образованіе поступательнаго движенія!! Въ обоихъ случаяхъ скрытая теплота переходитъ, слѣдовательно, въ энергію кинетическую! Итакъ энергія поступательнаго движенія газовыхъ частицъ происходитъ изъ скрытой теплоты испаренія.

Часть II, стр. 71. „Впервые полосы эти наблюдались Фраунгоферомъ, который насчиталъ ихъ 8". Впервые наблюдалъ полосы Дэви, а Фраунгоферъ первый ихъ подробно изучилъ, насчитавъ многія сотни.

Стр. 77. Авторъ утверждаетъ, что пятно въ фотометрѣ Бунзена исчезаетъ, когда освѣщенія отъ обоихъ источниковъ тожественны. Это невѣрно! пятно можетъ исчезнуть только съ какой-либо одной стороны, и въ этомъ случаѣ освѣщенія отнюдь не тожественны. При равенствѣ освѣщеній пятно съ обѣихъ сторонъ видно и притомъ одинаково темнымъ.

Стр. 141. Авторъ ошибочно утверждаетъ, что газы, выдѣлившіеся въ приборѣ рис. 168, исчезаютъ при пропусканіи тока въ обратномъ направленіи.

II. Помимо указанныхъ въ предыдущемъ чисто научныхъ ошибокъ, мы находимъ въ учебникѣ г. Лейберга весьма большое число болѣе мелкихъ ошибокъ, неточностей и разнаго рода промаховъ. Перечислить ихъ всѣхъ нѣтъ никакой возможности; приходится ограничиться малою ихъ частью.

Стр. 12. Авторъ полагаетъ, что абсолютною системою единицъ называется только C. G. S. система. Это невѣрно, ибо, напримѣръ, система Гаусса (мм., мгр., сек.), очевидно, тоже абсолютная (vis magnetica ad mensuram *absolutam* revocata!).

Стр. 15. При опредѣленіи условія возникновенія равноускореннаго движенія не указано, что постоянная сила должна дѣйствовать по направленію движенія.

Стр. 20. При опредѣленіи единицы массы „граммъ" не указано, что температура воды должна равняться 4°.

Стр. 22. „Такъ какъ возрастаніе скорости шло равномѣрно, то *естественно предположить,* что наше тѣло прошло какъ разъ такой путь и т. д.". Что значитъ „естественно предположить"? Если это

„предположеніе", то спрашивается: а что, если оно невѣрно? Въ дѣйствительности здѣсь нѣтъ никакого предположенія.

Стр. 24 и 28. Здѣсь слѣдовало дать формулы $v = \sqrt{2as}$, $v = gt$ и $v = \sqrt{2gh}$, которыя появляются на стр. 68 и 72.

Стр. 27. Описаніе опытовъ съ машиною Атвуда не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, что весьма опасно для учащихся, которые сбиваются съ толку, когда имъ приходится видѣть этотъ приборъ въ дѣйствіи. Отчего не сказать о треніи и о добавочномъ грузѣ, необходимомъ для полученія *равномѣрнаго* движенія?

Стр. 34: „Газъ, развивающійся при воспламененіи пороха, давитъ на ядро; послѣднее, въ свою очередь, давитъ обратно на газъ, и давленіе это передается орудію". Почему же газъ, давя на ядро, не давитъ въ то же время и непосредственно на орудіе?

Стр. 69. Вопросъ о сохраненіи энергіи трактуется въ немногихъ строкахъ, да еще въ статьѣ (55-ой) со звѣздочкой; между тѣмъ авторъ, напр. на стр. 151, пользуется матеріаломъ этой статьи, и притомъ въ статьѣ (114-ой) безъ звѣздочки.

Стр. 69. „Если въ исходной точкѣ потенціальную энергію считаемъ равной нулю, то ниже этой точки должны считать ее отрицательной". Энергія, по самому существу своему, есть величина положительная.

Стр. 91. Сила тяжести на полюсахъ больше, чѣмъ на экваторѣ, потому что полюсы ближе къ центру земли.

Стр. 94 и часть II, стр. *2.* Размахъ колебанія названъ амплитудой; но амплитуда есть полуразмахъ.

Стр. 96. „Колебанія нашего маятника будутъ происходить въ одной плоскости въ томъ случаѣ, если мы, отклонивъ его, выпустимъ изъ рукъ, не сообщая толчка". Очевидно, невѣрно: и при толчкѣ возможно колебаніе въ одной плоскости.

Стр. 108. „Благодаря несжимаемости жидкости и способности ея заполнять пространство безъ видимыхъ промежутковъ, мы можемъ быть увѣрены, что въ данный сосудъ до нѣкоторой высоты входитъ всегда вполнѣ опредѣленное количество данной жидкости".

При чемъ тутъ несжимаемость? И для сжимаемой жидкости мы получимъ всегда одинаковое количество, если будемъ ее наливать „въ данный сосудъ до нѣкоторой (т. е. тоже данной) высоты".

Стр. 114. „Тѣло, представляющее изъ себя очень тонкую площадку (пластинку?), испытываетъ внутри жидкости съ обѣихъ сто-

ронъ одинаковыя давленія". Такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о законѣ Паскаля, т. е. о передачѣ давленія, дѣйствующаго извнѣ на жидкость, то непонятно, почему пластинка должна быть очень тонкой, особенно если она расположена вертикально, тѣмъ болѣе, что о вліяніи тяжести самой жидкости говорится лишь въ слѣдующей статьѣ.

Стр. 169. По мнѣнію автора, опытъ учитъ насъ, что теплоемкость воды не зависитъ отъ температуры. Въ элементарномъ учебникѣ можно не упоминать о томъ, что теплоемкость воды весьма замѣтно зависитъ отъ температуры (минимумъ около 35°); но зачѣмъ же утверждать обратное, завѣдомо ложное?

Стр. 194. „Для превращенія жидкости въ паръ мы знаемъ три способа: 1) нагрѣваніе жидкости, 2) уменьшеніе давленія и т. д. и 3) совмѣстное дѣйствіе нагрѣванія и разрѣженія". Соединеніе двухъ способовъ отнюдь не представляетъ третьяго способа.

Стр. 213—214. Авторъ говоритъ объ „аккумуляторахъ холода" и утверждаетъ, что „запасомъ холода обладаетъ всякая жидкость, могущая испаряться въ атмосферѣ".

Стр. 224. Сжатіе, происходящее при смѣшеніи воды и спирта авторъ разъясняетъ указаніемъ такого рода: „Подобный опытъ мы могли бы сдѣлать и съ сыпучими тѣлами: смѣшавши мѣру картофеля и мѣру ржи, увидѣли бы, что смѣсь занимаетъ объемъ, меньшій двухъ мѣръ и т. д." Весьма неудачное сравненіе!

Стр. 240. Разъяснивъ, что водородъ получается при дѣйствіи натрія на воду, авторъ говоритъ, что „водородъ можно получить и съ помощью другихъ металловъ, напр., аллюминія, желѣза или цинка, если вмѣсто чистой воды взять воду, подкисленную сѣрной кислотой". И никакихъ, по крайней мѣрѣ здѣсь, разъясненій!

Укажемъ еще на нѣкоторые изъ промаховъ, встрѣчающихся во второй части учебника.

На стр. 17 авторъ даетъ формулу для времени колебанія струны, но не указываетъ, какими единицами должны измѣряться величины, входящія въ эту формулу, такъ что ученикъ врядъ ли сумѣетъ вычислить T для данной струны.

Стр. 32: „... мы имѣемъ взаимное ослабленіе или интерференцію". Въ дѣйствительности, интерференціей называется всякое соединеніе двухъ или нѣсколькихъ колебаній, безразлично, получится ли въ результатѣ ослабленіе или усиленіе.

Стр. 61 и *62.* Разсматривая различные случаи построенія изо-

браженій въ стеклахъ, и формулируя результатъ, авторъ нигдѣ не указываетъ на полученіе прямого или обратнаго изображенія.

Стр. 90. „Нормальнымъ глазомъ считается такой, который можетъ видѣть вполнѣ отчетливо и безконечно удаленные предметы, напр. звѣзды". Это невѣрно; дальнозоркій глазъ отчетливо видитъ звѣзды, но нормальнымъ его назвать нельзя.

Стр. 101. Разсматривая магниты, авторъ вовсе не упоминаетъ о магнитной оси, значеніе которой, однако, весьма велико. На той же страницѣ авторъ говоритъ о магнитѣ, подвѣшенномъ на нити, или плавающемъ по водѣ. „Такой подвижной магнитъ называется компасомъ". Отъ компаса требуется, однако, большаго, чѣмъ можетъ дать отдѣльно взятый, плавающій или подвѣшенный магнитъ.

Стр. 138. Авторъ описываетъ опытъ пропусканія электрическаго тока черезъ растворъ сѣрной кислоты въ водѣ и говоритъ: „Итакъ, мы имѣемъ здѣсь разложеніе воды". Остается не выясненнымъ, какую роль тутъ играетъ сѣрная кислота, а указаніе (стр. 137), что чистая вода не проводитъ тока, должно навести на невѣрную мысль, что кислота служитъ только для достиженія проводимости току.

Стр. 145, 150 и 151. Авторъ опредѣляетъ (стр. 145) электродвижущую силу только какъ разность потенціаловъ на концахъ проводника. Безъ всякаго дальнѣйшаго разъясненія авторъ говоритъ затѣмъ объ *источникахъ* тока, обладающихъ большой электродвижущей силой (стр. 150), и объ электродвижущей силѣ элемента (стр. 151). Это основное понятіе остается такимъ образомъ совершенно не выясненнымъ.

Весьма удачно пользуется авторъ терминомъ „на мгновенье", обычно обозначающимъ очень малый, но конечный промежутокъ времени. Мы читаемъ: „... по достиженіи предѣльной высоты скорость его (брошеннаго вверхъ камня) на мгновенье становится равной нулю" (ч. I стр. 38); „тѣло теряетъ на мгновенье всю кинетическую энергію (стр. 68)"; колеблющаяся пластинка, дойдя до крайняго положенія, „на мгновенье останавливается" (ч. II, стр. 1).

Указанные нами болѣе мелкіе промахи, конечно, нельзя назвать сколько-нибудь существенными, но значительное ихъ число—мы привели лишь часть—всетаки портитъ книгу.

III. Переходимъ къ указанію дальнѣйшаго, уже весьма существеннаго недостатка: чрезмѣрная, во многихъ мѣстахъ, краткость и, какъ намъ кажется, совершенно непреодолимая *для учащихся* трудность способа изложенія очень многихъ вопросовъ. Мѣстами кажется, что

имѣешь передъ собою не учебникъ для не имѣющихъ, пока, еще никакого понятія о предметѣ, но повторительный конспектъ для лицъ, хорошо знакомыхъ съ физикою. Читая, невольно спрашиваешь себя: для кого это писано? Неужели учащійся хоть что-либо пойметъ? И такія мѣста встрѣчаются въ перемежку съ образцово, иногда художественно изложенными статьями!

Доказать сказанное не легко, ибо пришлось бы выписывать цѣлыя страницы. Приходится ограничиваться указаніемъ тѣхъ мѣстъ, которыя не годятся для начинающихъ.

Авторъ самъ указываетъ въ предисловіи, что „выясненіе размѣра физическихъ величинъ не дается explicite, но при желаніи преподавателя легко можетъ быть сдѣлано учениками". Сомнительно! Формулы размѣровъ слѣдовало, или вовсе не приводить, или объяснить, что далеко не „легко". Вѣдь стр. 22 и 30 не могутъ быть совсѣмъ опущены; какой же смыслъ придастъ ученикъ страннымъ сочетаніямъ вродѣ гр. × сант.: сек.[2], если преподаватель не сочтетъ нужнымъ, или даже возможнымъ входить въ разъясненія? На стр. 30 авторъ разсматриваетъ вышеприведенное сочетаніе даже какъ „наименованіе" единицы. Это вѣрно, но, чтобы это понять, нуженъ очень длинный путь, пройти который дѣло университета.

Стр. 40. Разсмотрѣвъ слагаемыя скорости наклонно брошеннаго тѣла, авторъ продолжаетъ: „Въ каждой точкѣ пути истинная скорость направлена по касательной къ нашей кривой (параболѣ!), *что согласно* съ опредѣленіемъ скорости перемѣннаго движенія (см. § 11)". Выходитъ, какъ будто изъ предыдущаго *слѣдуетъ*, что скорость направлена по касательной, и что этимъ подтверждается что-то, ранѣе указанное. Какъ же ученику, незнакомому со свойствами параболы, понять это мѣсто?

Трудны для учащихся стр. 62—63 (о работѣ полезнаго сопротивленія), стр. 66 (вычисленіе мощности на основаніи измѣреній съ нажимомъ Prony), стр. 72—73 (клинъ), стр. 82—83 (центростремительная сила), стр. 86—87 и 89 (свободная ось вращенія), стр. 116 (давленіе жидкости на дно сосуда), стр. 119 (говорится о давленіи воздуха, еще не пройденномъ учениками), стр. 146 (Маріоттовъ сосудъ, безъ всякихъ разъясненій). Стр. 155: „Архимедовъ винтъ (рис. 172) и пароходный винтъ (рис. 173) можно разсматривать, какъ обращенія турбины". Рядомъ два плохихъ рисунка и больше ни слова! Для кого это замѣчаніе, любопытное для знакомыхъ съ предметомъ? Что эти строчки дают учащимся?

Далѣе: стр. 181 (кріогидраты), стр. 208—209 (калорическая машина), стр. 210 (машина Линде), стр. 215 (эксцентрикъ), стр. 223 (поверхностное натяженіе и капиллярность—особенно плохо и непонятно изложено), стр. 236 („щелочныя свойства" безъ объясненія).

Во второй части отмѣтимъ слѣдующія мѣста: стр. 12—13 (стоячія волны), стр. 84—85 (поляризація и двойное преломленіе — одна страница и семь строчекъ!), стр. 93 (панорамное стекло), стр. 96 (трубка Кеплера), стр. 118 (теорія машины Уимшерста!), стр. 121 (объ электроемкости), стр. 122—123 (то же самое), стр. 166 (кольцо, двигатель и динамо Грамма), стр. 171—172 (трехфазный токъ и двигатели перемѣннаго тока), стр. 180—181 (электрическіе лучи). Послѣдніе два примѣра особенно характерны: сложнымъ вопросамъ посвящены двѣ страницы, изъ которыхъ учащійся абсолютно ничего не вынесетъ. Для кого это писано?

IV. Рисунки, особенно во второй части, оставляютъ желать многаго. Буквы мѣстами слишкомъ малы, а значки при нихъ почти не видны. Есть рисунки ненужные, ровно ничего не говорящіе учащемуся. Мы уже упомянули о пароходномъ винтѣ (ч. I стр. 155); другіе примѣры представляютъ во второй части рис. 211 (стр. 167), рис. 214 (стр. 170) и въ особенности рис. 217 (стр. 172). Съ другой стороны дано описаніе глаза (ч. II, стр. 88) совсѣмъ безъ рисунка.

О. Хвольсонъ.

***Бруэръ** (Rev. D-r. G. Brewer). **Обыденныя явленія природы и жизни. Путеводитель къ научному познанію (въ вопросахъ и отвѣтахъ). Переводъ съ англійскаго 46-го изданія *Л. Богушевскаго*. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и Москва. Годъ не обозначенъ; IV+306 стр., цѣна 1 р. 25 коп.**

Въ 1848 г. появилась въ Англіи книга *Brewer'* а подъ заглавіемъ „A Guide to the scientifique knowledge of Things familiar", содержавшая около 2.000 вопросовъ и отвѣтовъ, относящихся къ разнаго рода явленіямъ окружающей насъ природы. Она должна была служить пособіемъ для родителей и, вообще, для старшихъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда къ нимъ обращаются дѣти съ соотвѣтствующими вопросами. Эта книга имѣла огромный успѣхъ; изъ предисловія къ 46-ому изданію усматривается, что книга разошлась въ 300,000 экземплярахъ.

Вся книга раздѣлена на двѣ части. Первая часть (стр. 2—158) содержитъ 17 главъ, посвященныхъ, почти исключительно, тепловымъ явленіямъ. Хотя здѣсь говорится и объ электричествѣ, о громѣ и молніи и о дѣйствіяхъ химическихъ, однако и эти явленія раз-

сматриваются, главнымъ образомъ, въ связи съ явленіями тепловыми. Вторая часть (стр. 159—278) содержитъ слѣдующія 11 главъ: Воздухъ, Углекислота, Углеводородъ, Фосфористый водородъ, Вѣтеръ, Барометръ, Снѣгъ, Градъ и Дождь, Вода, Ледъ, Свѣтъ, Звукъ.

Огромный успѣхъ этой книги въ Англіи не можетъ не вызвать большого удивленія ввиду ея многочисленныхъ недостатковъ.

Мы не останавливаемся на вопросѣ о выборѣ матеріала, такъ какъ онъ не можетъ не представляться спорнымъ. Замѣтимъ только, что въ началѣ 20-го вѣка слѣдовало бы въ подобной книгѣ помѣстить вопросы, относящіеся къ дѣйствіямъ электрическаго тока. Неужели ребенокъ не поставитъ вопросовъ, относящихся къ телеграфу, къ телефону, къ электрическому освѣщенію, къ электрическимъ звонкамъ, къ электрическимъ трамваямъ и т. д.?

Въ книгѣ нѣтъ вопросовъ астрономическихъ, хотя бы относящихся къ смѣнѣ дня и ночи, къ смѣнѣ временъ года, къ измѣненіямъ продолжительности дня и ночи, къ фазамъ луны и т. под. Намъ представляется, что многіе вопросы врядъ ли дѣтьми будутъ поставлены и что многіе отвѣты далеко выходятъ за рамки того, что дѣтьми можетъ быть понято, напр. объясненіе происхожденія радуги (первой и даже второй!) на стр. 264—266, или указаніе на частицы и атомы (во многихъ мѣстахъ, напр. на стр. 20) и т. д.

Все это вопросы, о которыхъ можно спорить. Поэтому мы перейдемъ къ безспорнымъ недостаткамъ.

I. Большое число отвѣтовъ не вѣрны. Эти отвѣты отчасти вполнѣ фантастичны, отчасти не соотвѣтствуютъ современнымъ взглядамъ на явленія. Вполнѣ опредѣленные отвѣты даны на большое число вопросовъ, которые до сихъ поръ наукою вовсе не разрѣшены.

II. Въ изобиліи встрѣчаются, если можно такъ выразиться, *гуртовыя ошибки*. Авторъ исходитъ изъ нѣкотораго основного положенія, пользуясь которымъ, онъ и отвѣчаетъ на рядъ вопросовъ. Но основное положеніе не вѣрно, а потому не вѣрны и всѣ тѣ, иногда десятки отвѣтовъ, которые даетъ авторъ.

III. Въ русскомъ переводѣ встрѣчаются ошибки, отсутствующія въ англійскомъ оригиналѣ. Странно также, что въ русскомъ изданіи попадаются какъ русскія, такъ и англійскія мѣры, напр., версты и мили (стр. 89).

Укажемъ на *главнѣйшіе* изъ встрѣчающихся въ книгѣ промаховъ.

Уже въ Введеніи встрѣчаемъ такіе вопросы (В.) и отвѣты (О).

В. Какъ *называется* токъ тепла отъ теплаго тѣла къ холодному?

О. Теплородъ. Такъ *называется* дѣятель, производящій ощущеніе тепла.

Здѣсь поражаетъ сама формулировка: двѣ различныя вещи (токъ тепла и дѣятель) имѣютъ одно названіе. Оказывается, что въ оригиналѣ сказано „What is the stream of heat и т. д?“ т. е. „что представляетъ изъ себя потокъ тепла и т. д.?“ Кромѣ того, введеніе понятія о теплородѣ, какъ объ агентѣ и т. д., представляло уже въ 1848 г. анахронизмъ! Слово энергія во всей книгѣ не встрѣчается, и вообще нѣтъ и намека на всѣ тѣ, связанные съ понятіемъ объ энергіи, вопросы, которые, уже втеченіе 60-ти лѣтъ, составляютъ основу всякаго правильнаго разъясненія окружающихъ насъ явленій.

Глава II. Электричество. Громъ и молнія (стр. 3—21):

Стр. 3. В. Сколько существуетъ родовъ молніи?

О. Существуетъ 2 рода электричества, а потому и два рода молніи (!).

Стр. 4. В. Откуда возникаетъ электричество, скопляющееся на облакахъ.?

О. Источниками электричества является: 1—испареніе воды съ земной поверхности; 2,—химическіе процессы, имѣющіе мѣсто на землѣ и въ атмосферѣ; 3,—вѣроятное треніе потоковъ воздуха.—Все это не вѣрно.

На той же страницѣ (а, также на стр. 10) частые удары молніи въ деревья, башни и даже человѣка объясняются только уменьшеніемъ разстоянія, проходимаго молніей. О скопленіи индуктированнаго электричества на выступающихъ предметахъ нѣтъ ни слова.

На стр. 5 дано объясненіе возникновенія шаровидной молніи.

Стр. 8. В. Почему молнія обыкновенно сопровождается проливнымъ дождемъ?

О. Потому что она производитъ перемѣну въ физическомъ состояніи воздуха, который становится не въ состояніи содержать паровъ воды такъ много, какъ раньше и т. д.

В. Почему молнія обыкновенно сопровождается порывами вѣтра?

О. Потому что физическое состояніе воздуха нарушается при проходѣ молніи, и вѣтеръ есть результатъ этого нарушенія.

Стр. 10. „Вода есть хорошій проводникъ электричества“.

На стр. 13 и 14 сказано, что пары, поднимающіеся надъ толпою, или надъ стадомъ, увеличиваютъ электропроводность воздуха. На стр. 16 читаемъ, что „электричество не должно нагрѣвать хорошій проводникъ“, а на стр. 17, что „молнія производитъ измѣненія въ

электрическомъ состояніи молока, вслѣдствіе чего сложное органическое вещество разлагается и становится кислымъ".

На стр. 18 сказано, что частица азотной кислоты состоитъ изъ одного атома азота и 5 атомовъ кислорода, и приведена формула $N\,O_5$.

Стр. 20. В. Почему стволъ дерева часто совершенно расщепляется молніей? О. Потому что дерево представляетъ препятствіе для движенія электрической искры, которая механически раскалываетъ его.

В. Почему деревья поражаются молніей не одинаково часто? О. Потому что въ различныхъ породахъ дерева содержится не одинаковое количество жирныхъ маслъ, а жирныя масла представляютъ большое сопротивленіе электричеству.

Мы привели лишь нѣсколько примѣровъ странныхъ отвѣтовъ, встрѣчающихся въ главѣ II. Замѣтимъ, что на стр. 3 и 6 помѣщены одинаковые вопросы „что такое громъ?", но даны различные отвѣты. Произошло это оттого, что "thunderstorm" переведено „громъ"! Весьма характеренъ терминъ „магнетическій" на стр. 21.

Глава III. Химическія дѣйствія. Почти все, что относится къ чисто химическимъ явленіямъ, не вѣрно.

Стр. 22. В. Почему холодная вода, смѣшанная съ негашенною известью, даетъ большое количество тепла?

Въ отвѣтѣ сперва говорится, что вода превращаетъ известь въ гидратъ окиси; далѣе читаемъ: „Вода же выдѣляетъ ту теплоту, какая въ ней была, чтобы удержать ее въ жидкомъ состояніи". Иначе говоря: теплота реакціи равна скрытой теплотѣ плавленія льда! То же самое повторено на стр. 184. На стр. 24 та же основная мысль выражена еще отчетливѣе:

В. Почему при горѣніи образуется теплота?

О. Черезъ химическія дѣйствія. Подобно тому какъ *скрытая* теплота освобождается при смѣшеніи извести съ водою, точно также освобождается скрытая теплота при процессѣ горѣнія.

Фосфорный ангидритъ названъ фосфорной кислотой (стр. 16 и 94), углекислый газъ—углекислотою.

Стр. 30. В. Почему каменный уголь считается такимъ хорошимъ топливомъ? О. Потому что онъ содержитъ большое количество углерода и водорода (?) въ удобномъ и плотномъ состояніи.

Стр. 31. В. Что такое щелочная *соль*?

О. Вещество, могущее нейтрализовать кислоты.

На стр. 33 мы узнаемъ, что *существуютъ* двѣ теоріи свѣта—Ньютона и Гюйгенса.

Къ ошибкамъ, которыя мы назвали гуртовыми, относится строгое раздѣленіе испусканія свѣта и тепла, проведенное черезъ всю книгу. На стр. 33 сказано, что фосфорическія тѣла свѣтятся, но не испускаютъ при этомъ тепла, а на стр. 35 читаемъ, что солнечные лучи состоятъ изъ трехъ родовъ лучей: свѣтовыхъ, тепловыхъ и химическихъ.

Стр. 34. В. Почему желтое пламя ярче краснаго? О. Потому что желтые лучи производятъ большее количество свѣта (!!), чѣмъ красные.

Стр. 36. В. Почему во время оттепели огонь горитъ менѣе сильно, чѣмъ въ морозное время? О. Потому что во время оттепели воздухъ насыщается парами, вслѣдствіе чего онъ движется медленнѣе, и слишкомъ разрѣженъ, чтобы интенсивно поддерживать горѣніе.

Стр. 38. В. Почему малое количество воды, прилитое къ огню, еще болѣе усиливаетъ его теплоту, тогда какъ большое количество воды совсѣмъ тушитъ его? О. Потому что малое количество воды быстро обращается въ паръ, который увеличиваетъ теплоту огня; но если вода будетъ прилита въ слишкомъ большомъ количествѣ, то она не обратится вся въ паръ и потушитъ огонь.

Стр. 39. В. Почему дерево можетъ загорѣться, если его и не приводить въ соприкосновеніе съ огнемъ? О. Потому что отъ жары начинаетъ выдѣляться водородъ изъ дерева, а воспламененіе этого газа зажигаетъ и дерево.

Въ главѣ V, стр. 52 читаемъ: В. Почему внутренняя часть пламени свѣчи кажется пустою? О. Потому что она наполнена невидимыми парами воды (!), поднимающимися отъ свѣчи вслѣдстіе жара и т. д. Въ оригиналѣ сказано: „Because it is filled with invisible vapour" и т. д.

Глава VII и VIII. Читаемъ: „Въ природѣ никакая сила не создается и не пропадаетъ, а лишь превращается одна въ другую (стр. 67)"; „...механическая сила движенія превращается въ теплоту (стр. 67)"; „сила движенія переходитъ въ треніе осей колесъ, которыя нагрѣваются (стр. 69)".

Стр. 70. В. Почему два куска льда при треніи одинъ о другой таютъ? О. Потому что сила тренія переходитъ въ теплоту, которая и заставляетъ таять ледъ.

Въ оригиналѣ: Because force is employed in rubbing и т. д.

На стр. 71 читаемъ: „часть силы уходитъ на сопротивленіе тренію"; въ оригиналѣ: „part of the force employed is arrested by the resistance offered".

Глава IX до XII. Расширеніе (тепловое). Стр. 73. В. Почему

воздухъ расширяется, если пузырь съ нимъ подержать надъ огнемъ? О. Потому что теплота огня отталкиваетъ частицы воздуха другъ отъ друга и заставляетъ ихъ занимать большій объемъ, чѣмъ раньше.

На стр. 77 дано определеніе не существующей разницы между газомъ и паромъ.

Стр. 78. В. Почему самоваръ поетъ, когда вода скоро должна закипѣть? О. Потому что съ поверхности воды выдѣляется расширенный воздухъ толчками, и это производитъ шумъ и т. д.

Стр. 81. В. Почему соль, сахаръ и т. п. вещества, растворенныя въ водѣ, замедляютъ кипѣніе? О. Потому что они увеличиваютъ плотность воды, а это замедляетъ кипѣніе.

Въ главѣ XI много говорится о грозовыхъ облакахъ, причемъ вездѣ предполагается, что они сильно наэлектризованы! На стр. 90 читаемъ напримѣръ: В. Какія облака принимаютъ наиболѣе фантастичную форму? О. Тѣ, которыя сильнѣе всего наэлектризованы.

На той же стр. 90 находимъ нѣчто невѣроятное: В. Почему при закатѣ солнца облака принимаютъ красный цвѣтъ? О. Потому что красные лучи, будучи менѣе преломляемыми, чѣмъ желтые или голубые, остаются дольше видимыми, когда солнце начинаетъ садиться.

Къ этому имѣется чертежъ съ разъясненіемъ.

Стр. 92. В. Изъ чего можно заключить, что электричество оказываетъ вліяніе на перемѣщеніе облаковъ? О. Облака часто двигаются навстрѣчу другъ другу и, разрядившись, исчезаютъ вмѣстѣ.

Стр. 96. В. Почему еще не сгустившіеся пары отражаютъ красные лучи, тогда какъ сгустившіеся пары отражаютъ желтые лучи? О. Потому что въ первомъ случаѣ лучи свѣта встрѣчаютъ очень малое сопротивленіе; вслѣдствіе чего тѣ лучи преломляются и попадаютъ въ нашъ глазъ, которые меньше всего преломляются, т. е. красные.

Стр. 104. В. Почему дымъ стелется по землѣ передъ наступленіемъ дождя? О. Потому что воздухъ тогда менѣе плотенъ и не можетъ такъ долго поддерживать дымъ, какъ сухой и болѣе тяжелый воздухъ.

Глава XIII до XVII. Передача теплоты. Стр. 113. В. Какъ передается теплота отъ одного тѣла къ другому? О. 1. Черезъ теплопроводность. 2. Черезъ поглощеніе. 3. Черезъ отраженіе. 4. Черезъ лучеиспусканіе. 5. Черезъ перенесеніе.

На стр. 113 узнаемъ, что всѣ твердыя и плотныя тѣла, каковы металлы и камни, лучше всего проводятъ теплоту; на стр. 119 ска-

зано, что полированное олово не обладаетъ способностью лучеиспускать теплоту.

Стр. 136. В. Когда теплота лучеиспускается отъ одного тѣла къ другому? О. Когда два тѣла удалены (отдѣлены?) другъ отъ друга не проводящей тепло средой: такъ, солнце испускаетъ теплоту на землю, потому что воздухъ, какъ дурной проводникъ тепла, находится между ними (!!).

На стр. 137 сказано, что темныя и черныя тѣла хорошо лучеиспускаютъ; всѣ же свѣтлыя и бѣлыя дурно. Но вѣдь бѣлая бумага и сажа лучеиспускаютъ почти одинаково.

Стр. 151. В. Почему капля росы кругла? О. Потому что всякая частица ея уравновѣшена, вслѣдствіе чего нѣтъ причины одной частицы удаляться отъ центра дальше другой.

Неужели всѣ точки шара равно удалены отъ его центра? и неужели дѣти поймутъ такой отвѣтъ?

Стр. 154. В. Почему жидкости дурные проводники теплоты? О. Потому что ихъ частицы при всякой перемѣнѣ температуры приводятся въ движеніе и не остаются достаточно долго въ соприкосновеніи одна съ другой, чтобы быть въ состояніи постепенно проводить теплоту, подобно металлу.

Приведемъ примѣры изъ *второй* части книги.

На стр. 166 и 167 авторъ пишетъ, что на горныхъ вершинахъ и передъ грозой трудно и тяжело дышать, потому что воздухъ въ обоихъ случаяхъ очень разряженъ, вслѣдствіе чего жидкости въ нашемъ тѣлѣ расширяются и тягостно давятъ на сосуды, которые ихъ содержатъ.

На стр. 172 читаемъ, что водородъ, выдѣляющійся изъ воды подъ дѣйствіемъ калія, сгораетъ на счетъ скрытой теплоты, освобождающейся изъ калія (!).

Въ главѣ XIX (Углекислота). Является гуртовою ошибкою предположеніе автора, что порча воздуха въ помѣщеніяхъ, гдѣ собралось много народа, происходитъ отъ недостатка кислорода и отъ изобилія углекислаго газа.

На стр. 180 и 181 узнаемъ, что причина появленія „легкаго дымка" при откупориваніи бутылки сельтерской воды заключается въ томъ, что „когда воздухъ расширяется, то онъ не можетъ содержать такое количество паровъ, какъ въ сжатомъ состояніи".

На стр. 182 указанъ составъ обыкновеннаго спирта $C_4\ O_2\ H_6$ вмѣсто $C_2\ H_6\ O$ и сахара $C_{12}\ H_{12}\ O_{12}$ вмѣсто $C_{12}\ H_{22}\ O_{11}$.

На стр. 186 читаемъ, что разлагающіяся вещества всегда влажны, такъ какъ водородъ вещества соединяется съ кислородомъ, образуя воду.

Особая глава XXI посвящена фосфористому водороду. Здѣсь мы узнаемъ, что „отвратительный запахъ на кладбищахъ“ зависитъ отъ газа фосфористаго водорода, и что блуждающіе огни летятъ отъ насъ, когда мы къ нимъ приближаемся, и летятъ за нами, когда мы бѣжимъ отъ нихъ въ испугѣ, вслѣдствіе движенія воздуха, вызваннаго нашимъ движеніемъ.

На стр. 197 сказано, что воздухъ не нагрѣвается лучами солнца, потому что онъ очень дурной проводникъ тепла.

Стр. 200. В. Почему въ полдень лучи солнца падаютъ вертикально? Въ оригиналѣ: Why is it noon-day to the place over which the sun is vertical?

На стр. 209 говорится о вліяніи температуры вѣтра на облака, какъ будто вѣтеръ можетъ дуть по направленію къ облакамъ, какъ бы стоящимъ неподвижно.

Въ главѣ XXIII, Барометръ, (стр. 213—221) почти все невѣрно или фантастично. Здѣсь гуртовою ошибкою является мнѣніе, что влажный воздухъ легче сухого. Кромѣ того, встрѣчается множество другихъ ошибокъ, напримѣръ, что при сгущеніи воздуха онъ „выдѣляетъ всю лишнюю влагу“ (стр. 217).

Стр. 231. В. Почему въ водѣ растворяются соль и сахаръ? О. Потому что вода проникаетъ въ поры соли и сахара капиллярнымъ притяженіемъ и соединяется съ частицами сахара и соли, переходящими въ растворъ.

Лучшая растворимость въ горячей водѣ объясняется тѣмъ, что „теплота расширяетъ поры сахара и соли, чѣмъ облегчается доступъ водѣ“.

На стр. 236 не отдѣлены другъ отъ друга расширеніе воды при охлажденіи до 0° и расширеніе при замерзаніи. Тутъ же имѣется рисунокъ, показывающій, что объемъ замерзающей воды при 0° больше объема воды при 100° (80° R). Въ дѣйствительности даже объемъ *льда* меньше объема кипящей воды, а объемъ воды при 0° равенъ ея объему при 8°.

Тамъ же расширеніе воды при замерзаніи объяснено образованіемъ кристалловъ, не такъ плотно соприкасающихся между собою, какъ частицы воды.

Стр. 237. В. Почему слой воды становится все толще и толще,

если продолжаются морозы? О. Потому что теплота воды постепенно выдѣляется наружу черезъ поры льда и часть воды подъ льдомъ замерзаетъ.

Въ главѣ XXVIII, Свѣтъ, (стр. 243—270) имѣется гуртовая ошибка, заключающаяся въ допущеніи, что кажущаяся яркость свѣта зависитъ только отъ величины зрачка и совершенно не упомянута главная причина, а именно измѣняющаяся чувствительность сѣтчатой оболочки. Вслѣдствіе этого огромное число отвѣтовъ не вѣрны.

Стр. 245. В. Если мы смотримъ на свѣтлый огонь нѣсколько мгновеній, то почему комната кажется темной? О. Потому что зрачекъ глаза отъ этого сильно сокращается и т. д.

Вездѣ авторъ предполагаетъ, что измѣненіе величины зрачка происходитъ весьма медленно, что совершенно не вѣрно.

Стр. 246. На вопросъ, почему у насъ два глаза, не указано на самое главное—на возможность судить о разстояніи предметовъ.

На стр. 248 все непонятно, что говорится о зеркальныхъ изображеніяхъ, а на стр. 251 дано объясненіе того факта, что солнце и луна кажутся бо̀льшихъ размѣровъ при восходѣ и заходѣ. На стр. 258 величина ошибки при оцѣнкѣ глубины рѣки дана невѣрно ($^1/_3$ вмѣсто $^1/_4$).

На стр. 267 узнаемъ, что смѣсь желтыхъ и голубыхъ *лучей* даетъ лучи зеленые (!).

Въ ученіи о звукѣ (стр. 271—278) читаемъ:

Стр. 273. В. Почему струны звучатъ глухо, если онѣ не натянуты? О. Потому что колебанія въ этомъ случаѣ слишкомъ медленны, вслѣдствіе чего звукъ недостаточно рѣзокъ.

Все, что говорится по вопросу о звукопроводности воздуха, не вѣрно, какъ это доказывается старинными наблюденіями Тиндаля.

Стр. 277. В. Почему стекла звенятъ, когда ѣдетъ тряскій экипажъ по мостовой? О. Потому что колебанія воздуха сообщаются стеклу, которое начинаетъ дрожать.

Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что разсматриваемая книга можетъ дать лишь самыя превратныя представленія о причинахъ окружающихъ насъ явленій.

О. Хвольсонъ.

***Физика для всѣхъ. Твердыя тѣла, жидкости и газы. Прив.-доц. *Б. П. Вейнберга.* Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Москва, 1908 г. 176 стран. Цѣна 50 коп.**

Товарищество И. Д. Сытина предприняло изданіе ряда книгъ подъ общимъ заглавіемъ „Физика для всѣхъ". Первая изъ этихъ книгъ,

а именно, „Теплота", Б. Розинга была нами разсмотрѣна нѣсколько времени тому назадъ. Теперь появилась вторая книга Б. П. Вейнберга, содержащая ученія о тѣлахъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ. Какъ видно изъ объявленія на ея обложкѣ, готовятся къ печати дальнѣйшія книги, авторами которыхъ явятся проф. И. И. Боргманъ, проф. Н. А. Гезехусъ и прив.-доц. В. В. Лермантовъ. Книга г. Вейнберга содержитъ 7 главъ, или, какъ ихъ называетъ авторъ, бесѣдъ, а именно: 1. Различные виды силы, 2. Твердыя жидкія и газообразныя тѣла. Силы въ газахъ, 3. Силы въ жидкостяхъ, 4. Силы въ упругихъ твердыхъ тѣлахъ, 5. Силы въ пластичныхъ твердыхъ тѣлахъ, 6. Твердое, жидкое и газообразное состоянія, 7. Частицы, ихъ движенія и частичныя силы.

Первыя шесть бесѣдъ никакихъ замѣчаній не вызываютъ. Онѣ составлены весьма интересно; изложеніе ясное и послѣдовательное, выборъ матеріала превосходный.

Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о послѣдней, седьмой бесѣдѣ. Здѣсь авторъ не ограничивается тѣмъ, что твердо установлено, но излагаетъ мысли, болѣе или менѣе фантастическія, стараясь разъяснить явленія, далеко еще наукою не разъясненныя, т. е. входитъ въ такую область, которой не мѣсто въ *популярной* книгѣ. На стр. 152 встрѣчаемъ невозможную фразу: „Въ тѣлахъ газообразныхъ мы видимъ избытокъ отталкивательныхъ силъ и т. д. Въ жидкостяхъ тоже есть небольшой перевѣсъ силъ отталкивательныхъ" и т. д. Мотивировки этихъ невѣрныхъ положеній также всѣ не вѣрны, какъ, напримѣръ, указаніе на испареніе, какъ на доказательство существованія отталкивательныхъ силъ. Какія представленія вынесетъ читатель, который случайно прочтетъ только эту страницу! Въ дальнѣйшемъ авторъ разъясняетъ, что собственно никакихъ отталкивательныхъ силъ не существуетъ и что явленія вызываются движеніемъ частицъ. Врядъ ли читатели, для которыхъ назначена эта книга, поймутъ, какимъ образомъ движеніе замѣняетъ кажущіяся отталкивательныя силы. Зачѣмъ же утверждать завѣдомо невѣрное?

Въ этой же бесѣдѣ авторъ старался „объяснить" силы упругости, силы сцѣпленія, силы внутренняго тренія и даже явленія такъ называемаго разслабленія!

Несмотря на указанный недочетъ, книга заслуживаетъ вниманія и распространенія.

О. Хвольсонъ.

Книжныя новости.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ 1908 года.

— *Виноградовъ, I., свящ.* Основы христіанской религіи и православнаго вѣроученія. Учебное руководство по Закону Божію, составленное согласно программѣ VII класса мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ. Изданіе 2-е, А. С. Панафидиной. М. 1908. 323+IV стр.

— *Каннъ, В.* Краткая систематическая грамматика французскаго языка. Изданіе третье. Собственность А. С. Панафидиной. М. 1908. VIII+194 стр. Цѣна 60 коп.

— *Рыбкинъ, М.* Завѣтныя думы. Сборникъ статей русскаго народнаго учителя. Старица. 1905. 37 стр. Цѣна 50 коп.

— Отчетъ о состояніи Благовѣщенской учительской семинаріи за 1907 (гражданскій) годъ. Уфа. 1908. 43 стр.

— Врачебно-санитарная часть министерства народнаго просвѣщенія. Списокъ наглядныхъ учебныхъ пособій и собраніе программъ для преподаванія гигіены и веденія практическихъ занятій съ учащимися. Матеріалы для правильной постановки преподаванія гигіены. С.-Пб. 1908. VII+165 стр.

— *Пушкинъ.* Сочиненія. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Переписка. Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Томъ второй (1827—1832). С.-Пб. 1908. XII+399+XII стр.

— Отчетъ по Минусинскому городскому Мартьяновскому музею и общественной библіотекѣ за 1906 годъ. Канскъ. 1908. 15 стр.

— *Лакуръ и Аппель.* Историческая физика. Книгоиздательство „Mathesis". Одесса. Выпускъ II. 1907. Стр. 175—272. Выпускъ III. 1908. Стр. 273—435. Выпускъ IV. 1908. Стр. 1—144.

— *Янчевецкій, Вас.* Воспитаніе сверхчеловѣка. С.-Пб. 133 стр.

— Отчетъ о состояніи учебныхъ заведеній Кавказскаго учебнаго округа за 1907 годъ. Тифлисъ. 1908. X+164+463 стр.

— Журналы засѣданій Таврическаго губернскаго земскаго собранія 42-й очередной сессіи съ 8-го по 15-е января 1908 года. Съ приложеніемъ отчета губернской управы и докладовъ. Симферополь 1908. XVIII+85+4+7+5+29++24+32+55+11+24+12+19+18+10+15+36+19+18+13+160+(87 — 108)++8+25+(109—130)+10+(131 — 150)+35+20+(151—179)+16+103+2+(181 — 195)+19+(197—286)+35+(287—297)+9+(299—373).

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОБЩЕСТВО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ И ПЕДАГОГИКИ ВЪ 1905 И 1906 ГОДУ.

Общество классической филологіи и педагогики вступило 3-го іюня 1906 года въ *тридцать третій* годъ своего существованія. Вновь выбраны были въ члены общества въ 1906 году слѣдующія лица: Г. Г. Ваксмутъ и В. Р. Фохтъ въ засѣданіи 21-го февраля, Ѳ. А. Виноградовъ въ засѣданіи 21-го марта, графъ Ан. А. Бобринской, А. Ф. Каль и К. В. Хилинскій въ засѣданіи 13-го декабря.

Къ 1-му января 1907 года совѣтъ общества состоялъ изъ председателя В. В. Латышева, товарища предсѣдателя Ѳ. Фр. Зѣлинскаго, членовъ И. Ѳ. Анненскаго, К. В. Гибеля и П. И. Прозорова, библіотекаря А. І. Маленна, казначея Э. Ю. Кербера и секретаря Г. Г. Зоргенфрея.

Въ *1905* году засѣданій было *четыре*, на нихъ заслушано *пять* рефератовъ.

Засѣданіе 1-го февраля. Б. В. Фармаковскій сдѣлалъ сообщеніе объ „античной скульптурѣ въ Ольвіи". Указавъ на найденные до сихъ поръ на мѣстѣ древней Ольвіи памятники античной скульптуры (изъ мрамора, бронзы, терракотты) и давъ краткую характеристику скульптуры въ Ольвіи, поскольку о ней можно судить на основаніи указанныхъ памятниковъ,—докладчикъ остановился спеціально на небольшой мраморной статуэткѣ, представляющей новую реплику Аѳины-Дѣвы Фидія и найденной въ Ольвіи въ 1904 г. Это наиболѣе интересный памятникъ скульптуры изъ Ольвіи. Изъ стилистическаго ана-

лиза статуэтки слѣдуетъ, что ольвійская реплика Аѳины-Дѣвы, самая маленькая изъ всѣхъ существующихъ, представляетъ несомнѣнный художественно-историческій интересъ, такъ какъ выясняетъ нѣкоторыя детали оригинала Фидія (орнаментацію одежды, расположеніе аттрибутовъ) и особенности его стиля (трактовку одежды). Относясь къ концу IV в. до Р. Хр., статуэтка является одною изъ наиболѣе древнихъ репликъ статуи Фидія и подлиннымъ документомъ, свидѣтельствующимъ, что въ IV вѣкѣ и далекіе берега Евксинскаго Понта представляли область, зависимую отъ Аѳинскаго искусства, и изображали богиню Аѳину въ образѣ Аѳины-Дѣвы, какъ онъ былъ созданъ Фидіемъ для Парѳенона.

Въ бесѣдѣ, вызванной интереснымъ докладомъ, Ѳ. Фр. Зѣлинскій, между прочимъ, высказалъ, въ видѣ предположенія, мысль, что найденная статуя была не одна, а связана была съ другими, что, можетъ быть, она находилась среди колоннъ храма и была одна изъ 12-ти боговъ олимпійцевъ. Художникъ, быть можетъ, предполагалъ, что на нее будутъ смотрѣть лишь спереди.

Засѣданіе 15-го марта. В. В. Латышевъ сдѣлалъ докладъ о новыхъ эпиграфическихъ находкахъ въ 1903—1905 годахъ на югѣ Россіи, а именно въ Ольвіи, Херсонесѣ Таврическомъ и Пантикапеѣ. Всего найдено было 50 надписей, но многія, найденныя въ Ольвіи и Херсонесѣ, сохранились, къ сожалѣнію, лишь въ ничтожныхъ обломкахъ. Изъ ольвійскихъ надписей референтъ особенно подробно остановился на объясненіи декрета въ честь гражданина Каллисѳена Дадова (самаго начала III в. по Р. Хр.) съ упоминаніемъ о должностной коллегіи синедровъ, раньше не встрѣчавшейся въ ольвійскихъ памятникахъ. Въ Херсонесѣ найдено нѣсколько обломковъ декретовъ, въ которыхъ референтъ отмѣтилъ данныя для ознакомленія съ государственнымъ строемъ города, затѣмъ нѣсколько надгробныхъ надписей (въ томъ числѣ двѣ ранней христіанской эпохи), гимнъ въ честь Гермеса и пр. Надписи, найденныя на Воспорѣ, по обыкновенію,—почти исключительно „памятныя" или надгробныя. Одна изъ нихъ интересна упоминаніемъ о „начальникѣ учебнаго заведенія", другія новыми данными для воспорской ономатологіи, нѣкоторыя—метрическими эпитафіями. Вновь найденныя надписи изданы В. В. Латышевымъ въ 14 выпускѣ „Извѣстій Императорской Археологической комиссіи" и въ майской книгѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.*

Въ томъ же засѣданіи Ст. Ос. Цыбульскій прочелъ рефератъ на тому: „Памятники римской культуры въ Баваріи" по поводу книги

Франциска „Bayern zur Römerzeit“, изданной въ концѣ отчетнаго года. Докладчикъ указалъ, что авторъ названной книги имѣлъ возможность воспользоваться всею предшествующею литературою въ данной области и устными указаніями многихъ спеціалистовъ: въ его трудѣ, наряду съ ссылками на труды Момзена и Домашевскаго, встрѣчаются выписки изъ той или иной провинціальной газеты. Кромѣ того, Францискъ имѣлъ возможность посѣтить многія мѣстности Баваріи; онъ ѣздилъ изъ деревни въ деревню и самъ производилъ топографическія работы. Правда, книга написана съ патріотическою цѣлью: ея авторъ хочетъ показать интеллигентному баварцу, насколько славно прошлое его отечества. Тѣмъ не менѣе, трудъ Франциска не теряетъ своего значенія и за предѣлами его родины, такъ какъ знакомитъ съ весьма многими мало извѣстными памятниками римской культуры, которые находятся въ маленькихъ незначительныхъ музеяхъ или даже составляютъ собственность частныхъ лицъ. Изъ мелкихъ музеевъ особенно замѣчателенъ музей Св. Ульриха въ Регенсбургѣ. Самый Регенсбургъ на каждомъ шагу представляетъ слѣды римской культуры. Не говоря уже о сохранившихся воротахъ—porta praetoria и porta decumana съ остатками стѣнъ—слѣдуетъ еще упомянуть о недавно раскопанномъ громадномъ римскомъ кладбищѣ. Во многихъ городахъ или въ ихъ окрестностяхъ добыты изъ-подъ земли слѣды римскихъ крѣпостей; изъ послѣднихъ замѣчательны: укрѣпленный лагерь около Зальцбурга (въ настоящее время реставрированный), лагерь въ Регенсбургѣ (castra Regina), въ Eining, въ Wört'ѣ и другіе.

Около Рейхенгалля открыта единственная найденная въ Германіи устрина для сжиганія труповъ. До недавняго времени свѣдѣнія о римскомъ лагерѣ мы черпали лишь изъ труда Гигина и упоминаній римскихъ авторовъ, теперь же, благодаря раскопкамъ послѣднихъ лѣтъ въ Баваріи, получаемъ полное представленіе о римскихъ укрѣпленныхъ лагеряхъ (castra stativa) I—III вѣка послѣ Р. Хр. Изъ памятниковъ римской скульптуры, найденныхъ въ Баваріи, упоминанія заслуживаетъ статуя Меркурія въ Регенсбургѣ и въ Аугсбургѣ, лагернаго генія въ Кюнцигѣ, многіе надгробные памятники (въ Аугсбургѣ, Регенсбургѣ и другихъ мѣстахъ). Слѣдуетъ также отмѣтить большой серебряный кладъ, найденный въ Вигенсбахѣ, и массу монетъ въ разныхъ мѣстахъ Баваріи и хранящихся въ королевскомъ мюнцкабинетѣ въ Мюнхенѣ.

Засѣданіе 5-го апрѣля. 1. Слушали рефератъ О. Фр. Зѣлинскаго: „Развитіе миѳа о Еленѣ“.

Референтъ началъ съ возстановленія первоначальнаго космологическаго миѳа объ Еленѣ, какъ богомъ рожденной валкиріи, отказывающейся отъ своего безсмертія для того, чтобы стать подругой богатыря, намѣченнаго рокомъ спасителемъ царства боговъ. Отъ этого первоначальнаго миѳа, возстановляемаго по даннымъ, какъ исторической, такъ и сравнительной миѳологіи, онъ перешелъ къ характеристикѣ гомеровскаго представленія объ Еленѣ, какъ кающейся, оправдываемой своей красотой. Это представленіе, какъ плодъ автономной поэзіи, вызвало протестъ со стороны религіи, въ которой Елена признавалась „героиней" и была удостоена культа; результатомъ этого протеста была Елена Стесихора, вѣрная супруга Менелая, не послѣдовавшая за похитителемъ, который вмѣсто нея увезъ въ Трою призракъ. Трагедія, въ большинствѣ случаевъ, приняла гомеровское представленіе объ Еленѣ, но отнеслась къ ней строже, сначала по нравственнымъ, а потомъ по политическимъ соображеніямъ. Эпоха чистой поэзіи настала для Елены вновь лишь съ возрожденіемъ поэзіи въ александрійскія времена: тогда Парисъ сталъ центромъ всего преданія, а Елена была дополнена двойникомъ въ видѣ Энопы, поэтическій образъ которой—дочь божества, пожертвовавшая своимъ безсмертіемъ для того, чтобы стать подругой смертнаго богатыря—во многихъ отношеніяхъ занялъ мѣсто первобытной догомеровской Елены.

2. И. О. Араловъ прочелъ свой стихотворный переводъ Фастъ Овидія II кн. ст. 1—530.

Засѣданіе 1-го ноября. Ѳ. Фр. Зѣлинскій прочелъ рефератъ на тему: „Античная Ленора" (мотивъ возвращенія умершаго мужа въ греческой миѳологіи). Отмѣтивъ въ новѣйшихъ развитіяхъ мотива Леноры, т. е. свиданія невѣсты съ умершимъ женихомъ, двѣ различныхъ нравственныхъ оцѣнки, въ зависимости отъ того, представляется ли свиданіе наградой или карой, докладчикъ перешелъ къ изложенію эволюціи античнаго миѳа, содержащаго въ себѣ мотивъ Леноры, т. е. миѳа о Протесилаѣ и Лаодаміи. Первоначальнымъ является то представленіе, которое болѣе всего соотвѣтствуетъ современнымъ варіантамъ преданія: убитый подъ Троей Протесилай, вызванный изъ преисподней тоской по немъ его молодой жены Лаодаміи, возвращается къ ней и беретъ ее съ собой (мотивъ призрака). Но въ эпоху греческой лирики является рядомъ съ нимъ параллельное представленіе, которое было, повидимому, его раціоналистическимъ толкованіемъ: по смерти мужа Лаодамія велитъ изготовить статую и съ нею ночуетъ; когда же ее у нея отнимаютъ, она лишаетъ себя жизни. Еврипидъ въ своемъ

„Протесилаѣ" соединяетъ оба мотива: отдаваемымъ статуѣ убитаго мужа чрезмѣрнымъ почетомъ Лаодамія его самого вызываетъ изъ преисподней. За Еврипидомъ послѣдовали, съ измѣненіями лишь въ частностяхъ, александрійскіе поэты, а за ними и римскіе, въ частности, Катуллъ, Левій и Овидій, посланіе котораго (Heroides XIII) является для насъ единственнымъ цѣльнымъ изображеніемъ легенды о Лаодаміи. Послѣднее самостоятельное свидѣтельство о ней на сакрально-исторической почвѣ, мы находимъ въ Heroicus Филострата.

Въ *1906* году засѣданій было *пять*, на нихъ прочитаны были слѣдующіе рефераты.

Засѣданіе 21-го февраля. 1. В. В. Латышевъ посвятилъ прочувствованную рѣчь памяти Андрея Викентьевича Адольфа. Память покойнаго члена общества была почтена вставаніемъ. 2. Ѳ. Фр. Зѣлинскій прочелъ свои введенія и переводъ Heroides II, III, VI, X.

Засѣданіе 21-го марта. 1. Слушали письмо г. временно-управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія отъ 3-го ноября 1905 года за № 23596, докладную записку преподавателя 3-ей С.-Петербургской гимназіи ст. сов. Цыбульскаго и выписку ученаго комитета по содержанію означенной записки съ резолюціей бывшаго министра народнаго просвѣщенія генералъ-лейтенанта Глазова. Въ своей запискѣ ст. сов. Цыбульскій, между прочимъ, полагаетъ, что въ старшихъ классахъ слѣдуетъ обращать бо̀льшее вниманіе на философію, исторію искусствъ и литературу древнихъ языковъ и, посредствомъ научно поставленнаго преподаванія, сблизить древній міръ съ современнымъ. Авторъ этого проекта считаетъ необходимымъ созвать всероссійскій съѣздъ преподавателей древнихъ языковъ или, по крайней мѣрѣ, преподавателей Петербурга. Собраніе высказалось за желательность съѣзда петербургскихъ преподавателей. Въ оживленныхъ преніяхъ по поводу доклада Ст. Ос. Цыбульскаго приняли участіе г.г. В. В. Латышевъ, Б. В. Фармаковскій, Г. Г. Зоргенфрей, В. Р. Фохтъ и Ар. Ал. Брокъ. Послѣдній высказалъ мнѣніе „что проектируемый съѣздъ преподавателей древнихъ языковъ долженъ въ интересахъ классицизма, какъ это ни парадоксально, требовать уничтоженія привилегій классическихъ гимназій и уравненія правъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній по примѣру Пруссіи. Затѣмъ, съѣздъ долженъ требовать или достаточное число уроковъ древнихъ языковъ или, въ противномъ случаѣ, высказаться за желательность, съ педагогической точки зрѣнія, полнаго ихъ уничтоженія. Для поднятія же уровня образованія учителей древнихъ языковъ нуженъ цѣлый рядъ мѣръ, въ видѣ

лѣтнихъ курсовъ, командировокъ за границу, поощренія научной дѣятельности учителей, улучшенія матеріальнаго положенія учителей и т. п.". Г. предсѣдателемъ общества поэтому и посланъ отвѣтъ въ министерство на имя бывшаго товарища министра П. П. Извольскаго въ томъ смыслѣ, что общество признаетъ съѣздъ преподавателей древнихъ языковъ С.-Петербургскаго округа или, по крайней мѣрѣ, собраніе преподавателей означенныхъ языковъ въ С.-Петербургскихъ гимназіяхъ весьма желательнымъ, и не только для обсужденія мѣръ къ улучшенію преподаванія сихъ языковъ, но и вообще для обсужденія ихъ роли и постановки въ средней общеобразовательной школѣ.

2. Заслушанъ былъ докладъ Б. Вл. Фармаковскаго: „Памятники архитектуры въ Ольвіи". Раскопки 1901—1903 г.г. дали рядъ памятниковъ архитектуры. Прежде всего, погребальная архитектура представлена двумя большими склепами II—III в.в. по Р. Хр. О склепѣ Еврисивія и Аресты докладчикъ дѣлалъ уже сообщеніе въ 1901 г. Въ настоящемъ докладѣ Б. В. Фармаковскій подробно анализировалъ склепъ, открытый въ 1903 г. (кладка стѣнъ, сводъ, рисунки, сохранившіеся въ стѣнахъ склепа, дромосъ).

Кромѣ погребальной архитектуры, въ Ольвіи открыты развалины дома начала II в. до Р. Хр. Указавъ на возможность реставраціи открытыхъ развалинъ и оставляя детали реставраціи для спеціальнаго доклада въ Императорскомъ Русскомъ археологическомъ обществѣ, докладчикъ остановился на выясненіи значенія, которое открытый въ Ольвіи домъ имѣетъ для науки о греческихъ древностяхъ. Установивъ, что ольвійскій домъ представляетъ по своему перистилю полнѣйшую аналогію съ греческимъ домомъ, описываемымъ Витрувіемъ, докладчикъ далъ общую исторію греческаго дома въ III—II в.в. до Р. Хр. и указалъ на стадіи развитія, которыя греческій домъ прошелъ въ эти вѣка:

1) домъ особнякъ во дворѣ безъ перистиля III в. (типъ Пріены);

2) домъ съ перистилемъ о трехъ портикахъ нач. II в. (типъ Витрувія и Ольвія);

3) домъ съ перистилемъ о четырехъ портикахъ конца II в. (типъ Делоса).

Между названными типами имѣются переходные, такъ что исторія греческаго дома представляетъ нынѣ чрезвычайно явную и развивающуюся весьма послѣдовательно, какъ бы органически, эволюцію. Важнымъ звеномъ въ этой эволюціи является и домъ, раскопанный въ Ольвіи.

Засѣданіе 25-го октября. Предсѣдатель В. В. Латышевъ посвятилъ нѣсколько прочувственныхъ словъ скончавшимся почетному члену общества И. В. Помяловскому и дѣйствительному члену А. Г. Образцову. Память почившихъ была почтена вставаніемъ.

И. И. Холоднякъ въ сердечной рѣчи обрисовалъ личность и заслуги передъ наукой И. В. Помяловскаго. Рѣчь эта напечатана въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*

Въ томъ же засѣданіи В. В. Латышевъ прочелъ докладъ: „Изъ исторіи и археологіи Херсонеса Таврическаго". Референтъ разсматривалъ историческое „Житіе св. епископовъ херсонесскихъ" и встрѣчающіяся въ немъ археологическія данныя. Работа В. В. Латышева напечатана въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ.

Докладъ Г. Г. Зоргенфрея „Соціальная педагогика Платона" за позднимъ временемъ не состоялся, но напечатанъ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за Декабрь 1906 г.

Засѣданіе 29-го ноября. 1. Предсѣдатель В. В. Латышевъ открылъ засѣданіе прочувственной рѣчью, посвященною памяти скончавшагося почетнаго члена Общества Ѳ. Г. Мищенко. Память покойнаго была почтена вставаніемъ. 2. Г. Г. Зоргенфрей прочелъ докладъ, посвященный памяти Пирогова. Рефератъ распадался на двѣ части, изъ которыхъ первая должна была воскресить въ памяти слушателей біографическія данныя о великомъ ученомъ съ подробнымъ изложеніемъ особенно педагогической дѣятельности Н. И., вторая всецѣло была посвящена выясненію педагогическихъ взглядовъ Пирогова.

3. Слушали рефератъ Б. В. Фармаковскаго: „Вопросъ объ Эгейской культурѣ на первомъ международномъ археологическомъ конгрессѣ въ Аѳинахъ".

Съ началомъ XX в. на о. Критѣ совершается рядъ открытій, которыя затмили славу открытій Шлимана. Раскопками Эванса въ Кноссѣ и итальянской экспедиціи съ Гальбгерромъ во главѣ въ Фестѣ и др. открытъ центръ той культуры, которую прежде принято было называть микенскою. Такъ какъ теперь дознано, что культура эта зародилась и развилась въ областяхъ бассейна Эгейскаго моря, общій ансамбль всѣхъ памятниковъ ея удобнѣе обозначать терминомъ „Эгейская культура". Въ настоящее время эта Эгейская культура привлекаетъ особенное вниманіе ученыхъ. Ей было удѣлено много вниманія и на конгрессѣ въ Аѳинахъ. Сообщенія, дѣлавшіяся на конгрессѣ, заслуживаютъ особеннаго вниманія, такъ какъ всѣ они принадлежали лучшимъ спеціалистамъ и такъ какъ результаты спеціальныхъ из-

слѣдованій науки (главнымъ образомъ англійской) еще не отразились до сихъ поръ на большей части выходящихъ въ свѣтъ популярныхъ сочиненіяхъ, нѣкоторыя изъ которыхъ имѣются и на русскомъ языкѣ.

Сообщенія объ эгейской культурѣ дѣлались въ Аѳинахъ, большею частью, въ секціи доисторической и восточной археологіи, засѣдавшей подъ предсѣдательствомъ Масперо, Эванса и Фуртвенглера. Идея о самостоятельности развитія эгейской культуры въ греческихъ областяхъ въ доисторическую эпоху была блестяще обоснована въ докладѣ Монтеліуса. Въ эгейской культурѣ нынѣ мы имѣемъ самостоятельную европейскую культуру, которая должна быть изучаема рядомъ съ древнѣйшею культурою Востока и Египта. Нынѣ можетъ быть рѣчь лишь объ общей исторіи человѣчества въ доисторическія времена. Слѣды присутствія человѣка на почвѣ Греціи открыты въ дилювіальную эпоху уже послѣ того періода, когда геологическій переворотъ разъединилъ Балканскій полуостровъ и М. Азію (докладъ Скуфоса). Съѣзду было представлено много новаго матеріала, выясняющаго происхожденіе эгейской культуры и часто въ корнѣ измѣняющаго ходячіе взгляды (раскопки Сотиріадиса въ Беотіи, раскопки Цунды и Станса въ Димини и Сескло въ Ѳессаліи, Э. Р. фонъ-Штерна въ Бессарабской губ. Уже въ эпоху до конца III-го тысячелѣтія эгейская культура получила блестящее развитіе и ея вліяніе доходило вплоть до областей нынѣшней южной и средней Россіи, гдѣ въ это время господствовалъ каменный вѣкъ.

На Балканскомъ полуостровѣ древнѣйшую эгейскую культуру смѣняетъ бронзовая культура, которая наиболѣе вѣроятно должна быть приписана вновь явившимся съ сѣвера греческимъ племенамъ, тогда какъ древнѣйшая эгейская культура была созданіемъ до-греческаго населенія бассейна Эгейскаго моря.

Доклады Стефаноса, Миссъ Бойдъ, Савиньони, Зенгелиса, Дерпфельда, Милани и Апостолидиса дали каждый новый матеріалъ для вопроса объ эгейской культурѣ. Эгейская культура, въ цѣломъ, не есть созданіе одного какого-нибудь племени. Надо рѣзко различать древнѣйшій негреческій періодъ и позднѣйшій греческій. Центромъ въ первый періодъ были Критъ, во второй Пелопоннесъ (для этого періода умѣстенъ терминъ „микенская культура“). Греческія племена, явившись на Балканскій полуостровъ, застали здѣсь культурное населеніе и усвоили внѣшнія формы культуры этого до-греческаго населенія. Но содержаніе и духовная сторона искусства въ микенскій періодъ отличается отъ таковыхъ въ періодъ критскій.

Вопросу о хронологіи эгейской культуры, тѣсно связанному съ египетской хронологіей (докладъ Вольдемара Шмидта), былъ посвященъ рефератъ Эванса (хронологіи эгейской культуры касался и Монтеліусъ). XII вѣкъ есть terminus ante quem для микенской культуры. Начало эгейской культуры на Критѣ восходитъ къ IV тысячелѣтію до Р. Хр. Если до-греческое населеніе создало всѣ основы культуры и достигло поразительнаго блеска на Критѣ, несомнѣнно, грекамъ должны быть приписаны памятники микенской культуры, открытые въ Тиринѳѣ, Микенахъ, Амиклахъ и пр. Послѣдніе періоды дворцовъ въ Кноссѣ и Фестѣ также уже греческіе: теперь прежніе планы дворцовъ были передѣланы въ типично греческіе (докладъ Дерпфельда). Греки поглотили въ себя до-греческіе элементы. Дорійцы разрушили микенскую культуру, которая остается у іонійцевъ. Продолженіемъ эгейской культуры надо считать культуру этрусковъ,—народа, происходившаго изъ областей Эгейскаго моря. (М. Азія) (докладъ Монтеліуса).

Греческая традиція, несомнѣнно, сохранилась частью изъ микенской эпохи (докладъ Дерпфельда и Р. Хр. Лепера).

Засѣданіе 13-го декабря. А. І. Малеинъ прочелъ докладъ по поводу проекта программы по латинскому языку для духовныхъ училищъ и семинарій, составленнаго учебнымъ комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ. Референтъ отмѣтилъ крайнюю схематичность программы для духовныхъ училищъ, часто идущую въ разрѣзъ съ самыми элементарными правилами методики латинскаго преподаванія, подчеркнулъ слабое упоминаніе о практическихъ упражненіяхъ въ переводѣ съ латинскаго языка на русскій и обратно и, вообще, указалъ на нѣсколько грубыхъ промаховъ, изобличающихъ въ составителѣ программы лицо, недостаточно знакомое съ преподаваніемъ латинскаго языка. По мнѣнію А. І. Малеина, самая программа и объяснительная записка къ ней составлены двумя разными лицами, независимо другъ отъ друга.

Въ программѣ духовной семинаріи референтъ отмѣтилъ неудачную систему чередованія по полугодіямъ языческихъ и христіанскихъ авторовъ и на невыгодное положеніе послѣднихъ отъ помѣщенія ихъ исключительно во второе, болѣе краткое полугодіе.

Затѣмъ А. І. Малеинъ разсмотрѣлъ самый списокъ предназначенныхъ къ чтенію авторовъ и ихъ произведеній и нашелъ въ немъ много случайнаго и неудачнаго.

Г. Зоргенфрей.

БАРОНЪ РЕЙНГОЛЬДЪ ФОНЪ-ШТАКЕЛЬБЕРГЪ.

(Некрологъ).

21-го декабря 1907 г. преждевременно скончался въ Москвѣ преподаватель персидской словесности въ Спеціальныхъ классахъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ—баронъ Рейнгольдъ фонъ-Штакельбергъ (Reinhold von Stackelberg).

Покойный оріенталистъ происходилъ отъ одной изъ вѣтвей рода Штакельберговъ и родился 25-го сентября 1860 г. въ Абіи (Лифляндія). Свое среднее образованіе онъ получилъ въ нѣмецкой гимназіи г. Феллина (Livländische Landes-Gymnasium zu Fellin), гдѣ и сдалъ, въ декабрѣ 1878 г., окончательные экзамены съ общею помѣткою: „sehr befriedigend". Какъ протекли послѣдующіе годы его жизни до осени 1882 г., намъ неизвѣстно. Въ октябрѣ 1882 г. онъ записался слушателемъ философскаго факультета Страсбургскаго университета, въ которомъ и пробылъ съ зимняго семестра 1882—83 акад. года по зимній же семестръ 1883—84 г., занимаясь по преимуществу предметами изъ области индо-иранской филологіи. Здѣсь онъ слушаетъ рядъ курсовъ по языку древне-персидскихъ клинообразныхъ надписей Ахеменидовъ, по грамматикѣ зенда (иначе: авестійскаго языка) и интерпретаціи Зенд-авесты, по грамматикѣ ново-персидскаго языка, по санскриту и интерпретаціи гимновъ Ригведы—всѣ у извѣстнаго, недавно скончавшагося, ираниста и армениста, проф. Гюбшмана (Hübschmann). Кромѣ того, обнаруживая особый интересъ къ Шах-намэ, онъ слушаетъ въ продолженіи двухъ семестровъ лекціи о Фирдауси, одинъ разъ у упомянутаго уже проф. Гюбшмана, другой—у проф. Landauer'a; у того же проф. Гюбшмана онъ посѣщаетъ курсъ и по сравнительному индо-европейскому языковѣдѣнію, представлявшій изложе-

ніе важнѣйшихъ результатовъ данной науки. Изъ этого перечня курсовъ видно, что баронъ Штакельбергъ, вступая въ университетъ, уже имѣлъ опредѣленно-намѣченную цѣль—спеціализироваться въ области иранской филологіи вообще и персидскаго языка въ частности. Этой же цѣли должна была служить и большая часть курсовъ, прослушанныхъ имъ въ слѣдующіе два года—отчасти въ Лейпцигѣ, отчасти снова въ Страсбургѣ. На лѣтній семестръ 1883—84 акад. года бар. Штакельбергъ вступаетъ студентомъ въ Лейпцигскій университетъ и здѣсь слушаетъ „Ученіе о звукахъ и формахъ греческаго языка" (т. е. греческую сравнительно-историческую грамматику) у проф. К. Бругмана, грамматику литовскаго языка и объясненіе Несторовой лѣтописи (Erklärung d. altrussischen [Nestorischen] Chronik) у проф. Лескина, а также посѣщаетъ лекціи проф. Виндиша по исторіи и вѣроученію буддизма. Съ зимняго семестра 1884—85 акад. года онъ снова возвращается въ Страсбургъ и возобновляетъ свои спеціальныя занятія по индоиранской филологіи; онъ слушаетъ лекціи по зенду и интерпретаціи Зенд-авесты, по ново-персидской грамматикѣ (у Гюбшмана), о Фирдауси (у извѣстнаго знатока персидскаго эпоса, проф. Нёльдеке), по брахманской литературѣ (Einführung in die Brahmanalitteratur) и интерпретаціи гимновъ Риг-веды и драмъ Калидасы (у проф. Leumann'a). Сверхъ того, онъ занимается армянскимъ языкомъ у проф. Гюбшмана, у котораго слушаетъ курсъ грамматики древне-армянскаго языка и интерпретацію древне-армянскихъ писателей. Въ зимній же семестръ 1885—86 акад. года бар. Штакельбергъ слушаетъ курсъ древне-верхне-нѣмецкой грамматики у проф. Martin'a.

Просматривая списокъ прослушанныхъ въ германскихъ университетахъ бар. Штакельбергомъ лекцій, нельзя не замѣтить, что онъ прослушалъ, сравнительно, немного курсовъ по индо-европейскому языковѣдѣнію. Тѣмъ не менѣе, это обстоятельство не отразилось неблагопріятно на его ученой дѣятельности. Понятіе о методѣ сравнительнаго языковѣдѣнія онъ могъ, въ достаточной степени, усвоить на лекціяхъ проф. Гюбшмана („Важнѣйшіе результаты сравнит. языковѣдѣнія") и Бругмана („Ученіе о звукахъ и формахъ греческаго языка"), а также изъ курсовъ по грамматикѣ тѣхъ отдѣльныхъ иранскихъ языковъ, которыми онъ занимался спеціально. Полученныя имъ первоначальныя свѣдѣнія онъ настолько пополнилъ самостоятельными занятіями, что въ его работахъ лингвистическая часть постоянно находилась на высотѣ научныхъ требованій. Наконецъ, слѣдуетъ также отмѣтить, что бар. Штакельбергъ, убѣжденный поклон-

никъ классическаго образованія, обладалъ хорошимъ знаніемъ древнихъ языковъ и извѣстною начитанностью въ греческихъ и латинскихъ авторахъ.

За время своего пребыванія въ Страсбургѣ, бар. Штакельбергъ начинаетъ работать надъ изслѣдованіемъ, посвященнымъ синтаксису осетинскаго языка. Работа, эта, озаглавленная „Beiträge zur Syntax des Ossetischen“ (Strassburg, 1886) и представляющая обзоръ почти всего осетинскаго синтаксиса (syntaxis nominis и syntaxis verbi, а также синтаксисъ сложнаго предложенія),—была представлена имъ въ качествѣ докторской диссертаціи. По разсмотрѣнію ея факультетомъ, онъ былъ возведенъ въ степень доктора философіи (въ іюлѣ 1886 г.). Хотя, повидимому, бар. Штакельбергъ и спеціализировался по ново-персидскому языку (причемъ, сверхъ прослушанныхъ имъ курсовъ, онъ занимался еще приватно средне-персидскимъ [пехлевійскимъ] у проф. Horn'а),—однако въ качествѣ темы для только что упомянутой докторской диссертаціи имъ былъ избранъ одинъ изъ сравнительно менѣе изслѣдованныхъ ново-иранскихъ языковъ—осетинскій. Интересъ къ языку самой западной вѣтви иранскаго племени пробудился въ нашемъ молодомъ ученомъ благодаря только что появившемуся тогда труду московскаго ираниста, проф. Вс. Миллера—„Осетинскіе этюды“ (ч. I [1881]—тексты и ч. II [1882]—изслѣдованіе по языку и этнографіи; ч. III появилась уже позже, въ 1887 г.). Бар. Штакельбергъ вступилъ въ сношенія съ проф. Миллеромъ, и послѣдній не замедлилъ снабдить его необходимыми пособіями по изученію осетинскаго языка (изданія текстовъ и т. д.). Съ другой стороны, не могло, конечно, остаться безъ вліянія и то обстоятельство, что, въ лицѣ проф. Гюбшмана, бар. Штакельбергъ могъ имѣть руководителя въ своихъ занятіяхъ этимъ языкомъ [1]). Объ этомъ близкомъ участіи проф. Гюбшмана свидѣтельствуютъ, напримѣръ, и тѣ, помѣщенныя въ концѣ диссертаціи *Nachträge*, которыя, по заявленію автора, обязаны своимъ появленіемъ указаніямъ страсбургскаго ираниста. Обстоятельность изложенія, самостоятельный подборъ матеріала и строго-научный методъ

---

[1]) Проф. Гюбшману принадлежитъ нѣсколько работъ въ области осетинской филологіи. Главная изъ нихъ—„Etymologie und Lautlehre der Ossetischen Sprache“ (Strassburg, 1887—I-й т. серіи: *Sammlung Indogerman. Wörterbücher*) написана имъ преимущественно на основаніи изученія лингвистической части „Осетинскихъ этюдовъ“ проф. Вс. Миллера. (Съ другой стороны, на основаніи, главнымъ образомъ, этнографической части этихъ же „Осетинскихъ этюдовъ“, проф. Гюбшманомъ была написана статья—„Sage und Glaube der Osseten“ въ Z. D. M. G., XLI, pp. 523—576).

изслѣдованія выгодно выдѣляли работу бар. Штакельберга, и критика, отмѣтивъ неизбѣжные во всякомъ подобномъ трудѣ недосмотры, особенно подчеркнула положительныя стороны этой докторской диссертаціи. (Срв., напр., рецензію въ „Litterar. Centralblatt" за 1887 г., № 13, pp. 425—426).

Періодъ жизни бар. Штакельберга отъ 1887 г. по осень 1889 года намъ остается неизвѣстнымъ; мы знаемъ только, что въ 1888 г. онъ былъ избранъ членомъ Германскаго восточнаго общества (Deutsche Morgenländische Gesellschaft). Съ октября же 1889 г. онъ вступаетъ въ качествѣ вольнослужащаго (Volontär) въ Страсбургскую университетскую библіотеку съ цѣлью ознакомленія съ постановкою библіотечнаго дѣла и изученія библіотечной службы. Съ большимъ рвеніемъ онъ предался своему новому занятію и оказалъ не мало услугъ библіотекѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ въ выданномъ ему (въ маѣ 1890 г.) аттестатѣ университетскій оберъ-библіотекарь.

За этотъ періодъ времени бар. Штакельбергъ присылаетъ въ Восточную комиссію Императорскаго Московскаго археологическаго общества свою первую русскую работу—„Замѣтка о нѣкоторыхъ персидскихъ словахъ въ осетинскомъ языкѣ", которая и была доложена проф. Вс. Миллеромъ въ засѣданіи 15-го декабря 1889 г.; въ виду ея научнаго интереса тогда же было постановлено напечатать ее въ „Древностяхъ восточныхъ", гдѣ она и появилась (въ 1891 г.) во 2-мъ выпускѣ I-го тома.

Съ 1890 года бар. Штакельбергъ водворяется на жительство въ Москвѣ, и мы можемъ уже слѣдить за московскимъ періодомъ его ученой дѣятельности, которая проявилась въ самостоятельныхъ работахъ, въ участіи въ занятіяхъ Восточной комиссіи [1]) Императорскаго Московскаго археологическаго общества (членомъ-корреспондентомъ котораго онъ избирается въ 1891 г., а дѣйствительнымъ членомъ въ 1898 г.) и, наконецъ, въ преподаваніи персидскаго языка и словесности въ Спеціальныхъ классахъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ. Въ связи съ послѣднимъ мы должны нѣсколько остановиться на обстоятельствахъ, предшествовавшихъ появленію бар. Штакельберга въ качествѣ преподавателя въ московской школѣ восточныхъ языковъ.

Въ 1892 г. въ Спеціальныхъ классахъ Лазаревскаго института

[1]) 8-го декабря 1890 г. баронъ Штакельбергъ впервые *лично* выступилъ въ Восточной комиссіи съ интереснымъ сообщеніемъ „Финско-иранскія лексикальныя отношенія", о которомъ намъ еще придется говорить.

былъ поднятъ вопросъ о замѣщеніи каѳедры персидской словесности, ставшей вакантною со смерти проф. Холмогорова. Заявленія о желаніи занять вакантную каѳедру были поданы нѣсколькими лицами: двумя бывшими студентами Спеціальныхъ классовъ и однимъ выдающимся иностраннымъ иранистомъ (нынѣ профессоромъ восточной филологіи въ одномъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ университетовъ). Къ числу этихъ аспирантовъ присоединился также и бар. Штакельбергъ. Хотя замѣщеніе каѳедры не состоялось, однако преподаваніе было обезпечено приглашеніемъ въ качествѣ сторонняго преподавателя сначала профессора Московскаго университета (нынѣ академика) Ѳ. Е. Корша, а затѣмъ, въ концѣ 1893 г., бар. Штакельберга. Въ январѣ слѣдующаго 1894 г. бар. Штакельбергъ прочелъ вступительную лекцію, посвященную персидскому эпосу и Фирдауси, а въ апрѣлѣ было получено согласіе попечителя Московскаго учебнаго округа на ходатайство Спеціальныхъ классовъ о допущеніи его „въ качествѣ сторонняго преподавателя“ къ чтенію лекцій по персидской словесности на 1 и 2 курсахъ, по двѣ на каждомъ. Такъ какъ въ это время бар. Штакельбергъ еще не обладалъ достаточнымъ знаніемъ арабскаго языка, столь необходимаго при чтеніи произведеній персидской словесности, изобилующихъ массою арабскихъ словъ, выраженій и оборотовъ, то ему *пока* пришлось выбирать для занятій со своими слушателями такія произведенія, въ которыхъ эта обычная особенность ново-персидскихъ памятниковъ менѣе даетъ себя чувствовать спеціалисту-*иранисту*, каковымъ былъ покойный. Такимъ образомъ, бар. Штакельбергъ начинаетъ читать на 1-мъ курсѣ (гдѣ онъ также преподавалъ и грамматику) обзоръ персидской исторіи, составленный принцемъ Джемалъеддиномъ Мирзою (сыномъ извѣстнаго Фет-Али-Шаха). Это сочиненіе, озаглавленное „Намэ-и-хосрованъ“ (т. е. книга царей), представляетъ собою оригинальную и смѣлую попытку писать, вопреки вѣковымъ традиціямъ ново-персидскаго литературнаго слога, на чистомъ персидскомъ языкѣ, безъ арабскихъ словъ и выраженій. Что же касается 2-го курса, то здѣсь бар. Штакельбергъ разбиралъ поэму Фирдауси „Шах-намэ“, въ которой арабскій лексикальный элементъ является, сравнительно, незначительнымъ. Впослѣдствіи, когда онъ расширилъ свои познанія въ арабскомъ языкѣ, для него явилась возможность интерпретировать и другихъ ново-персидскихъ классиковъ, какъ, напримѣръ, Саади, Аттара и т. д. [1]). Но его главное вниманіе и интересъ по-

[1]) Объ усиленныхъ занятіяхъ бар. Штакельберга арабскимъ языкомъ свидѣ-

стоянно оставались сосредоточенными на ново-персидскомъ эпосѣ, введеніе по исторіи котораго онъ постоянно предпосылалъ своему курсу по чтенію „Шах-намэ". Чтеніе поэмы Фирдауси давало ему также возможность иногда дѣлать экскурсы и въ область средне-персидскаго языка, для изученія котораго языкъ „Шах-намэ" является однимъ изъ существенныхъ подспорій. Знакомилъ бар. Штакельбергъ своихъ слушателей и съ главными теченіями персидскаго суфизма въ связи съ чтеніемъ отрывковъ изъ соотвѣтствующихъ произведеній (какъ „Бустанъ" Саади). Свои преподавательскія обязанности покойный иранистъ исполнялъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ до послѣдняго дня своей жизни, пользуясь глубокимъ уваженіемъ со стороны коллегъ и симпатіями слушателей [1]).

Московскій періодъ дѣятельности бар. Штакельберга, помимо преподавательскихъ обязанностей, долженъ быть отмѣченъ и какъ періодъ усиленныхъ научныхъ занятій въ избранной имъ спеціальности. Съ одной стороны, онъ помѣщаетъ свои работы на нѣмецкомъ языкѣ въ заграничныхъ періодическихъ изданіяхъ—Zeitschrift d. deutschen morgenländ. Gesellschaft", „Wiener Zeitschrift f. die Kunde des Morgenlandes", „Indogermanische Forschungen" [2]),—съ другой, участвуя въ занятіяхъ Восточной комиссіи Императорскаго Московскаго археологическаго общества, печатаетъ въ ея органѣ—„Древностяхъ восточныхъ" рядъ разработанныхъ этюдовъ, предварительно доложенныхъ имъ въ видѣ сообщеній. Рукописный отдѣлъ библіотеки Спеціальныхъ классовъ, съ своей стороны, также доставлялъ ему новые матеріалы для работъ: онъ сличаетъ тексты рукописей „Шах-намэ", изучаетъ

тельствуетъ одинъ изъ его коллегъ—преподаватель арабскаго языка М. Аттая. По словамъ послѣдняго, за послѣдніе годы онъ сдѣлалъ настолько большіе успѣхи, что былъ уже въ состояніи приступить къ самостоятельному изученію нѣкоторыхъ памятниковъ арабской письменности съ цѣлью извлеченія матеріаловъ для своихъ занятій по персидской литературѣ.

[1]) Срв. личныя воспоминанія о покойномъ въ статьѣ А. Хаханова—„Памяти товарища-сослуживца" (въ „Русскихъ вѣдомостяхъ", 1908, № 1), въ письмѣ въ редакцію „Русскихъ вѣд." его бывшихъ учениковъ, присланномъ изъ Персіи („Памяти бар. Р. Р. Штакельберга" — „Р. В.", 1908, № 26) и др. Не въ меньшей мѣрѣ бар. Штакельбергъ пользовался уваженіемъ среди ученаго міра и за свою беззавѣтную преданность наукѣ, и это уваженіе питали по отношенію къ нему не только лично знавшіе его, но и тѣ, которые были лишь знакомы съ его трудами и изъ ихъ изученія выносили себѣ представленіе объ ихъ авторѣ.

[2]) Въ послѣдующемъ изложеніи мы будемъ обозначать эти журналы общепринятыми сокращеніями: Z. D. M. G.; W. Z. K. M.; I. F.

персидскую лексикальную литературу (словарь Суури и др.), собирая матеріалъ для своихъ работъ по персидской лексикологіи [1]), и т. д.

Какъ характерную черту ученыхъ занятій бар. Штакельберга слѣдуетъ отмѣтить его особенную тщательность и добросовѣстность по отношенію изучаемаго вопроса: онъ продолжалъ работать надъ своими изслѣдованіями и послѣ того, какъ они уже появились въ свѣтъ, и его Handexemplar'ы постоянно продолжали покрываться многочисленными приписками, замѣтками и дополненіями. Каждая его работа отличалась документальностью, предоставляя въ распоряженіе читателя необходимый сырой матеріалъ, на которомъ базировалось самое изслѣдованіе, и будучи снабжена многочисленными примѣчаніями и библіографическими ссылками и указаніями, свидѣтельствующими о тщательномъ изученіи литературы *предмета*.

Ученая дѣятельность бар. Штакельберга была сосредоточена, главнымъ образомъ, около вопросовъ изъ области изученія персидскаго (преимущественно средне-персидскаго [пехлевійскаго] и ново-персидскаго) и осетинскаго языковъ. Свои научныя симпатіи онъ удѣлилъ, отчасти, также армянской и угро-финской филологіи, поскольку та и другая—въ особенности первая—соприкасалась съ ирановѣдѣніемъ. Такимъ образомъ, труды бар. Штакельберга представляется возможнымъ раздѣлить на три категоріи: 1) труды, относящіеся къ *иранской*, 2) *армянской* и 3) *угро-финской филологіи*.

Обращаясь къ обзору трудовъ бар. Штакельберга въ области ирановѣдѣнія, прежде всего слѣдуетъ остановиться на его работахъ по изученію *осетинскаго языка и фольклора*. Помимо докторской диссертаціи (1886 г.), посвященной, какъ мы уже знаемъ, осетинскому синтаксису, бар. Штакельбергомъ были напечатаны еще слѣдующія замѣтки и статьи:

---

[1]) Въ качествѣ лексиколога бар. Штакельбергъ пользовался достаточною извѣстностью среди спеціалистовъ. Такъ, проф. Horn, задумавъ планъ ново-персидскаго словаря, который могъ бы замѣнить уже устарѣвшій почтенный трудъ Вуллерса, послалъ экземпляръ этого плана на просмотръ, въ числѣ другихъ спеціалистовъ, также и бар. Штакельбергу. Самый планъ представлялъ собою пробное собраніе соотвѣтствующихъ мѣстъ, заключающихъ слово *āb* „вода". Въ это собраніе спеціалисты по персидской лексикологіи должны были внести исправленія и добавленія. (См. P. Horn — „Vorschläge für ein neupers. Wörterbuch" въ „Verhandlungen des XIII internat. Orientalisten-Kongress etc.". Leiden, 1904, p. 119 sq.). — Кромѣ того, проф. Horn'у бар. Штакельбергъ сообщилъ не мало указаній для его извѣстнаго труда по этимологіи ново-персидскаго языка. (См. Horn—„Grundriss d. neupers. Etymologie". Strassburg, 1893, p. XXV).

1) „Ossetica“ (въ Z.D.M.G., XLII [1888 г.], pp. 416—420) и 2) „Ossetica“ (въ Z.D.M.G., XLIII [1889], pp. 671—673).—Эти обѣ статьи [1]) представляютъ рядъ этимологій осетинскихъ словъ и замѣтокъ по вопросу о народныхъ вѣрованіяхъ осетинъ, которому бар. Штакельбергъ посвятилъ и нѣсколько послѣдующихъ работъ; къ этой же области принадлежитъ часть его статьи „Iranica“ въ Z.D.M.G., XLV („Beiträge z. osset. Volksreligion“, p. 624 sq.). Матеріаломъ для этихъ этюдовъ по осетинскому фольклору послужили ему (равно какъ и для соотвѣтствующей работы проф. Гюбшмана) извѣстныя главы „Осетинскихъ этюдовъ“ проф. Вс. Миллера.

3) „Замѣтка о нѣкоторыхъ персидскихъ словахъ въ осетинскомъ языкѣ“ (въ „Древностяхъ восточныхъ“, т. I, вып. 2-й [1891], стр. 135—142, и отдѣльно). — Этотъ лексикологическій этюдъ представляетъ цѣнное дополненіе къ отдѣлу *Lehnwörter* въ „Etymologie und Lautlehre d. osset. Sprache“ (p. 118 sq., p. 144 sq.) проф. Гюбшмана, вліянію котораго онъ, несомнѣнно, обязанъ своимъ возникновеніемъ. Разсмотрѣвъ рядъ словъ персидскаго происхожденія, обращающихъ на себя вниманіе какъ своею архаичностью, такъ и обозначаемыми ими понятіями, бар. Штакельбергъ попытался сдѣлать отсюда выводъ для культурной исторіи осетинскаго племени: эти заимствованія были признаны имъ остатками религіозныхъ вѣрованій древней Персіи. Этотъ этюдъ наглядно показываетъ, какъ онъ—въ то время еще начинающій ученый—широко смотрѣлъ на задачи изученія фактовъ языка, въ которыхъ видѣлъ матеріалъ не только для лингвистическихъ построеній, но и для культурно-историческихъ выводовъ.

4) „Главныя черты въ народной религіи осетинъ“ [2]) (въ „Юби-

---

[1]) Обѣ статьи носятъ одно и тоже заглавіе—„Ossetica“. Это мы считаемъ нужнымъ подчеркнуть въ виду библіографической неточности („Ossetica I“, „Ossetica II“) въ (неполномъ) спискѣ трудовъ бар. Штакельберга, помѣщенномъ въ памятной книжкѣ—„Тридцатилѣтіе Спеціальныхъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ“ (Москва, 1903), стр. 131. [Мы должны, однако, оговориться, что эти и другія неточности не могутъ быть поставлены въ вину редакціи упомянутой памятной книжки, получившей свѣдѣнія отъ самого автора].

По поводу нашего перечня работъ покойнаго оріенталиста, мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что то, что́ приведено въ настоящей статьѣ, повидимому, исчерпываетъ всѣ произведенія его пера, хотя, быть можетъ, и возможны незначительные пробѣлы. Такъ, напримѣръ, уже заканчивая настоящую статью, намъ пришлось познакомиться съ вырѣзкою изъ одного нѣмецкаго журнала, представляющею критическую статью бар. Штакельберга „Gobineau und der historische Arianismus“.

[2]) Къ этой статьѣ примыкаетъ по содержанію его другая, болѣе популярная ра-

лейномъ сборникѣ въ честь Вс. Ѳ. Миллера, изданномъ его учениками и почитателями". Москва, 1900, стр. 20—23).—Эта небольшая статья является какъ бы резюме предыдущихъ однородныхъ по содержанію работъ бар. Штакельберга, съ нѣкоторыми къ нимъ исправленіями. Здѣсь онъ разсматриваетъ „вліяніе разныхъ религіозныхъ системъ на народную религію осетинъ", послѣдовательно останавливаясь на вліяніи (грузинскаго) христіанства (основной элементъ осетинскихъ народныхъ вѣрованій), парсизма и мусульманства.

Отдѣльно слѣдуетъ отмѣтить въ области *Ossetica* изданный бар. Штакельбергомъ совмѣстно съ проф. Вс. Миллеромъ текстъ пяти осетинскихъ разсказовъ на дигорскомъ діалектѣ, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ переводомъ: „Fünf ossetische Erzählungen in digorischen Dialect. Herausgegeben von W. Miller und R. von Stackelberg. Mit deutscher Übersetzung, Glossar und Anhang von R. von Stackelberg" (St.-Pétersbourg, 1891). Въ этомъ изданіи, въ которомъ живое участіе принимали также проф. Т. Нёльдеке и акад. К. Г. Залеманъ (см. *Vorwort*, p. II), бар. Штакельбергу исключительно принадлежитъ сопровождающій изданіе текста нѣмецкій, близкій къ подлиннику, переводъ (съ примѣчаніями), обстоятельный научный глоссарій (въ которомъ авторъ обнаруживаетъ также нѣкоторое знакомство съ „кавказскими" языками) и приложеніе (*Anhang*, pp. 80—85), представляющее собраніе (въ алфавитномъ порядкѣ) заимствованныхъ словъ въ осетинскомъ въ дополненіе къ таковому же собранію у Гюбшмана, въ его „Etymologie und Lautlehre d. ossetischen Sprache".

Въ области *средне- и ново-персидской (и вообще иранской) филологіи* бар. Штакельбергомъ, начиная съ 1891 года, были написаны слѣдующія работы, заключающія б. ч. подъ общими заглавіями (Iranica, Persica и пр.) рядъ экскурсовъ въ область языка (главнымъ образомъ лексикографіи и ономастики), литературы и древностей иранскихъ народовъ (преимущественно персовъ). При этомъ, въ этихъ же его работахъ встрѣчаются и замѣтки, посвященныя тѣмъ или другимъ вопросамъ арменовѣдѣнія, находящимся въ связи съ извѣстными вопросами иранологіи. Къ работамъ этого рода принадлежатъ слѣдующія:

1) „Iranica" (въ Z. D. M. G., XLV [1891], pp. 620—628)—статья, заключающая, между прочимъ, замѣтки: о ново-персидскомъ прозваніи

бота—„Etwas über die ossetische Götterwelt", помѣщенная въ „Baltische Monatsschrift", Bd. XXXVIII, Heft 8, pp. 669—677.

Рустама (у Фирдауси) „sagzī“ (сеистанецъ, изъ Сеистана) и его отношеніе къ древне-армянскому sagčik (заимствованное средне-перс. *sagčik) у Моисея Хоренскаго („Исторія Арменіи“, кн. II, гл. 8); о древне-армянскихъ отголоскахъ (у Моисея Хоренскаго, o. c., II, 9) иранскаго сказанія о „стрѣлкахъ“—сказанія, къ которому нашъ авторъ возвращался впослѣдствіи не разъ; объ осетинскихъ народныхъ вѣрованіяхъ и пр.

2) „Persische Miszellen“ (въ I. F., IV [1894], pp. 147—152)—замѣтки о нѣкоторыхъ персидскихъ собственныхъ именахъ, о сказаніи о Гандаревѣ въ „Шах-намэ“ и о „стрѣлкахъ“ (ср. выше).

3) „Нѣсколько словъ о персидскомъ эпосѣ *Виса и Раминъ*“ (въ „Древностяхъ восточныхъ“, т. II, вып. 1, стр. 10—23, и отд. изд., Москва, 1896).—Настоящая монографія знакомитъ насъ съ однимъ эпическимъ произведеніемъ ново-персидской литературы—„Vīs ō Rāmīn“ (= „Висъ и Раминъ“), бывшимъ предметомъ тщательнаго изученія со стороны нашего ираниста. Какъ извѣстно, эта поэма Фехреддина Гургани (XI в.) является переводомъ-передѣлкою первоначальнаго пехлевійскаго прозаическаго оригинала. Приведя подробное содержаніе поэмы, бар. Штакельбергъ указываетъ на ея значеніе для исторіи культуры старой (главнымъ образомъ сасанидской) Персіи и сравниваетъ ее въ этомъ отношеніи съ „Шах-намэ“. „Шах-намэ,—читаемъ мы,—знакомитъ насъ почти исключительно съ внѣшней стороной персидской жизни древнихъ временъ: въ романѣ о приключеніяхъ „Висы и Рамина“ битвамъ и политическимъ дѣламъ отведено менѣе мѣста, въ немъ преобладаетъ идиллическій „элементъ и лиризмъ“ („Древн. вост.“, II, 1, стр. 16). Перечисливъ затѣмъ характерныя черты иранства и зороастризма, встрѣчаемыя въ „Vīs ō Rāmīn“, и отмѣтивъ мѣткую характеристику пехлеви, сдѣланную поэтомъ Гургани,—бар. Штакельбергъ заканчиваетъ статью нѣсколькими словами объ языкѣ разбираемой поэмы и о встрѣчаемыхъ въ ней личныхъ именахъ. Какъ во многихъ другихъ, такъ и въ этой работѣ бар. Штакельбергъ удачно пользуется древне-армянскимъ для освѣщенія соотвѣтствующихъ фактовъ средне- и ново-персидскаго.—Дополненіемъ къ этой служитъ нижеслѣдующая, болѣе ранняя статья:

4) „Lexicalisches aus Wīs ō Rāmīn“ (въ Z. D. M. G., XLVIII [1894], pp. 490—497)—замѣтки по поводу нѣкоторыхъ рѣдкихъ и вообще почему-либо замѣчательныхъ словъ, встрѣчающихся въ текстѣ названной поэмы.

5) „Bemerkungen z. persischen Sagengeschichte“ (въ W. Z. K. M.,

XII [1898], pp. 230—248)—рядъ отдѣльныхъ замѣтокъ („Der Berg Sabalān", „Die Aždahākşage bei den Armeniern", „Der Kamakvogel", „Firēdhūn" и др.).

6) „Persica" (въ Z. D. M. G., LIV [1900], pp. 103—110)—лексикальныя и другія замѣтки.

7) „Beiträge z. persischen Lexicographie" (въ W. Z. K. M., XV [1901], pp. 367—392; XVII [1903] pp. 47—59; XVIII [1904], pp. 280—290).—Въ этихъ „Beiträge" мы имѣемъ рядъ замѣтокъ объ отдѣльныхъ средне-персидскихъ и ново-персидскихъ (преимущественно наиболѣе старинныхъ) словахъ и выраженіяхъ, собранныхъ при самостоятельномъ изученіи соотвѣтствующихъ текстовъ [1]), при чемъ авторомъ было удѣлено значительное вниманіе и туземнымъ лексикографическимъ работамъ (*ферхенгамъ*) [2]). Работа эта является въ то же время весьма цѣннымъ вкладомъ и въ изученіе историческаго армянскаго словаря, такъ какъ въ ней впервые указаны нѣкоторые средне-персидскіе лексикальные элементы, проникшіе, въ числѣ многихъ другихъ, въ древне-армянскій въ качествѣ культурныхъ заимствованій. Слѣдуетъ замѣтить, что эти „Beiträge" [3]) явились, отчасти, откликомъ на desiderata въ области ново-персидской лексикографіи, нашедшія себѣ наиболѣе полное выраженіе въ уже знакомомъ намъ докладѣ проф. Horn'a, сдѣланномъ на Гамбургскомъ конгрессѣ оріенталистовъ въ 1902 году (см. „Verhandlungen" этого конгресса, Leiden, 1904, p. 119 sq.).

8) „Die iranische Schützensage" (въ Z. D. M. G., LVIII [1904], pp.

---

[1]) Средне-персидскій матеріалъ былъ почерпнутъ преимущественно изъ „Yātkār-i-Zarērān" и „Chusrav-i- Kavatān u rētak-ē", бывшихъ предметомъ особаго изученія со стороны бар. Штакельберга за послѣдніе годы. — Что же касается ново-персидскаго матеріала, то онъ былъ почерпнутъ изъ старинныхъ памятниковъ литературы (особенно изъ едва использованныхъ, въ лексикальномъ отношеніи, поэтовъ XI—XII вв.: Насири Хосрау [„Dīvān"] и Синайи [Hadīqatu-l-haqīqat", т. е. „Садъ истины"], принадлежащихъ къ числу представителей суфійской поэзіи, бывшей предметомъ особаго изученія бар. Штакельберга).

[2]) Изъ памятниковъ ново-персидской лексикографической литературы предметомъ особаго вниманія для бар. Штакельберга служилъ словарь Сурури (Loghat-i- Surûri), который онъ изучалъ, какъ мы уже говорили, по рукописи Спеціальныхъ классовъ Лазаревскаго института. (Срв. по этому поводу также въ статьѣ проф. Horn'a въ „Verhandlungen" Гамбургскаго конгресса оріенталистовъ, стр. 190).

[3]) Въ нихъ особенно заслуживаетъ вниманія также экскурсъ о терминѣ Hūzvāreš, который нашъ авторъ читаетъ, какъ Hūzvārišn и толкуетъ въ значеніи системы сусіанскаго письма.

853—858)—дальнѣйшее разсмотрѣніе иранскаго сказанія о „стрѣлкахъ“ (см. выше) на основаніи новыхъ матеріаловъ.

Какъ мы уже сказали, въ связи съ изученіемъ иранскихъ языковъ стояли занятія барона Штакельберга въ области армѣновѣдѣнія и угро-финскихъ языковъ.

Изучая средне-персидскій языкъ и его памятники, баронъ Штакельбергъ не могъ, конечно, не заинтересоваться и древне-армянскимъ языкомъ и литературою, проливающими не мало свѣта на многіе вопросы средне-персидской филологіи [1]) (но и въ свою очередь получающими отъ послѣдней не мало разъясненій тѣхъ или другихъ фактовъ и разрѣшеній нѣкоторыхъ недоумѣній). Начатыя еще въ Страсбургѣ занятія армянскимъ языкомъ баронъ Штакельбергъ продолжалъ и въ Москвѣ, изучая не только грамматическіе и лексикальные факты языка, но и знакомясь съ древне-армянскою литературою и realia. Результаты этихъ занятій сказались въ массѣ отдѣльныхъ замѣчаній и наблюденій, разсѣянныхъ по его многимъ статьямъ, относящимся, собственно, къ области иранской филологіи, и съ которыми мы уже знакомы. Къ работамъ, спеціально посвященнымъ *армянской филологіи*, принадлежитъ цѣнное изслѣдованіе „Объ иранскомъ вліяніи на религіозныя вѣрованія армянъ“ (въ „Древностяхъ восточныхъ“, т. II, вып. 2 [1901], стр. 1—39 [2]), и отд. изданіе, Москва, 1901), а также статья — „Нѣсколько словъ о значеніи армянскихъ историковъ для изученія сассанидской [sic] Персіи“ (въ сборникѣ „Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ“, 1 изд., Москва, 1897, отд. I, стр. 582—586 = 2 изд., М. 1898, отд. I, стр. 192—196).

Этюдъ объ иранскомъ вліяніи на древне-армянскую религію представляетъ обстоятельное разсмотрѣніе иранскихъ представителей въ въ пантеонѣ древней Арменіи. Авторъ разсматриваетъ армянскія формы именъ иранскихъ божествъ (какъ высшаго, такъ и низшаго по-

[1]) Свой взглядъ (цѣнный не какъ новая мысль, но какъ результатъ продолжительныхъ самостоятельныхъ занятій) на значеніе древне-армянской литературы въ этомъ отношеніи бар. Штакельбергъ формулировалъ слѣдующимъ образомъ: „Армянскихъ писателей можно на ряду съ сирійцами, арабами и Шахнамэ причислить къ самымъ цѣннымъ источникамъ для изученія внутренной жизни сасанидской Персіи“. („Нѣсколько словъ о значеніи арм. историковъ для изученія сассанидской [sic!] Персіи“ въ сборникѣ „Братская помощь армянамъ“, 2-е изд., стр. 195; см. ниже).

[2]) См. также стр. 147—148 (въ отдѣлѣ протоколовъ), гдѣ помѣщено резюмэ дебатовъ, имѣвшихъ мѣсто по поводу данной работы, предварительно доложенной (31 окт. 1897 г.) въ Восточной коммиссіи.

рядка), сохранившіяся о нихъ у армянскихъ писателей преданія, которыя сопоставляются имъ съ соотвѣтствующими иранскими и т. д.; далѣе, сравниваются армянскія вѣрованія въ небесныя свѣтила съ таковыми же иранскими, представляющими отголоски семитскаго вліянія, а также разсматривается вліяніе иранскихъ религіозныхъ вѣрованій, отражающееся на нѣкоторыхъ древне-армянскихъ терминахъ, „касающихся предметовъ и выраженій изъ религіозной жизни" и являющихся иранскими заимствованіями. „По нашему мнѣнію, — говоритъ въ заключеніе баронъ Штакельбергъ, — дошедшія до насъ извѣстія объ остаткахъ языческихъ элементовъ въ религіи древнихъ армянъ, прямо указываютъ на заимствованіе изъ той формы религіи, которая водворилась въ Персіи вслѣдствіе религіозной реформы, приписываемой Зороастру"... (стр. 31 отд. изд.). Пытаясь же дать точное опредѣленіе характера армянской религіи, нашъ изслѣдователь высказывается въ томъ смыслѣ, что эта религія „представляла изъ себя объармянившуюся форму маздеизма или зороастризма съ извѣстною примѣсью греческихъ и семитскихъ элементовъ въ связи, вообще, съ малоазійскими религіозными воззрѣніями" (ibid.), т. е. считаетъ „ядро" древне-армянской религіи иранскимъ (стр. 39), въ чемъ, собственно, и заключается принципіальное различіе между взглядами барона Штакельберга и профессора Гельцера (въ его прекрасной работѣ—„Zur armenischen Götterlehre") [1]), считавшаго иранское культурное вліяніе въ древне-армянской религіи лишь наиболѣе сильнымъ, нежели остальныя. Въ своей другой, предназначенной для большой публики статьѣ о значеніи древне-армянской исторической литературы для изученія сасанидской Персіи, баронъ Штакельбергъ сдѣлалъ обзоръ тѣхъ произведеній, которыя способны пролить свѣтъ на культурную и политическую исторію Персіи указаннаго періода [2]).

Наконецъ, что касается работъ барона Штакельберга въ области *угро-финскихъ языковъ*, то мы, собственно, имѣемъ лишь одну—„Ирано-

[1]) Объ этой работѣ, вышедшей (въ 48-мъ т. „Berichte üb. die Verhandlungen d. kön. sächs. Gesellschaft d. Wiss. zu Leipzig" — ист.-филол. классъ, 1896, стр. 99—148) уже послѣ того, какъ было написано изслѣдованіе бар. Штакельберга, нашъ авторъ говоритъ на двухъ послѣднихъ дополнительныхъ страницахъ (38—39).

[2]) Слѣдуетъ отмѣтить также обѣ библіографическія замѣтки бар. Штакельберга объ изслѣдованіяхъ проф. Гр. Халатьянцъ въ области армянской исторической литературы—„Зенобъ Глакъ" (Вѣна, 1893; на ново-арм. языкѣ)—въ „Byz. Zeitschrift". IV [1895]. pp. 368 — 370, и „Армянскій эпосъ въ исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго" (М., 1896)—ibid.. VI (1897), pp. 435—439.

финскія лексикальныя отношенія" (въ „Древностяхъ восточныхъ", т. I, вып. 3 [1893], стр. 283—298, и отд. изданіе, Москва, 1893). Въ этомъ изслѣдованіи [1] разобраны 58 словъ, являющихся преимущественно въ пермяцкой группѣ угро-финскихъ языковъ въ качествѣ заимствованій иранскаго происхожденія. Сдѣлавъ на основаніи разобраннаго лексикальнаго матеріала сопоставленіе финскихъ звуковъ съ соотвѣтствующими иранскими, баронъ Штакельбергъ приходитъ къ тому выводу, что тотъ языкъ, изъ котораго проникли заимствованія въ угро-финскіе, ближе всего стоялъ къ осетинскому [2]). Такимъ образомъ, разработавъ впервые высказанную еще Клапротомъ мысль о нахожденіи въ осетинскомъ словъ, созвучныхъ съ пермяцкими, вотяцкими и такъ далѣе [3]), — баронъ Штакельбергъ показалъ съ достаточною очевидностью, что къ тремъ группамъ индо-европейскихъ языковъ, оказавшихъ вліяніе на угро-финскіе языки — германской, славянской и литовской, слѣдуетъ „прибавить еще четвертую — иранскую" (стр. 297 = стр. 15 отд. изд.).

Сдѣлавъ обзоръ ученой дѣятельности барона Штакельберга и разсмотрѣвъ содержаніе его трудовъ, мы можемъ слѣдующимъ образомъ характеризовать его какъ ученаго: это былъ иранистъ, сдѣлавшій предметомъ своихъ спеціальныхъ занятій персидскій (средне- и новоперсидскій) и осетинскій языки, которые онъ изучалъ не только лингвистически, но и филологически — въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова: факты языка и памятники литературы, исторія культуры

---

[1]) Этимъ изслѣдованіемъ, въ числѣ другихъ матеріаловъ, воспользовался будапештскій ученый Мункачи (Munkácsi Bernat) для своего извѣстнаго труда: „Árja és kaukázusi Elemek a finn-magyar nyelvekben" (т. е. „Арійскіе и кавказскіе элементы въ финско-мадьярскихъ языкахъ"), т. I (съ введеніемъ по исторіи вопроса), Budapest, 1901. (См. стр. 115).

[2]) „Иранскія слова, — говоритъ бар. Штакельбергъ, — встрѣчающіяся въ финскихъ нарѣчіяхъ принадлежатъ языку той группы иранскихъ племенъ, которыя до великаго переселенія народовъ обитали въ части юго-восточной Россіи, единственной, дошедшей до нашихъ дней, вѣтвью которыхъ являются осетины" (стр. 297 = стр. 15 отд. изд.).

[3]) „Wie man aus dem hier folgenden vergleichenden Wörterverzeichnisse sieht, kommt die Sprache der *Osseten* oder *Alanen* der Medisch-Persischen an nächsten. Doch findet sich auch viele Wörter in derselben, die mit den Liewischen, besonders aber mit dem Wotiakischen, Syrjänischen und Permischen überein kommen" (J. Klaproth — „Asia polyglotta". Paris, 1823, p. 88).

и древности пользовались, въ равной степени, его научными симпатіями. Далѣе, баронъ Штакельбергъ считалъ необходимымъ дополнить свои иранскіе этюды изученіемъ тѣхъ языковъ и культуръ, которые могутъ пролить на различные вопросы милановѣдѣнія извѣстный свѣтъ или, въ свою очередь, получить соотвѣтствующее истолкованіе: этимъ объясняются его занятія древне-армянскимъ, столь важнымъ для изученія средне-персидскаго, а также занятія угро-финскими языками, поскольку послѣдніе проливаютъ свѣтъ на ирано-финскія взаимоотношенія.

Л. М.

К. Ѳ. РАДЧЕНКО.

(Некрологъ).

22-го апрѣля безвременно, на 36-мъ году жизни, скончался ординарный профессоръ Нѣжинскаго историко-филологическаго института Константинъ Ѳедоровичъ Радченко.

Палъ на лѣхѣ, скончавъ свой трудовой день, выдающійся по даровитости и серьезности работникъ, сѣятель на широкой нивѣ всесторонняго изученія славянскаго міра, — умолкъ навсегда, прочитавъ еще 4-го апрѣля, наканунѣ пасхальныхъ вакацій, свою послѣднюю лекцію. Перестало биться кристально-чистое сердце, жившее одною чистою наукою, безгранично, идеально преданное наукѣ, которой и была посвящена вся недолгая жизнь покойнаго, и на поприщѣ которой онъ подвизался съ такой честью, давая талантливыя, цѣнныя ученыя работы и читая поразительные по содержательности, глубинѣ и научной серьезности курсы для студентовъ.

К. Ѳ. Радченко родился 20-го мая 1872 г. Въ 1890 году онъ окончилъ курсъ въ Кіевской I гимназіи съ золотой медалью и въ томъ же году поступилъ въ университетъ св. Владиміра на историко-филологическій факультетъ, который и окончилъ по славяно-русскому отдѣленію въ 1894 году. Рано заявилъ онъ себя выдающимися дарованіями и необыкновенною любовью къ труду и знанію въ области своего излюбленннаго предмета. Въ высшей степени скромный и въ то же время требовательный къ себѣ, неуклонный въ исполненіи своего долга, онъ рано обнаружилъ обширныя свѣдѣнія въ предметѣ своей спеціальности и прекрасную научную подготовку. Уже на студенческой скамьѣ онъ написалъ сочиненіе, давшее блестящее свидѣтельство о точности методовъ изслѣдованія, усвоенной его авторомъ; сочиненіе

это, писанное на тему, предложенную профессоромъ Т. Д. Флоринскимъ, ближайшимъ учителемъ, руководителемъ и другомъ покойнаго, было удостоено награды золотой медалью и издано на средства Кіевскаго университета. Это была первая печатная работа К. Ѳ. Радченко; она носитъ заглавіе: „Доснеей Обраддовичъ и его литературная дѣятельность". Кіевъ 1897 (Оттискъ изъ „Университетскихъ Извѣстій" за 1897 годъ).

Обстоятельная по содержанію и солидная по объему (253 стр.) книга эта посвящена родоначальнику сербской свѣтской литературы. Какъ серьезно научно, широко и отчетливо ставилъ свою задачу юный тогда авторъ, показываетъ его предисловіе: „Всякій писатель,— говорится здѣсь,—можетъ быть понятенъ только въ связи съ эпохой, въ которую дѣйствовалъ, культурнымъ состояніемъ народа, которому принадлежалъ. Это приложимо и къ писателямъ, повидимому, рѣзко расходившимся съ міровоззрѣніемъ современнаго имъ общества, такъ какъ и они отправлялись отъ этого міровоззрѣнія и въ большинствѣ случаевъ только ясно формулировали то, что смутно сознавалось многими. То же относится и къ изучаемому нами писателю. Къ сожалѣнію, культурное состояніе сербскаго общества временъ Доснеея изучено еще мало, источники же для насъ были недоступны. Такимъ образомъ не моя вина, если и въ настоящемъ изслѣдованіи Обраддовичъ является писателемъ, стоящимъ особнякомъ въ сербской литературѣ, если вообще мало выяснено отношеніе его къ современному обществу, связь проводимыхъ имъ идей съ воззрѣніями послѣдняго, наконецъ, если характеристика общества неполна".

Изображенію состоянія просвѣщенія и литературы у австрійскихъ сербовъ въ XVIII столѣтіи и посвященъ вводный очеркъ (стр. 1—16), небольшой, но обстоятельно и умѣло составленный на основаніи сербскихъ источниковъ—печатныхъ, которыми, за недоступностью рукописныхъ, долженъ былъ по неволѣ ограничиться авторъ. Затѣмъ слѣдуетъ сжатая біографія Доснеея, обстоятельный обзоръ литературной дѣятельности Доснеея, отличающійся тѣми же качествами, какъ и вводная глава, потомъ—характеристика Доснеея, какъ представителя философіи просвѣщенія, анализъ основныхъ положеній Доснеея и вытекающихъ изъ нихъ частностей его философско-религіозныхъ и политическихъ воззрѣній; опредѣляется вліяніе на Доснеея нѣмецкой философіи просвѣщенія, Фенелона, Аддиссона, Руссо; далѣе говорится о Доснеeѣ какъ народномъ писателѣ, устанавливается значеніе его въ сербской литературѣ, вліяніе идей Доснеея на послѣ-

дующихъ дѣятелей на поприщѣ сербской литературы. Въ послѣднихъ главахъ обращаетъ на себя вниманіе подробная характеристика языка Досиѳея, свидѣтельствующая не только о питаемомъ авторомъ интересѣ къ лингвистическимъ вопросамъ, но и о пріобрѣтенномъ имъ уже умѣніи справляться съ подобными задачами, а также о солидномъ знаніи сербскаго языка. Въ концѣ книги — обстоятельная критическая библіографія. Какое почетное мѣсто заняла работа К. Ѳ. Радченко въ ученой литературѣ предмета, ясно изъ слѣдующихъ словъ такого судьи, какъ академикъ И. В. Ягичъ: „Diese 253 Seiten umfassende Monographie ist unzweifelhaft das Beste und Eingehendste, was bisher über Dositej Obradović geschrieben wurde" (Arch. f. Slav. Philologie, XXII, B., S. 595, примѣч.).

Оставленный при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ славянской филологіи, К. Ѳ. Радченко съ 29-го октября 1894 года состоялъ университетскимъ стипендіатомъ, и уже въ маѣ 1896 года блестяще, по свидѣтельству профессора Т. Д. Флоринскаго, выдержалъ магистерскій экзаменъ. Въ сентябрѣ того же года онъ былъ командированъ историко-филологическимъ факультетомъ Кіевскаго университета въ Петербургъ и Москву для занятій рукописями въ тамошнихъ библіотекахъ. Результатомъ поѣздки явился „Отчетъ о занятіяхъ рукописями въ библіотекахъ и другихъ ученыхъ учрежденіяхъ Москвы и С.-Петербурга въ теченіе сентября и октября 1896 года", Кіевъ, 1898 (Кіевскія Университетскія Извѣстія за 1898 г.) К. Ѳ. Радченко работалъ въ Румянцевскомъ музеѣ, Синодальной биліотекѣ, въ библіотекѣ Никольскаго единовѣрческаго монастыря и въ Императорской публичной библіотекѣ. Предметомъ его занятій были рукописи, имѣвшія отношеніе къ задачамъ подготовлявшейся имъ диссертаціи о религіозномъ и литературномъ движеніи въ Болгаріи въ эпоху, предшествовавшую турецкому завоеванію; онъ сосредоточилъ свое вниманіе на тѣхъ изъ этихъ рукописей, которыя такъ или иначе характеризуютъ умственное и религіозное состояніе Болгаріи временъ Шишмановичей. „Отчетъ" и представляетъ собой изслѣдованіе 1) Болгарскаго сборника 1345 года (Синод. библ.) сравнительно съ близкимъ по содержанію сборникомъ А. И. Яцимирскаго; 2) списка житія св. Филоѳея, составленнаго Евѳиміемъ, помѣщеннаго въ Макарьевскихъ Четь-Минеяхъ; 3) сборниковъ Румянцевскаго музея № 1467 № 2513, № 1706, № 1725, № 921, № 923, Номоканона № 3169 (Румянц. муз.), сборника житій и похвальныхъ словъ № 1371 (Рум. муз.), Минеи-Четьей № 3170 (Рум. муз.), требника № 3172 (Рум.

муз.) и Торжественника № 434 (Рум. муз.); 4) въ Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ были обслѣдованы — Цвѣтная тріодь № 135, Прологи №№ 190 и 191 и Сборникъ № 237; 5) въ Императорской публичной библіотекѣ вниманіе К. Ѳ. Радченко остановили на себѣ — сборникъ 1348 г., скитскій Патерикъ XIV—XV в. (Q. I, № 819), номоканонъ XIV в. (Q. II, № 90), сборники колл. Гильфердинга №№ 47 35 и отрывокъ изъ Паренесиса, той же коллекціи № 60, сборникъ № 81, Маргаритъ отд. гр. Толст. I, № 59, листокъ изъ Лѣствицы Q. I, № 747, списокъ житія Іоанна Рыльскаго F. I, № 488, отрывокъ изъ Исаака Сирина Q. I, № 903 и переводъ Исаака Сирина Q. I, № 207. Въ видѣ приложенія напечатаны тексты: житіе св. Юліаніи, по списку Румянцевскаго музея № 1467, житіе преподобныхъ отцевъ, сожженныхъ при Михаилѣ Палеологѣ въ Заграфскомъ монастырѣ (Рум. муз. № 1706) и разсказъ о епископѣ Ефремѣ (Рум. муз. № 921).

Изслѣдованіе касается какъ состава и содержанія обозрѣваемыхъ рукописей, такъ и ихъ языка и палеографическихъ особенностей. Въ результатѣ получился рядъ любопытныхъ и важныхъ выводовъ о разрядахъ болгарскихъ переводныхъ произведеній разсматриваемой авторомъ эпохи (сочиненія богословскія, научныя, историческія, аскетическія и эсхатологическія).

Свои розысканія К. Ѳ. Радченко продолжалъ въ рукописныхъ собраніяхъ Кіева, и, такимъ образомъ, передъ нашимъ изслѣдователемъ выяснилась картина того замѣчательнаго движенія въ области религіозной мысли и литературы, какое обозначилось въ Болгаріи въ срединѣ и во второй половинѣ XIV в., т. е. наканунѣ турецкаго завоеванія, и сказалось въ распространеніи ересей, въ религіозныхъ спорахъ, въ заботахъ о развитіи литературы и очищеніи литературнаго языка, въ появленіи ряда характерныхъ произведеній литературы, въ значительномъ умноженіи памятниковъ письменности и прочее. Нѣкоторые изъ относящихся сюда фактовъ (напр., жизнь и дѣятельность патр. Евѳимія) уже привлекали къ себѣ вниманіе ученыхъ, но во всей совокупности они еще не были достаточно раскрыты и оцѣнены, и все движеніе, его характеръ и происхожденіе еще не были объяснены. К. Ѳ. Радченко принялъ на себя задачи всесторонняго изученія любопытныхъ историческихъ явленій данной эпохи, — и, руководимый совѣтами своего учителя, профессора Т. Д. Флоринскаго, работая строго-систематически, по опредѣленному плану, выполнилъ свою задачу съ полнымъ успѣхомъ. Онъ розыскалъ рядъ новыхъ данныхъ, которыя умножили фактическія свѣдѣнія объ изучаемомъ времени,

привлекъ новый рукописный матеріалъ, привелъ въ ясность сохранившіяся отъ XIV и начала XV столѣтія рукописи болгарскаго извода и опредѣлилъ на основаніи собранныхъ данныхъ какъ объемъ переводческой дѣятельности въ Болгаріи въ данную эпоху, такъ и литературные вкусы и потребности читающей публики той отдаленной поры. Затѣмъ, вѣрно угадывая, что ключъ къ объясненію изучаемаго историческаго явленія въ Болгаріи нужно искать въ Византіи, К. Ѳ. Радченко занялся самостоятельнымъ изученіемъ по источникамъ религіозно-нравственнаго состоянія Византіи и византійской литературы XIV вѣка; онъ обратилъ вниманіе на византійскій мистицизмъ XIV в., съ его новыми представителями Григоріемъ Синаитомъ и Григоріемъ Паламой, а равно и на противоположныя ему ученія Варлаама и Акиндина, привлекъ къ разсмотрѣнію исихастическое ученіе и другія стороны религіозной жизни Византіи данной эпохи, напримѣръ, распространеніе вѣры въ видѣнія и пророчества, развитіе демонологіи и колдовства, пропаганду латинскихъ тенденцій и тому подобное. Пользуясь указаніями также нынѣ покойнаго уже профессора Н. П. Дашкевича на аналогичныя явленія религіозной жизни Западной Европы XIV вѣка, К. Ѳ. Радченко привлекъ западныя параллели византійскому мистицизму и позаботился о выясненіи отношенія мистицизма къ богомильству и другимъ средневѣковымъ сектамъ.

Съ другой стороны, выясняя культурное вліяніе Византіи на развитіе явленій религіозной и литературной жизни Болгаріи, К. Ѳ. Радченко не упустилъ изъ виду прослѣдить и дальнѣйшее распространеніе этого движенія, — именно отраженіе его въ Россіи и вліяніе южно-славянскихъ писателей XIV—XV вѣка на развитіе религіознаго сознанія и литературы на Руси не только въ XV, но и въ XVI столѣтіи.

Разработка всѣхъ этихъ матеріаловъ и вопросовъ составила содержаніе книги К. Ѳ. Радченко, вышедшей подъ заглавіемъ: „Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху передъ турецкимъ завоеваніемъ“. Кіевъ, 1898 г. (оттискъ изъ Кіевскихъ Университескхъ Извѣстій за 1898 г.) [1]). Работа распадается на слѣдующія главы: въ I главѣ данъ очеркъ внѣшней исторіи и внутренняго состоянія Болгаріи при послѣднихъ Шишмановичахъ; II глава посвящена описанію религіозно-нравственнаго состоянія Византіи въ XIV столѣтіи; III глава

[1]) Отзывъ о ней проф. *Т. Д. Флоринскаго*, легшій въ основу нашихъ замѣчаній, въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1898 г., октябрь.

представляетъ характеристику религіознаго движенія въ Болгаріи; IV глава занята обзоромъ и разборомъ болгарской литературы времени послѣднихъ Шишмановичей, при чемъ разсмотрѣна сперва оригинальная литература, а затѣмъ переводная; наконецъ, въ V главѣ сведены итоги изслѣдованія и дана общая оцѣнка религіознаго и литературнаго движенія въ Болгаріи.

Наблюденія автора отличаются глубиною и точностью, выводы его—новизной. Раскрытіе сущности и характера религіознаго состоянія Византіи въ данную пору помогло ему уяснить особенности явленій религіозной и литературной жизни Болгаріи; оказалось, что всѣ эти явленія возникли и развились подъ культурнымъ вліяніемъ Византіи. Выдающіеся болгарскіе дѣятели въ данной области являлись учениками византійцевъ и усердными ихъ послѣдователями. Нечего говорить о томъ, насколько эти наблюденія и выводы любопытны и важны для историка древняго періода русской литературы, при рѣшеніи вопросовъ о культурно-литературныхъ вліяніяхъ, шедшихъ изъ Византіи на Русь, въ частности — при анализѣ литературы русскихъ житій XV вѣка въ связи съ болгарскою житійною литературой XIV вѣка, или — при разсмотрѣніи дѣятельности Нила Сорскаго въ связи съ византійско-болгарскимъ мистицизмомъ.

Вслѣдъ за книгой К. О. Радченка, въ 1899 г. вышелъ обширный трудъ П. А. Сырку: „Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Томъ I. Вып. 1. Время и жизнь патріарха Евоимія Терновскаго“. С.-Петербургъ 1899. 8° XXXII + 609 [1]). Авторъ этого труда двадцать лѣтъ усердно работалъ въ области изученія южнославянской старины; особенно онъ былъ извѣстенъ, какъ знатокъ древней исторіи и литературы болгаръ; въ поискахъ за новыми матеріалами онъ не ограничился занятіями въ извѣстнѣйшихъ хранилищахъ рукописей въ предѣлахъ Россіи, но совершилъ цѣлый рядъ ученыхъ путешествій за-границу, преимущественно въ славянскія земли; такимъ образомъ, П. А. Сырку скопилъ обширный запасъ фактическихъ и библіографическихъ свѣдѣній по части прошлыхъ судебъ южнаго славянства, въ частности Болгаріи, и предполагалъ использовать этотъ матеріалъ въ огромномъ сочиненіи, которое должно было распасться на четыре части или два тома. Въ виду всего этого, психологически

[1]) См. Отзывъ проф. *Т. Д. Флоринскаго*, въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1899 г., сентябрь: „Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію“, стр. 241 — 249.

понятно, хотя, разумѣется, никакъ не можетъ быть одобрено, то высокомѣрное отношеніе, какое обнаружилъ П. А. Сырку къ труду начинавшаго тогда молодого ученаго, К. О. Радченка: „Г. Радченко— выразился П. А. Сырку въ предисловіи къ своей книгѣ—какъ-будто предвосхитилъ меня своею книгою, ибо онъ долженъ былъ изслѣдовать тотъ самый предметъ, который составляетъ предметъ содержанія моей книги; но какъ показываетъ и несовсѣмъ ясное заглавіе его книги, авторъ не опредѣлилъ въ точности своей задачи и при томъ при изслѣдованіи своего предмета онъ пользуется методомъ фольклористическимъ, который привелъ его къ выведенію ряда эпизодовъ, болѣе или менѣе освѣщенныхъ нерѣдко съ предвзятою мыслью, но зато мало выясненныхъ, при чемъ нѣкоторыя, иногда очень видныя, стороны вопроса совершенно опущены... Книга г. Радченка не представляетъ ничего цѣльнаго, даетъ только рядъ замѣтокъ, иногда весьма дѣльныхъ и полезныхъ; книга г. Радченка какъ бы вызываетъ другую книгу по тому же вопросу“ (стр. VI). Послѣдняя фраза и даетъ ключъ, почему такъ сурово отнесся къ труду К. Θ. Радченка П. А. Сырку: ему нужно было оправдать появленіе своей книги. Но оправдываетъ ли содержаніе послѣдней такое неосторожное высокомѣріе ея автора? Вотъ отзывъ критика-спеціалиста (проф. Флоринскаго): „Обиліемъ разныхъ мелочей и подробностей, нерѣдко имѣющихъ отдаленное отношеніе къ предмету сочиненія и, тѣмъ не менѣе, тщательно собранныхъ П. А. Сырку, его работа, несомнѣнно, превосходитъ работу К. Θ. Радченка и кое въ чемъ можетъ служить для ея пополненія и исправленія. Но въ цѣломъ въ отношеніи разработки сырого матеріала, стройности и послѣдовательности изложенія, количества и качества общихъ положеній и выводовъ сочиненіе г. Сырку не только не стоитъ выше сочиненія К. Θ. Радченка, а скорѣе уступаетъ послѣднему. Оно не даетъ никакихъ новыхъ крупныхъ фактовъ, которые не были бы указаны въ трудѣ Радченка, не богато новыми мыслями и соображеніями, которыя могли бы существенно измѣнить освѣщеніе данной эпохи, представленное кіевскимъ молодымъ ученымъ. Разногласія между обоими изслѣдованіями или касается мелочей, или же, если относится къ болѣе общимъ вопросамъ (напр., о правовѣріи исихастовъ, о значеніи царствованія Іоанна Александра), то основывается на недоразумѣніи, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ истина оказывается не на сторонѣ г. Сырку“.

И насколько важнымъ подспорьемъ послужилъ трудъ К. Θ. Радченка для самого же П. А. Сырку при обработкѣ его собственнаго изслѣ-

дованія, яснымъ становится изъ многочисленныхъ ссылокъ на К. Ѳ. Радченка во второй части работы Сырку.

Въ 1-й книгѣ IV тома Извѣстій Отд. русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ (1899 года) явилась рѣзкая рецензія на книгу К. Ѳ. Радченка, написанная А. Л. Липовскимъ; критикъ находилъ, что итоги изслѣдованія, важность и интересъ которыхъ онъ самъ вполнѣ признаетъ, высказаны въ заключеніи догматически и не оправданы изслѣдованіемъ (стр. 368—369). Въ сдержанномъ краткомъ отвѣтѣ на страницахъ того же академическаго изданія (т. VII, кн. 2, 1902 г., стр. 420—421) К. Ѳ. Радченко показалъ, что рецензія г. Липовскаго является не болѣе, какъ рядомъ общихъ голословныхъ утвержденій, и что рецензентъ менѣе всего имѣетъ право сказать, будто итоги изслѣдованія не оправданы имъ.

Книга К. Ѳ. Радченка принята была университетомъ св. Владиміра въ качествѣ диссертаціи и прекрасно защищенная на диспутѣ въ сентябрѣ 1898 года доставила К. Ѳ. Радченко степень магистра славянской филологіи.

Въ томъ же 1898 г. К. Ѳ. Радченко былъ командированъ съ научной цѣлью за границу на два года; командировка была продлена еще на полгода, но по нездоровью К. Ѳ. Радченко былъ вынужденъ на нѣкоторое время прервать ее; позднѣе онъ совершилъ еще нѣсколько заграничныхъ поѣздокъ. Во время командировки К. Ѳ. Радченко посѣтилъ славянскія земли, слушалъ лекціи выдающихся профессоровъ славистики, ознакомился съ постановкой у нихъ практическихъ занятій, занимался рукописями въ библіотекахъ и монастыряхъ, интересовался современнымъ состояніемъ науки и литературы у западныхъ и южныхъ славянъ, обратилъ вниманіе на нѣкоторые любопытные говоры и проч. Такую, съ обычною своей сжатостью и скромностью, характеристику своихъ занятій далъ самъ К. Ѳ. Радченко въ своемъ curriculum vitae (Архивъ Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, дѣло № 10 за 1901 годъ). Результаты командировки были гораздо значительнѣе. Продолжительное пребываніе въ славянскихъ земляхъ дало ему возможность (говоритъ проф. Т. Д. Флоринскій — „Кіевлянинъ“ 1908 г. № 113, стр. 3) не только близко ознакомиться съ различными славянскими языками и народностями, но и извлечь изъ библіотекъ Аѳона, Болгаріи, Сербіи, Вѣны и Праги не мало рукописныхъ матеріаловъ, весьма цѣнныхъ для исторіи южно-славянскихъ литературъ.

Наиболѣе привлекъ вниманія К. Ѳ. Радченко вопросъ о богомиль-

ской ереси и отношеніи къ ней апокрифической литературы, и по этому вопросу онъ началъ подготовлять большое изслѣдованіе, которому, однако не было суждено появиться на свѣтъ.

Съ конца ноября мѣсяца 1896 года по августъ 1898 г. К. Ѳ. Радченко состоялъ штатнымъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ Кіевской женской гимназіи А. А. Бейтель; по возвращеніи изъ заграничной командировки онъ былъ зачисленъ въ 1900 году приватъ-доцентомъ историко-филологическаго факультета университета св. Владиміра по каѳедрѣ славянской филологіи: 24-го мая 1901 года онъ былъ избранъ на каѳедру русской словесности въ историко-филологическомъ институтѣ кн. Безбородко въ гор. Нѣжинѣ. 15-го октября того же года имъ была прочтена вступительная лекція,—и съ этихъ поръ главнѣйшее вниманіе К. Ѳ. Радченко сосредоточилось на выработкѣ курсовъ по церковно-славянскому языку, исторіи русскаго языка и славянскихъ нарѣчій, которые пришлось ему читать для студентовъ I и II курсовъ и на словесномъ отдѣленіи старшихъ курсовъ.

Между молодымъ профессоромъ и его слушателями не установилось большой близости. Дѣло въ томъ, что уставъ института кн. Безбородко славяновѣдѣнія, какъ самостоятельнаго предмета преподаванія, не предусматриваетъ; славянскія нарѣчія отнесены (уставъ, § 26, п. 6), въ качествѣ второстепеннаго предмета, къ каѳедрѣ русской словесности, и профессору славянской филологіи приходится постоянно считаться, сѣтовать и мириться съ такимъ положеніемъ славяновѣдѣнія въ общей системѣ института. Это было очень тяжело для К. Ѳ. Радченко, энтузіаста своей спеціальности, безгранично преданнаго своей наукѣ; порой его прямо оскорбляло черезчуръ равнодушное отношеніе студентовъ къ трактуемымъ на лекціяхъ вопросамъ славистики, или слишкомъ неискусное воспроизведеніе въ студенческой записи того, что сообщалось съ каѳедры въ аудиторіи.

Не безъ вліянія остались въ этомъ случаѣ и слабое здоровье К. Ѳ. Радченко, его постоянный недугъ, а съ другой стороны — и особенности его характера. А. М. Лукьяненко, приватъ-доцентъ Кіевскаго университета, младшій товарищъ и другъ покойнаго, человѣкъ, по собственному выраженію [1]), „находившійся въ близкомъ духовномъ общеніи съ нимъ, часто шедшій рука объ руку съ нимъ въ служеніи

---

[1]) *А. Лукьяненко*, Памяти профессора К. Ѳ. Радченко. Кіевлянинъ 1908 г. № 124, стр. 3.

однимъ общимъ идеаламъ", товарищъ по избранной ученой спеціальности,—въ своихъ теплыхъ проникнутыхъ искреннимъ чувствомъ любви и скорби воспоминаніяхъ такъ характеризуетъ К. Ѳ. Радченко: „Покойный принадлежалъ по индивидуальному складу своего богато одареннаго духовнаго существа къ числу тѣхъ ученыхъ, которые творятъ въ полномъ самоуглубленіи въ свой внутренній духовный міръ, въ совершенномъ отрѣшеніи въ главные моменты работы отъ окружающей ихъ дѣйствительности и общественной жизни; при всемъ томъ почившій отличался необычайной скромностью, доходившей въ немъ порой до застѣнчивости, отъ которой вѣяло чистотой души словно взрослаго ребенка и благородствомъ добраго сердца. Всѣ эти вмѣстѣ взятыя черты его духовнаго существа придавали оригинальную физіономію всему облику этого своеобразнаго человѣка; вотъ почему на первыхъ порахъ К. Ѳ. Радченко и производилъ иногда на лицъ его мало знавшихъ впечатлѣніе, какъ бы непривѣтливаго, нуждавшагося людей человѣка, но при первыхъ же шагахъ дальнѣйшаго знакомства ясно обнаруживалось, сколько любви къ человѣку, къ его столь дорогой цѣной дающемуся прогрессу, таило въ себѣ скрывавшееся подъ непривѣтливой на первый поверхностный взглядъ внѣшностью доброе, чуткое ко всѣму хорошему, чистому, сердце, каждымъ біеніемъ своимъ беззавѣтно служившее высшимъ запросамъ и стремленіямъ человѣческаго существа".

Имѣвъ счастье знать К. Ѳ. Радченко въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ его жизни, служить вмѣстѣ съ нимъ одному общему дѣлу, я могу лишь подтвердить полную справедливость этихъ строкъ.

Для характеристики К. Ѳ. Радченко, какъ профессора-руководителя молодыхъ начинающихъ работниковъ, воспользуюсь воспоминаніями того же А. М. Лукьяненко:

„Еще такъ недавно, въ серединѣ августа мѣсяца прошлаго (1907) года, довелось мнѣ повстрѣчаться въ послѣдній, какъ оказалось теперь, разъ съ незабвеннымъ К. Ѳ. Радченко въ шумномъ ученомъ центрѣ всеславянскаго значенія—Вѣнѣ. К. Ѳ. Радченко возвращался въ виду наступленія академическаго года домой изъ одной изъ своихъ заграничныхъ поѣздокъ, предпринимавшихся имъ въ послѣднее время уже не только съ чисто научными цѣлями, но и съ цѣлью подлѣчить для предстоящихъ трудовъ свое расшатанное продолжительнымъ и тяжкимъ недугомъ (туберкулезъ легкихъ съ рядомъ осложненій) здоровье; я же, будучи командированъ за границу, еще только начиналъ свое ученое путешествіе,—и вотъ съ какою трогательною

заботливостью и сердечной предупредительностью стремился К. О. Радченко подѣлиться со мной всѣми необходимыми, по его мнѣнію, пріобрѣтенными имъ дорогой цѣной опыта свѣдѣніями и практическими указаніями относительно ожидавшаго меня путешествія по славянскимъ землямъ и предстоявшаго посѣщенія ряда книгохранилищъ. Въ этихъ наставленіяхъ и указаніяхъ слышалось отнюдь не участливое отношеніе или расположеніе къ извѣстному лицу, но—нѣчто болѣе возвышенное и широкое: ясно сказывалась любовь къ наукѣ, живо ощущался высокій вдохновенный интересъ къ малѣйшимъ ея успѣхамъ, искренно выражалось желаніе посодѣйствовать въ свою очередь возможно болѣе продуктивному и цѣлесообразному использованію еще однимъ, болѣе молодымъ, чѣмъ онъ, представителемъ той же спеціальности ученой командировки на пользу столь близкой ему, родной его сердцу науки... Съ какимъ воодушевленіемъ и энергіей говорилъ этотъ совершенно преображавшійся въ эти моменты надломленный тяжкимъ недугомъ человѣкъ о предстоявшемъ академическомъ годѣ, о намѣченныхъ къ чтенію курсахъ, о лекціяхъ, веденіи и постановкѣ практическихъ занятій"!...

Работа со студентами и для студентовъ, выработка и установленіе курсовъ, и поглощала почти все время К. О. Радченка. Съ восторженной любовью, по выраженію А. М. Лукьяненка, говорилъ К. Ѳ. Радченко о своемъ духовномъ дѣтищѣ, съ которымъ мысленно никогда не разставался,—докторской диссертаціи, посвященной выясненію историко-литературнаго и историко-культурнаго значенія богомильства,—но всецѣло отдаться этой работѣ, закончить ее, недосугъ не дозволялъ К. О. Родченку, и послѣ магистерской диссердаціи онъ имѣлъ возможность выпускать только небольшіе, хотя весьма цѣнные свидѣтельствующіе о глубокомъ значеніи дѣла, отличающіеся мѣткимъ выборомъ матеріала, изъ собраннаго во время заграничной командировки, и тонкой научной обработкой, труды.

Результатомъ личныхъ наблюденій въ области болгарской діалектологіи, имѣвшихъ мѣсто лѣтомъ 1898 г., явились *Замѣтки* К. Ѳ. Радченко *о нѣкоторыхъ явленіяхъ фонетики Рупалинскаго нарѣчія.*

Въ Хоповскомъ монастырѣ (въ Сремѣ) К. О. Радченко нашелъ списокъ „Буквицы" Досиоея Обраддовича, оказавшійся особою версіею „Буквицы"; не переставая интересоваться предметомъ своего студенческаго изслѣдованія, К. Ѳ. Радченко остановилъ свое вниманіе на находкѣ и высказалъ рядъ своихъ замѣчаній въ небольшой статьѣ

Новооткрытия „Буквица" Досиоея Обраддовича (Извѣстія историко-филологическаго института кн. Безбородко, т. XX, Нѣжинъ, 1902).

Вопросы, поднятые К. Ө. Радченко въ магистерской диссертаціи, также не оставляются имъ: въ 1902 г. онъ издаетъ съ предисловіемъ извлеченную имъ въ свое время изъ рукописи Загребской Академіи Наукъ любопытнѣйшую статью „Изложеніе Варлаамовихь и Іакинди-новихь злочьстіи не подабныхъ" (*Къ исторіи философско-религіознаго движенія въ Византіи и Болгаріи XIV вѣка.*—Научно-литературный сборникъ Галицко-русской Матицы, Львовъ 1902, т. II, кн. 1).

Посѣщеніе имъ Филиппополя вызвало *Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ Филиппопольской Городской библіотеки* (Извѣстія отд. русс. яз. и слов. Импер. Академіи Н., т. VIII, 1903 г., кн. 3), гдѣ К. Ө. Радченкомъ затрогивается вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между болгарской и сербской письменностью въ эпоху послѣ турецкаго нашествія; въ приложеніи изданы два любопытныхъ текста—апокрифическіе разсказы о началѣ міра и о кончинѣ міра.

Въ Филиппополѣ же, въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ (№ 34) Городской библіотеки К. Ө. Радченко открылъ особую версію „Епистоліи о недѣлѣ"; онъ сличилъ этотъ текстъ съ текстомъ, находящимся въ сборникѣ № 483 Бѣлградской Народной библіотеки, сопоставилъ съ греческимъ текстомъ „Епистоліи"—и какъ тексты, такъ и результаты своихъ розысканій сообщилъ въ статьѣ „*Епистолія о недѣлѣ" по Филиппопольскому и Бѣлградскому спискамъ* (Чтенія въ обществѣ лѣтописца Нестора, Кіевъ, 1904 г.).

Занимаясь славянскими рукописями въ Вѣнской Придворной библіотекѣ, К. Ө. Радченко встрѣтилъ, между прочимъ, „Житие блаженнаго апла Петра", представляющее совершенно особую редакцію апокрифическихъ дѣяній апостола Петра, отличную отъ всѣхъ ранѣе извѣстныхъ. Онъ издалъ этотъ интересный апокрифъ и свое изслѣдованіе о немъ подъ заглавіемъ: *Замѣтки о пергаменномъ сборникѣ XIV вѣка Вѣнской Придворной библіотеки* (Извѣстія Отд. русс. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ, т. VIII, 1904 г., кн. 4); здѣсь же приведенъ текстъ слова ѡ прѣпрѣни диаволѣ съ гдемъ нѣшнимъ ї҃ х҃ѡ, являющійся самымъ древнимъ изъ доселѣ извѣстныхъ списковъ этого апокрифа.

Въ бытность въ Бѣлградѣ весной 1899 г., работая надъ рукописями народной библіотеки, занимаясь, такъ называемыми, стишными прологами, К. Ө. Радченко обратилъ, между прочимъ, вниманіе на интересную по своему содержанію статью: „Памет стыс мнце хв

фотинп. самарянини ни же бесѣдова. хс҃ на стоуденци", напоминающую по характеру апокрифическія дѣянія апостоловъ. К. О. Радченко напечаталъ любопытный текстъ, предпославъ ему свои замѣчанія: *Апокрифическое житіе самарянки по прологамъ Бѣлградской Народной библіотеки* (Извѣстія отд. русс. яз. и слов. Имп. Акад. Н., т. XI, 1906 г., кн. 4).

На страницахъ того же академическаго изданія, въ 3 кн. XII тома (1907 г.) явилась статья К. О. Радченко: *Замѣтки о рукописяхъ, хранящихся въ болгарской митрополіи г. Скопья, съ приложеніемъ службы Константину Философу по средне-болгарскому списку XIII вѣка*. Въ г. Скопьѣ К. О. Радченко былъ въ іюнѣ 1899 г. съ цѣлью ознакомленія съ окрестными говорами, обратилъ онъ вниманіе и на собраніе рукописей въ мѣстной митрополіи; найденный здѣсь списокъ службы св. Кириллу значительно отличается отъ списковъ, изданныхъ Срезневскимъ, почему К. Ѳ. Радченко и напечаталъ его цѣликомъ.

К. О. Радченко собрано было довольно значительное количество матеріаловъ по богомильству, которое должно было составить предметъ его докторской диссертаціи. По мнѣнію покойнаго, эти матеріалы не были еще полны, многое нужно было еще добавить, разыскать въ рукописныхъ собраніяхъ; однако, по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ К. О. Радченко уже нашелъ возможнымъ высказаться. Такъ, въ статьѣ „*Малоизвѣстное сочиненіе Евѳимія Зигабена, трактующее о богомилахъ*", Нѣжинъ 1902 (Извѣстія историко-филологическаго института кн. Безбородко, томъ XX), онъ подвергаетъ анализу содержаніе „Посланія" Зигабена, два списка котораго, пополняющіе отрывокъ изъ „Посланія", напечатанный у Migne'a въ 131 томѣ Cursus Patrologiae (стр. 48), встрѣчены были К. Ѳ. Радченкомъ во время занятій его греческими рукописями Вѣнской придворной библіотеки (№№ 213 и 307). Посланіе Евѳимія Зигабена представляетъ новый и интересный матеріалъ для характеристики ученія одного изъ крайнихъ направленій богомильства, именно—люциферіанства. Мимоходомъ, въ примѣчаніи, К. О. Радченко опровергаетъ мнѣніе П. А. Сырку о принадлежности этого „Посланія" патріарху Евѳимію Тырновскому.

Въ I выпускѣ сборника „Статей по славяновѣдѣнію", подъ ред. акад. В. И. Ламанскаго, С.-Пб. 1904, К. О. Радченко сообщилъ свои *Замѣчанія относительно отдѣльныхъ мѣстъ книги Іоанна Богослова по списку, изданному Дёллингеромъ*. На основаніи изученія изданнаго Дёллингеромъ (Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters, Bd. II) списка извѣстной богомильской „книги" Іоанна Богослова,

К. Ѳ. Радченко излагаетъ здѣсь свои выводы относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктовъ космогоническихъ легендъ дуалистическаго характера, распространенныхъ въ средѣ русскаго народа, въ особенности среди великоруссовъ, среди турецко-финскихъ племенъ Европейской Россіи, Сибири, Центральной Азіи, извѣстныхъ также и у болгаръ и сербовъ. Здѣсь же К. Ѳ. Радченко касается связи „книги“ Іоанна Богослова со „Словомъ о древѣ крестномъ“ попа Іереміи и обращаетъ вниманіе на антибогомильскія тенденціи „Слова“.

Съ этой послѣдней точки зрѣнія компиляція попа Іереміи и нѣкоторые другіе апокрифы (Слово о Адамѣ, Препіе Христа съ дьяволомъ) разсматриваются К. Ѳ. Радченкомъ въ его *Этюдахъ по богомильству*: *Къ вопросу объ отношеніи апокрифовъ къ богомильству* (Изборникъ Кіовскій, посвященный Т. Д. Флоринскому. Кіевъ 1904). Онъ отмѣчаетъ характеристическую черту богомиловъ—приспособленіе ими къ своему ученію даже сочиненій, направленныхъ противъ богомильства. Та же черта иллюстрируется и въ другомъ этюдѣ К. Ѳ. Радченка: *Видѣніе пророка Исаіи въ пересказахъ катаровъ—богомиловъ* (Eranos. Сборникъ статей въ честь Н. П. Дашкевича. Кіевъ, 1906). Апокрифу „Видѣніе пророка Исаіи“ принадлежитъ видная роль въ образованіи космологическихъ и эсхатологическихъ представленій богомиловъ; сопоставляя богомильскіе пересказы „Видѣнія“ съ латинскими и славянскими текстами этого памятника, К. Ѳ. Радченко освѣщаетъ отношеніе богомиловъ къ апокрифической литературѣ, ихъ пріемы пользованія ею и констатируетъ утилизированіе этой литературы богомилами въ своихъ цѣляхъ.

Внимательно слѣдя за ученой литературой своего предмета, К. Ѳ. Радченко постоянно давалъ печатные отзывы на тѣ явленія ея, которыя такъ или иначе ближе его касались:

По поводу вышедшей въ Rad'ѣ Iugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti, knjiga CXXXIV (u Zagrebu, 1898), работы Ivan'a Scherzer'a „O Dositiju Obradoviću“ К. Ѳ. Радченко сообщаетъ свои *Einige Bemerkungen über das Leben und die literarische Thätigkeit Dositej Obradović's* (Archiv F. Slav. Philologie, B. 22. стр. 594—608). Изданія Е. Калужняцкаго: „Aus der panegyrischen Litteratur der Südslaven“, Wien, 1901, гдѣ напечатаны съ введеніями похвальныя слова Григорія Цамблака Евѳимію Тырновскому и Іоасафа митрополита Видинскаго препод. Филоѳеѣ,—и „Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius“ 1375—1393), Wien 1901, отмѣчены были рецензіями К. Ѳ Радченка въ Archiv für Slav. Philol., B. 24.

Работа А. И. Яцимирскаго: „Изъ славянскихъ рукописей. Тексты и замѣтки". М. 1898, именно стр. 34—55 и 156—159 этого изданія, вызвали со стороны К. Θ. Радченка „Нѣсколько замѣчаній по поводу новооткрытаго списка житія св. Варвара въ болгарскомъ переводѣ" (*Einige Bemerkungen zur neugefundenem Abschrift des Lebens des heil. Barbar in bulgarischer Uebersetzung*—Archiv f. Slav. Philol., B. 22, стр. 575—594); замѣчанія эти посвящены въ высшей степени любопытному для болгарской литературы Евѳиміевской эпохи житію преп. Варвара Мироточиваго; дается оцѣнка и намѣчаются источники сказанія о св. Варварѣ разбойникѣ.

Тѣмъ же преимущественнымъ интересомъ къ исторіи болгарской литературы извѣстной эпохи, глубокимъ знатокомъ которой былъ К. Θ. Радченко, обусловлена была его строгая, основательная рецензія диссертаціи А. И. Яцимирскаго „Григорій Цамблакъ. Очеркъ его жизни, административной и книжной дѣятельности". С.-Пб. 1904. Промахи и недочеты, указанные К. Θ. Радченкомъ, заставляютъ весьма скептически относиться къ научному достоинству книги г. Яцимирскаго. Рецензія явилась на страницахъ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, за 1904 годъ, книга 10-я. Г. Яцимирскій въ апрѣльской книгѣ того же Журнала за 1905 г. напечаталъ „Отвѣтъ К. Θ. Радченку", въ которомъ не пожелалъ согласиться „ни съ однимъ изъ замѣчаній рецензента" своей книги; К. Θ. Радченко въ этой же книгѣ Журнала помѣстилъ замѣтки *по поводу отвѣта г. Яцимирскаго*, разсматривая его возраженія, изъ которыхъ многія призналъ не заслуживающими этого наименованія, нѣкоторыя—голословными, и, развивая положенія, высказанныя въ рецензіи. Замѣтки свои К. Θ. Радченко заключилъ такимъ простодушнымъ замѣчаніемъ: „Г. Яцимирскій заявляетъ, что несогласенъ ни съ однимъ изъ моихъ замѣчаній. Что же дѣлать! Жаль только, что онъ не сумѣлъ эти замѣчанія опровергнуть, и дѣло остается по старому и послѣ его отвѣта".

Статья г. Цвѣткова „Пѣсни св. Романа Сладкопѣвца на страстную седмицу въ русскомъ переводѣ" (приложеніе къ Душеполезному Чтенію за январь—апрѣль 1901 года) вызвала со стороны К. Θ. Радченка *замѣтку по поводу* этой статьи въ X томѣ Византійскаго Временника (1903 г., № 1 и 2).

Въ рецензіи *Новый болгарскій журналъ по этнографіи* (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1905 г., окт). К. Θ. Радченко даетъ обозрѣніе журнала С. Н. Шишкова и В. Дѣчова „Родопски напредъкъ" за 1904 годъ.

Послѣдовали рецензіи К. О. Радченко еще на слѣдующія книги:

Статьи по славяновѣдѣнію. Выпускъ I. Подъ редакціей орд. акад. В. И. Ламанскаго. С.-Пб. 1904 (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1905 г. № 11).

Изборникъ Кіевскій, посвященный Т. Д. Флоринскому. Кіевъ 1904 (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1905 г. № 12).

Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина, издава Болгарското Книжовно Дружество. Книга XX. Нова редица книга втора. София 1904 (тамъ же, 1906 г. № 1).

Корреспонденция Якова Головацького в лiтах 1850—1862. Видав Др. Кирило Студинський. У Львовi 1905 (Збiрник фiльольогiчної секцiї Наукового Товариства iмени Шевченка, т. VIII—IX). (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1906 г. № 6).

Извѣстия на Семинара по славянска филология при университета въ София за 1904 и 1905 год. напечатано подъ редакцията на проф. Л. Милетичъ. София, 1905 (Тамъ же, 1907 г. № 6).

Slovenská reč a jej miesto v rodine Slovanských jazykov. Práca d-ra Sama Czambela. I. oddelenie: Osnovy a iný materiál rečový (I čiastka: Východnoslovenské nárečie). V Turčianskom Sv. Martině r. 1906 (Тамъ же, 1907 г. № 6).

Жизнь и дѣятельность К. О. Радченка прорвалась въ самомъ ея расцвѣтѣ. Онъ не дождался корректуръ своихъ послѣднихъ работъ, отправленныхъ имъ для печати въ Петербургъ и Москву. И вспоминаются слова, сказанныя передъ смертью святымъ соименникомъ почившаго, Константиномъ Философомъ первоучителемъ славянскимъ его брату и сотруднику св. Меѳодію: „Се, брате, супруга бяховѣ, едину бразду тяжаще, и азъ на лѣхѣ падаю свой день скончавъ"...

В. Рѣзановъ.

ОПЕЧАТКА.

Въ іюльской книгѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, въ отдѣлѣ „Современная Лѣтопись", въ статьѣ В. М. Шимкевича „И. П. Вагнеръ и Н. П. Полежаевъ" вкрались двѣ досадныя опечатки:

	Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
Стр. 13 строки 5—6 сверху	„Полежаева"	„молодого Вагнера".
„ „ строка 10 „	„нашъ кандидатъ"	„онъ".

РОЛЬ ADULESCENS ВЪ ДРЕВНЕ-РИМСКОЙ КОМЕДИИ [1]).

I.

Въ концѣ „Плѣнниковъ" Плавта представитель труппы указываетъ на отличія только что сыгранной пьесы отъ остальныхъ комедій; сюда относится, между прочимъ, и то, что въ „Плѣнникахъ" нѣтъ „влюбленнаго юноши, который освобождалъ бы гетеру тайкомъ отъ своего отца" (v. 1032).

Эта отличительная черта выбрана далеко не случайно: она является тѣмъ шаблономъ, который, дѣйствительно, положенъ въ основу фабулы громаднаго большинства пьесъ „новой" комедіи, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ которыхъ является именно влюбленный юноша, причемъ, согласно основнымъ правиламъ техники творцовъ „новой" комедіи, роль эта вездѣ разработана по одному, общему для всѣхъ пьесъ, трафарету.

„Героемъ" этихъ пьесъ является юноша (adulescens), причемъ кое-гдѣ его возрастъ ближе опредѣляется: при Пистоклерѣ (Bacchides) еще находится педагогъ [2]), и хотя онъ и заявляетъ, что уже вышелъ

---

[1]) Въ разсмотрѣніи и этого амплуа древне-римской комедіи мы слѣдовали началамъ, установленнымъ трудами Фридриха Лео и его школы. Существенное отличіе отъ прежнихъ нашихъ опытовъ въ этомъ направленіи (см. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1904, № 4 и „Наблюденія надъ древне-римской комедіей", Казань 1905) состоитъ въ томъ, что въ настоящемъ очеркѣ совершенно отсутствуютъ параллели изъ позднѣйшей художественной литературы. Это сдѣлано вовсе не потому, что такихъ параллелей нѣтъ: наоборотъ, ихъ слишкомъ много, и потому ихъ коснуться мы намѣрены въ особой статьѣ, посвященной художественному Nachleben этого типа во всѣхъ его деталяхъ.

[2]) Bacch. 148, ср. Merc. 91; и у Xenoph. Ephes. I, 14 при Габрокомѣ есть пе-

изъ такого возраста, чтобы во всемъ подчиняться своему наставнику; но это, конечно, не что иное, какъ юношеская переоцѣнка. Изъ дальнѣйшаго можно заключить, что ему исполнилось 20 лѣтъ [1]). Герой „Псевдола“ не достигъ 25 лѣтъ [2]).

Тамъ, гдѣ указывается общественное положеніе этихъ юношей, мы слышимъ, что они происходятъ изъ знатнаго рода [3]). У юноши всегда живъ отецъ [4]), въ полной зависимости отъ котораго онъ находится и котораго чаще всего боится [5]); только Фэдромъ изъ Curculio, повидимому, самостоятеленъ [6]). Въ очень рѣдкихъ случаяхъ сынъ можетъ откровенно довѣриться отцу и просить у него помощи [7]).

Въ Asinaria и Mercator Плавта отношенія между отцемъ и сыномъ усложняются еще и тѣмъ, что оба они являются соперниками въ достиженіи любви одной и той же дѣвушки [8]). При такихъ условіяхъ, юноша, прежде всего, лишенъ собственныхъ средствъ, что для него является источникомъ величайшихъ затрудненій [9]), потому что его возлюбленной является или гетера, дарящая ласки только тому, кто щедро ихъ оплачиваетъ [10]), или же дѣвушка, находящаяся во власти сводни или сводника, также ничего не признающихъ, кромѣ денегъ [11]);

дагогъ. Lucian. dial. meretr. 10, педагогъ запретилъ юному Клинію ходить къ гетерѣ Дрозе, по причинамъ, однако, совсѣмъ особаго свойства.

[1]) Bacch. 422. Achil. I, 3 Клейтофону 19 лѣтъ. cf. ibid. 7, Long. I. Дафнису 15 лѣтъ; Габрокому (Xenoph. Ephes. I, 2) 16 лѣтъ.

[2]) Pseud. 1303.

[3]) Aul. 28. Poen. 60, 516. Rud. 1197. Trin. 326. Cist. 130. Parthen. 7, 14, 32. Achilles IV, 1, VIII, 17. Xenoph. Ephes. I, 1. III, 2. Eustaph. VIII, 13.

[4]) Только въ Poen. сирота см. v. 75. Въ Aulularia мѣсто отца занимаетъ дядя.

[5]) Bacch. 157, 162, 382. Capt, 1032. Cist. 130, 190. Merc. 212. Most. 1122. Truc. 59, 218. Andr. 262, 918. Hauton. 260. Eun. 611. Phorm. 118, 154, 608. Ad. 274. Eun. 611 и 905 юноша боится не отца, а брата. Achilles I, 11. Long. IV, 28. Aelian. epist. 91. Lucian. dial. meretr. XI, XII.

[6]) Curc. 67. Не явилось ли это слѣдствіемъ того сокращенія пьесы, о которомъ см. *Fr. Leo* ad v. 364.

[7]) Asin. 80.

[8]) См. *E. Romagnoli* въ *Studi Italiani*, 1905, XIII, 102.

[9]) Asin. 56, 243, 637. Bacch. 220. Persa 5. Pseud. 80, 81. Vidul. 84. Haut. 223—224. Phorm. 84, 521. Pseud. 300: pereo amore et inopia argentaria. Lucian dial. meretr. 14. Анаксиппъ Ἐγκαταλυπτόμενος 1, v. 31—32 K. Varro. Menipp. 8 Buecheler.

[10]) См. Наблюденія надъ древне-римской комедіей, 39 сл.

[11]) Ibid.

поэтому юношѣ не остается ничего, кромѣ какъ или искать взаймы денегъ [1]), или же тратить на свою любовь отцовскія деньги, которыя путемъ хитрости, составляющей чаще всего интригу пьесы, попадають въ руки юноши и его руководителей [2]).

Кромѣ отцовской скупости [3]) для влюбленнаго юноши источникомъ страданій является то, что отецъ разстраиваетъ его свадьбу, заставляя жениться на избранной помимо сына невѣстѣ [4]).

Въ комедіяхъ и сами влюбленные юноши и остальныя дѣйствующія лица дѣлаютъ замѣчанія о свойствахъ любви. Вотъ главнѣйшія: „Любовь полна и сладости и горя" [5]). „Любви сопутствуютъ страданія, безсонница [6]), заботы [7]), ошибки, страхъ [8]), необходимость спасаться бѣгствомъ, нелѣпость, глупость и необдуманность, безразсудность, нескромность, задоръ и страстность, зложелательность, бездѣятельность, жадность, вялость, несправедливость, нужда, обида [9]), расходы и болтливость" [10]). Лизителесъ изъ Trinummus говоритъ слѣдующее о свойствахъ бога любви: „Амуръ хитро подлещивается и даетъ вредные совѣты: онъ льстецъ,

---

[1]) Asin. 248. Most. 537. Epid. 53. Pseud. 95. Naevius Triphallus, 3, v. 96—98 R³. Caecilius Asotus v. 12—13 R³. Pomponius Satura, 163 R.

[2]) Caecilius Sinephebi, vv. 199—209 R. Incert. comoed. fr. 79 R. Bacch. 231, 506, 1198. Merc. 43. Pseud. 288. Truc. 648 sq., причемъ, кажется, есть противорѣчіе между 43 и 46 стихомъ Mercator. Въ самомъ дѣлѣ: если въ 43 ст. говорится, что деньги тратились *clam*, то какъ отецъ за это могъ ежедневно бранить, о чемъ свидѣтельствуетъ ст. 46?

[3]) Naevius. inc. fab. 110 R³. Caecilius Pausimachus, 149—150 R.

[4]) Trin. 1183. Cist. 99, 492, 498, 101. Most. 758, 1027. Phorm. 925. Hec. 116, 295, 687. Achilles I, 3, 7. Aelian. ep. 19. Lucian. dial. meretr. 4, 7. Это составило содержаніе обширной рѣчи Хорикія, опубликованной *Р. Фѣрстеромъ*, *Rh. Mus.* 49, 1894, 484—501 (особенно § 63) и находящейся въ зависимости отъ „новой" комедіи ibid. 481. *J. Koehm*, Altlateinische Forschungen, Leipz. 1905, 29.

[5]) Cist. 69. Pseud. 694. Trin. 258 — 259. Truc. 258 — 259. Theognis, 1353 — 1354 Bergk — Hiller. Publilius Syrus, 266: in amore semper certant dolor et gaudium.

[6]) Tibull. II, 4, 12. Ovid. Ars, II, 520.

[7]) Ovid. Amor. I, 2, 3. Horat. c. III, 7, 7. Menandr. 530, 1 K. Theocr. X, 10. Apoll. Rhod. III, 750. Anth. Palat. V, 5, 5; 152, 3; 175, 3; 309, 2. Theognis, 1323 sq. Bergk-Hiller. Achilles Tat. I, 6, 9. Longus, II, 8, 9. Aristaen. I, 10. Charit. II, 4. IV, 4. V, 2. Eustaph. V, 14.

[8]) Ovid. Met. VII, 719: cuncta timemus amantes.

[9]) Achill. Tat. I, 1.

[10]) Merc. 18—31.

похититель, лжецъ, строитъ ковы, жаденъ, толкаетъ на роскошь [1]), раззоряетъ, погубитель людей; заставляя ихъ таиться въ укромныхъ мѣстахъ, нуждаясь вѣчно въ пищѣ, онъ разыскиваетъ то, что скрыто, потому что, какъ только влюбленный пораженъ стрѣлами — поцѣлуями той, которую онъ любитъ, сейчасъ же его средства идутъ изъ дома" [2]).

„Любовь подобна выстрѣламъ изъ баллисты [3]): ничто не летаетъ съ такой быстротой. Она дѣлаетъ людей глупыми и сварливыми; человѣку не по душѣ то, что ему больше совѣтуютъ, а нравится то, что отсовѣтываютъ [4]). Чего нѣтъ, того желаешь, а что есть, того не хочешь" [5]). „Любви свойственны вотъ какіе недостатки: обиды, подозрѣнія, ссоры, перемирія, война и снова миръ" [6]), что еще ярче выражено въ замѣчаніи, что „ссоры влюбленныхъ не что иное, какъ только возобновленіе любви" [7]).

Въ комедіи Алексида „Фэдръ" [8]) кто-то говорилъ: „мнѣ кажется, что художники не знаютъ Эрота, и вообще всѣ тѣ, кто дѣлаетъ его изображенія. Но не женщина и не мужчина, также не богъ и не человѣкъ, не глупъ и не мудръ, но составленъ изъ всего и въ одномъ лицѣ имѣетъ много образовъ. У него вѣдь смѣлость мужчины, трусость женщины, онъ безуменъ какъ сумасшедшій и разсуждаетъ какъ мудрецъ, у него пылъ животнаго, выносливость алмаза [9]), честолюбіе демона".

II.

Эти общія наблюденія цѣликомъ оправдываются на поведеніи и образѣ дѣйствій влюбленныхъ юношей комедіи [10]).

---

[1]) Ср. Merc. 19—23.

[2]) Trin. 238—243.

[3]) Achilles I, 4. Charit. IV, 1: ὥσπερ τις ἐξ ἀπροσδοκήτου σφενδόνῃ βληθείς. Theocr. XI, 16.

[4]) Merc. 348. Cist. 218.

[5]) Trin. 668—671.

[6]) Eun. 59—61.

[7]) Andr. 556. Charit. I. 3.

[8]) *Th. Kock*, CAF. II, p. 387, № 245, vv. 3—13.

[9]) По конъектурѣ Мейнеке: Атланта; чтеніе ненадежно.

[10]) Краткую ихъ характеристику см. у *F. Leo*, Plautinische Forschungen, Berlin 1895, 136—141.

Представитель этого амплуа чаще всего самъ называетъ себя несчастнымъ [1]) и любитъ онъ, по его словамъ, несчастливо [2]).

Поэтому-то преобладающее настроеніе влюбленнаго печальное [3]). Любовь по своимъ проявленіямъ и послѣдствіямъ весьма часто сравнивается съ болѣзнью [4]) и у влюбленнаго цвѣтъ лица — блѣдный [5]).

Особенно тяжела любовь, которую приходится скрывать [6]).

Совершенно противоположное мнѣніе высказываютъ на этотъ счетъ два поэта Палатинской антологіи; особенно дорожащіе скрытой любовью: Павелъ Силентіарій (V, 219) и Агаѳій Схоластикъ (V, 267, 6) [7]). Наоборотъ, у Евбула кто-то въ комедіи Νάννιον называлъ тайную любовь гнуснѣйшимъ изъ всѣхъ недуговъ [8]). Страданія влюбленнаго превосходятъ страданія самого Геркулеса [9]). Душа его разрывается на

---

[1]) Aul. 731. Bacch. 623. Curc. 134, 152. Epid. 320. Merc. 212, 217, 341, 884, 893. Most. 381. Persa, 5. Poen. 179 (miser est qui amat), 368. Pseud. 13, 80, 299. Truc. 818, 327, 416. Andr. 243, 302, 351, 649, 689. Haut. 192, 250. Eun. 71. Phorm. 178, 534. Hec. 133, 285, 293, 296, 300, 373, 385, 605, 701, 702. Adelph. 666. Lucret. IV, 1159, 1179. Catull. 8, 1; 76, 12; 19. Tibull. I, 2, 86, 89; 9, 1, 43; 6, 2, 9; 8, 22, 53, 61, 71, cf. I, 2, 4. II, 1, 79; 6, 17. IV, 13, 20; 14, 4. Prop. I, 1, 1; 5, 29; 14, 21; 16, 45. II, 1, 78. Ovid. Am. I, 4, 45, 59; 9, 28; 14, 51. II, 5, 8, 13; 7, 7; 11, 9; 15, 8; 17, 8; III, 2, 69; 11, 44; 14, 2. Heroid. 18, 133. Met. I, 508. Verg. Ecl. II, 58. Алексидъ, 234 K. Менандръ, 337 K. Xenoph. Ephes. I, 4. Aristaen. I, 10. II, 10,

[2]) Misere amat: Cist. 131. Haut. 190. Adelph. 667. Perdite amat: Cist. 230. Catull. 45, 3; 104, 3. Afranius Vopiscus, 353 R³.

[3]) Bacch. 669. Eun. 304. Hec. 355. Ovid. Am. III, 10, 45. Incert. com. fr. 18 R³. Long. I, 14. Xenoph. Ephes. I, 3. *A. Dieterich* (Pulcinella, 52.) объясняль это исключительно вліяніемъ Еврипида.

[4]) Asin. 55. Евбулъ, 41, 6 K. Plutarch. ἐκ τ. περὶ ἔρωτ. 2. Theocr. XI, 69. XIV, 3. Anth. Palat. V, 116, 4. Parthen. 5, 13, 17. Achill. Tat. IV, 7. Long. I, 11, 18. Xenoph. Ephes. I, 5. Tibull. II, 5, 110. Heliod. III, 19.

[5]) Merc. 368, 373. Persa, 24. Prop. I, 5, 21; 9, 17; 13, 7; II, 1, 38; 4, 21. Ovid. Heroid. 11, 27. Ars. I, 729: palleat omnis amans, hic est color aptus amanti. Met. IV, 203. Achilles, I, 8. II, 6. Long. I, 13. Xenoph. Ephes. 1, 5. Charit. III, 4. IV, 2. Aristaen. I, 10. Lucian. de Syria dea, 17. Zeus trag. 2.

[6]) Curc. 49.

[7]) Ср. Mimnerm. 1. 3 Bergk-Hiller.

[8]) Fr. 67. v. 8—9. K. Aristaen. I, 16, ограничивается указаніемъ, что скрытая и не оглашаемая любовь способна очень увеличиваться.

[9]) Persa, 2. Павелъ Силентіарій приравниваетъ ихъ къ мукамъ Тантала Anthol. Palat. V, 236. Ср. Truc. 26—57. Tibull. III, 4, 65. Prop. III, 9, 9.

части [1]), его сердце пронзилъ стрѣлой Купидонъ [2]), душа его покрыта туманомъ [3]) и на сердцѣ у него тяжело [4]); любовь высасываетъ кровь [5]); его тяготятъ заботы [6]) и онъ сгораетъ отъ страсти [7]): влюбленный нигдѣ не можетъ успокоиться [8]), такъ что онъ „самъ не свой“ [9]) и онъ не можетъ совладать со своимъ сердцемъ [10]); влюбленный самъ себя мучитъ [11]) и любовь доводитъ его до безумія [12]).

Несмотря на то, что влюбленные юноши часто въ комедіи задумываются надъ своимъ положеніемъ, это помогаетъ имъ мало [13]): влюбленный часто поступаетъ глупо [14]).

Изъ такого душевнаго состоянія естественно вытекаетъ характер-

---

[1]) Amore differor: Miles, 1163, differor cupidine: Poen. 156, discrucior animi: Poen. 368. Adelph. 620, feror, differor, diripior: Cist. 208. Distrahor: Cist. 208. Excrucior: Catull. 85, 2. Crucior: Pseud. 235. maceror: Afranius Vopiscus, v. 352 R³.

[2]) Persa 25. Poen. 196. Cupido saevus: Bacch. 20. Ovid. Am. II, 10, 19. Ars, I, 18.

[3]) Cist. 229.

[4]) Eun. 630.

[5]) Curc. 152. Bacch. 372.

[6]) Merc. 870. Andr. 260 (curae animum divorsae trahunt). Catull. II, 10. Tibull. II, 6, 51.

[7]) Uror. Merc. 590. Tibull. I, 8, 7. II, 4, 5; 6, 5; IV, 5, 5; 6, 17. Prop. II, 3, 44 III, 18, 8. Ovid. Met. I, 496. III, 430, 464. IV, 195. XIII, 763. 867. Fast. III, 682. Heroid. IV, 19, 20, 52. VII, 23. XV, 10. XVI, 166. Ep. Sapphus. 9. XVII, 5, 15. Amor. I, 26. II, 4, 12. III, 1, 20. Aristaen. I, 13. Eustaph. III, 10. Parthen. 15. Achilles, I, 11. Long. III, 10. Horat. carm. I, 6, 19; 13, 9; 19, 5; III, 7, 11. Epod. 11, 4; 14, 13. C. I. L. XIII, 3, № 10027, 167 и 178 uror amore tuo.

[8]) Merc. 588, 862.

[9]) Non sum apud me: Phorm. 204.

[10]) Animi inpotens: Trin. 131, cf. 751. Hec. 121. Catull. 8, 9. Ab animo aeger: Epid. 129, Merc. 369. Exanimor: Cist 206. Pseud. 9. Animi pendeo: Merc. 128, 166.

[11]) Trin. 225. Менандръ fr. 48 K, ср. 59, 85.

[12]) Merc. 82, 325, 447. Tibull. I, 2, 11. Антифанъ, 324 K. Өеофилъ, fr. 12 K. Alciphr. I, 13. Achilles Tatius, V, 11. VI, 11. Xenoph. Ephes. I, 4. Theocr. XIV, 9. Anacreont. XI, 11 τῆς ἐμῆς ἑταίρας θέλω μανῆναι.

[13]) Most. 83. Съ этимъ ср. что Цицеронъ заявляетъ (Tusc. Disput. IV, 34, 72), что въ Leucadia влюбленный юноша весьма близко приближается къ безумному. Ср. Eurip. Antigona 161 N: τὸ μαίνεσθαι δ' ἄρ' ἦν ἔρως βροτοῖς, ср. Menandri 'Αφροδίσια 85 K: ἀλλ' ὅταν ἐρῶντα νοῦν ἔχειν τις ἀξιοῖ παρὰ τίνι τἀνόητον οὗτος ὄψεται; Донатъ въ схоліи къ Eun. 226 замѣчаетъ: non solent stulti induci adulescentes et ideo ad amorem transtulit stultitiam Phaedriae.

[14]) Pseud. 238. Prop. III, 6, 18: insano in amore nemo videt. Publilius Syrus, 15: amans quod cupiat scit, quid sapiat non videt: 22, amore et sapere vix deo conceditur. 116: cum ames non sapias, aut cum sapias non ames. Ant. P. V, 267, 9—10.

ная черта рѣшительно всѣхъ представителей этого амплуа: они сами не способны принять какое-нибудь рѣшеніе и постоянно заявляютъ, что не знаютъ, что имъ дѣлать [1]). Находясь подъ вѣчнымъ страхомъ за свою участь [2]), влюбленный при малѣйшей неудачи восклицаетъ, что онъ погибъ [3]), убитъ [4]) и что больше не существуетъ [5]). Всѣ свои дѣйствія юноша ограничиваетъ только тѣмъ, что плачетъ [6]).

Очень характерно то мѣсто изъ „новой" комедіи какого-то неизвѣстнаго автора, гдѣ задавали вопросъ: „что ты плачешь и стонешь, если ты не влюбленъ" [7])? Такъ тѣсно, стало быть, слился этотъ признакъ съ представленіемъ о влюбленномъ.

---

[1]) Aul. 730. Bacch. 637. Merc. 207, 346. Most. 381. Andr. 264, 320, 608. Eun. 46. 73. Phorm. 534. Hec. 444, 701. Adelph. 538, 613. Achilles, I, 9. Charit. III, 3. Prop. I, 1, 6: (Amor docuit) nullo vivere consilio. III, 3, 3. Ovid. Heroid. XV, 233, cf Merc. 345: animi decem in pectore incerti certant. Aristaen. I, 28. II, 8.

[2]) Merc. 129, 212. Truc. 774, 818. Haut. 189. Eun. 94. Adelph. 612, 633. Catull. 61, 46. Achilles, II, 5, 23. Ovid. Heroid. I, 12: res est solliciti plena timoris amor. XVII, 109: quis enim securus amavit.

[3]) *Perii*: Asin. 244, 637. Bacch. 626, 627, 634, 680. Curc. 130, 133, 134. Merc. 163, 206, 218. Most. 387. Poen. 364. Pseud. 45, 300, 303. Rud. 138. Truc. 190: cum amamus, tum perimus. Andr. 244, 311, 346, 688, 914, alt. ex. 6. Haut. 246. Eun. 211, 326, 360, 644, 905. Hec. 132, 133, 651. Adelph. 543, 633, 637, 652. Въ Poen. 96 perire—amare: eam efflictim perit, т. е. deperit, cf. Pseud. 528: deperit tibicinam. Catull. 44, 3. Verg. Ecl. IX, 59. Prop. I, 15, 41. Anth. Palat. V, 162, 3. Achilles, II, 12 IV, 6. Long. I, 14. Charit. V, 2. Eustaph. I, 3, 2; 4, 24. Heliod. II, 1, 5. Любопытное значеніе этого термина видимъ у Филодема Гадарскаго: ὦ κνήμης, ὦ ὧν ἀπόλωλα δικαίως μηρῶν и т. д. Anth. Palat. V, 132. *A. Nauck*, TGF. p. 875 adespota 174. *Interii*: Asin. 243. Aul. 728. Epid. 325. Andr. 346. Hec. 322. Tibull. I, 9, 45. *Disperii*: Merc. 599, 617. Most. 375.

[4]) *Occidi*: Bacch. 671. 679. Curc. 214. Merc. 468, 833. Most. 369. Pseud. 39. Andr. alt. ex. 6. Eun. 292. Phorm. 198, 641. Hec. 638.

[5]) *Nullus sum*: Merc. 164, 217, 468. Most. 388. Hec. 319.

[6]) Asin. 533, 587, 620. Curc. 137. Merc. 591, 624, 870. Pseud. 10, 96. Phorm. 521. Hec. 355, 377, 385, 405. Adelph. 472, 679. Lucret. IV, 1177. Tibull. I, 5, 38; 8, 54, 66; 9, 37, 79, cf. I, 4, 71. Prop. I, 9, 7; 13, 16; 18, 6. II, 8, 2; III, 8, 31. IV, 25, 7. Ovid. Am. I, 4, 61. Heroid. VI, 63. XII, 91. XVI, 180. XVIII, 75. XIX, 194. Rem. 215. Ars, I, 659—662. II, 325. Met. VI, 471. VII, 169. XIV, 68. Horat. carm. I, 5, 6. III, 7, 8. Herond. mim. I, 59. Bion. II, 24. Lucian. dial. meretr. III, VII, VIII, XI. Zeus trag. 2. Dial. mort. 27. 37. De Syria dea 17. Achilles Tat. III, 5, 10. VII, 4. Long. II, 24. III, 14, 26, 27. IV, 27. Xenoph. Ephes. I, 16. II, 1, 8. III, 1, 3. Charit. I, 3. III, 4, 6. V, 2. Nicet. II, 26—27. Alciphr. I, 35, 2; 38, 1. II, 3, 14. Aristaen. I, 10. II, 10. Philost. ep. 16. Anth. Palat. V, 66, 5; 191, 6; 211, 1; 212, 2; 225, 2; 306, 1. Eustaph. IV, 3, 25. VIII, 10; 14, 16. IX, 4. XI, 7. Heliod. I, 25. III, 17.

[7]) *Th. Kock*, CAF. III, 440, № 165.

Всю свою надежду влюбленный юноша возлагаетъ только на помощь раба, котораго и заставляетъ дѣйствовать за себя [1]).

Иногда эта обязанность возлагается не на раба, а на товарища [2]), но по свойственной влюбленнымъ довѣрчивости ко всѣмъ слухамъ [3]) у нихъ часто является подозрѣніе, будто друзья вмѣсто того, чтобы помогать, на самомъ дѣлѣ, только предаютъ ихъ [4]); въ концѣ концовъ обнаруживается вся вздорность этихъ подозрѣній.

Антифонъ въ Phormio считаетъ себя заслужившимъ упреки за то, что довѣрилъ другимъ счастье и безопасность своей возлюбленной [5]), но и это сознаніе не побуждаетъ его къ большей самостоятельности.

Страданія влюбленныхъ увеличиваются еще и отъ того, что имъ свойственна крайняя нетерпѣливость [6]), и время разлуки кажется имъ чрезвычайно долгимъ [7]).

Необходимость тратиться не только на самый предметъ любви [8]), а также и на ея окружающихъ [9]), губитъ капиталъ влюбленнаго, но, кромѣ того, онъ теряетъ и довѣріе и доброе имя [10]), а что самое важное, онъ отбивается отъ дѣлъ, начинаетъ избѣгать форума, родныхъ и становится потеряннымъ для общественной жизни [11]), почему Федромъ въ Curculio и заявляетъ: „Пусть цари владѣютъ своими царствами, бо-

---

[1]) Asin. 57. Aul. 592. Epid. 47. Miles 138. Most. 406. Poen. 133, 539, Pseud. 112. Vidul. fr. 16. Andr. 333. Haut. 351. Eun. 312. 319. Phorm. 216, 466. 539. Achill. II, 4, 16. Prop. I, 1. 25. Lucian. d. meretr. XII. Менандръ Sam. 84 sq. Circumt. 89. *Риббекъ*, CRF³. 223 № 1.

[2]) Merc. 631—636. Eustaph. II, 13; у Тимокла fr. 8, 6 K эту обязанность несъ параситъ.

[3]) Merc. 856. Ovid. Met. VII, 826: credula res amor est.

[4]) Bacch. 489. Merc. 839. Trin. 630. Andr. 625—669. Catull. 77. Ovid. Ars, I, 740. Publili Syri 16: amans quod suspicatur, vigilans somniat.

[5]) Phorm. 465—470.

[6]) Cist. 75. Epid. 320. Poen 505. Haut. 230—238. Tibull. I, 8, 65, 66. Achilles IV, 7.

[7]) Afran. Vopiscus v. 350 f. Donat. ad Eun. 190 accusativo casu utens expressit amatoris impatientiam, cf. ad 181. У Овидія (Heroid. 17, 25) Леандръ заявляетъ, что ему семь ночей кажутся дольше года. Theocr. XII 2: οἱ ποθεῦντες ἐν ἤματι γηράσκουσι.

[8]) Truc. 30—57, cf. 139, 231, 236, 247, 427, 698. Asin. 182, 196 (противорѣчитъ ст. 524). Bacch. 194. Cist. 312. Most. 297, 299. Poen. 328. Trin. 244—251. Eun. 124. 164. Наблюденія, 39—62. Тимоклъ 23 K.

[9]) Asin. 183—185. Charit. I, 2. Наблюденія, 201—205.

[10]) Most. 141. Truc. 45.

[11]) Trin. 259—265. Catull. 51ᵇ. Prop. 1, 6, 29. Ovid. Rem. 149: desidium puer ille (Amor) sequi solet, odit agentes. Ars III, 542. Lucret. IV, 1124. Most. 141 влюбившись Филолахетъ сталъ neglegens. Horat. carm. I, 8, 4—7. Long. I, 17 Дафнисъ, полюбивъ Хлою, забросилъ свое стадо. Charit. I, 1, ср. Theocr. X, 14. Verg. Ecl. I, 32

гачи своими богатствами, пусть для другихъ будутъ интересны почести, доблести, битвы и сраженія, пусть всякій владѣетъ своимъ, только бы мнѣ не завидовали" (178—186). Поцѣлуй возлюбленной для него дороже царства [1]). Эта точка зрѣнія, такъ ярко выразившаяся, между прочимъ, у Тибулла, заслуживаетъ особаго вниманія. Какъ разъ то, отъ чего отказывается Фэдромъ, должно было быть дороже всего для всякаго гражданина античной πόλις [2]), почему этотъ взлядъ и представлялъ собою общественную опасность, отнимая у государства его гражданъ.

Та же самая противообщественная точка зрѣнія очень ярко выражена у Тибулла въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ [3]); и Проперцій заявляетъ, что онъ „не постыдится" (non verebor) презирать любое царство и дары Алкиноя, только бы съ нимъ помирилась его Цинтія [4]); Постума упрекаетъ онъ за то, что тотъ ради войны рѣшился оставить свою Галлу [5]). Овидій предоставляетъ другимъ пріобрѣтать славу кровопролитіями и богатства плаваньемъ черезъ море, а самъ онъ предпочитаетъ истратить свои силы на служеніе Венерѣ [6]), онъ ненавидитъ войну, чтя миръ и любовь, родившуюся среди мира [7]). Его Парисъ предпочелъ Елену и царству [8]) и военной славѣ [9]).

Эта точка зрѣнія должна была явиться чрезвычайно враждебной для Цицерона, который училъ, что римлянинъ долженъ всего себя отдавать роднпѣ, умирать за нее, полагать въ ней все свое благосостояніе, посвящая ей себя всецѣло [10]). „Вѣдь родина", говоритъ онъ въ своемъ трактатѣ о государствѣ [11]), „родила насъ не съ тѣмъ усло-

---

[1]) Curc. 211. Леандръ изъ-за поцѣлуевъ Геро рѣшается переплыть море. Ovid. Heroid. XVII, 102.

[2]) См. *J. Burckhardt*, Griechische Kulturgeschichte, I², 80 sq.

[3]) I, 1, 1—5, 46, 51—52, 58. I, 2, 66, 69—78. I. 10, 10, 28—33. II, 3, 35—47. III, 3, 24—30.

[4]) I, 14, 23—24. III, 6, 23—24.

[5]) IV, 11, 1 сл. cf. 19, 3: durus, qui lucro potuit mutare puellam.

[6]) Ovid. Am. II, 10, 31—35, cf. III, 8, 47—48.

[7]) Ovid. Am. III, 2, 49—50.

[8]) Heroid. XV, 165.

[9]) Ibid., 168. Таковъ идеалъ и его героини; Елена говоритъ: bella gerant alii, tu modo Paris ama (Heroid. 16, 244). Энону не соблазняютъ ни богатства, ни царская власть (ibid. 5, 81). Лаодамія желаетъ: Bella gerant alii. Protesilaus amet (ibid. 13, 84).

[10]) De leg. II, 2. 5.

[11]) De republ. I, 4—8.

віемъ, чтобы, ничего не ожидая отъ насъ себѣ на прокормленіе, сама служила нашимъ удобствамъ, предоставляя намъ только безопасное убѣжище для нашего бездѣйствія и спокойное мѣсто для отдыха. Наоборотъ, она сама беретъ себѣ въ залогъ для собственной пользы весьма многія и самыя лучшія части нашей души, нашего таланта, нашего разума, предоставляя намъ для личнаго пользованія только то, что можетъ оказаться излишнимъ для нея самой".

Но уже задолго до того, какъ появились эти трактаты Цицерона, въ Греціи стали обнаруживаться зловѣщіе признаки пониженія интереса къ общественнымъ дѣламъ и крайняго злоупотребленія индивидуализмомъ [1]): и уже Алексидъ въ своемъ 'Ασωτοδιδάσκαλος рискнулъ вложить въ уста раба Ксанѳія прославленіе радостей желудка, въ сравненіи съ которыми ничто и участіе въ посольствахъ и стратегіи и всѣ пріобрѣтенія Перикла, Кодра и Кимона [2]). Какъ ни каррикатурна фигура Ксанѳія, его рѣчи слишкомъ характерны.

Такимъ образомъ, это уклоненіе отъ обязанностей гражданина, проповѣдь радостей личной жизни и ненависть къ войнѣ [3]) къ римскимъ поэтамъ пришла изъ Греціи. Цицеронъ отчасти за это именно съ такимъ презрѣніемъ встрѣтилъ cantores Euphorionis, опровергая въ приведенныхъ выше отрывкахъ какъ будто именно то, къ чему они звали римское общество. Голосъ Цицерона остался неуслышаннымъ, и Овидій явился особенно талантливымъ, а потому и особенно опаснымъ, защитникомъ индивидуализма, что̀ завело его даже въ открытую полемику съ законодательными мѣрами Августа [4]).

Но оппонентомъ Овидія оказался не Цицеронъ, и суровый приговоръ литературнаго критика превратился въ жестокій административный актъ властителя, навсегда удалившаго Овидія изъ Рима [5]).

---

[1]) *G. Colin*, Rome et la Grece, Paris 1905, 273. 328—342.

[2]) Fr. 25 K.

[3]) О ея проявленіи въ Греціи см. *G. Colin*, l. l. 284. Государственную точку зрѣнія опять съ особенной настойчивостью сталъ подчеркивать Плутархъ, см. *L. Hahn*, Rom und Romanismus Leipz. 1906, 206.

[4]) См. *Г. Буассье*, Оппозиція при цезаряхъ, рус. пер. С.-Пб. 1896, 104, а особенно блестящую и рѣдкую по новизнѣ сопоставленій статью *М. М. Покровскаго*, Очерки по римской исторіи и литературѣ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1907, февраль, отд. клас. фил., 58—98, ср. *Э. Д. Гриммъ*, Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти. I, С.-Пб. 1900, 351 сл.

[5]) *М. М. Покровскій*, ук. соч. 72 сл.

Зато Августъ проявлялъ свою милость къ тому поэту [1]), который не переставалъ учить, что dulce et decorum est pro patria mori [2]), восклицая: Quid leges sine moribus vanae proficiunt [3]), и утверждая, что въ правленіе Августа mos et lex maculosum edomuit nefas [4]). Такимъ образомъ, Горацій является выразителемъ точки зрѣнія, совершенно противоположной взглядамъ Овидія. Отсюда и разница въ ихъ судьбѣ.

Любовь становится особенно опасной еще и потому, что ради нея люди идутъ на безчестные поступки [5]), и кто любитъ, тотъ ничего не стыдится. Влюбленный жертвуетъ не только богатствомъ и славой: никакія преграды въ природѣ его не остановятъ и стихіи ему не страшны [6]). Влюбившись въ одну, онъ забываетъ всѣхъ остальныхъ женщинъ [7]) и готовъ ради возлюбленной всѣмъ пожертвовать и все претерпѣть [8]), пожертвовать роднымъ отцемъ и матерью [9]) и даже самимъ собой [10]).

Примѣромъ самопожертвованія влюбленнаго юноши могъ бы служить отрывокъ изъ Мениппеи Sesculixes Варрона: qui se in ganeum accensum coniecit amicae (fr. 481 B), если бы можно было съ увѣренностью утверждать, что это выраженіе употреблено не въ переносномъ смыслѣ: жить юноша согласенъ, если есть налицо его воз-

---

[1]) Э. Д. *Гриммъ*, Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти, I, 334 сл.

[2]) Horat. carm. III, 2. 12. Вергилій (Эн. VI, 660) лучшее мѣсто въ Элисіи отводитъ павшимъ за родину.

[3]) Ibid., 24, III, 35—36.

[4]) Ibid., IV, 5, 22.

[5]) Miles 1284—1289. Achilles, VIII, 17. Nicet. III, 170. Miles 624. Tibull. I, 1, 74. Eustaph. III, 5: ἔρως—ἀναιδείας πατήρ. Ovid. Heroid. 4, 155: quid decet, non viset ullus amans. Aristaen. II, 17.

[6]) Merc. 859 — 863, ср. Eun. 177. Ovid. Am. I, 9, 11 — 16. 6. 13. III, 6. Ars. II, 237.

[7]) Eun. 296 сильнѣе: Tibull. I, 5. 40. Xenoph. Ephes. V, 14. Tibull. IV, 13, 1. Prop. IV, 14. 10. Ovid. Met. VII, 802. II, 724. XIV, 331; однако любовь не мѣшаетъ Агорастоклу идти любоваться красотой другихъ гетеръ (Poen. 192, 337) а Даніарху жить со служанкой своей возлюбленной (Truc. 91), ср. Ovid. Amor. II, 8. Alciphr. I, 34, 2. Aristaen. I, 17.

[8]) Eun. 177. Ovid. Am. I, 13, 25 Heroid. XIX, 83. XVII, 51. Ars, II, 516, 520. Prop. III, 19, 23; 22, 15. Parthen. 7.

[9]) Most. 229. Cist. 151. Catull. 58, 3 сл. Prop. I, 11, 21. Charit III, 8. Eustaph. V, 17.

[10]) Truc. 442. Asin. 610. Catull. 88, 159. Tibull. III, 1, 25. Charit. V, 6. Donat. къ Phorm. 218.

любленная [1]), а лишившись ея, онъ готовъ покончить жизнь самоубійствомъ [2]). Влюбленные готовы умереть вмѣстѣ [3]). Это объясняетъ заглавіе пьесъ Συναποθνήσκοντες, встрѣчающееся у Алексида, Дифила и Филемона [4]).

Въ Remedia amoris (17—19) Овидій указываетъ, какъ часто любовь является причиной самоубійства.

У Θеокрита въ третьей идилліи, которая вся выражаетъ муки нераздѣленной любви (cf. I, 93), пастухъ желаетъ, чтобы его съѣли волки (v. 53). Въ „Декламаціяхъ" Квинтиліана (№ 344) есть юноша, грозившій убить себя мечомъ, если ему не дадутъ жениться на приглянувшейся ему гетерѣ.

Сенека въ одномъ изъ своихъ писемъ (I, 4, 4) въ доказательство того, какъ часто люди не боятся смерти по самымъ пустымъ причинамъ, указываетъ, между прочимъ, и на то, что alius ante amicae fores laqueo pependit [5]).

Донатъ сообщаетъ, что въ оригиналѣ Adelphoe Теренція Менандръ заставлялъ юношу помышлять о самоубійствѣ, тогда какъ у Теренція онъ собирается только удалиться на чужбину [6]).

У Ксенофонта Пантея ни за что не хочетъ пережить смерть мужа и, несмотря на всѣ увѣщанія кормилицы, лишаетъ себя жизни, приказавъ свой трупъ прикрыть тѣмъ же самымъ плащемъ, что и трупъ ея мужа [7]).

---

[1]) Bacch. 193. Miles 1241. Pseud. 94. Cist. 238. Catull. 68, 160.

[2]) Asin. 607, 630. Cist. 234, 524, 638 sq. Epid. 148. Merc. 471, 472, 483, 602, 863. Pseud. 89, 349. Andr. 347. Haut. 971 (cf. Andriae al. ex. 4). Eun. 66, 888. Phorm. 166, 552. Hec. 282, 326. Tibull. III, 2, 4. Parthen. 5, 10. Achilles III, 17. IV, 9. V, 7, 11. VII, 9. Long. III, 26. IV, 16, 18. Xenoph. Ephes. I, 9. II, 1. III, 516. V, 4. Chariton. I, 1, 4. II, 6. III, 1, 2, 7. V, 10. Heliod. II, 4. Eustaph. V, 7. Lucian. Tox. 16. Καταπλ. 6. dial. mort. 27, 7. Менандръ Περικ. 242.

[3]) Asin. 608. Prop. III, 25, 8: vivam, si vivet, si cadet illa, cadam, чему вполнѣ соотвѣтствуетъ у Евстафія (IV, 2): ξὺν Ὑσμίνῃ, θανοῦμαι, ξὺν Ὑσμίνῃ καὶ ζήσομαι. Ovid. Amor. III, 11, 39; 14, 40. Heroid. IX. 146. III, 140, VI, 28, XII, 85. Met. I, 362, IV, 118, 153, 154, VIII. 769—710, XIV, 721, 725, 735. Horat. carm. III, 9, 10. Eurip. Alcest. 287, 364. Anacreon. 51. Alciphr. II, 3, 3. Charit. VIII, 7. Eustaph. V, 18, 20. VI, 7, 8, 9. IX, 16. Heliod. IV, 6. VI, 8. II, 1, 47. слабѣе III, 22, 37—38. Ovid. Am. II, 10, 29.

[4]) См. Adelph. 6—7. *C. Dietze*, De Philemone comico, 48. Наблюденія, 124. *A. Marigo*, Difilo comico. *Studi italiani*, 1907, XV, 424.

[5]) Cf. *Lucian*. Dial. mort. 27, 7.

[6]) Ad Adelph. 275.

[7]) Xenoph. Cyrop. VII, 3, 14. По мнѣнію *E. Schwartz*'a, Fünf Vorträge über

Типичными сказаніями о совмѣстно умирающихъ влюбленныхъ являются позднѣйшіе варіанты легенды объ Энонѣ [1]).

Проперцій заявляетъ: laus in amore mori [2]); Овидій придаетъ этому циничную окраску, мечтая о томъ, чтобы на его долю выпала смерть medium inter opus [3]). Пожеланіе это, однако, взято имъ изъ аттической комедіи, гдѣ у Филетэра читаемъ: ἥδιστόν ἐστιν ἀποθανεῖν βινοῦνθ' ἅμα, ὥσπερ λέγουσιν ἀποθανεῖν Φορμίσιον [4]). Разлуки влюбленный претерпѣть не можетъ [5]) и съ возлюбленной разлучить его можетъ только смерть [6]). За своей возлюбленной юноша готовъ послѣдовать куда-угодно [7]), такъ какъ и безъ того его душа тамъ, гдѣ находится его возлюбленная [8]): вѣдь она его жизнь [9]), душа [10]), геній [11]).

Удаляясь невольно въ разлуку, юноша проситъ возлюбленную, чтобы она любила его и въ отсутствіи [12]).

Такимъ взглядомъ на возлюбленную опредѣляется и выборъ ласкательныхъ словъ и названій, съ которыми влюбленные обращаются другъ къ другу [13]).

Mea vita: Cas. 135. Poen. 365. Truc. 391. Catull. 68, 155; 104,

---

den griechischen Roman, Berl. 1896, 62 на всемъ романтическомъ образѣ Пантеи отразились толки о любви, господствовавшіе среди послѣдователей Сократа.

[1]) См. *W. Roscher*, Ausführliches Lexikon, вып. 41, 785 (статья *Weizsäcker*). Эти варіанты прекрасно разобраны *А. Н. Веселовскимъ* въ его рецензіи на книгу Роде о греческомъ романѣ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1876, № 11, 101 сл.

[2]) II, 1, 47, слабѣе III, 22, 37—38.

[3]) Amor. II, 10, 36, а въ началѣ восьмой элегіи той же книги онъ признается: nullus amor tantist, ut mihi sint totiens maxima vota mori.

[4]) Fr. 6, v. 2—3 K. ср. 9, 4: οὐχὶ Λαῒς μὲν τελευτῶσ' ἀπέθανεν βινουμένη.

[5]) Eun. 635 сл. Prop. I, 6, 13, 16. Anth. Palat. V, 8, 3. Achilles II, 1. Long. I, 22. Alciphron. I, 19, 36, 3. II, 3, 12. Lucian. d. meretr. XII.

[6]) Asin. 615. Curc. 171. Epid. 363. Truc. 440. Andr. 697. Hec. 62. Tibull. I, 1, 60. II, 2, 19. III, 3, 8. Prop. III, 20, 9. II, 6, 42. III, 13, 17. IV, 14, 16. Ovid. Am. I, 3, 2, 16. III, 11, 49. Heroid XII, 85. XV, 158. Met. XIV, 39, 379. Parthen. 4. Achilles III, 5. Xenoph. Ephes, I, 11.

[7]) Phorm. 551. Prop. III, 22, 9. Ovid. Am. II, 16, 20—32. I, 9, 10.

[8]) Cist. 211. Merc. 589. Prop. V, 8, 47. Charit. II, 4.

[9]) Asin. 614. Pseud. 180.

[10]) Bacch. 193. Eun. 196.

[11]) Curc. 638.

[12]) Amphitr. 542, особенно ярко Eun. 192—195. Ovid. Met. VI, 736. Horat. carm. III, 27, 14.

[13]) *René Pischon*, De sermone amatorio apud latinos elegiacos scriptores, Paris 1902, 15 правильно отмѣтилъ, что комики обиліемъ ласкательныхъ словъ значительно превосходятъ элегиковъ.

1, 109, 1. Prop. II, 3, 23. III, 13, 11; 21, 1. Ovid. Amor. II, 15, 21. vita (безъ mea): Prop. I, 2, 1. 8, 22, II, 5, 18. III, 12, 27; 13, 17; 19, 13; 28, 14. IV, 6. 1. V, 5. 55. Ovid. Am. III, 8, 13, что, кажется, производитъ впечатлѣніе еще болѣе интимнаго обращенія.

Anime mi: Asin. 664, 941. Curc. 165. Miles 1330. Bacch. 81. Cas. 134. Men. 182, 359. Most. 336. Haut. 406. Eun. 951. [1]).

Meus ocellus: Asin. 664, 691. Cist. 53. Curc. 203. Miles 1330. Most. 167. 311, 325. Persa 765. Poen. 366. Pseud. 179. Stich. 764. Trin. 245. Truc. 579. 881 [2]).

Mea rosa: Men. 191. Asin. 664. Bacch. 83 [3]).

Meum mel: Bacch. 18, 1191. Cist. 241. Curc. 164. Cas. 135. Most. 325. Poen. 367. Pseud. 180. Stich. 740. Trin. 244. Это обращеніе стоитъ въ связи съ восклицаніемъ Аргириппа: „о, ты слаще для меня сладкаго меда". Asin. 614. Curc. 21. Truc. 371. Eustaph. VI, 6: ὦ παρθένε γλυκύτερον μέλιτος, V, 20: πηγή μοι στάζουσα μέλιτος. Afranius, Simulans 311 R³. Apul. Met. III, 22, cf. V, 6.

Mea pietas: Bacch. 1176.

Mea delicia: Poen. 365. Pseud. 180. Truc. 921. Stich. 742. Catull. 32, 2. Titinius, CRF³. 173 № 6.

Mea voluptas: Asin. 664. Cas. 136. Men. 189. Miles 1345. Most. 294, 297. Poen. 365, 380, 1214, 1292. Pseud. 52. Rud. 436, 439. Truc. 353, 421, 426, 536, 546, 687, 860, 899. Ovid. Heroid. XVII, 17: o mea sola voluptas.

Mea salus: Cist. 644, Poen. 366. 389.

Meum savium: Cist. 247. Poen. 366, 390. Pseud. 180. Eun. 456.

Lux: Miles 1344. Catull. 68, 132, 160. Tibull. IV, 3, 15; 12, 1. Prop. III, 6, 29; 26, 13; 27, 1. Ovid. Am. I, 4, 25; 8, 23. II, 4, 23. Eustaph. V, 20: φῶς ἐμῶν ὀφθαλμῶν. VII, 1. IX, 15. Seneca 37, 1 (Bährens PLM. IV); у Ксенофонта Эфесскаго дѣвушка для влюбленнаго φωτὸς ἡδίων. Ovid. Ars III, 524 указываетъ на это обращеніе, какъ на самое типичное для влюбленныхъ, cf. Phaedr. V 27, 7.

---

¹) ψυχὴ ἐμή Heliod I, 8, 9. V, 2. Athen. XIII, 578 f.

²) Основаніе см. у Катулла (82, 2—4 и 104, 2), гдѣ про возлюбленную говорится, что она ambobus carior est oculis.

³) Красота возлюбленной сравнивается съ розой: Achill. I, 4, 19. II, 1. Long. I, 18. О символическомъ значеніи розы см. *А. Н. Веселовскій, Журн. Мин. Нар. Пр.* 1880, № 3, 173—174, 178. 1898, № 3, 59 сл. Эротическая символика розы—Anacreontea V, 1—2. XXXIII, 1—2. XLIV, 1—2. LIII, 20—23, Athen. XIII, 608, ср. Nonn. IV, 130.

Meum studium: Poen. 390.

Mea benignitas: Truc. 182.

Meum cor: Bacch. 17. Poen. 367.

Spes mea, cibus, gaudium: Bacch. 17—18.

Mea amoenitas: Cas. 229. Poen. 365.

Meum labellum, mea colustra, meus molliculus caseus: Poen. 366—367.

Mammium: Pseud. 179.

Mea festivitas: Cas. 135, 577, cf 137. Poen. 389.

Mulsa mea suavitudo: Bacch. 17. Stich. 755.

Meus pullus passer, mea columba, mi lepos: Cas. 138.

Фэдромъ называетъ Планезію своей Венерой (Curc. 192, cf. Bacch. 217), почему и клянется именемъ не богини, а Планезіи (326). Вообще нерѣдко влюбленный обращается къ своей подругѣ съ восклицаніемъ: „о моя Венера". Bacch. 217. Curc. 196. Most. 161, Poen. 277. Rud. 420. Tibull. III, 6. 48. Charit III, 9 [1]). Весьма часто влюбленный присоединяетъ къ имени своей подруги mea, называя ее: mea Glycericium, mea Phronesium и т. д.: Bacch. 99, Cist. 2, 22, 53, 59, 71, 78, 95, 107, 112. Cas. 134. Curc. 159. Men. 382, Most. 253, 295. Rud. 352, 364, 375, 878. Truc. 362, 499, 529. Andr. 134. 969. Haut. 381, 398, cf. 821. Eun. 190. 455. Hec. 325. 836. Tibull. II, 3, 51; 4, 59. III, 1, 6. Prop. I, 5, 31. Ovid. Heroid 6, 25. Met. XIV, 35. IV, 143. Horat. carm. I, 22, 10; 25, 7 [2]). Обращеніе это получаетъ особенно ласкательный характеръ [3]). Вслѣдствіе этого tuus, tua и т. д. получаетъ значеніе „твой возлюбленный, твоя возлюбленная". См. Ovid. Heroid. V, 1. 158: tua secum tecumque fui puerilibus annis et tua, quod superest temporis, esse precor. Bacch. 103. Amphitr. 542. Cas. 839. Prop. I, 6, 9; 8, 26. III, 15, 40. V, 3, 2. Ovid. Am. II, 5, 28. Met. IV 703. Heroid. V, 4. X, 74, 75. XIX, 196. ep. Sapphus 204; особенно характерно слѣдующее мѣсто Тибулла: (Venus) narrat scire nefanda meam (I, 5, 42), гдѣ meam совершенно соотвѣтствуетъ: meam amicam [4]).

---

[1]) Сравненіе съ богиней: Nonn. I, 57—59, 72, 97, 99. Ovid. Am. III, 2. 60: tu dea maior eris (чѣмъ сама Венера). Mea Iuno—Cas. 230. *Th. Birt* (*Philologus* 1904, (63), 452) утверждалъ, что diva какъ обращеніе къ возлюбленной во всей римской эротикѣ встрѣчается всего разъ: у Катулла 68, 70. Однако см. Prop. III, 6, 27.

[2]) P. Ovidi Heroides edited by *A. Palmer*, Oxford 1898, 316.

[3]) *I. Koehm*, Altlateinische Forschungen, Leip. 1905, 180.

[4]) То же самое у Проперція I, 5, 3: meae sentire furores. IV, 7. 22. Ovid. Am. II, 19. 48. III, 11, 45; 12, 5. Донатъ къ Andr. 134.

Проперцій называетъ Цинтію mea cura [1]).

Необходимо отмѣтить, что весьма многія изъ этихъ обращеній встрѣчаются и среди надписей, что доказываетъ, какъ точно въ данномъ случаѣ поэзія отражала жизненную дѣйствительность.

Такъ, изъ одного только 3-го выпуска XIII тома Corporis Inscriptionum Latinarum можно привести слѣдующіе примѣры надписей на вазахъ: amo te vita (10018, 23), ave vita (10018, 34), misce (т. е. vinum) vita (10018, 127), vita bibe (10018, 192), vita da (10018, 193), vita mea (10018, 194). Отмѣченное выше эротическое значеніе притяжательныхъ мѣстоименій встрѣчается въ надписи bellus sua (вмѣсто suae? 10018, 41).

На перстняхъ встрѣчаются надписи: ave mea vita (10024, 53), veni vita (10024, 80), vita (10024, 80), rosa (10024, 149), lux (10024, 145).

Если общая причина страданій влюбленнаго состоитъ въ томъ, что онъ лишенъ предмета своей страсти [2]), то естественно, что видъ счастливаго соперника только ихъ увеличиваетъ [3]). Юноша не можетъ видѣть, какъ другой цѣлуетъ или обнимаетъ его возлюбленную [4]), и онъ предпочитаетъ уйти на чужбину, чтобы размыкать горе тамъ и не быть свидѣтелемъ чужого счастья [5]).

Зная, что дѣвушка, отдавшая свою любовь поклоннику, живетъ пышно и богато [6]), влюбленный юноша страшно волнуется, услыхавъ о появившейся у его возлюбленной роскоши [7]), и въ то же время съ одинаковой силой радуется, если убѣждается, что его возлюбленная продолжаетъ вести скромный образъ жизни [8]).

Любовь въ античной комедіи носитъ вполнѣ матеріальный характеръ, и всѣ стремленія влюбленнаго сводятся къ тому, чтобы получить ночь своей возлюбленной [9]).

---

[1]) III, 32, 9. Ovid. Am. III, 9, 32. Fast. V. 525. ep. Sapphus. 123. Verg. Buc. X, 22: tua cura Lycoris. Eustaph. V, 20: μέλημα ἐμόν, *R. Pischon*, op. l. 120.

[2]) Curc. 137, 142. Haut. 400. Tibull. I, 2. 64.

[3]) Bacch. 492. Asin. 697, 837—845. Truc. 599—603. 758 sq. Theocr. XIV, 24 sq. Horat. Carm. I, 13. 4. Epod. 15, 10.

[4]) Asin. 669—830. Ovid. Am. I, 4. 46. Heroid. XV, 219—227. Achilles IV, 8.

[5]) Merc. 82, 656 sq. Andr. 329. Haut. 117. Eun. 187, 216. Adelph. 275. Prop. IV, 21. 2. Ovid. Rem. 214, 238, Theocr. XIV, 53—54, 68. Parthen. 11.

[6]) Наблюденія, 78.

[7]) Haut. 246, 247, 252.

[8]) Haut. 292—308, cf. Tibull. I, 3, 83—89.

[9]) Naevius, Tunicularia, 105 R. Asin. 194, cf. 235—236. 598. 807. Haut. 366.

Правда, въ Curculio и Epidicus мы видимъ юношей, которые обращаются со своими возлюбленными какъ съ сестрой, ограничиваясь одними только поцѣлуями [1]; но такое отношеніе возлюбленныхъ понадобилось для того, чтобы соблюдено было постоянное условіе шаблона комедійной формы, въ силу котораго выйти замужъ въ концѣ пьесы за свободнаго юношу можетъ только дѣвушка, ничѣмъ не нарушавшая своей скромности [2]. Такимъ образомъ, и въ Curculio мы имѣемъ дѣло съ деталью шаблона, а не съ индивидуальной чертой характера.

Такое воздержаніе влюбленныхъ до свадьбы сдѣлалось въ позднегреческомъ романѣ непремѣннымъ условіемъ характеристики влюбленныхъ, особенно ярко обнаружившись на поведеніи Клитофона у Ахилла Тація, Дафниса въ романѣ Лонга и др. [3].

При этомъ цѣломудріе влюбленныхъ охраняетъ или случай, въ самую рѣшительную минуту отдаляющій его нарушеніе [4], или же стойкость убѣжденій, преодолѣвающая самые сильные соблазны [5].

Только для того, чтобы сохранить ребенка отъ Херея, у Харитона (II, 11) Каллироя соглашается измѣнить Херею и стать женой Діонисія. У Теренція къ характеристикѣ юноши прибавлена еще одна весьма существенная черта: онъ не только поклонникъ своей возлюбленной, но и ея охранитель, защитникъ и патронъ [6]. Мы видимъ, что взглядъ на любовныя отношенія сталъ гораздо серьезнѣе и, быть

Merc. 102. Aristaen. I, 16. Publilius Syrus 267: in amore forma plus valet quam auctoritas. Donat ad Adelph. 531.

[1]) Curc. 50, 51. Epid. 110. Heliod. V, 4. Ovid. Met. IV, 75. X, 344.

[2]) Наблюденія 108, 109. *A. Kretschmar*, De Menandri reliquiis, 94, неправильно утверждаетъ, что непремѣннымъ условіемъ для выхода замужъ является свободное происхожденіе ея отца. Гораздо важнѣе ея собственное прошлое.

[3]) Achilles VI, 14, 15, 16, 21. Long. IV, 31. Eustaph. 4, 21; 3, 17. Heliod. I, 8. III, 17. II, 25. X, 9.

[4]) Eustaph. 4. 23. 10. 6.

[5]) Eustaph. 7. 4. 8. 17. III, 7. Heliod. V, 4. VII, 23. Этотъ шаблонъ дошелъ до русской любовной повѣсти Петровскаго времени. См. *Л. Н. Майковъ*, Очерки по исторіи русской литер., С.-Пб. 1889, 181 со ссылкой на Гисторію о Россійскомъ матросѣ Василіѣ Каріотскомъ.

[6]) Andr. 694. 717—718. Adelph. 294. У Филематіи (Most. 167) meus patronus — пустой комплиментъ. *H. Siess*, Ueber die Charakterzeichnungen in den Komoedien des Terenz. *Wiener Studien* 28 (1906) 235, 237 замѣтилъ, что Памфилъ изъ Andria отличается отъ остальныхъ представителей этого амплуа серьезнымъ взглядомъ на свои любовныя отношенія.

можетъ, и въ этомъ сказалась та серьезная атмосфера, которая господствовала въ выдвинувшемъ Теренція кружкѣ Сципіона [1]). Обыкновенно въ комедіи, юноша, увидавъ дѣвушку, сейчасъ же воспламеняется страстной къ ней любовью [2]), причемъ праздники, въ частности Діонисіи, представляли особенно удобный случай для такихъ встрѣчъ [3]).

Только въ Cistellaria поклонникъ Селеніи не такъ быстро, а путемъ болѣе продолжительнаго и постепеннаго знакомства завязываетъ съ ней отношенія [4]). Аѳиней (XIII, гл. 34 и 35) свидѣтельствуетъ, что античной эротикѣ былъ свойственъ и тотъ романтическій мотивъ, по которому юноши отдавали свое сердце красавицамъ, и не видавъ ихъ, подъ вліяніемъ однихъ только разсказовъ о ихъ красотѣ [5]).

Влюбленному трудно находиться вдали отъ предмета своей страсти [6]); поэтому, не будучи въ состояніи удовлетворить свою страсть, они завидуютъ даже тѣмъ предметамъ, которые будутъ соприкасаться съ ихъ возлюбленной [7]); но такая форма любовныхъ отношеній на разстояніи мало ихъ удовлетворяетъ (extrema linea) [8]). Пока влюблен-

---

[1]) Объ этомъ кружкѣ см. прекрасныя замѣчанія *G. Boissier* въ *Rev. des deux Mondes*. 1906, 15 dec. 776 sq.

[2]) Rud. 43. Eun. 322. Phorm. 110. Merc. 262, 332. Turpilius Hetaera v. 75—76 R³. Verg. Ecl. VIII, 41. Ovid. Heroid. XV, 135. XVIII, 205—206; Ars, III, 155. Met. II, 574, 726. V, 395. VI, 455. VIII, 324. X, 578—580. XIII, 906. XIV, 682, 700. Fast. III, 21. V, 201. Herond. I, 56. Homer. Odyss. XXIII, 214. Nauck. TGF². 762, 1. Anthol. Palat. V, 242. Theocr. II, 82. Alciphr. III, 6, 7, 1. Aristaen. II. 2, II, 18. Xenoph. Ephes. I, 2. III, 2. Charit. I, 1. IV, 1. Eustaph. I, 1. Хорикій § 9.

[3]) Aul. 36, 795. Cist. 88. Curc. 645. Xenoph. Ephes. I, 2. Charit. I, 1. III, 6. Хорикій § 7. Lucian. Dial. meretr. 11.

[4]) Cist. 92. Ovid. Met. IV, 60. Heliod. 92. Въ Andria Памфилъ нашелъ свою возлюбленную въ домѣ ея сестры, 81 sq.

[5]) Achilles II, 13—заочная любовь Каллисѳена. *Th. Kock*, CAF. III, 456, № 267.

[6]) Catull. 66, 31, 32. Tibull. II, 3, 2; 6, 13. Anacreontea 276.

[7]) Eun. 366—368. Ovid. Am. II, 15, 7: у него (Heroid. XIX, 137—142) Аконтій завидуетъ врачу. Scolia 25 (Bergk-Hiller A. L.) εἴθε ῥόδον γενοίμην ὑποπόρφυρον, ὄφρα με χεροὶν ἀραμένη χαρίσῃ στήθεσι χιονέοις. Achilles I, 9. Philostr. ep. 54.

[8]) Eun. 640. Схоліастъ ad l. an sic dixit, extrema linea, quemadmodum dicitur longis lineis quid fieri, id est de longuinquo. См. *Ө. Е. Коршъ, Фил. Обозр.* V, 156 и дополнительную замѣтку *А. Н. Сонни* ibid., VI, 68—71, гдѣ доказана связь этого выраженія съ терминами ристалища. Не въ связи ли съ extrema linea Теренція у Проперція I, 11, 6, extremus amor, гдѣ Ротштейнъ, по мудрому обычаю, хранитъ молчаніе? Другой схоліастъ въ примѣчаніи къ тому же стиху Теренція сообщаетъ: quinque lineae perfectae sunt ad amorem: prima visus, secunda alloquii, tertia tactus quarta osculi, quinta coitus.

ному нельзя достичь своей цѣли, онъ довольствуется поцѣлуями [1]), которые наряду съ объятьями и бесѣдами замѣняютъ ему пищу [2]) и прокладываютъ путь къ дальнѣйшему [3]).

При этомъ смѣлость особенно растетъ подъ покровомъ ночи [4]) и подъ вліяніемъ вина [5]). Побуждаетъ юношей къ смѣлости и примѣръ боговъ: они считаютъ для себя позволеннымъ то, что совершали сами боги [6]). Увеличивается смѣлость юношей еще и тѣмъ, что они вѣрятъ въ особое покровительство боговъ [7]).

При чисто чувственномъ характерѣ любви, влюбленный въ комедіи выше всего ставитъ красоту своей возлюбленной. Красота эта—небывалая и она превосходитъ красоту всѣхъ остальныхъ женщинъ [8]).

---

[1]) Curc. 52. Aristaen. I, 21. Xenoph. Ephes. II, 4.

[2]) Casina, 802: amor est pro cibo. Merc. 745. Achilles Tatius, I, 6. II, 8. III, 18. Charit. II, 8. Theocr. III, 20. XXVII, 4. Mosch. IV, 4 Anth. Palat. V, 14. Long. III, 21. Xenoph. Ephes. III, 2. Eustaph. V, 16: поцѣлуи — τροφὴ ἔρωτος.

[3]) Curc. 56. Asin. 223, гдѣ цѣлая теорія послѣдовательнаго уловленія влюбленныхъ. Tib. I, 8. 25. Achill. IV. 7. Long. II, 7. Heliod. I, 11. Ocorena соблазняли βλήμμασι, νεύμασι, συνθήμασι. Eustaph. V, 1: στρωμνη ἐρωτικῶν χαρίτων, φιλημάτων, γαλισμέων, θλίψεων σαρκῶν, συμπλοκῶν χειλέων, περιπλοκῶν χειρῶν, ποδῶν ἐμπλοκῶν. У него же III, 7: ἅμα ἡ χεὶρ περὶ τὸν τῆς κόρης μαστὸν καὶ γλυκύτης ὅλη περὶ τὴν ἐμὴν καρδίαν ἐπέρρεσεν, что можно сравнить съ Asin 224: si papillam pertractavit, haud est ab re aucupis. Съ первымъ отрывкомъ изъ Евстафія можно сравнить тѣ voluptates, о которыхъ съ тоской вспоминаетъ Феникія въ Pseudolus: compressiones artae amantum corporum, teneris labellis molles morsiunculae, nostrorum orgiorum iunculae, papillarum horridularum oppressiunculae. Pseud. 66 — 68. О томъ, какъ сладки объятья см. еще Persa 764. О поцѣлуяхъ см. также *K. Sittl*, Die Gebärden d. Griech. und Römer, Leipzig 1895, 36 sq.

[4]) Aul. 36. Bacch. 88. Cist. 159. Adelph. 470.

[5]) Aul. 689, 745, 795. Cist. 159. Bacch. 88. Truc. 828. Phorm. 1017. Hec. 823. Adelph. 470. Антифанъ fr. 18, 4—6 K. Ovid. Rem. am. 805: vina parant animum Veneri. Met. X, 438. Minuc. Felix Octav. IX, 6. Anth. Palat. XII, 134, 135. Parthen. 2, 24. Achilles II, 3. II, 10. Charit. IV, 3. Aelian. epist. 15. *G. Kaibel*, *Hermes*, 22, 570. Seneca contr. III, 23. *Fr. Leo*, Pl. Forsch. 143.

[6]) Eun. 592. Tibull. I, 9, 25—28. Ovid. Am. II, 8, 11—12. Heroid. IV, 133—134. Theocr. VIII, 59—60. Achilles I, 5. Long. IV, 17. Весьма часто юноши ссылаются на примѣръ, преподанный имъ любовными похожденіями самого Зевса. Anth. Pal. V, 64, 167, 127. XII, 101. Кажется, напрасно сопоставляетъ съ этими мѣстами *F. Jakoby*. (Zur Entstehung der röm. Elegie. *Rhein. Mus.* 60, 1905, 90) A. P. IX, 277.

[7]) Tib. I, 2. 25. Prop. IV, 15, 11. *Θ. E. Коршъ*, De amantis persona sacrosancta *Филол. Обозр.* VI, 137.

[8]) Merc. 13, 101. Pseud. 27. Eun. 296, 313. Haut. 523. Prop. I, 4, 8. IV, 7, 35. Θеофилъ 12, 7 K. Long. IV, 33. Xenoph. Ephes. I, 2. Eustaph. I, 14. Aristaen. I, 1, 16. II, 21. Heliod. I, 2. V, 11. IX, 24. II, 30. Хорикій § 9.

Влюбленная цвѣтетъ красотой, какъ сама весна [1]), и по красотѣ ее можно принять за богиню [2]).

Любопытно, что о красотѣ возлюбленной одинаково упоминаютъ авторы какъ комедій, такъ и остальной эротической литературы: элегій, романа, новеллы и т. п. Зато упоминаніе о красотѣ юноши влюбленнаго, встрѣчаясь у элегиковъ и романистовъ [3]), у комиковъ совершенно отсутствуетъ. Въ настоящее время доказано, какъ сильно, по крайней мѣрѣ, Плавтъ при устройствѣ своихъ пьесъ сообразовался съ составомъ и особенностями таланта той труппы, которой приходилось исполнять его пьесы [4]).

Поэтому допустимо предположеніе, что и въ данномъ случаѣ авторы комедій воздерживались упоминать еще и о красотѣ своихъ влюбленныхъ юношей, чтобы не предъявлять слишкомъ большихъ требованій къ труппѣ, юные и миловидные представители которой несли обязанность исполнять женскія роли; послѣ разверстки ролей для adulescentes могло и не всегда оказаться достаточное число актеровъ съ соотвѣтствующей наружностью.

Для характеристики влюбленныхъ юношей комедіи весьма важна та крайне быстрая перемѣна настроенія [5]), которую обнаруживаетъ Мнесилохъ въ Bacchides (см. ниже), а особенно Филолахетъ изъ Mostellaria. Въ великолѣпной сценѣ разговора его возлюбленной Филематіи со своей многоопытной служанкой Скафой, подслушиваетъ ихъ бесѣду Филолахетъ, и вотъ онъ то превозноситъ эту Скафу до небесъ и не знаетъ, чѣмъ ее вознаградить (vv. 170, 174, 260), то всячески ее поноситъ (vv. 185, 193, 203, 212, 218, 223). Зависитъ эта перемѣна чувствъ отъ того, говоритъ ли Скафа нѣчто выгодное ему и пріятное для его слуха, т. е. восхваляетъ ли она красоту его возлюбленной, или же даетъ она Филематіи совѣты, выгодные для гетеры и опасные для ея поклонника. Устойчиваго, опредѣленнаго отношенія

---

[1]) Truc. 353. Theocr. XVIII, 27; сравненіе съ цвѣткомъ: Lucian. d. mort. 18, 2.

[2]) Rud. 420. Prop. II, 2, 5—14. Ovid. Met. VI, 451. Apoll. Rhod. III, 873 сл. Anthol. Palat. V, 95. Achilles I, 4, V, 11. Xenoph. Ephes. I, 2. Charit. V, 2, 11. I, 1. II, 2. Heliod. I, 2. X, 9. Aristaen. I, 7.

[3]) Apoll. Rhod. III, 959, 960. Theocr. II, 125. VII, 121. VIII; 73. XXI, 23. XX, 19, 30. Ovid. Met. XIII, 753. Verg. Buc. II, 27. Horat. Carm. III. 9. 21. Aristaen. I, 10, 11, 19, 20, 27. II, 5, 7, 19. Alciphr. III, 1, 2. Heliodor. I, 2. III, 3, 4, 10. IV, 5. IX, 24. X, 9. Xenoph. Eph. I, 1. Charit. VIII, 1, и т. д.

[4]) *H. Schenkl*, Scenisches zu Plautus. *Serta Harteliana*, Wien 1896, 104—108.

[5]) Prop. II, 5, 13.

къ Скафѣ у него нѣтъ, и эта крайняя измѣнчивость настроеній, впечатлительность, ничѣмъ не сдерживаемая, является не случайной подробностью въ характерѣ представителя амплуа adulescens: имъ всѣмъ свойственны постоянные переходы отъ крайняго отчаянія къ высшей радости.

При малѣйшей неудачѣ они заявляютъ, что несчастнѣе ихъ нѣтъ никого [1]), а, какъ только счастье имъ улыбнется: устранятся ли преграды, мѣшавшія обладать возлюбленной, или же они убѣдятся, что ихъ любовь—взаимная, а это источникъ высшаго счастья [2]),—они сейчасъ же заявляютъ, что счастливѣе ихъ нѣтъ никого [3]): онъ счастливъ, какъ богъ [4]), и его счастье превосходитъ даже блаженство самого Юпитера [5]), онъ сталъ безсмертенъ [6]).

Съ такой измѣнчивостью настроеній нельзя смѣшивать то сложное чувство, когда влюбленный и не можетъ совладать со своей страстью и въ то же самое время сознаетъ съ полной ясностью всѣ недостатки своего предмета страсти [7]), что такъ удачно выразилъ Катуллъ своимъ: odi et amo [8]).

Свое чувство влюбленные юноши выражаютъ весьма открыто: по признанію Харина (Merc. 31), среди недостатковъ, свойственныхъ влюбленнымъ, находится и многословіе; о своихъ страданіяхъ они имѣютъ обычай говорить, обращаясь къ ночи, дню, солнцу или лунѣ. Тотъ же самый Харинъ заявляетъ, что такъ часто поступаютъ другіе влюбленные юноши въ комедіи [9]). Проперцій находитъ особенно под-

---

[1]) Cist. 205. Merc. 335. Andr. 215. Haut. 263, 224. Hec. 281. Achilles IV, 9. Менандръ Circumt. 272—273.

[2]) Varro Menipp. 346 B. Horat. Carm. IV, 1, 30; Epod. 15, 10. Theocr. XII, 16. Bion. X, 1. Cist. 193. Curc. 46 сл. Miles 101. Catull. XLV, 20. Tibull. I, 2, 63. 6, 76 IV, 5, 7. Eustaph. III. 3.

[3]) Haut. 680, 687. Eun. 1031. 1045—1048. Hec. 848. Adelph. 252. Catull. XLV, 25; 107, 7.

[4]) Curc. 167. Hec. 843. Catull. LI, 1. Trabea. inc. fab. 5. Sappho 2 (Bergk—Hiller A. L).

[5]) Trucul. 372.

[6]) Andr. 960. Prop. III, 6, 10. Merc. 603.

[7]) Eun. 72.

[8]) Catull. 85. Achilles V, 26: κἂν ὀργίζωμαι, κόομαι, κἂν ὑβρίζωμαι—φιλῶ. Очень близко къ этому стихотворенію подходитъ отрывокъ изъ Анакреонта: Ἐρῶ τε δ' ηὖτε κοὐκ' ἐρῶ καὶ μαίνομαι κοὐκ μαίνομαι; съ послѣднимъ стихомъ ср. Anacreontea XI, 11—12. Тибуллъ III, 6, 56: perfida sed quamvis perfida, cara amen. Ovid. Am. II, 4. 5. III, 11. 34—39. 43.

[9]) Merc. 3, 7.

ходящимъ мѣстомъ для выраженія своихъ чувствъ и жалобъ пустынное, молчаливое мѣсто—уединенную рощу (I, 18. 1—2) [1]), обращаясь съ своими жалобами къ деревьямъ (v 19—20) и птицамъ (30). Близкое къ этому желаніе обнаруживаетъ и у Вергилія Корнелій Галлъ [2]); онъ тоже хочетъ удалиться въ лѣса къ уединеннымъ пещерамъ и вырѣзывать на деревьяхъ имя своей возлюбленной.

У Аристенета (Epist. I, 3) встрѣчаемъ также ту мысль, что любви особенно пріятно отдаваться среди природы, а, по свидѣтельству Исидора (XIV, 8, 33), amoena loca dicta Verrius Flaccus ait eo, quod solum amorem praestant ad amanda alliciunt [3]). Описываетъ пейзажъ, какъ фонъ любовной сцены, Өеокритъ [4]), но у комиковъ мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго, вѣроятно, по чисто декораціоннымъ условіямъ комической сцены.

До насъ не дошло ни одной комедіи, которая подтверждала бы это заявленіе Харина. Зато въ Curculio влюбленный Фэдромъ поетъ цѣлую арію, обращаясь къ дверным засовамъ (vv. 147—155. f. 19). Эта арія является примѣромъ такъ называемыхъ παρακλαυσίθυρα [5]), довольно распространенныхъ въ античной эротикѣ, почему и заслуживаетъ особаго вниманія [6]).

Сюда относится 2-ое стихотвореніе 1-ой книги Тибулла (v. 7 сл.) [7]),

---

[1]) Такъ поступалъ Коридонъ, влюбленный въ Алексиса. Verg. Bucol. II, 3. Ovid. Met. XIII, 780. Horat. Carm. I, 22. 9. *Fr. Leo*, P. F. 136.

[2]) Buc. X, 52—54. Если вѣрить *Ф. Скутшу* (Aus Vergils Frühzeit, I, 13 сл), то эта цитата, переложенная въ гексаметръ (см. ibid, 24), изъ Галла. Ovid. Met. X, 215; ср. Prop. I, 18, 22, объ обычаѣ вырѣзать имя на деревѣ см. *M. Rothstein* ad l. и *Ф. Скутшъ*, Gallus und Vergil, Leipzig 1906, 165.

[3]) Varro. ant. rer. hum. XI, 5.

[4]) XI, 45. 48.

[5]) См. *V. Hoelzer*, De poesi amatoria a comicis atticis exculta, Marpurgi Cattorum 1899, 60 sq.

[6]) Съ παρακλαυσίθυρον не надо смѣшивать Catull. 67, а также Prop. III, 3. 49, см. *Rothstein* ad l. (II, p. 24).

[7]) Tibull. II, 1, 74: (Cupido dicere iussit) limen ad iratae verba pudenda senem. Ovid. Ars, III, 581. rem. 36: exclusus flebile cantet amans. Pl. Merc. 408—409. Демифонъ боится, что если у него въ домѣ появится красавица служанка, то occentent ostium, impleantur elegeorum meae fores carbonibus, cf. Persa 569. Aristaen. I, 2, 8; 27, 2. II, 1. 19, 20. cf. Ovid. Met XIV. 717. Fast. IV. 109. V, 339—340. Horat. Carm. III, 10. III, 7. 30. Хорикій (*Rh. Mus*, 49, 516) § 49: πρὸς αὐλὸν ᾄδων ἐφάνην παρὰ τὰς θύρας. Stat. Silv. I, 2, 196: lacrimae vigilesque viri propse limina questus. Persius. V. 164—166 со схоліями къ ст. 165. Lucian. Bis accusatus, 31. ср. Anth. Palat. V. 102: μέχρι τίνος Προδίκη παρακλαύσομαι. Plut. Erot. 8, 2 κωμάζειν ἐπὶ θύρας, ᾄδειν τὸ πα-

16-ое стихотвореніе 1-ой же книги Проперція (v. 17—44). Особнякомъ стоитъ 6 элегія 1-ой книги Amores Овидія, обращенная не къ дверямъ, а къ привратнику. Только въ самомъ концѣ (v. 73) поэтъ обращается къ postes, что сближаетъ эту элегію съ аріей Харина.

Въ основу всѣхъ этихъ произведеній, повидимому, положены образцы настоящей народной поэзіи. У Аристофана и пѣснь дѣвушки и пѣснь юноши оканчивается однимъ и тѣмъ же припѣвомъ: μέθες ἱκνοῦμαί σ' Ἔρως καὶ ποίησον οὐδ' ἐς εὐνὴν τὴν ἐμὴν ἱκέσθαι (957—959 + 966—968). У Тибулла какъ разъ во 2-мъ стихотвореніи 1-ой книги наблюдается частое повтореніе одного и того же начала стиха [1]). У Овидія Amor. I, 6 пять разъ повторяется стихъ: tempora noctis eunt excute poste seram [2]), аккуратно возобновляемый черезъ каждые 7 стиховъ. Между тѣмъ такія именно повторенія цѣлыхъ предложеній или отдѣльныхъ выраженій, принявшія впослѣдствіи форму рефрена, составляютъ отличительный признакъ народной поэзіи [3]).

III.

Этотъ шаблонъ или цѣликомъ или въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ использованъ для созданія ролей: Аргириппа (Asinaria), Ликонида (Aulularia), Федрома (Curculio), Филолахета (Mostellaria), Агорастокла (Poenulus), Калидора (Pseudolus), Диніарха и Страбакса (Truculentus)—у Плавта, а также Харина и Памфила (Andria), Клитифона и Клинія (Heautontimorumenos), Федрія (Eunuchus [4]) и Phormio), Эсхина и Ктезифона (Adelphoe)—у Теренція. Антифонъ (Phormio Теренція) отличается тѣмъ, что ему приходится страдать изъ-за невозможности прочно и безмятежно обладать той, на комъ онъ уже женился.

ρακλαυσίθυρον. Aristophan. Eccl. 976—977 подтверждаетъ, что пѣснь юноши — παρακλαυσίθυρον, сопровождаемое стукомъ въ дверь, очевидно, запертую. Пѣсни влюбленныхъ вообще—см. Horat. Carm. I, 5. 15—17. Aristaen. I, 2. 1, 8. Prop. V, 8. 47.

[1]) 7 и 9; 17 и 19, 20 и 21, 22 и 23. 29 и 31; 79 и 81, 83 и 85.

[2]) Vv. 24, 32, 40. 48, 56.

[3]) *Wilhelm Wundt*, Völkerpsychologie, II, 1. Leipzig 1905. 308, 324. *В. Ѳ. Шишмаревъ*, Припѣвы и аналитическій параллелизмъ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1901, кн. 12, 250—302.

[4]) *H. Siess* считаетъ его наиболѣе интереснымъ представителемъ этого амплуа. *Wien. Stud.* XXIX. (1907), 83. Въ греческомъ оригиналѣ роль эта носила иной характеръ, потому что тамъ юноши являлись соперниками, см. *F. Leo*, Menanders Kolax. *Nachrichten d. K. Gesel. d. Wissenschaft. zu Göttingen. phil—hist. kl.* 1903, № 6, 690.

Недоразумѣнія съ женой являются источникомъ страданій и для Памфила изъ Несуга Теренція.

Шаблонъ изображенія влюбленнаго юноши распространенъ и на стараго ловеласа Лизидама изъ Casina. При своемъ появленіи на сцену онъ прославляетъ сладость любви (216 сл.), которая заставила его франтить (225 сл.) и, подобно влюбленнымъ юношамъ, избѣгать форума (564). Онъ выражаетъ свои чувства въ тѣхъ же самыхъ словахъ, которыя характерны и для влюбленныхъ юношей [1]).

Такимъ образомъ, Лизадамъ по своимъ поступкамъ и способу выраженія своего чувства рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ юношей и это, при сопоставленіи съ его возрастомъ, должно было производить особенно комическое впечатлѣніе.

Adulescens служитъ также обращеніемъ къ представителямъ амплуа хвастливаго воина. Такъ его называютъ часто другія дѣйствующія лица комедіи [2]); отъ разсмотрѣнія этой разновидности насъ освобождаетъ извѣстный трудъ О. Риббека [3]).

То же самое обращеніе мы встрѣчаемъ въ „Менехмахъ" примѣненнымъ къ параситу Пеникулу [4]), повару Килиндру [5]) и рабу Мессеніону [6]). Такимъ образомъ, надо различать adulescens какъ названіе сценическаго амплуа съ прочно установившимся характеромъ отъ простого обозначенія лицъ извѣстнаго возраста. Теперь нѣсколько словъ объ отдѣльныхъ представителяхъ этого амплуа.

IV.

Пистоклеръ изъ Bacchides воспитанъ подъ руководствомъ суроваго педагога Лида и, вѣроятно, помня еще его уроки, онъ сначала упорно сопротивляется приманкамъ и уловкамъ гетеры Бакхиды (vv. 55, 65, 66), отказывается взять ее за руку и послѣдовать за ней (87). Но чары гетеры оказались сильнѣе предостереженій педагога, и у Пистоклера

[1]) 276 discrucior miser amore, 809 perii miser, 940 occidi miser, 956, 976 occidi, 967 peri.

[2]) Epid. 440, 443, 459. Poen. 1307, 1315 но не (составители заголовковъ отдѣльныхъ сценъ).

[3]) *O. Ribbeck*, Alazon. См. еще Наблюденія, 64—68.

[4]) 494, 498.

[5]) 285.

[6]) 1021, 1025; Mostellaria 635—danista, Persa 660—Sagaristio, Pseud. 615, 1137, 1141—Harpax. 978—Simia, Rud. 416, 563—Sceparnio. 911—Trachalio, 1303—Grypus, Trin. 871, 889, 892, 966—сикофантъ.

является мысль, неужели онъ такъ слабъ, что не сумѣетъ совладать съ собой; и поэтому онъ рѣшается оказать ей услугу и самъ проситъ гетеру, чтобы она позволила ему тратиться на нее (97, 99). Съ этого момента онъ становится послушнымъ слугой гетеры (103), и увѣщанія педагога, возмущеннаго перемѣной, случившейся съ его ученикомъ (v. 125, 132), возбуждаютъ въ немъ только одно отвращеніе (v. 136). Теперь уйти отъ гетеры онъ уже не можетъ, любовь его сковала (180), и отношенія его къ гетерѣ принимаютъ самыя осязательныя формы (vv. 480—483), совершенно не подходящія къ образу мыслей того разсудительнаго и застѣнчиваго юноши, какимъ является Пистоклеръ въ началѣ своего разговора съ Бакхидой.

Такимъ образомъ, роль Пистоклера представляетъ намъ исторію послѣдовательнаго превращенія благовоспитаннаго юноши въ безразсудную и послушную игрушку въ рукахъ ловкой гетеры.

Если въ характерѣ Пистоклера перемѣна происходитъ на глазахъ у зрителей, то такая же перемѣна съ *Филолахетомъ* изъ Mostellaria совершается задолго до начала пьесы, и о ней зрители узнаютъ только изъ признаній самого Филолахета. Онъ самъ разсказываетъ, какъ въ началѣ былъ онъ образцомъ умѣренности и благонравія (vv. 30, 133, 151, 154, 155) [1]) и славился успѣхами въ обычныхъ для аѳинскаго юноши состязаніяхъ (vv. 150 — 153). Но любовь его измѣнила (141) и отняла у него всѣ его достоинства (144), превративъ въ обычнаго ухаживателя за гетерами и посѣтителя пировъ и попоекъ (23, 24, 64 сл.).

Отличительною чертой *Мнесилоха* изъ Bacchides служитъ крайняя неуравновѣшенность характера. Онъ сразу принимаетъ крайнія рѣшенія (489, 490). Сначала онъ считаетъ Пистоклера своимъ величайшимъ благодѣтелемъ (394). Затѣмъ принимаетъ его за своего заклятаго врага (536), повѣривъ разсказу Лида (477—489), который самъ не понялъ, въ чемъ дѣло. Мнесилохъ думаетъ, что Пистоклеръ ухаживаетъ за его именно возлюбленной, а не за ея сестрой, какъ это было на самомъ дѣлѣ.

Такъ же быстро измѣняетъ онъ и свое отношеніе къ своей возлюбленной. Онъ ее сильно любитъ (505, 511), но, повѣривъ Лиду, прежде всего думаетъ о томъ, какъ бы ее погубить (490). Онъ рѣшаетъ наказать ее тѣмъ, что ей придется ухаживать за нимъ даромъ,

---

[1]) Такая же перемѣна была вызвана любовью и въ Федріи Eunuchus Теренція, см. vv. 226, 227.

безъ всякой надежды получить что-нибудь отъ него (517, 531). Поэтому онъ отдаетъ отцу тѣ самыя деньги, которыя, на самомъ дѣлѣ, такъ хорошо пригодились бы ему для устройства своихъ любовныхъ дѣлъ (516, 520, 530). Такимъ образомъ ей не удастся надъ ними издѣваться (506, 515), а до этого рѣшенія онъ только что собирался украсть что-нибудь у отца, чтобы подарить своей возлюбленной (507).

Какъ только выясняется истинное положеніе вещей (568 сл.), Мнесилохъ сейчасъ же раскаивается и сознаетъ свою вину передъ вѣрнымъ Пистоклеромъ (629). Онъ сознаетъ свою оплошность и неосмотрительность (611 сл. 671—680), горюетъ о томъ, что такъ необдуманно выпустилъ изъ рукъ деньги, которыя теперь такъ ему пригодились бы (622 сл.), и это сразу же приводитъ его въ отчаяніе (626—627). Мнесилохъ прекрасно сознаетъ, какъ навредилъ себѣ подъ вліяніемъ гнѣва (684). Естественно, что такой неустойчивый юноша, такъ быстро переходящій отъ любви къ ненависти, отъ восторга къ отчаянію, является совершенно безпомощнымъ и всю надежду возлагаетъ на раба (713) [1]).

Харинъ изъ *Mercator* обрисованъ очень ярко, и на этомъ персонажѣ полнѣе всего отразились страданія влюбленныхъ, доведенныя у него до высшей степени. Это объясняется отчасти и тѣмъ, что Харинъ ко всему относится серьезно и глубоко. Такъ, солгать отцу ему кажется преступленіемъ (209). Жить безъ своей Пасикомпсы онъ и не хочетъ и не можетъ (471, 602, 863), почему извѣстіе о томъ, что возлюбленная для него потеряна, сейчасъ же приводитъ его къ мысли о самоубійствѣ (472, 483); съ трудомъ примиряется онъ на томъ, чтобы заглушить свое горе въ изгнаньѣ (643 сл.). Передъ уходомъ въ изгнанье онъ прощается съ отцовскимъ домомъ, и вся сущность его прекрасной души выливается въ томъ, что при разлукѣ онъ молитъ отческихъ боговъ только о томъ, чтобы они поддержали благосостояніе его родителей (830—841). Никакія препятствія не остановятъ его поисковъ возлюбленной, и онъ или найдетъ ее или покинетъ жизнь (863).

Совсѣмъ безцвѣтна роль *Стратиппокла* изъ Epidicus. Кромѣ чисто шаблонныхъ деталей, мы узнаемъ только, что на войнѣ ему удалось отличиться (30 сл.), но эта подробность остается совершенно не использованной въ дальнѣйшемъ теченіи пьесы и никакого вліянія

[1]) Характеристику его душевнаго состоянія см. у *W. Brachmann*, De Bacchidum Plautinae retractatione scaenica capita quinque. *Leipz. Studien zur klass. Philol.* III (1888), 80—81.

на образъ дѣйствій Стратиппокла не оказываетъ, пропадая такимъ образомъ безслѣдно. Пожалуй, единственной любопытной чертой его характера можно было бы считать непостоянство его въ любви: до отправленія въ походъ онъ поручилъ достать себѣ арфистку (v. 47), а теперь она ему уже разонравилась (133) и онъ вовсе ею не интересуется, перенеся весь пылъ своего чувства на другой предметъ (135, 363). Но и эта черта не составляетъ исключительнаго признака одного только Стратиппокла [1]).

Роль *Евтиха* въ Mercator никакого самостоятельнаго значенія въ экономіи пьесы не имѣетъ. Это только преданный товарищъ [2]), вся радость котораго состоитъ въ томъ, что ему удалось спасти друга (842 сл.). Понадобился онъ для того только, чтобы у безвольнаго Харина, цѣликомъ ушедшаго въ чувство, былъ человѣкъ, способный за него дѣйствовать. Какъ единственный персонажъ пьесы, не потерявшій разсудокъ подъ вліяніемъ страсти, онъ долженъ провозглашать и самую „мораль" пьесы вмѣсто grex или cantor'a [3]).

Въ Adelphoe Теренція обязанности такого вѣрнаго друга несетъ родной братъ любовника пьесы Ктезифона, Эсхинъ, и тѣмъ самымъ жертвуетъ и своей репутаціей и подвергаетъ опасности свое личное счастье.

Еще менѣе самостоятельна роль *Херибула* въ Epidicus. Ни одной личной, индивидуализирующей черты не внесено въ это трафаретное изображеніе товарища—помощника въ любовныхъ затрудненіяхъ.

То же самое приходится сказать и про роль *Харина* изъ Pseudolus: все его участіе въ ходѣ пьесы исчерпывается тѣмъ, что при его посредствѣ (729 сл.) Псевдолъ находитъ путь къ осуществленію своего плана.

Лисителесъ (Trinummus) тѣмъ выдѣленъ изъ общаго числа преданныхъ друзей и наперсниковъ, что обнаруживаетъ не только желаніе помочь своему другу (328, 438), котораго ему совѣсть не позволяетъ покинуть въ трудную минуту (344), но еще и крайнюю разсудительность (222). Онъ прекрасно разбирается во всемъ томъ злѣ, которое несетъ съ собою любовь (237—257) и, побѣдивъ разумомъ свои

---

[1]) Ср. Харина изъ Mercator, v. 43 сл.

[2]) Есть основанія думать, что роль второго юноши, помощника главнаго героя, влюбленнаго впервые, ввелъ въ комедіи Филемонъ. *C. A. Dietze*, De Philemone comico, Gottingae 1901, 48. *Fr. Leo*, Plautinische Forschungen, 115.

[3]) О томъ видѣ, въ какомъ дошла до насъ и вся пьеса и въ частности эта роль см. *G. Goetz*, *Rh. M.* 31 (1876), 635—637. Наблюденія, 110.

страсти (305), выбираетъ образъ жизни сообразно взглядамъ своего отца (297).

Крупный недостатокъ въ характеристикѣ этого персонажа получается отъ того, что желаніе Лизителеса жениться на сестрѣ своего друга является совершенно не подготовленнымъ (374), и читатель остается подъ сомнѣніемъ, ужъ не преувеличилъ ли поэтъ до того его преданность другу, что толкнулъ на эту свадьбу только изъ желанія вызволить изъ бѣды пріятеля (338).

Лесбоникъ (изъ Trinummus) по ходу пьесы не имѣлъ случая обнаружить своихъ любовныхъ чувствъ. Мы узнаемъ про него только, что онъ тратитъ на гетеръ и свои деньги (412) и свои силы (651). Любовь и бездѣлье испортили его хорошій отъ природы характеръ (658, 666, 665), но несмотря на расточительность, обнаруженную имъ по отношенію къ отцовскому имѣнію (13, 108), онъ сохранилъ хорошія черты (338): всѣхъ другихъ ему жалко, не жалко только самого себя (431). Поэтому и деньги его ушли не только на удовольствія: много онъ и роздалъ (333). Его благородство обнаруживается и въ томъ, что онъ, несмотря на денежныя затрудненія, ни за что не соглашается оставить свою сестру безприданницей (585, 681, 691 сл.). Такимъ образомъ и въ Лесбоникѣ читатель палліаты имѣетъ дѣло съ жертвой любви и безхарактерности.

Въ то же самое время есть персонажи среди амплуа adulescens, на которыхъ этотъ шаблонъ совершенно не отразился. Таковъ, напримѣръ, *Плевсиклъ* изъ Miles Gloriosus, *Плесидиппъ* изъ Rudens. Они участвуютъ въ дѣйствіи пьесы, но ни характеръ ихъ, ни ихъ настроеніе ничѣмъ рѣшительно не обрисованы. Словно у поэта, такъ ярко и выпукло обрисовавшаго остальныхъ персонажей обѣихъ пьесъ, для этихъ ролей не осталось красокъ на палитрѣ.

Вѣрный другъ въ Mostellaria *Каллидаматъ* (v. 310, 1153) являющійся предстателемъ провинившагося юноши передъ его отцемъ (1154), рѣзко выдѣленъ изъ числа остальныхъ наперсниковъ комедіи тѣмъ, что поэтъ представилъ его въ началѣ зрителямъ совершенно пьянымъ (324, 326), переходящимъ съ одной пирушки на другую (316) въ компаніи съ своей подругой и не понимающимъ даже, куда онъ идетъ (335) а затѣмъ даже засыпающимъ на глазахъ у зрителей (349). Это изображеніе пьяницы стоитъ довольно одиноко въ жанровой литературѣ древности, чуть ли не сближая ее съ драмой сатировъ [5]). Пья-

---

[1]) Adelph. 773. Объ эффектахъ пьянства въ комедіяхъ см. *E. Romagnoli*, Origine

нымъ появляется еще Хреметъ въ Eunuchus Теренція (728 sq.), но тамъ это опьяненіе намѣчено гораздо блѣднѣе, и если оно имѣетъ какое-нибудь значеніе въ экономіи настоящей редакціи пьесы, то, вѣроятно, вызвано только желаніемъ подготовить опьяненіемъ чрезмѣрную развязность слѣдующей сцены столкновенія съ хвастливымъ воиномъ [1].

Ни Филократетъ, ни Аристофонтъ, ни Филополемъ—представители этого амплуа изъ Captivi въ нашъ обзоръ входить [2] не могутъ, потому что въ этой пьесѣ нѣтъ вовсе любовной интриги (v. 1030), почему и нѣтъ „молодого любовника, который освобождалъ бы гетеру тайкомъ отъ своего отца" (см. 1032); т. е. совершалъ бы какъ разъ то самое дѣяніе, которое является сущностью дѣйствій представителя этого амплуа въ остальныхъ комедіяхъ.

Необходимо сказать нѣсколько словъ о роли второго юноши въ Asinaria—Diabolus. Теперь онъ играетъ въ пьесѣ весьма второстепенную роль, появляясь только въ двухъ первыхъ сценахъ 4-го акта, изъ коихъ вторая, къ тому же, несомнѣнно, испорчена. Недавно Л. Аве пытался [3]) увеличить объемъ этой роли, думая, что во второй и и третьей сценѣ перваго акта дѣйствовалъ первоначально не Аргириппъ, а Діаболъ, но имена ихъ были перепутаны переписчиками. Но порча пьесы, по нашему, обнаруживается по преимуществу въ ея послѣднихъ частяхъ. По всѣмъ признакамъ, Діаболъ богатый юноша (752). Составленный имъ контрактъ со сводней Клеаретой свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ менѣе всего склоненъ терпѣть присутствіе какого-нибудь соперника (756, 805 et passim), и вдругъ этотъ же самый Діаболъ въ концѣ пьесы, безъ всякой причины, которая могла бы сдѣлать его уступчивѣе, соглашается дѣлить ласки Филеніи съ Аргириппомъ черезъ ночь (916, 918); такая уступчивость и невзыскательность въ любви свойственна или рабамъ въ родѣ Стиха и Сагарина, которые въ Stichus полюбовно распредѣлили между собой прелести Стефаніи,

---

ed elementi della comedia d'Aristofane. *Studi Italiani di filologia classica*, 1905, XIII, 174. *A. Dieterich*, Pulcinella, 51, 215. Среди эллинистическихъ рельефовъ есть изображеніе пьянаго юноши съ рабомъ (по атласу Шрейбера № 83).

[1]) Донатъ въ схоліи къ 727 ст. замѣчаетъ: data hercle verba a milite an a meretrice, cuius iam pridem dolum malum in omni re suspectatus est? an magis a vino quasi captioso aliquo data verba sunt, quia bibere dulce est, ebrium fieri turpissimum? adeo his quae sequuntur quasi subtilem fraudem ebrietatis inducit.

[2]) Точно также Хреметъ и Антифонъ въ Eunuchus Теренція, принадлежащіе къ къ числу дополнительныхъ персонажей и не вовлеченныхъ въ любовную интригу пьесы.

[3]) *L. Havet*, Etudes sur Plaute. Asinaria. *Rev. de philol.* 1905, 94—103.

или же хвастливому воину въ родѣ Тразона изъ Eunuchus Теренція, который, въ концѣ концовъ, точно такъ же соглашается дѣлить съ Фэдріей ласки Таиды, какъ въ Asinaria Diabolus [1]). Поэтому мы не только не будемъ вмѣстѣ съ Аве давать Діаболу тѣ части пьесы, которыя теперь отданы въ рукописяхъ другому adulescens, но, наоборотъ, считаемъ, что Diabolus представитель амплуа не adulescens, а какого-нибудь другого, скорѣе всего это miles gloriosus [2]). Да и самое имя-то Diabolus не совсѣмъ обычно для представителя амплуа adulescens [3]).

Ошибка могла произойти потому, что въ діалогѣ воиновъ нерѣдко называютъ adulescens (см. выше).

V.

Характеристика adulescens въ комедіи стоитъ въ неразрывной связи съ характеромъ той дѣвушки, въ которую онъ влюбленъ, и обрисовка соотвѣтствующаго женскаго персонажа, повидимому, вліяла на выборъ тѣхъ или другихъ красокъ для обрисовки самого adulescens. У Плавта любовь юноши отдана или профессіональной гетерѣ или дѣвушкѣ, временно находящейся въ положеніи гетеры.

Единственный путь къ сердцу такихъ особъ—деньги, которыхъ у юноши нѣтъ, поэтому вся его роль становится чисто страдательной, съ вѣчными жалобами на свою бѣдность. У Теренція хотя кое-гдѣ деньги еще составляютъ препятствія для счастія влюбленныхъ (Phormio, Hautontimorumenos); есть комедіи, гдѣ эта денежная сторона дѣла отступила на задній планъ—Andria, Hecyra, Adelphoe. Въ зависимости отъ этого и любовь юноши приняла менѣе матеріальный характеръ.

Роль приняла болѣе разнообразную форму еще и потому, что юноши у Теренція доступны и другимъ чувствамъ, а не однимъ

[1]) См. мои Наблюденія, 63—68.

[2]) Это замѣтилъ еще *Н. А. Гельвихъ*, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1892, апрѣль, 119; что онъ воинъ можно заключить изъ присутствія при немъ парасита и изъ всего вообще его тона.

[3]) Новѣйшій изслѣдователь именъ персонажей у Плавта, *K. Schmidt*, замѣчаетъ, что имя это встрѣчается только въ комедіи и указываетъ на характеръ даннаго лица. Но стихъ 810, на который ссылается К. Шмидтъ, и весь слѣдующій монологъ не даютъ никакого основанія называть его „клеветникомъ" (*Hermes*, 37 (1902), 186).

Любопытно, что titulus scaenae въ рукописяхъ BE гласитъ: adulescens Argyrippus, parasitus duo. См. *F. Leo* ad l. *W. M. Lindsay*, The ancient editions of Plautus, Oxford 1904, 97—98.

только заботамъ о полученіи ласкъ своей возлюбленной. Сюда, прежде всего, надо отнести заботу юноши о своемъ вѣрномъ помощникѣ—рабѣ [1]).

Существенное различіе между комиками и представителями позднѣйшихъ видовъ эротической литературы состоитъ въ томъ, что у послѣднихъ любовь разсматривается какъ рабство, [2]), причемъ влюбленному приходится быть рабомъ своей возлюбленной [3]). Достаточно напомнить гораціево grata tenet compede vinctum [4]). Естественно, что при такомъ взглядѣ на любовь заходитъ рѣчь и о „цѣпяхъ любви" [5]), которыя надо переносить добровольно [6]), такъ какъ „въ любви всякое зло легко, если его переносить безропотно" [7]). Тогда возлюбленная для ея обожателя становится хозяйкой: domina, δέσποινα [8]).

У Овидія встрѣчается и весьма рѣдкая параллель: dominus. Онъ заявляетъ о своей puella [9]): blanditias dixit dominumque vocavit (Am. III, 7. 11). Ни у Плавта, ни у Теренція такого значенія это слово не имѣетъ: вездѣ, гдѣ оно у нихъ встрѣчается [10]), оно обозначаетъ только хозяйку въ ея чисто дѣловыхъ отношеніяхъ къ прислугѣ. Вообще комикамъ совершенно несвойственно то рыцарское служеніе дамѣ, ранними отзвуками котораго являются приведенныя мѣста элегиковъ и романистовъ, и образцомъ которыхъ можетъ служить то мѣсто у Овидія въ посланіи Лаодаміи Протесилаю, гдѣ ей рисуется, какъ троянка

---

[1]) Andr. 963—966. Haut. 1067. Phorm. 478.

[2]) Tibull. II, 4. 1. Prop. I, 5. 19. III, 13, 20. IV, 25. 3. Ovid. Am. I, 2. 18. II, 17. 1 sq. Metam. XIV. 378. Anth. Pal. V, 22. 3. Eustaph. III, 10. V, 20. VIII, 10. IX, 21.

[3]) Xenoph. Eph. I, 4. Aristaen. II, 2.

[4]) Carm. IV, 11. 24.

[5]) Tibull. I, 55; 2. 90.

[6]) Tibull. I, 3, 80.

[7]) Prop. II, 5. 16. Ovid. Amor. I, 2, 10—18.

[8]) Примѣры изъ римскихъ элегиковъ см. у *Renc Pischon*, De sermone amat. 134. Изъ многихъ примѣровъ греческой эротики отмѣтимъ Achill. Tat. V, 20. I, 24, Xenoph. Ephes. V, 14.

[9]) Объ этомъ эротическомъ терминѣ см. *R. Pischon*, l. l. 244—246. Ни у Плавта, ни у Теренція puella не является эротическимъ терминомъ.

[10]) Cist. 773. Stich. 296. Haut. 298. 301. 628 см. *J. Koehm*, Altlateinische Forschungen, 162—167, гдѣ опровергнуто и толкованіе Л. А. Мюллера (къ Луцилію v. 730) Ter. Haut 301. Зато весьма обычно и для Плавта и для Теренція эротическое значеніе термина amica, см. Thesaurus l. latinae, I, 2, 1912.

Producetque virum dabit et mandata reverti
Et dicet: „referas ista fac arma Iovi“.
Ille ferens *dominae mandata* recentia secum
Pugnabit caute respicietque domum [1]).

Трудно себѣ представить также, чтобы въ обстановкѣ античной комедіи юноша могъ высказать желаніе промѣнять охотно свободу на рабство, если только властвовать будетъ надъ нимъ предметъ его страсти, какъ мы это слышимъ изъ устъ юношей на „пиру“ у Ксенофонта [2]). Такой крайній сентиментализмъ совершенно чуждъ персонажамъ античной комедіи.

Для Катулла его возлюбленная—царица (mea regina) [3]), и у Овидія влюбленный fert regna puellae [4]). Итакъ, за короткій срокъ отъ Теренція до Катулла любовь ушла впередъ быстрыми шагами и успѣла достичь вершины, на которой ее и до сихъ поръ держатъ лирики [5]).

Будущій изслѣдователь композиціи „новой“ комедіи обратитъ вниманіе на причины, въ силу которыхъ въ комедіи съ юношей бесѣдуетъ только разбитная гетера въ родѣ Фронезіи изъ Truculentus или Филеніи изъ Asinaria, тогда какъ болѣе скромныя представительницы этого амплуа въ личную бесѣду съ своими возлюбленными не вступаютъ [6]); еще ярче это свойство обнаруживается у Теренція, гдѣ любовныя объясненія ведутъ только Таида (Евнухъ), да Бакхида (Несуга), въ то время какъ Памфилъ даже со своей женой все время объясняется за сценой (Несуга). Повидимому, самый фактъ бесѣды молодой женщины съ юношей считался нарушающимъ полноту женской скромности.

Такимъ образомъ, скромность героинь комедіи развивается засчетъ разнообразія въ обрисовкѣ характера adulescens, такъ какъ, въ интересахъ скромности героини, драматургу приходится выпускать всѣ тѣ

---

1) Ovid. Heroid. XIII, 143—146.

2) Пиръ, IV, 14 sq.

3) 66, 19.

4) Rem. am. 15.

5) Совершенно несвойственно было древнему міру, чтобы юноши становились на колѣни передъ своими возлюбленными. См. *K. Sittl*, Die Gebärden, 156. Зато изъ Ovid. Ars, II, 534 мы знаемъ, что не считалось унизительнымъ цѣловать ноги возлюбленной.

6) Ср. отчасти *B. K. Ернштедтъ*, Порфирьевскіе отрывки изъ аттической комедіи, С.-Пб. 1891, 171.

черты, которыя могли обнаружиться только при личномъ объясненіи юноши съ предметомъ его страсти.

У элегиковъ денежный вопросъ въ любви сохранился въ полной силѣ за исключеніемъ одного Катулла. Это можетъ отчасти служить для характеристики той общественной среды, откуда вышли стихотворенія элегиковъ. Поэтому и настроеніе элегиковъ въ общемъ такое же подавленное, какъ и у влюбленныхъ юношей комедіи. Зато у буколиковъ деньги не играютъ уже никакой роли, и настроеніе юноши совершенно другое.

Изъ римскихъ элегиковъ съ буколиками удержалъ связь одинъ только Тибуллъ, создавшій себѣ идеалъ въ чертахъ, очень близко напоминающихъ буколическую идиллію [1]). Но этотъ идеалъ жестоко поруганъ соприкосновеніемъ съ современной поэту дѣйствительностью въ лицѣ Деліи и особенно Немезиды. Онѣ не перестаютъ разбивать грезы Тибулла, создавая обстановку, весьма сильно напоминающую положеніе adulescens въ комедіи; отсюда и сходство настроенія Тибулла съ тѣмъ, которое обнаруживаютъ юноши комедій.

Въ греческихъ романахъ [2]) деньги также не имѣютъ значенія для судьбы влюбленныхъ: ихъ мѣсто занялъ или злой рокъ или еще чаще разбойники, и настроеніе юноши вполнѣ такое же, какъ и въ комедіи, что̀ яснѣе всего указываетъ на путь, по которому въ греческій романъ явился шаблонъ юноши. Зато родители, и въ частности отецъ, въ греческомъ романѣ не имѣютъ уже ничего общаго съ соотвѣтствующимъ персонажемъ комедій.

Вновь найденные обширные отрывки комедій Менандра Περικειρομένη и Ῥαπιζομένη доставили обильный матеріалъ для характеристики тѣхъ юношей, которые подъ вліяніемъ ревности или гнѣва примѣняли къ своимъ возлюбленнымъ физическую силу, не щадя даже ихъ красоты [3]). Отголоски такихъ бурныхъ сценъ проникли и въ элегію [4]).

---

[1]) *Ѳ. Е. Коршъ*, Римская элегія и романтизмъ, Москва 1899, 53.

[2]) Извѣстный всѣмъ прекрасный анализъ изображенія любви у греческихъ романистовъ далъ *E. Rohde*, D. griechische Roman, Leipz. 1876, 146—165. Но на связь съ комедіей онъ обратилъ меньше вниманія, почему мы самостоятельно выбрали изъ Script. Erotici приведенныя выше параллели къ мотивамъ комедій.

[3]) Теперь эти отрывки удобно обозрѣть въ очень полезномъ изданіи *A. Kretschmar*, De Menandri reliquiis nuper repertis, Lipsiae 1906, гдѣ на стр. 80—107 приведены отрывки и дана попытка возстановить содержаніе первой комедіи, а на стр. 107—110—второй.

[4]) Prop. II, 3, 25—25 и особенно Ovid. Am. I, 7.

VI.

Когда рѣчь идеть о чертахъ нравовъ, отразившихся въ римской палліатѣ, всегда возникаетъ сомнѣніе, насколько въ данномъ случаѣ комедіи Плавта и Теренція отражаютъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ римскую жизнь.

Для насъ чрезвычайно любопытно и важно знать, могъ ли кто-нибудь изъ зрителей, присутствовавшихъ на представленіи этихъ пьесъ, въ жизни находиться въ положеніи тѣхъ adulescentes, которыхъ передъ ними изображали актеры. Романъ П. Эбутія и либертины Гиспалы Феценіи, разыгравшійся въ то самое время, когда Плавтъ еще писалъ свои комедіи и послужившій къ раскрытію секты Вакхантовъ въ Римѣ, описанъ Ливіемъ [1]) въ чертахъ, свидѣтельствующихъ, что этотъ типъ комедіи былъ вполнѣ жизнененъ въ Римѣ и что театръ въ данномъ случаѣ не расходился съ дѣйствительностью. Начавшееся въ ту пору разложеніе римской семьи и вызвавшее его Grisetten-und Buhlknabenwirtschaft—чтобы пользоваться терминами Т. Моммзена [2])—не подлежатъ никакому сомнѣнію. Съ теченіемъ времени это явленіе только росло, и Цицеронъ въ рѣчи въ защиту Цэлія неоднократно указываетъ на то, какъ часто римская молодежь тратила свои силы на бурныя романтическія приключенія [3]).

Отсутствіе всякаго интереса къ государственнымъ дѣламъ ставитъ въ вину римскимъ магистратамъ современникъ Луцилія К. Титій, подчеркивая въ очень яркой критикѣ ихъ преданность чревоугодію и чувственной любви (scortis stipati) [4]):

VII.

Предшествующая часть статьи уже давно была сдана въ редакцію, когда мнѣ стали доступны новые отрывки четырехъ комедій Менандра, найденные въ Каирѣ [5]). Эти фрагменты, давшіе такъ много но-

---

[1]) XXXIX, 9.

[2]) Röm. Gesch. I^5, 884.

[3]) XVIII, 43. XX, 48. Можно прибавить сюда и его характеристику товарищей Катилины (II), In Catil. II, 22, 23 которые готовы были взять съ собой въ лагерь дамъ своего сердца. Еще сильнѣе въ предшествующую эпоху нападалъ на нравы Сульпиція Галла Сципіонъ Африканскій (Gellius, VI, 12.

[4]) Macrob. III, 16, § 14—16).

[5]) По изданію *I. van Leeuwen*: Menandri quattuor fabularum Herois, Disceptantium, Circumtonsae. Samiae fragmenta nuper reperta. Lugduni Batavorum MCVIII.

ваго[1]) для исторіи „новой“ аттической комедіи вообще, для роли adulescens даютъ мало дополнительныхъ чертъ, потому что это именно амплуа въ сохранившихся отрывкахъ случайно представлено весьма слабо.

Въ первой комедіи, *Герой*, это амплуа занято влюбленнымъ рабомъ Давомъ, что создаетъ любопытную параллель къ Токсилу изъ Persa Плавта, до сихъ поръ стоявшей слишкомъ одиноко въ репертуарѣ античной комедіи. Но роль его въ сохранившемся отрывкѣ оборвалась такъ быстро, что мы узнаемъ про него только то, что ему любовь доставила много мученій и довела до гибели (v. 6, 13: καταχέχναισμαι καὶ διέφθαρμαι).

Также незначительно представлено это амплуа и въ доподлинной части комедіи „Пріѣзжая съ Самоса“. Мы знаемъ только, что влюбленный Мосхіонъ сталъ рабомъ своей страсти (280) и что Эротъ совершенно владѣетъ его разсудкомъ (287: ὁ τῆς ἐμῆς νῦν κύριος γνώμης Ἔρως). Любовь къ Планго не позволяетъ ему покинуть родину и удалиться изъ города въ Бактрію или Карію, гдѣ онъ жилъ бы на военной службѣ (281—284). Насколько можно судить по сохранившемуся отрывку, общая обрисовка этой роли больше всего подходитъ къ тому, какъ трактована роль Памфила въ Andria Теренція, фабула которой имѣетъ не мало точекъ соприкосновенія съ вновь открытой Samia.

Больше матеріала представляетъ отрывокъ изъ комедіи Περικειρομένη для характеристики влюбленнаго воина Полемона. Вновь найденные отрывки значительно дополняютъ то, что мы знали уже раньше и объ этой роли, и вообще объ этой комедіи изъ папирусовъ [2]). Роль Полемона содержала въ себѣ много спорнаго и представляла не мало трудностей для истолкованія [3]). Теперь его можно, кажется,

---

гдѣ приняты уже въ текстѣ конъектуры и чтенія многихъ ученыхъ, работавшихъ надъ этими текстами послѣ G. Lefebvre.

[1]) Изъ статей, посвященныхъ толкованію этихъ текстовъ, до сихъ поръ я могъ воспользоваться слѣдующими: *P. Legrand*, *Revue des études ancien*. 1907, 312—331; *Fr. Leo*, *Hermes*, 1908, 120—167. *Nachrichten d. Gesellschaft d. Wissenschaften zu Göttingen*, 1907, 315—341; *U. von Wilamowitz-Möllendorff*, *Sitzungsberichte d. Berl. Akad.* 1907, 860—872. *N. Jahrbücher f. klass. Altert.* 1908, 1, 34—62; *H. v. Arnim*, *Zeitschrift f. d. oesterr. Gymn.* 1907, № 12, 1057—1081; *M. Croiset*, *Journal des Savants*, 1907, № 10, 513—535, № 12, 633—657; *H. van Herwerden*, *BPW.* 1908, № 3, 93—95; *S. Sudhaus*, *BPW.* 1908, № 11. 321—334; *H. Weil*, *Journal des Savants* 1908, № 2, 80—84.

[2]) См. *Ѳ. Ф. Зѣлинскій*, Изъ жизни идей. I. С.-Пб. 1905, 132—133, гдѣ данъ и русскій переводъ сохранившейся въ папирусѣ части діалога.

[3]) См. мои Наблюденія, 143—146.

удобнѣе всего сравнивать съ Стратофаномъ изъ плавтовскаго Truculentus. Подобно Стратофану (Truc. 530, 543—545, 608, 946) и Полемонъ (v. 253) свои права на любовь измѣряетъ подносенными подарками. Его страшно мучитъ то, что Гликера его бросила (vv. 243), жить безъ нея онъ не можетъ, что и выражаетъ въ восклицаніи (v. 326—327): πῶς βιώσομαι ὁ τρισκακοδαίμων χωρὶς ὢν τῆς φιλτάτης; онъ раскаивается въ совершенномъ надъ Гликерой насиліи, лежитъ и горько плачетъ даже среди друзей за пиромъ (v. 54—55). Желая возстановить чувства Гликеры путомъ ἀντιλυπῆσαι, онъ на время беретъ себѣ Габротону, но она только раздражаетъ его; ея любовь только досаждаетъ ему (217: φιλοῦσα μ' ἐξόλλυσι) и онъ ее отпускаетъ (218, 220 сл.). Такимъ образомъ, Полемонъ тщетно испробовалъ то самое средство, которое въ Eunuchus парасить Гнатонъ рекомендовалъ воину Трасону для возвращенія благоволенія бросившей его Таисы (Eun. 439 сл.).

Гораздо полнѣе представлена роль Харисія въ отрывкѣ изъ Ἐπιτρέποντες. Онъ въ пьяномъ видѣ (v. 256) во время праздника Таврополій (234, 254, 521) совершилъ насиліе надъ одной дѣвушкой, а потомъ женился; преждевременное рожденіе ребенка заставляетъ неистовствовать (v. 399) отъ подозрѣнія, что ребенокъ не его. Свою жену онъ успѣлъ оцѣнить, что видно изъ слѣдующаго его монолога vv. 429—444): „И это я, человѣкъ неспособный ошибаться, обращающій особое вниманіе на свою репутацію, и постоянно изслѣдующій, что хорошо и что постыдно, человѣкъ безукоризненный и незапятнанный жизнью. Ловко обошлось со мной божество и какъ разъ по моимъ заслугамъ! Тутъ-то оно и обнаружило, что я не что иное, какъ слабый человѣкъ. О несчастный—какъ бы сказало оно мнѣ всей этой исторіей [1]), и ты еще топорщишься и разсуждаешь? Ты не можешь перенести спокойно невольную вину твоей жены? Ну такъ я сдѣлаю такъ, что ты попадешь въ такое же самое положеніе, и вотъ тогда твоя жена поступитъ съ тобой кротко. А ты позволяешь себѣ унижать такую женщину! Тогда-то и обнаружится, что ты человѣкъ и несчастный и грубый и неблагодарный. Вѣдь то, что она сказала своему отцу, совсѣмъ не похоже на то, какъ ты разсуждалъ [2]): «Я должна вмѣстѣ съ моимъ мужемъ раздѣлять все, что приноситъ жизнь

[1]) По толкованію *H. von Arnim*, 1, 1. 1080.

[2]) Ея отецъ подумалъ, что Харисій прижилъ ребенка съ любовницею и хотѣлъ увести ее отъ мужа, ст. 504.

и мнѣ не слѣдуетъ избѣгать несчастій, которыя выпадаютъ на долю мужа».—„Вотъ истинно достойный образъ мыслей [1]), а ты черезчуръ заносишься высоко“.

Заподозрѣвъ свою жену, Харисій завелъ интригу съ Габротоной, но и съ ней онъ жить не можетъ (216—217, 220 сл.), напрасно тратитъ онъ на нее деньги: любовь къ женѣ отталкиваетъ его отъ Габротоны. Онъ очень радъ, когда оказывается, что онъ отецъ ребенка Памфилы, которую онъ обидѣлъ на праздникѣ Таврополій и которая потомъ стала его женой, о чемъ онъ не подозрѣвалъ (v. 462).

Такимъ образомъ роль эта нѣсколько напоминаетъ Памфила изъ Hecyra Теренція, разрабатывающей тотъ же самый мотивъ, что и эта комедія Менандра.

Б. Варнеке.

---

[1]) По толкованію *M. Croiset. J. de S.* № 10, 531, который стихъ 444 возстановляетъ: τάδ' εὐσεβῶς ὡς.

Содержаніе

НОВОЙ СЕРІИ ЧАСТИ XVI

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

(іюль и августъ 1908 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Именные Высочайшіе указы, данные Правительствующему Сенату.

Стран.

1. (4-го іюня 1908 года) 3
2. (4-го іюня 1908 года) . . . . —
3. (4-го іюня 1908 года) . . . . —

Узаконенія.

1. (28-го апрѣля 1908 года). Объ отпускѣ изъ казны средствъ на содержаніе VII и VIII классовъ Луцкой мужской гимназіи, преобразуемой изъ шестиклассной прогимназіи 3
2. (9-го мая 1908 года). Объ учрежденіи учительскихъ семинарій въ городахъ Архангельскѣ, Арзамасѣ, Костромѣ, Перми, Николаевскѣ-Уссурійскомъ и въ селѣ Потокахъ, Винницкаго уѣзда, Подольской губерніи 4
3. (9-го мая 1908 года). Объ отпускѣ состоящему при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ обществу археологіи, исторіи и этнографіи по 600 рублей въ годъ въ теченіе пяти лѣтъ, начиная съ 1908 года . . 5

Стран.

4. (9-го мая 1908 года). Объ отпускѣ изъ казны 5.000 рублей на пріобрѣтеніе инструментовъ для геологическаго музея Императорской Академіи Наукъ 6

5. (9-го мая 1908 года). О продажѣ Одесскому городскому общественному управленію участка земли, принадлежащаго Новороссійскому университету, и объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на строительныя нужды названнаго университета . . . . —

6. (9-го мая 1908 года). Объ отпускѣ средствъ на содержаніе состоящей при Курской учительской семинаріи Семеновской метеорологической обсерваторіи 7

7. (9-го мая 1908 года). Объ учрежденіи при Новгородской учительской семинаріи, содержимой на земскія средства, должности учителя пѣнія съ правами, присвоенными этой должности въ учительскихъ семинаріяхъ министерства народнаго просвѣщенія, и о предоставленіи министру народнаго просвѣщенія права учрежденія таковыхъ должностей при однородныхъ учебныхъ заведеніяхъ 8

8. (6-го іюня 1908 года). Объ отпускѣ дополнительнаго кредита на нужды городскихъ училищъ 51

9. (6-го іюня 1908 года). О дополнительномъ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства по 2.800 рублей въ годъ на учрежденіе казенныхъ стипендій и на хозяйственныя потребности Вольмарской учительской семинаріи . . . . —

10. (6-го іюня 1908 года). Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе V и VI классовъ Александрійской мужской шестиклассной прогимназіи, преобразуемой изъ четырехклассснаго состава, и на устройство при ней физическаго кабинета 52

11. (6-го іюня 1908 года). Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе и первоначальное обзаведеніе мужскихъ гимназій въ городахъ: Лебединѣ, Чугуевѣ и Галичѣ, а также V и VI классовъ мужской прогимназіи въ городѣ Карачевѣ 53

12. (6-го іюня 1908 года). Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе и первоначальное обзаведеніе реальныхъ училищъ въ городахъ: Старой-Руссѣ, Боровичахъ, Вышнемъ-Волочкѣ, Гжатскѣ, Сердобскѣ, Бугульмѣ, Липецкѣ, Нерчинскѣ, Валкѣ и второго въ Казани 55

13. (6-го іюня 1908 года). Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе VII и VIII классовъ Бобровской мужской гимназіи 58

14. (6-го іюня 1908 года). Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе VII и VIII классовъ Рославльской и Азовской мужскихъ гимназій и на устройство при нихъ физическихъ кабинетовъ 59

15. (6-го іюня 1908 года). Объ отпускѣ въ распоряженіе министра народнаго просвѣщенія въ 1908 году 5.000 рублей на выдачу пособій среднимъ мужскимъ учебнымъ заведеніямъ 60

16. (6-го іюня 1908 года). Объ ассигнованіи изъ средствъ государ-

Стран.

ственнаго казначейства дополнительнаго кредита на содержаніе Бирской учительской школы и начальнаго при ней училища 60

17. (6-го іюня 1908 года). Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на содержаніе и обзаведеніе реальныхъ училищъ въ городахъ Гроднѣ и Уржумѣ и второго въ городѣ Харьковѣ 61

18. (6-го іюня 1908 года). Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства дополнительнаго кредита на содержаніе въ пансіонѣ Екатеринославской мужской гимназіи четырехъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ 63

19. (6-го іюня 1908 года). Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства пособій на содержаніе и устройство въ городѣ Маріуполѣ женскаго четырехкласснаго училища съ профессіональнымъ отдѣленіемъ . . . .

20. (8-го іюня 1908 года). Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на ремонтъ въ квартирахъ служащихъ Важинской низшей ремесленной школы 65

21. (8-го іюня 1908 года). О выдачѣ Буинскому уѣздному земству изъ средствъ государственнаго казначейства безпроцентной ссуды въ 30.000 рублей на постройку зданій для низшей ремесленной школы въ городѣ Буинскѣ . . . . —

22. (8-го іюня 1908 года). Объ отпускѣ изъ казны 22.575 рублей 12 копѣекъ Императорскому Московскому техническому училищу въ возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ ураганомъ 16-го іюня 1904 года . 66

23. (8-го іюня 1908 года). Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства 10.850 рублей на ремонтъ церкви при Казанскомъ университетѣ и 4.187 рублей на постройку магнитно-метеорологическаго павильона . . . . —

24. (8-го іюня 1908 года). Объ ассигнованіи 24.236 рублей на ремонтъ квартиръ служащихъ и на устройство электрическаго освѣщенія въ зданіи Екатерининской больницы при Московскомъ университетѣ и 14.179 рублей 80 копѣекъ на возобновленіе пострадавшаго отъ пожара анатомическаго театра при клиникахъ того же университета 67

25. (8-го іюня 1908 года). Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства по 2.600 рублей въ годъ на учрежденіе при Эриванской учительской семинаріи 20 стипендій для воспитанниковъ-татаръ, о дополнительномъ ассигнованіи по 140 рублей въ годъ на вознагражденіе учителя пѣнія при названной семинаріи и о преобразованіи одноклассного начальнаго училища при сей семинаріи въ двухклассный составъ, съ дополнительнымъ ассигнованіемъ на его содержаніе по 970 рублей въ годъ 68

26. (8-го іюня 1908 года). О предоставленіи состоящей при министерствѣ народнаго просвѣщенія комиссіи по международному обмѣну изданій по части наукъ и художествъ льготъ по безплатной пересылкѣ почтовой корреспонденціи 69

27. (15-го іюня 1908 года). О предоставленіи ремесленнымъ учеб-

Стран.

нымъ заведеніямъ права выдавать воспитанникамъ сихъ учебныхъ заведеній, по окончаніи курса, свидѣтельства на званія мастеровъ и подмастерьевъ 70

28. (15-го іюня 1908 года). Объ отпускѣ комитету попечительства о русской иконописи пособія изъ казны на 1908 годъ въ суммѣ 35.328 рублей 71

29. (15-го іюня 1908 года). Объ отпускѣ средствъ на постройку и оборудованіе парусного судна съ паровымъ двигателемъ для нуждъ Мурманской біологической станціи 72

30. (15-го іюня 1908 года). Объ учрежденіи при Череповецкой, Молодечненской, Несвижской, Полоцкой, Попевѣжской, Свислочской, Юрьевской, Байрамчской, Новобугской и Преславской учительскихъ семинаріяхъ четвертой штатной должности наставника . . . . —

31. (15-го іюня 1908 года). Объ учрежденіи въ городѣ Астрахани Маріинскаго женскаго училища съ ассигнованіемъ на ежегодное содержаніе училища по 4.890 рублей изъ средствъ казны 73

32. (15-го іюня 1908 года). Объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства 14.634 рублей 60 копѣекъ на окончательное оборудованіе Таганрогскаго средняго восьмиклассного техническаго училища . 81

33. (26-го іюня 1908 года). О присвоеніи служащимъ въ женскихъ прогимназіяхъ Приамурскаго края и Забайкальской области полуторнаго содержанія . . . . —

34. (26-го іюня 1908 года). Объ утвержденіи положенія о Московскомъ городскомъ народномъ университетѣ имени Альфонса Леоновича Шанявскаго 82

35. (1-го іюля 1908 года). О женскихъ учительскихъ семинаріяхъ . 89

36. (1-го іюля 1908 года). Объ учрежденіи трехъ должностей окружныхъ инспекторовъ въ Кіевскомъ, Одесскомъ и Западно-Сибирскомъ учебныхъ округахъ и объ увеличеніи кредита на ихъ разъѣзды по дѣламъ службы въ означенныхъ округахъ на 1.500 рублей въ годъ . . —

Высочайшія повелѣнія.

1. (10-го марта 1908 года). О включеніи въ составъ училищнаго совѣта Виленской дирекціи народныхъ училищъ одного представителя отъ города Вильны 9

2. (10-го ноября 1907 года). О присвоеніи Старобѣльской женской гимназіи, въ ознаменованіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества манифеста 17-го октября 1905 года, наименованія „Николаевская". —

3. (24-го ноября 1907 года). О присвоеніи Кіевскому народному дѣтскому саду Имени Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича . . . . —

4. (22-го декабря 1907 года). О присвоеніи Глазовской женской гимназіи Имени въ Бозѣ почивающаго Императора Александра Николаевича 10

Стран.

2. (25-го января 1908 года). О присвоеніи Корочанской женской гимназіи имени почетнаго гражданина гор. Корочи Д. К. Кромскаго . 10

Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

(3-го мая 1908 года, № 27) 10
(17-го мая 1908 года, № 31) 13
(30-го мая 1908 года, № 35) 16
(4-го іюня 1908 года, № 37) 20
(7-го іюня 1908 года, № 38) 90
(15-го іюня 1908 года, № 39) 91
(21-го іюня 1908 года, № 41) 92
(29-го іюня 1908 года, № 43) 93
(5-го іюля 1908 года, № 47) . . . . —

Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія.

1. (28-го апрѣля 1908 года, № 10968). О дополнительныхъ испытаніяхъ по греческому языку для постороннихъ лицъ 25

2. (10-го мая 1908 года, № 11969). О представленіи ходатайствъ объ освобожденіи учащихся, по особо-уважительнымъ причинамъ, отъ переводныхъ испытаній на разрѣшеніе центральнаго управленія министерства народнаго просвѣщенія . . . . —

3. (12-го мая 1908 года, № 12060). О предоставленіи попечителямъ учебныхъ округовъ права разрѣшать, въ случаяхъ особо-уважительныхъ, отступленія отъ установленныхъ правилъ о комплектѣ учащихся въ средне-учебныхъ заведеніяхъ по классамъ 26

4. (17-го мая 1908 года, № 12305). Объ освобожденіи стороннихъ лицъ при испытаніяхъ зрѣлости и изъ курса VI и VII классовъ гимназіи, отъ экзамена по второму новому языку 27

5. (19-го мая 1908 года, № 12518). О разрѣшеніи ученикамъ VIII-го класса гимназій и VI-го и дополнительнаго классовъ реальныхъ училищъ подвергаться повторнымъ испытаніямъ съ цѣлью повышенія балловъ по тѣмъ предметамъ, по которымъ они экзаменовались въ младшихъ классахъ 28

Примѣрная программа курса исторіи XIX вѣка для дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. 29

Программа по исторіи русской словесности для реальныхъ училищъ. 94

Стран.

Опредѣленія основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія . . . . . . 33 и 99

Опредѣленія отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію . . . 40 и 102

Списокъ книгъ, разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ . . 47 и 103

Третій международный конгрессъ по исторіи религій . . 104

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Ѳ. И. Леонтовичъ. Правоспособность литовско-русской шляхты (*продолженіе*) 1
В. П. Клингеръ. Происхожденіе элегіи 57
В. Г. Ляскоронскій. Къ вопросу о битвѣ кн. Витовта съ татарами на р. Ворсклѣ въ 1399-мъ году 70
Н. Г. Дебольскій. О нѣкоторыхъ основныхъ понятіяхъ философіи 78
Л. П. Карсавинъ. Speculum perfectionis и его источники . . . 103
Е. А. Бобровъ. Научно-литературная дѣятельность Ивана Александровича Худякова 193
И. А. Джаваховъ. Обзоръ теорій и литературы о происхожденіи грузинскаго языка 241
В. В. Чекаевскій. Методы изученія права 259
Н. М. Бубновъ. Абакъ и Боэцій (*продолженіе*) 277
М. И. Каринскій. Разногласіе въ школѣ новаго эмпиризма по вопросу объ истинахъ самоочевидныхъ (*продолженіе*) 333

Критика и библіографія.

В. Н. Александренко. Изъ исторіи Варшавскаго университета 142
Н. Л. *Н. Котляревскій*. Старинные портреты. С.-Пб. 1907 153
Ф. Ф. Зигель. Corpus juris polonici. Crac. 1906 157
В. Ф. Левитскій. *А. Н. Анцыферовъ*. Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи. Воронежъ. 1907 163
Н. К. Грунскій. *А. Ветуховъ*. Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова. Варшава. 1907 173

Стран.

Н. К. Грунскій. *П. Орѣшковъ.* Отношенията на старобългарскитѣ паметници къмъ епентетично л. Соф. 1907 182

— Замѣтки по русскому языку 382

И. А. Тихомировъ. Проф. *В. Ключевскій.* Курсъ Русской Исторіи. Часть III. Москва. 1908 431

Н. И. Замотинъ. Отвѣтъ на критику „новаго опредѣленія романтизма“ 442

— Книжныя новости . . . . 185 и 446

ОТДѢЛЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

А. Ф. Лазурскій. Школьныя характеристики *(окончаніе)* 1

Д. Н. Поддерегинъ. Коллективное страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ учащихъ и учащихся 40

И. Оренбургскій. Принципы моральной философіи М. Гюйо . 65

Я. О. Кузнецовъ. Земскія школы Уфимской губерніи 1900—1905 годы 129

Е. П. Ковалевскій. Учебно-воспитательныя учрежденія для дѣтей до-школьнаго возраста („Дѣтскіе Сады“) 201

Отзывы о книгахъ:

А. А. Радонежскій, В. А. Семека, В. В. Федоровъ и Н. А. Майковъ. *Клавдія Лукашевичъ.* „Сѣятель“ 88

В. М. Шимкевичъ. *Викт. Немыцкій.* Краткій учебникъ зоологіи. 116

И. Ѳ. Анненскій. *М. И. Михельсонъ.* Русская мысль и рѣчь . 119

А. В. Сапожниковъ. Проф. *К. Г. Дементьевъ.* Начальный курсъ химіи 122

Б. М. Кояловичъ. *С. П. Семеновъ.* Курсъ прямолинейной тригонометріи 126

Б. М. Кояловичъ. *А. Н. Глаголевъ.* Элементарная алгебра . . . 211

О. Д. Хвольсонъ. *П. Б. Лейбергъ.* Физика 221

— *Бруэръ.* (Rev. D-r G. Brewer). Обыденныя явленія природы и жизни 230

— Прив.-доц. *Б. П. Вейнбергъ.* Физика для всѣхъ . . 238

— Книжныя новости . . . . 127 и 240

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

В. М. Шимкевичъ. Н. П. Вагнеръ и Н. П. Полежаевъ 1

А. Д. Вейсманъ. О задачѣ преподаванія исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 19

Э. Л. Радловъ. Ѳ. П. Кеппенъ *(некрологъ)* 31

Г. Г. Зоргенфрей. Общество классической филологіи и педагогики въ 1905 и 1906 годахъ 35

Стран.

Л. М. Баронъ Рейнгольдъ фонъ-Штакельбергъ *(некрологъ)* 44
В. И. Рѣзановъ. К. Ѳ. Радченко *(некрологъ)* 59

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Б. Р. Випперъ. Памятникъ гарпій 261
Paulus Tscherniaew. Terentiana 275
Г. И. Кацаровъ. Къ исторіи олигархической революціи въ Аѳинахъ 411 года до Р. Хр. 278
К. В. Хилинскій. Преданіе о началѣ Іоніи 284
В. Л. Богаевскій. Χελιδόνισμα античной Греціи въ Германіи . . 303
Б. В. Варнеке. Роль Adulescens въ древне-римской комедіи . . 311

Объявленія 1

Отзывы о книгахъ:

В. М. Кояловичъ. *А. Н. Глаголевъ.* Элементарная алгебра. Ч. I и II . . 211
О. Д. Хвольсонъ. *П. Б. Лейбергъ.* Физика. Ч. I и II 221
— *Бруэръ* (Rev. D-r Brewer). Обыденныя явленія природы и жизни 230
— Прив.-доц. *Б. П. Вейнбергъ.* Физика для всѣхъ . . 238
— Книжныя новости 240

Современная лѣтопись.

Г. Г. Зоргенфрей. Общество классической филологіи и педагогики въ 1905 и 1906 годахъ 35
Л. М. Баронъ Рейнгольдъ фонъ-Штакельбергъ *(некрологъ)* . . . 44
В. И. Рѣзановъ. К. Ѳ. Радченко *(некрологъ)* 59

Отдѣлъ классической филологіи.

Б. В. Варнеке. Роль Adulescens въ древне-римской комедіи . . 311

Редакторъ **Э. Л. Радловъ.**

(Вышла 1-го августа)

This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)

Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
1994